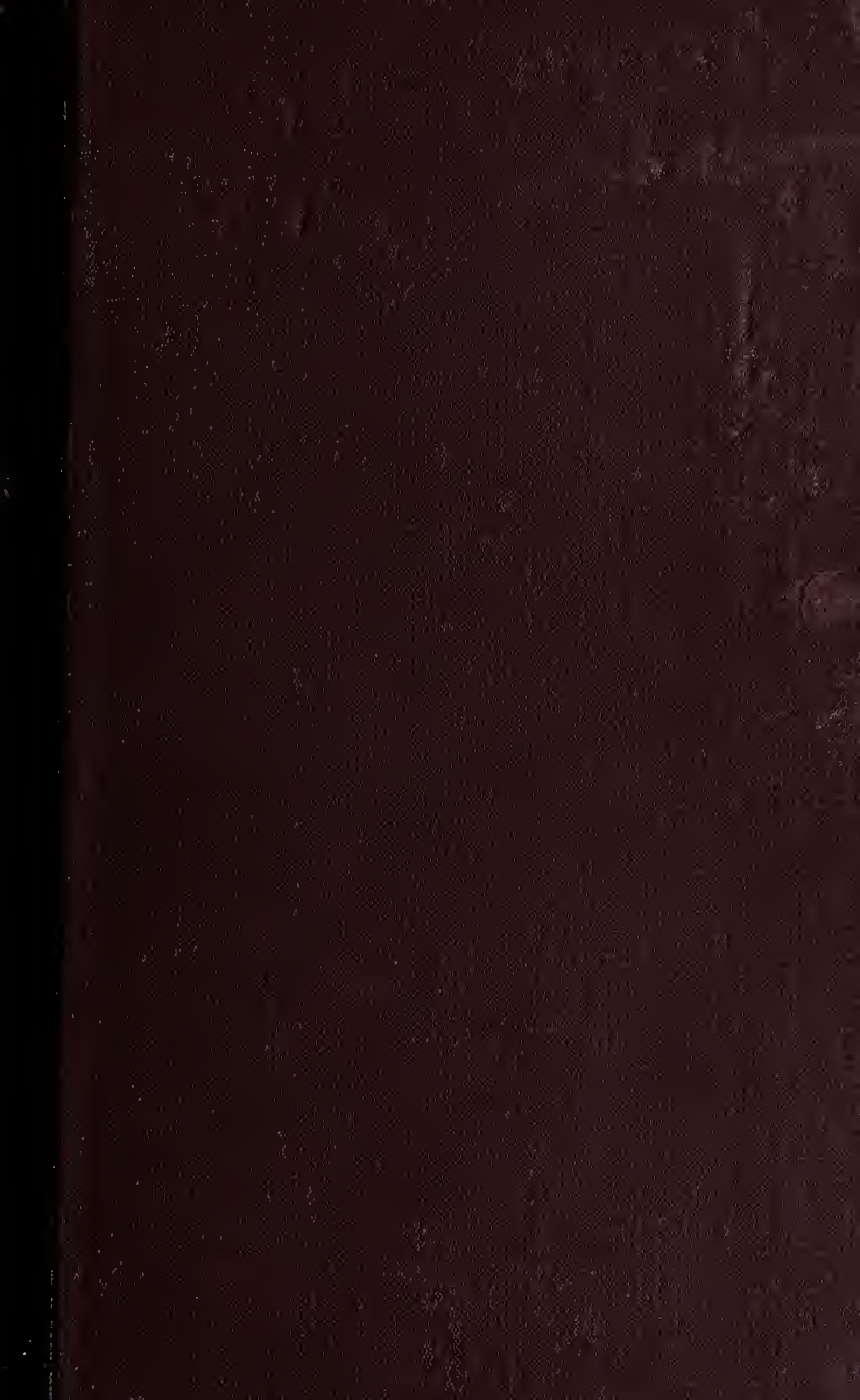

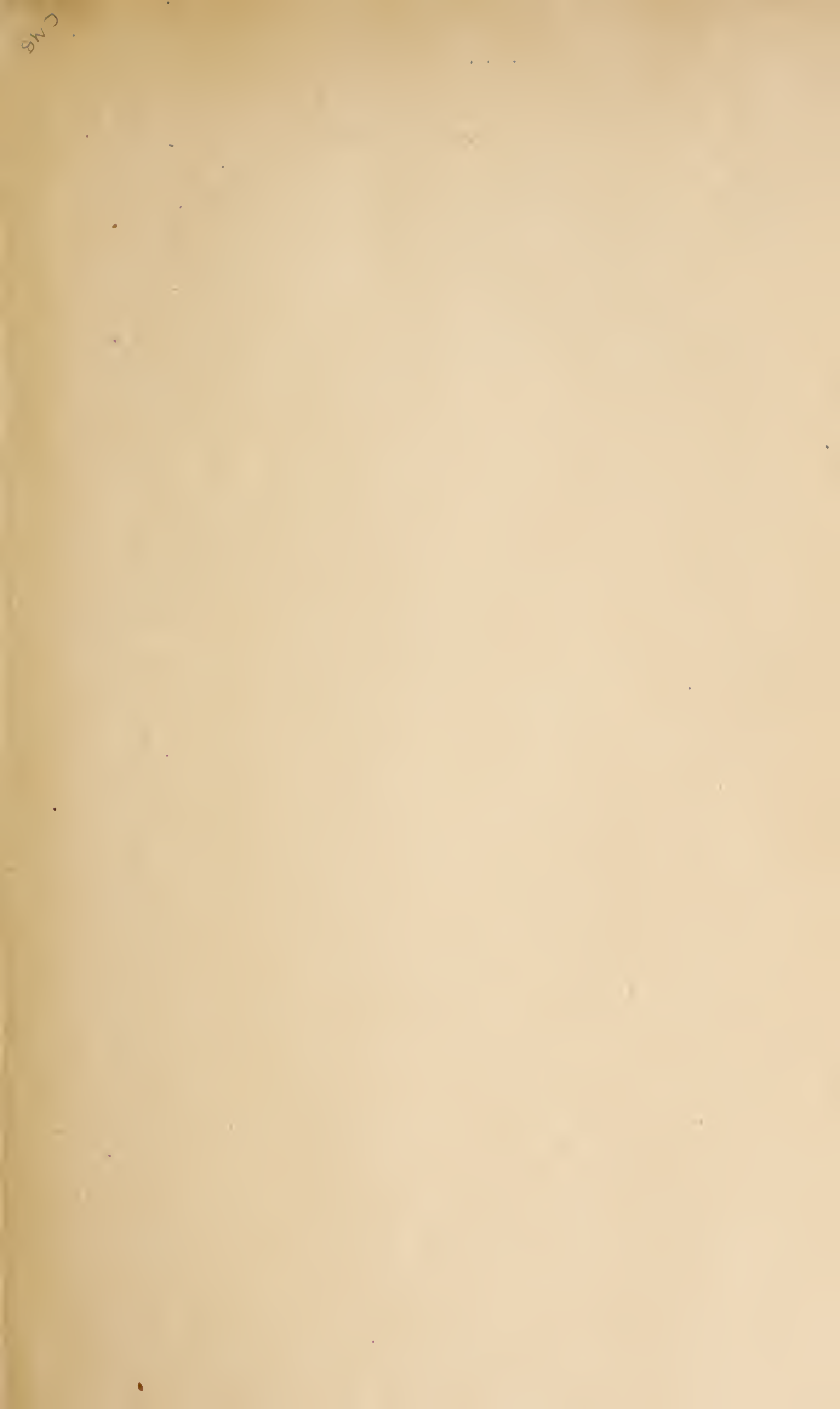

ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И

ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

МОРИЦА КАРРЬЕРА.

Переводъ Е. Корша.

ТОМЪ III.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СУДЕБНАГО ПРОЦЕССА ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ ЭТОГО ТОМА.

МОСКВА.

1874.

ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И

ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

МОРИЦА КАРРЬЕРА.

Переводъ Е. Корша.

ТОМЪ III.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ШИЛОВОЙ.

1874.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Человѣкъ самъ—природа, сердце и духъ, то-есть реально ощущающее, внутренно чувствующее и мысленно сознающее себя существо. Сначала онъ—подъ властію природы, и развивается въ непрерывной борьбѣ съ ней; въ ея благотворныхъ или подавляющихъ явленіяхъ постигаетъ и воображаетъ онъ себѣ прежде всего мысль о чемъ-то божественномъ: поэтому естественный идеалъ и является цѣлью всей древности,—цѣлью, достигнутой въ Элладѣ и въ Римѣ на основаніи предшествовавшаго быторазвитія восточныхъ племенъ. Но и тогда еще въ религіи Іудеевъ, въ философіи индійской и греческой, возвышеніе надъ простымъ чувствомъ заложило начало новой эрѣ въ исторіи человѣчества, — именно эрѣ сердечности, которой предстояло осуществить нравственный идеалъ. Для этого сходятся какъ-нарочно двѣ религіи, основанныя на поклоненіи духовному Богу, сходятся вмѣстѣ новые народы,—симитскіе Арабы, арійскіе Славяне, Кельты и Германцы; и если, съ одной стороны, Могаммедъ переросъ все свое племя и впервые сдѣлалъ его единонародною націей, то помянутыя нами вѣтви европейской народной семьи были предназначены для Христіанства по первоначальному своему складу и блюлись Промысломъ въ природномъ своемъ состояніи до тѣхъ самыхъ поръ, пока, принявъ сердцемъ христіанское ученіе, не вышли вмѣстѣ съ тѣмъ на культурную всемірно-историческую работу.

Задачею искусства становятся теперь не тѣлесная краса, не осуществленіе духа во внѣшнемъ мірѣ, а красота душевная, сердце съ его чувствами, выраженіе внутренней жизни человѣка, и мѣсто завершившейся и преобладавшей въ Греціи пластики, заступаетъ теперь живопись, а потомъ музыка; для поэзіи исходною точкой является не ясная, предметная такъ-сказать наглядность, а личное, субъективное чувство, лирическое настроеніе съ его грезами и полными чаяній порывами; любовь признается за сущность самого Бога, и въ многоразличныхъ своихъ откровеніяхъ становится душою жизни и художественнаго развитія.

Сердечный идеалъ въ Средніе Вѣка не завершился еще въ полной мѣрѣ. Архитектура съ ея расчлененіемъ нутреныхъ пространствъ и воспареніемъ ввысь къ безконечному, народный и рыцарскій эпосъ, Дантъ и Петрарка, живописецъ кёльнскаго „Соборнаго образа" и Фіэзоле—на западѣ, Фирдуси, Джелаледдинъ-Руми и Гафизъ—на Востокѣ, представляютъ намъ много истинно-прекраснаго, но именно для классической обформки внутренняго міра во всей его полнотѣ и глубинѣ ощущается необходимость въ изученіи ясныхъ формъ и объективной замкнутости древнихъ; а потому только Возрожденіе, благодаря Рафаэлю, Микель-Анджело и Тиціану, благодаря Дюреру, Рубенсу и Мурильіо, доводитъ живопись до настоящей ея высоты; только уже по одолѣніи Средневѣковья и его стѣснительныхъ обузъ могъ Сервантесъ взглянуть юмористически на противоположность того быта съ новымъ временемъ; и только уже послѣ того какъ протестантство сломило всякій чисто-внѣшній авторитетъ, послѣ того какъ человѣкъ твердо сталъ на внутреннюю свою вѣру и оперся на голосъ своей совѣсти, могла высказаться въ драмахъ Шекспира вся сила страсти и въ борьбѣ, и въ примиреніи; только тогда сердце могло вполнѣ энергически излить свою жажду спасенія, свое упованіе на Бога и свою радость въ музыкальныхъ созданіяхъ Баха и Генделя.

Со временъ Ньютона и Канта начинается новая эра, эра духа, которой вольнодумное просвѣщеніе и переворотъ во Франціи пролагаютъ первую дорогу; мы при этомъ не забываемъ конечно того, что Моцартъ и Бетховенъ первые осуществили въ музыкѣ сердечный идеалъ человѣчески-свободно, но слышимъ въ симфоніяхъ послѣдняго и безсловную борьбу духа во всѣхъ ея раскатахъ и переливахъ; въ лирикѣ Гёте женскіе образы также принад-

лежатъ, безспорно, къ чистѣйшимъ цвѣтамъ міра сердечности, но его Фа́устъ и Вильгельмъ Мейстеръ, Натанъ Лессинга и шиллерова поэзія мысли, это — плоды духа и художническаго самосознанія, гдѣ царитъ уже наука, ставшая вчелѣ вѣка: духовное искусство, поэзія, верховодитъ теперь и въ музыкѣ и въ живописи.

Вотъ что я счелъ нужнымъ предпослать этой части своего труда, чтобы заранѣе ознакомить съ ея планомъ. Третій томъ распадается по содержанію на два крупныхъ отдѣла: первый представляетъ Христіанскую древность и Исламъ, второй — европейское Средневѣковье со вступленія новоарійскихъ народовъ во всемірную исторію. Четвертый томъ изложитъ Возрожденіе и Реформацію и такимъ образомъ заключитъ эру сердечнаго чувства, а пятый изобразитъ первые зачатки эры духа. Не стану повторять еще разъ, что въ жизни, какъ и въ искусствѣ, природа, сердце и духъ всегда совмѣстны между собою, но что различіе эпохъ, какъ и самихъ искусствъ, обусловливается только преобладаніемъ той либо другой изъ этихъ трехъ потенцій.

Въ первомъ изъ предлагаемыхъ здѣсь отдѣловъ надлежало изобразить нравственный идеалъ въ Іисусѣ Христѣ и показать, какъ обокъ съ историческимъ его обликомъ сложился поэтическій обликъ въ сердцѣ вѣрующихъ и пластически-наглядный въ искусствѣ. Земное и чувственное бытіе не слыветъ уже здѣсь истиннымъ; цѣлью жизни выступаетъ спасеніе, обрѣтаемое благомысліемъ и любовью къ Богу; духъ торжествуетъ преодолѣвая плоть и излучаясь весь душевной красотою. Домъ господень становится сборнымъ мѣстомъ общины вѣрныхъ; поэтому стараются изукрасить не внѣшность, а изящно расчленить внутренность и вознести зданіе къ небу вмѣстѣ съ набожнымъ стремленіемъ сердецъ.

Передъ взоромъ безпристрастнаго изслѣдованія Могаммедъ является человѣкомъ правды и силы, боговдохновеннымъ пророкомъ, который религіею освобождаетъ свой народъ отъ суевѣрія, призываетъ его къ дѣлу и ставитъ носителемъ человѣческой культуры на цѣлые вѣка. Что̀ сами Арабы порождаютъ въ искусствѣ и наукѣ, а равно и то, что̀ исламъ такъ богато и глубокодумно развертываетъ въ эпической и лирической поэзіи у Персовъ, все это навѣки сдѣлалось наслѣдіемъ общаго образованія. Борьба запад-

но-христіанскаго міра съ могаммеданскимъ начинается и оканчивается Карломъ Великимъ, а Средневѣковье заключается взятіемъ Гранады и Константинополя; изъ совмѣстнаго же дѣйствія обоихъ этихъ элементовъ въ Крестовыхъ Походахъ взошелъ и распустился цвѣтъ романтики.....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

ВИЗАНТІЙСТВО.

ИСЛАМЪ. Стр. 103—235.

ПОЭЗІЯ ДРЕВНИХЪ АРАБОВЪ.

МОГАММЕДЪ И КОРАНЪ.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА АРАБОВЪ ПОСЛѢ МОГАММЕДА.

МОГАММЕДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА НА ВОСТОКѢ.

АРАБЫ ВЪ СИЦИЛІИ И ИСПАНІИ.

ПОЭЗІЯ ІУДЕЕВЪ, ЭПИЗОДЪ.

НОВОПЕРСИДСКАЯ ПОЭЗІЯ.

а) эпосъ Фирдуси и любовныя повѣсти.

б) лирика и поэзія мысли.

Отдѣлъ второй.

СРЕДНЕВѢКОВЬЕ ЕВРОПЫ. 243—682.

НОВЫЕ НАРОДЫ.

а) славянство.

б) финское племя.

в) кельты.

г) германцы.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ.

КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ И ВРЕМЯ КАРОЛИНГОВЪ.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ СРЕДНЕВѢКОВОГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ.

ОСНОВАНІЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ И РИМСКОЙ ІЕРАРХІИ.

Стран.

РОМАНСКІЙ СТИЛЬ ВЪ ЗОДЧЕСТВѢ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМЪ ИСКУССТВѢ *.

а) АРХИТЕКТУРА.

б) ПЛАСТИКА И ЖИВОПИСЬ.

НАУКИ И ПОЭЗІЯ ВЪ ПЕРІОДЪ РОМАНСКАГО СТИЛЯ.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ, СЪ ИХЪ ПОСЛѢДСТВІЯМИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА И ДЛЯ ЦЕРКВИ.

РЫЦАРСТВО И ЖЕНОСЛУЖЕНІЕ; ТРУБАДУРЫ И МИННЕЗЕНГЕРЫ.

СВѢТСКАЯ И РЕЛИГІОЗНАЯ ЛИРИКА ДУХОВНЫХЪ ЛИЦЪ.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

---

* Такъ должно читать и въ заголовкѣ текста. Слово «ваяніе» проскользнуло тамъ ошибкой.

а) ФРАНЦУЗСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ; ПѢСНЬ О РОЛАНДѢ И АЛЬБОГОЙСКАЯ ВОЙНА.

б) ИСПАНСКАНАЦІОНАЛЬНАЯ ПОЭЗІЯ.

в) АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ ВЪ РОМАНИЧЕСКОЙ ОБОЛОЧКѢ.

г) АРТУРОВА БЫЛИНА.

д) СКАЗАНІЕ О ГРАЛѢ (СВ. ЧАШѢ) И ВОЛЬФРАМЪ ФОНЪ ЭШЕНБАХЪ.

е) ТРИСТАНЪ И ИЗОЛЬДА.

ж) НѢМЕЦКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

з) ПОЭТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ, ЛЕГЕНДЫ И БАЛЯСЫ.

и) ЭПИЧЕСКАЯ МЫСЛИТЕЛЬНАЯ (ВДУМЧИВАЯ) ПОЭЗІЯ.

ЗАЧАТКИ ДРАМЫ.

СРЕДНЕВѢКОВАЯ МУЗЫКА.

ГОТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

ПЛАСТИКА И ЖИВОПИСЬ ВЪ 12-МЪ И 13-МЪ СТОЛѢТІЯХЪ.

СХОЛАСТИКА.

ДАНТЪ.

УПАДОКЪ ЦЕРКОВНОЙ И РЫЦАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ; ПОДЪЕМЪ ГРАЖДАНСКОЙ.

ПОЗДНЕЦВѢТЪ ГОТИЧЕСКАГО СТИЛЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ЗОДЧЕСТВѢ.

ПЛАСТИКА И ЖИВОПИСЬ.

ПѢНІЕ НѢМЕЦКИХЪ МЕЙСТЕРЗЕНГЕРОВЪ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ.

ЛИРИКА; ПЕТРАРКА.

АЛЛЕГОРІИ. ПОЭТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

РЕЛИГІОЗНАЯ ДРАМА, МАСКАРАДНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ И МАСЛЯНИЧНЫЕ ФАРСЫ.

ПРОЗА: БЫТОПИСАНІЕ И МИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

ПРОСИМЪ ИСПРАВИТЬ СЛѢДУЮЩІЕ НЕДОСМОТРЫ:

Стран. 266, въ выноскѣ, строка 12-я снизу, послѣ словъ «не Аделунгомъ ли», должно вставить: или Вихманомъ.

Стран. 577, строка 20-я снизу, вмѣсто «прекрасныя» должно быть: прелестныя.

ХРИСТІАНСКАЯ ДРЕВНОСТЬ.

IИСУСЪ И БИБЛІЯ.

Во Христѣ осуществился нравственный идеалъ человѣчества, въ немъ явились образъ и подобіе самого Бога. Онъ сталъ средоточіемъ всемірной исторіи и основалъ новую эру, эру задушевнаго чувства, сердечности; искреннее углубленіе души въ самоё себя и въ Бога сдѣлалось такимъ образомъ срединою и живой связью между естествомъ и духомъ.

Еще въ ветхозавѣтныя, библейскія времена, единство и духовность того Бога, чьи заповѣди возвѣстилъ Моисей, все сильнѣе и настойчивѣе внушались Пророками іудейскому народу, все яснѣе указывались въ неминучей карѣ злочестію и въ торжествѣ нравственнаго міропорядка; они все великолѣпнѣе признавались и славились псалмами въ красотахъ природы, въ жаждѣ душевнаго покоя и внутренняго примиренія; при этомъ высказана была задушевная исповѣдь, что смиреніе и покорность лучше жертвы, что чистота сердца угоднѣе Богу всѣхъ обрядовъ внѣшняго поклоненія. Въ тяжкую годину, наступившую за распаденіемъ царства Давидова, упованіе избавителя и спаса заслонило уже все земное духовнымъ въ свѣтломъ образѣ Мессіи, и чаяло въ немъ князя мира, который приметъ на себя всѣ скорби народныя и страданіями воспламенитъ лю-

бовь, да не останется законъ врѣзаннымъ только въ каменныя скрижали, но да напишется и въ сердцахъ человѣческихъ. Однакожь настоящій смыслъ пророчествъ раскрылся только ихъ исполненіемъ, которое явилось выше и чище нежели могла вообразить себѣ душевная жажда свѣта, пока пребывала еще во тьмѣ. Когда Іисусъ призналъ въ себѣ Бога и въ Богѣ самого себя, когда онъ нарекъ его Отцомъ своимъ и нашимъ, тогда полное жизнеобщеніе со Всевышнимъ, сыновнее къ нему отношеніе, стало удѣломъ не одного только народа, но и всего человѣчества. Только теперь исчезла та боязная щепетильность, съ какою соблюдались всѣ обряды, отдѣлявшіе Іудею отъ язычниковъ; только теперь упованіе на Мессію освободилось отъ всякой политической примѣси, и провозвѣстилось уже не порабощеніе язычниковъ, а призваніе всѣхъ ихъ къ общему спасенью. Именно во время Іисуса фарисеи со всей силою налегли-было опять на букву закона и на внѣшнюю обрядность, въ противоборство иноплеменникамъ; разность между мірянами и священствомъ хотѣли они упразднить тѣмъ, что всѣмъ одинаково навязывали тяжкое бремя жреческихъ обычаевъ и церемоній; въ самодовольной гордости своей добродѣтелью думали они заслужить этимъ передъ Небомъ земное благополучіе; такимъ образомъ могли они пожалуй возстановлять противъ римскаго господства, подстрекать народъ къ мятежу, но отнюдь не споспѣшествовали нравственному его возрожденію къ высшей, истинно человѣчной жизни. Ихъ лицемѣрному, мздоалчному благочестію, ихъ національной узкости противустали Саддукеи, но противустали только съ тѣмъ великосвѣтскимъ образованіемъ, которое сглаживаетъ всѣ народныя особенности въ вѣрѣ и нравахъ, равно лишая ихъ всякой глубины, и которое довольствуется земнымъ и временнымъ, рѣшительно отрицая безсмертіе. Эссеняне или Эссеи правда бѣжали чувственной похоти и служенія природѣ, уходя во внутреннее святилище человѣческой души, но, подобно египетскимъ жрецамъ и новопиѳагорейцамъ, въ тѣлѣ видѣли только темницу духа, удалялись отъ свѣта въ совершенно чуждый его тайный союзъ и думали міробоязнію, безбрачіемъ, воздержаніемъ отъ мясъ и вина, освободить духъ отъ узъ плоти, вмѣсто того чтобъ ставить его владыкою надъ природой и міромъ и учреждать царство божіе на землѣ.

Ренанъ и Авраамъ Гейгеръ съ особеннымъ удареніемъ указывали въ послѣднее время на то, что многія изреченія Іисуса сходны съ изреченіями книжника Гиллеля, жившаго незадолго до него; но большая разница высказать что-нибудь случайно, и возвести сказанное въ основное начало дѣятельности, осуществить это подвигомъ всей собственной жизни. Гиллель хотѣлъ чтобы и среди шума житейской суеты человѣкъ не позабывалъ о душѣ своей; однимъ изъ правилъ его было: что̀ самому тебѣ не по нраву, не дѣлай того и другимъ; это считалъ онъ основою и корнемъ іудейства, все прочее — только его объясненіемъ. Шаммаи, когда середи недѣли встрѣчалось ему что-нибудь хорошее, обыкновенно гово-

рилъ: ну, это про день субботній; Гиллель же напротивъ выражался такъ: Благословенъ Богъ во всѣ дни свои, возрадуюсь его благостью и сегодня. Еще и у Моисея было сказано: Возлюби ближняго какъ самого себя, но только вѣдь Іисусъ объяснилъ, что всякій человѣкъ намъ ближній, что на одной любви къ Богу и людямъ основаны и законъ и пророки. Эпикурейцы въ свою очередь знали, что пріятнѣе дѣлать добро, нежели принимать его, точно такъ же какъ и Христосъ считалъ за лучшее давать, нежели получать отъ другихъ; вѣдь и въ индійскомъ эпосѣ Рама сомнѣвается чтобъ благодать незримаго Бога могла достаться въ удѣлъ тому, кто не уважаетъ видимаго отца своего въ здѣшнемъ мірѣ, и въ индійскомъ эпосѣ Савитри признаетъ за всегдашнюю нашу обязанность благорасположеніе и готовность всякому помочь словомъ и дѣломъ, — обязанность, которая сплошь выполняется изъ пристрастія или боязни, но которую добрый соблюдаетъ и къ врагу; она даже говоритъ, что добродѣтель одного избранника всѣхъ насъ приведетъ на путь спасенья; но этотъ проводникъ къ истинѣ—богъ Яма, царь усопшихъ, и чувство справедливости къ людямъ ограничивается здѣсь однимъ поэтическимъ настроеніемъ, выразившимся въ милыхъ конечно словахъ, что мѣсяцъ равно освѣщаетъ и хижину Чандалы; тѣмъ не менѣе различіе кастъ ни мало оттого не поколебалось.

На частныя такого рода предвоззрѣнія постоянно указывалъ я въ первыхъ частяхъ этого труда, и напомню здѣсь еще разъ, какъ, покинувъ естественный идеалъ который народная вѣра и искусство воплощали въ миѳахъ и образахъ, греческая философія возвысилась къ нравственному началу, къ идеѣ добра, какъ причинѣ и цѣли міра; какъ она признала божественность всевластнаго разума, а завершеніе человѣка усмотрѣла въ мудрецѣ, который не только ищетъ постичь истину и справедливость познаніемъ, но и хочетъ ихъ всѣми силами своей воли. Нравственный этотъ идеалъ, къ которому со временъ Сократа стремились сердцемъ и умомъ величайшіе мыслители, нашелъ себѣ, равно какъ и іудейское упованіе на Мессію, полное осуществленіе въ Іисусѣ Христѣ. Начиная съ индійскихъ боговоплощеній (аватаръ) и съ эллинскихъ богатырей вплоть до Платона и Александра Великаго, я вездѣ указывалъ на томившую людей жажду увидѣть передъ собой вочеловѣченіе божественнаго, и даже по поводу обоготворенія римскихъ императоровъ еще замѣтилъ, что въ чувственномъ и чисто-внѣшнемъ искаженіи проявилась здѣсь та же мысль, которой осуществиться воистину суждено было въ Іисусѣ. Сознаніе единства и жизнеобщенія съ Богомъ, во всемъ себя открывающимъ, должно было затемниться и утратиться въ человѣчествѣ послѣ того, какъ, отдавшись грѣху, человѣкъ выступилъ своей волею изъ воли господней; только превозмогши грѣхъ и снова почувствовавъ себя въ Богѣ, а Бога въ самой себѣ, душа могла опять признать въ любви начало и цѣль существованія.

Мы видѣли какъ подвиги Александра и Цезаря ниспровергли всѣ національныя преграды и овозможили идею человѣчества; жители Востока и Запада сопрониклись въ міровой державѣ одной всемірною культурой. Этимъ подготовлена была почва для посѣва новаго общечеловѣческаго и чисто-человѣчнаго образованія. Сами Римляне — въ ужасахъ междоусобныхъ войнъ, а покоренные народы—въ утратѣ своей независимости, испытали всѣ возможныя бѣдствія, всю скорбь, всю скудость и ненадежность земныхъ благъ; александрійская философія старается избавить человѣка отъ мірскихъ суетъ и страданій и возвысить его до сверхчувственно-божественнаго; неутолимая жажда Спасителя, обновителя и миротворца слышится изъ устъ италійскихъ поэтовъ, какъ и изъ устъ пророковъ израильскихъ. Тогда-то въ средоточіи извѣстной древнимъ земли, гдѣ соприкасаются между собой три части свѣта, въ тиши и въ дали отъ мірского шума народился Спаситель, предназначенный духовно осуществить истину пророческаго слова, что царство суждено грядущему изъ Іудеи.

Чтобы сообщить человѣчеству внутреннюю жизнь свою, Іисусъ явился, свѣтлый и кроткій, на миловидномъ берегу Генисаретскаго озера, неся радостную вѣсть, что людямъ отверзто царство небесное. Мысли свои облекаетъ онъ въ естественные образы или привязываетъ ихъ (для бóльшей наглядности) къ явленіямъ внѣшняго міра. Онъ — добрый пастырь, отыскивающій заблудшихъ овецъ и освобождающій ихъ изъ тернія; онъ высказываетъ слова истины какъ сѣятель разбрасываетъ зерна, и они всходятъ болѣе или менѣе успѣшно смотря по сердечной воспріимчивости слушателей; изъ садовъ и отъ рыболовныхъ неводовъ призываетъ онъ своихъ учениковъ, да трудятся они въ вертоградѣ господнемъ, да будутъ ловцами человѣкамъ. Птицы небесныя, которыхъ питаетъ и хранитъ общій Отецъ, полевыя лиліи, которыя цвѣтомъ своимъ превосходятъ Соломона во всемъ царскомъ его великолѣпіи, служатъ Іисусу доказательствомъ всеуряжающаго Промысла, вездѣ властной и всепроникающей Любви. Какой человѣкъ дастъ сыну своему камень, когда тотъ попроситъ у него хлѣба, или змѣю, когда тому захочется рыбы? Тѣмъ паче Отецъ нашъ небесный любовно исполнитъ нашу дѣтскую мольбу! Просите, и дастся вамъ; ищите, и обрящете; стучитесь, и вамъ отворятъ. Ищите прежде всего царствія божія и правды его, остальное пріидетъ само собою. Счастливы не имовитые, не пресыщенные избыткомъ мірскихъ благъ: эти прилѣпляются сердцемъ къ тлѣнному, къ земному, позабывая изъ-за него вѣчно и небесное; блаженны бѣдные, горемычные, потому что они будутъ утѣшены, ихъ жажда спасенія и мира утолится. Блаженство не во внѣшней обстановкѣ, а въ чистомъ сердцѣ, созерцающемъ Господа, въ спокойствіи души и въ чувствѣ искренней любви къ ближнимъ. Все дѣло въ этомъ послѣднемъ чувствѣ: кто ненавидитъ брата, тотъ убійца; кто взглянетъ на женщину, горя вожделѣніемъ, тотъ согрѣшилъ уже съ нею въ сердцѣ своемъ. Законъ, внѣшній порядокъ долженъ быть не на-

рушенъ, а напротивъ выполненъ въ самомъ дѣлѣ, то-есть проникнутъ освященіемъ внутренняго чувства; любовь дѣлаетъ для другихъ то, чего желала бы отъ нихъ себѣ самой; она примиряетъ врага, она преодолѣваетъ зло, платя за него готовностью на все доброе. Но Іисусъ не только призываетъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, чтобы упокоить ихъ; онъ призываетъ еще и съ тѣмъ чтобы возжечь на землѣ огонь очищенія, онъ несетъ съ собой мечъ противъ міра лжи и грѣха, у него есть жесткія укоризны противъ „книжниковъ", подклоняющихъ совѣсть человѣка игу буквы, противъ фарисеевъ, которые, гордясь своимъ пустосвятствомъ, стараются блеснуть наружной строгозаконностью своихъ дѣлъ, подобятся гробамъ повапленнымъ; гораздо праведнѣе ихъ мытарь, который, возвращаясь домой, ударяетъ себя въ грудь и говоритъ: „Боже, будь милостивъ мнѣ грѣшному!"

Богъ — отецъ нашъ, мы всѣ его дѣти, мы всѣ братья между собой, безъ различія пола, званія, племени; всякъ ближній намъ, кто въ насъ нуждается. Царство божіе приходитъ путемъ познанія истины, волею любви, а не путемъ знаковъ наружнаго благочестія; не то скверннтъ человѣка, что̀ входитъ въ уста, а то что́ изъ нихъ выходитъ; всѣ внѣшніе обряды, всѣ посты, всѣ заповѣди о томъ, что́ ѣсть и пить, ничто передъ освященіемъ души и сердца. Сынъ человѣческій—Господь надъ субботою; вѣдь законъ существуетъ для человѣка, а не для закона человѣкъ. Спаситель хочетъ разрушить рукозданный храмъ іерусалимскій и учредить совсѣмъ новое богопочтеніе, потомучто Богъ — духъ, и чтущіе его должны покланяться ему духомъ и истиной. Эту евангельскую нравственность называетъ даже и Ренанъ высшимъ дѣломъ человѣческаго сознанія, прекраснѣйшимъ закономъ совершенной жизни, и за тѣмъ прибавляетъ: Въ міръ вошла тогда совсѣмъ новая мысль, — о богослуженіи, основанномъ на чистотѣ сердца и на братской любви между людей, — мысль поистинѣ столь высокая, что и теперь еще немногія только души способны отдаться, посвятить себя ей вполнѣ.

Царство небесное Іисусъ изображаетъ въ притчахъ, показывая все духовное, божественное въ зеркалѣ природы и жизни человѣческой; видимое созданіе становится у него символомъ незримаго царства божія, новой, богодухновенной жизни любви и свѣта, которая должна преобразить сердца и міръ. Она подобна закваскѣ приводящей все тѣсто въ броженіе, да проникнется духомъ все мірское и да станетъ оно христіанскимъ; она подобна мелкому горчичному зерну, которое однакожь прозябаетъ и разростается, да пріидутъ птицы небесныя и да живутъ подъ его вѣтвями: такъ точно и въ мірѣ ученіе Христа должно разростись въ религію человѣчества, такъ и въ любой отдѣльной душѣ, изъ мелкихъ, едва примѣтныхъ зачатковъ, должно послѣдовать возрожденіе всего человѣка. Но какъ ни тихо, какъ ни постепенно развивается царство божіе, все же это новый духъ въ новыхъ формахъ; молодое вино въ свѣжихъ, какъ и

быть должно, мѣхахъ. Самъ Богъ тотъ отецъ, который, увидѣвъ заблудшаго сына готоваго воротиться въ домъ родительскій, съ прощеніемъ бросается ему на шею и любовно его обнимаетъ. Богу не угодно чтобъ мы зарывали талантъ свой въ землю, чтобъ мы ставили свѣчу подъ спудъ; онъ награждаетъ за все что̀ дѣлается ему на службу, онъ постоянно зоветъ къ себѣ человѣчество и даже въ послѣдній еще часъ изливаетъ всю благодать свою на тѣхъ, кто за нимъ послѣдуетъ. Царство божіе начинается уже и здѣсь, уже и здѣсь можемъ мы найдти жемчужину, которой нѣтъ ничего цѣннѣе; оно нудится и дается только тѣмъ, кто усильно его ищетъ: должно овладѣть имъ съ вдохновенною энергіей, и кто свободно и мужественно рѣшится быть его гражданиномъ, тотъ уже и становится имъ дѣйствительно. Всемірная исторія тотъ вертоградъ господень, гдѣ всѣ мы трудимся заработать уготованный намъ пиръ, за который мы должны садиться не въ лохмотьяхъ будничной пошлости, но въ брачной одеждѣ любовныхъ помысловъ и духа свободы. Тутъ мы не рабы, а друзья, тутъ мы всѣ члены одного тѣла, гроздія одной лозы, и какъ ни одинъ изъ насъ не пожелаетъ быть внѣ Бога, какъ каждый возлюбитъ другого не меньше самого себя, то мы и познаемъ тогда общаго Отца тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ есть, познаемъ что онъ все во всемъ. Такое завершеніе царства божія принадлежитъ будущности. Земля конечно колыбель духа, но онъ переростаетъ за предѣлъ ея въ жизнь вѣчную, гдѣ все откроется въ своей сущности, гдѣ разрѣшатся всѣ противорѣчія между внутреннимъ и внѣшнимъ со всѣми ихъ скорбями и болями, гдѣ, очистясь отъ всякихъ накипей, все выйдетъ совершеннымъ въ своемъ родѣ и пребудетъ въ блаженной гармоніи. Скажемъ заодно съ Вейсе: Великое это созерцаніе — дѣло мощнаго и свѣтлаго вмѣстѣ взгляда, и какъ молнія, сверкнувшая отъ востока до крайняго запада, этотъ свѣтлый взглядъ божественнаго откровенія прошелъ огненною струей по всему сознанію человѣчества и повернулъ полюсы внутренняго магнита такъ, что стрѣлка духовнаго компаса, обращенная прежде только на земное, указала вдругъ на иное, высшее бытіе.

Само собою понятно, что божественно-ясная кротость, чистота воли и духовная высота Іисуса производили успокоительное, облагороживающее дѣйствіе на разбитыя сердца, на разстроенныя души, что искренно раскаявшійся, которому онъ возвѣщалъ прощеніе грѣховъ его, отходилъ отъ него утѣшенный, что растерзанная угрызеніями совѣсть приходила опять сама въ себя и чувствовала свое освобожденіе изъ-подъ чуждаго ей ига. Но если и тѣлесно страдавшіе получали облегченіе вблизи его, если они выздоравливали отъ прикосновенія его рукъ, то самъ онъ далъ кровоточивой женѣ настоящее тому объясненіе: Вѣра твоя спасла тебя.

Настоящимъ духовнымъ чудомъ было откровеніе божіе въ Іисусѣ, сочетаніе въ немъ всемогущаго духа божія съ такимъ человѣческимъ, ко-

торый сокрушилъ въ себѣ всякое себялюбіе и тѣмъ самымъ совершенно ожилъ во всеобщемъ и вѣчномъ. Откровеніе есть преодолѣніе единичнаго духа всеобщимъ, самозаявленіе безконечнаго въ конечномъ; Богъ присный всему источникъ всяческаго бытія, имъ и въ немъ же мы живемъ и движемся: поэтому мысли божіи могутъ возникать въ глубинѣ нашей души, и оно всегда бываетъ такъ, когда сознаніе человѣчества расширяется и возвышается чѣмъ-либо новымъ и великимъ. Въ заблужденіи, въ грѣхѣ, индивидуальный духъ расходится со всеобщимъ разумомъ и его порядкомъ; но божественная мысль и воля возстановляютъ господство свое надъ конечною душой, творятъ судъ надъ нею, одушевляютъ ее своимъ миромъ, озаряютъ ее опять своими идеями. Подобно тому какъ мы отдаемся иногда своимъ представленіямъ и тѣшимся ихъ рѣзвою игрой, а затѣмъ углубляемся въ одно изъ нихъ, входимъ въ него всѣмъ своимъ существомъ и такимъ образомъ даемъ извѣстное направленіе цѣлому развитію мысли, такъ поступаетъ и Богъ относительно сущаго въ немъ духовнаго міра. (Подробное изложеніе этого въ „Эстетикѣ", I, 386 — 404).

Являя чистою и святою своей жизнію высочайшій образецъ, Іисусъ излагалъ свое ученіе въ полномысленныхъ изреченіяхъ и притчахъ. И какъ тѣ и другія вызывали слушателей на глубокую думу, требовали себѣ усвоенія сердцемъ и умомъ, то съ своей стороны Іисусъ спокойно выжидалъ того времени, пока рѣчи его и дѣла постепенно обнаружатъ въ немъ людямъ Спасителя и Мессію. Потому и называлъ онъ себя сыномъ человѣческимъ, который пришелъ не съ тѣмъ, чтобы ему служили, а чтобы служить другимъ, и которому не чуждо ни что людское. Что такое человѣкъ, что ты о немъ памятуешь? и что такое сынъ человѣческій, что ты такъ много о немъ печешься? спрашиваетъ одинъ псаломъ, разумѣя тутъ подъ сыномъ человѣческимъ просто человѣка вообще. Слово это въ устахъ Іисуса получаетъ сверхъ-того значеніе общечеловѣческаго въ отличіе отъ національнаго, племенного, но указываетъ вмѣстѣ на возрожденнаго человѣка, на новаго Адама, и имѣетъ также связь съ однимъ мѣстомъ Даніилова пророчества, гдѣ вслѣдъ за гибелью прообразующихъ народы звѣрей, сынъ человѣческій приходитъ на облакахъ къ престолу божію и облекается отъ руки Всевышняго вѣчной властью. Іудеямъ всего ближе было именовать Мессію сыномъ Давидовымъ; но Іисусъ отклонялъ это вначалѣ отъ себя. Сыномъ божіимъ зовется вѣдь самъ Израиль и его спаситель; Іисусъ не прилагалъ себѣ этого имени, но когда первосвященникъ прямо спросилъ его на этотъ счетъ, онъ повѣдалъ ему не обинуясь, что дѣйствительно признаетъ себя за сына божія. Когда ученики передали ему что въ народѣ иной считаетъ его пророкомъ, иной возвратившимся на землю Иліей, то вопросъ на это Іисуса, за кого же они сами принимаютъ его, доказываетъ ясно, что онъ еще не заявлялъ имъ себя прямо Мессіею, и когда Петръ отвѣтилъ: Ты Христосъ, помазанникъ, сынъ Бога живого, онъ ублажаетъ его за такой отвѣтъ, открытый ему самимъ Отцомъ небеснымъ, но въ

то же время наказываетъ ученикамъ не говорить объ этомъ передъ толпою и съ тѣхъ поръ начинаетъ объяснять имъ, что Мессія призванъ не ради земного величія, а для того чтобъ заявить спасительную любовь свою страданіемъ и смертью, при чемъ онъ относитъ къ себѣ то превосходное мѣсто Исаіи (I, 252—253) о рабѣ Божіемъ, который какъ агнецъ ведется на закланіе и отдаетъ жизнь свою въ искупленіе людей, отдаетъ кровь свою въ примирительную за нихъ жертву.

Много лѣтъ дѣйствовалъ Іисусъ среди народа въ Галилеѣ открыто и просто; основанная имъ на дѣтской вѣрѣ и простодушіи, община ищущихъ спасенія должна была постепенно рости снизу вверхъ, не опираясь ни на привилегированныя сословія, ни на внѣшніе уставы. Для продолженія начатаго дѣла онъ призвалъ тѣсный кругъ учениковъ, и выдвигая вездѣ впередъ внутреннее чувство ввелъ для женщинъ равенство положенія съ мужщинами въ царствѣ божіемъ, предоставилъ слабѣйшему полу полное человѣческое достоинство и словомъ своимъ освятилъ бракъ одного мужа съ единой женою въ неразрывный союзъ сердецъ, который заключаясь въ самомъ небѣ переходитъ за предѣлы земного и временнаго въ вѣчное. И здѣсь опять Іисусъ является основателемъ совсѣмъ новой эпохи міра, имѣющей кореннымъ своимъ началомъ прямую задушевность и любовь.

Іисусъ не оставилъ по себѣ письменно ни какой вѣроучительной формулы въ видѣ неизмѣннаго устава, но внѣдрилъ свое слово и образъ свой въ человѣческую совѣсть; онъ тронулъ и двинулъ сердца обратиться къ Отцу небесному, онъ пробудилъ духъ къ освобожденію себя изъ плѣна. „Еще многое было бы у меня сказать вамъ, но это будетъ вамъ теперь не подсилу; когда же пріидетъ на васъ духъ истины, онъ наставитъ васъ во всякой истинѣ“, — это выраженіе у Іоанна излагаетъ образъ дѣйствій его во всей ясности: человѣчество должно самостоятельно развивать зародышъ новой жизни; духъ божій, который оно снова ощутитъ въ себѣ ставъ въ дѣтскія отношенія къ Отцу небесному, заявитъ себя и въ глубинѣ душъ преуспѣвающимъ познаніемъ истины и правды. Учитель покинетъ учениковъ, да сдѣлаются они вполнѣ самостоятельны, опираясь на отрадно-ясное убѣжденье: Господь—духъ, и гдѣ духъ господень, тамъ свобода!

Хотя Іисусъ и явился преображеннымъ взору любимыхъ учениковъ своихъ, стоя между Моисея и Иліи, какъ совершитель всего заповѣданнаго и намѣченнаго закономъ, всего, что такъ желалось и предсказывалось пророками; тѣмъ не менѣе самъ онъ былъ убѣжденъ, что дѣло его должно окончательно рѣшиться не на Генисаретскомъ озерѣ, а въ Іерусалимѣ, и что въ этой борьбѣ противъ предержащихъ властей онъ идетъ навстрѣчу вѣрной смерти; но какъ пшеничное зерно должно погребстись въ землю и умереть въ ней для принесенія плода, такъ и для него бы-

ло ясно, что путь страданій приведетъ его къ побѣдѣ и славѣ, что тутъ именно откроется во всей полнотѣ сокрушающее смерть могущество любви и истины. Въ томъ чувствѣ, что человѣкъ всесиленъ терпѣніемъ и самоотверженьемъ и что чистота души способна восторжествовать надъ всякою внѣшнею силой, Іисусъ свободной нравственной рѣшимостью и тутъ сочеталъ свою волю съ судьбами Промысла. Онъ отправился въ Іерусалимъ, жарко препирался съ книжниками и фарисеями, очистилъ храмъ, предназначенный быть домомъ молитвы, отъ пріютившихся въ немъ мелочныхъ торговцевъ и опрокинулъ столы мѣнялъ. Тутъ онъ уже не воспретилъ сопровождавшимъ шествіе Галилеянамъ привѣтствовать его кликомъ „Осанна сыну Давидову"; напротивъ, согласно пророчеству Захаріи, самъ онъ сѣлъ не на коня, а на жеребенка ослицы, да ознаменуетъ онъ себя княземъ мира передъ лицомъ всѣхъ. Тогда іерархамъ іудейскимъ стало ясно, что или ему должно умереть, или имъ не удержаться на своемъ мѣстѣ, и они не обинуясь рѣшились на первое, говоря что лучше погибнуть одному, нежели совратиться всему народу. При одной трапезѣ, которую вкушаетъ онъ среди учениковъ, невольно сдается ему что она послѣдняя: преломляемый имъ хлѣбъ становится здѣсь образомъ его тѣла, приносимаго за нихъ въ жертву, вино, которое онъ наливаетъ имъ, — символомъ крови, предназначенной пролиться за человѣчество; смерть его — истинная жертва примиренія людей съ Богомъ, полная отдача своей воли Отцу небесному, обреченіе всей жизни своей волѣ господней; всѣ внѣшнія жертвы должны отнынѣ прекратиться навсегда и уступить мѣсто жертвѣ внутренней, по высокому его примѣру; люди его должны слиться воедино съ нимъ, стать съ нимъ одной плоти и одной крови; въ воспоминаніи о немъ, о его прощеніи и смерти, въ хлѣбѣ и винѣ, вкушаемыхъ ими вмѣстѣ, должны они сознавать свое съ нимъ общеніе, чувствовать что они принимаютъ въ себя его жизнь и сами причащаются жизни божеской, и такимъ образомъ—праздновать въ память его уже не избавленіе Іудеевъ отъ египетскаго плѣна, а спасеніе человѣчества изъ-подъ тяжкой неволи грѣха.

И на Іисуса въ саду геѳсиманскомъ находятъ уныніе и скорбь при мысли о разлукѣ съ землей и съ своими близкими; ему страшно умереть, и умереть притомъ казнью злодѣевъ; онъ спрашиваетъ, нельзя ли чтобы минула его чаша бѣдъ? но эта душевная борьба заключается возвышеніемъ духа его къ Богу и рѣшеніемъ, да будетъ воля Отца небеснаго. Такъ становится онъ утѣшеніемъ и примѣромъ для всѣхъ страдальцевъ, такъ освящаетъ онъ страду въ вѣрное свидѣтельство божественнаго и вѣчнаго, и своей преданностью, мужествомъ и любовью обрѣтаетъ среди величайшихъ бѣдъ и униженій свѣтлое, нескончаемое торжество: крестъ его становится осью всемірной исторіи.

Ученики бѣгутъ прочь, когда стража приходитъ схватить его; одинокій стоитъ онъ передъ судомъ духовнымъ и свѣтскимъ. Священники и

книжники осуждаютъ его, хотѣвшаго раззорить храмъ и обновить вѣру, признавшаго себя передъ ними за сына божія. На вопросъ римскаго правителя, Пилата, царь ли онъ іудейскій, Іисусъ отвѣчалъ: царство мое не отъ міра сего; я рожденъ свидѣтельствовать объ истинѣ. Передъ свѣтскою насмѣшкой Ирода, какъ и передъ низкимъ глумленьемъ рядовыхъ, остается онъ безмолвнымъ. Пилатъ не находитъ ни какой вины за нимъ; но когда священники возражаютъ на это, что видно онъ недругъ Кесарю, если оставляетъ мятежника безъ наказанія, то онъ выдаетъ имъ Іисуса, убоясь отвѣтственности, послѣ тщетныхъ попытокъ склонить народъ на просьбу о его отпущеніи. Шаткая въ своихъ мысляхъ толпа требуетъ распятія. Спокойно, мужественно, богопреданно беретъ онъ на себя крестъ свой. Не о немъ, а о самихъ себѣ и о своихъ дѣтяхъ прійдется плакать Іерусалимитянкамъ; ему жаль народа, который онъ желалъ бы собрать вокругъ себя, какъ насѣдка собираетъ цыплятъ, и который однакожь не хочетъ знать своего спасенія: „Отче, отпусти имъ; не вѣдаютъ бо что творятъ!" такъ молится онъ въ виду противниковъ. На крестѣ послышался еще вопль жалобы на то, что онъ оставленъ, а затѣмъ раздался громкій всклинъ побѣды „Совершилось!" И тутъ онъ предалъ духъ свой въ руки Отца.

Такъ жилъ, страдалъ и умеръ „чистѣйшій изъ могучихъ и могуще„ственнѣйшій изъ чистыхъ, который прободенною рукой своей перевер„нулъ вверхъ дномъ всѣ царства земныя, измѣстилъ русло теченія вѣ„ковъ и доселѣ еще правитъ браздами времени", — какъ выражается Жанъ Поль объ Іисусѣ. Неодолимое впечатлѣніе креста доставило торжество его дѣлу. Кто такъ умеръ, тотъ побѣдилъ смерть, тотъ живъ. Драма боговочеловѣченія не можетъ кончиться гибелью праведнаго и смертію, она должна завершиться торжествомъ добра и жизни, и тѣмъ самымъ стать для насъ порукою что смерть только темный переходъ къ свѣту и блаженному бытію. Неоспоримо достовѣрнымъ фактомъ была вѣра учениковъ Христа въ его воскресеніе. Она источникъ поворота отъ скорбнаго унынія къ радостно-смѣлому провозвѣстію его ученій, къ продолженію великаго его подвига; съ нею связано убѣжденіе въ ничтожности земныхъ вещей и въ томъ, что временныя страданія ни чего не значатъ передъ небесною славой.

Съ чувствомъ сердечной любви члены новой общины увидѣли другъ въ другѣ дѣтей единаго Отца, родныхъ душою сестеръ и братьевъ; и женщины стали полноправны въ царствѣ божіемъ, — Марія Магдалина первая узрѣла воскресшаго. Они охотно помогали другъ другу достояніемъ. Они славили Бога и Спасителя въ псалмопѣніяхъ, праздновали день воскресенія господня, сходились на любовную трапезу въ память его; чистѣйшій, неповинно отдавшійся за человѣчество, сталъ послѣднею и вполнѣ удовлетворительною жертвой для примиренія міра съ Божествомъ, и вступленіе въ новый союзъ или завѣтъ освящалось крещеніемъ. Но первые общники держались еще и стараго завѣта съ его уставами, счи-

тали себя настоящимъ Израилемъ и распространили свои синагоги вплоть до Рима, сначала въ видѣ особой секты, вѣровавшей что Мессія уже пришелъ, но уповавшей заодно съ другими и будущаго его пришествія. Однакожъ нельзя было скрыть того, что новый духъ неизбѣжно сокрушитъ ветхія формы, и вотъ—человѣкъ съ эллинскимъ образованіемъ, Стефанъ, умеръ первымъ мученикомъ откровеннаго своего слова, что Богъ живетъ не въ рукотворныхъ храмахъ, что и Соломоновъ храмъ не настоящая обитель Господа, но что онъ хочетъ жить въ сердцахъ ему преданныхъ, какъ провозвѣстилъ Христосъ.

Въ ряду противниковъ его былъ молодой фарисейскій ревнитель, шатерникъ изъ Тарса, сперва воспитанный тамъ въ школѣ греческой, а потомъ обучившійся закону у Гамаліила въ Іерусалимѣ; новизна казалась ему пагубной, и онъ хотѣлъ или побороть ее духовнымъ оружіемъ или истребить хулителей старины мечемъ. Такъ какъ онъ дѣйствовалъ по убѣжденію и по совѣсти, то ученія противниковъ и ихъ радостное безстрашіе передъ смертью оставили жало сомнѣній въ душѣ его, и когда на пути въ Дамаскъ онъ съ возмущеннымъ сердцемъ искалъ подавить въ себѣ эти сомнѣнія, духъ его озарился внезапнымъ свѣтомъ, и онъ узрѣлъ самого Спасителя, который призвалъ его въ свое избранное орудіе, въ апостолы язычниковъ. Павелъ именно и постигъ духъ Христа съ геніальною свободой; онъ первый сознавъ ясно, что начало духовнаго Божества и любви къ человѣчеству должно возвышать надъ всѣми племенными преградами, что примиренія можно достичь полнымъ вѣры отданіемъ сердца Предвѣчному, что одно теплое внутреннее чувство ведетъ къ спасенію, которое поэтому заповѣдано и доступно всѣмъ безъ исключенья, и что стало-быть, для вшествія въ царство божіе, нѣтъ ни какой нужды въ іудейскихъ уставахъ и обрядахъ. Этотъ разрывъ христіанства съ іудействомъ, этотъ всемірноисторическій шагъ впередъ совершился не безъ долгой и усильной борьбы противъ старѣйшихъ апостоловъ, особенно противъ трехъ столповъ іерусалимской общины, Петра, Іакова и Іоанна. Согласились подконецъ на томъ, чтобы Павелъ проповѣдывалъ евангеліе язычникамъ, не подвергая ихъ обрѣзанію и не подчиняя закону Моисееву, такъ какъ здѣсь все дѣло въ чистотѣ сердца и какъ нравственный міропорядокъ объявляется въ совѣсти человѣческой. Геройски прошелъ онъ Малую Азію, Грецію, вездѣ одерживая великія побѣды надъ суевѣріемъ, грѣхомъ и плотоугодіемъ, и достигъ наконецъ Рима, гдѣ, по очень вѣроятному преданію, обрѣлъ себѣ смерть среди гоненія на христіанъ при Неронѣ. Тому обстоятельству, что іудействующее направленіе усилилось по отбытіи его въ основанныхъ имъ общинахъ Галатовъ и Коринѳянъ и хотѣло даже оспоривать у него Римъ, обязаны мы превосходными его посланіями къ этимъ общинамъ,—посланіями, въ которыхъ богатая образность Востока и діалектическая ясность Эллинства проникаются благодаря вдохновенному стремленію къ истинѣ убѣдительною силой. Въ каждомъ словѣ высказывается здѣсь весь человѣкъ цѣликомъ, съ сердцемъ и съ головою, а потому и захватываетъ, пазидаетъ онъ всего же человѣка въ цѣломъ, одновременно убѣждая умъ, потрясая и согрѣвая сердце, облагораживая волю читателя.

Павелъ сталъ творцомъ той философіи исторіи, которой средоточіемъ является крестъ Христовъ. Онъ усмотрѣлъ развратъ и всеобщую грѣхов-

ность человѣческаго рода, который тѣмъ самымъ отчуждился Бога, утратилъ сознаніе своей сыновней связи съ Отцомъ. Въ первой книгѣ Моисея изображается это такъ, что уже праотецъ, Адамъ, преступилъ заповѣдь божію и палъ; черезъ него вошло въ міръ зло и потомъ смерть, въ справедливую за то кару, пока Іисусъ не возвратилъ намъ опять богодухновенную жизнь и, вполнѣ отдавъ чистую волю свою Богу, не позналъ его въ себѣ и себя въ немъ. Законъ былъ дѣтоводителемъ ко Христу; со Христомъ же начинается царство божіе, если мы только примемъ его въ сердце, если въ насъ водворится его духъ, если мы станемъ жить его жизнію; мы оправдываемся только вѣрою, а не дѣлами по закону; только освященіемъ души обновляется человѣкъ, только этимъ возрожденіемъ пріобрѣтаемъ мы сыновнюю связь съ Богомъ, а ею освобождаемся отъ всякой внѣшности и становимся вполнѣ свободны въ любви. Все дѣло въ духѣ, а не въ чемъ-либо плотскомъ и естественномъ; подобно тому какъ Христосъ крестной смертію своей сталъ искупителемъ и вошелъ въ небесную славу, такъ и мы должны умереть для всего земного, чтобы съ нимъ совоскреснуть. Какъ са́мъ Павелъ былъ слабъ тѣломъ, но крѣпокъ духомъ, такъ и вообще онъ цѣнитъ высоко не внѣшнее, а только внутреннее. Мѣсто естественнаго идеала древняго язычества, которое совсѣмъ погрязло въ чувственномъ развратѣ, заступаетъ теперь нравственное самоодолѣніе, распинающее плоть съ ея похотьми; мѣсто равновѣсія духа и матеріи, мѣсто внѣшности, которая въ своей красотѣ и силѣ непосредственно и наглядно осуществляла внутренность, какъ было это въ греческомъ и римскомъ мірѣ, заступаетъ идеалъ примиренной и ублаженной въ себѣ души; бытіе внутреннее одно истинно; спасеніе, обрѣтаемое нравственнымъ образомъ мыслей и чувствъ — цѣль всей жизни нашей; разумное въ глазахъ міра — безумно передъ Богомъ, проявляющимъ силу свою въ слабыхъ и немощныхъ; подобно тому какъ уже Христосъ величалъ блаженными бѣдныхъ и страдальцевъ, такъ точно говоритъ и Павелъ: Явимъ въ себѣ слугъ божіихъ словомъ истины и оружіемъ правды, тогда и умирая будемъ живы, и скорбя всегда радостны, и нищенствуя обогатимъ многихъ, и ничего не имѣя возобладаемъ всѣмъ. Если Богъ за насъ, кто противъ насъ? Мы знаемъ что любящимъ Господа все во благо.

Силой вѣры всѣ вы дѣти Божіи, пишетъ Павелъ къ Галатамъ: нѣтъ здѣсь ни Іудея, ни Эллина, ни раба, ни свобода, ни мужескаго пола, ни женскаго, ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ; а какъ вы дѣти божіи, то Богъ послалъ въ сердца ваши духа сына своего, чтобъ вы говорили Господу: Авва, отче! Не поддавайтесь же опять игу рабства, но крѣпко держитесь свободы. Во Христѣ Іисусѣ ни чего не значитъ ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе; сильна одна вѣра, дѣйственная любовью. Дѣла плоти — невоздержаніе, непотребство, распри и зависть; плодъ же духа — любовь, миръ, радость, долготерпѣніе, благодушіе, милосердіе, вѣра, кротость, цѣломудріе.

Къ Коринѳянамъ пишетъ онъ о распятомъ Христѣ, что для Іудеевъ онъ соблазнъ, а для Эллиновъ безуміе; между тѣмъ спасеніе только въ немъ одномъ, въ немъ открылась божественная сила и премудрость. Всѣ запреты насчетъ пищи снимаетъ онъ однимъ словомъ: вѣдь Господня земля и со всѣмъ что ее наполняетъ. Но онъ увѣщеваетъ блюсти чистоту нравовъ вну-

шительнымъ вопросомъ: Развѣ не знаете что тѣло ваше—храмъ живущаго въ васъ духа Божія? Онъ учитъ видѣть въ человѣчествѣ одинъ цѣльный организмъ: всѣ мы члены одного тѣла; страдаетъ ли одинъ членъ, съ нимъ страдаютъ всѣ, славится ли одинъ, всѣ съ нимъ радуются; есть разные дары, но одинъ духъ, есть разныя силы, но одинъ Богъ производитъ все во всѣхъ. Богъ былъ во Христѣ и примиряетъ въ немъ міръ съ собою; Христосъ умеръ для всѣхъ, чтобы всѣ жили въ немъ и всѣ въ немъ возродились, потомучто все старое прошло и все теперь обновилось. Смерть поглощена побѣдою. Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда? восклицаетъ онъ (съ пророками) въ радости богодухновеннаго самосознанья, и убѣжденный что любовь—коренное начало христіанской нравственности, онъ славитъ ее въ великолѣпныхъ словахъ: Говори я всѣми языками человѣческими и ангельскими, да не имѣй любви, я тогда мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій. Обладай я даромъ пророчества и вѣдай всѣ тайны, имѣй всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могъ бы переставлять горы, да не имѣй любви, я тогда ничто. Раздай я все свое имѣніе и отдай тѣло свое на сожженье, да не имѣй любви, мнѣ и тутъ не было бы ни какой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, не заносится, не кичится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не злоумышляетъ, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Любовь не перестаетъ никогда. Она все переноситъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все терпитъ. Теперь остаются намъ вѣра, надежда, любовь,—только эти три, но любовь конечно всѣхъ выше.

Богъ—Господь не только Іудеевъ, но и язычниковъ; имъ, черезъ него и въ немъ существуетъ все, пишетъ Павелъ къ Римлянамъ. Праведный живъ вѣрою, а не дѣлами закона; что́ не отъ вѣры, не изъ душевнаго убѣжденія, не по совѣсти,—то и грѣхъ. Вѣрою обрѣтаемъ мы миръ съ Богомъ, потомучто любовь его изливается тогда въ сердце наше. Какъ черезъ человѣка, черезъ непокорность Адамову, грѣхъ и съ грѣхомъ смерть вошли въ міръ, такъ черезъ Христа и его послушаніе воцарилась благодать и обновленная жизнь, въ которой и должны мы ходить, подобно тому какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ. Онъ старшій, перворожденный многочисленной братіи; всѣ мы въ немъ члены одного и того же тѣла. Въ комъ нѣтъ духа Христова, тотъ не его. Буква мертвитъ, одинъ духъ оживляетъ. Разумное богослуженіе то, когда человѣкъ самъ себя жертвоприноситъ Богу въ чистой и благочестивой жизни. Ибо царство божіе не пища и питье, а праведность, и миръ и радость во святомъ Духѣ. Кто этимъ служитъ Христу, тотъ угоденъ Богу и дорогъ людямъ по достоинству. Кто любитъ другого, тотъ исполнилъ законъ. Если врагъ твой голоденъ, накорми его; если жаждетъ, напои: дѣлая это, ты соберешь ему на голову горящія уголья. Не поддавайся злу, а побѣждай зло добромъ.

Эта Павлова проповѣдь распространилась по всему римскому миру тихимъ утѣшеніемъ и обновленіемъ внутренняго человѣка. Подъ страшнымъ

господствомъ Нерона впервые полилась ручьями кровь ея исповѣдниковъ; это было спустя лѣтъ тридцать по смерти Іисуса; посѣвъ созрѣлъ уже для жатвы; увѣнчанный злодѣй, князь міра сего, явился настоящимъ антихристомъ, и чѣмъ сильнѣе становилась напасть, тѣмъ болѣе росла надежда, что пріидетъ Спаситель низвергнуть его и водворить царство божіе. По смерти Нерона, въ Греціи и Малой Азіи распространилась молва что онъ не умеръ, а бѣжалъ на Востокъ, и воротится оттуда для ужасной отместки. Гальба, Отонъ, Вителлій возставали другъ противъ друга и царствовали одинъ вслѣдъ за другимъ, а имперія все-таки не успокоилась; думали, что Неронъ, бывшій пятымъ императоромъ, снова взойдетъ на престолъ осьмымъ, и что тогда уже Христосъ окончательно его уничтожитъ. Въ то же время на глазахъ у всѣхъ совершилась кара божія надъ Іерусалимомъ: послѣ мятежа въ 66-мъ году по Р. Х. городъ былъ обложенъ римскимъ войскомъ подъ начальствомъ Веспасіана и Тита. Землетрясенія, неурожаи, моровая язва явились вѣщими знаменіями близкой гибели древняго міра. Послѣ борьбы и суда, который изречетъ нераскаяннымъ сынъ человѣческій, уповали на день отрады господней; и какъ тысяча лѣтъ передъ нимъ все равно что одинъ день, то чаяли блаженнаго царства на цѣлое тысячелѣтіе. А за тѣмъ ужь, думали, послѣдуетъ рѣшительная битва съ Сатаной и его силами, окончательный подѣлъ добрыхъ съ злыми и вѣчное блаженство чистыхъ и праведныхъ въ общеніи со Богомъ.

Среди такого-то положенія вещей возникло откровеніе св. Іоанна, книга ученика Іисусова, величественная, многовнушительная и предрекающая поэма, которая, явно примыкая къ пророческой поэзіи Евреевъ, явилась христіанскимъ художественнымъ созданіемъ на греческомъ языкѣ, съ тѣмъ чтобы истолковать вѣрныя знаменія времени, чтобы въ символахъ и притчахъ возвѣстить въ утѣху и поученіе разумѣющимъ, какъ откроется теперь во всемъ Господь съ своею силой. Семь общинъ (церквей), потомъ символъ ихъ—семь свѣтильниковъ, и далѣе 24 старца, представляютъ собой христіанъ; впослѣдствіи же олицетворены они въ образѣ святой жены, долженствующей родить младенца, и преслѣдуемой Сатаною, который предчувствуетъ въ младенцѣ своего побѣдителя. Христосъ является сперва какъ сынъ человѣческій въ длинной одеждѣ съ золотымъ поясомъ; волоса у него—бѣлый снѣгъ, глаза—какъ пламень огненный, голосъ—какъ шумъ водъ; изъ устъ его выходитъ обоюдуострый мечь; въ правой рукѣ держитъ онъ семь звѣздъ, и лицо его свѣтозарно какъ солнце. Далѣе онъ опять агнецъ, приносимый въ жертву на крестѣ и вѣчно живущій; семь роговъ знаменуютъ власть его, семь глазъ—его всевидящую премудрость. А за тѣмъ онъ левъ отъ колѣна Іудина, и златовѣнчанный царь, въ чьей рукѣ блещетъ серпъ готовый на жатву; онъ же и побѣдоносный всадникъ на бѣломъ конѣ, въ багряницѣ, окрашенной его собственной кровью, предводитель силъ небесныхъ. Самъ Богъ не изображается пластически, объ немъ говорится только: Онъ си-

дѣлъ на престолѣ, сіяя какъ драгоцѣнный камень; престолъ его окружаетъ радуга; семь свѣтильниковъ, подобные свѣтодухамъ Персовъ, горятъ предъ нимъ, и вокругъ него стоятъ четыре крылатыхъ звѣря, съ человѣчьей, бычачьей, львиною и орлиной головой,—такіе какихъ мы видѣли еще въ чертогахъ Ниневіи; оттуда перешли они въ видѣніе Эзекіиля, а въ іерусалимскомъ храмѣ обращены уже въ Херувимовъ.

Зло олицетворено въ образѣ Сатаны; онъ является подъ видомъ райскаго змѣя или подъ видомъ дракона языческихъ миѳовъ, съ семью головами, римскими владыками, и съ десятью рогами, провинціями имперіи. Сама же римская держава представляется ужаснымъ чудовищемъ, — семь головъ его означаютъ семь холмовъ, на которыхъ стоитъ Римъ, развратная блудница, упоенная кровью святыхъ. Неронъ-антихристъ—одна изъ головъ этого чудища и вмѣстѣ само оно, а знаменующее его число 666 объясняется только тѣмъ, что числовое значеніе еврейскихъ буквъ, входящихъ въ имя Нерона, составляетъ эту именно сумму.

Провидецъ призванъ Мессіею, да возвѣститъ и изобразитъ онъ судъ, ожидающій общину. Христосъ—и это важное свидѣтельство со стороны непосредственнаго ученика — названъ перворожденнымъ изъ мертвыхъ, возведшимъ насъ въ цари и священники передъ лицомъ Бога Отца; онъ названъ Словомъ (логосъ), голосомъ, которымъ открываетъ себя Богъ, и самъ о себѣ говоритъ: „Я первый и послѣдній, и всегда живой; и былъ „мертвъ, а вотъ опять живъ во вѣки вѣковъ, аминь. Будь вѣренъ до „смерти, и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни.“ Отверзается небо, вкругъ престола божія раздается вселенская аллилуія, и аминь со стороны избранныхъ. Старцы снимаютъ съ себя вѣнцы свои, и ангелъ выноситъ книгу суда. Кто вскроетъ семь ея печатей? Левъ отъ колѣна Іудина, агнецъ искупившій насъ Богу своею кровью при закланіи. По снятіи каждой печати является новая казнь; послѣ четырехъ первыхъ выѣзжаютъ апокалиптическіе всадники: война, убійственный раздоръ, голодъ и смерть. Число пять всегда сопровождается намекомъ на пятаго императора, Нерона; поэтому при взломѣ пятой печати вопіетъ объ отмщеніи кровь избитыхъ имъ христіанъ. Слѣдовательно, четыре всадника должны относиться къ правленію четырехъ первыхъ императоровъ отъ Рождества Христова. При шестой печати трясется земля, померкаетъ солнце, звѣзды срываются съ неба какъ плоды съ колеблемой вѣтромъ смоковницы, и цари земные, и вельможи, и богачи всѣ вопіютъ: падите на насъ, скалы, и сокройте насъ, горы, отъ лица сидящаго на престолѣ судіи! Благочестивцы же, избранные отъ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ, и потомъ очистившіеся изъ язычниковъ отмѣчаются священнымъ знакомъ. Слѣдуетъ передышка, полная священнаго ужаса, а за тѣмъ, по вскрытіи седьмой печати, раздается звукъ трубъ, возобновляются всѣ египетскія язвы, и страшное войско Нерона (какъ саранча) наводняетъ Востокъ при общихъ стенаніяхъ.

Досюда изображается близящійся судъ, въ томъ видѣ, въ какомъ исполненіе его началось со пришествія въ міръ Іисуса; теперь дошли мы до настоящаго: на землю нисходитъ ангелъ, чтобы возвѣстить самый уже судъ седмигромовымъ голосомъ, а провидецъ стоитъ среди всего дѣющагося передъ его глазами. Какъ Эзекіиль съѣдаетъ онъ книжку, поданную ему ангеломъ, и высказываетъ теперь то, что внутренно переживаетъ и что̀ видитъ вокругъ себя. Звѣрь бездны явился уже передъ Іерусалимомъ, и провидецъ измѣряетъ храмъ, да не осквернятъ и не попрутъ его язычники; онъ надѣется что хоть теперь, въ послѣдній часъ, девять десятыхъ Іудеевъ обратятся покаявшись, и изгибнетъ только одна десятая Іерусалима. Тутъ раздался послѣдній звукъ трубы, и все совершилось уже въ прозоркихъ глазахъ Неба; старцы славятъ Бога и превозносятъ побѣду Іисуса Христа. Но на землѣ преслѣдуется еще его община, солнцеодѣтая жена, съ луною подъ ногами и съ вѣнцомъ изъ звѣздъ на головѣ; она въ родовыхъ мукахъ, и Сатана въ видѣ дракона стоитъ надъ ней, готовый пожрать младенца, котораго она должна родить; но сынъ ея восхищенъ къ престолу божію, а ей даются орлиныя крылья, она находитъ убѣжище въ пустынѣ, и Михаилъ съ своими ангелами бьется за нее противъ дракона и его бѣсо́въ. Драконъ низвергнутъ на землю, онъ пускаетъ изъ пасти цѣлую рѣку, чтобы потопить жену, но земля поглощаетъ водные потоки. Сатана отдаетъ теперь свою силу звѣрю, вышедшему изъ бездны морской, который подобенъ барсу; лапы у него какъ у медвѣдя, пасть львиная; онъ семиголовый съ десятью вѣнцами на всѣхъ десяти рогахъ: это опять римская имперія. Вся земля поклоняется звѣрю, а онъ, изрыгая богохульныя слова, идетъ ратовать со святыми. Но чудовищу противустоитъ агнецъ на горѣ Сіонѣ и съ нимъ послушные ему непорочные. Ангелъ приноситъ вѣчное евангеліе, радостную вѣсть спасенія, и увѣщеваетъ міръ къ богобоязни и любви. А кто поклонится звѣрю и его образу, тотъ изопьетъ вино гнѣва божія, уже уготованное Господомъ въ чашѣ его. Тутъ является на свѣтломъ облакѣ сынъ человѣческій, въ золотомъ вѣнцѣ и съ острымъ серпомъ въ рукѣ. Ангелы обрѣзываютъ виноградные грозды и бросаютъ ихъ въ чашу гнѣва Божія, и кровь течетъ изъ чаши доходя вплоть до конскихъ уздъ. Семь ангеловъ держатъ въ рукахъ чаши гнѣва, а спасенные поютъ хвалебную пѣснь Моисея изведшаго своихъ изъ страны египетской. Одинъ ангелъ вылилъ чашу свою на землю, и язва поразила идолопоклонниковъ; другой ангелъ опрокинулъ свою въ море, и оно превратилось въ кровь; третій вылилъ чашу въ рѣки и источники, и тѣ исполнились всѣ кровью, которую должны пить проливавшіе ее; четвертый выплеснулъ свою на солнце, и оно стало губительнымъ огнемъ; пятый вылилъ чашу на престолъ звѣря, и все надъ нимъ потемнѣло, онъ корчился отъ боли, но хулилъ еще Бога небеснаго; шестой вылилъ чашу свою въ Эвфратъ, и рѣка иссякла, чтобы уготовить путь конникамъ изъ дальнихъ странъ; злые духи выходятъ изъ пасти звѣря и изъ устъ лжепророка его, съ тѣмъ чтобы смущать народъ соблазномъ. Тогда седмой ангелъ вылилъ чашу свою на воздухъ: пошелъ страшный градъ, земля всколебалась и треснула подъ Римомъ („Вавило-

номъ“), и пророкъ видитъ передъ собой пышно разряженную блудницу вавилонскую, упивавшуюся кровью святыхъ и исповѣдниковъ Іисуса. Одинъ изъ ангеловъ указываетъ въ ней намеками столицу міра Римъ: семь головъ звѣря, на которомъ сидитъ блудница, — семь горъ и семь царей. Одна голова, которая была и нѣтъ ея, но она еще пріидетъ,— это Неронъ, антихристъ, противникъ того, кто былъ, есть и будетъ ввѣкъ; она нападетъ со всѣми десятью рогами, намѣстниками провинцій, на блудницу, обнажитъ ее, растерзаетъ и сожжетъ. Такъ низвергнута и истреблена та, которая мечтала вѣчно властвовать, и чашу мукъ, ее же подносила она народамъ, пришлось вдвойнѣ испить ей самой; въ одинъ часъ совершился судъ надъ нею, конецъ ея богатству и великолѣпію; одинъ сильный ангелъ взялъ камень, подобный жернову, и бросилъ его въ море: такъ же стремительно поверженъ будетъ великій городъ, и не останется слѣда его; и не мелькнетъ въ немъ ни одного свѣточа, не услышится въ немъ болѣе голосовъ жениха и невѣсты.

Послѣ того силы небесныя восхваляютъ праведные суды господни. Наступилъ бракъ Агнца, и приготовилась жена его, и блаженны званые на брачную вечерю. Вѣнчанный діадемами, на бѣломъ конѣ, выѣзжаетъ царь царей, Христосъ, на битву съ противникомъ. Птицы небесныя спущены были пожрать трупы побитыхъ его воевъ, а самъ онъ, Неронъ, вмѣстѣ съ лжепророкомъ своимъ, соблазнявшимъ народъ чудесами, живые брошены въ адскую бездну. Ангелъ взялъ дракона, змѣя древности, діавола и сатану, и сковалъ его на тысячу лѣтъ въ безднѣ, а избитые за Іисуса и непоклонившіеся звѣрю ожили и блаженствуютъ теперь съ Искупителемъ. По прошествіи же тысячи лѣтъ Сатана, освобожденный изъ темницы, выйдетъ соблазнять святыхъ и собирать дальнихъ язычниковъ на брань противъ общины вѣрныхъ; но небесный огонь пожретъ нападающихъ, и вмѣстѣ съ діаволомъ ввергнутся они на вѣчную муку въ озеро огненное и сѣрное. Земля, море и адъ отдадутъ тогда своихъ мертвыхъ, и всѣ они подвергнутся суду: грѣшники будутъ обречены на гибель, а праведные вступятъ въ новое царство Духа. Явятся новое небо и новая земля, и подобно убранной невѣстѣ свыше низойдетъ городъ божій, новый Іерусалимъ, гдѣ одинъ Богъ будетъ владыкой. Онъ отретъ всякую слезу; ни болѣзни, ни смерти уже не будетъ. Богъ говоритъ провидцу: Я начало и конецъ; дамъ жаждущему отъ источника воды живой; побѣдившій въ борьбѣ все и наслѣдуетъ; я буду ему Богъ, а онъ мнѣ сынъ. Городъ божій весь изъ золота и дорогихъ камней, ворота его— жемчужины, но въ немъ нѣтъ храма, Богъ и Христосъ—его святилище; они же и освѣщаютъ его вмѣсто солнца. Цари принесутъ въ него свои сокровища, и рѣки живой воды истекутъ отъ престола божія и агнцева. Тамъ возростетъ древо жизни и исполнится слово Спасителя: Блаженны чистые сердцемъ, они узрятъ Бога.—Пророкъ заключаетъ увѣщаніемъ, такъ какъ вѣдь скоро уже пріидетъ Христосъ.

„Изо всѣхъ личностей въ исторіи, справедливо замѣчаетъ Шереръ, Іисусъ быть-можетъ та, которой черты намъ наиболѣе знакомы, которой „характеръ предстаетъ намъ самымъ опредѣленнымъ образомъ; и это происходитъ отъ несравнимаго ни съ чѣмъ духа рѣчей его, которыми Учитель даетъ намъ ясно читать и въ глубинѣ нашей души, и въ глубинѣ „его собственной. Мало есть словъ, вложенныхъ въ уста Іисусу, которыя уже по одной своей красотѣ и оригинальности не носили бы на себѣ явную печать того, что они подлинны. Изъ его увѣщаній, поученій „и притчъ мы узнаемъ его совершенно, получаемъ о нравственной его „физіономіи такое ясное представленіе, что обликъ его неизгладимо врѣзался въ памяти людей.“

Вейсе впервые навелъ вниманіе на эстетическую сторону рѣчей Іисуса, на стилевой пошибъ его словъ. Онъ очень мѣтко говоритъ, что выраженіемъ „стиль, слогъ“ мы означаемъ неизбѣжную оболочку всякаго геніальнаго нутра, ту физіономію генія, которая отпечатывается на его созданьяхъ, ту живую связь, которая смыкаетъ его личность съ его дѣйствіями. „Во всемъ теченіи своемъ исторія міра не представляетъ „намъ другого образца, не говорю такой, но даже хоть сколько-нибудь „подходящей стилистической отчеканки изустныхъ и притомъ всегда мгновенно импровизированныхъ кратчайшихъ рѣчей,—по крайней мѣрѣ настолько прочной отчеканки, которая имѣла бы силу сохранить свою особенность „даже въ письменномъ преданіи, прошедшемъ сквозь цѣлый рядъ свидѣтельствъ, и сохранить въ такой полнотѣ, что даже и на позднѣйшихъ читателей она производитъ ни мало на ослабленное еще впечатлѣніе первобытной „своеобразности. Классическая древность дала намъ превосходные образчики живого изложенія чужихъ мыслей въ рѣчахъ, которыя ея историки и философы влагаютъ въ уста изображаемыхъ ими личностей. Но „кто же однако рѣшится распознать стилистическую физіономію какого-нибудь Перикла или Алкивіада, какого-нибудь Никія или Врасида изъ „рѣчей ихъ у Өукидида, въ той же мѣрѣ, въ какой онъ распознаетъ физіономію божественнаго учителя изъ Іисусовыхъ рѣчей, переданныхъ „синоптиками? Ни кто не отважился бы на нѣчто подобное даже относительно застольныхъ бесѣдъ Лютера или записанныхъ Эккерманомъ „разговоровъ Гёте, не имѣй онъ себѣ при этомъ въ существенную помощь собственныхъ сочиненій обоихъ великихъ людей, хотя конечно случаи эти болѣе близки къ приведенному нами прежде единственному примѣру, благодаря могучей своеобразности, такъ ярко выступающей у того „и у другого даже и въ устной бесѣдѣ. Величіе и силу рѣчи евангельскаго Христа составляетъ то, что даже и непонятая она производитъ на „слушателей неодолимое впечатлѣнье, что своими изощренными иглами, „своими поражающими образами она такъ и впивается въ память, обезпечивая себѣ этимъ съ полной самоувѣренностью надежный кругъ дѣйствія на цѣлые вѣка, на цѣлыя тысячелѣтія, такъ что настоящее и полное уразумѣніе ея собственно никогда не опоздаетъ, пріиди оно хоть „по прошествіи вѣковъ и тысячелѣтій.“

Съ одной стороны, Христосъ охотно говорилъ въ притчахъ, бралъ естественныя явленія и событія людской жизни для того, чтобы онаглядить ими нравственную истину или царство божіе и даруемое имъ спасенье, такъ что пріятный его разсказъ радуетъ слушателя и вмѣстѣ вызываетъ его на думу отыскать мысль разсказа самому; съ другой стороны онъ любилъ и въ одиночномъ изреченіи выразить духовную всеобщность чѣмъ-нибудь совершенно частнымъ, особеннымъ, любилъ индивидуализовать ее, потому что хотѣлъ чтобы въ душѣ слушателя осталось жало, которое побуждало бы его къ дальнѣйшему исканію и къ переживу истины внутри себя. Кто ударитъ тебя по правой щекѣ, подставь тому и лѣвую; скорѣе верблюдъ пройдетъ въ игольное ушко, чѣмъ богатый въ царство небесное; ты хочешь вынуть у брата лучинку изъ глазу, а въ своемъ и бревна не видишь; не мечите бисера передъ свиньями; кто хочетъ сберечь жизнь свою, тотъ ее утратитъ, а кто лишится ея изъ-за меня, тотъ сбережетъ ее, — эти и многія другія слова station сращиваютъ въ одну нить образъ и содержаніе; смѣлость оборота отвѣчаетъ здѣсь новости помысла и создаетъ ему такую форму, которая органически сросшись съ содержаніемъ, сохраняетъ всю силу послѣдняго въ своеобразности выраженья, что̀ обыкновенно удается только мѣрному складу рѣчи или при посредствѣ риомъ. Народная поговорка, пророческая рѣчь, слово дельфійскаго оракула, всѣ въ томъ же отчасти родѣ; Гераклитъ еще сказалъ: Аполлонъ не скрываетъ, да и не кажетъ ничего явно; истина сквозитъ у него въ символѣ. По выраженію одного древняго критика, скорѣе можно вырвать у Иракла его палицу, нежели отнять одинъ стихъ у Гомера: такъ точно каждое слово Іисуса проникнуто цѣлою его душой, и всѣ они настроены ею въ одну созвучную гармонію; какъ въ созданіи у истаго художника, отпечатывается у него въ стилѣ рѣчей идеальная его личность. Руссо справедливо находилъ, что нельзя изобрѣсти такого лица, какъ Христосъ съ его рѣчами и дивной умѣлостью. Это—полное осуществленіе нравственнаго идеала.

Первоначальное изложеніе христіанской религіи выходитъ такимъ образомъ вмѣстѣ и классическимъ. Возвратомъ къ библейскому источнику христіанство очищается отъ тѣхъ наплывовъ, которыми позднѣйшее мудрованіе людей заволокало иногда простую печать истины. Источникъ этотъ даетъ младенцу молоко, а зрѣлому мужу—вино, каждому свойственную возросту усладу. Библія вмѣстѣ и всемірная и народная книга. Относительно словъ Іисуса, его жизни и того образа, который индѣ въ поэтическомъ, индѣ въ философскомъ духѣ начертанъ по впечатлѣнію его личности, всегда сохранитъ силу свою то, что̀ сказано въ посланіи къ Евреямъ: Слово Божіе живо и дѣйственно и острѣе всякаго обоюдуостраго меча, оно проникаетъ до подѣла души отъ духа, мозга отъ костей, и судитъ чувствованія и помышленія сердечныя. А въ посланіи Петра апостола говорится: У насъ есть вѣрнѣйшее пророческое слово и благовѣстіе; и вы хорошо дѣлаете, обращаясь къ нему какъ къ свѣтильнику, озаряющему темное мѣсто, пока не забрежжетъ день и не взойдетъ утренняя звѣзда въ сердцѣ вашемъ. Къ этимъ древнимъ изреченіямъ примыкаетъ съ своимъ собственнымъ и Гёте: «Сколько ни преуспѣвай умственная культура, говоритъ онъ, сколько ни рости въ ширь и «въ глубь естественныя науки и сколько ни раздвигайся духъ человѣческій,

«ему никогда не подняться надъ уровнемъ высоты и нравственной культу-
«ры христіанства, въ томъ блескѣ, какимъ сіяетъ оно въ евангеліи».

БОРЬБА И ПОБѢДА ХРИСТІАНСТВА ВЪ ДРЕВНЕМЪ МІРѢ.

Гноза и Отцы Церкви.

Слишкомъ отдаваясь природѣ, древній міръ созерцалъ божественное только въ естественныхъ явленіяхъ, духовныя силы — только въ чувственныхъ обликахъ природы; въ противоположность множеству народныхъ боговъ, христіанство проповѣдывало единаго духовнаго Бога; отрицая истину господствовавшаго язычества, само оно являлось приверженцамъ послѣдняго безбожіемъ: поклонникамъ кумировъ невидимый Богъ казался вовсе не существующимъ. Древній міръ дѣлился на привилегированные народы и сословія, на господъ и рабовъ, на мужщинъ и женщинъ, на богачей и бѣдняковъ: природа самымъ рожденіемъ человѣка уже и опредѣляла житейское его положеніе, которое своею внѣшней обстановкой давало ему на долю презрѣніе или почетъ; христіанство же проповѣдывало равенство всѣхъ людей передъ Богомъ, одинаковое ихъ ему усыновленіе и вслѣдствіе того братство между всѣми, безъ различія пола, состоянія, племени; оно вступилось за угнетенныхъ и старалось облегчить бѣдствіе массъ самоотверженной любовью; всю цѣну человѣка перенесло оно на внутреннія достоинства, видя ее только въ освященіи сердца и возрожденьи воли, и это въ то самое время когда языческое служеніе природѣ дошло среди плотскаго сластолюбія до противоестественныхъ пороковъ. Для древности всего выше было государство, человѣкъ весь исчезалъ въ гражданинѣ, цѣлію его бытія и дѣятельности были могущество и независимость отечества; христіане удалились съ общественнаго поприща внѣшней жизни въ святилище души, они жили въ небѣ; государственный порядокъ представлялся имъ въ тѣсной связи съ идолослуженіями, противъ которыхъ они боролись, и потому они были наклонны принимать весь политическій строй за дѣло злыхъ духовъ, дѣло бѣсовское; князь міра сего былъ супостатъ, котораго Христосъ неминуемо низвергнетъ, чтобы водворить для своихъ вѣрныхъ царство мира и радости. Такимъ образомъ въ противоположность міру древнему христіанство было дѣйствительно революціоннымъ началомъ; вѣдь и самъ учитель говорилъ, что онъ несетъ съ собой мечъ и зажигаетъ на землѣ великое пламя; поэтому не диво, что существовавшія тогда положительныя власти противопоставляли новшеству то глумленіе и презрѣнье, то насиліе и ненависть, тѣмъ болѣе что на первыхъ порахъ оно преимущественно распространялось между рабами, бѣдняками и женщинами.

Мало того, что на христіанъ свирѣпствовалъ какой нибудь Неронъ; самъ Тацитъ считалъ ихъ за враговъ людского рода, который они хотѣли спасти любовію. Народная молва обвиняла ихъ въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, въ ѳіэстовскихъ трапезахъ, въ эдиповскомъ кровосмѣшеньи; что Христосъ былъ для нихъ единственною и праведною жертвой, что въ причастіи они вкушали символъ его тѣла и крови, что всѣ люди, стало-быть и родители, и дѣти, и супруги, считались братьями и сестрами въ отношеніи къ Богу Отцу,—вотъ что подавало поводъ ко всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ. Но случись теперь землетрясенье, неурожай, наводненіе, какъ легко было наустить слѣпую толпу, что въ этихъ знаменіяхъ проявляется гнѣвъ древнихъ боговъ противъ христіанъ-презорцевъ и противъ ужасовъ, совершаемыхъ ими въ тайныхъ сборищахъ; народная страсть прорывалась кровавымъ гоненіемъ и требовала христіанъ на травлю львамъ, на побоище съ дикими звѣрями. Когда Траянъ, Адріанъ, Антонинъ Благочестивый настаивали чтобы вмѣсто такой безурядной расправы примѣнять къ нимъ формы законнаго суда, то тутъ-то именно смертная казнь и постигала людей, не хотѣвшихъ преклониться передъ государственными богами или не исполнявшихъ политическаго распоряженія жечь ладанъ передъ ликомъ императора и приносить жертвы его генію,такъ-какъ нарушеніе этихъ правилъ равнялось государственному преступленью.

Число мучениковъ было иногда преувеличиваемо: такъ напримѣръ изъ 11 дѣвъ святой Урсулы сдѣлали 11,000, принявъ букву M, означающую просто мученицъ, за численный знакъ тысячи. Тѣмъ не менѣе пролитая кровь была сѣменемъ новой религіи. Въ готовности жертвовать собой и въ непоколебимомъ мужествѣ христіанъ, среди общей изнѣженности и сластолюбія вѣка, какъ будто бы ожила свободная и непреклонная стойкость древней республики; и тѣ, кто такъ геройски превозмогалъ страданія и смерть, эти божіи борцы противъ темныхъ силъ мрака, конечно ужь не легко поддавались грѣховнымъ похотямъ. Этимъ именно и пріобрѣтали они день ото дня болѣе приверженцевъ среди образованныхъ и пользовавшихся мірскимъ почетомъ. Такъ къ концу перваго столѣтія мы видимъ, что консулъ Флавій Клеменсъ, изъ Титова императорскаго рода, покидаетъ пышные пиры Домиціана и садится вмѣстѣ съ женою въ бѣдной комнатѣ за одинъ простой деревянный столъ съ рабами и отпущенниками; сложивъ съ себя все земное величіе, онъ братается съ ними передъ крестомъ Спасителя. И обруку съ готовымъ на смерть, вѣрнымъ убѣжденію мужествомъ ясная чистота жизни, обруку со свѣтомъ истины, восходящимъ для жаждущихъ познанія, благотворительность, заботливая о бѣдныхъ, сирыхъ и вдовахъ,—вотъ что привлекаетъ сердца къ новой религіи и распространяетъ увѣренность, что въ ней одной можно найдти спасеніе и удовлетворить всѣ потребности коренящіяся въ нравственной природѣ человѣка. Среди гоненій на христіанъ при Антонинѣ Благочестивомъ Іустинъ написалъ уже въ защиту новой вѣры сочиненіе, излагавшее философскую истину идеи ея о Богѣ, чистоту ея нравоученія, простое величіе ея культа въ обрядахъ крещенія, причащенія и въ праздновании

воскресенья. Кипріанъ ставилъ между прочимъ вопросъ, какой храмъ подобаетъ истинному Богу, когда храмъ его вселенная? Только въ духѣ человѣческомъ можетъ мѣститься и святиться образъ его. Въ посланіи къ Діогнету о христіанахъ сказано: что̀ въ тѣлѣ душа, то самое они въ мірѣ божіемъ: распространенные вездѣ, они въ мірѣ, но не отъ міра, они въ смертномъ безсмертное. Правда, какой-нибудь Цельсъ пишетъ еще съ горделивымъ остроуміемъ: Уже одна масса исповѣдниковъ должна отпугивать благоразумныхъ отъ этого ученія, такъ-какъ всякому извѣстно, что истина въ своей глубинѣ доступна только подлинно-ученымъ, всегда стало-быть немногимъ, и что кто пристаетъ къ толпѣ, тотъ самъ дается въ руки обманщикамъ. Но Оригенъ прекрасно отвѣчаетъ на это: что для высшей цѣли религіи, для обузданія страстей, важны не діалектическія тонкости, а излѣченіе отъ порока, и что именно то, что̀ прежде, какъ часть систематической философіи какого-нибудь Платона или Аристотеля, доступно было однимъ знатнымъ и образованнымъ, то возвѣщается теперь всѣмъ и проникаетъ даже въ избу простолюдина. Вы поступаете, продолжаетъ Цельсъ, какъ тотъ, кто хочетъ набрать шайку разбойниковъ, вы скликаете грѣшниковъ, окружаете себя ватагой презрѣнной сволочи и тѣмъ обличаете свои гнусныя наклонности и планы. Оригенъ возражаетъ со Христомъ: Врачъ нуженъ не здоровымъ, а больнымъ; нѣтъ ни какого преступленія извѣщать зачумленный городъ о прибытіи врача и приводитъ страждущихъ къ цѣлителю; тутъ предпочитаются не больные здоровымъ и не злодѣи праведнымъ, а кающійся грѣшникъ ставится выше надменнаго ханжи; потому что всѣ вѣдь грѣшники, ни кто не безъ порока, и Христосъ призываетъ къ себѣ всѣхъ удрученныхъ, чтобы упокоить ихъ. У васъ нѣтъ ни храмовъ, ни алтарей, ни кумировъ, укоряетъ язычникъ христіанъ, а Оригенъ говоритъ на это: Ты не видишь, что у насъ души праведныхъ тѣ алтари, отъ которыхъ истиннымъ и духовнымъ образомъ восходятъ угодныя Богу жертвы, восходятъ молитвы изъ чистой совѣсти; статуи и достойные Бога приносные дары, не рукотворенные мастеромъ, а выдѣланные изъ слова истины,—это тѣ добродѣтели, которыми мы образуемъ себя по подобію Перворoднаго въ созданіи, первообраза всякой мудрости и правды.

Діоклеціанъ предпринялъ на приверженцевъ Христа еще одно рѣшительное гоненіе, но оно-то именно и доказало, что нельзя было не только подавить христіанства, но даже и бороться съ нимъ долѣе, и Константинъ увидѣлъ ясно, что для одолѣнія политическихъ соперниковъ ему слѣдуетъ взять знамя креста. Благодаря христіанамъ, благодаря германскимъ, галльскимъ, британскимъ дружинамъ въ его войскѣ, одержалъ онъ побѣду у Мильвіевскаго моста передъ воротами Рима, какъ бы въ знаменіе того, кому именно теперь подобаетъ и кому достанется первенство. Сначала провозглашена была полная религіозная свобода; пусть, говорилось въ указѣ, каждый вѣруетъ въ то, что онъ считаетъ истиннымъ, такъ чтобъ какое бы божество ни царило на̀ небѣ, оно пребыло милостивымъ къ намъ и нашимъ подданнымъ. Но достигнувъ единовластія,

Константинъ старался вмѣстѣ съ государственнымъ единствомъ водворить черезъ христіанство и единство религіозное; съ тѣхъ поръ ни одинъ многобожный народъ не выступалъ уже носителемъ культуры, съ тѣхъ поръ Арійцы прочно усвоили себѣ лучшій плодъ Симитства, вѣру въ единое духовное Божество, въ любовь, какъ коренное начало жизни. Правда, объявленное государственною религіей христіанство было уже не простое благовѣстіе Іисуса на берегахъ Генисаретскаго озера; оно разрослось уже въ цѣлое догматическое зданіе и обратилось въ Церковь.

Въ первобытныхъ общинахъ христіанъ священство признавалось за всѣми вообще искупленными; въ настоятели или главы надъ ними избирались пресвитеры (старѣйшины), а діаконы (служители или помощники) содѣйствовали имъ особенно въ призрѣніи бѣдныхъ. Въ крупнѣйшихъ общинахъ первенствующій пресвитеръ сталъ скоро епископомъ, то-есть „блюстителемъ" вѣры и нравовъ, руководителемъ во всемъ, которому тѣмъ охотнѣе предоставляли это, чѣмъ болѣе отличался онъ способностями и достоинствомъ. Въ половинѣ второго вѣка Поликарпъ въ Смирнѣ былъ идеаломъ такого епископа, вѣрнымъ себѣ до самой смерти. Чѣмъ болѣе въ обширныхъ городахъ вѣрующіе распредѣлялись по разнымъ сборищамъ, тѣмъ рѣшительнѣе хотѣлось поддержать единство вѣры и богослуженія, представляемое однимъ общимъ блюстителемъ;—вліятельный вѣсъ послѣдняго скоро простерся и на меньшія сосѣднія общины. Епископы въ столичныхъ городахъ имперіи, въ Антіохіи и Александріи—для Востока, въ Римѣ—для Запада, достигли особеннаго вліянія, постепенно ставшаго преобладающимъ. Съ начала 3-го вѣка епископы уже считали себя преемниками и намѣстниками апостоловъ, и клиръ, то-есть духовный чинъ, вполнѣ отдѣлился отъ народа, мірянъ, такъ-какъ пресвитеры, священники избирались уже не народомъ, а пополнялись изъ своей собственной среды и получали свой санъ и посвященіе только отъ руки епископовъ. Епископы отдѣльныхъ областей, а впослѣдствіи и цѣлой имперіи, стали потомъ собираться для того, чтобъ на этихъ соборахъ (синодахъ) уряжать ходъ общихъ дѣлъ и постановлять опредѣленія относительно культа и догмы. Здѣсь были выбраны и сопоставлены тѣ писанія, которыя отнынѣ должны были служить канономъ, то-есть нормою религіи; здѣсь предначертывались обязательныя для всѣхъ членовъ Церкви исповѣданія и правила вѣры.

Къ государственной Церкви и къ іерархіи, которая все крѣпче и крѣпче учреждалась, присоединилось монашество, и своей добровольной бѣдностью, своимъ отреченіемъ отъ міра стало въ совершенную противоположность съ омірчившимся уже въ богатствѣ и роскоши высшимъ духовенствомъ. Около 300-го года нашей эры Антоній въ Египтѣ далъ послѣдователямъ строгой жизни Θерапевтовъ опредѣленный общежительный уставъ; онъ былъ знатный юноша, который, внявъ слову Іисуса къ богачу, роздалъ всѣ имѣнія свои нищимъ, и удалился въ пустыню; при строжайшей простотѣ жизни онъ далъ своимъ приверженцамъ великую заповѣдь, которая съ тѣхъ поръ благотворно властвуетъ надъ міромъ: Молись и трудись!

Государственная Церковь обогатилась отобраніемъ имуществъ у языческихъ храмовъ и вкладами. Славою ея останется навсегда ревностный

призоръ бѣдныхъ, забота о сирыхъ и вдовахъ, о воспитаніи дѣтей. Епископы возвысились теперь до блистательнаго положенія, они сдѣлались предметомъ общаго почета, и мы уже слышимъ жалобы, что многіе изъ нихъ кичливо услаждаются роскошью и пышностью, вмѣшиваются въ мірскіе дрязги и любятъ заниматься внѣшними дѣлами въ ущербъ своей духовной обязанности пещись о душахъ. Духовенство высокомѣрно приняло на себя роль посредника между Богомъ и мірянами и брало съ нихъ за это десятину всѣхъ доходовъ *.

Но какъ Библія стояла обокъ съ догматомъ, такъ и христіанскій образъ мыслей и чувствъ шелъ обокъ съ омірченіемъ Церкви. Прямота и сила души несомнѣнно доказывали у многихъ, что ихъ нудило къ борьбѣ одно только убѣжденіе въ истинѣ, и передъ вѣнчанною тираніей дѣло человѣчества всетаки находило себѣ между епископами и монахами мужественныхъ заступниковъ. Императоръ Константинъ требуетъ чтобъ епископъ Либерій преслѣдовалъ Аѳанасія; Либерій возражаетъ на это, что епископы поставлены для благословенія, а не для проклятій. Когда Ѳеодосій Великій издалъ съ возмутительной жестокостью кровавый указъ противъ мятежныхъ Ѳессалонійцевъ, тогда Амвросій въ Миланѣ смѣло противусталъ ему и передъ лицомъ всего народа возбранилъ входъ въ церковь, пока не принесетъ онъ покаянія, и императоръ смирился какъ Давидъ передъ пророкомъ Наѳаномъ. Епископъ Іоаннъ Златоустый, родомъ изъ простыхъ македонскихъ мужиковъ, запретилъ пытку, угрожавшую знатнѣйшимъ гражданамъ Антіохіи, точно такъ же какъ въ Африкѣ поступилъ Синесій. Епископъ Деограцій продавалъ золотые и серебряные сосуды, чтобы выкупать тѣхъ мужей и женъ, тѣхъ родителей и дѣтей, которыхъ Вандалы увели въ неволю изъ Рима, и возвращалъ ихъ свободѣ и другъ другу, если при похищеніи они бывали иногда разлучены; Павлинъ даже самъ отдался варварамъ, съ тѣмъ чтобы спасти одной вдовѣ единственнаго сына, и дѣйствительно носилъ оковы до тѣхъ поръ, пока великодушный его подвигъ, послужившій утѣшеніемъ для страждущихъ, не тронулъ самихъ полудикихъ его господъ. Синесій открываетъ императору Аркадію глаза на его царедворцевъ, которые смѣются и плачутъ въ угоду властителю, стараясь развратить его, какъ злостные мѣнялы обрѣзываютъ и поддѣлываютъ монету; при этомъ онъ указываетъ въ образецъ земному владыкѣ на Бога: „Самъ Богъ дѣйствуетъ не выступая такъ-сказать па сцену: онъ не возвѣщаетъ о себѣ ни чудесными „знаменіями, ни возбуждающими ужасъ вещами; всѣ дѣйствія его про„исходятъ въ тиши, очень медленно и постепенно; онъ правитъ міромъ по „закону справедливости и даетъ участіе въ своемъ существѣ и могуще„ствѣ всѣмъ тѣмъ, кто способенъ принять его по своей природѣ“.

Никогда не надо также забывать, что при ослабленіи народа, отвыкшаго подъ игомъ деспотизма свободно располагать собой, время это нуждалось въ томъ руководительствѣ, какое оно нашло именно въ Церкви, заявившей въ себѣ организаторскій талантъ Римлянъ съ новой силою, и что авторитетъ ея и

* По ветхозавѣтнымъ и античнымъ образцамъ. Прим. перев.

строгое единство были необходимы и спасительны особенно для той смутной поры, какая настала при паденіи западно-римской имперіи. Въ религіозномъ общеніи христіанъ нашелся тотъ твердый якорь, безъ котораго не обойтись бы тогда человѣчеству, чтобы спасти для новаго міра лучшіе плоды древней образованности. Какъ бы маніемъ вышняго Промысла было еще и то, что Церковь, какъ скоро достигла она самостоятельности, тотчасъ же ревностно принялась водворять христіанство въ видѣ исключительной, единственной религіи; жаль только, что она такъ круто повернула и стала такъ жестоко гнать язычниковъ: тутъ нельзя не согласиться съ Августиномъ, что идолы падутъ сами собой, только бы извести кумиры въ сердцѣ человѣка и просвѣтить умъ его лучшимъ убѣжденіемъ. Храмы не только что запирали, но и раззоряли насильственно, гдѣ не удавалось обратить ихъ въ церкви; почитаніе кумировъ стало теперь оскорбленіемъ императорскаго величества, язычники не допускались ни въ какія должности ни по государственному управленію, ни въ войскѣ, и на нихъ же падала вся вина въ случаѣ наводненій, неурожаевъ или другихъ бѣдствій. Однакожъ когда Готъ Аларихъ обложилъ Римъ, на сенатъ напало сомнѣніе, не кара ли это за отпаденіе отъ старыхъ боговъ, и самъ епископъ не воспротивился попыткѣ обратиться съ вопросомъ къ прежнимъ птицегадателямъ и истолкователямъ молній; они указали сенаторамъ идти въ Капитолій и начать тамъ снова прерванныя жертвоприношенія; но ни кто уже не захотѣлъ участвовать съ ними въ древнихъ обрядахъ; предпочли расплавить статуи Доблести, Мужества и откупиться золотомъ отъ грознаго врага. Христіанскій писатель Сальвіанъ ясно понялъ знаменія времени и проповѣдывалъ, что Богъ властвуетъ надъ міромъ, и властвуетъ правосудно, а потому и отдаетъ нравственно-растлѣнную римскую державу въ одолѣніе варварскимъ, но болѣе нравственнымъ народамъ, чтобы воспитать себѣ изъ нихъ новое поколѣніе. Потомучто въ римской державѣ, говоритъ онъ, массы слабодушны, лѣнивы, преданы сластолюбію, сановники —тираны, судьи—взяточники, воины—разбойники, а изъ знати нѣтъ почти ни одного, кто не запятналъ бы себя прелюбодѣяніемъ или убійствомъ. Народъ не отложилъ своихъ пороковъ вмѣстѣ съ языческой вѣрою; онъ смѣется и потѣшается въ виду рабства и смерти; имперія прогнила насквозь и неизбѣжно потерпитъ давно заслуженное наказаніе. Вандалы очищаютъ Африку отъ заразы непотребства; то же самое въ другихъ странахъ сдѣлаютъ Саксы, Франки, Готы, люди правда дикосердые, но цѣломудренные и чтивые: потому и дается имъ міръ на очищеніе.

Но для того чтобъ среди поднявшихся теперь бурь великой перекочевки народовъ не погибъ вконецъ культурный трудъ древности, именно и было необходимо посредничество Церкви; она передала новымъ племенамъ вмѣстѣ съ христіанствомъ тѣ элементы умственнаго образованія, какіе она сначала вобрала въ себя, и тѣмъ запряла уже нити, по которымъ слѣдующія поколѣнія могли потомъ добраться до источниковъ древности. Такъ въ зародышахъ христіанской науки мы видимъ то сліяніе восточныхъ идей съ западными, благодаря которому предстояло послѣ дойдти до общечеловѣческихъ началъ, познать полноту и глубину истины. Припомнимъ здѣсь, что самородная греческая философія отнюдь не могла ступить за предѣлъ дуализма: духъ и природа, добро и зло, Богъ и міръ такъ и оставались въ ней противоположно-

стями; по отважному юношескому смыслу борьба разумнаго съ неразумнымъ была по̀ сердцу, счастіе лежало уже въ самой дѣятельности, какъ доказательствѣ силы. Духъ считалъ себя поставленнымъ въ среду міра для того чтобъ превозмочь его; а откуда возникло противорѣчіе, что̀ именно было цѣлію побѣды, эта незримая, запредѣльная сторона мало его заботила; онъ держался настоящей жизни, съ тѣмъ чтобы въ ней дѣйствовать, услаждаться ею, и если приходилъ къ невольному заключенію, что чувственный міръ съ непрерывной его измѣнчивостью далекъ отъ совершенства, то все же онъ не думалъ отрекаться отъ земныхъ благъ изъ-за какого-то недостижимаго верховнаго блага. Мы видѣли, наоборотъ, что индійская мудрость смотрѣла на земное временное бытіе какъ на нѣчто исчезающее, на какую-то сонную мечту, ничтожную передъ божественнымъ и вѣчнымъ; въ него-то и уходитъ духъ, убѣгая множественности вещей, съ тѣмъ чтобы найдти миръ и спокойствіе въ единомъ неизмѣнномъ; вполнѣ отрекшись отъ міра, углубляется онъ въ самого себя, сосредоточивается изъ прежней разсѣянности для того чтобы войдти въ истинное бытіе. Нескончаемый кругооборотъ возникновенія и исчезновенья, въ которомъ такъ весело и бодро живется Греку, для Индійца —просто мученіе; изъ этого омута мытарствъ стремится онъ душой къ спокойствію, и совсѣмъ отвернувшись отъ внѣшняго міра, углубленіемъ въ свое собственное нутро̀ обрѣтаетъ сущность свою въ Богѣ. Истинное бытіе для него только коснѣющее въ себѣ единство; раздвоеніе же, множественность вещей и всѣ ихъ противоположности—одно марево. Такимъ образомъ Индіецъ правда имѣетъ въ виду верховную цѣль и благо, единеніе съ божествомъ, но за то онъ не цѣнитъ жизни и дѣятельности, и личное начало совершенно тонетъ у него во всеобщемъ, тогда какъ Грекъ удовлетворяется мірскою обстановкою и изъ-за среды дѣятельности, изъ-за средствъ, готовъ позабыть объ ея цѣли; Индіецъ хочетъ достичь перваго и послѣдняго, начала и конца, отбрасывая отъ себя средства, оттого онъ и теряется въ единомъ, которое для него пусто и мертво̀, такъ-какъ всякое движеніе и обособленье онъ считаетъ ничтожною и однакожь скорбеобильною мечтою. Все дѣло въ томъ, чтобъ сочетать оба эти міросозерцанья, чтобы развить противоположность изъ единства и найдти послѣднее не въ пустопорожней неопредѣленности, а напротивъ какъ гармонію въ неистощимомъ богатствѣ многоразличнаго; все дѣло въ томъ, чтобы понять первое и послѣднее, начало и конецъ, какъ энергію любви и свободы. Совершенно только то, что полнится, доходитъ до полноты само собою; единеніе любви не уничтожаетъ разностей, но перемогаетъ рознь, всякое противорѣчіе; цѣль эта осуществима только путемъ свободы: оттого противоположность, возможность зла—необходимое явленіе, и процессъ развитія несовершенной жизни міра—средство для выполненія цѣли, царства божія. Вотъ почему христіанство хочетъ принесть спасеніе самому міру (въ его именно условіяхъ), не бѣжать его, но превозмочь и возвратить къ Богу, да будетъ Отецъ все во всемъ; міръ—дѣло его любви, созданное для ея осуществленія; временнымъ должны мы обрѣсть вѣчную жизнь, изъ разрозненнаго должно̀ выйдти совершенное, изъ земного небесное. Настоящая жизнь не совершенна, да и не ничтожна: она необходимое для цѣли средство, или школа для вѣчности. Въ природѣ, въ исторіи видимъ мы божественный разумъ, божественную волю, какъ въ зеркалѣ: идеальное

осуществляется въ реальности вещей; конечное есть самоопредѣленіе безконечнаго, и личное стало-быть вѣчно *. Богъ — истинное бытіе; въ немъ наше зачало и пребываніе; но когда мы хотимъ быть только для себя и идемъ другъ противъ друга, мы сами себѣ затемняемся и подпадаемъ внѣшности со всѣми ея страдами и скорбями, пока не обрѣтемъ себя опять въ сущности своей, въ Богѣ, который не перестаетъ призывать насъ къ себѣ своею благодатію, съ тѣмъ чтобы наконецъ все жило, двигалось и пребывало въ немъ уже сознательно и добровольно.

Проведеніе вполнѣ этихъ идей—вотъ та задача, надъ которой мы трудимся и будемъ трудиться вѣки вѣчные. Начатки ея въ христіанской древности могли, послѣ Евангелія, всего ближе опереться еще на того философа, который втростилъ уже въ свое Эллинство основныя помыслы Востока, и въ своемъ нравственномъ идеализмѣ простеръ взоры за предѣлъ чувственнаго міра на вѣчную жизнь блаженства: въ самомъ дѣлѣ Платонъ и сталъ для Отцовъ Церкви научною звѣздой. Мы прежде уже видѣли какъ, исходя отъ него, Новоплатоники переплавили восточный элементъ въ греческій. А здѣсь поговоримъ еще объ Іудеяхъ, какъ въ эту именно поіисусовскую пору они съ одной стороны выдѣлились самостоятельно, съ другой восприняли изъ Греціи много философскихъ идей. Первое произошло посредствомъ Талмуда, который письменно закрѣпилъ устную передачу истолкованія и хитроумнаго расширенія или напротивъ ограниченія Моисеева закона, присовокупивъ къ этому обильный подборъ молитвъ, стихотвореній и повѣстей. Другое направленіе нашло себѣ научнаго представителя въ лицѣ Филона и достигло теперь мистической и фантастической разработки въ Каббалѣ (то-есть принятомъ ученіи). Самымъ названіемъ своимъ каббала (отъ еврейскаго кабаль, воспринимать) обличаетъ въ себѣ преданіе тайной мудрости, идущее искони обокъ съ религіозными книгами, въ качествѣ толкованія глубокаго и сокровеннаго ихъ смысла, и если изъ числа новыхъ изслѣдователей этого преданія одинъ распознавалъ въ немъ свое христіанство, другой — свой іудейскій элементъ, третій—явные слѣды восточнаго пантеизма, то дѣйствительно все это въ немъ есть, и притомъ въ пестромъ, сбивчивомъ смѣшеніи. Непостижимый и безконечный самъ въ себѣ, Богъ открывается изливаясь въ мірозданіи и собираетъ его въ человѣкѣ въ свое собственное подобіе, съ тѣмъ чтобы ублаживъ все принять его опять въ себя: вотъ главная руководящая идея. Книгу Іезира (т. е. сотворенія) возводятъ къ раввину Акибѣ, книгу Согаръ—къ ученику его, Симону бенъ-Іохаю (около 130 г. предъ Р. Х.). Талмудъ и каббала идутъ въ ровень, какъ схоластика съ мистикой, и если они относятся другъ къ другу съ презрѣніемъ, такъ что каббалистъ считаетъ талмудиста ограниченнымъ и поверхностнымъ, а талмудистъ каббалиста помѣшаннымъ и мечтателемъ, то благоразумный человѣкъ скажетъ что есть довольно поводовъ и къ тому и къ другому, не отрицая однакожь истины лежащей и въ основѣ грезъ воображенья. Въ книгѣ Іезира міръ предпо-

* Самоопредѣленіе есть вмѣстѣ и обособленіе безконечнаго, а личное есть только чувство, сознаніе этой своей особности, то-есть, другими словами, своей сопринадлежности съ безконечнымъ бытіемъ. Прим. перев.

ложено понять изъ символики священныхъ чиселъ по пиѳагоровскому способу; полномысленнѣе книга Согаръ. Здѣсь первобытный энсофъ, то-есть безформное вѣчное начало, чистое бытіе божественнаго, мыслится какъ противоположность всему конечному и опредѣленному и обозначается также какъ ничто. Но оно вводитъ само себя въ ликъ небеснаго человѣка, Адама Кадмона, чтобы черезъ него низойдти до міра; такъ какъ въ человѣческомъ образѣ сосредоточено вѣдь все, что̀ является разрозненнымъ во вселенной. Десятью рѣками изливается вѣчный первосвѣтъ, съ тѣмъ чтобы собраться и оформиться какъ въ десяти сосудахъ; сосуды эти называются Сефирами (Сефиротъ) и смыкаются какъ корень, стволъ и вѣнецъ дерева, какъ духъ, сердце и плоть въ человѣкѣ. Въ первомъ проявленіи своемъ Предвѣчный говоритъ: Я есмь, не изображая еще что̀ онъ есть; проявленіе это вѣнецъ, и знаменуетъ собою *я*, чистое самосознаніе. Чтобъ быть вѣдѣнію, необходимъ раздвой вѣдущаго съ вѣдомымъ, познающаго съ познаваемымъ; первое болѣе дѣятельно, мужеобразно, второе болѣе страдательно, женственно; мудростью и смысломъ называются эти вторая и третья Сефиры; первая отецъ, вторая мать того сына, который есть знаніе. Свѣтъ сгущается далѣе въ жизнь, становится дѣятельностью воли, развертывающейся въ кротости, собирающейся въ строгости и единящей въ себѣ одно съ другимъ въ красотѣ. Эти три Сефиры составляетъ сердце (строй души). Красота — среднее и посредствующее звено между духовнымъ и чувственнымъ, въ этомъ смыслѣ именуется она царемъ Мессіей. Слава, блескъ и основа, — вотъ названія трехъ низшихъ Сефиръ, которыя распространяютъ сущность въ природу, въ женственный субстратъ для дѣятельности духа, получающій за тѣмъ, въ качествѣ десятой Сефиры, имя царства или царицы. Все это вмѣстѣ составляетъ тотъ умозримый только міръ, изъ котораго творчество чрезъ царство идей и духовъ нисходитъ наконецъ до чувственной видимости. Изъ божественнаго духа, Адама Кадмона, нисходятъ тогда въ вещество людскія души, и при томъ такъ, что сопринадлежныя между собой въ томъ вышнемъ мірѣ, находятъ одна другую на землѣ и сочетаются здѣсь любовью. Призванье душъ—снова возводить природу къ Божеству, потому что праведные возвращаются вѣдь прямо опять въ небо; все на свѣтѣ лишь исхожденіе и потомъ возвратъ: когда царь нисходитъ къ царицѣ, по всему созданію разливается божественная жизнь, а когда царица восходитъ къ царю, тогда жизнь возвращается къ Богу въ видѣ жертвоприношенія сотвореннаго.

Гноза, въ свою очередь, также хвалится познаніемъ, котораго она будто бы достигаетъ аллегорическимъ толкованіемъ религіозныхъ ученій; такъ пытается она понять Христа въ общей связи вселенской исторіи. Что Божество изъ чистой своей сущности выступаетъ въ опредѣленныя видообразованья, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ затемняются до такой степени, что переходятъ въ вещество или связываются имъ совершенно, но что потомъ рѣшительный поворотъ и возвратъ наступаютъ благодаря нисхожденію Христа изъ области небеснаго свѣта для освобожденія (заполоненныхъ веществомъ) духовъ и для возстановленія гармоніи божественнаго организма, — вотъ что можемъ мы назвать общею основой различныхъ попытокъ Гнозы, стремящихся изобразить жизненный процессъ Безконечнаго, при чемъ языческія идеи переплетаются съ христіанскими, нравственные опыты отража-

ются въ естественныхъ процессахъ, добро отождествляется съ духомъ и свѣтомъ, а зло конечно съ мракомъ и съ веществомъ. Иногда оба эти начала въ борьбѣ между собою, иногда смѣло парящій идеализмъ признаетъ существеннымъ одно только духовное, и старается объяснить происхожденіе изъ него міра тѣлесъ, а за тѣмъ придумать для послѣдняго какой-нибудь способъ возврата Но это дѣлается не путемъ ясно развитаго мышленія и отчетливаго изысканья; броженіе той эпохи предоставляетъ разнымъ языческимъ и христіанскимъ элементамъ полный просторъ бороться и ладить какъ хотятъ, воображеніе создаетъ изъ понятій и ихъ соотношеній предметные облики съ извѣстнымъ кругомъ дѣйствій, съ извѣстною судьбой, и такимъ образомъ передъ нами является родъ миѳологической поэмы, воплощающей философское содержаніе и смыслъ то въ граціозныхъ играхъ, то въ дикихъ грезахъ фантазіи. У Сирійца Сатурнина отъ благого Бога истекаетъ идеальный міръ; на рубежѣ послѣдняго стоятъ планетные духи въ борьбѣ съ Сатаною и его царствомъ запустѣнія; они создаютъ міръ внѣшняго чувства и пытаются видообразовать человѣка по подобію Божію, но тутъ беретъ верхъ надъ ними Сатана, пока не вочеловѣчится Христосъ для искупленія душъ отъ вещественнаго мрака. При Адріанѣ, Василидъ въ Александріи выводитъ изъ безъименнаго Бога зародышъ и сѣмя міра, которое, постоянно томясь неутолимымъ желаніемъ, обращается наконецъ опять къ своему первоисточнику. Тѣмъ самымъ крѣпчаютъ въ могуществѣ силы небесныя и получаютъ свой опредѣленный образъ; а такъ-какъ въ общей цѣпи существъ одно звено тѣсно примыкаетъ къ другому, то вокругъ того, кому нѣтъ имени, вращается 365 небесъ, называемыхъ абраксами. Семь низшихъ ангеловъ, съ іудейскимъ Богомъ во главѣ, творятъ чувственный міръ и водворяютъ въ человѣка всю ту духовную силу, какая только у нихъ во власти; чтобы спасти послѣднюю отъ узъ вещества первородный духъ небесный, Іисусъ, вступаетъ въ человѣчество, и какъ при кончинѣ его духъ разстается съ плотью и воспаряетъ на небо, такъ точно и силы всѣхъ дѣтей божіихъ непремѣнно должны подконецъ очиститься и каждая занять подобающее ей мѣсто.

Многобъемчивѣй, поэтичнѣе и вмѣстѣ выше умозрѣніемъ является Валентинъ (около 150-хъ годовъ послѣ Р. Х.). Началомъ и праотцемъ всего сущаго называетъ онъ неизслѣдимую глубину. Съ первоначаломъ неразрывно сознаніе, какъ самоотраженіе, услаждающееся собой въ спокойномъ безмолвіи. Отсюда истекаетъ другая чета,—разумъ и истина. Разумъ нарушаетъ безмолвіе, и тутъ возникаютъ слово и жизнь, а изъ нихъ развивается существо человѣка и общеніе. Отъ этихъ осьми идеальныхъ существъ идутъ въ пестрой смѣси двадцать два вѣчно мощныхъ эона, то-есть олицетворенныхъ понятія, изъ которыхъ низшее — мудрость. Ей-то хочется непосредственно узрѣть Отца, и она вслѣдствіе того утонула бы въ неизслѣдимой глубинѣ его, не останови и не возврати ея куда слѣдуетъ духъ предѣла, удерживающій всѣ вещи въ составѣ ихъ и каждую въ своемъ мѣстѣ. Чтобы еще крѣпче утвердить связь въ полнотѣ истиннаго бытія и отвратить всякія дальнѣйшія возмущенья, возникаютъ двѣ новыя могуты, Христосъ и Святой Духъ; идеальный міръ славитъ Отца небеснаго и собираетъ лучшія свои силы въ лицѣ Спасителя, Іисуса. Но тревога вожделѣнія, страсть мудрости разъ уже порождена, и отрѣшенная отъ послѣдней она олицетворяется въ ви-

дѣ «ахамотъ», въ видѣ мірозиждущей души, изъ которой и возникаетъ міръ чувственности: изъ слезъ ея выходятъ рѣки и моря, вся водная стихія, изъ страха — легко-подвижный воздухъ, изъ ея скорби матерѣетъ земля, а изъ свѣта, пробуждающаго въ ней надежду на искупленіе, образуется свѣтящій огонь вмѣстѣ съ яснымъ, прозрачнымъ эѳиромъ. Весь чувственный міръ для гностика пустота и ничтожество, истина въ немъ только страстное движеніе души *; или, какъ прекрасно замѣчаетъ Губеръ: Всѣ формы и облики міра выражаютъ только чувства и движенія вышеупомянутой «ахамотъ», вся природа разсказываетъ душевную ея исторію, а потому и носитъ на себѣ преимущественно элегическій характеръ; такъ-какъ это вѣдь воплощенная жалоба и тоска души **.—Но какъ сама мудрость возвращена была предѣломъ на первобытное свое мѣсто, то это и должно служить образцомъ для міра чувственности, который правда низпалъ въ пустоту, поддался тлѣну и заблужденію, тогда какъ мірозиждущая сила дѣйствуетъ напротивъ по идеямъ, которыми одарилъ ее Христосъ; человѣкъ же, хотя и сложенъ изъ земной матеріи, однако надѣленъ душою и духомъ, и если многіе, какъ напримѣръ грубые язычники,—люди плотскіе, а другіе, какъ напримѣръ, Іудеи, — люди душевные, то все же есть кромѣ того и люди духовные, превозмогающіе свои похоти и очищающіе въ себѣ золото отъ грязи и тины вещества. На человѣка-Іисуса при крещеніи нисходитъ тотъ небесный спаситель, и ученіе его даетъ намъ способъ подняться въ область сверхчувственнаго, искупиться отъ чувственности. Познаніемъ истины усматриваемъ мы всю ничтожность того, что̀ чувственно, и освобождаемся отъ влекущихъ насъ къ нему желаній; мы такимъ образомъ одухотворяемся и возносимся въ небеса, а такъ-какъ матерія, покинутая душами, гибнетъ во всемірномъ пожарѣ, вспыхивающемъ въ нѣдрахъ ея самой, то стало-быть вмѣстѣ съ нею истребляется и горькій плодъ грѣха мудрости, послѣ борьбы и страданій возстановляется опять блаженная гармонія въ царствѣ всеобъемлющей полноты бытія, въ царствѣ вѣчной сущности.

Что христіанство—новая и высшая религія не только противъ вѣры язычниковъ, но и противъ вѣры Іудеевъ, это гностики выражаютъ тѣмъ, что Творца видимаго міра, Бога іудейскаго, признаютъ не высшимъ, а только уже однимъ изъ позднѣйшихъ изліяній первоверховной сущности. Іудеи вѣруютъ въ Бога мести, христіане въ Бога благодати и милости; тамъ царитъ ненависть, здѣсь любовь; Моисей поднимаетъ руки для проклятія, Іисусъ—для благословенья,—такъ училъ между прочимъ Маркіонъ. Еще далѣе шли офиты, или змѣечтители. Мудрость, говорили они, захотѣла поровняться съ Богомъ, и за гордыню свою была низринута въ бездну; тамъ породила она творца міра, Бога іудейскаго, который съ помощью планетныхъ духовъ своихъ создалъ человѣка, и для того чтобы всегда надъ нимъ властвовать запретилъ ему вкушать отъ древа познанія добра и зла и тѣмъ достигать богосознанія. Но мудрость, которая именно порожденіемъ Бога Іудеевъ совлеклась опять своего себялюбія и отпаденья, послала въ образѣ

* Шоппенгауэрова дикая, безумная воля.

** То-есть страстной воли, отрѣшившейся отъ мудрости. Прим. перев.

змѣя духъ убѣдить человѣка, чтобы преступленіемъ той заповѣди онъ снискалъ себѣ высшее нравственное сознаніе. Разгнѣванный творецъ міра правда изгоняетъ за то человѣка въ пустыню и насылаетъ на него всѣ боли и соблазны вещества; но Мудрость все-таки выводитъ по временамъ духовноодаренныхъ мужей въ утѣшеніе и просвѣщеніе людямъ, пока не воплотился наконецъ Мессія для искупленія человѣчества. Ненависть Бога Іудеевъ предаетъ его крестной смерти; однако Іисусъ привлекаетъ къ себѣ все болѣе и болѣе душъ и тѣмъ лишаетъ своего противника силъ духовныхъ, такъ что тотъ погрязнетъ наконецъ въ безднѣ вещества, а Іисусъ введетъ въ вѣчную славу не только Мудрость, но и всѣ души, имъ искупленныя.

Мани былъ Персъ третьяго вѣка; приверженцы его, Манихеи, считали своего главу за лично явившагося Духа-Утѣшителя, возвѣщеннаго Іисусомъ: они далеко распространились и держались даже еще и вначалѣ средневѣковаго періода. Опираясь на древнеиерсское созерцаніе, Мани исходитъ отъ противоположности свѣта съ тьмою, добра со зломъ, Бога съ Сатаной, и блаженному царству духа противупоставляетъ какъ борющееся съ нимъ дикое и смутное начало, матерію. Смыслъ его ученія выражается въ одной притчѣ: левъ не даетъ стаду покоя, ни отдыха; пастухъ вырываетъ яму и спускаетъ туда овцу; привлеченный этимъ звѣрь стремглавъ падаетъ въ ровъ, а пастухъ вынимаетъ оттуда овцу свою нетронутою. Силы тьмы видятъ царство свѣта и, сгорая завистью и желаніемъ, хотятъ оттягать его себѣ. Благой Богъ въ защиту отъ нихъ порождаетъ мать жизни и первочеловѣка или сына, Христа. Вооруженный пятью стихіями, послѣдній выходитъ на битву; но враги отнимаютъ у него часть вооруженія, и эти свѣтовыя части содержатся темнымъ веществомъ въ плѣну въ видѣ страждущаго Іисуса: такъ произошло середнее наше царство, смѣшанное пополамъ изъ дня и ночи, изъ добра и зла; тогда какъ живой духъ подоспѣваетъ на помощь къ бьющемуся Іисусу и спасаетъ его на солнце, откуда онъ продолжаетъ борьбу съ демонами и снова привлекаетъ къ себѣ отторженныя отъ него свѣтовыя искры. Эти постоянно силятся выйдти изъ узъ вещества, и духъ жизни переноситъ ихъ посредствомъ солнца и мѣсяца, какъ на свѣтовыхъ судахъ, въ царство свѣта. Сатана этимъ раздраженъ, онъ боится чтобъ свѣтъ совсѣмъ не былъ у него отнятъ, и потому собираетъ его въ душу человѣческую, только пріобщивъ къ ней еще чувственную похоть и запретивъ ей вкушать отъ древа познанія. Но солнцебогъ, подъ видомъ змѣя, совѣтуетъ человѣку преступить эту заповѣдь, и тутъ демоны создаютъ женщину, съ тѣмъ чтобы чувственное вожделеніе постоянно побуждало человѣка производить болѣе и болѣе тѣлъ, этихъ темницъ души, которая бы оттого все болѣе дробилась и ослаблялась. Возникшій такимъ образомъ родъ людской демоны соблазняютъ на идолопоклонство. Тогда солнечный духъ, Іисусъ, нисходитъ для освобожденія человѣка на землю и открываетъ людямъ ихъ свѣтовую природу и небесное происхожденіе; страданіе его—символъ тѣхъ скорбей, какія духъ претерпѣваетъ въ матеріи. Но вотъ теперь явился Мани, и съ нимъ началось торжество царства божія. Души теперь совсѣмъ отрываются отъ вещества. Избранные должны, какъ въ буддійствѣ, жить чистыми отъ всѣхъ страстей, не умерщвлять и не ѣсть ни чего жи-

вого и воздерживаться отъ плотской любви, чтобы духъ не заполонялся болѣе новыми тѣлами. Матерія же, окончательно лишенная свѣта, обратится тогда въ ничто. Сатана будетъ преодолѣнъ, и изъ огня вселенскаго пожара все выйдетъ совершеннымъ, въ очищенномъ велелѣпіи.

Столько же воздержнаго образа жизни требовали и Монтанисты; всякая земная радость, даже и услажденіе наукою, считались у нихъ грѣхомъ, постоянное самоотреченіе признавалось за жизнь въ истинной Церкви. Думали, что тысячелѣтнее царство уже близится и въ изступленной своей болтовнѣ мнили видѣть предвѣстіе господства святого духа. Подобно лирѣ лежу я, говорилъ Монтанъ, и какое-то бряцало свыше касается струнъ моихъ. Строгихъ нравовъ требовали также и Эбіониты, чтобы освободиться изъ-подъ власти Сатаны, и подобно другимъ учили что первичное существо раздѣлилось будто бы на два противоположныхъ начала, на Сатану и Христа; первому принадлежитъ настоящее, второму—будущее; но и Сатана, въ качествѣ отместной карательной силы, долженъ споспѣшествовать добру, и кто душою предался Спасителю, тотъ зáготовь живетъ какъ человѣкъ будущности.

Системы эманаціи или истеченья всѣ выводятъ сотвореніе изъ его первоисточника по закону необходимости, а не по свободному рѣшенію творческой воли: тутъ не далеко было отъ опасности, чтобы нравственный характеръ христіанства не оттѣснился гнозою на задній планъ и, чтобы изъ подвига любви не сдѣлали чистоестественнаго процесса. Поэтому Отцы Церкви были правы, держась здѣсь просто и предпочтительно одной нравственной стороны. Не матерія сама по себѣ зло, оно лежитъ въ своекорыстіи и безлюбьи воли; а природа—почва и средство для владычества или царства духа. Правда, настоящій міръ возмущенъ, растленъ грехомъ и многовиновенъ; но подобно тому какъ Христосъ возстановилъ образъ Божій въ человѣчествѣ, такъ точно и духъ долженъ возвысить и просвѣтлить природу, возстановить общеніе жизни и любви съ Господомъ. Генрихъ Риттеръ и Іоаннъ Губеръ изложили въ новѣйшее время философію Отцовъ Церкви подробно и безпристрастно; мы видимъ отсюда, что эти Отцы далеко не вездѣ согласны съ догматами, такъ что положенія ихъ становятся понятны въ первоначальномъ своемъ замыслѣ и значеніи только тогда, когда разсмотришь породившее ихъ духовное движенье; часто готовъ примириться съ ними, когда узнаешь, чтò именно хотѣли они отвергнуть и чтò отстоять. Они не хотѣли признать ни какого различія между откровеннымъ и сокровеннымъ Богомъ, и оспоривали ученія мыслителей, не допускавшихъ въ мірѣ полнаго откровенія Божія. Такъ напримѣръ Аѳанасій Великій твердо стоитъ на вѣрѣ, что Богъ хочетъ открыться и предстать намъ во всей славѣ своей; жажда разума явно влечетъ его къ общенію съ Богомъ въ познаніи его существа. Василій Великій, Григорій Нисскій, Григорій Назіанзинъ видятъ въ сотвореніи, искупленіи и освященіи дѣйственныя силы Божества, выражающаго въ каждой изъ нихъ совокупную свою сущность. Надо было устранить многобожіе, политеизмъ но въ то же время и спасти ту истину, что единство божіе живо, и различно само въ себѣ, что божественное входитъ въ міръ, ведетъ его и завершаетъ. Вѣдь и въ человѣкѣ фантазія, воля, разумъ, другими словами—естество, душа и духъ—тоже разныя начала или

могуты, потенціи; каждое изъ нихъ способно къ чему-нибудь само въ себѣ, но дѣйствуетъ тѣмъ не менѣе только въ связи съ другими и всилу цѣлаго: троичны стало-быть и мы сами, одна и та же самость наша живодѣйственна троякимъ образомъ.

Если позднѣйшіе вѣка поставили себѣ задачей испытаніе природы, если періодъ Галилея, Кеплера, Ньютона, вплоть до недавно умершихъ Гауса и Гумбольдта, увлекъ много лучшихъ силъ на пути этого именно изысканья, то эпоха Отцовъ Церкви была въ свою очередь направлена къ изслѣдованію человѣческой души, основныхъ нравственныхъ опредѣленій, отношеній человѣка къ Богу; и мы сопоставимъ здѣсь рядъ относящихся къ тому изреченій и постараемся ближе охарактеризовать нѣкоторыя изъ первенствующихъ о ту пору лицъ. На Востокѣ преобладало умосозерцаніе естества божія, на Западѣ—вниканіе въ свойства человѣка и въ пути спасенія души его.

Ириней (въ послѣдней половинѣ 2-го вѣка) говоритъ: безъ свободы самое добро было бы не сладко для человѣка, да и общеніе съ Богомъ не манило бы его отрадою; онъ не слишкомъ бы стремился въ первому, такъ-какъ оно давалось бы ему само собой: добродѣтельные не имѣли бы ни какой цѣны, будучи такими по природѣ, а не по собственному изволенію. Какой же вѣнецъ подобаетъ тѣмъ, кто не заслужилъ его борьбою? Цѣль, преслѣдуемая въ сотвореніи міра божественной любовію, не достижима безъ человѣческаго содѣйствія; для того чтобъ намъ прійдти къ свободному и блаженному жизнеобщенію съ Богомъ, мы должны сами принять въ себя волю божію, чѣмъ и достигаемъ совершенства.

Ученикъ Иринея, Ипполитъ (въ первой половинѣ 3-го столѣтія), «сильно «озабочивался, говоритъ Губеръ, обороною церковнаго ученія, хотя самъ «не разумѣлъ его вполнѣ»; не лучше ли было бы сказать, что онъ озабочивался обороной христіанства, которое однакожь въ разныхъ своихъ положеніяхъ понималъ не такъ, какъ оно формулировано впослѣдствіи римской государственной Церковью? Ипполитъ училъ, что Богъ есть первое, одно, что̀ изначально; онъ единъ и самъ въ себѣ множественъ, потому что обладаетъ мощью, разумомъ и волею; все было въ немъ отвѣка и самъ онъ былъ все. Мысля, порождаетъ онъ вопервыхъ помыслъ всего сущаго, логосъ, мировую мысль, какъ моментъ божественной жизни. Сообразно ей Богъ и творилъ, ею основалъ и урядилъ онъ вселенную. Вершина откровенія божескаго помысла есть вочеловѣченіе его во Христѣ. Только самъ будучи такимъ же человѣкомъ какъ и мы, Христосъ можетъ требовать отъ насъ подражанія его примѣру. Святой Духъ, это струя божіей благодати, текущая во всемъ, это божественное просвѣщеніе.

Африканецъ Тертулліанъ (около 200-хъ годовъ нашей эры) является жаркокровною, величавою натурой; онъ пылокъ, горекъ, самъ въ постоянной борьбѣ съ огнемъ вожделѣній, такъ что знаетъ всю опасность чувственныхъ усладъ и страшится ихъ, а потому считаетъ красоту безполезною, искусство—идолопоклонствомъ, философію—обманомъ и мечтой, и нарочно ищетъ внѣшней борьбы, чтобы ею заглушить внутренній разладъ и бурю. Мысль его подобна молніи, языкъ — полонъ риторическихъ противоположеній, онъ

не всплахъ привесть въ ясный порядокъ хаотическое содержаніе души своей, свѣтлая истина идетъ у него о бокъ съ страннымъ сумасбродствомъ. Ему не хотѣлось бы дать фактической основѣ христіанства улетучиться въ аллегоріи, и потому онъ держится съ дебелымъ реализмомъ за преданіе. «Сынъ «Божій, говоритъ онъ, умеръ,—это вѣроятно, потомучто нелѣпо; погребен«ный воскресъ, — это вѣрно, потомучто невозможно». Но тотъ же самый человѣкъ, отъ котораго идетъ слово: Credo quia absurdum est, вѣрю потомучто оно нелѣпо, говоритъ также: Душа человѣческая—христіанка отъ природы. Душа старше буквы, человѣкъ является раньше мыслителя и поэта. Всѣ народы — одинъ человѣкъ, съ разными только именами, одна душа, только разноязычная, одинъ духъ, только разнозвучный. Богъ обличаетъ себя вездѣ. Богосознаніе дано душѣ изначала. Природа свидѣтельствуетъ о Богѣ, она намъ наставница; чѣмъ истиннѣе ея свидѣтельства, тѣмъ они проще, чѣмъ проще, тѣмъ общепонятнѣе, чѣмъ общепонятнѣе, тѣмъ естественнѣе и божественнѣй. Исторія для Тертулліана становится уже воспитаніемъ человѣчества, и онъ слѣдитъ въ ней предначертаніе самого Бога, который въ разныя времена различно открываетъ себя въ дѣлахъ міра. Онъ правда говоритъ про язычниковъ, что они всегда оставались внѣ призванія, и были то же что капли снаружи ведра, что пыль на току земледѣльца; поэтому только въ патріархахъ и пророкахъ видитъ онъ руководительство логоса, пока онъ самъ не воплотился во Христѣ; но вслѣдъ за Христомъ, полагаетъ онъ, послѣдовало еще новое и высшее откровеніе Божіе, явленіе Святого Духа въ лицѣ Монтана, и въ имѣющемъ учредиться духовномъ царствѣ привѣтствуетъ онъ періодъ высшей нравственности.

Болѣе послѣдовательная и связная философія христіанской религіи установилась въ Александріи подъ вліяніемъ греческой культуры; главами ея были Климентъ и Оригенъ (около 200-хъ годовъ по Р. Х.). Логосъ, божественный разумъ, есть по мысли Климента пѣвецъ, поющій вѣчную гармонію и ведущій къ примиренію и взаимному сопрозрѣнью противоборствующія другъ другу стихіи міра; христіанство — сочетаніе всѣхъ преждебывшихъ истинъ. Присущій человѣческому духу логосъ порождаетъ изъ своей глубины и силы непрерывное развитіе истины. Онъ освѣщалъ души съ самаго начала, черезъ Моисея и пророковъ поучалъ онъ Іудеевъ, а между Греками пробуждалъ мудрецовъ и надѣлилъ ихъ философіей; она исцѣляетъ душу и есть подлинно даръ Божій, а не дьявольское наважденіе, какъ всуе думаютъ одни глупцы. Кто хочетъ проникнуть въ смыслъ Священнаго Писанія, тотъ долженъ быть діалектически образованъ. Кто безъ философіи и изученія природы хочетъ узрѣть чистую истину, тотъ подобенъ человѣку, который безъ обработки виноградной лозы стремился бы собрать гроздія. Идея, обниметъ ли она вѣру или науку, все равно, не мертвая какая-нибудь собственность, а начало жизни; она ведетъ къ единенію съ Божествомъ. Богъ, какъ единый, есть все; его воля и органъ — логосъ, высказывающійся разумъ; его дѣйствіе, міротвореніе, непрестанно. Все принадлежитъ единому Богу, и нѣтъ на свѣтѣ существа, которое было бы чуждымъ въ немъ пришельцемъ, такъ-какъ вѣдь есть одна только сущность и одинъ только Богъ.

И Оригенъ видитъ въ Богѣ духовное начало. Богъ обитаетъ во вселенной своей силою и разумомъ какъ душа въ тѣлѣ; мы сами живемъ и ютимся въ

немъ, потомучто все исполнено его силы и все ею объято. Онъ свободенъ, даже и сынъ сущъ только по волѣ Отца, Богъ вѣчно Господь и Творецъ, потому что природа его—слава неразрывно съ благостью. Зло происходитъ изъ свободнаго, но извращеннаго стремленія воли тварей. Блаженство вовсе не состояніе покоя, а напротивъ дѣйственность, которая постоянно ловитъ божественное и усвоиваетъ его человѣку. Даже и падшіе духи нѣкогда поднимутся опять къ добру. Во вселенной всѣ направленія взаимно захватываются и восполняются, споспѣшествуя другъ другу, и міръ подобенъ тѣлу нашему, которое состоитъ изъ многихъ членовъ, а держится въ связи одной душой; онъ представляется безконечной жизнію, которую сила и премудрость божія проникаютъ насквозь какъ душа проникаетъ тѣло. Самое зло употребляется Промысломъ на службу добру, которое тѣмъ яснѣе выступаетъ противъ перваго. Душа Іисуса Христа, подобно всѣмъ другимъ душамъ, первоначально принадлежитъ къ общему организму духовнаго міра, но выдѣлилась изъ прочихъ духовъ совершеннымъ отданіемъ себя логосу, и стала однимъ духомъ съ нимъ; не безъ причины предпочтена она всѣмъ другимъ: совершенствомъ и чистотою любви своей она неразрывно единится съ Богомъ. Хлѣбъ жизни — мудрость и истина. Общее возрожденіе и возсоединеніе всѣхъ вещей совершается постепенно: день ото дня ростетъ число достигающихъ исправленія и возстановленья. Если Богъ все во всемъ, то онъ все и въ каждой отдѣльной особи. Что̀ ни чувствуетъ, что̀ ни мыслитъ разумный чистый духъ,—все это Богъ, мѣра всѣхъ его движеній.

Блаженство подобнаго состоянія, какъ цѣль развитія всего міра, ближе изображаетъ намъ Григорій Нисскій (331—394). Онъ говоритъ, что стремленіе Бога возвысить къ себѣ душу, сначала обращается для нея въ скорбь, такъ-какъ при этомъ отпадаетъ отъ нея зло, тѣсно съ ней соединенное; наказаніе — средство искупленія вины; очистительный огонь его — не вещественное орудіе боли, а сверхчувственное: оно возникаетъ отъ потери того блаженства просвѣтленныхъ, которое наглядно развертывается передъ глазами караемыхъ. Подконецъ Богъ все допуститъ и приметъ въ свое лоно; всѣ духи въ совокупности возвеселятся нѣкогда общимъ праздникомъ вокругъ него, —праздникомъ согласія въ познаніи истинно-сущаго. Жизнь просвѣтленной души, это—любовь, поскольку добро для познавшихъ его кажется достолюбимымъ, и слѣдовательно поскольку это именно познаніе зарождаетъ въ нихъ любовь. Истинно-прекрасное никогда не доводитъ до пресыщенія; божественная жизнь будетъ безконечно дѣятельна и безконечно блаженна въ одушевляющей ее неистощимой любви.

Подобныя ученія Отцовъ Церкви показываютъ ясно, съ какой полной свободою отдѣльныя личности стремились усвоить себѣ евангельскую истину, соглашать ее со всѣмъ остальнымъ своимъ мышленіемъ и познаньемъ и строить на ней далѣе; эта полнота личной жизни и личной вдумчивости представляетъ отрадную противоположность позднѣйшему догматическому окоснѣнію или же безпощаднымъ преслѣдованіямъ за какую бы то ни было разность во взглядахъ. Благодаря свободнымъ умамъ впервые воспреобладалъ духъ христіанскій, ими же онъ и поддержится.

Греческіе Отцы Церкви, какъ и сродно Эллинамъ, болѣе умозрительны, теоретичны: они доискиваются истины ради ея самой; латинскіе, какъ подо-

баетъ Римлянамъ, болѣе практичны: воля, образъ дѣйствій, нравственные способы обрѣсти спасеніе, — вотъ главная ихъ цѣль; но и они озабочены началами, точно такъ же какъ первые учатъ въ свою очередь, что необходимо самому быть добрымъ, необходимо быть чистымъ зеркаломъ божіимъ для познанія добра *.

Обойдемъ здѣсь Лактанція и Арнобія, чтобы пріостановиться еще на Августинѣ (354—430). Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сильныхъ натуръ, которыя раскрытіемъ своей личности оказываютъ многозначительное вліяніе какъ на современниковъ, такъ и на потомство; это такъ-сказать мѣроположные умы, потомучто они люди цѣльные, мыслятъ и чувствуютъ не вполовину. Сердце и судьба долго маяли его въ потокѣ треволненной жизни; онъ вполнѣ испыталъ на себѣ самомъ и усладу чувственности и отраду познанія, упоеніе и скорбь грѣха и высокое дѣйствіе благодати въ обращенномъ сердцѣ; путемъ заблужденія и борьбы пришелъ онъ къ истинѣ; сынъ, стоющій матери столько слезъ, не можетъ погибнуть, сказалъ одинъ епископъ въ утѣшеніе скорбѣвшей. «Признанія» передаютъ намъ его исторію въ видѣ непрерывной исповѣди передъ Богомъ; они послужили образцомъ для одноименной книги Руссо. Онъ началъ теперь учить тому, что прежде самъ пережилъ; оттого все носитъ у него свѣжія краски созерцанія и внутренняго чувства; его взгляды порождаются вмѣстѣ изъ сердца и изъ головы, и имѣютъ въ виду удовлетворить не только разсудокъ, но и совѣсть. Онъ говоритъ самъ: «Тревожнымъ остается сердце наше, пока не обрѣтетъ покоя «въ тебѣ, о Боже. Поздно я взлюбилъ тебя, древняя и новая красота, позд- «но взлюбилъ тебя! А вѣдь ты была внутри меня, но я-то былъ внѣ, все «ища тебя въ наружномъ и гнусно погрязая въ прекрасномъ твоемъ созданіи. «Ты была со мной, но меня съ тобой не было. Ты звала все громче и громче «и проторгла наконецъ мою глухоту, ты сіяла все лучезарнѣе и лучезарнѣе «и поразила наконецъ слѣпоту мою, ты бдѣла надо мною, я впивалъ твое ды- «ханіе и теперь дышу въ тебѣ одной. Ты прикоснулась мнѣ, и я пламенно «возжелалъ твоего мира».

Августинъ называетъ безплоднымъ то познаніе, при которомъ истина не переживается въ собственной груди человѣка; образъ мыслей его практиченъ, вездѣ высшая для него цѣль — спасеніе души. Но никто и теоретически не обозначалъ такъ выразительно поворота отъ древней поры къ новой. Античный духъ началъ съ объективности и нашелъ въ мірѣ нормы бытія и познанья; новый духъ начинаетъ съ субъективности, и мыслящее самосознаніе удостовѣряетъ его въ истинѣ внѣшняго міра и Бога. «Я мыслю, стало-быть я сущъ», это слово Декарта составляетъ краеугольный камень новаго времени, — науки, которая во всемъ напередъ сомнѣвается, хочетъ напередъ отдѣлаться отъ всѣхъ возможныхъ предразсудковъ, и за тѣмъ уже признать только то, что̀ согласно съ самодостовѣрностію *я*, то-есть съ разумомъ. Но вѣдь Августинъ сказалъ еще прежде: что мы сущи, про то знаемъ мы только потому что мы мыслимъ; а что мы подлинно мыслимъ, нельзя намъ сомнѣваться по-

* Другими словами: что постиженіе добра умомъ обусловлено принятіемъ его въ сердцу на самомъ дѣлѣ. Прим. перев.

тому, что и сомнѣніе есть уже мыслительное дѣйствіе; кто сомнѣвается, тотъ живетъ, хочетъ, познаетъ. Августинъ учитъ далѣе: Мы не могли бы обнаруживать ни довольства ни недовольства по поводу различныхъ явленій, не лежи въ духѣ нашемъ (коренныхъ) нормъ красоты, съ которыми сужденіе наше и соотносить вещи. Идеи эти—законъ искусства. Идеи истины, верховнаго добра должны существовать въ душѣ, если она стремится къ познанію и блаженству. Верховная истина, верховное благо, верховная красота есть Богъ.

„Богъ—непреложный законъ всякой жизни, откуда берется все справедливое и доброурядное въ любомъ временномъ законѣ"; — развѣ въ этомъ выраженіи Отца Церкви не предвосхищено ученіе Фихте, что Богъ есть нравственный міропорядокъ? А когда онъ называетъ Бога совокупностью всякой истины и свѣтомъ, въ которомъ мы все познаемъ, то развѣ это не предзвучіе мысли Малебранша, что мы все созерцаемъ только въ Богѣ? Если мудрость — самъ всесоздатель Богъ, то истинный философъ—боголюбецъ по преимуществу.

Августинъ учитъ о Богѣ далѣе, что онъ есть истинное во всемъ, а слѣдовательно и въ насъ самихъ. Онъ всему присущъ, пролитъ повсемѣстно, но нигдѣ не ограниченъ: то есть не то чтобы онъ былъ вполовину на небѣ, а вполовину на землѣ; напротивъ, онъ вездѣ весь и всегда пребываетъ въ самомъ себѣ. Чѣмъ болѣе мы научаемся понимать тварей, тѣмъ лучше познаемъ Творца. Не говори ни кто, что любитъ своего брата, а не знаетъ что такое Богъ; въ любви своей онъ узнаетъ, что Богъ именно и есть сама любовь. Какъ сердце наше объявляется въ словахъ, такъ непреложная мысль божія открывается въ измѣнчивомъ потокѣ времени. Міръ, это—реально осуществленный логосъ; идеи вещей въ духѣ божіемъ суть вмѣстѣ живыя причины и зародыши, одѣйствотворяющіеся въ мірѣ. Здѣсь передъ нами убѣжденіе нашего времени, преодолѣвающее и теизмъ и пантеизмъ въ познаніи такого Бога, который подлинно единъ и вмѣстѣ все, — единъ какъ начало и самосознательная личность, — все — въ раскрытіи своей творческой сущности, чья природа есть материнское лоно всего живущаго, и чей духъ—урядитель, просвѣтитель и вождь всѣхъ духовъ, которыхъ онъ точно такъ же проникаетъ собою, какъ наше *я* проникаетъ различныя свои представленія и душевныя движенья.

Августинъ видитъ единство въ Богѣ, какъ простой, непреложной сущности и всеобщемъ коренномъ началѣ, въ субстанціи (самобытной сути), которая одѣйствотворяетъ себя троякимъ образомъ откровенія и дѣятельности, пребывая въ каждомъ изъ нихъ нераздѣльно вся. Августинъ усматриваетъ подобную троичность во всемъ сущемъ, между прочимъ особенно въ духѣ человѣческомъ, образѣ и подобіи божіемъ. Духъ нашъ, говоритъ онъ, — память (memoria, собранная въ себѣ полнота и сово-

купность духовнаго бытія, необходимый матерьялъ всякаго вообще развитія), познаніе и воля; каждое изъ трехъ этихъ началъ различно отъ другихъ, но ни одного нѣтъ безъ другого, въ каждомъ изъ нихъ присущъ весь нашъ духъ цѣликомъ. Быть, познавать и любить составляетъ единую душевную сущность.

Отголоскомъ Платона, какъ зрѣлѣйшаго плода эллинизма въ собственномъ смыслѣ, и вмѣстѣ предзвучіемъ лейбницевской Өеодицеи и теоріи лучшаго изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, является тотъ эстетическій взглядъ на вещи, который многихъ озадачитъ въ человѣкѣ, обыкновенно слывущемъ за односторонняго проповѣдника ученія о первородномъ грѣхѣ и объ общей растлѣнности природы. Подобно Платону учитъ и Августинъ, что Богъ создаетъ все индивидуальное по вѣчнымъ образцамъ, идеямъ; но онъ идетъ далѣе Платона, утверждая, что Богъ влагаетъ свои идеи въ матерію. Всѣ вещи причастны формѣ и тѣмъ самымъ обличаютъ ту вѣчную и первичную форму, изъ которой онѣ произошли. Богъ все урядилъ числомъ, мѣрою и вѣсомъ, да откроется во всемъ та совершенная красота, которая самъ онъ въ своей сущности. Искусство и изящество основаны на числѣ и мѣрѣ; числовыя пропорціи, движущіяся во времени, образуютъ пляску, ритмъ, а тѣ, которыя выдерживаются въ пространствѣ, составляютъ красу тѣла. Благое равнозначительно съ прекраснымъ, праведность — внутренняя красота, отъ которой исходятъ вѣрныя пропорціи красоты внѣшней. Порядокъ міра—образъ красоты божественной; отблескъ миловидности Творца въ созданіяхъ возбуждаетъ въ насъ неутолимую жажду къ его велелѣпію. Красота, это — единство въ разности; она требуетъ многоразличія въ стройномъ согласіи частей; для полной красы міра необходимы и противоположности, высшія и низшія ступени въ лѣствицѣ существъ, которыя его составляютъ. Картина не пятнается вѣдь черной краскою, будь только послѣдняя на своемъ мѣстѣ; такъ и добро блещетъ еще ярче въ противоположности со зломъ, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ зло примѣшано къ вещамъ міра, оно прямо служитъ на пользу добра, а міру обращается въ украшеніе. Все, что́ безразсуднымъ умамъ кажется зломъ, огонь, холодъ, хищные звѣри, все это важно на своемъ мѣстѣ, все пригнано къ цѣлому, и содѣйствуетъ его украшенію, а нашей пользѣ, умѣй мы только правильно его употреблять; превратное употребленіе обращаетъ намъ во вредъ даже питіе и пищу, а надлежащее — въ лѣкарство самый ядъ. Богъ тотъ же вездѣ высокій художникъ, отъ самомалѣйшей вещи до громаднѣйшей.

Съ этимъ эстетическимъ воззрѣніемъ на міръ согласно и то, что Августинъ признаетъ въ духѣ жизненное начало тѣлесности, или постигаетъ въ душѣ ту идеальную суть, которая видообразуетъ тѣло, которая присуща любому члену его и дѣлаетъ тѣло своимъ о́рганомъ, орудіемъ своихъ сообщеній съ внѣшнимъ міромъ; потомучто слышитъ вѣдь не ухо, видитъ не глазъ, а видитъ и слышитъ душа посредствомъ чувственныхъ о́ргановъ;

но душа, безсознательно совершающая отправленія растительной и животной жизни, тотъ же самый субъектъ, который самосознаніемъ доходитъ до духовности, который мыслитъ, хочетъ и любитъ. Настоящее ядро и средоточіе личности, это — воля; въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ даже прямо: „Человѣкъ только воля, и больше ни чего".

Сущность воли и для Августина есть свобода; задача воли состоитъ въ томъ, чтобъ выработаться, выбиться изъ-подъ нерѣшимости, изъ подъ одинаковой возможности дѣлать добро или зло или ихъ не дѣлать, выйдти изъ-подъ произвола на истинную свободу, стать независимо отъ преходящихъ вещей, отъ грѣха и чувственности, и достичь самодѣятельной жизни правдой и для правды. Но съ свободой неизбѣжно связана опасность злоупотребленія или отпаденья; превратный строй чувствъ и мыслей необходимо порождаетъ зло, грѣхъ — стремленіе извращенной воли. Но какъ и заносливый конь все же лучше неподвижнаго камня, то и заблужденіе волящаго выше соблюденія предписаннаго пути существомъ безвольнымъ. Безъ свободы и безъ возможности зла не было бы ни добродѣтели, ни благополучія.

При такомъ обиліи истинно-философскихъ мыслей, явною противоположностью представляется то, что Августинъ, особенно на старости, выступаетъ вездѣ поборникомъ уставовъ государственной Церкви; онъ считаетъ ихъ необходимыми для надежной охраны христіанской истины и для воспитанія къ ней народа. Внѣ Церкви не видитъ онъ ни какого спасенія, добродѣтели язычниковъ въ глазахъ его только блистательные пороки, и вѣчные матерьяльные огни ада—неминуемое ихъ достояніе. Что̀ достаточно для проложенія народу практическаго пути къ спасенію, то должно довлѣть и для разрѣшенія задачъ науки. Подобно Павлу и Лютеру, Августинъ испыталъ въ собственной груди и прелесть грѣха и страшную силу зла на бѣломъ свѣтѣ, испыталъ, какъ много душа нуждается въ спасеніи и какъ могущественна божья благодать; подобно имъ налегалъ онъ особенно на испорченность нашей природы и на искупительное спасеніе во Христѣ. Онъ замѣчаетъ что послѣ того какъ разъ водворилось въ мірѣ зло, любой младенецъ врождается въ испорченную уже атмосферу, видитъ передъ собой дурные примѣры, слышитъ извращенные взгляды и отравляется ими; Августинъ при этомъ крѣпко держится за единство человѣческаго рода: согрѣшивъ и заслуживъ себѣ наказаніе, прародители произвели такихъ же какъ они грѣшныхъ и достойныхъ кары дѣтей. Отсюда идетъ онъ далѣе къ тому, что̀ хотя и оставляетъ еще искру разума за падшимъ человѣкомъ, но уже отвергаетъ въ немъ всякую силу на добро; однажды выступивъ изъ свободы воли и предавшись грѣху, онъ окончательно попалъ къ нему въ рабство, такъ что потерялъ уже и способность къ добродѣтели. Поэтому всѣ обречены вѣчному осужденью; но Богъ, по особенной своей милости, избираетъ нѣкоторыхъ для спасенія и ублажаетъ ихъ помимо заслугъ, предоставляя всѣхъ прочихъ

вѣчной пагубѣ. Такимъ образомъ Августинъ упраздняетъ свободу воли, которой прежде училъ самъ, и любовь божія предлагаетъ у него искупленіе отнюдь не всѣмъ, а надѣляетъ имъ только нѣкоторыхъ. Причины этому Августинъ ни какой не знаетъ; онъ прибѣгаетъ къ послѣднему убѣжищу невѣдѣнія, къ сокровеннымъ отъ человѣка высшимъ судьбамъ. И, по его словамъ не тѣ именно спасутся, кто внеметъ призыву божію, кто отдастся влеченію благодати; нѣтъ, благодать сама упредитъ волю человѣка и даруетъ силу схватиться за нее тому, кто будетъ ею избранъ; другіе, непричастные ей, всѣ обрекутся аду, да явится на нихъ кара божьяго правосудія. По истинѣ же вездѣсущій Богъ дѣйствуетъ во всѣхъ; и въ грѣшномъ человѣкѣ остается совѣсть, а съ нею и возможность на добро, хотя своимъ упорствомъ во злѣ и накопленіемъ одной вины на другую онъ дѣйствительно можетъ совершенно подпасть порочности и сдѣлаться ея холопомъ; безъ божественной любви ему не дойдти бы до спасенія, но благодать готова для всѣхъ, она предлагаетъ сама себя на выборъ людямъ, и Богъ ублажитъ всякаго, кто за нее схватится.

Противоположность между избранными къ спасенію и обреченными на гибель приводитъ Отца Церкви къ его философіи исторіи. Онъ говоритъ что развитіе міровыхъ эпохъ, подобно высокому пѣснопѣнію, украшено Богомъ какъ бы антитезами, и общая краса міра какъ бы нарочно усилена противопоставовкою несовмѣстныхъ съ нею вещей; но дѣло не доходитъ здѣсь до примиренія разладицы, до разрѣшенія диссонанса; отрицательное остается обокъ съ положительнымъ, вмѣсто того чтобы завлечь его въ процессъ развитія, вызвать его энергію и наконецъ быть отъ него побѣжденнымъ. Августинъ знаетъ только градъ божій или небесный, и градъ міра сего или дьявольскій; граждане одного — сосуды милосердія, граждане другого—сосуды гнѣва. Авель и Каинъ знаменуютъ собой обоихъ. Градъ міра находитъ свое величіе въ вавилонской, ассирійской и римской державахъ; градъ божій выступилъ свѣтлѣе вмѣстѣ съ Авраамомъ, средоточіе же его—Христосъ. Онъ завершится на̀ небѣ, а градъ міра—въ преисподней. О возрожденіи всѣхъ вещей онъ не училъ: тутъ явенъ непреодолимый еще остатокъ манихейскаго дуализма (двоеначалія).

Въ этомъ отношеніи Августинъ восполняется книгами, писанными въ 5-мъ или 6-мъ вѣкѣ, а обозначенными именемъ Діонисія Ареопагита, Павлова обращенника. Въ неоплатоническомъ тонѣ говорятъ онѣ о превышающей всякій умъ и геній сокровенности божіей, и требуютъ чтобы человѣкъ возносился къ ней въ мистическомъ единеніи всей души и всего сердца. Мы познаемъ Бога какъ чинъ, порядокъ всего сущаго, который носитъ на себѣ его образъ, мы познаемъ его какъ причину всего, только возносясь надъ этимъ міромъ. Онъ содержитъ въ себѣ всѣ начала сущаго, какъ единица—всѣ числа, какъ центръ—всѣ радіусы; онъ солнце, а міръ—исходящій отъ него свѣтовой кругъ. Какъ причина

всего, онъ—все, и все вѣдаетъ въ себѣ самомъ, вѣдаетъ изъ нутра́ и отъ корня. Принадлежащую къ существу его идею міра проявляетъ онъ въ противоположностяхъ, оставаясь самъ превыше всякой розни все тѣмъ же неизмѣннымъ божествомъ, неподвижнымъ среди вѣчной подвижности. Онъ вседѣйственная любовь, которая ни чему не даетъ погибнуть, а напротивъ все поддерживаетъ, и даже то, что̀ заблудится, она снова призываетъ на правый путь, снова подымаетъ падшее и спасаетъ. Онъ такъ добръ, что хочетъ своего спасенія для всѣхъ. Во Христѣ взошелъ свѣтъ его, да просвѣтится все. Христосъ все ведетъ къ бытію и хочетъ, чтобы все ему уподобилось и вошло съ нимъ въ общенье. Въ немъ Богъ не только умѣетъ обращать зло къ добру, но и злыхъ къ просвѣщенію черезъ явныя оказательства любви своей; не противъ воли, а вполнѣ добровольно должна наконецъ каждая свободная тварь пріийдти къ общенію съ Богомъ, къ блаженству.

РЕЛИГІОЗНАЯ ПОЭЗІЯ.

Для первыхъ христіанъ надземное низошло въ земное, исчезла разница между естественнымъ и чудеснымъ; во всѣмъ видѣли они перстъ божій, и ангелы его парили надъ общиной блюдя ее и охраняя. Когда замедлилось исполненіе надеждъ на то, что Спаситель пріидетъ снова на облакахъ для водворенія царства своего на землѣ, тогда пріобрѣла еще болѣе убѣдительности вѣра. что земная кончина для людей прямой входъ въ славу его небесную. Все настроеніе сдѣлалось такимъ образомъ идеальнымъ и полнымъ фантазіи. Иногда фантазія разыгрывается уже не въ мѣру и доходитъ не только до странныхъ преувеличеній, но подчасъ и до нелѣпицъ, просто оскорбляющихъ вкусъ и чувство приличія. Какъ же иначе назвать напримѣръ ту легенду, что святой Бернардъ, которому вѣрный спутникъ его въ странствіяхъ приписалъ всего лишь нѣсколько исцѣленій первныхъ больныхъ, по позднѣйшему разсказу отлучаетъ отъ Церкви мошекъ, которыя безпокоили вѣрующихъ, и мошки тутъ же падаютъ мертвыми въ такомъ несмѣтномъ числѣ, что ихъ пришлось разгребать лопатами? Оттого интереснѣйшимъ изъ апокрифовъ и является самый старый, „предъевангеліе Іакова", названное такъ потому, что оно дополняетъ каноническія евангелія извѣстіями о родителяхъ и юности Іисуса. Оно начинаетъ съ родителей Маріи, Іоакима и Анны, и повѣствуетъ что они дожили благочестиво до глубокой старости въ бездѣтномъ бракѣ; этимъ какъ іудейская, такъ и христіанская древность хотѣли показать, что поздно рожденное дитя уже не плодъ чувственной похоти, а настоящій даръ Неба. Жертва Іоакима презрительно отвергнута на томъ основаніи, что у него нѣтъ потомства, и вотъ онъ удаляется въ пустыню, печалуясь и постясь. Съ кѣмъ ему сравнить себя? Съ птицами ли воздушными, или со звѣрями въ полѣ? Но всѣ они плодучи, даже море, и то родитъ волну за волной, и земля производитъ растенія. Тогда ангелъ господень возвѣщаетъ ему, что услышана его молитва. Онъ встрѣчаетъ Анну подъ воротами своего дома, обнимаетъ ее, и увѣренъ что Богъ благословитъ теперь ея чрево. Новорожденную Марію посвящаютъ Господу и съ третьяго года воспитываютъ во храмѣ. Когда она созрѣла невѣстой, жрецъ сзываетъ холостыхъ мужщинъ и велитъ каждому принесть съ собою жезлъ, на которомъ Богъ и откроетъ, кому изъ нихъ взять за себя Марію. Изъ Іосифова жезла расцвѣтаетъ лилія, изъ него же вылетаетъ голубь. Тогда Маріи задается урокъ прясть пурпурныя нити для храмовой завѣсы, и тутъ-то ангелъ божій возвѣщаетъ

ей, что она будетъ матерью Мессіи. Забеременѣвъ, она пьетъ вмѣстѣ съ Іосифомъ воду заклятія, отъ которой всякій кто нечистъ, непремѣнно долженъ лопнуть; они же, напротивъ, остаются невредимы. Іосифъ отходитъ съ нею въ Виолеэмъ, и тамъ она разрѣшается младенцемъ въ пещерѣ, которая сначала закрылась облакомъ, а потомъ вдругъ освѣтилась изнутри. Приходитъ повитуха, и сомнѣвается чтобы Марія осталась дѣвой при родахъ; но когда она хочетъ въ томъ осязательно убѣдиться, дерзкая рука истлѣваетъ у ней какъ въ огнѣ.

Напротивъ, въ евангеліи Ѳомы многоразличныя чудеса младенца Іисуса отличаются то жалкимъ фиглярствомъ, то злобнымъ и мстительнымъ характеромъ. Мальчикъ вылѣпляетъ птичекъ изъ глины, а Іудеи порицаютъ эту забаву, какъ неприличную въ праздничные дни; тогда онъ хлопнулъ въ ладоши, и комочки глины поднялись живые на воздухъ. Онъ совсѣмъ засушаетъ одного изъ маленькихъ своихъ сверстниковъ, за то что тотъ расплескалъ у него немножко воды; другому, который столкнулся съ нимъ на бѣгу, онъ говоритъ: ты не пойдешь дальше! и бѣдняга тутъ же падаетъ замертво. Іисусу понадобилось сходить за водой, и онъ приноситъ ее въ платкѣ, такъ какъ кувшинъ у него разбился. Въ евангеліи младенчества Іисусова чудесныя цѣленія совершаются во время бѣгства во Египетъ водою омовеній и пеленками; всякая дѣльность содержанія исчезла здѣсь передъ блестками сказочной шумихи. Напротивъ Никодимово евангеліе представляетъ полный протоколъ суда Іисуса Христа передъ Пилатомъ, точно такъ же какъ рано уже появились въ свѣтъ тѣ акты, которые Пилатъ будто бы препроводилъ къ Тиберію.

Всего прежде въ кругъ легендарнаго сказанія вводятся ученики Іисуса, въ особенности Петръ и Іоаннъ. Когда христіанская община столицы сдѣлалась важнѣйшею, то сама собою родилась мысль приписать основаніе ея верховному апостолу; а къ этому примкнуло потомъ повѣрье, что и мученическую смерть претерпѣлъ онъ въ Римѣ, гдѣ едвали когда бывалъ. Онъ будто бы хотѣлъ бѣжать отъ опасности, но у городскихъ воротъ повстрѣчалъ его Спаситель. Господи, куда ты? спросилъ Петръ. Въ Римъ, чтобы тамъ вторично распнуться, отвѣчалъ Іисусъ. Тогда Петръ воротился назадъ, и такъ-какъ ученикъ менѣе учителя, то онъ былъ распятъ не вверхъ, а внизъ головою. — Ѳома приноситъ евангеліе въ Индію. Когда онъ пришелъ туда, тамъ праздновали свадьбу царевны и просили его благословить молодыхъ. Новобрачнымъ явился ночью Іисусъ и увѣщевалъ ихъ пребыть чистыми и отрѣшиться отъ суетъ смертной жизни. Наутро сидѣли они другъ возлѣ друга, какъ братъ съ сестрой, и дѣва новобрачная объявила отцу, что она невѣста царя небеснаго. Всѣ думали, что пришелецъ околдовалъ ихъ и хотѣли его преслѣдовать, но она такъ убѣдительно проповѣдовала о Христѣ, что народъ обратился къ правой вѣрѣ. Царь надѣлилъ послѣ этого апостола деньгами

на постройку великолѣпнаго дворца, но тотъ роздалъ все бѣднымъ, а прогнѣванный поступкомъ его владыка научился послѣ изъ бывшаго ему сновидѣнія, что этимъ уготована ему славная обитель на небѣ. Гдѣ Ѳома находилъ кумиры, онъ вездѣ принуждалъ ихъ самихъ къ свидѣтельству, что они жилища бѣсовъ и что есть только одинъ Богъ истинный.—Когда Іоаннъ въ Эфесѣ не захотѣлъ отвергнуться Христа, его окунули въ котелъ съ кипящимъ масломъ; но онъ вышелъ оттуда невредимъ, умащенный какъ боецъ на потѣшныя игры. Собравшись въ дальній путь, онъ поручилъ особенному вниманію епископа одного прекраснаго юношу, къ сожалѣнію исполненнаго страстями. Молодой человѣкъ попалъ въ дурное общество, предался разврату, усомнился въ Богѣ и сталъ наконецъ атаманомъ шайки разбойниковъ. Іоаннъ, воротясь изъ странствія, сначала потребовалъ отъ епископа ввѣренный ему залогъ, а потомъ пустился верхомъ въ горы отыскивать заблудшаго. Разбойникъ хотѣлъ было убѣжать, но апостолъ снова окрестилъ его горючими слезами и спасъ-таки отъ погибели. Въ Эфесѣ богатый юноша, Каллимахъ, влюбился въ замужнюю красавицу, Друзіану, которая, предавшись душой Іисусу Христу, хотя и хранила къ мужу сердечную привязанность, но впрочемъ не вела съ нимъ супружескаго общества. Открывъ, что молодой человѣкъ воспылалъ къ ней преступнымъ желаніемъ, она хотѣла лучше умереть, нежели быть поводомъ чтобы другой извелся ради нея въ грѣховной страсти; ее похоронили въ могильный склепъ, но Каллимахъ подкупилъ ключника предать ему тѣло возлюбленной. Когда же онъ обнажилъ трупъ, изъ гроба поднялась змѣя и, уязвивъ его своимъ жаломъ, легла на него, павшаго замертво. Іоаннъ приходитъ въ склепъ вмѣстѣ съ мужемъ Друзіаны; тутъ явился ему Іисусъ и указалъ воскресить покойника. Іоаннъ велѣлъ змѣѣ уйдти прочь и оживилъ молодого человѣка; тотъ признался въ гнусномъ своемъ вожделѣніи и повѣдалъ, что когда хотѣлъ подойдти къ усопшей, то какой-то прекрасный юноша прикрылъ ее своей ризой и сказалъ: Каллимахъ, умри, чтобы стать живу. Онъ дѣйствительно и умеръ какъ грѣшный язычникъ, но возсталъ теперь кающимся и чистымъ христіаниномъ. Тогда воскрешена была также Друзіана, и всѣ они жили съ тѣхъ поръ цѣломудренно, вѣрные Господу Богу. Разсказъ носитъ на себѣ явно характеръ новеллистическаго сочиненія; впослѣдствіи нѣмецкая монахиня, Гротсвита гандерсгеймская, обратила его въ драму. Авторъ повѣсти про Павла и Ѳеклу откровенно признается самъ, что сочинилъ ее въ честь апостолу.

Далѣе предметомъ легенды становятся мученики. Въ жизни ихъ преломлялся на многоразличные лучи чистый свѣтъ первообраза жизни Іисуса; они должны были служить народу образцами вѣры и вѣрности, они были признаны за святыхъ, и если только усильною борьбой они успѣли подняться изъ заблужденія и грѣховности, то призваніе ихъ было показать другимъ примѣръ, какъ сдѣлаться христіанами въ полномъ смыслѣ слова.

Религіозная поэма въ іудейско - христіанскомъ духѣ дошла до насъ изъ послѣдней половины 2-го вѣка въ «Пастырѣ» Герма, назидательной книгѣ, примыкающей къ исторіи пророковъ и апокалипсиса, но совсѣмъ не такъ какъ евангелія въ ихъ эпическомъ повѣствованіи. Гермъ или Гермодоръ живетъ подконецъ 1-го вѣка въ Римѣ съ своей семьей, занимаясь торговлею; вдругъ видитъ онъ купающуюся женщину, и сердце его запылало къ ней непреодолимой чувственной страстью, пока она не явилась ему въ видѣніи и не напомнила словъ Іисуса, что кто взглянетъ на женщину съ вожделѣніемъ, тотъ согрѣшилъ уже съ нею въ сердцѣ своемъ. Потомъ предстаетъ Герму въ видѣ ветхой старицы сама Церковь, чтобы открыть ему ужасы грядущаго; она стара, но пріобрѣтаетъ себѣ новую жизнь покаяніемъ, и становится тѣмъ моложе, чѣмъ болѣе Гермъ внимаетъ ея укрѣпляющимъ духъ призывамъ. Новыя видѣнія представляютъ ему вселенскаго звѣря, на котораго онъ смотритъ не колеблясь, и потомъ строеніе града божія, при чемъ много камней отметается прочь. Наконецъ является ему ангелъ покаянія въ образѣ пастыря (откуда и названье этой книги) и передаетъ въ заповѣдяхъ и притчахъ увѣтъ къ полному обращенію всего міра, къ рѣшительному исправленію, потому что двери града божія открыты только крѣпкой вѣрѣ въ единаго Бога, молитвѣ, посту, цѣломудрію, употребленію богатства на дѣла милосердія, и непоколебимой твердости среди гоненій.—Концу 2-го вѣка принадлежитъ другое іудейско-христіанское произведеніе, романъ, разыгрывающійся во времена апостольскихъ дѣяній, и представляющій епископство учрежденіемъ апостоловъ, Петра—первымъ римскимъ епископомъ, а мученика Климента, изъ императорскаго рода,—его преемникомъ. Климентъ рано лишился отца, матери, братьевъ; его тревожатъ сомнѣнія въ безсмертіи души, и напрасно ищетъ онъ утѣшеній у языческихъ философовъ. Жажда мудрости завлекаетъ его въ Египетъ, гдѣ онъ слышитъ проповѣдь Варнавы о новомъ ученіи Іисуса Мессіи. Это ведетъ его далѣе къ Петру, уже обращавшему тогда язычниковъ на сирійскомъ побережьи. Онъ пристаетъ къ первоверховному апостолу, и сопровождая его въ странствіяхъ, находитъ черезъ это мать, братьевъ и отца; своенравная игра судьбы повергла ихъ въ физическое и нравственное бѣдствіе, но они чудесно избавились отъ обоихъ силою христіанской вѣры. Разсказъ идетъ здѣсь совершенно какъ въ александрійскихъ романахъ, и отъ сценъ нечаяннаго свиданія онъ получилъ имя «Распознаній», тогда какъ по полномысленности его содержанія зовется онъ также и «Бесѣдами Климента»: Климентъ отчасти самъ бесѣдуетъ здѣсь съ Петромъ, отчасти слушаетъ его проповѣди и полемическія рѣчи противъ ложной гнозы въ защиту христіанской истины.

Вразумляйте сами себя во псалмахъ, славословіяхъ и пѣсняхъ духовныхъ, говорится въ посланіи къ Колоссянамъ, и Плиній въ письмѣ къ Траяну упоминаетъ о гимнахъ христіанъ въ честь Христу и Богу. Сами Евангелія представляютъ намъ отголосокъ ветхозавѣтныхъ псалмовъ въ пѣсняхъ Захаріи и Маріи. Радостный привѣтъ ангеловъ пастухамъ: Слава Богу въ вышнихъ, миръ на землѣ, и въ человѣкахъ благоволеніе, разносился все далѣе въ короткихъ или длинныхъ хваленіяхъ Отцу-Создателю, жизнедавцамъ и свѣтодавцамъ, Христу и Святому Духу, — въ хваленіяхъ, какія съ тѣхъ самыхъ временъ не перестаютъ звучать въ цѣломъ христіанствѣ. Къ этимъ

безхитростнымъ простонароднымъ звукамъ, къ голосу не одного лица, а всей сплошь общины, присоединился у греческихъ Отцовъ Церкви новый элементъ: не пластическая наглядность образовъ и не древнеклассическая ясность формы, а свойственное платонизму пареніе любви къ вѣчно-прекрасному и безсложно-единому, въ томъ живомъ чувствѣ, что у души снова отростаютъ крылья способныя унести ее въ идеальную отчизну. Хвалебный гимнъ Христу Климента Александрійскаго представляетъ намъ какъ бы страстный лепетъ, восторгъ сердца ликующаго въ чувствѣ искупленія; этотъ восторгъ выбивается наружу въ короткихъ стихахъ, хватаясь то и дѣло за отдаленные образы.

Узда дико-скачущихъ жеребятъ,
Маховое перо птицъ парящихъ,
Кормило недоросля-народа,
Пастухъ царскихъ ягнятъ,
Собери простодушныхъ дѣтей своихъ, —
Пусть радостно поютъ
Изъ глубины святой груди,
Изъ неоскверненныхъ устъ,
Вождю человѣчества, Спасителю!

За тѣмъ Христосъ восхваляется какъ слово Отца, владыка премудрости, Господь вѣчности, избавитель смертныхъ; повторяются опять выраженія, кормило, узда, перо стаи небесной; онъ именуется рыбаремъ, уловляющимъ человѣковъ изъ враждебной волны времени для новой, отрадной жизни, именуется источникомъ милосердія.

И вотъ изъ милой груди
Красавицы - новобрачной,
Мудрости,
Течетъ для дѣтскихъ устъ
Небесное молоко;
И напитавшись духовною росой,
Поемъ мы хвалу
Царю и Господу,
Слову животворящему,
Всесильному Сыну.
О ты, хоръ мира и согласія,
О родъ христіанскій,
Племя мудрости,
Воспоемъ всѣ дружно Богу мира!

Григорій Назіанзинъ изливаетъ свои чувства въ правильныхъ трохеяхъ, славословя Іисуса Христа, моля ясности своему духу, чистоты своей волѣ отъ того,

Кто даритъ намъ пѣснь съ напѣвомъ,
Хоры ангеловъ предводитъ,
Времени даетъ теченье,
Солнце посылаетъ свѣтить;
Кѣмъ и мѣсяцу указанъ
Путь его, кто надѣляетъ
Звѣзды блескомъ величавымъ,
Душу же благочестивца
Боговѣдѣнія свѣтомъ.

Синесій пѣлъ такіе гимны, которые сливая въ себѣ христіанскіе элементы съ неоплатоническими какъ-то близко напоминаютъ тонъ индійскихъ стихотвореній. Богъ призывается въ нихъ какъ единица единицъ, корень корней, источникъ источниковъ, душа душъ и звѣзда звѣздъ; потомъ именуется онъ единымъ и вмѣстѣ всѣмъ, вѣдущимъ и вѣдомымъ, освѣщающимъ и просвѣтленнымъ, единымъ въ самомъ себѣ и вмѣстѣ во все излитымъ. Безсмертный духъ нисходитъ къ веществу, движетъ своды небесные и успокоивается въ узахъ земной оболочки.

И въ дали отъ Отца
Пилъ онъ изъ темнаго ключа забвенія,
Озирая печальную землю
Съ тревогами и боязнію въ душѣ.
Но и здѣсь есть Богъ,
Проникающій окомъ въ смертное,
Лучъ свѣта для зрѣнія, готоваго принять его.
И въ низпадшихъ есть сила,
Зовущая ихъ къ небесамъ,
Когда, избавясь отъ бурь житейскихъ,
Спѣшатъ они радостно
Въ обители Отца.
Чтò однажды водворится въ хоръ сущаго,
То не погибнетъ вовѣки:
Всякая быть отъ другихъ и черезъ другихъ
Наслаждается всѣмъ въ свою мѣру и очередь.
Преходящее, въ вѣчномъ кругооборотѣ своемъ,
Отъ твоего дыханія
Расцвѣтаетъ снова;
Передъ тобой — все идетъ
Въ вѣчномъ хороводѣ.
Я же въ земныхъ узахъ
И похотяхъ
Несу мрачныя оковы.
Изъ службы тебѣ попалъ я въ неволю рабскую,
Чарующею силой охватило меня вещество,
Но еще тлѣютъ во мнѣ небесныя искры,
Твое сѣмя, о Господи,
Эта молнія духа;
А очистителемъ,
Освободителемъ
Все же опять будешь ты!
Услышь мольбу мою и воззри на душу,
Жаждущую царства духовнаго.
Засвѣти снова лучъ, повернувшій назадъ,
Дай крылья ему, и сокруши то желаніе,
Которое тянетъ его къ землѣ противъ воли!
Простри руку, Отецъ,
Чтобы выскочить мнѣ
Изъ тѣлесныхъ узъ
И подняться ввысь
Къ моей родинѣ,
Къ груди твоей!
Твое сердце тотъ ключъ,
Откуда брыжжетъ душа
И падетъ на землю небесною каплей.
Дай ей слиться со свѣтомъ,
Свѣтомъ творческимъ,
И въ небесномъ ликѣ
Воспѣть тебѣ пѣснь святую и мудрую!
А покамѣсть земная жизнь

Еще держитъ меня въ узилищѣ,
Надѣли меня тихою и блаженною долей.

Чтобы стать посредникомъ возвращенія къ первоначалу, вотъ для чего пришелъ въ міръ Христосъ:

Самъ первоисточникъ свѣта,
Лучезарный въ славѣ Отца,
Проторгающій ночь мрака
И озаряющій душу чистую,
Указуя пути свѣтиламъ,
Укрѣпляя корни земли,
Ты вмѣстѣ и Спаситель людямъ.
Изъ святой полноты своей
Разливая блескъ и благоденствіе,
Даешь ты пищу мірамъ вселенной.
Изъ лона твоего истекаютъ
Мысль, свѣтъ и душа;
Дай же душѣ, неоскверненной земными похотьми
И свободной отъ болѣзней,
Обрѣсть миръ себѣ въ хвалебномъ тебѣ пѣніи!
Слава тебѣ, источникъ Сына,
Слава тебѣ, отблескъ Отца!
Слава тебѣ, основа Сына,
Слава тебѣ, печать Отца!
Слава тебѣ, крѣпость Сына,
Слава тебѣ, красота Отца!
И слава тебѣ, Духъ, безконечный,
Средоточіе Отца и Сына!
Да пошлютъ намъ тебя Отецъ и Сынъ,
Утѣха и отрада души,
Даровъ божіихъ преизобиліе!

Ощущенія блаженства искупленной души нашли себѣ въ гимнѣ мудрыхъ дѣвъ милѣйшее выраженіе; онъ сочиненъ епископомъ Меѳодіемъ Патарскимъ, мученикомъ по прозванію. Превосходный переводчикъ гимна, Фортлаге, говоритъ, что онъ блещетъ кристально-чистою граціей образовъ греческой трагедіи. «Предаюсь тебѣ душой и иду навстрѣчу тебѣ, женихъ, неся лучезарные свѣтильники», все съизнова повторяетъ хоръ, тогда какъ одиночные голоса дѣвъ повѣдываютъ каждый въ свою очередь, какъ онѣ бѣжали многовздошнаго земного счастія, бѣжали ложа смертной любви, чтобы войдти въ чертогъ жениха небеснаго и насладиться созерцаніемъ красы его. Онъ Царь жизни, свѣтъ негаснущій; онъ наполнитъ чашу ихъ нектаромъ блаженства. Онѣ тужатъ о несчастныхъ подругахъ, которыя теперь плачутъ и рыдаютъ, что не стало масла въ ихъ свѣтильникахъ. Онѣ славословятъ Марію Дѣву, непорочную, сіяющую побѣдой, сладко дышащую, убранную чашечками бѣлыхъ лилій; онѣ славословятъ общину святыхъ, какъ чистую, достолюбимую невѣсту Господню, блестящую снѣжной бѣлизной, фіалкокудрую. Исчезло всякое безумное вожделѣніе вмѣстѣ съ слезными скорбями болѣзни, изгнана навѣки смерть, и рай пріобрѣтенъ снова.

Послѣ продолжительной побывки въ Константинополѣ Иларій въ 4-мъ вѣкѣ далъ впервые ходъ общинному пѣнію на Западѣ; онъ раздѣлилъ его на четырехстишныя строфы съ четырьмя ямбами въ каждомъ стихѣ, замыкаемомъ иной разъ нежданно-напросившеюся риѳмою. Такова напримѣръ его утренняя пѣснь:

О свѣтодавецъ, льющій свѣтъ,
Ты яркимъ блескомъ солнечнымъ,
Едва потонетъ ночи тѣнь,
Распространяешь ясный день;

Ты утренняя всѣмъ звѣзда,
Ты солнце, ты и свѣтъ, и день;
Пролей же въ глубину груди,
На сердце намъ свой чистый блескъ.

Пруденцій ввелъ трохаическій тетраметръ, напримѣръ:

Волнъ приливы и отливы, берегъ, жертва частыхъ бурь,
Дождь и снѣгъ, жары, морозы, воздухъ, лѣсъ, и ночь, и день,
Всѣ отъ вѣка и довѣка славятъ пѣснями тебя!

Впослѣдствіи стали охотно употреблять и сафическую строфу *, какъ напримѣръ въ пѣснѣ Григорія I:

Вотъ ужь ночи тѣни поблѣднѣли,
Ужь зардѣлъ яснѣющій востокъ,
Съ пламенной и мы теперь молитвой
Всѣ прибѣгнемъ къ общему Отцу.

Да избавитъ насъ онъ милосердо
Отъ тревогъ души и дастъ намъ миръ,
Да и днесь святымъ его послужитъ
Все что̀ существуетъ на землѣ.

Не оставь насъ нынѣ, Богъ блаженный,
Сынъ, Отецъ и Духъ святой, все вдругъ,
Ихъ же слава отъ вѣковъ несется
Съ одного конца земли въ другой.

Пѣсни эти преимущественно молятъ о внутреннемъ свѣтѣ; душа жаждетъ его при первомъ утреннемъ крикѣ пѣтуха или когда день склоняется къ вечеру, чтобы освободиться отъ ночныхъ ужасовъ и соблазновъ; онѣ молятъ объ освященіи воли, объ укрѣпленіи богопреданности. Мѣсто свойственнаго Востоку тревожнаго преизбытка о̀бразовъ заступила теперь спокойная простота, общепонятность замѣнила мистически-философскій характеръ; намъ не встрѣчается ни новыхъ помысловъ, ни новыхъ созерцаній; то, что̀ истинно и равно ощутительно для всѣхъ, высказывается здѣсь въ немногихъ мощныхъ выраженіяхъ съ потрясающею и трогательною силой, и высказывается не единичнымъ лицомъ, а цѣлою общиной, цѣлымъ тогдашнимъ вѣкомъ. Народное пѣснопѣніе вообще не бьетъ ни на необычайность, ни на утонченность; а потому во всѣхъ почти гимнахъ этихъ находимъ мы чуть не одно и то же содержаніе: сердце всегда снова чувствуетъ потребность исповѣдать истину, всегда снова порывается къ Богу. Гердеръ говоритъ: «Въ дѣйствіи, произведенномъ «христіанскою религіей на нравы міра, участвовало и великое орудіе ея, «пѣснь; но и здѣсь сила небесная нисходитъ тихо и сокровенно; быть-мо-

* Такъ-какъ размѣръ этой строфы порусски не воспроизводимъ, то мы передаемъ содержаніе въ вольномъ стихѣ наиболѣе къ тому удобномъ. Прим. перев.

«жетъ, ни одна поэзія не оцѣнена во вліяніи своемъ такъ мало, какъ эта; а «между тѣмъ она вліяетъ вѣдь на лучшую, вѣрнѣйшую часть человѣчества, «и при томъ не изрѣдка, а ежедневно, не по случаю какихъ-нибудь безразлич-«ныхъ обстоятельствъ, а напротивъ при самыхъ тяжкихъ бѣдахъ, когда имен-«но и нужна такая помощь. Эти святые гимны и псалмы, которымъ минули «тысячелѣтія и которые при каждомъ своемъ дѣйствіи сохраняютъ еще всю «новизну и силу, какъ благотворны были они для бѣднаго человѣчества! Съ «одинокимъ отшельникомъ они входили въ его келью, съ утѣсненнымъ—въ «его темный уголокъ, въ глубину его злой доли, въ его могилу; воспѣвая «ихъ, онъ забывалъ трудъ и печаль; истомленный земнымъ бременемъ «скорбный духъ окрылялся стремленіемъ въ міръ небесной радости. Онъ «возвращался потомъ къ землѣ, укрѣпившись силой, продолжалъ трудиться, «страдать, терпѣть, дѣйствовалъ въ тиши и наконецъ побѣждалъ: — что́ «сравнится съ плодотворнымъ вліяніемъ подобныхъ пѣсенъ»?

И латинская искусственная поэзія дала еще нѣкоторые запоздалые цвѣты, избирая своимъ содержаніемъ христіанскіе уже предметы. Испанецъ Пруденцій, полководецъ и политикъ второй половины 4-го столѣтія, пѣлъ праздничные гимны, свивалъ мученикамъ поэтическіе вѣнки, отстаивалъ въ поучительныхъ стихотвореніяхъ христіанскую истину противъ еретиковъ и язычниковъ, и среди душевной борьбы написалъ аллегорію о битвахъ добродѣтелей съ пороками, гдѣ схватываются между собой сомнѣніе и вѣра, ненависть и любовь, сластолюбіе и умѣренность, податливая щедрость и скупость; при этомъ онъ подробно и часто удачно рисуетъ олицетвореніе понятій, что́ и дѣлаетъ его предтечей многихъ средневѣковыхъ поэтовъ и художниковъ. Онъ любитъ выказать въ гимнахъ свое знаніе, ввести въ нихъ длинныя описанія и разсужденья, онаглядить мысли библейскими разсказами, съ ново-завѣтными фигурами сопоставить ихъ ветхозавѣтные образцы. Среди растянутой словоохотливости его стихотворныхъ проповѣдей слышится однакожь тамъ и сямъ звукъ истинно-поэтическаго чувства, какъ напримѣръ когда, обращаясь къ виѳлеэмскимъ младенцамъ, онъ говоритъ:

Привѣтъ вамъ, ранній цвѣтъ мучениковъ,
Которыхъ на самомъ порогѣ свѣта
Подкосилъ вдругъ дикій мечъ,
Какъ буря не щадитъ и нѣжныхъ розовыхъ почекъ!

Или когда онъ трогательно высказываетъ надежду на безсмертіе:

Смолкни теперь печальная жалоба;
Матери, осушите свои слезы,
Пролитыя по залогамъ любви:
Смерть вѣдь жизни обновленіе!
Что́ повѣдаетъ намъ гробница въ утесѣ,
Что́ скажетъ великолѣпный памятникъ?
Нѣтъ, ввѣренное имъ не умерло,
Оно покоится лишь безмятежнымъ сномъ.
Схороненное въ нутро́ земли
Хлѣбное зерно прозябнетъ и зазеленѣетъ,
И на свѣжемъ высокомъ, стеблѣ
Возродится образъ прежняго колоса.

Языкъ у него плавенъ въ разнообразныхъ стихоразмѣрахъ, которые онъ беретъ у классической поэзіи язычниковъ, какъ Іудеи усвоивали себѣ золотые и серебряные сосуды Египтянъ. Онъ призываетъ музу такъ:

Не вѣнчайся, Камена, плющемъ Вакховымъ,
А по обычному тебѣ благочестію
Обвей чело лирической повязью,
Таинственными вѣнками изъ цвѣтовъ Писанія,
Увѣнчайся радостными гимнами!

Въ подобномъ же родѣ стихотворствовалъ и другъ Авзонія, епископъ Павлинъ Поланскій; Сидоній Аполлинаридъ употреблялъ для красы слова античные миѳы и лики языческихъ боговъ на ряду съ пророкомъ Иліей и съ пустынникомъ Антоніемъ.

Ревность Отцовъ Церкви противъ посѣтителей театра ни мало не удивитъ насъ, если мы сообразимъ, какое сладострастіе и какая жестокость обыкновенно выводились тогда на сцену: актеръ, представлявшій Геркулеса на горѣ Этѣ, для бо̀льшаго эффекта сожигался подконецъ дѣйствительно; роль Минотавра игралъ медвѣдь, вовсе не шутя терзавшій свои жертвы, а сцену купанья нагихъ дѣвушекъ въ одномъ балетѣ императоръ Аркадій дозволилъ повторить только съ тѣмъ, чтобы самыя сладострастныя черты исполнялись какъ можно стыдливѣе. Мало того: христіанскіе догматы и нравы предавались на театрѣ посмѣянію; св. Генесій сдѣлался мученикомъ и былъ побитъ камнями на сценѣ именно за то, что послѣ разыграннаго надъ нимъ среди хохота толпы крещенія, при чемъ погружали его въ воду, онъ вдругъ неожиданно объявилъ, что сталъ въ самомъ дѣлѣ христіаниномъ. Какъ же было Іоанну Златоустому не называть театровъ гнѣздилищами Сатаны, позорищами безчинства, школами сладострастія, аудиторіями заразы и гимназіями всѣхъ распутствъ? Тѣмъ не менѣе одинъ изъ Отцовъ Церкви, Григорій Назіанзинъ, самъ оставилъ намъ по себѣ трагедію, которая однакожь имѣетъ больше характеръ драмы для чтенія: это — первый опытъ драматизаціи страстей Христовыхъ (такъ часто повторявшійся потомъ въ «мистеріяхъ»). Въ цѣломъ соблюденъ и тутъ античный стиль; хоръ составляютъ женщины и дѣвы; изъ него выступаетъ при случаѣ самостоятельно одна Марія Магдалина, но общихъ пѣсней хоръ не поетъ, а вмѣшательствомъ въ разговоръ только ведетъ дѣйствіе далѣе; форма отъ обычной отличается въ томъ отношеніи, что дѣйствіе растянуто на три дня при частыхъ перемѣнахъ сцены. Въ прологѣ авторъ приглашаетъ благосклонно выслушать повѣсть о страстяхъ Спасителя во вкусѣ эврипидовскаго пѣснопѣнія, и подлинно множество сентенцій и жалобъ этого трагика вставлены тутъ цѣликомъ или съ небольшими лишь передѣлками; это живо напоминаетъ мозаичные образа̀ и производитъ подчасъ странное впечатлѣніе, напримѣръ когда Дѣва Марія выражаетъ скорбь свою словами Ипполита:

О мать-земля, и вы, небесныя сферы Геліоса,
Какой бѣдовой вѣсти звукъ поразилъ слухъ мой!

Матерь Господа стоитъ съ самаго начала въ средоточіи піэсы: разные гонцы сообщаютъ ей о преданіи, захватѣ, осужденіи Іисуса, и горькія

жалобы являются отзывомъ души ея на всѣ эти разсказы, которыхъ драматизмъ ростетъ съ часу на часъ; стоя съ Іоанномъ у креста, она вся излилась въ тоскѣ и плачѣ по умершемъ Сынѣ, но передъ гробомъ Спасителя видится ей сошествіе его въ адъ, и она обрадована потомъ воскресеніемъ. Послѣ нея всѣхъ больше говоритъ Іоаннъ, излагающій важнѣйшія ученія христіанства согласно своему евангелію. Христосъ является не въ борьбѣ съ противниками, а только уже на крестѣ и за тѣмъ — воскресшимъ; онъ совсѣмъ не такъ словообиленъ какъ другіе, и говоритъ единственно только то, что передано въ евангеліяхъ. Пятый актъ вышелъ сбивчивымъ и неяснымъ оттого, что авторъ изображаетъ воскресеніе не по которому-либо одному изъ наличныхъ о томъ разсказовъ, а хочетъ согласить между собой всѣ четыре, чѣмъ еще болѣе обнаруживаются ихъ разности. О предателѣ многократно упоминается въ длинныхъ проклятіяхъ, а потомъ описывается и исполненіе ихъ въ дальнѣйшей его судьбѣ. Здѣсь-то именно французскій критикъ Лаланнъ и открылъ доказательство тому, что авторомъ трагедіи дѣйствительно былъ Григорій, извѣстный кромѣ того своими элегіями: кто прочтетъ послѣднія, кто узнаетъ изъ нихъ самые задушевные его помыслы среди треволненій бурной жизни, тотъ найдетъ и въ драмѣ то же выраженіе сильныхъ ощущеній, тѣ же искренніе взрывы скорби, ту же смѣсь человѣческой слабости, колеблющейся на краю бездны отчаянія, съ твердостью души, почерпающей свою силу свыше, въ божественномъ источникѣ. Какой-то особаго рода полусвѣтъ, какая-то драматическая противоположность сообщаются душевному состоянію Маріи Дѣвы тѣмъ, что она всегда выражаетъ скорбь и печаль свою въ самыхъ сильныхъ, неудержныхъ звукахъ, а между тѣмъ знаетъ, что Христосъ воскреснетъ, и никогда не разстается съ этой надеждою. Въ первомъ актѣ эпическіе элементы идутъ обруку съ лирическими, разсказы съ изліяніями чувствъ; всего драматичнѣе сцены смерти на Голгоѳѣ и воскресенія. Эллинское услажденіе красотой или, также пожалуй, невѣсту Пѣсни Пѣсней напоминаютъ мѣста вродѣ слѣдующихъ:

Сынъ, дай поцаловать твою святую десницу!
Дражайшая рука, которую я такъ часто схватывала,
За которую такъ часто держалась,
Какъ гибкій плющъ льнетъ къ дубу могучему!
Угасшій взоръ, безцѣнныя уста,
Прекрасныя черты, благородный ликъ моего Сына!
О, какъ несказанно милы кроткія эти губы!
Духъ божій обвѣвалъ тѣло богорожденнаго небеснымъ благоуханіемъ,
И какъ я только почувствую его близость,
Такъ, бывало, отъ сердца и отляжетъ всякая скорбь!

ЗАЧАТКИ ЦЕРКОВНОЙ МУЗЫКИ.

Музыка — искусство сердца, и какъ именно сердце на мѣсто природы стало теперь преобладающимъ моментомъ въ человѣчествѣ, то естественно и высшій идеалъ не могъ уже быть опаглядненъ пластикой; для передачи своихъ движеній и порывовъ къ Божеству, для разработки своихъ внутреннихъ настроеній, душа прибѣгла къ непосредственному ихъ выраженію, къ царству звуковъ, и въ мелодическомъ развитіи ихъ, такъ же какъ и въ гармоническомъ согласіи, сердечное чувство открывалось какъ глубокая основа жизни, а жизнь являлась именно такъ, какъ въ неудержномъ стремленіи своемъ истекаетъ она отъ Бога и опять къ нему возвращается, достигая въ то же время высшей красоты черезъ дружное содѣйствіе многоразличныхъ силъ на всѣхъ своихъ ступеняхъ. Когда апостолы и древнѣйшія общины христіанъ утѣшались, освѣжались, назидались пѣніемъ, они спачала заимствовали для этого еврейскіе псалмы, которыхъ первобытные напѣвы, со времени эллинизаціи Востока Александромъ Великимъ, вѣроятно испытали на себѣ вліяніе греческой музыки; вѣдь видимъ же мы и въ архитектурѣ той поры, что Иродъ, напримѣръ, изукрасилъ храмъ снаружи коринѳскими колоннами. Чѣмъ далѣе христіанство распространялось среди язычниковъ, тѣмъ сподручнѣе было брать мелодіи, бывшія у нихъ въ ходу, и наполнять ихъ содержаніемъ новой вѣры и новыхъ чаяній, — содержаніемъ, которое обрѣтая себѣ въ нихъ форму, въ свою очередь также передѣлывало ихъ изнутри посвоему. Вѣдь и въ живописи миѳическій баянъ Орфей сталъ въ то время символомъ Христа Іисуса. Гдѣ переполненное сердце не всегда владѣло ясной рѣчью, и поневолѣ изливалось иной разъ въ восторженномъ лепетѣ, тамъ музыка очень кстати приспѣвала на помощь чтобы дать почувствовать неизрекомое; единодушная любовь вела къ созвучію голосовъ въ хвалебныхъ пѣсняхъ Богу и Спасителю, а надъ могилой мученика раздавалась пѣсня жалобы или заслуженнаго почета. Вначалѣ общее это пѣніе не сопровождалось игрой на инструментахъ, а только верховодилось запѣвалами; община повторяла то, что̀ напередъ споютъ они, или же отвѣчала имъ; иногда нѣсколько хоровъ чередовалась въ пѣніи. Уже апостолъ Павелъ различаетъ дошедшіе по преданію псалмы отъ пѣсенъ, внушаемыхъ духомъ на̀ново, и Тертулліанъ говоритъ о томъ, какъ при зажиганіи свѣтильника каждый изъ вѣрныхъ поетъ Господу или словами Писанія, или сложенными имъ отъ себя; когда такого рода изливы возвышеннаго личнаго настроенія приходились по душѣ всей общинѣ, естественно было повторять ихъ, и они дѣлались общимъ достояніемъ. Такъ, изъ основы античнаго музыкальнаго искусства развилось христіанское общественное пѣніе, на вполнѣ національный и народный ладъ. Но когда потомъ христіанство стало государственною религіей и построило себѣ великолѣпныя церкви, то и богослуженіе сдѣлалось невпримѣръ пышнѣе, чувственно богаче и блистательнѣй; изображеніе

искупительной смерти Іисуса облеклось въ видѣ обѣдни характеромъ богослужебной драмы, и тогда ни одно искусство не могло поровняться съ музыкой въ способности выразить господствующее здѣсь сліяніе скорби съ наслажденіемъ; всѣ должны принять прямое сердечное участіе въ этомъ торжественномъ воспоминаніи жертвы Христовой, и сама божественная служба среди пространства, приноровленнаго къ тому зодчествомъ и украшеннаго живописью, стала въ своемъ родѣ художественнымъ произведеньемъ. Но какъ духовенство вскорѣ отдѣлилось отъ народа, то и вышло что народъ уже не участвовалъ въ созданіи этого произведенія, что оно лишь предлагалось ему со стороны; въ 367 году постановлено Лаодикейскимъ соборомъ, чтобы въ церкви пѣли одни только обученные и назначенные къ тому пѣвцы съ своего подвышеннаго мѣста (клироса).

По словамъ Августина, съ умилительнымъ пѣніемъ входитъ въ сердце слово божіе, душа поднимается какъ на крыльяхъ и ощущаетъ всю животворную силу ученія. Всѣ внутренія наши чувства, смотря по своей особенности, имѣютъ каждое свой напѣвъ, который въ свою очередь способенъ пробудить въ глубинѣ души соотвѣтственное ему чувство. Въ «Признаніяхъ», съ которыми онъ какъ съ исповѣдью обращается къ Богу, онъ между прочимъ говоритъ: «Какъ плакалъ я среди твоихъ гимновъ и славословій, «глубоко потрясенный голосами твоей умилительно поющей общины! Голо«са эти вливались мнѣ въ уши, и истина оттаивала въ сердцѣ моемъ, въ «немъ разгоралось чувство набожности, слезы текли ручьями, и мнѣ ста«новилось хорошо. Съ недавнихъ еще поръ миланская Церковь ввела у се«бя этотъ родъ отрады и назиданія въ видѣ торжественныхъ пѣсней, при «которыхъ братія смыкается въ дружное согласіе голосовъ и сердецъ. Въ то «время, когда мать императора Валентиніана, Іустина, стала преслѣдовать «нашего епископа, Амвросія, благочестивая община проводила въ церкви «неусыпно всю ночь, готовая умереть съ твоимъ служителемъ. Тогда и «моя мать, а твоя раба, жила тамъ въ молитвѣ одною изъ первыхъ въ за«ботливости и бдѣніи. Я же, хотя еще и холодный, не согрѣтый огнемъ «твоего духа, былъ однако сильно объятъ страхомъ и смущеніемъ всего го«рода. Тогда-то введено у насъ пѣніе гимновъ и псалмовъ по обычаю Во«стока, да не изведется народъ отъ скорби и сокрушенія; это удержалось «понынѣ, и теперь всѣ почти стада твои на землѣ слѣдуютъ такому «примѣру».

Изъ всего разнообразія античныхъ гаммъ (звукорядовъ) взяли простую октаву d e f g a h c d за автентичную, то-есть настоящую, Церковью утвержденную гамму; подобныя же октавы построили еще на e, f и g. Музыка получила отъ этого, простой, твердый и легкоуправный послѣдовательный ходъ. Пѣніе при Амвросіи было еще метрическимъ, то-есть зависѣло отъ долготы и краткости слоговъ; при этомъ для отдѣльныхъ стиховъ существовали основныя и главныя мелодіи, и здѣсь господствовалъ естественный законъ симметрическаго расчлененья на начало, середину и конецъ, такъ что основной (начальный) тонъ сперва возвышался въ квинту, а конецъ потомъ успокоительно приводилъ къ нему же опять. Какъ Юстиніанъ въ своихъ Пандектахъ собралъ въ одно цѣлое ученія и приговоры знаменитыхъ

римскихъ правовѣдовъ, такъ Григорій Великій (540—604) урядилъ въ своемъ Антифонаріи общепринятые церковные напѣвы. Къ автентичнымъ тонамъ присовокупилъ онъ такъ-называемые плагальные (жалостные, минорные). Октава вѣдь сочетаніе квинты съ квартою; пять первыхъ низшихъ ея тоновъ такъ и оставались на своемъ мѣстѣ, а четыре высшіе, заключительные, перенесены были октавою ниже противъ тѣхъ; центромъ тяжести остается все тотъ же первобытный основной звукъ, но онъ лежитъ уже не въ началѣ, а въ серединѣ октавы; оттого плагальный тонъ стремится взойдти къ нему, чтобы на немъ успокоиться, и вся гамма, цѣлый звукорядъ, относится уже къ серединѣ, а не къ началу октавы, начальный же тонъ перестаетъ быть главнымъ, господствующимъ. «Въ автентичномъ тонѣ, говоритъ Амбросъ, «стремленіе къ середнему звуку вовсе не наклонъ къ покою, а напротивъ «настоящій, энергическій подъемъ, постоянное удаленіе отъ точки покоя, «которая достигается опять только возвратомъ къ звуку основному и начальному; не нуждаясь въ помощи, а напротивъ самъ радушно идя ему «навстрѣчу, автентичный тонъ сходится съ областью своего плагальнаго «тона: онъ поэтому представляетъ образъ твердаго и сильнаго мужского «характера, точно такъ же какъ стремящійся къ своему автентичному тону «плагальный олицетворяетъ собой слабый и нуждающійся въ опорѣ женскій «нравъ». Автентичный тонъ есть исходящее отъ себя и въ себя же опять возвращающееся движеніе божественной жизни, а плагальный — стремящаяся въ высь тоска міра по этой жизни, чтобы въ ней найдти себѣ наконецъ отдыхъ и успокоеніе.

Послѣ того музыка въ григоріанскомъ пѣніи сильно двинулась къ самостоятельности тѣмъ, что освободилась отъ узъ метра и, не заботясь о количественной мѣрѣ слоговъ, стала давать звукамъ одинаковую протяженность, но при этомъ нѣкоторыя части текста исполняла медленнѣе или быстрѣе, увивала нѣкоторые звуки трелями, будто плетеницей виноградныхъ лозъ, а восходящее или нисходящее движеніе звукопорядка означала разностью въ напорѣ удареній, арсисомъ и тезисомъ, подъемомъ и паденіемъ. Тѣмъ самымъ былъ найденъ и первый зачатокъ мѣры или раздѣленія на такты; звуки пошли тогда своимъ самостоятельнымъ путемъ, стали въ случаѣ нужды повторять отдѣльныя слова и слоги, начали распространяться въ послѣдовательные ходы, группироваться фигурами. Такъ на первыхъ же порахъ обращена въ особую музыкальную піэсу Аллилуйя, съ тѣмъ чтобы въ приливѣ и отливѣ звуковъ выразить ликованіе души, неизрекомую словами радость блаженной жизни. Вмѣстѣ съ этимъ начали уже и тогда въ нотной передачѣ звуковъ обозначать видимо для глаза высоту или глубину ихъ, слѣдовательно изображать всю волнистую линію мелодіи. И донынѣ сохранились еще въ богослужебномъ чинѣ Церкви какъ донимающая сила, такъ и полная достоинства простота григоріанскаго пѣнія. Скажемъ на этотъ счетъ вмѣстѣ съ Амбросомъ: «Тонъ праздничнаго гимна звучитъ въ «Да величитъ душа «моя», въ «Тебе Бога хвалимъ»,—тонъ торжественной задушевной мольбы «въ приступѣ къ литургіи, въ «Отче нашъ». Въ хоралахъ, гдѣ звукъ со«привходитъ къ звуку вполнѣ выдержанно, равномѣрно, твердо и строго, «какъ въ базиликѣ одна гранитная колонна примыкаетъ къ другой, —въ напо«минающихъ роскошный орнаментъ, богатыхъ колорированными переходами

«интонаціяхъ «отпуста», а также и аллилуіи, вездѣ явенъ одинъ и тотъ же «духъ, высказывающійся въ многоразличнѣйшихъ формахъ и настроеніяхъ. «Нутрожизненная сила этихъ пѣснопѣній такова, что пожалуй способна ока«зать себя вполнѣ даже и помимо всякой гармонизаціи, не требуя ни чего «болѣе для проявленія всего своего значенья; тогда какъ съ другой стороны «они предлагаютъ неистощимый матерьялъ для богатѣйшей и художествен«нѣйшей гармонической обдѣлки и составляютъ подлинно сокровище, кото«рымъ искусство жило и пробавлялось въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. И къ ис«тинному удивленію, рядомъ съ высшими результатами, какихъ самые даро«витые умы достигли въ этой области продолжительною работой, стародав«няя мелодія въ простомъ первобытномъ своемъ видѣ все-таки еще занимаетъ «отнюдь не первую, грубую ступень художества, а является напротивъ рав«ноправной: послѣ увлекательной, серафимской плетеницы голосовъ въ «Го«споди помилуй» Палестрины, совершенно-простой напѣвъ «Слава въ выш«нихъ Богу» изъ устъ священника поражаетъ тономъ дивной величавости «и торжественнаго паренья, достойнымъ возвѣстить славу Творца». Точно такъ же простая базúлика стоитъ обокъ съ готическимъ соборомъ, какъ первый, начальный его зародышъ, но вмѣстѣ и въ полной законченности своего собственнаго типа; такъ точно и нравственная истина въ библейскихъ книгахъ высказана столь ясно и вполнѣ, что всякое философское развитіе приводитъ опять къ ней же, въ нее же опять вливается.

БАЗÍЛИКА.

Богъ христіанъ живетъ не въ рукотворныхъ храмахъ, онъ невидимо присущъ вездѣ, онъ духъ, который хочетъ себѣ поклоненія въ духѣ и истинѣ. Поэтому и служба ему не требуетъ мѣстилища или дома для его кумира, а только для собранія общины; тутъ важно было художественно обрядить не внѣшность, а внутреннее пространство, соотвѣтственно разработкѣ внутреннихъ, сердечныхъ чувствъ,— важно было не расширеніе по землѣ, подъ преобладающимъ господствомъ горизонтальной линіи, а согласное съ душевнымъ порывомъ направленіе въ высь, къ небу. Когда общины распространялись по римской имперіи еще только втишú и среди частыхъ гоненій, члены ихъ сходились по дворамъ и покоямъ зажиточныхъ исповѣдниковъ; но какъ скоро Церковь достигла силы и государственнаго признанія, она возвела себѣ свои собственныя святыни. У христіанства не было относительно архитектуры ни какого народнаго преданія, и подобно тому какъ оно преобразило древній міръ своимъ въ него вступленіемъ, такъ точно заняло оно у

него и пригодныя для своихъ цѣлей строительныя формы; новое жизненное начало проявило себя именно въ ихъ приспособленіи, и изъ общаго всѣмъ вѣрнымъ основного настроенья, равно какъ и изъ потребностей божественной службы выросло примыкавшее во многомъ къ старинѣ новое однако зданіе. Внутренность римскаго жилого дома составлялъ обрамленный колоннами дворъ съ колодцемъ посерединѣ; вокругъ были расположены покои, и насупротивъ входа часто находился большой сравнительно залъ, котораго крышу также поддерживали колонны; если начиная отъ самыхъ дверей шли два ряда колоннъ въ продольномъ направленіи, то надъ ними пускались обыкновенно два другіе ряда меньшихъ колоннъ, поднимавшихъ покрытіе середняго пространства выше передъ боковыми, а промежутки этихъ колонокъ давали вольный доступъ свѣту и воздуху. Витрувій, говоря объ этой формѣ зала, припоминаетъ базилику, а въ романѣ Климентовскихъ Бесѣдъ богатый Грекъ даетъ свою базилику, то-есть притворъ и залу своего дома *, подъ собраніе общины по случаю прибытія одного апостола.

Древнехристіанская церковь, базилика, не чье-либо единоличное изобрѣтенье; она даже удержала и названіе тѣхъ торговыхъ и судебныхъ палатъ или стѣнами огражденныхъ галерей, какія существовали во всѣхъ крупныхъ городахъ имперіи, и которыя, какъ царскія, были теперь посвящены Царю небесному и Владыкѣ вселенной. Онѣ сами собой напрашивались въ удобныя мѣста сборищъ для общины. Растянутое въ длину пространство, подѣленное съ самаго входа двумя рядами колоннъ на три корабля, замыкалось на концѣ подвышенной полуциркульною впадиной или нишей; тамъ стояло кресло судьи, оттуда могъ говорить ораторъ; тамъ теперь устроено было сѣдалище для епископа (горнее мѣсто) и для прочаго духовенства по бокамъ, оттуда раздавалось теперь благовѣстіе, тамъ стоялъ столъ Господень (престолъ), сохранившій древнее имя алтаря, на немъ глазамъ вѣрныхъ живо представлялась жертва Христова въ хлѣбѣ и винѣ св. Причастія. Но тогда какъ въ языческой базиликѣ крыша широкаго середняго корабля подпиралась двумя рядами колоннъ, расположенными одинъ надъ другимъ въ два яруса, а затѣмъ на архитравѣ нижняго ряда лежали потолочныя балки боковыхъ пространствъ и поддерживали второй этажъ зданія, откуда въ промежутки верхнихъ колоннъ было видно середнее пространство; въ христіанской базиликѣ оставили боковые корабли при ихъ потолкѣ, но дали передъ ними середнему вполнѣ свободное возвышеніе, выведши надъ колоннами стѣну вплоть до верху, при чемъ расчленили и облегчили ее пробитіемъ оконъ надъ самыми междустолпьями. Такимъ образомъ получилась уже организація внутренняго пространства: господствующимъ вышло долевое направленіе; боковые корабли, будучи вдвое уже средняго, являлись симметрическими ему дружками, и такъ-какъ онъ при этомъ вдвое превосходилъ ихъ вышиной, то стало-быть явно обозначилось и верховое направленіе; оно еще усилено было тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь не тяготѣлъ уже на стѣнѣ горизонтальный потолокъ, его вовсе не было, и взоръ свободно проникалъ вплоть

---

* Базилика въ первоначальномъ ея смыслѣ лучшій, „княженецкій“ покой въ домѣ каждаго достаточнаго человѣка. Прим. перев.

до кровельныхъ стропилъ, которыя, наклоняясь щипцеобразно одно къ другому, смыкались на самомъ верху посерединѣ въ одну линію. Стѣна поверхъ колоннъ конечно была уже совсѣмъ не въ античномъ вкусѣ, но встрѣчавшееся тутъ противорѣчіе легко разрѣшалось тѣмъ, что отнятъ былъ архитравъ, тяжело смыкавшій всѣ колонны, а на мѣсто его переходомъ съ одной на другую послужила теперь полукружная арка или дуга; такимъ образомъ колонны сдѣлались, какъ прежде были въ Греціи, опорами не заслоняющими пространства, при чемъ соединительная дуга являлась еще продолжателемъ верховаго ихъ направленія, стѣна же вовсе на нихъ не тяготѣла, а какъ бы выростала изъ нихъ сама собой, и притомъ раскрывалась надъ аркою большими, также полукружно увѣнчанными, окнами. Эта простая основная схема развивалась въ ширь на разные лады. На каждой сторонѣ середняго корабля строили иногда по два боковыхъ пространства, или передъ полуциркульно - подвышенною нишей, которая называлась апсидой, трибуною, пускали во всю ширину церкви узкій поперечный корабль одной вышины съ середнимъ долевымъ, ставили алтарь на перекресткѣ обоихъ и выводили передъ нимъ на угловыхъ столпахъ продольнаго и поперечнаго кораблей тріумфальную арку торжествующей вѣры; иногда часть середняго корабля отдѣлялась перилами или балюстрадой для клира, и тамъ у одной изъ колоннъ съ правой и съ лѣвой стороны устроивалось по амвону (каѳедрѣ) для чтенія евангелій и посланій. Внѣшность церкви оставалась простою и незатѣйливой; только середняя часть знаменательно высилась надъ боковыми, и входъ украшался колончатымъ портикомъ. Гдѣ дозволяло мѣсто, тамъ устроивали передъ зданіемъ обнесенный стѣной квадратный притворъ; здѣсь можно было сходиться въ дали отъ свѣтскаго шума, здѣсь могли оставаться не принятые еще въ Церковь или тѣ, кто былъ отлученъ отъ нея на время для покаянія; тамъ, гдѣ притвора не было, они обыкновенно стояли въ предсѣніи (на паперти) направо и налѣво отъ входа у дверей. Посереди притвора находился колодезь очищенія. Когда хотѣли еще болѣе изукрасить притворъ, то нутреныя его стороны обносили колончатыми аркадами. Только съ 6-го вѣка начали ставить возлѣ церквей колокольни *. Такъ какъ колонны для базилики заимствовались обыкновенно изъ болѣе древнихъ зданій, то понятно, что онѣ должны были между собою во многомъ разниться. Такъ и римская базилика, сообразно простой задушевной вѣрѣ древнехристіанскаго времени, была совершенно проста, безо всякихъ украшеній и затѣйливыхъ подробностей, но въ цѣломъ отличалась стройнымъ членосоставомъ, и дѣйствовала на душу спокойно-возвышающимъ и вполнѣ благотворнымъ образомъ: взоръ входящаго въ нее богомольца переносится отъ столпа къ столпу по соединительнымъ аркамъ вплоть до главнаго средоточія, алтаря, а позади его ниша апсиды замыкаетъ цѣлое равно удовлетворительно для чувства и для глаза.

Римскія банныя постройки заключали въ себѣ между прочимъ крытую сводомъ круглую или осьмиугольную купальню для плаванія, которая назы-

* И то сначала лишь на Западѣ; на Востокѣ же, и впервые именно въ Константинополѣ, самые колокола появились только вконцѣ 9-го вѣка: прежде, да по большой части и впослѣдствіи, они здѣсь замѣнялись деревянными и желѣзными билами. Прим. перев.

валась «баптистеріемъ»; какъ форму ея, такъ и названіе христіане удержали для своихъ крещалень, такъ-какъ древній обрядъ крещенія требовалъ дѣйствительнаго погруженія въ воду. Дальнѣйшее развитіе этихъ крещальныхъ церквей ознаменовалось тѣмъ, что въ стѣнахъ ихъ начали продѣлывать ниши, вкругъ водоема ставили колонны, смыкая ихъ арками, а надъ уровнемъ боковыхъ стѣнъ возводили увѣнчанное куполомъ верхостѣнье, такъ что и здѣсь эффектно расчленилась внутренность и явно при томъ обозначилось направленіе въ высоту.—Надгробныя часовни слѣдовали образцу римскихъ могильныхъ памятниковъ цилиндрической формы, которые для помѣщенія гробницъ были крестообразно расположены внутри; теперь охотно давали выступать символической этой формѣ въ самой внѣшности зданія, накрывая середину между четырьмя крыльями смыкающимъ ихъ сводомъ.

Уже въ константиновъ вѣкъ построены были въ Римѣ три большія пятикорабельныя базилики. Первобытная епископская церковь Латерана, слывшая матерью и главой всѣхъ церквей въ мірѣ, не только въ городѣ, разрушена землетрясеніемъ въ 9-мъ вѣкѣ. Древняя Петровская церковь на Ватиканѣ стояла по 1509-й годъ, когда начали ее перестроивать; она простиралась на 360 футовъ въ длину и на 150 въ ширину, съ поперечнымъ кораблемъ передъ трибуной; колонны средняго корабля, по двадцати по три съ каждой стороны, соединялись въ ней прямолинейнымъ антаблементомъ, составленнымъ изъ обломковъ древности. Церковь св. Павла по дорогѣ въ Остію сгорѣла въ 1821 г.; длиною была она въ 400 футовъ, немногимъ болѣе половины того въ ширину, и также заключала въ себѣ поперечный корабль съ тріумфальной аркою; четырежды двадцать колоннъ внутренняго ея пространства соединялись впродоль полукружными арками и были въ 33 фута вышиной; многія изъ нихъ принадлежали къ блистательнѣйшимъ памятникамъ древности. Іерусалимъ и Виѳлеэмъ также украсились базиликами въ 4-мъ еще вѣкѣ. Пятому принадлежатъ трехкорабельная, благородно-стройная Марія Маджоре, Санъ-Сабина, Санъ-Лоренцо, Сант'-Аньезе, послѣдняя съ особыми ярусами для хоръ и съ верховыми колоннами, и наконецъ базилика, посвященная веригамъ апостола Петра. Отъ 9-го идутъ Санъ-Прассенде и Санъ-Клементе, изъ которыхъ особенно хорошо сохранилась послѣдняя. Съ другой стороны, латеранскій баптистерій, надгробная часовня дочери Константина, Констанціи, и Санто-Стефано обнаруживаютъ вышеуказанныя формы круглыхъ построекъ, гдѣ возвышенная середина поддерживается колоннами и обводится однимъ обходомъ или двумя. Въ Санъ-Лоренцо въ Миланѣ восемь столповъ очень величаво обозначили осьмиугольникъ посреди квадрата, поддерживая куполъ въ 120 футовъ вышиной; къ этому примыкалъ другой внѣшній квадратъ съ обходами и хорами, и расширялся за тѣмъ посредствомъ арокъ, охватывавшихъ весь сплошь средній корабль.

Пышныя постройки язычества были покинуты, запустѣли, и многія изъ нихъ стали приходить въ упадокъ; Отецъ Церкви, блаженный Іеронимъ, говоритъ о сажѣ и паутинѣ, покрывающихъ древніе храмы: «Язычество вытѣснено изъ города въ захолустья, тѣ что были прежде божествами народовъ покинуты среди нетопырей и совъ на опустѣвшихъ кровельныхъ щипцахъ; крестъ виднѣется на знаменахъ воиновъ, царскую багряницу и діаде-

«му, блестящую дорогими камнями, украшаетъ изображеніе спасшаго насъ «орудія казни». Не христіанство и не Германцы при великомъ переселеніи племенъ опустошили древніе храмы; они пали отъ напора времени и отъ самихъ же Римлянъ, которые пользовались ими для новыхъ построекъ какъ дешевыми каменоломнями. Древнѣйшія церкви роились вкругъ средины города, пока не проникли въ самое его сердце, пока не обратили въ себя многихъ храмовъ языческихъ. Съ каждымъ днемъ богаче снабжались они теперь всякою рѣзьбой; «такъ зеленый лугъ ярко пестрѣетъ весенними цвѣтами», поетъ Пруденцій. Когда Римъ палъ передъ Готами, у самого Іеронима пошатнулась вѣра въ прочность человѣческихъ порядковъ, и свѣтъ казался ему близкимъ къ конечному разрушенію; Августинъ вѣрнѣе разгадалъ, что рушился только Вавилонъ, твердыня язычества; вмѣстѣ съ тѣмъ снятъ былъ съ западноевропейскихъ странъ удушающій гнетъ римскаго самовластья, такъ что съ тѣхъ поръ онѣ стали развиваться къ новой жизни въ свободномъ взаимнодѣйствіи, хотя Римъ и оставался духовнымъ средоточіемъ ихъ долгое еще время.

Въ исторіи средневѣковаго Рима у Грегоровіуса находимъ мы въ разныхъ мѣстахъ книги слѣдующія мѣткія слова: «Исторія Церкви шла вѣрнымъ ша«гомъ, хотя и въ тиши, обокъ съ исторіей имперіи: сперва была она сокро«венною исторіей таинственнаго братскаго союза любви и нравственной сво«боды, потомъ исторіей мучениковъ, далѣе—исторіей безпощадной борьбы «съ язычествомъ и побѣды надъ религіей кумировъ, наконецъ — исторіей «непрерывныхъ побоищъ съ еретическими сектами Востока и Юга. Во вре«мена императорскаго господства Рима Церковь собрала въ себя всѣ выс«шіе духовные элементы и отстаивала верховное благо или счастіе человѣ«чества, свободу, въ сферѣ нравственной жизни, послѣ того какъ она за«гибла въ мірѣ политическомъ. Энергическая стать Церкви передъ деспотіей «Константина была и достославна и благодѣтельна; но великое это учреж«деніе омірчилось слишкомъ скоро, благодаря врожденнымъ человѣку побу«дамъ эгоизма, корысти и властолюбія. Вліяніе епископа не ограничивалось «одною духовной и моральной стороной; при безчисленныхъ отношеніяхъ «Церкви къ свѣтской жизни, оно было вѣдь и матерьяльнымъ. Удаленіе им«ператора изъ Рима возвысило благоговѣніе къ лицу епископа, освященно«му самóю уже вѣрой, а возростающія со дня на день нужда и бѣдность «скоро заставили видѣть въ немъ спасителя, защитника, роднаго отца столи«цы. Появленіе спокойнаго и полнаго достоинства папы передъ однимъ изъ «ужаснѣйшихъ душегубцевъ въ исторіи, передъ Аттилой, готовымъ истре«бить столицу гражданственности, принадлежитъ къ числу возвышеннѣйшихъ «положеній, какія когда-либо занималъ человѣкъ, и навсегда обезпечиваетъ «Льву I-му безсмертіе вмѣстѣ съ благодарностью всего людского рода. Но для «христіанскаго начала была нестерпима внѣшняя обстановка язычества. Оно «равнодушно допустило великіе памятники древней культуры обратиться въ «развалины, и ни чѣмъ изъ нихъ не воспользовалось, кромѣ развѣ какимъ«нибудь храмомъ, нѣсколькими колоннами, выломанной мраморной плитою «тамъ и сямъ. Никогда исторія не видала подобнаго зрѣлища, чтобы все че«ловѣчество отвернулось отъ стоящей твердо еще на ногахъ культуры. Римъ «наполовину былъ личиной, привидѣніемъ, чудо міра было безпощадно обре-

«чено на медленную гибель. Четыреста храмовъ, мерзостныхъ и ненавист«ныхъ въ глазахъ христіанъ, стояли оброшены, безлюдны, и вслѣдъ затѣмъ «полнѣйшій упадокъ гражданской жизни присоединилъ къ ихъ нескончаемому «запустѣнію великолѣпныя бани и портики, театры и гипподромы,—присо«единилъ всѣ до одного. Римъ истлѣлъ какъ трупъ одной частію своей жиз«ни, и въ то же время обновился опять другой,—двоесущность безпримѣр«ная въ исторіи человѣчества, во главу котораго онъ дважды былъ призванъ «судьбою».

ВАЯНІЕ И ЖИВОПИСЬ.

Моисей запретилъ своему народу творить себѣ подобіе божіе, да не впадетъ онъ въ пелѣнницу идолопоклонства; напротивъ, художественный побудъ Эллиновъ не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не воплотилъ естественнаго идеала въ человѣковидныхъ богахъ съ дивнымъ разнообразіемъ и совершенствомъ; христіане познали Бога за духъ, требующій для службы себѣ обновленія человѣка въ глубинѣ души его, освященія воли и, главное, любви: имъ поэтому не могло прійдти и въ голову изображать его идею въ чувственныхъ формахъ, заключить безконечнаго въ предѣлы конечности; они могли только быть наведены на болѣе вдумчивое разсмотрѣніе природы, съ тѣмъ чтобъ открывать въ ней слѣды и вѣяніе духа божія, такъ-какъ Творецъ являетъ свое величіе и въ одушевленномъ и въ неодушевленномъ мірѣ, въ грозной борьбѣ стихій и въ гармонически-спокойномъ жизнеразвитіи. Изъ порядка и красы міра предстояло теперь доказать мудрость и благость Создателя, а это повело Отцовъ Церкви къ сердечному отданію себя природѣ и ко вдумчивому ея описанію. Когда древніе Римляне, полные политическихъ своихъ замысловъ, переходили Альпы, у нихъ никогда не было рѣчи о величавыхъ формахъ горъ, объ очаровательныхъ долинахъ и озёрахъ, они говорили только о трудностяхъ пути; мало того, какой нибудь Цезарь равнодушно пользовался для грамматическихъ изученій тѣмъ самымъ временемъ, когда осѣнявшіе его снѣговые исполины сверкали чуднымъ блескомъ утренней или вечерней зари. Напротивъ, христіане, уходя отъ мірскихъ суетъ въ тишь мысленнаго созерцанія и въ уединенье, нарочно искали романтическихъ мѣстностей, гдѣ быстрая череда горъ и долинъ, лѣсовъ, полей и водъ доставляла имъ все новыя и новыя впечатлѣнья. Григорій Нисскій говоритъ: «Когда я вижу, что любой каменный хребетъ, каждое ущелье и равнина одѣваются свѣ«жей муравою, когда вижу разнообразное убранство деревъ, а подъ ногами у «себя лиліи, вдвойнѣ надѣленныя отъ природы и благоуханіемъ и прелестнымъ «цвѣтомъ; когда въ дали усматриваю море съ идущимъ къ нему бродячимъ об-

«лачкомъ, душу мнѣ охватываетъ грусть, но грусть не безъ отрады. Когда же «потомъ осенью исчезаютъ плоды, опадаютъ листья, и вѣтви деревъ торчатъ ли- «шенныя всякаго украшенія, при видѣ этой вѣчной и постоянной измѣнчивости «подъ ладъ чуднымъ силамъ природы погружаемся въ унывіе и мы. Кто смо- «тритъ на нее вдумчивымъ душевнымъ зрѣніемъ, тотъ чувствуетъ всю мел- «кость человѣка передъ величіемъ вселенной». Братъ его, Василій Великій, описываетъ кроткія, ясныя ночи Малой Азіи, гдѣ звѣзды, эти вѣчные цвѣты неба, возводятъ духъ человѣка отъ видимаго къ незримому. Отъ подобныхъ настроеній далеко ли было до словъ Златоустаго: «Увидишь передъ собой «блестящія зданія, искушаетъ тебя зрѣлище великолѣпныхъ колоннадъ, тогда «взгляни скорѣе на сводъ небесный и на открытыя поля, гдѣ стада пасутся «по̀ берегу озера. Кто не презритъ всѣхъ созданій искусства, дивясь въ сер- »дечной тишинѣ на восходящее солнце, только что пролившее на землю свой «золотой свѣтъ, отдыхая у ключа на пушистой зелени или подъ сумрачной «тѣнью густолистныхъ деревъ и услаждая взоръ трепетнымъ мерцаніемъ «бѣгущей отъ него дали?»

Подлинно христіанское чувство внушило Клименту александрійскому слова, что кто вздумаетъ почтить духовное существо чѣмъ бы то ни было земнымъ и вещественнымъ, тотъ слишкомъ унизитъ этимъ его достоинство. Но если апостолъ Павелъ говорилъ о воздыханіи твари по откровенію сыновъ божіихъ, то развѣ не разумѣлось подъ этимъ то, что духовное сокрыто въ чувственной оболочкѣ и можетъ быть изъ нея вылужжено. Да вѣдь и самъ Іисусъ изображалъ царство божіе въ притчахъ, заимствованныхъ изъ окружавшей его природы. Такимъ-то именно путемъ новое изобразительное искусство родилось понемногу изъ стремленія символически онаглядить новыя мысли и чувства; исходной точкою была вовсе не природа, не міръ внѣшности, а напротивъ идея, сердце и внутреннее его содержаніе; образъ же долженъ былъ только пробуждать въ душѣ зрителей заложенный въ него смыслъ. Подобнаго рода символы встрѣчаются намъ на перстняхъ съ печатью, на кубкахъ и на гробахъ; особенно богаты ими римскія катакомбы. Римъ нѣсколько уже столѣтій подкапывался пещерами, откуда брали песокъ и пудзолану * для построекъ; длинные узкіе проходы чередуются здѣсь съ обширными ямами, среди которыхъ оставлены были столпообразныя массы кряжа въ видѣ опоръ для накрывающаго ихъ черепа, чтобы препятствовать его обрушенью. Этими-то подземельями первые христіане пользовались для того чтобы хоронить въ нихъ своихъ покойниковъ. И если здѣсь погребали они мученика или извѣстнаго всѣмъ душеводца, то собирались и впослѣдствіи чествовать дорогихъ усопшихъ къ ихъ усыпальницамъ, а побѣдоносная Церковь освятила и украсила потомъ безцѣнныя эти мѣста, гдѣ и послѣ продолжали хоронить отошедшихъ въ вѣчность; ихъ клали въ нарочно изрытыя для того выемы (ниши) и замыкали каменною плитой, или же ставили въ каменныхъ гробницахъ. Пещеры, обдѣланныя въ видѣ часовень, служили мѣстами сборища, а также и для погребенія цѣлыхъ семей. Воронкообразныя кверху отверзтія проводили воздухъ и впускали слабые лучи свѣта; богослуженіе, совершаемое

* Родъ волканическаго рыхляка.

тамъ при свѣтѣ лампадъ, напоминало о тѣхъ дняхъ, когда гонимая община могла собираться только втайнѣ, и живые чувствовали себя здѣсь въ непрерывномъ общеніи съ возлюбленными усопшими. Надписи гласятъ, что покойники только спятъ для того чтобъ пробудиться снова; они восхваляются какъ крѣпкія волей, обильныя заслугами, или какъ миролюбивыя, мудрыя, сладостныя души; къ имени покойника присоединены обыкновенно пожеланія: Благо тебѣ, радуйся, покойся въ мирѣ. «Христіанство, первое, открыло поэзію могилы», сказалъ Кинкель.

Знаменіе креста рано уже явилось символомъ распятаго; его полагали на чело и на грудь для того чтобы обречь себя Спасителю; въ немъ видѣли основную схему разныхъ естественныхъ обликовъ, напримѣръ—человѣка съ распростертыми руками, птицы съ развернутыми крыльями, а также и нѣкоторыхъ сосудовъ; его изображали какъ обыкновенно и у насъ, но сверхъ того еще равноконечнымъ, или же такъ, что вершина совсѣмъ не выдавалась надъ поперечьемъ, короче сказать — въ видѣ буквы Т. Христа обозначали начальными греческими буквами его имени, Х и Р, вставляя ихъ одну въ другую ☧ и прибавляя къ нимъ иногда еще А и Ω, какъ начало и конецъ: А☧Ω. И какъ латинская надпись креста Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum (Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій), обозначенная начальными лишь буквами, читается Inri, то подобнымъ же образомъ читали однѣ начальныя буквы греческой надписи Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ (Іисусъ Христосъ Сынъ Божій Спаситель), и такъ какъ изъ нихъ выходитъ Ἰχθύς, а слово это означаетъ рыбу, то благодаря этой случайности рыба стала символомъ Христа, а многія рыбы вмѣстѣ означаютъ опять христіанъ, по слову Учителя, хотѣвшаго сдѣлать учениковъ рыбарями или ловцами человѣковъ. Точно такъ же Іисусъ по апокалипсису агнецъ, а нѣсколько ягнятъ вмѣстѣ значатъ общину вѣрныхъ, стадо пастыря. Голубемъ обозначался Святой Духъ, кроткій и невинный образъ мыслей, и пара голубей знаменовала взаимную любовь супруговъ. Голубь Ноя, несущій масличную вѣтвь,—вѣстникъ мира и спасенія. Пѣтухъ—символъ бдительности, фениксъ—символъ жизнеобновленія, воскресенья, равномѣрно и павлинъ, такъ какъ онъ ежегодно теряетъ и опять отращиваетъ нарядныя свои перья. Олень—образъ христіанскаго стремленія къ Богу, по слову псалма: какъ олень нетерпѣливо жаждетъ студеныхъ водъ, такъ жаждетъ тебя и душа моя. Христіане заимствовали также и ликъ херувима, соединяющій въ себѣ человѣка, быка, льва и орла, но только розняли его на составныя части; св. Іеронимъ говоритъ: Христосъ родился человѣкомъ, умеръ какъ жертвенный телецъ, одолѣлъ смерть въ воскресеніи какъ левъ, и подобно орлу вознесся на небо. Впослѣдствіи всѣ эти животныя, а намѣсто человѣка ангелъ, сначала символически замѣняли собой евангелистовъ, впослѣдствіи же были приданы имъ въ видѣ эмблемъ. Христосъ самъ называлъ себя стволомъ виноградного дерева, а учениковъ лозами; лоза съ гроздіемъ стала теперь напоминать тайную вечерю. Пальма—знакъ побѣднаго одолѣнія смерти, листъ маслины—эмблема мира, якорь—символъ надежды, не дающей намъ падать духомъ и утопать среди бурныхъ житейскихъ треволненій; корабль—знаменіе Церкви по образу Ноева ковчега, спасающаго благочестивцевъ отъ потопа. Лирѣ любили уподоблять душу, беззвучную пока не прикоснется ей духъ. Вѣнокъ, а также и вѣнецъ, ука-

зываютъ на жизнь вѣчнаго блаженства. Заключимъ вмѣстѣ съ Шназе: «Вся природа разрѣшалась для христіанъ въ символъ ученій о спасеніи «и Искупителѣ, все съ нимъ какъ - нибудь соотносилось. Метафорически «уподобляющая фантазія Востока перешла благодаря Священному Писанію «къ западнымъ племенамъ, отвердилась здѣсь въ опредѣленные образы и «сдѣлалась важнымъ элементомъ художественнаго направленія для грядущихъ столѣтій.»

Какъ въ константиново время все болѣе и болѣе язычниковъ, и художниковъ въ томъ числѣ, переходило въ христіанство, то вскорѣ принялись за изображеніе сценъ священной исторіи, сначала такъ крѣпко еще держась при этомъ исходной символической точки христіанскаго искусства, что на все новозавѣтное только намекали ветхозавѣтными прообразованіями или типами, и самого Христа представляли въ символическомъ лишь видѣ, пока наконецъ въ сценахъ изъ жизни его отважились изобразить и его лично. Тутъ конечно подѣйствовали съ своей стороны и греческіе элементы, такъ-какъ образцомъ для рѣшенія подобныхъ задачъ не только бралось что либо другое отдѣльное произведеніе, но и миѳическіе лики вообще стали примѣняться къ символической передачѣ христіанства. Вѣдь въ языкѣ пластики много общечеловѣческихъ стихій: что вѣрность переходитъ за предѣлъ гроба, это и на языческихъ и на христіанскихъ памятникахъ выражается тѣмъ, что мужъ и жена подаютъ другъ другу руку; крылатая юношеская фигура съ вѣнкомъ въ поднятой вверхъ правой рукѣ всегда изображаетъ побѣду, смотрѣть ли на нее какъ на богиню Викторію, или какъ на ангела, все равно. Очищеніе души и возсоединеніе ея съ милымъ, возлюбленнымъ, всегда изображается Эротомъ и Психеей. Нѣкоторые усвоенные христіанскимъ искусствомъ формальные образцы обличаютъ уже въ самомъ началѣ будущее его назначеніе возвеличиться и достигнуть совершенства только при постоянной оглядкѣ на античную художественную форму. Однимъ изъ любимыхъ рельефовъ древности былъ Праклъ по одну сторону дерева, котораго золотыя яблоки подавала ему съ другой Геспернда; часто вкругъ древеснаго ствола обвивался бдительный сторожъ его, драконъ. По этому рельефу скомпоновано грѣхопаденіе. Несущійся на колесницѣ Солнобогъ послужилъ образцомъ для изображенія взятія Иліи на небо, а послѣднее въ свою очередь стало символомъ вознесенія Христа къ Отцу Небесному. Здѣсь начинается уже и сближеніе, сопримкновеніе мысленнаго содержанья. Іоаннъ именуетъ Христа свѣтомъ міру, и какъ позднѣйшая древность опагляживала себѣ идею божества предпочтительно въ видѣ непобѣдимаго, одолѣвающаго ночь и зиму, солнца, то естественное примкнуто было къ духовному, и въ день зимняго солноворота, въ день солнцерожденія, 25-го декабря, стали праздновать рождество Іисуса, а отъ Аполлона, примиряющаго и просвѣщающаго сына верховнаго божества, заняли извѣстныя черты для изображенія юношескаго лика Искупителя. Оберегатель стадъ Гермесъ былъ вѣдь вмѣстѣ и душеводецъ; его представляли съ овномъ рядомъ, иногда съ овномъ въ рукахъ. Въ Евангеліи Іисусъ названъ добрымъ пастыремъ, ищущимъ и обрѣтающимъ овецъ, отбившихся отъ стада. Такъ и стали изображать его въ подобіе Гермесовымъ фигурамъ,—молодымъ, въ короткомъ пастушьемъ платьѣ, несущимъ овцу на плечѣ или ласково ее поглаживающимъ. Этотъ символъ Спасителя всѣхъ

ближе говорилъ сердцу, былъ всѣхъ проще, и оттого сдѣлался обычнѣйшимъ. Рѣже встрѣчалось изображеніе пѣвца Орфея, который изъ любви преодолѣлъ смерть и усмирялъ львовъ и тигровъ своими пѣснями; уже Горацій угадываетъ тутъ въ звѣряхъ людей, первобытно дикихъ и суровыхъ; въ этомъ же самомъ смыслѣ Орфей становится символическимъ изображеніемъ Іисуса, въ видѣ безбородаго юноши, во фригійской шапкѣ, спокойно играющаго на лирѣ передъ дикими животными.

Изъ ветхозавѣтныхъ изображеній всего чаще встрѣчаются грѣхопаденіе, жертвы Каина и Авеля, Ной въ ковчегѣ при возвращеніи голубя, жертвоприношеніе Аврама, Моисей со скрижалями закона, а также источающій изъ утеса воду ударомъ своего жезла, переходъ чрезъ Чермное Море; потомъ Даніилъ во рву львиномъ, взятіе на небо Иліи, и Іона, извергаемый чудомъ-рыбою; рѣже попадаются Іовъ и Давидъ. Въ числѣ сценъ изъ жизни Іисуса не изображаются еще ни его дѣтство, ни страданіе и смерть, эти любимые предметы позднѣйшаго искусства. Спаситель является обыкновенно учащимъ посреди учениковъ, въ идеально юношескомъ видѣ, или въ домѣ Самаритянки, или еще исцѣляющимъ больныхъ, насыщающимъ народъ, воскрешающимъ Лазаря; встрѣчаются также въѣздъ въ Іерусалимъ, взятіе подъ стражу и допросъ передъ Пилатомъ. Такъ вездѣ напоминается намъ грѣховность наша и помощь, подаваемая намъ Христомъ; божья благодать спасаетъ и блюдетъ вѣрныхъ давно минувшаго времени, а болящимъ и усопшимъ въ новое время цѣленіе и жизнь даруетъ Іисусъ. Его возстаніе изъ гроба и вознесеніе символизируются Іоною и Иліею. Онагляживается не собственно его личность, а значеніе дѣятельности его для спасенія души человѣческой.

Въ ряду изобразительныхъ искусствъ живопись всѣхъ лучше выражаетъ душу и взаимныя отношенія лица къ лицу; вотъ отчего она стала верховоднымъ искусствомъ для эпохи глубокой сердечности, тогда какъ пластика Грековъ воплотила естественный идеалъ духа въ тѣлесной красотѣ, создавъ замкнутый въ себѣ, вполнѣ законченный и самодовлѣющій его обликъ. Торжество духа надъ плотію, а не прирожденная гармонія души съ тѣломъ,— вотъ та нравственная задача, какую христіанство поставило міру, погрязшему въ плотскости и внѣшности. Новое это содержаніе создаетъ себѣ новыя формы только уже въ живописи Среднихъ Вѣковъ; изваянія же христіанской древности остаются при формахъ и техникѣ позднеримскаго стиля. Нѣкоторыя статуи изъ катакомбъ, представляющія Христа въ видѣ добраго пастыря, сдѣланы по образцамъ Гермесовъ безпритязательно и мило. Очень мѣткимъ символомъ для метаморфозы Рима является сказаніе, будто по уходѣ Аттилы папа Левъ велѣлъ расплавить статую Юпитера Капитолійскаго и вылить изъ нея статую сидящаго Петра въ Петровскомъ храмѣ; она относится къ 5-му столѣтію и обнаруживаетъ большую тщательность въ подражаніи задуманнымъ въ томъ же родѣ сенаторскимъ фигурамъ, съ выраженіемъ самосознательнаго достоинства. Сродни ей и обломки мраморной статуи св. Ипполита. Богаче развилась пластика на рубежѣ своемъ съ живописью въ гробничныхъ рельефахъ. Тотъ пластическій стиль древнихъ Грековъ, который и здѣсь придавалъ каждой фигурѣ возможную ясность и полноту и потому всегда любилъ выставить всю симметрическую половину рельефа въ профиль,

смѣнился у Римлянъ множествомъ скученныхъ фигуръ; но теперь нашелся общій центръ и для душевной жизни и для всемірной исторіи; каждому зрителю хотѣлось видѣть ликъ этого центра, Христа, обращеннымъ въ его сторону, такъ что послѣдній и изображался всегда на первомъ планѣ и посереди, а справа и слѣва отъ него одна или нѣсколько фигуръ ставились съ нимъ въ соотношеніе. Поэтому вмѣсто того чтобъ пускать сплошной, непрерывный фризъ, теперь, какъ и при самомъ началѣ эллинскаго искусства, стали дѣлить плоскость, предназначенную подъ изваянія, симметрически расчленяя ее колоннами съ архитравомъ или арками, такъ что этимъ выигрывалась ясно-наглядная середина при соотвѣтственныхъ ей боковыхъ пространствахъ, которыя за тѣмъ и украшались небольшими группами ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ сценъ. Вся сила была тутъ не въ достоинствахъ внѣшней передачи, а въ томъ смыслѣ, въ томъ значеніи, какое эти группы имѣли для вѣрующей христіанской души; вотъ отчего фигурамъ стали давать неизмѣнный пошибъ, по которому легко было бы ихъ отличить: такъ напримѣръ разслабленнаго всегда уже изображали съ одромъ, который слѣдовало ему нести, Лазаря всегда съ пеленами обвивающими его ноги. При этомъ въ самомъ урядѣ группъ старались удержать тотъ принципъ живописной симметричности, чтобы выдвигался впередъ видимый центръ композиціи, какъ напримѣръ дерево — между Адамомъ и Евой, или Авраамъ между колѣнопреклоненнымъ передъ нимъ Исаакомъ и стоящимъ позади его овномъ.

Въ ватиканскомъ музеѣ хранятся порфирные соркофаги матери и дочери Константина, Елены и Констанціи. На первомъ есть погрудныя изваянья Елены и ея сына и конное сраженіе, намекъ на рѣшительную побѣду при Мильвіевскомъ мосту; рисунокъ тяжелъ и грубъ, отполировка твердаго камня стерла всѣ тонкости лѣпки и обратила ихъ въ зеркальную гладь. На гробѣ Констанціи мы видимъ собирающихъ виноградъ геніевъ среди дебелыхъ арабесковыхъ вязей, а за тѣмъ павлиновъ и овецъ. Напротивъ мраморныя гробницы Басса и Проба, конца 4-го столѣтія, представляютъ намъ отрадный образецъ перводѣльщины христіанскаго художества при закатѣ отходящей древности. Лучшая изъ нихъ гробница Басса. По узкимъ ея сторонамъ изображены жатва и сборъ винограда: плодъ завершившагося, созрѣвшаго, вѣдь— сѣмя, основаніе новой жизни въ будущемъ. На передней сторонѣ находимъ въ двухъ тяблахъ по пяти разныхъ изваяній въ каждомъ. Всерединѣ, между Петромъ и Павломъ, сидитъ на престолѣ поверхъ свода небеснаго Спаситель: видны грудь, голова и руки человѣка, распростершаго надъ собой покрывало, какъ бы шатромъ. Налѣво изображены отступничество Петра и жертвоприношеніе Авраамово, направо — допросъ Іисуса Христа и умовеніе рукъ Пилатомъ. Въ нижнемъ тяблѣ середнее изваянье представляетъ вшествіе Христа въ Іерусалимъ; налѣво мы видимъ грѣхопаденіе и Іова, направо—Даніила во рву львиномъ и взятіе Іисуса подъ стражу. На другомъ саркофагѣ Христосъ стоитъ всерединѣ на холмѣ между двухъ апостоловъ; онъ держитъ большой крестъ; четыре райскія рѣки вытекаютъ у ногъ его; а по правую и по лѣвую сторону размѣщены апостолы въ обрамленныхъ колоннами группахъ. — Въ христіанскихъ музеяхъ Ватикана и Латерана, потомъ въ Миланѣ, Перуджіи, Равеннѣ, Спалатро, Марсели, Эсѣ (Aix) и Арлѣ, хранятся разныя такого рода произведенія. — Къ нимъ примыкаютъ дощечки изъ

слоновой кости, складывавшіяся попарно; наружную ихъ сторону украшали рельефами, а внутреннюю покрывали воскомъ для письма. Онѣ назывались диптихами (складнями) и подносились въ видѣ почетнаго дара консуламъ. — Какая-то кроткая важность, тихая, спокойная привѣтливость, составляетъ отличительную черту этихъ изображеній; здѣсь даже и въ несовершенныхъ формахъ чувствуется вѣяніе того сердечнаго настроенья, какимъ христіанство постепенно обновляетъ и искусство и весь міръ.

На стѣнахъ катакомбъ вышеописанные символы рисовались впроцарапку, а позже, въ константиновскія времена, большія часовнеобразныя пещеры украшались по стѣнамъ и въ особенности по потолкамъ живописью, которая конечно теперь выцвѣла на сколько подземные ходы открыты для любопытныхъ, но которая, судя по сохранившимся снимкамъ и описаніямъ, была всего богаче и замысловатѣй выполнена въ катакомбахъ Каликста, у Аппіевой дороги. Она разумѣется примыкаетъ къ античной стѣнописи; около круглаго или осьмиугольнаго изображенія всерединѣ, обыкновенно — добраго пастыря или Орфея, размѣщены четыре или восемь мéньшихъ обрамленныхъ картинъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго содержанія, а чтобы пріятно заполнить порожнее пространство между ними онѣ обвиты арабесками геометрическихъ линій и лиственныхъ вязей съ цвѣтами, плодами и геніями. Все вмѣстѣ носитъ на себѣ веселый и миловидный характеръ. Свѣтлыя краски нанесены густо; одежды — римскія, и драпировка въ вольныхъ ея изгибахъ обдѣлана тщательно; очертаніе лицъ антично-благородно. Но здѣсь-то именно очевиднѣе всего, что эти формы только послѣдніе отголоски умирающаго искусства, а вовсе не зачатки новыхъ художественныхъ пріемовъ, потому что тутъ нѣтъ того индивидуально-сердечнаго выраженія, какимъ начинаетъ христіанскогерманскій Средній Вѣкъ, и которое, при всѣхъ впрочемъ недостаткахъ рисунка, уже дается ему какъ не льзя болѣе. Особенность новаго начала проявляется лишь въ томъ, что вездѣ изображенія даютъ предчувствовать болѣе глубокое содержанье и вызываютъ сердце зрителя на собственную думу.

Двѣ картины катакомбъ обнаруживаютъ зачатки стремленья представить въ портретномъ видѣ даже и личный идеалъ Христа. Быть можетъ, на Востокѣ сохранилось преданіе объ его наружности; но не льзя было въ точности выразить этого словами, и неоспоримо, что мнимыя изображенія, писанныя будто бы Лукою, или полотенце Вероники, на которомъ будто бы запечатлѣлся ликъ его, когда на крестномъ пути она отирала потъ съ утомленнаго чела, — неоспоримо, что все это созданія фантазіи. Одно погрудіе изъ пещеръ Каликста представляетъ его полуобнаженнымъ, хитонъ накинутъ черезъ плечо; лицо продолговато, лобъ высокъ, носъ прямъ, брови дугой, выраженіе важно и вмѣстѣ кротко; борода мала и раздвоена, волоса, подобранные назадъ, вьются по плечамъ легкими кудрями. Другое погрудіе изъ Понтіановскихъ пещеръ — новѣе. Здѣсь онъ одѣтъ совсѣмъ, и голова окружена крестообразно излучаемымъ сіяніемъ. Отцы Церкви нерѣдко буквально относили къ Іисусу слова пророка о рабѣ божіемъ: «Онъ былъ невзраченъ видомъ и некрасивъ». Евсевій указываетъ сестрѣ Константина на слова Евангелія, которыя одни представляютъ образъ Іисуса: тогда стало-

быть не существовало ни какого завѣреннаго или удовлетворительнаго изображенія его. Ни Амвроссій, ни Августинъ не соглашались съ Тертулліаномъ насчетъ того, чтобы Спаситель явился въ гнусномъ рабскомъ видѣ; и земная форма, полагали они, была просвѣтлена въ немъ божественною природой. Сказаніе говоритъ объ одномъ византійскомъ живописцѣ, будто у него отсохла рука, когда онъ захотѣлъ перенесть черты Зевсова погрудія на Іисуса Христа. Сказаніе же повѣствуетъ, что предмѣстникомъ Пилата въ управленіи Палестиной былъ Лентулъ, и что онъ будто бы отправилъ въ римскій сенатъ донесеніе, въ которомъ Іисусъ былъ описанъ именно такимъ, какимъ представляли его себѣ въ 5-мъ вѣкѣ: человѣкомъ видпаго роста и съ такимъ достопочтеннымъ лицомъ, что всѣ кто на него ни взглянетъ невольно боялись его и вмѣстѣ любили; волосы пробраны у него посерединѣ и вьются въ темныхъ, лоснящихся кудряхъ по плечамъ; чело ясно, лицо безъ малѣйшихъ пятенъ и съ легкимъ румянцемъ, носъ и ротъ безукоризненны, борода немного рыжевата, но не длинна; глаза, наконецъ, блестящіе. Въ этомъ описаніи узнаемъ мы оба катакомбныя изображенья, и находимъ въ нихъ тотъ типъ, который начиная со Среднихъ Вѣковъ и до сихъ поръ лежитъ въ основаніи Іисусова идеала.

Когда въ половинѣ 5-го столѣтія за Маріей торжественно признано было наименованіе Богородицы, съ тѣхъ поръ культъ ея распространялся болѣе и болѣе, а вскорѣ начертали и ея образъ въ подобіе конечно съ ликомъ ея сына. За тѣмъ постоянныя черты были приданы Петру и Павлу: лицо перваго изображается округлымъ, волоса и борода у него курчавые, сѣдые; у Павла продолговатое лицо, съ лысымъ лбомъ, оканчивается довольно длинной, заостренной бородою.

Черты эти выработались преимущественно въ базиличныхъ мозаикахъ. Крытая полукружнымъ сводомъ ниша, которою замыкался средній корабль, надпрестольная тріумфальная арка, потомъ верхостѣнье средняго корабля надъ поддерживающими первое колоннами, и наконецъ самый полъ, все это напрашивается на украшеніе. Полъ устилали разноцвѣтными камнями, располагая ихъ въ видѣ звѣздъ, въ видѣ захватывающихъ другъ друга треугольниковъ и цвѣтоподобныхъ узоровъ; золотили и расцвѣчали черезъ огонь стеклышки и набирали изъ нихъ изображенія человѣческихъ фигуръ, размѣщаемыя по верхнимъ пространствамъ. Такъ въ особенности украшалась запрестольная ниша въ ней любили помѣщать образъ Іисуса Христа большихъ размѣровъ, судящаго съ спокойнымъ достоинствомъ или кротко благословляющаго, такъ чтобы взоръ богомольца поражался имъ при самомъ входѣ во храмъ, а къ нему присоединяли по сторонамъ нѣсколькихъ, иногда и всѣхъ апостоловъ, а также тѣхъ или другихъ святыхъ; узкое тябло у ногъ его представляло стадо вѣрныхъ, и посреди ихъ прямо подъ Христомъ писался символъ его, агнецъ, съ хоругвію побѣды. Боковыя стѣны украшались подготовляющими къ нему ветхозавѣтными сценами, тріумфальная же арка сіяла новозавѣтнымъ исполненіемъ всѣхъ извѣчныхъ надеждъ и представляла торжествующаго Искупителя среди символическихъ изображеній апокалипсиса.

Правду сказать, мозаики эти даютъ одну наружность формъ безъ всякой индивидуальной тонкости художественнаго чувства, и непреломляющимся краскамъ ихъ недостаетъ конечно полутоновъ, мягкихъ переливовъ свѣтотѣни; но это не слишкомъ бросалось въ глаза, когда колосальныя фигуры можно было видѣть уже изъ-дали, и самая ихъ техника подходила къ тому торжественному спокойствію, къ тому внушительному достоинству, какого требовало для нея мѣсто; съ важной величавостью смотрятъ онѣ внизъ на зрителя, витая сами на синемъ или ярко-золотомъ фонѣ въ какомъ-то таинственномъ сіяніи. Грегоровіусъ называетъ мозаикъ золотистымъ цвѣткомъ варварства; если такъ,—онъ вполнѣ отвѣчалъ внѣшнему характеру той эпохи, когда естественно-свѣжая суровость Германцевъ, Кельтовъ, Славянъ вела борьбу противъ древнихъ народовъ, стоявшихъ за истлѣвающую образованность; но въ этотъ чисто внѣшній міръ христіанство внесло опору и сдержку религіозной истины, и мы можемъ дополнить мысль Грегоровіуса словами Шнаазе: «вся громадная сила Церкви въ первую пору ея признанія высказалась въ «этихъ мозаикахъ такъ, какъ не смогли бы выразить ее ни какія болѣе мяг- «кія созданія искусства». Пропорціи фигуръ стройны и благородны, въ нихъ отзывается еще величіе античныхъ божественныхъ ликовъ, оно замѣтно и въ складчатой драпировкѣ одеждъ, тогда какъ глазъ, будто черная звѣзда въ блестящей бѣлизнѣ, такъ и смотритъ на зрителя съ таинственною силой. Спаситель и слѣдовавшіе за нимъ передовые бойцы окружены здѣсь первымъ лучезарнымъ сіяніемъ духовнаго свѣта.

Тріумфальная арка Павловской церкви (въ Римѣ) была въ 5-мъ столѣтіи украшена гигантскимъ погруднымъ образомъ Христа, носившимъ уже черты личнаго типа; вокругъ него виднѣлись 24 апокалиптическихъ старца, слагающихъ съ себя вѣнцы: здѣсь, поэтому, изображалась великая аллилуйя вселенной, воспѣваемая побѣдѣ Іисуса, и такъ-какъ двѣнадцать человѣкъ по лѣвую сторону были съ новитыми пеленой головами, а двѣнадцать по правую съ непокрытой головой и впроборъ расчесанными волосами, то первые очевидно представляли Іудеевъ, молящихся подъ покрываломъ, а послѣдніе — христіанъ изъ язычниковъ, и — что̀ вполнѣ вѣрно исторической правдѣ — іудействующій Петръ замѣтенъ въ числѣ первыхъ, а апостолъ язычниковъ, Павелъ, — въ числѣ вторыхъ. Базилика Санта-Марія Маджоре украшена по распоряженію папы Сикста (432 — 450) древнѣйшими изъ дошедшихъ до насъ мозаикъ; стиль ихъ сохранилъ преданія классическаго древне-римскаго искусства, тогда какъ въ церкви св. Павла замѣтно уже византійское вліяніе. По стѣнамъ средняго корабля ветхозавѣтныя картины ведутъ насъ, какъ предвозвѣстники и подготовители, къ тріумфальной аркѣ и къ апсидѣ, украшеннымъ исторіей Пречистой Дѣвы и Христа, какъ исполненіемъ предвозвѣстій. Поверхъ колоннъ, начиная отъ самаго входа тянутся по обѣ стороны два ряда изображеній, одинъ надъ другимъ; по малости размѣра они производятъ меньше дѣйствія, но все это простыя, ясно очерченныя композиціи, которыя, начинаясь привѣтствіемъ Мельхиседека Аврааму, изображаютъ жизнь патріарховъ, Моисея и Іисуса Навина вплоть до покоренія Обѣтованной Земли. Здѣсь не такъ удачны боевыя сцены, но идиллическо-патріархальныя превосходны; въ костюмѣ господствуетъ благородный античный стиль. Стѣна надъ тріумфальной аркой и подлѣ представляетъ по-

серединѣ престолъ божій, передъ которымъ лежитъ книга судебъ съ своими семью печатями; по бокамъ стоятъ Петръ и Павелъ, а за тѣмъ фигуры быка и ангела, льва и орла, ставшія уже символами евангелистовъ; композиція эта носитъ на себѣ восточный отпечатокъ, какъ и то поэтическое произведеніе, на которое она опирается. Далѣе идутъ въ симметрическомъ порядкѣ благовѣщеніе, срѣтеніе господне, поклоненіе волхвовъ, избіеніе виѳлеэмскихъ младенцевъ, отрокъ Іисусъ, поучающій во храмѣ; взаключеніе виды города Іерусалимъ и Виѳлеэмъ, на которые смотрятъ снизу вверхъ стоящіе поодаль агнцы. Пріятно отзывается антикомъ, всегда избѣгавшимъ крайнихъ ужасовъ, та любопытная черта, что группа перепуганныхъ женщинъ еще держитъ на рукахъ дѣтей, для избіенія которыхъ быстро наступаютъ три воина. Своеобразно задуманы волхвы, мудрецы Востока,—двое юношей съ вѣнцами поверхъ фригійскихъ шапокъ; они стоятъ съ дарами передъ трономъ, на которомъ сидитъ одинъ новорожденный Іисусъ; позади у него—ангелъ, а надъ нимъ ярко горитъ звѣзда. Марія еще безъ сіянія. Запрестольная ниша вѣроятно содержала въ себѣ ликъ учащаго или благословляющаго Спасителя, съ апостолами вокругъ него; теперь въ ней мозаикъ 13-го вѣка. Церковь свв. Козмы и Даміана, идущая по крайней мѣрѣ отъ 6-го столѣтія, представляетъ на аркѣ Христа въ видѣ агнца на престолѣ между свѣщниками, ангелами и символическими животными; но внутри крытой сводомъ ниши Христосъ стоитъ между Петромъ и Павломъ, Козмою и Даміаномъ, Ѳеодоромъ и основателемъ храма, папою Феликсомъ IV. Величественный Спаситель полонъ мистической глубины во взглядѣ; святые, неодолимые его поборники, съ религіознымъ ужасомъ въ страшно-большихъ глазахъ, какъ будто бы напоминаютъ намъ дни Дитриха Бернскаго и Велисарія. Нравственный идеалъ, единеніе Бога съ человѣкомъ, осуществились въ личности Іисусовой; стало-быть ее и требовалось художественно изобразить, и тѣ произведенія, которыя въ типическихъ чертахъ положили первую тому основу, которыя на ряду съ античными статуями боговъ поставили здѣсь нѣчто новое и своеобразное, должны быть признаны за важнѣйшій художественный подвигъ, достойно заключившій собой христіанскую древность.

ВИЗАНТІЙСТВО.

Языческія и христіанскія предсказанія возвѣстили близкую погибель Рима, и людямъ смотрѣвшимъ глубже большинства давно уже было ясно, что съ Германцами борьба идетъ не за побѣду или добычу, а прямо уже на жизнь и смерть. Среди такихъ-то впечатлѣній Константинъ, упрочивъ своимъ переходомъ къ христіанству преобладаніе новой эры религіозности, рѣ-

шился дать и имперіи новый центръ учрежденіемъ для нея другой столицы. Онъ обратился на Востокъ къ тому троянскому побережью, откуда баснословное сказаніе выводило Римлянъ, но потомъ остановилъ очень удачно свой выборъ на сосѣднемъ европейскомъ берегу и предпринялъ пересоздать древнюю, запустѣлую Византію въ новый совсѣмъ городъ, Константинополь, котораго положеніе на рубежѣ двухъ частей свѣта и въ очаровательной мѣстности соединяетъ преимущества приморскихъ и материковыхъ городовъ. Смѣсь языческихъ элементовъ съ христіанскими символично проявилась при самомъ основаніи новой столицы: на форумѣ поставили колесницу непобѣдимаго Солнобога, въ которую собрались всѣ боги язычества, а подлѣ нея Фортуну города (Тюхе) съ крестомъ Спасителя на головѣ; народъ пѣлъ „Господи помилуй", при освященіи. Насупротивъ, двойная статуя, императора и матери его, Елены, держала крестъ съ надписью: Единъ святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ, въ славу Бога Отца; но на самой серединѣ этого креста прикрѣпленъ былъ на цѣпочкѣ образъ той же опять Фортуны, съ магическими заклятіями. Ей, матери боговъ Реѣ, и Діоскурамъ сооружены были храмы возлѣ христіанскихъ церквей, и для украшенія какъ ихъ, такъ городскихъ площадей и портиковъ, всякаго рода изваянія свозились сюда со всѣхъ концовъ страны, такъ что городъ вышелъ настоящимъ музеемъ античнаго искусства, сдѣлавшись въ то же время и колыбелью христіанскаго. Изъ Рима привезли цѣлую порфировую колонну во 100 фут. вышины, въ подножіе ея заложили тайно на счастье мнимый троянскій палладіумъ, а на капители поставили бронзовую статую Аполлона, и прикрѣпили ему на голову вѣнецъ изъ гвоздей креста Христова, въ ту пору будто бы открытаго; все же вмѣстѣ освящено было въ символическій образъ Константина, да царитъ онъ надъ своимъ городомъ какъ солнце правды,— обыкновенное тогда наименованіе Спасителя. И смѣсью языческихъ элементовъ съ христіанскими, азіатскихъ съ европейскими,—смѣсью на подобіе той, какую видѣли мы въ Александріи на греческой основѣ,— остался навсегда весь византійскій типъ, молодое вино, влитое въ мѣха старые. Античная идея о всемогущемъ государствѣ удержалась здѣсь цѣликомъ, только носителемъ ея было уже не народное собраніе, его замѣнилъ императоръ. Онъ сталъ выше гражданскаго и выше нравственнаго закона, и управлялъ изъ столицы подвластными ему землями черезъ своихъ чиновниковъ и черезъ постоянное войско, два орудія полносильной его руки. Въ провинціяхъ не стало уже своебытной, самостоятельной жизни, вся дѣятельность сосредоточилась въ Константинополѣ, даже промышленность и торговля сдѣлались государственною монополіей; подданные дѣлились только на болѣе или менѣе обложенныхъ податями, служащіе же были строго пріурочены къ разнымъ степенямъ чиноначалія, которыхъ внѣшнія отлички еще больше возбуждали суетность. Всѣмъ безъ исключенія бюрократически распоряжались сверху по произволу, и готовыя на все формы гражданскаго и церковнаго уряда и управленія распространялись то на бо̀льшій, то на мѐньшій объемъ земель, смотря по тому какъ способные или неспособные императо-

ры расширяли предѣлы имперіи или утрачивали часть своихъ владѣній.

Всякъ, приближаясь къ императору, повергался въ прахъ и считалъ себя счастливымъ поцаловать его въ ногу; весь царскій обиходъ, одежда, постеля императора, все объявлено было священнымъ; усомниться въ его мудрости, значило кощунствовать; всѣ придворныя церемоніи были облечены въ высоту обрядовыхъ церковныхъ уставовъ. Константинъ Багрянородный самъ написалъ педантически-точное сочиненіе о церемоніалѣ императорскаго двора. Парадная одежда духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ приняла восточный характеръ; вошли въ обычай дорогія ткани, особенно пестрые шелки съ персидскими и арабскими узорами и съ протравкой изъ золотыхъ нитей; платье дѣлалось тѣмъ богаче и блистательнѣй чѣмъ выше саномъ были его носители и носительницы. Въ посудѣ, хвастовство драгоцѣннымъ матерьяломъ заступило мѣсто изящныхъ формъ, которыми напротивъ матерьялъ художественно облагороживался въ древности. Какъ бы навстрѣчу деспотіи и азіатскому характеру ея серальнаго управленья черезъ женщинъ и евнуховъ шло общее разслабленіе народа, его жажда удобнаго покоя среди чувственныхъ усладъ. Мѣсто гражданской силы и самодѣятельности заступило восточное раболѣпство, и величайшія жестокости, увѣчья, ослѣпленія, мучительнѣйшія смертныя казни стали теперь ни по чемъ. Жадные до зрѣлищъ горожане точно такъ же дѣлились на партіи по ливреямъ состязавшихся на бѣгу ѣздоковъ, какъ по извѣстнымъ реченіямъ, составлявшимъ лозунгъ богослововъ. Назначеніе по себѣ преемника принадлежало неограниченному государю, и отсутствіе законнаго престолонаслѣдія вносило въ монархію новый элементъ смутъ и безпокойствъ, такъ какъ упразднившійся престолъ всегда могъ вызывать стремленія честолюбцевъ; военные и дворцовые перевороты случались походя, но цѣлію этихъ движеній никогда не была идея: они не имѣли въ виду ни сисканія новыхъ человѣческихъ правъ, ни какихъ-либо вольностей, не хотѣли ни какихъ успѣховъ народнаго благосостоянія; все ограничивалось желаніемъ поставить на высшія мѣста другія лица и не то чтобы существенно исправить ветхую государственную машину, а развѣ только замѣнить въ ней новыми какую-нибудь пару истершихся колесъ. Шли другъ за другомъ чередой добрые и худые, храбрые и трусливые властители, но личности ихъ не смогли внушить народу болѣе крѣпкихъ духовныхъ силъ. Казалось, что Славянамъ на востокѣ и Германцамъ на западѣ суждено было влить въ него свѣжей, здоровой крови, и совершенно ниспровергнуть римскую имперію; но у Славянъ не было дѣятельнаго побуда къ завоеваніямъ, они только исподволь втѣснялись въ ея предѣлы, сами принимая ея порядки, ея религію, образованіе, и отнюдь не измѣняя формы ея въ цѣломъ.

Если не смотря на все это имперія простояла однако еще цѣлую тысячу лѣтъ, причиною этому было то, что за догматами все-таки стояла

вѣдь религіозная истина христіанства и что наслѣдственная политическая мудрость Рима отпечатлѣвалась и въ законахъ и въ учрежденіяхъ. Историческое же значеніе того обстоятельства, что клокъ древняго міра прозябалъ еще столь долгое время и истлѣвалъ среди идущей впередъ жизни такъ медленно, заключалось въ необходимости для германскихъ и романскихъ племенъ на западѣ твердаго оплота противъ напора могаммеданъ, съ Востока, а такимъ оплотомъ и былъ именно Константинополь послѣ утраты имперіей всѣхъ азіатскихъ ея земель; вѣдь даже и въ новую эпоху, по паденіи этой передовой стѣны, разливъ Турокъ сокрушился только о вѣнскія укрѣпленія. Новые народы нуждались сверхъ-того въ сокровищницѣ, гдѣ было собрано научное и художественное преданіе греческой древности, откуда можно было по временамъ достать тотъ либо другой образецъ, пока сами они постепенно созрѣли до самостоятельности и смогли принять въ себя элементомъ образованія эллинство, не подчиняясь превосходству его до того, чтобы утратить этимъ своебытность собственной поэзіи, мыслительности и формотворчества. Мы можемъ вслѣдъ за Шназе назвать византійскую исторію поучительною еще и въ другомъ смыслѣ: здѣсь убѣждаемся мы вполнѣ, что никогда изъ одного сочетанія даже и благороднѣйшихъ матерьяловъ не возникнуть органическому цѣлому, что любое составное тѣло нуждается въ единой самодѣйственной душѣ.

Централизаціонное начало византійства величественно выказывается въ архитектурѣ тѣмъ, что здѣсь достигнуто и возведено къ господству средоточіе, котораго еще нѣтъ въ римской базиликѣ. Около центра очерчивается здѣсь кругъ, а надъ нимъ, опираясь на столпы, связанные полуциркульными арками, возводится посрединѣ церкви сводомъ высокій куполъ и даетъ цѣлому опредѣленный видъ. Постройка эта или расширяется еще кругостолпнымъ обходомъ, подѣленнымъ на два яруса, такъ что съ верхняго видно внизъ высокое середнее пространство и что въ немъ отводится особое мѣсто для женщинъ, раздѣлявшихся по восточному обычаю и въ церкви отъ мужщинъ; или же вокругъ срединнаго квадрата, образуемаго подкупольными столпами, располагаются на всѣ четыре стороны квадраты же, такъ что въ планѣ выходитъ греческій, равноконечный крестъ, тогда какъ напротивъ въ латинскомъ середнее звено переросло плечевыя вѣтви на одинъ или на два квадрата, выдвинутые далѣе. Апсида (трибуна) съ престоломъ стоитъ на концѣ прямо противъ входа, обыкновенно во впадинѣ, которой тылъ полукружно выдается наружу. Боковые квадраты покрываются сводами, или могутъ также носить куполы (главы), но всегда остаются гораздо ниже середины, и раздѣлены на два яруса. Не то, всѣ четыре квадрата кроются коробовымъ сводомъ и примыкаютъ къ куполу, а за тѣмъ все это обносится квадратною наружною стѣной, что́ даетъ еще четыре боковыхъ пространства пониже, надъ которыми ставится тогда по греческому кресту. Точно также можно было бы сказать, что двумя параллельными

чертами спереди назадъ и справа налѣво вписывается здѣсь крестъ въ большомъ квадратѣ. Иногда все середнее пространство выдѣлено впродоль, какъ напримѣръ въ церкви св. Софіи. Архитектура разрѣшаетъ здѣсь трудныя конструктивныя задачи внутренности христіанскаго сооруженія пользуясь всѣми средствами античной науки и техники, тогда какъ восточная роскошь хочетъ вездѣ блеснуть драгоцѣннымъ матерьяломъ и пестрымъ изукрашеніемъ, но зато вольный пластическій размахъ орнаментовъ все болѣе и болѣе мертвѣетъ въ косномъ схематизмѣ. Композицію наружно и внутренно взволнованной жизни замѣнили картины духовныхъ и свѣтскихъ церемоній съ великолѣпными костюмами. Но у лучшихъ живописцевъ долго еще сохранялось свойственное Эллинамъ формальное чувство красоты. Такъ же точно сохранялся, пожалуй, языкъ Платона и Демосѳена, но уже безъ освѣжительнаго притока изъ живыхъ народныхъ ключей, являясь, словно высохшая мумія, въ канцелярскомъ слогѣ, въ теоретическихъ перебранкахъ и въ полныхъ раболѣпства, надутыхъ рѣчахъ; самъ Гомеръ былъ разорванъ по клочкамъ, отдѣльными стихами, изъ которыхъ снизывался какой-то странный наборъ, для передачи библейскихъ повѣтствованій. Нигдѣ не было свободы, коренного условія красоты во всемъ. Въ нѣкоторыя сердца закрадывалось чувство общаго упадка, при сравненіи древне-эллинскаго величія съ подлинно ужаснымъ настоящимъ; они высказывали скорбь свою въ эпиграммахъ и сатирахъ. Такъ Палладасъ изъ Халкиды уже въ 5-мъ вѣкѣ говоритъ:

Прежде чѣмъ умереть совсѣмъ, мы Эллины
Живемъ только еще для виду въ безднѣ жалкаго униженія;
Мы переживаемъ сонъ, который кажется жизнью
Только нашему воображенію, а настоящая жизнь сгибла уже давно.
Какъ однако безпредѣльно зла зависть!
Счастливца, боголюбимаго готовы мы ненавидѣть.
Зависть вводитъ насъ въ нелѣпѣйшія заблужденія,
Мы служимъ тогда безумію, и служимъ охотно.
Мы, Греки, завалены пепломъ и щебнемъ прошлаго,
Надежды наши—надежды заживо погребенныхъ мертвецовъ:
Страшно вѣдь все сплошь у насъ перевернулось.

И какой ужасный приговоръ, 400 лѣтъ спустя, произноситъ надъ церковнымъ и политическимъ деспотизмомъ даже одинъ изъ императоровъ, Левъ IV Философъ, изображая состояніе своей державы такъ:

Ахъ, сколько досточтимаго ушло въ добычу ненасытному времени,
Похитившему все что когда-либо слыло добрымъ и благороднымъ!
Пала образованность, угасла свѣжая сила языка,
Отлетѣлъ умъ, наука блекнетъ и вырождается,
Благочестія, этой святыни души какъ будто и не бывало,
Погибло право, и съ нимъ вмѣстѣ все прекрасное.
Порокъ подымаетъ голову съ наглымъ коварствомъ,
Ложь явно беретъ верхъ, вездѣ царятъ насиліе и тиранство,

Зависть гложущей змѣей обвилась вокругъ всего что было и есть божественно,
Безвѣріе смѣло открываетъ уста для дерзкихъ широковѣщаній,
Харибда обмана всѣмъ грозитъ своей зіящей пастію,
И отголоски злорѣчія быстро разносятся по всему свѣту.

При Константинѣ вся имперія сохраняла еще одинаковую культуру но и тогда уже базилика св. Гроба въ Іерусалимѣ повела къ постройкѣ купольнаго на колоннахъ сооруженья надъ гробомъ Спасителя, и высокій осьмиугольникъ главной церкви въ Антіохіи сталъ вѣроятно предтечею равеннскаго храма Санъ-Витале. Съ тѣхъ поръ какъ Ѳеодосій подѣлилъ имперію между двумя сыновьями, — грековосточный типъ пошелъ врознь съ романско-западнымъ въ образованіи, языкѣ, искусствѣ и постепенно даже въ Церкви; но вліяніе византійства все еще заявляло себя на западѣ въ длинную эпоху великаго переселенія народовъ и въ началѣ Среднихъ Вѣковъ, когда новая жизнь въ смутномъ и бурномъ броженіи только еще искала себѣ соотвѣтственной формы, и когда между тѣмъ Востокъ неизмѣнно сохранялъ свою кристаллически-осѣвшую культуру. Съ 404-го года Гонорій жилъ уже въ Равеннѣ вмѣсто Рима; тамъ же была потомъ столица Теодериха, а по низверженіи готскаго владычества (въ 540 г.) тамъ постоянно водворился намѣстникъ, управлявшій отъ имени византійскаго императора завоеванною Италіей, пока въ 752 г. Лонгобарды не положили конца этому экзархату.

Гонорій и сестра его, Галла Плацидія, предприняли въ Равеннѣ блистательныя постройки. Для базилики удержали они первобытную долевую форму безъ поперечнаго прясла, и такъ какъ имъ негдѣ уже было набирать колоннъ изъ наличныхъ языческихъ храмовъ, то колонны стали дѣлать всѣ однообразно, одинаково; въ листвяномъ убранствѣ капителей къ коринѳскому преданію присоединяются первыя попытки новыхъ замысловъ, и подъемъ соединительной арки между колоннами начинается оплечьемъ, которое, расширяясь кверху, образуетъ четыреугольникъ и обыкновенно украшается крестомъ. Верхостѣнья середняго корабля расчленяются вольнѣе и богаче, напримѣръ такъ, что надъ колоннами выступныя плоскія пилястры соединяются между собой круглыми арками для обрамовки оконъ; въ такихъ же плоскихъ пилястрахъ (лизенахъ) и въ аркадномъ или круглодужномъ надъ ними фризѣ внутренность начинаетъ отзываться и снаружи. Теодерихъ Великій построилъ для своихъ Готовъ также нѣсколько базиликъ въ этомъ стилѣ, вездѣ ясномъ и благородномъ, хотя въ Санто-Спирито онъ проще, а въ Сантъ-Аполлинаре Ново великолѣпнѣе. Надгробная часовня Галлы Плацидіи представляетъ въ своемъ планѣ латинскій крестъ, котораго плечевыя вѣтви крыты коробовымъ сводомъ, а срединный квадратъ увѣнчанъ высокимъ куполомъ. Напротивъ, въ Санъ-Витале, освященномъ 547 г., мы видимъ уже византійскій стиль. Осьмиугольная внутренность, имѣющая 47 футовъ въ діаметрѣ, обозначена осьмью столпами, подпирающими верхнюю часть зданія и куполъ; ее облегаетъ вокругъ концентрическій осьмиугольникъ же,

подѣленный на два яруса, которыхъ сводчатые потолки, поддерживаются двумя колоннами каждый, а эти въ свою очередь смыкаются между собой и со столпами посредствомъ круглодужныхъ арокъ, такъ что если смотрѣть отъ столповъ, то середнее прясло какъ будто расходится въ даль нишами. Пробитое окнами верхостѣнье идетъ ввысь осьмиугольникомъ, а тамъ замыкаетъ его куполъ, котораго своды состоятъ изъ спирально вложенныхъ другъ въ друга кувшинообразныхъ глиняныхъ сосудовъ или горшковъ. Вмѣсто простой ясности базиликъ, здѣсь передъ нами богатая, хитро перепутанная система кривыхъ, охватившая средоточіе.

Юстиніанъ, этотъ византійскій Людовикъ XIV, царствовавшій съ 527 по 565 г., представляется основателемъ прочнаго объединяющаго порядка; великіе полководцы Велисарій и Нарсесъ завоевали ему Сѣверную Африку и Италію, Трибоніанъ собралъ законы и толкованія на нихъ знаменитѣйшихъ правовѣдовъ, а обратившаяся къ набожности супруга Юстиніана Ѳеодора, съумѣла дотого завладѣть императоромъ, что государствовала и рѣшала съ нимъ вмѣстѣ всѣ дѣла. Художественнымъ памятникомъ его правленія осталась Софійская церковь въ Константинополѣ, посвященная Премудрости Божіей или Богу-Слову, Христу, — чудо свѣта, сооруженное въ шесть лѣтъ подъ руководствомъ Исидора Милетскаго и Анѳимія изъ Траллеса. Окруженный колоннами внѣшній притворъ, съ колодеземъ очищенія, ведетъ къ первому предсѣнію, называемому нарѳексомъ покаянниковъ; пятью бронзовыми дверями входите вы за тѣмъ въ другое предсѣніе, гдѣ мужской путь расходится уже съ женскимъ: женщины идутъ по лѣстницамъ на верхній ярусъ боковыхъ пряслъ, а мужщинамъ новыя створчатыя врата открываютъ путь во внутрь храма. Онъ почти квадратный, простираясь на 252 фута въ длину и на 228 въ ширину; куполъ надъ срединой зданія придаетъ ему характеръ центральнаго, но въ то же время середній корабль въ долевомъ своемъ направленіи подвышенъ противъ низшихъ боковыхъ пространствъ справа и слѣва двумя примыкающими другъ къ другу полукуполами, а прямо противъ входа закончень полукруглою впадиной или нишей. Четыре могучіе столпа обозначаютъ углы срединнаго квадрата. Они соединены между собой полукружными арками и поддерживаютъ большой плоскоразгонный куполъ, котораго центръ высится на 177 футовъ отъ полу, а поперечникъ простирается до 100 футовъ. Между столпами сѣверной и южной стороны размѣщено съ каждой по четыре колонны, которыя поддерживаютъ хоры или галерею для женщинъ; на западъ же и на востокъ выступаютъ по два меньшихъ столпа, подпирая полукуполы, которые оба обращены къ главному куполу; отъ этого середнее прясло получаетъ какъ бы эллиптическій видъ, и боковые корабли облегаютъ его уже не съ той простою ясностью, какъ въ базиликѣ, а располагаются какъ разные покои вокругъ главной храмины, съ привлекательной перемѣною живописныхъ проглядей то въ тотъ, то въ другой покой. Всѣ они крыты сводомъ и поддерживаютъ вверху женскіе хоры. Цѣлое море свѣта

врывается въ окна подъ главнымъ куполомъ, а также въ разнообразные пролеты большихъ поперечныхъ стѣнъ и придаточныхъ куполовъ, — врывается и играетъ въ разноцвѣтномъ мраморѣ пола, стѣнъ и карнизовъ, въ золотыхъ фонахъ и пестрыхъ по нимъ мазаикахъ, которыми всѣ своды окаймлены какъ лентами и убраны какъ живописно пестрѣющимъ ковромъ. Комбинаціи совокупнаго цѣлаго поистинѣ могучи и геніальны, но безъ той ясной гармоніи, какая свойственна органическому расчлененію; въ разработкѣ деталей недостаетъ выразительности художественныхъ формъ, а пестрота мраморной и мозаичной облицовки своимъ пышнымъ блескомъ не столько оживляетъ, сколько разрываетъ большія массы и конструктивныя линіи. Внѣшность храма громоздится тяжело наподобіе каменнаго кургана, составляя полную противоположность съ фантастическимъ блескомъ внутренности, которая и драгоцѣннымъ матерьяломъ прямо напоминаетъ древнеазіатскій вкусъ. Особенно отдѣланы были благородными металлами престолъ и амвонъ или каѳедра съ богатою колоннадой. Не даромъ Юстиніанъ воскликнулъ при освященіи: «Я превзошелъ тебя, Соломонъ!» Но что, съ другой стороны, въ цѣломъ проглядываетъ еще и эллинское чувство красоты, это видно изъ восторженныхъ словъ Зальценбаха, издавшаго отличное сочиненіе о Софійской церкви: «При первомъ въ него входѣ это многочленное сооруженіе всякаго «озадачитъ величіемъ, возвышенностью, пышностью; развитіе пространства «изумительно: взоръ стремится прежде всего черезъ обширный середній ко-«рабль, проникаетъ глубокò въ боковыя прясла и затѣмъ идетъ съ «арки на арку вплоть до самой вершины купола. На каждомъ шагу впередъ «открывается новая проглядь то въ одну сторону, то въ другую; вездѣ оби-«ліе блестящаго матерьяла и стройная соразмѣрность частей возбуждаютъ «въ зрителѣ чувство отраднаго удовлетворенія. Церковь св. Софіи такъ и «кажется большою при первомъ же взглядѣ, тогда какъ величину Петров-«ской надо еще напередъ сообразить. Самая декорація невольно очаровываетъ «взоры: блескъ золота по многоразлично-изогнутымъ поверхностямъ, мѣня-«ясь въ отливахъ, переходитъ отъ яснѣйшаго луча вплоть до самой глубокой «тѣни. Темнота всегда является здѣсь новою противоположностью яркимъ «цвѣтамъ орнамента, а эти, выдѣляясь то темнѣе, то яснѣй на измѣнчивомъ «съ своей стороны фонѣ, играютъ чудными, разнообразнѣйшими переливами. «Павелъ Силенціарій не даромъ говоритъ: кто разъ вступилъ въ этотъ храмъ, «тотъ никогда не захочетъ изъ него выйдти».

Уцѣлѣло хвалебное стихотвореніе, написанное сейчасъ названнымъ поэтомъ по случаю освященія Софійской церкви. Онъ отказывается пѣть битвы, потомучто святая постройка эта далеко превосходитъ всѣ побѣды оружія. Чудо Капитолія превзойдено; онъ противъ св. Софіи то же самое, что̀ каменный кумиръ противъ живого Бога. Вотъ почему поэтъ заставляетъ достопочтенную богиню Рому преклониться передъ императоромъ и цаловать ноги того велемощнаго владыки, который отперъ двери неба уже заготовь, на землѣ.

Даже и тотъ, кто съ удивленіемъ созерцаетъ свѣтозарное небо,
Не можетъ, откинувши голову, долго смотрѣть ввысь
На обширный сводъ, весь одѣтый звѣздами;

Невольно обращаетъ онъ опять взоръ къ зеленѣющимъ холмамъ,
Его тянетъ полюбоваться на опоясанную цвѣтами горную рѣку,
На колосистое поле и на сѣнь густолистыхъ лѣсовъ,
На скачущія стада и на круглотѣнную маслину,
На сочныя лозы винограда, цѣпко вьющіяся вокругъ деревъ,
На ясную тишь охватившую все синее море,
Бороздимое только весломъ скользящаго по глади его пловца.
Но кто однажды вступитъ за порогъ божественнаго храма,
Тотъ никогда не захочетъ изъ него выйдти, потомучто очарованный глазъ
Поневолѣ заставляетъ повертывать гибкую шею во всѣ стороны,
И никогда не налюбуешься вдоволь великолѣпіемъ внутренней отдѣлки.

За тѣмъ слѣдуетъ краснорѣчивое описаніе церкви по образцу александрійскихъ дидактическихъ поэмъ, которыя не брезгаютъ вѣдь и техническими выраженьями. Здѣсь между прочимъ сказано:

Въ толщу арокъ, образующихъ своды,
Художникъ-зодчій ввелъ просто обожженый кирпичъ,
Но для верхняго вѣнца употреблялъ только твердые камни.
Въ пазахъ вездѣ подложены полосы мягкаго свинцу,
Чтобы одинъ камень, непосредственно напирая на другіе,
Гнетя жесткое жесткимъ и бременя тяжелымъ тяжелое,
Не растрескался сверху; теперь же на подпущенномъ внизъ свинцѣ
Онъ своимъ давящимъ исподомъ покоится какъ на мягкой перинѣ.

Но всего больше восхищаетъ стихотворца лампадное освѣщеніе церкви для всенощныхъ богослуженій. Колонны, карнизы сводовъ и купола унизаны тысячами лампадъ, цѣлыя тысячи ихъ развѣшены на цѣпяхъ въ видѣ вѣнцовъ, дискосовъ, кораблей и крестовъ надъ головами богомольцевъ.

Какъ ночною порой путники видятъ восходящія на ясномъ небѣ
Тамъ и сямъ лучезарныя звѣзды:
Одинъ не надивится блеску Геспера, другой не налюбуется
Созвѣздіемъ Тельца и свѣтлымъ сіяніемъ Воота,
Тотъ восхищается великолѣпіемъ Оріона,
А этотъ чуднымъ блескомъ Большой Медвѣдицы; усѣянное звѣздами небо
Освѣщаетъ всѣ пути-дороги, и сама Ночь невольно имъ улыбается:
Такъ точно освѣщаются и сѣни божественнаго храма
Пріятно льющимися отовсюду лучами;
Каждаго наполняетъ этотъ яркій блескъ свѣтлою радостью,
Разрывающей завѣсу лежащаго на душѣ мрачнаго тумана.

Церковь св. Софіи была вершиною и образцомъ византійской архитектуры; но въ болѣе скромныхъ мѣстностяхъ естественно старались упростить постройку и какъ въ планѣ, такъ и въ потолочныхъ сводахъ болѣе выдвинуть форму греческаго креста, да сверхъ того сообщить наружному виду болѣе пріятности надоконными арками и перемѣнными полосами цвѣтного мрамора, а куполъ приподнять вольнѣе цилиндрической подводкою (барабаномъ), какъ это видно на церкви Пресвятой Богородицы въ Константинополѣ, законченной въ 900-мъ году. Зеппъ ясно доказалъ, что такъ-называемая Омарова мечеть въ Іерусалимѣ — тотъ именно великолѣпный храмъ, который былъ возведенъ въ этомъ городѣ Юстиніаномъ. Посреди лежитъ скала, прежній алтарь іудейскихъ всесожженій; на ней, по преданію, стоялъ обвиненный Христосъ, и съ тѣхъ поръ она будто бы носитъ слѣдъ ногъ его;

могаммедане же говорятъ, что этотъ слѣдъ оставленъ въ ней Могаммедомъ передъ вознесеніемъ его на небо съ Гавріиломъ архангеломъ. Четыре столпа и по три коринескихъ колонны въ каждомъ ихъ промежуткѣ образуютъ серединный кругъ, имѣющій 47 футовъ въ діаметрѣ; онъ увѣнчанъ куполомъ на высотѣ 93 футовъ. Восемь столповъ съ двумя колоннами въ каждомъ междустолпіи составляютъ обходъ, а все вмѣстѣ концентрически замыкается осьмиугольною стѣной; поперечникъ цѣлаго мѣрою во 160 футовъ.

Впослѣдствіи мы поговоримъ о вліяніи, какое Византія оказала въ западныхъ краяхъ на храмъ св. Марка въ Венеціи, на ахенскій соборъ и на другія постройки, а также еще на русское церковное зодчество; здѣсь пока упомянемъ лишь о томъ, что и на Кавказѣ, въ Арменіи и въ Грузіи, греческій крестъ съ куполомъ надъ серединой сталъ основною формою церквей; только подкупольный барабанъ поднимался здѣсь выше, башнею, и снаружи крылся кеглеобразною каменною настилкой; стѣны же нѣсколько расчленялись посредствомъ тонкихъ полуколоннъ и соединительныхъ между ними фальшивыхъ арокъ, такъ что впечатлѣніе цѣлаго сдаетъ уже болѣе на романскій (нежели на чисто-византійскій) стиль.

Въ созданіи типа личностей Христа, Маріи, апостоловъ Петра и Павла въ церковныхъ мозаикахъ Греція приняла свою долю участія; но важное достоинство и торжественная величавость фигуръ въ широкихъ массахъ драпировки, во внѣшнемъ проявленіи внутренняго характера, выражавшіяся не путемъ какихъ-либо дѣйствій, а лишь въ спокойной осанкѣ цѣлаго, были вѣдь пластическимъ еще элементомъ, отзывомъ античныхъ храмовыхъ богоизваяній, и даже, если взять строгій стиль блестящихъ золотомъ и красками мозаикъ,—отголоскомъ древнихъ златокостяныхъ статуй. Такъ какъ здѣсь передается не индивидуальная жизнь въ ея подвижности, то для этого и достаточно техники подбора формъ и красокъ изъ стеклышекъ; мало того, — даже та жесткость и мрачность, которыя скоро заступили въ Византіи мѣсто величавости и высоты, возбуждаютъ при внѣшнемъ блескѣ матерьяла благоговѣйный трепетъ передъ божественнымъ; но, съ другой стороны, это разумѣется вело къ тому, что требованія живого и индивидуальнаго все болѣе понижались въ искусствѣ и что послѣднее болѣе и болѣе мертвѣло и окоснѣвало въ іерархическомъ преданіи.

Санъ-Витале въ Равеннѣ, рядомъ съ небольшими символическими изображеніями изъ ветхаго завѣта, представляетъ намъ отрока Христа сидящимъ на престолѣ среди святыхъ, но тамъ же есть и шествіе во храмъ Юстиніана съ Өеодорой въ пышной императорской одеждѣ, въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ и тѣлохранителей. Въ среднемъ кораблѣ Сантъ-Аполлинаре Нôво, отъ самаго входа вплоть до престольной апсиды, ви-

димъ мы направленное ко Христу благоустроенное шествіе цѣлой вереницы мужчинъ и женщинъ, мучениковъ и святыхъ. Въ куполѣ св. Софіи Спаситель представлялся судіею міра, въ одномъ изъ полукуполовъ было изображено Сошествіе св. Духа, по стѣнамъ виднѣлись пророки, апостолы, мученики; въ тимпанѣ арки главнаго входа въ предсѣніе хорошо сохранился подъ турецкой забѣлкою сидящій на престолѣ Христосъ съ книгою жизни и поднятою вверхъ десницею, по сторонамъ его въ медальіонахъ Марія и архангелъ Михаилъ, а передъ нимъ молитвенно простертый на колѣняхъ императоръ во всемъ пышномъ своемъ облаченіи; его натянутая фигура обличаетъ неспособность художника выразить свободное движеніе, создать небывалыя еще формы, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ онъ могъ достичь гораздо большей эффектности, держась старыхъ, унаслѣдованныхъ пріемовъ. На рѣзныхъ по слоновой кости диптихахъ представляется въ непрошеной карикатурѣ вся пустая надутость царедворцевъ съ ихъ зубоскальной улыбкою; но тутъ же, рядомъ съ ветхозавѣтными херувимами и символами апостоловъ, есть древнегреческія олицетворенія земли и моря, солнца и луны, — работа лучшихъ художниковъ.

Могаммедъ выступилъ между тѣмъ на Востокѣ противъ всякаго многобожія и всякаго богоизображенья; приверженцы его въ Сиріи и Палестинѣ издѣвались надъ безсиліемъ святыхъ иконъ. Въ 717-мъ году верховной власти въ Константинополѣ достигъ энергическій и славный воинъ, Левъ Исавряниинъ. Его возмущало глумленіе іудеевъ и могаммеданъ надъ христіанами, которые распростирались предъ металлическими или деревянными изображеніями, передъ расписаннымъ полотномъ; тогда какъ въ мечетяхъ и синагогахъ духовное присутствіе Бога чтилось чисто, безо̀бразно. Левъ думалъ, что для очищенія культа довольно издать деспотическій указъ и велѣлъ удалить всѣ образа изъ церквей Имперіи. Вооруженные отряды разсылались вездѣ для исполненія воли властителя; часть народа и духовенства была согласна съ нимъ, но другая воспротивилась иконоборцамъ наотрѣзъ. Нѣсколько поколѣній продолжали эту борьбу; въ 787 году кончили распрю соглашеніемъ, чтобы не допускать въ церковный обиходъ статуй святыхъ, а дозволить однѣ только живописныя иконы,—рѣшительное торжество живописи, которая болѣе соотвѣтствовала христіанству нежели скульптура, достигшая за то у эллинскихъ язычниковъ высшей степени красоты. Споръ велся конечно не изъ за искусства, но искусство тѣмъ не менѣе потерпѣло отъ него, такъ какъ оно лишилось навремя религіознаго содержанія; художники и изображенія святыхъ удалились съ Востока на западъ и нашли себѣ въ Италіи радушнѣйшій пріемъ.

Правило—писать не божественное, а только одно человѣческое, было несостоятельнымъ въ сущности различеніемъ, поставленнымъ въ самый разгаръ борьбы за иконы; потому что искусство есть именно примиреніе

божественнаго съ человѣческимъ для непосредственнаго созерцанья, красота — полное проявленіе вѣчной сущности, предвосхищеніе въ земной сферѣ того блаженнаго жизнесовершенства, какое суждено вещамъ въ Божествѣ. Но различеніе это навело художниковъ на такіе сюжеты библейской исторіи, гдѣ именно заявляетъ себя человѣчность Іисуса, на его страданія и смерть; и какъ художники, друзья иконъ, много потерпѣли сами, то имъ особенно пришлись по́ сердцу подобныя изображенія. Жаль только, что они считали нужнымъ удовлетворять религіозному чувству передачею исхудалыхъ, измученныхъ, изможденныхъ тѣлъ, а притупленные рабствомъ и жестокостію пытокъ нервы въ самомъ дѣлѣ упивались зрѣлищемъ всего трупообразнаго или по крайней мѣрѣ нуждались въ возбудительности тѣхъ страшныхъ мученическихъ сценъ, которыя стали любимымъ поприщемъ фантазіи художниковъ, точно такъ же какъ и легендаристовъ. Въ распятомъ Христѣ представляли не побѣдителя восторжествовавшаго надъ смертію, но изображали его висящимъ на пригвожденныхъ рукахъ съ нагнутымъ впередъ туловищемъ и поникшей головою. Рукописи библейскихъ книгъ и житій свидѣтельствуютъ объ этомъ направленіи, тогда какъ древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ миніатюръ въ манускриптахъ 4-го и 5-го столѣтій картинно передаютъ намъ стихотворенія Гомера и Виргилія въ живоподвижныхъ, правильно рисованныхъ обликахъ и въ самыхъ яркихъ краскахъ по античнымъ образцамъ; да въ такомъ же точно видѣ по замыслу и отдѣлкѣ представляются и изъ ветхаго завѣта сцены книги Бытія и подвиги Іисуса Навина. Античный отголосокъ встрѣчаемъ мы часто еще и позже въ олицетвореніяхъ рѣкъ и городовъ, а также разныхъ душевныхъ силъ и состояній. Въ одномъ парижскомъ Псалтырѣ Давидъ, играющій у стада на арфѣ, дотого походитъ на Орфея, что его можно бы принять за миѳическаго пѣвца. Унгеръ настойчиво указываетъ на особенноизящныя образа Пресвятой Дѣвы, и если онъ заходитъ слишкомъ далеко, сближая ихъ съ эпохой процвѣтанія итальянской живописи, то все же какъ они, такъ и нѣкоторыя другія произведенія, неоспоримо завѣряютъ, что наглядное знакомство съ антикомъ постоянно дѣйствовало на лучшихъ художниковъ, и что вмѣстѣ съ техникой хранились и лелѣялись также и классическія формы до тѣхъ самыхъ поръ, пока, начиная съ Крестовыхъ Походовъ, Западъ сталъ уже способенъ воспользоваться и тѣмъ и другимъ, чтобы положить основаніе новой эпохѣ искусства.

Энергическая династія Комненовъ (съ 11-го вѣка) могла пріостановить окончательный упадокъ имперіи, но не могла вдохнуть свѣжей жизни ни въ искусство, ни въ народъ, точно такъ же, какъ не сдѣлали этого и побѣдоносные въ ту пору Венеціане; напротивъ, искусство болѣе и болѣе впадало въ мумійность, въ ремесленность. Оно охотно втискивало и окосняло человѣческія фигуры въ заставки (заглавныя буквы) рукописей: гдѣ, напримѣръ, говорится о крещеніи Христа, тамъ Христосъ съ Іоан-

номъ вверху и два ангела внизу составляютъ изъ себя X; оно вытягивало фигуры вдлину и придавало имъ неуклюжую постановку; узкій носъ, большое разстояніе между нимъ и приторно-малымъ ртомъ, глаза съ огромными яблоками, стали всегдашней принадлежностью черезчуръ овальныхъ лицъ. Двери Павловской церкви въ Римѣ, сработанныя въ 1070-мъ году въ Константинополѣ, были характеристическимъ произведеніемъ той эпохи. Очерки фигуръ вцарапаны въ бронзовыя доски и выложены потомъ серебряною скапью (нитями), — дѣло рукъ литейщика Ставракія. Тутъ представлены были сцены изъ жизни Іисуса и апостоловъ, особенно мученія послѣднихъ; блѣдные контуры, безъ полноты и энергіи, изъ глубины темнаго грунта смотрѣли на зрителя какъ мертвецы.

Подобно основанію Софійской церкви, придворные поэты въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ воспѣвали стихами въ хвалебныхъ повѣствованіяхъ и другія дѣла своихъ государей. Такъ Георгій Писидіецъ превознесъ въ ямбическихъ триметрахъ побѣдоносныя битвы Ираклія съ Персами въ 7-мъ вѣкѣ; объ народѣ, о вождяхъ ни слова: все дѣлаетъ императоръ, или владыка (деспотъ), какъ часто величаетъ его поэтъ; его взглядъ долженъ воспламенять всѣхъ другихъ къ отвагѣ, его уста должны напоять ихъ благочестіемъ и мудростью. Въ одномъ мѣстѣ государь привѣтствуется такъ:

О умъ, никогда не недоумѣвающій, о проницательнѣйшій разсудокъ!
Ты, вѣчно живое пламя самой глубокой сообразительности!
Но нѣтъ! Огневое пламя жжетъ вѣдь и чернитъ,
Твой же духъ, о лучшій изъ людей, все, напротивъ, убѣляетъ,
Все очищаетъ, онъ грѣетъ и вмѣстѣ блещетъ, но совсѣмъ не такъ какъ необузданный пожаръ.

Греки названы здѣсь уже Ромейцами, какъ съ тѣхъ поръ и новогреческій языкъ слыветъ на всѣмъ Востокѣ за ромейскій. Ираклій превознесенъ выше Геркулеса и Александра; но послѣ кратковременнаго и обманчиваго блеска онъ утратилъ въ войнѣ съ Арабами гораздо болѣе того что̀ прежде отнялъ у Персіянъ, и Георгій пѣлъ теперь о суетѣ людской жизни, мѣшая въ стихахъ своихъ о міротвореніи догматическія тонкости съ разными естественными познаніями и бреднями какъ попало.— Константинъ Манассесъ сочинилъ стихотворный хронографъ отъ созданія міра до прочнаго воцаренія Комненовъ (1081 г.), но конечно опустивъ блестящую республиканскую пору Греціи и Рима; хроника эта писана такъ называемымъ политическимъ стихомъ, — семь ямбовъ съ придаточнымъ слогомъ и съ цезурою послѣ четвертаго, — стихомъ, который не смотря на свою докучливую однообразность, къ сожалѣнію сталъ люби-

мою мѣрой новогреческой народной поэзіи. Отдѣленіе западно-римскаго царства отъ Византіи приписываетъ онъ въ первоначалѣ тому, что папа Левъ, гонимый родней своего предмѣстника, тщетно прибѣгалъ къ помощи императрицы Ирины, но не тщетно обратился къ франкскому королю Карлу; далѣе сказано (по переводу Эллизена):

Тогда Левъ захотѣлъ доказать признательность свою королю Карлу,
И провозгласилъ его владыкою, императоромъ стараго Рима,
Онъ возложилъ на него вѣнецъ по римскому обычаю,
И даже, согласно іудейскимъ уставамъ,
Помазалъ короля священнымъ елеемъ съ головы до ногъ,
Почему и для чего,—осталось мнѣ неизвѣстно.
Такъ порвана древняя связь между двумя городами,
Такъ простерлось оружіе между дѣтищемъ и матерью,
Простертъ мечь, разлучившій ихъ враждебно навѣки,—
Разлучившій цвѣтущую красу-дѣвицу, молодой нашъ Римъ,
Отъ другого, трижды стараго, сморщеннаго и сѣдого!

Современникомъ Манассесу былъ грамматикъ Тецесъ, состряпавшій въ 12,759 политическихъ стихахъ какую-то кашу изъ исторіи, миѳовъ и легендъ съ примѣсью разнаго рода мелочныхъ ученыхъ замѣтокъ подъ заглавіемъ „Историческія Хиліады". Въ стопосложеніи у него акцентъ, или удареніе, выдвигается въ ущербъ количественности; грамматикъ самъ это видитъ, но оправдывается дурнымъ вкусомъ своего времени:

Вѣдь все прекрасное отъ жизни отлетѣло,
У насъ царятъ теперь невѣжество и дрянь!

Въ образчикъ византійскаго подобострастія приведу я еще одно мѣсто изъ хвалебной пѣсни императору Андронику Палеологу, начала 14-го столѣтія:

Ни что не сравнится съ тобой, владыка; поневолѣ нѣмѣетъ языкъ.
Безчисленны какъ звѣзды дивныя твои качества,
Ты весь—воплощенный свѣтъ, ты весь—блескъ и наслажденіе,
Весь—царственный духъ властитель, ты солнце всякой прозорливости,
Ты чудо, приводящее въ восторгъ и въ ужасъ весь родъ людской,
Во всемъ являешься ты новымъ, и во всемъ превосходящимъ всякое вѣроятіе,

Ты красивъ превыше человѣка, разуменъ паче разума;
Низойди къ намъ нынѣ ангелъ съ неба и вздумай онъ явить себя,
Какой видъ принять ему, если не твой, о владыка мой, императоръ?
Кто хочетъ узнать, каковъ былъ Адамъ до грѣхопаденія,
Тотъ подними лишь взоры на тебя, о владыка мой, императоръ!

Впрочемъ придворный поэтъ очень искренно отзывается о себѣ самомъ и подобныхъ ему людишкахъ въ концѣ посвященія, при которомъ подноситъ императору стихи свои о Слонѣ:

Я только и хочу быть вѣрнымъ псомъ владыки,
И поджидать крохи́ съ господскаго стола.

Поэтическій разсказъ получилъ новые сюжеты и новыя возбужденія съ Востока; Арабы взяли на себя роль посредниковъ при передачѣ индійскихъ сказокъ и былинъ Западу. Въ 8-мъ вѣкѣ ученый византійскій богословъ Іоаннъ Дамаскинъ, который впервые свелъ догматы въ одну общую догматику, первый же сталъ дѣйствовать и въ этомъ направленіи, именно: приноровилъ къ христіанскимъ условіямъ одну, дошедшую изъ Индіи повѣсть. Такъ возникъ весьма важный въ исторіи поэзіи легендарный романъ о Варлаамѣ и Іосафатѣ. Іосафатъ, поздне-рожденный сынъ царя индійскаго, былъ воспитываемъ отцомъ въ дали́ отъ всякихъ даже слуховъ о христіанствѣ; но, какъ бы предназначенный свыше къ этой религіи, онъ твердо противится всѣмъ прелестямъ и соблазнамъ чувствъ, которыя могли бы приковать его къ міру; и вотъ наконецъ святой Варлаамъ находитъ къ нему доступъ подъ видомъ золотыхъ-дѣлъ-мастера, и посредствомъ загадокъ и притчъ окончательно убѣждаетъ его въ истинѣ христіанства. Іосафатъ обращаетъ потомъ своего отца и думныхъ его людей, а самъ, отрекшись отъ власти, удаляется въ пустыню жить духовнымъ созерцаніемъ. Исторія его образуетъ раму для нѣсколькихъ вставочныхъ разсказовъ; всѣ они указываютъ на смерть и на загробную жизнь, къ которой земное бытіе служитъ только подготовкою; бренность послѣдняго заставляетъ презрѣть все чувственное, отречься отъ міра и бѣжать его, — вотъ что ведетъ въ пристань блаженнаго покоя. Эти буддистскіе помыслы вполнѣ отвѣчали духу монашескаго аскетизма между христіанами, а потому книга эта разнесена была монахами изъ края въ край. Свѣтской веселостью отличается повѣсть о Синтипадѣ (Синдбадѣ), переведенная по-гречески Михаиломъ Андреопуломъ, вошедшая на арабскомъ языкѣ, подъ названіемъ Книги Визирей, въ сборникъ „Тысячи и одной Ночи“, и подъ именемъ „Семи Мудрецовъ“ распространившаяся потомъ въ Германіи; она указываетъ всего ближе на персидскій подлинникъ, но матерьялъ его опять-таки почерпнутъ у Индійцевъ. Напротивъ того, повѣсть Аполлоній

Тирскій, драматизованная Шекспиромъ въ его Периклѣ, стихотворный романъ Продорма: „Роданта и Досиклъ", въ 12-мъ столѣтіи, Дросиллъ и Хариклея — Никиты Евгеніана, Исменій и Исменія—Евстаоія, являются подражаніями александрійскимъ любовнымъ исторіямъ, съ ихъ картинами несчастной сперва разлуки и новаго потомъ соединенія, съ ихъ черезчуръ мягкою чувствительностью и крайне изукрашеннымъ языкомъ. Съ другой стороны Крестовые Походы и преобладаніе Венеціанъ принесли въ Константинополь свѣдѣнія о западной романтикѣ; рыцарскія и любовныя приключенія, каковы напримѣръ Флосъ и Бланфлосъ, прекрасная Магелона, Бельтандръ и Хрисанца, старый Рыцарь, и другія такого рода поэмы, были тамъ въ свою очередь воспроизведены; заблудшая волна сказаній объ Артурѣ и о витязяхъ Круглаго Стола проникла вплоть до береговъ Босфора. Духъ рабства высказывается иногда и въ подобныхъ произведеніяхъ: у Продорма напримѣръ плѣнникамъ разъясняется необходимость отдаться на избіеніе безропотно, потому что:

Вы вѣдь знаете, все дозволено владыкѣ:
Закономъ самой природы суждено
Однимъ людямъ быть властителями, другимъ—подвластными.
Будь одинаковый жребій данъ всѣмъ безъ различія,
Такъ что вовсе не существовало бы рабовъ, и каждый былъ бы свободенъ,
Тогда не было бы ни правила, ни мѣры,
Ни какого руководства въ быту людскомъ,
Ни гдѣ ни малѣйшей тѣни порядка,
Свѣтъ повернулся бы вверхъ дномъ и сгибнулъ бы невозвратно!

Мы пропускаемъ дидактическія стихотворенія, которыя лишены всякой поэзіи и много-много если ищутъ блеснуть риторски-заостренными антитезами, или же еще разговоромъ, который впрочемъ вовсе не придаетъ имъ драматизма и изъ котораго мы узнаёмъ только извѣстное намъ и помимо ихъ, то, что не смотря на всѣ богословскіе интересы, поклоненіе золоту одно стояло выше всего. Мы были бы гораздо признательнѣй, сохранись намъ побольше сатиръ, потому что эти именно вѣка были какъ нарочно для нихъ созданы, а между тѣмъ существовалъ же вѣдь и тогда такой свободный и отважный человѣкъ, какъ напримѣръ Христофоръ, который написалъ къ монаху Андрею поэтическое посланіе, гдѣ высчитываетъ ему, что онъ уже собралъ и распродалъ 10 рукъ мученика Прокопія, 15 челюстей св. Ѳеодора, 8 ногъ Нестора, 4 головы св. Георгія, и 5 сосцовъ св. Варвары.

Другіе нешутливые умы изливались въ элегіяхъ, жалуясь на гниль внутри и на близкую внѣшнюю опасность. Но очень характерной чертою представляется то, что даже въ сочиненномъ на новогреческомъ языкѣ плачѣ по взятіи Константинополя рѣчь идетъ не о паденіи имперіи, не о порабощеніи народа, а только о Софійской церкви, которой колокола и

колокольчики перестали уже звонить, да о плачущихъ иконахъ Богоматери. Совершенно въ тонѣ народной пѣсни говорится о покореніи Турками Адріанополя:

Стонетъ соловей во Влахіи, стонутъ птицы всѣ на Западѣ,
Стонутъ раннимъ утромъ, стонутъ вечеромъ, стонутъ онѣ и въ полдень ясный,
Стонутъ-плачутъ по Адріанополѣ, что весь онъ обращенъ въ развалины,
Да раззорены тамъ и три высокія твердыни церковныя:
Святой блескъ свѣчей рожественскихъ и святыя вайи Вербнаго Воскресенія,
А еще-то раззоренъ святой пасхальный привѣтъ, привѣтъ радостный: Христосъ воскресъ!

ИСЛАМЪ.

ПОЭЗІЯ ДРЕВНИХЪ АРАБОВЪ.

Между Чернымъ и Персидскимъ морями лежитъ аравійская плоская возвышенность, порубежный край Азіи съ Африкой, окаймленный съ сѣвера сирійскою пустыней, а съ другихъ сторонъ охваченный водой, къ которой спускаются уступами каменныя горныя цѣпи; на югѣ же образуются прекрасныя долины и тянется плодоносная побережная полоса. Тамъ, въ счастливой Аравіи, въ Іеменѣ, странѣ ладана и кофейнаго дерева, пшеницы и финиковъ, съ сѣдой древности производилось земледѣліе, цвѣла городская жизнь, велись торговыя связи съ Египтомъ и Индіей; оттуда приходила къ Соломону въ Іерусалимъ царица Савская; тамъ, по словамъ Грековъ, народъ возлежалъ на пуховикахъ съ серебрянымъ подложіемъ, а огонь разводился благовонною корой коричнаго дерева. Но совсѣмъ иного свойства ядро и середина этого края—нагія скалы и пустынный песокъ, между которыхъ вода собирается въ колодцы или ключи только мѣстами, изрѣдка, и тутъ то, вокругъ нихъ, по зеленѣющимъ оазисамъ возникаютъ сельбища. Равнина Нофудъ величиною со всю Германію; по окраинѣ ея лежатъ села и города, но сама она покрыта мелкимъ пескомъ, быстро впитывающимъ въ себя дождевую влагу; зимою и весной одѣвается она роскошною нажитью, по которой Бедуины и кочуютъ тогда со стадами, а губительное зноемъ лѣто оттѣсняетъ ихъ на сѣверъ къ полямъ земледѣльческаго населенія. Жившіе тамъ Европейцы восторженно говорятъ о вліяніи степного неба и воздуха на все настроеніе души. Сынъ Альповъ, Шпренгеръ, чувствовалъ себя тамъ счастливымъ, вполнѣ свободнымъ отъ всякой житейской тяготы; только въ Нофудѣ, говоритъ другой путешественникъ, финляндецъ Валлинъ, грудь раскрывается во всю ширь, и каждое дыханіе вноситъ въ душу новую отраду; тутъ только поймешь и оцѣнишь стихи Саади:

Въ дыханіи соединены двѣ благодати разомъ, —
Впить въ себя воздухъ и потомъ выдохнуть;
Одно услаждаетъ, другое освѣжаетъ и живитъ:
Благодари же Господа за двойное это счастье.

Въ пустынѣ цѣлыя тысячелѣтія удержался одинъ и тотъ же образъ жизни: бродячія племена прикочевываютъ сюда съ своими конями, верблюдами, баранами, всегда готовыя подраться за колодезь или за пажить, а не то — перевезти товары юга на сѣверъ и обмѣнять ихъ, край Средиземнаго моря, на другіе, если только они не предпочтутъ напасть на мимоидущіе караваны для грабежа, потому что въ пустынѣ какъ и на морѣ разбой, по сопряженнымъ съ нимъ опасностямъ и случайнымъ приключеньямъ, слыветъ не столько за неправедное, какъ за молодецкое, удалое дѣло. По патріархальному обычаю, родъ слѣдуетъ за своимъ набольшимъ; но начальствуетъ не тотъ кто всѣхъ старше или богаче, а тотъ кто всѣхъ храбрѣе и умнѣй; мужество и даровитость снискиваютъ себѣ почетъ и довѣріе; борьба за существованіе не допускаетъ ни личинъ, ни пустыхъ формулъ, она требуетъ отъ каждаго свѣжести и полноты силъ. Арабы вѣдь Симиты, потому я и сошлюсь на общую характеристику Симитства въ I-й части, стран. 194—205; а теперь особенно укажу лишь на то, что здѣсь и человѣкъ и конь надѣлены тою же выносливою силой и необыкновенной гибкостью, тѣмъ же упругимъ размахомъ во всѣхъ тонкостройныхъ членахъ своихъ тѣлъ; кочевая жизнь съ ея лишеніями, опасностями и напряженьями не даетъ ни жиру накопиться на мышцахъ, ни сокровищамъ въ сундукахъ, но зато пустыня изощряетъ чувства, и для борьбы съ хищными животными или съ гордыми, неуступчивыми племенами всегда нужны бдительность, отвага, рѣшимость; у Бедуина мало потребностей, оттого душа его остается свѣжа и вольна, полна смѣлаго чувства самобытности: послѣднее такъ же у него сильно, какъ между Арійцами—у Германцевъ. Семейный родовой союзъ служитъ здѣсь замѣной государственному; вѣрность, привязанность и готовность на помощь жертвуютъ здѣсь кровью и добромъ для того, чтобы не выдать своихъ, или по крайней мѣрѣ отомстить врагу и пособникамъ его за убитыхъ и пострадавшихъ. Но кто пріидетъ съ миромъ, того принимаютъ и угощаютъ какъ нельзя радушнѣе, щедрѣе; хозяинъ шатра, куда завернулъ пришелецъ, оказываетъ ему всякую защиту и покровительство, и радъ въ прохладѣ звѣздной ночи обмѣняться съ нимъ хвалебными разсказами о подвигахъ, о коняхъ, о незапятнанной славѣ рода. Среди жуткой, темной ночи вождь племени наказываетъ своему рабу:

Разведи ты огонь посвѣтлѣй,
Чтобъ могъ видѣть каждый прохожій;
А заманишь ты гостя ко мнѣ, —
Тогда ты свободенъ навѣкъ.

Держать слово и крѣпко беречь ввѣренное добро также дѣло чести для этихъ кочевниковъ, и Эмиръ Семель лучше хотѣлъ видѣть убитымъ плоненнаго своего сына, нежели выдать другому броню, которую онъ берегъ для Амрилькайса; онъ при этомъ сказалъ: Пусть нарушитъ вѣрность цѣлый народъ, а я все-таки сохраню ее. Отваги и щедрости коренной обычай требуетъ отъ всякаго.

Вотъ отчего въ то время какъ Вавилонъ, Тиръ, Кароагенъ, Іерусалимъ подверглись уже конечному разрушенію, въ пустынѣ сохранился еще запасъ непочатой силы Симитства. У ней свои отливы и приливы какъ у моря, и приливъ, низвергаясь неудержнымъ потокомъ на культурныя земли, оставляетъ тамъ обыкновенно свой отсѣдъ; такъ народная волна Гиксовъ хлынула на древне - египетское царство, такъ одна позднѣйшая наводнила Вавилонъ, но самый главный разливъ совпалъ съ появленіемъ Могаммеда, получилъ отъ него и первый толчокъ, и духовное содержаніе, и идеальное паренье. Съ нимъ собственно начинается культура Арабовъ; но и предшествовавшій ему естественный ихъ бытъ также имѣетъ свою поэзію, онъ даже выходитъ своеобразнѣйшимъ, великолѣпнѣйшимъ ея цвѣтомъ.

Быстроподвижный духъ этого народа равно услаждается и словомъ, и дѣломъ; онъ чуть ли не всего болѣе гордится своимъ языкомъ, живописнымъ богатствомъ и благозвучной гибкостью его оборотовъ, ритмомъ и риомой, которые сами собой ведутъ къ поэтическому складу, напрашиваются на художественную ими игру; здѣсь даже и научныя сочиненія не могутъ обойдтись безъ разсѣянной тамъ и сямъ стихотворной прикрасы. Тонкость и чистота языка приводятъ дѣтей пустыни въ восхищеніе; пѣвецъ—цвѣтъ своего племени и его слава; въ пѣснѣ живетъ память героевъ, и мысль оправляется въ размѣръ стиха какъ дорогой камень въ золото. Любое сильное впечатлѣніе находитъ себѣ естественное выраженье въ пѣснѣ, или душа наводится на свое внутреннее настроеніе созерцаніемъ того или другого предмета, того или другого случая во внѣшнемъ мірѣ, и этотъ предметъ, этотъ случай тотчасъ же становятся образомъ внутренней ея жизни. О Локманѣ, которому впослѣдствіи приписывали басни, Могаммедъ говоритъ какъ о мудрецѣ и пророкѣ стараго времени, учившемъ вѣрѣ въ единаго Бога, любви къ старшимъ, ревности въ молитвѣ и стойкости въ бѣдахъ, такъ какъ и бѣды принадлежатъ къ великому плану Промысла. Вотъ нѣкоторыя его изреченія: Не хмурь лица передъ людьми и не выступай передъ ними спѣсиво и важно; Аллахъ не любитъ вѣдь надменныхъ хвастуновъ, и горластый ревъ осла самый противный голосъ въ мірѣ. Богъ такъ проницателенъ и свѣдущъ, что выведетъ на свѣтъ всякое доброе и злое дѣло, будь оно хоть легче горчишнаго зерна.

Симитъ, какъ уже замѣчено, субъективенъ; онъ отличается силою сосредоточенныхъ въ себѣ чувства и воли; вещи цѣнитъ онъ по непосредственному ихъ отношенію къ своему *я*: оттого изъ всѣхъ искусствъ сроднѣе ему лирика. Основной тонъ арабской народной поэзіи поэтому существенно лириченъ; каждая личность живетъ здѣсь своимъ собственнымъ, отдѣльнымъ бытіемъ * и довлѣетъ себѣ въ настоящемъ; нѣтъ зато спокойнаго соображенія вещей, вникапія въ прошлое изъ-за свойственнаго ему интереса, нѣтъ способности переноситься въ чужія состоянія, изображать чужія ощущенія и характеры, и раскрывать изъ нихъ ходъ судебъ и событій. Кромѣ того, при раздѣльности враждовавшихъ между собой родовъ до Мо-

* Всякій молодецъ на свой образецъ.

гаммеда, недоставало, конечно, и общаго національнаго содержанія для народнаго эпоса; а когда Исламъ водрузилъ знамя единенія, онъ тотчасъ же повелъ Арабовъ къ завоеваніямъ чужихъ странъ; тогда поэзія слишкомъ отрѣшилась отъ родной почвы и отъ нравовъ языческой древности, такъ что не могла уже слить въ одинъ общій потокъ всѣ единичные ручьи пѣсенъ. Да не доставало притомъ и организаторскаго генія для такого объемистаго свода, тогда какъ любое отдѣльное событіе, любое мгновенное ощущенье въ настоящемъ, всегда находили себѣ готоваго пѣвца. Вотъ почему Абу-Теммамъ (805—846 по Р. Х.) могъ собрать болѣе 800 пѣсенъ 521-го автора мужского и женскаго пола,—пѣсенъ, въ которыхъ сохранился намъ человѣчески-важный и эстетически-знаменательный образъ первобытно-свѣтской народной поэзіи; за мастерской переводъ ихъ нѣмцы обязаны благодарностью истинному словохудожнику, поэту Рюкерту. Здѣсь передъ нами поэтическое выраженіе родового, догосударственнаго быта въ той первоначальной формѣ поэзіи, изъ которой выростаютъ потомъ въ видѣ особыхъ вѣтвей эпосъ, лирика и драма,—въ той формѣ, о которой мы можемъ только гадательно говорить для предэпической, предгомеровской поры въ Греціи,— которой Германство сохранило только одни отзывы или отрывки въ Эддѣ, и которую Индія передала намъ въ пѣсняхъ Ведъ. Что Веды почти сплошь религіозны, тогда какъ въ арабской Хамáсѣ господствуетъ одно свѣтское и человѣчески личное содержанье, это обстоятельство можетъ казаться важнымъ исключеніемъ изъ того общаго закона, по которому высшее и всеміроисторическое совершается Симитами въ религіи, а Арійцами въ государствѣ, искусствѣ и наукѣ; но при этомъ не надо забывать того, что въ Индіи эпосъ развился изъ богатырскихъ пѣсенъ, тогда какъ гимны и молитвы божествамъ собирались тамъ въ религіозномъ только интересѣ и хранились въ чистотѣ особо, а съ другой стороны не надо упускать изъ виду, что первобытные арабскіе стихи перешли изъ устъ въ уста черезъ шесть могаммеданскихъ поколѣній прежде чѣмъ были записаны, и что новая религія не могла же въ теченіе этого времени не смягчить или не посгладить ихъ древнеязыческій характеръ. Но если еще и теперь, послѣ того какъ развились и вполнѣ отжили египетская, ассирійская, персидская и греко-римская культуры, насъ всегда обвѣваетъ опять свѣжей силою первобытность этихъ дѣтей пустыни, то вспомнимъ что вѣдь такъ же почти и въ природѣ различныя поры года существуютъ въ разныхъ краяхъ земли одновременно, и что въ противулежащемъ полушаріи только еще начинается весна, когда у насъ падаетъ ужь съ деревъ листва, зарумяненная осенью.

По первому и обширнѣйшему своему отдѣлу, богатырскимъ пѣснямъ, сборникъ этотъ прозванъ Хамáсой; къ нимъ присоединяются заплачки по умершимъ, бранныя и насмѣшливыя стихотворенія, изреченія, выражающія тонкія черты нравообычая, и наконецъ—голоса пылкой любовной страсти. Героемъ обыкновенно самъ пѣвецъ, или же пѣвецъ говоритъ за все свое колѣно, и потому остается на первомъ планѣ съ своимъ личнымъ самочувствіемъ; исходя отъ послѣдняго, какъ отъ центра, онъ изображаетъ событія, разсматриваетъ внѣшній міръ и выдвигаетъ впередъ главное въ немногихъ рѣзкихъ чертахъ, съ быстрой краткостью и поразительною силой. Конь, копье, мечъ, возлюбленная обозначаются бездною живописныхъ, опагляжива-

ющихъ прилоговъ, которые часто вполнѣ замѣняютъ существительное. Передъ Бедуиномъ необозримо разостлалась степь; въ безпредѣльности своей подъ яснымъ синимъ небомъ невольно будитъ она стремленье въ ширь и даль, да вмѣстѣ и помыслъ о Вѣчноединомъ; съ смѣлой самоувѣренностью, не нарадуясь жизнью, полною приключеній, рыщетъ онъ по этой степи, всегда умѣя отстоять себя,—совершенный контрастъ съ мечтательнымъ Индійцемъ, который подъ тѣнію лѣсовъ сидитъ, погрузясь въ глубокую думу и уходя отъ измѣнчиваго бытія въ тихое созерцанье неизмѣннаго, въ лоно внутренняго своего покоя. Мужщина полагаетъ честь свою въ томъ, чтобы равно владѣть мечомъ и словомъ. Обейдъ изъ Таи хвалится тѣмъ, что пишетъ свои риѳмы на непріятелѣ, что съ поля битвы шлетъ пѣсню въ привѣтъ возлюбленной, что на пиру подчиваетъ гостей своихъ стихами какъ нельзя лучше. Хаянъ, изъ Таи же, говоритъ обо всемъ своемъ колѣнѣ:

Кабилы это знаютъ, что я и весь мой родъ
Скрестить умѣемъ въ битвѣ желѣзо вперереплеть,
Что риѳмами набиты мы туго какъ мѣшки,
Когда дойдетъ до спора въ искусствѣ пѣсни пѣть.
Но всего больше любо разбить намъ вражій строй:
А какъ мы бьемъ, пусть скажутъ зазубрины мечей.

Часто пѣсня прямо вырывается струей изъ событія; «я былъ при томъ, при дружинѣ той, въ день кровавой рѣзни!» начинаетъ вдругъ пѣвецъ и разсказываетъ потомъ свои подвиги. Тутъ бездна вещей предполагается извѣстною, и потому многія пѣсни становятся эффектны для насъ только по мѣрѣ того какъ мы открываемъ ту исторію, изъ которой онѣ возникли. Вотъ почему Рюкертъ, говоря о совершенно-реалистической поэзіи этихъ пѣсенъ, такъ несвободно льнущей къ своему предмету, что помимо его нѣтъ почти возможности постичь ее, замѣчаетъ: «Только отъ завоеванной Пер- «сіи должно̀ было сообщиться завоевателямъ пареніе къ высшимъ идеаламъ, «не безъ ущерба, конечно, ихъ прекраснѣйшему свойству, именно—крѣп- «кой укоренѣлости въ дѣйствительномъ быту, который однако и самъ въ то «время измѣнился до такой степени, что пересталъ уже служить прочною «почвой для поэзіи. Вѣдь для того чтобы поэзія оставалась поэзіей даже и «въ такой полной зависимости отъ дѣйствительнаго быта, необходима та ес- «тественная и своенародная простота, какою онъ отличался у арабскихъ «племенъ до могучей встряски ихъ Исламомъ. Но послѣдній сломилъ непо- «средственность языческаго богатырства, ту желѣзную мощь души, кото- «рая держитъ удаль самочувствія въ несокрушимыхъ предѣлахъ чести; те- «перь пробудились вдругъ страшила (щекотливой) совѣсти, и въ виду ихъ «порывы необузданныхъ силъ наружу являлись тѣмъ диче и суровѣе, тѣмъ «свирѣпѣе и смутнѣе, такъ что поэзіи все меньше и меньше удавалось строй- «но примирять внѣшнее и внутреннее противорѣчіе между возроставшими со «дня на̀ день разладами и путаницами жизни съ одной стороны и первичною «простотою быта съ другой».

Однимъ изъ любимѣйшихъ о̀бразовъ является все дробящая мельница войны: какъ два ходовыхъ жернова надвигаютъ другъ на друга сопротивныя ватаги, и главные богатыри играютъ роль осей, вкругъ которыхъ вращаются

камни, а безпрестанно обмѣниваемые удары копій, — это бадейные канаты, которые только и норовятъ, какъ бы вытянуть побольше крови изъ язвеннаго источника; или другой еще образъ: молодцамъ любо послѣ перваго пыла боя потереться другъ о друга, какъ шелудивымъ верблюдамъ. Неудача поднимаетъ духъ и словно сама боится разгнѣваннаго чела наѣздника, тогда какъ истый богатырь нигдѣ никогда не скроется, подобно солнцу. Даже и съ проигранной битвы ѣдетъ онъ попрежнему бодро и поетъ:

Хоть не осталось у меня никакого добра, кромѣ шлема и кольчуги,
Кромѣ свѣтло отточеннаго, крѣпкаго булата,
Кромѣ чернаго, прямого, заостреннаго копья,
Да еще гладкаго, растяжного коня, всегда несущаго хвостъ кверху:
Его прикрываю я бедромъ отъ боевыхъ ранъ,
Самъ прикрываясь его шеею, нераздѣльный съ нимъ какъ съ задушевнымъ другомъ.

Но въ пѣсняхъ прославляется не одна храбрость, а также щедрость и вѣжество, которыя какъ пальма оазиса даютъ вмѣстѣ и плодъ и прохладную тѣнь; племя свое пѣвецъ уподобляетъ тучѣ, которая то сверкаетъ молніей и гремитъ громомъ, то надѣляетъ освѣжительнымъ дождемъ. Часто богатырь умѣетъ еще выше поднять себя и своихъ тѣмъ, что отдаетъ полную честь непріятелю, какъ Сахеръ говоритъ о Темимѣ:

Богъ съ тобой, Темимъ! Какое смерть
Нашла въ немъ мѣткое копье, какой славный клинокъ для боя!

Какъ пожарный огонь несся онъ впередъ,
И летѣлъ навстрѣчу гибели, не медля и не уклоняясь.

Какъ левъ, котораго не остановитъ въ порывѣ
Ни страхъ смерти, ни трескучій звякъ оружія,

Онъ расточалъ свою кровь тамъ, откуда объятые трепетомъ
Уходили первые богатыри, куда не отваживались самые отважные.

Я поднесъ ему чашу гибели,
Поднесъ на отточенныхъ концахъ мѣткихъ копій.

Въ то время какъ дружина вся была охвачена боевой пылью,
Я нанесъ ему широкую рану, такъ что кровь хлынула ручьемъ.

И лишь перевелъ я духъ, мнѣ показалось,
Что рука моя и его смерть словно сговорились на эту встрѣчу

Онъ упалъ, и пѣнистые ключи жизни,
Потекли изъ него безостановочно

Кровомщеніе пронизываетъ, будто красной нитью, всѣ родовыя эти схватки и борьбы. Пролитую кровь каждаго изъ своихъ близкихъ родичи должны искупить кровью противника; семейная любовь, семейная честь доведены здѣсь до страшной обязанности, до геройскаго изступленья. Смѣльчакъ, всегда готовый пожертвовать собой изъ удали, воздерживается отъ своевольнаго наѣзда на другихъ только одной мыслью, что страстный его порывъ навлечетъ неизбѣжную месть цѣлому его племени. Съ другой стороны долгъ кровомщенія обязываетъ къ битвѣ не только что родныхъ, но и всѣхъ доб-

рыхъ друзей, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ Мугельгиля, которыхъ тема часто встрѣчается и въ другихъ случаяхъ:

Мы посѣтимъ тебя, семья Бекра,
Что́ ни говори противъ этого наше собственное сердце,
Посѣтимъ съ мечами, и ихъ обагритъ сокъ че́реповъ,
Хотя они только передъ тѣмъ были отчищены на́свѣтло;
Мы всплакнёмъ надъ вами, перебивши васъ,
Но перебьемъ всѣхъ, какъ будто бы намъ это ни чего не стоило.

Эта срослость каждаго съ семьей и братьей допускаетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ такое настроеніе, чтобы кто-нибудь въ одинокомъ раздумьи бесѣдовалъ только съ собственной душой и не обращался ни къ какому другому товарищу, кромѣ своего булата. Хорейтъ говоритъ:

Кто ранитъ моего подкрылыша, я самъ почувствую эту рану,
Все нутро у меня поворотится, псы мои, и тѣ зальются лаемъ.

Абуль-Шагбъ такъ радуется на своего сына:

Глядя на Рибата, въ цвѣтѣ его лѣтъ,
Самъ я молодѣю: такъ ужь онъ хорошъ!

Многихъ отцовъ дѣти—просто сердцу мука,
Онъ же сладкій медъ мягкій, свѣтлоструйный.

Смотритъ онъ ко мнѣ кроткой стороною,
А къ врагамъ другой,—подступиться страшно.

Честь его лишь тронь,—тотчасъ онъ взметется,
Какъ листва деревъ отъ налета вихря.

Въ близкомъ сродствѣ съ богатырскими пѣснями—заплачки по умершихъ; тутъ поютъ друзья и преимущественно женщины, чтобы, исходя отъ живой скорби, дать почувствовать всю тяжесть ея похвалой величію покойника. Тутъ мы видимъ, что напримѣръ Мутамимъ плачетъ надъ любой могилой, потому что въ каждой видитъ опять Малекову; тутъ Ибнъ-Эльмукаффа, въ тоскѣ по Абу-Амру, находитъ единственное утѣшенье въ томъ, что ни что уже не огорчитъ его болѣе такъ сильно, какъ этотъ смертный случай; тутъ одна женщина, славя богатырей своего рода, говоритъ:

Они не даромъ сказали: „Мы убили изъ васъ одного благороднаго!“
Такъ оно и есть; стрѣла влюблена вѣдь въ благородныхъ.
У ключа Обягъ пришлось намъ подѣлиться съ смертію,
И смерть взяла себя у насъ что ни лучшую долю.

Надъ могилой Валида сказано (въ смыслѣ обращенія къ прохожему):

Какъ вѣрно что ты живъ, такъ вѣрно и то,
Что земля покрыла не бездну его подвиговъ,
А однѣ только его кости,
Да развѣ еще оболочку одеждъ.

А надъ могилой Маана, на которую роняетъ слезы утреннее облако:

Отошелъ Маанъ, отошло отъ насъ великодушіе,
Срѣзанъ кудрявый чупрунъ съ самой высоты сердечныхъ чувствъ.

Сасійя такъ тужитъ по своемъ братѣ:

Мы были какъ два стебля на одномъ корню,
Ни одно въ полѣ дерево не росло такъ прекрасно,
И когда всѣ объ насъ заговорили: Давно уже они вмѣстѣ,
Отъ нихъ теперь пріятная тѣнь, вотъ гляди и плодъ выходитъ,—
Тутъ-то именно судьба злодѣйка отняла у меня моего безцѣннаго:
Ахъ, да и что щадитъ она, чему даетъ здѣсь упрочиться?
Всѣ мы были одной ночи звѣздочки, только онъ былъ мѣсяцъ,
Ясно освѣщавшій ночь,—и вотъ не стало вдругъ яснаго мѣсяца!

Фатима спѣла про мужа своего, Эльджерраха, пѣсню, которою жена и дочь Могаммеда оплакивали потомъ пророка:

Глаза мои, плачьте всякій день на утренней зарѣ,
Не жалѣйте сокровищъ своихъ на Эльджерраха!

Ты вѣдь былъ горой, за которой я хоронилась,
А теперь стою одна въ открытомъ полѣ, беззащитная.

Пока ты былъ у меня живъ, я не нуждалась въ покровительствѣ,
И куда бывало ни пойду, ты вездѣ обо мнѣ печешься.

А теперь вотъ должна ползать передъ низкими,
Защищаться собственной рукой отъ всякаго озорника-нахала.

На многое ужъ смотрю вполглаза, зная что покинули меня
Чуткая храбрость моихъ витязей и гроза ихъ мѣткихъ копій.

Теперь, когда горлица печально заворкуетъ на вѣткѣ,
И я всплакну вслѣдъ за ней: Ахъ ты утренняя моя зоренька!

Такъ обыкновенно лишь печаль раскрываетъ уста женщинамъ, а любовь носятъ онѣ въ душѣ безмолвно: до насъ дошла только одна любовная пѣсня, сложенная стихотворицей. Положеніе женщинъ было прежде гораздо благороднѣй и свободнѣе нежели въ позднѣйшее время, когда, заключенныя въ горемѣ, онѣ служили только въ угоду чувственности мужей; тогда любили въ женѣ еще и душу, вѣрно хранили склонность къ ней и въ старости; милой увлекался не только страстный юноша, но и человѣкъ вполнѣ зрѣлый; сердце часто изнывало любовью, безпрестанно видя передъ собой незримую красавицу, или наполняясь слезами при разлукѣ съ нею, тогда какъ очаровательная улыбка возлюбленной упояетъ душу блаженствомъ, какъ утренняя роса освѣжаетъ дикаго голубя. Само поле благоухаетъ ея дыханіемъ, и витязь Антара поетъ среди битвы:

Мнѣ любо смотрѣть на блескъ внезапно обнаженныхъ мечей:
Такъ сверкнетъ бывало рядъ бѣлыхъ зубовъ твоихъ, когда ты улыбнешься.

Другой пѣвецъ говоритъ:

И глазъ ея, какъ быстрый глазъ газели,
Черноблестящъ въ тѣни рѣсничной капители.

Особенно превозносится въ дѣвушкахъ стыдливость: онѣ робки какъ лани, онѣ хотятъ за собой бережнаго, чливаго ухаживанья. «Любви не сдѣлаешь, она дѣлается сама собой,» говорилъ Альрашидъ; оттого-то и въ Аравіи встрѣчается та престарая, но всегда новая опять исторія, что, любимый одною, юноша влюбляется въ другую, которая сама любитъ другого же, а этотъ, въ свою очередь, соединяется съ третьей; и какъ бы предзвучіе Гейневскаго юмора слышимъ мы въ стихахъ:

Первѣйшую изъ всѣ красавицъ я нашелъ,
Иль попросту съ ума сошелъ,
Не знаю самъ, идти хоть подъ присягу!

„Да брось же, говорятъ, любовь,
„Тогда прійдетъ разсудокъ вновь.“
Нѣтъ, тутъ-то онъ и дастъ, пожалуй, тягу!

Другой поэтъ знаетъ, что даже и скорбь любви счастіе:

Влюбленные сѣтуютъ на любовную скорбь; о, еслибъ Богъ судилъ мнѣ
Одному взять на себя то, что несутъ всѣ они вмѣстѣ!
Чтобы одному мнѣ досталась зато и вся радость любви,
Чтобы ни кто, ни прежде, ни послѣ меня, не извѣдалъ такого пыла!

Какъ романтично-нѣжны слѣдующіе стихи:

Леилы явные и тайные привѣты во власти вашей запретить,
Но пѣть ее втиши, по ней мнѣ слезы лить,
Вы запретите ли, скажите?
Вы помѣшаете ея поклонамъ силой,
Но образу моей Леилы милой
Вы заградите ль путь ко мнѣ во тьмѣ ночной?

Здѣсь затронута та именно струна, которая такъ часто и такъ задушевно звучитъ въ этихъ пѣсняхъ, — намекъ на вольное общеніе фантазіи поэта съ образомъ возлюбленной. Мысленный образъ свой шлетъ она порой отсутствующему другу, и онъ пробуждаетъ дремлющаго, если тотъ уже поохладѣлъ, разжигаетъ въ немъ вѣрную и теплую взаимность; или, когда любовникъ не можетъ сомкнуть глазъ, тоскуя по своей милой, она является ему скоротать ночь нѣжной болтовней и ласками: однѣ и тѣ же звѣзды горятъ вѣдь равно надъ обоими!

Совершенно на другой ладъ идутъ издѣвочныя и бранныя пѣсни, въ разнообразной постепенности отъ грознаго гнѣва до шутливой насмѣшки. Забавно, какъ дразнятся между собой разноплеменники; есть напримѣръ стишки на родъ Темимъ:

Верхоянъ на вши блоху завидѣвъ, они кричатъ: Вонъ вершникъ, ай!
Кидаются всѣ въ разсыпную, и ихъ какъ звали поминай.

Если же про самыхъ рѣчистыхъ изъ непріятелей говорится, что они жуютъ грязь, или что вонь отъ издохшей свиньи — корица и сандалъ передъ ихъ запахомъ, то здѣсь уже дѣйствительно слышатся неопрятные естественные звуки, совершенно противорѣчащіе той чливости, какая внушается особою «Книгой Поговорокъ»; тамъ между прочимъ есть такія изреченія:

Пока въ тебѣ есть стыдъ, — живи до той поры;
А безъ него ты гниль, ты древо безъ коры.

Нѣтъ краше чливости на свѣтѣ, говорятъ;
Сладка она на вкусъ, пріятна и на взглядъ.

Чей сынъ ты, все равно, но собственной заслугой
Ты родословную старайся замѣнить;
Тотъ человѣкъ, кто скажетъ: *„я таковъ-то“*, —
Не тотъ, кто говоритъ: „Вотъ мой *отецъ* каковъ“!

Господень страхъ одинъ для насъ спасенье
Въ мигъ дѣйствія и въ часъ отдохновенья.

Черту размышляющей поэзіи, наклонность къ дидактизму находимъ мы точно такъ же у Арабовъ, какъ и у Евреевъ, и даже народныя пѣсни, вытекшія прямо изъ возбужденной души, вполнѣ крѣпкія дѣйствительности, часто завершаются выраженіемъ какой-нибудь всеобщей истины. Въ нихъ намъ говорятъ, что человѣкъ цѣнится по внутреннему чувству и что честь только тому даетъ обнять себя, кто пребылъ вѣренъ до конца; меду ея не добыть безъ пчелинаго ужала:

Кто нà душу принять не въ силахъ ноши тяжкой,
Тотъ славы не пожнетъ одной себѣ поблажкой.

Терпѣливая стойкость въ бѣдѣ долгъ всякаго человѣка; вѣдь и свѣтъ блещетъ только въ потемкахъ. Прекрасный подвигъ—лучшее изъ словъ. Одинъ поэтъ ободряетъ себя къ мужеству слѣдующимъ размышленіемъ:

Я говорю душѣ своей, когда въ страхѣ и смятеніи
Она ищетъ ускользнуть отъ битвы: да не бойся же ты ничего!

Дальше срока, предназначеннаго судьбой,
Не вымолить тебѣ ни единаго дня лишку.

Да право и не почетная вѣдь одежда эта оболочка существованія,
Иначе не щеголяли бы въ ней такіе трусы и хвастуны.

Какую цѣну можетъ имѣть жизнь для человѣка,
Коль скоро его пріурочатъ къ ненужной домашней утвари?

Арабы, какъ отчасти видно изъ сообщенныхъ нами выдержекъ, любятъ составлять маленькія строфы изъ двухъ одинаковыхъ стиховъ; послѣдніе имѣютъ или ямбическій, восходящій, или трохаическій, нисходящій характеръ, который усиливается, умѣряется или оцвѣчается какой-нибудь особенностью черезъ вставку краткостей или долготъ, такъ что мѣстами выходятъ амфибрахическіе (⏑ — ⏑), кретическіе (— ⏑ —), хоріямбическіе (— ⏑ ⏑ —) размѣры, или наконецъ два долгихъ слога слѣдуютъ за однимъ короткимъ. Конеч-

ная риѳма, лежащая на послѣднемъ словѣ каждой строфы и простирающаяся потомъ не все стихотвореніе, связываетъ стрóфы воедино, а чтобы риѳмы не приходилось слишкомъ долго ждать, то ею снабжается и начальный стихъ первой строфы; у Нѣмцевъ піэсы въ такомъ родѣ извѣстны подъ названіемъ Газелей; но такъ какъ нѣмецкій языкъ далеко не такъ богатъ риѳмами, какъ арабскій, то въ переводѣ разумѣется не льзя бываетъ строго соблюсти пріемы подлинника.

Первымъ, кто началъ писать болѣе обширныя стихотворенія, Арабы называютъ Мугальгала; отъ него дошло до насъ нѣсколько строфъ, которыя дышатъ страстнымъ чувствомъ, высказывающимся въ наглядныхъ óбразахъ. Изъ цѣлаго ряда степняковъ, которые съ безоглядною отвагой заявляютъ во всей первобытной дикости и въ какомъ-то жуткомъ величіи свою личную мощь въ бою, въ убійствахъ и во всякаго рода приключеніяхъ, особенно выдаются Фарисъ, Шанфара и Таабата Шарранъ. Перваго раздраженіе на предательство и невѣрность людей выгнало изъ человѣческаго общества и заставило уйдти ко львамъ, волкамъ и газелямъ; онъ велъ удалую разбойничью жизнь вѣчно на конѣ, часто борясь съ песчаными бурями и вихрями. Отъ бѣгуна Шанфары осталось одно прекрасное стихотвореніе. И онъ, запутавшись въ кровавыхъ усобицахъ, въ страшныхъ дѣлахъ мести, покидаетъ своихъ родичей:

Ахъ вы, дѣти моей матери, неситесь вы на коняхъ куда знаете,
Я уйду отъ васъ, далекó уйду въ другую сторону.

На землѣ открыто еще благородному убѣжище отъ злыхъ обидъ,
Есть пріютъ, гдѣ не настигнутъ его ни ненависть, ни зависть.

Товарищами себѣ, помимо васъ, возьму я барса гривастаго,
Волка, сноснаго на всякую бѣду-напасть, и ершистую коемачку, гіэнну.

Я найду въ нихъ друзей, чтò не выдадутъ тайны ввѣренной,
Не выдадутъ и товарища за удалыя дѣла, дѣла неподобныя.

Далѣе поэтъ хвалится тѣмъ, что онъ не какой-нибудь ликующій втиши пастухъ, нé скромный домосѣдъ съ присаленными волосами, не трусъ, трепещущій передъ пустынею; пусть конь своей подковою высѣкаетъ ему огонь изъ камня дикой степи.

Со мною всегда три спутника: первый-то спутникъ сердце смѣлое.
Второй спутникъ—свѣтлый, острый мечь, третій спутникъ—длинный, темный лукъ,

Онъ звенитъ гладкообточенный, весь разубранъ репейками и привѣсками,
А при немъ и ратный приборъ, колчанъ со стрѣлами.

И какъ пуститъ онъ стрѣлу мѣткую, — взвоетъ
Чтó не мать о сынѣ плачется, мертваго въ землю провожаючи.

Такія картины любимой обстановки полудикаго кочевника сдѣлались обычнымъ содержаніемъ и позднѣйшей искусственной поэзіи Арабовъ; такъ же точно—разсѣянные тамъ и сямъ природные óбразы, которые у Шáнфары, напримѣръ, являются еще какъ бы сами собой, когда онъ превосходно опи-

сываетъ свою встрѣчу съ голодными волками или свой скачь въ запуски съ стаей жаждущихъ журавлей, которая несется рано утромъ къ дальнему ключу пустыни.

Я лучше готовъ лизать пыль земли, чѣмъ дожить до того,
Чтобы гордый превознесся надо мной своей гордостью.

И не уйди я отъ обидъ, наносимыхъ высокомѣрными,
У кого бы роскошнѣй моего лился потокъ снѣдей и напитковъ?

Но терпкой душѣ моей не вынести постыднаго гнета,
Ее такъ и гонитъ куда-нибудь въ чужедальнюю сторону.

Тогда я перетягиваю свою отощалую, порожнюю утробу,
Какъ искусный прядильщикъ крутитъ и перевиваетъ шелковый снурокъ,

И ранымъ рано, послѣ скуднаго завтрака, выѣзжаю въ поле,
Какъ исхудалый, желтый волкъ, что́ неутомимо рыщетъ по оврагамъ;

Утромъ натощакъ онъ такъ и шныритъ чутьемъ по вѣтру,
Бросаясь въ дебри горъ и ища чѣмъ бы поживиться.

А если добыча ускользнетъ отъ него тамъ, гдѣ онъ навѣрно ждалъ ея,
Онъ громко взвоетъ, и на вой откликнутся ему товарищи,

Такіе же какъ онъ, сухопарые, сѣдоголовые, разжигаемые голодомъ,
Словно стрѣлы, которыя пускаетъ на потѣху рука мастера

Пасти у нихъ разинуты, челюсти зіяютъ словно пень,
Только-что расщепленный надколомъ, зубы ощерились со злости.

Старшій завываетъ, — всѣ тотчасъ воютъ вслѣдъ за нимъ,
Будто хоръ плакальщицъ на могильномъ курганѣ.

Онъ понизитъ голосъ,—они тоже:
Словно онъ утѣха для нихъ въ бѣдѣ, примѣръ и образецъ въ злой напасти.

Онъ стонетъ, — они тоже; онъ замолкъ, — молчатъ и они.
Но гдѣ не помогаютъ жалобы, тамъ лучше возьметъ твердость.

Вотъ онъ повернулъ назадъ,—и всѣ они мчатся за нимъ въ горы,
Стараясь вооружиться мужествомъ и скрыть тамъ свое тяжкое страданье. —

Сами журавли утолятъ жажду развѣ только тѣмъ, что́ послѣ меня останется,
Даромъ что, громко хлопая крыльями, они еще въ ночь поднялись на утреннее пойло.

Спѣшили они, спѣшилъ и я; но слабенекъ былъ полетъ ихъ,
И я, передовымъ бойцомъ, спокойно несся себѣ впереди стаи.

Я возвращался уже отъ источника, когда они кинулись на него стремглавъ
И погрузили туда шеи и съ зобами.

Да и послѣ тѣснились еще долго по краямъ его,
Какъ цѣлый караванъ Калибовъ съ своими верблюдами.

Наглотавшись воды сколько могли, полетѣли они наконецъ далѣе:
Такъ точно изъ Охады, съ разсвѣтомъ дня, пускается въ путь-дорогу толпа всадниковъ.

Шанфара хвалится потомъ своимъ сухопарымъ тѣломъ, твердымъ будто кость, которое онъ нѣжитъ только на камняхъ пустыни; хвалится какъ рыщетъ съ побратимомъ своимъ, ужасомъ, по́ степи и по горнымъ дебрямъ, гдѣ вечернею порой пляшутъ вокругъ него дикія козы, принимая его за стараго долговязаго и рогастаго козла, — его, вынужденнаго бѣжать людей только потому, что онъ рѣшительно хотѣлъ стать надо всѣми:

Вѣдь тотъ одинъ достоинъ высшей доли, кому стремиться къ ней дано.

Отецъ Таабаты Шаррана (противъ обычая) не сложилъ съ себя броні́, когда въ бурную ночь впервые распоясывалъ свою новобрачную; онъ нарочно при этомъ осердилъ ее, чтобы она зачала ему рьянаго богатыря-сына. Мальчикъ словно вовсе не нуждался въ снѣ; его пробуждалъ малѣйшій шорохъ. «Наша до«ля, однажды крикнулъ онъ воющимъ волкамъ, не имѣть ни чего на свѣтѣ: со«бравшему нашу жатву не раздобрѣть.» Не бери его въ мужья, совѣтовали родные любимой имъ дѣвушкѣ: онъ такъ охочь биться, что не сносить ему головы своей. Безстрашный водился не боясь даже и съ призраками пустыни. Шанфара, Абнъ-бенъ-Баракъ, были задушевные его друзья, товарищи смѣлыхъ его наѣздовъ. Никогда не жаловался онъ и не тужилъ, въ надеждѣ на острый мечь скакалъ по горамъ и по долинамъ, одинъ одинешенекъ, только съ тмою звѣздъ надъ головой. Такъ однажды собиралъ онъ медъ на высокой кручи, куда былъ всего одинъ проходъ; непріятель засѣлъ въ немъ; тогда Шарранъ розлилъ медъ по утесу, скатился по немъ внизъ и запѣлъ:

Какъ скоро человѣкъ не находчивъ на всѣ случаи и когда хоть что-нибудь его затрудняетъ,
Онъ погибъ; не́чего ему тогда и тужить, если отъ него отвернется счастіе.

Но кто настолько рѣшителенъ, что ни при одной нежданой встрѣчѣ
Не теряетъ и́зъ виду, какъ выбраться изъ бѣды,

Тотъ „жеребецъ поры-времени", тотъ всегда найдется что́ дѣлать,
И заткни ему одну ноздрю, онъ передышетъ-таки другою.

Я сказалъ однажды Лійяну, когда въ бурдюкѣ у меня не осталось наконецъ ни капельки,
Когда исходу не было, и обступили меня кругомъ всѣ напасти:

„Вы оставляете мнѣ одно изъ двухъ, — иля смерть, или плѣнъ постыдный;
„Въ такомъ случаѣ благородный говоритъ рѣшительно: да будетъ смерть моей долей!

„Но я польщу душѣ своей и другимъ еще внушеніемъ:
„Не стала ли она, черезъ это самое, любимымъ жилищемъ смѣлости?"

Тогда я легъ на каменную скалу пе́редомъ,
И спустилась по утесу широкая грудь, хотя узокъ былъ путь спасенія.

Такъ достигъ я по расщелинамъ внизъ до самой равнины безъ единой царапинки;
Тутъ уже и смерти стало передо мной стыдно.

Таабатѣ Шаррану принадлежитъ также и важнѣйшее изъ всѣхъ стихотвореній Хама́сы, трогательное изліяніе мужески-твердой души, гдѣ плачъ по умершемъ сливается съ торжествомъ побѣды, гдѣ поэзія кровомщенья предстаетъ намъ въ поразительнѣйшемъ образѣ. Стихотворецъ начинаетъ

взглядомъ на бездыханное тѣло дяди, который умирая поручаетъ ему отмстить за свою кровь; затѣмъ онъ превозноситъ убитаго и описываетъ наѣздъ свой на его недруговъ, кончившійся такъ счастливо, что поэтъ можетъ теперь опять приняться за чашу веселья, тогда какъ трупы враговъ поѣдаютъ коршуны и гіэнны. Гёте говоритъ: Величіе характера, чувство лежащаго на душѣ долга, справедливая жестокость, — вотъ что составляетъ здѣсь сущность поэзіи; чистая проза дѣла сама поэтизируется черезъ перестановку событій; вчитайтесь хорошенько въ эту піэсу, и вашему воображенію должно живо предстать все совершившееся отъ начала и до конца. Въ своемъ нѣмецкомъ переводѣ Г. Бауръ соблюлъ по возможности размѣръ подлинника, но конечно не могъ передать той риомы на а л л у, которою такъ страшно-прекрасно замыкается каждая строфа и которая зловѣще гудитъ сквозь все стихотвореніе:

Вонъ тамъ въ ущельи, на утесѣ Саль, лежитъ трупъ бездыханный:
На кровь его не падетъ и роса.

Еще разставаясь, наложилъ онъ на меня ношу,
И какъ ни вѣска она, а не будетъ мнѣ въ тягость:

„Сестричъ унаслѣдуетъ обиду мою кровавую, —
„Смѣлъ онъ, туго опоясанъ и готовъ на бой;

„Смотритъ въ землю какъ змѣя лютая,
„Брыжжетъ ядомъ злымъ что ящеръ черный“

Пала на меня эта заповѣдь, заповѣдь важная, преважная,
Такъ что все прочее передъ ней трынь-трава, ничто.

Судьба-злодѣйка отняла у меня благороднаго товарища,
Чтó ужь никогда бывало не покинетъ друга.

Въ морозъ онъ пригрѣваетъ какъ солнышко,
Въ лѣтній зной — онъ словно тѣнь прохладная

Сухощавый самъ, онъ всѣмъ щедро дѣлился съ близкими,
Не былъ сухъ нá руку, — человѣкъ рѣшительный и рѣзкій.

Выѣдетъ онъ въ поле, — съ нимъ мчится и удаль богатырская;
Приляжетъ гдѣ на покой, — съ нимъ тутъ же отдыхаетъ и храбрость

Дать ли что кому, — онъ плодотворенъ какъ дождикъ;
Напасть ли на кого, — онъ неукротимъ какъ левъ.

Дома носится бывало въ длинномъ плащѣ, расчесавъ черные волосы,
А на войнѣ — просто рыщетъ волкомъ шершавымъ.

Двѣ были у него охоты, — медъ и желчь.
Но эти двѣ стоили зато всѣхъ прочихъ.

Верхомъ на ужасѣ выѣзжалъ онъ всегда одинъ,
Спутникомъ ему былъ острый мечь, и ни кто болѣе! —

Около полудня пустились мы въ поле, скакали напролетъ всю ночь,
И отдыхали только сбивши непріятеля,

Сами остры какъ булатъ и съ острымъ же булатомъ въ рукѣ,
Что сверкнетъ молніей, когда выхватишь его изъ влагалища.

Зато и отплатили же мы не́другу!
Немногіе ускользнули отъ насъ изъ цѣлыхъ двухъ родовъ.

Я настигъ ихъ врасплохъ, — храпятъ, клюются во снѣ носомъ,
Очнулись — и бѣжать врассыпную.

Если племя Худаиль доконало теперь дядю,
То часто вѣдь и онъ хорошо подчивалъ Худаилей;

Не разъ онъ запиралъ ихъ гдѣ-нибудь въ хлѣву,
Гниломъ и влажномъ, гдѣ подпрѣваетъ у коней копыто;

Да часто посѣщалъ враговъ и на дому,
Сперва рѣзалъ, а потомъ грабилъ сколько душѣ угодно.

Я тоже вдобавокъ ко всему прочему пожогъ теперь худаильскіе шатры,
Не полѣнился нагадить, только стало бы имъ но въ мочь тошно.

Сколько разъ поилъ я вдоволь свое копье,
И, напоивши, велъ на новое опять пойло. —

Ну, теперь дозволено намъ снова запретное вино!
Не легко завоевали мы себѣ это наслажденіе,

Завоевали только съ помощью молодыхъ коней, да острыхъ мечей и копѣй:
Услади же насъ теперь запретное въ полную опять волю.

Савадъ бенъ-Амръ, подливай-ко мнѣ!
Томитъ жажда, какъ только вспомню я о дядѣ.

А Худаиль подноситъ теперь къ устамъ чашу смертную;
Горе, стыдъ и посмѣяніе на днѣ ея.

Надъ трупами ихъ хохочетъ, небось, гіэнна,
И волкъ щеритъ на нихъ зубы отъ радости.

Ихъ топчутъ и пожираютъ благородные коршуны,
А потомъ, наѣвшись досыта, тяжело ужъ машутъ крыльями.

Когда самъ поэтъ погибъ въ одной схваткѣ, то скорбь по немъ матери отозвалась въ двухъ слѣдующихъ стихахъ:

О, еслибъ бѣдное мое сердце успокоилось за тебя хоть на одинъ часъ,
О, еслибъ и теперь судьба постигла меня въ твое мѣсто!

Въ обширнѣйшія піэсы Таабаты Шаррана и Ша́нфары самое существо дѣла вносило болѣе разнообразія чувствъ и картинъ; а это вошло потомъ въ обычай и у поэтовъ, которые хотѣли показать свое искусство на стихотворныхъ состязаніяхъ въ Могаммедовы уже времена. Состязанія происходили передъ собравшимся народомъ на Охазской ярмаркѣ, и увѣнчанные побѣдой стихи, въ спискахъ изукрашенныхъ золотомъ, вывѣшивались, по словамъ преданія,

на Каабѣ въ Меккѣ. Подъ именемъ такихъ «вывѣсокъ» — Моаллакатъ, до насъ дошло семь стихотвореній. Въ двухъ изъ нихъ поэты являются избранными ораторами своего племени, говорящими за него передъ третейскимъ судьей, съ тѣмъ чтобы послѣ сороколѣтнихъ усобицъ изъ-за одного колодца въ степи не поднялось опять снова пламя вражды непримиримой. Амръ-бенъ-Культумъ отстаиваетъ Таглебитовъ, а Харитъ-бенъ-Хиллиза—Бекритовъ. Амръ требуетъ чарки вина въ видѣ утренняго глоточка, чтобы воспѣть прелести своей милой, но потомъ съ похвалъ женской красотѣ переходитъ къ похвалѣ людямъ своего племени, превознося ихъ гордо-вызывающимъ тономъ; живущіе теперь, говоритъ онъ, хотятъ уберечь славу отцовъ своихъ, всегда приносившихъ домой бѣлое знамя обагреннымъ кровью; они не стерпятъ ни чего недостойнаго и не склонятъ копій передъ противникомъ; за ними стоятъ вѣдь жены, взявшія съ мужей честное слово, что они воротятся съ богатой добычею панцырей и коней. Отвѣтъ Харита спокойнѣе: онъ начинаетъ сердечнымъ призывомъ къ далекой отъ него возлюбленной; онъ пустился бы къ ней непремѣнно на быстроногомъ верблюдѣ, еслибъ не дошелъ до него зловѣщій слухъ о нападеніяхъ на добро и славу его рода. Но вѣроломство не повредитъ ему!

Передъ всякимъ нападеніемъ оставались мы безстрашными въ душѣ,
Какъ крѣпкія твердыни, и хранили свято незапятнанную честь свою.

Среди бури стоимъ мы словно гора: какъ бы ни бушевало вокругъ нея,
Она гонитъ тучи грознымъ своимъ взглядомъ, сама не колеблясь подъ ударами.

Онъ увѣщеваетъ Таглебитовъ вспомнить объ ихъ клятвахъ на союзъ, и доказываетъ что его родичи ни мало не виноваты въ новыхъ поводахъ къ непріязни, что они напротивъ честно хотятъ поддержать миръ.

Чисто субъективна поэзія Амрилькайса. Могаммедъ не даромъ назвалъ его «передовымъ знаменщикомъ пѣвцовъ, но только на пути къ аду»; отъ него дошелъ до насъ (и переведенъ Рюкертомъ) сборникъ пѣсенъ, въ которыхъ вѣрно отражается весь складъ и бытъ этого степного Донъ-Хуана. Въ чувственно-прелестныхъ стихахъ похваляется онъ своимъ соблазнительскимъ счастіемъ, за что́ именно и изгналъ его царственный отецъ. Вдругъ, среди одной попойки, доходитъ до него слухъ, что отца убили въ возстаніи; онъ не перервалъ ни пира, ни игры, но отрезвясь наутро поклялся не касаться ни жены, ни вина до тѣхъ поръ пока не исполнитъ долгъ кровомщенія, и когда, чтобы узнать приговоръ судьбы, онъ вынулъ наугадъ изъ цѣлаго пука стрѣлъ одну, съ надписью «Оборона», онъ бросилъ ее въ лицо идолу съ благородно-гнѣвными словами: «Будь убитъ твой собственный отецъ, ты самъ посовѣтовалъ бы тогда нападеніе, а не оборону». Впослѣдствіи онъ переселился въ Константинополь, и умеръ тамъ отъ подаренной ему отравленной рубашки. Стихотворенія его полны блестящихъ картинъ природы; нѣжныя и вмѣстѣ бойкія, они дышатъ мужествомъ и любовнымъ пыломъ.

Тебѣ жить суждено вѣдь не долго, такъ упейся же въ полную сласть,
И виномъ утѣшающимъ душу, и плѣнительной женской красой;

Лови ты и мраморнобѣлыхъ, и смуглыхъ какъ темная лань,
Стыдливо спускающихъ глазки, и смѣло глядящихъ въ лицо.

Въ одной изъ своихъ пѣсенъ онъ поетъ:

Бывала тяжка мнѣ разлука, теперь не тяжка ни одна;
Теперь не забочусь о дѣвахъ, душа и безъ нихъ не бѣдна.

Съ безумствомъ навѣкъ распростился, но не съ весельемъ, отнюдь!
Четыре есть вещи на свѣтѣ, чѣмъ красенъ мнѣ жизненный путь.

Вопервыхъ: застольныхъ собратій такъ ладно настроить въ пиру,
Бурдюкъ чтобъ вливалъ въ нихъ почаще вина удалую игру.

Потомъ: чтобъ коня молодецки направить средь пыли степной,
Въ затишье, гдѣ стадо газелей не ждетъ быть накрытымъ грозой.

А въ-третьихъ: при сумракѣ ночи во мглѣ на верблюдахъ скакать,
И края, которымъ несешься, куда, съ какой цѣлью, — не знать.

Ещежь: миловаться съ женою, благовонной какъ вешній цвѣтокъ,
Тогда какъ весь сплошь въ амулетахъ къ груди ей прильнулъ сосунокъ:

Ей хочется внять моимъ просьбамъ, и жаль чуть заплачетъ дитя;
То и дѣло глядитъ на малютку, не помялся бы, тѣльцемъ крутя.

Но подконецъ говоритъ и онъ:

Да, вóвремя мой умъ покинула вся блазнь,
Когда вести меня взялась богобоязнь.

Счастливо съ Богомъ я свой кончу вѣкъ скудельной:
Вѣдь лучше вѣры нѣтъ подушки подсѣдельной.

Въ своей хвалебной пѣсни хвалитъ онъ собственно самого себя, поетъ свое счастіе въ любви, какъ засталъ онъ милую Онейсу въ купальнѣ, и увлекательно описываетъ ея прелести; этимъ мимолетнымъ часамъ радости противопоставляетъ онъ полныя заботъ, одинокія ночи свои въ пустынѣ, когда онъ голодалъ среди голодныхъ волковъ; онъ славитъ своего коня, на которомъ несся съ бостротою вѣтра пó степи, и оканчиваетъ великолѣпною картиной грозы.

Тарифá былъ и по образу мыслей, и по судьбѣ близко сродни Амриль-кайсу. Онъ начинаетъ страстною тоской по возлюбленной, описываетъ потомъ своего отличнаго верблюда, который долженъ умчать его опять къ ней, и хвалится что самъ онъ первый говорунъ и въ питейномъ домѣ и на сходкѣ родичей, чтó и доказываетъ крѣпко-бранной рѣчью противъ своего двоюроднаго брата, Малека, тогда какъ отъ достойной племянницы своей ждетъ себѣ напротивъ хвалебной пѣсни по смерти.

Лебидъ начинаетъ, какъ и другіе, помыслами о любви; но Навара не вѣрна ему, и онъ хочетъ поискать себѣ другой милой; для этого служитъ опять-таки верблюдъ, и превозносится за то хвалами. Поэтъ описываетъ затѣмъ свое собственное житье-бытье, выставляетъ себя милосердымъ, всегда готовымъ на помощь, на примиреніе чужихъ ссоръ, и заканчиваетъ пламенной похвалой своему племени; съ большимъ вкусомъ вплетаетъ онъ тутъ блестящіе образы и замысловатыя поговорки.

Антара, самъ сдѣлавшійся героемъ обширнѣйшаго изъ всѣхъ романовъ, особенно счастливъ и рѣчистъ въ пестромъ сборникѣ любовныхъ пѣсенъ, въ которыхъ превозноситъ милую и потомъ самого себя, съ тѣмъ чтобы пощеголять передъ ней своимъ образомъ жизни и своими доблестями. Онъ начинаетъ такъ:

Есть ли гдѣ на свѣтѣ развалины, вкругъ которыхъ не рѣяли бы пѣсни стихотворцевъ?
Ты долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, сомнѣваясь, узнаёшь ли ты это жилье?

О жилище Аблы въ Шивѣ, молви мнѣ тайкомъ хоть одно словечко!
О жилище Аблы, мирный тебѣ вечеръ, мирное утро!

Привѣтъ вамъ, покинутые слѣды, давно не топтанные моей ногою!
Но они молчатъ, они теперь нѣмы для меня, потому что Аблы здѣсь не стало!

Моаллака Сукейра, наконецъ, представляетъ намъ поэта озабоченнаго общественными дѣлами, и притомъ въ досточтимомъ санѣ жреца. Но и ему покинутое жилье напоминаетъ прелести возлюбленной, которыми любовался онъ тамъ въ молодые годы; вслѣдъ за тѣмъ обращается онъ съ похвалою къ двумъ благороднымъ мужамъ, которые, въ качествѣ примирителей, взяли на себя отвѣтственность за то, чтобы какимъ-нибудь новымъ безчинствомъ не возродилось бѣдствіе усобицы у двухъ близкихъ между собой колѣнъ; онъ заготовь громитъ гнѣвомъ миролрмца и внушаетъ вѣрность къ клятвеннымъ обѣщаніямъ: передъ Богомъ вѣдь ни чего не скроешь, онъ видитъ глубь сердецъ человѣческихъ, и раньше или позже безотмѣнно настанетъ его судъ. Поэтъ стращаетъ картиною бѣдствій междоусобія:

Тамъ, гдѣ вы его накличете, накличете вы себѣ позоръ и стыдъ,
А тамъ, гдѣ сами его подымете, зажжете вы пламя неудержнаго пожара.

Напасть эта какъ жерновъ раздробитъ васъ въ дребезги,
Дважды въ годъ отродится она сама собой, и двойчатнымъ всякій разъ приплодомъ!

Потомъ онъ говоритъ о себѣ самомъ:

Насытился житейскимъ я трудомъ, и вѣрьте слову:
Кто восемьдесятъ прожилъ, тотъ ужь сытъ.

Я насмотрѣлся на судьбу слѣпую, какъ насъ она хватаетъ наугадъ:
Кто пойманъ, тотъ и мертвъ, а ускользнешь, — такъ медленно старѣешь.

Онъ увѣщательно заканчиваетъ нравственными поговорками, въ которыхъ высказывается опытъ его жизни. Величавую эту пѣснь Рюкертъ могъ, не преувеличивая, уподобить одамъ Пиндара по содержанію.

МОГАММЕДЪ И КОРАНЪ.

Исламъ, точно такъ же какъ и христіанство и какъ любой всемірноисторическій подвигъ духа, неоспоримо опосредствованъ наличнымъ образованіемъ того времени; но было бы жалкою близорукостью полагать, что какое-нибудь геніальное дѣло уже все и содержится въ условіяхъ, необходимыхъ для его появленья и уразумѣнія: сложенъ, правда, костеръ, но онъ вѣдь ждетъ еще воспламеняющей искры. Тѣ умники, которые долго перечили Колумбу, а послѣ открытія имъ Америки утверждали, что оно могло бы состояться и безъ него, не съумѣли даже поставить яйца острымъ концемъ книзу, пока онъ не показалъ имъ, какъ. Такъ потребенъ былъ геній и для того, чтобы среди разобщенныхъ племенъ аравійской пустыни водрузить знамя единенія, сдѣлавшее ихъ впервые народомъ, дать имъ восторгающее душу содержаніе, которое ввело ихъ во всемірную исторію, выдвинуло ихъ на цѣлые вѣка носителями культуры, а подобныя дѣйствія могутъ идти только отъ великаго, правдиваго, полнаго Богомъ человѣка. Выдавать ихъ за успѣшныя продѣлки мелочной хитрости, и видѣть порожденіе лжи въ томъ, что служитъ опорой въ жизни и утѣшеніемъ въ смерти для многихъ милліоновъ,—это ограниченный и поистинѣ безбожный взглядъ на жизнь и на исторію, который однако все еще встрѣчаетъ у насъ поборниковъ. Изъ «трехъ великихъ обманщиковъ», о которыхъ баснословила и плодила баснословія одна средневѣковая книга (De tribus impostoribus), часто заподозривали по крайней мѣрѣ Могаммеда, тогда какъ въ Моисеѣ и Іисусѣ Христѣ перестали уже видѣть лицемѣровъ, присвоившихъ себѣ посланничество и откровеніе свыше безъ особыхъ на то правъ. Самъ Шпренгеръ, которому мы благодарны за то, что онъ раскрылъ передъ нами арабскіе источники относительно Могаммеда и привелъ ихъ съ Кораномъ въ непосредственную связь, усматриваетъ въ личности его то генія, то какого-то умственнаго урода, то куклу, дающуюся въ обманъ хитрецамъ, то напротивъ обманщика, то полупомѣшаннаго больного, то опять героя истины, повѣдывающаго міру новыя идеи!

Какъ и всѣ Симиты вообще, Арабы молились небесному свѣтобогу, Господу вышнихъ, который открывался имъ въ тепломъ лучѣ солнца, въ кроткомъ блескѣ звѣздъ и въ грозѣ; подобно тому какъ въ Вавилонѣ, и здѣсь, на ряду съ мужемыслимымъ богомъ, выступала женственнымъ началомъ богиня, въ которой чтили плодоносіе земли, породительницу источниковъ, благодать растительной природы. Имя Аллахъ указываетъ на блескъ и свѣтъ; его призывали на открытыхъ горныхъ высяхъ, а богиню знаменовало прекрасное дерево; Геродотъ называетъ ее Алилатъ, а Коранъ—Латъ; у нѣкоторыхъ племенъ слыветъ она Уццой, Манною. Сила ея чувствуется въ сіяніи луны, а такъ какъ другія свѣтила тоже совершаютъ пути свои высоко надъ головою человѣка и повидимому управляютъ смѣной годовыхъ временъ, какъ нѣкоторыя созвѣздія возвѣщаютъ наступленіе дождей желанныхъ, а другія—

близость палящихъ жаровъ, то и въ нихъ видятъ сверхъестественныя, духовныя власти, царящія и надъ природой и надъ людскимъ жребіемъ. Подобно тому какъ Іаковъ освятилъ памятный камень на мѣстѣ видѣнной имъ во снѣ небесной лѣствицы, такъ точно и Арабы принимали упавшіе съ неба камни за явныхъ представителей небесныхъ силъ; какъ у первобытныхъ Финикійцевъ, камни заступали у нихъ мѣсто идоловъ, и они поливали ихъ кровью жертвенныхъ животныхъ. Солнце слыло въ Іеменѣ видимымъ проявленіемъ божіимъ; одно колѣно чтило его подъ видомъ орла, другое — подъ образомъ льва. По обокъ съ единымъ общимъ Богомъ, у каждаго рода-племени были еще особые хранительные духи или геніи, и кумиры ихъ, подобные тѣмъ домашнимъ божкамъ, какіе библейская Рахиль взяла съ собой изъ родительскаго дома. Суевѣріе всегда мѣшаетъ образъ съ изображаемой сущностью, и фетишское служеніе чернымъ камнямъ, поклоненіе звѣздамъ небеснымъ, какъ символамъ божествъ, перемѣшалось съ вѣрою въ Аллаха; Арабы воображали себѣ престолъ его окруженнымъ толпою духовъ покровителей; нѣкоторые роды въ Меккѣ обставили своими кумирами Каабу, гдѣ, думали они, уже и Авраамъ приносилъ свои жертвы, и гдѣ упавшій съ неба камень слылъ прямымъ посланцемъ Божіимъ, знаменіемъ его союза съ человѣкомъ. Обокъ съ ними водворились въ Аравіи Іудеи, и туда же въ оазисы пустыни бѣжали тѣ изъ христіанъ, которые не могли найдти спасенія въ религіозныхъ формулахъ придворной византійской Церкви. Отсюда возникла задача отвести народъ отъ поклоненія камнямъ и звѣздамъ и призвать его къ познанію единаго духовнаго Бога, который въ голосѣ совѣсти, обязывающей человѣка отвѣчать за свои дѣла, заявляетъ себя носителемъ нравственнаго міропорядка и порукою за безсмертіе души; надо было отстоять это простое ядро религіозной сущности, и тогда общая іудейству съ христіанствомъ истина открывалась какъ нѣчто первобытное, какъ исконная вѣра Авраама, помимо всякихъ національныхъ ограниченій и помимо обоготворенія человѣка. Задачу эту разрѣшилъ Могаммедъ.

Уже и до появленія его личности жили въ Аравіи люди, которые, благодаря сношеніямъ съ іудеями, христіанами и язычниками, отшатнулись отъ многобожія и перешли къ чистому монотеизму, которые не хотѣли связывать себя ни какими догматами и держались того начала, что религію слѣдуетъ перечувствовать и пережить. Слуги формулъ и кумировъ хотѣли заклеймить такихъ людей прозвищемъ вольнодумцевъ, «ханійфъ»; а они удержали за собой это имя, какъ почетное. Въ Адамѣ, Поѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Іисусѣ Христѣ, видѣли они носителей постепенно возростающаго откровенія; среди человѣчества, говоритъ Коранъ, всегда существовала община вѣрныхъ, жившихъ въ истинѣ и поступавшихъ по справедливости. Имѣлись на лицо и записи чистаго ученія, подъ именемъ «свитковъ Авраамовыхъ». Могаммедъ часто на нихъ ссылается; въ нихъ, по словамъ его, есть прекрасный псаломъ (Сура 87):

Хвали Господа, міроздателя,
Всевышняго, положившаго всему мѣру,
Всеурядителя, насъ ведущаго;
Зеленѣетъ пажить, когда онъ напоитъ ее,
И блекнетъ, когда онъ пожжетъ ее лучомъ своимъ.

Блаженъ, кто очиститъ свою душу
И воззоветъ къ Господу, да приметъ онъ его подъ десницу.
А вы готовы предпочесть краткую земную жизнь,
Тогда какъ будущая и вѣчна, и несравненно лучше.

Въ 53-й Сурѣ содержаніе Авраамовыхъ свитковъ обозначено вкратцѣ такъ: ни одной душѣ не суждено нести другой ноши, кромѣ своей собственной; зато ни одна и не воспользуется ни чьей сторонней заслугою, кромѣ дѣлъ собственной своей воли, которыя всегда найдутъ себѣ должное возмездіе; цѣлію нашей да будетъ Господь, посылающій смѣхъ и слезы, дарующій смерть и жизнь; онъ создалъ человѣка, онъ и воскреситъ его.

Ханифомъ въ Могаммедово время былъ поэтъ Омайя. Онъ — правовѣренъ въ своихъ пѣсняхъ, отзывался объ немъ пророкъ; но Омайя воспротивился ему, когда онъ приложилъ Богу имя Рамы, источника благодати, милости. Омайя не соглашался съ нимъ потому, что этимъ самымъ словомъ христіане обозначали Іисуса Христа, какъ судью міра; Могаммедъ возразилъ: Богу приличны всѣ прекрасныя прозвища; не смотрите на тѣхъ, кто споритъ объ именахъ его, — они получатъ свою мзду. — Другой ханифъ, Заидъ, говоритъ:

Намъ ночью чудятся обманы,—такъ ложнымъ слухамъ внялъ и я;
Но ихъ полнѣйшая ничтожность открылась мнѣ въ сіяньи дня.

Къ этому привязываетъ онъ потомъ вопросъ, будто бы обращенный Моисеемъ къ фараону: «Ты ли утвердилъ землю безъ рожна и раскинулъ твердь безъ опоры? Ты ли зажегъ звѣзды для указанія путей ночныхъ, и возвелъ утреннее солнце? Ты ли даешь зерну прозябнуть въ нѣдрахъ земли и ростишь вверху стебля хлѣбный колосъ? Вотъ знаменія и чудеса для того, кто умѣетъ принять ихъ къ сердцу. Есть одинъ Богъ, и нѣтъ другого развѣ его; Аллахъ нашъ Господь, наше упованіе.» Въ другой разъ онъ говоритъ: Я покорюсь тому, кому покорна земля и повинуются облака небесныя; скажу вмѣстѣ съ Авраамомъ: Я преданъ Господу, и что̀ онъ возложитъ на меня— совершу. Вѣчную жизнь даетъ не слава, а благочестіе. Изъ-за религіозныхъ мнѣній своихъ Заидъ жилъ изгнанникомъ на горѣ Гирѣ. Впослѣдствіи шла молва, будто онъ много странствовалъ, распрашивая іудеевъ и христіанъ о вѣрѣ Авраама, пока одинъ отшельникъ не сказалъ ему, что проповѣдующій ее пророкъ явился уже въ Меккѣ; онъ будто бы былъ убитъ, возвращаясь на родину. Омайя славилъ его блаженнымъ за то, что онъ позналъ ученіе истины; онъ говорилъ, что Заидъ теперь въ мѣстѣ злачномъ, гдѣ встрѣтится съ нимъ другъ божій, Авраамъ. Ханифомъ же былъ и Врака, сродникъ Могаммедовой женѣ, Хадиджѣ; онъ скончался христіаниномъ.

Абдала̀ умеръ во время одного торговаго странствія, когда жена его, Амина, разрѣшилась въ Меккѣ ребенкомъ, въ 571 г.; болѣзненная сама, она возложила на сына всѣ надежды лучшей будущности. Сомнительно, съ самаго ли начала нарекла она его Могаммедомъ, то-есть «желаннымъ, достохвальнымъ», или онъ принялъ это имя въ ознаменованіе себя посланцемъ божіимъ, точно такъ же какъ онъ назывался еще и Ахмадомъ, «обѣщаннымъ,

утѣшителемъ». Когда мальчику было всего шесть лѣтъ, она посѣтила съ нимъ Медину и умерла на обратномъ пути. Осьмидесятилѣтній дѣдъ принялъ сироту на свое попеченіе и при кончинѣ поручилъ его сыну своему, Абу-Талибу. Тотъ былъ бѣденъ, но рыцарски-благороденъ, и не сдѣлавшись приверженцемъ Могаммеда, честно защищалъ его однако до конца: тогда вѣдь только еще родъ пекся о жизни и собственности своихъ членовъ. Неимущій отрокъ стерегъ сначала стада, а потомъ ходилъ работникомъ при караванахъ. Двадцати четырехъ лѣтъ отроду юноша поступилъ на службу къ одной зажиточной вдовѣ, Хадиджѣ, и совершалъ для нея торговыя путешествія. Это была женщина съ образованіемъ и умомъ; взаимное уваженіе и любовь сблизили ихъ между собою. Отецъ ея былъ противъ такого брака, но она выманила у него согласіе, угостивъ его однажды на славу виномъ, и наутро онъ съ удивленіемъ увидѣлъ ее женой Могаммеда. Послѣдній оставался вѣренъ ей въ чистомъ и счастливомъ бракѣ, а когда по смерти ея женился на прелестной, молодой Аишѣ, Абубекровой дочери, и она въ первую же ночь спросила у него, не лучше ли такая жена старой вдовы, отъ отвѣчалъ: Хадиджа первая увѣровала въ меня. И Аиша увѣряетъ, что ни къ которой изъ живыхъ женъ она такъ не ревновала пророка, какъ къ покойницѣ. Два мальчика отъ перваго брака умерли рано, четыре дочери выросли и повышли замужъ, но у одной только Фатимы осталось потомство. Могаммедъ былъ роста средняго, черные глаза сверкали у него подъ высокимъ лбомъ, носъ былъ длиненъ и узокъ, круглое лицо обрамлено густою бородой, вся голова отличалась изящнымъ складомъ.

Вотъ вся историческая правда о жизни Могаммеда до начала его пророчества. Арабское сказаніе говоритъ, будто матери его, Аминѣ, возвѣщено было небеснымъ явленіемъ, что у нея подъ сердцемъ пророкъ своего народа, и будто старый дѣдъ носилъ новорожденнаго въ Каабу, возблагодарить за него Аллаха. Преданіе Персовъ утверждаетъ, что въ ночь его рожденія потрясся чертогъ царя Хозроя, и священный огонь Маговъ къ изумленію вдругъ погасъ. Ощутивъ въ душѣ призваніе, Могаммедъ повѣдалъ, что дотолѣ онъ былъ мертвъ, но что Богъ оживилъ его и просвѣтилъ своимъ свѣтомъ; что и онъ былъ прежде заблудшимъ идолопоклонникомъ, но что Богъ открылъ ему теперь сердце (для истины). Образное это выраженіе повело къ миѳическимъ вымысламъ, которые всѣ согласны по идеѣ, но разнятся по мѣсту и времени. Прежде всего прошелъ слухъ, будто онъ разсказалъ женѣ своей сновидѣніе: какъ ангелъ Гавріилъ вынулъ у него сердце изъ груди, омылъ его и потомъ вставилъ опять на мѣсто. Слѣдующее за тѣмъ преданіе обращаетъ уже сонъ въ дѣйствительность, говоря, что передъ призывомъ къ пророчеству ангелъ явился Могаммеду близъ Мекки, у одного ручья, взвѣсилъ его и нашелъ, что онъ тяжеле ста мужей, а потомъ вскрылъ ему сердце, вынулъ оттуда долю дьявола, а остальное запечатлѣлъ пророческимъ знаменіемъ. Впослѣдствіи чудо это перенесли въ его дѣтство, когда онъ игралъ еще съ мальчишками. Другое сказаніе подвергаетъ его разнымъ гоненіямъ, какъ подвергалось имъ и бездна другихъ героевъ. Въ ночь его рожденія событіе это будто бы возвѣстили сами кумиры, а одинъ Іудей въ Мединѣ закричалъ съ подзорной башни, что вотъ появилась звѣзда Мессіиna и пришелъ спаситель міра; всѣ Іудеи позавидовали этому, такъ-какъ Могаммедъ

происходилъ отъ Измаилова, а не отъ Іаковля колѣна; скрываясь отъ ихъ посягательствъ, онъ будто-бы бѣжалъ и выросъ въ степи. По другимъ разсказамъ, пустынники привѣтствовали его на пути какъ будущаго посланца божія, передъ нимъ преклонялись камни и деревья, и облако осѣняло его, когда другихъ палилъ солнечный зной; а впослѣдствіи изъ облака вышли уже два ангела. Потомъ началась догматизація: говорили, что первый лучъ, истекшій отъ Аллаха, была Могаммедова душа, и что Богъ сказалъ ему: Въ тебѣ пребываетъ свѣтъ мой, ради тебя разстилаю я землю, создаю адъ и рай. Этотъ чистый первородный лучъ горѣлъ будто бы надъ Адамомъ и Ноомъ, потомъ надъ Моисеемъ и Христомъ; воплотился же онъ въ Могаммедѣ.

Пылкая Могаммедова душа жила въ тѣлѣ, часто потрясаемомъ истерическими припадками; когда они находили на него, по лицу его лихорадочно чередовались яркій румянецъ съ смертной блѣдностью; онъ громко стеналъ, какъ молодой верблюдъ. При такихъ физическихъ состояніяхъ не мудрено, что и духъ его приходилъ въ судорожное разстройство, и внутреннія созерцанія смѣнялись передъ нимъ съ молнійною быстротой; не мудрено что внутреннія представленія принимали видъ образовъ, которые глазъ мнилъ видѣть, которыхъ голосу ухо думало внимать. Пророчество Могаммеда началось именно съ живыхъ грезъ, въ которыхъ всѣ чаянія и стремленья духа наяву доходили до чарующей ясности; во снѣ и въ бдѣніи слышалось и видѣлось ему что-то неземное. Вѣчная жизнь или вѣчная смерть, единый духовный Богъ или бездна чувственныхъ кумировъ, вотъ вопросы, вызвавшіе цѣлую бурю въ душѣ его, когда ему было уже сорокъ лѣтъ. Въ теченіе Рахаба мѣсяца у Арабовъ царствовалъ миръ божій (общее замиреніе). Тогда Могаммедъ удалился на хребетъ Хиру, съ тѣмъ чтобы въ уединеніи пустынныхъ скалъ вполнѣ предаться своимъ созерцаніямъ. Благонадежнымъ звали его обыкновенно всѣ сограждане; это былъ не лицемѣръ, загадка бытія мучительно бременила многодумную его душу. Аллахъ не для потѣхи же создалъ небо и землю, было любимымъ у него словцомъ. Онъ былъ не ученъ, но величаво заложёнъ отъ природы; въ глубинахъ души своей чуялъ онъ присутствіе духа божія, онъ обладалъ и даромъ и волею прислушиваться къ его вѣяніямъ; по его собственной исповѣди, ему какъ будто слышался иногда дальній звонъ колокольчика, — онъ тогда погружался въ думу и уяснялъ себѣ понемногу смыслъ таинственныхъ звуковъ. Онъ нашелъ въ себѣ довольно мужества, чтобы отважить жизнь за познаніе и проповѣдь истины; онъ былъ полонъ того преобразовательскаго стремленія, которое не хочетъ обладать ею для одного себя и не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока она взойдетъ звѣздой спасенія также и для сочеловѣковъ. И если мы разсмотримъ потомъ содержаніе его откровенья и найдемъ въ немъ религіозную истину, если сообразимъ, сколько онъ пострадалъ изъ-за своихъ убѣжденій прежде чѣмъ увѣнчалъ ихъ побѣдою, то не усомнимся, что его одушевляло вѣяніе Предвѣчнаго такъ же какъ и великихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, и должны будемъ признать, что и его подвигъ совершился чрезъ совмѣстное дѣйствіе духа божія съ человѣческимъ.

На горѣ Хирѣ онъ видѣлъ сонъ; ему явился ангелъ Гавріилъ, тяжко давилъ его и воскликнулъ: «Внимай и говори! Богъ великодушенъ и учитъ людей то-

му, чего они не вѣдаютъ». Могаммедъ былъ этимъ крайне возбужденъ: думалъ, не помѣшался ли онъ, не одержимъ ли бѣсомъ и искалъ утѣшенія у жены своей, у сродника ея, Враки. Хадиджа стала уговаривать его съ любовію: какъ могли овладѣть злые духи такимъ человѣкомъ, каковъ онъ, полнымъ правды, вѣрности, добрыхъ нравовъ? За тѣмъ послѣдовали экстатическія состоянія, но получили уже восхитительно-свѣтлый характеръ. Хадиджа увѣровала въ божественное откровеніе, и внушала мужу упованіе въ особенную милость Аллаха. Но у сосѣдей Могаммедъ прослылъ за сумасшедшаго или бѣсноватаго, и снова впалъ въ болѣзненное раздраженье; онъ ясно слышалъ голоса, и никого однакожь не видѣлъ: не имъ самимъ, а позднѣйшимъ благочестивымъ сказаніемъ, приписаны они тому, что будто камни и деревья привѣчали его именемъ посланника божія. Наскучивъ жизнію, скитался онъ однажды по горамъ, готовый погребстись въ какой-нибудь пропасти; внезапно отрадный свѣтъ озарилъ ему душу, и онъ услышалъ голосъ ангела: «Ты не бѣсноватый, будь покоенъ; тебѣ суждены высокое призваніе и великая награда». Могаммедъ увѣряетъ, что это не поэтическій вымыселъ души его, а великое божье чудо; онъ былъ убѣжденъ въ дѣйствительности этого явленія. Я, конечно, вижу здѣсь только образъ, отблескъ внутренняго его состоянія, но не скажу, чтобы тутъ не было божественной основы, точно такъ же какъ и въ восторженныхъ видѣніяхъ Павла и Иліи. Изнеможенный упалъ Могаммедъ на землю, а за тѣмъ поспѣшилъ домой; чувствуя приближеніе эпилептическаго припадка, велѣлъ онъ окутать себя въ простыни и брызгать себѣ въ лицо водою; когда недугъ унялся, какъ будто чей-то голосъ побудилъ его встать, воздать хвалу Господу и обратиться съ увѣтомъ къ народу, да покинетъ онъ идолопоклонство, да будетъ благотворителенъ къ ближнимъ и готовъ все потерпѣть за Господа. Преданіе говоритъ, что съ тѣхъ поръ откровенія пошли безъ перерыва, а мы объясняемъ это посвоему такъ, что Могаммедъересталъ теперь ожидать видимыхъ явленій ангеловъ, галлюцинацій, но испытывалъ повѣдываемыя имъ внушенія свыше прямо въ движеніяхъ своей души. Сердце его, переполненное радостью, изливалось въ благодарныхъ молитвахъ. Его глубокое настроеніе выразилось въ обѣтѣ ангела (Сура 93,1): Клянусь величіемъ дня и красою тихой ночи,—Господь не презритъ тебя, не оставитъ безъ помощи! Не бойся ничего, исходъ будетъ для тебя лучше начала. Господь даруетъ тебѣ спасеніе, ты ни на что уже не пожалуешься болѣе. Не далъ ли онъ тебѣ родного пріюта, нашедши тебя круглымъ сиротой? Не навелъ ли онъ тебя заблудшаго на путь истины? Онъ обрѣлъ тебя бѣднымъ, и такъ легко обогатилъ. Будь же и самъ милосердъ къ сиротамъ, не гони нищаго отъ дверей твоихъ, а повѣдывай и славь благодать Господа!—И другое мѣсто Корана (Сура 94) относится къ освобожденію его отъ душевной муки милостію божіей: Не раскрыли ли мы тебѣ грудь и не озарили ли ее нашимъ свѣтомъ, не освободили ли тебя отъ тяжести, бременившей твою шею? Мы осчастливили тебя славою, радости слѣдуютъ за страданьями, да, за страданьями слѣдуютъ радости. Миновали бѣды, напрягай свои силы, тебѣ ли не жаждать приблизиться къ Господу!—Здѣсь онъ ощущаетъ въ себѣ зовъ голоса божія, наполнившій его отрадной увѣренностью, что онъ не бѣсноватый, что бывшія ему видѣнія, что звуки, которые онъ слышалъ,—откро-

веніе божіе, что онъ долженъ повѣдывать всеединую его сущность и славу, вполнѣ предаться его волѣ и внушать такую же преданность другимъ. Мы тѣмъ менѣе можемъ обвинять его въ умышленномъ обманѣ, что онъ самъ вначалѣ опасался, не одержимъ ли онъ демонскою силой тѣхъ ночныхъ чудищъ пустыни, которыхъ Арабы называютъ Джинъ; изъ тучи многоскорбной душевной борьбы сверкнуло въ немъ яркою молніей убѣжденіе, что единый Богъ призываетъ его въ пророки; прямо и честно объявляетъ онъ своимъ противникамъ, что получаемое имъ откровеніе не что иное какъ свѣтъ, взошедшій ему въ глубинѣ души, и съ пламеннымъ рвеніемъ повѣдываетъ онъ теперь вдохновляющую его истину. Онъ чувствовалъ незримаго Вездѣсущаго въ тайникѣ собственнаго своего духа: «Жила нашего сердца не такъ близка намъ, какъ близокъ Богъ»,— прекрасное это слово могъ высказать только человѣкъ, на себѣ его испытавшій. А разъ мы допустимъ Провидѣніе, божіе водительство людскимъ родомъ, то какъ же оно будетъ дѣйствовать, если не психологически, въ сердечной глубинѣ, возбуждая, остерегая и просвѣщая, направляя и одушевляя? Но правдивость—первая основа величія души, какъ и первое условіе къ разумѣнію присущаго намъ божественнаго начала. Вмѣстѣ съ Карлейлемъ мы признаемъ, что только первично-цѣльныя, изначала прямыя натуры представляютъ въ исторіи тотъ геройскій элементъ, которымъ подвигается впередъ человѣчество;—вовсе не казовые люди, которыхъ ослѣпляетъ внѣшній блескъ и которые хотятъ другихъ морочить этимъ блескомъ, а люди всегда хватающіеся за суть и способные какъ Могаммедъ ясно различить ее отъ формулъ и кумировъ,—люди, которые вовѣкъ не отступятся отъ того, что разъ признали за истину, но будутъ распространять ее какъ онъ, «хотя бы солнце стало у нихъ справа, а мѣсяцъ слѣва, и оба приказывали имъ уняться, замолчать».

Что все земное преходяще и есть только начало будущаго непреходящаго, но начало, чреватое грядущею судьбой, такъ-какъ именно здѣсь человѣкъ опредѣляетъ положеніе свое за гробомъ, такъ-какъ его благая и злая часть зависятъ отъ его собственной воли и дѣятельности, — эта истина, которою Христосъ направилъ родъ людской къ царству божію, подѣйствовала теперь и на Бедуиновъ, и подѣйствовала именно той ошибочно преувеличенной стороной, что будто отреченіемъ отъ міра и строгимъ покаянническимъ подвигомъ можно обрѣсти блаженство; въ самомъ дѣлѣ первоначальный Исламъ гораздо болѣе отличается заботами о вѣчномъ спасеніи, нежели о какихъ бы то ни было умозрительныхъ соображеньяхъ. Исламъ значитъ преданность волѣ божіей. Оттого и Могаммедъ слышитъ къ себѣ зовъ свыше: Стой и бди всю ночь, бди въ молитвѣ и посвящай себя Господу; на него возложи напасть свою, да будетъ онъ тебѣ въ помощь, единый Богъ! — Богъ великъ, хвала Богу, — эти слова должны выходить изъ устъ при всякомъ случаѣ, потому что сердце должно быть полно ими, человѣкъ все долженъ относить къ вѣчному; вотъ отчего Могаммедъ такъ превозноситъ богомысліе, занятъ ли имъ человѣкъ сидя или стоя, все равно, и Кошайри въ смыслѣ пророка говоритъ: Носить Бога въ сердцѣ своемъ — единственный путь къ свободѣ; это укрѣпляетъ человѣка противъ измѣнчивости обстоятельствъ, противъ скорби и напасти, такъ что даже небо и адъ ему тогда ни по чемъ. Могаммедъ требовалъ омовеній въ

символъ духовнаго очищенья, и съ самаго начала извѣстныя формулы и обряды стали при молитвѣ за обычай; этимъ въ юную еще свѣжесть Ислама вошелъ изъ древнихъ сродственныхъ религій элементъ внѣшности, такъ что могаммедане скоро стали почитать молитвы, церемоніи и богомольныя странствія какъ бы за взносимую Богу дань, тогда какъ самъ Пророкъ называлъ молитву только средствомъ для очищенія сердецъ человѣческихъ. Для него она была просто душевной потребностью, и жалуясь на бѣды и гоненія, онъ всегда внушаетъ самъ себѣ искать утѣшеній въ молитвѣ; и такъ же всеобъемлюща, такъ же почти дѣтски-проста, какъ «Отче нашъ», та Могаммедова молитва, которою начинается Коранъ: «Хвала Аллаху, Господу міровъ, милосердому источнику благодати, верховному владыкѣ въ судный день! Тебѣ служимъ и къ тебѣ взываемъ мы о помощи; веди насъ путемъ правымъ, стезей тѣхъ, кому ты вѣчно благодѣялъ, на кого не пало бремя гнѣва твоего, и кто никогда не заблуждается».

Хадиджа была первою изъ увѣровавшихъ, была добрымъ ангеломъ своего мужа; къ ней присоединились потомъ молодой племянникъ его, Али, невольникъ Заидъ, котораго онъ освободилъ и принялъ вмѣсто сына, и третій — Абубекръ. Могаммедъ началъ и тайкомъ и гласно говорить объ Аллахѣ и ободрять народъ къ добродѣтели; многіе охотно его слушали, особенно молодёжь и бѣдняки. Выразительныя его поговорки переходили изъ устъ въ уста. Знатные смѣялись, когда онъ толковалъ имъ объ раѣ и адѣ; но именно мысль вѣчнаго возмездія и вооружала его на подвигъ къ спасенію своихъ, сознаніе что человѣкъ отвѣтственъ за исполненіе своего долга именно и побудило его выступить всенародно, укрѣпило его мужествомъ и удивительною выдержкой. Гоненія начались съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ возсталъ противъ кумировъ. Мы упоминали о прекрасныхъ словахъ, которыя Могаммедъ повѣдалъ изъ свитковъ Авраамовыхъ, въ видѣ вольнодумной мысли, ханиифства; онъ не присвоивалъ себѣ этого, какъ новую какую-то мудрость: собственное вдохновеніе только убѣдило его въ старой уже истинѣ, которую онъ предпринялъ воскресить и сдѣлать общимъ достояньемъ. Всякій человѣкъ былъ, на его глаза, по природѣ «Мослимъ», то-есть вѣрующій въ единаго духовнаго Бога, и у всѣхъ благочестивыхъ людей, думалъ онъ, одна и та же религія, — вполнѣ предаться волѣ Божіей и блюсти миръ между собою; все что̀ уклоняется отъ этого или же заходитъ дальше, считалъ онъ за сектаторство, за суевѣрство или наконецъ за напрасно отягощающее уставничество. Вотъ почему Гёте и сказалъ:

Не глупо ли что каждый въ свой чередъ
Свое намъ мнѣнье превозноситъ?
Коль богопреданность Ислама имя носитъ,
То всякъ въ Исламѣ вѣдь живетъ да и умретъ.

Но большинство жителей Мекки осталось глухо къ Могаммедовой проповѣди покаянія; они говорили другъ другу: Нѣтъ, не покидайте своихъ боговъ! и ославили его сумасбродомъ или обманщикомъ. А Европа и донынѣ повторяетъ это за ними. Мы придержимся отзыва тѣхъ невольниковъ, которыхъ Мекканцы притянули за него къ отвѣту и которые признались вполнѣ искренно,

что вѣруютъ въ единаго Бога, и что Могаммедъ пророкъ его; они остались тверды и въ смертельныхъ мукахъ, когда ихъ положили спиною въ раскаленный песокъ, а лицомъ—прямо къ палящему солнцу; зажиточные друзья постарались денежнымъ выкупомъ освободить ихъ отъ дальнѣйшей пытки. Мы придержимся Али, котораго можно назвать Зигфридомъ ислама, и двухъ великихъ мужей, которые, и теперь среди гоненій, и послѣ въ торжествѣ побѣды, съ неослабной вѣрностью помогали пророку, и наконецъ сдѣлались его преемниками: эти люди были Абубекръ и Омаръ. Они дополняли его какъ не льзя лучше. Ко вдохновенію и творческимъ идеямъ Могаммеда Абубекръ присоединилъ вдумчивую сообразительность свѣтскаго ума, а Омаръ сильную рѣшимость всегда готовой на дѣло воли. Мы пожалуй согласимся съ Шпренгеромъ, что исламъ не достигъ бы безъ нихъ господства; но именно ихъ преданность Могаммеду, ихъ полная въ него вѣра, и служатъ намъ порукою за величіе его духа и за его правдивость.

У Могаммеда не было связныхъ историческихъ познаній о прошломъ; онъ не передалъ ихъ и другимъ. Легенды и повѣствованія ветхаго и новаго завѣта служили ему только для назидательныхъ цѣлей, чтобы показать на дѣлѣ милость божію или пригрозить страшною его карой. Такъ, часто поминаетъ онъ непрерывную цѣпь откровенія отъ Адама, Ноя, Авраама вплоть до Моисея и до Христа, особенно часто говоритъ о потопѣ, о погибели Содома и Гоморры, объ исторіи Моисея и Іосифа. Онъ называлъ вторичнымъ откровеніемъ все то, что сообщалъ по свиткамъ или религіознымъ книгамъ; онъ самъ указывалъ на то, что тутъ главное дѣло не въ буквѣ, а въ смыслѣ; онъ не хотѣлъ дѣлать вида, будто узнаетъ такія вещи какимъ-то непосредственнымъ, магическимъ путемъ, хотя многіе его въ томъ обвиняли; напротивъ, онъ обыкновенно самъ спрашиваетъ слушателей: развѣ вы не слыхали объ этомъ? и за тѣмъ передаетъ дѣло такъ, какъ оно для него выяснилось. Онъ остерегалъ Мекканцевъ не пренебречь его призывомъ къ вѣрѣ истинной и не смѣяться надъ его проповѣдью, какъ надъ рѣчью безумнаго, потому что гибель Содома или фараона была праведнымъ наказаніемъ, неизбѣжно постигающимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда презираютъ зовъ Аллаха или еще преслѣдуютъ и мучатъ вѣрующихъ, за то что они не хотятъ ему измѣнить; и онъ былъ твердо убѣжденъ, что кара въ этой жизни или въ будущей неминуема для тѣхъ, кто не хочетъ внять голосу истины. Предвѣщаемый имъ грозный судъ произвелъ-было впечатлѣніе; но когда кара Господня не наступила тотчасъ, Мекканцы стали издѣваться надъ пророкомъ и требовать, чтобы онъ немедленно наслалъ ее. Онъ отвѣчалъ тогда указаніемъ на день страшнаго суда, который почиталъ столь же близкимъ, какъ и первовѣковые христіане. По что Богъ воскреситъ человѣка, это онъ доказывалъ примѣромъ искры, воспламеняющейся изъ дерева, или указаніемъ на образованіе младенца въ утробѣ матери: подобно новорожденному выйдемъ мы изъ могилы для лучшей, высшей жизни. Что онъ не былъ чудотворцемъ, это Могаммедъ прямо говорилъ тѣмъ, кто требовалъ отъ него знаменій чтобы увѣровать; знаменій, убѣждалъ онъ, довольно было и въ прошломъ, теперь людямъ посланъ голосъ предостерегающій. Часъ суда настанетъ скоро, неожиданно, но когда, — вѣдаетъ только одинъ Аллахъ. Въ тотъ день сила явится вмѣстѣ съ истинной, руковедомая однакожь милосердіемъ. Самыми поэтичными въ

Коранѣ слывутъ мѣста относительно суднаго дня, неба и ада, однакожь и здѣсь мы видимъ больше напряженной силы выраженія, чѣмъ разнообразія въ вымыслѣ и въ картинности описаній. Тамъ говорится напримѣръ, что люди запорхаютъ тогда, какъ распуганная моль, и попадутся какъ бѣглые, которымъ подрѣжутъ веревки походнаго шатра ихъ, такъ что они будутъ накрыты какъ птицы сѣтью; въ другомъ мѣстѣ сказано, что небо тогда растреснется, одежда его разорвется въ клочки и все море изольется; звѣзды же будутъ всѣ разсѣяны, горы пріидутъ въ движеніе, и раскроются могилы. «Когда свѣтъ «померкнетъ въ глазахъ, не станетъ видно ни одной звѣздочки, исчезнутъ «солнце и мѣсяцъ, въ тотъ день человѣкъ взыщется убѣжища; но убѣжища «ему не будетъ, единый покровъ тогда Господь. Когда горы развѣетъ ды«момъ, верблюды перестанутъ давать молоко, когда соберутся въ одну стаю «всѣ звѣри дикіе, когда моря превратятся въ пламя, когда души цѣлыми «толпами начнутъ снова сочетаться тѣламъ, когда дѣвочка, утопленная по «рожденіи, станетъ спрашивать за что̀ ее убили, когда адскія бездны запы«лаютъ огнемъ, тогда всякая душа повинится во всемъ, что она сдѣлала». Въ поясненіе прибавлю, что Могаммедъ возсталъ съ самаго начала противъ преступнаго обычая бросать новорожденныхъ дѣвочекъ на произволъ судьбы. Далѣе вотъ какъ говорится объ отверженномъ: «Возьмите его и свяжите, «киньте его въ пламень огненный, цѣпью въ семьдесятъ локтей прикуйте «его! Зане, не вѣровалъ онъ въ Бога, не дѣлилъ съ бѣднымъ хлѣбъ своей; «оттого и не было у него друга ни единаго, не было иной пищи, кромѣ гноя «язвеннаго». — «Ложь услаждаетъ на короткій срокъ, но тяжкая ждетъ ее «кара; всѣхъ неправеднѣе тотъ, кто измыслитъ ложь на Аллаха или отри«нетъ его знаменіе», говоритъ мнимый лжепророкъ Могаммедъ; нижшую, глубочайшую изъ адскихъ безднъ растапливаетъ онъ именно для лжецовъ и отрицателей: «Войдите, говоритъ онъ, въ муку, ее же вы отрицали! Въ «черную мглу, да сомкнется она надъ вами трижды, и не будетъ вамъ спа«сенья отъ пламени. Горе лжецу, стершему доброе имя, тому, кто копитъ «сокровища на сокровища, вѣчно надмеваясь своимъ богатствомъ! Горе, по«шелъ въ самую толчею преисподней! А знаешь ты, что̀ такое адская толчея? «Это высоко біющій огонь божій, безпощадно охватывающій со всѣхъ сторонъ «сердца, это пылъ, перегибающійся какъ бы сводомъ надъ головою, это пла«мя вьющееся вверхъ столбомъ»! Рай же изображается, напротивъ, садомъ блаженства, рощею радости, гдѣ праведные, которые были вѣрны своему слову, благотворительны и богобоязненны, отдыхаютъ въ свѣжей тѣни, тогда какъ съ вѣтвей повисли надъ ними плоды, которыхъ нѣтъ вкуснѣе, и вино обходитъ ихъ кругомъ въ кристальныхъ чашахъ; мужщины и женщины въ полномъ великолѣпіи юности и любовной мощи лежатъ тамъ на мягко-нѣжащихъ пуховикахъ. И блаженные не слышатъ ни какой пошлой болтовни, ни какой рѣшительно злостной брани, потому что товарищами имъ добрые, мудрые герои; всѣ они вмѣстѣ составляютъ семью божію и веселятся его присутствіемъ. Такъ и въ небѣ Могаммеда чувственное просвѣтляется въ духовное, и въ основѣ фантастической картины рая лежитъ равно и здѣсь то истинное содержаніе, что конечное совершенство жизни не можетъ обойтись безъ естества, что оно есть только гармонія духа съ природой, возстановленіе и увѣковѣченіе того, что̀ было для насъ на землѣ прекраснаго и милаго.

Гонимые нововѣры ушли отъ преслѣдованій въ Абиссинію, гдѣ принялъ въ нихъ участіе христіанскій государь; кажется, Могаммедъ потратилъ бо́льшую часть своего имущества, чтобы облегчить имъ это переселенье. Терпѣливо переносилъ онъ величайшія ругательства, но какъ-то подался на соблазнъ войдти въ соглашеніе съ колѣномъ Корейшитовъ, изъявившихъ готовность признать его за пророка и обратиться къ Аллаху, съ тѣмъ условіемъ чтобъ какъ-нибудь отстоять богинь Лату, Оццу и Манну, которыхъ особенно почитали окрестныя племена; кумиры ихъ поддерживали союзъ между этими племенами и тѣми, кто хотѣлъ стоять къ нимъ въ мирныхъ отношеніяхъ; на этомъ основывалось благосостояніе Мекки, и неудобно было вполнѣ отвергать высоко-уважаемыхъ богинь: люди тѣхъ племенъ не станутъ ходить на богомолье къ Каабѣ, увидѣвъ что тамъ нѣтъ мѣста божествамъ ихъ. Уже и прежде духи подобныхъ кумировъ считались за ангеловъ; у іудеевъ и у христіанъ были вѣдь также свои святые: и Могаммедъ, хотя твердо оставаясь при убѣжденіи, что Аллахъ единъ, и что ему одному подобаетъ молитва, допустилъ однакожь что богинь Латъ, Оццу и Манну можно почитать за предстательницъ передъ лицомъ его. Могаммедъ такимъ образомъ снискалъ себѣ признаніе, но купилъ его слишкомъ дорогой цѣною, проставивъ въ ненадежной игрѣ правое дѣло истины: этимъ отворялась вѣдь дверь многобожію, и самъ онъ на другое жь утро отступился отъ своихъ словъ, потому что голосъ Божій предостерегъ его въ глубинѣ совѣсти отъ такого уклоненія съ прямой дороги. Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха; все проходитъ, одна сущность его пребываетъ вовѣкъ; передъ нимъ должны мы нѣкогда явиться безотмѣнно! Такъ звучала теперь его проповѣдь, и передъ яростью разсвирѣпѣвшаго опять народа онъ прямо объявилъ, что допущенная имъ уступка была только однимъ внушеніемъ Сатаны, который всегда готовъ застѣнить какою-нибудь мечтой помыслы посланника божія; но Аллахъ вычеркиваетъ подобныя приставки, и утверждаетъ только свои собственныя знаменія; онъ всевѣдущъ, и допускаетъ такого рода ошибки единственно для испытанія сердецъ, возвращая потомъ вѣрныхъ на путь истины. Вѣдь вся жизнь не что иное какъ возвратное-странствіе къ Господу! Именно этотъ случай доказываетъ ясно, что Могаммедъ взялся за преобразованіе не изъ мірскихъ какихъ-либо выгодъ, а изъ ревности къ истинѣ; едва увидѣвъ, что прибавка, которую онъ счелъ-было за безвредную, оказалась недопустимой, онъ отринулъ ее самымъ рѣшительнымъ образомъ и промѣнялъ всѣ выгоды уговора на жесточайшее гоненіе. Противники придумали выдать тѣхъ богинь за дочерей Аллаха; онъ на это объявилъ: Аллахъ единый Богъ, въ себѣ замкнутый; онъ не рожденъ самъ и не рождаетъ другихъ: нѣтъ обокъ съ нимъ существа ему подобнаго; я призванъ служить ему, не присоединяя къ существу его ни кого другого; Аллахъ самъ все вѣдаетъ и не нуждается ни въ какомъ посредникѣ; всякое предстательство тутъ безполезно и не можетъ направить судебъ его, потому что самъ онъ милостивъ и справедливъ. Вамъ хочется признанія идоловъ изъ-за выгодъ; всѣ богатства ваши — суета и роскошь земного бытія, блага Аллаха лучше и надежнѣе. — Тогда меккапская аристократія обратилась съ жалобой ко главѣ Могаммедова рода, Абу Талибу: Племянникъ твой богохульствуетъ, обзываетъ насъ глупцами и говоритъ, будто подобно намъ заблуждались и наши отцы; уйми его или же лиши своей защиты. По честный ста-

рикъ отказалъ имъ въ просьбѣ. Сынъ его Хамза̀ обратился теперь къ проповѣди Могаммеда, а также и Омаръ. Этотъ, подобно Савлу, былъ сперва въ числѣ гонителей нововѣрія; но одна слышанная имъ молитва Могаммеда произвела на честную его душу такое глубокое впечатлѣніе, что онъ скоро сталъ его приверженцемъ. Это сильно подѣйствовало и на весь городъ. Къ смиренію и самоотверженности, свойственнымъ исламу изначала, Омаръ присоединилъ свой геройскій пылъ, свою бойкую силу; ему, замѣчаетъ Шпренгеръ, мослимы обязаны своимъ гордымъ самоуваженіемъ, своей готовностью братски стоять другъ за друга. Съ тѣхъ поръ они уже не допускали грубаго, унизительнаго съ собой обращенія, и Могаммедъ постоянно указывалъ народу на Моисея, восторжествовавшаго даже и надъ гнетомъ фараоновскаго самовластія; онъ говорилъ во всеуслышанье: Земля—божія, аллахова; онъ даетъ ее въ наслѣдіе любому изъ слугъ своихъ, и въ концѣ концовъ верхъ возьмутъ благочестивцы. Но на первыхъ порахъ весь родъ его подвергся запрету или отлученію, такъ что два года ни кто не вступалъ съ нимъ въ браки, да и ни въ какія вообще дѣла, ни кто не хотѣлъ даже водиться съ нимъ. Многіе выселились опять изъ Аравіи. Аллахъ хочетъ узнать своихъ вѣрныхъ испытаніемъ, говорилъ тогда пророкъ. Онъ внушалъ уповать на Господа: Напояетъ же онъ растенія небесной росою и даетъ же пищу звѣрямъ. Земная эта жизнь — суета и игрушка, подлинная жизнь — въ будущемъ: о, еслибъ люди только знали это какъ слѣдуетъ! Терпите и не сокрушайтеся, Аллахъ никогда не оставитъ богобоязливыхъ и добрыхъ. Но какъ ясно онъ сознавалъ, что̀ именно принесъ своему народу, доказываетъ его изреченіе: Сто̀итъ Мекканцамъ повторить за мной единое лишь слово, и не только всѣ Арабы покорятся имъ, но и чужеземные народы сдѣлаются ихъ данниками. Мы готовы повторить за тобой хоть десять словъ, сказали присутствующіе; такъ говорите же: Единъ Аллахъ, и нѣтъ Бога развѣ его. Они отвѣчали съ озлобленіемъ: Ишь, изъ многихъ боговъ дѣлаетъ онъ одного!

Связи учениковъ его съ христіанами въ Абиссиніи сблизили и его самого съ христіанствомъ. Библія и Коранъ, слова Моисея и Іисуса—для него равносильный и существенно согласный отблескъ небесной книги истины. У насъ съ вами одинъ Богъ, говорилъ онъ іудеямъ и христіанамъ. Коранъ состоитъ изъ ясныхъ знаменій, живущихъ въ сердцѣ благомысленныхъ людей; отвергаютъ ихъ одни лишь неправые. Но онъ не хотѣлъ чтобъ Іисусу поклонялись наравнѣ съ Богомъ. У Бога нѣтъ дѣтей, онъ не рождаетъ почеловѣчески; будь кромѣ его другіе боги на небѣ, тогда рушился бы весь порядокъ міра. Аллахъ напитствовалъ Марію духомъ своимъ, и вотъ Іисусъ родился пророкомъ: оттого онъ и былъ имъ еще въ отрочествѣ. Святой духъ, это—сила божія, нисходящая въ сердца наши и открывающая въ насъ Бога. Вся слава подобаетъ ему, единому и высшему, безо всякихъ товарищей! Но вслѣдъ за христіанствомъ и Могаммедъ особенно налегаетъ теперь на божію премудрость и любовь; онъ часто именуетъ Бога—Рахманъ, т. е. источникъ милости. Онъ указываетъ на великолѣпіе и стройность созданія, въ которомъ не найдешь, говоритъ онъ, ни одной ошибки. Смерть и жизнь сотворены для того, да испытаетъ насъ милосердый Богъ, и да увидитъ онъ, верховный прощальникъ, кто поступаетъ праведно, кто нѣтъ. Ни одинъ древесный листъ не падетъ наземь безъ его вѣдома, нѣтъ ни одной песчинки

на днѣ морскомъ, которая не была бы занесена въ книгу жизни. Повержемъ правду на ничтожество, и она раздробитъ его и разсѣетъ въ прахъ. Въ томъ прекрасномъ откровеніи, которое самъ онъ называетъ невѣстою изо всѣхъ Суръ, говорится: Солнце и луна слѣдуютъ въ путяхъ своихъ разсчету божію, кусты и деревья ему поклоняются. Онъ соорудилъ сводъ небесный и нарочно измыслилъ на немъ вѣсы, да держитесь вы этого знаменія. Вѣсьте всегда справедливо: горе бо тому, кто выиграетъ вѣсомъ неправеднымъ. Ужели станете вы отрицать, что Господь вездѣ сотворилъ вамъ благо? Могаммедъ указываетъ на чудеса божіи, на день, опредѣленный имъ для труда, на сонъ, посылаемый имъ, въ субботній отдыхъ, ночью, на верблюда и коня, на маслину, виноградную лозу и пальму, въ которыхъ онъ являетъ любовь свою къ намъ; въ теченіи звѣздъ, въ пылающей лампадѣ солнца, въ дождеточцѣ-облакѣ, вездѣ есть знаменія къ помысламъ, да скажетъ всякъ человѣкъ: Аллахъ есть Богъ, отрекаюсь отъ всего, что̀ вы къ нему прибавили; существа, которымъ вы поклоняетесь на ряду съ нимъ, ни чего не создаютъ, и сами созданы имъ же; мертвы всѣ идолы, живъ онъ одинъ. Присовокупимъ сюда тотъ истинно-могучій образъ, который Могаммедъ употребилъ при другомъ случаѣ: Лицемѣры, благочестивые только на показъ, а въ сердцѣ безвѣрные, то же самое что человѣкъ, который, разведя передъ жильемъ огонь, думаетъ оградить себя отъ мрака; налетитъ вѣтеръ, погасло пламя, и онъ бродитъ ощупью во мглѣ: такъ и лицемѣръ попадаетъ въ безпроглядную ночь, когда Богъ отниметъ у него свѣтъ жизни. Безвѣръ подобенъ страннику, который въ грозу закрываетъ себѣ уши руками; но вѣдь тѣмъ не менѣе сверкаетъ божья молнія, громъ раскатывается и гремитъ, какъ свѣтъ и голосъ истины непрерывно исходятъ отъ Бога.

Возвышеніе человѣка отъ внѣшнихъ явленій къ духу Могаммедъ очень замысловато изображаетъ въ разсказѣ объ Авраамѣ. Чистое сердце принесъ Господу патріархъ; за это показано ему было все вышнее правительство небомъ и землею, да пріобрѣтетъ онъ твердость убѣжденій. Когда простерлась надъ нимъ ночь, онъ увидѣлъ одну звѣзду и воскликнулъ: Вотъ онъ, Господь мой! Когда же звѣзда эта закатилась, онъ сказалъ: Нѣтъ, преходящаго я не люблю. Тогда поднялся мѣсяцъ, и онъ опять воскликнулъ: Вотъ, вотъ Господь! Но закатился и мѣсяцъ, взошло солнце, еще больше и свѣтлѣй его; и только-что Авраамъ хотѣлъ поклониться ему съ молитвою, оно также въ свою очередь сѣло; тутъ онъ произнесъ: О народъ мой, ни во что ставлю я все чтимое тобою на ряду съ Аллахомъ; какъ ханифъ, обращаюсь только къ тому, кто сотворилъ небо и землю. Авраамъ былъ въ глазахъ Могаммеда основателемъ той первичной религіи, для которой Аллахъ создалъ человѣка, то-есть: для преданія себя въ волю божества, для любви къ ближнему и для милосердія къ бѣднымъ. Подобно своимъ соплеменникамъ, и Могаммедъ приписывалъ Аврааму учрежденіе праздника богомольцевъ, который всѣ племена собща справляли весною около Каабы, гдѣ молился и очищался уже и самъ Авраамъ по слову преданія. Всѣ пророки, присовокупляетъ Могаммедъ, принадлежатъ къ одной общинѣ и проповѣдываютъ одного и того же Бога; охотно погружался онъ теперь въ размышленіе о томъ, какъ и они въ свою очередь одиноко стояли среди народа, терпѣли гоненія и насмѣшки, а потомъ все-таки наконецъ оправдывались.

Аристократія корила его ничтожностью общественнаго его положенія; на это онъ влагаетъ въ уста Богу такой отвѣтъ: Не составляй всѣ люди одного общества, мы даровали бы тѣмъ, кто отрицаетъ источникъ милостей, серебряные крыши на дома, золотыя ложа и утварь; все это одна земная суета; для боящихся его Господь бережетъ вѣчное блаженство. Спасеніе Могаммедъ видитъ только въ духовномъ просвѣщеніи, оно ведетъ къ истинному благоденствію, и притекаетъ ко всякому, кто его жаждетъ. Богатство и внѣшній блескъ считаетъ онъ, подобно Іисусу, помѣхами для входа въ царство небесное; часто даже близокъ онъ къ мысли, что дарами счастія Богъ завлекаетъ отверженныхъ имъ въ погибель. Кто добивается жатвы въ этомъ мірѣ, тотъ утратитъ благую часть свою; кто стремится къ вѣчному, тотъ ее обрѣтетъ. Когда человѣкъ пользовался какимъ-нибудь благомъ, и вдругъ потерялъ его, онъ легко становится богохульцемъ; а когда Аллахъ послѣ великой нужды вдругъ надѣлитъ его благосостояніемъ, онъ слишкомъ радуется и превозносится, кромѣ конечно тѣхъ, кто выдерживаетъ въ добрѣ до конца; тѣ и получатъ мзду свою. Не отгоняй отъ себя жаждущихъ благоволенія божія; онъ одинъ знаетъ, кто окажется благодарнымъ, — такъ ободрялъ онъ самъ себя въ виду укоризнъ за то, что къ нему примыкаютъ грѣшники и нищіе. Говори имъ: миръ вамъ! Богъ вѣдь милосердъ, и кто сдѣлаетъ зло безсознательно, кто раскается и потщится себя исправить, тому онъ благодушно даруетъ прощеніе. — Случилось ему разъ не внять оклику одного слѣпца, изъ суетнаго опасенія, не подумали бы Корейшиты, что къ нему прибѣгаютъ одни слабые; но онъ тотчасъ услышалъ голосъ божій въ своей совѣсти, и открыто его высказалъ: Ты наморщилъ лобъ и отвернулся? А какъ тебѣ знать, — онъ быть-можетъ очистится и обратится? Зачѣмъ было отступать отъ того, кто идетъ къ тебѣ полный рвенія и богобоязни? — Этой благородной чертѣ вполнѣ отвѣчаетъ другой позднѣйшій случай, когда онъ напередъ порѣшилъ дѣло одной бѣдной вдовы, а потомъ ужь принялъ ожидавшее его блестящее посольство. Приведемъ здѣсь кстати одинъ прекрасный миѳъ: Пророка взяло горе, что люди упрекаютъ его бѣдностью и не вѣрятъ ему потому, что онъ не родовитъ; ангелъ Гавріилъ заплакалъ съ нимъ вмѣстѣ. Тогда является вдругъ райскій казнохранитель и говоритъ: Богъ посылаетъ тебѣ ключи отъ сокровищъ всего міра, и наслажденіе ими не умалитъ и на вѣсъ мошкина крыла твое будущее блаженство. Гавріилъ сказалъ ему: Смирись передъ Господомъ; а пророкъ возразилъ: Не надо мнѣ ключей, хочу лучше быть бѣднымъ, но терпѣливо благодарнымъ слугой божіимъ. Тогда небо отверзлось вплоть до престола господня и раздался голосъ: Я доволенъ тобою. Пророкъ отвѣчалъ: Господи, даруй мнѣ что тебѣ угодно! Сокровищемъ моимъ да будетъ то, чтобы въ день воскресенія я смѣлъ предстательствовать у тебя за родъ людской.

Тотъ же образъ мыслей подтверждается и историческимъ разсказомъ, что нѣкоторые изъ его приверженцевъ въ дни бѣдствія настойчиво приступали къ нему съ вопросомъ: Зачѣмъ не призовешь ты на враговъ страшную кару божію? Онъ вскочилъ съ мѣста, лицо его горѣло какъ жаръ, и онъ сказалъ имъ: И до васъ жили на свѣтѣ люди, которымъ обрывали тѣло клещами вплоть до костей, а они все-таки не отступались отъ своей вѣры; ихъ распиливали надвое съ самой макушки, а они все-таки оставались вѣрны своему

Богу. Онъ будетъ въ нашемъ дѣлѣ помощникомъ, и вѣрьте, человѣкъ въ одиночку проскачетъ съ одного конца Аравіи на другой, не боясь ни кого кромѣ Бога. Сюда относятся стихи Корана: Когда Сатана хочетъ подстрекнуть тебя, прибѣгни къ Аллаху: онъ все слышитъ и все вѣдаетъ. Добро и зло не одно и то же; что̀ бы тебѣ ни сдѣлали, всегда отплачивай за это лучшимъ, и врагъ обратится въ преданнаго тебѣ друга. Проповѣдывать истину и предавшись волѣ божіей дѣлать добро,—что̀ прекраснѣе этого на свѣтѣ? Да, лучше добромъ платить за зло, будь увѣренъ.

Отринутый и презрѣнный свѣтомъ, прожилъ онъ десять лѣтъ въ домашней тиши, занимаясь только самимъ собою и своимъ дѣломъ. Таковъ мой путь: Я проповѣдываю Аллаха по началамъ разума, — вотъ лозунгъ пророка, выраженный его собственными словами. «Богъ высказываетъ существо вещей, и велитъ поступать по справедливости, заботиться о родныхъ, избѣгать злобы и угнетенія, всякому безъ различія дѣлать добро». Такъ просто излагаетъ онъ религіозно-нравственную истину. Но у него не было ни предобдуманнаго плана дѣйствій, ни философской, то-есть общесвязной, системы ученія; онъ дѣйствовалъ и говорилъ смотря по мгновенному положенію и по внутреннимъ влеченіямъ своей великой природы, слѣдуя вдохновенью. То думаетъ онъ, что судьба предопредѣлена заранѣе и что жизнь въ такомъ же отношеніи къ книгѣ божіей, какъ игра піэсы къ тексту поэта; — то вдругъ опять ангелъ записываетъ у него всѣ поступки человѣка, совершившіеся всилу свободной его воли. Возбуждая нерѣшительныхъ къ бою, онъ прямо говоритъ: Каждому поставлена цѣль заранѣе и предопредѣленъ уже часъ смерти, послѣдуетъ ли она отъ руки вражіей или на одрѣ болѣзни, все равно. Но при этомъ онъ безусловно держится начала отвѣтственности человѣка за всѣ его сознательныя и умышленныя дѣйствія. Вѣра — слѣдствіе благодати, какъ благодать — слѣдствіе вѣры. Для познанія истиннаго Бога необходимо совмѣстное участіе обѣихъ, — необходимы готовый открыться человѣку Богъ и готовый внять ему человѣкъ. Неразумные обречены вязнуть въ тинѣ идолопоклонства. Ужь не хочешь ли ты вести людей къ вѣрѣ принужденіемъ? спрашиваетъ Аллахъ. Истина сама идетъ къ людямъ, и кто перечитъ ей, перечитъ себѣ же на гибель, а кто ей слѣдуетъ, тотъ добровольно ведется ко спасенію.

Въ числѣ могаммедовыхъ противниковъ были иногда чистосердечные, добросовѣстные люди, обращавшіеся къ нему съ возраженьями, и часть Корана вся занята отвѣтами на ихъ сомнѣнія и вопросы. Въ глазахъ отъявленныхъ враговъ своихъ онъ всегда слылъ то за бѣсноватаго, то за болтуна съ чужихъ словъ. Его, говорили они, надо держать подъ надзоромъ, какъ сумасшедшаго. Мы готовы согласиться съ Шпренгеромъ, что среди постояннаго прилива и отлива душевныхъ чувствъ у истерическихъ личностей вслѣдъ за восторженными настроеніями подчасъ наступаютъ припадки чуть не малодушнаго отчаянія; но именно та черта, что въ трудныхъ обстоятельствахъ на Могаммеда находили сомнѣнія, что онъ высказывалъ ихъ не обинуясь, укрѣплялся противъ нихъ молитвою и чувствовалъ себя потомъ утвердившимся въ пророческомъ призваніи, доказываетъ вполнѣ ясно, что онъ не былъ ни глупцомъ, ни обманщикомъ, ни выпускной куклой стороннихъ хитрецовъ. Такъ

какъ онъ часто говорилъ о Моисеѣ, о Христѣ и о знаменіяхъ, ниспосланныхъ тому и другому свыше, то народу хотѣлось, чтобы и онъ заявилъ чудесами свою истинность. Но чудеса вѣдь — чада вѣры, и совершаются только въ фантазіи, въ мнѣ, а не въ дѣйствительности. Онъ при этомъ слышитъ голосъ откровенія: «Мы знаемъ, что слова ихъ печалятъ тебя: но лжецъ не ты, а невѣрные, отрицающіе знаменія Аллаха. Уже и до тебя многіе вѣстники прослыли вѣдь лжецами, но они терпѣливо сносили это, пока приспѣла наша помощь». Даже какъ-то иронически звучитъ дальнѣйшая часть откровенія: «Развѣ ужь такъ невыносимо тебѣ, что они тебя чуждаются? ну, тогда просверли, буде можешь, насквозь всю землю или проведи на небо лѣстницу! Если на то воля божія, они попадутъ на правый путь и безъ чудесъ». Преданіе говоритъ, что Корейшиты обѣщали ему власть и богатство, если онъ ихъ желаетъ, но онъ этимъ пренебрегъ и утверждалъ, что посланъ какъ учитель и наставникъ, да призоветъ къ Аллаху народъ свой. Мы видимъ изъ Корана, что они обѣщали увѣровать въ него, если онъ расширитъ узкую долину Мекки и оплодотворитъ ее рѣкой; или—если явится вдругъ ангелъ и принесетъ ему садъ съ пальмами, виноградною лозой и родниками, или — если онъ передъ ихъ глазами вознесется на небо. Онъ отвѣчалъ: «Знаменія — въ рукѣ божіей». Въ вѣрѣ видитъ онъ внутреннюю только силу, которой нельзя навязать внѣшними средствами. «Еслибъ даже и существовало такое молебное заклятіе, которымъ бы можно было передвигать горы, все же вездѣ властенъ одинъ Аллахъ, а онъ-то и послалъ меня обращать сердца къ спасенію помимо всякихъ знаменій».

Къ спорамъ съ противниками подало поводъ и то обстоятельство, что одно сказаніе объ Александрѣ Великомъ онъ перенесъ на Моисея. Здѣсь встрѣчается намъ «зеленый, вѣчноюный» Хидръ, ключевой духъ, котораго миѳъ слѣдующимъ образомъ претворяетъ въ вѣчно живущаго человѣка. Александръ не хотѣлъ ни умереть, ни служить какъ должно Богу; небесный другъ его, ангелъ Рафаилъ, разсказываетъ ему что есть-ключь жизни, и что кто изъ него напьется, тотъ до тѣхъ поръ не умретъ, пока самъ не испроситъ себѣ у Бога смерти. Надобно скакать двѣнадцать лѣтъ, чтобъ достигнуть края той мглы, за которою скрывается источникъ. Александръ пустился туда на самыхъ лучшихъ коняхъ съ отборными всадниками; они доскакали вплоть до тьмы, но только одинъ Хидръ, предводившій передовой дружиною, отыскалъ источникъ, который былъ слаще меду, бѣлѣе молока; всѣ прочіе, отставъ отъ него, заблудились и лишь черезъ сорокъ дней выѣхали опять на бѣлый свѣтъ. У Могаммеда Хидръ странствуетъ не съ Александромъ, а съ Моисеемъ, который совершаетъ свои походы изъ любознательности, чтобы увидѣть, какъ съ солянымъ моремъ соединяется прѣсное, откуда текутъ всѣ рѣки. Спутникъ долженъ смотрѣть молча, на все что дѣлаетъ предводитель; такъ Хидръ сначала и поступалъ. Но когда Моисей нарочно затопилъ одинъ корабль, потомъ умертвилъ одного отрока и наконецъ въ одномъ негостепріимномъ городѣ подперъ ветхую стѣну, спутникъ каждый разъ обращался къ нему съ вопросомъ: Что тебѣ за охота это дѣлать? Въ заключеніе онъ узнаетъ, что затопленный корабль тѣмъ самымъ спасенъ для бѣдныхъ его хозяевъ отъ неминуемаго отобранія царемъ, что отрокъ былъ злодѣй, который погубилъ бы своихъ вѣрующихъ родителей, что подъ ветхою стѣной хранился

кладъ, который найдутъ малолѣтныя сироты, какъ скоро повыростутъ. Мораль заключается здѣсь въ томъ, что человѣкъ, въ виду непонятныхъ для него событій, всегда долженъ обождать конца; все идетъ по манію божіей премудрости и благодати.

Вслѣдствіе такого рода ссоръ Могаммедъ и ступилъ первый шагъ къ отмежевкѣ своей религіи отъ прочихъ. Онъ запретилъ приносить въ жертву идоламъ плоды и животныхъ, такъ-какъ ихъ отнимали этимъ у людей; не слѣдуетъ, говорилъ онъ, ѣсть только мяса падалины. Тогда обратились къ запретнымъ яствамъ Моисеева закона, чтобы показать, какъ рознится съ нимъ его ученіе. На это онъ отвѣчаетъ въ Коранѣ: «Произнесите имя Аллаха надъ убитымъ животнымъ, и вкушайте! Ѣшьте все, что̀ хорошо, ведите себя богобоязненно. Всѣ религіозныя ваши общины—одна и та же, и Аллахъ—Господь надъ всѣми вами. Вы же (іудеи и христіане) разрываете согласіе на секты и всегда суёте впередъ свои особности». Только относительно свинины примкнулъ онъ къ брезгающему ею народному обычаю, да и тутъ сказалъ, что нарушеніе запрета грѣховно лишь тогда, когда дѣлается съ противозаконнымъ умысломъ. Онъ говоритъ: «Изложу вамъ, что́ повелѣлъ Аллахъ: Поклоняйтесь только ему, не примѣшивая тутъ ни кого другого, чтите отца и мать, не убивайте дѣтей изъ-за бѣдности, Богъ прокормитъ и ихъ; не распутствуйте ни втайнѣ, ни въявѣ; не умерщвляйте ни одного существа безъ рѣшительнаго на то права, потому что Аллаху угодно, да будетъ вамъ священна всяческая жизнь. Заповѣди эти даны съ тѣмъ, чтобы привести васъ въ разумъ». Характеристична въ этомъ заповѣдь о пощадѣ къ животнымъ, черта кроткаго сочувствія, которая трогательно оттѣняетъ первую пору ислама. По словамъ преданія, Могаммедъ говорилъ: одинъ старый, сѣдой грѣшникъ былъ спасенъ за то, что разъ какъ-то напоилъ издыхавшую отъ жажды собаку. Въ Гётевомъ «Диванѣ» есть нѣчто совершенно подходящее къ мысли пророка:

Однажды задавилъ я паука,
И усомнился, это хорошо ли?
Вѣдь божья создала его рука,
Чтобы и онъ извѣдалъ жизни долю.

Могаммедъ продолжаетъ: «Не простирайте руки на сиротское добро, мѣрьте и вѣсьте доброй мѣрою и вѣрнымъ вѣсомъ, не налагайте ни кому болѣе того, что̀ всилахъ онъ сдѣлать; высказывая свое мнѣніе, соблюдайте къ каждому справедливость, не нарушайте ее даже изъ-за родныхъ, и храните во всемъ завѣтъ божій. И эти заповѣди далъ онъ вамъ съ тѣмъ, да пріидете вы въ самихъ себя. Онъ говоритъ: Вотъ путь мой, онъ поведетъ васъ прямо; держитесь его и не расбредайтесь по распутіямъ».

Въ крайнюю душевную скорбь и тѣсноту повергнутъ былъ Могаммедъ смертью Хадиджи и Абу Талиба. Но тутъ оказалась вся благородная мощь арабскаго родового духа. Абу Лахабъ, ставшій теперь родоначальникомъ, былъ личный врагъ пророку; но онъ поклялся, что пока онъ живъ, родичу его не приключится ни какого худа. Абу Лахабъ, говорили Корейшиты, самъ сталъ могаммеданиномъ; онъ отвѣчалъ: Я не покинулъ вѣры отцовъ своихъ, но блюду долгъ къ племяннику и его оберегаю. «Тутъ ты правъ, и

исполняешь свою родовую обязанность», отозвались на это сами враги.—Могаммедъ старался обратить кого-нибудь по окрестнымъ мѣстамъ, но за нимъ бѣгали, позоря его, уличные мальчишки. Тогда, сказываетъ легенда, подступилъ къ нему ангелъ и спросилъ: Не бросить ли въ негодяевъ горою? Нѣтъ, будто бы отвѣчалъ пророкъ: можетъ-быть дѣти ихъ поклонятся истинному Богу. — За тѣмъ, въ праздникъ богомольцевъ, обошелъ онъ по стастановищамъ всѣ колѣна, говоря: «О люди, скажите за мной только эти слова: Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха! и вы преуспѣете, этой исповѣдью возобладаете вы надъ всѣми Арабами и смирите чужеземцевъ; вѣра возведетъ васъ въ цари рая.» Но Абу Лахабъ шелъ за нимъ вслѣдъ и кричалъ: Не вѣрьте ему, онъ лгунъ. Кому лучше знать тебя какъ не роднымъ, говорили пророку пришельцы. Однакожь онъ все-таки проповѣдывалъ имъ высшую религіозную истину, которая его одушевляла, и въ иныхъ запало глубокое впечатлѣніе. Человѣкъ этотъ учитъ благороднымъ нравамъ и прекраснымъ дѣламъ, сказалъ одинъ удалецъ своему родоначальнику; Мекканцы напрасно его гонятъ. Но колѣно это получило право кочевать вдоль персидскихъ поливныхъ канавъ, съ условіемъ не терпѣть у себя ни какихъ новщиковъ, и глава его опасался, что царь не одобритъ пожалуй могаммедова ученія. Могаммедъ настаивалъ, чтобъ они во всякомъ случаѣ отдали честь правдѣ. Слѣдуйте за мной, воскликнулъ онъ, и всѣ земли, всѣ сокровища Персовъ будутъ ваши! Они призадумались и предоставили другимъ увидѣть исполненіе обѣта.

Между тѣмъ Могаммедъ склонилъ на свою сторону нѣсколькихъ людей изъ Ятриба, приходившихъ въ Мекку; и на праздникѣ богомольцевъ, въ 621-мъ году, онъ успѣшно и рѣшительно договорился съ ними и съ ихъ пріятелями. Люди эти не сомнѣвались, что онъ ожидаемый Евреями Мессія, и говорили: Въ народѣ нашемъ больше розни чѣмъ гдѣ-либо на всей божіей землѣ; ты быть-можетъ дашь намъ миръ желанный. Миръ вамъ! было теперь, какъ и всегда, его привѣтомъ. Мы пойдемъ домой, повѣстимъ какую проповѣдуешь ты вѣру, и если удастся намъ соединить тобой всѣхъ нашихъ, ты прямо величайшій изъ людей. И какіе жь онъ взялъ съ нихъ обѣты? Богобоязнь и чистоту нравовъ, не болѣе. Они произнесли вслѣдъ за нимъ: Не приравнимъ Аллаху ни какого иного существа, не станемъ убивать дѣтей, не будемъ распутничать, воровать, нарушать наказовъ твоихъ ни въ чемъ что́ справедливо. Пророкъ сказалъ: Если вы это исполните, непремѣнно войдете въ рай. Съ мѣста своего жительства прислали они просить у него ученика, который бы наставлялъ ихъ въ новой религіи; онъ отправилъ къ нимъ Мосаба.

Тогда-то Могаммедъ восхвалилъ въ одномъ стихѣ Аллаха, который ночью во снѣ перенесъ его изъ мекканскаго храма въ іерусалимскій, чтобы показать ему нѣкоторыя изъ своихъ чудесъ (Сура 17, ст. 1). Изъ этого сказаніе создало повѣсть о странствіи пророка черезъ семь небесъ на какомъ-то чудищѣ; ей надлежало служить противнемъ разсказу о преображеніи, возстаніи изъ гроба и вознесеніи Христа; фантазія вѣрующихъ, дозволявшихъ себѣ всѣ возможныя преувеличенія во славу пророка, расходилась безъ удержу въ описаніяхъ чудесъ, которыя онъ при этомъ видѣлъ; но самъ онъ никогда объ нихъ не говорилъ.

Весною 622-го года кончилось междоусобіе въ Ятрибѣ, и вѣрные, которымъ этотъ «городъ пальмъ» былъ обязанъ водворившимся въ немъ миромъ,

послали отъ себя 72-хъ выборныхъ на праздникъ богомольцевъ, заявить полную преданность ихъ пророку. Они сошлись съ нимъ въ ущельи близъ Акабы, присягнули ему на вѣрность и звали его настоятельно къ себѣ, обѣщая не щадить за него ни жизни, ни достоянія. Онъ довольно долго разъяснялъ имъ свое ученіе. Богу принадлежитъ порѣшить въ день судный всѣ людскіе споры о религіозныхъ дѣлахъ. Христіанинъ, іудей, сабій (звѣздопоклонникъ), всѣ чтятъ Бога каждый посвоему, но всѣ одинаково вѣруютъ въ единаго Бога, на ряду съ которымъ не должно поклоняться ни кому. Главнымъ культомъ вѣрныхъ будетъ установленный Авраамомъ праздникъ богомольцевъ. Но это все же дѣло только внѣшнее; главное — вполнѣ предаться Богу, терпѣливо выносить несчастіе, молиться и благотворить бѣднымъ. Они дали ему потомъ руки на вѣрность, и онъ, какъ глава цѣлой общины, поставилъ надъ вѣрными двѣнадцать старшинъ. Ятрибцы прослыли тогда его пособниками, «ансарами», потому что дѣйствительно помогли пророку. Такъ, силою слова и истины учредилась первая община ислама, послѣ того какъ религія заявила свою примирительную, возвышающую нравы мощь.

Съ тѣхъ поръ могаммедане стали готовиться къ выселенію изъ Мекки. Бѣгство состоялось въ сентябрѣ. Со страхомъ увидѣли тогда Мекканцы, что презираемый, гонимый ими, пользуется уже большою властью; они не отважились затопить опасность въ крови его: за него непремѣнно вступились бы вѣрные, да и невѣрующіе взяли бы на себя отмстить за обиду или смерть своихъ могаммеданскихъ родичей. Когда нововѣры мало по малу удалились, Корейшиты стали толковать между собою, не посадить ли Могаммеда въ заключеніе; рѣшено было, чтобъ молодежь многихъ вызвавшихся на то родовъ напала на него вдругъ, и разомъ съ нимъ покончила. При немъ оставались только Абубекръ и Али. Онъ счастливо ускользнулъ съ ними отъ покушенія и скрылся въ пещерѣ горы Оаворъ, въ противоположномъ отъ Ятриба направленіи. Вѣрный языческій вожакъ привелъ имъ черезъ три дня верблюдовъ для дальнѣйшаго переѣзда. Сказаніе говоритъ, что входъ въ пещеру густо заткался паутиною, что голуби свили въ немъ себѣ гнѣзда и нанесли яицъ, такъ что преслѣдователямъ не пришло и въ голову зайдти туда. Абубекръ сталъ-было отчаяваться въ спасеніи, но пророкъ ему сказалъ: Ты думаешь, мы съ тобой здѣсь только вдвоемъ; знай, что третій съ нами Богъ, нашъ защитникъ.

Въ Ятрибѣ сооружена была первая мечеть (моше), общій молитвенный домъ для вѣрныхъ. Открытое пространство, во сто локтей длины и въ 60 ширины, обведено было оградой; внутрь вдоль по стѣнѣ, но отступя немного, росли пальмы, которыя были соединены съ ней листвою, такъ что вокругъ всего середняго двора образовался крытый ходъ, тогда какъ самый дворъ остался безъ покрыши; по одну сторону была собственно молельня. На восточномъ концѣ мечети стояли двѣ глиняныя мазанки для пророка съ его женою Савдою и невѣстой Аишей. Безродные бѣглецы стали здѣсь во всемъ верховодами; ко главѣ ихъ, Могаммеду, обращались за рѣшеніемъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ; вѣра его принесла усыновленному имъ племени миръ и спокойствіе, Ятрибъ сталъ пріютомъ справедливости, отчего и проименовался Мединой *,

---

* Медина эль-Наби значитъ городъ пророка.

Каждому изъ своихъ 75 Меккандевъ Могаммедъ выбралъ по одному побратиму между Мединцами; четы эти должны были помогать другъ другу во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ, и по смерти одного изъ нихъ другой долженъ былъ наслѣдовать ему въ ущербъ роднымъ. Въ самомъ городѣ и въ окрестности жило много іудеевъ; они, точно такъ же какъ и христіане, считались еще на однихъ правахъ съ могаммеданами. Пророкъ тогда говорилъ: Въ моисеевомъ законѣ дана была іудеямъ заповѣдь: душа за́ душу, око за око, зубъ за̀ зубъ; но кто отступится отъ мщенія, тотъ искупитъ этимъ собственную вину свою передъ Богомъ. Евангеліе Іисуса истинное руководство, въ свѣтъ и назиданіе благочестивымъ. Будь это угодно Богу, онъ конечно совокупилъ бы всѣхъ людей въ одну общую Церковь. Но онъ нарочно такъ устроилъ, чтобы испытывать ихъ по различнымъ даннымъ отъ него откровеніямъ. Соревнуйте же другъ другу въ добрѣ! всѣмъ вамъ цѣлью одинъ Богъ; онъ и просвѣтитъ васъ нѣкогда относительно существующихъ между вами разнорѣчій. — Не звучитъ ли это словами Лессингова Наоана Мудраго? Но какъ и іудеи, такъ и христіане, захотѣли непремѣнно отстоять особности своихъ ученій; они противустали Могаммеду и принудили его строго отмежевать Исламъ, принудили его покорять ихъ силою. Въ Коранѣ говорится: «Они взываютъ къ намъ: сдѣлайтесь іудеями или христіанами, тогда будете на пути правды. Нѣтъ, отвѣчаетъ Аллахъ, послѣдуйте религіи Авраама, такъ какъ онъ былъ ханіифъ (свободный мыслитель)». По Шпренгелю, Омаръ сообщилъ Исламу полную самостоятельность, такъ что онъ сталъ уже не всеобщею религіей, къ какой стремился Могаммедъ, а принялъ напротивъ особую племенную форму. Творя молитву въ Меккѣ, пророкъ смотрѣлъ лицомъ къ Каабѣ; въ Мединѣ, заодно съ іудеями и многими изъ христіанъ, обращался онъ къ Іерусалиму. Отъ Омара вышло положительное рѣшеніе, чтобы могаммедане, гдѣ ни будь они, всегда молились лицомъ къ Каабѣ, какъ общенародной святынѣ Арабовъ; а въ 624 г. повѣстилъ это своимъ вѣрнымъ и самъ Могаммедъ, не осуждая однакожь поступающихъ иначе. Благодаря этому исламъ пріобрѣлъ своенародное средоточіе и сталъ чисто національнымъ дѣломъ, тогда какъ Іисусъ Христосъ, не останавливаясь на Іерусалимѣ и Гаризимѣ, указывалъ на духовнаго только Бога, которому слѣдуетъ покланяться духомъ и истиной. Подобное имѣлъ въ виду и Могаммедъ: «Востокъ— божій и западъ—божій! Куда ни обернетесь, вездѣ ликъ его; онъ всевѣдущъ, онъ свѣтъ вездѣприсущій». — «Добросовѣстность не въ томъ, чтобы молясь смотрѣть на востокъ или на западъ, а въ вѣрѣ въ Бога, въ благотвореніи роднымъ, бѣднымъ, сиротамъ, безпріютнымъ, въ держаніи слова и въ терпѣливомъ перенесеніи напастей и бѣдъ. Только искреннія сердца достойны назваться благочестивыми». — По омарову же совѣту, трубы іудеевъ и колокола или била, собиравшіе къ богослуженію христіанъ, замѣнены были иманомъ, который съ крыши мечети призываетъ могаммеданъ на молитву человѣческимъ голосомъ. За тѣмъ предписаны нѣкоторые посты, въ смыслѣ дней, особенно посвященныхъ развитію богобоязни; но ихъ дозволено замѣнять и другими днями по выбору, а кто не хотѣлъ поститься вообще, тотъ долженъ былъ за это кормить у себя какого-нибудь нищаго. Сначала о виноградѣ упоминается въ числѣ явныхъ даровъ милости божіей; потомъ Коранъ говоритъ, что вино и игра представляютъ и отраду и вмѣстѣ вредъ,

что такъ какъ они легко ведутъ ко грѣху, то лучше убѣгать ихъ. Положительно воспрещено только являться на службу божію въ пьяномъ видѣ, потому что надо понимать что́ говоришь съ Богомъ.

Безкорыстнаго гостепріимства Медины все-таки оказалось наконецъ недостаточно для содержанія бездомныхъ бѣглецовъ, изъ которыхъ только немногіе кормились собственной работой и торговлей. Тогда обратили они взоръ на караваны Мекканцевъ, которые, живя на полпути между складочными мѣстами юга и сѣвера Аравіи, обязаны были своимъ богатствомъ тому, что служили посредниками торговыхъ сношеній. Разбойный наѣздъ на мирныя племена былъ и безъ того въ воинственныхъ нравахъ Аравитянъ; храбрость подстрекала ихъ къ отважнымъ дѣламъ; пора терпѣнія исполнилась, и Могаммедъ дозволилъ выйдти на подвигъ. Богу не угодно, сказалъ онъ, чтобы его вѣрные оставались въ загонѣ; онъ крѣпокъ и дастъ силу тѣмъ, кто стоитъ за его дѣло. Послѣ того какъ караваны подвергались нѣсколько разъ хотя и безуспѣшной еще угрозѣ, Мекканцы для защиты ихъ вооружили отрядъ въ 950 человѣкъ съ 700 верблюдами и ста конями. Могаммедъ выступилъ противъ нихъ самъ (въ 624 г.). Приверженцы его изготовились къ рѣшительному бою, а многіе изъ значительныхъ Мекканцевъ между тѣмъ ушли, какъ скоро товары ихъ прослѣдовали благополучно. Могаммедане заняли колодезь Бедръ; Корейшиты двинулись напасть на нихъ, и завязалась битва, напоминающая гомеровскія пѣснопѣнія и арабскія народныя былины, — завязалась поединками отдѣльныхъ богатырей, вызывавшихъ другъ друга отвѣдать силы и ловкости и показать себя на славу въ виду обѣихъ дружинъ. Хамза и Али увѣнчались блестящими побѣдами; вдругъ Могаммедъ бросилъ тучу пыли въ глаза противникамъ, и тѣ, обезотваженные уже смертью передовыхъ своихъ бойцовъ, скоро обращены были въ бѣгство. Къ личному честолюбію, бившемуся изъ-за славы, изъ-за отличія быть потомъ воспѣтымъ на поэтическомъ состязаніи, у могаммеданъ присоединялась еще вдохновенная преданность одному общему имъ дѣлу; враги же напротивъ разногласили, каждая изъ чопорныхъ личностей хотѣла выказать самое себя и вести дѣло на свой ладъ; могаммедане въ вѣрѣ нашли связь, въ словѣ пророка — знамя, за которымъ они слѣдовали; заповѣдь его вела ихъ дружно, — оттого они и восторжествовали. Богъ, сказано въ Коранѣ, любитъ тѣхъ, кто, стоя на пути его, борется въ сомкнутыхъ рядахъ какъ крѣпкая твердыня.

Побѣдителямъ досталось въ добычу много оружія, коней, верблюдовъ и плѣнныхъ; да они же потомъ не иначе отпускали послѣднихъ какъ за значительные выкупы. Степной левъ отвѣдалъ крови; гонимые отмстили за себя вволю; побѣда ихъ явилась судомъ божіимъ, увѣтомъ идти далѣе впередъ и мечемъ распространять свою вѣру, да будетъ она господствующей. Пророкъ явился теперь не только судьей и руководителемъ въ дѣлахъ мира, но и вождемъ въ дѣлахъ войны. Вслѣдъ за гоненіемъ и бѣдами явились слава и мірское величіе. Могаммедъ сталъ вмѣстѣ основателемъ вѣры и учредителемъ государства; Арабы пришли, благодаря ему, къ единенію, и это сочетаніе духовнаго съ мірскимъ, религіознаго съ политическимъ придало быстрый разростъ его дѣлу. А сочетаніе такого рода лежало въ духѣ симитства, сохранившемъ въ Аравіи свѣжую свою молодость; вѣдь для него же и моисе-

евъ законъ облекъ уставы гражданскаго порядка авторитетомъ божественности. Смѣлыя, войнолюбивыя дѣти пустыни, ясно увидѣли передъ собой цѣль владычества, даруемаго Аллахомъ своимъ вѣрнымъ надъ невѣрными, и предприняли завоевательный походъ въ Азію, въ Африку, въ Европу; но все же они далеко отстали отъ того всемірнаго шага впередъ, какой ступилъ Христосъ, объявивъ Пилату: Царство мое не отъ міра сего. Этимъ вѣдь совершился раздѣлъ между вѣрою и правомъ, между религіозною и государственною общиной, который уже подготовляли Римляне; и только теперь государство могло сдѣлаться человѣчески-свободнымъ, тогда какъ на Востокѣ оно осталось въ узахъ өеократіи,—только теперь религія подлинно могла стать дѣломъ сердца, тогда какъ, связанная съ мірскими интересами, она всегда теряетъ свою чистоту. Могаммедъ сдѣлался побѣдоноснымъ главой своего народа, Іисусъ умеръ на крестѣ. Но зато онъ и остался чистъ, а Могаммедъ самъ признавалъ себя грѣшникомъ передъ чистѣйшимъ изъ чистыхъ. Въ Аравіи періодъ одного поколѣнія совмѣщаетъ въ себѣ то, что въ христіанскомъ мірѣ разлучено цѣлыми вѣками: первое провозвѣстіе религіи, какъ всеобщей истины, съ полной ясностью вдохновенья, среди страданій и преслѣдованій, потомъ—выдѣленіе ея отъ всѣхъ другихъ вѣръ, далѣе — то сочетаніе съ мірскими цѣлями, какое Константинъ совершилъ въ Римѣ, обращеніе мечомъ, подобное предпринятому Карломъ Великимъ, государственная церковь и церковное государство, подарки алчущимъ власти честолюбцамъ и кровавыя гоненія на иновѣрныхъ, какія императоръ и папы поднимали во славу божію много и много разъ. Этимъ-то и запятналъ себя, на нашъ взглядъ, характеръ Могаммеда; жизнь его не могла уже быть высшимъ нравственнымъ образцомъ, какъ жизнь Іисуса Христа. Онъ остался въ предѣлахъ своей національности, не сдѣлалъ ни чего, что причлось бы ему въ глазахъ современниковъ за оскорбленіе народнаго правообычая, за преступленье, но зато онъ и не поднялъ ихъ очищая до той высоты, какая проглядывала въ нѣкоторыхъ первоначальныхъ его изреченіяхъ. Онъ поступалъ точно такъ же, какъ дозволяли себѣ поступать и въ христіанскомъ мірѣ слишкомъ часто политики, когда изъ-за успѣховъ своего дѣла не чуждались иногда жестокихъ мѣръ и были неразборчивы на средства для достиженія своихъ цѣлей. Благородство личныхъ чувствъ, великодушіе, любовь къ сочеловѣкамъ смѣняются у него вдругъ разрѣшеніемъ убійствъ тамъ, гдѣ ихъ повидимому требуетъ польза его вѣрныхъ; онъ не предаетъ уже своего дѣла спокойно въ руки божіи, самъ единственно стараясь только облагородить и просвѣтить духъ; разъ отдавшись земной борьбѣ, онъ ведетъ ее по-арабски безъ оглядки и безпощадно. Враги вынудили его взяться за мечъ, и онъ не отложитъ его до тѣхъ поръ, пока весь сплошь народъ не признаетъ единаго Бога и его пророка. Для него уже мало того, что на ругательные стихи Мекканцевъ пишутся язвительные отвѣты его приверженцами, Хасаномъ, Кабомъ и Абдаллой, —нѣтъ, полоненный Надръ, дерзнувшій осмѣять Могаммеда у себя дома, долженъ быть изрубленъ на смерть, точно такъ же и горячій противникъ Ислама, Окба. Одинъ старый Іудей, чья заплачка по убитыхъ при Бедрѣ Мекканцахъ подстрекала пережившихъ ихъ родичей на продолженіе борьбы съ могаммеданами, былъ умерщвленъ по одному лишь слову пророка: Кто избавитъ меня отъ этого старика? Даже одна женщина,

слагавшая пѣсни въ осмѣяніе вѣрныхъ, поплатилась за это жизнію. По одному изъ своихъ приверженцевъ, котораго онъ обидѣлъ, Могаммедъ подставилъ собственное тѣло на отместный ударъ, и непріятелю, который, ставъ передъ нимъ съ обнаженнымъ мечемъ, заносчиво спросилъ: Кто теперь защититъ тебя? онъ отвѣчалъ: Аллахъ! вырвалъ у него мечъ, а его помиловалъ. Увидѣвъ, что сосѣдніе Іудеи, съ которыми постановленъ былъ уговоръ, затѣваютъ измѣну, онъ предупредилъ ихъ, объявилъ размирье и выгналъ, а оставшуюся послѣ нихъ землю и имущество роздалъ мекканскимъ бѣглецамъ. Вліяніе его было такъ велико, что онъ вообще распоряжался всей военной добычею; онъ велѣлъ дѣлить ее между воинами пóровну, но сберегать пятую часть ему для вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ. При завоеваніи чужихъ странъ, земля оставлялась за прежними владѣльцами, подъ условіемъ извѣстной дани, которою и содержался тамъ арабскій гарнизонъ.

Мекканцамъ пресѣчена была дорога на сѣверъ, жизненная артерія торговли перевязана; имъ оставалось смириться или продолжать войну, они вооружились снова, и при Оходѣ дошло до сраженія. Женщины били въ барабаны, и стихотворица Хиндъ пѣла пѣснь:

Дѣти утренней звѣзды, мы горимъ свѣтло какъ звѣзды,
Жемчуги вкругъ шей у насъ, мускусомъ пропитанъ волосъ.
Одолѣетъ кто врага, смѣло къ намъ иди въ объятья;
Кто жь бѣжитъ, тотъ ни теперь, да и ввѣкъ не встрѣтитъ ласки.

Но нападеніе Мекканцевъ уже трижды было отбито, и побѣда казалась вполнѣ обезпеченною Могаммеду, какъ вдругъ, вопреки его наказамъ, конники разсыпались по полю битвы на грабежъ, а Мекканцы между тѣмъ сомкнулись и наступили снова. Самъ пророкъ подвергся крайней опасности, былъ раненъ, думали даже что онъ убитъ. Если Могаммедъ и палъ, живъ Богъ! воскликнулъ тогда Омаръ и принялъ вызовъ непріятеля, черезъ годъ сойдтись опять у Бедра. Корейшиты воротились домой, не довершивъ своей побѣды. — Въ 625 году погибло мученической смертью 70 миссіонеровъ ислама, отъ вѣроломнаго нападенія языческихъ колѣнъ. Зато разбойные наѣзды доставили богатую добычу, и въ назначенный день явился къ Бедру Могаммедъ, а Мекканцы позорно измѣнили своему слову. Чтобы покончить дѣло рѣшительно, они готовились между тѣмъ осадить Медину. Особенно Іудеи натолковали противникамъ ислама, что имъ необходима тѣсная общая связь для искорененія новшества. Могаммедъ велѣлъ обвести Медину рвомъ на такомъ разстояніи, чтобы онъ охватывалъ еще и станъ за чертою городскихъ улицъ; онъ самъ помогалъ носить камни для укрѣпленія. Во время осады слышали какъ онъ молился Аллаху: Заклинаю тебя твоимъ завѣтомъ и обѣщаніемъ, помоги намъ; иначе никто не станетъ поклоняться тебѣ на землѣ! Потомъ онъ старался побудить часть осаждающихъ союзниковъ къ отступленію, обѣщавъ имъ треть всего финиковаго сбора. Услышавъ это, Осаидъ спросилъ, говоритъ ли онъ это по вдохновенію божію, или по человѣческому соображенью. По человѣческому соображенію, отвѣчалъ пророкъ. Въ такомъ случаѣ, сказалъ Осаидъ, повѣсти всѣмъ недругамъ общій приговоръ вѣрныхъ, что мы не предлагаемъ имъ ни чего, кромѣ меча. Осаждающіе между

тѣмъ не могли ровно ни чего сдѣлать съ своими верблюдами и конями; ихъ донимала безкормица. Напрасно одинъ Іудей подстрекалъ родичей своихъ въ городѣ поднять кличъ на битву; они бы и хотѣли этого, да очень осторожно, именно: требовали, чтобъ осаждающіе дали имъ заложниковъ въ томъ, что приспѣютъ къ нимъ на вѣрную и надежную помощь. Вслѣдъ за тѣмъ страшная буря вынудила непріятеля къ отступленію. Тогда Могаммедъ обратилъ оружіе на вѣроломныхъ Іудеевъ, которые защищались въ своей слободѣ; но у нихъ недостало мужества отстоять себя въ битвѣ, и они сдались. Чтобы показать примѣръ военносудной кары и устрашить враговъ нововѣрія, Могаммедъ велѣлъ избить всѣхъ мужщинъ и продать всѣхъ дѣтей и женщинъ, которые не обратятся. Мужщины твердо приняли смерть, не поколебавшись въ вѣрѣ отцовъ своихъ; но и могаммеданамъ дѣлаетъ честь то участіе, съ какимъ они повѣдали намъ смерть иновѣрцевъ: Шпренгеръ не надивится этому, какъ единственному въ исторіи примѣру *. Добыча была велика, особенно благодаря выкупу, какой вносили за оставшихся въ живыхъ окрестные Іудеи; она была подѣлена между вѣрными. Война запылала со всѣми ужасами и жестокостями, какія сопровождаютъ ее и до сихъ поръ, когда однажды разнузданы страсти; прогрессъ человѣчества обнаруживается въ одномъ, что теперь почитаютъ по крайней мѣрѣ безчеловѣчнымъ то, на что̀ прежде смотрѣли какъ на нѣчто самопонятное, напримѣръ на то, что измѣнившимъ ему Ораинитамъ Могаммедъ велѣлъ поотсѣчь руки и ноги и повыколоть глаза;—почти такъ же какъ 600 лѣтъ спустя поступали съ Альбигойцами во Франціи, уклонившимися отъ римской вѣры. Напротивъ одного Бедуина, нанятаго предательски убить его, онъ простилъ и обратилъ. Одна Іудейка изжарила для него ягненка; при первомъ же кускѣ Могаммедъ вскрикнулъ: Это ядъ! Она кинулась ему въ ноги и сказала, что узнаётъ по этому истиннаго пророка; съѣшь онъ жареное, она подумала бы, что месть ея пала на лжеца. Онъ тотчасъ же принялъ ее въ число вѣрныхъ. Онъ остался мягкосердеченъ и заливался горькими слезами при кончинѣ своихъ пріятелей или дѣтей. Но когда однажды смерть его ребенка вздумали поставить въ зависимость отъ солнечнаго затменія, онъ возсталъ противъ этого льстиваго суевѣрства и предпочелъ утѣшать себя надеждою на будущее свиданіе.

Весною 628-го года Могаммедъ рѣшился торжественно справить вмѣстѣ съ другими праздникъ богомольцевъ въ Меккѣ. Не смотря на уставленный о ту пору «божій миръ», Меккаицы отказали въ допускѣ и ему, и его приверженцамъ. Старѣйшее изъ преданій повѣствуетъ, что продолжительная засуха окончилась тогда благополучно дождемъ; разсказы послѣдующаго времени утверждаютъ, будто пустая совсѣмъ цистерна вкрай наполнилась влитою въ нее водой могаммедова омовенія, или будто освѣжительная влага потекла изъ его пальцевъ для цѣлыхъ тысячей. Такъ-какъ многія могущественныя племена склонились уважить желаніе пророка, то между нимъ

---

* А оно вѣдь между тѣмъ довольно естественно: только закоснѣлый догматизмъ, или упорное воспитаніе въ немъ долговременной привычкою, способны вытравить въ человѣкѣ прирожденное ему сочувствіе къ себѣ подобнымъ до того, что онъ относится наконецъ вполнѣ безчеловѣчно къ иновѣрцамъ. Прим. перев.

и Корейшитами состоялся договоръ, которымъ условлено десятилѣтнее перемиріе и обѣщанъ ему на слѣдующій годъ свободный допускъ къ святынямъ. Въ этотъ разъ принесъ онъ праздничную жертву на рубежѣ священнаго округа. По откровенія сулятъ ему уже навѣрное торжество ислама надъ всѣми другими культами. Миссіонеры пророка сновали тамъ и сямъ, и цѣлыя племена присылали просить его о заключеніи религіозныхъ и вспомогательныхъ союзовъ; вездѣ было у него по крайней мѣрѣ нѣсколько приверженцевъ, ставившихъ вѣру даже выше всѣхъ семейныхъ узъ. Гонцы съ грамотами отъ него разосланы были не только къ сосѣднимъ государямъ Сиріи, Абиссиніи, Персіи, Египта, но и къ византійскому императору Праклію, чтобы требовать отъ нихъ обращенія къ исламу. Онъ не хотѣлъ для себя ни какой дальнѣйшей власти, лишь бы только, подобно ему, они не поклонялись ни какому иному Богу, кромѣ единаго, Господа, общаго всѣмъ на свѣтѣ людямъ, и не присоединяли къ нему ни какого другого существа; за тѣмъ онъ приглашалъ ихъ взаимно признавать другъ друга вѣрными. Къ Арабамъ онъ писалъ: Увѣруйте, и вы безопасны. Искатели приключеній, удальцы собирались къ нему сотнями; подарками пріобрѣтались и вознаграждались заявленія преданности отъ бедуинскихъ шейховъ; противники, отвергавшіе его проповѣдь, сами сдѣлали его завоевателемъ. Походы простирались далѣе и далѣе; Амуръ и Халійдъ бенъ-Валидъ начали геройское свое поприще блистательными военными дѣлами. Въ 630-мъ г. взята Мекка

Вопреки перемирію нѣкоторые Корейшиты приняли участіе въ одной барантѣ противъ могаммедовыхъ союзниковъ; онъ отказался возобновить нарушенный договоръ, вооружилъ большое войско, сталъ подъ Меккою лагеремъ и убѣдилъ высланнаго оттуда переговорщика, что городу лучше будетъ покориться, такъ-какъ онъ обѣщаетъ миръ всѣмъ, кто спокойно разойдется по домамъ. Не многіе помышляли о сопротивленіи. Когда предводитель Мединцевъ вздумалъ было громко заликовать: насталъ наконецъ день кровавый! пророкъ тотчасъ велѣлъ отнять у него знамя; онъ наказалъ по возможности щадить противниковъ, и при вступленіи въ городъ дошло мѣстами лишь до нѣсколькихъ ничтожныхъ перестрѣлокъ. Могаммедъ семь разъ объѣхалъ Каабу, велѣлъ отпереть ворота и истребить всѣ образа, на которые молились Корейшиты, а также и изображеніе Авраама, гадающаго судьбу на стрѣлахъ. «Какая связь между нашимъ праотцемъ и суевѣріемъ!» воскликнулъ онъ. Потомъ сталъ бить своей тростью по множеству идоловъ, торчавшихъ на вершинѣ Каабы; все это были обѣтные дары язычниковъ, въ числѣ 360-ти. При этомъ онъ говорилъ: «Пришла истина, отнимется сила у заблужденія и лжи!» Всѣ кумиры разбиты были въ дребезги. Безмолвно смотрѣли на это Корейшиты; тогда повелъ рѣчь пророкъ: «Мнѣ ли желать иного Господа опричь Аллаха, когда онъ—Господь всему сущему, когда ни одинъ человѣкъ не можетъ сдѣлать ни чего такого, за что бы не отвѣтилъ онъ же самъ, и когда ни кто не понесетъ на себѣ чужой ноши? Молитва моя, моя жизнь и смерть, все посвящено Аллаху. Нѣтъ ему подобнаго. Вотъ данная мнѣ заповѣдь, а я такой же человѣкъ какъ и вы, вполнѣ преданный Богу. Аллахъ сдержалъ мнѣ свое слово. Ну и вы теперь отложите свое язычество и свою гордость, будетъ вамъ кичиться предками. Всѣ мы отъ Адама, а онъ сотворенъ изъ персти. Всѣ люди должны быть братья-

ми одной семьи, это цѣль нашего существованія. Всѣ мы рождены равными. Высшій изъ насъ передъ Богомъ тотъ, кто всѣхъ лучше ему служитъ».— Мекканцы заявили Могаммеду покорность, поклявшись чтить одного Аллаха и соблюдать его нравственныя заповѣди. Пророкъ охотно простилъ и предалъ забвенію все прошлое; тутъ политика шла объруку съ великодушіемъ его чувствъ. Мединцы опасались, не остался бы онъ теперь въ родномъ городѣ; но, будучи имъ такъ много обязанъ, онъ поспѣшилъ успокоить ихъ: «гдѣ вы живете и умираете, тамъ буду жить, тамъ умру и я».

Амуру и Халійду поручено было истребленіе кумировъ въ окрестностяхъ. Новые ратные походы принесли свободу рабамъ, пристававшимъ къ могаммедову знамени, и сверхъ-того богатую добычу. Покоренныя или присоюженныя племена признавали только ученіе, что Богъ единъ и Могаммедъ—пророкъ его, они платили ему десятину въ видѣ налога для бѣдныхъ, но всѣ внутреннія дѣла свои вѣдали сами; намѣстники посылались къ нимъ не столько для управленія, сколько для надзора совмѣстно съ ихъ собственными начальствами. Разбойничьи набѣги допускались теперь только на невѣрныхъ, и съ нихъ пятая часть добычи шла пророку, употреблявшему ее на выкупъ вѣрныхъ изъ неволи, на вознагражденіе пострадавшихъ, на расположеніе могущественныхъ людей къ исламу подарками. Онъ велѣлъ покинуть кровомщеніе *, а для рѣшенія споровъ учредилъ судей, которыхъ приговоры государство поддерживало своей силою. Родовыя усобицы прекращались съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ враждебныя племена признавали Аллаха и присоединялись къ могаммедовымъ послѣдователямъ; у Арабовъ водворился внутренній миръ, народъ сталъ чувствовать себя единымъ цѣлымъ, подъ знаменемъ пророка собрались разрозненныя его силы; мѣсто родовыхъ усобицъ заступила борьба за вѣру съ иноземцами, и передъ любой отдѣльной личностью раскрылось широкое поле для подвиговъ духа и меча. Поэты, которые съ давнихъ поръ часто обращали слово противъ Могаммеда, превозносили въ немъ теперь народнаго героя, соединяющаго въ себѣ лучшія добродѣтели Арабовъ, мужество и кротость. Добровольно покорявшіяся ему племена обыкновенно отправляли къ нему пѣвцовъ при посольствѣ, которые восхваляли славу своихъ родичей и блестящіе подвиги вѣрныхъ. У Могаммеда были свои стихотворцы, отвѣчавшіе на ихъ привѣтъ; онъ зналъ чарующую силу художественной рѣчи. Онъ бросилъ свой собственный плащъ тому пѣвцу, который при одномъ изъ подобныхъ состязаній сказалъ объ немъ:

Пророкъ—это пламенникъ, зажженный въ просвѣщенье всему міру,
Это мечъ, обнаженный Богомъ на пораженіе несправедливости!

Вначалѣ 631-го года онъ былъ уже главою всей Аравіи. Христіанскія общины того края платили налогъ, пользуясь за то безпрепятственнымъ отправленіемъ вѣры и полной свободою въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Въ Іеменѣ проповѣдывалъ единаго духовнаго Бога Мосейлама, человѣкъ съ строго-сдержаннымъ взглядомъ на жизненныя отношенія; онъ не хотѣлъ спорить изъ-

---

* Которое впрочемъ еще и донынѣ не искоренилось у правовѣрныхъ.

за второстепенныхъ вещей, и желалъ одного, чтобы ему предоставлены были благодатные края юга. Могаммедъ отвѣчалъ на это уклончиво: «Благо идущему путемъ правымъ! Земля—Господня; онъ дастъ ее, кому соблаговолитъ». Только уже по смерти Могаммеда Абубекръ водворилъ въ Іеменѣ господство ислама.

Али поручено было оповѣстить на весеннемъ праздникѣ въ Меккѣ, что отнынѣ ни одинъ идолопоклонникъ не долженъ участвовать въ этомъ торжествѣ, что договоры съ язычниками болѣе возобновлены не будутъ, а съ кѣмъ изъ нихъ договоровъ не существовало и прежде, тѣмъ по истеченіи священныхъ мѣсяцевъ (мира) объявлена будетъ война. Въ Коранѣ сказано: «Нападайте на нихъ! Богу угодно покарать ихъ черезъ васъ войною,—ихъ смирить, а васъ вознести побѣдой, истребить злобу сердецъ ихъ, а душѣ вѣрныхъ даровать спасеніе. Вы будете биться подъ щитомъ ангела, это вѣрно, и кто сражается, заслужитъ себѣ этимъ рай!» Но война оказалась уже не нужною. Язычники не хотѣли только сами ниспровергнуть своихъ кумировъ, но скоро убѣждались въ ихъ немощи, видя какъ легко истребляютъ ихъ могаммедане. Одинъ Такійфитъ, Орва́, обратился самъ и отправился къ своимъ на проповѣдь. Онъ выступилъ съ привѣтомъ: миръ вамъ! и съ крыши своего дома призывалъ народъ на молитву. Когда онъ сталъ проповѣдывать передъ собраніемъ, его поразила стрѣла. Друзья его хотѣли взяться за оружіе. Онъ запретилъ имъ: «Я охотно умираю за вѣру, да будетъ кровь моя жертвой примиренія!» Такъ оно и было. Могаммедъ уподоблялъ его Іисусу Христу. Въ переговорахъ съ христіанскими Награнитами называетъ онъ Христа пророкомъ, котораго Богъ надѣлилъ чудеснымъ даромъ исцѣлять больныхъ и воскрешать мертвыхъ; и, слѣдуя сказаніямъ апокрифныхъ евангелій, онъ говоритъ: Іисусъ вылѣпилъ птицу изъ глины, дунулъ въ нее, и она тотчасъ ожила. На ряду съ такими знаменіями ставитъ Могаммедъ свои побѣды; онѣ даны Аллахомъ въ свидѣтельство его призванія. Но вполнѣ приравнивать Аллаху не слѣдуетъ ни какого существа, ни Христа, ни Могаммеда. Іисусъ, полагаетъ онъ, былъ высокій и истинный пророкъ, а потому не могъ допустить того кощунства, чтобы его самого почитали Богомъ. Авраамъ, не іудей, да также и не христіанинъ, а ханійфъ, долженъ быть всего ближе правовѣрнымъ. Прозваніе «мослемъ», прежде общее всѣмъ единобожникамъ, было теперь пріурочено могаммеданамъ, такъ-какъ іудеи и христіане порѣшили держаться отъ нихъ всторонѣ.

Коранъ, въ видѣ божескихъ наказовъ человѣчеству, былъ изложенъ при различныхъ случаяхъ. Отдѣльныя откровенія внесены въ него вопервыхъ такъ, какъ высказывалъ ихъ Могаммедъ въ изступленномъ состояніи, а потомъ и въ осмысленной, художественно обработанной уже формѣ; незапные взрывы обуреваемой души чередуются здѣсь съ болѣе продолжительными изліяньями и съ рядомъ спокойныхъ размышленій. Повѣствованія, вродѣ разсказовъ объ Іосифѣ, о Моисеѣ, носятъ на себѣ характеръ народныхъ балладъ; изреченія отзываются чѣмъ-то прорицалищнымъ, они хватаютъ слушателя за сердце и погружаютъ въ глубокую думу. Въ мекканскій періодъ языкъ Корана мелодиченъ, хотя и безъ опредѣленнаго стихоразмѣра; одно предложеніе смыкается съ другимъ благозвучными на концѣ риѳмами.

Весь способъ изложенія, особенно при его новизнѣ, долженъ былъ имѣть для Арабовъ своеобразную прелесть. По мысли Могаммеда, откровенія предназначены жить въ сердцахъ людей; дѣло, какъ онъ объяснялъ, заключается не столько въ словахъ, сколько въ томъ чтобы вѣрно соблюдать смыслъ ихъ. Но когда откровеній накопилось много, ученики стали записывать для себя на память то, что казалось имъ особенно примѣчательнымъ. Въ Меккѣ не было однако еще и рѣчи о такомъ религіозномъ сборникѣ, какъ Коранъ. Со времени могаммедова бѣгства въ Медину мѣняется характеръ его изреченій; они теряютъ отчасти прежнее пареніе и поэтическую красоту, относятся болѣе къ событіямъ настоящаго, содержатъ въ себѣ уставы и правила гражданской жизни, указанія и увѣты, какъ вѣрующимъ смотрѣть на событія, какъ имъ понимать божественный промыслъ въ исторіи. Могаммедъ теперь обыкновенно уже диктовалъ свои наказы. Когда онъ умеръ, записи остались въ безпорядкѣ на лоскуткахъ кожи, на аспидныхъ доскахъ, на пальмовыхъ листьяхъ, на верблюжьихъ и бараньихъ лопаткахъ. Заидъ собралъ ихъ вмѣстѣ и распредѣлилъ какъ слѣдуетъ; Омаръ приглашалъ вѣрныхъ сообщить для дополненія и сравненья все, что̀ кому было извѣстно. Что будто ежегодно, въ мѣсяцъ рамаданъ, Могаммедъ при помощи ангела Гавріила провѣрялъ Коранъ съ небеснымъ его подлинникомъ, это разумѣется вымыселъ, которымъ позднѣйшіе богословы придумали устранить всякое сомнѣніе относительно нѣкоторыхъ мѣстъ священной книги. «Стиль Корана, говоритъ Гёте, сообразно его содержанію величественъ, строгъ, грозенъ, мѣстами истинно-возвышенъ; клинъ выбивается здѣсь клиномъ, а «потому и не удивительно, что книга эта произвела такое великое дѣйствіе».

Къ Корану примыкаетъ Сунна, то-есть, буквально,—обычай, преданіе: тутъ собраны были извѣстія о рѣчахъ и дѣлахъ пророка и его близкихъ; все, что̀ подкрѣплялось надежнымъ свидѣтельствомъ, вошло сюда. Восточному человѣку нужны были наглядные примѣры и образцы для разныхъ житейскихъ положеній; ему хотѣлось знать какъ лучше ѣсть, пить и одѣваться: поэтому записанъ былъ въ видѣ руководства цѣлый образъ жизни пророка и его наперсниковъ. Знать все это не было дѣломъ одного священства, а общенароднымъ достояніемъ. Въ изложеніи могаммедова ученія я нарочно держался только подлинныхъ словъ Корана; но картину духа его можно теперь дополнить и рядомъ изреченій изъ Сунны. Тамъ сказано, что человѣку принадлежитъ собственно только то, что̀ онъ добылъ своей личной дѣятельностью. Тѣло его старѣетъ, но сердце, надежда и любовь всегда молоды. Тотъ не истинно правовѣренъ, кто любитъ братьевъ меньше своей собственной души. Предписывается навѣщать больныхъ, освобождать невольниковъ, кормить голодныхъ, охотно прощать обиды и не выставлять хвастливо своихъ добрыхъ дѣлъ. Мы должны любить людей, какъ любитъ ихъ всеблагой Богъ; изо ста частей любви осталось при немъ девяносто девять, а одна сотая доля низошла на землю и наполняетъ собой всю тварь: оттого и животныя матерински лелѣютъ дѣтенышей, оттого человѣкъ обязанъ дѣлать добро и имъ. Людямъ заповѣданы взаимное состраданіе и уживчивость. Не болѣе трехъ дней должна длиться ссора, и кто первый поклонится тогда другому, тотъ и лучше; когда двое вѣрныхъ примирятся между собою, всѣ грѣхи спадутъ съ нихъ какъ блеклыя листья съ дерева. О благодати божіей

сказано, что человѣкъ спасется ею, останься въ немъ хоть зернышко добра для зарожденія новой жизни, послѣ того какъ вся накипь зла прогоритъ на немъ адскимъ пламенемъ. Умѣть переносить лишенія, безропотно терпѣть бѣды, конечно, великая заслуга; но не меньше ея и въ томъ, чтобы умѣть наслаждаться счастіемъ и быть за него благодарнымъ небу. Мечу отдается весь подобающій почетъ: къ числу вещей, доказывающихъ могущество Аллаха, смѣло относите и булатъ, данный въ оружіе и оборону истинно-божескому ученію. Но на ряду съ этимъ похваляется также наука: учащіе ей, жаждущіе ея—люди божіи, и кто славитъ ее, тотъ славитъ всевѣдущаго Господа. Учить и учиться все равно что молиться и соблюдать постъ. Наука смягчаетъ лютыя сердца и возвышаетъ благородныя. Вотъ наконецъ еще одно изреченіе, на которое я сошлюсь въ опору своему взгляду на пророка: тотъ не лжецъ, чьи слова благотворно дѣйствуютъ на человѣчество.

Могаммедъ, ставши главою своего народа, жилъ попрежнему въ мазанкѣ; онъ и тутъ питался только финиками, хлѣбомъ и молокомъ; онъ самъ чинилъ себѣ плащъ и обувь; онъ не превозносился и не облекался въ таинственность; былъ не только доступенъ, но и готовъ на помощь каждому и дѣломъ и совѣтомъ. Скажемъ вмѣстѣ съ Шерромъ: что любовь къ людямъ была основною чертой могаммедова характера, въ этомъ могутъ усомниться только тѣ, кто не знаетъ или не хочетъ знать, что онъ положилъ себѣ правиломъ величайшую умѣренность въ образѣ жизни именно для того, чтобы вполнѣ отдаваться постоянно одушевлявшей его наклонности къ благотворенію. Онъ любилъ однакожь безобидно подшутить; и былъ столько же доступенъ и снисходителенъ къ людямъ, сколько полонъ сostраданія къ животнымъ. Разъ одна старушка обратилась къ нему съ просьбою помолиться за нее, чтобы ей попасть въ рай; онъ отвѣчалъ: въ раю не бывать ни одной старухѣ! Когда же она при этомъ заплакала, онъ успокоилъ ее съ улыбкою, указавъ ей на одно мѣсто въ Коранѣ, гдѣ сказано, что всѣ люди воскреснутъ и будутъ потомъ жить въ полной красѣ и силѣ юности.

Одна тѣнь падаетъ на домашнюю его жизнь въ глазахъ Европейца. Смолоду онъ отличался чистотою нравовъ, и какъ самъ онъ, пока жива была Хадиджа, довольствовался въ жены ею одной и оставался вѣрно ей преданнымъ, такъ и другихъ увѣщевалъ къ единобрачію, не запрещая впрочемъ многоженства; напротивъ онъ разрѣшилъ имѣть четырехъ женъ, а самъ держалъ ихъ потомъ и болѣе. Шпренгеру, какъ истому врачу, подало это поводъ предположить въ немъ на старости болѣзненную наклонность къ сладострастію. Но съ другой стороны очевидно, что онъ заключилъ не одинъ новый бракъ только для того, чтобы породниться съ чужими племенами, такъ что и здѣсь примѣсь мірскихъ интересовъ мутитъ чистоту его пророческаго призванія; случалось иногда, что доставшихся ему въ добычу красивыхъ женщинъ онъ обмѣнивалъ на полонянниковъ, или же предоставлялъ въ жены друзьямъ. Многоженство затянуло его разумѣется въ сѣть ревнивыхъ козней и мелочныхъ дрязговъ гарема, и иныя относящіяся къ этому мѣста Корана производятъ на насъ отвратительное впечатлѣніе. Двѣ вещи, по его словамъ, всего больше услаждаютъ его на землѣ, — женщины и благовонія; но чистое счастіе, говоритъ онъ, даетъ ему только одна молитва.

Іисусъ умеръ на крестѣ, общественная жизнь Могаммеда заключилась побѣднымъ торжествомъ, въ которое, весною 632-года, обращенъ былъ стародавній народный праздникъ богомольцевъ въ Меккѣ. Собственное настроеніе его по этому случаю высказывается въ слѣдующихъ стихахъ Корана: «Конецъ страданіямъ и войнѣ, настали торжество и побѣда! Толпами спѣшатъ сюда и становятся въ освященный кругъ жители Аравіи. Возблагодари же громкозвучною хвалой того, кто одинъ великъ и мощенъ, и отнюдь не превозносись самъ, но напротивъ молись еще съ бо́льшимъ жаромъ, да проститъ онъ тебѣ твои согрѣшенія»! Аравія преклонилась передъ пророкомъ, какъ передъ вождемъ своимъ; изреченія Корана опредѣляли вѣру, нравы, гражданскій порядокъ и явились общепризнаннымъ уставомъ въ духовныхъ и въ мірскихъ дѣлахъ. Могаммедъ предчувствовалъ свой близкій конецъ, и хотѣлъ увѣнчать жизнь свою священнымъ торжествомъ ислама. Какъ бы на прощаніе говорилъ онъ собравшемуся народу: «Будьте человѣчны и справедливы между собою. Да будутъ жизнь и достояніе каждаго изъ васъ священны другому, какъ священъ этотъ день. Богъ вашъ призоветъ васъ нѣкогда къ отвѣту. Да не будетъ между вами ростовщичества; но каждый да выплачиваетъ заимодавцу сполна что̀ занялъ. Да не будетъ между отдѣльными родами кровомщенія, какъ въ языческія времена. Мужья и жены, любите другъ друга, и не пятнайте брачнаго ложа невѣрностью. По смерти мужа или отца да наслѣдуютъ часть свою жены и дочери. Вслушайтесь въ слова мои и запомните ихъ себѣ, что всѣ вѣрные — братья между собою и должны жить побратски». Взаключеніе онъ воскликнулъ: «Боже, исполнилъ ли я свое призваніе»? Въ отвѣтъ раздалось тысячеголосное Да! «Боже, вонми этому свидѣтельству»! закончилъ пророкъ. Тогда умертвилъ онъ приведенныхъ на мѣсто верблюдовъ, другіе богомольцы сдѣлали то же; отъ каждаго верблюда отрѣзали по кусочку для одного общаго яства; пророкъ самъ отвѣдалъ его, а потомъ оно было роздано другимъ. Остаткомъ убитыхъ животныхъ воспользовались бѣдные. Могаммедъ былъ тутъ окончательно признанъ верховнымъ главою, кровомщеніе и баранта торжественно отмѣнены; царство подѣлено на области, учреждены намѣстники и сборщики налоговъ. Мятежъ, вспыхнувшій противъ этого въ Наградѣ, потушили еще до кончины пророка. Взоръ его простерся теперь за предѣлы отечества, онъ сталъ призывать и готовиться къ войнѣ на Византію. Тутъ пристала къ нему лихорадка, съ нѣкоторыми перерывами постоянно возвращавшаяся опять. Онъ посѣтилъ мѣсто погребенія усопшихъ, и сказалъ: «Благо вамъ, гробожители! Спите мирно, свободные отъ испытаній, предстоящихъ еще вашимъ братьямъ. Да будетъ благодать Аллаха вѣчнымъ удѣломъ вашихъ душъ!» — Съ тѣхъ поръ лихорадка уже и не покидала его. «Мнѣ предоставленъ выборъ между сокровищами свѣта и райскими радостями, говорилъ онъ своимъ женамъ: я ужь выбралъ. Разлука наша близка; оставайтесь вѣрны нашему богу. Молитесь за меня. Миръ вамъ и всѣмъ моимъ людямъ, всѣмъ, кто и на будущее время поживетъ въ вѣрѣ истинной». Опираясь на Али, пришелъ онъ еще разъ въ мечеть. Мусульмане, сказалъ онъ, ударилъ я кого, — подставляю ему свою спину; обидѣлъ я кого, — пусть отплатитъ онъ мнѣ тѣмъ же; отнялъ я у кого добро, — возьми онъ его назадъ! — О, еслибъ намъ сохранить тебя, хотя бы цѣною своей жизни! воскликнулъ Абубекръ. Воро-

тясь домой, Могаммедъ искупался въ свѣжей водѣ и тѣмъ еще усилилъ болѣзнь свою. Наутро явился онъ еще разъ передъ своей мазанкой, съ свѣтлымъ лицомъ и твердымъ голосомъ говорилъ онъ о предстоящихъ его приверженцамъ борьбахъ и буряхъ, и увѣщевалъ ихъ крѣпко держаться Корана. Потомъ зашелъ въ хижину Айише, и тамъ рука его оледенѣла въ ея рукѣ. Ни народъ, ни самъ Абубекръ не хотѣли вѣрить, чтобы онъ могъ умереть, что онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ, пока Омаръ не напомнилъ имъ собственныхъ словъ пророка: Могаммедъ — смертный человѣкъ, получившій только призваніе отъ Бога.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА АРАБОВЪ ПОСЛѢ МОГАММЕДА.

Два факта по смерти Могаммеда свидѣтельствуютъ о его величіи и степени его могучаго вліянья: Ревнивое чувство индивидуальной самобытности грозило снова расторгнуть только-что установившуюся связь племенъ, какъ скоро не стало духовнаго главы, которому всѣ подчинялись; но, не смотря на опасное это положеніе, преемникъ пророка, Абубекръ, все-таки не посмѣлъ отказаться отъ предрѣшеннаго имъ похода въ Сирію: не льзя было и подумать о неисполненіи того, чего хотѣлъ Могаммедъ. Тогда какъ единеніе поддерживалось военачальниками на полѣ брани, Абубекръ собралъ откровенія Могаммеда въ одинъ Коранъ, т.-е. въ одну «книгу», и послѣдняя сдѣлалась религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ уставомъ ислама. Разсудительному человѣку наслѣдовалъ черезъ нѣсколько лѣтъ истый богатырь, и передъ мечемъ Омара въ короткое время пали Персія и Египетъ. Не вымерло еще второе послѣ пророка поколѣніе, какъ Арабы водрузили уже полумѣсяцъ на Гангѣ и на Кавказѣ, а Окба на западномъ берегу Африки въѣхалъ въ Атлантическій океанъ такъ далеко, какъ только могъ занесть его борзый конь, и призывалъ Бога въ свидѣтели, что достигъ уже крайнихъ земныхъ предѣловъ. Передъ догматами и уставами Византіи, съ одной стороны, и индійскихъ жрецовъ, съ другой, могаммедово слово являлось простому смыслу яснымъ ученіемъ, а простому сердцу заповѣдью легкою и благотворной. Христіанство того времени выродилось уже въ цѣлый рядъ богословскихъ тонкостей, въ сектаторскую ненависть, въ человѣкообожаніе, въ служеніе образамъ и въ почитаніе мощей; тогда какъ въ свою очередь буддизмъ съумѣлъ опредѣлить вѣчное и божественное только отрицательно, какъ спокойное единство иного міра, не имѣющее ни чего общаго съ многоразличіемъ и тревогой земного бытія. Провозвѣстіе единаго духовнаго Бога, преданія себя въ святую волю его, и райскаго блаженства, достижимаго только нравственною жизнію, было въ полномъ своемъ правѣ, и сохранитъ за собой это право до тѣхъ поръ, пока

выработается и укоренится христіанство чистаго разума, и пока исламъ не дополнится изъ него тѣмъ, что̀ уже весьма рано привилось къ семитству съ арійской стороны изъ Персіи и Индіи,— то-есть имманенціей, сознаніемъ что въ Богѣ мы живемъ, движемся и дышемъ, что всякая жизнь есть новое откровеніе его сущности, что онъ не только царитъ надъ міромъ въ своемъ преестественномъ единствѣ, но и раскрываетъ обиліе собственной своей природы во всемъ, возвращая въ себя это все вѣчно-искупительнымъ процессомъ. Вполнѣ отрѣшенный отъ насъ, Аллахъ можетъ возвѣщать намъ законъ свой и свою истину только въ видѣ внѣшней заповѣди; законъ этотъ не можетъ быть развитъ изъ глубины человѣческаго нутра̀, человѣкъ не пріобрѣтаетъ имъ чувства дѣтскихъ отношеній къ Богу, онъ остается только рабомъ его: вотъ отчего въ могаммеданской философіи нѣтъ вовсе того, что составляетъ именно средоточіе и мѣроположное начало христіанской, у Августина, у Якова Бёме, у Канта и въ нашихъ нынѣшнихъ стремленіяхъ, — нѣтъ однимъ словомъ этики, то-есть нравственности и одушевленія ея въ мировую цѣль, въ высшую норму жизни; а потому свобода скоро извратилась тамъ въ фанатизмъ, все безусловно предопредѣляющая судьба божія стала и началомъ и концомъ премудрости. Но исламъ былъ потомъ правъ и передъ индійскимъ кастовымъ устройствомъ и передъ феодализмомъ Европы съ той еще стороны, что налегалъ на равенство и братство всѣхъ вѣрующихъ, призывалъ всѣхъ людей къ спасенію путемъ правой вѣры, проводилъ то истинно-человѣчное правило, что каждый можетъ достичь всякаго положенія въ обществѣ и что въ государствѣ должна царить справедливость. Борьба могаммеданскаго міра съ христіано-германскимъ была движущимъ началомъ средне-вѣковой исторіи, конецъ ея ознаменовался паденіемъ Гранады на Западѣ, и Константинополя на Востокѣ; но гражданамъ Вѣны пришлось еще въ исходѣ 17-го вѣка обороняться отъ Турковъ, и только теперь, когда человѣчное начало равенства и братства одушевляетъ европейское общество, Арійцы становятся побѣдителями и опережаютъ Востокъ какъ въ политикѣ, такъ и въ культурѣ, чтобы, дѣйствуя разомъ изъ Европы и изъ Америки, вести человѣчество къ образованію и къ свободѣ.

Міръ принадлежитъ Богу, и онъ даетъ его въ наслѣдіе храброму, онъ даруетъ вѣрнымъ господство надъ невѣрными, — вотъ лозунгъ, съ какимъ Арабы вступили на всемірноисторическое свое поприще; имъ воспламенялись ихъ энергія, ихъ мужество въ напастяхъ, и полные упованія бросались они на вѣрную смерть, зная что подъ тѣнію мечей и конѣй лежитъ рай и что прямо къ Аллаху идетъ тотъ, кто погибъ на его службѣ. Когда сыны степей и пустынь устремляются на чужбину въ другихъ случаяхъ, они способны только раззорять, и много-много если содѣйствуютъ общей культурѣ тѣмъ, что сразу ниспровергнутъ или сметутъ оболочку прогнившаго уже быта; но здѣсь свѣжая и освѣжительная народная волна приливала вмѣстѣ съ духовнымъ содержаніемъ: Арабы распространились среди прочихъ племенъ Востока не физически только, благодаря непочатой еще силѣ и здоровью, — они были въ то же время и носителями восторженно-одушевляющей идеи;— вотъ что доставило имъ ни чѣмъ не одолимую побѣду, истинно изумительный успѣхъ, единственное положеніе и значенье во всемірной исторіи. Въ Европѣ двумъ разнымъ силамъ суждено было окончательно ниспровергнуть

древность и основать совершенно новый бытъ: Христіанство и свѣжіе народы, — Славяне, Кельты, Германцы, — явились сперва независимо другъ отъ друга, и потому для сближенія ихъ между собою потребовался въ Средніе Вѣка длинный посредствующій процессъ; тогда какъ у Арабовъ духовный и вещественный элементъ выступили вмѣстѣ изначала, душою народа была религія. Но поэтому-то именно было для нихъ такъ трудно, даже просто невозможно, ясно порознить духовное съ мірскимъ, освятить религіей и примирить съ вѣчнымъ глубину внутренняго чувства, а съ другой стороны урядить на человѣчески свободныхъ основаніяхъ весь внѣшній бытъ, государственность, и породить искусство и науку, самостоятельныя до той степени, чтобы, не завися ни отъ церковныхъ, ни отъ политическихъ уставовъ, они тѣмъ не менѣе отдавали должное и споспѣшествовали какъ религіи, такъ и гражданскому обществу. Өеократія — вѣчное наслѣдіе симитства; Греки, Римляне, Германцы строили человѣчески-свободное народное государство; христіанство привходитъ сюда для того, чтобы освятить нравственный и правомѣрный порядокъ жизни, какъ богоугодный, но все-таки осуществимый только нашею же свободною дѣятельностью. А для Арабовъ, для могаммеданъ, право не есть выраженіе народной воли, развивающейся сообразно нравственной природѣ человѣчества, но данный разъ навсегда уставъ свыше, заповѣдь божія; разъ навсегда заключена въ Коранѣ буквально и цѣликомъ полная истина относительно всѣхъ высшихъ душевныхъ интересовъ, относительно всѣхъ любопытнѣйшихъ и необходимѣйшихъ цѣлей познанія: поэтому всякое новшество въ законѣ, въ ученіи, считается заблужденіемъ, а заблужденіе — прямая дорога въ адъ. Что́ вначалѣ придавало Арабамъ большую увѣренность и подымало ихъ въ высшую сферу, то съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи обратилось въ стѣснительный предѣлъ, за который они шагнутъ развѣ только силой арабскаго своего духа. Въ ту пору разростъ могущества этого народа правда особенно ускорился тѣмъ, что вся власть была сосредоточена въ рукѣ пророка и его преемниковъ, что они соединяли царскій и первосвященническій авторитетъ въ своемъ лицѣ; но впослѣдствіи өеократическое это начало сдѣлалось помѣхой для вполнѣ свободнаго развитія какъ свѣтской жизни, такъ и духовной: здѣсь главная причина того, что сначала опередившіе насъ могаммеданскіе народы впослѣдствіи далеко отстали въ культурѣ и нуждаются теперь въ коренномъ преобразованіи. Коль скоро въ которомъ-нибудь одномъ изъ двухъ слившихся элементовъ, въ религіозномъ или въ національномъ, наступало ослабленіе напряженной силы, оно тотчасъ же отзывалось гораздо вредоноснѣе на цѣломъ, нежели въ томъ случаѣ, еслибъ каждый изъ нихъ имѣлъ свой собственный корень и свою почву.

Арабское міровладычество заключалось однакожъ въ приведеніи западной Азіи, сѣверной Африки и западной Европы болѣе къ единству религіи, образованія, правовъ и воззрѣній на жизнь, къ соглашенію въ общихъ дѣлахъ, нежели къ одинаковости частныхъ государственныхъ установленій. Съ тою же безформицей, какой держались они въ степи, Арабы хлынули и въ исторію; въ вѣковомъ побѣдномъ шествіи они только освѣжали другія племена своей личностью и самороднымъ своимъ бытомъ, не разрушая у нихъ порядковъ ведшихся изстари и не навязывая имъ новыхъ; оттого вскорѣ потомъ и выдѣлились опять изъ общаго состава ихъ завоеваній разные края въ особыя

политическія группы, съ бо́льшею или мѐньшею самостоятельностью. Исламъ не предполагалъ условіемъ для себя ни какой опредѣленной государственной формы; деспотизмъ, выросшій изъ патріархальныхъ отношеній Востока, былъ смягченъ такими въ Коранѣ заповѣдями, которыя подчиняли и властителя праворѣшеніямъ пророка, призывали и царя на судъ Аллаха, гдѣ онъ былъ совершенно равенъ своимъ подданнымъ. Арабскій языкъ на Востокѣ, какъ латинскій на Западѣ, долго служилъ связью между народами, былъ посредникомъ и носителемъ общей имъ всѣмъ культуры.

Тѣ отличные люди, которые, вдохновившись Могаммедомъ, пристали къ нему еще въ дни испытаній и бѣдъ, а потомъ сдѣлались его преемниками, — Абубекръ, Омаръ и левъ сердцемъ, но полный любви, Али, котораго пророкъ называлъ себѣ братомъ и въ этой жизни, и въ будущей, — всѣ они держались его простоты. Императоръ Ираклій спрашивалъ плѣнныхъ, не хотѣвшихъ поклониться ему въ ноги: въ какомъ же дворцѣ живетъ вашъ калифъ?— Въ простой мазанкѣ. — Что́ у него за свита? — Нищіе и бѣдные. — Какой тронъ? — Воздержность и познаніе. — Какая именно казна? — Твердое упованіе на Бога.—Кто его тѣлохранители?—Всѣ храбрые изъ вѣрныхъ.—Абубекръ называлъ добрыя дѣла надежнымъ щитомъ отъ вражьихъ ударовъ. Основатель могаммеданскаго міродержавства, Омаръ, жилъ и властелиномъ точно такъ же, какъ прежде пастухомъ. Онъ остался равнодушенъ къ великолѣпію и роскоши, видѣлъ счастіе въ одномъ лишь спокойствіи доблестнаго сердца и въ единеніи съ Богомъ всей душой; онъ говорилъ: я ищу не внѣшняго міра, а благодати Господа. При воцареніи своемъ онъ воскликнулъ: ни кто у меня не будетъ такъ силенъ, какъ обиженный слабый, потому что его дѣло будетъ моимъ; ни кто у меня не будетъ такъ слабъ, какъ сильный обидчикъ, потому что на него всегда готова месть моя! Изреченія Али знамениты на Востокѣ. Онъ не совсѣмъ одобрялъ изданіе въ свѣтъ Корана, потому что теперь живое слово обратится въ мертвую букву, того и гляди. Неудачи называлъ онъ предтечами счастія, всякую поучительную бесѣду— райскимъ садомъ; высокимъ почиталъ онъ только то, что̀ возвышаетъ насъ внутренно; жизнь видѣлъ только тамъ, гдѣ душа пробудилась къ мысли; онъ говорилъ, что у кого нѣтъ мужества, у того нѣтъ и вѣры,—свобода человѣка состоитъ въ правдивости.—Послѣ такихъ людей явились конечно и другіе, полные честолюбія, пристрастья, фанатизма; любовь къ пышности, надменность и распутство замѣнили смиреніе и строгость нравовъ, и народъ долженъ былъ считать за счастіе, когда при владыкахъ стояли по крайней мѣрѣ такіе министры какъ Бармекиды. Въ столицы ихъ, въ Дамаскъ или Багдадъ, стекались всѣ сокровища и наслажденья свѣта, и вслѣдъ за утончающейся роскошью шло по пятамъ безнравственное сладострастье.

Подвиги Могаммеда и первыхъ его преемниковъ могли бы конечно представить содержаніе для величавой эпической поэмы; но Арабамъ не доставало вольнаго обзора, чтобы осилить такой матерьялъ, у нихъ не было той объективности, которая отражаетъ въ себѣ предметное и умѣетъ въ то же время перенестись въ душевное положеніе героевъ; арабскіе поэты, какъ мы видѣли, оставались крѣпки своей личности и ея случайнымъ переживамъ, они оставались субъективными лириками. Народу данъ былъ рели-

гіозный толчокъ, но фантазія тутъ же и заключилась въ тѣсныя узы книги откровенія; а богослуженіе было вовсе не такого рода, чтобы вызывать духовную пѣснь общины: даже и та хвала Богу, которую запѣвало отдѣльное лицо, держалась преимущественно только Корана, не поддаваясь внушенію собственныхъ чувствъ поющаго. Калифы и ихъ подвиги сдѣлались предметомъ стихотворныхъ свѣтскихъ состязаній; но пѣсни эти не держались уже на личномъ опытѣ пѣвцовъ, а болѣе и болѣе становились обычнымъ восхваленіемъ храбрости, благочестія, щедрости, или же обращались въ затѣйливую игру словъ и щеголеватыхъ образовъ, и дѣлались тѣмъ преувеличеннѣй и пустозвучнѣе, чѣмъ далѣе отходили отъ дѣйствительности и отъ реализма старыхъ народныхъ пѣсенъ. Объ Абдуль-Маликѣ говорятъ, что однажды онъ навьючилъ верблюда золотомъ и обѣщалъ его тому стихотворцу, который съумѣетъ тотчасъ же сказать нѣжнѣйшіе любовные стихи. Первый началъ Омаръ:

О, еслибъ поцаловать твою щечку, передъ тѣмъ какъ настанетъ послѣдній часъ мой,
Чтобы свѣжимъ ключемъ устъ твоихъ, очиститься на предлежащій путь смерти!
Покрытый пылью ногъ твоихъ, покоился бы я такъ сладостно; а лежи я съ тобою вмѣстѣ,
Могила стала бы мнѣ раемъ, раемъ показался бы мнѣ самый адъ.

За нимъ говорилъ Джумейль:

Любовь сокрушила мнѣ сердце, клянусь въ томъ этой еще пылающей жертвою.
Нѣтъ, не радоваться мнѣ болѣе свѣтомъ, рука смерти сковываетъ меня навсегда.
Но если вамъ когда вздумается вызвать изъ царства тѣней мою душу,
Одно слово изъ устъ возлюбленной вызоветъ ее навѣрное

Кутхейръ сказалъ слѣдующее:

Клянусь жизнью отца, жизнью матери, ты, Ацца, побѣждаешь всѣхъ соперницъ:
Твоя ножка прелестнѣе щеки той красавицы, которая думаетъ привлечь меня,
Съ тѣмъ чтобы я тебя покинулъ! Да затѣй и блескъ утренняго солнца поспорить съ тобою,
Справедливые судьи и тутъ всегда подали бы тебѣ вѣнокъ красоты.

Абдуль-Маликъ отдалъ награду Омару. Прежде, во дни естественной поэзіи, какому-то поэту предложили однажды вопросъ, какъ можетъ ему нравиться Бутхейтха, когда ея острою лодыжкой можно отрѣзать птицѣ голову, и онъ смѣло возразилъ на это, что любитъ душу, что всякій кто посмотритъ на его милую его глазами, непремѣнно уподобитъ ея близость присутствію самого божества. Теперь же, въ дни искусственной поэзіи, превозносятся напротивъ однѣ чувственныя чары женщинъ, и притомъ часто въ такомъ вкусѣ, который ни мало не подходитъ къ нашему; теперь уже нѣтъ рѣчи о душѣ, говорятъ о пухлыхъ лядвеяхъ, о шейкѣ лани, выникающей изъ пары сочныхъ гранатъ, о зубахъ бѣлыхъ какъ мелкія градинки, которые сверкаютъ молніей изъ-подъ пурпурныхъ губокъ, о звѣздныхъ глазкахъ орошающихъ слезами розы ланитъ, о черныхъ локонахъ, вьющихся ночными облаками вокругъ яснаго какъ мѣсяцъ лба. Жена, принадлежащая мужу въ беззавѣтную собственность, теряетъ для него всѣ чары фантазіи; поэзія становится стремленіемъ и томительной жаждою къ запретному или недо-

ступному наслажденью, грезою о будущемъ счастіи, жалобой на суровость милой или на краткость ночного свиданія, и негодованіемъ на злые языки, ни дать ни взять какъ Миннезенгеры сердятся на непрошеныхъ дозорцевъ. Абу Новасъ говоритъ: пересуды меня только больше поджигаютъ.

Какъ въ могаммедово время славились Амрилькайсъ и Эннабига, такъ въ слѣдующій за тѣмъ вѣкъ особенно гремѣли у Арабовъ имена Джерира и Эльфересдака; подъ блистательнымъ правленіемъ Гарунъ аль-Рашида самою свѣтлою звѣздой сіялъ Абу Новасъ. Міродержавство было завоевано, воинскій энтузіазмъ поистощился, и Арабы принялись теперь усвоивать себѣ тѣ элементы образованія, какіе нашли въ покоренныхъ земляхъ; они стали отдаваться искусствамъ мира и наукамъ. Эль-Мансуръ основалъ Багдадъ; съ волшебной быстротой разрослась столица въ самую людную мѣстность того времени; всесвѣтныя сокровища расточались щедрыми владыками на украшеніе житейской обстановки. Гарунъ аль-Рашидъ велемощно царилъ на Востокѣ, какъ современникъ его, Карлъ Великій, на Западѣ. Ученые и поэты находили у него открытый для себя домъ, онъ всего больше любилъ ихъ общество, отдыхая съ ними отъ правительственныхъ дѣлъ и заботъ; пѣвицы и танцовщицы привносили въ его дворъ болѣе шумныя и легкія увеселенья. Содержаніемъ стиховъ являются вино, охота и любовь, хвалы покровителямъ, насмѣшки надъ врагами, заплачки по умершимъ. Изъ двухъ любимѣйшихъ поэтовъ при дворѣ этого калифа одинъ, Абуль-Атахійя, слылъ вольнодумцемъ по преимуществу; между тѣмъ, на упрекъ Гаруна, что онъ будто бы не вѣритъ ни въ небо, ни въ адъ, онъ отвѣчалъ ссылкой на свои собственные стихи·

Кто вздумаетъ презрить всесильную заповѣдь божію,
Кто изъ живущихъ не восчувствуетъ бытія Аллаха?
Вѣдь развѣ движеніе и покой любой вещи
Не свидѣтельствуютъ что она отъ Бога?
И все сущее не носитъ ли на себѣ явнаго знаменія:
Есть Богъ, единственный, ни съ чѣмъ не сравнимый?

Когда, на старости, пригласили его однажды ко двору воспѣть житейскія удовольствія, онъ сказалъ:

Живи благополучно подъ сѣнью высокихъ палатъ, живи такъ долго, какъ тебѣ хочется,
Требуй и рано утромъ и поздно вечеромъ всего, что только можетъ тебя потѣшить;
Но когда душа твоя въ предсмертной борьбѣ станетъ усильно выбиваться изъ стѣсненной груди,
Только тогда узнаешь ты и узнаешь навѣрное, что вся земная утѣха — одинъ обманъ.

Гарунъ невольно прослезился, а царедворцы набросились на поэта, говоря, что не за тѣмъ вызвали его, чтобы опечалить калифа; но послѣдній сказалъ: оставьте его въ покоѣ, онъ видѣлъ нашу слѣпоту, и не хотѣлъ ослѣплять насъ еще болѣе. Арабы отзывались объ его поэзіи, что это настоящіе выметки изъ царскихъ палатъ: драгоцѣнные камни, жемчугъ, золото лежатъ тутъ подъ слоемъ черепковъ и пыли.—Насчетъ Абу-Новаса мы скажемъ вмѣстѣ съ Альвардтомъ: геніальность замысла, богатство идей, обиліе образовъ, неистощимое остроуміе, на все готовая находчивость, близкое знакомство съ языкомъ и съ исторіей своего народа, — все соединялось въ

немъ, чтобы сдѣлать его царемъ поэтовъ того времени; но въ преизбыткѣ и легкости его дарованія лежалъ также и зародышъ порчи: свободомысліе соблазняло его на пустое вольнодумство, на нравственную необузданность; для него повидимому не было высшаго удовольствія, какъ издѣваться надъ тѣмъ, что̀ уважала и цѣнила толпа,—онъ отчасти напоминаетъ Генриха Гейне. Однажды онъ пожелалъ, продѣлавъ напередъ все запрещенное Кораномъ, обратиться въ собаку, съ тѣмъ чтобы кусать за ноги мекканскихъ богомольцевъ, пришедшихъ поклониться Каабѣ. Среди пригожихъ мальчиковъ, передъ кубкомъ запретнаго вина, громко заливался онъ по ночамъ, какъ соловей, въ своихъ сладкихъ пѣсняхъ. Къ сожалѣнію и у него, какъ у его товарищей, стопы любовной тоски обращались болѣе къ мальчикамъ, нежели къ дѣвицамъ. Онъ славитъ прекраснаго молодого крайчаго, чьи глазки пьянятъ пуще всякаго вина, чьи кудри осѣчиваютъ разсудокъ безуміемъ. Тутъ встрѣчаются между прочимъ такія вещи, которыя мало назвать непристойными; книга «свинствъ» входитъ обычной составною частію въ сборники стихотвореній или Диваны. Часто за слишкомъ сочныя свои шутки и легкомысленные отзывы Абу Новасу приходилось сидѣть въ тюрьмѣ, но онъ всегда умѣлъ снова очаровать и расположить къ себѣ властителя. Съ какихъ разныхъ сторонъ придумывалъ онъ похвалить вино, всего лучше доказываютъ цѣлыя сотни именъ, которыми онъ его величаетъ. Вино отпираетъ двери сердца, обливаетъ языкъ огнемъ и окрыляетъ коня рѣчи; оно — старикъ, полный юношескимъ пыломъ, годъ рожденія—грамота его доблести; оно—горело̀мъ, вѣстникъ мира и радости, цѣлитель всякихъ ранъ, отецъ поэзіи, внушитель благородныхъ направленій; оно освобождаетъ отъ тѣлесныхъ узъ и погружаетъ въ волны наслажденія и забвенья; оно любитъ насъ и цалуетъ всякій разъ что мы поднесемъ его ко̀ рту; украшая собой земной міръ, оно примиряетъ и съ небомъ. — На смертномъ одрѣ поэтъ сказалъ: «Господь, страшна моя вина; но милости твоей нѣтъ мѣры!» Одинъ изъ друзей его увѣрялъ, будто покойный явился ему во снѣ и повѣдалъ, что райскую дверь распахнули передъ нимъ слѣдующіе его стихи:

Взгляни на полевые цвѣты: какъ чудесно
Открываютъ и они могущество верховнаго владыки;
Они смотрятъ на тебя свѣтло-серебряными глазами
Съ золотымъ всереди зрачкомъ, подымаясь на изумрудныхъ стебелечкахъ,
Въ явное свидѣтельство того,
Что есть только одинъ Богъ, и нѣтъ ему равнаго!

Пѣніе и музыка уже отдѣлились тогда отъ стихотворства и воздѣлывались преимущественно женщинами. Завоеваніе Персіи составило эпоху и въ этомъ смыслѣ. Тамъ, подъ державой Сассанидовъ, сохранились культурныя преданія восточной древности и были окружены романтически-блестящей обстановкой; легенда про Хозру и Ширинь вспоминаетъ о прежнихъ пѣвцахъ, споривших съ соловьями *; и то музыкальное искусство вообще, то его теорію, какія мы находимъ съ той поры у Арабовъ, самъ геніальный Ибнъ-Халдунъ возводитъ

---

* То же встрѣчаемъ у кельтскихъ бардовъ и въ нашемъ Словѣ о Полку Игоря.
Прим. Перев.

вѣдь прямо къ Персіи. Арабы говорятъ, что созвучіе тѣмъ полнѣе, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ проще ариѳметическія отношенія тоновъ между собою. Звуковая постепенность въ музыкѣ должна отвѣчать скалѣ органическаго голоснаго строя въ человѣкѣ; она нѣсколько сродни той, которую Греки называютъ нижнею фригійскою гаммой, и вѣроятно идетъ изъ одного и того же ассирійскаго источника. Ритмъ считаетъ двѣ краткости за одну долготу и движется въ знакомыхъ изъ поэзіи формахъ. Какъ Индійцы видѣли въ каждомъ звукѣ одушевленное существо, такъ и Арабы уподобляютъ царство звуковъ дереву, которое, выходя изъ корня, дѣлится на сучья и вѣтви. Четырехструнная лютня слыветъ у нихъ противнемъ природы; постепенное восхожденіе четырехъ стихій отъ тяжелой, темной земли до свѣтлаго, огневого пламени изображается струннымъ строемъ; струнамъ же соотвѣтствуютъ опять и разные музыкальные темпераменты (легкія звукоизмѣненья). Въ обрядовыхъ пѣсняхъ есть нѣчто торжественное и потрясающее, онѣ напоминаютъ гимны синагоги; возглашаемый нараспѣвъ съ высоты минарета призывъ къ молитвѣ звучитъ вмѣстѣ и торжественно и фантастично, такъ-какъ протяжные, выдержанные тоны чередуются въ немъ съ пестрыми руладами и трелями. Военные марши полны дикой возбужденности и смѣлой, вызывающей отваги; гребля, водочерпная работа сопровождаются напѣвами, которыхъ ритмъ и движенія отвѣчаютъ дѣлу. Въ своей Исторіи музыки Амбросъ показалъ это въ примѣрахъ. Пѣвцы, слагавшіе новыя мелодіи, высоко уважались при Абассидахъ. Лютни, мандолины, гитары, трубы, литавры если не изобрѣтены Арабами, то по крайней мѣрѣ усовершенствованы ими и переданы Европейцамъ; наша военная музыка съ ея приборомъ трубъ идетъ отъ крестовыхъ походовъ, нашъ турецкій барабанъ съ принадлежностями указываетъ еще самымъ именемъ на свое восточное происхожденье. «Кто не охотится, не любится, не проникается насквозь музыкой и не восхищается запахомъ цвѣтовъ, тотъ не человѣкъ» — говоритъ арабская пословица. Одинъ изъ ихъ стихотворцевъ поетъ: «Мягко какъ молоко, огнисто какъ вино проникаетъ музыка въ сердце; она привлекаетъ дикихъ звѣрей, а въ груди человѣка то возбуждаетъ тоску и радость любви, то ихъ укрощаетъ». Хаджа Тхальфа говоритъ, что душа, восхищенная мелодіями, стремится къ созерцанію высшихъ существъ, къ общенію съ другимъ, чистѣйшимъ міромъ, такъ что даже и потемненные толстой плотью умы понемногу оспособляются музыкой къ сношеніямъ съ тѣми свѣтлыми ликами, которые обступили престолъ всемогущаго Бога.

Но, начиная съ 8-го столѣтія, лучшія силы Арабовъ отдались наукамъ. Они тѣмъ и заявили себя всемірноисторическимъ народомъ, что, воспринявъ античное образованіе, расширяли и распространяли его далѣе: тогда какъ въ Европѣ было еще очень темно, на Востокѣ у нихъ блеснулъ уже ясный разсвѣтъ; они стали носителями культуры, и блескъ ея изъ покоренной ими Испаніи проливали на романскіе и германскіе края. Особенно въ Малой Азіи и Египтѣ нашли они остатки греческаго образованія, и усвоили ихъ себѣ съ тѣмъ пылкимъ рвеніемъ, какимъ обыкновенно отличались во всемъ. При каждой мечети учреждалась школа, и у нихъ прямо вошло въ пословицу: Міръ держится четырьмя вещами, — образованностью мудрыхъ, справедливостью вельможъ, молитвою добрыхъ и храбростью мужественныхъ. Пластическая поэ-

зія Грековъ конечно лежала слишкомъ далеко отъ ихъ лирически-подвижной фантазіи; да притомъ, помимо многобожнаго элемента, претившаго ихъ глубокому вѣрованію, симитская субъективность не была способна изучать древнихъ изъ-за особеннаго и оригинальнаго ихъ превосходства, съ тѣмъ чтобы этимъ возвысить форму и содержаніе своего собственнаго духа и искусства, какъ могли это сдѣлать мы; они заказывали Сирійцамъ переводить греческихъ писателей и искали въ нихъ прежде всего свѣдѣній практическихъ, естествознаніемъ интересовались напримѣръ въ видахъ пользы для врачебнаго искусства, и разсчетливый ихъ умъ бросился съ особеннымъ пристрастіемъ на математику. Ариѳметической ея части дали они новую основу и благоуспѣшное развитіе тѣмъ, что на мѣсто буквъ ввели индійскія цифры, а означеніе числовыхъ величинъ, единицъ, десятковъ, сотенъ и т. д. крайне упростили одною разстановкой (нумераціей). Алгебра уже однимъ именемъ своимъ напоминаетъ, какую тщательную обработку она нашла себѣ между Арабами. Мѣсто избитой сказки, будто бы Омаръ велѣлъ сжечь александрійскую библіотеку, давно уже заступилъ тотъ фактъ, что и у Арабовъ научныя учрежденія соединяли въ себѣ способнѣйшихъ дѣятелей и послужили впослѣдствіи образцомъ для знаменитыхъ высшихъ школъ въ Салерно, что во всѣхъ значительныхъ городахъ существовали у нихъ большія книгохранилища. Землевѣдѣніе обогатилось ихъ трудами точно такъ же, какъ въ эпоху Александра великаго и потомъ Колумба. Юркость народнаго характера не дозволяла имъ долго сидѣть на одномъ мѣстѣ; ни одно племя въ мірѣ не видывало такихъ дальнихъ путешествій посуху, совершенныхъ многими частными лицами, и притомъ не для торговыхъ только дѣлъ, но и чисто ради познаній; при этомъ они столько же обращали вниманія на растительность, какъ и на звѣзды небесныя, не держались слѣпо преданія, а хотѣли все видѣть сами. Въ этомъ именно смыслѣ Абу Заійдъ говоритъ:

Въ пути я пускался, съ семьей разлучался, гдѣ-гдѣ не скитался, науки ища;
Стараясь все видѣть съ коня не сходилъ я, чрезъ рѣки бродилъ я и плылъ чрезъ моря;
Бывалъ и тотъ случай, что степью зыбучей я ѣду, и радъ хоть глотку изъ ключа.

То, чему Арабы научились у индійскихъ и александрійскихъ астрономовъ, они значительно пріумножили числомъ и мѣткостію своихъ наблюденій, а также и усовершенствованіемъ измѣрительныхъ инструментовъ; научная ихъ дѣятельность продолжала то, что родственные имъ Халдеи начали за цѣлыя до нихъ тысячелѣтія. Чистая, рѣдко возмущаемая прозрачность неба благопріятствовала духовной ихъ наклонности, но только не она вызвала ее. Гумбольдтъ справедливо говоритъ: «Тропическій климатъ, вѣчная ясность блестящаго «звѣздами и туманными пятнами небеснаго свода вездѣ конечно дѣйствуютъ «на душу; но многопослѣдственно, то-есть ведя къ идеямъ, къ работѣ на«шего ума надъ развитіемъ математическихъ понятій, возбуждаютъ они толь«ко тамъ, гдѣ совершенно независимо отъ климата движутъ какимъ-нибудь «народомъ другіе внутренніе и внѣшніе побуды, гдѣ напримѣръ точный по«дѣлъ времени становится необходимымъ въ общественномъ быту для удо«влетворенія религіозныхъ или агрономическихъ потребностей. У народовъ «торговыхъ и счетоводцевъ, у народовъ строителей или землемѣровъ, мы

«рано находимъ эмпирическія правила ариѳметики и геометріи; но все это «можетъ служить одною лишь подготовкою для возникновенія математической «и астрономической науки. Только при условіяхъ высшей уже культуры познается законная правильность небесныхъ перемѣнъ, отражающаяся и на земныхъ явленіяхъ, только тогда начинаютъ искать полюсовъ покоя и для послѣднихъ. Убѣжденіе въ подзаконности планетныхъ движеній, наиболѣе одушевляло людей во всѣхъ климатахъ къ исканію закона и порядка въ бурномъ океанѣ воздуха, въ колебаніи морскихъ водъ, въ періодическомъ ходѣ магнитной стрѣлки, въ распредѣленіи организма по земной поверхности». Таблицамъ движенія небесныхъ тѣлъ, звѣзднымъ картамъ и вычисленіямъ, которыя въ теченіе Среднихъ Вѣковъ составлялись и велись на всѣхъ концахъ арабской державы, обязаны мы тѣмъ матерьяломъ, благодаря которому могла въ новѣйшее время состояться научная астрономія. Гумбольдтъ считаетъ за одинъ изъ отблесковъ арабской образованности на Западѣ — астрономическій съѣздъ въ Толедо, при Альфонсѣ Кастильскомъ, гдѣ главную роль игралъ раввинъ Исаакъ Эбнъ Сидъ Хазанъ, а на дальнемъ Востокѣ — обсерваторію, построенную и снабженную инструментами Ильшаномъ Хулагу, внукомъ міроборца Чингисхана, на одной горѣ близъ Мераги, гдѣ Насръ Эддинъ изъ Ту́са въ Хорасанѣ производилъ свои наблюденія. «Объ «этихъ подробностяхъ потому необходимо упомянуть въ исторіи человѣческаго міросозерцанія, что онѣ живо напоминаютъ о томъ, какъ далеко простерлось посредствующее вліяніе Арабовъ въ дѣлѣ распространенія наукъ «и въ накопленіи тѣхъ численныхъ выводовъ, которые въ великую эпоху «Тихо Браге и Кеплера существенно содѣйствовали обосновкѣ теоретической астрономіи и правильнаго взгляда на движенія небесныхъ тѣлъ.»

Начинателями новой эпохи Арабы подлинно явились въ томъ, что проложили новые пути, раскрыли новыя области естествознанію: наблюдали и до нихъ все существующее налицо, измѣряли и до нихъ величину и продолжительность его движеній; но изслѣдованіе силъ природы, дѣйствующихъ при возникновеніи вещей, разложеніе и соединеніе веществъ въ царствахъ неорганическомъ и органическомъ, требуютъ искусства производить опыты, допрашивающіе самоё природу, вѣрны ли наши о ней представленія, и въ результатѣ опыта вымогающіе у нея рѣшительный отвѣтъ. На эту-то высшую ступень, какой не достигали еще ни Аристотель, ни александрійцы, поднялись теперь Арабы и чрезъ то самое сдѣлались первыми обработчиками естественныхъ наукъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Не то чтобы они допытывались причинъ изъ одного только любознанія: семитскій умъ ихъ всегда имѣлъ въ виду какую-нибудь опредѣленную цѣль, хотѣлъ всегда добиться той либо другой вещи; но доискиваясь собственно вещей, узнавали вѣдь необходимыя для нихъ условія и добывали матерьялъ для разъясненія общаго закона. Только по удовлетвореніи необходимыхъ жизненныхъ потребностей человѣку становится отрадно удовлетворять и чистую свою любознательность. Искусство производить опыты по необходимости предшествовало наукѣ. Въ виду имѣлось знаніе врачебныхъ средствъ (фармакологія); съ этой цѣлью изслѣдовали минералы и растенія, для выдѣла изъ нихъ нѣкоторыхъ веществъ или для ввода ихъ въ новыя соединенія. Арабъ Гебръ (или Джяфаръ) слыветъ отцомъ химіи; еще и донынѣ многія арабскія въ ней названья сви-

дѣтельствуетъ о томъ, какой подготовкою новѣйшая культура Европейцевъ обязана Востоку. Доискивались средства цѣлебнаго отъ всѣхъ болѣстей, и изъ дошедшихъ къ Арабамъ остатковъ александрійской школы возникло у нихъ стремленіе найдти путь къ облагороженію металловъ. Очищеніе послѣднихъ походило на врачеваніе болѣзней въ тѣлѣ человѣческомъ; но не довольствовались однимъ выдѣломъ металловъ изъ ихъ оболочекъ, накипей, ржавчинъ, а видѣли въ различныхъ рудахъ только степени одного и того же развитія, которое завершается будто бы золотомъ, надѣялись что можно возвесть въ золото и всякое другое вещество, и считали «философскій камень» за то средство, которымъ и здѣсь, какъ въ человѣческомъ тѣлѣ, можно возродить вполнѣ здоровое состояніе, возстановить чистую, непреходящую жизнь въ ея высшемъ совершенствѣ. Фантазія заодно съ наблюденіемъ трудилась надъ этимъ въ тысячахъ тысячъ повторенныхъ опытовъ, постоянно маня умъ маревомъ одной и той же цѣли, напрягавшей въ теченіе тысячелѣтія силы множества изслѣдователей, такъ что на пути къ ней добыта бездна результатовъ, которые въ своей совокупности и въ своей научной обстановкѣ выходятъ подлинно цѣлью уже и сами по себѣ.

Изъ греческихъ писателей обиліемъ своихъ знаній всѣхъ болѣе привлекъ къ себѣ Арабовъ Аристотель, и по слѣдамъ его ихъ философія предпочтительно направилась къ природѣ; она гораздо менѣе касалась богословія, которое вѣдь разъ навсегда было закрѣплено кораномъ, такъ что рѣчь могла идти развѣ только о систематизировкѣ откровенія или объ отпорѣ противорѣчащимъ ему взглядамъ: такимъ образомъ и здѣсь предстаетъ намъ своего рода противень къ христіанской схоластикѣ. Тутъ выработался полнѣйшій фатализмъ: въ виду всемогущества и всевѣдѣнія божіихъ, отринута свобода человѣческой мысли и воли, и твердо отстаивались сравнительная новизна міра, сотвореніе во времени, какъ прямая противоположность искони-сущему веществу. Асхариты дѣйственнымъ называютъ одного только Бога, всѣ кажущіяся вліянія вещей другъ на друга, всѣ свойства ихъ или наши подмѣты этихъ свойствъ, суть постоянное зиждительство божіе; воля его безпредѣльна, а о всемогуществѣ толкуется безъ всякаго вниманія къ законамъ природы и духа, такъ что по одному лишь произволу божію дважды два составляютъ четыре и желѣзо идетъ ко дну, а не подымается на воздухъ какъ пушокъ. Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ о томъ, сотворенъ ли коранъ, или существуетъ отвѣка; рѣчь, разумѣется, идетъ не о земной книгѣ, а объ ея небесномъ подлинникѣ, о совокупности вѣчной истины: существуетъ ли такая совокупность, или же есть только произвольные уставы, а нѣтъ вовсе разумной необходимости?—Стремленіе видѣть въ Аллахѣ всякую силу и мощь нашло себѣ необходимое дополненіе въ пантеизмѣ Аріійцевъ, въ индійскихъ вліяніяхъ, въ персидскомъ суфизмѣ, который мы ближе разсмотримъ впослѣдствіи.

Въ первой половинѣ 11-го столѣтія Эль Фараби училъ въ Багдадѣ; онъ старался соединить съ исламомъ философію Платона и Аристотеля. Между Бога, единаго и безсложно-простого, и между многосложности земного міра, вставлялъ онъ дѣятельный смыслъ, въ качествѣ мірообразователя, отъ котораго исходитъ будто бы душа міра, движущая небесными сферами и посылающая отъ себя двигателей земнымъ вещамъ, да вращаются онѣ вкругъ

спокойнаго средоточія; въ людяхъ дѣятельный этотъ смыслъ восходитъ отъ явленій къ внутреннимъ опять силамъ и причинамъ, которыя составляютъ также его собственное существо: мы понимаемъ нутродѣйственное художническое зиждительство въ природѣ, потому что оно то же самое, что́ и нашъ духъ; оттого мысль и отождествляется съ мыслимымъ. Въ 11-мъ же вѣкѣ философствовалъ еще знаменитый врачъ Ибнъ Сина или Авиценна. Отъ необходимаго Бога можетъ идти только необходимое,— вѣчныя истины разума, законы и порядки естества. Основой всѣхъ особыхъ вещей и ихъ перемѣнности — матерія, тое-есть одно чисто лишь возможное, сущее только какъ способность (къ бытію). Дѣятельный смыслъ или разсудокъ — слуга божій, черезъ котораго Богъ движетъ, образуетъ и оживляетъ всѣ сферы міровой системы, начиная съ неба и до земли; душа, это — движущее, образующее начало и вмѣстѣ конечная цѣль тѣла; мозгъ — орудіе ея дѣятельности; впечатлѣнія пяти чувствъ совокупляются общимъ чувствомъ въ одну подмѣту; образы ея хранитъ и воспроизводитъ воображеніе; оно же различаетъ полезные образы отъ вредныхъ и обосновываетъ этимъ чувственное сужденіе; оно заглядываетъ и впередъ и назадъ, въ будущее и въ прошлое, чтобы въ страхѣ или надеждѣ искать того, что́ нравится, и избѣгать того, что́ противно. Все это принадлежитъ животной душѣ; она вся обращена къ практической жизни и въ человѣкѣ подчинена разуму. Чувственная душа познаетъ явленія, внѣшнюю форму, а разумъ—внутреннюю суть, порождающую ихъ силу, подлинно принадлежащую вещамъ сверхчувственную форму и природу. Разумомъ доходимъ мы до безконечнаго и вѣчнаго, и такъ-какъ послѣднее само — духъ, то мышленіе его отождествляется съ мыслимымъ; въ уразумѣніи разумѣющее и разумѣемое одно и то же. Преодолѣвая свою чувственность и свои страсти, очищаемся мы отъ матерьяльнаго и открываемъ душу духовному; изліянія дѣйственнаго смысла, все собою проникающія, входятъ тогда просвѣтительно и въ насъ; мы должны подготовлять себя къ ихъ воспринятію; сами же они—чудеса божіи, откровенія истины. Такъ въ общей связи всѣхъ существъ и сферъ есть постоянное восхожденіе и нисхожденье, постоянное истеченіе отъ Бога и постоянный къ нему возвратъ.

Во второй половинѣ 11-го вѣка Эль Газали ведетъ къ религіозной истинѣ путемъ сомнѣнія и борьбы съ философіей. Не знаменія и чудеса, не внѣшній авторитетъ способны навязать намъ со стороны истину; она должна родиться въ ищущей ея душѣ человѣка. Позналъ я одинъ разъ, что десять больше трехъ, а другой утверждаетъ противное, и въ доказательство обратитъ напримѣръ хоть жезлъ въ змѣю; вѣдь сколько бы мы ни удивлялись его хитрому искусству, утвержденіе его все-таки не будетъ этимъ доказано. Кто не сомнѣвается, тотъ не обдумываетъ и не достигаетъ ни до какихъ ясныхъ убѣжденій; нельзя ограничиваться тѣмъ что слышишь по преданію, надо все видѣть самому. Но часто обманываютъ насъ и чувства, а то, что мы зовемъ сцѣпленіемъ причины и дѣйствія, показываетъ намъ собственно только обычный способъ сочетанія вещей между собою, и мы сами привыкаемъ связывать ихъ въ этомъ именно порядкѣ. Мыслитель, напротивъ, рвется изо всѣхъ силъ сдѣлать Бога существомъ отвлеченнымъ, и втѣснить между нимъ и многоразличными вещами особыя сверхчувственныя олицетворенныя силы; но дѣйствительно и дѣйственно только вѣдь индиви-

дуальное и живое, и дѣятельность божія имѣетъ въ виду не одно всеобщее, а точно такъ же и частное, особное. Особенныя качества вещей не можемъ мы познать изъ всеобщихъ понятій; они скрыты въ самихъ вещахъ и предстають созерцанію только въ своихъ дѣйствіяхъ, мы узнаемъ ихъ опытомъ, не иначе. Такъ испытываемъ мы въ душевныхъ восторгахъ и владычество въ насъ Божества. Здѣсь Эль Газали примыкаетъ къ суфіямъ: мы должны очищать наши пожеланія и нравы, говоритъ онъ далѣе, пребывать въ мирѣ съ Богомъ и съ людьми,—вотъ суфизмъ въ настоящемъ его смыслѣ. Любовь сочетаетъ любящаго любимому, душа пріемлется Богомъ, когда отдается ему въ любви, и тутъ-то возникаетъ въ ней свѣтъ чистой истины. Однакожь онъ положительно говоритъ, что при этомъ поглощеніи души Богомъ человѣческая личность не уничтожается; любящее сердце остается жить навѣки, оно принадлежитъ міру истинныхъ существъ, для которыхъ никогда нѣтъ смерти.

У Арабовъ между тѣмъ не погасла и страсть къ поэтическимъ изображеніямъ. Даже сочиненія о государствѣ излагались для большей внушительности въ стихахъ; въ стихахъ же вызывали другъ друга на бой и воины. Изстари еще идетъ преданіе, что Мархабъ вышелъ на битву съ слѣдующими словами:

Ктó я, весь Хайбаръ то знаетъ, — я Мархабъ герой,
И готовъ въ доспѣхѣ полномъ хоть на смертный бой.

Противъ него выступилъ Али и отвѣчалъ въ стихахъ того же размѣра:

Знай, что мать меня съиздѣтства называла львомъ,
И въ бою я вамъ отмѣрю вашъ удѣлъ мечомъ.

Среди одной родовой усобицы осаждена была Альямбра, и ночью слѣдующій листокъ переброшенъ на камнѣ черезъ городскую стѣну:

Опустошенья мрачный ужасъ на села легъ, на города,
Кругомъ простерлася бѣда:
Въ Альямбру вы бѣжали тщетно, чтобъ стѣны вновь ея поднять;
Мы скоро васъ доймемъ мечами,—
Чтó было съ вашими отцами,
Того и вамъ не миновать.

Суевѣрный страхъ объялъ-было осажденныхъ, пока стихотворецъ Асади не нашелся возразить:

Нѣтъ, ни одно изъ нашихъ селъ не потерпѣло раззоренья,
И въ этой крѣпости нѣтъ наволосъ сомнѣнья.
Напротивъ, скоро блескъ побѣдъ
Сотретъ съ земли вашъ вражій слѣдъ;
А ваши жены и съ дѣтьми всѣ посѣдѣютъ вмигъ отъ страха,
Когда мы ринемся на нихъ налетомъ съ полнаго размаха.

Даже и научные предметы любили они облекать въ стихи, потомучто драгоцѣнные камни мысли безъ художественной оправы всегда теряютъ часть своего достоинства; и то самое, что міровая монархія Арабовъ распалась на

нѣсколько отдѣльныхъ царствъ съ особыми въ каждомъ столицами, благопріятствовало развитію странственной жизни поэтовъ и музыкантовъ, ни дать ни взять какъ у трубадуровъ и миннезенгеровъ. Они разсчитывали на щедрость вельможъ, которыхъ потѣшали своими пѣснями и превозносили въ похвалахъ; распространяя славу ихъ, они и сами услаждались воспѣваемыми удовольствіями, такъ-какъ любимымъ предметомъ стихотвореній были тогда попойки, охота и любовь. Въ промежуткахъ раздаются иногда звуки болѣе важнаго характера: пѣснь начинается и заканчивается хвалой Аллаху, нерѣдко самъ пѣвецъ лично участвуетъ въ кровавомъ бою; но бо́льшая часть стихотвореній очевидно дѣлаются, а не сами родятся изъ глубины чувствъ; поэты подражаютъ старымъ образцамъ, стараясь превзойдти красоту ихъ искусственностью; ухищренное натянутое щегольство заступаетъ мѣсто свѣжей природы, и обычныя хвалы покровителямъ, женщинамъ, конямъ и верблюдамъ разливаются потокомъ изысканно-преувеличенныхъ фразъ. При всей нарядности подобныхъ вещей, онѣ ужь явно отдаютъ школою, когда напримѣръ поэтъ вдругъ говоритъ, что бѣлое личико его милой блещетъ сквозь ночную мглу его судьбы, какъ сквозь темныя черты буквъ просвѣчиваетъ ясный смыслъ пѣсни.

Гаммеръ доказываетъ только свою неспособность судить о поэзіи, выставляя Монтанебби (въ 10-мъ вѣкѣ) за величайшаго поэта у Арабовъ; это былъ прошлецъ, торговавшій съ молотка своими хвалебными пѣснями, гдѣ конечно не было уже мѣста ни истинному чувству, ни индивидуализаціи; славою своей обязанъ онъ только упадку вкуса, какъ вполнѣ и доказалъ разборчивый Саси. Пустая игра словъ отвѣчаетъ у него суетному самохвальству; вѣдь довело же его тщеславіе до того, что онъ прямо выдавалъ себя за пророка. Вотъ одинъ примѣръ: «Клянусь бѣгучею звѣздой, клянусь вращающимся сводомъ, клянуся ночью я и днемъ, тотъ проклятъ кто не хочетъ вѣрить! Я близкой прихожусь родней посланникамъ отъ Бога прежнимъ, уставы ихъ дозволитъ мнѣ Аллахъ пройдти перомъ прилежнымъ». Одинъ эмиръ засадилъ его въ тюрьму и держалъ тамъ, пока онъ не раскаялся. Впрочемъ несправедливо было бы отрицать что въ пѣсняхъ его попадаются иногда блестящія мысли и удачные образы. Такъ онъ, между прочимъ, говоритъ о путешествіяхъ безъ отдыха и покоя:

Долго ли намъ еще странствовать взапуски съ звѣздами ночи,
Которыя совершаютъ путь свой безъ ногъ и безъ копытъ,
У которыхъ не тяжелѣютъ и вѣки,
Утомленныя безсонницей, какъ смыкаются онѣ у бѣднаго человѣка.
Мы не даемъ даже отдохнуть и водѣ:
Какъ прежде мыкалась она въ облакѣ, такъ и теперь мыкается съ нами въ бурдюкѣ.

Или когда онъ даетъ такіе совѣты:

Не плачься людямъ въ горѣ никогда, чтобы въ посмѣшище не стать сердцамъ холоднымъ:
Изюбрь подбитъ: не плакаться жъ ему ни вороньямъ, ни коршунамъ голоднымъ.

О, дай ты мнѣ достичь того, что́ ни кому донынѣ не давалось!
Вѣдь чести труденъ путь, а путь стыда легокъ. Тебѣ бы, кажется желалось,
Добиться почести задаромъ, за оболъ?
Нѣтъ, меду не добыть намъ безъ ужала пчелъ.

Девизомъ его было:

Кто я, то знаютъ конь, ночь, поле боевое,
Бумага и перо послушно-дѣловое.

Сборники арабской пословичной мудрости (въ 12-мъ вѣкѣ) составлены были Мейдани, а потомъ Замокшари подъ названіемъ «золотыхъ ожерельевъ,» и наконецъ трудами Шакру подъ именемъ «золотыхъ монистъ». Для характеристики такого рода нравственныхъ изреченій, дышащихъ чистой гуманностью, я приведу нѣкоторыя изъ завѣщанія Садъ-бенъ-Малика:

Вся жизнь идетъ кругомъ для дураковъ,
Для мудрыхъ же она прямая въ рай дорога.
Бытіе не имѣетъ ни какой цѣны для тѣхъ, кто не понимаетъ его цѣли,
Но безцѣнно оно въ глазахъ того, кто видитъ въ немъ бытіе божіе.
Да будетъ твоей молитвою Аллахъ и вечеромъ и утромъ,
Благодари его за любовь и радость, за заботы и печаль.
Не надѣйся на свѣтъ, опирайся на собственную силу,
Будь какъ булатное остріе на дубовомъ древкѣ копья.
Не раздражай вспылившаго противорѣчіемъ,
Повѣрь что кротостью ты скоро его образумишь.
Да не взойдетъ утренняя заря надъ гнѣвомъ твоимъ:
Солнцу божію не освѣщать же цѣлый день болота.
Не признавай за истину ни мечты, ни предразсудки;
Да будетъ право твоей силою и правда твоимъ спасеніемъ.
Да будетъ добродѣтель твоимъ посохомъ, на которомъ
Пусть вѣетъ для тебя небесное, всѣми чтимое знамя пророка;
Пускай, когда твой свободный духъ перестанетъ возбуждаться чѣмъ бы то ни было,
Явится она ангеломъ, который положитъ сердце твое къ ногамъ Аллаха.

Эсодинъ въ 13-мъ столѣтіи придалъ «языкъ безсловеснымъ», введши въ разговоръ растенія и животныхъ, особенно цвѣты и птицъ: они сами должны были излагать свою природу и свой бытъ, въ доказательство что весь міръ—только отблескъ красоты и любви божіей и что именно къ нимъ возноситъ онъ нашу душу. Въ пѣсни пѣсней Пополь Фахрида (12-го столѣтія) Аллахъ говоритъ:

Изъ нѣдръ моей сущности бьетъ ключомъ струя духа
И все что въ цѣлой природѣ видишь ты вокругъ себя.
Востокъ свѣта—отблескъ моей нивы небесной,
Океанъ—единая капля на пути моемъ;
Высоты и удолы любви—обширное мое царство,
И всѣ любящіе—равноправные въ немъ граждане.
Ты не взлюбишь меня, пока весь во мнѣ не исчезнешь,
Ты не удовлетворишь меня, пока я не найду въ тебѣ самого себя.

Поэты сдѣлались постепенно истинными виртуозами на многозвучномъ инструментѣ арабскаго языка; но всѣхъ счастливѣе и блестящѣе былъ Харири, тѣмъ больше, что онъ съ удивительной ловкостью умѣлъ раскрывать свой юморъ и въ формѣ и въ содержаніи: стихи его—настоящій пиръ остроумія, рѣчеискусства и игры словъ. Еще вначалѣ 11-го вѣка Хамадани ввелъ особый родъ стихотвореній подъ названіемъ Макамъ; къ концу этого столѣтія усовершенствовалъ его Харири. Микамой зовутъ собственно мѣсто, куда

сходятся для препровожденія времени; піэса этого имени или передаетъ остроумную бесѣду въ видѣ простого разсказа, или прямо сыплетъ остротами и искусными словооборотоми; излагается она въ риѳмованной прозѣ, въ которую вплетены иногда и метрическіе стихи. Рюкертъ, въ своемъ нѣмецкомъ переводѣ, мастерски состязался съ подлинникомъ. Харири влагаетъ свои макамы въ уста одному купцу, котораго и дѣла, и страсть къ образованію переносятъ съ Нила на Эвфратъ, заводятъ въ города и въ горы; который охотно живетъ и въ пустынѣ у Бедуиновъ для изученія ихъ нравовъ «безприкрасныхъ», ихъ «унаслѣдованной» заносчивой гордости, чистоты ихъ языка и всѣхъ тонкостей арабской рѣчи. На частыхъ переѣздахъ вездѣ случай сводитъ его съ удивительнымъ говоруномъ, мастеромъ на остроуміе и на игру словами: то это какой нибудь нищій, то колдунъ, то вожакъ, цырюльникъ или школьный учитель, то наконецъ отшельникъ; онъ очаровываетъ окружающихъ своимъ умѣньемъ говорить, выманиваетъ у нихъ разныя благодѣянія, но вслѣдъ за тѣмъ готовъ тутъ же прокутить все что отъ нихъ получитъ. Выходитъ подконецъ что это все одна и та же личность, Абу Сеидъ изъ Серуга, котораго узнаютъ подъ разными нерядами и превращеньями, но который всегда снова ускользаетъ отъ разскащика, такъ-какъ онъ человѣкъ стараго, независимаго закала, который ни гдѣ не хочетъ прикрѣпиться, ни чѣмъ не связываетъ себя по рукамъ и по ногамъ, и послѣ множество приключеній и переходовъ въ жизни сознается: «Изо всѣхъ на свѣтѣ ремеслъ нашелъ я по душѣ одно, безпечальное да и выгодное; основано оно и устроено въ цехъ Сасаномъ, — артель вольныхъ, равныхъ и всегда согласныхъ между собой товарищей, побродягъ и прошлецовъ, забулдыгъ и удальцовъ. Ходятъ они какъ звѣзда по воздухамъ, и нѣтъ имъ господина на всей землѣ; не боятся они султана, а отъ него готовы принять всякое уваженіе; они ни гдѣ не дома, потому что всегда тамъ, гдѣ пиръ горой; не сѣютъ ни зернышка, а не остаются безъ хлѣбушка, что птицы утромъ встаютъ голодныя, а нàночь садятся по вѣткамъ сытымъ сытыя». Сеидъ съигралъ не одну штуку съ странствующимъ купцомъ: разъ подтибрилъ онъ у него плащъ и саблю, въ другой разъ ускакалъ на его конѣ, но умѣлъ всегда опять къ нему поддѣлаться и очаровать его, какъ очаровываетъ и насъ, дивной находчивостью во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, неистощимой веселостью, подмѣчающей смѣшную сторону во всемъ на свѣтѣ, пока наконецъ и онъ не обрѣтаетъ мира въ благочестивомъ созерцаніи. Отдѣльныя макамы стоятъ въ слабой связи одна съ другою; каждая передаетъ какое-нибудь особое приключеніе; ихъ соединяютъ только личность героя и разскащика. Школа въ Химсѣ, Вопросы о законѣ, Десять путниковъ и Бесѣда въ мечети, особенно богаты игрою словъ и хитрыми изворотами рѣчи, которые однакожь вмѣстѣ съ тѣмъ полны смысла и содержанія.

Эта макамная поэзія—чисто-арабское созданье; тогда какъ всѣ другія эпическія произведенія возникли и выработались у нихъ подъ вліяніемъ Арійцевъ. Басни, напримѣръ, оперлись на звѣросказаніе, зашедшее изъ персидскихъ и индійскихъ предѣловъ; уже въ 8-мъ столѣтіи одинъ обратившійся къ исламу Персіанинъ, Рузбехъ, написалъ по образцу индійской Гитопадеши арабскую поэму «Калила ве'Димна», то-есть Глупецъ и Хитрецъ, — странствія и бесѣды двухъ шакаловъ. Врачъ Барсуйехъ перенесъ ее, при Нуширванѣ, въ Персію и во-

дворилъ тамъ подъ именемъ басенъ Бидпая. Разсказы изъ быта животныхъ и людей вставлены здѣсь въ одну общую раму; иногда одинъ изъ нихъ въ частности, а иногда и нѣсколько вмѣстѣ служатъ къ наглядному выраженію какого-нибудь правила житейской мудрости или нравоучительнаго изреченія. Дидактическій элементъ этого сборника разросся потомъ еще болѣе въ арабской обработкѣ, явившейся современемъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Чисто арабскія черты и картины быта собраны были въ рыцарскомъ романѣ о подвигахъ Антары и о любви его къ Аблѣ прекрасной; Персія подала примѣръ такого рода поэмъ еще во времена Сасанидовъ. Арабское произведеніе, въ нынѣшней своей формѣ, идетъ отъ 12-го столѣтія, когда его записалъ Ибнъ Эсайгъ; самъ онъ именуетъ авторами троихъ поэтовъ 8-го и 9-го вѣка, тоесть собственно предшественниковъ своихъ въ собираніи и передачѣ разсказовъ, изъ которыхъ романъ состоитъ. Мы знаемъ Антару, какъ одного изъ пѣвцовъ моаллакатъ; но ни онъ, да и ни кто изъ древнихъ богатырей-поэтовъ не выдвигался впередъ до такой степени; не надо кромѣ того забывать, что, при раздробленности Аравіи до Могаммеда, пѣсни разныхъ племенъ не могли еще быть такимъ общимъ достояніемъ, чтобы имъ сгруппироваться около одного крупнаго лица или событія и сростись въ одинъ цѣльный эпосъ. Въ исторіи Антары нѣтъ въ самомъ дѣлѣ ни какого средоточія, и повѣсть въ сущности безсвязна; многоразличныя приключенія, баранты разныхъ племенъ между собою, полóнъ и освобожденіе, убійство и примиреніе слѣдуютъ одно за другимъ пестрой чередой; замѣтно, какъ сохранившіяся въ преданіи старыя воспоминанія о домогаммедовской порѣ преувеличиваются и вставляются здѣсь въ одну общую раму; даже и среди вплетенныхъ мѣстами стиховъ отъ иной дико-прекрасной пѣсни такъ и повѣетъ вдругъ духомъ первобытнаго богатырскаго времени.

Изстари велся у кочевниковъ обычай по вечерамъ разсаживаться вмѣстѣ подъ звѣзднымъ небомъ и потѣшаться пѣснями и разсказами, какъ и теперь еще въ кофейняхъ Востока собираются вкругъ разсказщика цѣлыя толпы слушателей. Когда Арабы простерли вдаль свои завоеванія, они услышали много новыхъ сказаній и потѣшались игрой фантазіи въ передѣлкѣ чуждаго на свой ладъ. Египетъ и Сирія, Іудеи и Греки, дали имъ отъ себя вклады, но въ особенности Персія и Индія. Въ 1-мъ томѣ, стр. 374 и слѣд., я изложилъ, какъ изъ божескаго и богатырскаго миѳа развилась въ Индіи сказочная поэзія, какъ индійская сказка разносилась далѣе и принялась во всемірной литературѣ, какъ первоначально индійскій матерьялъ получалъ наконецъ завершающую его форму у Аріоста или Шекспира. Такъ точно и то, что перешло изъ Индіи черезъ Персію къ Арабамъ, послужило основаніемъ для ихъ переработокъ и сборниковъ, тѣмъ болѣе что отъ Индійцевъ же заняли они и давно существовавшую тамъ форму переплетать и совмѣщать разныя повѣсти въ одинъ обрамливающій ихъ разсказъ. Такъ, по собственному признанію Арабовъ, была переведена съ персидскаго Книга Визирей; она составляетъ часть «Тысячи и одной ночи» и тождественна по содержанію съ Синтипадомъ Византійцевъ и съ средневѣковымъ европейскимъ романомъ «о семи мудрецахъ». Тамъ визири, а здѣсь философы, разсказывая по одной исторіи, каждый разъ успѣваютъ отсрочить на день казнь оклеветаннаго ца-

ревича, которую злая мачиха постоянно хочетъ ускорить противоположнымъ разсказомъ, пока юношѣ представляется наконецъ возможность оправдать себя вполнѣ. Арабскій Египетъ сдѣлался теперь краемъ, куда стекались древнія и новыя былины, повѣсти и сказки Востока, гдѣ выборъ имъ постепенно совершался самъ собою или при содѣйствіи народа, желавшаго всегда снова опять слышать хорошее и отстранявшаго то, что было хуже, или побуждавшаго разскащиковъ передѣлывать исторіи на его ладъ и замѣнять чуждые ему мотивы своеземными. Въ теченіе вѣковъ форма повѣстей обтачивалась въ устахъ сказателей, и фантазія охотно пускалась въ тѣ грезы наяву, которыя играютъ пространствомъ и временемъ, громоздятъ чудо на чудо и при этомъ все-таки даютъ просвѣчивать глубокому внутреннему смыслу, первоначально породившему тотъ или другой миѳъ,—въ тѣ грезы, куда вмѣсто боговъ народной вѣры вошли уже духи и волшебники, ставшіе теперь въ воображеніи носителями таинственныхъ и сверхчеловѣческихъ силъ. Къ фантастическимъ вымысламъ изъ Индіи присоединяются потомъ персидскія любовныя исторіи, не только нѣжныя и полныя чувства, но часто и восторженной мечтательности, рядомъ съ бойкими и ясными картинами жизни, съ остроумными анекдотами, возникшими у самихъ Арабовъ. Уже въ 9-мъ вѣкѣ поэтъ Джегестави составилъ по образцу Перса Насти общій сборникъ сказокъ и новеллъ, который повидимому и легъ въ основаніе Тысячѣ и одной ночи, хотя та редакція, въ какой послѣднія дошли до европейской литературы, завершена была лишь нѣсколько сотъ лѣтъ спустя въ Каирѣ. Разныя страны и племена вложили сюда свои приношенія, а счастливый и богатый повѣствовательный талантъ придалъ имъ наконецъ ту классическую форму яснаго и непринужденнаго изложенья, въ которой эти милыя дѣти творческой фантазіи сдѣлались забавою всего свѣта. Нѣсколько сотъ краткихъ, а не то и довольно длинныхъ исторій, отчасти затѣйливо связанныхъ между собой, отчасти же одна въ другую вставленныхъ, разсказываются въ Тысячѣ и одной ночи Шехерзадою Султану съ такимъ разсчетомъ, что когда свѣтаетъ день, цѣль повѣсти все еще не вполнѣ выяснилась, вниманіе между тѣмъ напряжено и приходится ожидать новыхъ сумерекъ для продолженья. Въ пестрыхъ образахъ проходитъ передъ нами все житье-бытье Востока; въ любомъ разсказѣ онагляживается обыкновенно какая-нибудь мысль, большая часть ихъ пересыпана ученіями житейской мудрости, а многіе и лирическими изліяніями радостныхъ или скорбныхъ чувствъ сердца. Терпѣливость и любовь къ свободѣ, негодованіе на продажныхъ судей и на лицемѣрство духовныхъ, уваженіе къ добродѣтели, почетъ труду, — благородные эти помыслы одушевляютъ бо́льшую часть и конечно лучшіе изъ разсказовъ, которые, благодаря своимъ духамъ, исполинамъ и карликамъ, пѣвицамъ и плясуньямъ, оживляющимъ чертоги, сады розъ, фонтаны и бесѣдки, правда развертываютъ передъ нами картину неслыханныхъ чудесъ, но въ то же время всегда опять наводятъ и на думу, наводятъ на слѣдъ таинственныхъ путей Промысла среди всей этой суматохи приключеній, на воздающую справедливость и милосердую любовь Аллаха, которыми разрѣшается перепутанная загадка жизни человѣческой. Розенкранцъ назвалъ всемірное это произведеніе свѣтскимъ противнемъ къ Корану; мы, съ своей стороны, точно такъ же въ правѣ высказать воззрѣніе, что Тысяча и одна ночь онагляживаетъ передъ нами то,

какъ Арабы усвоили себѣ завоеваніемъ наслѣдіе восточной древности и пріумножили его потомъ собственною творческою силой.

Культурный міръ Востока, основанный Арабами, палъ передъ страшнымъ ураганомъ чингисхановыхъ монгольскихъ ордъ. То былъ не освѣжительный и обновляющій народный приливъ, каковымъ явилось наступленіе Германцевъ или самихъ Арабовъ, а только дикое, опустошительное наводненіе; куда дохватывала волна его, гдѣ громоздило оно черепа убитыхъ цѣлыми курганами, тамъ образованность, тамъ вся радость жизни растаптывалась конскимъ копытомъ. Нельзя безъ прискорбія смотрѣть, какъ начиная съ 13-го столѣтія безпощадно губятся края Востока, и сколько бы мы ни радовались своимъ западнымъ превосходствомъ, достигнутымъ послѣ тысячелѣтій опасной борьбы, радость наша будетъ полна и безпримѣсна только тогда, когда намъ удастся пробудить восточные края къ новой опять жизни въ нравственности, искусствѣ и наукѣ.

МОГАММЕДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА НА ВОСТОКѢ.

Какъ въ степи́ взоръ блуждаетъ по безпредѣльной шири, какъ вихремъ крутится песокъ изъ-подъ коня мимо-несущагося Бедуина, такъ и фантазія Арабовъ мычется при непрерывной смѣнѣ представленій между созерцаніемъ единаго и противоположностью частныхъ явленій, изъ которыхъ ни одно не сильно удержать ее. И у Арабовъ, какъ у Іудеевъ, духъ вознесся надъ природою въ единобожіи, породилъ богатый и блестящій лиризмъ, но не создалъ изобразительнаго искусства. Пластика вѣдь именно и есть примирительное сліяніе двухъ противоположныхъ крайностей, насыщеніе идеальнаго чувственной реальностью, просвѣтленіе единичнаго въ полнаго проявителя духовнаго и вѣчнаго содержанья; и этой-то прекрасной середины у ислама нѣтъ: онъ прямо противополагаетъ Аллаха міру и обратно, онъ утверждаетъ что всеопредѣляющая воля божія и индивидуальная свобода человѣка только существуютъ рядомъ, а не хочетъ знать того, какъ безконечное присуще конечному и какъ оно въ немъ-то именно и видообразуется; оттого единому недостаетъ здѣсь полноты раскрытія, а многоразличному — истинной сущности, такъ что оно живетъ лишь какимъ-то заемнымъ бытіемъ; міръ слишкомъ уже выходитъ только дѣломъ творческой воли, слишкомъ мало — живымъ самобьющимъ ключемъ божественной природы. У Аллаха въ одинокой его высотѣ и сверхчувственной чистотѣ есть подъ бокомъ цѣлое небо чувственныхъ радостей; черезъ Могаммеда проявилось въ человѣческомъ характерѣ не нравственное существо божіе: оттого и не возстановился не пережился въ немъ, предобразовательно какъ во Христѣ, первообразъ человѣка въ

полной его богоприсности. Коранъ запрещаетъ изображать божественное въ какихъ бы то ни было видимыхъ формахъ, опасаясь чтобъ народъ не впалъ опять идолопоклонственно въ тотъ самый натурализмъ, съ которымъ Могаммедъ не съумѣлъ примирить духовную сущность Аллаха; Арабы не способны распознать идеальную духовную сущность въ чувственно-приглядномъ образѣ, картины кажутся имъ тѣлами безъ души, и они думаютъ что въ день послѣдняго суда фигуры станутъ взыскивать съ художника свои души. А кто вздумалъ бы нарисовать дивнаго сказочнаго звѣря, который пронесъ Могаммеда по семи небеснымъ сферамъ прежде чѣмъ успѣлъ весь вылиться опрокинутый горшокъ? — этого коня съ человѣчьимъ лицомъ, съ изумрудными ушами, съ рубиновыми глазами, съ гривой изъ жемчужныхъ понизей?

Конечно, вполнѣ ошибочна мысль, будто у Арабовъ вообще не было никакихъ пластическихъ и живописныхъ произведеній. На чертожныхъ дворахъ почти вездѣ встрѣчаются намъ львы, извергающіе воду; на монетахъ являются опоясанные мечомъ калифы во весь ростъ; мы читаемъ извѣстія о росписныхъ деревянныхъ статуяхъ съ золотыми на головахъ вѣнцами; ковры украшались фигурами животныхъ и охотничьими сценами, которыя живописецъ повторялъ и на стѣнахъ; въ разрисованныхъ рукописяхъ являются разнообразныя бытовыя положенія, въ Египтѣ случайно упомянуто объ одной картинѣ, представлявшей Іосифа у колодца, въ Кордовѣ находилось изображеніе семи спящихъ Эфесеянъ, и въ стихотвореніяхъ, при восхваленіи какихъ-нибудь зáмковъ или палатъ, часто повторяются такія вещи:

> Кажется, само солнце служило художнику чашею для красокъ,
> Куда обмакивалъ онъ свою кисть, чтобы росписать эти хоромы:
> Фигуры на картинахъ будто движутся какъ живыя,
> Хотя онѣ совершенно спокойны и не шевельнутъ ни рукою, ни ногой.

Малоразвитость изобразительнаго искусства у Арабовъ, какъ и у Евреевъ, зависѣла не столько отъ религіознаго запрета, сколько отъ особеннаго свойства ихъ фантазіи, которая въ своемъ быстромъ движеніи слѣдитъ за измѣнчивою чередой внутреннихъ представленій, вмѣсто того чтобы схватывать въ строгоопредѣленныхъ очеркахъ явленія внѣшняго міра ради ихъ самихъ. Тотъ субъективный элементъ, который мы признали коренной чертой симитства (томъ I, стран. 195), обнаруживается здѣсь тѣмъ, что Арабъ изображаетъ собственно не данную дѣйствительность, а скорѣе то впечатлѣніе, какое она на него произвела; оттого и въ поэзіи фигуры его отличаются не столько формой, сколько краскою, и легко расплываются въ блестящей туманности сердечнаго чувства; фантазія останавливается на чемъ-либо частномъ только потому, что оно выражаетъ настроеніе ея въ ту именно минуту, но не разсматриваетъ равномѣрно всѣхъ частей и не совокупляетъ ихъ въ органическое цѣлое. Цвѣточуткость Арабовъ, ихъ тонкая разборчивость на краски, поистинѣ удивительна, какъ въ архитектоническихъ украшеніяхъ, такъ ивъ узорахъ тканей и вышивокъ. Гдѣ по стѣнамъ или на коврахъ воспроизводятся у нихъ животныя, они собственно не подражаютъ природѣ, а орнаментально стилизируютъ ее; живыя фигуры противопостав-

ляются другъ другу симметрически, контуръ тѣлъ заполняется не тою краскою, какая свойственна предмету въ самомъ дѣлѣ, а тою, какая лучше отвѣчаетъ колоритнымъ требованіямъ гармонической декораціи, и если площадь довольно велика, тогда она сама заполняется опять цвѣтными линіями, напоминающими, пожалуй, естественную лѣпку, но придающими ей геометрическую правильность или переводящими ее въ чисто своевольную игру фантазіи. Листья и цвѣты также не оставляются при своей индивидуальности, а приводятся въ извѣстную какую-нибудь схему и употребляются для украшенія. Да и въ самой поэзіи нѣтъ того пластическаго элемента, того ликотворнаго видообразованія характеровъ, на которомъ основаны эпосъ и драма, въ ихъ объективной наглядности. Мысли, въ формѣ мудрыхъ изреченій, идутъ обокъ съ сказочными грезами воображенія, чарующими насъ своей чувственной прелестью. Наконецъ и въ отношеніи къ архитектурѣ, слѣдующіе, сами по себѣ прекрасные, стихи свидѣтельствуютъ больше о глубокой религіозности нежели о художественномъ чувствѣ:

Старайся овладѣть сердцемъ,—это лучше всѣхъ странствій на богомолье;
Сердце важнѣй тысячи строимыхъ людьми храмовъ:
Другъ божій соорудилъ Каабу,
Но въ сердцѣ зрится сама слава божія.

Могаммеданскій культъ—культъ внутренній и индивидуальный; молитва, возношеніе духа къ Богу—здѣсь главное; къ этому примыкаетъ нѣсколько омовеній, постовъ, странствій на богомолье, но они не необходимы и всегда больше зависятъ отъ личнаго усердія; люди правда сходятся иногда вмѣстѣ послушать чтеніе изъ корана или проповѣдь, но не для того чтобъ совершать общія имъ богослужебныя дѣйствія; религіозно-общинная жизнь не выразилась во всеобязательныхъ конструктивныхъ формахъ, отвѣчающихъ ея потребностямъ, онагляживающихъ чувство и настроеніе вѣрующаго народа. Нужно только удаленное отъ внѣшняго шума мѣсто съ молитвенною палатой (михрабъ), гдѣ особенная часть означаетъ то направленіе (киблахъ), какое долженъ принять молящійся, если хочетъ стоять лицомъ къ Меккѣ; отсюда слѣдуетъ что положеніе постройки въ Дамаскѣ совсѣмъ не то что въ Іеменѣ, въ Индіи совсѣмъ не то что въ Испаніи. Нужна сверхъ-того каѳедра (мимбаръ), съ которой ораторъ могъ бы говорить къ вѣрующимъ; служитель храма не носитъ на себѣ ни какого особаго освященія, онъ призванъ только произносить религіозныя рѣчи; нужны, наконецъ, колодезь для омовеній и одна или нѣсколько тонкихъ башенъ (минаретовъ), откуда муэдзины возглашаютъ часы молитвъ.

Мечеть первоначально примыкала къ Каабѣ. Четыреугольникъ въ 257 шаговъ длины и въ 210 шаговъ ширины окружалъ въ могаммедово время то пространство, гдѣ течетъ ключъ Земземъ, утолившій смертельную жажду Измаила, и гдѣ будтобы Авраамъ оградилъ четырехстѣніемъ, вышиною въ мужской ростъ, упавшій съ неба черный камень, въ которомъ видѣли знаменіе завѣта божія съ людьми. Впослѣдствіе священный этотъ домъ выросъ въ массивную кубическую постройку, отъ 30 до 40 футовъ высоты, окруженную оваломъ изъ 31-й бронзовой колонны, въ 3 дюйма поперечника и въ

7 футовъ вышины, съ позолоченными капителями и съ соединяющими колонны желѣзными прутьями, на которыхъ развѣшаны были лампады; снутри по всей окружности общей ограды святилища была устроена колончатая галерея. Здѣсь Арабы явно оперлись на художественныя преданія древнѣйшихъ культурныхъ народовъ, какъ впрочемъ поступали и Германцы, съ которыми, при вступленіи во всемірную исторію, у нихъ вообще есть много сходства, хоть бы напримѣръ свойственное имъ чувство личной независимости, чтобы не говорить здѣсь о другомъ. Такъ, внѣшній притворъ базилики съ колодцемъ очищенія видимо послужилъ главнымъ мотивомъ для галерейной мечети, которая такъ же окружаетъ водоемъ посреди открытаго пространства, а по простой наружу оградной стѣнѣ пускаетъ съ внутреной стороны колончатый обходъ, удвоивая или утроивая число этихъ колоннъ противъ самаго входа, въ направленіи къ Меккѣ, чтобы расширить и отличить этимъ молитвенную часть зданія; ограда соединяется съ колоннами плоскою крышей. Но въ отмѣну противъ замкнутой базилики, галерея остается сквозною, и колончатый дворъ вообще играетъ роль гораздо значительнѣйшую, можно даже сказать главную. Мы видимъ что и у Арабовъ все обращено во внутрь; и религіозное и свѣтское ихъ зодчество — собственно надворное, дворовое: зданіе замкнуто съ наружной стороны, но открывается зато внутрь галереями и сѣнями, охватывающими кругомъ все прохладно-тѣнистое пространство. Къ этому привзошелъ еще потомъ византійскій куполъ. Охотно стали отмѣчать колодезь очищенія возносящеюся на тонкихъ колонкахъ куполообразною покрышкой; огромнымъ куполомъ увѣнчивали обыкновенно и надгробный памятникъ храмоздателя, воздвигаемый въ самой мечети, или же устроивали въ видѣ центральнаго сооруженія молитвенную сѣнь, накрывая среднее пространство высокимъ круглымъ сводомъ, присоединяя къ тому низкія прясла по бокамъ и обозначая направленіе молельщиковъ абсидообразнымъ удлинненіемъ середины. И Арабы спервоначала брали свои колонны изъ античныхъ памятниковъ; когда же потомъ стали отчасти вырабатывать ихъ сами, то дѣлали ихъ какъ можно тоньше, украшали шейку направленными вверхъ поясками, придавали капителямъ видъ восходящей цвѣточной чашечки, стараясь легкимъ погибомъ линіи опосредствовать переходъ отъ нея къ дугѣ простирающагося надъ ней свода, и орнаментируя ее вьющимся вокругъ вѣнкомъ арабесковъ. Для междуколонныхъ арокъ простой полукругъ казался подвижному ихъ духу слишкомъ спокойнымъ, сплошнымъ, правильнымъ; отвѣсно восходящими плечами придали они ей почти ходульное подвышеніе, но захватили при этомъ гораздо больше полукруга, такъ что обѣ стороны арки сближаются опять въ нижнихъ своихъ частяхъ, или же исходя отъ ближайшаго между собой разстоянія расширяются потомъ до полукруга. Благодаря такой подковообразной формѣ, арка выходитъ какъ бы нагнетенной пружиною, въ ней есть какая-то порывистая упругость; по эстетическому своему смыслу, она вѣдь открываетъ пространство, даетъ глазу вольный просторъ, и всего лучше онаглядживаетъ свою внутреннюю цѣль, возвышаясь надъ какою-нибудь дверью въ массивномъ верхостѣніи, котораго толща словно оттѣсняется ея упругостью при самомъ входѣ; когда же она соединяетъ колонны и стѣны въ обѣ стороны, впередъ и назадъ, то дѣйствительно какъ будто грозитъ распереть все зданіе, но вмѣстѣ и показываетъ этимъ до очевидности,

какъ крѣпко оно держится взаимнымъ напряженіемъ и дѣйствіемъ другъ на друга разныхъ силъ. Подковообразная арка встрѣчается и въ Индіи, но едвали ранѣе чѣмъ у Арабовъ; скорѣй зародышъ ея могъ первоначально явиться въ Персіи при Сасанидахъ. Острую дугу, возникающую оттого, что изъ средины полукружія вынимается нѣкоторая еще доля и плечи сближаются потомъ до тѣхъ поръ пока они между собою пересѣкутся, встрѣчаемъ мы первозачаткомъ еще и въ томъ навѣсѣ камней одинъ надъ другимъ, какой употребителенъ въ киклопскихъ постройкахъ, а также и въ высокихъ сводахъ Сасанидовъ; цѣлый архитектурный стиль основала на ней только уже западная Европа, поставивъ ее первенствующимъ звеномъ органической системы, собственно открывъ, замысливъ ее эстетически, постигнувъ все ея значенье и блистательно примѣнивъ къ дѣлу въ готикѣ; но Арабы часто употребляли ее и прежде. Они возводили эту арку также изъ отвѣснаго начала, но охотнѣе стягивали его опять немного внизу, какъ дѣлали это и съ полукружіемъ въ подковообразной аркѣ; этимъ они придавали ей напруженный выгибъ, такъ что она получала профиль груши или корабельнаго киля; если къ тому присоединялись еще висящія по краямъ арки, въ видѣ бахрамы, зубчатыя дужки, то это было уже явнымъ доказательствомъ, что острая дуга употреблялась не въ конструктивномъ своемъ значеніи, а только въ декоративномъ, чисто какъ прикраса. Фантастически-размашистая форма эта перенесена была и на куполы, чѣмъ достигалась наружная гармоничность зданія; органической же его связи, которая выдвигаетъ различныя части въ ихъ дѣйствіи и противодѣйствіи, которая онагляживаетъ ихъ служебный смыслъ и, путемъ живого соотношенія, уряжаетъ ихъ въ одно цѣлое,—этой всепроницающей души у арабскихъ построекъ нѣтъ; конструктивный элементъ остается слабымъ, и орнаментація скорѣе заслоняетъ его вмѣсто того чтобы рельефно выдвинуть впередъ. Декоративность преобладаетъ съ неоспоримымъ блескомъ и богатствомъ, но все же однако такъ, что строго-архитектоническому вкусу подается поводъ говорить объ изящномъ безуміи ихъ великолѣпноизукрашенныхъ построекъ. Это особенно обнаруживается въ чудовидности сталактитныхъ сводовъ, называемыхъ этимъ именемъ по сходству съ известковыми натеками капельниковыхъ пещеръ; и дѣйствительно передъ воображеніемъ южанина могла носиться при этомъ вся прелесть освѣжающаго грота. Цѣлые своды, и въ особенности клинья связывающіе ихъ со стѣнами, кажутся сплошь составленными изъ маленькихъ гипсовыхъ главочекъ, консолей и нишей, выступающихъ наружу только верхними частями, такъ что острія и шпицы висятъ внизъ; отъ полу представляются онѣ вамъ какъ бы ячейками пчелинаго улья, и именно тамъ, гдѣ благонадежная прочность конструкціи должна бы была выступать всего явнѣе, она прячется подъ нарядною шумихой погремушекъ, блестящихъ золотомъ и яркой пестротой.

Отвѣсныя полосы верхостѣнья отъ колоннъ до потолка, горизонтальные карнизы, грани сводовъ, все орнаментируется линѣйнымъ узоромъ, онагляживающимъ ихъ направленіе. Мы знаемъ подобные орнаменты у древнѣйшихъ еще Симитовъ, переносившихъ прямо на дворцовыя стѣны каймы своихъ великолѣпныхъ одеждъ; меандрически перепутанныя линіи, развернутые опахалами цвѣты перешли оттуда въ греческое зодчество съ тонкою уже архитектоническою стилизовкой, а теперь возникли изъ него опять съ пре-

избыточною, чрезмѣрной роскошью. Образцомъ для Арабовъ служили византійскія украшенія, въ томъ видѣ какъ сохранились они въ церкви св. Софіи; это было бы само собою очевидно, даже и не знай мы навѣрное, что у нихъ работали греческіе мастера. Въ горизонтальныхъ полосахъ узора часто есть надписи, изреченія, стихи, начертанные конечно декоративнымъ шрифтомъ, то поприямѣе и попроще, то напротивъ связнѣе и размашистѣй, такъ что они составляютъ нѣчто вродѣ арабесковъ. Но въ особенности развили Арабы декорацію стѣнныхъ поверхностей, прямолинѣйные или криволинѣйные узоры, состоящіе изъ математическихъ фигуръ или изъ схематизированныхъ лиственныхъ украшеній, превращающіе стѣну въ пестрый коверъ и по имени Арабовъ прозванные арабесками. Тутъ одна фигура перехватываетъ въ другую, тутъ мы видимъ неустанную гоньбу, ловлю и новую опять бѣготню, но все это въ извѣстномъ калейдоскопическомъ порядкѣ, и хотя оно развертывается повидимому съ полнымъ разгуломъ какъ нарочно поддразнивающей васъ фантазіи, но благодаря симметричеческому возврату въ пестрой чередѣ красокъ и формъ здѣсь все-таки сквозитъ господство какого-то управляющаго этою сумятицей общаго закона. Съ математическимъ смысломъ, съ расчетливымъ умомъ Арабовъ сливается здѣсь и отрадное для нихъ удовольствіе спокойно грезить на яву; да и не тотъ же ли вѣдь расчетливый умъ весь отдается воображенію при рѣшеніи геометрическихъ задачъ и алгебраическихъ уравненій? Въ подѣлѣ на щиты или поля вездѣ господствуетъ уряжающая мѣра законной ясности, въ заполненіи же щитовъ сѣтью узора вездѣ избѣгается напротивъ строгая правильность: всѣ линіи пущены наискось, но отнюдь не діагональю къ прямоугольной обрамовкѣ; звѣзды и многоугольники служатъ схемами для ихъ сплетеній и перевивовъ, но ни одна фигура не замыкается вполнѣ, линіи индѣ идутъ дальше точекъ пересѣченія, индѣ уклоняются отъ встрѣчи не доходя до нихъ, чтобы вступить въ новые узлы, изъ которыхъ онѣ скоро опять высвобождаются; отсюда граціозная кутерьма и суматоха, которая вездѣ напоминаетъ о правильности, ни гдѣ ея не осуществляя, и постоянно манитъ фантазію въ новыя и новыя плетеницы, подобно тому какъ Персіянинъ крѣпко любитъ загадки и игру словъ и, сказывая сказки, непремѣнно втроститъ одну въ другую, запрядетъ нить новой тогда именно, когда прежняя повидимому близка уже къ концу, —все это для того чтобы съизнова напречь вниманіе и, освѣживъ этимъ слушателя, вести его дальше и дальше. Въ арабескахъ любятъ повторять одинъ и тотъ же рисунокъ въ разныхъ цвѣтахъ и въ противоположномъ направленіи; полные, простые тоны, золотой, красный и синій, чередуются съ смѣсными цвѣтами, зеленымъ, фіолетовымъ и коричневымъ, то сочнѣе и ярче, то сдержаннѣй, такъ что и здѣсь имѣется въ виду и достигается многоголосная гармонія, тогда какъ цѣлое производитъ впечатлѣніе одного и того же, лишь видоизмѣняемаго въ разнообразныхъ тонахъ, напѣва. Но до замкнутой въ себѣ полной мелодіи, которая воспроизводила бы художественно душевное настроеніе въ органическомъ его ростѣ, арабескъ не доходитъ никогда, какъ не доходитъ онъ и до органическаго видообразованія растеній, животныхъ, человѣка; скорѣе намъ невольно припоминается здѣсь то, что люди, отказывающіе музыкѣ въ духовномъ содержаніи и видящіе въ ней одну только милую игру формъ, а не идею во всей красотѣ ея постепеннаго роста и движенія, —эти именно люди и прозвали ее звучащимъ арабескомъ. Очень вѣрно замѣ-

чаетъ Шназе, что и позднѣйшая арабская поэзія не катится уже полноводнымъ токомъ изъ естественнаго ключа, а только бьетъ изъ затѣйливыхъ чудовидныхъ фонтановъ, что она умышленно вводитъ риому въ чисто-прозаическую рѣчь, или нарочно употребляетъ одно и то же слово въ различныхъ смыслахъ, но среди всѣхъ этихъ затрудненій движется съ удивительной легкостью и граціей, озадачивая и потѣшая на каждомъ шагу замысловатыми оборотами и молніями глубокихъ мыслей. «Такъ точно манитъ насъ своей «загадочной игрою арабескъ, невольно влечетъ къ себѣ душу смѣлымъ раз«махомъ своихъ линій, все вновь обманываетъ ее намеками на какое-то «скрытое въ немъ правило, занимаетъ не требуя ни какого серьёзнаго вни«манья, то и дѣло прерывается, и всегда способенъ возникнуть опять вновь, «способенъ продолжаться до безконечности, какъ словоохотливыя макамы «Харири или, пожалуй, какъ созвучныя риомы газелей: и въ немъ и въ «нихъ та же досужая озабоченность, то же тихое убаюкиванье фантазіи, то «же движеніе, которое даетъ вамъ только чувствовать что вы живы, но ни «мало васъ не утомляетъ.»

Когда Арабы проникли въ малую Азію, тогда стоящая на мѣстѣ Соломонова храма мечеть была передѣлана на мусульманскій ладъ изъ осьмигранной купольной постройки юстиніанова времени; въ Дамаскѣ христіане и могаммедане подѣлились между собой базиликами св. Іоанна. Въ Египтѣ стиль ислама развивается самостоятельнѣй, имѣя передъ глазами древніе прочные памятники того края съ величавой ихъ массивностью. Если для мечети Амру въ Каирѣ колонны брались еще изъ римскихъ и византійскихъ сооруженій, зато въ основанной 885-го года галерейной постройкѣ Ибнъ-Тулуна окаймлявшія дворъ дуги трехъ, а въ самомъ святилищѣ—пяти, аркадъ покоились на могучихъ четыреугольныхъ столпахъ, которыхъ стесаныя грани были оживлены тонкими колоннами.—Начиная съ 13-го вѣка могаммеданскія постройки въ Дельи заспорили уже колосальностью и великолѣпіемъ съ древнеиндійскими сооруженьями; и здѣсь мы видимъ новый примѣръ того, какъ легко Арабы отдаются впечатлѣніямъ природы и культуры, какъ легко воспринимаютъ они укоренившееся преданіемъ и какъ усердно развиваютъ его далѣе. Общій планъ величественъ и богатъ, мастера умѣютъ и здѣсь декоративно расчленить внѣшность, увѣнчивая окна и ниши острой дугою. Стѣна убрана зубцами, углы украшены минаретами, которые высятся также и вкругъ обширнаго купола, величаво вздувшагося надъ самой серединой. Ворота двора превращаются въ высокій порталъ, обставленный по сторонамъ башнеобразными столпами. Внутри все блещетъ и сверкаетъ золотомъ, самоцвѣтными дорогими камнями. Путешественники сплошь повторяютъ отзывъ: Эти владыки изъ племени Патанъ (Афганъ) строили какъ исполины, а украшали какъ золотыхъ-дѣлъ-мастера. Башнеобразное сооруженіе Кутабъ-Минаръ поднимается на 240 футовъ отземи; мечети, дворцы, могильные памятники высятся здѣсь среди цѣлаго поля развалинъ. Уцѣлѣли еще нѣсколько позднѣйшія великолѣпныя постройки Деяпура, столь богатыя столпами, галереями, куполами, убранными накладною и прорѣзной работой. Съ половины 16-го столѣтія такъ-называемые Великіе Моголы начинаютъ строить въ Агрѣ и въ новомъ Дельи. Ихъ мечети, дворцы и мавзолеи также могучи своимъ массивнымъ сооруженіемъ, какъ и расточительной пышностью декораціи. Бѣло-

мраморная Жемчужная Мечеть украшена золотыми надписями по свѣтлому фону; надгробница, которую шахъ Джиханъ воздвигъ любимой супругѣ своей Нуръ-Джиханъ, слыветъ чудомъ свѣта, однимъ изъ лучшихъ украшеній Азіи; производимое ею волшебное впечатлѣніе — единственно въ своемъ родѣ, и отрадно намъ смотрѣть на нѣжную супружескую любовь, которая, въ полную противоположность гаремной обстановкѣ, скорѣе напоминаетъ задушевную романтику индійскихъ и персидскихъ богатырскихъ пѣсенъ.

Въ Персіи мало сохранилось изъ построекъ Абасидовъ, изъ того, что̀ возведено Гарунъ-аль-Рашидомъ въ Багдадѣ или два вѣка спустя Могаммедомъ Іеминъ-ад'Даулою въ Газнѣ; мы можемъ тѣмъ не менѣе предполагать, что образцами имъ служили чертоги Сасанидовъ. Только съ конца 16-го столѣтія, то-есть со времени Аббаса Великаго, начались блистательныя сооруженія въ Испагани; вмѣсто архитектонично-пластическаго расчлененія внѣшности, они однакожь только украшаютъ ее яркой пестротой и вездѣ предпочитаютъ нарядныя тонко-стройныя формы могучей простотѣ частей, высящихся съ соразмѣрной толщиною.

АРАБЫ ВЪ СИЦИЛІИ И ИСПАНІИ.

Уже въ 704-мъ году Муса̀ совершилъ грабительскій набѣгъ на Сицилію; въ первой половинѣ 9-го вѣка Арабы покорили себѣ этотъ островъ, а вначалѣ 10-го онъ процвѣлъ земледѣліемъ, промышленностью и искусствомъ. Въ 11-мъ вѣкѣ завладѣли имъ Норманны, сначала раззоряли и грабили, но вскорѣ, уступивъ обаяніямъ искусства и природы, сами приняли культуру и нравы побѣжденныхъ. Вся обстановка государей ихъ носила на себѣ восточный отпечатокъ, даже монеты чеканились съ арабскими надписями. Когда въ концѣ 12-го вѣка землетрясеніе распространило ужасъ во дворцѣ Вильгельма Добраго, женщины и прислуга обратились съ мольбой къ Аллаху и къ пророку; всѣ они затрепетали когда нечаянно вошелъ вдругъ государь; но онъ сказалъ имъ: «Пусть всякъ молится чтимому имъ Богу; кто вѣруетъ въ своего «Бога, тотъ спокоенъ душой». Пѣсни арабскихъ пѣвцовъ раздавались тамъ попрежнему, и вельможи строили себѣ за̀мки и дачи на арабскій ладъ. Но какъ не монументаленъ былъ арабскій стиль сравнительно съ греческимъ, видно уже изъ того, что и донынѣ много сохранилось превосходныхъ храмовыхъ развалинъ древности, а средневѣковыхъ мавританскихъ построекъ уцѣлѣло очень мало. Изъ тѣхъ сарацынскихъ за̀мковъ, которые, по словамъ Ибнъ-Джубаира, облегли Палермо какъ жемчужная низь облегаетъ шейку молодой красавицы, дошли до насъ немногіе лишь остатки; такова, напримѣръ, вилла Чиза, зала съ нишами, накрывающая своимъ сводомъ бьющій середи

ея фонтанъ; она важна видомъ и крѣпка снаружи; въ верхнемъ ярусѣ есть четыреугольная колончатая галерея съ сквознымъ среднимъ пространствомъ и примыкающими къ ней съ разныхъ сторонъ покоями; — такова еще Куба, которой названіе объясняетъ намъ купольный павильіонъ и которой надпись именуетъ норманскаго герцога Вильгельма основателемъ ея вконцѣ 12-го вѣка. Доброкачественная массивность и употребленіе островерхой дуги напоминаютъ африканскія, въ особенности египетскія постройки. Вліяніе Арабовъ на норманскія церкви въ Палермо бросается въ глаза. То, что дошло до насъ изъ арабско-сицилійской поэзіи, не представляетъ ни чего общаго съ древнимъ бытомъ этого края; Арабы не умѣли входить въ миѳы и въ исторію другихъ племенъ; для нихъ, какъ замѣчаетъ Шакъ, старая бедуинская жизнь съ ея богатырствомъ и баянствомъ была именно тѣмъ, чѣмъ для стихотворцевъ новой Европы были миѳологія и поэзія Грековъ и Римлянъ; они крѣпко держались языка, формъ, образовъ того времени: оттого поэзія ихъ и осталась для Запада экзотическимъ, совсѣмъ чужероднымъ растеніемъ, которое хоть и извлекало себѣ пищу изъ новой почвы, хотя и пріурочивалось отчасти къ чуждому климату, но никогда не измѣнялось совершенно и вполнѣ. Звуки ея здѣсь какъ-то мягче, мечтательно-упоеннѣе текущимъ мгновеніемъ, нежели пѣсни прежнихъ степняковъ. Они охотно расточаютъ похвалы красотѣ природы, напримѣръ такъ:

> О, что за роскошь на этомъ островѣ! Какъ рдѣетъ здѣсь апельсинъ,
> Какимъ огнемъ сверкаетъ онъ изъ-подъ изумрудной листвы!
> А тамъ вонъ блѣднѣетъ лимонъ, точно снѣдаемый грустью любовникъ,
> Которому пришлось проплакать всю ночь въ дали отъ своей милой.
> А двѣ пальмы, что́ стоятъ тамъ на высотѣ,
> Не похожи ли онѣ на парочку, убѣжавшую отъ злыхъ людей?
> Нѣтъ, уподоблю ихъ лучше любовникамъ, что гордо подымаютъ голову
> И готовы смѣло обратить въ ничто всякіе укоры и подозрѣнья.
> О пальмы палермскаго берега, пусть благое небо всегда орошаетъ васъ
> Теплыми дождями, кроткими ливнями!
> Цвѣтите вы, деревья, все попрежнему и давайте тихую тѣнь свою любви,
> А дружокъ съ подружкою пусть между-тѣмъ сладко покоятся на цвѣтистой лужайкѣ.

Въ описаніи чертоговъ стихотворство поспоритъ съ самой архитектурою обиліемъ пластическихъ орнаментовъ и ослѣпительной роскошью яркихъ красокъ.

Уже вначалѣ 8-го вѣка Тарикъ и Муса́ покорили Арабамъ Испанію; только на сѣверѣ древніе туземцы и Вестготы отстояли оружіемъ свою независимость, чтобы впослѣдствіи постепенно вытѣснять завоевателей. Абдуррахманъ сдѣлался самобытнымъ властелиномъ, и Испанія стала самымъ цвѣтущимъ краемъ во всей Европѣ; открылись источники ея богатствъ, земледѣліе поднялось системой тщательнаго орошенія, промышленности предоставлена была всевозможная свобода, торговля расширена во всѣ концы свѣта, искусство и наука воздѣлывались ревностнѣйшимъ образомъ, и вездѣ водворена религіозная терпимость. Скоро въ Гандерсгеймѣ, близъ Гарца, монахиня Гросвита не нахвалится чуднымъ городомъ Кордовою на берегахъ Гвадалькивира, назоветъ его юною, свѣтлою, блестящею красою міра, гордою своимъ ратнымъ духомъ, славною окружающими ее прелестями, лучезарною

обладательницей всего, что только дорого человѣку. Въ первой половинѣ 12-го вѣка царство это хотя и распалось на множество мелкихъ государствъ, но каждое изъ нихъ въ свою очередь стало средоточіемъ искусства и науки. «Они, правда, Мавры, но настоящіе рыцари», отзывались христіане объ Арабахъ и среди мира, и на войнѣ. И когда съ половины 13-го столѣтія крестъ былъ снова водруженъ поверхъ башенъ Кордовы и Севильи, въ Гранадѣ развернулся дивный поздноцвѣтъ арабской образованности. Что именно въ этомъ только-что завоеванномъ тогда городѣ Фердинандъ и Изабелла пожаловали наконецъ Колумбу корабли для открытія Америки, — это стало однимъ изъ межевыхъ камней новой эпохи подобно завоеванію турками Константинополя.

Поэзія какъ была, такъ и осталась общимъ достояніемъ народа: ото всѣхъ замѣчательныхъ государей дошли до насъ стихи, даръ импровизаціи распространенъ былъ всюду: мужикъ пѣлъ за своимъ плугомъ, пѣсня вызывала на кровавый бой, она же была голосомъ любовной страсти, ею приправлялся пиръ, ею праздновалась побѣда, ею оплакивались мертвые; государственные дѣльцы старались чарами стиха придать больше силы языку своихъ думныхъ совѣщаній; ученые украшали свое систематическое изложенье изящно риомованными поговорками. Особенно-даровитые пѣвцы ходили подобно провансальскимъ трубадурамъ изъ замка въ замокъ, предлагая свои услуги знатнымъ хозяевамъ и получая богатые подарки за свой трудъ. Основной тонъ былъ попрежнему лирическій. Образцами для искусственной поэзіи служили Моаллакаты; подобно имъ, любила она снизывать вмѣстѣ множество разныхъ блестящихъ вещей помимо строгаго единства идеи и настроенія, причемъ образы древней степной жизни мѣшались съ новыми созерцаніями и ощущеніями настоящей эпохи. Поэзія поддерживала связь образованныхъ Арабовъ съ первобытнымъ отечествомъ, съ отдаленной, доисторической стариной. Распущенность композиціи стихотворцы наверстываютъ прелестью подробностей, техническими красотами: стремленіе сказать что-нибудь новое даже и по поводу избитыхъ уже предметовъ часто ведетъ ихъ къ необыкновеннымъ странностямъ; они хотятъ не только хватать за душу, но и льстить уху, ослѣплять глаза, а тутъ, при молніиной смѣнѣ красокъ цѣлаго фейерверка затѣйливыхъ образовъ и риомъ, умъ нерѣдко выходитъ съ пустыми руками. При обычныхъ похвалахъ государямъ охотно пускаются они въ жестокія преувеличенія, напримѣръ:

О. это властелинъ, которому покорны многія царства.
Всѣ ихъ обвиваетъ онъ плащомъ своей милости и кротко оберегаетъ.
Стрѣла его не минуетъ звѣзды, если онъ нацѣлится на нее лукомъ;
Любой рубежъ земной послушно отступаетъ передъ нимъ, когда онъ прикажетъ.
Чело его сообщаетъ дню весь блескъ, которымъ онъ насъ радуетъ,
Цвѣтомъ его щекъ румянится само утро;
Горы склоняются передъ нимъ вершинами, потому что онъ владыка Земли,
Развѣ только плеяды небесныя равны съ нимъ высотою

Мы можемъ еще постичь поэта, когда о гробѣ своей милой онъ говоритъ:

Ты раковина, вмѣстившая драгоцѣннѣйшую изъ жемчужинъ.

Но ужь невольно озадачиваетъ слѣдующій за тѣмъ стихъ:

Ты чашечка прекраснѣйшаго изъ цвѣтовъ, растущихъ въ полѣ красоты.

Лирическія стихотворенія сопровождаютъ насъ сквозь всю исторію Арабовъ въ Испаніи. Абдуррахманъ I уподобляетъ себя первой финиковой пальмѣ, которую самъ же онъ посадилъ въ Андалузіи:

Ты, пальма, такъ же чужда этому краю, какъ и я,
Ты пришлая здѣсь на Западѣ, въ дали отъ родного своего берега;
Такъ плачь! Но какъ же вѣдь и плакать ей безгласной?
Нѣтъ, незнакома ей тоска, подобная моей.
А только умѣй она чувствовать, о, съ какими горькими слезами
Стремилась бы она къ пальмовымъ рощамъ Востока, къ струямъ Эвфрата!
Но она объ нихъ не думаетъ, да и я было совсѣмъ забылъ своихъ милыхъ,
Съ тѣхъ поръ какъ ненависть сыновей Аббаса выжила меня изъ родной земли.

Христіане съ одной стороны, Арабы—съ другой, вызываютъ народъ биться за его вѣру; тогда торжественная пѣснь могаммеданъ привѣтствуетъ малагскаго владыку:

Всѣ четыре вѣтра несутъ намъ вѣсти побѣдъ твоихъ,
Звѣзды, поднимаясь на востокѣ, объявили твое счастіе,
Съ вращающихся въ выси сферъ небесныхъ раздалась пѣснь,
Что Господь - помощникъ тебѣ во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ.
Жизнь твою, которую каждый охотно искупилъ бы своею,
Ты всю вѣдь посвятилъ служенію верховнаго владыки, вѣчноединаго.

Герой, прославленный древнѣйшимъ эпосомъ на испанскомъ языкѣ, Сидъ, является въ арабскихъ стихотвореніяхъ неистовымъ душегубцемъ; изъ-за того, что онъ вмѣшивался въ усобицы могаммеданъ, что вступалъ въ союзы съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ мелкихъ владѣльцевъ для военныхъ дѣйствій противъ другихъ, Арабы называли его ихъ вассаломъ, служителемъ. Разнеслась вдругъ страшная молва, что какой-то Родриго освобождаетъ полуостровъ отъ Арабовъ, какъ нѣкогда другой Родригъ утратилъ его въ борьбѣ съ ними. Славолюбіе его воспламенилось будто бы оттого, что онъ слышалъ какъ воспѣваются богатырскіе подвиги древнихъ Арабовъ; побѣда будто бы прикована къ его знаменамъ, и онъ настоящее чудо божіе. Далѣе, полныя тоски пѣсни оплакиваютъ паденіе ислама, и скорбь погибающаго, но благороднаго и образованнаго народа трогательно отзывается даже въ романсахъ его побѣдителей.

Немыслимо, чтобы въ быту, до такой степени увитомъ и перевитомъ лирикой, чтобы среди такой многоизмѣнчивой исторіи, не сложилось историческихъ былинъ или сказаній, и Шакъ ссылается при этомъ на отзывъ одного восточнаго свидѣтеля, что когда Бедуинъ передавалъ слушателямъ новое для нихъ происшествіе, они всегда въ удостовѣреніе требовали отъ него какого-нибудь стиха. Но чѣмъ же могли быть такіе стихи, какъ не импровизаціей по случаю того самаго подвига, пѣвшеюся непосредственно вслѣдъ за нимъ и уже знакомою намъ изъ древнихъ пѣсенъ? Разскащики излагали повѣсть свою въ прозѣ, пересыпая ее для прикрасы стихами, и я думаю что въ той самой формѣ, въ какой дошелъ до насъ рыцарскій романъ Антара,

складывалась и былина вообще, разросталась и обтачивалась въ устахъ сказателей, и что чья-нибудь опытная рука связывала потомъ воедино разнообразныя подробности, не доходя однакожь никогда до эпоса въ настоящемъ смыслѣ. Если у Готовъ, Ломбардовъ, Франковъ какіе-нибудь Іорнандъ, Павелъ Діаконъ или Тюрпенъ очевидно основывали свои лѣтописи на богатырскихъ пѣсняхъ (былинахъ), то мы конечно можемъ заключить относительно римскихъ или арабскихъ историковъ что разныя чудесныя и поэтическія черты и у нихъ принадлежатъ чисто народной фантазіи, но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы черты такого рода были выработаны сверхъ-того и въ эпическихъ также пѣсняхъ. Поэтому я вижу не столько развалины, сколько строевые камни эпоса въ разсказахъ про похожденія Абдуррахмана I-го, какъ онъ ускользаетъ отъ преслѣдованій Омаядовъ, рано признается за человѣка, отмѣченнаго высшею судьбой, бѣжитъ за Эвфратъ черезъ всю Африку, провозглашается тамъ владыкой Андалузіи и создаетъ великолѣпную испанскую державу; отсюда могла бы выйдти другая Одиссейя, только обладай симитскій духъ объективностью Арійцевъ, тѣмъ пластическимъ смысломъ, который съумѣлъ бы равномѣрно выдержать и провести одно поэтическое цѣлое; а безъ этого все остановилось на обыкновенномъ прозаическомъ разсказѣ, и лишь только мѣстами, гдѣ особенно возбужденъ духъ, пробиваются лирическія изліянія. Есть, правда, и у Арабовъ риомованныя хроники, но это еще не народный эпосъ. Арабскій поэтъ вездѣ хочетъ высказать задушевную свою жизнь, хочетъ изобразить не внѣшній міръ, а только вызванныя имъ въ немъ ощущенія; онъ не углубляется въ индивидуальность другихъ, да не умѣетъ дать предметно изобразиться и самимъ людямъ, самимъ житейскимъ отношеніямъ.

Женщины принимали у Арабовъ свободное участіе въ образованіи мужщинъ, въ поэзіи и наукѣ; поэтому въ любовныхъ пѣсняхъ, обокъ съ похвалами чувственной красѣ, мы видимъ также сердечную наклонность, глубокую задушевность чувствъ, и рядомъ съ пламенною страстью — тихую мечтательность. Поэтъ смотритъ на́ небо, не подмѣтитъ ли той звѣздочки, которою обыкновенно любуется взглядъ милой; онъ прислушивается къ вѣтерку, не принесетъ ли онъ на крыльяхъ дорогого отъ нея словечка. Нѣтъ въ морѣ жемчужины, нѣтъ въ горахъ камня самоцвѣтнаго съ такимъ чистымъ блескомъ какъ она. Если же онъ не услышанъ ею, не успѣлъ тронуть ея души, онъ утѣшается тою мыслію, что вѣдь солнце и мѣсяцъ также недоступны человѣку; а, напротивъ, осчастливитъ его ласка возлюбленной, тогда заря взошла для него изъ тьмы ночной, цвѣты развернулись съ благоуханіемъ, соловьи защелкали и залились сладкой пѣснью. Уже въ 9-мъ вѣкѣ Саидъ Ибнъ Джуди тоскуетъ подобно нѣмецкому миннезенгеру:

Съ тѣхъ поръ какъ я услышалъ ея голосъ, отлетѣла душа моя;
Сладкій звукъ его оставилъ во мнѣ одно только горе.
Только все она у меня въ памяти, все она, моя Джихана;
Никогда я не видалъ ея, а отдалъ ей сердце навѣки.
Дорогое имя, и для меня безцѣнное,
Призываю я сквозь слезы, какъ монахъ взываетъ къ своей иконѣ.

Счастливые любовники посѣщаютъ другъ друга въ сонныхъ грезахъ, и когда они свидятся въ долинѣ сна, раны сердца не пожигаютъ ихъ болѣе та-

кой сильной тоскою. Какъ мило и затѣйливо фантазія играетъ при этомъ картинами и ловкими оборотами рѣчи, можно видѣть изъ любовной записочки князя Иццъ-уд'Даулы:

Въ горѣ и въ смертельной тоскѣ написалъ я къ тебѣ это посланьице;
Будь только воля моему сердцу, какъ охотно снесло бы оно его тебѣ само.
Станешь читать эти строки, вообрази что я самъ прилетѣлъ къ тебѣ издалёка,
Что черныя эти буквы — мои черные, блестящіе глаза.
А сколько поцалуевъ приняло отъ меня письмецо мое,
То самое, которое, о милѣйшая! скоро распечатаютъ твои бѣлые, нѣжные пальцы

Послѣ любви другая услада жизни—вино. Арабъ потягиваетъ его со вкусомъ знатока-отвѣдчика; и радость и горе, росистое утро, жаркій полдень и вечерній холодокъ, все вызываетъ приложиться къ кубку; звѣзды кружатъ около небеснаго полюса какъ чарочки на веселомъ пиру, да свѣтлое, искристое вино превращаетъ и самыя чарки въ звѣзды, а когда благовонные цвѣты его изливаются въ бокалы, кажется будто почки розъ только-что развернулись середи ясминовъ. Знаменитый другъ поэтовъ, а впослѣдствіи столь несчастный владыка Севильи, аль-Мотамидъ, подалъ визирю своему кубокъ съ такими словами:

Теперь ночь, но вино въ хрустальной своей одеждѣ
Распространяетъ вокругъ ясный день;
То покажется тебѣ, что въ жерлѣ бокала
Клокочетъ огненной струей расплавленный металлъ,
То, завидѣвъ бездну свѣтлыхъ искорокъ,
Ты спросишь, ужь не горный ли это потокъ?
Не пѣнятся ли въ немъ хороводы звѣздъ,
Спустившись незримой изморосью съ пространствъ небесныхъ?

Можно подумать, что Арабамъ былъ знакомъ напитокъ вродѣ шампанскаго, когда слышишь отъ одного Сицилійца:

Бокалъ безпрестанно обходилъ насъ кругомъ, а между тѣмъ и перваго искрометнаго хлебка
Было достаточно, чтобы тотчасъ же освѣтить мракъ темной ночи;
Изъ пузырьковъ пѣны бурливое вино сплетало частую сѣть,
Уловляя въ ней какъ птицъ порывавшіеся наружу летучіе газы *).

Какъ ни любили искусственные поэты, по слѣдамъ баяновъ стараго времени, начинать свои Кассиды тоской по возлюбленной, ушедшей куда-то въ даль пустыни, разсказывать про верблюдовъ и газелей, но чудная природа Андалузіи все-таки брала наконецъ свое; тамъ, гдѣ бьютъ всегда свѣжіе ключи, гдѣ струи рѣкъ журчатъ подъ звуки пѣвческой лютни, гдѣ мѣсяцъ убираетъ золотой каймой свѣтлую синь моря, гдѣ весна устилаетъ землю безконечнымъ ковромъ цвѣтовъ, гдѣ апельсинъ пышетъ пламенемъ сквозь изумрудныя вѣтви, а роза блеститъ и благоухаетъ вѣстницей всегдашней райской весны,—тамъ поэтъ желалъ бы до конца вѣковъ остаться грѣшникомъ, не опасаясь вѣчнаго осужденья, такъ-какъ вѣдь изъ рая никто уже не переходитъ въ адъ. Не стоитъ, думаетъ онъ, труда жить ни въ какомъ другомъ краѣ.

*) Въ подлинникѣ: летучій духъ, спиртъ.

Едва вышелъ онъ впервые изъ лона подъ.
Прибрежное море выбрало его драгоцѣннѣйшею жемчужиной передъ всѣми въ мірѣ землями:
Волны, охватывавшія его своимъ ожерельемъ, дрогнули отъ восхищенія,
Когда онъ возникъ изъ глубины и простерся передъ ихъ глазами такимъ дивно прекраснымъ;
Оттого и теперь еще цвѣты улыбаются здѣсь не помня себя отъ восторга,
Оттого такъ весело щебечутъ птицы, а вѣтви невольно прислушиваются къ ихъ милымъ голосамъ.
И я отдался здѣсь вольному раздолью. горе, еслибъ пришлось мнѣ когда покинуть этотъ край!
Только вѣдь онъ одинъ—сплошной садъ, а весь свѣтъ кругомъ—голая пустыня.

Вотъ такая-то скорбь въ виду неизбѣжной съ нимъ разлуки звучитъ въ проникнутой глубочайшимъ чувствомъ, элегіи Абуль-Бека-Сали по утратѣ Кордовы и Севильи. Въ 11-мъ вѣкѣ Ибнъ-Зейдунъ, бродя по запущеннымъ уже прелестнымъ садамъ, Адзары, изливается въ меланхолическихъ жалобахъ любви къ Валладѣ: она забыла его, а онъ по прежнему пылаетъ къ ней страстью; вчера еще онъ едва опасался предстоящей разлуки, а теперь надежда на свиданіе кажется ему пустою грезой; ночи стали для него теперь длинны, и онъ тужитъ, зачѣмъ были такъ коротки тѣ, которыя онъ проводилъ когда-то съ нею. Какая сила страсти въ слѣдующихъ стихахъ:

Стоитъ тебѣ захотѣть, и любовь наша не пройдетъ никогда, вовѣки,
Тайна нашихъ душъ навсегда останется завѣтною.
Не даромъ удѣлила ты мнѣ мѣсто въ своемъ сердцѣ;
Я не уступилъ бы его цѣной крови, цѣной существованія.
Позорь меня! я стерплю; возгордись! я скажу ты права;
Бѣги! я за тобой вслѣдъ; молви слово! и слушаю; повели! и я рабъ твой.

Полный приключеній бытъ странствующихъ пѣвцовъ ярко отразился въ жизни Ибнъ Аммара: нынче онъ нищій, завтра воевода, нынче царскій любимецъ, завтра бродяга и бѣглецъ, и это до тѣхъ самыхъ поръ, пока прежній другъ его, Мотаммидъ, не умертвилъ его въ темницѣ. Самъ Мотаммидъ, взошедшій 1069 г. на севильскій престолъ, принадлежалъ къ замѣчательнымъ поэтамъ своего народа; всего больше велъ онъ дружбу съ учеными и пѣвцами, состязаясь съ ними въ импровизаціи; что ни доводилось ему пережить, тотчасъ же складывалось у него въ пѣсню. Лишась престола насиліемъ, онъ скованный отведенъ былъ въ Африку мурабитомъ Юсуфомъ, котораго самъ призвалъ себѣ на помощь противъ христіанъ, и тогда излилъ свою душу въ элегіяхъ, принадлежащихъ къ перламъ арабскаго стихотворства. Сообщимъ здѣсь хоть одну изъ нихъ.

Замѣсто прекрасныхъ пѣвицъ, звенящая цѣпь
Поетъ мнѣ теперь такую пѣсню, отъ которой страшно смущается душа моя.
Какъ прежде мой острый мечъ шипѣлъ змѣей, ныряа въ рядахъ непріятельскихъ,
Такъ теперь гложутъ меня, какъ змѣи, кандалы, — о, невыносимая кара!
Овутавъ безжалостно мое тѣло своими извивами,
Ползаютъ онѣ у меня по членамъ, такъ что вся жизнь моя изнываетъ въ мученіяхъ.
Возношу я свои жалобы къ источнику милосердія, Богу,
Но видно онъ не внемлетъ мнѣ, хотя помогаетъ всякому, кто прибѣгнетъ къ нему со слезами.
Люди добрые, хотите вы знать, кто здѣсь и чѣмъ былъ прежде тотъ,
Кто томится въ этой темницѣ? послушайтежь и узнайте:
Подъ музыку въ чертогѣ царскомъ сзывалъ онъ царственныхъ гостей,
Теперь тюрьма ему чертогомъ, пѣвцомъ же — только звякъ цѣпей.

Однакожь онъ еще находитъ въ себѣ силу радоваться счастіемъ друзей и даже славить Аллаха за свое злополучіе; земное, говоритъ онъ, исчезаетъ какъ ночная греза передъ днемъ вѣчности. Такъ же оканчивалась и заплачка по одномъ гранадскомъ королѣ, умерщвленномъ въ мечети:

Боже, въ тебѣ одномъ истинное благо, которому не будетъ конца;
А свѣтъ — только обманъ чувствъ, самъ себя изводящій.

Впрочемъ въ религіозной поэзіи испанскихъ Арабовъ нѣтъ почти ни мистической глубины, ни богоупоеннаго восторга суфіевъ, которые съ совершеннымъ уничтоженіемъ своего земного *я* повергались въ бездны любви божіей; здѣсь, напротивъ, господствуютъ только вдумчивыя соображенія насчетъ бренности земной жизни, раскаяніе во грѣхахъ и упованіе на божескую милость.

Живыя сношенія между Арабами Востока и Запада водворили въ Испаніи также и философскія ихъ ученья; послѣднія и здѣсь стоятъ въ тѣсной связи съ естествовѣдѣніемъ и примыкаютъ всего ближе къ Аристотелю. Ибнъ-Баджа (Авемпасе), изъ Сарагосы, прекрасно сказалъ вначалѣ 12-го столѣтія, что полезное должно̀ отступить передъ правымъ и истиннымъ для того чтобы могло проявиться чисто-человѣчное. Всеобщее живетъ въ частномъ, въ особенномъ, сверхчувственное должны мы вылужжать изъ формъ чувственнаго явленія и восходить такимъ образомъ къ царящему въ насъ божественному духу, къ творческому смыслу или разуму. Эта мысль засвѣтилась въ знаменитомъ врачѣ, Ибнъ Тофаилѣ, и онъ написалъ цѣлый философскій романъ, исторію Хай Ибнъ Якдана, человѣка, живущаго только по природѣ, сообразно естественнымъ условіямъ. Порожденный въ счастливую минуту естественными силами на одинокомъ острову, вскормленный газелью, онъ мало по малу подростаетъ и, помимо всякаго преданія, однимъ вдумчивымъ созерцаніемъ природы, доходитъ дѣятельностью собственной души до зрѣлаго обо всемъ понятія. Чувства открываютъ ему свойства вещей, онъ ихъ различаетъ, сравниваетъ, и доходитъ этимъ путемъ до физики. Свойства вещей измѣнчивы, но суть ихъ остается одна и та же; въ многоразличныхъ формахъ своихъ тѣла̀ обнаруживаютъ всегда одну и ту же природу; всѣ они протяженны, протяженіе, слѣдовательно, общее постоянное ихъ свойство, — субстанція вещей, вещество, матерія; только благодаря тому что она принимаетъ различныя формы, и возникаютъ вѣдь разныя тѣла. Но измѣнчивость эта, думаетъ себѣ самородный человѣкъ, должна же имѣть свою причину; вещи образуются формами, которыя стало быть силы, внутренно присущія веществу, и которыя хотя незримы сами, однако же даютъ себя знать тѣмъ, что оспособляютъ вещество къ разнообразной дѣйственности. Всѣ вещи въ связи между собой, міръ только одинъ, а это прямо ведетъ къ тому, что дѣйственныя формы и силы также всѣ исходятъ отъ одной, которая все производитъ, все уряжаетъ и дѣлаетъ это благоуспѣшнѣйшимъ образомъ. Она не можетъ быть тѣломъ, она — духъ, Богъ. Наши чувства, наше воображеніе не показываютъ намъ ни силъ, ни Бога, но духъ въ насъ самихъ мыслитъ сверхчувственное, хотя самъ онъ и невидимъ. Онъ-то и есть истинная наша сущность, связанная, правда, съ тѣломъ, съ веществомъ, но предназначенная вознестись къ общенію съ (чистыми) духами. Чувственный міръ слѣдуетъ какъ тѣнь за ду-

ховнымъ, природа представляетъ намъ Бога въ его отраженіи; мы порознены и пообособлены тѣлами, но мысль, разумъ во всѣхъ насъ одни и тѣ же; въ своей безсложно-простой духовной сущности мы составляемъ одно съ истиной, мы общимся въ ней съ Богомъ и тѣмъ самымъ обрѣтаемъ благополучіе.— Послѣ того какъ самородный человѣкъ мало по малу достигъ этого убѣжденья, онъ встрѣчается съ однимъ отшельникомъ, познавшимъ то же самое изъ религіи; онъ заключаетъ отсюда, что религія не учитъ ни чему такому, чего нельзя бы было открыть также и разумомъ, что она поэтому служитъ къ воспитанію слабѣйшихъ, несамостоятельныхъ, и представляется образно для тѣхъ, кто не всилахъ понять чистой истины. Затѣмъ онъ хочетъ подѣлиться своимъ знаніемъ съ людьми, но находитъ въ нихъ мало къ тому склонности; оттого онъ снова удаляется въ одиночество, чтобы жить для размышленій и созерцанія вѣчнаго, восторженно превозносясь надъ чувственнымъ.

Другой ученикъ Ибнъ Баджи, Ибнъ Рошдъ (Аверроэсъ), былъ вмѣстѣ, и врачъ и человѣкъ государственный, политикъ; мысли свои изложилъ онъ преимущественно въ толкованіяхъ на Аристотелевы сочиненія, что и снискало ему у схоластиковъ прозвище комментатора или толковника. Онъ старался преодолѣть дуализмъ формы и вещества, существенный раздвой Бога съ человѣкомъ. Онъ противопоставлялъ матерію формѣ не внѣшнимъ образомъ, а разсматривалъ ее только какъ сущее въ возможности (осуществимое), содержащее всѣ формы въ самомъ себѣ, такъ что онѣ не привносятся со стороны, но изъ него же возникаютъ и развиваются. Движущая сила обработываетъ матерьялъ не такъ какъ художникъ, налагающій на него чуждыя ему формы; она напротивъ возбуждаетъ его къ видообразованію себя изнутри, къ раскрытію формы изъ самого себя. Такимъ образомъ душа—форма всякаго органически-живого тѣла, и притомъ лежащая въ самой же матеріи; она только организующее и животворящее ее начало. Весь міръ сталобыть громадное живое существо, а различныя сферы міра—его органы; мы наравнѣ со всѣми другими вещами—члены вселенской этой жизни; любая частность имѣетъ свое значеніе только во всеобщемъ, какъ средство его осуществленія; внутреннее цѣлое присуще всякому единичному явленію. Духовное (сверхчувственное), это нутро и есть сущность, чувственное— одинъ только внѣшній знакъ вещи. Всеобщій законъ природы опредѣляетъ свое мѣсто каждому рѣшительно существу; высшее вездѣ властвуетъ надъ низшимъ, первый движитель—надъ сферами небесными, а послѣднія надъ всѣмъ земнымъ; свыше исходитъ сила, выгоняющая наружу формы матеріи, до тѣхъ поръ пока она завершится въ человѣкѣ, а этотъ духомъ своимъ возвышается опять къ вѣчному и становится связью между земнымъ и небеснымъ. Но здѣсь завѣтный кругооборотъ природы уже и сковалъ мыслителя своимъ заклятіемъ, такъ что онъ ни гдѣ не видитъ дальше новаго развитія, новаго прогресса; вѣчно повторяется опять все то же, всегда бывшее, только повторяется при измѣняющихся обстоятельствахъ. Такимъ образомъ и во всѣхъ людяхъ присущи для Ибнъ-Рошда одна и та же разумная дѣятельность, одинъ и тотъ же творческій смыслъ, божественный свѣтъ, озаряющій всѣ силошь души, только временами ярчѣе вспыхивающій то здѣсь, то тамъ; отчего прежде философствовали Греки, теперь философствуютъ Арабы, а общій уровень знанія не подымается. Неизмѣннымъ пребываетъ вообще только родъ, осо-

бн же мѣняются безпрерывно; вѣчно въ человѣкѣ только одно чистое мышленіе, всеобщій разумъ. Личность совершенно приносится здѣсь въ жертву послѣднему, такъ же какъ и всякій духовный прогрессъ—необходимому естественному процессу; спасти начала личности и духовнаго прогресса выпало задачей христіано-германской философіи.

Мы прежде говорили уже о вліяніи Арабовъ на европейскую науку; чтобы, при оживленныхъ сношеніяхъ ихъ съ христіанами въ Испаніи и въ Сициліи, гдѣ то христіане находились подъ могаммеданскимъ владычествомъ, то могаммедане подъ христіанскимъ, поэзія ихъ не оказывала ни какого дѣйствія на христіанскую, этому едвали можно повѣрить. Конечно, столько же несправедливо мнѣніе, будто бы именно отъ нихъ риѳма перешла въ западное стихотворство, какъ и то что происхожденіе готики приписывается Сарацынамъ. Но справедливы жалобы испанскихъ епископовъ, что многіе ихъ единовѣрцы предпочитаютъ арабскія сказки латинскимъ толкованіямъ на библію, что и сами они пишутъ арабскіе стихи; правда, что пѣвцы былины о св. чашѣ указываютъ въ ней на разныя восточныя черты, и что императоръ Фридрихъ подвергся со стороны папы обвиненію въ идолопоклонствѣ за близкія связи свои съ могаммеданами въ Палермо. Но зато любой музамъ дворъ его былъ вмѣстѣ и колыбелью итальянской поэзіи. Другія точки соприкосновенія встрѣчаются намъ еще въ испанскихъ романсахъ. Не чисто ли арабскій образъ, напримѣръ, назвать крѣпость невѣстою, на которой сватается осаждающій? Любимою формой въ популярныхъ арабскихъ пѣсняхъ было то, чтобы одна или двѣ риѳмы короткой вводной строфы отозвались опять вконцѣ слѣдующей, длиннѣйшей, или чтобы сначала шли двѣ риѳмующія между собой строчки, и чтобы риѳма ихъ повторялась вконцѣ слѣдующихъ за тѣмъ четырехъ строкъ. И то и другое находимъ мы какъ въ испанской, такъ равно и въ итальянской поэзіи. Шакъ приводитъ въ доказательство одну арабскую «заджаль», потомъ пѣсенку севильскихъ нищихъ школьниковъ и наконецъ аскетическое стихотвореніе Дантова современника, Джакопоне изъ Тоди, которыя всѣ три въ точности держатся этого размѣра *. Дѣло тутъ неоспоримое и ясное; сказать, что эти столь опредѣленныя формы могли быть, независимо отъ Арабовъ, изобрѣтены самими Испанцами и Итальянцами, все равно что утверждать, будто гексаметръ изобрѣли Римляне, форму сонета Нѣм-

---

* У Каррьера переведены всѣ три стихотворенія, но такъ какъ тутъ все дѣло въ размѣрѣ, а стѣснительный размѣръ представляетъ въ русскомъ неодолимыя трудности при вѣрной передачѣ смысла, то мы ограничимся переводомъ только одной „Севильской пѣсенки“, который еще кое-какъ исполнимъ:

Школьнику во всемъ нужда!
Удѣлите, господа,
Изъ большого достоянья
Бѣдному на пропитанье;
Я жь даю вамъ обѣщанье
Молить Бога завсегда,
Чтобъ послалъ онъ вамъ награду
Въ жизни, да и ту отраду,
Смерть чтобъ грознымъ входомъ въ аду
Вамъ не стала никогда.

цы, а вовсе не переняли ихъ у Грековъ и Итальянцевъ, или что какой-нибудь линѣйный узоръ изъ Альямбры въ штутгардской Вильгельмѣ первоначально возникъ не у Арабовъ, а въ самой Швабіи.

Еще Абдуррахманъ I построилъ въ 786-мъ году большую мечеть въ Кордовѣ; она была увеличена и изукрашена его преемниками; Хакемъ II засталъ уже по главной, южной сторонѣ ея цѣлыхъ десять рядовъ колоннъ, которые онъ распространилъ еще дальше къ югу, а Альмансуръ приставилъ къ нимъ восемь новыхъ рядовъ, въ 32 колонны каждый. Святилище это, какъ настоящая твердыня вѣры, было обведено зубчатою стѣной съ 20-ю воротами; внутри съ трехъ сторонъ примыкали къ ней колоннады, подъ тѣнью померанцевыхъ деревъ стоялъ колодезь очищенія, а съ восточной стороны въ направленіи къ Меккѣ, на площади въ 180,000 квадратныхъ футовъ, простиралась сама многоколончатая мечеть, такъ что полусумракъ ея представлялся взору богомольца какъ бы каменнымъ первобытнымъ лѣсомъ. Колонны, взятыя по большой части изъ античныхъ зданій, увѣнчанныя разнородными капителями, соединены вдоль цѣлымъ рядомъ подковообразныхъ арокъ, и въ промежуткѣ ихъ поддерживаютъ на себѣ пристѣнные столпы (толстые пилястры), превосходящіе ихъ вышиною, подпирающіе потолокъ на 34 фута отъ земли и опять-таки связанные подъ нимъ арками; потолокъ состоялъ просто изъ кровельной скамьи съ богато расписанными и вызолоченными стропилами; въ 13-мъ вѣкѣ замѣнилъ ихъ легкій коробовой сводъ; по завоеваніи Кордовы христіанами (въ 1236 г.) къ обращенной въ церковь мечети былъ пристроенъ готическій клиросъ *. Въ арабскомъ святилищѣ пространство о 119 колоннахъ на югозападномъ краю было ограждено балюстрадою и замыкалось ею въ такъ-называемую «мансуру», царское мѣсто для властителей. Стѣны сверкали мозаичными арабесками; тысячи лампадъ придавали имъ истинно-фантастическій блескъ. Въ среднемъ кораблѣ и передъ киблахомъ старовидно-простыя арки расписаны очень пестро, книзу спущены зубцами, а вверху прорѣзаны зубчатыми же поддужьями; декоративная страсть Арабовъ развернулась здѣсь во всѣхъ сказочныхъ своихъ чарахъ, и ослѣпительная роскошь присоединилась къ строгому величію. «Удивительно, говоритъ Шакъ, какъ изъ болѣе или менѣе чуждыхъ составныхъ «частей, изъ античныхъ колоннъ разныхъ ордеровъ и изъ византійскихъ мозаикъ исламъ соорудилъ себѣ святилище, вполнѣ отвѣчающее самой за«душевной, своеобразной его сути. Подобно тому какъ рай, въ глазахъ жаж«дущихъ освѣжительнаго питья и тѣни Арабовъ, рисовался прохладнымъ «привольемъ, со множествомъ журчащихъ въ немъ ключей, такъ и храмъ «Аллаха желалось имъ уподобить этому эдему, вмѣстить въ него всѣ насла«жденія, какія пророкъ обѣщалъ вѣрующимъ въ загробномъ бытіи. Оттого «во дворѣ подъ густовѣтвистыми деревьями устроивался немолчный водо«метъ, подобный тому, край котораго должны нѣкогда отдыхать блаженные;

* Клиросомъ называемъ мы то подвышенное, предалтарное, нерѣдко отгороженное балюстрадой, пространство храма, которое предназначалось для священства, церковнослужителей и пѣвчихъ, и которое на всемъ Западѣ Европы извѣстно подъ именемъ хора, Chor, choir, choeur. Не употребляемъ слова „хоръ“ въ избѣжаніе частыхъ смѣшеній его съ „хорами,“ названіемъ совершенно другой части храма. Прим. перев.

«оттого вступающій подъ сѣнь мечети охватывается сумракомъ священныхъ «рощъ, гдѣ мѣстами только сквозящіе лучи распространяютъ кругомъ нѣчто «вродѣ полуразсвѣта, а за тѣмъ слѣдуетъ опять глубокая лѣсная мгла. Какъ «древесные стволы высятся вездѣ колонны, смыкая надъ собой арки и реб«ра сводовъ подобно сучьямъ и развѣтвляя ихъ въ широкій тѣнистый кровъ, «ни дать ни взять какъ чудесное райское дерево, «туба», раскидывающееся «что индѣйская смоковница, у которой обращается въ новый стволъ любая «вѣтвь, которую опуститъ она наземь; а промежду нихъ въ пестромъ араб«скомъ убранствѣ вьются по стѣнамъ ползучія растенія, цвѣты и отягчен«ныя плодами вязи, взбѣгаютъ по кровельнымъ стропиламъ вверхъ и свѣ«шиваются надъ головами богомольцевъ.»

Однѣ только груды развалинъ остались отъ того замка, въ который калифы перестроили прежде-бывшую готскую крѣпость, украсивъ его потомъ садами, прудами, водоскатами и водометами. Всѣ они любили такого рода увеселительные замки, и Абдуррахманъ III, при которомъ арабское царство достигло высшаго своего процвѣтанія, высказалъ задушевную мысль свою въ слѣдующихъ стихахъ:

Жаждущій славы государь долженъ возводить постройки,
Которыя бы и по смерти обращались ему въ похвалу.
Ты видишь, еще твердо стоятъ передъ нами пирамиды,
А сколько уже скончалось послѣ того государей!
Великое сооруженіе, воздвигнутое на прочной основѣ,
Свидѣтельствуетъ о великой мысли основателя.

Одна изъ его любимицъ оставила по своей смерти большое состояніе; онъ назначилъ употреблять его на выкупъ плѣнныхъ мусульманъ, и когда сталъ благодарить Бога за то что плѣнныхъ ни одного не было, прелестная Азара потребовала, чтобы онъ построилъ городъ; онъ исполнилъ это и назвалъ городъ ея именемъ. Вверху красовался его дворецъ, ниже расположены были дома жителей, а подъ ними простирались сады; все вмѣстѣ было чудомъ неслыханнаго блеска и пышности. Полуотѣненный городъ лежалъ такимъ образомъ у темной горы,—«какъ чудная бѣлая красавица въ объятіяхъ негра», отозвалась Азара, и властитель тотчасъ же велѣлъ вырубить весь боръ, а на мѣсто его разсадить смоквы и миндальныя деревья, которыя и опоясали его теперь своей свѣтлоулыбающейся каймою. Здѣсь-то жилъ государь, правившій полвѣка съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что его славили благополучнѣйшимъ изъ людей; но по кончинѣ его нашли запись съ отмѣтками дней чистаго веселья: ихъ всего оказалось четырнадцать.—Поэты, упоминая о множествѣ увеселительныхъ дачъ вокругъ Кордовы, посреди изліяній своего удивленія часто однакожь вздыхаютъ о тлѣнности всего земного, и эта тлѣнность быстро оказала свое многообъемное дѣйствіе еще и въ 11-мъ вѣкѣ. Всѣ украшенія выходили здѣсь не то чтобы изъ кряжа построекъ, а лѣпились на нихъ извнѣ, такъ что легко потомъ и отпадали; между тѣмъ къ дѣйствію стихіи присоединилась разрушительная рука человѣка.—Когда кончилось владычество Оммаядовъ, при Аббасидахъ высоко поднялась Севилья; великолѣпіе дикой, самовольной природы дѣйствовало здѣсь заодно съ архитектурою. Ибнъ-Хамдисъ такъ привѣтствуетъ одинъ изъ дворцовъ аль-Мотамида:

Надо думать, зодчихъ руки изъ даровъ разнообразныхъ.
Украшающихъ владыку, чудное воздвигли зданье:
Изъ его могучей груди заняли объемъ широкій,
Изъ блестящихъ глазъ лучи, что сверкаютъ по оградѣ;
Слава подвиговъ пошла на вершины гордыхъ башенъ,
А въ основу заложили царское долготерпѣнье;
Диво же палатъ пріемныхъ, небеса разсѣкшихъ смѣло,—
Изъ величія царева создалось такое дѣло!

Ибнъ Хальдунъ говоритъ что, вслѣдствіе постояннаго общенья съ христіанами, въ ту пору вошло въ обычай украшать живописью стѣны зàмковъ и домовъ. Легкость, нарядность, декоративность сдѣлались господствующимъ направленіемъ, вездѣ распространилась та тонкая, чуть не филигранная прорѣзь, которая слыветъ съ тѣхъ поръ по преимуществу мавританскою. Отъ начала 13-го вѣка сохранилось въ Севильѣ одно минаретное сооруженіе, Гиральда. Оно точно такъ же служитъ намъ точкою опоры для оцѣнки башенныхъ построекъ, какъ кордовскіе храмы для мечетей, и Альямбра—для дворцовъ. Башня эта четыреугольная съ энергическимъ, могучимъ подъемомъ; низъ выведенъ изъ дикаго камня, середина — изъ кирпичу, а верхъ — изъ тапіи, смѣси известки съ глиной. Стѣна расчленена нарядными двойными окнами, съ мраморными колонками по сторонамъ, увѣнчанными зубчатоострою дужкой, и вся испещрена узоромъ росписныхъ кафель (поливного изразца).

На сѣверозападномъ склонѣ Сіэрры Невады (то-есть «снѣжнаго хребта») послѣднимъ гнѣздомъ владычества и образованности Арабовъ въ Испаніи была Гранада, а борьба подъ ея стѣнами—послѣднею большою рыцарскою поэмой средних вѣковъ. Тамъ, подъ благодатнымъ небомъ юга, вблизи нагорныхъ снѣговъ, рядомъ съ развѣсистымъ дубомъ ростутъ померанцы и сибирскіе кедры, шумятъ ключи и водопады около гранатовыхъ и лавровыхъ рощъ, тогда какъ вѣковѣчные утесы и снѣжные верхи горъ, замыкающіе потонувшій въ зелени удолъ по берегу Гениля, сверкаютъ и пышутъ чудеснымъ переливчатымъ блескомъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ радуги. Сначала 11-го столѣтія Гранада сдѣлалась столицей независимой державы, которая расцвѣла тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе становилась единственнымъ прибѣжищемъ для Арабовъ, побѣжденныхъ христіанами въ другихъ мѣстахъ. Вполовинѣ 13-го вѣка храбрый Могаммедъ Ибнъ уль-Ахмаръ основалъ царственный родъ Нафидовъ и знаменитый въ цѣломъ мірѣ укрѣпленный царскій чертогъ Альямбру, то-есть «алую». Всегдашній девизъ его: «Нѣтъ побѣдителя, кромѣ Бога» красуется на ея стѣнахъ. Преемники Могаммедъ-Ахмара расширяли, убирали Альямбру далѣе; съ половины и почти до конца 14-го вѣка, при Юсуфѣ I и Могаммедѣ V, въ самое цвѣтущее время гранадской архитектуры, построено все то, что, прогремѣвъ въ цѣломъ свѣтѣ, и донынѣ еще восхищаетъ путешественниковъ. Абу Гасанъ и сынъ его Абу Абдильяхъ (Боабдиль) вели междоусобную войну за господство; непріязнь между родами Зегрисовъ и Абенсераговъ повела къ тому, что послѣдніе были всѣ перебиты, и на историческую эту быль осѣли изъ народной памяти древневосточныя былины. Альяма (другой укрѣпленный зàмокъ) взята была христіанами, и въ испанскомъ романсѣ король Мавровъ ѣдетъ на конѣ черезо всю Гранаду, отъ Эльвирскихъ воротъ вплоть до Биварамбль-

скихъ, плачась громко: «Жаль мнѣ моей Альямы!» Онъ мчится къ зáмку Альямбрѣ и повелѣваетъ: гряньте въ трубы и въ серебряныя литавры, чтобъ и въ Вегѣ и въ Гранадѣ услышали всѣ Мавры, какъ жаль мнѣ моей Альямы. Одинъ бѣлобородый старецъ отвѣчалъ ему на этотъ приказъ: «По «дѣломъ тебѣ отместка: перебилъ ты Бенсераговъ, этотъ лучшій цвѣтъ «Гранады; вотъ за то и божья кара: ты съ вѣнцомъ своимъ погибнешь, да «погибнетъ и Гранада». Но роковой ударъ палъ прежде на его сына. Когда, пытаясь спастись бѣгствомъ, тотъ обратилъ на городъ послѣдній взглядъ и въ слезахъ воскликнулъ: Аллахъ экберъ! родная мать отозвалась на это: теперь пора тебѣ всплакнуть побабьи о томъ, чего не съумѣлъ отстоять молодецки.—Могаммедане не нашли у христіанъ той терпимости, какую оказывали имъ сами; ихъ книги, ихъ мечети были истреблены, имъ дано было на выборъ обратиться, или идти въ изгнаніе; инквизиція свирѣпствовала среди оставшихся, и вокругъ пламени костровъ раздавались похоронныя пѣсни гибнущаго народа изъ устъ его поэтовъ.

Снаружи просто, горделиво и важно возвышаются надъ скалами, слѣдуя погибамъ горы, крѣпкія стѣны съ башнями; внутри же Альямбра охватываетъ зрителя со всѣхъ сторонъ ослѣпительнымъ блескомъ и чарующей граціозностью.

Все это какъ небесный сонъ,
Спустившійся къ землѣ суровой;
Сотканъ рукою эльфовъ онъ:
Морская пѣна въ немъ основой,
Утокъ изъ запаха цвѣтовъ,—
Едва задуманъ—и готовъ!

(Карлъ Вейсъ.)

Постройки группируются и здѣсь около открытыхъ колоннадныхъ дворовъ, середи которыхъ фонтаны брыжжутъ въ водоемы, а кругомъ расположены покои и большіе и малые. Такимъ образомъ входъ съ южной стороны ведетъ насъ въ продолговатый четыреугольникъ, который, по среднему его водоему, обросшему миртами, называется «дворомъ купаленъ или миртъ». Здѣсь только двѣ узкія стороны обведены аркадами; надписи привѣтствуютъ входящаго пожеланіями счастья, благословенія свыше и вѣчнаго блаженства и зовутъ его изреченіями Корана прибѣгнуть къ Господу утренней зари. На сѣверъ нарядно-убранная арабесками галерея ведетъ къ «Посольской палатѣ», расположенной въ огромномъ, башнеобразномъ выступѣ ограды; стѣны этой палаты толсты до такой степени, что впадины оконъ можно принять за сосѣднія съ ней комнатки. Видъ отсюда прелестенъ. Какъ выдолбленная кедровая шишка, увѣнчиваетъ великолѣпную эту залу кедровый потолокъ, испещренный безчисленнымъ множествомъ нишъ и ячеекъ; какъ кристаллы въ капельниковой пещерѣ спускаются по ея стѣнамъ разные штуковые побѣги, а яркоцвѣтныя украшенія плоскостей сверкаютъ въ какой-то волшебной свѣтотѣни. Все пространство это въ стихотворной надписи само себя величаетъ «невѣстинскимъ мѣстомъ,» своды приравниваютъ себя радугѣ, стѣны—морской зыби, престольная ниша называетъ себя солнцемъ, а подобныя ей другія—звѣздами; послѣднія сами говорятъ, что небо смотритъ на нихъ съ вожделѣніемъ. О покояхъ, лежащихъ на восточной сторо-

нѣ, Шакъ отзывается такъ: «Едва ли кто войдетъ въ нихъ безъ мгновеннаго «ощущенія, что онъ вдругъ перенесся въ царство грезъ; только эта мысль «о грезѣ должна невольно отступить передъ очевидностью, что все здѣсь «плодъ самаго яснаго разсчета, который привелъ всѣ части зданія въ изящ-«нѣйшую соразмѣрность. Зодчій долженъ былъ обладать нѣкоторой долею «того самаго художества, съ какимъ природа образуетъ кристаллы; только «при подобномъ условіи могъ онъ свести всѣ перепутанные члены такъ «ритмически въ одно цѣлое вездѣ одинаково гармонической формы, только «тогда, среди раскошнѣйшаго обилія великолѣпныхъ декорацій, могъ онъ «избѣжать впечатлѣнія загроможденности и слить весь преизбытокъ част-«ныхъ подробностей въ одинъ совокупный, усиленный эффектъ.» — Воспѣтый въ романсахъ «Львиный дворъ» прозванъ такъ по алебастровому водоему, стоящему среди сада розъ и олеандровъ на хребтѣ двѣнадцати черномраморныхъ львовъ, odѣланныхъ однако неуклюже и геральдически-натянуто. Надпись между прочимъ говоритъ:

Струя взвилася вверхъ, и въ мраморную чашу упала съ высоты обильною волной,
Но мигъ одинъ, еще, и вотъ изъ водоема она опять ушла подземною трубой.
Не такъ ли и въ тоскѣ любви, уединившись, готовъ ты слезы лить рѣкой,
Но всякій признакъ ихъ, малѣйшую примѣту спѣшишь сокрыть передъ толпой?

Миловидныя, тонкостройныя мраморныя колонны, съ разнообразною на каждой капительною орнаментаціей, обступили весь этотъ дворъ, поддерживая то попарно, то въ одиночку пилястры такой же высоты, на которыя опирается потолокъ; онѣ соединены арками, возведенными на консольныхъ выступахъ и поддерживающими въ свою очередь маленькіе простѣнки. Все это покрыто моремъ арабесковъ, которые придаютъ гипсовой обмазкѣ стѣнъ видъ вышитыхъ звѣздами ковровъ, развѣшанныхъ подъ роскошными гирляндами растеній. По узкимъ сторонамъ двора, колонны, немного выдвигаясь насерединѣ впередъ, образуютъ павильоны съ водоемами. Послушаемъ опять Шака: «Какъ фантазія арабскихъ поэтовъ любитъ уноситься назадъ въ пусты-«ню, какъ надписи Посольской палаты, прославляя въ освѣжительной струѣ «величайшую усладу жизни, кажется не столько обращены къ жителямъ клю-«чеобильной Гранады, сколько къ обитателямъ знойно-песчаныхъ степей «Азіи, такъ и зодчимъ ихъ все попрежнему мерещился вечеровой отдыхъ «надъ цистерною, и станъ походныхъ шатровъ превращали они въ чертоги. «Мѣсто ставочныхъ жердей заступили легкія колонны, пестро расшитые «ковры воспроизводились на узорочьѣ стѣнныхъ поверхностей и въ затѣй-«ливомъ убранствѣ арокъ, свисавшемъ ковровою бахрамой, а бьющій всере-«динѣ водометъ, котораго струи разливаются по всѣмъ покоямъ, ясное зер-«кало водъ, окруженное зеленью и душистымъ кустарникомъ, должны были «представлять собою желанный ключъ оазиса.»

Сѣверная сторона Львинаго двора, это—перлъ всего зданія, такъ называемая «Сестринская галерея.» Насупротивъ — галерея Абенсераговъ, гдѣ они были умерщвлены, а въ промежуткѣ — Судебная палата. — Цоколь надъ мраморнымъ поломъ состоитъ обыкновенно изъ тябла цвѣтныхъ фаянсовыхъ плиточекъ въ 3 или 4 фута вышины; стѣна расчленяется потомъ восходящими полосами вплоть до верхняго пояска подъ самымъ потолкомъ, такъ что

она вся подѣлена четыреугольными полями. По лазурно-голубымъ полосамъ ея пущены фигурныя золотыя надписи, благочестивыя изреченія, пѣсни въ честь государя и въ похвалу дворцу; всѣ плоскости освѣтила вокругъ узорчатая игра арабесковъ; цвѣта идутъ отъ самыхъ скромныхъ и простыхъ оттѣнковъ до самыхъ ярко-блестящихъ; вверху преобладаютъ карминный и золотой, внизу багряный и фіолетовый. Удивителенъ именно тонкій вкусъ, съ какимъ это безпрерывно смѣняющееся обиліе орнаментовъ и красокъ сливается въ одну общую гармонію, которая тихо возбуждаетъ и отрадно удовлетворяетъ духъ. Въ нишеобразныхъ впадинахъ потолка Судебной палаты представляются намъ картины, писанныя на кожѣ по золотому грунту блестящими красками, но безъ оттѣневки и перспективы; лица не лишены выраженія, и все вмѣстѣ колоритной своей стороной напоминаетъ миніатюры персидскихъ рукописей, а формами—современныя картины христіанскихъ народовъ. Короли гранадскіе сидятъ на престолахъ въ видѣ судей. За тѣмъ слѣдуютъ охотничьи и любовныя приключенія; христіанскіе рыцари выводятся то въ борьбѣ, то въ единомысліи и союзѣ съ мавританскими; дамы или глядятъ на ихъ подвиги, или принимаютъ въ даръ отъ нихъ добытыхъ на охотѣ львовъ и медвѣдей, или изображаются въ тотъ мигъ, когда витязи освобождаютъ ихъ отъ страшной опасности: стало-быть все сцены изъ придворно-рыцарскихъ поэмъ или изъ новеллъ, бывшихъ тогда въ модѣ. Тутъ намъ нечего предполагать участія христіанскихъ художниковъ, точно такъ же какъ и относительно лицевыхъ рукописей Фирдуси: ни какого высшаго достоинства картины эти не представляютъ.

Шакъ описываетъ, какъ при торжественныхъ случаяхъ пускаются въ Альямбрѣ всѣ фонтаны, и прибавляетъ къ этому: «Легкіе, нѣжные изгибы «сводовъ, отражая сверкающій блескъ игривыхъ водъ колышатся и свѣтятся «какъ облака утренняго тумана, а кругомъ такъ кажется и звучатъ живые «отголоски стараго времени, и все вмѣстѣ сливается въ одинъ общій кликъ «торжества. Счастливъ тотъ, кому удастся осмотрѣть Альямбру въ такой «день. Тогда и въ его душѣ возстаютъ опять изъ своей могилы погребенныя «въ ней грезы и упованія, какъ воскресаютъ вокругъ него утѣхи и радости «полураспавшагося арабскаго замка. Знаю очень хорошо, что не всякій ихъ «видитъ, не всякій чувствуетъ; но пусть же никогда не заноситъ и ноги въ «святилище это тотъ, кто камни почитаетъ только камнями и не умѣетъ постичь великой души Востока, дышащей въ этомъ мраморномъ мірѣ дивно-«ароматныхъ цвѣтовъ.»

ПОЭЗІЯ ІУДЕЕВЪ.

Храмъ въ Іерусалимѣ былъ разрушенъ, и народъ іудейскій разсѣянъ по всей землѣ; но, какъ искони богатыри духа, Авраамъ, Моисей, Давидъ, Исаія, сообщили ему своебытный отпечатокъ въ вѣрѣ единому духовному Божеству, въ нравственной заповѣди и въ религіозной поэзіи, такъ и теперь законъ и пророки, священныя писанія ветхаго завѣта, остались той идеальной связью и той живодѣйственной еще силою, благодаря которымъ Іудеи сохранили свою народность. До тѣхъ поръ пока испанскіе Арабы не пріобрѣли надъ ними вліянія, мысли Іудеевъ недоставало научной формы при всемъ утонченнѣйшемъ остроуміи, при всей ясности разсудка, съ какими въ нѣсколькихъ мудрыхъ изреченіяхъ съумѣли они изложить плодъ многовѣковаго опыта цѣлой своей жизни; они и новыя свои идеи постоянно приращивали къ библейскимъ же словамъ и старались истолкованіемъ послѣднихъ добыть именно то, что̀ напередъ сами въ нихъ вложили; въ способѣ изложенія они тщательно заботились о величайшей краткости, которая бы сводила возможно-многое въ одинъ общій фокусъ и съ эпиграмматической загадочностью намекала при этомъ чуть ли не на все: нѣкоторые припоминали по этому случаю слогъ Гаманна. Они мозаически сплачивали какое-нибудь предложеніе изъ немногихъ мѣткихъ словъ стараго завѣта, съ тѣмъ чтобы читатель не только взвѣсилъ ихъ новый смыслъ въ этомъ небываломъ сочетаніи, но еще припомнилъ бы себѣ и первоначальную ихъ связь въ ихъ собственномъ, настоящемъ мѣстѣ. Толкованіе ихъ было въ одно время и вникающимъ обдумываніемъ, и созерцательнымъ оживленіемъ того, что они объясняли, такъ-какъ содержаніе послѣдняго примѣняли они всегда къ настоящей эпохѣ, пережитое ими самими старались отразить въ давноминувшемъ, соединяя глубину чувства съ какою-то прямо ребяческой игрой, странныя причуды съ чистою истиной, и онаглядживая свою мысль въ сравненіяхъ, притчахъ, басняхъ и чудесныхъ разсказахъ. Поэтическій духъ проявлялъ у нихъ свою дѣятельность и помимо метрической формы; раввинское сказаніе охватывало своими цѣнкими вѣтвями всѣ искони священные облики и повѣствованія отъ сотворенія міра и до разрушенія храма іерусалимскаго. Такъ именно «молвью», хагадой, и называлось это поэтическое объясненіе священныхъ книгъ; передававшій молвь могъ и не слыхать ея отъ другихъ, могъ самъ первый ее вымолвить. Особенно изслѣдованія Цунца пролили на все это новый свѣтъ и указали намъ постоянно продолжающуюся въ Іудействѣ прекрасную духовную дѣятельность. Мы видимъ здѣсь, какъ истина, правосудіе и миръ подступаютъ къ престолу Создателя и заявляютъ желаніе, чтобы онъ лучше оставилъ человѣка несотвореннымъ, такъ-какъ ложью, насиліемъ и сварою послѣдній совсѣмъ разстроитъ свѣтъ; но любовь указываетъ на то, что заблудшему и грѣшному многое вѣдь можетъ простить милость, и благосердый Богъ создаетъ сына земли по своему образу и подобію. Премудрый начинаетъ потомъ обдумывать, изъ ка-

кой части человѣка, лучше сотворить ему жену, и отвергаетъ ухо, за тѣмъ, что она выйдетъ тогда слишкомъ любопытна и будетъ все подслушивать, отвергаетъ глазъ изъ-за того, что ей будетъ тогда нравиться все внѣшнее, отвергаетъ ротъ потому, что, будь она вся языкъ, Адаму пришлось бы тогда слишкомъ плохо, отвергаетъ одно за другимъ и все прочее, пока не останавливается наконецъ на ребрѣ по той именно причинѣ, что женщина не станетъ тогда превозноситься и будетъ у мужа въ послушаніи. Мы видимъ, какъ Сатана поливаетъ насажденный Ноемъ виноградъ кровью ягненка, льва, свиньи и обезьяны, а оттого такъ дурно и дѣйствуетъ вино: кроткій какъ агнецъ при первой чаркѣ, пьющій рьянѣетъ какъ левъ при второй, доходитъ до свинства при третьей и становится забавенъ и смѣшонъ какъ неразумная обезьяна при четвертой. Мы видимъ, какъ Авраамъ въ дребезги разбиваетъ кумиры, которые онъ долженъ былъ продавать еще мальчикомъ, разбиваетъ всѣ кромѣ одного, самаго большого; этому даетъ онъ въ руки молотокъ и оправдывается говоря, что большой перебилъ маленькихъ, поссорившихся между собой изъ-за жертвы. Когда же отецъ возразилъ что этого не можетъ сдѣлать тесаный чурбанъ, Авраамъ замѣтилъ ему тутъ же: тѣмъ менѣе можетъ деревяшка пособить человѣку въ несчастіи. Мы видимъ, какъ разнообразно изукрашается здѣсь сказаніе о Моисеѣ: другъ божій оказывается такъ крѣпокъ и могучь, что ни одинъ ангелъ не дерзаетъ коснуться его съ тѣмъ чтобы онъ наконецъ умеръ; только уже самъ Богъ цалуетъ его прямо въ уста и принимаетъ изъ нихъ его душу. Давидъ никакъ не можетъ додуматься, зачѣмъ противные пауки существуютъ на бѣломъ свѣтѣ, и остается въ сомнѣніи до тѣхъ поръ, пока одинъ паукъ не заткалъ входа въ ту пещеру, куда пророкъ укрылся отъ преслѣдованія, что̀ спасло его отъ явной бѣды и вмѣстѣ научило разуму. Особенно богато Соломоново сказаніе. Оно болѣе или менѣе вошло и въ сказочную поэзію Арабовъ: мудрому царю служатъ и звѣри полевые и птицы небесныя, а благодаря волшебному своему перстню онъ силенъ также вызывать духовъ и распоряжаться ими. Глухой тетеревъ несетъ отъ него пригласительное письмо къ царицѣ савской, и когда она явилась къ нему, онъ принялъ ее въ палатѣ съ хрустальнымъ поломъ; думая что это вода, гостья приподняла платье и обнажила прелестныя свои ноги; потомъ отгадываетъ онъ загадки предлагаемыя царицею. Самъ князь бѣсовскій долженъ строить ему храмъ; но Соломонъ превозносится гордостью, начинаетъ позабывать Бога, и доходитъ разъ до такого ослѣпленія, что даетъ бѣсовскому князю свое кольцо для производства какой-то необыкновенной чары. Князь забрасываетъ перстень въ море, самъ же выростаетъ до небесъ, проглатываетъ царя однимъ разомъ и отплевываетъ его потомъ далеко, далеко; подъ видомъ Соломона властвуетъ онъ теперь вмѣсто его, а этотъ скитается по̀ міру гдѣ-то въ неизвѣстномъ краѣ; нужда научаетъ его добру, онъ поступаетъ въ повара къ царю Аммонитовъ, снискиваетъ любовь его дочери, но изгоняется за это вмѣстѣ съ нею. Тутъ находитъ онъ отраду въ скитальничествѣ и бѣдности, потому что ихъ дѣлитъ съ нимъ вѣрная жена. Въ кишкахъ рыбы открываетъ она опять кольцо его, и съ его помощью онъ вступаетъ снова на престолъ іерусалимскій. — Въ тѣ же сферы сказанія вводится и Великій Александръ. Доспѣвъ владычества надъ землею, прошелъ онъ въ ворота преисподней и принесъ оттуда мертвую голову, въ знакъ того

что побывалъ и тамъ. Но выбравшись на верхъ земли, онъ чувствуетъ что голова эта слишкомъ для него тяжела: тутъ впервые ощутилъ онъ страхъ передъ верховной мощью. Ни желѣзо ни серебро, ни самый вѣнецъ царскій не могутъ перевѣсить того черепа; но одинъ мудрый Іудей присовѣтовалъ Александру посыпать на него пригоршню земли, и черепъ сталъ легче пуха, изъ чего герой позналъ явственно, что всякое земное величіе покрывается наконецъ прахомъ, что счастіе проходитъ какъ пѣна, и что ему надо помышлять о смерти и вѣчности.—Въ подходящемъ къ этому смыслѣ и слѣдующій милый разсказъ Жена говоритъ однажды равви Ханинѣ: Ну что ты умерщвляешь плоть въ нуждѣ и бѣдности? прочти только одну завѣтную молитву, и Богъ не откажетъ своему вѣрному слугѣ ни въ какой благодати. Мудрецъ попросилъ въ молитвѣ золота, и вотъ съ неба простерлась рука и подала ему золотую ножку стула. Онъ садится съ женой за веселый пиръ на радостяхъ, но въ ту же ночь видитъ она во снѣ, что блаженные въ небесахъ всѣ сидятъ на золотыхъ стульяхъ, одинъ мужъ ея долженъ стоять, потому что стулъ у него только о трехъ ножкахъ. Пробудившись, жена пристала къ мужу, чтобы онъ лучше отдалъ золото назадъ. Тогда и у тебя, какъ ни нуждаешься ты на землѣ, останется благодать на небѣ; не обращай же высокаго добра въ пошлое земное, храни чистоту вѣчнаго!—Одно прекрасное изреченіе говоритъ: «Не наклонись я за раковиной, не видать бы мнѣ и жемчужины».

Новѣйшіе нѣмецкіе стихотворцы, Фейтъ, Тендлау, Крафтъ, Іоловицъ, Даумеръ, почерпнули изъ этого рудника матеріалъ для нѣсколькихъ замысловатыхъ стихотвореній, и придали поэтическую форму многимъ древнимъ разсказамъ.

Очеркнутая нами литература чисто еще восточная. Но звуки, которые она затронула, отозвались потомъ дальше въ южной Италіи, гдѣ старались связать отдѣльные цвѣты религіознаго сказанія въ одинъ объемистый пучокъ, не развертывая содержанія въ подробностяхъ, но заключая напротивъ того избытокъ ихъ въ немногія сравнительно слова, рисуя вызывающіе душу іероглифы, составляя нѣчто въ родѣ сивиллинскихъ прорицаній. Такъ между прочимъ дѣлалъ Калиръ, вконцѣ 1-го тысячелѣтія. «Узко слово, да широка мысль,» говоритъ Заксъ объ этихъ скученныхъ массахъ представленій, готовыхъ все соединить на службу божію и вплетающихъ пестроту сказанія коротенькими намеками въ самую даже молитву. Триста лѣтъ спустя, Иммануилъ изъ Рима обнаруживаетъ новое іудейское остроуміе въ потокѣ легкомысленныхъ и безпощадныхъ выходокъ, смѣло потѣшаясь богатствомъ библейскаго языка и фразами талмуда, и пародистически употребляя ихъ въ шутовскихъ или чувственно-развратныхъ стихотвореніяхъ. Это было саморазлагающимъ процессомъ того направленія, которое постоянно возвращалось съизнова къ раскопкѣ давно пережитой старины. Онъ прослылъ за Гейне своего времени. Какъ въ своихъ газеляхъ и макамахъ усвоиваетъ онъ Евреямъ арабскія формы, такъ точно въ мечтательныхъ сонетахъ воспроизводитъ содержаніе и пріемы итальянской любовной поэзіи. Мѣстами тонъ простого благочестія показываетъ ясно, что шутка его была направлена не столько на вѣчную сущность религіи, сколько на устарѣлую ея шелуху. Для насъ осо-

бенно интересна дружба его съ Дантомъ, котораго онъ зазналъ въ Римѣ и съ которымъ сошелся потомъ ближе въ верхней Италіи. Смерть великаго современника напоминаетъ и ему о недалекомъ концѣ, представляетъ и ему загробное видѣніе въ полусерьёзномъ, въ полушуточномъ вкусѣ. «Вотъ и «Иммануилъ, теперь пора приняться за хохотъ,» слышитъ онъ въ Раю при первомъ своемъ появленіи; Давидъ, Соломонъ, Исаія такъ и рвутъ къ себѣ каждый новопришельца, написавшаго такія отличныя на нихъ толкованія. Тогда онъ освѣдомляется о Дантѣ, «что указалъ ему высокой правды путь, «помогъ въ бѣдѣ, его̀ готовой въ рогъ согнуть, чей сильный духъ почтенъ, «прославленъ цѣлымъ свѣтомъ,» и вдругъ узнаетъ, что ему самому приготовленъ тронъ на ряду съ великимъ пѣвцомъ Италіи. «Къ нему, повѣрь, «такъ близокъ ты одинъ; онъ Моисей, ты Іисусъ Павинъ; страданіе и смерть «васъ прежде сочетали, и здѣсь разлукою не обрекутъ печали». Иммануилъ отводитъ благочестивымъ язычникамъ не только безстрадное предсѣніе ада, какъ дѣлаетъ это Дантъ, но даже и мѣсто въ самомъ небѣ: такъ-какъ вѣдь и они стремились къ истинѣ, и они усильною борьбой отрѣшались отъ суевѣрія, дѣлали добро и познавали Бога.

Не всель равно, какъ Бога называетъ
Тотъ край земли или другой?
Все та же мощь вѣдь охраняетъ,
Блюдетъ вездѣ нашъ родъ людской.
Не ею ль держится незримо
Весь міръ и все что въ немъ мыслимо?
Не тоже ль существо въ сердцахъ
Ихъ тайны скрытыя читаетъ,
И доброе во всѣхъ мѣстахъ
Отцовскимъ окомъ подмѣчаетъ?
Какъ пастырь, въ общую имъ сѣнь
Богъ соберетъ стада съ радѣньемъ,
Когда взойдетъ тотъ свѣтлый день,
Великій всѣхъ соединеньемъ.

Въ Испаніи пробудилась новая жизнь. Іудеи, подъ державой родственныхъ имъ Арабовъ, наслаждались столь рѣдкою въ Средніе Вѣка свободою; здѣсь перенесли они въ свой языкъ метрическіе размѣры и риему своихъ родичей, и благодаря ученому познанію ихъ первобытныхъ формъ очистили ихъ отъ стороннихъ примѣсей въ своей новой искуственной поэзіи; обокъ съ религіозною лирикой расцвѣла у нихъ и свѣтская. Водворить больше ясности въ свои мысли помогъ имъ съ другой стороны полный мѣры греческій геній. На хаотическую бездну помысловъ, чувствъ и представленій низошелъ урядливый духъ Аристотеля; его логика научила ихъ осторожно выводить слѣдствія изъ началъ, спокойно и вѣрно добывать всеобщія истины изъ богатой сокровищницы міра явленій; мѣсто безсвязныхъ вдохновеній и вспышекъ случайно-удачной смѣтки заступило у нихъ научно-доказательное развитіе. Космологія Грековъ соединилась съ восточнымъ умосозерцаніемъ природы; Іудеи скоро пріобрѣли себѣ почетъ какъ врачи и математики не только у могаммеданъ, но и у христіанъ. Өеизмъ Платона и Аристотеля обнаружилъ сродство свое съ іудейской вѣрой, потокъ науки излился на всю религіозную жизнь, и плоды, созрѣвшіе на деревѣ познанія, поэзія предло-

жила сердцу въ гимническихъ и дидактическихъ пѣсняхъ, обогащая древнюю истину выводами новыхъ изученій и украшая ее изяществомъ новыхъ формъ. Ни одинъ значительный поэтъ не обходился безъ философскаго образованія, и почти всѣ важнѣйшіе мыслители были вмѣстѣ и поэты. На насъ прямо вѣетъ платоновскимъ духомъ отъ словъ Габироля: «Ни что такъ не ублажаетъ души, какъ глубокая дума о высшихъ первоначалахъ. Хочешь ты «живо представить ихъ себѣ и слиться съ ними воедино, ты долженъ отрѣшиться отъ узъ природы, очиститься отъ всей грязи чувственнаго, тогда «обнимешь ты весь міръ, тогда ты заключишь его въ своемъ духѣ. Погрузись «весь въ духовное, крѣпко держись подателя всякаго добра, и повѣрь, онъ «призритъ на тебя и сотворитъ тебѣ благо».

Саломонъ Габироль, родившійся 1033-го года въ Малагѣ и умершій 1064 въ Валенсіи, написалъ философское сочиненіе объ источникѣ жизни, о томъ, какъ все исходитъ отъ Бога и опять къ нему восходитъ; собственная его жизнь и дѣятельность вся была стремленіемъ къ истинѣ; уже юношей онъ глубоко скорбѣлъ о противорѣчіи дѣйствительности съ идеаломъ: оттого и румянецъ сошелъ съ свѣжихъ его щекъ; но онъ не остановится въ поискахъ до тѣхъ поръ, пока не вникнетъ въ существо божіе и не одолѣетъ міра. Въ одной газели онъ говоритъ:

Буря въ душѣ моей
И тревожно мятутся шаткія мысли,—
Такъ, когда бьетъ вверхъ огонь,
Крутятся изъ подъ него густыя облака дыма.
Ты ставишь свѣтъ ни во что, и онъ
Умѣетъ щедро отплатить тебѣ за это горемъ;
Но только покинь стезю мудрости,
Онъ сейчасъ приподнесетъ тебѣ самыя блестящія одежды.

Глубоко-религіозныя пѣсни и молитвы его сочиненія вошли въ литургію Іудеевъ, какъ и вообще въ теченіе вѣковъ страданія народа среди гнета и преслѣдованій, а равно и надежды на будущее спасеніе, послѣ новыхъ испытаній всегда опять находили себѣ выразителей въ поэтически-вдохновенныхъ людяхъ и становились для Евреевъ подпорой и утѣшеніемъ. О многосторонности Габироля свидѣтельствуетъ веселая шутка, какою осмѣиваетъ онъ одного богатаго скупца, у котораго вышло все вино за званой попойкою: тогда какъ древній Моисей изсушалъ море и останавливалъ теченье рѣкъ, у этого новаго Моисея вода такъ и льется вездѣ ручьями.

Вышло все вино до капли:
Глазъ мой, лей не слезъ ты капли,
А ручьи, ручьи воды!
Какъ ни богатырски-смѣло
Всѣхъ бодрящее вино,
Предъ водою присмирѣло
Здѣсь невольно и оно:
Стихла пѣснь, уста поющихъ
Переполнились водой,
Ахъ, водою даровой,
Изъ ручьевъ для всѣхъ бѣгущихъ.

Вѣнцомъ своихъ стихотвореній самъ онъ называлъ «Царскій вѣнецъ»,— изложеніе воззрѣній его на Бога и на міръ, то гимническаго, то созерцательнаго характера. Онъ начинаетъ хвалой Господу и славитъ его въ различныхъ видахъ и образахъ, какъ единаго, крѣпкаго, живого, премудраго. Религіозный смыслъ, жажда Бога,—вотъ истина всѣхъ возможныхъ формъ религіи: къ Богу стремятся вѣдь и заблудшія души. Онъ открываетъ себя во вселенной; премудрость его — урядительный законъ всего сущаго; какъ свѣтъ отъ глаза, такъ отъ его воли истекаетъ міръ; все призывается къ бытію мощнымъ его словомъ. Земля съ четырьмя стихіями лежитъ всерединѣ, надъ ней высятся сводомъ сфера мѣсяца, сферы планетъ, что сидятъ какъ цари въ великолѣпныхъ шатрахъ своихъ, еще выше—идетъ небо неподвижныхъ звѣздъ, потомъ сфера, все приводящая въ движеніе, и наконецъ та высочайшая изъ всѣхъ, гдѣ безмолвно покоится вѣчное; она чисто духовна, сооружена изъ истины и справедливости, и ублажаетъ лики небесные постояннымъ лицезрѣніемъ вѣчной славы. Отсюда исходятъ души, и сюда же опять возвращаются, перенесши всю тяготу жизни, выдержавъ искусъ и оказавшись вѣрны своему призванію. За этимъ земной человѣкъ изображается съ своей тѣлесной и духовной стороны: какъ бы ни проявлялось въ немъ существо божіе, передъ совершеннымъ онъ—ничто; онъ никнетъ, смиряется въ исповѣди грѣховъ своихъ, но возносится опять въ порывѣ молитвы. Библейскія мѣста, вавилонскія, греческія воззрѣнія сплетены здѣсь въ одно цѣлое, и мыслящее созерцаніе одѣто въ религіозно-поэтическія формы.

Ранняя смерть Габироля подала поводъ къ сказанію, будто одинъ Мавръ, завидуя его стихамъ, убилъ его и схоронилъ подъ смоковницей; но необыкновенная сладость плодовъ обнаружила, что дерево напитано кровью поэта. Хариси говоритъ объ немъ: Онъ стоитъ какъ царь въ своемъ высокомъ величіи; это пѣсня пѣсней Соломона. Теплота чувства и глубина мысли дѣйствовали у него заодно; тогда какъ Ибнъ-Гіатъ писалъ, правда, увлекательно-веселыя пѣсни, но изливался въ горькихъ жалобахъ на слишкомъ нелюбное обращеніе съ его народомъ; въ дидактическихъ же своихъ сочиненіяхъ онъ сухо и безплодно уснащалъ библейскими текстами анатомическіе, астрономическіе и философскіе предметы, да и по формѣ оставался жёстокъ и неразвязенъ. Напротивъ, Абу Гарунъ Моисей бенъ-Эзра изумляетъ насъ не только граціей и ясностью своихъ картинъ природы, но и особенно еще прелестною формой своихъ благозвучныхъ строфъ, изяществомъ словооборотовъ и задушевностью субъективнаго чувства, чѣмъ можетъ поспорить съ Арабами даже въ любовныхъ и застольныхъ пѣсняхъ. Несчастная любовь бросила мрачную тѣнь на всю жизнь его; онъ однакожь тѣмъ не менѣе желалъ, чтобы рана сердца никогда не закрывалась и чтобы ему не жить больше самому, какъ скоро умретъ его милая. Онъ испыталъ на себѣ коварство свѣта, подающее и бѣдному и богачу смертоносную чашу опьяненія, но онъ готовъ очиститься отъ всѣхъ накипей въ тинѣ житейскихъ страданій. Онъ увидѣлъ какъ прекрасная дѣвушка, сущая газель, колышется въ танцѣ что миртовая вѣточка, онъ почувствовалъ какъ стрѣлы ея взоровъ высасываютъ ему изъ сердца всю кровь, и увлеченный ею онъ поетъ:

Что мнѣ до звѣздъ небесныхъ, когда есть ночныя собранія!
Звѣзды унеслись себѣ въ высь, словно дикія, неприручимыя птицы.

Въ ночь разлуки плетутся онѣ, какъ нарочно, будто калѣки,
Такъ что не дождешься, когда-то онѣ наконецъ взойдутъ.
Ахъ, безъ тебя ясный день, и тотъ для меня темнѣетъ,
Съ тобою же мглистая ночь блещетъ и сіяетъ волнами свѣта!

Прекраснѣйшимъ, милѣйшимъ изъ всѣхъ іудейскихъ поэтовъ Испаніи былъ Іегуда Галлеви́ въ первой половинѣ 12-го вѣка. Хариси говоритъ, что Габироль восхищаетъ мыслителей мыслями, бенъ-Эзра плѣняетъ художниковъ своимъ искусствомъ, а Іегуда нравится рѣшительно всѣмъ. «Та пѣсня, что́ «измыслилъ левитъ-стиходѣй Іегуда, такъ и будетъ намъ, братья, вѣнцомъ «дорогимъ навсегда; обовьетъ намъ шею жемчужнымъ ожерельемъ, и во-«вѣкъ останется душѣ нашей весельемъ. Онъ вѣдь столпъ, опора храму пѣ-«нія, онъ живетъ въ дому науки, разумѣнія; копьемъ пѣсни богатырски онъ «владѣетъ какъ никто, передъ нимъ и пѣвцамъ наибольшіи ничто, передъ «нимъ весь даже хоръ пѣвучій что песокъ разсыплется зыбучій. Забрался «онъ въ кладовую стиходѣйческихъ красотъ, и оттуда несъ, повынесъ что ни «лучшее въ народъ; послѣ жь крѣпко заперъ двери кладовой, — не входи «туда ни кто по немъ другой. А кто чаялъ по пути его ступать, у него «искусство пѣсни перенять, тотъ за колесницей гналъ побѣдной, да и «пыли не нагналъ ея послѣдной. Всѣ пѣвцы лишь вторятъ слову Іегуды, «всѣ цалуютъ только ногъ его слѣды. Сложитъ онъ молитву — увлечетъ «сердца, сложитъ пѣснь любви — расплавитъ, будь они черствѣй свинца; «въ пѣсняхъ жалобныхъ сгустилъ онъ тучу слезъ, а въ различныя посла-«нія, въ сложенныя имъ писанія, онъ какъ-есть всю силу стиходѣйства «внесъ.»—Генрихъ Гейне воспѣлъ его въ своемъ Романсеро.

Ни одинъ изъ сверстниковъ не умѣлъ такъ хорошо, какъ Іегуда сращивать прошлое съ настоящимъ; погромъ града божія и его развалины бросаютъ на его пѣсни уныло-мрачную тѣнь, а водительство народа самимъ Господомъ и его пророками озаряетъ ихъ, съ другой стороны, высшимъ свѣтомъ. Какъ истинно-великій лирикъ, умѣлъ онъ выказывать личное и индивидуальное полносильнымъ для всѣхъ образомъ; оттого какъ брачныя пѣсни этого поэта, такъ и плачь его по Сіону вошли въ богослуженіе его родичей. Тутъ нѣтъ ни преувеличеннаго паѳоса, ни расплывчато-мягкой сантиментальности; сила чувства и мѣра мысли—главное ихъ достоинство. Обдуманную сдержанность и задушевную правду, сродныя только тому, что̀ человѣкъ пережилъ самъ, Заксъ называетъ отличительной его чертою. Что Богъ живетъ въ глубинѣ человѣческой души, какъ источникъ жизни и мудрости, что жажда ея къ Богу лучшая порука за то что онъ дается наконецъ ея сердечному влеченію, что она одна изъ волнъ въ морѣ его духа, все это проходитъ красною нитью въ этой религіозной поэзіи; оттого и вызываетъ она славить Бога всѣ поочереди многоразличныя свойства души, видя въ нихъ печать ея подобія вѣчному. Такимъ же образомъ религіозно-философская книга его, Кусаръ, изобразила Іудейство въ ядрѣ его нравственной истины, въ согласіи его съ требованіями совѣсти и съ неотступными запросами внутренняго чувства. Израиль для него религіозное сердце человѣчества. Іегуда́ хочетъ быть подслуженъ одному только своему Богу, а не давать великимъ міра водить себя на помочахъ, какъ мальчикъ пускаетъ птицу летать на ниточкѣ. За тѣмъ онъ говоритъ:

Вину народа моего я понесу съ нимъ терпѣливо,
Тому же игу подклонюсь; но было бы несправедливо
Хотѣть, чтобъ я передъ другимъ поникнулъ также головою.
Вѣдь кромѣ Господа ни кто не смилуется надо мною!
И еслибъ изъ-за вѣры мнѣ пришлось хоть жизнью поплатиться,
Нѣтъ, никогда не соглашусь я съ истиною разлучиться.

Когда же на подобной почвѣ расцвѣтетъ вдругъ пѣснь вину или любви, то понятно, что она является вдвойнѣ отраднѣе и пріятнѣй. А онъ мастеръ пѣть житейскія радости, ему знакомы и вздохъ жаждущей страсти и сладость жаркаго поцалуя возлюбленной. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ обращается съ увѣтомъ къ самому себѣ:

Ахъ, долго ли тебѣ спать въ лонѣ мирномъ дѣтства?
Подумай, молодость промчалась вѣдь какъ прахъ!
Не вѣкъ стоять веснѣ! Очнись же, пробудися,
Вонъ старость ужь идетъ съ увѣтомъ на устахъ.
Стряхни ты міръ съ себя, какъ отряхаетъ птичка
Росу, осѣвшую ей ночью на крылахъ!
Лети отсюда прочь, бѣги земныхъ соблазновъ,
Готовыхъ потопить тебя въ своихъ волнахъ.
Несись ты съ ликомъ душъ благочестиво-вѣрныхъ
Въ тотъ край, гдѣ ждетъ ужь васъ токъ милостей безмѣрныхъ.

Еще и въ Испаніи пѣсни его звучатъ тоской по Іерусалимѣ:

О городъ міра, свѣтлый и прекрасный,
Внемли ты йзъ-дали къ тебѣ мой лепетъ страстный!
Кипитъ во мнѣ любовь, лишь вспомню старину
И храмъ, теперь пустой, все бывшее великимъ.
Ахъ, крылья мнѣ орла! и я туда метну,
Чтобы хоть пыль твою смочить слезящимъ ликомъ.
Влечетъ меня къ тебѣ, хотя исчезъ твой царь,
И тамъ, гдѣ текъ бальзамъ, гнѣздится родъ змѣиный.
Расцаловалъ бы я твой прахъ, развалинъ гарь:
Они вѣдь слаще мнѣ, чѣмъ свѣжій медъ пчелиный.

Онъ пускается наконецъ въ путь, и, благодаря дорожнымъ его пѣснямъ, мы сопровождаемъ Іегуду́ въ странствіяхъ по́морю и по́суху, слышимъ отповѣди его тѣмъ, кто удерживалъ паломника отъ путешествія, слышимъ какъ утѣшаетъ онъ оставленныхъ дома; буря ли волнуетъ морскую степь,— и она несетъ корабль къ желанному Востоку; рычатъ ли въ пустынѣ львы и гіэны,—это добрый привѣтъ, дающій ему знать, что не далека уже цѣль странствія. Во всѣхъ какъ путевыхъ, такъ и житейскихъ случайностяхъ уповаетъ онъ на Бога: что́ ему угодно, то и добро; не́чего искать его въ отдаленіи, онъ внутри человѣка. Но изъ самаго Іерусалима не подалъ онъ ни-одного голоса; говорятъ, что когда при входѣ въ городъ поэтъ сталъ громко изливать свою скорбь, раздраженный этимъ Арабъ пронзилъ его копьемъ. Въ своей «Сіонской пѣсни» онъ какъ сова ночная летаетъ съ жалобнымъ стономъ по развалинамъ, но утѣшается потомъ мыслію, что идеальный Іерусалимъ все-таки же вѣдь не разрушенъ.

Еще блестишь, Сіонъ, ты красотою.
Сыны твои всѣ заодно съ тобою:
Когда ты счастливъ счастливы они,
Твоимъ страданіемъ и ихъ мрачатся дни.

Молясь въ тюремномъ заключеньи,
Къ тебѣ они свой обращаютъ взоръ;
Разсѣяны въ долинахъ иль средь горъ,
Они хранятъ тебя въ душѣ и въ помышленьи.

Блаженъ пребывшій вѣрнымъ до конца
Тому, что́ нѣкогда вновь озарится свѣтомъ;
Блаженъ участникъ славнаго вѣнца,
Вѣнца, что и тебя украситъ юнымъ цвѣтомъ.

У позднѣйшихъ поэтовъ начинается уже искусственная виртуозность формы, перехитреная игра словъ. Но у Моисея бенъ-Рахмана отозвалась еще въ послѣдній разъ торжественно и важно религіозность въ связи съ наукою. Напротивъ, Іуда бенъ-Саломонъ аль-Хариси пускалъ со всею силой пылкаго воображенія и съ необыкновеннымъ мастерствомъ языка потѣшные огни остроумія и шутки, предпринявъ не только что перевесть Харири на еврейскій, но и поспорить съ нимъ такими же макамами изъ картинъ іудейской жизни. У него нѣтъ поэтической идеальности, но онъ не уступитъ предшественнику въ разнообразіи вымысловъ и въ многоизмѣнчивой роскоши слога. Особливо свойственно ему удачное примѣненіе библейскихъ словъ, оборотовъ и изреченій для передачи предметовъ совсѣмъ другого, чуть не противоположнаго рода, что́ часто производитъ поразительно-комическій эффектъ, но часто также выходитъ и непріятно своими преувеличеніями и странностями. Онъ жилъ въ первой половинѣ 13-го вѣка. Съ тѣхъ поръ литературная дѣятельность Евреевъ начинаетъ больше проявляться на языкѣ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они живутъ, и мы будемъ упоминать о нихъ только уже при случаѣ.

Въ Испаніи они играли тогда роль посредниковъ между Арабами и Европейцами; они вели самый успѣшный торгъ умственнымъ товаромъ, переводили поеврейски и поиспански арабскія сочиненія или переводы греческихъ мыслителей, а не то — помогали тѣмъ ученымъ, которые перелагали ихъ на латинскій языкъ и дѣлали такимъ образомъ доступными Западу. Безъ самостоятельнаго развитія какой бы то ни было оригинальной философіи или системы естествознанія, они слѣдовали очень здравомысленному эклектицизму, крѣпко держась за основныя ученія ветхаго завѣта, за личность божію, за нравственный законъ и за свободу воли, сводили это съ ученіями эллинскими и арабскими, принимали изъ нихъ подходящее и оспоривали противорѣчащее. Габироль особенно занимался вопросомъ о матеріи и формѣ: только черезъ духовный элементъ, форму, вещество получаетъ какую ни наесть опредѣленность, становится чѣмъ нибудь; но формы извлекаются (развертываются) изъ самой матеріи, а движителемъ и образователемъ вездѣ является при этомъ духъ Божій. Знаменитѣйшимъ изъ еврейскихъ мыслителей, повліявшимъ отчасти и на схоластиковъ, былъ Моисей ибнъ-Маймонъ или Маймонидъ (порусски Маймоничъ) во второй половинѣ 12-го столѣтія. Его

«Путеводитель заблудшихъ» видитъ въ познаніи Бога и любви къ нему цѣль всей жизни человѣческой, и хочетъ вести къ ней сомнѣвающихся путемъ науки; онъ держится осторожнаго раціонализма, стараясь греческую философію помирить съ религіозною истиною. Разумъ для него связь, соединяющая Бога съ человѣчествомъ; она слабѣетъ, когда мы обращаемся сердцемъ и умомъ къ другимъ предметамъ, и тѣмъ болѣе крѣпнетъ, чѣмъ чаще мы опираемся на нее.

НОВОПЕРСИДСКАЯ ПОЭЗІЯ.

А. Эпосъ Фирдуси. Любовныя повѣсти.

Прекраснѣйшій и полнѣйшій цвѣтъ могаммеданскаго искусства развернулся при совмѣстномъ дѣйствіи арійскаго духа съ симитскимъ въ Персіи. Здѣсь наконецъ художественно завершилась древняя богатырская былина, здѣсь пріобрѣли поэтическую свою форму романтическіе любовные разсказы временъ сасанидскихъ, и къ эпосу присоединилась еще такая лирика, которая не только воспаряетъ отъ чувственнаго къ вѣчному, но останавливается раздольно и радостно и среди роскошной полноты жизненныхъ явленій, весело услаждается существованіемъ, погружается въ него думою и отражаетъ въ конечномъ безконечное. Первобытная идея Иранцевъ о противоположности между свѣтомъ и тьмой въ природѣ, о борьбѣ добра со зломъ въ душѣ, о призваніи человѣка геройски стоять за истину на службѣ доброму духу, была вѣдь въ близкомъ сродствѣ съ лучшими изъ могаммедовыхъ помысловъ, а потому исконная старина могла и развиваться далѣе, и завершаться въ предѣлахъ новой вѣры. Персы изначала были умѣреннѣе, мѣрочтивѣе Индійцевъ, фантазія у нихъ была объективнѣе, спокойнѣе чѣмъ у Арабовъ; подъ вліяніемъ обоихъ этихъ племенъ, они (благодаря первобытному своему характеру) научились приводить въ порядокъ самый обильный матерьялъ, усвоивать и вырабатывать себѣ чужія формы такимъ образомъ, чтобы онѣ вполнѣ согласовались съ существомъ ихъ собственнаго языка, и вносить этимъ въ неудержный потокъ преизбыточныхъ образовъ такую опредѣленность и ясность, чтобы каждый изъ нихъ отвѣчалъ другому (а не появлялся неожиданно и тотчасъ же безслѣдно исчезалъ, какъ водится это у пестыхъ Симитовъ). Здѣсь, если кудри — облака, то лобъ сіяетъ какъ мѣсяцъ изъ-подъ темной ихъ сѣни; если день воспрянулъ какъ утренній левъ, то ночь бѣжитъ отъ него подобно робкой газели; если мечь солнца одолѣлъ мглу, то въ румяной зарѣ онъ пролилъ кровь ея; ресницы, это — стрѣла на лукѣ бровей, нацѣленная прямо въ сердце милой; если красавица эта — роза, то поэтъ заливается ей соловьиной пѣснію;

душа повергается въ бездну божеской любви, въ глубокій ключъ истины, какъ бабочка падаетъ на свѣточъ. Лилея и кипарисъ—символы свободы,—первая потому, что она бѣла и безукоризненно чиста,—послѣдній потому, что онъ крѣпко въ себѣ замкнутъ и не опускаетъ къ землѣ ни одной вѣтви, а всѣ направляетъ къ небесамъ; оттого какъ цвѣтокъ, такъ и дерево сажаютъ на могилы. Въ первомъ томѣ представилъ я очеркъ и свѣтовой религіи Заратуштры и иранскихъ богатырскихъ былинъ, указалъ на историческую поэзію временъ Кира, изобразилъ постройки и пластическія произведенія Персеполя, упомянулъ объ Александрѣ Великомъ и о сліяніи восточной культуры съ западной какъ послѣ него, такъ потомъ и въ римской державѣ, и обозрѣлъ рыцарскую пору Сасанидовъ съ ея романтическими приключеніями и памятниками. Какъ въ то время византійскія, а въ дни Дарія и Ксеркса египетскія, ассирійскія и греческія вліянія, при посредствѣ конечно и иноземныхъ мастеровъ, помогали художественно пластической передачѣ настроеній и помысловъ самихъ Персовъ, такъ и теперь воспоминанія дальней старины и задушевное чувство этого народа нашли себѣ поэтически завершающее выраженіе благодаря принятію въ собственный его бытъ могаммеданства и введенію арабскихъ пріемовъ въ его поэзію. Персидскій духъ стоитъ крѣпко на основѣ нравственнаго содержанія, какъ и германскій, а вѣдь и послѣднему пришлось однако относительно формъ многимъ позаняться отъ Грековъ и Римлянъ. Эпосъ, лирика чувства и размышленія достигли удивительной высоты; не развилась только драма, которая вообще не пошла далѣе полуораторійныхъ зародышей въ представленіяхъ изъ семейной жизни пророка, да еще потѣшныхъ выходокъ при представленіи тѣней, зашедшемъ сюда изъ Китая.

Съ самой отдаленной древности блюлось въ устахъ народа, переходя изъ рода въ родъ, богатырское сказаніе; въ живой памяти сохранилась связь его съ религіей. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ предъ Р. Х. и послѣ, оно было пожалуй оттѣснено вмѣстѣ съ огнеслуженіемъ въ горныя ущелья Паропамиза; но тотчасъ воскресло опять въ персидской державѣ, когда при Сасанидахъ зажглось съизнова пламя священнаго огня; мало того, его теперь впервые записали, принявъ (былину) за дѣйствительную исторію; послѣднихъ персидскихъ царей до Александра, да и его самого, непосредственно примкнули къ древнимъ Иранцамъ, и сообщили всему этому характеръ своего собственнаго рыцарскаго обычая, отъ котораго такъ и вѣетъ западнымъ средневѣковьемъ. Народныя преданія уцѣлѣли потомъ и подъ владычествомъ могаммеданства, и Соффаридамъ скоро довелось узнать на дѣлѣ какъ важно было для поддержанія ихъ самостоятельности древнеперсидское народное чувство. Владыка Газны Махмудъ (977—1030) приглашалъ поэтовъ къ двору своему и велѣлъ собирать по всему царству былины и записи относительно глубокой старины. Онъ искалъ такого поэта, который бы сложилъ изо всего этого объемистое цѣлое, и думалъ найдти его въ своемъ царѣ пѣвцовъ, Ансари; но этотъ останавливался лишь на частностяхъ и былъ далеко превзойденъ Абуль Касимъ Мансуромъ въ Тусѣ, который по внушенію своего собственнаго творчества уже лѣтъ за двадцать посвятилъ себя той же великой задачѣ. Онъ былъ вызванъ къ царю, и когда прочелъ ему часть своей поэмы, то удостоился отъ него прозвища «рай-

скаго», Фирдуси. Какъ онъ вслѣдъ за тѣмъ довелъ трудъ свой до конца, но не получилъ условленной награды и въ негодованіи отмстилъ за то превосходною сатирой, какъ онъ потомъ бѣжалъ и какъ наконецъ отправленные къ нему съ обѣщанною наградой посланцы встрѣтили на дорогѣ погребальный его поѣздъ, все это недавно еще воспѣлъ Гейне.

«Царственная книга» или Шахнаме́ Фирдуси распадается на двѣ части,— богатырское сказаніе Ирана съ миѳическимъ введеніемъ и преданія позднѣйшей персидской исторіи, отъ Дарія Гистаспа до низверженія Сасанидовъ. Первая часть представляетъ большое замкнутое въ себѣ цѣлое, одно изъ чудеснѣйшихъ произведеній человѣческаго духа: что́ создала юношеская фантазія даровитаго народа, что́ развивалось за тѣмъ далѣе и вырабатывалось въ теченіе вѣковъ, то закончено въ самой художественной формѣ первостепеннымъ поэтомъ, чей удивительно гибкій умъ, чье воспріимчивое, глубокое сердце искренно сочувствовали разнообразному богатству такого громаднаго матерьяла,—поэтомъ, который умѣлъ слить въ одно безбрежнобушующее море поэзіи многія сотни ключей и рѣкъ цѣлаго міра народныхъ сказаній; едвали есть другое созданіе искусства, которое производило бы такъ полно впечатлѣніе безконечности. Свойственное восточной фантазіи обиліе о́бразовъ подъ чистымъ небомъ Ирана стало и умѣреннѣе и яснѣе чѣмъ было оно въ Индіи; преизбытокъ обликовъ и происшествій совокупился въ органическое единство, благодаря нравственной идеѣ борьбы свѣта со тьмой. «Въ поэмѣ звучитъ какой-то торжественно-полный и странно-чуж-«дый отголосокъ незапамятнаго прошлаго, неподражаемый ни для какого въ «мірѣ искусства; васъ обдаетъ въ ней свѣжимъ вѣяніемъ ранней рани, надъ «ней такъ и простерлась утренняя заря исторіи, она вся пропитана пы-«ломъ истинно-богатырскаго вдохновенья. Фирдуси надѣлилъ безсмертіемъ «такую пору человѣчества, которая не оставила по себѣ ни какого другого «слѣда на всей землѣ, онъ открылъ уста безмолвствовавшимъ до него по-«колѣніямъ, и вотъ они повѣдали всѣмъ послѣдующимъ о своихъ любвяхъ »и страданіяхъ, о своихъ подвигахъ и судьбахъ; этимъ онъ соорудилъ надъ «ихъ могилой такой памятникъ, который погибнетъ только вмѣстѣ съ люд-«скимъ родомъ. Съ другой стороны, воспроизведенный имъ эпосъ носитъ на «себѣ многія черты художественной поэзіи, особливо тамъ, гдѣ поэтъ вы-«сказываетъ свое опытное знакомство съ міромъ, а съ другой онъ еще со-«вершенно сохранилъ примѣты вполнѣ народной поэзіи, бьющую ключемъ «естественную свѣжесть, ту зеркальную чистоту, изъ которой такъ и «встаетъ передъ нами образъ юной богатырской поры во всемъ ея существѣ, «во всей совокупности, и выступаетъ неистощимое внутреннее обиліе, ко-«торое способно было созрѣть только долгимъ органическимъ ростомъ и «можетъ существовать только тамъ, гдѣ поэзія пускала корни въ разныя «послѣдовательныя эпохи и вбирала въ себя лучшіе жизненные соки каждой «изъ нихъ въ ея чередъ. Но двоякое это свойство эпоса ни гдѣ не выдаетъ «себя ни малѣйшей тѣнью розни столько неоднородныхъ повидимому со-«ставныхъ частей. Поэтъ такъ отдуши вжился въ древнюю былину, дотого «проникся ею и дотого самъ пропиталъ ее своимъ духомъ, что трудно раз-«личить что́ именно онъ отъ нея воспринялъ и что́ сообщилъ ей отъ себя. «Въ высокомъ вдохновеніи царитъ онъ надъ своимъ сюжетомъ, но царитъ

«единясь съ нимъ беззавѣтно; только чуть слышнымъ взмахомъ крыла рѣ«етъ его жалоба, его скорбная дума о тлѣнности всего земного, — рѣетъ «какъ тихій ангелъ смерти надъ быстросмѣнною чередой событій и дѣлъ, и «его собственное *я*, обыкновенно исчезающее въ рисуемыхъ имъ карти«нахъ, кажется выступаетъ только для того, чтобы лучше опосредствовать «переходъ отъ былого къ настоящему. Благодаря цѣломудренной воздерж«ности, а гдѣ слѣдуетъ — и смѣлому самобытному полету, онъ успѣлъ «придать своей переработкѣ древнебылиннаго матерьяла такое естественное «и вмѣстѣ художественное единство, что природа обнаруживается здѣсь «вполнѣ свободнымъ, ни чѣмъ не связаннымъ привольемъ, а искусство пре«красно расчленило всѣ части и не только что урядило событія, но и раз«вернуло ихъ въ болѣе разнообразное еще богатство, сообщивъ при этомъ «чисто-народному ядру ту округленность и ту поэтическую цѣлость, какія «недоступны совокупной дѣятельности разныхъ участвующихъ въ ней лицъ.» Такъ говоритъ Шакъ, которому нѣмецкая литература обязана полнымъ усвоеніемъ Фирдуси.

Не нѣсколько дней борьбы, какъ въ Иліадѣ или во второй половинѣ Нибелунговъ, представляютъ намъ здѣсь чистый сосредоточенный образъ древняго богатырства; поэтъ ведетъ насъ цѣлымъ рядомъ вѣковъ; но борьба иранскихъ богатырей на службѣ свѣту противъ Туранцевъ, какъ силъ тьмы,—вотъ ядро и средоточіе поэмы, вотъ рѣка бѣгущая сквозь цѣлыя поколѣнья, вотъ единящая ихъ связь, и единство это возвышается еще тѣмъ, что величайшій изъ богатырей, Рустемъ, юношей, мужемъ и наконецъ старцемъ, господствуетъ въ бо́льшей части поэмы надъ смѣняющимися поколѣньями и входитъ такъ или иначе въ бо́льшую часть различныхъ былинъ. Изъ нихъ-то поэтъ мастерски открываетъ намъ про́глядь во всѣ стороны, а воспоминаніе и сравненіе запрядаютъ потомъ между ними свои нити. Сцѣпленіе вины, мести и искупленія тянется во владычествѣ судебъ, какъ въ трилогіяхъ Эсхила или въ англо-королевскихъ драмахъ Шекспира, отъ прадѣдовъ до правнуковъ, а борьба добраго міроначала со злымъ скрѣпляетъ многоразличныя дѣла и жребіи какъ будто несокрушимыми желѣзными скобами. При этомъ все развивается одно изъ другого объективно и въ строгой послѣдовательности, дѣйствіе не слабѣетъ ни на одинъ мигъ; мы знакомимся съ мѣстностью въ то самое время какъ въ ней происходятъ событія, знакомимся съ оружіемъ въ моментъ употребленія его богатырями въ битвѣ, знакомимся съ характерами какъ скоро они выскажутся словомъ и дѣломъ напрямикъ. Тутъ ни тѣни восточнаго раболѣпства, вездѣ видимъ только вольное служеніе какъ у Грековъ и у германскихъ племенъ. Рустемъ передъ шахомъ Кай Кавусомъ держитъ такую рѣчь:

Богъ надѣлилъ меня и мужествомъ, и силой, —
Не шаху бить за них (?) пришлося мнѣ челомъ!
Мой конь, вотъ мой престолъ навѣки сердцу милый,
Слуга мнѣ — цѣлый міръ, вѣнецъ — стальной шеломъ,
Копье и палица — надежной мнѣ защитой,
Рука моя царямъ не спуститъ ихъ обидъ,
Мечъ коситъ головы въ бою какъ волкъ несытый
И яркой молніей сквозь мракъ ночной блеститъ.
Не рабъ, свободенъ я по кровному рожденью,
И Богу одному отда́лся на служенье!

Уже и прежде, для характеристики богатырской поры вообще, я представилъ обзоръ богатырскаго сказанія или былины (I, 418—424), здѣсь же слѣдуетъ поговорить объ искусствѣ Фирдуси въ обрисовкѣ характеровъ и въ выполненіи особенно-прекрасныхъ разсказовъ. Богатыри его — индивидуальные, но вмѣстѣ настоящіе и вполнѣ человѣчные облики. Поэтъ живо представляетъ намъ коренныя черты мужской и женской природы, какъ доброй, такъ равно и злой; конечно все это подготовлено вѣками, но освѣщается высшимъ блескомъ подъ его художнической рукой. Тѣлесная сила Рустема доведена до гигантскихъ размѣровъ, но зато и душа его крѣпка и глубока, образъ его мыслей истинно-благороденъ; онъ прямо восточныйИраклъ: — жаритъ себѣ цѣлаго дикаго осла, чтобы утолить голодъ, и для питья выбираетъ всегда самую большую изъ наличныхъ чашъ; но силу свою постоянно отдаетъ онъ на службу свѣту и при этомъ долженъ переносить жесточайшую сердечную скорбь, такъ что въ судьбѣ его трагическая сила эпоса раскрылась самымъ трогательнымъ образомъ. Всего могучѣе и отважнѣй съ тѣлесной стороны проявляется молодечество въ Зограбѣ; въ Сіявушѣ, проникнутое чистѣйшимъ благородствомъ души, оно возведено до граціозной достолюбезности; въ лицѣ Исфендіара оно вполнѣ посвятило себя царству правды для вящшаго его расширенія, и бодрая веселость витязя, выѣзжающаго на похожденія всегда съ мечемъ и съ лютней, пріобрѣтаетъ этимъ высокую и дѣловую уже цѣль. Въ ряду владыкъ величественная фигура Феридуна озарена свыше божескимъ помазаніемъ, такъ что онъ становится образцомъ и для слѣдующихъ поколѣній; Минучéръ такъ же осмотрителенъ, какъ Кай Кобадъ напротивъ рьянъ; Кай Козру столько же храбръ, сколько мудръ и правосуденъ, тогда какъ добрыя свойства Кай Кавуса затемнены тщеславіемъ и вспыльчивостью, и доступны злымъ навѣтамъ. Подобно тому и благородные порывы Туранца Афрасіаба всегда терпятъ отъ напора дикихъ страстей, такъ что злокозненный Герсивесъ можетъ вести его отъ одного злодѣйства къ другому. Наконецъ Туръ, Сельмъ и Шегхадъ представляютъ намъ ту мрачную сторону человѣческой природы, гдѣ зависть и корысть прямо уже дѣлаютъ смертоубійцею. Женщины не выдвинуты здѣсь такъ значительно, какъ въ эпосахъ индійскомъ и германскомъ; однакожь не льзя не сказать, что дѣвичья невинность Рудабы, а впослѣдствіи материнская ея нѣжность, пылкая, неудержная ни въ горѣ, ни въ радости природа Техмины, грѣховная чувственность Судабы и готовая на жертвы задушевная любовь Менижи — изображены очень хорошо.

Вначалѣ поэмы естественный миѳъ, былина о богахъ, нисходитъ на историческую почву, и тотчасъ же получаетъ нравственный характеръ въ лицѣ Джемшида; Согакъ первый вступилъ въ союзъ съ силой зла, и вотъ небесный побѣдитель тучезмѣя становится въ лицѣ Феридуна богатыремъ, освобождающимъ народъ отъ врага. Картина братоубійства въ его домѣ открываетъ намъ ужасающую проглядь въ бездну падшаго уже человѣчества, для котораго именно чистыя и кроткія свойства становятся теперь предметомъ не только зависти, но и ненависти, всегдашней тревоги; при этомъ обнаруживается намъ и сердце поэта, когда Феридунъ только съ грустью узнаетъ о справедливой казни, постигшей злыхъ сыновей его отъ руки кровомстителя, когда самъ вѣстникъ передаетъ объ этомъ отцу съ горькими слезами. Какъ

мило и нѣжно развертывается обокъ съ мрачнымъ дѣломъ юношеская любовь Саля, будто почка розы по веснѣ! Описаніе ея напоминаетъ намъ то свѣтлыя пѣсни миннезенгеровъ, то Ромео и Юлію Шекспира. Какую великолѣпную противоположность представляютъ надменная попытка Кай Кавуса взлетѣть на́ небо и таинственное исчезновеніе Кай Козру, бѣгущаго отъ опасности мірскихъ соблазновъ и отдавшагося томящей его жаждѣ къ миру и свѣту вѣчности! Не живо ли напоминаетъ Зигфрида прекрасный, всѣмъ любезный Сіявушъ, который хранитъ цѣломудренную чистоту передъ страстной къ нему мачихой и предпочитаетъ покинуть родную землю, лишь бы не нарушить слова, даннаго врагу? Къ смерти его примыкаетъ цѣлая персидская Иліада битвъ и многолѣтнихъ кровавыхъ отместокъ, и среди грозной, дикой этой сумятицы стоитъ милою, трогательною идилліей жизнь маленькаго сына его у пастуховъ; даже конь, носившій его отца, и тотъ заплакалъ, когда отрокъ сѣлъ на него въ первый разъ, а этотъ, спасшись отъ волнъ, грозившихъ ему потопленіемъ, какъ только вышелъ на родную землю, бросился на колѣни съ молитвой:

Богъ, вѣчный, не оставь меня!
Ты щитъ мнѣ, вышній мой оберегатель.
Путей моихъ надежный указатель!
Нужна твоя вожжа намъ въ красный, въ черный день:
Вся мудрость, что́ она? — вѣдь крылъ твоихъ лишь тѣнь.

Подобно этому и при другомъ случаѣ поэтъ съумѣлъ граціозно внести въ самую среду чудовищно-колосальной борьбы народовъ торжествующую надъ племенной ненавистью любовь Бишена и Менижи, которые остаются вѣрны другъ другу, не смотря ни на какіе соблазны и испытанія. Тутъ уже на помощь выступаетъ Рустемъ. Его богатырскій наѣздъ на Мазандеранъ для освобожденія царя, попавшаго во власть ночныхъ демоновъ, находитъ себѣ противень въ семи похожденіяхъ Исфендіара, когда вмѣсто долгаго, но зато вѣрнаго пути, онъ избираетъ семидневный, полный опасностей. Уландъ приравнялъ къ этому былину о томъ, какъ Вольфдитрихъ отыскиваетъ и выручаетъ свою дружину, и указалъ на общее тутъ миѳологическое основаніе: волшебныя силы Аримана, фантастическія чудища зла и тьмы противостаютъ въ обоихъ случаяхъ свѣтлымъ, благороднымъ героямъ, и эти побораютъ враговъ.

Но всего прекраснѣе раскрылось намъ и сердце и искусство Фирдуси въ изображеніи Рустема съ Зограбомъ и потомъ Рустема съ Исфендіаромъ; эти части принадлежатъ къ сокровищамъ всемірной литературы. Роковымъ для героя становится плодъ запретной любви къ одной туранской красавицѣ. Зографъ, еще отрокомъ, но великанъ уже ростомъ и силой, выѣзжаетъ разыскивать отца, чтобы завоевать вмѣстѣ съ нимъ міръ и потомъ властвовать надъ послѣднимъ; Рустемъ слышитъ о могучемъ богатырѣ, мысль о сынѣ тутъ же приходитъ ему въ голову, но вѣдь тотъ теперь навѣрно еще лишь подростокъ. Колеблясь между страхомъ и надеждой узнаемъ мы, какъ отецъ съ сыномъ наконецъ сошлись, какъ взаимное опознаніе ихъ другъ другомъ постоянно близкое, всегда опять встрѣчаетъ новыя помѣхи, пока они не вступили въ ужасный поединокъ, и ни одинъ не захотѣлъ при этомъ

податься на то, чтобы первому назвать себя по имени; какъ Рустемъ падаетъ выбитый изъ сѣдла, но, стыдясь остаться побѣжденнымъ, отвергаетъ предложенія мира и союза со стороны юноши, вызываетъ его снова на бой и вонзаетъ мечъ прямо ему въ сердце. Тогда-то онъ услышалъ страшныя слова:

Какъ много про отца мнѣ говорила мать!
И вотъ, за то что я любилъ его, сразила
Меня такая смерть! Хотѣлъ его сыскать.—
Вдругъ жизнь мою судьба нежданно подкосила.
Трудамъ я не достигъ желаннаго конца,
Мнѣ видѣть не далось черты его лица!
Но снуй хоть рыбою себѣ ты въ зыби водной,
Лети хоть въ небеса со звѣздной быстротой,
Укройся хоть во тьмѣ ночной и непогодной,
Сорви насильственно кругъ солнца золотой, —
И тутъ тебя сразитъ мечъ, мщенія носитель,
Лишь свѣдаетъ отецъ, кто былъ мой изгубитель.
А что узнаетъ онъ, нѣтъ и сомнѣнья въ томъ:
Не воинъ рядовой, такъ человѣкъ начальный,
Рустему донесутъ о той судьбѣ печальной,
Какой подвергъ, злодѣй, ты сына-молодца,
Когда съ любовью онъ разыскивалъ отца.

Тутъ потемнѣлъ передъ его глазами божій свѣтъ, и жалобная рѣчь его выходитъ столько же потрясающей, какъ впослѣдствіи трогательна скорбь его матери, явная только въ безмолвныхъ порывахъ отчаянія и любви.

Царевича Исфендіара самъ основатель религіи свѣта поставилъ неуязвимымъ ея поборникомъ. Однажды, заподозрѣнный своимъ отцомъ Гуштаспомъ, онъ былъ заключенъ въ тюрьму, но сынъ освободился изъ оковъ единственно для того, чтобы спасти въ бою несправедливаго отца и его державу. Теперь онъ требуетъ престола уже для себя, и отецъ обѣщаетъ ему корону съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ привелъ въ цѣпяхъ Рустема, который, будучи царскимъ подручникомъ, распоряжался въ своей волости какъ хотѣлъ. Такимъ образомъ честолюбіе ведетъ Исфендіара на вѣрную гибель; онъ самъ смутно чуетъ судьбу свою, но жажда власти подстрекаетъ его одолѣть Рустема, и наперекоръ увѣтамъ совѣсти онъ опирается на тотъ мнимый предлогъ, что надо же вѣдь повиноваться отцу и государю. Первая встрѣча богатырей обходится дружелюбно и весело. Рустемъ зоветъ Исфендіара на обѣдъ, онъ готовъ все сдѣлать, готовъ тотчасъ же ѣхать съ нимъ къ царю съ отвѣтомъ, и подчиниться всякому взысканію вслучаѣ какой бы то ни было вины; не хочетъ только дать надѣть на себя цѣпи: душа его борется съ безъисходной задачею, — или смѣнять на позоръ славу своей жизни, свою незапятнанную честь, или поднять руку на священную голову любимаго имъ царевича; а съ другой стороны и у самого Исфендіара уваженіе къ старому богатырю все ростетъ и ростетъ, чѣмъ ближе онъ узнаетъ его качества. Онъ обѣщаетъ ему миръ и дружескій союзъ, если только онъ предстанетъ съ нимъ въ оковахъ къ царскому престолу, который тотчасъ же и перейдетъ вѣдь въ руки царевича. Какъ выростаютъ въ нашихъ глазахъ оба богатыря, когда то въ вызывающихъ, заносчивыхъ рѣчахъ, то въ дружелюбной бесѣдѣ за винной чашею они припоминаютъ и себѣ и намъ чудные свои подвиги! Но тщетно молитъ Рустемъ Исфендіара, не требовать отъ него невозмож-

наго; тутъ дѣло доходитъ уже до явной ссоры. Первый поединокъ остается нерѣшительнымъ. Но и дружины ихъ, горячо сочувствуя вождямъ, вступили въ бой; у Исфендіара убиты два отрока, и вотъ огорченіе и месть подстрекаютъ его къ новой схваткѣ. Помѣрясь силой на копьяхъ, на мечахъ и на палицахъ, богатыри берутся каждый за лукъ, но стрѣлы отпрядываютъ отъ заговореннаго жрецами Исфендіара, тогда какъ Рустемъ и его конь, израненные на́ смерть, впервые отроду бѣгутъ. Но какъ же онъ дастъ вести себя скованнымъ передъ того самаго владыку, который обязанъ ему всѣмъ? Въ глубочайшей душевной скорби обращается Рустемъ къ генію-заступнику своего дома, къ дивной птицѣ Симургу, и узнаетъ, что Исфендіаръ умертвимъ единственно лишь сукомъ одного вяза, если заострить этотъ сукъ въ стрѣлу, но что съ этимъ неразлучна и гибель того, кто такъ поступитъ. Положеніе Рустема еще трагичнѣе чѣмъ Ахиллесово въ Иліадѣ, гдѣ герой также знаетъ, что ему грозитъ близкая смерть, когда отмщая за Патрокла онъ низлагаетъ Гектора; тогда какъ положеніе Исфендіара напоминаетъ ту внутреннюю борьбу Рюдигера въ Нибелунгахъ, когда любовь къ кунакамъ ратуетъ въ груди его съ долгомъ службы, обѣщанной имъ Хримгильдѣ. Рустемъ пытается еще разъ уговорить Исфендіара. Онъ умоляетъ его отрѣшиться отъ своего ослѣпленія, преодолѣть самого себя; онъ выдастъ ему всю дружину, все свое имущество, пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ и допуститъ наложить на себя оковы, если таковъ будетъ судейскій приговоръ; но дать заранѣе скрутить себя, какъ трусъ, какъ побѣжденный, опозорить свою славу, свою честь,—этого онъ рѣшительно не въ состояніи. Передъ тѣмъ что пустить стрѣлу, онъ обращается съ такой молитвой къ небу:

Господь предвѣчный, ты, кѣмъ солнца кругъ пылаетъ,
Откуда мудрость вся и крѣпость истекаетъ,
Что не повиненъ я и чистъ вполнѣ душой,
Что зла я не хотѣлъ, то ясно предъ тобой!

Весь свѣтъ кажется ему безконечною могилой, съ тѣхъ поръ какъ противникъ его палъ. Умирающій Исфендіаръ говоритъ брату:

Для мертвыхъ прахъ земной назначенъ вѣчнымъ ложемъ,
Не сѣтуй, что и мнѣ конецъ теперь положенъ;
Джемшидъ и Феридунъ блистали какъ свѣтло,
А вѣдь дыханье ихъ на вѣтеръ же пошло!

Къ Рустему обращается онъ такъ:

Чего ты прячешься? Ко мнѣ приблизься съ миромъ:
Судьба различные пути послала намъ.
Ты сына моего прійми ребенкомъ сирымъ,
Чтобъ мужеству учить и доблестнымъ дѣламъ.

Хотя братъ и припоминаетъ пословицу, что не слѣдъ ростить львенка у себя въ домѣ, Рустемъ исполняетъ волю покойнаго до тѣхъ поръ пока не насталъ и его собственный конецъ. Блескъ славы Исфендіара ярко вспыхиваетъ еще разъ въ заплачкѣ надъ умершимъ, и одинъ изъ друзей утѣшаетъ мать:

Уснулъ въ тиши и въ вѣчномъ онъ покоѣ;
Ты не крушись по немъ. Вѣдь жизни бремя злое
Наскучило ему, и отъ мірскихъ заботъ
Свободный, въ царствѣ душъ блаженныхъ онъ живетъ.

Правда, что размышленія, какими Фирдуси начинаетъ свои пѣсни, обыкновенно направлены къ бренности всего земного, что у него постоянно возвращается дума о постигающемъ все въ мірѣ роковомъ концѣ и обвиваетъ грустной пеленой всю его поэму; но онъ всегда связываетъ съ этимъ ободрительный увѣтъ, что мудростью и доблестью мы можемъ заслужить себѣ вѣчное блаженство. Вообще основной тонъ его произведенія торжественно-важенъ и высокъ, а за тѣмъ, смотря по требованіямъ сюжета, развертываются то блескъ и роскошь красокъ, то кроткая пріятность и грація. Такъ нѣкоторые герои горятъ подобно яснымъ звѣздамъ, иные разсказы выступаютъ въ видѣ большихъ созвѣздій, цѣлое же, подобно своду небесному, производитъ неодолимое впечатлѣнье безконечнаго. Языкъ обиленъ и смѣлъ, сравненія не такъ вырисованы какъ у Гомера, и обыкновенно выдвигаютъ впередъ только одну извѣстную черту дѣйствія; индѣ образъ прямо заступаетъ мѣсто вещи. Метръ поэмы—арабскій мутакарибъ, то есть риомованныя двустишія по слѣдующей схемѣ:

⏑ — — ⏑ — — ⏑ — — ⏑

Онъ идетъ богатырски-твердымъ шагомъ, который дѣлается особенно размашистъ, когда въ словахъ выступаетъ кретикъ (— ⏑ —), что́ однакожь рѣдко бываетъ въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ стопа эта переходитъ всего чаще въ вялые или скачущіе амфибрахіи (⏑ — ⏑); потому-то Шакъ и замѣнилъ въ своемъ переводѣ этотъ размѣръ удобнѣйшимъ для насъ пятистопнымъ ямбомъ. Платенъ точно воспроизвелъ подлинникъ въ своемъ переводѣ начальныхъ стиховъ Искандернаме́ (Александроиды) Низами:

Господь, кому въ мірѣ вся власть достоитъ,
Къ кому мое сердце любовью горитъ!
Щитомъ ты величью, ты малымъ покровъ,
Ты все, а міръ цѣлый — міръ рѣющихъ сновъ *.

Другая часть Шахнаме́ отличается уже инымъ характеромъ. Къ послѣднему исходу древне-богатырскаго міра привязываетъ она непосредственно исторію персидскихъ царей передъ Александромъ, говоритъ потомъ объ немъ, а вслѣдъ за тѣмъ выдвигаетъ опять на первый планъ Персовъ, повѣствуя о владычествѣ Арсакидовъ и Сасанидовъ вплоть до вторженія могаммеданъ. Поэма переходитъ болѣе и болѣе въ тонъ риомованной хроники; событія изукрашаются безъ всякой уже сдержки, они увиты побѣгами древнихъ воспоминаній, но миоическій элементъ является прямо въ сказочной оболочкѣ, и анекдотическая сторона, услажденіе заостреными, гладко отточеными изреченьями и мѣткими словцами, а также справедливыми и умными

* Мы въ точности передали размѣръ Платена, но не находимъ чтобы онъ близко отвѣчалъ арабскому мутакарибу, едвали впрочемъ и воспроизводимому на какомъ бы то ни было новоевропейскомъ языкѣ. Прим. перев.

поступками изъ частной жизни владыкъ, сплошь замѣняетъ ту старую былину, которая идеально воплощала въ себѣ духъ исторіи. Общая связь часъ отъ часу слабѣетъ, она не скрѣплена идеею, нѣтъ впереди великой цѣли, нѣтъ внутренней опоры и сдержки ни для людскихъ дѣйствій, ни для судебъ. Гёрресъ, сообщившій въ своей «Богатырской книгѣ Ирана» выдержки и изъ этихъ ея частей, замѣчаетъ что здѣсь передъ нами трудъ устарѣвшаго, притомленнаго жизнью поэта, хотя, надо сказать правду, и эпоха и представляемый ею матерьялъ сами отчасти вели къ отрывочной обдѣлкѣ и къ перемѣнѣ въ тонѣ изложенія. «Поэтъ посвятилъ всю жизнь свою этому труду: будучи еще въ цвѣтущей молодости и силѣ, онъ пересоздалъ свѣтлыя былины древнѣйшихъ временъ; зрѣлыя лѣта мужества прожилъ онъ среди побоищъ между старыми богатырями, и торжественно провелъ свой народъ по всѣмъ походамъ нескончаемой борьбы съ Туранцами; теперь, когда, покрывшись сѣдиной, онъ близился уже къ смерти, съ нимъ явно состарѣлась его поэзія; воображенію представлялись больше мрачныя картины, да закатывался вмѣстѣ и ясный день свѣтового царства, Ирана.»

Остановимся еще на сказаніяхъ объ Александрѣ Великомъ, съ которыми предстоитъ намъ потомъ встрѣтиться и въ европейскомъ средневѣковьи. Въ основѣ какъ западной, такъ и восточной ихъ редакціи, правда, одинаково лежитъ романъ, составившійся въ Александріи изъ подбора и распространенія поэтически вымышленныхъ или изукрашенныхъ исторій со времени Птоломеевъ въ 4-мъ вѣкѣ по Р. Х. и приписываемый Каллисоену: это такое описаніе жизни александровой, въ которомъ историческое ядро все уже облечено въ полусказочныя былины, и особенно фантастично размалеваны дальнія чудеса, баснословныя животныя, говорящія деревья, полетъ героя къ небесамъ и спускъ его въ бездны Океана; среди этого хотя и выступаетъ нѣсколько крупныхъ чертъ, полныхъ смысла и значенія, но цѣлое далеко отстаетъ отъ духа и поэтичности настоящей исторіи. Такъ напримѣръ здѣсь постоянно повторяется одинъ и тотъ же любимый пріемъ, что Александръ, въ видѣ своего собственнаго посла, является и у Дарія, и у негритянской царицы, Кандаки, что его тамъ опознаютъ, и онъ избавляется отъ опасности только умомъ своимъ и отвагой. Жители Востока хотѣли какъ-нибудь присвоить себѣ завоевателя: у Египтянъ царь ихъ Нектанебъ посѣщаетъ Македонію, и отъ него-то Олимпія родитъ столь дивнаго потомъ сына; Персы говорятъ, что царь ихъ сосваталъ за себя дочь Филиппа, но вскорѣ отвергъ ее, а она, воротясь домой, разрѣшилась отъ бремени Александромъ, который, какъ только выросъ юношей, пошелъ завоевывать себѣ силою принадлежащій ему по праву восточный престолъ. Изъ Корана заимствовалъ Фирдуси путешествіе Александра къ жизненному ключу съ пророкомъ Хизромъ; онъ не сталъ изъ него пить, по той будто бы причинѣ, чтобы, когда состарится и утомится жизнію, не пришлось ему напрасно желать себѣ конца естественнымъ путемъ смерти. Европейская былина дѣлаетъ изъ этого походъ въ земной рай. Безнужно живущіе Скиоы превращаются на Востокѣ въ брахмановъ; Александръ испытываетъ ихъ мудрость въ разговорѣ съ ними, какъ онъ и вообще любитъ состязаться въ разныхъ символическихъ дѣйствіяхъ; брахманы говорятъ, что ни съ кѣмъ не ищутъ ссоры, что земля ложе имъ, небо — надежный кровъ и въ жизни и по

смерти, и что они не нуждаются ни въ какихъ Александровыхъ сокровищахъ, если онъ не властенъ надъ старостью и надъ смертью, чтобы оградить ихъ, брахмановъ, отъ этихъ бѣдствій: здѣсь въ восточномъ зеркалѣ отразились Александръ и Діогенъ.

Въ своемъ грозномъ посланіи къ Махмудъ-шаху Фирдуси сперва проводитъ передъ нами всѣхъ стародавнихъ богатырей, которыхъ пѣснь его надѣлила вѣчной жизнью, а потомъ въ справедливой гордости своей поэтическою славой, въ чувствѣ предстоящаго ему безсмертія, присовокупляетъ:

О шахъ, тебѣ я завѣщалъ свое обширное созданье
Не пропадетъ оно, и нá вѣки вѣковъ останется одно въ воспоминанье
О томъ, что нѣкогда и ты на свѣтѣ жилъ;
Иначе свѣтъ тебя совсѣмъ бы позабылъ.
И царскіе дворцы, и храмы столповые,
Все гибнетъ, рушатся: то ливни дождевые,
То зной палящій ихъ спѣшатъ съ земли стереть;
Мое жь могучее и прочное строенье
Ни бурямъ, ни дождямъ вовѣкъ не одолѣть:
Доколѣ міръ стоитъ и времени теченье
Не остановится, дотолѣ всякій чтецъ, —
Конечно умный, не глупецъ, -
Всегда похвалитъ вновь мое произведенье

Какъ къ Гомеру примыкаютъ киклики, такъ и Фирдуси обставленъ цѣлымъ кругомъ стихотвореній, которыя то развиваютъ далѣе иныя частныя подробности, то, подражая древнимъ былинамъ или на нихъ же и опираясь, изобрѣтаютъ новые совсѣмъ вымыслы: таковы разсказы о Банугушаспѣ, глядящей амазонкою (поляницей) дочери Рустема, которая поспоритъ съ любымъ изъ богатырей на охотѣ и на войнѣ, побѣждаетъ и убиваетъ непрошенныхъ жениховъ своихъ, и даже супруга, котораго далъ ей отецъ, привязываетъ своимъ поясомъ подъ тронное сѣдалище такъ крѣпко, что только Рустему подсилу освободить его; таковы повѣсти про Зограбова сына, Барсý, и разныя другія. Но здѣсь явно уже отсутствіе народной основы, и воображеніе паритъ безъ удержу во всѣ стороны, льтая вверхъ и внизъ.

Еще и до Фирдуси басни и повѣсти Индійцевъ переводились поперсидски; при Сасанидѣ Козру Нуширванѣ, визирь его, Бисурджимиръ, сочинилъ въ похвалу огнеслуженію поэтическій разсказ «Вамикъ и Азра», который за это именно направленіе впослѣдствіи строго воспрещался могаммеданствомъ и оттого дошелъ до насъ въ турецкой передѣлкѣ только матерьяльнымъ своимъ содержаніемъ. Вамикъ значитъ пылкій, пламенный: онъ горитъ огнемъ вдохновенія, жаждой подвиговъ, любовью; Азра — цвѣтущая: сама весна отступила съ розами и гвоздикой передъ развернувшимся въ ея лонѣ цвѣткомъ красоты. Они совершаютъ вмѣстѣ жреческое служеніе священному огню, пока ихъ не разлучили силой. «Пылкій», котораго гдѣ-то на югѣ разбойники возвели ужь на костеръ, гаситъ пламя внутреннимъ своимъ жаромъ, который оказывается сильнѣе; а на дальнемъ, ледяномъ сѣверѣ, подъ дыханіемъ «цвѣтущей», снѣгъ превращается въ цвѣточные хлопья, туманъ въ цвѣточный ароматъ, а иней на лугу таетъ въ рóсныя слезы радости. Но ея собственное сердце коченѣетъ, оттого что нѣтъ ея

милаго, а тотъ совсѣмъ извелся, обуглился отъ палящей жажды ее видѣть. Такъ и умираютъ они въ тоскѣ, но возносятся на́ небо и сіяютъ тамъ созвѣздіями арктура и дѣвы.

Мастеромъ на романтическіе стихотворные разсказы явился Низами въ 12-мъ столѣтіи. Подъ названіемъ «Пяти кладовъ» или «Пятка́» были собраны его сочиненья, и чтобы достойно соревновать ему позднѣйшіе стихотворцы считали своей обязанностью писать также пятка́ми. Всѣ подобныя піэсы начинаются хвалой Богу и пророку; къ этому примыкаетъ гдѣ любовь, гдѣ весна, въ видѣ обычнаго перехода къ самому дѣйствію. Первое произведенье Низами, Махсеноль-эсраръ, то-есть «Книга тайнъ», содержитъ въ себѣ басни и притчи, къ которымъ присоединяются объяснительныя размышленія о природѣ человѣка и о ходѣ міра вообще, или нравственныя изреченія, прямые увѣты къ добродѣтели. Тамъ есть и прекрасный разсказъ объ Іисусѣ, который, проходя мимо мертваго пса и слыша, какъ всѣ въ одинъ голосъ поносятъ видъ и вонь падали, устыдилъ привередниковъ тѣмъ, что и тутъ обратилъ вниманье на одно хорошее, сказавъ: «А зубы-то бѣлы вѣдь какъ жемчугъ!»

Другой поэтическій разсказъ воспѣваетъ Козру и Ширинь, которые слывутъ у Персіянъ за идеалъ счастливой любви, но у которыхъ на нашъ вкусъ слишкомъ мало внутренняго благородства, да и внѣшность ихъ отдѣлана слишкомъ щеголевато напоказъ. Сасанидъ Козру, наслышась о дивной красотѣ армянской царевны Ширинь, влюбился въ нее еще до того, что случайно увидѣлъ ее купающеюся, а тутъ она уже очаровала его совершенно. Онъ убиваетъ льва, угрожавшаго жизни ея опасностью; но такъ-какъ она не хочетъ тотчасъ же вполнѣ ему отдаться, то огорченный отправляется онъ въ Грецію и женится тамъ на Маріи, дочери императора, который помогаетъ ему за это отнять у одного хищника захваченный имъ персидскій престолъ. Ширинь однако не выходитъ у него изъ памяти, а эта, съ своей стороны, ревнуя къ женѣ его и мстя ему за невѣрность, вступаетъ въ близкую связь съ зодчимъ Фергадомъ. Козру ссылаетъ его въ горы пробивать въ скалахъ ѣзжалый путь; Ширинь навѣстила тамъ однажды своего пріятеля, но впослѣдствіи шахъ довелъ до него ложный слухъ объ ея смерти, Фергадъ бросился съ высокой скалы и изъ крови его выросло гранатное дерево. Ширинь тужитъ по немъ, но вскорѣ утѣшается, извѣстясь что умерла Марія. Послѣ нѣкотораго сопротивленія снова обратившемуся къ ней Козру, она наконецъ слѣдуетъ за нимъ въ его за́мокъ. Носителями и излагателями ихъ взаимныхъ чувствъ являются теперь пѣвцы, и разсказъ оканчивается чувственно-сладострастною картиной ихъ брака. Языкъ похожъ на падающую въ роскошныхъ складкахъ волнистую одежду, пестро затканную цвѣтами и изреченьями и горящую на солнцѣ какъ жаръ.

Повѣсть про Меджнуна и Лейлу переноситъ насъ въ Аравію. Какъ странникъ въ знойной пустынѣ жаждетъ источника, такъ томится и Меджнунъ по своей милой; скорбь и тоска доводятъ его до неистовства, подобно тому какъ и путника въ степи морочатъ призраки облаковъ и оазисовъ. Уже дѣтьми Кайсъ и Лейла тѣсно сблизились между собою, но отецъ отдаетъ дѣвушку другому, и въ отчаяніи бродитъ теперь юноша по пустынѣ, дичая,

какъ помѣшанный, такъ что онъ прослылъ наконецъ «бѣшенымъ», Меджнуномъ. Тщетно одинъ изъ его друзей старался похитить для него Лейлу. Меджнунъ, скитаясь по степи, выкупаетъ пойманныхъ газелей у охотниковъ, или самъ освобождаетъ ихъ изъ тенетъ: вѣдь и онѣ, подобно ему, разлучены съ своими близкими, вѣдь и онѣ напоминаютъ ему образъ милой Лейлы. Отецъ его умираетъ съ горя о сыновнемъ страданіи, а сынъ плачетъ надъ могилою отца. Въ степи навѣщаютъ его друзья и сродники, пріѣхала даже сама Лейла; увидѣвъ его, она падаетъ съ верблюда, и Меджнунъ безъ чувствъ лежитъ въ ея объятіяхъ. Когда умеръ ея мужъ, она совсѣмъ перешла къ милому, и вотъ они отдаются страстному порыву счастливой наконецъ любви; но безмѣрность и внезапность счастія дѣйствуютъ на нихъ смертельно: у Лейлы надорвалось сердце, и въ плачѣ надъ ея могилой источилъ всю душу свою до капли Меджнунъ.

Четвертая поэма называется Хефтъ-пейгиръ, «семь ликовъ красоты», и, вставкою различныхъ повѣстей въ одну общую раму, указываетъ на образцы, взятые изъ Индіи. Однажды Берамгуръ велѣлъ отворить въ крѣпкомъ своемъ зáмкѣ потайную дверь, увидѣлъ въ скрывавшемся за ней покоѣ семь портретовъ дѣвицъ-красавицъ йзблизи и издалёка, изъ Персіи, Индіи и Нигриціи, изъ Греціи и Татаріи, изъ Руси и изъ Хорасана,—и какъ только увидѣлъ, такъ и влюбился во всѣхъ безъ памяти. Вотъ разсылаетъ онъ ко всѣмъ сватовъ, а самъ между тѣмъ тѣшитъ свою силу и ловкость на войнѣ и на охотѣ, напримѣръ: прострѣливаетъ дикому ослу на полномъ бѣгѣ одно изъ поднятыхъ копытъ. Строитъ онъ дворецъ о семи хоромахъ, посвятивъ каждую которой-нибудь изъ планетъ и росписавъ особенною краской,—строитъ для тѣхъ же семи красавицъ, которыя наконецъ съѣзжаются, и каждая разсказываетъ ему свою исторію, любовныя и путевыя приключенія, встрѣчи съ нечистой силой. Одна изъ повѣстей онагляживаетъ на сказочный ладъ ту основную мысль древнеперсидской этики, что прямота и правдивость наилучшій въ мірѣ талисманъ. О другой еще упомянемъ мы потому, что послѣ многихъ превращеній она водворилась и у насъ въ Европѣ, благодаря Гоцци и Шиллеру, подъ названіемъ «Турандотъ». Царевичъ, не побоявшись того, что искомая имъ царевна выставила на страхъ ему черепа несчастныхъ своихъ любовниковъ, разрѣшаетъ ея загадки, всѣ состоящія изъ разныхъ символическихъ дѣйствій, какъ это часто водится въ персидской поэзіи вообще. Она, напримѣръ, посылаетъ ему двѣ жемчужины изъ своихъ подвѣсокъ; понявъ, что это значитъ: жизнь похожа на двѣ капли воды, онъ присоединяетъ къ нимъ нѣсколько алмазовъ, намекая этимъ, что жизнь можно продлить радостью. Она кладетъ дорогіе камни въ ларчикъ вмѣстѣ съ сахаромъ, а онъ разгадываетъ здѣсь: жизнь смѣшана съ сладкимъ чувственнымъ вожделѣніемъ, и поливаетъ все это молокомъ взнакъ того, что чистая любовь растворяетъ въ себѣ чувственное вожделѣніе. Царевна выпиваетъ молоко, желая быть съ нимъ счатлива такой именно любовью. Она шлетъ ему кольцо, символъ брака. Онъ привязываетъ къ нему стеклянный коралекъ, взнакъ опасенія, неумалила бы зависть его счастья; но она надѣваетъ себѣ кольцо и съ коралькомъ, намекая этимъ, что зависть не помѣшаетъ ея нѣжности, что она гордится своей любовью. Послѣ такого обмѣна мыслей празднуется бракъ.

Наконецъ въ пятой поэмѣ Низами изложена былина объ Александрѣ Великомъ. Онъ еще участливо относится къ событіямъ, сердце его открыто чувству; тогда какъ для Джами, этого послѣдыша персидской поэзіи въ 15-мъ вѣкѣ, главное дѣло составляютъ уже книги мудрости, подносимыя герою, при вступленіи его на престолъ, въ видѣ царскаго зерцала; Александръ изучаетъ ихъ и самъ пишетъ одну такую книгу. Девять философовъ тужатъ объ его смерти и предлагаютъ взапуски утѣшенія по этому случаю, а также и размышленія на счетъ бренности всего земного. Племянникъ Джамія, Хатифи, избралъ героемъ Тимура вмѣсто Александра, но соревнуетъ дядѣ въ воспроизведеніи разсказовъ про Меджнуна и Лейлу, про Юсуфа и Зюлейку

Любовь Зюлейки, прекрасной молодой жены Потифара (Пентефрія), къ Юсуфу (Іосифу),—любовь, о которой упоминаетъ и Коранъ, была уже воспѣта, прежде — Фирдуси, а потомъ Амикомъ изъ Бухары. Когда душа Юсуфа только еще одѣвалась тѣлесной оболочкою, сіянье красоты небеснымъ пламенемъ всполохнуло надъ его головою, потому что онъ былъ свыше предназначенъ стать прекраснѣйшимъ изъ людей. На дальнемъ концѣ Мавританіи одна царевна трижды видѣла его во снѣ, и такъ-какъ сонъ заявилъ что она найдетъ его въ Египтѣ, то царевна съ радостью приняла сватовство со стороны великако визиря того края; но за то какъ же она и перепугалась, когда вмѣсто юношескаго идеала увидѣла въ шатрѣ своемъ дряхлаго старика! Рѣчь ея явно обличаетъ въ ученомъ стихотворцѣ Джами страсть блеснуть изобиліемъ условныхъ образовъ и принизать ихъ какъ-нибудь одинъ къ другому:

Я сажала пальмы, выростали финики:
Теперь я посѣяла сѣмена любви, а взошло горе.
Я терзалась тоской по сокровищу,
А теперь должна мучиться съ лютымъ змѣемъ.
Хотѣла рвать розы душистыя,
А оборвала себѣ все платье острымъ терніемъ.
Я какъ странникъ, томящійся жаждой въ пустынѣ,
Какъ верблюдъ, заблудившійся въ горныхъ высяхъ;
Хочу бѣжать къ другу милому,
А тутъ страшно рычитъ на меня свирѣпый левъ.
Я мореходъ, потерпѣвшій крушеніе:
Вотъ будто вижу передъ собой лодку, готовую спасти меня,
А выходитъ—это крокодилъ, разинувшій на меня пасть.

Однакожъ утѣшительный ангельскій голосъ шепчетъ ей на ухо, что бракъ съ визиремъ именно тотъ путь, который приведетъ ее къ другу сердца. Скоро встрѣчаетъ она на невольничьемъ рынкѣ караванъ съ еврейскимъ юношей, котораго исторія тутъ же и передается, и котораго милый образъ вполнѣ отвѣчаетъ ея сну. Она покупаетъ его и устроиваетъ питомцу пастушьяго быта милую ему овчарню, въ надеждѣ сойдтись ближе съ прекраснымъ пастушкомъ; но надежда ее обманула. Бесѣдка въ саду у ней вся убрана картинами сладострастной любви, и однажды Іосифъ чуть не поддался тамъ ея прелестямъ, какъ вдругъ предсталъ ему отецъ и удержалъ его отъ соблазна. Іосифъ бѣжитъ прочь, но встрѣчается съ мужемъ Зюлейки, и какъ ребенокъ начинаетъ увѣрять его въ своей невинности. Зюлейка между тѣмъ не можетъ скрыть любовныхъ томленій: даже когда разъ она пустила себѣ кровь, брызнувшая струя сама собой вывела по полу имя Іосифа. Ея отношенія къ нему стали предметомъ го-

родскихъ толковъ; и вотъ тѣхъ именно дамъ, которыя надъ ней подсмѣивались, приглашаетъ она однажды къ себѣ и улаживаетъ все такимъ образомъ, чтобы юноша подалъ кофей въ то самое время, когда гости примутся чистить апельсины; пораженныя какъ молніей его красотой, всѣ онѣ порѣзали себѣ руки. Тогда сами дамы посовѣтовали Зюлейкѣ запереть его и держать въ темницѣ до тѣхъ поръ, пока не смирится его неприступность. Онъ въ тюрьмѣ, а Зюлейка только и услаждаетъ тоску тѣмъ, что съ террасы своего дворца смотритъ на тюремную кровлю. Іосифъ толкуетъ въ заключеніи сны своимъ товарищамъ; узнавъ объ этомъ, царь призываетъ его къ себѣ, дѣлаетъ своимъ великимъ-визиремъ, и юноша спасаетъ народъ отъ голодной смерти. Между тѣмъ умеръ мужъ Зюлейки, она отрекается отъ язычества, и тогда Іосифъ съ любовью принимаетъ ее себѣ въ жены; онъ нашелъ въ ней чистую дѣвственность, потому что «воскомъ не пробуравить ни жемчужины, ни самоцвѣтнаго камня», и съ тѣхъ поръ жилъ съ ней счастливо. На нашъ европейскій вкусъ, ходъ самаго дѣла и обрисовка характеровъ слишкомъ перевѣшиваются здѣсь избыткомъ размышленій и словоохотливой шумихой образовъ. Едва, напримѣръ, распустилась таившаяся прежде роза Зюлейкиной страсти, какъ свѣтъ превратился въ щелкающаго клеветою соловья. Зюлейка, въ любовной тоскѣ, прислоняется къ стѣнѣ, выгнувъ спину арфою, на которую натянула она струны слезъ, жалобно звучащія ея горемъ; груди у ней какъ два чистосвѣтныхъ купола, два пузыря потока Кяфура, а станъ тоньше волоска; ноги же—серебряныя колонны, на которыхъ подъ поясницей покоятся двѣ серебряныхъ горы, которыя однакожь какъ тѣсто пропираютъ между пальцевъ; на каждомъ изъ ея ноготковъ новый мѣсяцъ блеститъ вокругъ полнаго и т. д. Такимъ образомъ раскрыша душевной жизни въ чувствахъ и дѣйствіяхъ сплошь отступаетъ здѣсь на задній планъ передъ подробною разрисовкой тѣлесныхъ прелестей, передъ обширностью описаній.

Что духовная любовь основана на сродствѣ душъ, это служитъ нитью и для пестрой снизи приключеній Михра и Муштери въ разсказѣ стихотворца Асара, второй половины 13-го столѣтія,—разсказѣ, напоминающемъ собой александрійскіе романы. Два молодыхъ человѣка, одновременно родившіеся сыновья, одинъ— царя, другой—близкаго ему человѣка, совершенно сошлись по сердцу, но разлучены клеветой, и отыскивая потомъ другъ друга претерпѣваютъ на морѣ и на сушѣ бездну опасностей, выдерживаютъ всякіе соблазны чувственности и честолюбія, пока наконецъ удается имъ сойдтись.

Б. Лирика и поэзія мысли. Джелаледдинъ Руми, Саади, Гафизъ.

Обокъ съ эпическими разсказами и въ Персіи идутъ по арабскому обычаю хвалебныя и ругательныя пѣсни; мастеромъ на «Касиды» такого рода признается въ первой половинѣ 12-го вѣка Энвери; я, съ своей стороны, не нахожу въ немъ ни чего хорошаго. Онъ, правда, изобрѣтателенъ на фразы и образы, но не умѣетъ ни индивидуализировать, ни характеризовать, а пробавляется условными преувеличеніями; и я поистинѣ не понимаю, какъ другой стихотворецъ, Шеджааи, могъ выслушивать отъ него такія вещи, какъ на-

примѣръ то, что вѣсъ его достоинствъ придаетъ звѣздамъ силу тяготѣнія, хотя впрочемъ тамошніе владыки и привыкли къ фразамъ вродѣ того, что солнце только отблескъ вѣнца ихъ, что по ихъ манію весна украшаетъ поля, а осенью созрѣваетъ жатва, или что не подпирай нога ихъ землю, ей ни за что бы не устоять въ своихъ основаніяхъ. Но могущество и пышность этихъ государей рушилась отъ напора чингисхановыхъ монгольскихъ ордъ, а стихотворецъ Сенайй смолкъ, ушедши въ себя, еще и до этого, когда одинъ городской шутъ (юродивый), выслушавъ отъ него пустозвонную похвальную поэму въ честь Ибрагима Газневида, вдругъ спросилъ его: «А что-то заговоришь ты въ судный день, когда потребуется отдать отчетъ въ каждомъ безполезномъ словѣ?» Подпавъ игу чужевластія, персидское образованіе удалилось преимущественно въ Ширазъ, и поэты отъ внѣшняго обратились тогда къ внутреннему, отъ временнаго — къ вѣчному.

Созерцательную думу, свободу духа, основанную на добровольномъ отреченіи отъ мірскихъ нуждъ, наконецъ такъ часто встрѣчавшуюся намъ и въ симитскомъ язычествѣ сердечную возбужденность среди плясокъ и пѣсенъ, полныхъ дикаго неистовства, находимъ мы уже съ весьма раннихъ поръ у могаммеданскихъ дервишей (или святошъ); обруку съ этимъ часто идутъ возвышеніе задушевнымъ чувствомъ и помысломъ надъ любымъ внѣшнимъ уставомъ, пареніе въ надземную область и самопогруженіе духа въ Божество. И здѣсь-то симитскій монотеизмъ нашелъ себѣ у Персіянъ необходимое дополненіе въ ненарадующемся природою пантеистическомъ чувствѣ Арійцевъ, которые, признавая въ Богѣ единственное истинное бытіе, видятъ во всемъ сущемъ его откровеніе, и въ самоотдачѣ себя Богу хотятъ чувствовать единство свое со всѣмъ, что̀ дышетъ и живетъ. Вѣра въ Аллаха встрѣтилась такимъ образомъ съ задушевной жаждою Индійцевъ къ міру нераздѣльно-вѣчнаго существа, съ тѣмъ самоуглубленіемъ сознанія, которое, удалясь отъ свѣта, ищетъ въ тишинѣ души единенія съ душею міра, съ Брамой. Такъ возникла въ Персіи мистика секты Суфи. Богъ для суфіевъ—чистый свѣтъ, міръ разноцвѣтное его марево; изъ марева душа такъ и рвется къ сущности, изъ множественности — къ единству, чтобы стать каплей въ его морѣ, быть не розно съ нимъ, а живымъ лучемъ его собственнаго существа. Черезъ 200 лѣтъ послѣ Могаммеда, Саидъ Абуль Хейръ, слывущій основателемъ суфіевъ, то-есть «шерстоодежныхъ», на вопросъ, что̀ такое суфизмъ, отвѣчалъ: » выкинь что̀ у тебя въ головѣ, брось что̀ у тебя въ рукѣ, и не отступай ни передъ чѣмъ, что̀ бы съ тобой не случилось!» Духъ долженъ отрѣшиться отъ чувственнаго и вознестись къ Богу, дать ему въ себѣ полную, исключительную власть, ни чего не хотѣть и не мыслить кромѣ Бога; небу и землѣ не обнять его, а сердце вѣрующаго обниметъ; только отдайся оно Богу, оно все охватится имъ, какъ въ пылкомъ огнѣ уголь огнемъ же горитъ и самъ. Какъ кувшинка то всплыветъ наверхъ, то окунется опять въ воду, такъ точно и душа погружается порою въ Божество; блаженныя души никогда при этомъ не уничтожаются, потому что любовь божія не имѣла бы тогда предмета; но онѣ въ полной съ нимъ гармоніи, себялюбіе въ нихъ преодолѣно, онѣ чувствуютъ себѣ волнами его океана; да и «гдѣ же въ источникѣ вѣчной жизни смерть?» Дѣлать добро, познавать истину, — вотъ прямой путь къ созерцанію единаго во всемъ Бога.

До насъ дошла этика одного персидскаго философа, Насироддина, родившагося въ 1200 г. въ Тусѣ; тамъ сказано:« Для порядка въ жизни, для сча-«стія, для усовершенствованія каждаго отдѣльнаго лица необходимо общеніе. «Справедливость и любовь—двѣ дороги къ благоденствію; одна не допускаетъ «порухъ и обидъ, обуздываетъ своекорыстіе, каждому воздаетъ свое, послѣд-«няя споспѣшествуетъ благу всѣхъ и каждаго. Дошли вы путемъ любви до «согласія, тогда не нужно ни какихъ законовъ, которые выростаютъ только «изъ суковъ раздвоя. Тайна вѣчной любви присуща всѣмъ вещамъ безъ изъ-«ятія: какъ же бы иначе соловей могъ такъ сладко напѣвать розѣ? Вблизи «свѣточа вѣчной красоты, увлекаясь къ ней неодолимымъ желаніемъ, душа, «какъ ночная бабочка, обжигаетъ себѣ крылья мнимаго бытія, и погружаясь «въ созерцаніе единаго, достигаетъ полной истины.» Рядомъ съ словами Іисуса, Платона и Аристотеля есть здѣсь изреченія персидскихъ мудрецовъ и поэтовъ, между прочимъ слѣдующія: Сдѣлаешь добро, кинь его въ море: не увидитъ рыба, такъ увидитъ Господь. — Кто пройдетъ спокойно мимо клеветы, тотъ всегда пройдетъ съ достоинствомъ. — Если ты самъ жаждешь милости божіей, старайся бережно снять тяготу со всякаго сокрушеннаго сердца.—Удивительно, какъ можетъ скорбѣть человѣкъ, надѣленный близкимъ другомъ. — Одинъ мигъ душевнаго спокойствія лучше всего другого, чего бы ни пожелалъ ты. — Кто любитъ Бога, тотъ ухо, имъ же слышитъ, глазъ, имъ же видитъ Всевышній.

Философская эта мистика нашла свое óбразное и законченное себѣ выраженіе въ поэзіи. Если уже Сенаии въ своемъ Хедикѣ (нарядномъ саду) указалъ путь къ Богу черезъ самоотверженность и признаніе въ немъ единаго, открывающагося во всемъ сущемъ, то Хакани обратилъ всю свою ученость на то, чтобы въ «Сокровищахъ тайнъ» вылужжить блескъ алмаза истины изъ-подъ всякой оболочки и возбудить думу посредствомъ самыхъ необычайныхъ сравненій. Съ этихъ поръ въ персидской литературѣ ведется самая смѣлая, отчаянная игра въ чудовидные образы; метръ и риомы вырабатываются съ такимъ тонкимъ чутьемъ къ звуковымъ переливамъ, что они укачиваютъ насъ все новыми и новыми прелестями въ какую-то сладкую, полную грезъ дремоту, тогда какъ однѣ и тѣ же въ сущности мысли возникаютъ всегда опять снова въ чередующихся формахъ, и стихи зачастую match нанизываются одинъ къ другому какъ жемчужины безо всякой внутренно-организующей композиціи. Иногда, не только что сквозь всѣ стихи проходитъ одна и та же идея, но они связываются притомъ также и одной риомою; а не то вслѣдъ за риомой, постоянно отдающейся опять во второмъ стихѣ, идетъ въ видѣ правильно повторяемаго припѣва всегда какое-нибудь коротенькое предложеніе или вѣское словцо, что̀ и составляетъ лирическую форму «газели». Это свѣтлая игра упоенной души во всевозможные образы, — игра, ведомая однако съ тѣмъ, чтобы обратить всѣ милѣйшее и лучшее въ похвалу единому, чтобы обнаружить во всѣхъ явленіяхъ міра одну царящую въ нихъ жизнь, совокупить все разнообразіе природы и человѣка въ одно великое созвучіе.

Обокъ съ лирическими изливами душевныхъ настроеній идутъ потомъ длинныя, длинныя думы, которыхъ помыслы охотно прикрѣпляются къ какому-нибудь повѣствованію.

Феридеддинъ Аттаръ, прожившій почти все сплошь 13-е столѣтіе, любилъ поэтически назидать въ своихъ «Книгахъ тайнъ, напастей и совѣта»; онъ излагалъ существенныя свойства субстанціи для того, чтобы повѣдать въ тысячѣ разныхъ оборотовъ, что онъ видитъ Бога во всемъ, что кто самъ себя познаетъ, кто подниметъ завѣсу, обособляющую отдѣльныя существа, тотъ созерцаетъ истину цѣлаго и самъ въ ней растворяется. Всѣ вещи въ мірѣ носятъ на себѣ слѣды божіей любви, всѣ чувствуютъ влеченіе къ Вышнему.

Видишь, какъ пламя бьетъ вверхъ?
Оно только для того и стремится къ небу, чтобы его достигнуть.
Видишь, какъ буря безъ ногъ и крыльевъ
Мчится надъ землею? она хочетъ домчаться къ нему же.
Видишь, съ какой молнійной быстротой вода несется въ потокахъ?
Это оттого, что каждая струя хочетъ насладиться поцалуемъ любви его.
Знаешь ли, отчего такъ бушуетъ море, такъ крутитъ и катитъ свои волны?
Оттого, что сердцемъ оно всегда невольно влечется къ нему.
Но если ужь весь міръ горитъ къ нему неугасимой любовью,
Такъ сбрось же свою оболочку, и самъ кинься въ хляби вѣчнаго!
Тайна бытія лежитъ вѣдь въ глубинѣ души, на днѣ ея;
Въ нѣдрахъ своего собственнаго духа найдешь ты небеса.

Слившись любовью и познаніемъ воедино съ Богомъ, поэтъ, или самъ Богъ устами поэта, вѣщаетъ съ торжествомъ:

Я камень многоцѣнный, въ алмазномъ свѣтѣ моемъ
Отражаются какъ въ безднѣ зеркалъ лики всѣхъ до одного существъ
Во мнѣ средоточіе, и о диво! средоточіе это
Лежитъ передъ моими глазами окружностью, начало выходитъ вмѣстѣ и концомъ.
О диво! во мнѣ же отражается опять ликъ мірового духа;
Печать моей загадки не вскрыть и тысячелѣтіямъ!
Да, мало того, что въ ясности моего духа насквозь видно человѣчество;
Не въ отраженномъ только противнѣ, а воистину я само изначальное бытіе.
О ты, царь духа, Аттаръ! скажи, разгядалъ ты мою загадку?
Ты вѣдь носишь въ умѣ своемъ вселенную, носишь и съ царемъ всяческаго бытія.

Въ томъ же смыслѣ говоритъ онъ человѣку, что въ немъ само небо на землѣ, что въ немъ всѣ святые и великіе вѣковъ минувшихъ:

Ты Іисусъ, желавшій быть другомъ единому только Богу,
Никогда не пробавлявшійся шелухой, а хотѣвшій вездѣ сочнаго ядра;
Ты Могаммедъ, смѣло воспарявшій въ сферы небесныя,
Проникавшій на молнійномъ конѣ въ сокровенныя тайны Аллаха.

Въ своихъ «Птичьихъ бесѣдахъ» Феридеддинъ Аттаръ выводитъ говорливыхъ птицъ на мірскомъ сходѣ, гдѣ судятъ и рядятъ онѣ о своемъ общемъ благоденствіи; онъ описываетъ и наружный видъ каждой, и ея побытъ; птицы ищутъ у него царя своего, Симурга. Это аллегорическій образъ богоискательныхъ людей; но всѣ почти сбиваются съ дороги, только три приходятъ по назначенію:

Блескъ Симурга истекаетъ ото всѣхъ трехъ, сливаясь въ одно;
Удивленныя, сами онѣ не знаютъ, кто онѣ, та или другая?
Онѣ сами себѣ предстаютъ Симургомъ, созерцають себя въ вѣчномъ Симургѣ.

Хотятъ поднять очи на царя, а видятъ его среди себя,
Взглянуть на себя самихъ — и узнаютъ себя въ Симургѣ.
Одинъ и тотъ же взглядъ сливаетъ ихъ всѣхъ въ одно, Симургъ то возникнетъ, то пропадетъ.
И онѣ исчезаютъ въ немъ, и онъ въ нихъ,—одинъ и тотъ же лучезарный свѣтъ, одинъ безпредѣльный пожаръ любви, все сплошь охватывающій собою.

Джелаледдинъ Руми (род. 1207 г. въ Балхѣ, ум. 1273 г. въ Коніи) слыветъ у Насироддина главой любящихъ, опьяненнымъ вѣчной красотой, вожакомъ къ вѣчной любви, царемъ и мастеромъ въ царствѣ духа; а историкъ Девлетшахъ говоритъ объ немъ: «Его чистое сердце—настоящій складъ божественныхъ таинъ, душа его—сборный пунктъ безконечнаго свѣта; онъ «ведетъ жаждущихъ въ юдоли жизни къ освѣжительному ключу познанія, «онъ указываетъ заблудившимся въ степи невѣжества прямой путь къ цвѣтущимъ садамъ мудрости. Высоко вздымаетъ море пѣну бурливыхъ волнъ «своихъ и выбрасываетъ на́ берегъ жемчужину за жемчужиной.» Мы вполнѣ согласны съ этимъ отзывомъ: въ стихотвореніяхъ его глубокомысліе и грація, религіозное помазаніе и свѣтлая полнота жизни, гимническій полетъ души и спокойствіе созерцательной думы, проникаютъ другъ друга въ стройномъ согласіи; они достойны служить поэтическимъ молитвенникомъ для всѣхъ вдумчивыхъ сердецъ отъ береговъ Ганга до Босфора, а та общесильная, всеобязательная истина, то чисто человѣчное благочестіе, которымъ вдохновенное его чувство придаетъ такую картинную, блестящую, упоительно-ароматную выразительность, навсегда обезпечиваютъ за ними мѣсто во всемірной литературѣ. Шемзеддинъ, родомъ изъ Тебриза, отвлекъ его отъ изученія внѣшняго вида и поверхности вещей и побудилъ вникнуть въ глубь самого себя и въ Бога, сказавъ ему слѣдующій стихъ:

Когда вѣдѣніемъ освободишься ты отъ самого себя,
Только тогда твое знаніе станетъ лучше невѣжества.

Джелаледдинъ прославилъ «Тебризское солнце» въ разныхъ стихахъ, именуя себя ученикомъ мудраго Шемзеддина. Вотъ для примѣра одна прекрасная Газель:

Пустились странники на богомолье къ Каабѣ,
И когда наконецъ достигли своей цѣли,
Видятъ они передъ собой каменный домъ, возвышенно-святой.
Окруженный нагими утесами горныхъ скатовъ.
И идутъ они далѣе, въ надеждѣ узрѣть самого Бога,
Оглядываютъ, ищутъ, — тщетно ихъ желаніе;
Но вотъ, когда пламенно обняли они порогъ храма,
Раздался́ вдругъ голосъ изнутри:
Что́ молитесь вы глинѣ и камню, безумцы?
Чествуйте лучше тотъ домъ, къ которому никогда не переставали стремится чистые,
Домъ сердца, домъ истиннаго, единаго:
Блаженъ, кто проникъ въ этотъ храмъ!
Блаженъ, кто отдыхаетъ у себя на родинѣ какъ Шемзеддинъ,
Не извѣдавъ длиннаго пути по мертвой пустынѣ'

Джелаледдинъ сталъ основателемъ дервишскаго ордена Месневи́; въ хороводѣ этихъ дервишей, подъ звуки флейтъ и тамбуриновъ, каждый вертится

самъ по себѣ, а всѣ они вмѣстѣ кружатъ около стоящаго посреди учителя, и громко призываютъ Бога: это символъ вселенной и ея движенія, а также и гармоніи сферъ; въ поемыхъ при этомъ стихахъ говорится о единой любви, о единой сущности, открывающейся въ дыханіи груди и флейтъ, въ пляскѣ духовъ и свѣтилъ небесныхъ.

Хороводъ нашъ, это—жизнь, это—вѣчный источникъ юности;
Ты Хизеръ? такъ пей же скорѣе живоносной воды его!
Хороводъ нашъ, это—наслажденіе видѣть Бога лицомъ къ лицу:
Въ немъ кружитъ душа вселенной, въ немъ горитъ и пышетъ вѣчный свѣтъ.
Знаешь ли ты смыслъ хоровода? Надо забыть всякую радость бытія,
И въ преходящемъ извѣдать вѣчное!
Знаешь ли смыслъ хоровода? Надо совсѣмъ отвергнуться ячества,
И слиться въ блаженномъ восторгѣ любви съ Божествомъ!

Самого Бога именуютъ кедромъ въ рощѣ хоровода; солнца пляшутъ вокругъ него, денница и мѣсяцъ ударяютъ въ лютню, и соловей души совершенно упоенъ здѣсь розами.

Подъ простымъ заглавіемъ «Месневи,» то есть риомованныя двустишія, Джелаледдинъ сочинилъ большую думу въ шести пѣсняхъ. Мысли тутъ главное; онѣ то влагаются въ уста мудрецу дальней старины, то прямо онагляживаются въ басняхъ и притчахъ; собственно онѣ и составляютъ цѣль разсказа, который часто ими прерывается, облекая богатый запасъ идей какъ ядро скорлупою или охватывая его какъ рама картину; это напоминаетъ намъ индійскую систему вставки разсказовъ одинъ въ другой и заставляетъ сожалѣть о недостаткѣ композиціи, тогда какъ въ частностяхъ нельзя довольно надивиться глубинѣ содержанія и граціозной формѣ. Блаженству самозабвенія въ хмѣлю или среди любовныхъ наслажденій уподобляетъ онъ полную отдачу себя человѣкомъ Божеству; всякая любовь ведетъ къ Богу, безконечному ея источнику; небу и землѣ не обнять его, онъ объемлемъ только для любящаго сердца.

Ржавое зеркало та душа,
Которой любовь не открываетъ ея ошибокъ.
Кто истинно любитъ, тотъ пьетъ чашу радости,
Когда рука возлюбленнаго нанесетъ ему даже и смерть.
Еслибы страданіемъ Богъ не хотѣлъ навести насъ на путь спасенья,
То могъ ли бы всеблагой посылать намъ разныя скорби?
Онъ обращаетъ боязное сердце къ настоящей его родинѣ,
Изъ темнаго чаянія источаетъ онъ свѣтлую ясность,
Тревога становится спокойствіемъ, пламя огненной печи —
Рощею розъ, обступившей Авраама.
Горе, претерпѣваемое человѣкомъ изъ за внутренняго очищенія,
Это пламя, отдѣляющее металлъ отъ выгорокъ:
Онъ долженъ искуситься въ добрѣ и въ злѣ,
Пока съ чистой струи золота не снимется накипь.
Высоко кружитъ въ воздухѣ орелъ: тѣнь его
Блуждаетъ вслѣдъ за птицею по полямъ и лужайкамъ,
А глупецъ усильно преслѣдуетъ эту тѣнь.
Думая убить ее, и не подозрѣвая,
Что это лишь воздушный образъ дичи,
Не вѣдая, гдѣ существенное ядро этого образа:
И онъ напрасно тратитъ стрѣлы жизненнаго колчана,
Упорно гонясь за безумною мечтой.

Но кого мудрость поведетъ настоящею дорогой,
Того не смутитъ ни какая тѣнь, ни какая мечта;
Это — благочестивецъ, постоянный въ служеніи Вышнему,
Умершій для міра и ожившій въ Божествѣ.

Христіанское дитя, брошенное въ огонь за то, что мать не хотѣла принести съ нимъ жертвы передъ идоломъ, чувствуетъ, какъ чувствовалъ въ подобномъ случаѣ Авраамъ, что пламя охватило его будто свѣжими вѣтвями кипариса, и при этомъ восклицаетъ:

Мама, поди сюда, посмотри какъ заявляетъ себя Господь,
Источав изъ бѣдъ блаженство для своихъ вѣрныхъ;
Вѣдь я видѣлъ смерть лицомъ къ лицу, когда ты меня рожала;
О, какъ было мнѣ боязно, когда ты разрѣшилась мной
Однакожь не рожденіе ли вывело меня изъ темницы
На отрадный бѣлый свѣтъ?
Но какъ теменъ и тѣсенъ мнѣ этотъ міръ,
Съ тѣхъ поръ какъ душа моя озарилась свѣтомъ въ Богѣ
Среди пламени и дыма вижу я теперь рай,
Весь пропитанный ароматнымъ дыханіемъ Іисуса.
Все земное — тлѣнъ, мечта, одинъ только образъ;
Здѣсь же напротивъ сущность, откуда истекаетъ жизнь.
Поди сюда, мама, и зови всѣхъ другихъ съ собой
Врагъ уготовилъ намъ веселый пиръ среди пламени!
И какъ бабочка мечется на горящій свѣточъ,
Такъ и вы всѣ риньтесь въ огненное море божіе!

Основная мысль Джелаледдина та, что Богъ—единое истинное бытіе, единое, что прочно среди быстросмѣнной череды явленій; множественность вещей —только покрывало, сквозь которое просвѣчиваетъ ликъ Единаго. Онъ открывается намъ во всемъ; любовь его преломляетъ чистый свѣтъ свой въ тысячѣ розноцвѣтныхъ лучей и наполняетъ пустоту преизбыткомъ жизни; онъ рука, извлекающая звуки изъ лютни міра, онъ вѣетъ во флейтѣ своимъ дыханіемъ; всякая наша борьба исходитъ отъ его крѣпости и силы, наше мирное спокойствіе — отблескъ его блаженства. Оттого и невольное влеченіе человѣка къ Богу — призывъ Бога къ человѣку; когда молимъ: Господи пріиди ко мнѣ! это значитъ: Дитя мое, вотъ я и здѣсь! Вздохи наши — его вѣстники, наша любовь — звено въ цѣпи его любви, оцѣпляющей всѣхъ и вся, — точь въ точь какъ у Спинозы.

Взоветъ онъ вѣщимъ словомъ къ слуху розы,
И вотъ съ устъ ея сладко вѣетъ ароматъ любви;
Обратится онъ съ этимъ словомъ къ уху камня,
И вотъ засверкаютъ рубины въ подземной темени;
Молвитъ зарокъ свой тѣлу, и тѣло уже превратилось въ духъ;
Скажетъ его ночному облачку, и оно уже стало солнцемъ.
А знаешь ты зарокъ его всему царству облаковъ,
Чтобы оно роняло тихія слезы вечернею порой и утренней?
Знаешь зарокъ шару земному,
Чтобы онъ стоялъ спокойно отъ созданія?
Всякъ, кого смущаетъ и страшитъ мучительное сомнѣніе,
Носитъ въ себѣ какъ загадку вѣщее слово божіе.

Какъ глубоко и прекрасно сперва обозначить присущее намъ безконечное жизнеобразующимъ закономъ всѣхъ вещей, а подконецъ назвать его

данною намъ для рѣшенія таинственною загадкой! Подобно этому выразился, говорятъ, и могаммеданскій мученикъ, Мансуль-Хелляджъ: «Часы божественнаго просвѣщенія, это — раковины, лежащія въ морѣ нашей собственной груди; воскресное утро выбрасываетъ ихъ нà берегъ, и онѣ вскрываются, но только уже вѣчность вполнѣ извлекаетъ на свѣтъ схоронившуюся въ каждой жемчужину».

Богъ рáзомъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ противоположности, въ немъ нѣтъ ни дали, ни близи; и только единеніе противоположностей есть собственно жизнь: любовь тянетъ горечь къ сладости, роза цвѣтетъ надъ шипами, маслина выростаетъ изъ воды, свѣтъ становится вполнѣ ощутителенъ благодаря тѣни, а вкусъ меда — благодаря уксусу. Такъ самое зло становится средствомъ къ осуществленію добра, и никто не сталъ бы дѣлать зла, не принимай онъ его за добро. Джелаледдинъ не высказываетъ ясно и положительно, что возможность зла необходима для свободы, но у него есть превосходная повѣсть о томъ, какъ сатана будитъ по утрамъ халифа Моавію въ часъ молитвы, и когда тотъ дивится этому, нечистый повѣдываетъ скорбь свою по утраченномъ имъ единствѣ съ Божествомъ: «Ахъ, такъ и тянетъ меня «опять къ той счастливой порѣ, когда только виномъ любви утолялъ я свою «жажду.» Но халифъ подозрѣваетъ еще какое-нибудь коварство со стороны искусителя, представшаго ему такимъ боголюбцемъ: ради испытанія Богъ допускаетъ вѣдь и соблазнъ; только устойчивость въ добрѣ можетъ подлинно назваться добродѣтелью. Оселкомъ для распознанія добра отъ зла служитъ то, что ложь всегда оставляетъ за собой въ душѣ какое-то сомнѣніе, а истина внушаетъ ей, напротивъ, совершенно спокойную увѣренность. Сатана признается наконецъ, что будилъ спящаго только съ той цѣлью, чтобы, наружно исполняя долгъ, онъ удовлетворялся этимъ ханжествомъ, тогда какъ одинъ вздохъ раскаянія о пропущенномъ часѣ молитвы значилъ бы передъ Богомъ болѣе нежели сама молитва, совершаемая только для виду, по обычаю. Мудрый поэтъ вообще налегаетъ при всякомъ случаѣ на задушевность и искренность чувства; Богъ открывается намъ въ совѣсти, и только внутренняя теплота придаетъ силу молитвѣ и доводитъ ее дò Бога, вознося къ нему собственное наше сердце. Кто предается водѣ божіей, для того равно желанны смерть или жизнь, злополучіе или счастье; кто любитъ Бога, тотъ любовно мирится и съ своей долею, тотъ въ слезѣ скорби пьетъ вино радости, и доведись ему даже претерпѣть муки адскаго огня, онъ и въ нихъ ощутилъ бы съ наслажденіемъ страду, очищающую отъ себялюбія, тотъ же опять пылъ божественной любви. Съ другой стороны поэтъ говоритъ: Когда есть у насъ другъ, зачѣмъ намъ отъ него гонцы съ вѣстями? Если Господь самъ не открывается тебѣ въ глубинѣ души, внимай пророкамъ его, но помни что всѣ они въ сущности только онъ одинъ, всѣ выражаютъ одну истину въ различной только формѣ. Жизнь идетъ не отъ меча, она не въ непримиримой борьбѣ сектантовъ; Богъ — религія любви, а не вражды.

Плавь формы, проникай до дна, до глубины:
Единства клады тамъ, повѣрь, схоронены.

Чѣмъ яснѣе познаемъ мы единство, тѣмъ больше наше кажущееся бытіе исчезаетъ въ бытіи божіемъ; любовь говоритъ Богу: ты мнѣ ближе чѣмъ я

сама себѣ; я вѣдь ты, а ты я, мы нераздѣльно вмѣстѣ! Но это вовсе не уничтоженіе личности, а напротивъ блаженство гармоніи; отдавшаяся Богу душа ощущаетъ на себѣ любовный поцалуй его, она носитъ вѣнецъ божій

Божій зовъ — всѣмъ языкамъ причина,
Слышенъ отголосокъ въ нихъ его;
Будь Арабомъ, Персомъ иль Турчиномъ,
Будь хоть Негръ, призванья смыслъ того.
Ты поймешь безъ хитраго умѣнья:
Внятенъ онъ и камню и растенью.

Солнце безпрестанно льетъ свой свѣтъ,
А все полно имъ, ущерба ему нѣтъ.
Солнце духа, жизнедавецъ, Боже мой!
Каждый мигъ ты обновляешь шаръ земной
Бытіе вовѣкъ изъ нѣдръ твоихъ течетъ,
Ты родникъ, точащій рѣки живыхъ водъ;
Предъ тобою міръ—лишь капелька одна,
Но въ ключѣ не умѣстилась, знать, она:
А какъ брызнула струей изъ глубины,
Всѣ пространства стали жизнію полны.
Богъ безбережное море всѣхъ существъ
Въ немъ вращается и небо съ хоромъ звѣздъ.

Въ другомъ мѣстѣ Джелаледдинъ называетъ міръ стаканомъ воды, зачерпнутой изъ божественнаго колодезя, и велитъ пьющему разбить на радостяхъ стаканъ, чтобы капля, не отдѣлялась долѣе отъ своего источника:

Разобьемъ стаканъ, въ надеждѣ на любовь,—
Много краше онъ потомъ возникнетъ вновь:
Жизнь изъ смерти льетъ алмазною струей:
Ахъ, разстаться бъ съ безпріютною землей!
Какъ на родину изъ чужи насъ манитъ,
Такъ изъ множества къ единству духъ спѣшитъ.

Но такъ-какъ единый Богъ открывается во множествѣ, то мы ясно усматриваемъ опять и здѣсь, до какой степени персидскій духъ изначала самоотстойчивѣе индійскаго; онъ не нарадуется преизбыткомъ жизни, великолѣпіемъ міра, особенно красой весны, въ которой творческая сила такъ громко заявляетъ свое могущество, и онъ положительно говоритъ:

У суфіевъ одна забота и тревога,—
Чтобъ было сердце ихъ зерцаломъ чистымъ Бога;
Когда жь оно съ стекломъ сравнится чистотой,
Тогда въ немъ отразись картинъ хоть цѣлый рой.

Тогда-то именно и способнѣе оно распознать во всякой вещи Бога. И увѣщевая насъ отречься отъ тщеты мірскихъ благъ, поэтъ присовокупляетъ тутъ же непосредственно:

Мірскимъ я называю что?—одно богозабвенье,
А не наживу, не добро, судьбой намъ данное имѣнье.
Нѣтъ, все что праведный путями правдъ стяжалъ,
То божій даръ!—Пророкъ не мимо такъ сказалъ.

Розенъ перевелъ цѣлую книгу Джелаледдина, Толукъ въ своей антологіи восточной мистики сообщилъ изъ него нѣсколько выписокъ, которыя, правда, передаютъ смыслъ, но которыя, относительно выраженія, потребовали съ моей стороны нѣсколькихъ уяснительныхъ и сглаживающихъ поправокъ. Ни одинъ изъ западныхъ поэтовъ въ частности не далъ такой назидательной книги для мыслящихъ, какую сочинилъ Джелаледдинъ *, а что касается до сообщенныхъ нами выдержекъ, къ нимъ можно примѣнить слово самого поэта:

Можно изъ саду и въ городъ вѣтвь принесть,
Самому же саду въ городѣ не цвѣсть;
Особливо если садъ этотъ таковъ,
Что весь міръ—одинъ изъ тьмы его листковъ.
Коли есть въ тебѣ къ нему стремленіе?
Такъ не тѣшь ты имъ одно лишь зрѣніе:
Пожелай душой и цвѣтъ его принять,
Запахъ цвѣта въ глубину ея всосать.

Въ мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ Джелаледдинъ Руми еще поэтичнѣе высказывалъ подобныя же мысли; тутъ въ основѣ лежитъ свойственный ему лиризмъ, который или прямо облекается въ чувственные образы, или возвышается до ясной думы, всегда согрѣвая послѣднюю своей неостудной теплотой. Отблескомъ того дивно-яркаго свѣта, какимъ въ лицѣ Джелаледдина озарился Востокъ, называетъ Рюкертъ свое воспроизведеніе его газелей; онѣ даютъ намъ вѣрное понятіе о глубокомъ содержаніи и граціозной художественности персидскаго поэта, хотя мѣстами въ рюкертовомъ подражаніи допущено много вольностей. Слѣдующій образчикъ можно однакожь отнести къ настоящимъ переводамъ. Присность Бога вселенной высказывается въ немъ самимъ Богомъ такъ:

Пылинка я отъ солнца, и солнечный я шаръ;
Скажу пылинкѣ: стой здѣсь! а солнцу: ну, катись!

Я свѣтлый блескъ денницы, вечерній я зефиръ,
Я рощи шелестъ тихій, морскихъ я волнъ прибой.

Я птицеловъ, я птица и вмѣстѣ птичья сѣть,
Я зеркало, я обликъ, и звукъ и отзвукъ я.

Дыханіе я флейты и человѣка духъ,
Я искра въ камнѣ твердомъ, я и металла блескъ.

Я виноградъ, я сборщикъ, я сокъ и винодѣлъ,
Питухъ я и подносчикъ, и кубокъ я, и хмѣль.

Я свѣточъ, и на свѣточъ летащій мотылекъ,
Я роза, и надъ розой поющій соловей.

Я цѣпь, мои мірамъ всѣ служатъ скрѣпой звенья,
Я лѣстница существъ, восходъ я и паденье.

Я то, что́ есть и будетъ, — да самъ ты знаешь, что̀
Джелаледдинъ скажи же, что я душа всего!

---

* Авторъ издалъ подходящій къ этому сборникъ изъ разныхъ поэтовъ Запада.

Единеніе съ Богомъ воспѣвается въ двухъ стихотвореніяхъ, которыхъ мы приведемъ только начало; вотъ первое:

Моя душа смѣшалася съ твоею,
Какъ чистая вода мѣшается съ виномъ.

Второе начинается такъ:

Хоть солнце только блестка сіянья твоего,
Но вѣдь первоначально твой свѣтъ и мой—одно.

Богъ для него то, что́ непоколебимо среди измѣнчивости всего земного; это—окрыляющій побудъ, образовательная сила всѣхъ существъ, которая именно въ человѣкѣ поворачиваетъ опять къ своему источнику, постигаетъ въ немъ сама себя; но цѣль, корень и движитель всего сущаго— любовь; она —ключъ ко всѣмъ возможнымъ тайнамъ. «Я отгадаю тебѣ всѣ загадки творенія, говоритъ поэтъ, потому что любовь— прямое рѣшенье всѣхъ загадокъ.»

Ранѣе другихъ персидскихъ поэтовъ въ кругозоръ Запада вступилъ Саади и сдѣлался настоящею сокровищницей для европейскихъ писателей, такъ какъ еще изъ дальней миссіи, отправленной въ Тридцатилѣтнюю Войну на Востокъ и заключавшей въ числѣ членовъ своихъ поэта, Павла Флемминга, и ученаго, Адама Олеарія, послѣдній привезъ съ собой на родину и «Розовый садъ» и «Огородъ»; первое изъ этихъ произведеній переведено было самимъ Олеаріемъ понѣмецки, а второе — Генціемъ полатини. Гердеръ, сдѣлавъ изъ нихъ выборъ (Антологію), назвалъ истинными законодателями и правообразователями человѣчества тѣхъ даровитыхъ людей, которые съумѣли облечь въ форму народныхъ поговорокъ мѣткія наблюденія надъ дѣйствительной жизнью и правила практической мудрости, и между которыми почетное мѣсто занимаетъ Саади. Въ послѣднее время онъ былъ усвоенъ Германіи Карломъ Генрихомъ Графомъ и Шлехта-Вссердомъ (Wsslerd). Родившись въ 1175-мъ году, Саади пѣлъ въ молодости газели, а потомъ много скитался по̀ свѣту; во время крестовыхъ походовъ попалъ въ плѣнъ, а старость провелъ въ Ширазѣ. «Я свѣтъ прошелъ изъ края въ край, со всѣхъ полей собиралъ колосья», говоритъ онъ самъ, и только уже старцемъ закончилъ онъ оба свои произведенія, которыя упрочили его славу,—сначала именно «Бостанъ» (баштанъ) или Огородъ, фруктовый садъ, гдѣ онъ высказываетъ замысловатыя свои изреченія въ басняхъ, притчахъ, анекдотахъ, столько же услаждая повѣствовательной ясностью и ловкостью, сколько и удовлетворяя нравственной истиною содержанія. Самъ онъ говоритъ, что хочетъ уподобиться финику, дающему благородное ядро въ сладкой оболочкѣ. Раціональностью, соблюденіемъ вездѣ должной мѣры отличается онъ отъ всѣхъ своихъ сотоварищей, и это дѣлаетъ его общепонятнымъ и любезнымъ не одному только Востоку, но и Западу. Все сочиненіе это выполнено въ поэтической формѣ; примыкающій къ нему «Розовый садъ», Гюлистанъ, держится, напротивъ, въ повѣствовательныхъ частяхъ, простой или риомованной прозы, и только замысловатыя изреченія облекаетъ въ художественный стихъ. Поэтъ, вполнѣ обращенный мыслію къ людской жизни, сохраняетъ однакожь и способность отдуши радоваться природою; чѣмъ больше онъ старѣетъ, тѣмъ

громче и восторженнѣй славитъ поэзію весны, и даже плодъ своей житейской опытности, своего размышленія, обыкновенно любитъ принарядить въ какой-нибудь близко-подходящій естественный образъ. Самъ онъ написалъ себѣ слѣдующую эпитафію:

Весны возвратъ и мурава полей
Мнѣ услаждали жизнь всегда отрадой новой;
Идя весной могилы близъ моей,
Взгляни ты какъ мой прахъ поросъ травой шелкóвой.

Правосудіе и правительственное искусство, благотворительность, любовь и смиреніе, преданность Богу, умѣренность въ желаніяхъ, добронравіе, благодарность, обращеніе на путь истины, молитва, — вотъ какъ обозначены главы его Бостана. Намъ нравится прямодушіе увѣтовъ къ царямъ и вельможамъ, что все вниманіе ихъ должно быть обращено на народное благо, что именно народъ тотъ корень, благодаря которому крѣпка и вершина дерева; надо, чтобы селянинъ могъ отдуши пѣть веселую пѣсню на работѣ. Кто терпитъ зло, тотъ конечно его множитъ; необходимо энергически противодѣйствовать ему, но строгость непремѣнно должна соединяться съ кротостью: кто просѣчетъ жилу (при кровопусканіи), тотъ тутъ же ее и перевяжи. Что Богъ для тебя дѣлаетъ, то и ты обязанъ дѣлать для народа, говоритъ онъ царю. Онъ хвалитъ государя, продавшаго дорогой камень изъ собственнаго кольца, чтобы накормить сиротъ голодныхъ:

Когда на тронѣ государь въ дремотѣ отдыхаетъ сладкой,
Тогда бѣднякъ не спитъ, томясь тревогъ и горя лихорадкой:
Но если до глубокой ночи владыка бодрствуетъ и бдитъ,
Желанный сонъ крыломъ покоя народъ усталый осѣнитъ.

Самоотстойчивость персидскаго духа сравнительно съ индійскимъ или вообще съ міробоязнью отшельниковъ высказывается въ слѣдующей повѣсти:

Вотъ что о древнихъ намъ царяхъ
Правдивое гласитъ бытописанье:
Пока страной владѣлъ Теклахъ,
Ни кто тамъ не терпѣлъ обидъ, ни поруганья:
Теклахъ и славился за то въ ряду владыкъ.
Однажды вдругъ челомъ онъ пасмурнымъ поникъ
И мудрецу сказалъ: Чтó проку въ жизни цѣлой?
Чтó власть, когда ее пріидется жь вѣдь отдать?“
На это, взоръ поднявши смѣлый,
Мудрецъ отважился свободно отвѣчать:
Нѣтъ, жизнь, полезная народу, значитъ болѣ,
Чѣмъ власяницы всѣ и четки, Государь!
Сиди себѣ спокойно на престолѣ
И будь попрежнему могущественный царь;
Благочестивый сердцемъ лишь и нравомъ,
Ты опояшься истиной и правомъ,
А о дервишествѣ за тѣмъ не помышляй.
Вѣрь, сила не въ рѣчахъ! иди, иди путями,
Чтó указалъ самъ Богъ, и не молитвъ словами,
Но дѣломъ цѣли ты великой достигай.
Гдѣ водятъ совѣсть, долгъ владычнею десницей,
Тамъ рясу носитъ царь подъ свѣтлой багряницей!“

Смиренію учатъ слѣдующія прекрасныя притчи:

Упала въ море капля дождевая,
И удивлялась: „Экая вода большая!
Ну что же я-то передъ ней?
Ни чѣмъ рѣшительно должна казаться ей."
Въ то время какъ она судьбу свою корила,
Ее ужъ ракушка любовно пріютила;
Глядишь, въ жемчужину та капля развилась,
Изъ жалкой мелкоты къ величью поднялась:
Просилася въ ничто, а вышла же кой-чѣмъ, —
Красою царскихъ діадемъ.
Несется съ горъ потокъ, грохочетъ и реветъ,—
Вдругъ съ самой крутизны низвергся въ ровъ глубокій:
Роса же падаетъ въ тиши, но лишь взойдетъ
Свѣтило дня,—и пеленой широкой
Роса взовьется въ горній неба сводъ.
Кто хочетъ мудрымъ быть, яви себя смиреннымъ:
И вѣтвямъ дерева, плодами отягченнымъ,
Стремленье въ высь отнюдь нейдетъ.

Онъ сильно возстаетъ противъ всякаго лицемѣрія и ханжества; задушевныя мысли человѣка и добрыя дѣла одни придаютъ ему достоинство и цѣну. Неудачи совѣтуетъ онъ переносить съ терпѣніемъ.

Не бойся, другъ, что путь твой иногда бываетъ пасмуренъ, безсвѣтенъ;
И жизни ключъ скрывается во тьмѣ, для взора смертныхъ непримѣтенъ.

Ты сердца своего уныньемъ не томи,
Лучъ утренній всегда выходитъ вѣдь изъ тьмы.

Терпѣнье горько намъ какъ желчь спервоначала;
По попривыкъ, глядишь, и — слаще меду стало.

Кого въ безсонницѣ недугъ не изнурялъ тоской на ложѣ,
Тебя и за здоровье тотъ не славилъ отдуши, о Боже!

Въ Гюлистанѣ требуетъ онъ живого между людьми сочувствія:

Всѣ братья мы, Адамовы сыны,
Изъ той же глины созданы,
Единаго мы члены тѣла, —
Такъ вышняя судьба хотѣла.
Одинъ изъ членовъ заболитъ,
Другимъ отъ боли нѣтъ покоя.
Когда жь совсѣмъ не тяготитъ
Тебя злосчастіе чужое,
Повѣрь, ты будешь весь свой вѣкъ
Лишь по названью человѣкъ.

Что отъ свѣта нечего ждать иной награды, кромѣ неблагодарности, онъ выражаетъ это пословицей, что рѣдко доведется научить кого стрѣльбѣ изъ лука, безъ того чтобъ выученый не попыталъ когда-нибудь на тебѣ же своего искусства. Въ виду того, какъ цѣнятся заслуги свѣтомъ, онъ находитъ что таскающій ноши оселъ, гораздо лучше льва, давящаго людей безъ пощады. Крохи изъ своей собственной сумы для него слаще всѣхъ блюдъ

на вельможескихъ обѣдахъ; лучше штопать и чинить свой собственный малахай, чѣмъ щеголять въ чужомъ нарядномъ кафтанѣ.

Что́ такое все великолѣпіе земли? Оголодавшій въ пустынѣ странникъ не вздохнетъ ли тяжело, нашедши мѣшокъ жемчугу и увидѣвъ, что тамъ нѣтъ ни одного хлѣбнаго зернышка? Такъ въ душѣ Саади живетъ та независимость истыхъ дервишей, которую поэтъ Анвари Согейли высказалъ почти такъ:

Утратилъ ли ты міромъ обладанье, —
Не сокрушайся, это соръ;
И пріобрѣлъ ли міръ въ стяжанье, —
Не радуйся, и это соръ;
Минутъ какъ разъ и скорбь и ликованья, —
Минуй ты міръ: онъ только соръ.

Саади также видитъ во всемъ дѣло рукъ божіихъ, проявленіе его верховной мощи:

Когда мудрецъ свои глаза на листву дерева направитъ,
Листъ каждый — книга для него, и книга та Творца прославитъ.

Отдачу себя конечнымъ единому, безконечному, и онъ съ своей стороны не считаетъ самоуничтоженьемъ, а напротивъ видитъ въ ней возвышеніе индивидуальности, которая находитъ вѣдь сама себя въ своемъ вѣчномъ существѣ; преодолѣніе земного себялюбія именно и порождаетъ въ насъ истинную самость. Кто хочетъ любить, тотъ долженъ утеряться для самаго себя; этимъ самозагубленіемъ онъ воскреснетъ въ любимомъ; растительному зерну необходимо разрѣшиться подъ прахомъ въ способный прозябать зародышъ, денница жизни всегда брезжетъ изъ смертной мглы. Для одного существа оно легче, для другого — труднѣе: розу развернетъ утренній зефиръ своимъ дыханіемъ, дубину расколешь только топоромъ. Саади превозноситъ брачную любовь; добрая, вѣрная жена сдѣлаетъ царемъ и нищаго. Но въ общеніи цѣлой жизни надо терпѣливо переносить кой-какія слабости и нелады:

Умѣешь розою ты упиваться всласть,
Такъ не пеняй, когда порою доведется
Тебѣ на шипъ иной попасть;
Коль деревомъ тебѣ дается
Безъ перерыва вкусный плодъ,
И вѣткой иногда оно тебя стегнетъ,
Снеси, не жалуйся на весь честно́й народъ.

Саади говоритъ, что уже и любимая женщина — единственная дума человѣка и днемъ, и ночью, что изъ-за нея готовъ онъ поставить ни во что цѣлый свѣтъ; такъ точно мудрецъ, испивши кубокъ богопознанія и обнявъ Бога всѣмъ сердцемъ, позабываетъ міръ со всѣми его благами. По поводу любви поэтъ указываетъ жалобно стенящему соловью примѣръ ночной бабочки, безмолвно устремляющейся на свѣточъ; лучшимъ образцомъ въ этомъ отношеніи признаетъ онъ восковую свѣчу, которая таетъ въ слезахъ и при этомъ вся изводится, свѣтя вокругъ себя и сама въ тоже время просвѣтляясь.

Изъ первой половины 14-го столѣтія идетъ стихотвореніе Гюльшанъ Разъ, то-есть «Цвѣтникъ тайнъ», удачно излагающее вкратцѣ все ученіе суфіевъ. Міръ является здѣсь переноснымъ выраженіемъ, метафорою божеской мысли; всѣ существа его — лучи, въ которыхъ разноцвѣтно излился единый свѣтъ послѣдней. Монадность всего индивидуальнаго и конечнаго, то-есть самозаложеніе безконечности въ глубь конечнаго, выражена очень хорошо:

Весь міръ — громаднѣйшій зеркальный водоемъ;
Въ песчинкѣ каждой дремлетъ солнцевъ бездна
И въ каждомъ сѣмячкѣ — безчисленный рядъ жатвъ;
Едва впервые разрѣшилась Ева,
Ужъ былъ предъизбранъ Богомъ Іисусъ

Ты раздроби, о смертный, капли сердце,—
И море цѣлое вдругъ хлынетъ на тебя;
Ты отними пылинку отъ вселенной, —
И вся вдругъ ниспровергнется она.

Одно и многое, все это безразлично,
Во всѣхъ частицахъ владвствуетъ „одинъ",
И если „многій" ты единство это чуешь
Въ себѣ самомъ, повѣрь мнѣ, другъ, тогда
И „многіе", всѣ сплошь, твои же будутъ члены.

Завѣсой легкою отъ насъ
Любое существо прикрыто;
Но подними ее, за ней
Божественный сіяетъ пламень.
Ты спишь, и зрѣніе твое
Одна лишъ греза сновидѣнья;
Самопознаніе—вотъ путь,
Намъ бытія постичь значенье.

Кому удастся отъ себя
Уйдти дорогой этой трудной,
Кто въ глубинѣ своей души
Подобенъ станетъ Іисусу,
Въ глазахъ того, и я и ты,
Мы всѣ сольемся воедино,
И не скуютъ уставомъ внѣшнимъ
Того ни церковь, ни мечеть.

О христіанствѣ могаммеданскій этотъ стихотворецъ отзывается такъ:

Ты знаешь ли ученіе Христа? Послушай, что оно такое:
Гробъ себялюбія оно и къ Богу шествіе прямое.
Духъ божій духу твоему свой пламень сообщитъ завѣтный,
Всего тебя проникнетъ онъ струею тайной, непримѣтной.
Когда же отрѣшишься ты отъ узъ людской природы тлѣнной,
Въ святынѣ Бога обрѣтешь покой и миръ душѣ смятенной.
Кто совлечется такъ себя, что въ немъ всѣ смолкнутъ вожделѣнья,
Тотъ подлинно какъ Іисусъ взойдетъ въ небесныя селенья.

Если суфіи называютъ міръ питейнымъ домомъ, Бога — подносчикомъ и виномъ, а человѣка — питухомъ и кубкомъ; если, по ихъ словамъ, души висятъ запутавшись въ сѣти кудрей божіихъ, вмѣстѣ со всѣми другими загад-

ками бытія, если поцалуй возлюбленной знаменуетъ для нихъ сліяніе съ единымъ: зато другой великій лирикъ услаждается наоборотъ безконечнымъ во всякой конечности и превозноситъ земную красоту, славитъ чувственную радость, потому что всѣмъ имъ присуще вѣчное. Могаммедъ Шемшеддинъ (умершій 1389 г. въ Ширазѣ) прозванъ Гафизомъ, то-есть «блюстителемъ» Корана за то, что зналъ его весь наизусть; его называли также солнцемъ вѣры, языкомъ мистики (тайнословомъ), и даже тѣ веселыя застольныя и любовныя пѣсни, которыя онъ сочинялъ еще и старцемъ, объясняли въ смыслѣ аллегоріи религіозныхъ чувствъ: развѣ еврейская пѣсня пѣсней, въ свою очередь, не прилагалась иногда ко Христу и къ Церкви? Подобно тому какъ въ этомъ послѣднемъ пѣснопѣніи нашли мы печать высокаго нравственнаго содержанія, такъ и Гафизъ въ самомъ дѣлѣ одушевленъ истинно-дервишскимъ настроеніемъ, освобождающимъ сердце изъ-подъ ига всѣхъ внѣшнихъ вещей и одающимъ его той беззаботной веселостью, которая всегда готова играть временнымъ, потому что твердо опирается на внутреннее и прочное, на невозмутимое спокойствіе души; онъ весь проникнутъ мистическимъ убѣжденіемъ, что дѣло не въ обрядахъ и внѣшнихъ правилахъ, а главное—въ свободномъ познаніи единаго и въ беззавѣтной къ нему любви. Въ самосознательномъ единеніи съ Божествомъ, онъ дѣйствительно свободенъ отъ всѣхъ сдержекъ и ограниченій; врагъ всякаго ханжества, всякаго порабощенія духа сектаторскимъ мнѣніямъ или прослывшимъ за священные, а между тѣмъ ничтожнымъ обрядамъ, врагъ всякаго отягощенія себя мрачнымъ умерщвленіемъ плоти, онъ противопоставляетъ этимъ продѣлкамъ мнимаго благочестія сердечную радость природой, чистое наслажденіе любымъ даромъ божіимъ, запахомъ цвѣтовъ, виноградным соромъ, объятіями и поцалуями красавицъ; онъ славитъ не мечеть, а питейный домъ, гдѣ за чаркой позабываетъ всѣ печали и отводитъ душу словами мудрости, текущими изъ ея глубины, или подслащаетъ тоску и горе благозвучною поэзіей. Не даромъ, на вопросъ: «Зачѣмъ ты весь изводишься? ты вѣдь такъ, прекрасенъ», Гёте влагаетъ въ уста Гафизу отвѣтъ:

Взгляни на свѣчи восковыя,
Что сами таютъ, всѣмъ свѣтя.

Онъ превозноситъ алхимію любви, которою и пыль превращается въ золото, и учитъ познавать міръ въ Богѣ; онъ приглашаетъ набожныхъ развѣсить клобуки по терніямъ и весело срывать весеннія розы, забыть всѣ отшельническія ханжества подъ звуки лютней и чарокъ; прозаически-холодной, себялюбивой трезвости противополагаетъ онъ блаженство хмѣля, разсѣвающаго всѣ земные страхи, всѣ мелочныя опасенія, и погружающаго насъ въ цѣлое море отралъ; не хмѣль ли вѣдь и само вдохновеніе, когда свыше открывается намъ свѣтъ въ глубинѣ души, и восторженныя уста вдругъ начинаютъ лепетать о тайнахъ вѣчной жизни? Оттого на каждомъ цвѣточномъ листкѣ прочтешь ты надпись: Разуменъ отдающійся вину, въ винѣ истина; вино обезъячиваетъ смертнаго и даетъ въ немъ вольный просторъ Богу; кубокъ, это—всемірное Александрово зеркало, въ которомъ мы познаемъ всѣ вещи, какъ онѣ есть. И испытай лишь разсудокъ, какъ сладко запутаться въ кудряхъ

милой, тогда, чего добраго, обезумѣютъ и такіе мудрецы какъ Гафизъ. Солнце только искорка пожара верховной любви; востокъ, приподнимающій покрывало съ прелестнаго глазка, убираетъ же вѣдь въ удивительный нарядъ всю землю; запахъ цвѣтовъ идетъ отъ дыханья устъ, манящихъ поцалуи, сверкающихъ жемчужною струей Хизерова ключа вѣчной юности, — ключа, который освободилъ сердце поэта отъ страха смерти навсегда; съ прекрасной щеки сошелъ конечно тотъ блескъ, который сталъ свѣтомъ цѣлому міру:— при всѣхъ подобныхъ вещахъ далеко ли отъ конечнаго перейдти думой къ безконечному? можно ли позабыть то, что безконечное проявляется въ конечномъ? Вѣдь и самъ Гафизъ положительно говоритъ:

Когда лучъ божеской любви тайникъ души твоей согрѣетъ,
Ты краше солнца самого, что́ средь небесной ставки рдѣетъ.

Его чрезмѣрныя похвалы вину и чувственной любви происходятъ именно отъ того, что у мистиковъ и то и другое слыло символомъ единенія съ Богомъ, хотя однажды Гафизъ и представляетъ это совсѣмъ наоборотъ:

Кто въ образахъ роскошныхъ намъ поетъ домъ неба, райскія селенья,
Тотъ хочетъ выставить домъ чада винныхъ лозъ въ яснѣйшемъ лишь изображеньи.

Въ чувственномъ онъ всегда видитъ сверхчувственное, небо и земля не разлучены для него бездной, розы и лиліи превращаютъ любой садъ передъ нимъ въ эдемъ; астрономія любви дивная наука, она переноситъ самый низъ земли на вершину небесъ, и умирая со стаканомъ въ рукѣ, поэтъ вполнѣ увѣренъ что изъ деревенской распивочной онъ такъ и переселиться прямо въ рай. Вѣдь и въ этой жизни онъ пьетъ уже вино божественной любви изъ чаши безсмертія:

И вотъ единственно причина тому, что Гафизъ пьетъ да пьетъ.

Вездѣ присущъ Господь, вѣчный и единый, раскрывающій себя во множествѣ; кто уразумѣетъ это, тому во всемъ земномъ и человѣческомъ божественное станетъ ясно какъ день.

Безъ разума иной читаетъ книгу: какой же въ чтеньи этомъ прокъ?
А соловей, тотъ понимаетъ ясно, что́ розана шепчетъ ему листокъ.
Займись, о ученикъ, наукой ты прямою:
Взгляни, вонъ тамъ кустъ розъ стоитъ,
Неопалимой будто купиною
Въ цвѣтахъ передъ тобою онъ горитъ;
А изъ него такъ кротко и любовно
Тебѣ вѣщаетъ міра царь верховный.

Пей и жди небесной благодати! — вотъ лозунгъ Гафиза. Кабачокъ — неба уголокъ, вино разрѣшено вѣдь и въ раю. Богъ полонъ милосерднаго снисхожденія, и могли ли бы мы сидѣть за чаркой, не будь на то святой его воли?

Вина рубиновой струею я буду вспрыскивать клобукъ:
Что́ разъ уставлено судьбою, того не измѣнишь, мой другъ.

Вѣдь и тюльпаны подставляютъ свои пестрыя чашечки росѣ небесной, вѣдь и утренній зефиръ выманиваетъ молодую грудь розы изъ-подъ зеленаго корсета распукольки: какъ же намъ не слѣдовать природѣ, не цаловать и не пить?

Но къ благородству, къ чистотѣ стремиться мы должны душою:
Пей благородное вино и не мути его водою!

За бутылку вина отдаетъ онъ въ закладъ свою дервишскую рясу; онъ лучше хочетъ носить званіе нищаго, нежели обладать цѣлымъ міромъ, полнымъ низостей и вѣроломствъ. При самодовольной бѣдности, по крайней мѣрѣ весна всегда найдетъ въ груди его радостно-трепещущее сердце, да и осенній вѣтеръ судьбы никогда не разстроитъ его вконецъ, потому что все наружное мірское счастіе не стóитъ и минутной объ немъ заботы. Отреченіе отъ суетъ міра, — вотъ путь къ спокойствію души. На что Гафизу серебро и золото, когда у него есть сердечное веселье и мелодія звучныхъ риѳмъ!

Ты обратишься жь подконецъ въ комокъ простой, гончарной глины,
Такъ наполняй, покамѣстъ живъ, виномъ свои кувшины!

Скажемъ вмѣстѣ съ нимъ: «Да будетъ счастіе твое благословенно, поэтъ всегда безумный и влюбленный!» Его неистощимая шутливость — чистѣйшій плодъ свободнаго ума, глубокаго и благороднаго вмѣстѣ чувства. Онъ опирается на крѣпкую вѣру въ Божество, становясь къ нему лицомъ къ лицу номимо всякихъ посредниковъ:

Что хорошо иль худо для тебя.
Объ этомъ спрашивай себя жь, а не другого:
И чѣмъ, скажи, тутъ можетъ быть вѣрнѣй
Рѣшеніе суда сторонняго, чужого?
Кто въ сердцѣ свѣта чистоту
Блюлъ свято, что зеницу ока,
Тотъ, догорая какъ свѣча,
Готовъ, подобно ей, ни мало не ворча.
При наступленьи жизни срока
Сказать навѣкъ послѣднее прости
Своей тѣлесной оболочкѣ,
Съ улыбкой, но безъ просьбы объ отсрочкѣ.

Мы видимъ здѣсь, что и нешуточные иногда звуки отзывались въ веселомъ сердцѣ поэта. Такъ весна напоминаетъ ему между прочимъ, что рано умершая маленькая дочь его не расцвѣла вмѣстѣ съ нарцисами и лилеями, которыми усадилъ онъ ея могилку, и ему хотѣлось бы стать тѣмъ вешнимъ облакомъ, которое вызоветъ слезами на свѣтъ божій тотъ незабвенный для него цвѣтокъ. И кто лучше Гафиза умѣетъ молвить о душевномъ благородствѣ коротко и ясно?

Кто грудь тебѣ мучительно терзалъ и рылъ безъ искры сожалѣнья,
Подобно руднику изрытому ты дай кладъ золота ему въ вознагражденье.
Какъ дерево, не только тѣнью ты, но и плодами освѣжи тѣ руки,
Что бросили каменьями въ тебя съ сердцовъ иль просто лишь отъ скуки.
Какъ раковина будь ты завсегда къ злодѣю своему мягкосердеченъ
И подари жемчужиной того, кѣмъ черепъ твой безжалостно разсѣченъ.

Или кто лучше этого поэта съумѣетъ разобрать письмена звѣздъ?

Богъ золотыми письменами по своду начерталъ небесъ:
Ввѣкъ будетъ жить души прекрасной дѣло, хотя бъ весь міръ земной исчезъ.

Гаммеръ передалъ персидскаго поэта такъ, что онъ вышелъ у него слишкомъ ужь неприглядпымъ. Даумеръ подарилъ Нѣмцевъ превосходною книжкой «Гафизъ», которая собственно не переводъ сочиненій поэта, а выборка изъ него лучшихъ мѣстъ въ вольномъ подражаніи или въ видѣ самостоятельнаго развитія данныхъ имъ мотивовъ; это какъ бы замѣна подлинника, обработанная на европейскій вкусъ. Удобочитаемый, хотя и не формально-вѣрный переводъ Дивана изданъ Розенцвейгомъ. Сюжеты Гафиза обнимаютъ далеко не обширный кругъ, но мысли и чувства у него вездѣ общечеловѣческія, испытываемыя каждымъ своеобразно, какъ и самъ онъ говоритъ:

Одна и та же пѣсня искони поется о любви, тоскѣ ея и плачѣ,
Но, къ удивленію, у каждаго въ устахъ она звучитъ все какъ-нибудь иначе.

Онъ неистощимъ въ своихъ всегда новыхъ оборотахъ для превознесенія вешней поры года и любви, вина и женской прелести; стихи его похожи на художественную оправу въ золото мастерски-отшлифованныхъ дорогихъ каменьевъ, и даже стародавніе иногда образы сверкаютъ здѣсь въ новыхъ сочетаніяхъ необыкновеннымъ блескомъ. Но не въ высокой степени надѣленъ онъ даромъ организующей композиціи. Такъ-какъ всѣ рѣшительно двустишія связаны у него одинаковою риѳмой, то стихи оканчиваются словами самаго разнообразнаго смысла, а чувства и представленія, то какъ бы колеблются между ними, то вдругъ рѣзко срываются съ одного на другое; тутъ собственно нѣтъ тѣсной внутренней связи: одно лишь настроеніе, а не самый ходъ развитія идей, и придаетъ пѣснямъ его единство. Мы какъ будто смотримъ у него въ калейдоскопъ и любуемся симметрическими формами и фигурами, которыя измѣняются при каждомъ сотрясеніи, всегда образуясь вновь изъ тѣхъ же пестрыхъ камешковъ, и всегда очень мило, но какъ бы случайно, безъ всякой между собой послѣдовательности. Это тотъ же самый родъ композиціи, что у рисовальщика арабесковъ, а вовсе не живописческій въ нашемъ смыслѣ слова; отсутствіе полнаго цвѣта пластики ощутительно и здѣсь. Но точно такъ же какъ мы никогда не устанемъ прислушиваться къ рокоту волнъ на кручѣ морского берега, не устанемъ смотрѣть на всегда новые изгибы ихъ прибоя, когда солнечный закатъ жарко отражается въ ихъ свѣтломъ зеркалѣ, такъ и поэтъ манитъ насъ чарами своихъ риѳмъ съ одной страницы на другую, и подконецъ мы готовы согласиться съ той хвалебною строфой, какою Гёте почтилъ Гафиза:

Ты тѣмъ-то и великъ, что никогда
Не можешь кончить, и начать не можешь;
Что пѣснь твоя кружитъ какъ неба сводъ,
Гдѣ все одно, конецъ или начало;
Средина же то открываетъ ясно.
Что́ подконецъ останется во вѣкъ
И что́ отвѣка вѣчно пребывало.

Обокъ съ этою поэзіей, то благоговѣйно углубляющейся въ вѣчность, то геніально, шутливо и весело услаждающейся жизненными благами, шла своимъ путемъ такъ-называемая занимательная литература; попрежнему разсказывали сказки и повѣсти потеперь онѣ, то озаглавливались «Копопскими огоньками», то влагались въ уста какому-нибудь попугаю, чѣмъ ясно уже давала себя знать гоньба за вычурами и за внѣшними прикрасами. Вообще мѣсто первоначальнаго творчества въ мысли и въ формѣ заступила пора повторяющаго подражанія; не жизнь съ ея задачами, не собственныя чувства и опыты, но впечатлѣнія прежнихъ поэтическихъ созданій,—вотъ что влагало отнынѣ перо въ руку стихотворцевъ, и съ исхода 14-го столѣтія вплоть до нашего времени встрѣчаемъ мы и у Персіанъ только литературное эпигонство, отличающееся много-много что ученостью и искусственностью пріемовъ. Представителемъ этого направленія считаемъ мы знаменитаго Абдуррамана бенъ-Ахмеда изъ Джама, или какъ его обыкновенно называютъ, Джами (1414—92); это весьма извѣстный поэтическій разсказщикъ, писавшій впрочемъ также философскія разсужденія и историческія книги, и состязавшійся то въ мистикѣ съ Джелаледдиномъ, то въ гномѣ съ Саади, то въ застольной пѣснѣ съ Гафизомъ, точно такъ же какъ въ своемъ Александрѣ онъ хотѣлъ поддѣлаться подъ Фирдуси, а въ Хамсé—подъ Низами. Онъ самъ, какъ и весь этотъ родъ поэзіи, отличается благоразуміемъ, формальною ловкостью, сознательнымъ умѣньемъ, посредственностью мысли и чувства и изящнымъ лоскомъ щеголеватаго изложенія. Не сильно ли напоминаетъ «Пегницскихъ пастушковъ» въ Германіи, или чопорный итальянскій вкусъ, господствовавшій при дворахъ подконецъ 16-го вѣка, когда свои замѣтки о персидскихъ поэтахъ Джами озаглавливаетъ такъ «О пѣвчихъ птицахъ въ саду слова и о попугаяхъ, свищущихъ въ сахарномъ тростникѣ поэзіи»? Онъ спрашиваетъ у корчмаря вина, но, какъ самъ онъ прибавляетъ, такого, чтобы въ немъ какъ въ зеркалѣ отражался цѣлый міръ, и все сущее вмѣстѣ съ питухомъ погружалось въ море единства. Онъ положительно говоритъ, что самъ Богъ смотритъ изъ глазу влюбленнаго и блистаетъ на щекѣ милой, что онъ жемчужина во всѣхъ ракушкахъ. «Весенній садъ» свой (Бехаристанъ) развелъ онъ завѣдомо въ противень садамъ Саади, но не достигъ ни роскошнаго ихъ цвѣта, ни вкусныхъ плодовъ. Онъ приводитъ анекдоты о властителяхъ и мудрецахъ, басни и прибаутки, передавая ихъ прозою и прибѣгая къ стихамъ или для вывода изъ нихъ морали, или для того, чтобъ сказанное прежде не мѣрною рѣчью повторить за тѣмъ еще и риомованной. Такъ одинъ ученый изъ далекихъ странъ приходитъ къ Египтянину Суунуну, а этотъ обращается къ нему съ вопросами, на которые самъ же и отвѣчаетъ: «Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы узнать отъ меня тайну прошлаго и грядущаго? Одинъ Богъ ее знаетъ. Или за тѣмъ, чтобъ обрѣсти Бога? Онъ былъ и тамъ, откуда ступилъ ты первый шагъ, пускаясь въ дорогу.» Джами прибавляетъ къ этому въ стихахъ:

Мнѣ померещилось однажды, что ты, о Боже, внѣ меня,
Что ты конечная лишь цѣль всѣхъ дальнихъ странствій человѣка;
Теперь, какъ я тебя нашелъ, мнѣ уяснилось совершенно,
Что съ первыхъ же шаговъ пути я удалился отъ тебя.

Онъ вообще любитъ заострять свои стихотворенія въ эпиграмматическую форму. Такъ одному суесвяту онъ говоритъ:

Постишься ты, и о тебѣ гремитъ вездѣ молва святая;
Вѣдь скрыпка оттого звонка, что внутренность у ней пустая

Подобно великимъ своимъ предшественникамъ, Джами убѣжденъ во всемогуществѣ любви:

Любовь ядро, всѣ остальныя вещи
Лишь скорлупа, одѣвшая его.
И какъ тому ядра извѣдать сладость,
Кто вѣкъ жуетъ одну лишь скорлупу?
Нѣтъ, не проникнетъ тотъ за занавѣску храма
Кто передъ росписью завѣсы ошалѣлъ.
Откинь завѣсу ты, пусть ликъ Его возблещетъ,
А передъ росписью молитвы не твори;
Испей отъ чаши красоты небесной
И въ упоеніи любовномъ воздохня:
Вино намъ жизни подаешь, о Вѣчный,
Въ своей ты чашѣ солнца золотой!

Поздній отзывъ иранскаго солнцеслуженія отдается намъ въ пѣсняхъ Феизи, изъ второй половины 16-го вѣка. Шахъ Акбаръ отправилъ его въ Индію изслѣдовать таинства брахмановъ, которыхъ онъ хотѣлъ или обратить или извести. Но ученіе ихъ о всеединствѣ поэтъ нашелъ дотого близкимъ къ персидскому суфизму, что совѣтовалъ ихъ не преслѣдовать. Въ своихъ «Солнечныхъ пылинкахъ», —тысячѣ одномъ изреченіи въ стихахъ, славитъ онъ видимое солнце какъ символъ незримаго; звѣзды становятся у него тутъ коральками молитвенныхъ четокъ, а лучи свѣта — золотою цѣпью, которая привязываетъ и сердце и весь міръ къ вѣчной любви.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СРЕДНЕВѢКОВЬЕ ЕВРОПЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ первомъ отдѣлѣ этого тома я изобразилъ обѣ новыя религіи, которыя, явясь уже по воплощеніи естественнаго идеала въ многоразличнѣйшихъ обликахъ, призвали людей къ почитанію единаго духовнаго Бога, и повели ихъ съ тѣмъ вмѣстѣ къ возвышенію духомъ надъ природою, къ возврату въ глубину собственной души и къ выработкѣ цѣлаго міра сердечности. Я показалъ, какъ осуществился во Христѣ Іисусѣ высшій нравственный идеалъ, какъ развилось христіанство среди древнекультурныхъ народовъ, какъ Арабы благодаря Могаммеду сдѣлались потомъ міродвижущею силою и носителями культуры на цѣлые вѣка. Но для того чтобъ развернуть и завершить идеалъ сердечности потребовались новыя еще племена, которыя отъ природы дѣйствуютъ и удовлетворяются не столько въ наглядномъ созерцаніи, въ общественномъ быту, въ мірѣ внѣшности, сколько живутъ внутреннею жизнію, отличаются глубиною и чуткостью внутренняго чувства, и передаютъ въ выразительныхъ, полныхъ фантазіи картинахъ ощущенія своего сердца и задушевные свои помыслы. Съ этой стороны разсмотрѣлъ я Славянъ, Кельтовъ и Германцевъ въ коренныхъ чертахъ ихъ характера и своенароднаго языческаго быта, первыхъ охарактеризовалъ съ этимъ вмѣстѣ по народнымъ ихъ пѣснямъ и прослѣдилъ въ глубь среднихъ вѣковъ, а за тѣмъ обозрѣлъ племя Финновъ съ любопытнымъ его эпосомъ. Германцы со вступленіемъ ихъ во всемірную исторію принимаютъ христіанство и обновляютъ древній міръ великимъ переселеніемъ народовъ; они пришли не опустошать, не губить, а

именно унаслѣдовать культуру. Здоровой своей кровью освѣжаютъ они истощенные края римской имперіи, и единовѣрность споспѣшествуетъ тому, что Италія, Франція, Испанія, Англія и Германія развиваются въ постоянномъ взаимодѣйствіи, что общимъ ихъ трудомъ добывается общее имъ образованіе, общій всѣмъ правообычай.

Мнѣ хотѣлось провести это нагляднымъ образомъ; всего яснѣе выступаетъ оно въ романскомъ и готическомъ стилѣ архитектуры, а также въ рыцарскомъ эпосѣ и въ любовной лирикѣ этихъ народовъ. Въ Средніе Вѣка говорилось, что въ рукахъ Германіи имперія (свѣтская власть), въ рукахъ Италіи — Церковь, въ рукахъ Франціи — наука; но Франціи принадлежитъ еще также починъ въ рыцарствѣ съ его поэзіей, да и въ схоластикѣ; всегда направленный къ новизнѣ и находчивый на внѣшнія формы смыслъ ея народа, въ которомъ кельтскіе элементы сопрониклись римскими и германскими, первый началъ крестовые походы и этимъ сталъ на высотѣ своего времени, тогда какъ Италія и Германія изводили свои живыя силы въ многовѣковой борьбѣ за идеалы императорства и папства, долго недостигая государственнаго единенія и свойственнаго имъ уряда, къ которому двинулись они значительно только въ наши уже дни. Но съ точки зрѣнія духовной, умственной исторіи нельзя не радоваться благороднымъ плодамъ тѣхъ роковыхъ соотношеній между Италійцами и Германцами: въ живописи идутъ впереди всѣхъ другихъ именно два эти народа; Данте, Микель-Анджело, Рафаэль не возникли бы въ Италіи помимо германскихъ вліяній, точно также какъ помимо итальянскихъ не явились бы въ Германіи Моцартовъ Донъ Жуанъ, Ифигенія Гёте, фрески Корнеліуса; Германія дала міру Реформацію, а Италія надѣлила его Гуманизмомъ и искусствомъ эпохи Возрожденія.

Средневѣковая образованность движется впередъ, переходя постепенно отъ одного сословія къ другому: духовенство, рыцарство, гражданство обозначаютъ собой три эпохи, на которыя приходится подѣлить исторію искусствъ. Лирика сердечности, пѣснь любви и живописность — вотъ преобладающія здѣсь начала, хотя на первыхъ порахъ въ архитектурѣ и въ эпосѣ высказывается еще не индивидуальная, а только общая сторона жизни, чувства и помысла. Въ эпосѣ необходимо отличить народный характеръ, какимъ напримѣръ проникнуты французская пѣснь о Роландѣ, испанскій Сидъ и германскіе Нибелунги, отъ такъ-называемой придворной или распространенной по всей Европѣ искуственно-рыцарской поэзіи. Разсматривая былины объ Артурѣ, о св. чашѣ, о Тристанѣ, я проводилъ ту мысль, что Кельты тутъ изобрѣтатели содержанія, Романы придаютъ ему поэтическую форму, а Германцы присоединяютъ къ этому идеальное углубленіе посредствомъ живописи задушевныхъ чувствованій и помысловъ; общая всѣмъ культурная работа отзывается въ этой области особенно ясно своеобразіемъ каждаго

народа въ его чередъ. Впрочемъ вопросъ этотъ, подобно вопросамъ о Гомерѣ и объ Евангеліяхъ, таковъ, что всякій, кто займется имъ и прослѣдитъ возбужденные имъ споры, постепенно прійдетъ къ какому-нибудь субъективному убѣжденію, которое выйдетъ результатомъ множества мелкихъ впечатлѣній, которое поэтому трудно навязать путемъ доказательствъ другимъ личностямъ и которое по той же опять причинѣ нельзя выдавать за достовѣрное вполнѣ, а развѣ лишь за правдоподобное. Въ фактическомъ же и частномъ я вездѣ старался предлагать читателю только то, что принято за несомнѣнное у спеціалистовъ, такъ-какъ цѣлію всей моей книги было раскрыть внутреннюю связь, руководящія идеи, съ тѣмъ чтобы посредствомъ ихъ организовать весь преизбытокъ наличнаго матерьяла въ одно гармоническое цѣлое. Въ широкихъ предѣлахъ разумной истины и законности непремѣнно должны имѣть свою долю правъ личная свобода, особенное свойство каждой дѣйствующей силы; для опредѣленія ихъ потребна была многоразличнѣйшая дѣятельность въ исторіи литературы и искусства, во всякаго рода монографіяхъ и спеціальныхъ разысканьяхъ, и хотя главнымъ источникомъ для моего труда служило мнѣ личное мое знакомство съ поэтами и мыслителями, съ памятниками зодчества и изобразительнаго искусства, тѣмъ не менѣе я охотно дополнялъ, исправлялъ и очищалъ свои собственныя впечатлѣнія и сужденья всѣмъ тѣмъ, что̀ въ частности добыто было прежде меня отличнѣйшими изъ ученыхъ изслѣдователей, всегда предоставляя при этомъ высказать рѣшительное и мѣроположное слово и самому его первоисточнику: вѣдь найдти настоящее, мѣткое выраженіе для художественнаго стиля какой-нибудь эпохи или какого-нибудь мастера,—такое же открытіе въ исторіи человѣческаго духа, какъ напримѣръ и услѣдить или разъяснить какое-нибудь электрическое явленіе, какой-нибудь химическій процессъ, есть открытіе въ естествознаніи.

Мысль, которую я много лѣтъ провожу въ своихъ лекціяхъ и которую давно уже изложилъ печатно, — та мысль, что различныя искусства, какъ развиваются они въ системѣ эстетики, такъ же точно становятся поочереди верховодными и въ исторіи,—мысль эта подтверждается опять и здѣсь, и я съ радостію вижу, что она вообще начинаетъ входить въ литературу. Быть-можетъ, то же будетъ и съ другимъ началомъ, которое тянется сквозь весь мой трудъ, хотя я вовсе не навязываю его разномыслящимъ, — съ тѣмъ именно началомъ, что все великое въ жизни, въ искусствѣ, въ наукѣ, а равно и въ религіи, совершается не иначе какъ совокупнымъ дѣйствіемъ божеской и человѣческой силы; только Провидѣніе никогда не вступается въ ходъ вещей извнѣ ни чудесами, ни насильственными переворотами, а есть не что иное какъ самъ естественный и нравственный міропорядокъ, и частныя проявленія его мощи совершаются всегда лишь изнутри, чрезъ вдохновительные по-

буды и просвѣтляющія мысли въ душѣ человѣка, которой задача ихъ понять и развернуть.

Средневѣковые идеалы всѣ совокупилъ воедино и превосходно высказалъ Дантъ: оттого я и говорю объ немъ такъ подробно, оттого ведущія къ нему нити запрядаю еще съ Карла Великаго; точно такъ же какъ, съ другой стороны, Джотто и Оркапья явно свидѣтельстуютъ о вліяніи его на живопись, да будутъ свидѣтельствовать и впослѣдствіи величайшіе еще мастера. Эпохи не подѣлены между собою ни стѣнами, ни пропастьми, одна переливается въ другую: вотъ почему я прихватилъ сюда все то, что̀ явилось спеціально-средневѣковаго и въ 15-мъ столѣтіи; другое же, какъ напримѣръ пробужденіе древности, народную пѣсню, реализмъ изобразительнаго искусства, отнесъ къ періоду Возрожденія и Реформаціи.

СРЕДНЕВѢКОВЬЕ.

НОВЫЕ НАРОДЫ.

А. Славянство.

Кажется, Кельты первые двинулись изъ арійской прародины; позже хлынула оттуда другая народная волна, ставшая въ Европѣ Греками и Италійцами, и наконецъ третья, подѣлившаяся на Славянъ и Германцевъ; оставшаяся за тѣмъ въ Азіи послѣдняя часть арійской семьи распалась на Индійцевъ и Иранцевъ. Послѣ многихъ странствій и переходовъ Кельты овладѣли сѣверозападомъ Европы, Англіей и Франціей; на востокѣ водворились Славяне; въ промежуткѣ обоихъ племенъ Скандинавію и Германію заняли Германцы, но не ограничиваясь этимъ, они завоевательно вторгались въ кельтскіе и славянскіе края и сливались тамъ съ туземцами. По обширной равнинѣ отъ Бѣлаго до Чернаго и Каспійскаго морей, отъ Сибири до Одера и Адріи, расселились Славяне; на громадномъ пространствѣ этомъ распались они на множество разныхъ родовъ; водворившись между Европою и Азіей, они и духовно образовали середнее звено мужду обѣими частями свѣта, между кавказскою и монгольскою породами, да составляютъ и до сихъ поръ наиболѣе страдательную вѣтвь среди самодѣйственныхъ народовъ. Индивидуальность еще не выступаетъ у нихъ въ полной своей силѣ; Славянамъ и донынѣ не далось воспѣть знаменитыхъ родичей своихъ такъ громко, какъ воспѣли своихъ другіе культурные народы; имъ доселѣ чужды и смѣло-проторгающійся духъ Германцевъ, и непосѣдная жажда новизны кельтійскихъ племенъ, ведущіе то къ завоевательнымъ походамъ, то къ революціямъ: они берутся за оружіе только въ оборону родного края, а не для того чтобъ ратнымъ дѣломъ жить и промышлять. Въ то время какъ Германцы разрушали западную римскую имперію, Славяне медленно вдвигались въ предѣлы восточной; вплоть до самой Эллады окрестили они рѣки и горы новыми названьями, а императорскій тронъ въ Византіи все-таки еще оставался нерушимъ.

16*

Долго можно странствовать по занятой ими безконечной равнинѣ и не повстрѣчать такой рѣзкой перемѣны климата и растительности, какую замѣтишь въ одинъ день, ѣдучи германскими горами; однакожь и тутъ очевидна сѣверная полоса, отличающаяся цѣлой вереницей озеръ и бѣлоствольною березой, тогда какъ отъ береговъ Одера и до Урала тянутся между песчаныхъ и влажныхъ полей мрачные хвойные лѣса (чернолѣсье), а на югѣ, по луговинамъ Дуная, Дона и Волги шумитъ уже кудрявый дубъ. Миролюбіе и наклонность къ осѣдлой жизни привязали Славянъ къ обширной и плодоносной этой равнинѣ; здѣсь находимъ мы ихъ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія отъ 500-хъ годовъ предъ Р. Х. до 500-хъ нашей эры. Древни для нихъ имена Сербовъ, Сорбовъ и Вендовъ; Славянами прозвались они по всей вѣроятности впослѣдствіи, какъ родные по слову, языку; а какъ словомъ высказывается все общеизвѣстное, то отсюда конечно и слава (молвь, молва). Мнѣніе Гердера, будто они предназначены владѣть землею, имѣетъ тотъ смыслъ, что они земледѣлы по рожденію: не городъ какъ у Грековъ и Римлянъ, не крѣпостца и однодворокъ какъ у Кельтовъ и Германцевъ, но цѣлая деревня, сельскій міръ,—вотъ что лежитъ въ основѣ ихъ общественнаго быта; міръ господствуетъ надъ любой личностью, земля принадлежитъ міру, каждая (тяглая) семья получаетъ въ ней свой опредѣленный участокъ, пока жива, а когда она вымретъ, участокъ переходитъ опять на весь міръ; какъ членъ сельской общины, каждый пользуется извѣстнымъ владѣніемъ, извѣстной сопринадлежностью, извѣстными правами и положеніемъ.

Толстая, угловатая голова, широкое лицо, нѣсколько впалый лобъ, отвѣсно расположенныя скулы, вдавленный обыкновенно носъ съ закругленнымъ кончикомъ и расплывшимся основаньемъ, маленькіе тонкобровые глаза и жидкая сравнительно борода не придаютъ славянскому типу того пошиба красоты, какимъ отличается грекоиталійскій, предназначенный самой природою для изобразительнаго искусства *. Въ духовномъ существѣ Славянъ лежитъ черта кротости и чливости, которая звучитъ какъ-то жалобно и томно въ минорныхъ тонахъ ихъ народныхъ напѣвовъ. Многовѣковой монгольскій гнетъ и наступившій за тѣмъ періодъ царскаго самовластія могли только усилить (отчасти пожалуй и поизвратить) прирожденныя эти свойства. Древле Славяне были свободны и равны. Семьи, разумѣется съ отцами во главѣ, составляли (родовую) общину; эти семьеначальники выбирали себѣ нáбольшаго, старшину; старшины собирались на волостные и общіе сходы, гдѣ творились судъ и расправа, налагались подати, рѣшались вопросы о мирѣ и войнѣ. Изъ дружинныхъ начальниковъ или воеводъ вышли въ средніе вѣка феодальные владѣльцы (бояре, удѣльные князья); вслѣдъ за тѣмъ въ Россіи насталъ деспотизмъ, въ Польшѣ водворилась анархія. Славянинъ отнюдь не раболѣпенъ; по тонкому замѣчанію Боденштедта, «онъ преклоняется передъ безусловной властью, спина его становится гибкой отъ поклоновъ, «но не остается согнутой; онъ боится этой власти какъ естественной си-

* При составленіи этого нелестнаго для насъ очерка, авторъ явно имѣлъ въ виду большинство тѣхъ сѣверовосточныхъ Славянъ, которые переработали въ себѣ такъ много финской и монгольской крови. Прим. перев.

«лы, съ которой ни чего не подѣлаешь; противъ губительныхъ ея дѣйствій «считаетъ онъ дозволенными всѣ средства, но ни мало ея не уважаетъ, и не «думаетъ систематически обосновать ее для себя, какъ такую необходи-«мость, которую слѣдовало бы чтить и признавать за правомѣрную». Въ домашнемъ быту господствуетъ благоговѣйный почетъ къ старости: батюшкой величаетъ Русскій своего набольшаго, хозяина, матушкой зоветъ онъ и Москву, и Волгу, и пожалуй хмѣльную брагу. Въ народныхъ пѣсняхъ всего больше славится материнская любовь. Молодой русскій полонянникъ напрасно посылаетъ по друзей, по братьевъ, по суженой; у всякаго свое дѣло, имъ не до него; но лишь прослышитъ о томъ мать родная, она продастъ золотой крестикъ съ шеи, котораго не снимала съизмала, а ужь какъ-нибудь да выкупитъ свое дитятко *. — Воплемъ оглашается воздухъ, палъ въ бою удалый молодецъ; три бѣлыхъ лебеди грустно опускаютъ крылья: невѣста съ мѣсяцъ поплачетъ о покойникѣ, сестра пожалуй и весь годокъ, а мать будетъ плакать годы и мѣсяцы, пока станетъ ея жизни. — Узы родительской семьи крѣпче и тѣснѣе новыхъ, въ домѣ мужа. Вила въ сербской пѣснѣ готова исцѣлить раненаго, но требуетъ за то дорогой цѣны, — дай ей правую руку матери, волоса родной сестры, и женнино жемчужное ожерелье; первыя двѣ охотно жертвуютъ рукой и волосами, но жена отказываетъ въ жемчугѣ. Въ оцѣнкѣ жены вообще славянскій духъ рознится отъ романтической теплоты германскаго: первый видитъ въ ней все-таки слугу дома и предоставляетъ богатымъ держать ихъ нѣсколько. Невѣста покупалась у отца и почти не видала жениха до свадьбы. Если и встрѣчается у Славянъ богатырскій обычай древнихъ Арійцевъ, чтобъ жена сожигалась съ умершимъ мужемъ на кострѣ, то всегда не столько изъ-за чувства неразрывной связи, сколько по тому, что подвластная должна же вѣдь остаться при владыкѣ и за гробомъ. Но есть у нихъ въ поэзіи и другіе гораздо болѣе сердечные звуки: путь жизни пустъ и тщетенъ безъ возлюбленной; жить сто̀итъ, только идучи по немъ заодно, собща. Копитаръ сказалъ не даромъ: Глубокое чувство семейнаго счастія и общесемейной заботы, имя твое — Славянинъ!

Богатая и чрезвычайно гибкая славянская рѣчь ясно сохранила въ корневыхъ словахъ родство съ Санскритомъ, а по строю она ближе подходитъ къ греческой; она склоняетъ еще безъ члена, спрягаетъ безъ вспомогательныхъ глаголовъ и часто можетъ обойдтись безъ мѣстоименія, потому что способна видообразовать корень по многоразличнымъ отношеніямъ, благодаря флекціи и замѣнѣ одного звука другимъ; она не нуждается въ обходныхъ, описательныхъ пріемахъ, а самою формой слова различаетъ однократное дѣйствіе отъ многократнаго, вполнѣ завершонное, протекшее отъ длящагося; она пользуется сверхъ-того преимуществомъ чисто-гласныхъ окончаній и свободнаго расположенія словъ. Согласныя въ ней, правда, преобладаютъ,

* Автору можетъ-статься была неизвѣстна другая русская пѣсня: „Ты воспой, воспой, младъ жавороночикъ“, гдѣ напротивъ и отецъ и мать, и весь родъ-племя отреклись отъ молодого заключенника, а выкупила его душа красна-дѣвица, прежняя его полюбовница. Впрочемъ пѣсня эта удалая, разбойничья, и принадлежитъ если не другой порѣ, то другому совсѣмъ побыту. Прим. перев.

но это болѣе ощутительно въ неловкомъ правописаніи, нежели въ устномъ выговорѣ. Славяне любятъ гортанные и шипящіе звуки, но смягчаютъ терпкость согласныхъ, и часто придаютъ *р* и *л* значеніе гласныхъ: *Срб* произносится Сербъ (Сорбъ), *Влк*—волкъ (вилкъ). Шаффарикъ говоритъ: «Благозвучіе и женственная мягкость языка—двѣ разныя совсѣмъ вещи. Если «взглянуть на языкъ съ философской точки зрѣнія (то-есть съ существен-«ной), то согласныя представятся настоящими знаками мысли, а гласныя «только ихъ слугами; чѣмъ богаче языкъ согласными, тѣмъ богаче онъ и «идеями. Благозвучіе отдѣльныхъ слоговъ только частное и относительное «свойство; гармонія цѣлой рѣчи зависитъ отъ благозвучія періодовъ, словъ, «слоговъ и наконецъ буквъ. Преизбытокъ гласныхъ звучитъ такъ же не-«пріятно, какъ и преизбытокъ согласныхъ; для благозвучія потребно сораз-«мѣрное число и чередованіе тѣхъ и другихъ. Даже терпкіе слоги состав-«ляютъ необходимую принадлежность характернаго языка: есть вѣдь терп-«кіе звуки у самой природы, и поэтъ едва ли сможетъ передать ихъ, не «имѣя терпкихъ слоговъ въ своемъ распоряженіи. Чистая и рѣшительная «вокализація (полногласіе), не предоставляя на волю говорящаго произно-«сить вполнѣ или подмѣнять извѣстныя гласныя, надѣляетъ славянскіе язы-«ки преимуществомъ правильнаго стопоразмѣра вмѣстѣ съ ощутительнымъ «удареніемъ на каждую мысль и съ соотвѣтственнымъ тому пониженіемъ «или возвышеньемъ голоса».

Вслѣдъ за Добровскимъ различаютъ обыкновенно двѣ группы славянскихъ нарѣчій, именно: юговосточную, къ которой принадлежатъ Русскіе, Булгары, Сербы, Далматинцы, Хорваты, Словенцы, и сѣверозападную, въ которую входятъ Поляки, Чехи и Венды. Какъ германскій языкъ впервые получилъ свой письменный складъ въ ульфилиномъ переводѣ Библіи, такъ точно братья Кириллъ и Меѳодій въ 9-мъ вѣкѣ своимъ переводомъ ветхаго и новаго завѣта положили основаніе книжному языку, извѣстному подъ именемъ церковнославянскаго; опираясь на славянскую рѣчь, употребительную тогда въ Придунайщинѣ, онъ развитъ по образцу греческаго (особенно въ синтактическомъ отношеніи), богатъ и корнями и формами, полонъ первытной силы; въ теченіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ вырабатывался онъ поодаль отъ всѣхъ чуждыхъ вліяній и передѣлокъ и сохранился въ церковномъ обиходѣ на ряду съ живыми нарѣчіями разныхъ славянскихъ племенъ, какъ источникъ прекрасныхъ и чистыхъ словъ, какъ типъ возвышеннаго склада для поэтическаго и прозаическаго изложенія. Русскій языкъ отличается той плавностью и легкостью, съ какими онъ усвоиваетъ себѣ много иноземныхъ, монгольскихъ и шведскихъ, татарскихъ и польскихъ реченій, обдѣлывая ихъ, какъ и родные корни, совершенно на свой собственный ладъ; это много содѣйствуетъ богатству языка, и хотя въ немъ мало періодической связности, но за то простотой и естественностью постройки предложеній онъ истинно замѣчателенъ; приволжскій мужикъ и московскій баринъ говорятъ почти однимъ и тѣмъ же письменнымъ языкомъ цѣлаго народа. Польскій языкъ затруднителенъ для чужеземца различнымъ произношеніемъ гласныхъ и сочетаніемъ многихъ подрядъ согласныхъ, да и грамматическій строй его искусственно утонченъ. Южное солнце и красота мѣстностей дали пышный расцвѣтъ и языку и поэзіи Сербовъ; языкъ ихъ уподобляется итальянскому среди дру-

гихъ славянскихъ нарѣчій; ни одному изъ нихъ не уступитъ онъ въ обиліи, силѣ и ясности, и превосходитъ всѣ благозвучною мелодіей.

Миѳологія Славянъ близко сродни германской и древнеиталійской,—сродни уже и тѣмъ, что проявляется, подобно имъ, не въ преизбыткѣ поэтическихъ и пластическихъ созданій; напротивъ, она болѣе слышна въ отголоскѣ древнихъ былинъ, обычаевъ и обрядовъ и въ извѣстіяхъ, разсѣенныхъ у писателей сосѣднихъ племенъ; она не нашла себѣ свободно-художественнаго развитія и видообразованья, но въ ней ясно выразился благочестивый отпечатокъ. Арійское преданіе о небесномъ свѣтѣ, въ которомъ открылись и онаглядились душѣ человѣка безконечное и божественное, — вотъ общая ея основа, — къ ней примыкаетъ поклоненіе солнцу и огню. Согласіе съ германской миѳологіей иные хотѣли объяснить позднѣйшимъ уже вліяніемъ Германцевъ, но вѣдь оно касается не единичныхъ только чертъ, а самой коренной основы; и если Литовцы молятъ въ своихъ пѣсняхъ чтобы Громобогъ поразилъ краснобураго пса у Готовъ, то конечно ужь не отъ ненавистныхъ имъ сосѣдей заимствовали они этого Громобога себѣ въ покровители. Нѣмецкій лѣтописатель 12-го вѣка, Гельмольдъ, о сосѣднихъ ему Славянахъ говоритъ: у нихъ тысячи разныхъ идоловъ, въ томъ числѣ не мало и многоголовыхъ,—это хранительные ду́хи, въ чье вѣдомство отводятъ они поля и лѣса, скорби и радости; но въ то же время они признаютъ одного бога на̀ небѣ, которому подвластны всѣ духи и который полномощно распоряжается небесными дѣлами, а всѣ прочія поручаетъ подчиненнымъ ему богамъ, которые произошли отъ него же и пользуются тѣмъ бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ ближе они къ нему стоятъ; они стало-быть о́рганы его воли, частныя раскрытія его сущности, олицетворенныя его свойства. И почти то же самое писалъ Византіецъ Прокопій въ 6-мъ столѣтіи о юговосточныхъ Славянахъ: Они вѣруютъ въ единаго бога, молніевержца, творца и единственнаго владыку всего сущаго; но поклоняются въ то же время рѣкамъ, нимфамъ и другимъ вышнимъ силамъ, приносятъ имъ жертвы и связываютъ съ послѣдними предсказанія. — Къ Небесному Отцу присоединялась у нихъ Мать—Земля, которой имя Дѣвана идетъ, подобно Діонеѣ и Діанѣ отъ корня *див*, свѣтить, блистать, служившаго, какъ мы видѣли, Арійцамъ для обозначенія всего божественнаго вообще (I, 272).

Свѣтъ противустоитъ тьмѣ, день—ночи, а потому и Славяне отличаютъ бѣлыхъ (свѣтлыхъ) боговъ отъ черныхъ. Къ физической сторонѣ разумѣется примкнута здѣсь нравственная, и хотя противоположность между добрымъ свѣтомъ и злою тьмой не выработалась у Славянъ въ такой полнотѣ какъ у Иранцевъ, но она пронизываетъ всю славянскую миѳологію и ставитъ ее этимъ въ близкое родство съ Парсизмомъ, тогда какъ символика многоголовыхъ идоловъ напоминаетъ съ другой стороны индійскихъ кумировъ: подобныя идеи и подобные образы возникли здѣсь изъ одной общей основы, а отнюдь не заняты со стороны. Фантазія Славянъ не отличается пластической ясностью, и въ религіозномъ чувствѣ глубоко залегло убѣжденіе, что божественное, какъ единое, высоко стоитъ надъ половыми противоположностями; оттого мы и не находимъ у нихъ ни какой рѣзкой грани между мужескою и женскою природой, божество является подъ обѣими фор-

мами: кумиръ Триглава именуется то мужскимъ, то женскимъ, а три головы его обозначаютъ божество, властвующее на землѣ, надъ нею и подъ нею; Перкунъ у Пруссовъ мужщина, а Перкунатель у Литовцевъ женщина; богъ Протримкъ слыветъ также и общей матерью, Перуна зовутъ вмѣстѣ и мужщиной и женщиной, и юношей и старцемъ. Нѣчто подобное видѣли мы и у малоазійскихъ Симитовъ (I, 222); точно такъ же какъ на Востокѣ, глубже понимавшія головы и у Славянъ разумѣли свѣтъ и тьму какъ двѣ разныя стороны одной и той же сущности.

Тьма, сила смерти и зимы, всего ближе олицетворялась въ Чернобогѣ, а самъ онъ съ своими демонами, ужасами ночи, морозной стужи, преисподней, воплощался въ видѣ козла, дракона или змѣя; вихорь — пляска злыхъ духовъ, буря разметываетъ на бѣгу тучи или подымается изъ волнъ вепрёмъ бѣлозубымъ; все злое, противное, вредное ставится въ связь съ черными богами. Но брежжетъ уже лучъ сознанія, что злотворныя силы въ совокупности цѣлаго даже и противъ своей воли все-таки должны служить добру. И какъ сама чувственная жизнь не что иное какъ постоянное возникновеніе и вмѣстѣ исчезновенье, то въ соотвѣтствіе этому одно и то же божество принимаютъ то за зиждущее, то за губительное, смотря по различнымъ отношеніямъ, въ какихъ оно является то карою, то спасеньемъ. Напримѣръ Перунъ въ грозѣ—страшный разрушительный Чернобогъ, но онъ же вмѣстѣ и кроткій, благодатный Бѣлбогъ: онъ всевѣдецъ, наказующій кривду и обороняющій правду. Такъ точно Радегастъ у Вендовъ — вмѣстѣ бѣлъ и черенъ, и ясный надмірный Солнобогъ самъ подвечеръ нисходитъ въ глубину и становится преисподнимъ, владыкой царства покойниковъ. Мать-земля—вмѣстѣ кормилица и могила жизни; названія ея у Чеховъ, Вéсна и Морана, означаютъ жизнь и смерть, тогда какъ польскія имена—Живоня и Маржана * указываютъ на обновляющійся весенній цвѣтъ и на мертвительность зимней стужи.

Въ свою очередь и Славянинъ чаялъ и чтилъ во всей природѣ владычество высшей духовной мощи: естественные духи пылаютъ и грѣютъ въ огнѣ, заставляютъ бить ключи изъ нѣдръ земныхъ и пронизываютъ рѣчныя волны; въ глубинѣ водъ живутъ прекрасныя русалки, съ зелеными вѣнками на мокрыхъ кудряхъ, и когда онѣ манятъ прохожихъ выкупаться или напиться, а потомъ утягиваютъ ихъ на дно, то и въ нихъ проявляется злой, демоническій соблазнъ, какъ въ Сиренахъ Эллиновъ. Цѣлый рой духовъ, вродѣ германскихъ кобольдовъ, гнѣздится у нихъ въ горахъ и отнюдь не терпитъ помѣхи въ тайномъ своемъ побытѣ. Но кроткое и мирное настроеніе славянской души особенно влечется къ растительному міру, какъ это замѣтно и у Индійцевъ. Цвѣты и вѣнки — веселье и уборъ человѣку, да вмѣстѣ и, сподручнѣйшая жертва богамъ; пукъ цвѣтовъ (или вѣнокъ), пущенный на воду, смотря по тому долго ли онъ проплыветъ или скоро потонетъ, служитъ предвѣщаніемъ въ дѣлахъ любви и въ вопросахъ о долговѣчности. Жатва празднуется пѣснями и пляской: кроткіе полевые духи ниспослали людямъ свою благодать. Лѣшіе, полулюди, полузвѣри видомъ, олицетворяютъ

* Та же Морана или смерть отъ общаго корня мрти.

больше страхи и опасности дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ, нежели ихъ полносочность и великолѣпіе. Земляные духи заходятъ и въ дома, обращаются въ домовыхъ, принося съ собой благополучіе и удачу, но часто при этомъ проказничая и вредя. Раздражать ихъ отнюдь не слѣдуетъ. Въ лицѣ ихъ предстаютъ потомству отдаленные предки. Какъ и въ классической древности, ихъ малюютъ въ змѣевидныхъ формахъ по стѣнамъ. Великаны представляютъ собой внезапные и чудовищные взрывы силъ природы, а мелюзга, карлики—сокровенное дѣйствіе малыхъ, незамѣтныхъ силъ. Заклятіемъ можно не только живого человѣка обратить въ звѣря или въ растеніе, даже и покойники становятся отъ него естественными духами; душа въ смертный часъ вылетаетъ изъ устъ умирающаго птицею, или свѣтлымъ облачкомъ паритъ на небосклонѣ; въ одной древней пѣснѣ горюющая дѣвушка признаетъ въ зеленомъ кленѣ—усопшаго брата, а въ развѣсистомъ дубѣ—отца. Глубокомысленно-прекрасно сербское стихотвореніе про молодца и дѣвицу, которыхъ любовь порвала родительская власть:

Молодецъ съ дѣвицей такъ слюбились,
Что одной водицей умывались,
Однимъ полотенцемъ утирались:
Лѣто цѣлое никто о томъ не свѣдалъ,
На другое лѣто свѣдалъ чуть не всякій,
И отецъ, и мать про то узнали;
Мать не хочетъ чтобъ они любились,
Разлучаетъ молодца съ дѣвицей.
Другъ далъ знать черезъ звѣзду подружкѣ:
„Ты умри въ субботній вечеръ поздно,
Я умру въ воскресный день поутру.“
Какъ сказали, такъ и учинили:
Умерла она въ субботній вечеръ,
Онъ скончался утромъ въ воскресенье.
Вотъ рядкомъ обоихъ схоронили
И сквозь землю руки имъ сложили,
Давъ по яблочку зеленому въ дорогу.
Глядь, не вдолгѣ послѣ надъ юнакомъ
Поднялась зеленая сосёнка,
Надъ дѣвицей — роза молодая,
Обвилась вкругъ сосенки та роза
Цѣпкой вязью, травкой богородской.

Сближеніе весны съ жизнью, а зимы со смертью обнаруживается, какъ и у Нѣмцевъ, въ сохранившихся еще обычаяхъ, изображающихъ то изгонъ смерти и зимы, то борьбу лѣтней поры съ зимнею. Смерть и зиму выносятъ и сожигаютъ въ видѣ соломеннаго чучела, символомъ лѣтней поры выставляются майскія деревья; носцы чучела и носцы деревъ, или же мальчики, окутавшись одни въ солому, другіе въ зелень вѣтвей, дерутся между собой до тѣхъ поръ, пока весна рѣшительно одолѣетъ. Въ Сербіи соломенную куклу, въ видѣ старой бабы, распиливаютъ пополамъ, выражая этимъ медленную ростопель льдяной коры, необходимую для прозябенія новой зелени. Въ другихъ мѣстахъ зиму просто кидаютъ въ воду, лишь только наступитъ ледоходъ. Свѣтлому теплу въ природѣ отвѣчаетъ любовь въ сердцѣ человѣческомъ. Солнце поэтому слыветъ и возбудителемъ и пѣстуномъ любви; свѣтлыя божества приносятъ и землѣ и сердцу лѣтнее вёдро, мѣ-

сяцъ особенно благопріятенъ для любовниковъ. Лель и Полель — близнецы-братья или сестры, краса-Ладо имъ родная мать; но обокъ съ Лелемъ, любовью, стоитъ и Дидъ, сомнѣніе, ссора, ревность, вообще разрѣшаемое любовью противорѣчіе; Полель — просто брачный союзъ.

Чтобы сообщить нѣсколько особенностей относительно разныхъ племенъ славянскихъ, начну съ того, что въ двухъ главныхъ гнѣздахъ богослуженія древней Руси, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ, Бѣлбогъ чтился подъ двумя разными именами съ особымъ удареніемъ на одну извѣстную сторону его существа: въ Новгородѣ—какъ Зничъ, жизненная теплота, эоирный пламень, въ честь котораго постоянно горѣлъ огонь, ему посвященный; въ Кіевѣ—какъ Перунъ, молніеносецъ и громовержецъ. Изъ всеобъемлющаго бога неба выдѣлилась ясная синева небесъ, Погода, прелестный юноша въ голубой сребротканой одеждѣ, украшенный голубыми крыльями и голубыми же цвѣтами; его милая — богиня свѣтовсхода, утренняя заря, она же въ годовомъ кругу и весна, опоясанная розами, благоухающая лиліями, Зимцерла. Купаломъ называется лѣтнее божество, благодаря которому зрѣетъ жатва, но которое вмѣстѣ съ тѣмъ и сушитъ всякое быліе; Корша, сидящій верхомъ на винной бочкѣ и увѣнчанный хмѣлемъ, — это осенній Бахусъ (южныхъ) Славянъ; зимняя Земаргла носитъ охабень изъ снѣга и инея и вѣнецъ изъ крупныхъ градинъ. Блюстителемъ полевыхъ межъ является Чуръ (то-есть грань, рубежъ), домашнимъ скотомъ завѣдываютъ Волошъ (Велесъ) и Вокошъ, пчелами — Зосимъ-пчельникъ.

Въ Ромове, средоточіи культа Пруссовъ и Литвы, къ верховному богу, Перкунасу, присоединялись Протримкосъ и Пикуллосъ. Въ Перкунасѣ сливаются опять Солнобогъ съ Громобогомъ; лицо его было огненнаго цвѣта, на головѣ носилъ онъ лучевой вѣнецъ. Ему подвластны и земля и море, и жизнь и смерть; какъ зрѣлый мужъ, стоитъ онъ между молодымъ Протримкосомъ, подателемъ всякаго счастья, живительной и благотворной силой природы, и между Пикуллосомъ, царемъ смерти и ночи, хранящимъ безсмертіе за всѣмъ, что умерло, и препровождающимъ сраженныхъ имъ богатырей на радостный пиръ вѣчности. Но и огневому Солнобогу необходимо купанье для освѣженья силъ, да ктому же племена, жившія у Балтійскаго моря, всегда видѣли что солнце восходитъ изъ глубины его и туда же опять заходитъ; поэтому море стало матерью Перкунаса, которая каждый вечеръ принимаетъ сына въ свои волны и тамъ его купаетъ. Разныя фазы мѣсяца объясняются тѣмъ, что богиня Луна была невѣстой Солнобога, но втайнѣ миловалась съ Утробогомъ(денницей)и за то была разсѣчена женихомъ на части. Впрочемъ звѣзды слывутъ также дѣтьми Солнца и Луны; млечный путь — стезя душъ, восходящихъ къ безсмертію, а звѣзды — золотыя точки, къ которымъ при рожденіи людей Вернега прикрѣпляетъ нити жизни, которую она же и прядетъ; порвется эта нить, — умираетъ человѣкъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ гаснетъ или падаетъ его звѣздочка. Въ сѣверномъ сіяніи съ его сполохами Славянамъ представлялся бой духовъ. Литовская Аускра * самымъ

* Въ подлинникѣ имя это превращено въ Ауску и названо польскимъ, вѣроятно по недосмотру.

именемъ своимъ напоминаетъ индійскую привратницу неба, Ушу, то-есть утреннюю зарю. Божество, какъ животворная сила весны, у Чеховъ такъ и называется Весною, а въ качествѣ ночи и смерти — Мораною.

У Вендовъ верховный богъ назывался Святовитомъ; на островѣ Рюгенѣ стоялъ его кумиръ съ четырьмя головами, обращенными на всѣ четыре стороны свѣта; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ благодатный рогъ изобилія, а въ правой — дальнометный лукъ карающей мести; онъ отецъ всего сущаго, щитъ его — небесный сводъ; онъ Солнобогъ, выѣзжающій на бѣломъ конѣ для борьбы со тьмою; онъ даетъ вѣщія прорицанія о будущемъ, и самое имя его вѣроятно означаетъ святого провидца. Въ Штеттинѣ, по троиственному числу головъ, именовался онъ Триглавомъ, владыкою неба, земли и преисподней. Отъ Ютрабога, утренняго свѣта, получилъ свое названіе городокъ Ютербокъ; утренняя звѣзда, заря, восходящее солнце были знаменіями побѣдоносной силы всегда снова появлявшагося свѣтового божества. Въ народной вѣрѣ и въ пѣсняхъ Сербовъ главную роль играетъ Вила, — то проказливая нимфа, то богиня судьбы; молодая и прекрасная, съ распущенными волосами, въ бѣлой одеждѣ, иногда мчится она стрѣлою на конѣ, иногда поетъ и пляшетъ съ дочерьми и сестрами, относясь къ человѣку то съ любовнымъ участіемъ, то напротивъ съ безпощаднымъ злорадствомъ, равно даруя ему, какъ и сама природа, то удовольствіе, то скорбь. Вилы собираютъ облака и властвуютъ надъ погодою; подобно Валькиріямъ онѣ уносятъ въ преисподнюю богатырей, которыхъ онѣ же и сразили мѣткою стрѣлою; но съ другой стороны онѣ бываютъ имъ вѣрными помощницами, сестрами. Жутка, неповадна Моръ-дѣвица у Литовцевъ, но еще страшнѣе Вурдалакъ (вампиръ), порожденіе южно-славянской фантазіи, быть-можетъ перешедшее оттуда и въ христіанскую литературу Грековъ: усопшіе, продолжающіе жить въ могилѣ, выходятъ оттуда на божій свѣтъ и высасываютъ кровь у живыхъ *.

Богамъ Славяне также поклонялись первоначально на высотахъ и въ лѣсной чащѣ. Подобно тому какъ у Германцевъ, символомъ жизни было у нихъ дерево; дубъ посвящался Громобогу, какъ напримѣръ въ Ромове, гдѣ вокругъ толстѣйшаго ствола извѣстное пространство отдѣлено было завѣсами въ видѣ особаго святилища. Въ позднѣйшее время кумиръ Святовита стоялъ посреди четырехъ столбовъ, также соединенныхъ завѣсами, тогда какъ наружный около нихъ квадратъ былъ обнесенъ рѣзною деревянною загородкой. Въ жертву приносились не только цвѣты и плоды, но и животныя, которыхъ парнýю еще кровь жрецъ испивалъ для того, чтобы вдохновиться на прорицаніе; въ важныхъ случаяхъ приносили въ жертву и людей,—между прочимъ захваченныхъ въ плѣнъ враговъ, при самомъ началѣ войны или при ея окончаніи. Въ Литвѣ образовался въ видѣ особаго сословія священный чинъ Вайделотовъ, подъ начальствомъ верховнаго главы, Криве; тамъ вошло въ обычай, чтобы, достигнувъ глубокой старости, первосвященникъ самъ приносилъ себя въ жертву; онъ увѣщевалъ народъ къ покаянію, а за тѣмъ сожигался и

* Древніе приписывали это какой-то страшной ночной птицѣ, извѣстной подъ именемъ Στρίγξ, Strix, Striga. Прим. перев.

восходилъ съ пламенемъ къ богамъ; быть убиту молніей, считалось за особенное счастье, такъ-какъ этимъ небесный богъ явно самъ призывалъ къ себѣ своихъ вѣрныхъ. Для усопшихъ ежегодно одинъ разъ накрывали въ полночь на кладбищѣ столъ съ яствами и приглашали ихъ откушать; но заклинавшій ихъ при этомъ стихотворной рѣчью всегда оговаривалъ, чтобы измѣнники и утѣснители бѣдныхъ отнюдь не подступали къ трапезѣ. Рядомъ со всегда пылающимъ огнемъ главныхъ жертищъ, изображавшимъ огонь небесный, освящалась также и вода, какъ стихія плодоносія и очищенія. Образчикъ символическихъ дѣйствій представляетъ намъ и донынѣ обычай Сербовъ, въ случаѣ засухи увивать дѣвушку цвѣтами и зеленью и потомъ обливать ее водой, чтобы такимъ же образомъ и дождь сошелъ на землю; дѣвушка зовется Додою, и товарки ея поютъ:

Бога молитъ наша Дода,
Чтобы дождичекъ пошолъ,
Чтобъ смочилъ поля и нивы.
Пахарей и всѣ могилы,
Всѣхъ работниковъ въ дому.

Солоновороты празднуются играми и пляской, при чемъ скачутъ черезъ очистительный огонь; въ праздникъ весны крашеныя яйца служатъ символомъ вновь расцвѣтающей жизни; они перешли потомъ и на праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія.

Разростъ торговыхъ оборотовъ, а съ ними конечно и достатка, правда повелъ къ сооруженію кумировъ въ славянскихъ городахъ; но собственно говоря искусство осталось и теперь при грубыхъ только зачаткахъ, и открыты между прочимъ такіе памятники, которые греческими буквами своихъ надписей прямо указываютъ на византійскихъ мастеровъ. Когда Русскіе приняли отъ Грековъ христіанство, Владиміръ и сыновья его выстроили съ помощью греческихъ работниковъ нѣсколько церквей въ византійскомъ стилѣ; самый матерьялъ для нихъ, мраморъ и стеклянную мозаику, надо было привозить изчужи. Основная форма здѣсь четыреугольникъ съ куполомъ надъ серединой; остальныя пространства покрыты коробовымъ сводомъ; съ одной стороны — тройной алтарный выемъ (нишеобразная впадина), съ трехъ другихъ — входныя двери. Вскорѣ завелся обычай обставлять средній большой куполъ четырьмя меньшими (главами) по угламъ, такъ чтобы крестообразная форма церкви выступала и снаружи. Въ то время какъ западноевропейское средневѣковье проявляетъ въ романскомъ и готическомъ стилѣ бездну индивидуальнаго разнообразія и какъ будто не нарадуется своимъ творчествомъ, подражающая Русь крѣпко держится вышеупомянутыхъ формъ, однажды ею принятыхъ, и присовокупляетъ къ нимъ только національную свою шатровую кровлю, употребительную въ постройкѣ жилыхъ зданій, гдѣ ото всѣхъ четырехъ стѣнъ идутъ восходящіе откосомъ треугольники и смыкаются пирамидально въ одинъ острый верхъ. Но сквозь такую четырехскатную крышу главы проторгались по угламъ и посреди безъ всякаго уже органическаго опосредствованія (или смягчающаго перехода), а для придачи имъ сильнѣйшаго выступа нарочно подвышались барабаномъ.

Всеобщую извѣстность пріобрѣло себѣ изреченіе Чеха Коллара, что всѣ европейскіе народы высказали уже свое слово, и что очередь теперь за Славянами. Предоставимъ будущности рѣшить, сдѣлаются ли Славяне глашатаями и вождями Европы, скажутъ ли они человѣчеству разрѣшительное, освободительное, далѣе ведущее и образующее слово, возводя въ то же время къ ясному сознанію и къ полному проявленію свое собственное существо; но напомнимъ вмѣстѣ съ великимъ польскимъ поэтомъ Мицкевичемъ, что въ религіи, нравахъ, подвигахъ и народныхъ пѣсняхъ Славянъ и теперь уже передъ нами налицо знаменательное жизненное выраженіе ихъ духа. По природѣ своей этотъ духъ не столько направленъ къ наглядности, къ изобразительному искусству, сколько къ внутренней глубинѣ чувства, — къ музыкѣ и поэзіи. Постройки, статуи, картины другихъ народовъ, говоритъ Чехъ Людевитъ Стуръ, — все это расплылось у Славянъ въ звуки, въ голоса и пѣсни. Послѣднія и сами отличаются тихою, задушевной трогательностью, но настоящее выраженіе придаетъ имъ въ особенности напѣвъ. Услада музыкой и природная къ ней способность можно-сказать коренная черта славянства. Страдательная мягкость сердца, думою пріосѣненная душа, особенно любитъ высказаться въ минорныхъ тонахъ *; тайное блаженство грусти такъ и охватываетъ васъ въ ихъ мелодіяхъ. Мысль чуть-слышно излетаетъ въ словѣ глубокимъ, задушевнымъ вздохомъ, и мы видимъ здѣсь нагляднѣйшимъ образомъ, какъ часто сама скорбь побуждаетъ сердце искать отрады себѣ въ художественной обформкѣ своего страданія, и какъ иногда просто изъ-за одной красоты изложенья душа съ какою-то особенной охотой погружается въ усладу мучительной тоски; при чемъ горе разрѣшается въ пѣсню и само становится мелодіей. Какъ во всякой вообще поэзіи лежатъ вмѣстѣ и музыкальный элементъ и элементъ пластическій, обрѣтающіе себѣ соотвѣтственную форму въ образности рѣчи и въ стихѣ; такъ по преимуществу у Славянъ встрѣчаемъ мы тотъ именно видъ народной пѣсни, гдѣ стѣсненное грустью сердце не способно еще найдти яснаго слова для выраженія своихъ чувствъ, и потому беретъ символомъ для нихъ какой-нибудь естественный предметъ, какое-нибудь внѣшнее явленіе, въ которыхъ впервые и узнаетъ себя, какъ въ зеркалѣ, или же прямо начиная съ этого естественнаго образа, принимая его за исходную точку, постепенно дорабатывается до самосознательнаго изліянія того, что̀ накопилось за душою. Пріемъ этотъ находимъ мы, пожалуй, и въ Китаѣ и въ Германіи, но ни гдѣ не обращается онъ до такой степени въ стилевой пошибъ какъ именно въ народной пѣснѣ Славянъ. Конечно, господствуй онъ сплошь вездѣ, это перешло бы въ скучное однообразіе; но вѣдь тогда онъ былъ бы уже такимъ педантствомъ формы, которое скорѣе прилично умирающему александрійству, чисто искусственной поэзіи, а не первобытной свѣжести поэзіи естественной; зачастую пѣсня выходитъ здѣсь простосердечнымъ выраженіемъ какой-нибудь мысли или подобнымъ вздоху эоловой арфы отрывочнымъ звукомъ извѣстнаго настроенія, зачастую разсказъ начинается непосредственно самымъ дѣломъ, или же, наконецъ, поэтъ противопоставляетъ и естественнымъ явленіямъ прямо человѣческую

---

* Читатель припомнитъ характеристику этихъ тоновъ на стран. 71.

жизнь, которая всегда вѣдь больше отраженія своего во внѣшнемъ мірѣ. Старинная русская пѣсня начинаетъ напримѣръ съ тонкой бѣлой березы, что ростетъ между двухъ высокихъ горъ, гдѣ не грѣетъ ее солнышко, не убаюкиваютъ ни мѣсяцъ, ни звѣзды, только крупные дожди поливаютъ, да буйные вѣтры одуваютъ; а отъ нея переходитъ къ красоточкѣ, что выросла между сосѣдями, пригожествомъ и вольнымъ разгуломъ похвалялася; но вотъ узнаетъ красотка, что лежитъ труденъ-боленъ ея милый, и не стало у ней ни веселья, ни радости; со слезами молитъ она Бога, чтобы хоть на единый часочекъ, на единый лишній денекъ полегчало другу-надежѣ, а не то — чтобъ ей лучше съ нимъ и умереть. Въ другой скорбной русской пѣснѣ вплоть до конца идетъ одно и то же начальное сравненіе:

Ахъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ поле изукрашено:
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру́ землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый мо́лодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла́ гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка:
Она плачетъ — какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ — какъ ручей течетъ,
Молодая жена плачетъ — какъ роса надетъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

Въ иныхъ случаяхъ пѣсня только начинается образомъ, взятымъ изъ природы:

Ужь не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ шелковой,
Ходитъ красна дѣвица душа....

и за чѣмъ поэтъ описываетъ настроеніе дѣвицы, передаетъ ея судьбу и задушевныя чувства. Извѣстно, по удачному воспроизведенію Гёте, начало морлакской заплачки, которому придана столь любимая въ Сербіи (да и вообще у юговосточной семьи Славянъ) вопросительная форма:

Что́ бѣлѣется тамъ по́дъ лѣсомъ зеленымъ?
Снѣгъ ли то, аль стая лебедина?
Снѣгъ? — такъ онъ давно бы ужь растаялъ?
Лебеди? — давно бы улетѣли.
То не снѣгъ, не стая лебедина,
То Асанъ Аги бѣлѣетъ становище.

Всѣ вообще Славяне очень любятъ четырехстопный трохей; риѳма являлась у нихъ встарь совсѣмъ непрошеной, новѣйшія пѣсни пользуются ею

уже и какъ правильнымъ искусственнымъ средствомъ. Но къ частому употребленію естественнаго образа привело ихъ первобытное чутье природы, и во многихъ донынѣ поемыхъ пѣсняхъ нѣтъ ровно ни чего христіанскаго, а видно длящееся еще дѣйствіе миѳологическихъ созерцаній, одушевлявшее всѣ сплошь предметы внѣшняго міра. Тутъ вступаются въ рѣчь и животныя: конь предостерегаетъ всадника объ опасности, заранѣе чуетъ смерть его и горько по немъ тужитъ; звѣзды становятся вѣстницами, мѣсяцъ, сострадая горю, кутается въ облака, и молодецъ заключаетъ дружескій уговоръ съ малинникомъ, чтобы тотъ поймалъ за платье его милую, когда она затѣетъ убѣжать отъ его поцалуевъ. Одинъ сербскій разсказъ начинается такъ:

Осердился мѣсяцъ и денницѣ молвилъ:
Ты скажи, денница, гдѣ была, гуляла?
Гдѣ свое, денница, время коротала?
Гдѣ ты по три бѣлыхъ дня запропадала?
А денница держитъ, противъ, рѣчь такую:
Я была, я время коротала
Подъ стѣной, подъ бѣлою Бѣлграда,
Посмотрѣть на чудное тамъ дѣло,
Какъ два брата отчину дѣлили.

И вслѣдъ за тѣмъ денница разсказываетъ случай изъ людской жизни, въ которомъ она принимаетъ теплое участіе. Забавнымъ, сатирическимъ образомъ втягивается въ людской побытъ царство животныхъ въ тѣхъ свадебныхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ чуть ли не самую свѣжую перевелъ съ вендскаго понѣмецки еще Гердеръ:

А кому же здѣсь невѣстой быть?
А невѣстою быть совушкѣ.
Встрепенулась сова, молвила:
Вѣдь страшило я и пугало,
Не пристало мнѣ невѣстой быть *.

Пташкѣ крапивнику навязываютъ роль жениха, — онъ извиняется своей мелкотою; ворона должна быть дружкою, да не вмѣру ужь черна; волкъ — поваромъ, да ужь больно прожорливъ; заяцъ — подносчикомъ, да не вышелъ, долговязый, поступью; въ музыканты приглашенъ аистъ и какъ въ трещетку бьетъ онъ своимъ клювомъ, а лисица, та вмѣсто лакомаго блюда заноситъ на столъ свой пушистый хвостъ.

Основной тонъ славянскихъ пѣсенъ заунывенъ, дѣвственно-нѣженъ, глубоко-задумчивъ и сантиментально-грустенъ; есть въ нихъ также и бойкія выходки наивной чувственности, молодечество бьетъ иногда весело свѣжею струей; но онѣ далеки отъ всякаго безстыдства и пошлости, далеки отъ той смутной помѣси добрыхъ и порочныхъ чувствъ, которая всегда служитъ признакомъ равномѣрнаго искаженія и нравовъ, и искусства.

Богатырская удаль и любовь,—вотъ главное содержаніе народной поэзіи; Германцы, полные вмѣстѣ силы и душевной глубины, переработали эти

---

* Здѣсь кстати напомнить милѣйшую русскую пѣсню: „За́ моремъ синичка не пышно жила." Прим. перев.

элементы въ одно слитное цѣлое, энергическій Эллинъ особенно взлелѣялъ мужественный эпосъ; а болѣе страдательный Славянинъ отдался главнымъ образомъ женственной лирикѣ. Сродный самосознательному духу пластическій даръ композиціи рано привелъ Грековъ къ великому художественному цѣлому (въ лицѣ Гомера и Гомеридовъ); у Славянъ этого нѣтъ; зато естественные звуки чувства изливаются у нихъ въ словѣ какъ въ птичьемъ пѣніи, пѣсни ихъ, какъ дикіе полевые цвѣты, полны благоуханія и ярко пестрѣющихъ красокъ. Крѣпкая выносливость Славянъ находитъ себѣ награду въ чуткой воспріимчивости къ мелкимъ прелестямъ существованія, которыя становятся драгоцѣнны, благодаря умѣнью принимать ихъ къ сердцу, постигать глубиной души. Здѣсь кстати привести одно Гёрресово изреченіе: «Тогда «какъ въ большихъ эпическихъ рѣкахъ отражается характеръ цѣлаго обширнаго побережья, мелкія лирическія изліянія играютъ роль ключей и ручьевъ, омывающихъ и напояющихъ своей частой сѣтью всѣ сплошь уголки «края и выводящихъ на свѣтъ божій всѣ его тайны самыя сокровенныя, всѣ «завѣтныя біенія его сердца, всѣ незримые переливы крови въ его жилахъ.»

Въ литовскихъ «даиносахъ», или свѣтскихъ пѣсняхъ, уже Лессингъ находилъ много наивнаго остроумія, много очаровательной простоты, и приводилъ ихъ въ доказательство того, что поэзія — чистый даръ природы; Реза, Нессельманъ (а въ послѣднее время еще и даровитый Шлейхеръ) собрали ихъ и издали въ переводѣ. Родственны имъ также пѣсни Леттовъ, отличающіяся особенно нѣжной кротостью уже и потому, что онѣ предпочтительно поются дѣвушками и молодицами. Въ нихъ слышится еще тихій, грустный отголосокъ язычества. Тутъ утренняя звѣзда засвѣчаетъ огонь солнцу, а вечерняя стелетъ ему постель; само же ясное солнце, любимое дитя божіе, часто далеко уходитъ въ долгія, долгія ночи; но тогда оно проводитъ время зá моремъ или за холмомъ, согрѣвая и тамъ бѣдныхъ пастуховъ, заботясь о малыхъ сиротинкахъ. Съ поля битвы, гдѣ тынились тыны, сплетались плетни изъ острыхъ мечей, черный воронъ приноситъ невѣстѣ бѣлую руку съ перстенькомъ убитаго полюбовника, и три лебеди садятся на его могилу, — мать, сестра и обрученница. Вязы и рута ростутъ въ садочкѣ и тужатъ вмѣстѣ съ красавицей по дѣвическихъ ея дняхъ. Вѣрна другу любовь сердечная, чище она ключевой воды. Дѣвица собираетъ въ даръ мóлодцу пучокъ вешнихъ цвѣтовъ, а онъ отдариваетъ ее спѣлымъ осеннимъ яблочкомъ. Нужды нѣтъ, что вѣнокъ на кудряхъ его каплетъ трудовымъ пóтомъ, что и кольцо на рукѣ óтъ поту заржавѣло, мóлодецъ все-таки скачетъ, мимо озеръ, болотъ, по лугамъ и полямъ къ той, чтó такъ привадила его своими кроткими глазками. А красавица, завидѣвъ его, тужитъ, что не долго ужь зелѣнѣть ея вѣнку, не долго сверкать на солнцѣ косницамъ; все это прикроется бабьимъ новойникомъ.

Хоть куда какъ милъ мой другъ любезный,
А тошнехонько по дѣвичьихъ мнѣ дняхъ.
Пришло время ѣхать на чужбину
Разставаться съ матушкой родной!

Ахъ, не пойте, пѣтухи-горлáны!
Пусть хоть на часкъ продлится ночь,

Чтобъ мнѣ дольше съ матушкой остаться,
Чтобъ съ родной наговориться всласть.

И у Леттовъ (Латышей) душа брата вѣетъ сестрѣ въ запахѣ розы, душа сетры звучитъ брату въ балалайкѣ, вырѣзанной имъ изъ вѣтви липоваго дерева, а мальчикъ сиротинка обнимаетъ дубъ, спрашивая не обернется ли онъ ему въ отца родного *; и дѣвушкѣ приходится терпѣть горе, когда роса серебромъ блеститъ на цвѣткахъ могилы ея матери. Рауды, то-есть жалобныя пѣсни, составляютъ бо́льшую половину того, что́ поётся народомъ у Леттовъ и Литовцевъ, и тоска по родинѣ, печаль при разлукѣ показываютъ всю любовь его къ затишью семейной жизни, къ глуши непроѣзжихъ лѣсовъ. Дѣвушка между прочимъ говоритъ:

Выростала я между братьями
Что̀ красная брусничка ягодка,
А въ чужедальней сторонушкѣ
Изсохну желтѣй березки тощей.

Изъ польской старины звучатъ намъ народныя пѣсни въ такомъ же почти родѣ, только ощутительно больше примыкая къ воинственнымъ судьбамъ этого племени. Его пляски, то граціозно-медленныя, то порывистыя и смѣлыя, сопровождались всегда руководившими ихъ напѣвами, для которыхъ слова часто тутъ же и слагались по какому-нибудь случайному внушенію или намеку. Но вотъ, напримѣръ, любовное объясненіе:

Ты краса моя, дѣвчина дорогая,
Ты за что, скажи, любить меня не хочешь?
Развѣ конь мой золотомъ не кованъ,
Перекатнымъ жемчугомъ не убранъ?
Развѣ сердце въ гру́ди молодецкой
Не цѣннѣе жемчугу и злата?
Залилася дѣвчина слезами
И такую рѣчь ему держала:
Полюбить тебя душой бы рада,
Да вѣдь съ Туркою пойдешь ты биться,
Онъ съ коня подковы золотыя
Поснимаетъ, заберетъ и жемчугъ,
Своей душкѣ отвезетъ въ подарокъ,
А тебя стрѣлою онъ застрѣлитъ,
И головушку пробитую потащитъ
За собой на длинномъ на арканѣ,
А и сердце твое, сердце дорогое
Вороньямъ онъ броситъ на съѣденье.

Одна галицкая пѣсенка такъ глубока̀ по чувству при всей своей простотѣ, что подлинно надо самому пережить что-нибудь подобное для вѣрной оцѣнки ея правдивости.

* Тотъ же самый мотивъ слышится въ одной прекрасной малорусской пѣснѣ:

Бѣда жъ минѣ на чужинѣ;
Нѣ до кого прихилится!
Прихилюся до дубонька, —
Мнѣ дубонька да не батенька. Прим. перев.

Ужь куда бѣла ты, дорогая, —
Какъ бѣлѣй того и быть-то невозможно!
Горячо люблю тебя, дѣвчина,
Кажется, нельзя ужь горячѣе.

Умерла безцѣнная дѣвчина,
И еще бѣлѣе она стала;
Тутъ и я, бѣдняга-горемычный,
Полюбилъ ее невмѣру горячѣе.

Иныя славянскія пѣсни обнаруживаютъ очевидное особенно у Чеховъ германское вліяніе тѣмъ полу-балладнымъ складомъ, который любитъ излагать поступательный ходъ дѣйствія въ формѣ трогательной бесѣды. Одна изъ такихъ піэсъ можетъ послужить намъ вмѣстѣ и образчикомъ того, какъ охотно Славяне останавливаютъ свое сочувствіе на осиротѣлыхъ дѣтяхъ. Здѣсь Іисусъ Христосъ подходитъ къ плачущему ребенку и указываетъ ему на зеленую могилу матери; мать спрашиваетъ, кому ея надо? и на мольбу дитяти: Возьми меня къ себѣ! отвѣчаетъ:

Пойди, милый мальчикъ, къ новой маменькѣ и скажи,
Чтобъ она тебя почистила, причесала тебѣ волоски, да вымыла бы рубашечку. —
„Ахъ мама, станетъ она мыть рубашечку, всю перепачкаетъ въ золѣ;
Станетъ надѣвать ее, съ досадой посмотритъ на меня искоса;
Станетъ чесать головку, расчешетъ всю до крови,
А начнетъ пробирать проборъ, — такъ растеребитъ во всѣ стороны *.

Мать велитъ малюткѣ идти домой и больше не плакать, но слезы все снова текутъ у него изъ глазенокъ; и вотъ на третій день посылаетъ Богъ двухъ чертей и двухъ ангеловъ, спровадить злую мачиху въ адъ кромѣшный, а ребенка вознести на небо. — Такой же полубалладный ходъ принимаютъ и богатырскія пѣсни Крайны, къ которыхъ народъ воспѣлъ свои битвы съ Турками подъ австрійскимъ военачальствомъ.

Про донскую степь одинъ польскій поэтъ сказалъ, что преданіе не найдетъ тамъ ни одного камня себѣ для отдыха, даже ни одного дерева, къ которому бы прислониться. Въ малодоступныхъ притонахъ сошлись здѣсь (и на низовьяхъ Днѣпра), при татарскомъ разгромѣ и владычествѣ, съ разныхъ сторонъ удальцы, которые въ видѣ военной общины жили только добычею, разбойнически отнимаемою у враговъ, и какъ казаки, то-есть ратная вольница, продолжали борьбу съ утѣснителями и отстояли свою независимость и свободу. Сидя передъ тростниковой хатой, старинный казакъ давалъ взору своему блуждать по разстилавшейся передъ нимъ широкой равнинѣ; досужей его душѣ предстаютъ разныя воспоминанія, и возникающія въ ней при этомъ настроенія и картины сами собой переливаются въ пѣсню. Тутъ слышится любовь къ родинѣ и къ семьѣ, звучитъ непосредственное чувство окружающей природы, и по замѣчанію нѣмецкаго переводчика этихъ пѣсенъ, Боденштедта, очень любопытно то, что въ нихъ господствуетъ, противъ ожиданія,

* Есть на этотъ же мотивъ хорутанская пѣсня и еще моравская, но обѣ онѣ очевидно уже передѣланы наново. Прим. перев.

вовсе не смѣлый, веселый порывъ боевого пыла или побѣднаго торжества, а напротивъ скорѣе тонъ жалобы о проигранныхъ битвахъ и о падшихъ товарищахъ; «думы» ихъ — грустныя размышленія, привязанныя къ разсказу о какомъ-нибудь событіи. И казацкая дѣвчина, оставшись безъ милаго, сознаетъ жалкую судьбу свою, сравнивая себя съ хмелиночкой, которая безъ тычины, безъ опорушки, не вьется вверхъ, а стелется по землѣ и вянетъ; даже и дряхлый, сѣдой казакъ, при видѣ орла рѣющаго по небу вспоминаетъ свою удаль молодецкую и плачетъ по ней горькими слезами. Про смерть гетмана поется такъ *:

Какъ Свирговскаго Ивана,
Запорожскаго гетмана,
Босурмане изловили:
Буйну голову рубили,
Ой, головушку рубили,
На бунчукъ ее садили,
Въ трубы мѣдныя трубили,
Издѣвалися, корили.

Туча небо застилала,
Стаей галокъ набѣгала,
На Украйну налегала,
А Украйна горевала,
По гетманѣ тосковала,
Слезы лила, проливала.

Тогда буйны вѣтры въ степи завывали:
Куда вы гетмана, куда вы дѣвали?

Тогда изъ лѣсовъ соколы налетали:
Ой, гдѣ по гетманѣ, вы гдѣ тосковали?

Тогда въ чистомъ полѣ орлы голосили:
Ой, гдѣ вы гетмана, ой гдѣ схоронили?

Тогда въ поднебесьѣ касатки взвивались:
Ой, гдѣ вы съ гетманомъ, ой гдѣ вы прощались?

Лежитъ онъ, зарытый въ глубокой могилѣ,
На вражей границѣ, у города Кили.

Русскіе вообще народъ пѣвучій; всѣ случаи жизни, отъ колыбели до могилы, сопровождаются у нихъ пѣснями, которыя передаваясь изъ рода въ родъ правда нѣсколько измѣняются, но все еще обличаютъ древнѣйшее свое происхожденье разными намеками на боговъ и обряды язычества. Ашантійцы (въ Африкѣ), на вопросъ, кто сложилъ у нихъ такія полнозвучныя, выразительныя мелодіи, очень просто отвѣчали: онѣ сложились, когда слагалась наша земля. Тальви указываетъ въ русскихъ пѣсняхъ на неистощимое обиліе нѣжныхъ, ласкательныхъ словъ, уменьшительныхъ, которыя одна только

* Сообщаемъ эту пѣсню въ переводѣ Н. В. Гербеля. Прим. перев.

любовь способна изобрѣсти для дорогихъ ей предметовъ: красное солнце, ясный мѣсяцъ, бѣлый лебедь чередуются тутъ съ выраженіями душка, душенька, сердечко, сердечушко. Въ обыденной жизни, Русскіе—народъ веселый и смѣшливый, но именно праздничное ихъ настроеніе — всегда сладкая дума, какая-то мечтательная нѣга въ потокѣ мягкихъ чувствъ, что̀ и выливается у нихъ пѣснью, обаятельно трогающей намъ душу и помогающей имъ самимъ переживать грустныя мгновенія, услаждающей имъ самую тяжкую работу. Пѣснѣ и игрѣ стараго пѣвца не только внимаютъ рѣчныя волны, сами берега приходятъ въ движеніе и наклоняются другъ къ другу, чтобы облегчить ему переходъ. Долготерпѣніе въ русскомъ человѣкѣ воспитано и татарскимъ владычествомъ и домашнимъ гнетомъ; съ безотвѣтною покорностью привыкъ онъ исполнять волю царскую и родительскую; но при этомъ у него порой надламывается сердце, какъ видно напримѣръ въ слѣдующей прощальной пѣснѣ мо̀лодца:

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ;
Ты не жги свѣчи воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтеръ унесъ
И разсѣялъ ихъ по чисту полю!
Соизволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родная матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горятъ въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтятъ по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужь я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!
Залилась слезами красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:
Ахъ ты, милый мой, ненаглядный мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горленки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки—двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!—
Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

Съ грустной покорностью судьбѣ говоритъ другая красна-дѣвица своему милому на прощанье:

Коли лучше меня найдешь,—позабудешь;
Коли хуже найдешь,—воспомянешь!

Но и мо̀лодецъ долженъ крѣпко хранить вѣрность; иначе забытая потребуетъ иногда головы вѣроломца, заплативъ за нее поцалуемъ какому-нибудь дикому разбойнику; прежній другъ въ свою очередь проколетъ пикой измѣнницу, заставъ ее въ сладкой бесѣдѣ съ новымъ полюбовникомъ.

Въ другихъ пѣсняхъ мы видимъ удальца, который, лежа замертво во чистомъ полѣ, посылаетъ коня домой съ печальною вѣсточкой: пуля сразила его, и вмѣстѣ съ погасающимъ возлѣ него огнемъ меркнетъ блескъ очей молодого воина. Здѣсь пѣсня соловья смущаетъ монаха на молитвѣ, такъ что и ему невольно вспоминается весенняя пора, когда обруку съ красной дѣвицей онъ самъ прислушивался къ щебетанью птицъ. Тамъ «мать зеленая дубровушка» не должна мѣшать думѣ добраго молодца, разбойничка, какъ ему заутра во допросъ идти передъ грознаго судью, самого Царя.

Еще станетъ меня Царь-государь спрашивати:
Ты скажи, скажи дѣтинушка, крестьянской сынъ,
Ужь какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?—
Я скажу тебѣ, надежа, православный Царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ужь какъ первый мой товарищъ—темна ночь,
А второй товарищъ мой—булатный ножъ,
А какъ третій мой товарищъ—добрый конь,
А четвертый мой товарищъ—тугой лукъ,
Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа, православный Царь:
Исполать тебѣ дѣтинушка, крестьянскій сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумяль столбами съ перекладиной.

На Руси, какъ и въ другихъ странахъ, божескій миѳъ сошелъ съ неба на землю и переплелся съ историческими событіями въ богатырскую былину. Князь кіевскій, Владиміръ, приведшій свой народъ къ христіанству подконецъ 10-го столѣтія, сталъ блестящимъ средоточіемъ этой былины, подобно Карлу Великому или Артуру. Прежде властвовалъ тамъ свѣтозарный богъ Перунъ, а теперь самъ князь Владиміръ слыветъ ласковымъ солнышкомъ стольнаго града Кіева, и богатыри сходятся вокругъ него, какъ встарь сходились кругъ бога небеснаго другія духовныя и естественныя силы. Злое, темное, враждебное начало противустаетъ имъ въ видѣ змѣя Горыныча, змѣевыхъ дѣтей, злыхъ станишниковъ и разныхъ чародѣевъ. Но былины эти такъ и остались враздробъ, ни какой организующій геній не свелъ ихъ въ единство эпоса*. Зато онѣ сохранились въ устахъ простого народа вплоть до но-

* А такого генія не явилось, конечно, потому же, почему и въ самомъ характерѣ былинъ нѣтъ того эпическаго спокойствія, той эпической выдержанности, какія необходимы для настоящаго эпоса. И по географическому своему положенію, и по вѣковѣчнымъ историческимъ условіямъ, Русь издревле открыта была восточнымъ вліяніямъ, какъ кровнымъ, такъ и нравственнымъ, скиѳскія, чудскія, монголо-тюркскія племена облегали и наводняли ее безпрерывно: отсюда въ характерѣ нашего народа,—при необыкновенной его даровитости и умѣньи ко всему приловчиться, при удивительной даже стойкости, когда общая какая-нибудь бѣда вызоветъ наконецъ энергическое руководительство несокрушимой его силой, — замѣчательное отсутствіе выдержки въ замыслѣ, порывчатость, отражающаяся и въ фантазіи и въ способѣ умствованія частыми скачками, неощутительными для насъ вообще, но поражающими при внимательномъ наблюденіи.

вѣйшаго времени; ихъ пѣли, ихъ принимали за быль въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ. Обширная равнина, съ ея теряющимися отъ взора легкими увалами, вела къ равномѣрному однообразію и въ умственныхъ вещахъ; изъ сельской общины не выдѣлилось здѣсь ни какого рыцарскаго (верхнесословнаго) образованія; напротивъ того въ Германіи древнее повѣрье переходило изъ рода въ родъ развѣ только уже въ сказочной формѣ послѣ того какъ въ средніе вѣка все умственное достояніе народа было перелито духовенствомъ и рыцарствомъ въ формы ихъ быта и помысла: богатырская былина Германцевъ, какъ вѣрно замѣтилъ К. Марте (Marthe), установилась въ пѣсни Нибелунговъ въ рыцарскую уже пору: Зигфридъ съ головы до пятъ превратился въ рыцаря, а народныя пѣсни замолкли уже совсѣмъ въ тѣ позднѣйшія времена, когда были наконецъ раззорены крѣпкіе за́мки рыцарей, разстрѣляны насквозь ихъ панцыри, и выдвинулось впередъ среднее сословіе. Въ концѣ 16-го вѣка водвореніе крѣпостного права произвело въ русскомъ народѣ роковой общественный разрывъ, и съ тѣхъ поръ (вплоть до новаго сравнительно времени) древнія сокровища его пѣснопѣвства стали болѣе и болѣе обращаться въ отраду закрѣпощеннымъ, въ забаву для коротанія долгихъ на сѣверѣ зимнихъ ночей.

Крестьянскій сынъ — прямой народный богатырь всего Славянства, — Илья Муромецъ на Руси, Пястъ въ Польшѣ, Пршемыслъ въ Чехіи. И что страдательный отъ природы Славянинъ вообще нуждается въ такомъ сильномъ толчкѣ извнѣ, какой, напримѣръ, данъ Ру́си Петромъ Великимъ, былина выражаетъ это той характерной чертой, что Илья Муромецъ съиздѣтства цѣлыхъ тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ, пока не пришли странники (калики перехожіе) и не попросили у него испить водицы*; онъ всегда думалъ, что не можетъ съ мѣста тронуться, и крайне удивился, ухитрившись встать и принести воды; а когда и самъ выпилъ ея по приглашенію странниковъ**, то почуялъ въ себѣ такую силу, что иди отъ земли столбъ до́ неба и будь у того столба кольцо, онъ, схватясь за него, повернулъ бы всю землю. Это уже не въ мѣру, говорятъ странники, и новый хлебокъ убавляетъ силы его на половину, такъ что онъ можетъ только вырывать деревья съ корнемъ вонъ и передвигать холмы.

Не надо сверхъ-того терять изъ виду, что при исключительно устной передачѣ нашихъ древнихъ былинъ среди преобладающаго на Руси простолюдства и при общемъ равнодушіи къ нимъ со стороны высшихъ классовъ, онѣ подвергались такимъ крутымъ иногда измѣненіямъ по мѣстности, быту и времени, что въ нихъ непрослѣдимъ уже собственно характеръ божескаго миѳа, о которомъ говоритъ здѣсь Карьеръ: реальная, бытовая, хозяйственная сторона своимъ возроставшимъ гнетомъ рано отодвинула у насъ первоначальный миѳъ далеко́ на задніе планы, такъ что отголоски его даютъ себя знать въ былинахъ не столько эпическими, сколько сказочными уже чертами, опять-таки болѣе или менѣе напоминающими Азію, Востокъ.

Преобладаніе въ былинной поэзіи бытовой, полусказочной стороны надъ былевою, исторической, обще намъ съ древнею Индіей и ни мало не предосудительно для поэтической чуткости народа; правда, бытовая наша сторона подчасъ довольно груба: можно, если хотите, сожалѣть объ этомъ, но тужить что именно она взяла верхъ надъ чуждою ей сплошь исторіей все-таки отнюдь не приходится. Вѣдь историческія-то судьбы народа собственно и не дали у насъ сложиться народному эпосу, не смотря на богатое пѣснотворчество, ознаменовавшее чуть не каждый шагъ въ народномъ быту. Прим. перев.

* По одному пересказу, къ Ильѣ заходитъ самъ Христосъ со апостолы.

** По другому пересказу, странники поятъ его чудодѣйственнымъ питьемъ медвянымъ.

Кроткій, чливый духъ Славянства сказывается и въ этой былинѣ тѣмъ, что отецъ, отпуская Илью въ Кіевъ къ свѣтлому князю Владиміру, благословляетъ сына только на добрыя дѣла: не велитъ ему дорогой зла чинить и Татарину, не только что христіанину *. На пути богатырь вскорѣ выручаетъ изъ бѣды городъ, обложенный Татарами, однако щадитъ ихъ царевичей, выражаясь при этомъ съ горячимъ участіемъ къ доброй славѣ Руси:

А какъ головы снять, царски сѣмена погубить!
Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
Вы чините вездѣ такову славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны-могучи богатыри.

Богатырская мощь заявляетъ себя не одною лишь борьбой съ чужеземщиной, но также и очищеніемъ края отъ разбойниковъ: демонъ темной стороны природы, шипя змѣемъ, свистя птицей и рявкая позвѣриному, такъ что лѣсъ клонится передъ нимъ дóземи, духъ опустошительной зимней бури, является теперь Соловьемъ-Разбойникомъ, свившимъ себѣ гнѣздо на двѣнадцати (трехъ, семи, девяти, сорока) дубахъ. Конь подъ Ильей, заслышавъ Соловья, палъ со страха на колѣни, а богатырь вынимаетъ стрѣлу изъ колчана и говоритъ: Летите, вы, калены стрѣлы, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго, угодите Соловью-Разбойнику прямо въ теплое гнѣздо, въ правый глазъ, въ ретивó сердце! Сбивъ чудище, Илья привязываетъ его къ стремени и ѣдетъ съ нимъ въ Кіевъ. Тамъ на пиру у великаго князя Владиміра собрались князья и бояре, купцы и крестьяне, всякаго званія люди безъ различія; едвали не позднѣйшею чертой эпохи закрѣпощенія должно почесть то, что крестьянскаго сына, Илью Муромца, сажаютъ на задній конецъ стола (если не совсѣмъ обходятъ приглашеніемъ), а онъ разобидѣвшись идетъ въ царевъ кабакъ брататься съ голью кабацкою. Князь, узнавъ кого оскорбилъ онъ, посылаетъ снова звать Илью на почéстный пиръ; но тотъ соглашается идти съ тѣмъ только условіемъ, чтобы вино, пиво и сладкій медъ лились три дня рѣкой для всего сплошь народа; пиръ устроенъ громаднѣйшій, голь сидитъ за княжескимъ столомъ, и Илья посреди ея вволю прохлаждается. Онъ оставилъ между тѣмъ на дворѣ коня съ своей добычею, и когда сталъ похваляться, что одолѣлъ Соловья-Разбойника, самъ князь и знатные его гости сочли это за хвастовство; Илья выводитъ ихъ на широкій дворъ и велитъ Соловью потѣшить зрителей. Когда тотъ зашипѣлъ, засвисталъ и зарявкалъ, темные лѣса къ землѣ приклонилися, дрогнули палаты княжески, полетѣли стекла, черепица, взвилась по землѣ пыль столбомъ, и вода въ рѣкѣ поднялася. Самъ князь съ душой-княгиней еле живъ стоялъ. Разбойнику приказано было закричать только вполсилы, а онъ, злодѣй, рявкнулъ во всю мочь; за это Илья и убилъ его. Дѣти, вьюныши Соловьиныя, спѣшили выкупить отца своими сокрови-

* По другимъ пересказамъ, Илья самъ налагаетъ на себя такое обѣщаніе, но при первой же встрѣчѣ нарушаетъ его, увлекаясь готовой на помощь ближнему богатырской силой, и при этомъ очень характеристично говоритъ:

Всякой-то, братцы, заповѣдь кладываетъ,
А не всякій заповѣдь исполняетъ.

щами, да не успѣли; между тѣмъ на богатство ихъ «обзарился солнышко Владиміръ князь», но старый казакъ, Илья Муромецъ, сказалъ ему:

Ай же, солнышко Владиміръ князь,
Не тобой они приказаны
И не тобой назадъ отпустятся! —
Ай же, малы вьюныши Соловьиныя,
Катите все имѣнье-богачество,
Всю несчетну золоту казну!
Оставлена вамъ отъ батюшка,
Будетъ пропитатися до́ смерти,
Не надо вамъ по міру ходить да скитатися!

Въ подобномъ же духѣ чливости, побратимъ Ильи, Добрыня, тужитъ о томъ, что долженъ слезить отцовъ, матерей, вдовить молодыхъ женъ, пускать сиротать малыхъ дѣтушекъ. Такимъ образомъ могучій крестьянскій богатырь Илья (по крайней мѣрѣ по первоначальному замыслу) вездѣ является веледушнымъ, истымъ воплощеніемъ народной силы и народнаго характера. Когда князь Владиміръ затѣялъ воспользоваться женой одного изъ дворскихъ своихъ слугъ (Данилы Ловчанина) и рѣшился (по внушенію гнуснаго поблажчика) загубить ея мужа, какъ Давидъ погубилъ Урію, тогда Илья сказалъ ему:

Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
Изведешь ты яснова сокола, —
Не пымать теѣ бѣлой лебеди!

Князю это не нравится, и онъ садитъ прямодушнаго богатыря въ глубокіе погреба. Но когда ясный соколъ видитъ, что даже и братья нареченные покидаютъ его въ бою, выдавая недругамъ, онъ убиваетъ самъ себя, а вслѣдъ за нимъ убивается и жена. Князя беретъ тогда раскаянье, и онъ велитъ освободить Илью изъ темницы. Впослѣдствіи богатырь подвергся изгнанію, а Владиміру между-тѣмъ такъ плохо приходится отъ Татаръ, что онъ надѣваетъ платье черное, печальное и идетъ въ церковь молиться Богу. Нищій калика спрашиваетъ, отчего онъ весь въ черномъ? и даетъ себя знать за Илью Муромца. Тогда Владиміръ бьетъ челомъ до сырой земли и проситъ его постараться за вѣру христіанскую не для него лично, даже не для церквей и монастырей, а только для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей. «Ужь давно намъ отъ Кіева отказано, говоритъ на это богатырь, отказано отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ.» Владиміръ снова напоминаетъ ему о вдовахъ и дѣтяхъ, и тогда Илья идетъ спасать народъ, которому не погибнуть же вконецъ изъ-за своего князя. Замѣтимъ вмѣстѣ съ (русскимъ писателемъ) Орестомъ Миллеромъ, что тутъ нѣтъ и слѣда вассальной службы: ни Богъ, ни великій князь не выступаютъ феодальными владыками; ни приказъ, ни посулъ награды не дѣйствуютъ на вольнаго богатыря; въ виду у него только одно спасеніе народа, только народъ жаль стало Ильѣ, тогда какъ въ Иліадѣ должны напередъ пасть цѣлыя тысячи, чтобы умилостивить, умиротворить Ахилла, а во франкской былинѣ обиженный Карломъ Великимъ Ожье́ соглашается выступить противъ Сарацынъ не иначе какъ по выдачѣ императорскаго сына въ жертву его мщенію.

Многіе случаи изъ богатырской былины живутъ еще также въ пѣсняхъ и въ разсказахъ или побывальщинахъ. Древнія миѳологическія воспоминанія и образы перешли у разныхъ славянскихъ племенъ въ чисто-дѣтскія или бабьи сказки, слившись съ новыми событіями и нравами, повторяясь въ разныхъ видахъ на разные лады. Къ этому привзошли еще индійскія сказки черезъ посредство буддистскихъ Монголовъ и были пріурочены къ туземщинѣ, какъ я уже выяснялъ и въ первомъ томѣ, стран. 376 и 377. Въ сказкахъ Славянъ обнаруживается неистощимая бездна фантазіи, въ самыхъ дивныхъ и причудливыхъ ея играхъ опаглядено здѣсь то, какъ награждается благородство чувства, какъ окончательная побѣда остается за правдой и добромъ; основой ткани ихъ служатъ древнія нравственно-религіозныя преданья человѣчества, какъ выразились они въ миѳѣ: отсюда и идетъ всегдашняя ихъ привлекательность, соединеніе глубокой мысли съ дѣтскою, фантастическою оболочкой. Такъ напримѣръ совершенной сказкой звучитъ то, что въ одной богатырской пѣснѣ Илья (по извѣщенію коня) видитъ ѣдущаго встрѣчу ему изъ-дали страшнаго великана (Святогора богатыря), взлѣзаетъ на дерево и смотритъ потихоньку, что́ отъ него будетъ. Великанъ подъѣхалъ къ дереву, снялъ съ плечь хрустальный ларецъ и отперъ его золотымъ ключомъ, а оттуда вышла дивная красавица, собрала обѣдъ и пошла за тѣмъ въ шатеръ прохлаждаться и забавляться съ великаномъ. Но когда тотъ заснулъ, она вышла въ поле погулять, увидѣла Илью на деревѣ и пожелала также съ нимъ позабавиться, грозя, если онъ не пойдетъ на ея зовъ, разбудить великана и сказать ему, что богатырь хотѣлъ причинить ей насиліе. Илья дѣлаетъ повелѣнное (подумавъ: съ бабой не сговорить, а съ Святогоромъ богатыремъ не сладить). Не плодомъ ли этого часа былъ тотъ сынъ Ильи, о которомъ говорятъ потомъ и русскія пѣсни, явно опираясь на одно общее основаніе съ Рустемомъ и Зорабомъ и съ пѣснью о Гильдебрандѣ, — основаніе, въ которомъ, какъ я думаю, слышится еще отзывъ естественнаго миѳа про борьбу лѣта съ зимой? (I, 278). Илья стоитъ на заставѣ (на стражѣ подъ Кіевомъ); вдругъ ѣдетъ неизвѣстный молодой богатырь и не хочетъ отозваться на окликъ; изъ-за этого завязался у нихъ бой. Первый упалъ на́земь Илья, но быстро вскочилъ на ноги и бросилъ молодца выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго, такъ что когда тотъ упалъ на сыру землю, то выбилъ головой яму въ пивной котелъ. Но онъ и тутъ не сказывается по имени; старикъ грозитъ распороть ему бѣлу грудь; тогда молодецъ вспоминаетъ родную матушку, и Илья съ радостью признаетъ въ немъ сына. Такъ впрочемъ кончается одинъ разсказъ; въ другихъ пѣсняхъ молодецъ, узнавъ что онъ незаконный сынъ, не хочетъ слыть «заугольникомъ», и отмщая за честь матери пускаетъ въ Илью калену стрѣлу; раздраженный этимъ богатырь позабываетъ чувства отцовскія, хватаетъ молодца за́ ноги, рветъ на́ полы и самъ потомъ громко плачется на злую его долю. О Владимірѣ также разсказываютъ, что онъ бился съ сыновьями. Разъ вздумалъ онъ отнять у молодого Мстислава красавицу Свѣтлану, которую тотъ похитилъ для себя; но на поединкѣ объявился храброму сыну отцомъ, желавшимъ только испытать его силу, и уступилъ ему суженую. Впослѣдствіи онъ прогналъ отъ себя жену Рогнеду съ сыномъ Изяславомъ, и вотъ, заплутавшись ночью въ лѣсу, наѣзжаетъ на какую-то хижину. Его

пускаютъ туда переночевать; изгнанница узнаетъ въ немъ безжалостнаго мужа и рѣшается убить его спящаго, но рука у ней невольно дрожитъ; а онъ, вдругъ при этомъ проснувшись, хочетъ ее обезглавить, но малютка-сынъ становится промежду ихъ, требуетъ, чтобъ отецъ прежде погубилъ его, сиротинку, и супруги тутъ примиряются. Сказаніе, не изглаживая того, что было дѣйствительно кроваваго и жестокаго въ характерѣ и жизни Владиміра, смягчаетъ и облагороживаетъ это обращеніемъ его къ добру вслѣдъ совершающихся событій.

Владиміру и свѣтлымъ его богатырямъ противупоставленъ страшный волшебникъ, чудовище Кощей; онъ безпощадно умыкаетъ добрыхъ молодцевъ и дѣвицъ-красавицъ, которыхъ свѣтлымъ богатырямъ приходится потомъ выручать. Въ Кощея обратился теперь чернобогъ, исконный демонъ зимы и мрака. Похищенная имъ красавица, Милолика, и въ самой пѣсни приравнивается еще своему коренному первообразу, богинѣ любви, весны, расцвѣтающей природы *. Чурило на борзомъ конѣ своемъ перескакиваетъ черезъ стѣну Кощеевыхъ волшебныхъ палатъ, и во время его сна похищаетъ дѣвицу; но при обратномъ скачкѣ богатырскій конь задѣваетъ за проволоку, протянутую по стѣннымъ зубцамъ, а она вдругъ покачнула звонкій колоколъ. Пробудившись, Кощей пускается въ догоню за бѣглецами; конь Чурилы такъ закидываетъ его землей, что онъ на седьмой только день вылѣзаетъ изъ-подъ насыпи, или, въ первобытномъ значеніи, — на седьмой только мѣсяцъ, когда надъ вешнимъ тепломъ и свѣтомъ беретъ опять верхъ суровая зима. Позднѣйшая былина забавно разсказываетъ про Чурилу, какъ онъ, похваляясь своемъ платьемъ и конями, три года состязался въ Кіевѣ съ Юнкой Дюкомъ въ щегольствѣ, какъ каждый изъ нихъ выѣзжалъ всякой день на другомъ конѣ и въ «смѣнной одежицѣ» и какъ назначенъ былъ срокъ, когда побѣдитель въ этомъ спорѣ долженъ будетъ снять голову съ побѣжденнаго. Въ послѣдній день

Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;

---

* Тутъ, съ первыхъ же словъ, начиная съ самаго имени красавицы, выдаетъ себя книжная поддѣлка подъ былинный ладъ, хотя конечно и основанная на какомъ нибудь дѣйствительномъ пересказѣ. Карьеръ заамствовалъ ее изъ напечатанной въ 1819 г. въ Лейпцигѣ книжки: Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde. Altrussische Heldenlieder, то-есть: „Князь Владиміръ и его богатыри. Древнерусскія богатырскія былины“. Книжка эта, по справедливому соображенію Ореста Өедоровича Миллера должна быть составлена и издана по-нѣмецки кѣмъ-нибудь изъ русскихъ нѣмцевъ (не Аделунгомъ ли, проектировавшимъ въ 1820 г. народный русскій и всероссійскій музей въ истинно колосальныхъ размѣрахъ?). „Нѣкоторыя изъ переведенныхъ у него былинъ, говоритъ г. Миллеръ, совершенно подходятъ къ Киршѣ Данилову; но есть и такія, которыя неимѣются ни у этого послѣдняго, ни въ какомъ либо изъ другихъ, намъ извѣстныхъ сборниковъ. Легко могло быть, что нѣмецкому переводчику были знакомы кое-какіе пересказы, въ позднѣйшее время утратившіеся.“ Къ числу ихъ принадлежитъ вѣроятно и сообщаемый Карьеромъ о Милоликѣ прекрасной, которую Чурила Пленковичъ добываетъ у Кощея. Побѣдоносный бой съ Кощеемъ за красавицу, только отнюдь не за явно сочиненную Милолику, приписывается большинствомъ нашихъ былинъ свѣтлому богатырю Ивану Годиновичу, тогда какъ за Чурилой удержалось въ нихъ напротивъ „значенье заѣзжаго въ Кіевъ насильника-богача и щеголя-соблазнителя“.

Прим. перев.

Въ пуговки воплетано по доброму молодцу,
Въ петельки воплетано по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застегнутся, такъ обоймутся,
А разстегнутся, — поцалуются.

Съ своей стороны Дюкъ Степановичъ

Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Вдругъ запѣли птицы пѣвучія,
Закричали звѣрки всѣ рыкучіе;
А тутъ всѣ въ церкви да оземь пали,
Оземь пали, а иные обмерли.

Побѣдителемъ остается Дюкъ, но дружески примиряется съ соперникомъ.

И Новгородъ, бывшій на ряду съ Кіевомъ, гнѣздомъ миѳическихъ боговъ (и древнерусскаго сѣвернаго быта), также создалъ свой кругъ сказаній, но Кіевъ превосходилъ его о ту пору и славою и значеніемъ, и вотъ мы видимъ, что Василій Буслаевъ съ товарищи переходитъ къ князю Владиміру, и глиняная посуда этой сѣверной дружины скоро замѣняется серебряными блюдами и золотыми стопами. Какъ въ кругъ кельтійскихъ богатырей, такъ точно и въ кругъ русскихъ, можетъ вступить каждый отличившійся доблестью; это какъ бы перенесенная на землю небесная дружина вышняго бога, въ которую пріемлются богатыри, побѣдоносно выдержавшіе борьбу и испытаніе здѣшней жизни. Лежащая здѣсь въ основѣ нравственная мысль придаетъ пестротѣ былинныхъ происшествій какое-то идеальное освященіе *.

Изложеніе этихъ богатырскихъ пѣсенъ полно силы и ясности; оно охотно вдается въ ту эпическую обстоятельность, которая любитъ передать исполненіе чего-нибудь на дѣлѣ тѣми самыми словами, въ какихъ данъ былъ приказъ или состоялось рѣшеніе; въ языкѣ есть постоянные обороты для правильно повторяющихся дѣйствій и свои постоянные прилоги, каковы напримѣръ: мать сыра земля, тугой лукъ, руки бѣлыя. Народный складъ хотя и не нашелъ себѣ художественнаго завершителя въ гармонизующемъ геніи, но тѣмъ не менѣе рѣзко отличается своей искренной простотой отъ туманныхъ фразъ поэтической прозы Слова о полку Игоря, гдѣ будто бы языкомъ 14-го вѣка воспѣто событіе, относящееся къ концу 12-го (къ 1185 г). Когда Мусинъ-Пушкинъ принялся за собраніе и разъясненіе русскихъ древностей, то въ 1795 г. попалась ему въ руки и эта рукопись, много разъ потомъ напечатанная, переведенная и обыкновенно выдаваемая за образчикъ русской эпической поэзіи. Подлинникъ погибъ въ московскомъ пожарѣ. Въ описаніяхъ «Слова» нѣтъ никакой наглядности, ни какой живой обрисовки характеровъ; очевидно что тутъ говорится не о пережитомъ, а о произвольно сочиненномъ; съ трудомъ слѣдите вы за неяснымъ, перескакивающимъ съ

* Все дѣло въ томъ, до какой степени и какою именно стороной нравственная, человѣчная мысль отражается, преломляется или мутится въ этой пестротѣ былинъ подъ вліяніемъ народнаго характера, естественныхъ, бытовыхъ и историческихъ условій. Вотъ почему при разборѣ былиннаго матерьяла гораздо важнѣе обращать вниманіе на видовыя разности, нежели на родовыя, общія сходства. Прим. перев.

одного на другое разскащикомъ; его мѣрная проза только мѣстами подходитъ къ пріемамъ чисто-славянской естественной поэзіи, а вымыслы его фантазіи стоятъ внѣ всякой связи съ миѳомъ и богатырскимъ сказаніемъ. На какой почвѣ выросло это произведеніе, можно судить уже по самому началу: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича. Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.» На мой взглядъ это несомнѣнно—подражаніе макферсоновскому Оссіану. Со стороны языка Боденштедтъ подтверждаетъ мысль мою замѣчаніемъ, что тутъ перемѣшаны выраженія и слова разныхъ нарѣчій и разныхъ вѣковъ.

Въ послѣднее время Бюдингеръ оспоривалъ также подлинность Краледворской рукописи, которая должна была надѣлить Чеховъ древнеэпической народною поэзіей. Но тогда какъ Судъ Любуши примыкаетъ по крайней мѣрѣ содержаніемъ къ народной былинѣ, а формою къ сродственной сербской поэзіи, пѣснь про Славоя и Забоя движется скачками и въ быстрѣйшихъ ритмахъ, мѣшая эпическій пріемъ съ лирическимъ и славя побѣдоносную борьбу язычниковъ Чеховъ съ нѣмецкими христіанами. Во всякомъ случаѣ старобытный складъ Любушина Суда и миѳологическіе отголоски свидѣтельствуютъ о томъ, что при составленіи поэмы умѣли хорошо воспользоваться народною поэзіей, хотя быть-можетъ цѣлое въ этомъ видѣ и не восходитъ къ 10-му вѣку; на содержаніе повліялъ отчасти, пожалуй, Шатобріанъ, такъ же какъ Гомеръ, съ своей стороны, на форму. Племенное преданіе говоритъ, что Крокъ былъ избранъ вождемъ по волѣ народа; онъ вмѣстѣ жрецъ и судья, готовящій дочерей своихъ Кашу, Тельку и Любушу въ мудрыя жены: онъ обучаетъ ихъ волхвованію. Младшая наслѣдуетъ во власти отцу, и когда народъ сталъ склонять ее къ вступленію въ бракъ, она разослала по всему краю гонцовъ сыскать ей въ мужья такого человѣка, который ходитъ за везомымъ волами плугомъ. Гонцы, руководимые вѣщимъ конемъ Любуши, находятъ пахаря Пршемысла и вкушаютъ съ нимъ хлѣба и воды тутъ же, на его плугѣ, на томъ именно «желѣзномъ столѣ», о которомъ говорилось въ прорицаніяхъ. Онъ женится на Любушѣ и основываетъ съ нею городъ Прагу. По смерти ея, десять приближенныхъ ея дѣвъ не хотятъ покориться мужскому владычеству, призываютъ женщинъ къ оружію подъ начальствомъ Власты и ведутъ изъ зáмка Дѣвина семь лѣтъ кровопролитную войну, которая оканчивается ихъ гибелью. Здѣсь, какъ и въ сказаніи про Амазонокъ, отзывается быть-можетъ память о вооруженныхъ помужски жрицахъ какой-нибудь древнеязыческой богини.

Распространенную у всѣхъ Славянъ дурную примѣту, если спадетъ съ руки или распаяется кольцо, встрѣчаемъ мы въ одной очень милой чешской пѣснѣ:

Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ ты, роза,
Распустилася такъ рано?
Распустившись, ты замерзла,
Ты замерзла и увяла,
И увянувши, упала!

Долго я вечоръ сидѣла,
Пѣтухи ужь прокричали
Я млада еще сидѣла;
Ничего я не дождалась,
Вся лучина догорѣла.

Я заснула, мнѣ приснилось,
Что съ руки-то у бѣдняжки
Перстенечекъ спалъ завѣтный,
Выпалъ камень самоцвѣтный.
Не нашла я камня снова,
Не дождалась я милова *.

Но для всемірной исторія искусства важнѣйшее изъ славянскихъ племенъ — Сербы; такъ-какъ у нихъ рано уже развилось народное пѣснопѣвство, сохранилось съ юности народа до сихъ поръ и произвело стихотворенія, равно замѣчательныя какъ въ историческомъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніи. Водворившись между Чернымъ и Адріатическимъ морями въ горахъ и прилежащихъ къ нимъ долинахъ бывшей греческой имперіи, они, обвѣянные дыханіемъ древнеэллинскаго духа, въ то же время крѣпко сохраняли свой обычай и свою независимость, тогда какъ напротивъ Русь надолго склонилась подъ иго Монголовъ, а Польша и Чехія подверглись вліянію западной культуры; въ половинѣ 14-го столѣтія сербскій царь Стефанъ Душанъ изображался на монетахъ съ державою въ рукѣ и именовался императоромъ Ромеевъ **. Правда, битва на Косовомъ полѣ въ 1389-мъ г. рѣшила войну съ Османами не въ пользу Сербовъ, и послѣдніе должны были признать надъ собой верховенство первыхъ, должны были допустить постройку мечетей на ряду съ христіанскими храмами; но собственно народный бытъ не понесъ оттого ни какихъ дальнѣйшихъ ущербовъ. Основою его остались сельская община, а въ ней семейный дворъ. Вездѣ преобладаетъ чувство взаимной привязанности дѣтей къ родителямъ и братьевъ къ сестрамъ; семейный союзъ расширяется друзьями и подругами, съ которыми сходятся на жизнь и на смерть; на могилахъ предковъ молодцы или дѣвицы цалуются сквозь вѣнки, потомъ обмѣниваются ими, и съ тѣхъ поръ слывутъ ужь побратимами и посестрами, сродившимися по божьей волѣ Каждое село выбираетъ себѣ старшину.—Донынѣ еще весь годъ пронизанъ символическими обрядами, напоминающими тѣ дальнія времена, когда божественное открывалось человѣку предпочтительно лишь въ естественныхъ явленіяхъ, и поддерживающими народъ въ живой непосредственной связи съ природой. И теперь еще справляютъ праздникъ смерти зимой и вешнее обновленіе жизни въ вербное воскресенье; и теперь еще бросаютъ вешніе цвѣты въ воду, при первомъ купаньѣ, и въ припѣвѣ любовныхъ пѣсенъ поминаютъ имя языческой богини любви, Лелё; и теперь еще прыгаютъ черезъ огонь въ ивановскую ночь и взываютъ къ Иліи Громовнику, владыкѣ вёдра и ненастья, какимъ былъ искони Небесный богъ. Въ любомъ домѣ найдете вы еще стародавнюю гуслю,

---

* Русскій переводъ принадлежитъ Н. В. Бергу. Прим. перев.

** Стремленіе Стефана урядить Сербію по византійскимъ государственнымъ образцамъ, не нашло себѣ однако въ народной поэзіи живого сочувствія. Прим. перев.

которой струнные звуки сопровождаютъ пѣніе и сказываніе пѣсенъ. Хранителями и распространителями пѣсенныхъ сокровищъ древности являются преимущественно слѣпцы; пѣніе служитъ главною забавой на всѣхъ народныхъ сборищахъ, при чемъ запѣвалами выступаютъ всегда самые умѣлые. Мало этого: и пастушонку на выгонѣ, и пахарю въ полѣ, и молодицѣ въ домашнемъ быту пѣсня услаждаетъ работу. Такъ вся жизнь, съ ея скорбями и радостями, окружена отъ колыбели и до могилы пѣснями, въ которыхъ она постоянно отражается; любой удачно изобрѣтенный образъ, любой замысловатый оборотъ, переходятъ изъ одной мѣстности въ другую; лучшія пѣсни становятся общимъ достояніемъ и передаются потомству, подвергаясь только слегка, какъ и самъ языкъ, преобразованію и дальнѣйшему развитію въ устахъ народа. «Сербы переживаютъ свою поэзію», говоритъ Тальви. У нихъ берется съ поэтической стороны и исторія, которую поэтъ усвоиваетъ такимъ образомъ народному сознанію. Унаслѣдованный складъ и исконные въ народѣ пріемы замысла, установившійся разъ пошибъ богатырской былины, — вотъ что поддерживаетъ пѣвца и придаетъ всѣмъ бытовымъ и историческимъ переживамъ высшее художественное освященіе. Сербскіе солдаты, бывшіе при взятіи въ 1744 г. штурмомъ Донаувёрта, сложили объ этомъ пѣсню въ 230 стиховъ, — такую пѣсню, какой не съумѣлъ бы сочинить ни одинъ изъ народныхъ поэтовъ тогдашней Германіи, и которая благородствомъ своего поэтическаго склада дивно отличается отъ сухого канцелярскаго слога императорскихъ газетныхъ извѣстій; да еще и въ нашъ текущій вѣкъ герою Чупичу Стояну довелось слышать прекрасную побывальщину о своихъ собственныхъ подвигахъ, и когда онъ замѣтилъ въ пересказѣ слѣпого пѣвца какую то фактическую невѣрность, то сейчасъ остановилъ его и поправилъ стихами того же самаго размѣра *.

Сами Сербы дѣлятъ свою поэзію на женскія пѣсни и на юнацкія, то-есть молодецкія, потому что словомъ юнакъ обозначается у нихъ и юноша, и герой-воинъ. Первыя посвящены домашней жизни: мѣсто пятистопнаго трохея, который въ своемъ ясномъ паденіи такъ сподрученъ для наглядно-эпической поэзіи и думы, заступаютъ въ нихъ и болѣе короткіе стихи, перемѣшанные съ легкоподвижными дактилями. Основной складъ ихъ нѣженъ, веселъ и ясенъ, хотя иногда нежеланный бракъ со старикомъ или нелады со свекровью и золовками омрачаютъ сердце и туманятъ чело дѣвушки или молодки. На посидѣлкахъ за пряжей и идучи по̀ воду, въ полѣ и по праздникамъ сходятся молодцы съ дѣвицами и тутъ пускаются въ разныя милованья и балясы, то задушевныя и полныя думы, то лукавыя и бойкія, такъ что дѣло не обходится безъ высказа откровенныхъ желаній и безъ грубоватыхъ иногда шуточекъ. Чувство и тутъ охотно примыкаетъ къ какому-нибудь естественному образу. Молодецъ приравниваетъ милую нетронутому еще цвѣтку, который бы ему хотѣлось сорвать и осыпать поцалуями, и она сама подставляетъ на это щеку, остерегая только, чтобъ онъ не впился въ нее, иначе запримѣтитъ, пожалуй, мама; или же онъ обращается къ ней такъ:

---

* Черта эта драгоцѣнна тѣмъ, что бросаетъ свѣтъ на самый способъ сложенія былинъ и побывальщинъ у поэтическаго народа. Извѣстно, что у Сербовъ есть подобныя пѣсни и о войнѣ съ Мадьярами въ 1848 г. Прим. перев.

Душечка, ты превратися въ розу,
Я же обернуся мотылечкомъ,
Упаду, порхая, я на розу:
Кажется, весь свѣтъ приникъ къ цвѣточку,
Когда я тебя цалую втайнѣ.

На дремлющую дѣвушку упалъ цвѣтокъ, а она поетъ ему:

Не одна у насъ съ тобою дума,
Тяжко сердце мнѣ гнететъ забота:
Меня любитъ молодецъ удалый,
А женой возьметъ старикъ престарый.
Старый мужъ что́ кленъ гнилой и дряблый:
Вѣтеръ дунетъ,—клёнъ перекосится,
Дождь пойдетъ, а клёнъ гніетъ все пуще.
Молодой-же мужъ—гвоздичка на расцвѣтѣ:
Вѣтеръ дунетъ,—она развернется,
Дождь свѣжитъ ее красою новой,
Солнце глянетъ,—вдосталь зарумянитъ.

Дѣвицѣ лучше хочется выйдти за пахаря, у котораго хоть руки черны, да зато хлѣбъ бѣлъ; ей лучше хочется гулять съ милымъ во чистомъ полѣ или отдыхать на лѣсномъ мху, нежели спать съ нелюбымъ на мягкой перинѣ подъ шелковымъ одѣяличкомъ. Подсмотрѣвъ разъ тайный поцалуй, луговина передала объ этомъ стаду, стадо — пастуху, пастухъ — прохожему, такъ что вѣсть дошла и до родной матушки, — ни дать ни взять какъ въ одной новогреческой пѣснѣ звѣздочка падаетъ съ неба и пересказываетъ видѣнное ею морю, море—веслу, весло—лодочнику, лодочникъ поетъ о томъ своей возлюбленной, и вотъ затаеннымъ счастіемъ огласились наконецъ всѣ пути-дороги.

Стихотворенія этого круга, подобныя отчасти романсамъ по характеру, имѣютъ обыкновенно въ виду передать не цѣлую исторію, а только какую-нибудь отдѣльную сцену; это маленькія куртинки того или другого извѣстнаго положенія, предоставляющія фантазіи слушателя угадывать предъидущее и послѣдующее. Тальви очень знаменательно говоритъ: «Хотя изложе-«ніе не отличается здѣсь драматическою жизненностью балладъ нѣмецкихъ, «за то оно обладаетъ рѣзкой опредѣленностью формы, выпуклостью фигуръ «и часто даже совершенствомъ самыхъ лучшихъ древнегреческихъ релье-«фовъ, и подобно имъ рѣдко берется за обдѣлку дикихъ страстей или много-«сложныхъ, запутанныхъ дѣйствій, а предпочтительно избираетъ сцены «болѣе спокойныя, и по большой части картины домашней скорби или се-«мейнаго счастія.» Въ образчикъ этой очаровательной пластики приведемъ любимую піэсу Гёте:

По полю несъ вѣтеръ свѣжій розу,
Несъ ее къ шатру онъ прямо Йовы.
А въ шатрѣ сидѣли Ранко да Милица.
Онъ писалъ, Милица вышивала;
Исписалъ онъ всѣ листы бумаги,
Милица все золото исшила;
Вотъ и говоритъ Милицѣ Ранко:
Молви мнѣ, Милица дорогая,
Какъ душа моя тебѣ, мой другъ, люба ли?
И рука моя на взглядъ твой не жестка ли?
А Милица ему отвѣчаетъ:
Вѣрь ты, сердце мое, милый Ранко,

Мнѣ душа твоя дороже родныхъ братьевъ,
Всѣхъ повѣрь, ихъ четверыхъ дороже,
И рука твоя на взглядъ мой куда мягче
Четырехъ подушекъ, самыхъ мягкихъ!

Первую вѣсть о поэзіи народныхъ былинъ у Сербовъ подалъ западной Европѣ сто лѣтъ тому назадъ итальянскій аббатъ Фортисъ, сообщившій въ описаніи своего путешествія по южно-славянскимъ краямъ нѣсколько стихотвореній пофранцузски; отсюда-то перевелъ Гёте заплачку жены Асанъ-Аги и съ такимъ дивнымъ ясновидѣніемъ мѣтко угодилъ въ тонъ подлинника, что сдѣлался образцомъ для всѣхъ своихъ послѣдователей; нѣкоторыя другія вещи переложилъ Гердеръ въ своихъ «Голосахъ народовъ»; а когда потомъ вначалѣ нашего вѣка знаменитый Сербъ Вукъ Стефановичъ Караджичь прибылъ въ Вѣну и коротко ознакомился съ нѣмецкою литературой, онъ сталъ припоминать тѣ былины и пѣсни, которыя слыхалъ еще мальчикомъ, которыхъ много зналъ наизусть, потому что середи ихъ выросъ; онъ пустился тогда обратно на родину, собралъ ихъ изъ устъ самого народа, то-есть нѣсколькихъ старыхъ (и умѣлыхъ конечно) пѣвцовъ, и издалъ постепенно въ четырехъ томахъ. Лучшія изъ нихъ переведены были поиѣмецки дѣвицей Т. А. Л. фонъ-Якобъ (Тальви), а впослѣдствіи Каппером. При первомъ появленіи этого сокровища Яковъ Гриммъ произнесъ мѣроположный судъ знатока: «Со времени гомеровскихъ поэмъ право не было въ цѣлой Европѣ «явленія, которое могло бы такъ ясно вразумить насъ насчетъ сущности и «происхожденія эпоса, какъ именно это. Мы видимъ, какъ, вплоть до новѣй-«шаго времени, любое событіе слагается здѣсь въ пѣсни, которыя живутъ «и разносятся въ устахъ пѣвцовъ, и никто не выдастъ имени слагающаго «поэта. Но тонъ и складъ новѣйшихъ пѣсенъ какъ бы освященъ неуслѣди-«мымъ рядомъ древнѣйшихъ, идущихъ изъ миѳической поры. Несмотря на «то и въ самыхъ старинныхъ пѣсняхъ все осталось попрежнему свѣжо́, «или по крайней мѣрѣ непрерывно (и незамѣтно) въ нихъ обновлялось. При-«мѣсь къ высокимъ и сильнымъ поэтическимъ мотивамъ чего-то страшно-«призрачнаго, суевѣрнаго проглядываетъ и въ новѣйшихъ произведеніяхъ. Ни «гдѣ не ощутителенъ недостатокъ въ благородствѣ тона и языка*; повторенія «эпическихъ прилоговъ, цѣлыхъ предложеній и строкъ, являются суще-«ственною принадлежностью, и нѣтъ между тѣмъ ни одной почти пѣсни, «которая не представляла бы чего-нибудь особеннаго по крайней мѣрѣ новиз-«ною тѣхъ или другихъ чертъ. Обнародованіемъ ихъ Вукъ стяжалъ себѣ «безсмертную славу.» Дѣйствительно въ нихъ (впервые) ясно предсталъ намъ образъ того, что̀ составляетъ понятіе народной поэзіи: даровитый первобытный народъ, но еще безъ разсудочнаго образованія и безъ рефлекціи,— индивидуальности, выступающія изъ ряда вонъ, но не достигшія еще самосознанья и самоопредѣленія, а напротивъ только и поддерживаемыя, только и полныя духомъ этого извѣчнаго ряда, его правообычаемъ,—поэзія, въ тѣснѣйшей еще связи съ бытомъ, непосредственный мелодическій голосъ самой жизни

---

* Чѣмъ сербскія былины такъ существенно отличаются отъ нашихъ, на которыя, при всей первобытной ихъ наивности, неблагопріятныя условія природы и особенно суроваго часто внѣшняго произвола наложили неизгладимую печать. Прим. перев.

народа; оттого складъ, словообороты, размѣръ, — все здѣсь общее достояніе (не чье-либо личное изобрѣтенье); пѣсни, разъ усвоенныя народнымъ чувствомъ, припоминаются опять какъ бы сами собой при всякомъ новомъ поводѣ и часто слегка измѣняются, воспроизводясь всегда будто въ видѣ импровизаціи, безъ особой подготовки; ни кто не принималъ ихъ за нѣчто себѣ чуждое, а потому всякъ и властенъ приложить къ нимъ своего, повторить ихъ съ той или другой отмѣною въ пересказѣ. Все здѣсь летуче и текуче, все живетъ, или, какъ разъ мѣтко выразился Штейнталь: Тутъ собственно нѣтъ пѣсенъ народныхъ, а есть народное пѣснопѣвство; это—постоянное творчество, а не вполнѣ законченное произведеніе, какъ незаконченъ и самъ языкъ; это непрерывная рѣка поэзіи: можно зачерпнуть изъ нея ведро, но зачерпнутое ужè не будетъ живой струею. Записанная пѣсня перестаетъ быть народнымъ добромъ, и дѣлается достояніемъ литературы, словесности.

Въ особенности же должны мы отмѣтить у Сербовъ ихъ чисто-эпическій, выдержанный тонъ, ясную наглядность, ровный и спокойный ходъ разсказа, чѣмъ такъ рѣзко отличаются они отъ лирическихъ прыжковъ симитско-арабской поэзіи, и чтò ставитъ ихъ ближе къ древнимъ Эллинамъ, нежели стоитъ къ нимъ болѣе задушевный или, точнѣе, самоуглубленный складъ германскихъ былинъ. Многія пѣсни вращаются вкругъ одного и того же средоточія, какова напримѣръ битва на Косовомъ полѣ, — вкругъ одного общаго имъ героя, каковъ Королевичь Марко; взятыя отдѣльно сами по себѣ, онѣ заставляютъ предполагать извѣстнымъ многое другое. Въ иныхъ описывается какое-нибудь частное событіе, напримѣръ — свадьба Максима Черноевича, которая объемомъ равняется цѣлой пѣснѣ Иліады, и въ формѣ романтической повѣсти поэтично онагляживаетъ отношенія Сербовъ какъ къ Венеціи, такъ и къ Туркамъ; много такого же рода короткихъ стиховъ занимаютъ середину между нѣмецкою народною балладой и итальянскимъ прозаическимъ разсказомъ о какомъ-нибудь интересномъ событіи.

Истымъ народнымъ богатыремъ является Марко Королевичь; многія черты и выраженія славящихъ его пѣсенъ отзываются далекой стариной, а при этомъ служба его у Турокъ отражаетъ въ себѣ и позднѣйшія судьбы народа, такъ что очевидно здѣсь, въ теченіе вѣковъ, древнія былины подведены къ новымъ обстоятельствамъ, старыя преданія примкнуты къ недавнимъ дѣламъ. Полный самородной дикости и однакожь доблестный духомъ, онъ напоминаетъ Иракла, Рустема, Самсона, этихъ всегда бодрыхъ сердцемъ богатырей; дракономъ на драконѣ, ѣздитъ онъ сто шестьдесятъ лѣтъ на конѣ своемъ, Шарцѣ, и поитъ его виномъ изъ цѣлыхъ корытъ, не изъ кубковъ. Онъ побратимъ Вилы, которая запретила другу его, Милошу, пѣть ему въ лѣсномъ удолѣ, гдѣ именно Маркъ желалъ выслушать отъ него пѣсню богатырскую; и когда онъ подъ пѣсню засыпаетъ, Вила сначала подтягиваетъ пѣвцу сладкимъ въ горахъ отголоскомъ, а затѣмъ пускаетъ Милошу стрѣлу прямо въ сердце. Пробудившись, Марко гонится на конѣ за Вилою; она хочетъ вспорхнуть на облака, но бросивъ въ нее палицей онъ сшибаетъ ее наземь, и тогда, исцѣливъ напередъ его товарища, она клятвенно вступаетъ съ нимъ въ побратимство. Первая же пѣсня призываетъ юнаго Королевича стать судьей между тремя спорящими за царство, въ числѣ которыхъ родной отецъ его и

дядя, «такъ какъ, кромѣ истиннаго Бога, никого на свѣтѣ Марко не боится», и мать при этомъ случаѣ говоритъ ему:

Милый Марко, сынъ единородный!
Коль боишься материнской клятвы,
То, отцу и дядевьямъ въ угоду,
Не держи отвѣта имъ по кривдѣ,
А по правдѣ истиннаго Бога.
Не губи души своей безсмертной!
Лучше лечь за правду головою,
Чѣмъ принять злой грѣхъ такой на душу! *

Онъ произноситъ судъ безъ лицепріятія; отецъ крайне раздраженъ, и проклиная сына, желаетъ ему вдоволь наслужиться Туркамъ; зато возведенный имъ на царство недоростокъ Урошъ благословляетъ его, говоря:

Кумъ мой Марко, Богъ тебѣ на помощь!
Чтобъ лицо твое сіяло въ думѣ,
А копье въ бою не уставало!
Чтобъ сильнѣе не было юнака,
И, пока луна и солнце свѣтятъ,
О тебѣ жива была бы память!

Красавица Росанда отказываетъ Марку и двумъ его побратимамъ, когда они являются къ ней съ предложеніемъ выбрать одного изъ трехъ себѣ въ мужья; за дерзкое слово онъ наказываетъ ее тѣмъ, что отсѣкаетъ ей правую руку и влагаетъ ее въ лѣвую; мало того: богатырь зарубилъ саблей одну Арабку, освободившую его ночью изъ заключенія, когда при восходѣ утренней зари онъ съ невольнымъ ужасомъ увидѣлъ въ своихъ объятіяхъ «черномазую бѣлозубку». Потомъ онъ добываетъ себѣ невѣсту изъ крѣпкаго за́мка царя болгарскаго; венеціанскій дожъ, провожая къ нему суженую, распаляется преступной къ ней любовью, волочится за ней и отстригаетъ себѣ бороду, когда она ему объявила, что ни за что не поцалуетъ бородача; съ бородой спѣшитъ она къ шатру Марка, тотъ сначала ее не впускаетъ, думая что она хочетъ переночевать съ нимъ до брака, но потомъ, узнавъ въ чемъ дѣло, отсѣкаетъ дожу голову. По письму, которое султанская дочь написала ему собственною кровью, что къ ней сватается одинъ страшный Арабъ, Марко спѣшитъ на помощь и одолѣваетъ врага на поединкѣ. Такъ, повидимому, начались связи его съ Турками. Но, послушный влеченію богатырскаго своего сердца, онъ обходится съ султаномъ сурово и невѣжливо, и когда тотъ требуетъ его за это къ отвѣту, Марко надѣваетъ бурку навыворотъ, беретъ въ руку палицу и входитъ въ шатеръ къ султану съ такимъ взглядомъ, что вмѣсто казни тотъ надѣляетъ его виномъ и золотомъ. Величественно-прекрасна пѣснь объ его смерти среди планины (горной пустыни). Конь его, Шарацъ, начинаетъ вдругъ спотыкаться и плакать; это огорчило Марка, и онъ сказалъ ему:

---

* Переводъ О. Ѳ. Миллера.

Добрый другъ мой, всегда вѣрный Шарацъ!
Сто шестьдесятъ лѣтъ живемъ мы ладно,
И ни разу ты не спотыкнулся;
А теперь вдругъ началъ спотыкаться,
Началъ спотыкаться ты и плакать!
Богъ вѣсть, не къ добру ты видно, плачешь?
Быть бѣдѣ великой, неминучей:
Либо мнѣ, либо тебѣ погибнуть! *

Вила кличетъ ему изъ планины, что конь заранѣе тужитъ о предстоящей ему разлукѣ съ господиномъ. Марко возражаетъ съ сердцемъ, что пока у него голова на плечахъ, этому не бывать, а Вила отвѣчаетъ:

Побратимъ ты мой, Кралевичъ-Марко!
Не насильемъ Шарца ты лишишься
Не умрешь ты отъ булатной сабли,
Отъ копья, отъ палицы тяжелой;
А умрешь, Кралевичъ Марко бѣдный,
Отъ руки ты божьей, кроволивной.
Поѣзжай ты прямо по планинѣ,
Какъ доѣдешь до вершины самой,
Оглянись направо и налѣво;
Тамъ увидишь тонкія двѣ ели,
Что деревъ всѣхъ выше поднялися
И зеленой хвоей убралися;
Ключъ межъ нихъ бѣжитъ воды студеной.
Своего оборoти тамъ Шарца,
Слѣзь и привяжи его за елку,
И нагнись ты надъ водой студеной;
Какъ себя ты въ ней увидишь, Марко,
Ты узнаешь о своей о смерти.

Марко дѣлаетъ, что̀ она велѣла, и объ этомъ передается въ тѣхъ же самыхъ опять словахъ; слезы брызнули изъ глазъ Королевича:

Обманулъ ты свѣтъ меня широкій!
Свѣтъ досадный, цвѣтъ мой ненаглядный.
Красенъ ты, да погулялъ я мало:
Триста лѣтъ всего мнѣ погулялось!
А теперь пришлось съ тобой разстаться!

Говоря это, вынимаетъ онъ саблю, сразу сноситъ Шарцу голову, — не доставайся она Туркамъ; ломаетъ потомъ въ куски саблю и копье, а палицу забрасываетъ въ далекое, окаймляющее небосклонъ море:

Какъ ты выйдешь, палица изъ моря,
Народится молодецъ удалый,
Молодецъ такой же, какъ и Марко!

За тѣмъ онъ пишетъ завѣщаніе, что Марко умеръ и что кто первый найдетъ его, тотъ взялъ бы одинъ изъ трехъ его мѣшковъ золота на похороны, другой мѣшокъ — на украшеніе церкви божіей, а третій

* Здѣсь мы пользуемся переводомъ Н. В. Берга, дозволяя себѣ только нѣкоторыя отступленія. Прим. перев.

Нищимъ старцамъ, слѣпенькимъ калѣкамъ
Пусть поютъ и поминаютъ Марка.

Письмо положилъ онъ на вѣтку ели и легъ на зеленый свой до́лманъ съ тѣмъ чтобъ умереть. По по другому пересказу, богатырь, какъ скоро появилось на свѣтѣ огнестрѣльное оружіе, удалился въ пещеру лѣсистыхъ горъ, повѣсилъ тамъ свою саблю, и умеръ; когда сабля упадетъ, а конь его стравитъ весь мохъ вокругъ пещеры, онъ тогда проснется и выйдетъ опять. Здѣсь мы снова узнаемъ первоарійское преданіе о вешнемъ богѣ, уходящемъ на зиму въ горную дебрь или въ преисподнюю, — узнаемъ перенесеннымъ на богатыря, чей возвратъ сулитъ народу лучшую будущность, подобно тому, какъ этотъ же миѳъ съ Водана перенесенъ былъ на Карла Великаго и Фридриха-Рыжая Борода, и какъ Славяне другого края ждутъ возвращенія къ нимъ короля Святополка, а Моравяне совершали даже встарину торжественные за нимъ поиски.

Трудно въ краткихъ извлеченіяхъ дать понятіе о богатырскихъ пѣсняхъ Сербовъ, потому что главное отличіе ихъ ясная подробность и спокойная обстоятельность; въ непрерывномъ поступательномъ порядкѣ излагаютъ онѣ ходъ дѣйствія, черту за чертой, и представляютъ тѣмъ самымъ въ наглядномъ образѣ и окружающую природу, и людей съ ихъ обычаями и нравами. Тѣмъ не менѣе нельзя не назвать здѣсь еще хоть нѣсколькихъ особенно прекрасныхъ пѣсенъ, каковы напримѣръ: о больномъ Дойчинѣ, который велитъ спеленать перебитые свои члены, чтобы вступиться за честь сестры; о поединкѣ Вука съ Туркомъ Сукапомъ, при чемъ они цалуются прежде чѣмъ вступить въ бой за женщинъ, которыя тутъ же на нихъ смотрятъ; свѣжая, бойкая пѣсня о свадьбѣ Гайкуны и глубоко прочувствованная о Симеонѣ-Найденышѣ, какъ онъ согрѣшилъ по незнанію съ родной матерью, и какъ потомъ игуменъ воспитавшаго его монастыря заточилъ Найденыша въ сырую смрадную темницу, а ключъ отъ нея бросилъ въ тихій Дунай, думая про себя, что когда ключъ выйдетъ изъ рѣки, только тогда и простится тяжкій грѣхъ Симеону; черезъ девять лѣтъ ключъ нашелся въ желудкѣ рыбы, игуменъ отворяетъ темницу и видитъ, что все въ ней измѣнилось къ лучшему, а Симеонъ сидитъ съ евангеліемъ въ рукахъ, какъ солнце на золотомъ престолѣ. Трогательна еще пѣсня о постройкѣ Скадра: стѣны города, по волѣ одной злой вилы, оказывается невозможнымъ вывесть до тѣхъ поръ, пока не заложатъ въ нихъ живьемъ молодую женщину; такъ-какъ это совершается надъ избранной втайнѣ жертвой самыми близкими ей людьми, ея деверьями, то она долго не вѣритъ дѣйствительно постигающей ее напасти; по слезной ея просьбѣ къ зодчему, тотъ прорубилъ ей однакожь отверстія для грудей, чтобы она могла по крайней мѣрѣ докормить своего младенца, прорубилъ даже окошечки для глазъ, чтобы ей на него любоваться.

Какъ великолѣпно и весело начинаются пѣсни о Косовской битвѣ юностью царя Лазаря, и какъ элегически трогательно заканчиваются скорбью дѣвушки, отыскивающей падшаго на ратномъ полѣ жениха! Дальше мы видимъ слугу владыки Стефана, Лазо, который, подавая ему вина, переливаетъ черезъ край; владыка догадывается изъ этого, что молодецъ влюбленъ, и сватаетъ за него дочь Югъ-Богдана. Впослѣдствіи Лазарь вступаетъ на

престолъ съ Милицею и царствуетъ благополучно и благочестиво, пока султанъ Амурадъ не потребовалъ отъ него городскихъ ключей и дани; тогда сзываетъ онъ всѣхъ Сербовъ на Косово поле, и кто не явится, тому нива вовѣкъ не дастъ пшеницы, а виноградникъ — гроздія. Но вотъ изъ Іерусалима прилетѣлъ сизый соколъ; это самъ Илья-пророкъ, и опускаетъ онъ грамату отъ Пречистой Дѣвы царю на колѣни.

А гра́мата вымолвила слово:
„Честное ты племя-родъ, царь Лазарь!
Ты какого хочешь себѣ царства?
Хочешь ли небеснаго ты царства,
Или хочешь, царства ты земнаго?
Коли хочешь царствія земнаго, —
Сѣдлай ко́ней, надѣвай доспѣхи,
Опояшься богатырской саблей;
Бей враговъ ты Турокъ безъ пощады,—
И все вражье войско пусть погибнетъ;
А небеснаго коль хочешь царства, —
На Косовомъ полѣ строй ты церковь,
Выводи не мраморныя стѣны,
А изъ аксамита и изъ шелку,
Дай всему ты войску пріобщиться,
Его къ смерти подготовь безгрѣшной;
Всѣ твои воители погибнутъ,
Съ ними сгибнешь ты и самъ, царь Лазарь.“

Царь разсудилъ, что земное царство временно, а небесное вѣчно; пѣсня стала отголоскомъ этого христіанскаго настроенія. Отъѣзжая въ походъ, царь, по усильной просьбѣ жены своей, предоставляетъ ей выбрать изъ девяти ея братьевъ, Юговичей, того, котораго ей больше хочется при себѣ оставить; одного за другимъ обнимаетъ она, уговаривая нейдти на битву; ни одинъ не рѣшился остаться съ нею, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы умереть за отечество, пролить кровь за святую вѣру. Назавтра два черныхъ ворона прилетѣли ранымъ рано, каркая опустились на бѣлый дворцовый теремъ и принесли царицѣ вѣсть о страшномъ побоищѣ: малость малая осталась Турка, а у Сербовъ что́ хоть и осталось, все изранено, все лежитъ въ крови. Подъѣзжаетъ къ воротамъ слуга ея, держитъ (отсѣченую) правую руку въ лѣвой, на тѣлѣ у него семнадцать ранъ, и говоритъ:

Госпожа, спусти меня ты наземь
И умой холодною водою,
Да виномъ ты вспрысни меня краснымъ;
Больно одолѣли тяжки раны!

Подкрѣпивши немного силы слуги, царица стала спрашивать его про мужа, отца и братьевъ, и тутъ узнаемъ мы вмѣстѣ съ нею разсказъ о битвѣ и о печальномъ ихъ концѣ. Но этого мало: обруку съ пѣвцомъ вступаемъ мы потомъ на самое поле сраженія, и заключительная эта сцена принадлежитъ къ числу самыхъ потрясающихъ и прекрасныхъ во всей эпической поэзіи; пусть покажетъ она намъ сама всю гомеровскую ясность, всю германскую или индійскую глубину чувства сербской народной пѣсни:

Встала рано дѣвица Косовка,
Въ день великій встала, въ воскресенье,
Въ воскресенье прежде красна солнца;
Засучила рукава сорочки,
Засучила вплоть до бѣлыхъ локтей,
Положила на плечи хлѣбъ бѣлый,
Взяла въ руки два златыхъ сосуда,
Налила въ одинъ воды студеной,
А другой виномъ налила краснымъ,
И пошла она Косовскимъ полемъ.

Посреди побоища проходитъ,
Славнаго побоища царёва,
Витязей оглядываетъ мертвыхъ,
А кого найдетъ еще живого, —
Чистою водой его умоетъ,
Причаститъ виномъ его червоннымъ
И потомъ накормитъ хлѣбомъ бѣлымъ.
Глядь: лежитъ въ крови удалый витязь,
Добрый витязь, молодой Орловичь,
Молодой царёвъ знаменоносецъ.
Онъ въ живыхъ въ ту пору оставался,
Только былъ онъ безъ руки безъ правой,
Безъ ноги безъ лѣвой до колѣна;
Тонки ребра были перебиты
И виднѣлась бѣлая печенка.
Подняла его красва́ дѣви́ца,
Подняла она его изъ крови,
Чистою водой его умыла
И виномъ червоннымъ причастила,
Бѣлымъ своимъ хлѣбцемъ покормила.
Ожилъ витязь удалой Орловичь,
Говоритъ онъ дѣвицѣ Косовкѣ:
„Ахъ, сестра моя ты дорогая!
Что̀ тебѣ такая за неволя
Здѣсь въ крови людей ворочать мертвыхъ?
На побоищѣ кого ты ищешь:
Сына дядина, родного ль брата?
Иль отца отыскиваешь старца?“
Отвѣчаетъ дѣвица Косовка:
„Милый братъ, невѣдомый мнѣ витязь,
Не лежатъ мои родные въ полѣ,
Не ищу я дядинаго сына,
Ни отца родимаго, ни брата.
Али ты не знаешь какъ царь Лазарь
Причащалъ свое большое войско
У святой у церкви Грачаницы?
Три недѣли причащалъ онъ ровно,
И съ нимъ было тридцать калугеровъ.
Причастилось Сербское все войско,
А за войскомъ наши воеводы:
Самый первый — воевода Милошъ,
А за Милошемъ Иванъ Косанчичь,
За Косанчичемъ Миланъ Топлица.
Я въ ту пору у воротъ стояла.
Какъ пошелъ нашъ Милошъ воевода,
Добрый молодецъ на бѣломъ свѣтѣ, —
По камня́мъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шелковая шапка,
Серебромъ на ней султанъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая,
Шелковый платокъ надѣтъ на шеѣ.

На меня, идучи, витязь глянулъ,
Снялъ съ себя кольчугу дорогую,
Снявши, подалъ мнѣ ее, и молвилъ:
„На, возьми ты, дѣвица, кольчугу,
По кольчугѣ ты меня вспомянешь,
Какъ зовутъ меня — провеличаешь.
Я на смерть иду, на гибель злую,
Съ храбрымъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молися Богу,
Чтобы здравымъ вышелъ я изъ бою;
Счастье я зато твое устрою:
Я тебя возьму Милану въ жены,
Что̀ мнѣ братъ по Богу, не по крови,
Что̀ со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ;
Я отцомъ вамъ буду посаженымъ!“
А за нимъ пошелъ Иванъ Косанчичь,
Добрый мо̀лодецъ на бѣломъ свѣтѣ, —
По камня̀мъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шелковая шапка,
Серебромъ на ней султанъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая,
Шелковый платокъ надѣтъ на шеѣ,
На рукѣ горитъ богатый перстень;
Обернувшись, на меня онъ глянулъ,
Снялъ съ руки свой перстень драгоцѣнный,
Снялъ его и подалъ мнѣ съ словами:
„На, возьми, дѣвица, этотъ перстень!
Этимъ перстнемъ ты меня помянешь,
Какъ зовутъ меня — провеличаешь;
Я на смерть иду на злую гибель,
Съ храбрымъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молися Богу,
Чтобъ оттуда я вернулся здравымъ;
Счастье я зато твое устрою:
Я тебя возьму Милану въ жены,
Что̀ мнѣ братъ по Богу, не по крови,
Что̀ со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ:
Я на вашей свадьбѣ дружкой буду!“
А за нимъ пошелъ Миланъ Топлица,
Добрый мо̀лодецъ на бѣломъ свѣтѣ, —
По камня̀мъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шелковая шапка,
Серебромъ на ней султанъ окованъ,
На грудѝ кольчуга дорогая,
Шелковый платокъ надѣтъ на шеѣ,
На рукѣ убрусъ золототканный.
На меня, идучи, витязь глянулъ,
Снялъ съ руки убрусъ золототканный,
Снялъ его и подалъ со словами:
„На, возьми убрусъ золототканный!
Ты меня убрусомъ тѣмъ помянешь,
Какъ зовутъ меня провеличаешь:
Я на смерть иду, на гибель злую,
Съ храбрымъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молися Богу,
Чтобъ оттуда я вернулся здравымъ;
Счастье я зато твое устрою:
Ты женою вѣрною мнѣ будешь!“
Такъ прошли въ ворота воеводы;
Ихъ-то, братъ, ищу я по Косову!“

Говорилъ ей молодой Орловичъ:
„Погляди, сестрица дорогая,
Видишь вкругъ разметанныя копья:
Гдѣ лежитъ ихъ болѣе и гуще,
Молодецкая тамъ кровь лилася,
До стременъ она коню хватала,
До стременъ и до поводьевъ самыхъ,
Добру молодцу по самый поясъ:
Тутъ легли герои-воеводы.
Ко дворамъ ты бѣлымъ воротися:
Что́ кровавить рукава и полы!“
Какъ услышала она тѣ рѣчи,
Горькія изъ глазъ полились слезы,
Ко дворамъ своимъ вернулась бѣлымъ,
Зарыдавши жалостно и громко:
„На роду написано мнѣ горе:
Подойду лишь къ зе́лену я дубу,—*
Глядь—зеленый выцвѣлъ весь и высохъ!“

Б. Финское племя.

Изъ алтайской народной семьи, заключающей въ себѣ Скиѳовъ, Татаръ, Мадьяровъ и искони занимавшей сѣверъ Азіи и Европы, рано выдался зачатками нравственнаго быторазвитія народъ финскій и распространился отъ Алтая черезъ Уралъ до морей Бѣлаго и Балтійскаго; могильные памятники указываютъ этотъ именно путь, по которому Финны тронулись вѣроятно въ то время, когда стало напирать, волна за волной, кельтійское, славянское и германское переселеніе. Въ соприкосновеніи съ Арійцами, политически подвластные то Шведамъ, то Русскимъ, они правда хранили во внутреннемъ своемъ быту личную свободу и родной обычай, но постоянно подвергаясь новымъ возбужденіямъ извнѣ, развились болѣе другихъ своихъ соплеменниковъ, и находясь, вмѣстѣ съ Эстами, подъ славянскимъ и нѣмецкимъ вліяніемъ, проявили замѣчательно-живую фантазію, которой памятники я признаю всего удобнѣе оглянуть здѣсь, точно такъ же какъ средневѣковую поэзію Евреевъ я пріурочилъ къ исторіи испанскихъ Арабовъ.

Финляндія съ ея глубокими морскими бухтами, гранитными горами и озёрами, съ ея мрачною и долгою зимой, смѣняющейся короткимъ, но жизнеобильнымъ лѣтомъ, съ ея дремучими лѣсами и пѣнистыми водопадами, была самою удобной почвой для мечтательнаго воображенія, которое то заносится на крыльяхъ вѣтра въ область чудовищнаго и безмѣрнаго, то сердечно и вдумчиво углубляется въ мелочи наличной обстановки. Люди тамъ крѣпкаго тѣлосложенія, гладколицые, съ выдавшимися скулами; свѣтлыя, темнѣющія съ годами кудри,—лучшее украшенье головы; борода рѣдка, глаза сѣрые. Твердый, работящій духъ ведетъ иногда къ прямодушной вѣрности, къ степенной осмотрительности, иногда къ упорству и къ скрытному раздраженію. «Человѣка держи за̀ слово, а быка за рога», говоритъ Финнъ. Ни кто такъ не вѣритъ въ силу слова; вся чародѣйная мощь туранскаго ша-

* По другому пересказу: „Подойду лишь я къ соснѣ зеленой.“ Мы сообщаемъ прекрасную эту пѣсню въ переводѣ Н. В. Берга. Прим. перев.

манства (I, 99 и слѣд.) перешла у него въ пѣснотворчество, гдѣ властвуютъ въ одно и то же время и зиждительная фантазія, и сдерживающая сила мѣры; дѣйствуя обѣ рядомъ, разрѣшаютъ онѣ и по произволу вяжутъ духъ какъ въ человѣкѣ, такъ и въ природѣ, онѣ очаровываютъ одушевленнаго ими пѣвца, такъ что онъ дѣйствительно мнитъ видѣть и слышать все, чѣмъ онѣ его морочатъ. Послѣ того какъ въ особенности Кастрѐнъ собралъ и полносмысленно выяснилъ миѳологическія преданія своего народа, какъ онъ издалъ много его поговорокъ, пѣсенъ и разсказовъ; послѣ тото какъ Лѐнротъ свелъ въ одно цѣлое богатырскія пѣсни финскія, а Крѐйцвальдъ — эстонскія, послѣ того какъ Шифнеръ, Шрѐтеръ и Рейнталь внесли ихъ своими переводами въ западную литературу, а Як. Гриммъ и В. Шоттъ подробно все это изслѣдовали, — послѣ такой подготовки сдѣлалось для насъ возможнымъ очеркнуть наглядный образъ и этой отрасли человѣчества, полюбоваться украсившимъ ее цвѣтомъ, оцѣнить по достоинству ея плоды и уразумѣть, что̀ есть общечеловѣческаго даже и въ такомъ сильно-обособившемся побытѣ.

Юмала, то-есть небо, вотъ общее у всѣхъ финскихъ племенъ имя Божества: это — творецъ, владыка и завершитель всего сущаго. Изъ нѣдръ его выходятъ частныя духовныя силы, особенно великія явленія природы, и такъ-какъ фантазія придаетъ имъ миѳологическіе облики, то и личность вышняго бога становится посреди ихъ, въ качествѣ Старика, Отца, Укко. Онъ пасетъ облачное стадо и посылаетъ дождь для оплодотворенія полей; вѣтеръ—его дыханіе, громъ—голосъ его, молнія—его мечъ, а радуга—лукъ. Жена его—мать-земля, всеродящая природа, которая все однажды происшедшее въ жизнь возвращаетъ опять по смерти въ свое лоно. Далѣе, олицетворяются сами по себѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, озёра, рѣки и источники; царящее въ нихъ жизненное начало мыслится какъ нѣчто духовное, подобное человѣку, и каждое такое существо — полный хозяинъ въ своей области, хотя бы кругъ его движенія и дѣйствія былъ такъ же малъ, какъ и сфера полярной звѣзды (вращающейся только вкругъ сѣвернаго полюса). При этомъ, то самъ естественный предметъ, либо та или другая стихія, играютъ роль плоти божіей, то богъ представляется воплощеннымъ ближе къ человѣческому подобію; но и въ такомъ случаѣ морской старецъ, напримѣръ, одѣтъ пѣною, борода у него изъ водорослей, и онъ шумитъ и грохочетъ буруно̀мъ. Подобныя существа являются то дѣтьми, то слугами и о̀рганами верховнаго бога, и бываютъ то мужского пола, то женскаго; иногда они соединены бракомъ, чадородны; иногда сопоставлены между собой какъ равные, а не то — подчинены одно другому. Лѣсной духъ Таніо, въ шапкѣ изъ сосновой хвои, въ шубѣ изъ лѣсного мху, съ хозяйкою своей, Міэллики, радушной, медообильной матерью всякихъ благъ, властвуетъ надъ деревьями и животными своей области, которыя, однакожь, смотря по разнымъ родамъ своимъ, имѣютъ еще и особыхъ блюстителей или покровительницъ подъ главнымъ его началомъ; прелестныя дѣвы (русалки) пекутся кто о березѣ, кто о ели, кто о бузинѣ; онѣ цвѣтутъ въ каждомъ цвѣточкѣ, и въ любомъ организмѣ есть особаго рода геній, имъ управляющій. Но дремучій боръ представляетъ не одни блага и радости; въ немъ есть также ужасы и страхи: злой Хюзи, лѣсной чортъ (лѣшій), сбивающій человѣка съ пути и завлекающій въ пагубу, постепенно разросся въ представители злого начала вообще. Финны во-

ображали что они окружены духами усопшихъ; голоса ихъ слышались имъ въ шелестѣ листвы, въ трескѣ огня (отъ сырыхъ дровъ); но, съ другой стороны, они вступали въ царство могучаго Туони, чьи дочери въ минуту смерти набрасываютъ на человѣка мѣдную сѣть, чтобы уловить его душу; преисподняя же, со всѣми ея ужасами, стала и здѣсь адомъ для достодолжной кары злымъ.

Фельманъ передаетъ милѣйшій миѳъ Эстовъ про Ко́ита и Эммарику, утреннюю и вечернюю зарю: это юноша и дѣвица, которымъ небесный богъ поручилъ засвѣчать солнце утромъ, и гасить вечеромъ. Но лѣтомъ оно не заходитъ, Ко̂итъ прямо передаетъ его Эммарикѣ, и оба смотрятъ другъ другу въ глаза, подаютъ другъ другу руки и уста ихъ смыкаются въ нѣжномъ поцалуѣ, щеки вечерней зари покрываются легкимъ румянцемъ, а утренняя блещетъ лучезарнымъ пурпуромъ; онѣ обнимаются какъ новобрачные, и самъ отецъ небесный благословляетъ ихъ вѣчно-юную любовь. Такъ же благоуханно-нѣжна и та народная пѣсня Лапландцевъ, по словамъ которой зима становится тиха и кротка какъ вешній воздухъ, когда мо́лодецъ, скитаясь по горнымъ утесамъ, вдругъ задумаетъ о любимой дѣвушкѣ, что́ краше всякаго цвѣтка.

Въ финскомъ сказаніи общая Праматерь плаваетъ сначала по водѣ и, забеременивъ отъ небеснаго вѣтра, рождаетъ Вейнемёйнена, который творитъ потомъ міръ, уряжая хаотическія прежде стихіи; въ это представленіе занесено и міровое яйцо—преданіе, съ которымъ ознакомились мы еще въ Египтѣ, въ Индіи, въ Греціи: орелъ кладетъ яйцо это Праматери или Вейнемёйнену на колѣни; откуда взялся доміровой орелъ тутъ ужь, разумѣется, не спрашивали; Руна говоритъ:

Дно яйца пускай скруглится въ землю сводомъ,
Изъ верхушки пусть надъ ней возникнетъ небо,
Изъ бѣлка взойдетъ пусть солнце-жаръ на небѣ,
Изъ желтка пусть тихо мѣсяцъ засвѣтится,
А все прочее звѣздами загорится.

Вейнемёйненъ и Ильмариненъ, ставшіе въ эпосѣ героями, первоначально были мірозиждущими божествами; они первородные сыны неба, духовныя силы, въ которыхъ человѣкъ олицетворяетъ мудрость, открывающуюся въ словѣ и пѣснопѣніи, искусство, проявляющееся въ хитромъ досужествѣ его рукъ. Въ миѳѣ Эстовъ Ильмариненъ выковываетъ изъ булатной плиты небесный сводъ, прикрѣпляетъ къ нему звѣзды и пускаетъ по немъ въ движеніе солнце и мѣсяцъ. Пѣсня Вейнемёйнена вызываетъ на свѣтъ травы и цвѣты, животныхъ и человѣка, и вездѣ распространяетъ радость и веселіе. Мудрость свойственна преклоннымъ лѣтамъ: оттого Вейнемёйненъ такъ ужь и родился старикомъ, но только полнымъ юношескаго пыла и вдохновенія. Въ словѣ заключены живительныя чары, какая-то свыше одушевляющая мощь: слово у Финновъ—мірозлатель; и когда кузнецу Ильмаринену въ эпосѣ пришлось оплакать свою первую жену, онъ выковываетъ себѣ изъ серебра и золота новую, прекрасную подругу, но она все-таки лежитъ съ нимъ рядомъ неподвижна и холодна; когда однажды солнце и мѣсяцъ заслу-

шались до полнаго забытья пѣсенъ Вейнемёйна, похьёльская * хозяйка (родъ Бабы-Яги) захватила ихъ обоихъ и упрятала въ горнокаменную тѣснину; Ильмариненъ выковалъ тогда два новыя свѣтила небесныя, но такъ-какъ отъ нихъ не было тепла, то братъ его принужденъ былъ опять вызвать прежніе солнце и мѣсяцъ. Вѣчный слагатель рунъ, или пѣснотворецъ, онъ устроиваетъ себѣ гусли (кантеле) и принимается вслѣдъ за тѣмъ пѣть. Тогда жаворонки и зяблики садятся ему на́ плечи, орелъ такъ и рѣетъ надъ его головою, позабывъ въ гнѣздѣ орляточекъ; весело скачетъ по сучьямъ бѣлка, выходятъ изъ лѣсной чащи и волкъ и медвѣдь, рыбы подплываютъ къ берегу его послушать, у морскихъ русалокъ выпадаютъ изъ рукъ гребни, которыми онѣ пробирали себѣ волосы, а у дочерей солнца и мѣсяца—челночки, которыми онѣ ткутъ лучистую сѣть для оторочки облакъ; у людей нѣтъ ни одного сердца, которое бы не дрогнуло, мужщины и женщины, старые и молодые, всѣ плачутъ, рѣкой льются, да и у самого пѣвца слезы каплями сбѣгаютъ въ море и превращаются тамъ въ жемчужины. Къ этой великолѣпной картинѣ, дважды повторяемой въ «Калевалѣ» (финскомъ эпосѣ), эстонское преданіе прибавляетъ съ своей стороны, что не всѣмъ однако слушавшимъ понятно было цѣлое: лѣсныя деревья подмѣтили себѣ только шелестъ нисходящаго съ неба бога, и когда, гуляя по лѣсу, вы услышите подобный шелестъ, знайте что къ вамъ близко божество; рѣка Эмбахъ подмѣтила шумный шорохъ его ризы, и оттого-то весеннею порой такъ шумятъ и журчатъ вездѣ струи; птицы пѣвчія переняли одну прелюдію чуднаго гуслиста, и особенно соловей и жаворонокъ; одинъ только человѣкъ постигъ все, хорошо понялъ и запомнилъ его пѣніе: оттого пѣсня человѣка проникаетъ въ глубь души и достигаетъ ввысь, къ самому престолу Всевышняго **.

У Финновъ и Эстовъ, точно такъ же какъ и между Арійцами, мы видимъ, что народный эпосъ выростаетъ изъ былевыхъ пѣсенъ, которыя сначала поются порознь и переходятъ изъ рода въ родъ. Мало по малу вырабатываются при этомъ идеальныя средоточія, и пѣсни воспроизводятся тогда уже въ видѣ членовъ одного органическаго цѣлаго, которое наконецъ и записывается. Эпосъ основанъ стало-быть на былинѣ, которая не сочинена въ частности ни кѣмъ, но родится изъ духа народнаго, какъ любое естественное произведенье. И тамъ, на сѣверѣ, человѣческій духъ первоначально сознал присущую ему идею божественнаго и безконечнаго въ созерцаніи видимаго неба, а потомъ развивалъ ее далѣе подъ руководствомъ внѣшнихъ явленій и внутреннихъ своихъ опытовъ и, соображаясь съ ними, выработалъ, отчеканилъ наконецъ въ извѣстныхъ символахъ и миѳахъ. И тамъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, сказаніе про боговъ низошло потомъ съ неба на землю, осѣло на ближе подходящіе историческіе переживы народа (на завѣтныя его воспоминанія) и слилось, переплавилось съ ними въ богатырскую былину. И тамъ можно распознать ежегодную оболонь постепенно наростающаго эпоса, который, отметая худшія составныя части, обогащаетъ

* Похьёла—дальній сѣверъ, Лапонія.

** Затѣйливо-стройная прибавка эта очевидно уже плодъ позднѣйшей рефлекціи.

Прим. перев.

лучшія новыми формами и событіями, и доводитъ самымъ миловиднымъ и общепонятнымъ образомъ таинственное зерно свое до полнаго расцвѣта. Изъ зигфридовыхъ глазъ сверкаетъ намъ то же опять солнце; Ахиллъ, сынъ морской богини, принимающей его снова въ свое лоно послѣ кратковременнаго и бурнаго поприща, выступаетъ во всей богатырской красѣ своей прямо изъ рѣчныхъ струй: такъ точно и Вейнемёйненъ предстаетъ намъ олицетворенной божественной мудростью, какъ проявляется она творчески въ словѣ и пѣніи, Ильмариненъ—пластическою художественною силой, которая творитъ формы посредствомъ огня, Лемминкейненъ—смѣлымъ, въ даль біющимъ мужествомъ, всегда готовымъ на новое опять дѣло; два первые, и въ качествѣ богатырей, еще носятъ на себѣ печать своего божественнаго происхожденія. Донынѣ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири обычай умыкать невѣстъ силою. Наѣзды такого рода и сопровождающія ихъ приключенія составляютъ тамъ и донынѣ предметъ пѣсенъ, какъ являются они былевымъ, историческимъ ядромъ финскаго эпоса. Племя распалось искони на множество отдѣльныхъ родовъ; члены каждаго изъ нихъ стоятъ между собою въ крѣпкомъ союзѣ, но подобно кочевникамъ аравійской пустыни всегда готовы произвесть набѣгъ на сосѣднихъ инородцевъ и поживиться отъ нихъ добычею. При этомъ издревле же велся обычай, что каждый значительный въ своемъ родѣ молодецъ бралъ себѣ невѣсту изъ чужого рода, или похищая ее силою, или пріобрѣтая у родителей за подарки, а не то за какія нибудь опредѣленныя послуги. Многое напоминаетъ тутъ, пожалуй, и средневѣковую любовную службу. Краса-дѣвица, что сидя на радугѣ занята тканьемъ златосеребряной парчи, обѣщаетъ тогда только послѣдовать за Вейнемёйненомъ, когда онъ расщепнетъ конскій волосъ ножомъ безъ лезвея, сниметъ кору съ камня что дресву, и смастеритъ корабль изъ лучинки. Такъ и сыны Калевалы ищутъ себѣ женъ въ похьёльскомъ краю. Пѣсни о разныхъ похожденьяхъ, возникшія первоначально въ Азіи, Финны захватили съ собой въ Европу, и родиной Калевы, отца главнаго героя ихъ эпоса, стала теперь Финляндія (Чудь), тогда какъ другой родъ (сосѣдній ему чужой) былъ перенесенъ въ Лапонію (Лопь). Прозвище Калевала, то-есть богатырскій край, привилось къ эпосу самымъ подходящимъ именемъ. Онъ правда упоминаетъ иногда о Русскихъ, Шведахъ, Нѣмцахъ, но въ существенномъ содержаніи былины ихъ не встрѣчается; а это также доказываетъ глубокую его старину и постепенно созрѣвавшую форму изложенія. Женщина, являющаяся первымъ поводомъ борьбы Чуди съ Лопью, можетъ, пожалуй, напомнить Иліаду; полный волшебной силы оберегъ, талисманъ, переданный богатырями Калевы въ Похьёлу, но послѣ отвоеванный и утопающій за тѣмъ въ морѣ, отзывается немного пѣснью Нибелунговъ; но мотивъ развернутъ и выполненъ въ обоихъ случаяхъ дотого своеобразно, что о заимствованіи тутъ нечего и помышлять. Живое, вдумчивое чутье природы, неистощимое обиліе миоовъ и образовъ, прославленіе могучаго своими чарами духа, который, подобно мудрымъ пригангскимъ покаянникамъ, совершаетъ здѣсь величайшія дѣла, — все это обличаетъ сродство финской фантазіи съ индійскою; и безъ сомнѣнія здѣсь, такъ же точно какъ и тамъ, простое первоначальное ядро постепенно увивалось потомъ вязями чудеснаго. Предметы замышляются обыкновенно съ теплымъ чувствомъ и передаются съ вѣрной наблюдательностью, такъ что

эпосъ выходитъ яснымъ зеркаломъ края и его обычая; но воображеніе разыгрывается порой до чрезмѣрнаго и чудовищнаго *. Похьёльская хозяйка убиваетъ для дочерней свадьбы такого громаднаго быка, что бѣлой веверицѣ (ласкѣ) развѣ только въ цѣлую недѣлю обѣжать лычный его ошейникъ, ласточкѣ нуженъ цѣлый день, чтобы перелетѣть съ рога на рогъ, а бѣлкѣ—мѣсяцъ, чтобы допрыгнуть съ плеча къ охвостью. Вейнемёйненъ ищетъ своихъ гусель въ морѣ граблями, у которыхъ каждый зубецъ во сто саженъ; разъ онъ начинаетъ пѣть объ увѣнчанной цвѣтами ели, и ель тотчасъ выростаетъ передъ нимъ до облаковъ; тутъ онъ затягиваетъ пѣснью въ ея вѣтви и мѣсяцъ и большую медвѣдицу. Одинъ человѣкъ разсказываетъ Калевѣ-Пёгу (сыну Калевы), отчего онъ такъ усталъ: онъ, видите, ночевалъ въ одной горницѣ съ двумя великанами, а тѣ съѣли такой вѣтрегонный ужинъ, что попавъ подъ испускаемый ими страшный вихрь онъ цѣлые часы перекидывался какъ мячъ отъ стѣны въ стѣну. — Нѣкоторыми преданіями и словами Финны обмѣнялись съ Германцами: вѣдь со времени завоеванія края Шведы жили посреди туземцевъ въ дружбѣ съ ними и въ ладу, предоставляя имъ довольно свободы. Шифнеръ указалъ во многихъ сказкахъ — гдѣ русское, гдѣ германское происхожденіе, и если иногда подъ финской оболочкой встрѣтятся намъ Одинъ и Одиссей, то развѣ не могли они попасть туда заносомъ черезъ монаховъ-миссіонеровъ или черезъ заѣзжихъ торговыхъ людей. Въ особенности сказанія объ Одинѣ и Торѣ ясно даютъ себя знать во многихъ чертахъ Вейнемёйнена и Леммикейнена, и даже связывающая между собою полновѣсныя слова эпоса поэтическая форма аллитераціи могла сложиться въ художественный законъ подъ германскимъ, пожалуй, вліяніемъ, тогда какъ Финнамъ свойственно напротивъ такое правило, чтобы второй стихъ или полустихъ всегда составлялъ отголосокъ перваго, видоизмѣнялъ его, приносилъ съ собою новый образъ для того же самаго предмета, или повторялъ бы ту же мысль въ распространенномъ только видѣ. Оттого рѣчь эпоса становится словообильною и восторженно услаждается этимъ широковѣщаніемъ, тогда какъ сѣверогерманской поэзіи въ Эддѣ болѣе сродна мѣткая, прямо бьющая въ цѣль краткость слова. Форма заклятія, которое такъ же должно служить здѣсь связью между предметами, какъ аллитерація связываетъ слова, находитъ при этомъ отголосокъ себѣ въ исполненіи подробностей и смыкать символъ съ выражаемымъ содержаніемъ, —форма эта вполнѣ высказалась, на мой взглядъ, въ подобномъ же сліяніи параллелизма съ аллитераціей и распространилась по всей поэмѣ плавною и легкоструйной зыбью трохеевъ. Примѣромъ этому могутъ служить слова Вейнемёнена, обращенныя къ той березѣ, изъ которой онъ хочетъ сдѣлать себѣ кантелу. Онъ слышалъ вздохи ея о томъ, что вѣтеръ и иней совсѣмъ ее обнажаютъ, а морозъ пробираетъ дрожью:

Молвилъ *в*ѣщій *В*ейнемёйненъ, онъ *р*азумный *р*унъ сказатель
О *б*ереза, *б*ѣлый поясъ, слезъ не *л*ей ты въ *л*иствѣ желтой;
*Ж*детъ тебя вѣдь *ж*ребій новый, ждетъ вѣдь *д*оля *д*орогая,
Съ *р*адости *р*ыдать ты станешь, зазвучишь веселья звукомъ!

---

* Такъ вообще свойственнаго сѣверно-азійскимъ племенамъ. Прим. перев.

Илья Лённротъ, самъ отличный сказатель рунъ, ко всему тому, что зналъ онъ на память съиздѣтства, собралъ еще многое изъ устъ народа, и въ 1835 году напечаталъ около 12,000 трохаическихъ стиховъ въ 35-ти пѣсняхъ *. Послѣдпія распадаются на нѣсколько группъ: пѣсни о женихов-скихъ поѣздахъ, пѣсни про «Сампо» (талисманъ), пѣсни про великана Кулерво; трое братьевъ, сыновья Калевы, стоя въ средоточіи всего, равно заняты исканіемъ невѣстъ и Сампо; здѣсь замѣтно, что въ народномъ духѣ постепенно сложилась уже идея цѣлаго, изъ которой выходятъ потомъ и передаются изустно разныя пѣсни, какъ живые ея члены, какъ вѣтви одного и того же общаго ствола. Черезъ 15 лѣтъ, новое, дополненное изданіе представило много новыхъ пересказовъ, 10,000 лишнихъ стиховъ и всего 50 уже пѣсенъ; множество отдѣльныхъ рунъ вошло при этомъ въ общій составъ цѣлаго, которое урядливый и художественно-образованный поэтическій талантъ Лённрота приводилъ въ ясный, членораздѣльный организмъ, по мѣрѣ того какъ, благодаря открываемому вновь строевому матерьялу, передъ собственнымъ взоромъ геніальнаго собирателя болѣе и болѣе выяснялись заложенное въ народномъ духѣ единство, взаимная связь и соотношеніе отдѣльныхъ пѣсенъ между собою. Такимъ образомъ онъ вмѣстѣ и поэтъ, и діаскевастъ **; стоя середи потока древнихъ сказаній, онъ вовремя успѣлъ, при организаторскомъ своемъ геніи, составить въ наши дни изъ множества отдѣльныхъ пѣсенъ, связанныхъ общенароднымъ содержаніемъ, большую эпическую поэму, которая до него существовала только въ возможности, въ разбросанныхъ порознь членахъ, и которую онъ свелъ и округлилъ въ одно цѣлое.

Эпосъ начинается сказаніемъ о сотвореніи міра, рожденіемъ Вейнемёйнена, внесшаго жизнь, стройный урядъ и красоту въ природу; произросли деревья, запѣли птицы; онъ расчищаетъ лѣсъ, но щадитъ березу подъ гнѣздо орлу, который зажигаетъ ему огонь въ благодарность за это одолженіе; онъ водворитель земледѣлія и славится пѣніемъ и вѣщей мудростью; своими поговорками загоняетъ онъ въ болото молодого Юкагайнена, который вздумалъ было съ нимъ состязаться; онъ сватается на его сестрѣ, но ей не хочется старика-мужа, съ грусти идетъ она выкупаться въ морѣ и тонетъ при этомъ въ волнахъ. Мать совѣтуетъ Вейнемёйнену пуститься на сѣверъ за невѣстой. Но похьёльская хозяйка согласна отдать за него дочь въ томъ только случаѣ, если онъ смастеритъ и поднесетъ ей Сампо. Объ этомъ проситъ онъ брата своего, Ильмаринена, который устроиваетъ талисманъ, родъ волшебной мельницы (все вымалывающей по желанію), изъ лебяжьяго пера, изъ житнаго зерна, изъ клока шерсти и молока яловой коровы: благодаря этимъ составнымъ частямъ, съ талисманомъ были неразлучно соединены успѣшное земледѣліе и скотоводство, преизбытокъ въ краю всего. Скальда *** знаетъ первообразъ Сампо въ мель-

* Любопытно, что и у насъ сказатели былинъ всего долѣе уцѣлѣли въ Олонецкой глуши, прилежащей къ финскому племени.

** То есть критическій урядчикъ или уставщикъ текста. Такъ по преимуществу назывались критики-поэты, собравшіе и распредѣлившіе при Писистратѣ гомеровскія пѣснопѣнія.

*** Такъ называется та часть Младшей (Стурлесоновой) Эдды, въ которой изложены правила пѣснопѣнія скандинавскихъ скальдовъ. Прим. перев.

ницѣ Фроди, которая также все вымалываетъ по требованію; двѣ великанши вертятъ ее для приготовленія золота, мира и счастья; разъ она подверглась похищенію; на морѣ похититель требуетъ у нея соли, и вотъ она принялась молоть соль безъ устали, такъ что корабль наконецъ потонулъ и море стало оттого соленымъ.

Однакожь, прежде чѣмъ оба брата приступаютъ къ сватовству на похьёльской красавицѣ, старшему изъ нихъ приходится испытать еще много приключеній, обильныхъ разнаго рода толками и обсужденьями. Для постройки ладьи пѣснію недостало у него однажды всего лишь трехъ завѣтныхъ словъ; чтобы добыть ихъ спускается онъ въ царство мертвыхъ, но и тамъ не находитъ; за ними же странствуетъ онъ потомъ на желѣзныхъ лыжахъ, по остріямъ бабьихъ иголъ, по лезвеямъ мужскихъ мечей и сѣкиръ богатырскихъ, къ могилѣ великана Випумена, срубаетъ на ней деревья и всаживаетъ желѣзную полосу прямо въ ротъ спящему великану; тотъ, очнувшись, проглотилъ богатыря, но Вейнемёйненъ изъ рукоятки своего ножа смастерилъ себѣ лодку; онъ плаваетъ на ней въ желудкѣ исполина, разводитъ тамъ огонь и начинаетъ такъ ковать и кузнечить, что великанъ цѣлыми сотнями стиховъ высказываетъ всѣ свои заклятія, въ томъ числѣ и необходимыя Вейнемёйнену слова, который теперь изъ него выходитъ и благополучно оканчиваетъ свою работу.

Во время выковки Сампо, появляется на сцену и третій братъ, молодецъ Лемминкейненъ, который только ради собственной удали испытываетъ свою силу, тогда какъ оба старшіе во всѣхъ дѣлахъ своихъ не теряютъ изъ виду и пользы народной. Онъ похищаетъ себѣ невѣсту, Кюлликки, которая въ слезахъ укоряетъ его за чрезмѣрную воинственность; онъ обѣщаетъ ей вѣчно жить въ мирѣ, если только и она съ своей стороны не будетъ выходить на сельскій плясъ. Разъ она забыла данное обѣщаніе, онъ прогналъ ее, и хочетъ добыть себѣ съ сѣвера новую подругу. Мать упреждаетъ его объ опасности, а онъ со смѣхомъ возражаетъ, что кровь точно такъ же не прольется у него изъ тѣла, какъ и изъ головной его щётки. Чтобъ выслужить себѣ желанную красавицу, онъ долженъ напередъ поймать лося, объѣздить огнепышащаго коня, и пристрѣлить лебедя на рѣкѣ царства мертвыхъ. Два первые урока онъ выполнилъ, но на третьемъ палъ жертвою коварной мести и разорванное по клочкамъ тѣло его брошено было въ воду. Тогда на щеткѣ стала выступать кровь, и мать въ тоскѣ и горѣ принялась искать сына; тщетно спрашиваетъ она объ немъ у дерева, у дороги, у мѣсяца,—у нихъ вдоволь и собственной напасти: одно все обсѣкаютъ да жгутъ въ огнѣ, другую то и дѣло топчутъ ногами, третій долженъ одинъ одинёшекъ сторожить во всю холодную зимнюю ночь; только уже солнце повѣдало ей о случившемся, и вотъ она вылавливаетъ въ рѣкѣ клочки лемминкейненова тѣла, соединяетъ ихъ силой заговоровъ и возвращается со спасеннымъ ею домой. Между тѣмъ Вейнемёйненъ и Ильмариненъ покончили уже Сампо въ Похьёлѣ, и красавица, лучезарный свѣтъ въ темномъ краю, выбираетъ себѣ младшаго брата, задавъ ему напередъ вспахать змѣиное поле, да изловить медвѣдя и волка въ преисподней. Дѣвица помогаетъ ему впрочемъ добрымъ совѣтомъ, какъ Аріадна Тезею и Медея Ясону. Въ примѣръ заговоровъ приведемъ съ возможной вѣрностью формѣ подлинника слѣдующее заклятіе змѣи:

Змѣй ты, *змѣй*, созданье божье, что ты *спину* такъ *сгибаешь*?
Кто *велитъ* тебѣ *вздыматься*, *гребень гоголемъ* таращить?
Прочь съ *пути*, *ползи* хоть въ жниво, скройся въ *лопухи иль* въ *листву*!
Глянешь головой оттуда, — *Укко* тотчасъ *у*кокошитъ,
Г*р*янетъ г*р*адомъ цѣлымъ г*р*адинъ, *к*аленой *к*азнитъ стрѣлою!

Разсказывается между прочимъ происхожденье пива (браги), варимаго для свадебнаго угощенія: пчелы принесли прямо со цвѣтовъ свѣжій медъ, который долженъ привесть въ броженіе растворъ жита; напитокъ веселитъ сердца удалыхъ молодцовъ, смѣшитъ женщинъ, а до безобразій доводитъ только дураковъ набитыхъ; какъ самъ онъ пѣнится и шипитъ въ бочкѣ, такъ слѣдуетъ его громко и воспѣть. Лемминкейнена, за его задорный нравъ, не приглашаютъ на свадьбу. Въ подробномъ описаніи свадебнаго пира трогательно звучитъ грусть новобрачной, передъ разлукою съ родимой стороной; она должна уйдти прочь съ отцовскаго двора, и слѣда ея тамъ не останется, какъ таетъ и чезнетъ слѣдъ ноги на снѣгу вешнемъ; оттого и потемнѣло, затуманило у ней на̀ сердцѣ.

У таланныхъ, у счастливыхъ, вотъ какъ на́ сердцѣ бываетъ:
Словно солнце золотое, когда вешній день взыграетъ.
У меня жь у безталанной, горемычной, что́ на се́рдцѣ?
Какъ поозерье пустое: надвигаютъ черны тучи,
Ночь осенняя наступаетъ: зимній день на что ужь мутенъ,
А мутнѣе мое сердце, темнѣй ноченьки осенней.

Старая домостройка, мать, отпускаетъ ее, разъяснивъ дочери напослѣдя́хъ настоящій женскій обычай. Молодого хвалитъ она за выборъ такой новобрачной и увѣчаетъ беречь ее и холить. Наконецъ, утѣшаясь мыслію, что и въ чужой сторонѣ свѣтятъ солнце и мѣсяцъ божьи, покидаетъ молодица родину, прощаясь еще разъ съ лѣсомъ и его ягодкой, съ лугомъ и цвѣтами, съ озеромъ и обступившими его березками, а Ильмариненъ везетъ ее между тѣмъ въ саняхъ; одной рукой держитъ онъ вожжи, а другая у него въ рукѣ суженой.

Послѣ этого Лемминкейненъ отправляется незванымъ гостемъ въ Похьёлу: зовъ, говоритъ онъ, въ огненномъ лезвеѣ моего меча-искромета. Онъ самъ вызываетъ на одиночный бой владыку того края и сноситъ ему голову. Преслѣдуемый потомъ его вдовой, онъ скрывается на одинъ отдаленный островъ, весело гуляетъ тамъ съ женщинами и дѣвицами, но, конечно, навлекаетъ себѣ ненависть мужчинъ. Передъ ихъ угрозами возвращается онъ на родину, и находитъ домъ свой опустошеннымъ; его мать спряталась гдѣ-то въ лѣсу. Чтобы отомстить своимъ не́другамъ, онъ снаряжаетъ все нужное для морского набѣга; но похьёльская хозяйка призываетъ чарами внезапный морозъ, и суда его замерзаютъ среди моря.

Супружеское счастье Ильмаринена было непродолжительно. По смерти жены, сватается онъ на младшей сестрѣ ея, и получивши отказъ, похищаетъ невѣсту; но на возвратномъ пути превращаетъ ее волшебствомъ въ чайку: она должна безпрестанно виться съ крикомъ около прибрежныхъ скалъ за то, что не хотѣла молвить съ нимъ добраго слова всю дорогу, и во всемъ строптиво ему противорѣчила. Между тѣмъ, возвратясь домой, онъ пустился въ разсказы, какъ хорошо жить въ Похьёлѣ благодаря тому, что тамъ есть

Сампо; тамъ славно и пахать, и сѣять, тамъ все ростетъ въ изобиліи, и благоденствію просто нѣтъ конца. Тогда Вейнемёйненъ предлагаетъ перевезти Сампо къ нимъ на родину. На походѣ мастеритъ онъ кантелу, натянувъ струны на огромную сосну; пѣніемъ и игрой убаюкиваетъ онъ Похьёльцевъ; братья увозятъ съ собою Сампо, уже три дня идутъ они домой на кораблѣ, и Лемминкейненъ вызываетъ старшаго затянуть побѣдную пѣсню. А тотъ говоритъ ему на это:

Пѣть тогда лишь подобаетъ, праздновать тогда побѣду,
Ко двору когда подъѣдешь, скрыпъ своей услышишь двери.

Тутъ удалый молодецъ самъ загорланилъ пѣсню такъ громко, что разбудилъ похьёльскую хозяйку, и та со своею ратной силой поднялась отвоевать похищеннаго Сампо. Она накликаетъ бурю, море приходитъ въ страшное волненіе, бросаетъ корабль какъ мячикъ, и даже кантела Вейнемёйнена тонетъ въ разбушевавшихся волнахъ. Въ видѣ громаднаго орла садится старуха на корабельную мачту и схватываетъ Сампо; Лемминкейненъ отрубилъ ей когтистую лапу, Сампо упалъ въ море, и отсюда произошли всѣ сокровища, таящіяся въ водной глубинѣ. Щепки прибило теченіемъ къ берегу Калевалы, и Вейнемёйненъ поетъ, что отъ этого произойдетъ общее благоденствіе, запашка и посѣвъ всегда будутъ удачны, всякое зерно пойдетъ въ ростъ; по широкимъ нивамъ Финляндіи, по роднымъ полямъ Суоми засвѣтитъ ясный мѣсяцъ, прольетъ благотворный блескъ свой лучезарное солнце.

Напрасно похьёльская хозяйка насылаетъ дикихъ звѣрей, напрасно захватываетъ она однажды солнце и мѣсяцъ, что̀ даетъ поводъ предполагать въ ея миѳологической основѣ богиню ночи: побѣда неизмѣнно остается за чарующими пѣснями, которыя Вейнемёйненъ поетъ подъ звуки новой кантелы, новой арфы.

Пятидесятая руна славитъ дѣву Маріатту, цѣломудренную дотого, что она не ѣла даже мяса тѣхъ овецъ, которыя спознались съ бараномъ, что она ѣздила только на молодыхъ кабылицахъ, не тронутыхъ еще жеребцомъ. Жила она пастушкой, и, съѣвъ одинъ разъ невиданной красоты брусничку, почувствовала себя беременной. Отецъ съ матерью прогоняютъ ее изъ дому какъ безпутницу; она увѣряетъ ихъ въ своей чистотѣ и предсказываетъ, что родитъ героя, великодушнаго, будущаго властителя могучихъ. Въ хлѣву, подъ елями горы Тапіо, разрѣшается она мальчикомъ. Онъ вдругъ у ней исчезаетъ; мать спрашиваетъ у звѣздъ, у мѣсяца, у солнца о своемъ дѣтищѣ; солнце говоритъ ей, гдѣ его отыскать. Старику Вейнемёйнену не хочется, чтобы остался въ живыхъ безродный младенецъ, но этотъ подымаетъ голосъ, и приходится его окрестить. Младенецъ не кто иной какъ Христосъ, передъ которымъ отступаетъ все язычество съ своей миѳологіей; Вейнемёйненъ строитъ себѣ волшебствомъ мѣдную лодку и плаваетъ въ ней подъ облаками между небомъ и землей; онъ оставляетъ по себѣ кантелу, завѣщаетъ пре красное пѣніе и прекрасную игру въ вѣчную радость дѣтямъ Суоми.

Вполнѣ своебытнымъ лицомъ въ финскомъ эпосѣ является великанъ Куллерво, «воплощенное проклятіе рабства,» какъ назвалъ его Шоттъ. Одинъ братскій родъ напалъ враждебно на другой; домъ сожженъ до тла, мужщины

всѣ перебиты; Унтамо уводитъ съ собой только одну беременную женщину; она разрѣшается Куллервомъ. Мальчикъ съ самыхъ раннихъ поръ грозится отомстить за отца; его бросаютъ въ море и въ огонь, но, спасенный отъ гибели, онъ воспитывается въ рабствѣ, его продаютъ за старый хламъ. Наполовину какъ Зигфридъ въ кузницѣ, наполовину какъ Эйленшпигель (германскихъ преданій), онъ выполняетъ всѣ задаваемые ему уроки съ такимъ преизбыткомъ силы и строптиваго своевольства, что самимъ задатчикамъ приходится отъ того не въ мочь. Въ насмѣшку и въ наказаніе головорѣзу, жена Ильмаринена запекаетъ ему въ хлѣбъ камень, о который онъ и переломилъ свой ножъ, единственное наслѣдіе и единственную память отца его; онъ загоняетъ въ болото стадо, ему порученное, а хлѣвъ наполняетъ вмѣсто того медвѣдями и волками; дикіе эти звѣри разрываютъ въ куски хозяйку, которая, по обыкновенію, приходитъ вечеромъ доить. Бездомный бѣглецъ, Куллерво взываетъ къ небу о своей бѣдѣ-напасти; его поддерживаетъ только еще мысль отомстить Унтамо, убійцѣ его отца и раззорителю его дома. А отецъ между тѣмъ успѣлъ спастись, и мать попрежнему живетъ съ нимъ вмѣстѣ; когда Куллерво находитъ опять родителей, имъ недостаетъ только дочки, которая ушла въ лѣсъ по ягоду и тамъ заблудилась. Посланный съ порученіемъ отъ отца въ чужую сторону, онъ встрѣчаетъ на пути красавицу дѣвицу; сначала она застѣнчиво отказывается отъ предложенія сѣсть къ нему въ сани, но потомъ соглашается, и онъ успѣваетъ снискать ея любовь. Куллерво предался порыву бурной страсти, но когда послѣ назвалъ себя по роду и имени, дѣвушка пожелала лучше поблекнуть какъ цвѣтокъ, засохнуть какъ былинка въ полѣ, чѣмъ услышать такія рѣчи; она кидается въ ближнюю рѣку, ищетъ милосердія въ волнахъ, покоя—въ царствѣ мертвыхъ. И онъ съ своей стороны рѣшился искупить свой невольный грѣхъ славной смертью; мать совѣтуетъ ему побыть въ уединеніи, пока время хотя нѣсколько умѣритъ его скорбь; она спрашиваетъ, что-же станется безъ него съ семьею? Въ отчаяніи, ему мало дѣла до другихъ; за то и они разстаются съ нимъ ожесточенные. Кровавой местью отплачиваетъ онъ теперь злодѣю Унтамо; но возвратясь въ родительскій домъ, находитъ его совершенно опустѣвшимъ; холодные уголья на очагѣ повѣдываютъ что все тутъ вымерло, умерла и милая его мать. Онъ горько плачетъ на ея могилѣ, а изъ глубины раздается голосъ покойницы, и указываетъ ему идти въ лѣсъ; блуждая тамъ туда и сюда, онъ приходитъ къ одному мѣсту, гдѣ ни былинки ни цвѣтка, гдѣ сама листва стоитъ въ печали; это—мѣсто рокового сближенія съ сестрой; тутъ онъ бросается на свой мечъ и умираетъ. Куллерво — глубокотрагическое лицо, рожденное для веселой богатырской удали и поставленное въ рабскія отношенья, великое, многолюбивое и жаждущее любви сердце, истерзанное нелюбьемъ жестокихъ людей; если онъ разрываетъ всѣ узы и совершаетъ дикія дѣла,—его ведетъ къ тому гнетъ, его окружающій. Противорѣчія въ повѣсти, а также и разные пересказы нѣкоторыхъ его приключеній, показываютъ, что былина эта слагалась исподволь и различными притомъ пѣвцами. Въ Эстляндіи стала она средоточіемъ цѣлаго эпоса.

Здѣсь преданіе уцѣлѣло лишь гораздо отрывочнѣе чѣмъ въ Финляндіи: характеръ героя является различнымъ въ разныхъ пересказахъ, —гдѣ мужи-

ковато-грубымъ, гдѣ полнымъ бодрой, благородной отваги, гдѣ глубоко-чувствительнымъ; цѣлое сохранилось въ видѣ полусказочной повѣсти, лишь мѣстами допускающей стихи. Крёйцвальдъ возстановилъ для нея метрическую форму, подобравши всю поэму въ двадцать рунъ и почти во столько же тысячъ стиховъ. Холмы, земляные валы, большіе камни, вóды прозваны здѣсь именемъ героя, меньшого сына Калева, который одно и то же съ великаномъ Калевою, отцомъ финляндскаго богатыря; заглавіе эпоса «Калеви-Пёгъ» значитъ сынъ Калева. Въ Эстляндіи онъ достигаетъ власти, побѣдивъ всѣхъ своихъ братьевъ въ состязаніи, но продолжаетъ за тѣмъ жизнь полную приключеній, пока не сразила его ранняя трагическая смерть. Этотъ мочучій самородокъ дѣйствуетъ на почвѣ естественнаго миѳа вплоть до 11-го столѣтія, до самой борьбы съ тевтонскими рыцарями, передъ которыми пала Эстляндія, когда заодно съ поповствомъ они поработили ея народъ. Омраченные, вогнанные въ самихъ себя физическимъ и моральнымъ гнетомъ, Эсты перенесли и въ первобытно-веселыя богатырскія свои пѣсни тонъ жалобы, тотъ мрачный лирическій оттѣнокъ, которымъ отличаются онѣ отъ финскаго эпоса; съ грустнымъ уныніемъ смотритъ пѣвецъ на улетѣвшую пору вольной юности своего народа; воспоминанія его бережетъ и передаетъ онъ въ утѣшеніе при настоящемъ горѣ. По прекрасному замѣчанію Шотта, Калевала — свѣжее вешнее утро съ серебряными облачками въ голубомъ эѳирѣ, а Калеви-Пёгъ — осенній вечеръ, переливающійся только иногда пестрыми, фантастическими цвѣтооттѣнками. Я присовокупилъ бы къ этому, что финская поэзія стоитъ ближе къ германской, а эстонская — къ славянской, и особенно въ идиллически-заунывныхъ народныхъ пѣсняхъ родственна съ латышскою, хотя и предпочитаетъ объективно-повѣствовательную форму субъективно-лирической.

Славные сыны Неба, порождающіе съ дочерьми Земли племя великановъ, къ которому принадлежитъ Калевъ, конечно сложились въ этомъ видѣ подъ вліяніемъ еврейскаго сказанія; напротивъ, своебытна, отозвавшаяся и въ народныхъ пѣсняхъ, поэтическая легенда, какъ изъ яйца и цыпленка выросли двѣ прекрасныя дѣвушки, за которыхъ сватались не только богатыри, но также солнце, мѣсяцъ и звѣзды небесныя; одна изъ дѣвъ выбрала полярную звѣзду, другая — Калева. По смерти его разрѣшилась она третьимъ сыномъ, именно нашимъ богатыремъ, который еще въ колыбели разорвалъ всѣ свивальники: мать, въ виду трехъ молодыхъ орлятъ своихъ, гонитъ отъ себя новыхъ жениховъ «желѣзными когтями»; но разъ, когда юноши отлучились на охоту, похитилъ ее одинъ волшебникъ, и въ то время какъ ея молитвою падетъ на злодѣя громовая стрѣла Укко, сама она превращается въ скалу. Съ грустью ищутъ сыновья матери. Герой нашъ пустился за ней вплавь моремъ въ Финляндію. Нуждаясь въ ночномъ отдыхѣ, выходитъ онъ на одинъ островъ, слышитъ прекрасное пѣніе и видитъ — дѣвица сидитъ у огня подъ дубомъ и стережетъ разостланное для выбѣлки полотно. Онъ отвѣчаетъ ей также пѣснью и привлекаетъ къ себѣ красавицу; любовь всесильна надъ сердцами, и островитянка съ дѣтскою простотой садится рядомъ съ пришлымъ юношей на обросшій мохомъ камень. Пѣвецъ продолжаетъ такъ:

Ты душа островитянка, куманичный ты глазочекъ,
Чтò, бѣда съ тобой случилась? отчего такъ вдругъ вскричала?

Отчего ты съ горькимъ плачемъ стала звать къ себѣ на помощь?
Развѣ, когда сынъ Калева грѣлъ тебя въ своихъ объятьяхъ,
Хрустнуло бедро дѣвичье, иль лопатка повихнулась?
Ктожъ съ собой затѣялъ ссору, кто красавицу поранилъ?

Когда вслѣдъ за тѣмъ пришли родители, и Калеви-Пёгъ сталъ имъ выхвалять свой родъ и имя, дѣвушка перепугалась, отошла шатаясь къ берегу и кинулась съ утеса въ море. Что она сестра ему, объ этомъ повѣдываетъ позже ея пѣсня, несущаяся уже изъ глубины. Сначала онъ не подозрѣваетъ этого, и тщетно старается ее спасти; на прощаньи говоритъ онъ огорченному отцу: мы братья съ тобой по злой судьбинѣ, море похитило у тебя дочь, а у меня мать захватилъ разбойникъ. Все еще отыскивая послѣднюю, находитъ и убиваетъ онъ въ Финляндіи волшебника; она является ему потомъ во снѣ, качаясь на качеляхъ и весело распѣвая пѣсню:

Вы, качала удалые, подымай качели выше!
Пусть до солнышка свѣчу я, пусть сверкаю въ морскихъ волнахъ,
Головнымъ своимъ уборомъ въ облакахъ блещу небесныхъ,
Пусть нарядъ мой всѣ увидятъ,—звѣзды неба, самъ Громовникъ!
Женихами пусть подступятъ отрокъ солнечный иль лунный!
Звѣзда сѣвера — та лучше, что ни лучшій же на свѣтѣ
Тотъ женихъ, который выйдетъ изъ страны родной Калева.

Не льзя вѣрнѣе изобразить доводимое возбудительною качкой до полнаго, неудержнаго разгула веселье; свѣтлый этотъ сонъ Калеви-Пёгъ съ грустію объясняетъ себѣ однакожь тѣмъ, что мать для него утрачена, но что она вошла въ ликъ блаженныхъ. Онъ идетъ къ лучшему въ цѣломъ краѣ ковачу, пробуетъ у него клинки, покупаетъ одинъ, которымъ онъ разсѣкъ пополамъ наковальню, и пьетъ послѣ этого съ ковачемъ и его сыновьями. Подгулявши, вздумалъ онъ расхвастаться тою роковой любовной ночью, когда онъ «сорвалъ завязь дѣвства, растопталъ цвѣтокъ радости, разломилъ стручокъ счастья!» Одинъ изъ ковачовыхъ сыновей укоряетъ его за это, и разгорячась въ спорѣ, Калеви-Пёгъ сноситъ ему голову; старикъ кладетъ заклятіе; чтобы собственный мечъ отплатилъ убійцѣ за его злодѣйство. Когда Калеви-Пёгъ проспался отъ хмѣля, все случившееся представаетъ ему въ какомъ-то смутномъ снѣ; но то, что тревожно шевелится на днѣ его души, въ глубинѣ его совѣсти, то самое на возвратномъ пути слышится ему въ шумѣ моря: Братъ переплываетъ волны, а сестра заснула въ прохладномъ ложе, укачиваемая тѣми же волнами какъ дитя въ колыбели. Однажды преступивъ долгъ ненарочно, безъ умысла, въ другой разъ—изъ строптивой похвальбы, онъ долженъ кружить теперь въ водоворотѣ до тѣхъ поръ, пока самъ не успокоится навѣкъ. На родинѣ слышитъ онъ въ вѣтрѣ голосъ матери, чтобы онъ берегся своего меча, такъ-какъ кровь безотмѣнно требуетъ крови. На могилѣ отца дается ему увѣтъ загладить какъ-нибудь неумышленное злодѣяніе: волны жизни текутъ вѣдь подъ водительствомъ божіимъ.

Когда Калеви-Пёгъ сошелся съ братьями, всѣ они разсказываютъ другъ другу свои похожденія; за тѣмъ, по предварительному уговору между ними, онъ всѣхъ далѣе бросилъ обломокъ скалы и получилъ верховную власть надъ краемъ, а они удалились на чужбину. Онъ впрягаетъ великанскую бѣлую лошадь въ огромнѣйшій плугъ и удобряетъ землю самой тщательной за-

пашкою; потомъ гонитъ и истребляетъ хищныхъ звѣрей, которые ночью растерзали у него лошадь. Сонъ повѣдываетъ ему, что сильнѣйшій тѣмъ болѣе долженъ и трудиться: на царѣ лежитъ десять ношъ, на владыкѣ тяготѣетъ сто напастей. Это говоритъ ему самъ богъ, который, какъ старый другъ богатырей, съизмлада привѣчалъ его въ вѣтрѣ, освѣжалъ въ росѣ, ростилъ на свѣтѣ краснаго солнца. Народу его, послѣ краткаго благоденствія, надолго суждена тяжкая доля; а его самого зовутъ къ суду заклятіе ковача и неосушенныя сестрины слезы. Калеви-Пёгъ посылаетъ ковачу деньги за булатъ, по всей вѣроятности—первоначально виру за убитаго сына, и испытываетъ разныя еще приключенія. Волшебникъ похищаетъ у него мечъ-кладенецъ и роняетъ его въ ручей, куда булатъ завлеченъ русалками; онѣ и задерживаютъ его тамъ своимъ ласковымъ уходомъ, хотя бы ему лучше желалось сверкать въ боевой рукѣ богатыря. Калеви-Пёгъ простился съ своимъ булатомъ, сказавши ему двусмысленно: Откроетъ тебя такой человѣкъ какъ я, тогда вылети вихремъ изъ воды и соединись съ нимъ; а если несшій тебя самъ ступитъ въ ручей пятою, раздроби ему ноги въ дребезги. Говоря это, онъ намекалъ на чудодѣя, но оно шло также и къ нему. Онъ убиваетъ сыновей волшебника, а тотъ погружаетъ его за это въ долгій сонъ. Въ дальнѣйшихъ своихъ странствіяхъ Калеви-Пёгъ спускается въ адъ, разламываетъ двери кулакомъ и освобождаетъ трехъ дѣвушекъ, которыя взяты туда живыми и должны сохранить свою молодость до тѣхъ поръ, пока колчанъ останется нетронутымъ, стручекъ неповрежденнымъ; но имъ хочется на бѣлый свѣтъ, хочется испытать любовныхъ радостей. Владыку ада вбиваетъ онъ въ землю какъ тынный колъ, беретъ себѣ тамъ мечъ, надѣваетъ шапку-невидимку и уходитъ съ дѣвицами на свѣтъ божій, гдѣ онъ оставилъ цѣлое беремя толстыхъ досокъ, заготовленныхъ имъ для обороны своего края. Тутъ многое явно отзывается германскими сказками про Зигфрида. Три сестры выходятъ замужъ за трехъ братьевъ по оружію (побратимовъ), строится укрѣпленіе, острогъ. Но Калеви-Пёга снова увлекаетъ въ даль страсть къ похожденіямъ; ему хочется отыскать конецъ свѣта; на серебряномъ кораблѣ приходитъ онъ къ искрометнымъ островамъ, гдѣ горы извергаютъ огонь и кипящую воду, — пристаетъ еще къ великанскому берегу, гдѣ дѣвица-великанша захватываетъ вмѣстѣ съ кухонной зеленью шестерыхъ его людей, а потомъ дружески ихъ ему приноситъ. Онъ видитъ бой духовъ сѣвернаго сіянія (пазырей), и очень радъ что они, вмѣсто солнца и мѣсяца, освѣщаетъ ему тьму своими огненными дугами. Наконецъ одинъ мудрецъ говоритъ богатырю, что пойди онъ еще дальше, онъ найдетъ не конецъ свѣта, а только свой собственный. При возвращеніи въ родной край кукушка встрѣчаетъ его возгласомъ:

Счастья полонъ край родимый, жизнь идетъ въ немъ благодатно,
Лаютъ весело собаки, когда кровный другъ приходитъ,
Солнце блещетъ здѣсь отрадой, и свѣтло сіяютъ здѣзды.

Тутъ семь лѣтъ правитъ онъ въ мирѣ и спокойствіи, основавъ напередъ городъ и назвавъ его, въ честь матери, Линданизой; потомъ онъ разбиваетъ въ кровавомъ бою непріятельское войско и внушаетъ побѣдоносному народу, что страна его всегда должна быть желанной невѣстою и наслѣдницей сво-

боды. Еще разъ нисходитъ онъ въ преисподнюю съ волшебнымъ колокольчикомъ, напивается силы изъ источника живой воды, одолѣваетъ чорта и приковываетъ его къ стѣнѣ горно-каменной. Но по возвращеніи онъ отдаетъ одному вѣрному лапландскому кормчему то, что́ ему обѣщалъ, — именно прикованную къ стѣнѣ книгу законовъ, въ которой прописаны всѣ вольности предковъ, вся народная независимость, — лучшее сокровище безсильныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ приходятъ съ моря желѣзные люди (латники), и молодые новобранцы не всилахъ пронять ихъ рыцарской брони своимъ топоромъ. Жалобно зыблются теперь волны морскія, вѣтеръ воетъ, тяжко вздыхая, помутилась свѣтлая роса, глазъ облака слезно плачетъ, и замолкъ отцовскій голосъ на могилѣ. Звучитъ военный рогъ, любимые дружинники Калеви-Пёга всѣ перебиты, а въ такомъ случаѣ и сама побѣда надрываетъ ему сердце.

Еще лѣто не родилось, а цвѣты ужь всѣ повяли;
Какъ изсохшая береза, безъ друзей стою, безъ братьевъ;
Миновали дни веселья, вечеръ счастія насталъ.

Онъ живетъ въ глуши одинъ одинёшенекъ; желѣзные люди подсылаютъ къ нему наемныхъ убійцъ, но онъ всѣхъ ихъ умерщвляетъ. Онъ не можетъ снести оковъ, онъ лучше хочетъ жить въ одиночествѣ какъ самобѣднѣйшій изъ нищихъ, нежели поддаться кому бы то ни было. Въ уныніи бродитъ онъ по дремучему лѣсу и приходитъ опять къ тому ручью, гдѣ утонулъ его булатъ; онъ жадно за него хватается и исходитъ кровью отъ раны, которую самъ себѣ при этомъ нанесъ; вольная душа его какъ птица несется къ небу, и просвѣтленный богатырь садится за одинъ столъ съ богами. Впослѣдствіи приставляютъ его стражемъ къ царству тѣней, чтобы оттуда не вышелъ опять діаволъ. Онъ ударилъ кулакомъ въ горно-каменныя ворота, но рука его завязла въ трещинѣ, и самъ, такимъ образомъ, въ плѣну, держитъ онъ съ тѣхъ поръ въ узахъ адскія силы. Но прійдетъ время, когда правую руку выплавитъ ему изъ камней великій огонь; тогда онъ воротится на землю, обновитъ эстонскій народъ и принесетъ счастье своимъ дѣтямъ.

Такъ и эстонскій эпосъ заканчиваетъ надеждою на лучшую будущность народа, тогда какъ его настоящее является грустнымъ и пасмурнымъ; и если Гердеръ сообщилъ намъ за сто лѣтъ жалобу бѣдныхъ крѣпостныхъ, то не забудемъ, что уже и въ эпосѣ трое братьевъ богатырей сидятъ край-берега, смотрятъ на садящееся въ волны вечернее солнце и горестно тужатъ по утраченной матери.

Волнъ веселыхъ игры, всплёски, зыбь и пѣна свѣтлыхъ струй,
Звѣзды на небѣ высокомъ, мѣсяцъ ясный, красно солнце,
Къ нашей радости и къ горю равнодушны, холодны.
Валъ катится вслѣдъ за валомъ, мчась къ скалѣ береговой,
Разбивается о камень, разлетается весь въ пыль,
Но не скажетъ онъ ни слова на какой ни есть вопросъ.
Такъ и жизни нашей волны, подъ вечерній холодокъ,
Приливаютъ къ высямъ Кальмы. къ намогильной муравѣ.
Звѣзды смотрятъ зорко съ неба. глядитъ мѣсяцъ съ высоты,
Умирающихъ и мертвыхъ озаряетъ солнца ликъ.
Но нѣтъ рѣчи у могилы, нѣтъ ея и у звѣзды,
Мѣсяцъ слова не промолвитъ, солнце вѣсти не подастъ,
На любой вопросъ все нѣмо.

В. Кельты.

Благодаря изслѣдованіямъ сравнительнаго языкознанія, Кельты окончательно пріурочены къ Арійцамъ; но они связаны съ ними не такъ тѣсно, какъ Греки съ Индійцами, какъ съ Славянами Германцы. Вмѣсто органическаго преизбытка формъ, свойственнаго Санскриту, языкъ Кельтовъ выражаетъ иногда соотношенье словъ еще прямо лишь однимъ ихъ размѣщеніемъ и удерживаетъ флективныя окончанія существительныхъ и глаголовъ въ видѣ самостоятельныхъ или полусамостоятельныхъ предлоговъ, глаголовъ и мѣстоименій, такъ что онъ предстаетъ намъ собственно еще на переходной ступени, откуда и слѣдуетъ заключить, что Кельты двинулись изъ общей прародины прежде, нежели ступень эта была окончательно пройдена Арійцами. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ то обстоятельство, что уже за тысячу лѣтъ до Р. Х. Финикіане застали ихъ въ нынѣшней Франціи, что четыре вѣка спустя Пельта, дочь Нана, подноситъ Эллину Эвксену кубокъ для питья, чтобы такимъ образомъ избрать себѣ пригожаго иноземца въ супруги, и что потомъ Фокейцы, выселяясь при персидскомъ нашествіи для сохраненія своей независимости, приносятъ въ даръ Кельтамъ виноградную лозу, маслину и письмена и основываютъ на берегу ихъ городъ Массилію (Марсель). Изъ Франціи нѣкоторая часть Кельтовъ перешла въ Англію, въ Ирландію, и нашла себѣ тамъ новую отчизну; другіе распространились за Пиренеи и перемѣшались съ Иверами; третьи прорвались въ Италію, заняли долину рѣки По и осадили даже Римъ; наконецъ четвертые прошли опять обратно на востокъ въ Грецію и въ Малую Азію, гдѣ облики этого народа повстрѣчались намъ въ пластическихъ произведеніяхъ пергамской школы. Прошло много времени до тѣхъ поръ пока они стали осѣдлыми земледѣльцами. Долго считали они за позоръ собственноручно работать въ полѣ, и охотнѣе располагались со стадами свиней подъ древними дубами, принуждая проѣзжихъ и прохожихъ отзываться на ихъ оклики и разсказывать имъ про отдаленные края и народы; это также занимало ихъ, какъ жителей Востока потѣшаютъ повѣсти о чудесахъ и волшебныя сказки. Они любили море и пускались по Океану на парусныхъ судахъ. Знатные старшины семействъ становились во главѣ рода, но прочной политической связи у нихъ не было; отвага и сила придавали нѣкоторымъ воеводамъ или «бреннамъ» особенный вѣсъ, и тогда воинскій строй и чинъ замѣняли собой гражданскій порядокъ. Города ихъ были только крѣпости, а не исходныя точки, не гнѣзда государственнаго общежительства, какъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ. Характеръ у Кельтовъ былъ смѣлый, подвижной, открытый всякому вообще впечатлѣнью; это дѣлало ихъ любопытными и наклонными къ новизнѣ; оттого же въ Средніе Вѣка они стали изобрѣтателями поэтическихъ сюжетовъ, оттого же та держава, которой служатъ они основою, достигла и въ новое еще время перваго почина въ политикѣ и въ модѣ. Храбрость шла у нихъ объруку съ хвастливой нохвальбой; древніе Галлы совершили много блестящихъ ратныхъ подвиговъ; высокіе ростомъ, въ шлемѣ съ бычачьими рогами или орлиными крыльями, съ ожерелкомъ вокругъ шеи, со щитомъ, украшеннымъ гербами, усатые, съ

дикой дерзостью въ голубомъ глазѣ, вызывали они непріятелей, а не то такъ и другъ друга, на поединокъ, чтобы передо всѣмъ войскомъ показать и силу свою и прыть. Они особенно любили конницу, начальники клановъ (мѣстныхъ родовыхъ общинъ) рано сдѣлались рыцарскою аристократіей; духъ рыцарства развился и держался въ средѣ ихъ, обращаясь мало по малу въ галантерейность и преутонченное сладострастіе позднѣйшихъ вѣковъ, при чемъ незамѣтно однакожь того глубокаго, искренняго уваженія къ женственности, какое сродно было Германцамъ. Храбро биться и бойко острить,— вотъ двѣ вещи, которыя уже и по словамъ старшаго Катона много значили у Галловъ; esprit и gloire остаются для нихъ волшебными словами донынѣ. Живость нрава располагала ихъ къ удалому проказничеству какъ въ дѣйствительности, такъ и въ воображеніи, а въ соединеніи съ говорливостью прямо вела къ преувеличеніямъ въ самомъ способѣ выражаться.

Кельты раздѣлялись между собою на два племени, которыя напоминаютъ противоположность Іонійцевъ съ Дорійцами: на Галловъ и Кимровъ. Многіе относятъ этотъ подѣлъ къ двумъ разнымъ по времени водвореніямъ, и догадка Фридриха Карла Мейера, что Кельты пришли въ Европу двумя путями,—однимъ сѣвернымъ и другимъ южнымъ черезъ Африку, отчасти подтверждается новѣйшими открытіями каменныхъ памятниковъ близъ Константины, близъ Алжира, въ Нумидіи, тогда какъ, съ другой стороны Кимровъ видятъ въ Геродотовыхъ Кимерійцахъ, давшихъ свое названіе Крыму, также въ Гомрахъ моисеевскаго списка народовъ, а Кельтовъ распознаютъ въ тѣхъ Галатахъ, къ которымъ писалъ апостолъ Павелъ. Кимры уцѣлѣли еще въ Бретани и въ Вельсѣ, и этимъ также опять доказали свою сравнительную живучесть, свой болѣе упорный, серьёзный и наклонный къ мистицизму нравъ, въ противоположность той легкой возбудимости, веселости и измѣнчивости, благодаря которымъ Галлы такъ скоро превратились въ Романовъ и Франковъ. Галльскій духъ живетъ въ Вольтерѣ, Мольерѣ, Беранжѐ, тогда какъ Шатобріанъ, Ламенне́, Бризё—настоящіе Бретонцы.

Когда Цезарь узналъ Галловъ, они уже далеко оставили за собою тѣ патріархальныя времена, когда чествовали божество предпочтительно какъ благотворную мощь природы въ небесномъ свѣтѣ и въ земной веснѣ; среди перекочевки своей въ Европу пережили они богатырскій періодъ, когда въ глазахъ народной фантазіи не только всѣ подвиги и судьбы народа лежали непосредственно въ рукѣ боговъ, но когда послѣдніе и сами болѣе и болѣе очеловѣчивались, надѣлялись и обликомъ и страстями смертныхъ, какъ дѣлалось это у Гомера и въ индійскомъ эпосѣ вслѣдъ за періодомъ Ведъ. Цезарь называетъ Меркурія верховнымъ богомъ у Кельтовъ, какъ Тацитъ— у Германцевъ. Молніеносный громовержецъ Зевсъ или Юпитеръ, въ которомъ у Грековъ и Римлянъ уцѣлѣлъ и развивался далѣе первобытный свѣтобогъ, — этотъ первообразъ отступилъ для подвижно́го духа Кельтовъ и Германцевъ на задній планъ подъ именемъ Таррана или Тора, и божество созерцали они преимущественно лишь какъ движущую силу, которая все возбуждаетъ и ведетъ въ природѣ и въ человѣчествѣ. Тейтатесъ, напомнившій Цезарю родного Меркурія, для Галловъ то же самое, что Воданъ для Германцевъ,—первоначальникъ всѣхъ искусствъ, олицетвореніе того изо-

брѣтательнаго духа, который сопровождаетъ человѣка и народъ во всѣхъ путяхъ его, въ жизни и за гробомъ, руководитъ въ душевныхъ настроеніяхъ, споспѣшествуетъ ему въ промыслахъ и торговлѣ, является главнымъ двигателемъ въ ходѣ мірскихъ дѣлъ и въ сношеніяхъ людей между собою. Это стало-быть идеалъ кельтійскаго характера, истый племенной богъ Галловъ. Остается подъ сомнѣніемъ, отвѣчала ли у нихъ Минервѣ особая богиня, учившая мирнымъ искусствамъ и художествамъ, или Римлянинъ принялъ за нее ту, которая пряла нить жизни и потомъ отрѣзывала, вообще уготовляя судьбу человѣка; что Кельты чествовали такую силу судьбы, имѣвшую у себя подъ рукой многихъ пособницъ, вродѣ Парокъ и Норнъ, это между прочимъ ясно изъ того, что именно у нихъ сильно развилась и удержалась вѣра въ фей какъ судьбо-вѣстницъ. Феи кладутъ новорожденнымъ въ колыбель ихъ жребій, ихъ счастье и несчастіе; волшебнымъ жезломъ своимъ творятъ онѣ, что̀ захотятъ. Это—часто упоминаемыя въ надписяхъ Matres, матери, или Matronae. Съ другой стороны феи сливаются въ одно съ эльфами; и тѣ и другіе доселѣ еще живы въ народномъ повѣрьи, въ пѣсняхъ и сказкахъ, въ эпосѣ Спенсера и въ шекспировой драмѣ; напомню только о «Снѣ въ лѣтнюю ночь» и о прелестномъ изображеніи царицы фей, Мабъ, въ «Ромео и Юліи». Эльфовъ зовутъ смирнымъ, добренькимъ людомъ; они дотого воздушны, что если вскочатъ на капельку росы, то она хоть задрожитъ подъ ними, но не растечется. Ихъ шлемъ—цвѣты колокольчики; они любятъ музыку и пляску. Они составляютъ то царство духовъ, откуда исходятъ и куда возвращаются человѣческія души; оттого эльфы празднуютъ похороны умершаго, какъ день рожденья или свадьбы. Время у нихъ вполнѣ безсильно; проведешь между ними цѣлые года̀, а кажется, будто пробылъ одно мгновенье: вотъ почему и царство ихъ, преисподняя, называется страной юности. Кто отвѣдаетъ ихъ пищи, тотъ остается крѣпокъ ихъ обществу. Незримо наполняютъ они всю природу и дѣйствуютъ, какъ сокровенныя ея силы, въ глубинахъ земли, въ ручьяхъ и источникахъ, въ облакахъ и теплыхъ лучахъ солнца, въ сіяніи мѣсяца и звѣздъ; оттого и собственный цвѣтъ ихъ представляется то темнымъ какъ ночь или матово-блѣднымъ, то свѣтлымъ и блистательнымъ; къ этому пріурочено и различеніе злого отъ добраго начала, но надо сказать—безъ всякой глубокой выработки. Они не любятъ чтобъ ихъ тревожили, а сами охочи дразнить другихъ; въ нихъ является сокровенная мощь природы, которая на столько же привѣтлива и благотворна къ человѣку, на сколько и вредна ему. Средневѣковое христіанство видѣло въ нихъ падшихъ съ неба, но не низвергнутыхъ въ адъ ангеловъ, которые постоянно тревожатся сомнѣніемъ о будущемъ своемъ спасеньи.

Римскому Марсу отвѣчалъ у Галловъ въ цезарево время владыка побоищъ, Эзъ. Противень Аполлона, солнобогъ Беленъ, чтился особенно еще какъ цѣлитель недуговъ; что онъ царилъ также и надъ поэзіей, это узнаёмъ мы изъ Лукіанова извѣстія о кельтскомъ божествѣ, вооруженномъ палицею и лукомъ и съ львиною кожей на плечахъ, которое напоминало ему Иракла; но его изображали старцемъ, и отъ языка его шли золотыя и янтарныя цѣпи, которыми приковывались къ нему уши стоящихъ круго̀мъ слушателей; онъ глядѣлъ на нихъ улыбаясь, а они внимали ему съ видимымъ удовольствіемъ. Грекъ попросилъ одного Кельта объяснить что̀ это за богъ. Это, ска-

залъ тотъ, богъ силы и вмѣстѣ рѣчи; это—очарованіе и мощь слова, которое все связываетъ и все себѣ покоряетъ; а старцемъ изображается онъ потому, что только въ старости мудрость даетъ рѣчи полную силу. Это указываетъ уже на ту ступень жреческой рефлекціи, съ которою мы познакомились какъ съ третьею въ религіозномъ развитіи Индійцевъ, и дѣйствительно (кельтскіе жрецы) друиды, какими описываютъ ихъ Цезарь и другіе Римляне, вообще соотвѣтствуютъ браманамъ и ихъ владычеству.

Если друидизмъ и его ученіе предпочтительно развились у Кимровъ, то намъ все-таки нѣтъ надобности, вмѣстѣ съ Анри Мартэномъ, пріурочивать ихъ непосредственно къ браманамъ вслѣдствіе позднѣйшей откочевки, и тѣмъ менѣе согласны мы вмѣстѣ съ Леру производить ихъ отъ культа Сивы, котораго позднѣйшее образованіе намъ уже извѣстно (I, 363 и сл.); не въ подобныхъ плодахъ слѣдуетъ признавать общее родовое наслѣдіе, а только въ тѣхъ завязяхъ и корняхъ, которые при сродственныхъ условіяхъ разумѣется дали и сходные между собой отпрыски. Ни въ Греціи, ни въ Германіи не сложилось особаго сословія жрецовъ, а у Индійцевъ и Кельтовъ оно сложилось и достигло первенства. Друиды, то-есть поддубники, называются такъ по дереву (дубу, δρῦς), подъ которымъ они приносили свои жертвы, изъ вѣтвей котораго плели себѣ вѣнки; они пѣвцы и вмѣстѣ жрецы первобытной старины, только съ раздѣленіемъ уже на три разряда:—собственно жрецовъ, естествовѣщихъ ворожей, и бардовъ. Первые именуются сенанами, досточтимыми; это — учители народа, совѣтники его въ дѣлахъ вѣры, судьи по уголовнымъ дѣламъ и спорамъ о владѣніи и наслѣдствѣ; они опредѣляютъ наказанія и награды и кладутъ отлученіе на непокорнаго, исключая его этимъ отъ жертвоприношеній и отъ гражданскаго сообщества, объявляя безчестнымъ и безправнымъ. Во главѣ друидовъ стоитъ верховный жрецъ; ему наслѣдуетъ по смерти наиболѣе уважаемый; если ни одинъ не выдается рѣшительно передъ другими, мѣстные жители постановляютъ выборъ дачей голосовъ, или прибѣгаютъ къ рѣшенью судомъ божіимъ на поединкѣ. Въ области Карнутовъ, близъ Шартра, друиды собирались ежегодно одинъ разъ въ священномъ урочищѣ, «въ средоточіи кельтійскаго края». Собраніе это обладало по всѣмъ духовнымъ дѣламъ верховною законодательною и распорядительною властью. Друиды были освобождены отъ воинской службы и отъ всѣхъ общественныхъ повинностей. Доступъ въ ихъ сословіе былъ открытъ всѣмъ вольнымъ Кельтамъ; но онъ обусловливался подготовительнымъ воспитаніемъ, продолжавшимся много лѣтъ, иногда свыше 20-ти, и конечно для этого выбирали самыхъ даровитыхъ изъ молодежи. Мудрость ихъ излагалась въ стихахъ и формулахъ, но отнюдь не на письмѣ; она жила только въ сердцѣ и въ памяти

На ряду съ жрецами или сенанами стояли эйбуты, занимавшіеся изученіемъ природы, наблюденіемъ свѣтилъ, изслѣдованіемъ свойственной разнымъ вещамъ силы, для того чтобы своимъ врачебнымъ искусствомъ, а также волхвованіемъ и ворожбою по полету птицъ и по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, извлекать выгоды какъ для самихъ себя, такъ и для народа. Здѣсь коренится много суевѣрныхъ обычаевъ, державшихся во всѣ Средніе Вѣка. Эйбутъ срѣзывалъ золотымъ серпомъ растущую на дубу омелу (вихорево гнѣздо); другой ловилъ ее въ подставленный бѣлый платокъ,

чтобы она не коснулась земли ни подъ какимъ видомъ; взбѣгая вѣчно-зеленою на священномъ деревѣ, почиталась она символомъ высшей жизни, порождаемой земнымъ бытіемъ, и спасительнымъ средствомъ отъ всѣхъ болей и страданій. Эйбуты освящали разные обереги (амулеты) и знали особые заговоры на счастье и для проклятія. Барды обязаны были славить или позорить людей пѣніемъ и поддерживать воспоминаніе о дѣлахъ прошлаго и настоящаго. Они участвовали въ воспитаніи молодежи, одушевляли воиновъ на бой, веселили за трапезой, изрекали почетное слово скорби по умершихъ, и были верховодами общественнаго мнѣнія. Упоминаются еще также и друидки, а по греческимъ и римскимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что кельтскія женщины принимали участіе въ уладѣ ссоръ, въ совѣщаніяхъ о войнѣ и мирѣ. Это были отчасти жены друидовъ, отчасти дѣвственныя служительницы боговъ. Помпоній Мела говоритъ о настоятельницахъ оракула на островѣ Сенѣ (île de Sain), что объ нихъ идетъ повѣрье, будто своимъ пѣніемъ онѣ возбуждаютъ вѣтеръ и море, исцѣляютъ болѣзни, предузнаютъ будущее и по произволу оборачиваются въ животныхъ. Предсказывали онѣ по котлу, въ которомъ стряпали свои волшебныя снадобья; отголосокъ ихъ слышится намъ въ шекспировыхъ вѣдьмахъ, а средневѣковое суевѣріе въ одной бретанской пѣсни выводитъ Элоизу, поющую о томъ, какая она мастерица на порчу, какъ на восходѣ солнца собираетъ она свои зелья босикомъ, кладетъ въ волшебный напитокъ сердце жабы и глазъ ворона, откармливаетъ змѣй кровью некрещеныхъ младенцевъ, какъ знаетъ заговоръ для вызова вёдра или ненастья, какъ умѣетъ обернуться собакой, птицей или блудящимъ огонькомъ.

Много басней пущено было въ ходъ о мудрости друидовъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ Девисъ въ Англіи, а Мóне и Экерманнъ въ Германіи приняли темныя аллегорическія изреченія вельсскихъ бардовъ за древнѣйшее преданіе и старались объяснить ихъ въ мистическомъ смыслѣ. Они дѣйствительно облечены въ искони употребительную форму такъ-называемой тріады, троечленнаго стиха, и тріада о верховной мудрости друидизма вполнѣ согласна съ отзывомъ Діогена Лаэртскаго, что девизъ ея: благоговѣніе и покорность къ Богу, заботливость о благѣ людей, непоколебимая твердость въ житейскихъ треволненіяхъ. Не стану оспоривать и того, что жрецы признавали въ различныхъ божествахъ только разныя свойства одного и того же бога, которыя, смотря по образу ихъ дѣйствія, получали и разныя наименованья. Въ мірѣ видѣли они одно громадное животное, вышедшее изъ глубины первобытной ночи; но изъ-за этого онъ не считался у нихъ зломъ и сатанинскимъ дѣломъ, напротивъ, по ихъ мысли, вся жизнь была только стремленіемъ отъ мрака къ свѣту; и Цезарь, выражаясь посвóему, говоритъ, что происхожденіе свое Галлы относили къ богу преисподней (то-есть тьмы), отцу Дису. Главными стихіями были для нихъ огонь и вода, а человѣкъ — вытяжкой изъ всѣхъ коренныхъ силъ природы. Душа почиталась безсмертною, и подобно браманамъ друиды выработали догматъ о душескитаніи въ многоразличныхъ его видахъ. Они предполагаютъ три разныхъ круга бытія. «Мы трижды проходимъ сквозь темень смерти, прежде чѣмъ окончательно успокоиться», поетъ одна древняя народная пѣсня, да и вельсскія тріады говорятъ о какомъ-то начальномъ состояніи въ безвѣстной глубинѣ, гдѣ всѣ вещи покоятся въ своемъ первоисточникѣ, о состояніи добровольнаго

отчужденія, самостоятельности и противуположности нынѣшнему міру, и наконецъ о состояніи блаженства и любви. Оно-то и есть небесное всему завершеніе; въ него входитъ только совершенный; нечистый же, запятнанный грѣхомъ, подвергается по смерти новому на землѣ испытанію или казнится и очищается въ кровавыхъ долинахъ, въ озёрахъ страха и трепета. Загробные судовщики перевозятъ очищенныя души на острова блаженныхъ, что лежатъ на западѣ; тамъ онѣ пьютъ изъ источника вѣчной жизни, снова обрѣтаютъ милыхъ имъ людей и на вѣчно-зеленыхъ полянахъ, подъ прекрасными яблонными деревьями, услаждаются пѣніемъ и мудростью. Въ этомъ извѣстія древнихъ вполнѣ согласны съ кельтскими народными пѣснями и тріадами.

Кровь требуетъ крови и вознаградима только ею одной, — таково было вѣрованіе Кельтовъ. Отсюда великое множество жертвъ. Мало того, что они обѣщали и грудами приносили добычу богу войны за всякую дарованную имъ побѣду; любой изъ нихъ, находясь въ бѣдѣ или подвергшись тяжкой болѣзни, старался перенести свое горе или угрожающую ему смерть на какое-нибудь подставное существо, животное или человѣка, надѣясь вполнѣ удовлетворить этимъ боговъ. Друиды спрыскивали алтари кровью жертвъ и ворожили по ихъ внутренностямъ. У нѣкоторыхъ племенъ выплетали изъ ивовыхъ прутьевъ огромныхъ идоловъ, наполняли ихъ живыми людьми и зажигали потомъ снизу. Для жертвоприношеній избирали преступниковъ, но гдѣ ихъ не случится, тамъ брали и невинныхъ по жеребью; приверженцы какого-нибудь родоначальника часто добровольно и радостно шли за него на смерть. На погребальномъ кострѣ сожигались вмѣстѣ съ господиномъ драгоцѣннѣйшія его вещи, лошади и собаки, а въ раннюю пору даже любимые рабы и захребетники: нельзя ему было и на томъ свѣтѣ обойдтись безъ привычной обстановки. Римляне сильно возставали противъ ужасающаго изувѣрства друидовъ; то страшное, мрачно-торжественное внечатлѣніе, какое произвелъ на нихъ кельтійскій культъ, передаетъ намъ Лукіанъ въ своемъ знаменитомъ изображеніи дремучаго лѣса подъ Массиліей, котораго никогда не трогалъ топоръ, куда никогда не проникалъ лучь солнца, но гдѣ каждое рѣшительно дерево обагрено кровью человѣческихъ жертвъ. Тамъ жутко пріютиться звѣрю, тамъ птицы не гнѣздятся по вѣтвямъ; тамъ не шелохнетъ малѣйшій вѣтерокъ, не блеснетъ никогда молнія; сами поросшіе мохомъ стволы отесаны въ чудовищные кумиры. Есть повѣрье, что повалившіяся деревья подымаются тамъ снова сами собой, что грозные голоса раздаются изъ земной утробы, что лѣсъ, вовсе не горя, стоитъ порою какъ въ пламени, и что драконы извиваются въ кольцахъ по его дубамъ. Никогда народъ не входитъ подъ мрачную тѣнь его, и самъ жрецъ трепещетъ при мысли, не явился бы ему тамъ страшный богъ.

Остатки кельтійскаго искусства возводятъ насъ къ самымъ первымъ началамъ быторазвитія: для освященія какого-нибудь мѣста, для ознаменованія его памятникомъ, просто дѣлается земляная насыпь; таинственное, странное, массивное еще замѣняетъ собой прекрасное. Какъ великій человѣкъ самъ отличался передъ другими при жизни, такъ и могила его должна возвышаться надъ другими могилами; это насыпной курганъ, иногда до 200 футовъ вышиною, каковъ напримѣръ сильбёрійскій въ Англіи; внутри его узкіе переходы ведутъ къ гробовому склепу, а этотъ покрытъ большими плитами, положенны-

ми на крѣпкихъ стѣнахъ, изъ которыхъ двѣ иногда наклонены другъ къ другу на̀косъ, такъ что образуютъ изъ себя двускатную крышу. Курганъ окопанъ рвомъ и обведенъ кру́гомъ стоячихъ камней, иногда вершина его увѣнчана каменнымъ столпомъ. Такого рода столпы часто сооружались и по другимъ случаямъ; они называются менгирами или пёльвенами; громаднѣйшій изъ нихъ въ Бретани оказался въ 60 футовъ высоты. Два столпа, стоящіе близко одинъ къ другому и сомкнутые третьимъ въ видѣ воротъ, именуются лихавенъ; если нѣсколько вольностоящихъ камней подпираютъ собой каменную плиту или смыкаются подъ ней въ сплошную стѣну, то отсюда происходятъ дольмены или каменные лари. Такъ сооружались иногда цѣлые крытые ходы, которые слывутъ у народа гротами фей. Своеобразнаго вида тѣ такъ-называемые «перевѣсные камни», rockingstones,—каменныя глыбы, насаженныя острымъ концомъ на каменную же подставку или подложку, такъ что ихъ вслѣдствіе того легко приводить въ качательное движеніе. Ряды стоячихъ камней (столповъ) образуютъ иногда цѣлыя улицы и ведутъ къ каменнымъ кругамъ (ко̀ламъ), а здѣсь идутъ опять цѣлые круги высокихъ или низкихъ столповъ, сомкнутые то попарно, то всѣ сплошь одною накрывной плитой, около одного общаго всѣмъ средоточія. Такъ, напримѣръ, «каменная засѣка» (Stonehenge, Стонхенджъ) на сѣверъ отъ Салисбёри обставляетъ вопервыхъ большую каменную глыбу тридцатью стоячими камнями поменѣе; десять такихъ камней бо́льшаго размѣра обозначаютъ слѣдующій за тѣмъ кругъ, и наконецъ тридцать столповидныхъ камней въ 16 футовъ вышины—третій кругъ, имѣющій 108 футовъ въ поперечникѣ. На карнакскомъ полѣ (въ Бретани) насчитывается еще болѣе тысячи каменныхъ столповъ и глыбъ; образуемыя ими улицы ведутъ отъ большого круга, простирающагося на 1600 футовъ въ поперечникѣ, къ меньшимъ кругамъ или ко́ламъ. Памятный камень могъ уже пожалуй быть грубымъ изображеніемъ какого-нибудь бога или героя; смычка опорныхъ столповъ вверху каменною балкой или плитою дала первый зачинъ подѣла и соединенія силы съ тяжестью (опоры съ давящимъ на нее гнетомъ), отвѣснаго и горизонтальнаго направленья; ко́ломъ отмѣчалось священное пространство.

До цезарева прихода въ Галлію, тамъ на ряду съ жрецами вошла уже въ силу и власть свѣтская родовитая аристократія, поставившая народъ въ полную отъ себя зависимость, закрѣпостившая его себѣ на службу; раздѣлясь на партіи, край былъ поставленъ между двухъ огней, между Римлянами и Германцами; побѣда Цезаря надъ Аріовистомъ сдѣлала Галлію оплотомъ античной гражданственности и остановила на цѣлые вѣка потокъ переселенія народовъ, напиравшій изъ-за Рейна. По покореніе ея Римлянами пробудило еще разъ народное самосознаніе Кельтовъ и соединило всю страну на бой за освобожденіе подъ водительствомъ Цервингеторикса; еще разъ ярко вспыхнуло одушевленіе, но вслѣдъ за первыми ударами такъ же скоро и угасло; рыцарственный вождь пожертвовалъ собой въ искупленіе своему народу, и кровь его пролилась у подошвы Капитолія въ самый день цезарева тріумфальнаго вступленья въ Римъ. И здѣсь предстало то зрѣлище, что передъ концомъ своимъ или полнымъ преобразованіемъ цѣлый народъ сосредоточился вкругъ одного великаго человѣка, котораго геройскій ликъ какъ будто бы свыше предназначенъ для трагическаго жребія и явился напослѣдахъ въ

полномъ блескѣ солнечнаго заката.—Въ царствованіе Августа императору и богинѣ Ромѣ посвященъ былъ храмъ у сліянія Роны съ Сóною; имена шестидесяти выстроившихъ его галльскихъ городовъ начертаны были на жертвенникѣ, и ихъ статуи обступали тамъ колоссъ, изображавшій Галлію. Туземныя божества были отождествлены съ римскими; языкъ, письменность, литература Латинянъ быстро здѣсь распространились, и скоро, начитавшись Энеиды, Галлы сами пожелали происхожденія отъ троянскихъ бѣглецовъ. Друидизмъ укрылся въ глубь лѣсовъ или на пустынныя побережья; знатные конники превратились въ сенаторовъ, и мраморные чертоги стали возводиться въ тѣхъ самыхъ городахъ, которыхъ прежняя ограда отличалась той особенностью, что отъ нутра къ наружи одна балка клалась въ двухъ футахъ отъ другой, а промежутокъ заполнялся камнями и насыпной землею; во второмъ и въ третьемъ звенѣ ограды дерево накладывалось всегда на камень и наоборотъ камень на дерево, что давало одинаково защиту и отъ огня и отъ стѣнобитныхъ орудій, да представляло сверхъ-того и зрѣнію рядъ правильно чередующихся перемѣнъ.

Англія была постепенно заселена цѣлымъ рядомъ кельтійскихъ водвореній; жителей Ирландіи и Шотландіи отличали и тогда отъ Бритовъ южной части острова, которые по сближеніи съ Римлянами также перестали возводить свое имя къ туземному владыкѣ Приду, а отнесли его къ энееву потомку, Бруту, который будто бы раздѣлилъ страну на части тремъ своимъ сыновьямъ. Римляне нашли тамъ воинственный народъ, жившій въ довольно распущенномъ союзѣ подъ управой королей или царьковъ; отецъ семьи былъ главою въ каждомъ домѣ. Роды считались въ кровной связи вплоть до девятой степени, но въ нихъ принимались и сторонніе подъ условіемъ стоять во всемъ заодно, какова бы ни выпала роду доля; они составляли такимъ образомъ волостной союзъ или кланъ, которымъ правилъ голова или волостель и на войнѣ и въ мирѣ. По родамъ строились въ боевой порядокъ и разсаживались на пиру; у нихъ были свои преданія, пѣсни, гербы или значки; заодно отстаивали они свою собственность и честь противъ всѣхъ стороннихъ нападеній; за кровь требовалась кровь или же выкупнáя вира. Король долженъ былъ поддерживать миръ въ своей землѣ и наказывать за всякое правонарушенье; родовые головы или старшины помогали ему въ дѣлѣ общественной справы, и законы издавалъ онъ съ согласія міра или земской общины, къ которой можно было обратиться съ жалобой и на него, въ случаѣ притѣсненія и произвола. Королевская власть, народный сходъ и правосудіе, — вотъ, по словамъ одной тріады, три опоры общества. Народный сходъ долженъ строить во всемъ согласіе и порядокъ, вводить или запрещать новыя ученія и искусства. Въ сревневѣковую пору встрѣчаемъ мы здѣсь благородныхъ, простыхъ свободовъ и крѣпостныхъ; но первоначально облагороживали человѣка только призваніе и родъ занятій: барды, мудрецы, художники вродѣ литейщиковъ, мастера строительной части пользовались особымъ положеніемъ; головѣ надлежало быть совѣтникомъ и судьей, человѣкомъ испытанной мудрости и свѣдущимъ въ стихотворствѣ. Преступники теряли воинскую свою честь (право носить оружіе) и свою долю въ государствѣ (общественной справѣ); вмѣстѣ съ побродягами и чужаками числились они въ захребетникахъ и крѣпостныхъ

у тѣхъ или другихъ родовъ. Они получали свободу, или женившись на свободной, или прошедши въ школѣ бардовъ полный курсъ ученія.

Римляне принесли на островъ свою образованность и свое управленіе, свои промыслы и свои потѣхи, и заложили тамъ много городовъ; но кельтизмъ крѣпко еще опирался на друидовъ и бардовъ, поддерживавшихъ въ сердцѣ народа религію, нравы и исторію прадѣдовъ, а съ ними и національное его чувство; не даромъ же Цезарь говоритъ, что уроженцы Галліи, желавшіе получше узнать старину, отправлялись въ Британнію, какъ въ высшую школу друидизма. Вначалѣ 5-го вѣка Римлянамъ пришлось предоставить эту провинцію самой себѣ, а вторгнувшіеся за тѣмъ Саксы выпудили народъ столпиться подъ знамена верховныхъ правителей, изъ которыхъ славятся и воспѣваются особенно Уріэнъ и Артусъ или Артуръ. Кельты были однакожь оттѣснены къ западному берегу или принуждены переселиться въ Арморику; оттого сѣверный берегъ Франціи получилъ названіе Бретани (Британнія), и между сродственными племенами долго сохранялась самая живая связь. Послѣ того какъ въ 635 г. Кадваллонъ (Ceadwalla) палъ въ битвѣ, Бриты начали терять волость за волостью, и только Камбрія (или Вельзъ) отстояла за собой древнюю самобытность, хотя и среди безпрерывно возгоравшейся борьбы противъ Саксовъ и Норманновъ, хотя впослѣдствіи и платя дань англійской коронѣ, пока подконецъ 13-го столѣтія Англичане не пронесли по лондонскимъ улицамъ на копьѣ голову послѣдняго князя Бритовъ, украшенную серебрянымъ обручемъ, въ издѣвку надъ его хвастливымъ предсказаньемъ, что онъ вступитъ туда въ діадемѣ верховнаго властителя. Народъ сохранилъ однакожь свой языкъ, свои нравы, свое право, и такъ какъ съ гордымъ самочувствіемъ онъ все еще считалъ себя законнымъ господиномъ всего острова, то тщательно лелѣялъ и воздѣлывалъ кладъ древнихъ преданій. Вождями, носителями и ораторами кельтизма главное были барды. Они остались пѣвцами, какими были искони, даже и тогда когда ворожеи и сенанскіе друиды должны были отступить передъ христіанствомъ и передать свое учительское званіе монастырскимъ и епископскимъ школамъ; они такъ же выступили теперь противъ монаховъ, какъ прежде были душою оппозиціи противъ Римлянъ, Саксовъ и Норманновъ, и не смотря на неизбѣжное вторженіе христіанскихъ идей, все еще не переставали излагать преданія древней мудрости въ своихъ поэтическихъ поговоркахъ. Намъ предстаетъ здѣсь то вполнѣ своеобразное явленье, что поэзія воздѣлывается особымъ, какъ бы замкнутымъ въ цехъ, сословіемъ. Оно, правда, пополняется вновь членами не по рожденію или наслѣдству, а по способности и выбору, и сами тріады признаютъ поэтическій даръ совершенно для того необходимымъ, хотя и выставляютъ тутъ же условіемъ предварительное обученіе у какого нибудь барда и утвержденіе въ этомъ званіи цѣлой сходкою опытныхъ пѣвцовъ. Вмѣсто оружія барды носили при себѣ посохъ, ни кто не смѣлъ обнажить передъ ними меча, и другъ и недругъ почиталъ ихъ неприкосновенными. Они были изобрѣтателями и передатчиками искусства, они вели родовые, поколѣнные списки, сохраняли память героевъ и подвиговъ; къ призванію ихъ относятъ провозвѣстіе истины и вѣдѣнья, облагороженіе нравовъ, содѣйствіе торжеству мира надъ беззаконіемъ и насильствомъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ края устроены были бардскіе станы или ложи,

изъ которыхъ каждая имѣла свои правила и свой девизъ; тутъ читаемъ мы между прочимъ такіе лозунги: Правда передъ цѣлымъ свѣтомъ, по́дъ Богомъ и миромъ божіимъ, или: Вставайте, ужь разсвѣло! Отсюда-то исходило ученіе, наука, тамъ собирались сходки пѣвцовъ, ученики подвергались испытанію и удостоивались степени самостоятельнаго барда. Предсѣдателемъ, мастеромъ ложи былъ всегда отличный поэтъ. Вокругъ него тѣснились близкіе ему барды; но бывали сборища и бардовъ всего края, созывавшіяся задо́лго напередъ къ освященнымъ издревле начальнымъ днямъ той или другой поры года. Здѣсь установлялись общія правила по части искусства и обученія; здѣсь, рядомъ съ воспоминаніями про старину, передавались въ общее достоянье лучшія изъ новыхъ произведеній. Судьи, рѣшители поэтическихъ достоинствъ, изрекали свой приговоръ, глядя прямо въ глаза свѣту, то-есть на солнце; около возвышенія середи поляны рядомъ камней обозначался тотъ кругъ, въ который могли вступать одни только барды. Ученики примыкали къ какому-нибудь барду, уполномоченному на учительское званіе; сначала ихъ называли новиками, потомъ вышколенными, и наконецъ объявляли самостоятельными пѣвцами; но и за тѣмъ слѣдовало еще три года сряду одержать побѣду на состязаніи, чтобы стать друидійскимъ бардомъ, настоящимъ мастеромъ пѣнія. Впрочемъ и помимо такой выучки большое собраніе бардовъ утверждало иногда въ видѣ изъятія мастеромъ какого-нибудь пѣвца за особенную даровитость и познанія. Мы встрѣчаемъ бардовъ въ званіи владыкъ, судей, богатырей, воспитателей; но всегда поэтическая форма была носительницей ихъ знанія и дѣятельности, а съ стихотворствомъ стояла въ тѣсной связи и музыка: для любого стихоразмѣра существовали своя мелодія, свой напѣвъ; пѣніе сопровождалось арфою (тели́нъ), гудкомъ (хрутъ) или флейткой (нибе́й, флейта, прикладываемая ко́ рту не концемъ, а поперёкъ). Чѣмъ болѣе барды превращались вмѣстѣ и въ ученыхъ, тѣмъ самостоятельнѣе выдвигались обокъ съ ними музыканты и пѣвцы; но они гордо противополагали себя нецеховымъ, бродячимъ пѣвцамъ, скрыпачамъ и флейтщикамъ. Между тѣмъ пѣніе любили всѣ, пѣсня подъ звуки струнъ раздавалась въ каждомъ семействѣ; мечъ и арфа были такія домашнія сокровища, которыхъ не могъ задержать по иску ни какой судъ.

Каждый бардъ имѣлъ право на 5 акровъ (почти на 2 десятины) земли. Если онъ поступалъ придворнымъ бардомъ къ королю, то получалъ отъ него арфу, а отъ королевы — золотое кольцо. Пѣсни въ похвалу славныхъ дѣлъ, касавшихся цѣлаго народа, если только онѣ увѣнчивались бардами въ общемъ собраніи, давали поэту право обойдти кругомъ весь край и получить по пенязю (пфеннигу) отъ плуга. Сверхъ-того въ большіе праздники бардамъ и ученикамъ ихъ дозволялось ходить такимъ же образомъ по округу ихъ ложи или стана; такъ какъ въ своихъ странствіяхъ они сами собирали и передавали другимъ свѣдѣнія о событіяхъ, то во всѣхъ знатныхъ семьяхъ ихъ не только охотно принимали, но еще и дарили подарками. Также точно на похоронахъ, на свадьбахъ, гдѣ необходимы были хвалебныя ихъ пѣсни. Странно одно распоряженіе Хоуэлева уложенія. Если бардъ приходилъ къ королю, чтобы испросить у него что-нибудь для себя или для другого, то онъ непремѣнно обязанъ былъ прочесть хоть одно стихотвореніе, у дворянина же — не менѣе трехъ, а у мужика долженъ былъ пѣть вплоть до ночи, пока хватитъ его силы.

Полагали ли, какъ догадывается Вальтеръ, что высокостоящій человѣкъ скорѣй способенъ оцѣнить достоинство стихотворенія, или, какъ думаетъ Розенкранцъ, хотѣли этимъ устранить пѣвца отъ самоуниженія?

Этому крѣпкому полу-цеховому уставу кимрская литература обязана конечно тѣмъ, что въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ она удержалась въ кругу извѣстныхъ созерцаній, чувствованій, способовъ выраженія и формъ такъ еще свѣжо или такъ мертвенно и косно, она вообще такъ мало двинулась впередъ, что за весьма немногими отмѣнами нынѣшній бардъ поетъ почти на тотъ же ладъ, какъ и языческій его предокъ. Замкнутость народа внутри себя, тягучая своебычность его нрава, духъ направленный къ славѣ прошлаго среди борьбы и бѣдствій настоящей эпохи, — вотъ чѣмъ овозможилось подобное явленіе. Уже друиды должны были усильно помогать своей памяти, никогда не записывая своихъ ученій, а между тѣмъ желая сохранить ихъ неизмѣнно въ преданіи; этого они достигали стихотворнымъ складомъ рѣчи, одинаковостью окончанія, связывавшаго собой разныя предложенья, и трехчленнымъ дѣленіемъ, всегда сопоставляющимъ подъ одну точку зрѣнія три разные предмета, — людей, событія и нравственныя изреченья, отчего самая мысль поэта видообразуется наподобіе того, какъ напримѣръ площадь, фигура опредѣляется тремя точками, тѣло — тремя направленьями, любой естественный процессъ началомъ, серединою и концомъ. Такъ въ самыхъ древнихъ пѣсняхъ бардовъ, напримѣръ въ краткострочной заплачкѣ по смерти Уріэна, однозвучной риѳмою связаны непремѣнно каждыя три строки. Стихи же подлиннѣе связываются между собой не только окончательною риѳмою, но сверхъ-того серединная риѳма даетъ подобный звукъ еще и на половинѣ стиха, тогда какъ дальнѣйшее теченіе рѣчи повторяетъ въ свою очередь то же опять слово и такимъ образомъ вплетаетъ или ввиваетъ одну мысль въ другую. Это видно изъ сложеннаго въ богатырское время жертвеннаго гимна солнобогу Бели, который именуется здѣсь также Манъ-Оганомъ и есть по всей вѣроятности тотъ упомянутый нами Ираклъ Огмій, о которомъ говоритъ Лукіанъ.

Древнѣйшими памятниками поэзіи бардовъ представляются жертвенныя и боевыя молитвы, пѣсни о войнѣ и въ похвалу подвигамъ, почетныя заплачки и наконецъ нравственныя изреченія; такъ-какъ они стоятъ на рубежѣ язычества съ христіанствомъ, то понятно, что въ нихъ отразилась борьба народа за независимость. Анейринъ, Ливархъ Геннъ, Таліэзинъ именуются въ числѣ бардовъ 6-го вѣка; къ нимъ присоединенъ также и Мерлинъ, котораго, равно какъ и Таліэзина, сдѣлали миѳомъ и подставнымъ авторомъ многихъ приписанныхъ ему стихотвореній. Ливархъ Геннъ былъ самъ владѣтелемъ маленькаго королевства, жилъ потомъ въ бардахъ при дворѣ другого короля, и подъ-старость, опираясь на свой бардскій жезлъ какъ на клюку, жилъ воспоминаніями о прежнихъ дняхъ, проносившимися передъ его фантазіей. Словно туча грусти мрачно надвигаетъ ему на́ душу, и изъ нея, какъ молніи, вырываются помыслы и чувства; даже и хвалебная пѣснь звучитъ у него какъ-то глухо, вызываемая скорбнымъ плачемъ по умершихъ, а торжественный кликъ побѣды никогда не забываетъ помянуть о тѣхъ саксонскихъ матеряхъ, которыхъ осиротилъ мечь Кельтовъ *.

---

* Здѣсь мы опускаемъ неподдающуюся русскому переводу пѣснь про богатыря Ник-

Этому же первому періоду принадлежитъ въ высшей степени замѣчательное стихотвореніе Гододина, равномѣрно представляющее первобытную можносказать смѣсь эпическаго тона съ лирическимъ. Происхожденіемъ своимъ обязано оно обычаю Бритовъ устроивать вначалѣ мая въ священныхъ каменныхъ кругахъ пиры, сопровождаемые пѣвческимъ состязаніемъ между бардами, — состязаніемъ, котораго предметомъ былъ именно самый поводъ къ этому празднику, то-есть смѣна стараго года новымъ. Піэса должна была состоять изъ столькихъ же стиховъ, сколько дней въ году; до насъ дошли отрывки изъ многихъ. Триста шестьдесятъ воиновъ, или, точнѣе, 363, выходятъ на побоище (Каттретъ) противъ чужеземнаго непріятеля. Они также пируютъ въ каменномъ кругу, передъ битвой; упившись медами, встаютъ они изъ-за стола и идутъ на славную смерть другъ за другомъ; немногіе, только трое, остались еще въ живыхъ, въ тѣ дни, когда произносится стихотворенье; самъ поющій бардъ всегда называетъ себя однимъ изъ оставшихся. Противоположность между веселымъ живымъ разгуломъ и неизбѣжнымъ роковымъ жребіемъ, между праздничнымъ торжествомъ и безмолвіемъ смерти, составляетъ основной тонъ стихотворенія; но любой отдѣльный день носитъ имя какого-нибудь популярнаго героя, какъ въ христіанскомъ календарѣ дни наречены по мученикамъ, и такимъ образомъ праздникъ смѣны года всегда снова оживляетъ ихъ въ общей памяти. Новый годъ, передъ которымъ падетъ старый, — это Саксы, одолѣвающій Кельтовъ безпощадный врагъ. Такъ естественные о́бразы переплелись здѣсь съ историческими событіями, смѣна одного года другимъ превратилась въ битву двухъ враждебныхъ народовъ, праздникъ весны сталъ торжествомъ смерти. Каждая строфа въ шесть стиховъ замыкается одною и той же риомой. Одинъ изъ уцѣлѣвшихъ открывковъ прикрѣпляетъ эту пѣснь къ имени короля Цимбелина.

Вотъ вамъ пѣснь въ великій новый опять годъ:
Цимбелинъ-король счастливилъ свой народъ,—
Это плачъ по немъ, горчайшій плачъ сиротъ,—
Бургъ Эйдинъ, и по тебѣ, о нашъ оплотъ!
И по сонму твоихъ падшихъ воеводъ.
Святой островъ, зеленѣй средь шири водъ!

Поэзія бардовъ представляетъ намъ сознательную смѣсь естественныхъ событій съ человѣческою исторіей; она, если хотите, аллегорична, но аллегорія является не способомъ выраженія первобытной миѳологіи, какъ думалъ Ф. К. Мейеръ *, потому что мы вѣдь далеко уже здѣсь отъ той поры, когда чуть свѣтившая еще мысль сама себѣ выяснялась только посредствомъ аналогическихъ явленій природы; напротивъ того, друиды въ своемъ загадочномъ способѣ выраженія, о которомъ говорятъ и греческіе писатели, облекаютъ готовыя уже мысли въ форму притчи, какъ это дѣлали буддисты и

товъ, Тютбуха, замѣчательную больше по трехчленному подѣлу каждаго стиха, при чемъ члены эти производятъ впечатлѣніе трехъ тяжкихъ ударовъ молота; напримѣръ:

Heer zerstoben, Wehr zerkloben, Leib zerhaun! Прим. перев.

* Знатокъ и искусный переводчикъ древне-кельтской поэзіи.

Талмудъ; но притча охотно примыкаетъ у нихъ къ блѣднѣющимъ понемногу миѳологическимъ образамъ и сливается съ послѣдними въ какую-то сказку, гдѣ сквозь покровъ внѣшней оболочки все-таки просвѣчиваетъ еще внутренній (первобытный) смыслъ. Такъ въ основномъ фонѣ Артура и двѣнадцати витязей его Круглаго Стола распознали годъ со всѣми двѣнадцатью мѣсяцами, въ женѣ его, измѣнчиво-пригожей Гвенгвиварѣ,—смѣну годовыхъ временъ; въ вельскомъ имени Персиваля, Передръ, открыли слово булатъ, отца его объяснили графомъ Руднымъ, старшимъ рудодѣломъ, мать — металлическимъ штуфомъ, побратима—лезвеемъ краснаго меча, а освобождаемую изъ горъ черную дѣвицу—желѣзомъ; Передръ, послѣ дневнаго боя, возвращается подвечеръ въ темницу, то-есть мечь входитъ опять въ ножны. При совокупномъ дѣйствіи поэтической изобрѣтательности, древнемиѳологическаго преданія и историческихъ переживовъ сложились во второй половинѣ 1-го тысячелѣтія сказанія, лежащія въ основѣ хроникъ Неннія и Гильдаса, преимущественно же собранныя потомъ Готфредомъ Монмаутскимъ. Его исторія британской державы, подобно книгамъ сказокъ, Мaнибогіонъ, стала обильнымъ рудникомъ для вѣжественной, дворской поэзіи Романовъ и Германцевъ, какъ изложимъ мы впослѣдствіи. Здѣсь только упомянемъ еще о томъ, какъ два древнихъ барда сами обратились въ миѳы. Таліэзину позднѣйшіе вѣка не только приписали аллегорическую свою мудрость въ подложныхъ стихотвореніяхъ, но сквозь пеструю завѣсу повѣствованія они даютъ притомъ заглянуть и въ глубь древней легенды; въ самомъ уже имени Таліэзинъ, «блестящее чело», мы узнаемъ вообще поэта, рожденнаго самою музой бардовъ, Цервидменой. Гивіонъ, мѣшая въ котлѣ, гдѣ варится ею напитокъ вдохновенія, мудрости и чародѣйства, засовываетъ себѣ въ ротъ палецъ, на который брызнули три капельки, и оттого вдругъ провидитъ будущность; онъ бѣжитъ отъ Цервидмены зайцемъ, а она гонитъ за нимъ борзой собакой; онъ превращается въ пшеничное зерно, а она въ курицу, чтобъ проглотить его; черезъ девять мѣсяцевъ она родитъ ребенка, завязываетъ его въ кожаный мѣшокъ и бросаетъ въ море. Но вотъ, перваго мая, вылавливаетъ его изъ воды бѣднякъ Эльфинъ и называетъ по блестящему лбу Таліэзиномъ. Мальчикъ тотчасъ же пропѣлъ несчастному утѣшительную пѣсню—и самъ себя заявилъ духомъ, способнымъ пройдти сквозь всякое живое существо и обертывающимся во всѣ возможные виды. Тогда Эльфина беретъ въ плѣнъ король Маэльгонъ; но Таліэзинъ является ко двору, и барды, хотѣвшіе состязаться съ нимъ въ пѣніи, могутъ произнести только пустой звукъ «блеромъ, блеромъ», играя пальцемъ на нижней губѣ, какъ на струнномъ инструментѣ: всѣ заученныя хитрости искусства обращаются въ посмѣшище передъ геніемъ, который едва только запѣлъ — и съ Эльфина сами собой упали оковы, — до такой степени поэзія—освобождающая мощь; но поэтъ выходитъ настоящимъ уже провидцемъ, когда не успѣлъ онъ пригрозить королю карою, какъ вдругъ поднялась такая буря, что затрясся въ основаніяхъ дворецъ.

Въ чародѣѣ и пророкѣ Мерлинѣ слились воедино разные облики, и сказаніе о немъ служило въ теченіе пяти вѣковъ обильною поэтическою темой. Бардъ артурова времени, который послѣ проигранной битвы сошелъ съ ума отъ горести и удалился въ лѣсъ, Мерлинъ—тотъ самый страшный дикарь, про котораго поютъ и бретанскія народныя пѣсни. Позднѣйшею фигурой является

Мерлинъ Амвросій, — дитя, не знающее своего отца, плодъ любви одной Бритки съ Римляниномъ. Королю Вортигерну ни какъ не удается положить основаніе крѣпкому зáмку; кровь ребенка должна послужить для того цементомъ, но дитя окрываетъ тайны избраннаго подъ зáмокъ мѣста: тутъ находятъ двухъ драконовъ, краснаго и бѣлаго; послѣдній кажется ужь побѣжденъ, тѣмъ не менѣе онъ изгоняетъ потомъ другого; Мерлинъ толкуетъ это въ смыслѣ удачнаго возстанія Кельтовъ противъ Саксовъ. Съ тѣхъ поръ становится онъ носителемъ народныхъ бардскихъ предсказаній, и стихотворцы 12-го вѣка влагаютъ ему въ уста свои собственныя надежды какъ провозвѣстія будущаго. Такъ возникла между прочимъ знаменитая пѣснь про «Яблонный садъ», Аваллену; онъ знаменуетъ собой отечество, а страда Мерлина — страду народную; лѣсная нимфа — духъ, покровитель кельтійства, которому обѣщаетъ она спасеніе, и авторъ въ цѣломъ рядѣ строфъ изображаетъ символическими намеками прошлое родной страны, а за тѣмъ въ подобномъ же тонѣ говоритъ объ ея будущемъ:

Сладкая та яблонь, сладкое и родитъ она,
Разростаясь въ глуши лѣсовъ Целиддона;
Напрасно домогаться плодовъ ея,
Пока не прійдетъ Кадваладръ, владыка боя,
Вмѣстѣ съ орломъ рѣкъ Тови и Тейви.
Каждый тогда вступить въ свое право, и возвеселятся Британія,
Распѣвая подъ турій рогъ во славу мира.

Средніе Вѣка дали въ отцы Мерлину демона и даже шагнули еще дальше: самъ дьяволъ породилъ его съ какой-то дѣвою въ прямую противоположность Іисусу Христу; но такъ-какъ онъ осилилъ при этомъ только одну плоть спавшей дѣвицы, и не соблазнилъ благочестивой ея души, то ребенокъ хотя и сдѣлался мощнымъ чародѣемъ, знающимъ будущность, но вмѣстѣ и служащимъ Господу Богу товарищемъ Артура и его Круглаго Стола (застольной дружины), пророкомъ своего народа. Онъ вплетенъ въ былины объ Артурѣ и Св. Гралѣ, и рыцарско-романтическая фантазія превращаетъ укрывшій его дремучій лѣсъ въ волшебную темницу неизмѣнной любви. Онъ довѣрилъ всѣ тайныя чародѣйства своей возлюбленной, красавицѣ Виваанѣ, и для того чтобы вовѣки обладать имъ, она, когда онъ уснулъ, обвила девять разъ своимъ покрываломъ цвѣтущій боярышниковый плетень въ лѣсу Брезиліандѣ, гдѣ съ нимъ нѣжно миловалась, такъ что пробудившись онъ подумалъ, что лежитъ въ крѣпкой башнѣ. Ни кто не всилахъ снять этой чары, одна Виваана можетъ входить въ плетень и выходить; однакожь Мерлинъ успѣваетъ выглянуть на свѣтъ божій, и прохожіе слышатъ его голосъ.

Въ 1100-мъ году король Грюффидъ ап-Кинанъ, воротясь изъ Ирландіи, куда былъ изгнанъ судьбой, созвалъ большую сходку бардовъ въ Каэрвисѣ; тутъ принятъ цѣлый рядъ технико-поэтическихъ установленій, и островъ Мона (Ангельси, Anglesey) избранъ главнымъ сѣдалищемъ новой школы. За тѣмъ, въ эпоху трубадуровъ и миннезенгеровъ пѣснотворство бардовъ вновь процвѣло на нѣсколько вѣковъ еще и въ Вельсѣ; тѣсно примыкая къ старинѣ, оно подстрекало и вмѣстѣ отражало въ себѣ трагическую борьбу Кельтовъ съ Норманнами, противъ которыхъ первымъ помогали теперь и Англосаксы. Средь оглушительнаго великолѣпія образовъ и звуковъ предстаетъ намъ

здѣсь какая-то пестрая смѣсь неудержной дикости съ строго-утонченной искуственностью. Въ числѣ множества другихъ особенно выдаются славныя имена Гвальхмая, Овайнъ-Кивейліога, Киндело и Трагаярнъ-Каснодина. Одна побѣдная ода перваго приравниваетъ короля, которому она посвящена, героямъ стараго времени, и воспоминаніемъ объ нихъ Гвальхмай, подобно Пиндару, славитъ настоящую пору. Способъ изложенія у бардовъ вообще напоминаетъ греческаго лирика; они также парятъ и несутся въ вольномъ порывѣ вдохновенія, изливая на ту или другую подробность полный блескъ поэзіи, но не повѣтствуя обо всемъ съ эпической обстоятельною выдержкой. Поэтъ славитъ героя родриховой крови, причемъ на имя Родрихъ господствуетъ въ цѣлой одѣ, тогда какъ небольшія промежуточныя купы словъ вяжутся между собой средостинными риомами. Онъ видитъ передъ собой корабли, страшно бороздящіе море, видитъ свалку боя, развѣвающіяся знамена, летящія въ щепы копья, громко звякающіе мечи; а герой его стоитъ среди всего этого бодро и побѣждаетъ.

Овайнъ Кивейліогъ, владѣтельный князь второй половины 12-го вѣка, славитъ своихъ знаменитыхъ современниковъ такимъ образомъ, что представляетъ ихъ себѣ собравшимися къ нему въ сочельникъ на пиръ послѣ выигранной битвы, и велитъ крайчему наполнять каждому изъ нихъ поочереди турій рогъ. Это звучитъ, какъ постоянный припѣвъ, въ цѣломъ стихотвореніи; ко всякому провозглашаемому имени пѣвецъ присоединяетъ хвалу славныхъ его дѣлъ. Особенно выдается слѣдующая строфа:

Наполняй ты, кравчій, не боясь смерти, турій рогъ въ честь великаго праздника;
Возьми рогъ въ руку, налей вплоть до серебряной обдѣлки по краю,
И подай вонъ храброму Тюдору, орлу битвы, полный свѣтлаго вина;
Ему и Морейдичу, другу пѣнія, спою я что ни лучшую пѣснь во славу,
Спою въ честь этой братской четѣ, безстрашной, безпорочной, благородной и веледушной!
Богъ заплати имъ за то что они для меня сдѣлали, эти волки на выручку въ безпощадномъ бою,
Заплати Богъ за оборону края, за стойкость противъ недруга,—имъ, сыновьямъ Мохнанта въ землѣ Поуйсъ!
Примите оба хвалу пѣсни, набѣду—посмертной! Пустыми вижу я
Мѣста ихъ за этимъ праздничнымъ столомъ! Они пали! О, горе, горе!

Поэтъ заключаетъ такъ:

Налей же, кравчій, теперь и мнѣ турій рогъ сладкою прохладой: куда тяжекъ былъ день битвы для воителя!
Изъ облегшаго смѣлый рогъ серебра пьетъ онъ заслуженную себѣ награду:
Многозаботный сонъ царей извѣстенъ только мнѣ да еще Господу Богу.

Въ пѣсни на смерть короля Мадога и его сына онъ восклицаетъ: Боже, дай всему міру сгинуть съ отчаянія! и описываетъ далѣе любимое жилище своего друга такимъ размѣромъ, гдѣ третій стихъ строфы риомуетъ съ серединой четвертаго; а подконецъ заплачки каждая строфа, заключаясь тѣми же согласными, видоизмѣняетъ только гласныя, которыя имъ предшествуютъ. На послѣднемъ исходѣ своемъ поэзія эта болѣе и болѣе превращалась въ хитрую игру звуками и словами *, чему примѣромъ могутъ въ особенности

* Нѣтъ никакой возможности точно передать эту пустую, хотя и затѣйливую, игру въ русскомъ переводѣ. Прим. перев.

служить нѣкоторыя мѣста жалобной пѣсни, сложенной Трагаярнъ-Касродиномъ около 1300-хъ годовъ.

По окончательномъ покореніи народа (королями Англіи), поэзія бардовъ преимуществено обратилась на сюжеты домашней жизни, и начала въ болѣе свободныхъ формахъ воспѣвать также и любовь. Давидъ ап-Гвилинъ совершенно оставилъ большія строфы и писалъ только риомующими двустишіями, но такими, что въ нихъ отзывалась еще отчасти аллитерація, и притомъ женская риома всегда отвѣчала созвучіемъ мужской, что́ во всякомъ другомъ европейскомъ языкѣ выходитъ неловко и неуклюже *.

Само собою разумѣется, что въ огромной массѣ этой поэзіи свѣжесть чувства слишкомъ часто теряется среди потока, напыщенныхъ словъ, среди условныхъ похвалъ и плачей, выражаемыхъ въ изстари ведущихся образахъ и оборотахъ, при чемъ одинъ пѣвецъ старается превзойдти другого хитрословіемъ. Оттого даже чтеніе исторіи вельсской литературы Томаса Стифенса мѣстами производитъ крайне утомительное впечатлѣніе, и самъ онъ находитъ въ поэзіи бардовъ больше искусственности нежели души. Она представляетъ намъ первый примѣръ взлелеяннаго цѣлыми вѣками искусственнаго пѣснопѣнія, которое преимущественно озабочено техникой и внѣшней фармальностью, да при этомъ налагаетъ свою печать и на все современное ей образованье. Тріады, въ которыхъ по древнему обычаю барды излагали плоды своихъ думъ, а также и историческія событія, выставляютъ цѣлью поэзіи пріумноженіе добра, расширеніе познаній, высокое наслажденіе; лучшею красою ихъ почитается сліяніе истиннаго съ чудеснымъ, изящества съ мудростью, природы съ искусствомъ. Тутъ придается особенный вѣсъ изукрашенной описательности выраженія: умъ, напримѣръ, слѣдуетъ называть окомъ духа, ухомъ разума, десницей глубокой думы; звѣзду—алмазомъ свода небеснаго, окомъ ясности, свѣчею божіей; зефиръ— воздушною улыбкой, волну морскую—змѣемъ соляной пучины или цвѣткомъ океана, и т. д. Если за тѣмъ могущество, мудрость и любовь именуются свойствами божіими и первопричиной всего сущаго, то это совершенно согласно съ господствовавшимъ тогда абелярдовскимъ богословіемъ, и глубокомысленное соединеніе христіанской мудрости съ народною лежитъ въ тѣхъ изреченьяхъ, которыя поставляютъ тройное блаженство въ томъ: чтобы, живо соучаствую природѣ каждаго существа, быть совершеннымъ только въ своей собственной; чтобы, примѣняясь къ каждой формѣ духа, отличаться между тѣмъ только въ одной; чтобы любить всѣ существа, но сосредоточивать любовь на одномъ только Богѣ. Три вида обновленія различаются въ сферѣ вѣчнаго блаженства, это—возстановленіе первобытнаго характера человѣка, каждаго его воспоминанія и всего того, что онъ любилъ. Любовь, правдивость и мужество,—вотъ три главныя красы мудрости. Мужу прилична твердость въ неудачѣ, самообладаніе въ счастіи и способность возноситься къ Богу въ напастяхъ. Помогать бѣднымъ, дѣлать добро врагамъ и непоколебимо терпѣть за право,—вотъ три дѣла вполнѣ богоугодныя. Въ оказательствѣ

* Такъ, напримѣръ, окончанія мука̀ и му́ка вовсе не составили бы и риомы порусски; но подобныя этому созвучія не рѣдко встрѣчаются въ арабскомъ стихосложеніи, гдѣ неловкость ихъ на нашъ европейскій взглядъ скрадывается однакожъ особымъ напѣвомъ.

гостепріимнаго радушія предпочтеніе должно давать несчастному, женщинѣ и потомъ чужаку. Напротивъ, всего пріятнѣе видѣть повѣшенными три вещи: мокрую шляпу, свѣжепросольную лосось и скареда. У женскаго пола три оборонительныхъ оружія: у маленькой дѣвочки—невинность, у взрослой дѣвицы—пригожество, у бабы—языкъ. Три вещи на свѣтѣ никому такъ не дались, какъ Кимрамъ: вѣщее бардство, право и пѣснопѣніе.

Даже и по прочномъ водвореніи англійскаго господства, барды все еще остались хранителями и пѣстунами народныхъ воспоминаній, языка и настроенія въ цѣломъ Вельсѣ, и при Эдуардѣ III (въ половинѣ 14-го вѣка) собирался общій сходъ бардовъ (Eistedrod) для установленія новыхъ ритмовъ и формъ, а также и для поэтическихъ состязаній; такія же сборища бывали при Генрихѣ VI и VII и при королевѣ Елисаветѣ, а новѣйшее время, обратясь къ прилежному изученію старины, пробудило опять и древнія формы для обновленной воздѣлки кельтской словесности. Главный къ этому толчокъ данъ поэтомъ 18-го столѣтія, Макферсономъ, современникомъ Юнга и Томсона; увлекаясь, подобно имъ, потребностью излить собственныя свои чувства, онъ также выступилъ изъ заколдованнаго круга трезвой и однообразной правильности французскихъ стихотворцевъ, но будучи геніальнѣе обоихъ своихъ товарищей, не пустился въ безконечные и неудержные изливы раздумчивой меланхоліи какъ первый, и сантиментальнаго чувства природы какъ другой, а примкнулъ къ полусказочному міру стародавней былины. Правда, фигуры его остались безо всякой пластической ясности; онѣ походятъ на туманные образы, на тѣни духовъ, рѣющихъ по полянѣ при свѣтѣ мѣсяца, а грустное ихъ настроеніе и лирическій способъ выраженья тяжело ложится на передачу событій, и на мѣсто простыхъ, сильныхъ, хотя бы и грубыхъ иногда естественныхъ звуковъ мы слышимъ здѣсь образованную, чопорную даже рѣчь среди странной полусумеречной расплывчивости; тѣмъ не менѣе надобно сказать, что Макферсонъ мастерски втростилъ въ свои стихотворенія обороты и отголоски народной поэзіи, которыхъ наслушался еще съ дѣтства въ горной Шотландіи, привилъ печальное раздумье своего собственнаго времени къ жалобамъ о смерти героевъ и народной гибели, составляющимъ основной тонъ пѣснопѣнія древнихъ бардовъ, и такимъ образомъ его Оссіанъ, хотя собственно и не переводъ этого полусказочнаго поэта, а свободное созданіе, опирается однакожь на старобытную основу и есть все-таки произведеніе кельтійскаго духа, еще не совсѣмъ замершаго въ авторѣ. Это въ самомъ дѣлѣ отзывъ древне-кельтской поэзіи, прозвучавшій вдругъ послѣ долгаго притишья и очаровавшій тогда всю Европу, не исключая даже такихъ юношей, какъ Гёте и Наполеонъ. Скажемъ вмѣстѣ съ Ф. К. Мейеромъ: Странная смѣсь жаркихъ красокъ и туманнаго при томъ рисунка, замѣчательная, однозвучно-мелодическая противуположность дикой страсти и дидактическаго спокойствія, пронзительной жалобы и глубокомысленной мудрости, молодеческой живучести и вѣчной смерти, и рядомъ съ этимъ вездѣ темное сознаніе о неудержно исчезающемъ, неизбѣжно гибнущемъ періодѣ и поколѣніи, проторгающееся сквозь всю силу и роскошь чувства и воображенія, сквозь всю тихую глубину поучительности друидовъ—вотъ въ сущности просвѣчивающія въ Оссіанѣ истинно-поэтическія черты, и вотъ въ то же время главныя черты вообще всей кельтской лирики, только разумѣется выступающія въ ней чище и суровѣе,

богаче и связнѣе. Исторія литературы не знаетъ другого могильнаго плача, столь глубокомысленно-дикаго, художественно-суроваго, обильнаго туманныхъ познаній, какъ древнекимрскія эти пѣсни.

Ирландія — колыбель сказаній о Финѣ. Фіоны или Фены, то-есть бѣлокурые, первые пришли на этотъ островъ, и между ними выдавался изо всѣхъ свѣтлый родъ Уазинъ. Въ 3-мъ столѣтіи разбилъ и истребилъ ихъ бельгійскій король Кайпре Кинкайтъ, но именно изъ кровавой этой расправы всплыла на свѣтъ божій богатырская личность короля Фина, котораго приставка «галъ» обозначаетъ чужеродцемъ, и по словамъ пѣвцовъ, называющихъ себя потомками Уазиновъ, ему приданъ былъ въ качествѣ сына и барда какой-то Ойзинъ. Послѣднему въ уста и вложилъ Макферсонъ свое поэтическое воспроизведеніе. Исполинскіе подвиги, чудесныя превращенія, полусказочныя фигуры примѣшиваются тутъ къ историческимъ воспоминаніямъ, въ особенности къ пѣснямъ о военномъ орденѣ «рыцарей красной вѣтви», и встрѣчающіяся въ нихъ древнія имена доселѣ еще принадлежатъ въ Ирландіи горамъ, пещерамъ и озёрамъ, да такъ же точно были они пріурочены и къ разнымъ мѣстностямъ Шотландіи, когда туда перешли и принялись тамъ ирландскія пѣсни и разсказы. Множество живописныхъ прилоговъ, которыми такъ изобиленъ Макферсонъ, встрѣчается еще и въ самыхъ древнихъ пѣсняхъ, но свой мрачный и дикій характеръ поэзія эта пріобрѣла только уже собственно въ Шотландіи; впрочемъ она полна глубокой важности и у Ирландцевъ, гдѣ битва при Габрѣ является трагическимъ концомъ стараго времени, какъ бы кровавою вечернею зарей, освѣщающей богатырскіе его лики; тамъ падаютъ въ бою всѣ Финіевцы кромѣ одного, Ойзина, чьей личностью ирландское сказаніе смыкаетъ новую, христіанскую эпоху съ языческой, приводя его въ непосредственную связь со святымъ Патрикомъ, обратившимъ этотъ островъ въ 5-мъ вѣкѣ; повѣствуютъ, будто послѣдній пришелъ на майскій праздникъ къ чертогу Тары, когда, по древнему обычаю, тамъ погашены были всѣ огни, которые слѣдовало зажечь вновь единственнымъ неугасимымъ пламенемъ съ алтаря Солнобога, но къ общему изумленію и оно погасло, когда Патрикъ поднялъ на него свой посохъ или жезлъ. Ойзинъ проспалъ уже два вѣка блаженнымъ сномъ въ странѣ вѣчной юности, какъ вдругъ охватило его непобѣдимое желаніе повидать свой зеленый Эйринъ съ его дикими каменными дебрями, свѣтлыми озёрами и бурливо-шумящимъ моремъ, и онъ приходитъ на родину, но ни кто не узнаётъ его, все тамъ перемѣнилось. Онъ повстрѣчался съ Патрикомъ, который старается обратить его, и вотъ, обмѣниваясь съ нимъ пѣснями, Ойзинъ выступаетъ носителемъ древнеязыческихъ воспоминаній и противуположности ихъ съ христіанствомъ, отнявшимъ у народа и родное небо и родныхъ боговъ. Вѣдь если его отецъ и всѣ друзья его не въ христіанскомъ небѣ, то и онъ самъ туда не хочетъ; лай стаи собачьей для него лучше нежели молитвенная болтовня и колокольный звонъ поповъ. И тутъ проносятся передъ душевнымъ его взоромъ старые богатыри, ихъ судьбы и подвиги, ихъ охотничьи и любовныя похожденія, и онъ разсказываетъ объ этомъ въ сильныхъ, могучихъ звукахъ, въ четырехстишныхъ строфахъ съ аллитераціями и ассонанцами *. Тутъ мы слышимъ между прочимъ, какъ убѣжавшая отъ Фина

* Полуриемами, или окончаніями, созвучными только въ однѣхъ гласныхъ.

Прим. перев.

выжлица завлекла его далеко къ одному лѣсному озеру; а тамъ на берегу сидѣла красавица:

Щеки - что свѣжія розы, уста—что румяная ягодка,
Шея—бѣла какъ вешній цвѣтъ, а полная грудь чуть ли не бѣлѣе снѣгу,
Волосá блестятъ золотомъ, глазъ будто ясная звѣзда, что́ такъ кротко глядитъ съ голубого неба:—
О, Патрикъ, еслибъ ты увидалъ ее, ты самъ бы очаровался ея прелестью!

Она плачетъ по кольцѣ, упавшемъ у ней въ воду; Финъ тотчасъ нырнулъ въ озеро и вынесъ дорогое колечко, но превратился оттого въ дряхлаго старика. Долго ищутъ его товарищи, распрашиваютъ его самого, не узнавая въ немъ Фина, о пропавшемъ князѣ и не хотятъ вѣрить, чтобы это былъ онъ; наконецъ, однакожь, несутъ его на щитахъ къ пещерѣ феи, гдѣ волшебница снова молодитъ витязя цѣлительнымъ напиткомъ.

Взаключеніе воротимся опять къ Франціи, гдѣ де-ла-Виллькарке собралъ бретонскія народныя пѣсни, которыя Морицъ Гартманъ и Пфау, Келлеръ и Зекендорфъ такъ удачно передали понѣмецки. Языкъ и нравы мало измѣнились тамъ противъ прежняго, и донынѣ еще простой народъ, къ старымъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ, пѣснямъ припѣваетъ въ томъ же вкусѣ новыя. И тамъ, по введеніи христіанства, удержались еще барды для того, чтобы блюсти познанія о природѣ и исторіи, распространять любовь къ добру, воспитывать юношество. Изъ подкрылышей прежнихъ родоначальниковъ сдѣлались они въ Средніе Вѣка домашними поэтами мѣстной знати и затерялись потомъ понемногу въ рядахъ народныхъ пѣвцовъ, противъ которыхъ сначала возставали, такъ что, благодаря этому, поэзія не окоснѣла въ мертвую игру формами, а напротивъ пришла здѣсь къ тому, что естественные звуки сдѣлались точнѣе, округленнѣе и гармоничнѣй. Пророчество барда Гвенхлана (въ 5-мъ столѣтіи) видитъ въ образѣ схватки морского коня съ дикимъ вепремъ борьбу народа съ чужеземцами и слышитъ кличъ орла другимъ птицамъ:

Не нужно падали, барановъ, ни собакъ,—
Нѣтъ, христіанскихъ тѣлъ давай намъ натощакъ!

Далѣе бардъ продолжаетъ предвѣщать бѣду владыкѣ, который велѣлъ выколоть ему глаза:

Со взморья, старый воронъ, къ намъ летишь,—
Скажи, что́ ты въ когтяхъ своихъ тащишь?
„Несу я голову владыки-пришлеца,—
Глаза кровавые мнѣ нужны молодца;
Ему я вырву ихъ изъ-подо злого лба:
Онъ свѣта вѣдь и глазъ лишилъ тебя.“
Эй ты, лиса, свой бѣгъ останови,
Что ты несешь, скажи,—ты вся въ крови?
„Несу я сердце съ поля, гдѣ былъ бой;
То сердце, какъ мое, полно́ неправды злой.“
Ну, жаба, ты повѣдай,—чуръ не лгать!—
Зачѣмъ къ устамъ его припала ты какъ тать?
„Въ углу я самомъ рта угнѣздилась, втиши,

Чтобъ подстеречь отлетъ его души;
Она во мнѣ должна томиться до тѣхъ поръ,
Пока искупитъ му́ку ту, позоръ,
Все то страданіе, что́ барду навлекла,
Какъ жить его въ дали отъ кровныхъ обрекла.

Одно стихотвореніе, Походъ Артура, показываетъ намъ, что древній Буребогъ и его вои слились также и въ сознаніи Кельтовъ съ историческими личностями и съ богатырями старыхъ былинъ. Середь ночи пробуждается вдругъ юноша и указываетъ на таинственно проходящую конную дружину:

Вонъ скачутъ они втишинѣ между горъ,
Кони сѣрыхъ и бѣлыхъ мастей наподборъ,
Паръ стынетъ на нихъ будто иней.

Смотри, какой змѣй извиваясь крутитъ
За знаменемъ вслѣдъ, что̀ по вѣтру летитъ!
А вѣтеръ тотъ смертію пашетъ.

Змѣй стелетъ чрезъ горы невиданный хвостъ,
Глазами не смѣришь чудовища ростъ,
Копьемъ въ девять разъ не прокинешь!

Это и есть Артурова дружина; отецъ тотчасъ велитъ подать себѣ лукъ и стрѣлы; между тѣмъ пронеслась ужь боевая пѣснь съ горы на́ гору, народъ весь поднялся: недаромъ выступилъ въ походъ богатырь стараго времени. Но собственно народный богатырь не онъ, а Морванъ, по прозванію Лезъ-Брейзъ, мощное «стегно» Бретани. Онъ тотъ чудный отрокъ, который, увидѣвъ въ глуши лѣса проѣзжаго рыцаря, принимаетъ его за Михаила архангела, и воспламенившись рыцарскимъ духомъ, выѣзжаетъ на бѣлый свѣтъ и становится передовымъ бойцомъ своего народа въ борьбѣ съ чужевластіемъ; онъ спитъ теперь въ горнокаменномъ гробу, но когда-нибудь проснется какъ Барбаросса. Есть другой ботатырь, Нёмеойю; онъ потерялъ сына въ войнѣ съ Франками, а теперь-вотъ платитъ дань Карлу Лысому тремя мѣшками кремней, и чтобы пополнить замѣченный провѣсъ сноситъ голову сенешалю (королевскому обергофмаршалу). Славится еще Аланъ, по прозванью Лисъ, смѣлый охотникъ, призвавшій народъ къ возстанію противъ утѣснителей въ 10-мъ вѣкѣ; тутъ Бретонцы жали мечами вмѣсто серповъ и молотили не деревянными цѣпами, а желѣзными цѣпями и конскими подковами. Одна дѣвушка, которая предпочла наложить на себя руки, чтобы не стать жертвой знатнаго барчука, подаетъ Гаклену поводъ тряхнуть львиной своей гривой противъ враговъ простонародія; а въ 1008-мъ году крестьянка, убивъ княжескаго сокола за то что онъ зарѣзалъ у ней курицу, созвала крестьянъ въ горы какъ разъ на Ивановскую ночь; тамъ всѣ они хватаютъ горящія головни и идутъ зажигать за́мокъ. Такимъ образомъ вплоть до новой сравнительно поры можно прослѣдить поэтическую исторію Бретани и сопоставить ее съ лѣтописными извѣстіями. Сверхъ того встрѣчаемъ мы здѣсь баллады, воспѣвающія приблизительно то же самое, о чемъ поется въ славянскихъ и германскихъ народныхъ пѣсняхъ; по чувству и энергіи не уступятъ онѣ лучшимъ этого рода произведеніямъ нѣмецкимъ и шотландскимъ: такова, на-

примѣръ, баллада о свадебномъ поясѣ. Женихъ подарилъ его невѣстѣ въ самую ночь передъ тѣмъ, что идти въ морской походъ; въ слезахъ сидитъ онъ у очага, а невѣста у него на колѣняхъ. За тѣмъ слѣдуетъ припѣвъ, напоминающій всѣ разсвѣтныя пѣсни вообще:

Когда насталъ разсвѣтъ, ей молодецъ сказалъ:
„Ужь солнце на дворѣ, пѣтухъ вонъ прокричалъ."
—Ахъ что ты, твой тебя обманываетъ взоръ:
То свѣтитъ ясный мѣсяцъ изъ-за горъ. —
Ушелъ онъ. На пути кричатъ сороки: Стой!
Хоть лживо море, всежь вѣрнѣй жены любой!

Осенью видится дѣвушкѣ, что ея женихъ палъ въ бою мертвый на корабельной палубѣ, а къ Рождеству она уже обручена съ другимъ. Первый однакожь возвращается, и когда бродячіе музыканты и нищіе сошлись по обычаю къ новобрачнымъ отвѣдать свадебной похлебки, онъ садится между ними бѣднякомъ; новобрачные сами обносятъ гостей кушаньемъ, и потомъ молодой подаетъ руку на танцы одной нищенкѣ, а молодая становится въ ряду танцоровъ съ незнакомцемъ.

Танцуя, онъ нагнулся къ ней легко,
Съ улыбкой мертвенной ей шепчетъ на ушко:
А гдѣ жь колечко то, что отдалъ я невѣстѣ,
Лишь годъ тому, на этомъ самомъ мѣстѣ?

И тутъ вонзаетъ онъ ей въ сердце острый ножъ.

Въ Дулазѣ монастырь, тамъ образъ есть Пречистой;
На этомъ образѣ виситъ кушакъ огнистый.
Кто поясъ дивный тотъ изъ-за моря привезъ? —
Монахъ! Предъ образомъ онъ льетъ потоки слезъ.

Напротивъ, красавица Гвеннолайкъ остается крѣпко вѣрна молочному своему брату и не хочетъ знать ни о какой другой любви, даже и тогда когда онъ палъ въ битвѣ. Мачиха рѣшила однакожь выдать ее за́мужь; горько плача сидитъ дѣвушка на постели; вдругъ о̀полночь кто-то постучалъ въ окно; это Нола, ея милый, и она вскакиваетъ къ нему на бѣлаго коня.

Какъ скоро мы мчимся, о братъ дорогой, сто миль пролетѣли навѣрно!
Счастли́ва въ объятіяхъ смѣлыхъ твоихъ, счастли́ва я, другъ мой, безмѣрно.

Съ воплемъ улетаютъ совы съ мѣстъ, гдѣ проносятся всадники. А что далеко́ еще къ твоей матери, далеко́ до твоего за́мка? Нѣтъ, ужь теперь близко. Такъ ѣдутъ они, ѣдутъ, и пріѣзжаютъ наконецъ въ страну блаженныхъ, гдѣ мальчики и дѣвочки пляшутъ около зеленыхъ яблонь, гдѣ женихъ съ невѣстой пьютъ изъ свѣтлаго ключа и, полные счастія, находятъ въ новой жизни дорогихъ имъ родителей. — Какъ эта баллада напоминаетъ собой нѣмецкую Ленору (Людмилу), такъ въ другой явно отзывается Олафъ. Жена Нанны подарила его двумя дѣтьми; онъ скачетъ въ лѣсъ пристрѣлить для нея молодую козулю и неожиданно подъѣзжаетъ къ гроту феи. Ручеекъ

бѣжитъ тамъ по зеленой полянѣ; Паннъ слѣзаетъ съ коня испить воды, а у ручья сидитъ уже фея и расчесываетъ золотымъ гребнемъ длинные бѣлокурые свои волосы. Она требуетъ, чтобъ Паннъ сталъ ей немедленно супругомъ, не то черезъ три дня онъ умретъ. Но онъ скорѣе готовъ тутъ же умереть, нежели измѣнить любимой подругѣ. Однако, воротясь домой, онъ чувствуетъ уже холодъ смерти въ груди своей, и родильница, которой онъ не сказалъ о роковой встрѣчѣ ни слова, при первомъ выходѣ въ церковь, видитъ свѣжую могилу его на пути, падаетъ и умираетъ на мѣстѣ. Заключеніе напоминаетъ сербскія пѣсни:

И чудно видѣть, въ туже ночь,
Какъ къ Панну въ склепъ жену спустили,
Два дуба въ воздухъ поднялись
И ихъ могилу осѣнили.
На вѣтви свѣжихъ тѣхъ дубовъ
Два голубка бывало сядутъ,
Воркуютъ нѣжно по утрамъ,
Потомъ взовьются къ небесамъ.

Благодаря многоразличнымъ праздникамъ, вмѣстѣ съ стародавними обычаями уцѣлѣли первобытныя еще пѣсни народа, къ которымъ присоединялись впрочемъ по тому же поводу и новыя. Въ одной весенней пѣсенкѣ, которую де-ла Вилльмаркè подслушалъ у двухъ крестьянокъ, очень мило и трогательно воспѣвается ранняя смерть молодежи:

Пошла я ночью ко ключу украдкой,
Гдѣ соловей поетъ и тихо такъ, и сладко.

Бѣжитъ отъ насъ прекрасный мѣсяцъ май,
Съ нимъ цвѣтики надолго ужь прощай!

Счастливъ, кому недолго поживется,
Кого весною смерть себѣ возьметъ:
Какъ роза со стебля цвѣтущая падетъ,
Такъ точно молодость со свѣтомъ разстается.

Кто въ ранней юности свои окончить дни,
Могилу тѣхъ вѣдь розы прикрываютъ,
И къ небу изъ цвѣтовъ идутъ они,
Какъ бабочки вдругъ съ розановъ вспорхаютъ.

То, что̀ отчасти уже видно было изъ приведенныхъ нами образчиковъ кельтской поэзіи, то-есть какъ изъ народныхъ ея пѣсенъ, такъ и изъ пѣсенъ (болѣе умѣлыхъ) бардовъ,—то самое хотимъ мы теперь подконецъ поставить на особенный видъ читателямъ, именно, что, кромѣ содержанія, поэзія эта внесла въ европейскую литературу совсѣмъ новый и небывалый формово̀й принципъ: музыкальная (созвучная) риѳма заступила мѣсто риѳмопластики древнеклассическихъ народовъ; самое слово для обозначенія этого созвучнаго окончанья вышло изъ кельтійскаго rhim, число, мѣра, стихъ *. Какъ

* Такое словопроизводство полносильно для всѣхъ языковъ западной Европы, но у насъ съ самаго начала смѣшали по недоразумѣнію новую риѳму, то-есть собственно реймъ или

у Арабовъ на Востокѣ, такъ и у Кимвровъ на Западѣ, получила она сильную и разнообразную выработку, которая къ естественному ея элементу присоединила правильную искусственность. Античная поэзія придавала изящный складъ самой плоти слова, измѣряла слоги по ихъ временному продолженію, пригодному намъ только для протяжныхъ или краткихъ гласныхъ, да развѣ еще при стеченіи согласныхъ, и руководясь этой мѣрой, строила все предложеніе на основаніи правильной чередовки краткостей и долготъ, помимо духовнаго значенія того или другого слога, — выводила его такимъ образомъ въ видѣ восходящей и нисходящей риѳмической линіи, давала каждому слову неизмѣнное положенье, уподобляла каждый стихъ расчлененному и замкнутому въ себѣ органическому облику. Новые языки напираютъ удареніемъ на всѣ полносмысленные слоги, на корни словъ, и рознятъ ихъ повышеньемъ голоса отъ сравнительно беззвучныхъ (непротяжныхъ) пониженій; важнѣйшія слова въ предложеніи обозначаютъ они тѣмъ, что произносятъ и начальный и оконечный ихъ звукъ съ одинаковымъ напоромъ, что̀ въ то же время связываетъ ихъ одно съ другимъ, именно какъ главныхъ носителей высказываемой мысли. Мы чувствуемъ, что въ звукѣ слова дается намъ какъ-бы звуковой образъ вещи; такіе звуки, какъ свѣтъ, стукъ, молнія, волна, и другіе имъ подобные, заставляютъ само ухо ощутить связанное съ ними представленіе; но собственно звуковой характеръ ихъ впечатлѣвается въ насъ повторительнымъ напоминаніемъ, что̀ опять-таки дѣлаетъ его главной вещью въ предложеньи, и онъ ставится на самый конецъ замыкаемаго имъ стиха. Риѳма (въ новомъ смыслѣ) тѣмъ именно уже и не такъ удобна для языковъ греческаго и латинскаго, что тамъ она рѣдко падаетъ на корневые слоги, а по большой части на флективныя окончанія, тогда какъ въ новыхъ языкахъ она напираетъ на самые корни. Духовное, внутреннее и непосредственное его музыкальное (тоническое) выраженіе становится такимъ образомъ въ поэтической рѣчи господствующимъ началомъ. У Евреевъ духовное преобладало съ такой односторонностью, что художественная форма сдѣлалась въ параллелизмѣ рѣчи просто риѳмомъ мыслимаго содержанія *; теперь привходитъ къ этому параллелизму чувственный элементъ звука, и отвѣчающіе другъ другу ряды предложеній соотносятся между собой уже и подобнозвучіемъ оконечныхъ словъ, гармонически сливаясь ими для уха. Здѣсь любой одиночный стихъ не составляетъ уже, подобно гексаметру, какъ бы вполнѣ самостоятельной пластической фигуры; онъ значитъ что-нибудь только въ соотношеніи съ симметрическимъ своимъ противнемъ, какъ напримѣръ въ живописной группѣ одна фигура отсылаетъ васъ къ другой. Такъ точно для глаза отрадны повтореніе, контрастъ и гармонія красокъ, и потому субъективный, держащійся на внутреннемъ чувствѣ смыслъ, одинаково могучій у Арабовъ, у Кельтовъ и у Германцевъ средневѣковаго времени, играетъ посвоему въ линіи и краски, не заботясь о естественныхъ предметахъ, которые напротивъ всегда вѣрно и точно воспроизводилъ Грекъ.

римъ (rhim), съ древнимъ риѳмомъ, и это укоренилось до такой степени, что о поправкѣ теперь нечего и помышлять. Греки называли новую риѳму τὸ ὁμοιοτέλευτον, то есть буквально: подобноконечіемъ. Прим. перев.

* Явнымъ только для ума.

У Эсхила, какъ и у Аристофана, мы замѣчаемъ ясно, что они сознательно употребляли иногда созвучія для живописнаго или музыкальнаго усиленія риѳма: подцвѣчали же вѣдь и древніе пластики свои скульптурныя произведенья. Цицеронъ приводитъ извѣстный отрывокъ одной энніевой трагедіи, и при этомъ говоритъ, что скорбь Андромахи нашла себѣ здѣсь и въ словѣ и въ формѣ стиха прекрасное выраженіе:

Haec omnia vidi inflammari,
Priamo vi vitam evitari,
Iovis aram sanguine foedari. *

У Овидія часто риѳмуютъ одна съ другой обѣ половины пентаметра. По множеству иностранцевъ, стекавшихся въ Римъ при императорахъ, безъ сомнѣнія очень трудно было управиться съ ученою просодіей, на столько различной отъ удареній обиходной рѣчи; и по мѣрѣ исчезновенія упругости античнаго духа, слабѣла и связь риѳмическихъ художественныхъ формъ: начали придерживаться трохеевъ и ямбовъ,—стихоразмѣровъ самыхъ легкихъ, самыхъ близкихъ къ прозѣ, и замѣнили количественность удареніемъ. Такъ слагались древнехристіанскіе гимны, а риѳмы шли тутъ подъ руку уже сами собой. У Амвросія, напримѣръ, читаемъ:

Somno refectis artubus
Spreto cubili surgimus,
Nobis, pater, canentibus,
Adesse te deposcimus. **

А можетъ-статься, онъ имѣлъ ихъ иногда въ виду съ умысломъ: Амвросій вѣдь былъ родомъ Галлъ. Но вотъ, къ нему приходитъ Августинъ изъ Африки и пишетъ свои трохеи противъ донатистовъ, также часто оканчивающіеся риѳмами.

Въ ирландскихъ церковныхъ пѣсняхъ риѳма является уже вполнѣ преднамѣренно, напримѣръ:

Patrici laudis semper dicamus,
Ut nos cum illo semper vivamus. ***)

Ирландцы Колумбанъ и Галь построили тотъ Санктъ-Галленскій монастырь, гдѣ родился Отфридъ, введшій риѳму въ нѣмецкое стихосложеніе. У бардовъ давно уже существовало тогда правильное риѳмачество, и прямо къ троечленности друидизма и бардовскихъ стиховъ примыкаетъ извѣстный трижды риѳмованный гимнъ о страшномъ судѣ: Dies irae, dies illa (День грозы,

---

*) То-есть: Все это видѣла я воспламененнымъ,
Пріама насильно умерщвленнымъ,
Алтарь Зевса кровью обагреннымъ.

**) То есть: Сномъ члены укрѣпивъ тѣлесны,
Съ ночного ложа возстаемъ;
Услыши насъ, Отецъ небесный,
Тебѣ во славу мы поемъ.

***) То-есть: Патрику вѣкъ хвалы мы будемъ пѣть,
Чтобъ съ нимъ вовѣкъ намъ жить, не умереть.

день гнѣва страшный). У Германцевъ искони существовала только зачальная риома или аллитерація, которая и донынѣ сохранилась въ нѣсколькихъ поговорочныхъ выраженіяхъ (Mann und Maus, Kind und Kegel); Кельты напирали всего больше на риому оконечную и ставили ее очень послѣдовательно въ заключеніе стиховъ, а ихъ барды присовокупили къ этому еще разныя звуко-ухищренія въ предѣлахъ самой риомы. Одна камбрійская поговорка гласитъ такъ:

Кто пѣнію и звукамъ отдается, кто любитъ арфу, скрыпку и смычокъ,
Тотъ услаждается прекраснѣйшимъ на свѣтѣ, что намъ ниспосылаетъ рокъ.
Кому же пѣсня сердце не тревожитъ, тотъ и добра любить душой не можетъ,
Тотъ нѣдругъ Богу, людямъ врагъ, и ненависть злосчастнаго изгложетъ.

Г. Германцы.

Мы можемъ назвать Германцевъ младшей отраслью арійскаго племени, такъ какъ они всѣхъ позже нашли себѣ тѣ прочныя обиталища, гдѣ слагались потомъ въ своебытный народъ и откуда должны были дѣятельно вдвинуться въ развитіе всемірной исторіи. Изъ этого вышло для нихъ то преимущество, что о древнемъ ихъ бытѣ мы почерпаемъ свѣдѣнія не только изъ ихъ собственныхъ сказаній, но и изъ римскихъ писателей, у которыхъ при первомъ же столкновеніи съ Германцами родилось предчувствіе, что тутъ дѣло идетъ не объ одной только славѣ, но прямо о существованіи государства; потому-то и не забывался у нихъ никогда «кимбрскій ужасъ». Благопріятной судьбѣ угодно было допустить, чтобы величайшій изъ римскихъ историковъ описалъ рукою мастера характеръ и нравы Германцевъ, и чтобы на дальнемъ сѣверѣ «крайняя Туле» древнихъ, Исландія, сберегла въ поэтической формѣ миѳъ языческихъ боговъ и героевъ этой народной семьи.

Природная сила сообщила Германцамъ ту твердую увѣренность передъ богами и людьми, то чувство и тотъ смыслъ личной самостоятельности, которыя кажутся мнѣ коренною чертой ихъ нрава. Начало субъективной свободы, которымъ разложилось Эллинство, стало здѣсь источникомъ совершенно новой жизни. Въ классической древности государство, въ формѣ городской общины, стояло выше всего, человѣкъ исчезалъ въ гражданинѣ, и единичное лицо существовало только ради цѣлаго, къ благоустройству котораго оно примыкало; мы же, напротивъ, видимъ въ общежитіи только средство къ возможно-полному осуществленію каждой индивидуальностью особенныхъ ея свойствъ; законъ, на нашъ взглядъ, существуетъ только ради человѣка, и настоящій миръ дается намъ только задушевнымъ нашимъ образомъ мыслей и чувствъ, собственнымъ нашимъ познаніемъ и самоопредѣленьемъ. Въ первобытную пору каждый Германецъ водворялся тамъ, гдѣ находилъ себѣ по нраву дерево, источникъ, и этимъ разселеніемъ поодиночкѣ дробились на части цѣлыя племена, тогда какъ напротивъ Греки и Римляне съ весьма раннихъ поръ тѣснились въ городскія стѣны; Германцы взялись за постройку городовъ только уже подъ римскимъ вліяніемъ. Зато они начали именно тѣмъ, что у древнихъ народовъ вышло только плодомъ многаго множества продолжительныхъ столкно-

венiй: германскiй народный сходъ рѣшалъ вопросы о мирѣ и войнѣ, творилъ судъ и заправлялъ общественными дѣлами. Неприкосновенность каждаго лица уважалась здѣсь до такой степени, что даже убiйца не подвергался тѣлесной казни, а платилъ только выкупнýю виру, и такъ-называемые божьи суды отдавали затруднительныя рѣшенiя о спорномъ правѣ въ руки самихъ поединщиковъ. Свобода личной воли доходила у нихъ до самоотчужденiя, и Германецъ, проставивъ подъ пьяную руку въ зернь собственную свою личность, самъ отдавался въ рабы выигравшему. Онъ и тутъ держалъ свое слово. Несвободными были вообще полоняники—въ качествѣ рабовъ, жители покореннаго края—въ качествѣ крѣпостныхъ или захребетниковъ.—По собственному выбору удалая молодежь приставала къ человѣку, выдавшемуся умомъ и силою, и взаимная вѣрность крѣпко связывала нáбольшаго съ его дружиной, всегда готовой побѣдить съ нимъ или пасть. Въ богатырской былинѣ Вольфъ Дитрихъ идетъ бѣдный и одинокiй отыскивать своихъ полоненныхъ людей, и не хочетъ слышать ни о царствѣ, ни о любви къ нему самóй императрицы, пока не освободитъ ихъ; дружинная вѣрность королевѣ Брунгильдѣ доводитъ Хагена до убiйства Зигфрида, но также придаетъ ему и силы твердо выдержать пытку въ горящей палатѣ подъ грозою вражьихъ мечей, а съ другой стороны союзные короли Бургундовъ ни за что не хотятъ выдать его, чтобы самимъ убраться поздорову, но рѣшительно идутъ съ нимъ на вѣрную смерть. По собственному же выбору заключались и кровныя побратимства, при чемъ друзья давали смѣшиваться пролитой ими изъ себя крови, сами стоя на колѣняхъ подъ пластомъ дерна, который поддерживали надъ ними два воткнутые въ землю дротика. Наоборотъ, пущимъ изъ всѣхъ золъ почиталась измѣна: исторiя и поэзiя одинаково клеймятъ предательскiя дѣла Зегеста и Ганелона. Чувство личной независимости сводится само собой на честь, которая выходитъ и пружиною всѣхъ дѣйствiй, и вмѣстѣ главнымъ поэтическимъ мотивомъ,—надо сказать, вовсе незнакомымъ древности.

Въ похвалу нѣмецкому языку ставятъ прiисканiе имъ непереводимаго слова Gemüth. Это—глубокое, внутреннее единство души во всей жизненной полнотѣ ея существованiя: всѣ помыслы и стремленiя вытекаютъ вѣдь изъ задушевной глубины чувства и какъ бы переплавляются въ его неистощимой теплотѣ; но многое остается за тѣмъ въ видѣ безсознательнаго еще настроенiя или предчувствiя, и едва брезжущая, сперва полугрезная только дума медленно приходитъ въ ясность и созрѣваетъ въ окончательное рѣшенiе. Оттого неистощимый повидимому германскiй характеръ требуетъ много времени для своего развитiя; своей податливостью на ощущенiя онъ становится способенъ воспринять любой чуждый элементъ и не только сокрушить древнiй мiръ силою своего удара, но и разработывать его потомъ далѣе. Задушевное чувство и фантазiя являются дѣятелями средневѣковой исторiи тамъ, гдѣ достигаетъ она блистательныхъ вершинъ своихъ; это главныя движущiя силы въ жизни и судьбѣ отдѣльныхъ личностей, а съ другой стороны изображенiе мiра чувствъ, живопись души становится задачею искусства; при этомъ музыкальный элементъ вездѣ перевѣшиваетъ пластичность. Даже и тамъ, гдѣ Римлянинъ былъ классиченъ дѣйствующею всегда лишь въ обрѣзъ остротой разсудочнаго смысла, то-есть даже и въ правосудiи, которое у Германцевъ творилось подъ липою и почерпалось изъ народнаго нравственнаго чувства, поэзiя

находитъ себѣ мѣсто благодаря разнымъ символическимъ дѣйствіямъ (обрядамъ) и замысловатымъ формамъ, а судебные приговоры и законы легко остаются въ памяти, придерживаясь всегда мѣрной рѣчи и аллитераціи.

Въ тѣсной связи съ задушевностью Германцевъ стоитъ и живое чувство ихъ къ природѣ, ведетъ ли оно ихъ къ посвященію богамъ заповѣдныхъ лѣсовъ и къ обозначенію именами ихъ тѣхъ сокровенныхъ тайнъ, которыя человѣкъ созерцаетъ только въ глубинѣ своего собственнаго благоговѣнія, или къ удовольствіямъ охоты за дичью, къ прилежному земледѣлію, или наконецъ къ ревностному и тщательному изслѣдованію,—все равно. Германецъ чувствуетъ себя съ природой заодно: по народному повѣрью, тамъ, гдѣ совершилось благородное дѣло, и травы ростутъ съ тѣхъ поръ душистыя, а мѣсто, запятнанное убійствомъ, производитъ одинъ зловредный ядъ, и развѣ не впротивень этому германская философія познаетъ во всемъ сущемъ только откровеніе вѣчноединаго? Повѣрье придаетъ лѣснымъ звѣрямъ людскіе голоса и подробно разсказываетъ ихъ исторію, или изображаетъ демонскія чары блестящаго золота, похищеннаго у подземныхъ силъ,—чары, которыми ненадолго осчастливленный владѣлецъ ввергается потомъ прямо въ челюсти мрачной смерти. Германецъ разумѣетъ природу однимъ цѣлымъ, какъ онъ олицетворилъ ее въ ясени Игдразиль; и даже въ судебныхъ своихъ формулахъ, озирая небо и землю, рисуетъ онъ цѣлый ландшафтъ, говоритъ напримѣръ, что условіе должно̀ быть нерушимо, пока солнце свѣтитъ и текутъ рѣки, пока вѣетъ вѣтеръ и поютъ птицы воздушныя, пока стоитъ неба сводъ, пока зеленѣетъ земля и ростетъ на ней сосна боровая. Весеннее чувство и любовь неразлучны другъ съ другомъ въ тысячѣ пѣсенъ миннезенгеровъ, простого народа и величайшаго изъ германскихъ поэтовъ, который не только мелодически излилъ свое чувство природы въ «Страданіяхъ Вертера», но заявилъ его и научными открытіями въ царствѣ органическихъ формъ, который, по отзыву такого знатока, какъ Александръ Гумбольдтъ, наводилъ своихъ современниковъ на обновленіе союза, смыкавшаго, въ юную пору человѣчества, философію, физику и поэзію въ одинъ общій хороводъ.

Сила личнаго духа, неразрывная съ глубокимъ внутреннимъ чувствомъ, требуетъ и во взаимномъ отношеніи по̀ловъ между собою не только дополненія каждаго изъ нихъ другимъ, собственно для родовой цѣли, но сверхъ-того и личной, индивидуальной любви, того высокаго упорства, съ какимъ извѣстный человѣкъ хочетъ въ соотвѣтственныя себѣ жены эту именно, а не другую; и это право, эта исторія двухъ взаимно влекущихся сердецъ, съ ихъ искательствомъ и обрѣтеніемъ другъ друга, являются новымъ и притомъ главнымъ сюжетомъ для поэзіи. Мы впослѣдствіи увидимъ, какъ романтическій идеалъ любви обращается въ дѣйствительность; здѣсь упомянемъ только о томъ, что уже Тацитъ приписываетъ древнимъ Германцамъ убѣжденье, что женщинѣ присуще нѣчто священное и вѣщее, и что потому именно они такъ уважаютъ мнѣніе женщинъ. Молодежь росла въ чистѣйшемъ цѣломудріи, и потеря женской невинности до брака считалась не вознаградимою ни чѣмъ: ни красота, ни богатство не помогали падшей разъ дѣвушкѣ найдти себѣ мужа. Единобрачіе было народнымъ обычаемъ, и такъ называемый «утренній даръ» молодой со стороны мужа (на утро послѣ свадьбы) заключался въ конѣ, щи-

тѣ и мечѣ; на порогѣ свадебной палаты новобрачной напоминалось о ея долгѣ быть вѣрной подругой мужу и въ трудѣ и въ опасности. Правда, не мягкую и далеко не нѣжную картину представляетъ то, что Тевтонки заступаютъ бѣгущимъ мужьямъ дорогу съ поднятыми на нихъ бердышами и бросаются вмѣстѣ съ ними на врага, что, попавшись въ руки Римлянамъ, онѣ лучше готовы удавиться, чѣмъ нарушить свою чистоту, или что жрецы Кимровъ сами приносятъ въ жертву полонянниковъ и ворожатъ на потокахъ крови, льющихся черезъ край изъ мѣднаго котла; но картина эта вполнѣ отвѣчаетъ суровому богатырскому вѣку, и становится величественно прекрасною, когда Бруктеры, принявъ отъ Велледы лозунгъ на отчаянный бой за независимость, несутъ потомъ къ ногамъ ея побѣдные трофеи. Съ другой стороны, тѣ же самыя жены, въ качествѣ мирныхъ и досужихъ пряхъ, уготовляли воинственнымъ мужьямъ отрадный покой домашняго счастія, бережной рукой своей перевязывали и врачевали ихъ раны.

Первымъ и въ сѣдой древности единственнымъ искусствомъ Германцевъ было пѣніе. Имъ чествовали боговъ при жертвоприношеніи и молитвѣ, славили древнихъ богатырей, и въ пѣсняхъ же опять жили подвиги и судьбы великихъ людей настоящаго, какъ положительно говоритъ намъ Тацитъ про освободителя Арминія и про битву въ лѣсу Тевтобурговъ. Ожидая побѣды или радуясь одержанной, цѣлую ночь передъ битвой и вслѣдъ за ней проводили они въ пѣніи, даже врага привѣтствовали бранными пѣснями, приписывая звуку ихъ какое-то вѣщее значенье и усиливая его тѣмъ, что подымали щиты ко рту. При погребеніи тѣлъ, точно такъ же какъ и на веселомъ пирѣ, общее настроенье выражалось пѣніемъ; они очень любили вызывающія перебранки и загадочные вопросы; какимъ страшнымъ оружіемъ былъ насмѣшливый или ругательный стихъ, это мы видимъ изъ сѣверныхъ законоположеній. Слова сопровождались игрой на арфѣ. Въ англосаксонскихъ пѣсняхъ однимъ изъ признаковъ горемычнаго побыта выставляется то, когда замолкаютъ звуки арфы. Особенно своеобразно тутъ общее хоровое пѣніе. Не одинъ только умѣлый пѣвецъ, какъ у Эллиновъ, не одинъ какойнибудь бардъ, какъ у Кельтовъ, поетъ пѣсню, а всѣ остальные молча слушаютъ; здѣсь подпѣваютъ ему всѣ, и намъ слѣдовательно предстаетъ народная поэзія въ полномъ смыслѣ этого слова; сердечное участіе, принимаемое въ дѣлѣ всѣми сплошь, выходитъ здѣсь важнѣе удовольствія наслаждаться прекрасною формой, которую можетъ выполнить только одинъ особенно даровитый человѣкъ. У Германцевъ поетъ всякъ, кто почувствуетъ къ тому охоту, арфа переходитъ изъ рукъ въ руки за столомъ, и донынѣ протестантское пѣніе цѣлой общиной остается чисто-германскою чертой въ отличіе отъ болѣе художественнаго исполненія римско-католической мессы тщательно вышколенными хорами. Внутреннее содержаніе, смыслъ и сюжетъ стихотвореній, — вотъ что радуетъ мужскія сердца, что утоляетъ женскую грусть во весь средневѣковой періодъ; тогда какъ Одиссей хвалитъ Демодока за то, что тотъ излагаетъ все такъ ясно, по порядку, и пѣвецъ тотчасъ же умолкаетъ, какъ скоро пѣснь его тронула героя до слезъ, потому что она должна была возбуждать только торжественно ясное настроеніе, отнюдь не вызывать ни какихъ единичныхъ чувствъ, а напротивъ освобождать отъ нихъ душу общимъ впечатлѣніемъ прекраснаго. Конечно всякіе стихи тре-

буютъ слагателя, и самъ языкъ обозначаетъ его именемъ творца, scof; но онъ творитъ вѣдь изъ чувства народнаго, такъ что всѣ другіе готовы не только подпѣвать ему, а и далѣе продолжать то, что онъ началъ. Поэзія — даръ божій, ей не научиться и не научить ни въ какомъ цеху, и какъ у древнихъ Арабовъ, богатыри германскаго эпоса, Горантъ и Фолькеръ, вмѣстѣ мастера пѣть и играть на арфѣ. Позднѣйшее нѣмецкое слово для творчества, Dichten, происходитъ отъ латинскаго dictare, диктовать, и означаетъ уже собственно не первоначальное народное пѣніе и сказательство, а говорится больше о такомъ лицѣ, которое, сложивши что-нибудь про себя, передаетъ это потомъ нарочно для записи; * слово это указываетъ на нѣчто искусственное, въ противоположность тому естественному выраженію чувства, которое какъ бы само собой прямо изъ сердца выливается въ пѣснь. Основной тонъ былъ здѣсь, конечно, лирическій, даже когда содержаніе и составлялъ разсказъ о какомъ нибудь событіи, а изложеніе доходило до живой бесѣды между дѣйствующими лицами, какъ мы видимъ это напримѣръ въ Эддѣ, хотя и готовы впрочемъ допустить, что тотъ эпическій складъ, какимъ отличается отрывокъ пѣсни о Хильдебрандѣ, развился у Германцевъ на югѣ ранѣе и чище нежели на сѣверѣ. И на югѣ и на сѣверѣ одинаково держались аллитераціонной формы, то-есть: слова, на которыхъ лежитъ главный напоръ мысли, были соотнесены между собой и отмѣчены для уха тѣмъ, что начальныя буквы ихъ однѣ и тѣ же. Эти выдающіяся слова, эти опоры стиха, назывались пѣсенными заставками (Liedstäbe), отчего и общая связь ихъ, аллитерація, носила имя заставочной риомы (Stabreim). Въ такихъ выраженіяхъ, какъ Land und Leute, Kind und Kegel, Man und Maus, уцѣлѣла она до сихъ поръ въ нѣмецкомъ языкѣ, и тутъ мы видимъ тѣсную связь ея съ ходячими формами и оборотами, съ обычными сочетаніями па́рныхъ словъ, которыя въ параллелизмѣ какъ тождесловія, такъ и антитезы, могутъ придать слогу отпечатокъ величественной простоты, а иногда и мертвенности или пустого колякапья. Послѣдняго древніе Германцы избѣгали тѣмъ, что произносили съ напоромъ только одно вѣское и необходимое; фантазія лучше хотѣла скакать смѣлыми прыжками, нежели широко разглагольствовать о томъ, что́ разумѣется само собой; она болѣе слѣдуетъ движеніямъ внутренняго чувства, нежели рисуетъ внѣшній міръ для созерцанія.

Пляска также сопровождалась пѣніемъ и музыкой, или въ свою очередь содѣйствовала къ передачѣ того настроенія, которое вызывалось послѣдними; мечевая пляска была вмѣстѣ и сценическою пантомимою, и первые зародыши драмы лежатъ здѣсь точно такъ же, какъ и въ богослужебныхъ процессіяхъ, гдѣ напримѣръ возили кораблеобразную колесницу богини Земли, гдѣ въ лицѣ «майскаго царя» изображали веснобога или представляли борьбу лѣта съ зимой. То, что Воданъ могъ перейдти въ «бѣлоконника» (Schimmelreiter), въ Мартина-шубу» ** и въ конюха Рупрехта, доказываетъ уже, до

* На такое лицо стихъ ужь не находитъ, а оно само его отыскиваетъ, придумываетъ, припоминаетъ. Прим. перев.

** „Мартиномъ-шубою“ (Pelzmärte) называется въ Швабіи Воданъ, пріуроченный къ св. Мартину Осеннику, который впрочемъ замѣнилъ Водана и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ. Прим. перев.

какой степени лично изображался онъ въ языческія времена; живой человѣкъ заступалъ тутъ мѣсто кумира; пѣніе каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ и при этомъ народный хоръ обращали все это вмѣстѣ въ религіозно-сценическое представленіе.

Поэзія вся жила въ памяти; письмо употреблялось особеннымъ и главнѣйшимъ образомъ только для предсказаній: отсюда конечно и самыя письмена слыли таинственными, — рунами. Ихъ выцарапывали на буковыхъ дощечкахъ, разбрасывали по бѣлой пеленѣ и потомъ собирали. Каждое изъ нихъ составляло слово, и ихъ относили къ разъясняемому предмету какъ по названію ихъ, такъ и по формѣ; напримѣръ T, руну войнобога Тюра, вырѣзывали на рукояткѣ меча, и она означала тогда бой и побѣду. Чародѣйственная сила руны разрѣшалась пѣснію; заговоръ или заклятіе брали ее себѣ въ пѣсенную заставку, то-есть въ начальную букву главныхъ словъ, изъ которыхъ они слагались. Нацарапывая или нарѣзывая руну, пѣли при этомъ соотвѣтственный стихъ. Настоящимъ ковачомъ, слагателемъ рунъ слылъ не кто иной, какъ Одинъ, его заговоры разбиваютъ оковы, обезвреживаютъ любой ударъ и потыкъ, придаютъ человѣку силу и во всемъ удачу, склоняютъ всякое сердце на любовь. Это внутренній духъ вещей, пробуждаемый духовною (вѣщей) силой человѣка; любой символическій обликъ, любое символическое дѣйствіе истолковываются и заклинаются пѣснею. Гадаютъ или предсказываютъ будущее также еще по природѣ встрѣчныхъ животныхъ, особенно по ржанію коней *.

Воспоминаніе о небесномъ свѣтломъ богѣ первоарійской старины сохранилось въ сѣверномъ словѣ tyvar (тюваръ), обозначающемъ и боговъ и героевъ, а также въ богѣ Тюръ, о которомъ говоритъ Эдда, и который у Германцевъ звался Ціу. Лучъ и молнія символизировались въ мечѣ, который сталъ руническимъ знакомъ Тюра, отчего послѣдній и обратился постепенно въ войнобога, когда на ряду съ нимъ явились другія божества и переросли его значеніемъ. Всеобщая мать, природа, стояла притомъ также и обокъ съ нимъ; она сохранилась въ германскихъ Гели, Нертуси (Гертѣ) и въ той еще богинѣ, которую Тацитъ ровняетъ съ Изидою. Имя первой, Гель, указываетъ на сокровенность (hehlen значитъ таить, скрывать): это—царящая въ нѣдрахъ земли жизненная сила, которая зимою погружается въ мертвенный покой и принимаетъ въ себя усопшихъ. О Нертуси (Гертѣ) Тацитъ повѣствуетъ такъ: На островѣ океана (Рюгенѣ) есть священный лѣсъ; тамъ хранится ея колесница, завернутая въ пелену. Почуявъ присутствіе богини въ святилищѣ, жрецъ сопровождаетъ колесницу, везомую парою коровъ. Прибытіемъ своимъ богиня вездѣ распространяетъ миръ и плодородіе; умолкаетъ шумъ оружія, запирается нáглухо желѣзная утварь, и все наряжается чтобы отпраздновать веселые торжественные дни. По возвращеніи Герты домой, ее вмѣстѣ съ колесницею купаютъ въ сокровенномъ озерѣ, которое поглощаетъ дѣйствовавшихъ при этомъ рабочихъ, то-есть, проще говоря — они приносятся ей въ жертву.

Вся природа слыла одушевленною; людскія души выходили изъ нея и въ нее же опять возвращались; человѣкъ видѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ

---

* Читатели припомнятъ этотъ же обычай у древнихъ Персовъ.

сторонъ душами предковъ, и царство эльбовъ было для него вмѣстѣ и царствомъ усопшихъ. Свѣтлые эльбы разнились отъ темныхъ или черныхъ тѣмъ, что первые жили на бѣломъ свѣтѣ, а послѣдніе подъ землею, тѣ царили въ лучахъ солнца и звѣздъ, въ вѣяніи воздуха, въ облакахъ и тучахъ, эти же, напротивъ, были таинодѣйственными силами земли, отъ которыхъ прозябаютъ травы и растенія, отъ которыхъ желѣзо и золото зарождаются въ рудныхъ жилахъ. Позже они превратились въ карликовъ; и цари ихъ играли въ богатырскомъ сказаніи Германцевъ почти ту же роль, какую Кельты приписываютъ владыкѣ эльфовъ, Оберону. Завѣдывая огнемъ очага, германскіе домовые боги подходятъ къ пенатамъ и ларамъ Италійцевъ; они вообще добродушны и проказятъ только надъ негодяями и лѣнивцами. Водяные эльбы называются никсами (это тѣ же опять русалки). Здѣсь, какъ и вездѣ, любятъ они пѣніе, подобно Рибгусамъ (Арбгусамъ) Индійцевъ, отзывающимся въ эллинскомъ Орфеѣ и распѣвающимъ воздушную пѣсню. Ихъ пѣніе и игра обладаютъ вполнѣ чарующей силою. Въ Гудрунѣ Горантъ затягиваетъ такую пѣсню, какой не слыхивала ни одна христіанская душа, если не подслушала ея у волнъ морскихъ: «внимая ей, вся чуткая дичь въ лѣсу «позабыла кормъ и пищу, червячки роями выползли изъ-подъ муравы, рыбки «зашныряли въ водѣ внизъ и вверхъ, все ходенёмъ пошло, — не даромъ пѣлъ «онъ свои пѣсенки».

Дýхи благосклонны къ добрымъ людямъ, но не любятъ чтобъ имъ кто-нибудь мѣшалъ; за это они всегда отплатятъ, и тѣхъ, кому суждена смерть, охотно уносятъ они въ свое царство съ плясками и пѣніемъ. Эти-то именно миѳическіе образы чуткій къ природѣ смыслъ Германцевъ всего сохраннѣй уберегъ цѣлыя тысячелѣтія, такъ что они отзываются въ нѣмецкой поэзіи и донынѣ.

Сопротивные божественному порядку демоны являются въ видѣ великановъ; это дикое, строптивое племя надѣлено неудержной силою, оно орудуетъ холодной, мрачною зимой, льдами, горнокаменными утесами и грозно бушующимъ моремъ. Старые-престарые, вооружены они каменными щитами, а среди ужасовъ дремучаго лѣса превращаются въ дикихъ исполиновъ съ огромными деревьями вмѣсто дубинъ. Въ бою уступаютъ они богамъ и богатырямъ, или уходятъ съ приближеніемъ къ нимъ человѣческой культуры; неумѣніе различить зла съ добромъ кладетъ на нихъ печать слѣпыхъ силъ природы, которыя вѣчный міропорядокъ преодолѣваетъ своимъ непобѣдимымъ могуществомъ.

Изъ единства всеобъемлющаго неба первымъ богомъ выступилъ у Германцевъ Торъ или Донаръ, совмѣщающій въ себѣ Индру и Агни и царящій какъ въ огнистой молніи, такъ и въ пылу очага, такъ что Римляне не даромъ называли его и Юпитеромъ и Вулканомъ. Въ противоположность возвеличенію воды у Пиндара, Эдда говоритъ: огонь всего лучше для земнородныхъ. Онъ намѣстникъ свѣта небеснаго, стихія всякаго очищенія; культъ свѣта и огня господствуетъ здѣсь какъ и у всѣхъ вообще Арійцевъ. Торъ дѣйствуетъ громовою стрѣлой какъ молотомъ; но что послѣдній благословляетъ также и новобрачныхъ, напутствуетъ усопшихъ и обезпечиваетъ возрожденіе, что бросъ молота опредѣляетъ межу землевладѣнья, — это ясный намекъ

а такую пору, когда Торъ былъ царемъ Азовъ; Эдда называетъ боговъ Ванами, то-есть лучезарными, или Азами, то-есть балками и опорами свѣта. Торъ разбиваетъ въ дребезги и инейныхъ великановъ и каменныя горы ихъ, чтобы водворить весну и плодородіе; ему посвященъ былъ дубъ. Онъ долго оставался еще предпочтительно мужицкимъ богомъ, когда военная знать давно уже избрала себѣ верховнымъ вождемъ Водана, и онъ занялъ первое мѣсто въ религіи.

Первобытная старина знала еще духа бури, несущагося съ облаками и вѣтрами, съ шумомъ и пѣніемъ, все двигающаго и плодотворящаго: когда Германцы двинулись съ мѣстъ, чтобы видоизмѣнить Европу и стать всемірно-исторической силою, они думали—ихъ ведетъ буребогъ, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ Воданомъ или Одиномъ, всепроникающимъ, вседвижущимъ міровымъ духомъ, отъ котораго все исходитъ и въ который все возвращается, чей глазъ—все освѣщающее и всеживящее солнце, чье имя намекаетъ на пробудителя и проницателя; который открывается во всякомъ восторженномъ состояніи души,—и въ неистовствѣ боя, и въ поэзіи. Какъ буребогъ, живъ онъ еще и теперь, онъ и донынѣ вождь такъ-называемой дикой охоты, разъяренной стаи тучъ и вѣтровъ, подъ видомъ которыхъ сопровождаютъ его души покойниковъ; съ ними и теперь еще вырывается онъ вдругъ изъ горной дебри, когда надо защитить родной край отъ вторженія иноплеменныхъ воевъ. Какъ духъ природы,—Воданъ живительный веснобогъ, зимою дремлющій въ преисподней, но потомъ опять выходящій оттуда; онъ одѣваетъ зеленью міровое дерево, торжествуетъ въ битвѣ за освобожденіе, низлагаетъ великана, затѣявшаго посягнуть на его жену, и снова овладѣваетъ господствомъ, о которомъ распространены безчисленныя сказанія. Въ области душевной жизни Воданъ—источникъ всякаго высшаго движенія, поэзіи, любви. Онъ самъ наилучшій ковачъ пѣсенъ, да и другихъ поитъ разымчивой брагой вдохновенія; онъ та сила души, которая порывается въ желаніи и удачно настигаетъ счастье. Въ исторіи онъ и побѣдоносецъ, и побѣдодавецъ. Лебеди небесныя, свѣтлыя облачницы, становятся теперь боевыми его дѣвами, изборщицами смертей, Валькюрами, которыя, сидя на росистыхъ коняхъ, въ лебяжьемъ зипунѣ поверхъ блестящаго панцыря, рѣютъ около побоища и выбираютъ тѣхъ, кому суждено умереть богатырской смертью; ихъ-то и уносятъ онѣ потомъ въ одинову дружину, гдѣ они вѣчно будутъ тѣшиться съ нимъ боемъ и побѣдами, пѣснями и пирами, на которыхъ сами Валькюры наполняютъ чарки веселыхъ гостей. Никогда человѣческая поэзія не создавала болѣе прекрасной картины смерти.

Жена бурeдуха, дождепосная и благодатная туча, стала подъ именемъ Фрейи богиней небесною, въ безподобномъ звѣздномъ уборѣ,—богиней любви и брака, посылающей дѣтей въ земную жизнь изъ облачнаго колодезя, и потомъ призывающей къ себѣ опять ихъ души. И она совершаетъ ночные походы съ своей многочисленной дружиною, или же гуляетъ съ своими дѣвами, кроткая и ясная, по цвѣтущимъ полямъ. Не то, сидитъ она съ ними распѣвая за пряжей въ кристальномъ гротѣ. Народное повѣрье знаетъ ее также подъ названіемъ Хольды или Холлы, то-есть милой, привѣтливой, а равно и Берты, то есть свѣтлой; пряхою о лебяжьихъ ножкахъ перешла она въ богатырскую былину и стала тогда означать собой пору золотого времени; какъ

бѣлбаба (weisse Frau), она слыветъ прабабкой людскихъ поколѣній, блюдетъ ихъ подъ своей защитой, предвозвѣщаетъ рожденіе и смерть. Но она же прядетъ и нить людской судьбины, она царица Валькюръ и властвуетъ надъ вѣщими знахарками и рочницами, которыхъ скандинавскій сѣверъ ставитъ, подъ именемъ Норнъ, на стражѣ у ключа жизни подъ ясенью Игдразиль, и называетъ также прошлымъ, настоящимъ и будущимъ. Память о богинѣ солнечнаго востока, денницы и весны, память объ Остарѣ, сохранилась въ нѣмецкомъ названіи Свѣтлаго Воскресенья, Остернъ (то-есть Остернь день).

Цезарь говоритъ, что аріовистовы дружины молились солнцу. Богъ солнечнаго сіянія зовется на сѣверѣ Фрейръ; понѣмецки изъ этого вышло бы Фро, господинъ. Ивановскіе огни въ пору лѣтняго солоноворота, святки, нарожественская ёлка, знакъ свѣтовозрожденія въ концѣ зимы, — вотъ слѣды, уцѣлѣвшіе отъ солнцеслуженья. Что Бальдеръ, слывущій также и Волемъ (Vol), былъ извѣстенъ въ Германіи, это мы знаемъ изъ мерзебургскаго заклятія; онъ скачетъ съ Воданомъ къ Вальдо, конь его вывихнулъ ногу, а Воданъ исцѣляетъ вывихъ словами: «Кость къ кости, кровь къ крови, членъ къ члену,—будь они какъ склеены!» Бальдеръ—солнечный блескъ въ полнотѣ его отрадно-кроткаго сіянія, какъ символъ духовной чистоты и прекрасной юности; онъ умираетъ ранней смертью подконецъ лѣтняго солоноворота отъ руки безсвѣтной, непроглядной зимней ночи, брата его, Гёдура, — брата въ томъ же смыслѣ какъ ночь можно, пожалуй, назвать сестрою дня; но онъ платитъ за то кровавымъ мщеніемъ и побѣдоносно возрождается снова.

Боговъ чествовали молитвою и жертвами; рогатый скотъ, бараны, козлы, особенно кони, обагряли своей кровью алтари; но высшее, что можно было предложить богамъ въ искупленіе, разумѣется были люди: военноплѣнныхъ приносили въ жертву послѣ битвы; конь, а часто слуги и служанки, сожигались вмѣстѣ съ господиномъ, и высоко чтилась та жена, которая добровольно слѣдовала за супругомъ въ преисподнюю: тогда, говоритъ Брунгильда въ Эддѣ, кольчужная дверь палаты въ царствѣ мертвыхъ не захлопнется за нимъ такъ быстро, чтобы ударить его по пятамъ. На скандинавскомъ сѣверѣ бывало неоднократно, что въ случаѣ великихъ народныхъ бѣдствій король самъ обрекалъ себя на смерть.

Въ Германіи язычество погасло раньше нежели въ Скандинавіи, гдѣ оно развивалось до 10-го вѣка. Тамъ была отчизна викинговъ (витязей), которые ради боя и грабежа шныряли по всѣмъ морямъ Европы, наводя страхъ и трепетъ на побережья; тамъ у любого князя (конинга) были свои скальды, пѣвцы, воспламенявшіе къ битвѣ и хранившіе въ пѣсняхъ память о славныхъ подвигахъ. Они же развивали далѣе и миѳологію въ пластически-поэтичномъ смыслѣ. Одинъ сталъ у нихъ всеобщимъ отцомъ и владыкою боговъ, творцомъ и правителемъ вселенной. Волею и вѣщей силой, которыя слывутъ его братьями, Вили и Ве (Ve т. е. Weihe), уряжаетъ онъ всю жизнь и всю природу. Съ небеснаго престола своего онъ озираетъ все разомъ; два ворона, Хугинъ и Мунинъ, мысль и воспоминаніе, извѣщаютъ его обо всемъ сущемъ и совершающемся. Онъ—побѣдодавецъ, битва—его потѣха, мечь—его язвящій огонь. Посылаемое имъ человѣку боевое одушевленіе доходило

до неистовства, когда берсеркеры *, какъ бѣшеные волки, грызли зубами желѣзные щиты. Кто падалъ въ сраженіи, тотъ восходилъ въ увеселительный чертогъ Одина, въ Валгаллѣ; умиравшіе на соломенномъ одрѣ входили въ царство Геля, которое мало по малу обратилось наконецъ въ мрачную преисподнюю; палата для нихъ въ этомъ царствѣ называется бѣдою, единственное блюдо ихъ—голодъ, ненасытная алчность—ихъ ножъ, слугою у нихъ лѣнь, служанкою—медленность, постелью имъ—горькая забота, пологомъ—грозящая напасть; смертоубійцы и клятвопреступники должны бродить тамъ по грязно-болотистымъ рѣкамъ, полнымъ острыми мечами. Оттого состарѣвшіеся воины и царапали себя въ кровь копьями, чтобы благодаря этому символическому боевому освященію взойдти по смерти къ Одину; и Рагнаръ Лодброкъ пѣлъ въ змѣиной башнѣ о томъ, какъ радостно бился онъ всю жизнь свою, а теперь-вотъ гложутъ бойца ехидны, и наконецъ-то требуетъ его къ себѣ Одинъ:

Что жь, доброе дѣло! Манятъ ужь Валькюры,
Послалъ ихъ Одинъ изъ палаты боговъ.
Въ сообществѣ Азовъ, на свѣтломъ престолѣ,
Я буду теперь веселиться и пить.
Прошли наконецъ часы жизни превратной,
Съ улыбкой встрѣчаю желанную смерть.

Въ скалистой Норвегіи настоящимъ земскимъ богомъ былъ Торъ. Его именно молотъ вбрызнулъ плодоносные удолы въ самыя дебри снѣжныхъ горъ; тамъ стояли его храмы, и именно въ Марё кумиръ его можно было видѣть рядомъ съ запряженною козлами колесницей. Въ привѣтныхъ подгорныхъ низинахъ Швеціи особенно чествовали Фрейра, открывающагося въ ясномъ солнечномъ сіяніи. Богомъ зимняго солнца почитался тамъ быстрый ледобѣжецъ Уллъръ.

Кумиры боговъ рѣзались изъ дерева; этотъ родъ пластики такъ и остался въ германскихъ лѣсахъ вполнѣ народнымъ дѣломъ, а Скандинавы съ весьма раннихъ поръ стали украшать рѣзьбою щипцы деревянныхъ своихъ домовъ. Главное ихъ помѣщеніе, вкругъ котораго располагались свѣтлицы и покои, во всѣхъ болѣе видныхъ зданіяхъ подѣлялось двойнымъ рядомъ стоекъ на три прясла. Посрединѣ этихъ рядовъ устроивались высокія или почетныя сидѣнья, возлѣ нихъ направо и налѣво — лавки, а въ промежуткѣ разводился огонь. Такъ гдѣ оканчивались скамьи, во всю ширину дома пускался подвышенный помостъ (родъ полатей), гдѣ сидѣли за работой женщины. Столбы у почетныхъ сидѣній, а также и дверные, украшались обыкновенно рѣзьбой; скрещавшіеся надъ щипцомъ бревна (конёкъ) оканчивались въ видѣ роговъ или головъ какого-нибудь животнаго. Во храмѣ, стоящій или на тронѣ сидящій кумиръ занималъ мѣсто почетныхъ сидѣній (жилого дома); передъ нимъ на мѣдномъ таганѣ горѣлъ негасимый огонь, а возлѣ лежалъ серебряный обручъ, на которомъ давались священныя клятвы (присяги). Стѣны какъ храмовъ, такъ и домовъ, любили убирать коврами, и женщины мастерски вы-

* Берсеркеръ буквально значитъ безрубашный, безпанцырный; такъ назывались у Скандинавовъ бойцы разсвирѣпѣвшіе до совершеннаго неистовства, а потомъ и вообще безпардонные, готовые на все головорѣзы.

шивали ихъ разными узорами; но и деревянная обшивка стѣнъ убиралась иногда богатою рѣзьбой, какъ украшались ею судовые штевни;* одна скальдовская пѣсня превозноситъ рельефы — смерть Бальдура и битва Тора съ міровымъ змѣемъ въ какомъ-то норвежскомъ домѣ, а въ 10-мъ вѣкѣ одинъ (положимъ не совсѣмъ скромный) Исландецъ велѣлъ изобразить надъ почетнымъ сидѣньемъ свои собственные подвиги; упоминается даже имя одного извѣстнаго рѣзчика, Тордъ Хреда.

Мертвыхъ хоронили на каменныхъ плитахъ подъ курганами, иногда и въ гробовыхъ склепахъ; когда вошло въ обычай сожженіе, пепелъ ставили туда въ урнахъ. На гребнѣ холма высится обыкновенно верховой памятный камень (bautastein); гробъ обставленъ камнями же въ кружокъ или въ четыреугольникъ: это чуть ли не древнеарійскій обычай. Особенною принадлежностью германскаго сѣвера являются продолговатые (овальные) курганы съ урною внутри, тогда какъ размѣщенные снаружи камни представляютъ видъ корабля съ килемъ, бортами и мачтою, — конечно въ воспоминаніе тѣхъ загробныхъ кораблей, на которыхъ души перевозятся на тотъ свѣтъ по смерти.

Когда Гаральдъ Прекрасноволосый сталъ единовластцемъ въ Норвегіи, вконцѣ 9-го вѣка, многіе изъ родовитыхъ, а также и простые мужики, для кого была невыносима утрата вольной воли, переселились въ Исландію, гдѣ уже и прежде нашли себѣ новое отечество люди, заброшенные туда случайно бурей, или бѣглые по случаю кровавыхъ винъ. Въ теченіе долгихъ зимъ сумерки и ночь заволакивали тамъ небо, скудно освѣщаемое только вспышками магнитныхъ бурь сѣвернаго сіянія. Сѣдыми высокими валами хлещетъ море о берега, окрашиваясь иногда при солнечномъ восходѣ свѣтлозелеными огненными полосками; во многихъ бухтахъ перехватываетъ оно далеко на сушу. Изъ подъ снѣжной пелены высятся огнедышащія горы, и лава черной массою лежитъ рядомъ съ хрустальными сводами ледниковъ, когда вслѣдъ за безконечною зимой настанетъ вдругъ короткое лѣто и своимъ никогда не заходящимъ солнцемъ быстро расцвѣтитъ зеленые луга. Здѣсь раскаленная еще лава прорывается сквозь ледъ и снѣгъ, тамъ клокочутъ горячія грязи, какъ котлы макбетовскихъ вѣдьмъ, безпрерывно покрываясь тутъ же лопающимися пузырями, а тамъ жерло Гейзера вскрай наполняется кипяткомъ, но временамъ брызжетъ вверхъ цѣлыми струями и дробитъ ихъ наконецъ въ жемчужную осѣдающую пыль; по словамъ Сарторіуса фонъ-Вальтерсгаузена, какъ снопы ракетъ шипятъ, перепутываясь и исчезая въ пару, эти крупные и мелкіе фонтаны; еще одинъ толчокъ, глухой ударъ изъ подземной глубины, и вотъ громаднымъ водометомъ кипучая влага подымается на сто, на двѣсти футовъ въ воздухѣ, но быстро падаетъ опять внизъ, исчезая со всей величавой своей обстановкою какъ фантастическій сонъ передъ разсвѣтомъ.

Переселенцы принесли съ собой изъ родимаго края и древнихъ боговъ, и пѣсни, и обычаи, и право. Около лѣсистыхъ бухтъ промышляли они скотоводствомъ и земледѣліемъ, рыбною и птичною ловлей. Значительный чело-

---

* Смычныя косыя балки, къ которымъ сводятся корма и носъ.

вѣкъ, при самомъ водвореніи своемъ, сооружалъ храмъ и су́дбище; тамъ, гдѣ онъ мирно верховодилъ среди своихъ въ качествѣ жреца и судьи, водворявшіеся потомъ другіе поселенцы естественно примыкали къ заведенному порядку. Когда народа прибыло, такіе окружные головы соединились между собой для дѣлъ общественной справы и ежегодно сходились на сеймы. Долгими зимами Исландецъ жилъ поневолѣ у очага своимъ внутреннимъ міромъ, воспоминаніемъ. Онъ обновлялъ въ своей памяти битвы предковъ, и разумѣется любой умѣлый сказатель и пѣвецъ былъ дорогимъ гостемъ и на пиру и въ домашнемъ уединеніи. Такимъ образомъ духъ германской старины утвердилъ царство свое чуть не на крайнемъ сѣверѣ, тогда какъ во всей остальной Европѣ господствовало уже христіанское средневѣковье. Тамъ раздумывалъ онъ о себѣ самомъ, и хотя, правда, не создалъ ни чего новаго, но зато изложилъ старое съ такой живой силою и задушевной любовью, что спасъ его для потомства. Язычники жили тамъ обокъ съ христіанами. Миссіонеръ Тангебрандъ, человѣкъ очень рьяный, посѣялъ между ними вражду, умертвивъ двухъ Исландцевъ, оскорбившихъ его ругательными стихами. Тогда язычники и христіане хотѣли-было совершенно разойдтись, но Торгниръ объяснилъ народному сходу, какъ необходимо всѣмъ Исландцамъ держаться одного обычая и закона, и около 1000-го года всѣ приняли христіанскую религію. При этой полюбовной сдѣлкѣ ни кто не подумалъ истреблять древнихъ боговъ и древнія пѣснопѣнія; постарались напротивъ тщательно собрать ихъ. Такъ, говорятъ, около 1100-хъ годовъ поступилъ мудрый Семундъ Сигфуссонъ (т. е. Сигфусовъ); сборникъ его называется старшею Эддой, тогда какъ младшая списана сто лѣтъ спустя Снорри Стурласономъ (т. е. Стурлинымъ) уже въ прозѣ, отчасти въ разговорной формѣ, какъ бы въ объясненіе къ поэтическимъ пѣснямъ; тутъ подробно передаются сказанія, которыхъ пѣсни касаются только мимоходомъ, на лету. Эдда собственно значитъ прабабка; да оно, какъ замѣтилъ Яковъ Гриммъ, совершенно и въ духѣ старины, чтобы прабабушка въ кругу дѣтей и внучатъ разсказывала про давно былое время.

Пѣсни Эдды вовсе не имѣютъ въ виду изложить содержаніе сказанья, онѣ предполагаютъ его напротивъ общеизвѣстнымъ; поэтическое настроеніе выдвигаетъ здѣсь обыкновенно какую-нибудь единичную черту, и на нее одну изливаетъ полный блескъ пѣснотворчества. Съ точки зрѣнія настоящаго пѣвецъ глядитъ въ нихъ и на прошлое и на будущее, и вольнымъ полетомъ представленій носится какъ вблизи, такъ и въ дали. Изложеніе часто вполнѣ драматично, разсказъ то и дѣло переходитъ въ разговорную форму; главное тутъ не столько во внѣшней передачѣ событія, сколько въ томъ, чтобы раскрыть передъ нами тайники внутренняго чувства. Мы видѣли, что позднѣйшая индійская фантазія любила вдаваться въ пространственную безмѣрность, здѣсь напротивъ предстаетъ намъ высшая напряженность силы, элементъ динамически-чудовищнаго. Рѣчь коротка въ обрѣзъ, излучиста, строга и часто одѣта какой-то вѣщей темнотою, изъ которой мысль сверкнетъ иногда вдругъ какъ молнія. Въ исландской поэзіи, какъ мѣтко выразился Шерръ, царитъ сурово-могучее дыханіе природы и жизни сѣвера и вмѣстѣ тотъ сосредоточенный огонь, котораго едва сдерживаемые сполохи порою вырываются вдругъ какъ потоки лавы на Геклѣ изъ-за ледяныхъ утесовъ. Тутъ разумѣется нѣтъ строгомѣрной ясности Эллиновъ, нѣтъ спокойнаго ихъ развитія; но какъ ни

отрывистъ складъ древнихъ этихъ пѣсенъ, все же, по мнѣнію переводчика ихъ, Зимрока, онѣ своимъ дикосмѣлымъ величіемъ превышаютъ всѣ созданія любой новой литераты, кромѣ развѣ гётевскаго Фауста. Я скорѣе бы приравнялъ ихъ «Прометею» и тутъ же кстати напомнилъ о томъ, какъ для пѣсни Парокъ въ «Ифигеніи» Гёте съумѣлъ найдти въ своей поэтической душѣ и подходящее звукопаденье и даже аллитерацію:

Es fürchte die Götter das Menschengeschlecht.
Sie halten die Herrschaft in ewigen Händen,
Und können sie brauchen wie's ihnen gefällt.

Страшися безсмертныхъ боговъ, человѣкъ!
Жезлъ власти въ ихъ вѣчныхъ покоится дланяхъ;
Ихъ полная воля — щадить и карать.

Жизнь самихъ Германцевъ, какъ и боговъ ихъ,—борьба; вся миѳологія превратилась у нихъ въ міроoбъемлющую драму, а подконецъ наступаетъ общее затменіе божествъ со всѣми его ужасами, трагическій исходъ настоящей эпохи міра, которая должна смѣниться другою, прекраснѣйшею. Въ одной изъ самыхъ могучихъ пѣсенъ, Вёлоспѣ, провидица, начиная съ перваго зарожденія вещей, проводитъ передъ нами образы сказанія какъ тѣни, собственно съ тѣмъ, чтобы подолѣе остановиться на концѣ; да и вообще мы выносимъ отъ нихъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы передъ духовнымъ зрѣніемъ пѣвца всегда уже лежитъ вполнѣ готовое цѣлое, къ которому и пріурочиваются потомъ разнообразные миѳы. Въ зіяющія бездны между міромъ свѣта и холодной ночью, хлынули изъ послѣдней потоки льдовъ и оживились огненными искрами, брызжущими изъ перваго; отъ этого произошелъ великанъ Имиръ, котораго одолѣваютъ боги; изъ крови его образуютъ они море, изъ костей— горы, изъ волосъ — лѣса, изъ черепа — сводъ небесный, — вся природа является человѣкомъ, розънятымъ по частямъ. Боги урядили пути солнца и мѣсяца и велѣли изъ деревъ произрости людямъ; ясень Игдразиль представляетъ собой самый міръ въ образѣ дерева, въ видѣ живого организма. Посреди вселенной стоитъ твердыня боговъ съ блестящими увеселительными чертогами. Тамъ все сіяетъ золотомъ, и пора эта была золотымъ вѣкомъ боговъ, когда не пробуждалась еще корысть къ драгоцѣнному металлу, язва любостяжанія, съ которою пришло на свѣтъ все зло, невозвратно погибла невинность, и въ борьбѣ съ темными вражескими силами не остались чисты и сами боги; тутъ говорится о присоединившихся къ нимъ трехъ дочеряхъ исполиновъ, и въ среду Азовъ явно вступаетъ въ лицѣ Локи отрицательный элементъ; Локи представляетъ собой огонь преимущественно какъ истребляющую стихію и постепенно восходитъ къ демонскому могуществу отрицанія и пагубы. Мракъ, стремящійся поглотить солнце и мѣсяцъ, давно олицетворяли въ видѣ волка; а теперь «фенрирскій волкъ» вышелъ уже прямо сыномъ Локи, и боги, предчувствуя въ немъ угрожающую напасть, стараются наложить на него оковы, въ чемъ и успѣваютъ, хотя оковы эти состоятъ изъ чистыхъ повидимому невозможностей,—изъ звука кошачей стопы, изъ женской бороды, изъ корня-горорода и изъ рыбьяго голоса.

Вся жизнь скандинавскихъ боговъ заключается въ борьбѣ съ отродьемъ великановъ, и тутъ-то преимущественно заявляетъ силу свою Торъ. Онъ

думаетъ, что положилъ только три царапины на лобъ Скримеру, а выходитъ, что онъ просѣкъ три крутыхъ дебри въ горнокаменномъ хребтѣ. Обвившаго всю землю змѣя Мидгарда, то-есть океанъ-море, подымаетъ онъ къ самому небу; онъ состязается съ великанами въ хмельномъ питьѣ, и такъ какъ одинъ конецъ турьяго его рога окунулся въ море, то ошибкою онъ выпиваетъ часть послѣдняго, такъ что съ той поры оно не полно, отчего и произошелъ отливъ; одного онъ не всилахъ одолѣть, — воплощенной старости. Громовой молотъ буребога лежитъ зимою глубоко въ землѣ и находится тогда во власти морозныхъ великановъ; весною онъ выручаетъ его опять, спускаясь къ нимъ подъ видомъ невѣсты въ одеждѣ царицы боговъ, Фрейи, и когда они кладутъ ему молотъ на колѣни, какъ свадебный подарокъ, онъ въ дребезги разбиваетъ имъ жениха, что̀ описано въ одной изъ самыхъ извѣстныхъ и всего нагляднѣе выполненныхъ пѣсенъ. Что Фрейръ посылаетъ мечъ свой, солнечный лучъ, въ подарокъ Гердѣ, земной силѣ, скованной въ зимнюю пору снѣгомъ и льдомъ, что богъ побоищъ Тюръ вкладываетъ въ видѣ залога свою руку въ пасть фенрирскому волку, — все это толкуется въ общей связи такъ, что при великой рѣшительной борьбѣ у перваго не оказалось меча, а у послѣдняго руки. Идуннь, это — жизне-обновленіе, богиня весны и юности, свѣжая молодая зелень; ее похищаетъ духъ осенней бури, Тіасси, который своими орлиными крыльями пашетъ вѣтромъ на землю; Локи, обративъ ее въ орѣхъ, выручаетъ опять въ этомъ видѣ, подобно тому какъ изъ растительнаго зерна, подъ вліяніемъ теплоты, жизнь прозябаетъ съизнова: здѣсь передъ нами образъ смѣны годовыхъ временъ, только миѳъ передаетъ это какъ однократное историческое событіе; и когда боги видятъ, какъ при осеннемъ листопадѣ Идуннь падаетъ съ міровой ясени, ихъ беретъ страхъ, ужь не пришелъ ли конецъ великой годинѣ міра; они посылаютъ опросить ее; она молчитъ, какъ въ непробудномъ снѣ; духъ пѣсни, супругъ ея, Браги, остается стеречь ее: это, объясняетъ Уландъ, пѣснь, онѣмѣвшая въ виду поблекшей лѣтней зелени. Настаетъ ночь, и ударомъ тернистаго жезла повергаетъ въ сонъ боговъ и человѣковъ. Но тяжкія сновидѣнія тревожатъ яснаго свѣтобога, Бальдура, предчувствіемъ, что жизни его грозитъ опасность. Такимъ образомъ и здѣсь ежегодный процессъ природы переносится на міровой періодъ, а потому и излагается не только въ нѣсколькихъ пѣсняхъ, но еще и въ прозѣ. Боги берутъ съ земли и съ воды, съ камня и съ желѣза, съ животныхъ и съ растеній формальную присягу не вредить милому юношѣ, и вслѣдъ за тѣмъ, вполнѣ успокоенные на его счетъ, начинаютъ сами потѣшаться надъ нимъ отъ скуки, пуская въ него стрѣлы и копья, такъ какъ онъ вѣдь не потерпитъ вреда ни въ какомъ случаѣ. Но оме́ла, чужеядно растущая на деревьяхъ зимой безъ помощи солнечнаго свѣта, не была приведена къ присягѣ, и вотъ Локи сломилъ ея стебель, наложилъ его на лукъ слѣпому Бальдурову брату, Гёдуру, то-есть зимнему мраку, и прекрасный, юный, кроткій богъ палъ подобно Исфендіару въ персидскомъ эпосѣ. Громко и долго рыдали по немъ всѣ боги и богини, а когда стали сожигать его тѣло, жена Бальдура, Нанна, лопнула отъ скорби у могильнаго костра. Онъ влюбился въ нее, завидѣвъ однажды какъ она купалась. «Раздѣтая купальщица Нанна, подсмотрѣнная Бальдуромъ, это — свѣжій росистый цвѣтокъ, только-что развернувшійся подъ лучомъ свѣта. А убудетъ

«свѣтъ, исчезнутъ и цвѣты что ни есть красивые и душистые.» (Уландъ). Любовь между свѣтомъ и цвѣткомъ и пагуба послѣдняго первымъ символизованы вѣдь и въ греческихъ миѳахъ объ Аполлонѣ и Гіацинтѣ (Іакинѳѣ).— Преисподняя готова выпустить Бальдура изъ своихъ нѣдръ, если только пожалѣютъ о немъ всѣ безъ исключенія существа земныя. Вся природа по немъ скорбитъ, нуждаясь въ дѣйствіи свѣта; не плачетъ одна только великанша Тёкъ, сидя въ холодной и темной пещерѣ: Ни въ жизни, ни въ смерти, говоритъ она, не было мнѣ отъ него ни какой пользы; пусть же Гель (преисподняя) и оставитъ его у себя! «Это — своекорыстіе, холодное, бездушное «ячество, которое, не смотря на всѣ благодѣянія, какими покойный надѣ«лялъ цѣлый свѣтъ, ни чего не хочетъ знать, упрятавшись въ безчувствен«ность. Если дѣйствительно Тёкъ тотъ же опять Локи, то эгоизмъ принятъ «здѣсь за начало и корень всякаго зла». Такъ говоритъ Зимрокъ, а Максъ Ригеръ замѣчаетъ къ этому: У людей бываетъ иногда такой нравъ, который прячется въ глубинѣ ихъ собственнаго *я*, какъ въ холодной, темной пещерѣ; исчезни со свѣту солнце идеала,—не ощущая въ немъ ни какой живой потребности, они не могутъ сочувствіемъ призывать его возврата; этотъ-то вотъ нравъ собственно и есть Локи, заклятой врагъ бытія.

Локи, полуариманъ, полумефистофель, является на пиру боговъ и богинь, какъ нечистая совѣсть, укоряющая ихъ въ разныхъ грѣхахъ и слабостяхъ: миѳы, излагавшіе творческій позывъ природы въ видѣ многоразличныхъ любовныхъ связей между богами и богинями, которые слыли при этомъ то родителями и дѣтьми, то братьями и сестрами,—эти миѳы, подобно тому какъ и въ Греціи, казались уже предосудительны болѣе развившемуся нравственному сознанью. Но Азы все-таки еще представители добра, общаго міропорядка, а Локи, злое начало, уловляется въ имъ же раскинутыхъ сѣтяхъ; злокозника приковываютъ къ каменному утесу, и надъ нимъ помѣщаютъ змѣю, которая постоянно каплетъ на лицо ему ядомъ. Но съ трогательною вѣрностью остается при немъ и тутъ жена его, Сигинь; она стоитъ возлѣ него и перехватываетъ въ чашу капли яда; только когда чаша наполнится вскрай, и Сигинь ее выльетъ, ядъ брызнетъ въ лицо Локи, чему онъ противится съ такимъ страшнымъ усиліемъ, что колеблетъ всю землю:—оттого и бываетъ землетрясеніе. Такъ будетъ продолжаться до затменія боговъ.

Это — Рагнарёкъ, затменіе ихъ сознанья, откуда произойдетъ нравственная безрядица, борьба стихій, конецъ мірового періода, неразлучный съ гибелью боговъ его. «Знаете, чтó это значитъ?» спрашиваетъ въ Вёлоспѣ провидица, какъ скоро рѣчь доходитъ до какого нибудь рокового событія; она хочетъ сказать, что все это ясный намекъ на затменіе боговъ.

Братья которятся, сѣкутся между собой на смерть,
Сестры идутъ безъ зазора изъ рода вонъ,
Творится неправда, какой и не слыхано;
Наступила пора меча, топора,
Щиты трещатъ, сокрушаются,
Время бурное, время волчье, чтó передъ свѣтопреставленіемъ,
Какъ ни кому до другого и дѣла нѣтъ, а о себѣ только вся забота.

Тутъ срывается съ цѣпи фенрирскій волкъ, спадаютъ оковы съ Локи,

подымается страшный мидгардскій змѣй, выступають на бой съ Азами огненные и морозные великаны. Поэтому и Одинъ собралъ войско Эйнкеріевъ, то-есть всѣхъ нѣкогда павшихъ въ битвѣ богатырей; онъ сразился съ волкомъ, но тотъ проглотилъ его; Торъ одолѣлъ змѣя, но погибъ отъ ядовитаго его дыханія, и вотъ изъ меча чернаго Суртура, предшествующаго огню густого дыма, брызнула искра всемірнаго пожара:

Закоптилось солнце, земля пошла къ морскому дну,
Пали съ неба звѣзды ясныя,
Огонь вихремъ окрутилъ общаго кормильца, міровое дерево,
И жаркое полымя хватаетъ языкомъ вплоть до неба.

Всякая вина искупается этой смертной борьбою: всемірный пожаръ именно и есть огонь очищенія; обезгрѣшенная земля, обезгрѣшенные люди являются опять на свѣтъ возрожденными. Они находятъ золотыя доски закона первой отшедшей уже поры, все вокругъ зеленѣетъ и цвѣтетъ, поля приносятъ плодъ безъ посѣва; зло исчезло безъ слѣда; Бальдуръ и Гёдуръ живутъ въ небѣ бога побѣды нераздѣльно. Міръ населяется новымъ поколѣніемъ людей добрыхъ и счастливыхъ.

Тогда самъ могучій владыка выѣзжаетъ на совѣтъ къ богамъ,
Тотъ крѣпкій силами, что̀ управляетъ всѣмъ свыше;
Онъ рѣшаетъ всѣ ссоры, примиряетъ всѣ вражды
И уряжаетъ свои вѣчные уставы.

Мы видимъ здѣсь предчувствіе единаго всемогущаго, въ котораго, постепенно очищаясь, претворяется Одинъ. Въ младшей Эддѣ сказано: Всеобщій отецъ живетъ во всѣ времена и властвуетъ надъ всѣми вещами, крупными и мелкими. Онъ сотворилъ небо и землю, и все что̀ въ нихъ есть; онъ даровалъ людямъ духъ, предназначенный жить неистребимо, и судилъ добрымъ мѣсто съ собой на̀ небѣ.

Въ богатырской былинѣ Эдды одна превосходная пѣсня, Вёлундуръ, разсказываетъ намъ про ковача Виланда: ему и его брату удается взять себѣ въ жены купавшихся Валькюръ, но по прошествіи семи зимъ онѣ улетаютъ отъ мужей въ своихъ лебяжьихъ сорочкахъ. Онъ куетъ оружіе и металлическіе уборы, какъ вдругъ однажды утромъ пробуждается въ великой напасти,—узникомъ напавшаго на него короля Нидудра; этотъ держитъ его въ неволѣ и заставляетъ работать на себя до тѣхъ поръ, пока онъ не осилитъ его дочери, не наточитъ ему кубковъ изъ дѣтскихъ черепо̀въ и не подымется въ самолетной одеждѣ на воздухъ. Пѣснями про Хельги, убійцу Хундинга, начинается былина о Вёльсунгахъ *, къ которой принадлежитъ и Зигфридъ. Онѣ полны силы, богатства, задушевной глубины и кротости, и притомъ разнообразіе народнаго пѣснотворства проявляется здѣсь въ дополняющихъ другъ друга пересказахъ. При самомъ рожденіи богатыря, Норны поютъ ему приговоръ судьбы и запрядаютъ золотыя нити, предвѣщая достославные подвиги. На дочери короля Хёгни, Сигруни, сватается могущественный Ганмаръ, а

* Которыхъ родъ происходитъ отъ Одина и одной любимой имъ Валькюры.

она любитъ Хельги, и скачетъ въ видѣ Валькюры по̀ морю и по воздуху, отыскивая его съ тѣмъ, чтобъ онъ добылъ ее мечемъ. Хельги вступаетъ въ бой у скалы Фреки, и, воротясь бережно передаетъ своей супругѣ, что не все тамъ совершилось по желанію, что хотя онъ и побѣдилъ, но зато пали ея отецъ и братья; туловище отца сѣклось еще и тогда, когда голова его скатилась уже на́земь.

Ты не выиграла отъ побѣды: такова, знать, судьба твоя,
Чтобы только кровью достичь тебѣ сердечнаго своего желанья.

Она отвѣчаетъ:

Да, хотѣлось бы мнѣ оживить эти трупы,
Но хочется и отдохнуть въ твоихъ объятіяхъ

Черезъ нѣсколько лѣтъ меньшой сынъ Хёгни, Дагъ, мститъ кровью за кровь отца и братьевъ; онъ самъ извѣщаетъ Сигрунь о смерти Хельги, а она громитъ его за это ужасными словами:

Не двинься корабль, на которомъ ты пойдешь,
Хотя бы ему дулъ и самый попутный вѣтеръ!
Не бѣги конь, на которомъ ты поскачешь,
Хотя бы тебѣ пришлось спасаться отъ непріятеля!
Не сѣки мечъ, которымъ ты взмахнешь,
А не то—снеси онъ собственную твою голову.

Ни что теперь не порадуетъ ее, развѣ изъ могилы убитаго разольется вдругъ нежданный блескъ, и златоуздый конь вынесетъ ей оттуда супруга. И вотъ, страстное ея желаніе подымаетъ покойника изъ могилы, Одинъ дозволяетъ ему побывать дома. Сигрунь встрѣчаетъ его радостно, какъ орлы машутъ росистыми крыльми, завидѣвъ первый проблескъ утренняго солнца. Слезы, что̀ проливала она по немъ каждый вечеръ, падали кровавыми каплями на грудь богатыря и не давали ему покоя. Въ могильномъ курганѣ стелетъ она брачную постель и живая ложится въ объятія умершаго мужа, пока онъ не поспѣшилъ уйдти до первыхъ пѣтуховъ, пробуждающихъ побѣдоносную дружину. Вскорѣ послѣдовала за нимъ неутѣшная Сигрунь. Все это отзывается еще и теперь въ нѣмецкой былинѣ про Ленору.

Цѣлый рядъ пѣсенъ о Сигурдѣ заставляетъ полагать, что онѣ пѣлись въ Германіи порознь, въ одиночку, прежде чѣмъ слились въ одинъ совокупный эпосъ: одно уже то, напримѣръ, что Рейнъ шумитъ и въ исландскихъ былинахъ, доказываетъ, что онѣ пришли на сѣверъ изъ Германіи. Таинственный грунтъ міра древнихъ боговъ, первичность естественнаго быта, ревность Брунгильды въ пѣсни о Нибелунгахъ,—все это становится понятнымъ только изъ Эдды. Бесѣдуя съ дядей своимъ, Гриниромъ, молодой Сигурдъ узнаетъ изъ вѣщихъ его словъ событія грядущей своей жизни: очевидно, что самъ пѣвецъ хотѣлъ заранѣе совокупить передъ собой и оглянуть все цѣлое, а потомъ уже излагать его въ подробностяхъ то болѣе эпическимъ, то болѣе лирическимъ складомъ. Подобно Ахиллу, Сигурдъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что хотя жизнь его и коротка, но увѣнчается за то вѣчной славою. Его воспитываетъ многовѣщій Регинъ и разсказываетъ ему о кладѣ Нибелунговъ,— золотѣ, отнятомъ

у подземныхъ силъ, которое какимъ-то чародѣйствомъ тянетъ туда самихъ своихъ обладателей, пока не погрузится опять въ прежнюю бездну. Вѣдь часто случалось и въ житейскомъ быту, что какой-нибудь сильный міра добивался сокровищъ съ тѣмъ чтобы щедро надѣлять ими своихъ дружинниковъ; а между тѣмъ кровь и проклятіе ограбленныхъ приставали къ этимъ богатствамъ, и они легко обращались въ пагубу тѣмъ, кто ими обладалъ, когда блескъ ихъ будилъ въ чей-нибудь сторонней груди змѣю алчной корысти. На одномъ изъ своихъ странствій ӑзы Одинъ, Гёниръ и Локи пришли къ водопаду карлика Андвери и убили, сидѣвшаго тамъ въ видѣ выдры, регинова брата, Одруна; они сняли съ него кожу и ища себѣ ночлега попали къ отцу Регина, Хрейдмару. Тотъ призналъ одежду сына и потребовалъ, чтобъ за свою вину ӑзы наполнили кожухъ золотомъ. Для этого Локи силою и хитростью похитилъ у карлика Андвари его кладъ и кольцо, а тотъ положилъ на нихъ такое заклятіе: Не будь мое золото ни кому на добро!—Изъ-за самаго этого золота, Хрейдмара убиваютъ потомъ родные сыновья, но присвоиваетъ его себѣ одинъ изъ нихъ, Фафниръ, и ложится, на него въ видѣ змѣя, а другой, Регинъ, выковываетъ для Сигурда мечъ, съ тѣмъ чтобы онъ пронзилъ змѣя и добылъ кладъ для нихъ обоихъ. Но Сигурдъ совершаетъ прежде походъ, чтобы отмстить сыновьямъ Хундинга за своего отца, а потомъ уже пронзаетъ змѣевиднаго Фафнира. Этотъ, умирая, говоритъ ему:

Сигурдъ, совѣтую, и выслушай совѣтъ:
Ступай ты по добру домой отсюда;
Зловѣще золото, накладевъ этотъ кладъ,
Да и кольцо, повѣрь, тебя погубитъ.

Приходитъ Регинъ, жадно пьетъ кровь Фафнира, и хочетъ заговорить на всегдашнюю побѣду выкованный имъ мечъ; Сигурдъ возражаетъ:

Гдѣ надо посчитаться храбрымъ,
Тамъ мужество надежнѣй чѣмъ булатъ.
Кто смѣлъ, за тѣмъ всегда побѣда,
Хотя бы и тупымъ рубился онъ мечомъ.

Сигурдъ жаритъ для Регина сердце Фафнира, дотрогивается до него рукою и, ожегшись, невольно засовываетъ себѣ палецъ въ ротъ. Тутъ уразумѣлъ онъ вдругъ голоса птичьихъ пѣсенъ, а пѣлось въ нихъ о томъ, что у Регина на умѣ недоброе, что Сигурду слѣдуетъ предупредить его и самому убить того, кто замыслилъ на него убійство. Такъ онъ и сдѣлалъ, а кладъ и кольцо взялъ себѣ.

Вотъ подъѣзжаетъ онъ разъ къ огненному валу, за которымъ въ крѣпкой башнѣ (острожкѣ) непробудно спитъ валькюра Брунгильда; Одинъ поразилъ ее соннымъ шипомъ за то, что она даровала жизнь и побѣду одному королю, котораго должна была по-настоящему взять въ обитель Вальгаллы. Ее могъ освободить и добыть себѣ только тотъ, кто никогда не вѣдалъ страха. Сигурдъ проскакалъ на конѣ сквозь пламя, разсѣкъ пополы мечемъ ея броню, и разбудилъ ее жаркимъ поцалуемъ. (Едва ли нужно напоминать еще разъ, какъ побѣда буребога надъ тучезмѣемъ и пробужденіе солнцебогомъ земли, окованной зимнимъ сномъ, осѣли или, пожалуй, возродились здѣсь

въ богатырской былинѣ, и какъ въ особенности последнее отозвалось въ сказкѣ про «спящую царевну», слывущую у Нѣмцевъ «Шиповникомъ», (Dornröschen). Огненный валъ, это — костеръ, которымъ обставляютъ тѣла мертвыхъ при сожженіи).

Брунгильда учитъ Сигурда божественной мудрости; потому что

Умомъ и оружіемъ долженъ владѣть человѣкъ,
Если хочетъ быть первымъ надъ всѣми.

Они обручились и поклялись другъ другу въ вѣрности. Первоначальный миѳъ о лѣтнемъ солнцѣ, покидающемъ на зиму новобрачную землю, объ утреннемъ солнцѣ, уходящемъ отъ утренней зари, чтобы перейдти въ объятія вечерней и за тѣмъ погрузиться въ ночь и смерть, не нуждался ни въ какомъ оправданіи, ни въ какой мотиваціи разлуки; но былина, конечно, нуждалась, и потому въ германскомъ эпосѣ Нибелунги зовутъ Зигфрида въ походъ, биться вмѣстѣ съ ними за ихъ царство. Въ сѣверныхъ, скандинавскихъ пѣсняхъ упоминается о томъ, какъ Сигурдъ приходитъ ко двору короля Гьюки, становится побратимомъ его сыновей, принимаетъ изъ рукъ королевы отворотное питье, отъ котораго позабываетъ Брунгильду, и женится на Гьюкиной дочери. Потомъ ѣдетъ онъ съ шуриномъ своимъ, Гуннаромъ, добывать ему Брунгильду подъ его же видомъ; Сигурдъ одерживаетъ при этомъ верхъ въ такихъ потѣшныхъ бояхъ, которые только ему одному подсилу; но въ пѣсняхъ Эдды онъ еще разъ проѣзжаетъ тутъ сквозь полымя. Онъ кладетъ на ложе свой мечъ промежду себя и Брунгильды, но снимаетъ у ней обручальное кольцо, которое подарилъ ей прежде изъ клада, и передаетъ его своей женѣ. Въ банѣ обѣ королевны поспорили и за свои собственныя преимущества, и за достоинства своихъ мужей; Брунгильда узнаетъ кольцо, да вмѣстѣ и то, какъ она была обманута; оскорбленная, внѣ себя отъ ревности требуетъ она смерти Сигурда. Его предательски закалываютъ. Но по смерти Сигурда неугасшее пламя любви къ нему еще сильнѣе запылало въ сердцѣ Брунгильды. Низко кажется ей жить съ нелюбымъ мужемъ; Сигурдъ былъ обрученъ и повѣнчанъ съ нею; она коритъ убійцъ нарушеніемъ дружбы къ покойному и превозноситъ его вѣрность союзникамъ. Она сама себя умерщвляетъ мечемъ богатыря у его тѣла, и сожигается вмѣстѣ съ нимъ, чтобы имъ вовѣки не разлучаться.

Въ пѣснѣ о Нибелунгахъ жена Зигфрида, вышедши за Эцеля, мститъ его убійцамъ; въ Эддѣ же, по смерти Сигурда, она выдается братьями за короля Атли, съ тѣмъ чтобы тотъ не искалъ мести за кровь сестры своей, Брунгильды, которой смерть онъ приписывалъ Гьюкунгамъ. Но Атли остается непримиримъ: зазвавъ шурьевъ къ себѣ въ гости, онъ велитъ вырѣзать сердце Хёгниру, а Гуннара заточить въ змѣиную башню; послѣдній игрою на арфѣ и пѣніемъ убаюкиваетъ змѣй, но наконецъ ехидна все таки ужалила его до смерти. Тогда жена Атли рѣшается страшно отомстить за братьевъ: собственныхъ дѣтей своихъ подаетъ она мужу на столъ вмѣсто кушанья, закалываетъ его самого и сожигаетъ гридню со всей прислугою и

дружиной. Она складываетъ костеръ для самой себя и зоветъ Сигурда, чтобы онъ пришелъ за ней изъ смертной сѣни. Изъ германскаго эпоса узнаемъ мы, что золото, столь пагубное для каждаго изъ его владѣльцевъ по очереди, было наконецъ возвращено подземнымъ силамъ и потоплено въ Рейнъ.

Упомянемъ еще о тѣхъ мудрыхъ поговоркахъ въ Эддѣ, которыя такъ-называемая «высокая пѣснь» (Хавамаль) влагаетъ въ уста Одину; поэзія и тутъ является носительницей знанія, и поговорки или пословицы, плодъ зрѣлаго опыта, служили для Германца правиломъ въ житейскомъ обиходѣ. Человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, говорятъ онѣ. Блаженъ, кто самъ съумѣетъ всегда найдтись въ жизни безъ зазора. Тому на свѣтѣ и лучшее житье, кто хорошо знаетъ самъ про себя, что̀ знаетъ. Сынъ свобода будь всегда бодръ и радостенъ, а въ бою смѣлъ. Человѣкъ долженъ быть отваженъ и веселъ вплоть до смертнаго дня. Выпить не вредитъ, лишь бы не помутить разсудка. Хмѣль — плохой товарищъ въ пути; нѣтъ скарба лучше ума и находчивости. Свой собственный очагъ, доброе имя и дружба — дѣло хорошее, а правда и открытая душа — необходимое. Нѣтъ добраго человѣка безъ порока, ни такого дурня, чтобы ни годился ни на что. Вконецъ несчастныхъ не бываетъ: кого судьба благословитъ сыновьями, кого добромъ, кого благородствомъ дѣлъ.

Я смолоду любилъ бродить одинъ
Окольными, неторными путями;
Но и тогда былъ радъ столкнуться съ кѣмъ-нибудь:
Всежъ человѣкъ одинъ другому въ радость.

Воздѣлка пѣснотворства въ Исландіи была полезна еще и тѣмъ, что даровитые и умѣлые тамошніе пѣвцы вызывались ко дворамъ норвежскихъ государей. Если въ богатырской былинѣ произошелъ совсѣмъ не умышленный сплавъ коренящихся въ явленіяхъ природы божескихъ миѳовъ съ историческими событіями, то вѣдь обычнымъ художественнымъ пріемомъ скальдовъ было изукрашать пѣсню цѣлымъ рядомъ миѳологическихъ образовъ и высказывать притчевою стороной былины или предвозвѣстіе настоящаго или громкую его хвалу, подобно тому какъ дѣлали это Пиндаръ и его сверстники. Не замыкаясь до такой степени въ цехъ, какъ барды, скальды тѣмъ не менѣе соприкасаются съ ними перевѣсомъ искусственности, школьной передачею изъ рода въ родъ и былиннаго содержанія, и установившейся формы. Полнымъ цвѣтомъ ихъ можно назвать періодъ отъ 8-го до 11-го столѣтія. Битвы, свадьбы, похоронныя торжества, — вотъ обычный поводъ ихъ пѣсней, изливающихъ лиризмъ настроенія въ эпическомъ разсказѣ. Отъ смѣлой или милой вначалѣ образности дошли потомъ постепенно до холоднаго повторенія однихъ и тѣхъ же риторскихъ цвѣтовъ и щеголеватыхъ оборотовъ. Пѣсни теперь только сказывались, а не пѣлись; аллитерація по прежнему осталась главнымъ элементомъ стиха, хотя исподволь начали уже появляться и оконечныя риѳмы. Къ Эддѣ присоединена въ видѣ особаго отдѣла такъ называемая Скальда, гдѣ преимущественно идетъ рѣчь о томъ, какъ слѣдуетъ поэтически обозначать или уподобительно описывать различные предме-

ты. Эти образы закоченѣли въ великолѣпномъ своемъ блескѣ какъ ледники, сквозь которые токъ стиховъ рвется и шумитъ подобно водопадамъ. Отрывки изъ нихъ и даже цѣлыя иногда пѣсни дошли до насъ въ видѣ образца среди прозаическаго повѣствованія историковъ. Тутъ мечъ Одина называется «звенящимъ язвителемъ-огнемъ», огонь—«искрометнымъ древогубцемъ, свирѣпою чумой лѣсовъ»; объ одномъ сгорѣвшемъ въ своей гридни́ королѣ сказано, что «дымоносецъ ступилъ ему пламенною стопой на̀ голову», а о повѣшенномъ, что «его несетъ пеньковый конь». О Гаконѣ Добромъ Гутормъ Синдре поетъ:

Передъ потѣшникомъ коршуновъ всѣ обратились въ бѣгство;
Кровавое вино рано развеселило вóроновъ.

А Эдвиндъ Скальдаспиллеръ выражается такъ:

Длинный бердышъ алчетъ, жаждетъ крови,
Море язвъ вкругъ ходитъ ходенёмъ;
Красные щиты глядятъ съ невольнымъ страхомъ
На мечи, что молніей блестятъ.

Въ Эддѣ собственно Одинъ возбуждаетъ сердце къ поэтическому вдохновенію; но духъ поэзіи воплощенъ въ лицѣ Браги. Въ Хавамалѣ Одинъ предостерегаетъ отъ «цапли забвенія», ошеломляющей и обезумливающей на попойкахъ, но самъ же поетъ о томъ, какъ, упоенный тройнымъ хмѣлемъ меду, любви и поэтическаго вдохновенія, онъ добылъ съ помощью прекрасной Грундлёды возбуждающій къ стихотворству напитокъ, потому что вѣдь нѣтъ поэзіи помимо женской любви. Изъ древняго естественнаго миѳа о приготовленіи буребогомъ небесной влаги, напитка безсмертія, во времена скальдовъ вышла картина со многими эстетически-противными чертами, слишкомъ уже далекими отъ чистоты эллинскаго вкуса. Однажды, при заключеніи мира, Ваны и Азы плевали вмѣстѣ въ одинъ сосудъ, и изъ слюны породили мудраго Квасира; его умертвили карлики, и изъ крови его съ медомъ составили такой напитокъ, котораго кто ни испей, дѣлается мудрецомъ или поэтомъ. Въ искупленіе одной коварный своей продѣлки, карлики должны были уступить его великанамъ. Изъ-за глотка этого питья Одинъ прослужилъ три лѣта у великана Суттунга, а когда и за тѣмъ ему отказали въ немъ, онъ самъ проникъ въ каменную гору, снискалъ любовь дѣвы-великанши, оберегавшей напитокъ, опорожнилъ весь его кувшинъ и улетѣлъ оттуда въ орлиномъ образѣ. Суттунгъ понесся за нимъ въ погоню, и та часть меду, которую Одинъ испустилъ при этомъ заднимъ путемъ, достается на долю плохимъ стихотворцамъ, а того, что̀ выплевалъ онъ ртомъ, онъ даетъ испить только богамъ и пѣвцамъ геніальнымъ.

Благороднѣе истинно-великолѣпный образъ вѣщаго Одина, уразумѣвшаго общую міровую связь, когда на берегу глубокой и широкой рѣки сидитъ онъ рядомъ съ Сагою, богиней исторіи; она черпаетъ влагу студеныхъ струй, и оба въ полномъ блаженствѣ попиваютъ изо дня въ день медъ изъ блестя-

щихъ кубковъ.— Сказатели былинъ уважались на сѣверѣ подобно скальдамъ, и устное преданіе получило тамъ такую твердую форму, что могло быть сорвано какъ вполнѣ вызрѣвшій уже плодъ, когда принялись его записывать. Но къ королевскимъ былинамъ (сагамъ) историческаго и романтическаго содержанія прибавлено было миѳологическое вступленіе, когда народною вѣрой стало христіанство, и прежнія божества пришлось сдѣлать родоначальниками знатныхъ родовъ и владыками стараго времени. Въ 12-мъ столѣтіи Исландецъ Снорре Стурлесонъ изложилъ норвежскую, а датскій священникъ Саксонъ, по прозванію Грамматикъ, — датскую исторію, какъ Геродотъ, въ связи съ древнею былиной и даже со внесеніемъ въ нее иногда скальдовскихъ пѣсенъ.

«Герой, полный красоты, силы и образованія, какимъ хотѣлъ и воображалъ его себѣ юноша-Грекъ, — предстаетъ намъ въ Ахиллѣ; суровѣе, «выше, жестче, кровавѣе, цѣломудреннѣй могучіе сыны холоднаго сѣвера, «каледонскіе, скандинавскіе, нибелунгскіе воители.» Это извѣстное слово Іоанна Мюллера подтверждается во всей своей мѣткости читателю упомятыхъ сейчасъ легендарныхъ исторій, и онъ невольно вспоминаетъ о Гаральдѣ Прекрасноволосомъ, который не хотѣлъ стричься до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ Норвегіей, потому что гордая Гида только тогда обѣщала полюбить его; вспоминаетъ о Гаконѣ, который окончивъ послѣднюю битву, велитъ снести падшихъ за него дружинниковъ на свой корабль, выходитъ въ открытое море одинъ съ мертвецами, и ночью разводитъ тамъ жаркій огонь, такъ что и ему и имъ корабль становится пылающимъ костромъ надъ водами; онъ вспоминаетъ Олафа Трюггвесона, котораго, по смерти прелестной Гейры, ни что не радуетъ ужь въ Виндандѣ, и онъ ѣдетъ разсѣяться въ Англію, гдѣ сожигаетъ лондонскій мостъ, и въ Ирландію, гдѣ королевна въ день торжественнаго мужеизбранія проходитъ мимо всѣхъ туземныхъ вельможъ и подаетъ обручальный перстень чужеземцу; но родина призываетъ его снова править ею, и онъ обращаетъ народъ въ христіанство, а наконецъ въ морской битвѣ, когда взятъ непріятелемъ его корабль и пала вся его вѣрная дружина, онъ, держа высоко сломанный мечь въ правой, а щитъ въ лѣвой рукѣ, самъ бросается въ морѣ, щитъ же пускаетъ по волнамъ, гдѣ хозяинъ его смертью купилъ свободу. Или вспомнитъ еще читатель о крестьянскомъ сынѣ, Фритгьёфѣ, который овладѣлъ таки подконецъ княжною Ингеборгой, милой ему съ первой юности, и о принцѣ Гамлетѣ, котораго обезсмертилъ глубокомысленнѣйшимъ изъ своихъ созданій Шекспиръ; вспомнитъ онъ о Норнагестѣ, которому при самомъ рожденіи двѣ богинисудьбоурочницы возвѣстили всѣ возможныя блага, тогда какъ третья сказала имъ наперекоръ, что ему не жить долѣе чѣмъ прогоритъ стоящая подлѣ восковая свѣчка; мать тотчасъ же потушила свѣчу, и онъ, богатый любовью, подвигами, славою, носилъ ее потомъ всегда крѣпко замкнутою въ своей арфѣ; пресыщенный жизнію старецъ, свидѣтель достославнѣйшихъ дней родного сѣвера, онъ вынимаетъ наконецъ роковую свѣчку, зажигаетъ, и спокойно смотритъ на гаснущее понемногу пламя.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ.

Послѣ того какъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій Германцы отстаивали въ борьбѣ съ Римомъ свою независимость, и какъ нѣкоторыя полчища ихъ, побуждаемыя то крайнею нуждой, то первобытной удалью, переступили за предѣлы родного края, Гунны дали вдругъ первый толчекъ къ такому движенію, которое должно было совершенно преобразить исторію, оживить притокомъ новой крови древнія культурныя страны, ввести новые народы въ европейское бытоꝛазвитіе. Зибель рѣзко обрисовываетъ міровое положеніе того времени: «Если мы представимъ себѣ наглядно «тогдашнее совмѣстничество римскаго міра съ германскимъ, то увидимъ, что они «дополняли другъ друга какъ нарочно по манію вышняго Промысла. Тамъ — «запустѣлыя нивы, нуждающіяся въ рукахъ человѣческихъ, здѣсь — цѣлая «масса народовъ, которымъ земледѣлію становится годъ отъ году тѣснѣй. «Тамъ — возрастающій упадокъ воинской силы, истощеніе народной могу-«ты, мрачное разочарованіе жизнію и свѣтомъ; здѣсь — всегда бодрая, ве-«селая отвага въ бою, стремленье къ славѣ, къ наслажденію и къ природѣ, «къ опасности и къ вѣнчающему дѣло успѣху. Тамъ — широкая формальная «образованность, здѣсь — безпредѣльная охота и способность къ образова-«нію. Тамъ — издыхающая отъ всемогущества монархія, которая безпри-«мѣрно развила формы права; здѣсь — крѣпкое чувство свободы и незави-«симости, нуждавшееся только въ политической школѣ и стремившееся уже «къ снисканію политическихъ формъ. Тамъ — вполнѣ сложившаяся Церковь, «основанная на глубочайшихъ нравственныхъ началахъ, способная въ выс-«шей степени нравственно воспитать человѣчество, но не имѣвшая нрав-«ственно-дѣльныхъ людей и оттого слишкомъ уже наклонная къ проклятію «и презрѣнью міра *; здѣсь, напротивъ, сильное и дѣвственное, но въ то «же время непарадующееся міромъ и неудержное въ страстяхъ своихъ пле-«мя, ждавшее отъ Церкви благотворной выдержки и выучки и готовое впол-«нѣ отдарить ее за это отраднымъ освѣженіемъ упавшихъ силъ».

---

* Въ самомъ дѣлѣ, клясть, презирать и даже карать міръ гораздо легче, нежели обдумывать на каждомъ шагу самыя дѣйствительныя и надежныя — потому именно что нравственныя — средства къ искорененію постигшихъ его золъ. Прим. перев.

Въ 375-мъ году монгольскія орды Гунновъ столкнулись на Дону съ Готами; тогда часть послѣднихъ допущена была, по ихъ требованію, въ предѣлы восточно-римской имперіи, и стала ея оберегателемъ, а другая часть вторглась въ Италію, и Римъ вынужденъ былъ переплавить и обратить въ монету даже серебряную статую Мужества, чтобы откупиться отъ осады юнымъ готскимъ богатыремъ, Аларихомъ. Но вскорѣ Вандалы взяли городъ приступомъ, разграбили, а потомъ ушли въ Африку. Свевы двинулись въ Испанію, Саксы моремъ проникли въ Британію, Вестготы и Франки овладѣли Галліей, тогда какъ Остготы и другія германскія племена волей и неволей примкнули къ Аттилѣ, который вполовинѣ 5-го вѣка основалъ гуннское царство на Дунаѣ и безпощадно громилъ римскій міръ, какъ истинный бичъ божій. Въ великой битвѣ на поляхъ каталаунскихъ съ одной стороны стояли Гунны и Германцы, съ другой Римляне и опять Германцы же; Аттила былъ разбитъ и ушелъ-было въ Венгрію, по вскорѣ опять вторгся въ италійскіе предѣлы; тогда епископъ Рима, Левъ, вымолилъ у него пощаду для вѣчнаго города. Но вслѣдъ за тѣмъ завоевалъ его Одоакръ съ полчищами Геруловъ и Ругіевъ и сдѣлался королемъ Италіи, пока не нагрянулъ на него остготскій предводитель Теодерихъ и вконцѣ 5-го столѣтія не утвердилъ тамъ германской державы. При наслѣдникахъ его она пала на сѣверѣ подъ ударами Лонгобардовъ, а на югѣ, вмѣстѣ съ Вандалами, должна была уступить византійскимъ полководцамъ Велисарію и Нарсесу. Въ Галліи съ Римлянами уладились кой-какъ Бургунды; но Франки покорили обоихъ, и около 500-хъ годовъ основали подъ правленіемъ Хлодвига державу, простершую свое владычество и за Рейнъ. Царствующая династія, правда, скоро выродилась, утонувъ въ сладострастіи и жестокости; однако народъ нашелъ себѣ крѣпкихъ вождей въ управителяхъ царства, Каролингахъ, которые закончили великое переселеніе народовъ такъ-называемою «Римскою имперіей христіанско-германской націи» и тѣмъ самымъ положили начало собственно Среднимъ Вѣкамъ. Они остановили Арабовъ, передъ чьимъ натискомъ пало вестготское господство въ Испаніи. Внѣшняя сторона германства конечно была преодолѣна въ большей части Испаніи и Италіи, но оно освѣжительно проникло внутрь народной жизни, и духъ его оживлялъ съ тѣхъ поръ и тѣ народы, у которыхъ основою для романскихъ нарѣчій навсегда остался латинскій языкъ.

Чѣмъ болѣе новые захваты Германцевъ совершались полчищами, часто состоявшими изъ разныхъ племенъ, тѣмъ болѣе возвышались и крѣпли значеніе и власть предводителей, и благодаря этому среди великаго переселенія народовъ развилось державство королей, которое хотя и оставалось въ зависимости отъ народнаго согласія, но тѣмъ не менѣе давало личнымъ приближенцамъ государя особенно почетное положеніе, и нашедши въ завоеванныхъ краяхъ вполнѣ развитое римское чиноначальство, усвоило его себѣ на свой собственный ладъ. Остготъ Теодерихъ, овладѣвъ Италіей, надѣлилъ народъ свой безхозяйнымъ добромъ, и первый старался слить преимущества германской природы съ античною кулькурой путемъ законодательства, государственнаго управленія и житейскаго быта, такъ что не даромъ наименованъ былъ Великимъ. Онъ обезпечилъ Итальянцамъ миръ и порядокъ,

занялъ отъ нихъ искусство и образованіе, но не мѣшалъ своихъ Готовъ, людей ратныхъ и надежныхъ оберегателей, со старожилами покоренной страны, не хотѣлъ пожертвовать ни языкомъ своимъ, ни религіей; оттого и осталась между обѣими сторонами та противоположность, которою по смерти его овозможено было низверженіе готскаго господства.

Обруку и заодно съ нимъ дѣйствовали два лица, занявшія потомъ видное мѣсто въ ряду средневѣковыхъ учителей, какъ передатчики классическаго образованія, — именно: историкъ Кассіодоръ и философъ Боэтій. На многіе вѣка дали они школамъ и учебники и учебный планъ. Когда, истомившись жизнію, Кассіодоръ удалился въ монастырь, онъ пожелалъ сдѣлать его такимъ пріютомъ, гдѣ Церковь собирала бы познанія древности, тщательно ихъ воздѣлывала и распространяла между народомъ: какъ Моисей усвоилъ себѣ мудрость египетскую, такъ должно было поступить и христіанство съ грекоримскимъ образованіемъ. По примѣру, данному языческимъ грамматикомъ, Макробіемъ, всѣ учебные предметы были подѣлены на два класса или разряда: нижній, тривіумъ (троепутіе), заключалъ въ себѣ грамматику, реторику, діалектику, а верхній, квадривіумъ (четверопутіе),—ариѳметику, музыку, геометрію, астрономію; подъ именемъ семи свободныхъ искусствъ, свѣдѣнія эти и были постоянно предметомъ средневѣковаго преподаванія.— Отъ Боэтія идетъ книга философскихъ утѣшеній, написанная имъ въ собственное себѣ ободреніе и назиданіе, когда онъ сидѣлъ въ темницѣ, но обратившаяся на пользу многихъ тысячъ такихъ же страдальцевъ, какъ и онъ. Потомокъ древнеримскаго рода, воспитанникъ Аѳинъ, пользуясь высокимъ уваженіемъ въ Римѣ, онъ крѣпко хранилъ память славнаго прошлаго вмѣстѣ съ признательностью къ Теодериху, новому благодѣтелю родного края; но, по ложному навѣту въ вѣроломномъ соглашеніи съ Византіей, былъ заключенъ въ темницу и потомъ казненъ. Онъ изливается въ ритмическихъ жалобахъ на свое несчастье, какъ вдругъ предстаетъ ему Философія, и изъ устъ ея онъ внимаетъ наилучшимъ изъ тѣхъ ученій, какія были высказаны древними мудрецами, въ особенности сократиками и стоиками, о надлежащей оцѣнкѣ жизни, о преодолѣніи страданій, объ истинномъ и прочномъ благополучіи. Онъ указываетъ на бренность и измѣнчивость чувственныхъ вещей, къ которымъ ни кто не долженъ привязываться душою: удовлетворенная похоть, какъ пчела, вмѣстѣ съ каплей меду оставляетъ по себѣ острое жало. Онъ хвалитъ воздержаніе и умѣренность, показываетъ какъ всякое зло несетъ съ собой свою кару, а всякое добро само собою вознаграждается, и что поэтому какого-нибудь Нерона слѣдуетъ считать не благополучнымъ, а напротивъ — несчастнымъ. Онъ напоминаетъ о вѣчныхъ законахъ природы и нравственнаго міра, о той верховной волѣ любви, которая все проникаетъ собою и все благоустрояетъ. Онъ между прочимъ задается вопросомъ: Если есть Богъ, откуда вредъ и зло? а если нѣтъ его, откуда добро и все благое? Зло—вина отвратившейся отъ Бога души, благо заключается не во внѣшности, оно лежитъ внутри насъ самихъ, и это вовсе не зависитъ отъ случая; довольства благородной души не сможетъ отнять у ней никто въ мірѣ, и изъ любого поворота судьбы способна она извлечь себѣ выгоду, если только борьба съ неудачами и напастьми будитъ и укрѣпляетъ ея силу, если она

остается вѣрна себѣ, терпѣливо снося горе. Между страницами латинской прозы вплетены тутъ легкіе, плавные стихи. Чувство чередуется съ думою, и когда пытливый умъ возвысится до созерцанія божественнаго Промысла, вдохновенное сердце изливается въ похвалахъ его благости и любви, и въ образецъ человѣку ставится Ираклъ, который путемъ тяжкаго труда и земной скорби очистился наконецъ отъ слабостей и вознесся до Олимпа.

Италія физически обновилась приливомъ свѣжей германской крови; въ Галліи новая стихія, благодаря Франкамъ, достигла прочнаго владычества, но совершенно слилась съ потокомъ римскихъ преданій, такъ что и германскій языкъ разрѣшился мало по малу въ латинскій, преобразовавъ его конечно изнутри. Хлодвигъ возвеличилъ народъ свой и обратилъ его къ христіанству; тогда Галлы, Римляне, Франки объединились въ религіозномъ общеніи. Онъ самъ связалъ идею германскаго воеводы съ идеей римскаго властителя. Покоренный край считалъ онъ своей волостью, которую и подѣлилъ между вѣрной ему дружины; личная преданность и личный интересъ прикрѣпили васалловъ къ испомѣстившему ихъ повелителю (то-есть раздавшему имъ земли, съ обязанностью служить ему, или, говоря погермански,—въ лэнъ[1]. Оттого государи и сдѣлались современемъ любостяжательны, чтобы при постоянномъ обогащеніи всегда имѣть возможность къ щедродарству; среди усобицъ добывали они то, чѣмъ наградить своихъ подручниковъ, вассаловъ. Люди, опиравшіеся на крупное свое значеніе и на большія помѣстья, естественно сдѣлались знатью, аристократіей, и крѣпко сплотились между собой во Франціи, которая расширила предѣлы свои и въ Германію (собственно нѣмецкую землю); при вырожденіи самихъ франкскихъ королей, средоточіемъ и опорою тамошнихъ вельможъ явились правители королевства или майордомы, и присвоили себѣ наконецъ верховную власть вполнѣ. Это удалось имъ въ союзѣ съ Церковью.

Готы первые открыли свое сердце христіанству. Дунайскіе и рейнскіе Германцы, при постоянномъ соприкосновеніи съ Римлянами, конечно также не оставались въ безвѣстности о новой вѣрѣ, и особенно со временъ Константина многіе изъ нихъ принимали ее, поступая на военную и гражданскую службу имперіи; но популярною сдѣлалась она только съ тѣхъ поръ, какъ при вторженіи Гунновъ Вестготы приняты были подъ защиту Византіей, и какъ епископъ Ульфила, возвысившійся надъ всѣмъ своимъ племенемъ, подобно второму Моисею, перевелъ на готскій языкъ библію. Какъ въ позднѣйшее вре- Лютеръ заложилъ подобнымъ же трудомъ начало новонѣмецкой письменной рѣчи, такъ и Ульфила сталъ тогда создателемъ небывалой еще литературы, и книга его осталась вѣчнымъ памятникомъ древненѣмецкаго языка, она дала возможность написать историческую грамматику, прослѣдить исторію германскаго слова. Благодаря этому ни молитвы не пѣлись, ни проповѣди не сказывались народу на чуждомъ ему языкѣ; евангеліе тотчасъ же пришлось ему по смыслу, по сердцу, и стало кровнымъ элементомъ его жизни. Аріанское исповѣданіе вѣры,—болѣе раціональный изводъ христіанскихъ догматовъ,— господствовало между Готами и отъ нихъ распространилось на другіе родственныя племена, проникло даже и къ Бургундамъ, которые, при тѣсной

связи съ Римомъ, примкнули и къ церковному его ученію, но по разгромѣ рейнскаго ихъ царства Аттилой, жили теперь по берегамъ Роны и около Юры между Вестготами. Напротивъ того, Франкъ Хлодвигъ окрестился по католическому обряду, и по примѣру его народъ присоединился здѣсь къ римской Церкви цѣлыми массами. То же произошло и у Саксовъ въ Англіи, когда папа Григорій Великій успѣлъ привлечь на свою сторону кентскаго короля Этельберта. Тогда проповѣдники евангелія стали приходить оттуда моремъ и въ Германію; Винфридъ, прозванный Бонифаціемъ, то-есть «благодѣтелемъ», повалилъ священный дубъ громобога въ Гессенѣ, основалъ нѣсколько монастырей и епископствъ, и самъ, въ качествѣ епископа майнцскаго, положилъ подъ верховнымъ авторитетомъ папы начало церковному устройству въ Германіи. Новую эту Церковь подчинилъ онъ Риму, тогда какъ болѣе свободное аріанское направленіе исчезло вмѣстѣ съ Готами. Можно бы, казалось, пожалѣть о томъ, что не изъ этого зерна развилась германская національная Церковь: тогда не настало бы пожалуй необходимости въ реформаціи и въ полѣдовавшихъ за ней кровавыхъ войнахъ; но Церковь нуждалась вѣдь въ строгомъ единствѣ организаціи, сосредоточенной въ Римѣ, если должна была передать новымъ народамъ культуру древности.

Понятно, что въ эти вѣка, полные броженія и бурь, древняя языческая религія сильно поколебалась, и что душами овладѣла жажда чего-нибудь прочнаго, общаго единенія всѣхъ въ надежной истинѣ. Христіанство представляло эту точку единенія чувственнымъ душамъ въ блескѣ своего богослужебнаго обряда, въ своемъ отвердившемся догматѣ, въ полныхъ вдохновенія проповѣдникахъ. Обреченный смерти чистый свѣтобогъ Бальдуръ просіялъ въ духовное солнце, во Христа, изъ безконечной любви принесшаго себя за людей въ жертву искупленія и потомъ воскресшаго побѣдителемъ смерти. Какъ Одинъ на сѣверѣ сдѣлался всему отцомъ, такъ близокъ былъ переходъ отъ Водана или Донара (громобога) къ единому Богу, міроправителю. Христіанская и языческая стихія сопрониклись между собою; мѣсто высокихъ, кроткихъ богинь заступила теперь Марія и заимствовала въ свой обликъ чистѣйшія отъ нихъ черты; сказанія (и народныя повѣрья) о многопомощной силѣ древнихъ боговъ были перенесены на святыхъ угодниковъ, а другія послужили на оборотъ къ тому, чтобы надѣлить діавола привычными народу чертами, тѣмъ болѣе что вѣдь и у Германцевъ олицетворялось уже въ Локи враждебное начало, супостатъ, а проповѣдники христіанства сами были тѣхъ мыслей, что языческіе боги не иное что какъ демоны, которые соблазнили людей себѣ на службу и отъ которыхъ слѣдуетъ теперь окончательно отречься. Суевѣріе, примѣшивающее и до сихъ поръ много замысловатаго и поэтическаго къ самымъ нелѣпымъ безуміямъ, коренится въ древней естественной религіи, въ ея символахъ и обрядахъ.

Въ исторіи древности, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, видѣли мы что народы крѣпко держались за свой безпримѣсный племенной типъ, каждый развивалъ свою собственную національность, не понимая толкомъ другихъ и считая ихъ за варваровъ. Благодаря великому переселенію, Славянамъ, Кельтамъ, Германцамъ часто доводилось соприкасаться между собою, а также съ Греками и Римлянами, и какой-бы элементъ ни одерживалъ при

этомъ верхъ, ни одинъ не былъ уже чуждъ сопроникновенія, помѣси съ другими. Оттого у всѣхъ могло войдти въ силу общее чувство человѣчности, гуманности, и они могли начать общую культурную работу, живо соревнуя другъ другу и обмѣниваясь своими умственными и матерьяльными добытками, такъ что произведенія ихъ природы, ихъ ума могли теперь имѣть смыслъ и цѣну и для странъ очень отдаленныхъ. Теперь нѣтъ уже господствующаго надо всѣми одного народа, цѣлью исторіи становится общенародный союзъ. Да и человѣкъ не исчезаетъ больше въ гражданинѣ: государство дѣлается для него мѣрнымъ порядкомъ, охраняющимъ духовное его добро; и религія совсѣмъ уже не нераздѣльна теперь съ народнымъ и государственнымъ типомъ; мы видимъ, напротивъ, что Арійцы берутъ христіанство у Симитовъ; во взаимномъ вѣрообщеніи, религія и политика становятся независимыми другъ отъ друга, хотя еще и не расходятся вполнѣ: власть, уряжающая внѣшнюю жизнь строгимъ законодательствомъ, не вяжетъ уже совѣсти, и самъ церковный авторитетъ будетъ теперь вынужденъ шагъ за шагомъ болѣе опираться на разумныя основанья.

Древніе прирейнскіе города Римлянъ были большею частію раззорены великимъ переселеніемъ; нѣкоторые однакожь, какъ Кёльнъ и Триръ напримѣръ, уцѣлѣли, и служили теперь твердынями для меровингскихъ королей. Во Франціи, въ Италіи и въ Испаніи города не подверглись разрушенью, и римская жизнь слилась въ нихъ воедино съ германскою. Фрейтагъ рисуетъ намъ слѣдующую картину тогдашняго быта: «Между греческими храмовы«ми колоннами, которыхъ мраморныя плиты расползались по швамъ, и меж«ду толстыми брусьями римскихъ арокъ, этихъ несокрушимыхъ сооруженій «древности, виднѣлись возведенныя по необходимости наскоро постройки по«слѣдняго періода Римлянъ, стѣны сложенныя кое-какъ изъ кирпичу съ за«кладенными внутри остатками древнихъ зданій и съ прилѣпленными къ нимъ, «какъ ласточкины гнѣзда, жильями бѣдняковъ; подлѣ каменныхъ домовъ «провинціаловъ, съ атріумомъ и портикомъ, съ верхнимъ ярусомъ и алтаремъ, «стояла деревянная изба германскаго селянина съ крытымъ ходомъ на сол«нечную сторону и съ галереею поверхъ его. За ними тянулись разрушен«ные водопроводы, амфитеатръ, которымъ пользовались уже какъ сподруч«ною каменоломней, пожарища и пустыри, а на перекресткахъ стояли ма«ленькія деревянныя часовни съ какой-нибудь святынею. И потомъ среди «развалинъ и хибарокъ высятся вдругъ большая каменная церковь и, на са«момъ видномъ мѣстѣ, дворецъ, нарочно возведенный германскимъ коро«лемъ по родному обычаю со множествомъ пристроекъ для дружины, «всадниковъ и лошадей, или башенный замокъ какого-нибудь вельможи съ «окружающимъ его дворомъ и обширною хоромною палатой.» — Техника роскошныхъ ремеслъ, каменосѣчное и росписное искусство удержались въ этихъ городахъ попрежнему; если и ощущался уже недостатокъ въ изобрѣтательности, то все-таки передавались попаслѣдству внѣшніе пріемы, опытность, орудія, и въ заимствованныхъ съ латинскаго словахъ для обозначенія стола и подошвы, окна, тарелки или кровельной черепицы, находимъ мы явное свидѣтельство тому, что вмѣстѣ съ именами перешли къ Германцамъ и самыя эти вещи. Германецъ, оставшійся сельскимъ хозяиномъ, такъ и си-

дѣлъ въ своемъ алеманискомъ домѣ съ выступающею впередъ кровлею и деревянными галерейками, а не то, по древне-саксонскому обычаю, соломенная крыша съ коньками у щипца простиралась сплошь надъ очагомъ, надъ спальнею каморой и надъ хлѣвами.

Я упомянулъ уже выше о церквахъ, построенныхъ Теодерихомъ въ столицѣ его, Равеннѣ; здѣсь, какъ и въ сравнительно позднѣйшихъ ломбардскихъ и франкскихъ базиликахъ, Германцы просто примкнули къ древнему преданію, не вводя еще ни какихъ новыхъ элементовъ чувства и формы. Дворецъ этого героя кажется подражаніемъ діоклеціанову въ Спалатро, только въ подробностяхъ (деталяхъ) обокъ съ византійскимъ вкусомъ выступаютъ первые проблески сѣвернаго. «Прекрасное это дѣло, достославное порученіе, писалъ Теодерихъ своему зодчему, передать современникамъ нѣчто такое, чтó удивленному потомству прійдется волей и неволею хвалить.» Онъ еще заживо велѣлъ соорудить себѣ гробницу. Крестообразное внутреннее пространство обнесено массивнымъ десятиугольнымъ сооруженіемъ изъ твердаго плитняка; надъ нимъ возвышается второй ярусъ, который весь былъ увитъ аркадами; внутри — круглая часовня, которой куполъ состоитъ изъ цѣльнаго громаднаго кабанà, въ 3 фута толщиной, почти во сто футовъ окружностью, и въ милліонъ фунтовъ вѣсомъ. Онъ напоминаетъ каменныя глыбы родныхъ Германцамъ «Исполинскихъ или гюнскихъ могилъ», хотя во всемъ прочемъ постройка близко подходитъ къ башнеобразнымъ грабницамъ Римлянъ, а размашистыми линіями своего вѣнечнаго карниза какъ бы предвозвѣщаетъ уже существенный пошибъ тѣхъ формъ, которыя впослѣдствіи рѣшительно восторжествовали въ готикѣ. Такимъ образомъ могильный этотъ памятникъ высказываетъ не только духъ, но и всемірноисторическое положеніе схороненнаго подъ нимъ человѣка. Вылитую изъ мѣди конную его статую — со щитомъ въ лѣвой, съ копьемъ наперевѣсъ въ правой рукѣ и съ пушистой шубою на нагомъ тѣлѣ — Карлъ Великій велѣлъ перевезти въ Аахенъ.

Богатырское пѣснотворчество сопровождало великое переселеніе народовъ, и памятникомъ по себѣ оставило богатырскую былину. Бытописатели Готовъ и Лонгобардовъ, Іорнандъ и Павелъ Варнефридъ, не только что включили пѣсни въ свои источники и сами пріобрѣли этимъ поэтическій оттѣнокъ; они сверхъ-того и упоминаютъ еще о пѣніи, сказывая, напримѣръ, что въ виду непріятеля и среди шума битвы Готы несутъ съ побоища своего падшаго при Шалонѣ короля и громогласно поютъ надъ нимъ заплачку, или что надъ трупомъ Аттилы торжественно восхваляютъ они его подвиги и его смерть, увѣнчанную полной славой. Пѣсни были общенароднымъ достояніемъ, но и тогда уже существовали особые стихотворцы и пѣвцы: Теодерихъ посылаетъ, напримѣръ, такого игрока на арфѣ Хлодвигу; былина о Дитрихѣ упоминаетъ про пѣвца Ильсунга, англосаксонскія пѣсни говорятъ, что Герранда состоялъ при королѣ въ пѣвческой должности, что Видситъ странствовалъ отъ одного королевскаго двора къ другому, получая драгоцѣнные дары въ награду за свое искусство. Но и король Вандаловъ Гелимеръ, осажденный Фарасомъ на горѣ Паппуѣ, посылалъ оттуда просить себѣ у Римлянъ трехъ вещей, — хлѣба, чтобы утолить голодъ, губки, чтобы промыть свои опухшіе

глаза, и арфы, чтобы подъ звукъ ея пѣть пѣсню, сложенную имъ на свое злосчастіе. Король Альфредъ поетъ въ станѣ Датчанъ, а по словамъ пѣсни о Нибелунгахъ и Гудрунѣ вольные богатыри Фолькеръ и Горантъ потѣшаются и потѣшаютъ своихъ игрою на арфѣ и пѣніемъ, какъ скоро призатихнетъ шумъ боя.

Спорный вопросъ о томъ, основанъ ли народный эпосъ на божеской былинѣ и облекались ли въ немъ постепенно историческимъ характеромъ первоначальные образы природы, или же наоборотъ дѣйствительные людскіе переживы дали ему главное содержаніе, разрѣшился для насъ при обзорѣ индійской, греческой и персидской поэзіи тѣмъ, что богатырская былина происходитъ именно изъ сплава и совмѣстнаго дѣйствія обоихъ элементовъ; въ первобытныхъ миѳологическихъ воззрѣніяхъ изъ эпохи нераздѣльнаго еще общежительства Арійцевъ отыскали мы основу для множества согласныхъ между собою чертъ, которыя многоразлично преобразовались впослѣдствіи, смотря по разнымъ конечно житейскимъ опытамъ того или другого народа. Мнѣ поэтому нѣтъ надобности повторять, какимъ образомъ вешній солнобогъ лежитъ въ основѣ былины о Зигфридѣ и проглядываетъ изъ свѣтлыхъ его глазъ, или какъ смерть къ Бальдуру сошла прямо съ неба, а неплоцвѣтный, одноглазый Хагенъ сталъ сыномъ чернаго Эльфа и несетъ въ самомъ имени своемъ значеніе жала смерти, такъ-какъ съ нимъ тѣсно переплелся слѣпой Гёдуръ. Былина о предкахъ Зигфрида вездѣ примыкаетъ къ божескому міру. Мать зачала Вёльсунга благодаря яблоку, присланному ей Одиномъ, и богъ обручаетъ ему ту самую Валькюру, которая принесла яблоко. Одинъ является къ Вёльсунгу на пиръ и вонзаетъ мечъ свой въ дубъ, вкругъ котораго возведена столовая палата; этотъ мечъ вытащитъ только сынъ Вёльсунга, Зигмундъ, и онъ будетъ надѣлять его побѣдой до тѣхъ поръ, пока не разлетится въ дребезги о дротъ («геръ») самого бога; но изъ осколковъ возстановляется онъ вновь для Зигфрида, и Одинъ помогаетъ богатырю совѣтомъ, когда ему приходится одолѣть дракона. Кузнецъ Виландъ то приковывается на́ цѣпь какъ огнедавецъ Промеѳей, то окалѣчивается подобно огнебогу, Гефесту, или воспаряетъ въ высь какъ Дедалъ въ самодѣльной «летучей рубашкѣ» (то же что нашъ коверъ-самолетъ); чѣмъ болѣе обрушивается на него обидъ и несчастій, тѣмъ великолѣпнѣе даетъ онъ знать себя въ удивительныхъ созданіяхъ искусства. Братомъ его выступаетъ стрѣлокъ Эйгель, предокъ сказанія о Теллѣ, такъ какъ онъ первый сбиваетъ стрѣлой яблоко съ головы родного сына; настоящимъ къ этому поводомъ считаю я вовсе не тиранническую прихоть самовластія, а скорѣе стародавній обычай, по которому только именно мужествомъ и особой сноровкою можно было спасти человѣка, обреченнаго на жертву богамъ. Дитрихъ Бернскій (то-есть Веронецъ) связанъ и рожденіемъ и смертью съ міромъ духовъ. Въ его битвахъ съ великанами и драконами, равно какъ и въ огневомъ его дыханіи, отражается опять исконный громобогъ; конь смерти является подконецъ за старымъ богатыремъ, и послѣдній мчится на немъ по ночамъ передъ «дикою (бѣсовскою) охотой», или выѣзжаетъ на бой въ тѣхъ случаяхъ, когда родному краю грозитъ опасность. Само принятое теперь Германцами христіанство много содѣйствовало тому, что созерцаемыя изстари въ богахъ прекрасныя поэтическія черты, блистательныя картины ихъ подвиговъ и приключеній, переносились теперь на тѣхъ бога-

тырей, которые сколько-нибудь напоминали ихъ своей жизнію и характеромъ.

Зигфридъ, идеалъ германскаго юноши, полный силы и глубокой задушевности, озаренный блескомъ ранней смерти, невольно привлекаетъ насъ въ сѣверныхъ (скандинавскихъ) пѣсняхъ личной своей судьбиною; въ Германіи же родовая былина эта расширяется въ символъ всемірной исторіи. Съ нимъ воедино слились рипуарскій Зигбертъ, умерщвленный на охотѣ по приказанію Хлодвига, и одноименный ему австразійскій король, чья свадьба и трагическій конецъ подали поводъ ко многимъ пѣснопѣніямъ, котораго уже Венанцій Фортунатъ сравнивалъ съ Ахилломъ: онъ славно воевалъ съ Датчанами и Саксами; невѣстка его, Фредегунда, велѣла его заколоть, а вдова Зигберта, Брунгильда, отплачивавшая за то страшнымъ кровомщеніемъ, была наконецъ привязана за ноги и за руки къ хвосту дикихъ лошадей и такъ разорвана на части. Имя Аттилы напоминало своимъ звукомъ имя Атли въ Эддѣ, и вотъ съ тѣмъ самымъ злымъ бѣдствіемъ, какое послѣдній причинилъ шурьямъ своимъ, Гьюкунгамъ Гуннару и Хёгни, срослось теперь низложеніе рейнскихъ Бургундцевъ, разрушеніе державы Гундикара грознымъ гуннскимъ вождемъ. Атли, властвовавшій съ вестфальскомъ Сузатѣ или Зёстѣ, былъ въ связи съ однимъ нижнегерманскимъ богатыремъ, Тидрикомъ, про чьи битвы съ великанами и драконами, пѣвцы сказывали разныя былины. Мѣсто его заступилъ теперь Теодерихъ Великій подъ именемъ Дитриха Бернскаго. Отсюда и та разность между былиной и исторіей, что здѣсь передъ нами побѣдоносный король, неоспоримо владѣющій Италіей, а тамъ онъ, напротивъ, изгнанъ дядею, въ постоянной борьбѣ съ судьбой, проводитъ бо́льшую часть жизни у чужеземнаго государя, и только подконецъ овладѣваетъ своимъ достояніемъ, но являя вездѣ образъ истаго Германца, стойкаго въ дѣлѣ и въ переносѣ неудачъ, — и все это складно пріурочивается къ готскому герою, годному по историческому своему положенію быть средоточіемъ цѣлаго союза бойцовъ, которыхъ онъ набираетъ себѣ въ подручники, одолѣвъ напередъ каждаго изъ нихъ въ поединкѣ; былина сводитъ его съ Аттилой, какъ представителя союзныхъ послѣднему Готовъ, и среди погибели его народа возносится въ полномъ блескѣ славы его собственный ликъ, когда онъ выходитъ наконецъ рѣшителемъ великаго спора у Гунновъ съ Бургундами въ пѣснѣ о Нибелунгахъ. «Вотъ тотъ Дитрихъ Бернскій, про котораго пѣли нѣмецкіе мужики», говорится уже въ Кведлинбургской лѣтописи 10-го вѣка, и хронисты постоянно указываютъ потомъ на былины и пѣсни о немъ, звучащія въ устахъ народа. Онѣ замолкли въ само́й Германіи. Но подобно тому какъ въ Исландіи уцѣлѣли пѣсни о Сигурдѣ, такъ же точно сѣверные пѣвцы собрали въ 12-мъ столѣтіи былину про Вёльсунга, а въ 13-мъ про Тидрика, какъ слышали ихъ тогда отъ Нѣмцевъ. Они сами ссылаются на свои источники, на сказателей изъ Зёста, Мюнстера и Бремена, и при этомъ объявляютъ: «Былина эта составлена по былинѣ нѣмецкихъ людей, а отчасти и по пѣснямъ ихъ, сложеннымъ давнымъ давно, вскорѣ послѣ совершившихся событій. И возьми ты хоть по человѣку изъ любого города во всемъ саксонскомъ краѣ, всѣ они перескажутъ тебѣ эту былину одинаково; оттого, что у всѣхъ у нихъ есть старыя пѣсни.» Недавно Расманъ перевелъ и объяснилъ оба эти произведенія и такимъ образомъ изложилъ германскую

былину всю сплошь цѣликомъ. Какъ близко Сѣверяне держались своихъ источниковъ и какъ тогда живо было общеніе народовъ въ поэзіи, доказываетъ намъ еще и Карломагнусова былина, * гдѣ мы находимъ переданными изъ стиха въ стихъ уцѣлѣвшія доселѣ древнефранцузскія эпическія піэсы. По Рейну, въ Вестфаліи, въ землѣ Хаттовъ и Марсовъ, пошли первоначально въ ходъ былины о Зигфридѣ и о Дитрихѣ; а примкнувъ къ Аттилѣ, къ Теодериху, онѣ захватили и Дунай, и верхнюю Италію, перемѣшали тутъ разные края и мѣстности, сблизили или совсѣмъ перепутали между собой разныя поколѣнія и вѣка.

Мы видѣли какъ въ Греціи пластическая ясность античнаго искусства шла обруку съ простотою и удобооглядностью цѣлой жизни. Поприщемъ Иліады былъ сосѣдній малоазійскій берегъ, заселенный тѣми же опять Эллинами, и какой-нибудь Ѳукидидъ, оставаясь въ родномъ своемъ городѣ, могъ переживать и, какъ очевидецъ, изобразить тогдашнюю всемірно-историческую борьбу. А въ вѣка громаднаго переселенія народовъ, кто, скажите, могъ оглянуть нескончаемую эту путаницу историческимъ взоромъ? кто середи страшной кутерьмы завоеваній и перекочевокъ могъ ясно различить и удержать въ памяти отдѣльные подвиги и отдѣльныхъ героевъ, которые вдругъ появлялись и такъ же быстро уносились каждою изъ вновь набѣгавшихъ, ярыхъ волнъ? Великія пространства, охваченныя поприщемъ исторіи, не допускали непосредственнаго наблюденія, устраняли мѣстную точность; представленія дѣлались все неопредѣленнѣе, все болѣе расплывались въ ширину, а безвѣстная даль, какъ и всегда, сама собою вызывала воображеніе населять ее своими невиданными чудесами. Изъ ряда вождей народныхъ, носителей тогдашнихъ людскихъ судебъ, возносились только высшія богатырскія головы, какъ горные хребты надъ туманомъ, и колышимая, зыблющаяся туда и сюда былина естественно примыкала скорѣе всего къ нимъ; недостатокъ нагляднаго созерцанія фантазія разумѣется должна была дополнять своимъ собственнымъ примысломъ и стараться усилить общее впечатлѣніе преувеличеніемъ разукрашенныхъ подробностей.

Ломбардская исторія представляетъ намъ въ юношескихъ подвигахъ Альбоина, въ сватовствѣ Аутари на Тёйделиндѣ, очень интересныя повѣствованія; она показываетъ намъ трагическую силу страсти, когда напримѣръ Розамундѣ по желанію мужа приходится пить заздравницу изъ черепа своего собственнаго отца, и когда, возмущенная этимъ, она отдаетъ женскую свою честь одному воину, съ тѣмъ чтобъ онъ убилъ ея супруга, а подконецъ и сама должна испить тотъ ядъ, которымъ вздумала уподчивать новоизбраннаго опять мужа. Такого рода сюжеты сами напрашивались тогда пѣвцу, который давалъ имъ только извѣстный пошибъ, и по нимъ мы опять-таки можемъ заключить о томъ, какъ вѣрны дѣйствительности и благородныя и ужасающія черты старой былины о Вёльсунгѣ. Но мы замѣчаемъ въ то же время, какъ, выходя изъ глубины народной души, поэзія всегда стремится связать вину съ искупленіемъ и даетъ какое-то предчувствіе всѣмъ правящаго прав-

---

* То-есть былина про Карла Великаго.

ственнаго міропорядка; она не только смягчаетъ ужасъ, возбуждаемый видомъ страшныхъ дѣлъ, преклоняясь въ удивленіи передъ величіемъ и силой, но и внося трогательныя мотивы сердечнаго чувства и истиннаго веледушія. Былина придаетъ Зигмунду и Синфьётли одежу волковъ для совершенія ихъ волчьи-дикихъ поступковъ, но цѣль ихъ между-тѣмъ справедливая. Сигни видитъ, что вѣроломнымъ предательствомъ мужа убитъ ея отецъ, полонены братья; чтобы добиться надежнаго за то мстителя, она вполнѣ отдаетъ себя единственному избѣгшему плѣна брату, и когда сынъ ея отъ него подросъ и зажигаетъ вмѣстѣ съ отцомъ хоромы дяди, тогда Сигни крѣпко цалуетъ брата и сына, но тутъ же кидается сама въ огонь, чтобы теперь, когда отмщенъ кровный ея родъ, все-таки умереть какъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ мужемъ. Раздраженная тѣмъ, что она обманута и не достигла высшаго въ жизни счастья, терзаясь страшной ревностью, Брунгильда замыслила смерть Зигфрида, но все-таки же опять съ тѣмъ, чтобы могильный костеръ его сдѣлался для нихъ по обычаю брачнымъ ложемъ, и прекрасно сіяетъ любовь ея среди пламени, напѣки соединившаго ее съ богатыремъ. Мы негодуемъ на Гуннара и Хёгни за то что они умертвили побратима, но когда вырѣзанное сердце одного не трепещется, а напротивъ смѣется, и когда другой играетъ на арфѣ, изнывая въ башнѣ змѣй, то насъ примиряетъ съ ними веледушіе, съ какимъ искупаютъ они вину свою мучительной смертью. Такъ богатырская былина становится печатью жизненной силы и свѣжести германства въ томъ необузданномъ разгулѣ, на днѣ котораго лежитъ однакожь природа, порывающаяся къ высокому, чистому, благородному. Смѣлое, честолюбивое молодечество мужчинъ готово проставить на̀ конъ голову въ потѣшныхъ опытахъ находчивости, силы, умѣнья изловчиться, а провидческая душа женъ зорко глядитъ вдаль, предсказываетъ въ вѣщихъ словахъ будущее и, подобно греческимъ оракуламъ, даетъ силѣ и необходимости судьбы просвѣчивать въ дѣлахъ, замыслахъ и страстяхъ человѣческихъ. Такъ высказались въ народномъ эпосѣ и весь цвѣтъ молодеческаго богатырства, и окончательное его паденіе, такъ что ни какая уже позднѣйшая пора, сколько бы ни дала она прекраснаго, не принесетъ намъ еще разъ опять такого рода произведеній *.

Держа крѣпко въ умѣ общее происхожденіе и сопринадлежность германской поэзіи съ сѣверною, то-есть скандинавской, не должны мы терять изъ виду и тѣхъ разностей между ними, на которыя особенно налегалъ Гервинусъ. Сѣверъ охотно вовлекаетъ въ какую-то ужасающую таинственность то, что у Германцевъ лежитъ въ сферѣ вѣроятнаго, на полномъ свѣту исторіи; тамъ овладѣваетъ человѣкомъ и его фантазіей могучая остественная обстановка, здѣсь яснѣе и опредѣленнѣе высказывается дѣйствительность жизни человѣческой и душевнаго ощущенія; тамъ чудеса природы объясняются изъ человѣчества **, здѣсь великія событія возводятся къ дѣйствію высшихъ силъ

---

* Неповторимость истинно-свѣжаго и тѣмъ именно прекраснаго въ исторіи составляетъ одно изъ существенныхъ отличій ея отъ невпримѣръ болѣе однообразнаго хода внѣшней природы.

** Черта эта чуть ли не такъ же преобладаетъ и на нашемъ сѣверѣ. Прим. перев.

и побужденій, къ соучастію самихъ боговъ. Тамъ весь тонъ поэзіи лирическій, и пѣвецъ всегда старается округлить отдѣльную былину, тогда какъ тутъ намъ вездѣ открыта проглядь въ общую связь, которой знаніе сказатель въ насъ заранѣе предполагаетъ, охотно укрываясь самъ за фактическою ея полнотой. Къ сожалѣнію, изъ германскаго подлинника до насъ дошелъ всего только одинъ отрывокъ пѣсни о Гильдебрандѣ, записанный двумя фульдинскими монахами, да еще Беовульфъ, котораго унесли съ собой въ памяти переселившіеся въ Англію Саксы и тамъ уже впослѣдствіи записали.

Послѣ тридцатилѣтняго отсутствія Дитрихъ возвращается на родину съ оружейнымъ своимъ дядькою, старымъ Гильдебрандомъ; у этого есть здѣсь сынъ, выросшій богатыремъ и не знающій въ лицо отца родного; они вызываютъ другъ друга на бой, и когда юный богатырь назвалъ себя, отецъ привѣтствуетъ въ немъ сына, но юноша счелъ это за обманъ, такъ-какъ Гильдебрандъ, думаетъ онъ, давно ужь умеръ. Тотъ предлагаетъ ему въ подарокъ золотые нáручни, а молодой боецъ строптиво возражаетъ: Дары слѣдуетъ брать на дротъ, скрестивши мечи лезвеями. Тужа о злой судьбѣ, чтò велитъ ему биться съ роднымъ сыномъ, и однако рѣшась не отступать передъ озорникомъ, старикъ начинаетъ бой скрѣпя сердце: загудѣли копья, щиты разлетѣлись въ дребезги подъ ударами мечей,—такъ движется впередъ пѣсня съ несокрушимо-твердой силой, ядреное полновѣсное изложеніе развертывается съ эпической наглядностью въ непрерывномъ, равномѣрно-поступательномъ ходѣ; изъ былины о Тидрикѣ и изъ позднѣйшихъ народныхъ пѣсенъ мы знаемъ, что отецъ остался побѣдителемъ, но не убилъ сына, а напротивъ поѣхалъ съ нимъ домой, еще неузнанный былъ посаженъ за столъ на первое мѣсто и объявилъ себѣ женѣ кольцомъ, уронивши его въ кубокъ: такъ въ Германіи поэма оканчивается примирительно, тогда какъ Фирдуси далъ этому сюжету трагическую развязку *.

Основываясь на этомъ отрывкѣ, Т. Гауптъ мастерски обрисовалъ тяжкую громозвучность языка его: «это — рѣчь не индивидуальнаго образованія, но «общее народу выраженіе своебытныхъ его взглядовъ и унаслѣдованныхъ «преданій, какъ пересказываетъ ихъ народный эпосъ, — рѣчь, полная ясной звучности, отчеканенная въ богатыхъ и твердыхъ формахъ, но тяже-«ловѣсная, преимущественно способная выражать быстроту дѣла и силу «ощущенія, пригодная, пожалуй, и для выраженія болѣе нѣжныхъ чувствъ, «но неподатливая на службу подвижнóй и тонкой мысли, замкнутая въ ста-«родавнія формулы и какъ бы заполоненная силой чувственнаго созер-«цанья.» **

Въ Беовульфѣ съ помощью художественной композиціи воспроизведенъ совокупный образъ жизни и характера героя благодаря тому, что два великіе подвига, съ миѳическимъ значеньемъ, обрамлены здѣсь перечетомъ цѣ-

* Трагически кончается и въ нашей былинѣ бой Ильи Муромца съ побочнымъ сыномъ, „заугольникомъ“. Прим. перев.

** Кажется, будто читаешь характеристику языка нашихъ былинъ, конечно только весьма общую, набросанную крупными чертами. Прим. перев.

лаго ряда историческихъ событій, то высказываемыхъ самимъ пѣвцомъ, то выступающихъ изъ разговора между дѣйствующими лицами, или же въ то время, когда передъ смертью Беовульфъ мысленно оглядываетъ судьбу свою, и потомъ, когда при погребеніи раздается надъ нимъ заплачка. Вмѣстѣ съ тѣмъ подчасъ раскрываются здѣсь широко и задніе планы всего дѣйствія: — мы слышимъ урывками разные намеки на былины о Нибелунгахъ и о Дитрихѣ. Правообычай тотъ же самый, какъ описываетъ его намъ Тацитъ. Отъ всего вѣетъ свѣжей утренней прохладой и строгой мужественностью. Дѣйствіе происходитъ по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей между Ингевонами; богатырь — родомъ Шведъ, изложеніе напоминаетъ скандинавскіе пріемы, гдѣ напримѣръ жена описательно зовется «ткачихой мира», арфа — «потѣшнымъ деревомъ», а мореплаванье изображается тѣмъ, что «волноходъ бѣжитъ пѣнистой тропою»; форма, какъ и въ пѣсни о Гильдебрандѣ, аллитераціонная, складъ, какъ опять въ ней же, болѣе эпическій чѣмъ въ Эддѣ. — Датскій король Хротгаръ выстроилъ свѣтлую гридню для веселыхъ попоекъ и пировъ; но вотъ, только-что вздремнули храбрые его гости, вылѣзаетъ изъ омута страшное чудище, подходитъ какъ стѣнь въ туманѣ окольнымъ путемъ и похищаетъ въ добычу себѣ витязя, чтобы сожрать его въ водяномъ своемъ жилѣ. Услыхалъ объ этомъ нáбольшій рода Гитовъ (Геатовъ), Беовульфъ, и собрался на бой съ великаномъ. Въ упорной ночной борьбѣ вырываетъ онъ ему руку óпоплечь, и околѣченный бѣжитъ отъ него противникъ. Но на слѣдующую ночь приходитъ вмѣсто него мать и задушаетъ одного изъ друзей королевскихъ. Беовульфъ гонится за ней вплоть до жила, и видитъ передъ собой омутъ, котораго никто еще не извѣдалъ, гдѣ волны вздымаются къ самымъ облакамъ, гдѣ бушуетъ страшная буря, меркнетъ воздухъ и небо слезно плачетъ. Беовульфъ бросился прямо въ волны, тотчасъ же подскочила мать великана Гренделя и утащила его въ свои хоромы. Тамъ жутко мерцаетъ блѣдный какой-то огонь.

Глянь, — баба-морчиха стоитъ передъ нимъ,
Волчица морского прибоя.
Отважно взмахнулъ онъ мечомъ боевымъ,
Въ ножны не упряталъ булата,
И взвылъ тотъ булатъ надъ ея головой,
Взвылъ пѣснею смертной расправы.

Но плотная кольчуга ея не уступила ударамъ искрометнаго меча, а въ рукопашной борьбѣ могучая баба повалила богатыря нáземь. За то и его защищалъ не только панцырь, но и всесильный еще богъ; онъ вскочилъ на ноги, схватилъ въ руки каменный мечь и низложилъ-таки великаншу. Съ великой почестью и похвальбой возвращается онъ на родину, и много лѣтъ правитъ ею благополучно, пока наконецъ хотя и умертвилъ въ бою змѣя, опустошавшаго цѣлый край, однакожь погибъ и самъ отъ огневого его дыханія и ядовитаго жала, — какъ Торъ при затмѣніи боговъ хотя и одолѣлъ Мидгардскаго змѣя, но самъ замертво упалъ наземь, облёванный смертоносной его слюной. Такъ свѣтлый веснобогъ падаетъ мертвый передъ напоромъ зимняго ненастья, тогда какъ въ молодую пору года, и въ свою, онъ также

одолѣвалъ и враждебные культурѣ водоразливы, и зловредныя испаренія болотныхъ омутовъ. На основѣ этого естественнаго миѳа высится и здѣсь богатырская былина, зданіе людскихъ страданій и подвиговъ. Беовульфъ отвоевалъ у змѣя его кладъ на вѣчное добро своему народу.

КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ И ВРЕМЯ КАРОЛИНГОВЪ.

Арабы открыли въ Испаніи борьбу съ христіано-германскимъ міромъ низверженіемъ королевства Готовъ; побѣда Карла Молота подъ Туромъ (въ 732 г.) принудила ихъ остановиться и положила начало славѣ и могуществу Каролинговъ. Пипинъ заточилъ послѣдняго Меровинга въ монастырь и возложилъ себѣ на голову корону короля Франковъ; папа Захарій одобрилъ этотъ шагъ, и слово первосвященника подтвердило народный голосъ гласомъ божіимъ. Тогда какъ Византійцы, прямые потомки Грековъ, не переставали волновать умы людей все новыми и новыми догматическими ученіями, въ папахъ продолжалъ жить духъ господства, завѣщанный имъ отъ древнихъ Римлянъ, и Стефанъ, которому плохо приходилось отъ Ломбардовъ, именемъ самого апостола Петра письменно просилъ Пипина, пріидти на помощь вѣчному городу; король исполнилъ его желаніе, и основалъ папскую державу, подаривъ папѣ завоеванный этотъ край. Карлъ Великій взялъ дѣла и созданія своихъ дѣда и отца за исходную точку великой всеміpно-исторической дѣятельности; въ душѣ его сложился идеалъ римской державы, «христіано-германской націи» (то-есть на христіано-германской основѣ). Для этого надо было сплотить Германцевъ въ одинъ государственный организмъ, и вотъ Карлъ покорилъ франкской верховной власти не только Баваровъ, но и Саксовъ, которые славно отстаивали свою древнюю независимость подъ предводительствомъ Виттекинда; властительное слово его звучало отъ Эйдера до Тибра, отъ Эбро и до Дравы. Коснѣвшихъ еще въ язычествѣ мечомъ обращалъ онъ въ христіанство, и бился противъ могаммедапъ въ Испаніи. Когда папа возложилъ на него императорскую корону, это было лишь запечатлѣніемъ той мысли, что Германцамъ суждено продолжать и міродержавство, и культурную работу Римлянъ; только новой державѣ надлежало быть христіанскою и представлять собой царство божіе на землѣ. Какъ намѣстникъ божій, императоръ долженъ быть верховнымъ покровителемъ всему христіанству, блюсти право и миръ, какъ глава вести и править свой народъ, расчлененный по племенамъ и сословіямъ. Ближайшій его подручникъ, папа, долженъ уряжать духовныя дѣла, а свѣтскіе вельможи обязаны завѣдывать разными отдѣльными частями. Карлъ возвеличился въ

званіи верховнаго вождя и судьи Франковъ; онъ издалъ общее имперское право, подчинившее естественные порывы вольнолюбивыхъ Германцевъ высшимъ государственнымъ цѣлямъ, но въ предѣлахъ всемірнаго порядка предоставлявшее однако просторъ ихъ своебытности и свободѣ движеній; сами законы эти были вѣдь только письменнымъ воплощеніемъ германскаго правообычая. Вся власть исходила отъ особы государя, но была неразрывно связана съ исконными родными порядками и для полной своей дѣйствительности требовала согласія народа. Духовные и свѣтскіе вельможи, которые еще при Меровингахъ взошли на степень знати, аристократіи, благодаря обширному землевладѣнію и зависящимъ отъ нихъ челядинцамъ, — вельможи эти служили императору совѣтниками и исполнителями его распоряженій. Народъ долженъ быть обезпеченъ со стороны какъ личной свободы, такъ и собственности; забота о благоденствіи и образованіи его должна служить постоянною ему опорой. Волостями (Gauen) завѣдывали поставленные императоромъ сановники; подъ предсѣдательствомъ ихъ выборные отъ общинъ творили судъ; всѣ свободные мужчины въ каждомъ графствѣ являлись три раза ежегодно на общественный сходъ; самостоятельная общинная жизнь шла здѣсь своимъ чередомъ въ предѣлахъ государственной. Императорскіе посланцы, разъѣзжая по имперіи, наблюдали за повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ и доносили о положеніи народныхъ массъ.

Объ осуществленіи такого идеала могъ помышлять только геній, надѣленный подобно Карлу умственными и физическими способностями къ труду и властительству въ войнѣ и мирѣ, подобно ему находчивый и изобрѣтательный, умѣвшій всегда ясно понять наличное положеніе вещей, неутомимый и неуклонный въ исполненіи своихъ замысловъ; исполненіе это было неудовлетворительно даже и при немъ, а по смерти его оно и вовсе не могло держаться безъ такого организующаго средоточія; цѣлая постройка была слишкомъ обусловлена замочнымъ камнемъ наверху, слишкомъ мало опиралась снизу на волю, на самоопредѣленіе народа; но теплота личнаго творчества, личной преданности и вѣрности одушевляла это дѣло и усиливала вдохновительное впечатлѣніе его на сердца, такъ что цѣлыя потомъ столѣтія созданіе Карла, государственная организація германства въ тѣсной связи съ Римомъ и Евангеліемъ, оставалась всегдашней цѣлью стремленій среди самыхъ многоразличныхъ перемѣнъ. При карловыхъ преемникахъ романизированные Франки естественно отрѣшились отъ Германцевъ (чистыхъ Нѣмцевъ); у послѣднихъ ранѣе образовалось общенародное (національное) королевство, тогда какъ у первыхъ продолжительныя войны съ Норманнами и борьбы владыкъ съ вассалами предшествовали утвержденію господства Капетинговъ. Изъ сановниковъ и лэнниковъ императора скоро вышли наслѣдственные герцоги и графы, которые государски повелѣвали въ своихъ округахъ, и трудно было совокупить ихъ подъ водительство одного верховнаго главы для пользъ и цѣлей общаго отечества.

Карлъ самъ былъ хорошимъ и заботливымъ сельскимъ хозяиномъ и завелъ нѣсколько образцовыхъ хозяйствъ собственно для земледѣлія; стали прочищаться германскіе лѣса, и мѣсто обмазанныхъ глиной бревенчатыхъ срубовъ, безъ оконъ и нутреныхъ раздѣленій, заступили домы съ перегородками и

лѣстницами. Духовныя обители, равно какъ и усадьбы вельможъ, сдѣлались пріютами зарождающейся промышленности, а храмовые праздники—поводомъ къ торгамъ, базарамъ или рынкамъ, которые отъ связи съ церковными торжествами и донынѣ слывутъ «миссами». Такъ слагалось первое зерно городского общиннаго быта, и отличавшіяся благопріятнымъ мѣстоположеніемъ древнія колоніи Римлянъ, каковы напримѣръ Майнцъ и Кёльнъ, Триръ и Аугсбургъ, увидѣли возникающія изъ своихъ развалинъ новые теперь города, тогда какъ съ другой стороны положено было начало Франкфурту и Гамбургу, Бамбергу и Вѣнѣ.

Карлъ Великій правда запрещалъ монахинямъ писать и сообщать другъ дружкѣ бывшія тогда въ ходу любовныя пѣсни, но самъ велѣлъ собрать древнегерманскія богатырскія былины, и кромѣ Библіи, занимался также чтеніемъ греческихъ и латинскихъ книгъ; бывъ смолоду воителемъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ сталъ онъ ревнителемъ мирнаго искусства и, задумавъ народное образованіе, тѣсное связанное съ христіанствомъ, велѣлъ учреждать при церквахъ училища, вступилъ даже въ личную дружбу съ знаменитымъ англосаксонскимъ ученымъ, Алькуиномъ, ища у него совѣта и руководства въ культурныхъ своихъ стремленіяхъ. Около Карла составился понемногу тѣсный кружокъ людей благородныхъ и просвѣщенныхъ, чертогъ его сдѣлался дворомъ музъ, академіей, въ которой самъ онъ носилъ имя царя Давида; рыцарственный Ангильбертъ былъ Гомеромъ, славившимъ въ латинскихъ стихахъ подвиги императора, а дочь императорская, Берта, подъигрывала ему на арфѣ, въ качествѣ сестры Аполлона, Деліи. Эйнгардъ выступилъ бытописателемъ; какъ школьникъ радовался Карлъ своими новопріобрѣтенными познаніями и какъ школяръ любилъ самъ руководить церковнымъ пѣніемъ въ храмѣ.

Изо всего этого неизбѣжно вышло то, что высшій слой римско-церковнаго образованія осѣлъ спервоначала на своенародный побытъ Германцевъ, дотолѣ находившій себѣ выраженіе преимущественно только въ поэзіи, благодаря юношеской мнотворной фантазіи народа. Вѣдь кто же какъ не Церковь уберегъ для новыхъ племенъ послѣдніе остатки античной образованности? Полный ревности къ созерцальной жизни, Бенедиктъ Нурсійскій въ Умбріи выстроилъ вначалѣ 6-го вѣка изъ развалинъ аполлонова храма монастырь на Монте-Кассино и сдѣлалъ его тѣмъ далеко свѣтящимъ средоточіемъ, отъ котораго всюду разошлись потомъ ученики его, бенедиктинцы, основавшіе по тому же образцу свои монастыри, разсадники религіи и просвѣщенія во всей западной Европѣ. Въ противодѣйствіе властолюбивымъ и сластолюбивымъ влеченіямъ того времени, онъ учредилъ общежительство на основѣ внутренней свободы, смиренія, самоотверженной любви и общенія имуществъ; можно бы назвать его Пиѳагоромъ христіанской эпохи, не стань онъ такъ рѣшительно внѣ міра совершеннымъ особнякомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы монахи его были дѣятельны, руководясь началомъ раздѣленія труда между головой и рукою, чтобы они работали въ полѣ и въ саду, въ церкви и въ училищѣ, дѣйствовали рѣзцомъ, кистью, да наконецъ и перомъ, какъ сочинители или переписчики. Отзывы о Бенедиктѣ Григорія Великаго правда представляютъ въ немъ человѣка, охваченнаго грезами фантазіи, которая перенесла тогда свою чародѣйственную силу на опилки отъ мнимыхъ веригъ Петра или на прикосновеніе къ предполагае-

мымъ костямъ какого-нибудь мученика, а житіе этого святого превратилъ въ очень замысловатую и милую легенду. Хотя Григорій и не хотѣлъ, чтобы одни и тѣ же уста прославляли Іисуса и Юпитера, тѣмъ не менѣе ирландскій монахъ Колумбанъ такъ же безоглядно ставилъ въ стихахъ своихъ святое имя Спасителя на ряду съ Пигмаліономъ и Ахилломъ, какъ вводилъ и новую риому въ античную ритмику.

Когда погрузилась въ варварство Италія, любовь къ наукамъ стала прозябать у Готовъ и Лонгобардовъ, а въ особенности у Англосаксовъ, которые съ германскихъ береговъ Нѣмецкаго моря перебрались въ Британію и учредили тамъ понемногу семь мелкихъ королевствъ. Къ концу 6-го столѣтія признали они своимъ главою Этельберта кентскаго; жена его была христіанка, и Григорій послалъ туда римскихъ миссіонеровъ, которые, въ противоположность мрачнымъ кельтскимъ монахамъ патриковой школы, проповѣдывали ученіе Христа съ свойственною имъ кротостію, открывшею ему путь къ сердцамъ Англосаксовъ. Беда Достопочтенный (672—755) написалъ объясненіе священнаго писанія вмѣстѣ съ исторіей своего народа, и перевелъ Іоанново Евангеліе на отечественный языкъ, послѣ того какъ, по его же собственнымъ словамъ, Кедмонъ еще прежде поэтически воспроизвелъ книгу Бытія. До насъ дошла не только картина низверженія ангеловъ, міросозданія и потопа, стоящая какъ бы прелюдіей къ Мильтонову эпосу у самаго порога англійской литературы; мы читаемъ здѣсь съ особеннымъ наслажденіемъ разсказы объ Авраамѣ и Моисеѣ въ формахъ древнегерманской богатырской пѣсни, которая представляетъ ихъ намъ подобными мудрымъ и воинственнымъ вождямъ родного края и украшаетъ ихъ полную достоинства, патріархальную простоту свѣжими и смѣлыми образами отечественной поэзіи.

Великолѣпнѣйшимъ представителемъ англосаксонства былъ Альфредъ Великій (848—901). Имя его не окружено такимъ всемірноисторическимъ блескомъ какъ карлово; но тѣмъ не менѣе справедливо, что именно онъ далъ исторіи своего островного народа типъ замкнутаго въ себѣ вольнаго развитія, тогда какъ, напротивъ, со временъ Карла исторія франкской державы является существенно связанною съ личностями государей и донельзя кровавою. Альфредъ освободилъ свое отечество воинскою отвагой, стойкостью и находчивымъ умомъ отъ насилія дико-разбойничавшихъ Датчанъ; онъ сохранилъ древнегерманскій подѣлъ народа на общины, станы и округи, и учредилъ государство на основѣ ихъ самоуправленія. Благородные, эрли (графы) и таны, получили перевѣсъ въ государственной думѣ и занимали важнѣйшія должности; но король возвратилъ опять гражданамъ и крестьянамъ право завѣдывать личной и имущественной безопасностью и судопроизводствомъ, такъ что каждая волость сама поддерживала у себя общественный порядокъ, который стало-быть опирался на самодѣятельность свободнаго народа. Норманны пошатнули было этотъ строй, но воротились къ нему, самиставъ потомъ Англичанами, и благотворность свою онъ оказываетъ еще и нынѣ. Среди шума оружія и государственныхъ заботъ Альфредъ удосуживался пѣть старыя богатырскія пѣсни и складывать новыя; другъ науки самъ, онъ хотѣлъ чтобы духовенство облегчало образованіе и для всего народа.

Самъ очистившись и окрѣпнувъ въ школѣ бѣдъ, перевелъ онъ золотое «Утѣшеніе философіи» Боэтія, и античные размѣры пѣсенъ, написанныхъ послѣднимъ въ тюрьмѣ, нашли себѣ трогательный отзвукъ въ древнегерманской аллитераціи.

Подобно тому какъ Карлъ и Альфредъ замыкаютъ собой періодъ германскаго богатырства и переводятъ насъ въ эпоху Среднихъ Вѣковъ, такъ точно и въ духовной области стоитъ мужъ науки, завершающій философію Отцовъ Церкви, совмѣщающій въ себѣ противоположности схоластики и мистики, и преодолѣвающій величавымъ совокупнымъ обзоромъ цѣлаго разности теистическаго и пантеистическаго міросозерцаній: это—Іоаннъ Скоттъ Эригена. Прозвища указываютъ на шотландское происхожденіе этого ирландскаго уроженца; Кельтъ перешелъ однакожь къ Франкамъ и жилъ при дворѣ Карла Лысаго. Онъ принимаетъ участіе въ богословскихъ спорахъ той эпохи; божеское предопредѣленіе относительно всѣхъ сущихъ въ мірѣ вещей постигаетъ онъ какъ нравственный міропорядокъ, всилу котораго любому существу дано подобающее ему мѣсто, причемъ добро несетъ въ самомъ себѣ свою одушевительную мощь, а зло—свою кару и уничтоженіе, и противъ чувственно-грубаго ученія Пасхазія Радберта о св. Евхаристіи, будто въ ней присутствуетъ та самая плоть, которая рождена отъ Дѣвы Маріи и распята при Пилатѣ, выставляетъ онъ тотъ взглядъ, который видитъ во св. Причастіи символъ душевнаго единенія со Христомъ Іисусомъ. Сердце ли или освященный хлѣбъ, просфора ли или внутреннее чувство пріобщающагося съ вѣрою обожествляется единясь со Христомъ, или прямо въ него претворяясь, это остается вѣдь и донынѣ нерѣшеннымъ еще вопросомъ между чтителями внѣшней церковности и сторонниками внутренняго, духовно-религіознаго направленья. Эригена зналъ погречески и взялъ идеи Платона и новоплатониковъ за основу своей мысленной ткани, а ученіе Церкви за утòкъ, исходя отъ того кореннаго убѣжденія что религіозная и философская истина въ сущности одна и та же; оттого многое, правда, остается у него неопосредствованнымъ, неслаженнымъ, и послѣдовательность мысли колеблется то вверхъ, то внизъ вмѣстѣ съ догматикой; но въ глубинѣ его духа все-таки лежитъ великое сознаніе того единства всяческаго бытія, всилу котораго самъ Богъ открывается и развертывается въ мірѣ, всилу котораго онъ присущъ ему, но, какъ духъ, сущъ въ то же время и по себѣ, а какъ безконечная любовь—возвращаетъ къ себѣ все отъ него исходящее, будучи такимъ образомъ и источникомъ, и вмѣстѣ цѣлью жизни. Онъ разумѣетъ единое бытіе какъ субъектъ, какъ волю и свободу, и этимъ становится выше пантеизма, хотя вѣрно сохраняетъ долю истиннаго его содержанія,—присутствіе единаго вѣчнаго существа во всѣхъ вещахъ. Съ этой точки зрѣнія Іоаннъ Губеръ изложилъ ученіе Эригены, обнаруживъ при этомъ духовно-родственный ему смыслъ.

Какъ Карлъ и Альфредъ уряжали государство, такъ и онъ, съ своей стороны, хотѣлъ организовать бытіе въ мірѣ мысли; уже одно заглавіе его важнѣйшаго труда De divisione naturae (О раздѣленіи природы) показываетъ, что для него главнымъ дѣломъ было расчлененіе единаго. Безконечность вѣчнаго существа, Бога, сама по себѣ выше всѣхъ возможныхъ опредѣленій, ни чѣмъ не ограничена, она источникъ и свѣтъ всякой жизни, всякаго по-

знанія. Постигая себя и высказывая, Богъ представляется Словомъ, въ которомъ коренится все сущее, всѣ вещи, которое есть первообразъ, основная форма міра идей; мысли его, подобно идеямъ Платона, суть формы и начала міра чувственнаго, который Эригена принимаетъ только за видимое проявленіе духовной силы и сущности. Въ кругообороте свѣтилъ небесныхъ и земного года отражается намъ то вѣчное движеніе, которымъ все, что разлилось въ цѣлую бездну всякой быти и развернулось до крайнихъ противоположностей, возвращается опять къ своему единству; сколько бы конечное, сколько бы тварь ни привязалась себялюбиво къ своей независимой свободѣ, сколько бы ни плутала она въ заблужденіи и грѣхѣ, Создатель, какъ нравственный порядокъ міра, никогда не теряетъ ея изъ виду, да воротится она къ нему путемъ испытаній и да усовершится окончательно; Христосъ, сознавая въ себѣ вѣчную присность этого духа божія, тѣмъ самымъ сталъ для міра посредникомъ примиренія и искупленья. Небо и адъ Эри́гена называетъ состояніями нашего сознанія, нашей совѣсти; фантазіи служатъ наградой добрымъ, точно такъ же какъ и карой злымъ: передъ послѣдними витаютъ образы вещей ложныхъ, исчезающихъ какъ тѣни, когда они хотятъ поймать ихъ, и это длится до тѣхъ поръ, пока мука немощнаго вожделѣнія не очиститъ ихъ и не освободитъ отъ узъ неправды. Истинное бытіе есть Богъ, и когда духъ человѣческій знаетъ себя въ Богѣ, какъ Богъ знаетъ себя въ немъ, тогда каждый такой духъ живетъ въ Богѣ, каждый обожествленъ смотря по личной своей особности, какъ одинъ изъ лучей безконечнаго свѣта.

Рядомъ съ наукою, Карлъ Великій пекся и объ искусствѣ. Сказаніе говоритъ, что онъ выстроилъ столько церквей, сколько буквъ въ алфавитѣ, и каждой изъ нихъ подарилъ по золотой буквѣ; въ Ахенѣ и Ингельгеймѣ онъ возвелъ величавые дворцы. Видъ Италіи произвелъ на него сильное впечатлѣніе. По примѣру ея, и Германцы стали брать колонны и мозаики изъ античныхъ построекъ, и хотя образцомъ для церквей служила большею частью римская базилика, однакожь при сооруженіи ахенскаго мюнстера зодчій Анзигисъ ближе держался храма Санъ-Витале въ Равеннѣ. Восемь столповъ обозначаютъ осьмиугольное нутро, доходя вплоть до вѣнчающаго ихъ купола; вокругъ нихъ идетъ шестнадцати-гранный обводъ, подѣленный на два яруса или прясла, изъ которыхъ верхній грубо и нехудожественно открывается внутрь колоннчатыми аркадами; да и вообще детали очень неудовлетворительны и безформны, между тѣмъ какъ совокупность конструкціи упрощаетъ итальянскій образецъ и свидѣтельствуетъ объ изобрѣтательной энергіи. Если отъ этого же времени идетъ церковное предсѣніе въ Лоршѣ, то своими коринфизирующими полуколоннами и шахматнымъ убранствомъ изъ краснаго и бѣлаго мрамора оно показываетъ очень своеобразное направленіе античнаго вкуса. Монастыри въ Санктъ-Галленѣ, Фульдѣ, Гиршау, Корвеѣ обстроились церквами въ каролингскую эпоху; изъ самихъ монаховъ выдавались хорошіе (потогдашнему) строители, ваятели, живописцы. Въ виду многочисленности духовенства устроивали для него передъ алтарною нишей поперечный корабль съ подвышеніемъ противъ остальнаго пространства, или же, какъ было напримѣръ въ Фульдѣ и Кёльнѣ, съ обѣихъ узкихъ сторонъ церкви, съ восточной и западной, придѣлывали по клиросу съ полукружною оградой, чѣмъ конечно нарушался первоначальный, ясный и приглядный планъ зданія, который на-

правлялъ взоръ богомольца прямо отъ входа къ алтарю, и что̀ придавало цѣлому видъ болѣе центральный. Но зерно удачнаго нововведенія заключалось уже въ томъ, что сооружая при церквахъ башни, ставили ихъ не возлѣ храма, какъ въ Италіи, а непосредственно съ нимъ соединяли.

Карлъ созывалъ во Франкфуртъ на Майнѣ соборъ, высказавшійся подъ его предсѣдательствомъ противъ поклоненія иконамъ; но онъ при этомъ положительно объявилъ, что образо́въ вовсе не презираетъ и не хочетъ удалять изъ церкви божіей, лишь бы только имъ не покланялись. Въ куполѣ ахенскаго мюнстера изображенъ былъ моза́икой по золотому грунту Христосъ посреди 24-хъ апокалиптическихъ старцевъ. Въ Римѣ уцѣлѣлъ моза́икъ изъ парадной залы латеранскаго дворца; здѣсь, по волѣ папы Льва III-го, представленъ союзъ духовной власти со свѣтскою: передъ Христомъ стоятъ на колѣняхъ папа Сильвестръ и Константинъ (Великій); первый принимаетъ въ руки ключи, а второй хоругвь, тогда какъ съ другой стороны апостолъ Петръ подаетъ Льву омофоръ (палліумъ *), а Карлу — знамя. Историческая мысль высказана тутъ ясно, но выполненіе не носитъ на себѣ и слѣда портретнаго подобія, въ немъ нѣтъ ни какого чувства индивидуальности и естественной правды. По этому, равно какъ и по миніатюрамъ въ рукописяхъ, мы можемъ заключить, что и стѣнопись тогдашнихъ дворцовъ больше дѣйствовала своимъ содержаніемъ и роскошной пестротою красокъ, нежели какимъ-либо изяществомъ формъ; контуры просто-на́-просто закрашивались, а по этому сплошному грунту вырисовывались потомъ черты лица и складки одеждъ. Въ Ингельгеймѣ были изображены подвиги разныхъ героевъ, начиная съ Нина до Карла Великаго; въ Ахенѣ — битвы послѣдняго съ Арабами. Обокъ съ мозаично-каменными картинами, гдѣ окаменѣвали и фигуры и выраженье, и гдѣ мертвенная техника представляла одну общеобязательную и неизмѣнную сторону церковнаго догмата съ полновластнымъ пожалуй величіемъ, но безъ тѣни личной свободы, въ этихъ фрескахъ все же прорывалось иногда конечно и свѣжее жизненное движеніе.

Относительно рѣзьбы слѣдуетъ обратить вниманіе на диптихи или складни изъ костяныхъ створочныхъ дощечекъ, выложенныхъ воскомъ изнутри, а снаружи украшенныхъ рельефами. Обычай дарить ими въ извѣстныхъ случаяхъ перенесли мало по малу съ консуловъ на епископовъ. Въ такомъ же родѣ выдѣлывались и чахлы для книгъ. Одинъ диптихъ Тутилона въ Санктъ Галленѣ представляетъ всерединѣ сидящаго на престолѣ Христа въ многоскладчатой одеждѣ; по сторонамъ его изображены два шестикрылыхъ херувима, поверхъ его сіянія и подъ нимъ — символы евангелистовъ, а по угламъ — они сами, занятые письмомъ; вверху стоятъ между ними двое юношей со свѣточами въ рукахъ, — по серпу и лучистоту вѣнцу очевидно — Мѣсяцъ и Солнце, внизу же лежитъ Земля, въ видѣ кормящей дѣтей женщины, съ рогомъ изобилія въ рукѣ, а насупротивъ ея Море-океанъ, съ урною воды и морскимъ чудищемъ. Богатая затѣйливая композиція отличается стройнымъ симметрическимъ расчлененіемъ; она, правда, мѣшаетъ ветхозавѣтные обли-

* Знакъ архіепископскаго сана, парамникъ бѣлошерстяной ткани, съ оторочкою изъ красныхъ крестиковъ.

ки съ античными, но обнаруживаетъ при этомъ въ самыхъ подробностяхъ, что неуклюжія отчасти фигуры, какъ символы изображаемыхъ предметовъ, заимствованы изъ преданія, а отнюдь не воспроизведены собственнымъ духомъ художника прямо съ натуры: у монастырскаго люда очевидно не раскрылись еще глаза на живую природу; это доказываютъ между прочимъ ирландско-англосаксонскія и франкскія миніатюры въ рукописяхъ. Ирландскіе монахи вводятъ облики людей и животныхъ въ нарядные росчерки своего письма, и при этомъ расцвѣчаютъ руки Христу красною, а ноги синею краской, если находятъ, что этого требуетъ колоритная гармонія. Чуткость къ природѣ у Германцевъ смягчаетъ впрочемъ странно-схематичную обдѣлку органическихъ существъ, и къ переводу библейскихъ книгъ на поэтическія формы родной рѣчи приложены были Англосаксами такія картинки, которыя свидѣтельствуютъ уже и о собственномъ чувствѣ живописцевъ богатыми группами фигуръ, въ одеждѣ и съ пріемами того времени. Вмѣстѣ съ этимъ, исходя отъ каллиграфіи, въ архитектоническомъ орнаментѣ скоро развивается узорчатая игра линій; изъ растительныхъ и животныхъ формъ развертываются уже арабески, обнаруживающіе сильное чутье къ размашистымъ штрихамъ и къ гармоническимъ краскамъ. Мѣтко говоритъ объ этомъ Шнаазе: «Чувство красоты всегда зашевелится напередъ само въ себѣ, независимо отъ дѣйствительной жизни, въ сферѣ неопредѣленнаго и всеобщаго; оно какъ бы упражняется сначала въ этихъ опытахъ, чтобы впослѣдствіи перейдти къ особному, «индивидуальному. Неопровержимой истиной останется всегда то, что искус«ство возникаетъ изъ всеобщей архитектонической области *, а не изъ прак«тической жизни, гдѣ красота стоитъ въ слишкомъ тѣсной связи съ условной «нравственностью, моралью; всегда начинаетъ оно безсознательно съ та«кихъ формъ, въ значеніи которыхъ не можетъ еще отдать себѣ ни какого «отчета.» **

Вмѣстѣ съ христіанствомъ (западная) Церковь распространяла латинскій языкъ, и хотя Карлъ Великій отстаивалъ для Германцевъ нѣмецкую проповѣдь и нѣмецкую молитву, однакожь классическое образованіе лелѣялось и при его дворѣ; исторія самихъ германскихъ племенъ разсказывалась полатини. Языкъ этотъ въ томъ видѣ, какъ употреблялся онъ образованными людьми въ Римѣ подконецъ республики, былъ окончательно отвержденъ великими прозаиками и поэтами и сталъ общимъ письменнымъ языкомъ для всей римской державы; мальчики учились ему въ школахъ Италіи, точно такъ же какъ сперва взрослые, а за ними потомъ и дѣти ихъ въ покоренныхъ областяхъ. Но вѣдь и въ то время какъ онъ окоснѣлъ и замеръ, жизнь шла все-таки своимъ чередомъ. Мужики, ремесленники, обитатели мелкихъ городовъ говорили простонародной латинью, удобной въ житейскомъ обиходѣ и общепонятной, точно такъ же какъ народное пѣснопѣвство сохраняло свой особый складъ, основанный на удареніи, на подъемѣ и пониженьи голоса, обокъ съ искусственною поэ-

---

* То-есть изъ идеальной схемы механическаго строя. Прим. перев.

** Вѣрность этого замѣчанія быть-можетъ ни чѣмъ не подтверждается такъ ясно и наглядно, какъ исторіей нашего русскаго орнамента, которой обработка недавно началась. Прим. перев.

зіей и ея метрикой, оправившейся по греческимъ образцамъ на одну количественность. Изъ этой-то обиходной рѣчи многое доходило черезъ солдатъ и купцовъ въ провинціи, въ Испанію и Галлію; и тогда какъ письменная латинь держалась въ верхнемъ слоѣ ученыхъ, въ народѣ скоро появились новыя слова германскія и арабскія, да притомъ продолжала шевелиться и первобытная еще словочуткость Кельтовъ и Германцевъ, не смотря на то что они научились уже объясняться поримски; гордый логическій строй этого языка началъ расшатываться и расползаться, изглаживалось понемногу богатство флекцій; взамѣнъ ихъ вошли въ употребленіе члены и вспомогательные глаголы, древнія слова замѣщались иными: такъ вмѣсто jus стали говорить rectum *, и въ противоположность тому все извилистое, неправое называли кривдой (torto, tort); изъ lanzo или lancea (копье) вышло élan (порывъ); самостоятельныя слова обращены были опять въ приставки, какъ напримѣръ mente, ment, — vera mente (съ правдивой мыслью) и veramente, vraiment (поистинѣ). Тогда какъ оффиціальная латинь дѣлалась все мертвѣе и искусственнѣй, въ эпоху великаго переселенія, когда писалось очень мало и новые свѣжедушные народы только-что вступали еще въ культурную область человѣчества, внизу, въ темнотѣ простонародія сложился такъ-называемый романскій языкъ въ видѣ множества самостоятельныхъ нарѣчій въ южной и сѣверной Франціи, въ Италіи и Испаніи.

Карловы стремленія связать воздѣлку германскаго языка съ латинскимъ образованіемъ нашли себѣ дальнѣйшаго исполнителя въ лицѣ Грабана Мавра въ фульдинскомъ училищѣ, и другихъ потомъ — въ санктъ-галленскомъ. Уже со временъ Константина (Великаго) библейскіе сюжеты начали излагать въ латинскихъ стихахъ, особенно въ Испаніи любили стихотворныя эти переложенья, и такимъ образомъ то книги Моисея и Маккавеевъ, то Апостольскія Дѣянія облекались въ ритмы римскаго эпоса. Но, что̀ было здѣсь больше школьнымъ упражненіемъ на замирающемъ уже языкѣ, то пріобрѣтало совсѣмъ другое значеніе въ томъ случаѣ, когда какой-нибудь народъ старался выразить это своей юношески-поэтической рѣчью, когда на ней передавалось напримѣръ Евангеліе свойственнымъ тому народу пѣсеннымъ складомъ. Это именно сдѣлалъ одинъ нижнесаксонскій селянинъ: его Хеліандъ, то-есть Хейландъ, Спаситель, разсказываетъ жизнь и ученіе Іисуса аллитераціонными стихами, старобытнымъ складомъ богатырской пѣсни Германцевъ, какъ вполнѣ народный эпосъ о Христѣ, что̀ конечно и усвоило его германскому народному чувству. Какъ дыханіемъ весны въ лѣсу обдаетъ насъ та свѣжая картина, гдѣ Христосъ является свѣтлымъ народнымъ владыкою, поучая, помогая и судя обходитъ всѣ концы края, умираетъ за народъ свой и вслѣдъ за тѣмъ побѣдоносно воскресаетъ; все окунулось здѣсь въ туземную жизнь и кровный ея обычай, и даже родной воинственный духъ невольно заявляетъ себя противъ вооруженной шайки сыщиковъ въ Гефсиманіи, точно такъ же какъ веселье даетъ себя знать виномъ и пѣніемъ на бракѣ въ Канѣ галилейской: не даромъ Вильмаръ нашелъ въ этомъ произведеніи обильный кладъ германской старины. И если мы сообразимъ, что устами Хелі-

* Jus (право) собственно значитъ велѣніе, законъ, а rectum — все прямое, правое.

анда народу переданы были во всей свѣжести содержаніе Евангелія, преобразовательная исторія Іисуса во всемъ миѳическомъ ея блескѣ, всѣ милѣйшія его притчи, всѣ неизслѣдно-глубокія и однакожь столь ясныя при этомъ изреченья, то конечно мы не побоимся поставить слишкомъ высоко ни впечатлѣніе, произведенное этою поэмой, ни громадную ея цѣну. Она сложена во время Людвига Благочестивца, тогда какъ съ другой стороны Людвигу Германцу монахъ Отфридъ посвятилъ своего «Христа», — сочиненіе также представляющее сводъ Евангелій, но идущее отъ руки духовнаго и ученаго, который выступаетъ впередъ съ своей личностью, которому его собственныя размышленія дороже простого изложенья дѣла, мистическія толкованія дороже поэтической красоты притчей Іисусовыхъ. Вольнѣе обоихъ относится къ своему предмету Англосаксонецъ Киневульфъ: гимны и молитвы чередуются у него съ разговорами и съ такимъ повѣствованіемъ, въ которомъ выдвигается впередъ все, имѣющее болѣе духовнаго значенья; только аллитерація ведетъ иногда къ излишнему многословію. Не льзя при всемъ томъ не сказать, что Отфридъ съ своимъ священническимъ помазаніемъ стоитъ у самыхъ воротъ старой верхненѣмецкой литературы, какъ Клопштокъ своей Мессіадою знаменуетъ начало новаго ея расцвѣта; тогда-какъ первобытный тонъ богатырскаго пѣснопѣвства заканчивается нижненѣмецкимъ Хеліандомъ, Отфридъ затягиваетъ новый напѣвъ средневѣковой поэзіи: по образцу латинскихъ церковныхъ гимновъ, ввелъ онъ у Нѣмцевъ строфическое расчлененіе и риѳму, точно такъ же опять какъ Клопштокъ въ свою очередь водворилъ у нихъ (въ подражаніе античному) гексаметръ. Если эстетическое достоинство Отфрида и далеко уступаетъ Хеліандову, зато историческое его значенье перевѣшиваетъ послѣдняго силою путепроложнаго вліянія своего на будущность. Не встрѣчаемъ ли мы вслѣдъ за тѣмъ риѳмы въ пѣсни, сочиненной однимъ духовнымъ лицомъ въ честь Людвига III-го, по случаю побѣды надъ Норманнами при Солькурѣ въ 881-мъ году? Вторженіе врага является здѣсь испытующей карой божіей; но Христосъ не покидаетъ ему вѣрныхъ. Отважный герой громко воспѣваетъ передъ битвой: Господи, помилуй! «Спѣта святая молитва, взмахнутъ мечъ на битву, кровь бросилась въ лицо любому франкскому бойцу», говорится здѣсь коротко и выразительно, но вмѣсто наглядныхъ картинъ схватки или гордаго побѣднаго торжества мы слышимъ вслѣдъ за тѣмъ только благодарственный молебенъ.

Но самую ясную проглядь въ фантазійную жизнь этой поры открываетъ намъ былина о Карлѣ Великомъ. Франкскій или (теперь ужь точнѣе) французскій эпосъ явился позже всѣхъ другихъ, и нынѣшнее состояніе науки объ немъ, какъ изложена она въ превосходной книгѣ Гастона Париса: Histoire poétique de Charlemagne (Поэтическая исторія Карла Великаго), дозволяетъ прослѣдить постепенное его образованіе и тѣмъ еще съ одной своебытной стороны подтвердить тотъ общій законъ, который уже раскрылся намъ прежде въ Индіи, Персіи, Греціи и Германіи. Ликъ Карла, какъ блистательнѣйшій передъ всѣми въ теченіе многихъ вѣковъ, самъ собою напрашивался въ средоточіе богатырской былины, и если имя его вездѣ повторялось и у предковъ и у потомковъ, то мудрено ли что на одного всѣмъ извѣстнаго героя переносилось даже и то, что первоначально было сложено въ честь другому? Если самъ онъ связалъ свою имперію съ древнеримской державой, мудрено

ли что это вызвало поэтическую фантазію на столь же смѣлыя сочетанія? Имъ обращены были въ христіанство германскіе язычники и побѣждены могаммедане; оттого онъ не только сталъ богатыремъ вѣры, но и подалъ миѳологическимъ разсказамъ, не имѣвшимъ уже возможности держаться за древнихъ боговъ, поводъ пріурочиться къ нему, какъ къ желанной новой опорѣ, и вотъ послѣдніе лучи солнобога озарили своимъ закатнымъ блескомъ его голову. Только отчасти осуществился великій его планъ, но остался идеаломъ Среднихъ Вѣковъ до самыхъ временъ Данта; Карлъ былъ символомъ общаго единенія для Германцевъ, Французовъ и Итальянцевъ: мудрено ли послѣ этого, что въ дни напасти и смутъ отъ возврата его всѣ ожидали себѣ спасенія? мудрено ли что, подобно Водану, его воображали скрывшимся въ какую-то горную дебрь, гдѣ онъ выжидаетъ только часа, чтобы вступить въ міровую, рѣшительную битву и принести своему народу спокойствіе и миръ? Когда естественный миѳъ захочетъ обозначить мужское и женское начало вещей равно вѣчными и сопринадлежными, онъ дѣлаетъ ихъ братомъ и сестрой, которые въ то же время сочетаются и оплодотворяютъ другъ друга; таковы, напримѣръ, Озирисъ съ Изидою и Зевесъ съ Герой: оттого въ былинѣ Артуръ и Карлъ являются также мужьями своихъ сестеръ и, черезъ нихъ, отцами Гавана и Роланда. Не одинъ только веснобогъ послѣ зимней отлучки возвращается изъ преисподней, чтобы перебить жениховъ своей супруги, природы, и чтобы опять раздѣлить съ ней и ложе и престолъ; но другому изводу этой мысли, и жена его, съ своей стороны, скитается неузнанной или изгнанной въ одиночествѣ и живетъ гдѣ-нибудь на службѣ, пока съ наступленіемъ весны отыскивается снова и водворяется въ права свои. Отсюда въ Средніе Вѣка сложился мало по малу трогательно-прекрасный образъ чистой, но оклевѣтанной, гонимой, выдержавшей всѣ испытанія и наконецъ признанной опять жены, какою въ самомъ любезномъ народу видѣ представляется Геновефа (Джиневра, Женевьевъ). Если теперь мать Карла Молота, возлюбленная Пипина Герстальскаго, жила въ бѣдности, изгнанная возненавидившею ее женой послѣдняго, Плектрудой, а юный герой былъ призванъ изъ заточенія въ воеводы къ Австразійцамъ и отстоялъ свое дѣло только послѣ довольно долгаго укрывательства въ арденнскомъ бору, то эта исторія его молодости легко могла перейдти на гораздо знаменитѣйшаго Молотова внука, точно такъ же какъ и общая битва ихъ съ Сарацынами сдѣлалась средоточіемъ былины о Карлѣ Великомъ конечно отчасти и по громадному значенію боя при Турѣ. Берта, богиня-матерь небесная, стала праматерью франкскаго царственнаго рода; время, когда она сидѣла за прялкой, слыло да и теперь еще слыветъ по итальянской и французской пословицѣ золотымъ вѣкомъ; она первоначально запрядаетъ нить судьбы, и вотъ отъ прежняго лебяжьяго ея облика осталась у этой облачной жены нога лебеди, уцѣлѣвшая даже и въ тѣхъ статуяхъ французскихъ королевъ, какими украшены церковные порталы въ Дижонѣ, Нэлѣ, Неверѣ и Пурсенѣ; въ народѣ лебединой или гусиною ногой прослыла нога большого размѣра, а послѣдній приписывали опять-таки усидчивому пряденію, что̀ дѣлало королеву образцомъ для всѣхъ хорошихъ домохозяекъ. Въ нѣмецкой сказкѣ королевна пасетъ гусей до тѣхъ поръ, пока ея не узнали и не возвели на подобающую ступень величія. Богиня солнца, удаленная отъ мужа ложными призраками, но оты-

скиваемая имъ опять среди зазеленѣвшаго весною лѣса, является въ былинѣ венгерскою или баварской королевной, на которой сватается Пипинъ; но вожаки подсовываютъ ему дочь одного изъ своей братьи, а принцессу оставляютъ по прежнему въ глуши, гдѣ она прислуживаетъ на мельницѣ, пріобрѣтаетъ тамъ любовь короля, разъ заѣхавшаго туда съ охоты, и становится матерью Карла Великаго, который такъ же побѣдоносно проложилъ себѣ путь, какъ солнце преодолѣваетъ ночь и зиму. И онъ также слышитъ вдругъ въ отдаленныхъ краяхъ, что какой-то навязчивый женихъ хочетъ отнять у него и жену и царство подъ предлогомъ, что онъ будто бы умеръ; онъ возвращается въ Ахенъ чудеснымъ образомъ (эта же былина, перенесенная потомъ на Генриха Льва, говоритъ, что богатыря примчала съ собой Воданова «дикая охота»), гдѣ, по одному пересказу, является въ царской одеждѣ на тронѣ у самаго алтаря, съ обнаженнымъ мечомъ на колѣняхъ, въ то самое время когда новый брачный поѣздъ вступаетъ въ двери Мюнстера; а по другому,— приходитъ переряженымъ какъ Одиссей и узнается только собакою, пока не объявился наконецъ королевѣ по самымъ достовѣрнымъ примѣтамъ и за тѣмъ уже наказалъ предателей.

Къ богатырской былинѣ, славящей побѣду Карла надъ Сарацынами, примыкаетъ другая, представляющая его въ борьбѣ противъ вассаловъ: онъ часто бывалъ несправедливъ къ нимъ; сильные не меньше его, они берутъ его въ плѣнъ и унпчижаютъ, хотя подконецъ все-таки ему кланяются. Саксы вели съ нимъ, правда, долгую и упорную войну, однакожь поэзія не отвѣчаетъ здѣсь міровому его положенію, и въ ней предстаетъ намъ скорѣе образъ того, что̀ происходило во Франціи при его преемникахъ: — какъ прежде онъ унаслѣдовалъ добро Карла Молота, такъ въ этомъ случаѣ надѣлили его добромъ Карла Простака. Даже и въ позднѣйшемъ дошедшемъ до насъ изводѣ богатыри сохраняютъ еще характеръ первобытной дикости рядомъ съ глубокими чертами сердечнаго чувства: они не смягчены еще ни какимъ «любовнымъ служеніемъ», подвиги ихъ подобны бурнымъ взрывамъ слѣпыхъ естественныхъ силъ, но материнская любовь, сочувствіе всадника съ конемъ и витязя съ оружіемъ выступаютъ въ трогательныхъ, потрясающихъ подробностяхъ. Такъ, напримѣръ, Гаймонъ велъ страшную отместную войну за убитаго Карломъ родного брата, принудилъ императора заключить съ нимъ миръ и отдать сестру свою, Аію, за него замужъ. Она родитъ ему четверыхъ сыновей, въ томъ числѣ Рейнольда, но тщательно скрываетъ ихъ, потому что оскорбленный снова мужъ объявилъ вражду всему родству Карла. Когда послѣ этого Гаймонъ жалуется разъ на свое безчадіе, она выводитъ ему вдругъ четверыхъ молодчиковъ, и тѣ поступаютъ ко двору. Сынъ Карла, Людвигъ, побѣжденный сперва въ броскѣ камней пращею, играетъ съ однимъ изъ нихъ, Адельгартомъ, въ шахматы, и ставитъ на̀ конъ жизнь; проигравши и тутъ, онъ бьетъ побѣдителя до̀ крови. Рейнольдъ отсѣкаетъ за это голову императорскому сыну, и вѣрный конь Баярдъ благополучно выноситъ всѣхъ четырехъ братьевъ изъ побоища. Тогда отцу пришлось отречься отъ собственныхъ сыновей, запереть имъ входъ въ свою область, самому участвовать въ ихъ преслѣдованіи; здѣсь уже и въ эпической поэмѣ подмѣчаемъ мы ту падкость къ раздирательнымъ столкновеніямъ обязанностей, которая впослѣдствіи такъ близко усвоена фран-

цузскою драмой. Для свиданія съ матерью братья приходятъ въ родной за̀мокъ подъ видомъ странствующихъ богомольцевъ; она цалуетъ ихъ во время сна такъ крѣпко, что кровь выступила у нихъ на губахъ, и подмѣтивъ это одинъ шпіонъ вызываетъ Гаймона овладѣть сыновьями; Гаймонъ обнадеживаетъ его только на словахъ, да хотѣлъ бы однакожь и выполнить данную присягу; сыновья одолѣваютъ его въ борьбѣ и, изъ мести, связаннаго отсылаютъ къ Карлу. Трехъ братьевъ удается наконецъ поймать, но ихъ вскорѣ отпускаютъ; послѣ этого самъ Карлъ попадаетъ во власть къ дѣтямъ Гаймона; тутъ Рейнольдъ не допускаетъ наложить на него рукъ, и самъ проситъ у него мира, но императоръ идетъ на миръ только обложивши за̀мокъ строптивыхъ, и требуетъ, чтобъ ему выданъ былъ Баярдъ. Коня рѣшено утопить въ рѣкѣ, но онъ разбиваетъ навязанный ему на шею жерновъ и уходитъ; Рейнольдъ вынужденъ снова поймать его, и лежитъ послѣ этого рыдая съ горя въ лѣсу, потому что, при видѣ Рейнольда, конь опять-было окрѣпъ и ободрился; когда же затопили его въ другой разъ, онъ приподнялъ изъ рѣки отягченную свою голову, взглянулъ на хозяина, громко заржалъ и исчезъ навѣки. Рейнольдъ кается потомъ живя отшельникомъ, совершаетъ странствіе въ Іерусалимъ, наконецъ трудится въ званіи носильщика и подъ именемъ рабочаго св. Петра при постройкѣ церквей въ Кёльнѣ.

Датскій королевичъ Огіиръ (Ожье) живетъ у Карла заложникомъ; но отецъ его, вступивъ во второй бракъ, забываетъ о сынѣ и оскорбляетъ императорскихъ пословъ; за это Огіира рѣшено было повѣсить, однакожь онъ идетъ на только-что возгорѣвшуюся войну въ Италію и тамъ, благодаря храбрымъ своимъ подвигамъ, становится знаменоносцемъ императора. Впослѣдствіи отрокъ его былъ убитъ однимъ изъ карловыхъ отроковъ, и когда онъ дерзко потребовалъ за это удовлетворенья, то подвергся изгнанію. Сперва бѣжитъ онъ къ Ломбардамъ, потомъ выдерживаетъ осаду въ одинокомъ за̀мкѣ, ускользаетъ оттудэ, но, сонный, врасплохъ накрытъ Тюрпеномъ въ лѣсу, закованъ и отправленъ въ Парижъ. Его присудили къ смертной казни, однако Тюрпенъ выпрашиваетъ его себѣ въ заключенники; положено давать ему въ день только по ломтю хлѣба, по куску мяса и по чаркѣ вина: это, дескать, какъ разъ уходитъ страшнаго прожору; но Тюрпенъ отмѣриваетъ ему громадныя порціи. Между Сарацынами распространяется вдругъ вѣсть о смерти Огіира, и они вторгаются съ несмѣтной силою; народъ воймя воетъ по богатырѣ, который одинъ могъ бы пособить горю; Карлъ узнаетъ, что онъ еще живъ, и самъ проситъ его о помощи. Огіиръ требуетъ сына карлова въ искупительную жертву, и въ горячемъ отцовскомъ сердцѣ любовь къ народу все-таки одерживаетъ наконецъ верхъ: Карлъ выдаетъ родное дѣтище. Когда Огіиръ поднялъ уже мечъ ему надъ головой, ангелъ внезапно удержалъ его за̀ руку; довольно было одной готовности на жертву, и врагъ былъ побѣдоносно отраженъ.

Исторія повѣствуетъ, что Карлъ очень дорожилъ прекрасными своими дочерьми и отнюдь не желалъ разстаться съ ними, такъ что онѣ остались при немъ незамужними, хотя онъ вовсе не думалъ отказывать имъ въ счастіи любви, самъ наслаждаясь имъ не только съ женами, но и съ сторонними подругами, которыхъ дѣти окружали его наравнѣ съ дѣтьми отъ женъ. Ангильбертъ, воспѣвавшій императора, былъ избраннымъ любимцемъ дочери его,

Берты. Эингартъ или Эгингартъ, біографъ Карла и руководчикъ строительныхъ его предпріятій, былъ, правда, женатъ на какой-то Эммѣ, только не на дочери императора. Но тезоименство это и ангильбертова любовь подали былинѣ поводъ разсказать, что придворный письмоводитель посѣтилъ разъ ночью принцессу и миловался съ нею, а она потомъ вынесла его по свѣжевыпавшему снѣгу отъ себя, чтобы слѣдъ мужской ноги не выдалъ какъ-нибудь ихъ завѣтной тайны. Отецъ однакожь подмѣтилъ это и соединилъ любовниковъ. Такъ повѣствуетъ въ 1180-мъ году лоршскій монахъ, но то же самое разсказывалъ еще въ 1127-мъ Вильгельмъ Момсбёрійскій про сестру Генриха III-го и одного каплана; въ фамиліи графовъ фонъ-Эрбахъ преданіе это сдѣлалось родовымъ.

Наконецъ отзывомъ кельтійской поэзіи готовъ я почесть ту черту былины, что при зàмкѣ Карла есть колоколъ, въ который можетъ позвонить каждый потерпѣвшій напрасную обиду; разъ дернула за этотъ колоколъ змѣя и привела императорскихъ посланцевъ къ претолстой жабѣ, улегшейся на ея яйца; въ благодарность за расправу съ ея обидчицей, она подарила ему драгоцѣнный камень, съ которымъ стала неразлучна любовь къ императору; Карлъ отдалъ его своей женѣ, а та, не желая чтобъ любовь эта досталась послѣ нея другой, передъ смертью взяла камень въ ротъ и такимъ образомъ скрыла. Карлъ не могъ разстаться съ тѣломъ покойницы, велѣлъ набальзамировать его и вездѣ возилъ съ собой въ походахъ, пока кельнскій архіепископъ не открылъ перстня съ этимъ камнемъ и не вынялъ его изъ устъ усопшей; тогда императоръ какъ бы очнулся отъ какого-то сна и бросилъ кольцо въ озеро близъ Ахена, но съ тѣхъ поръ онъ чувствовалъ неодолимое влеченье къ этой мѣстности, велѣлъ выстроить себѣ здѣсь дворецъ и уготовить гробницу.

Народныя пѣсни, въ томъ видѣ какъ пѣли ихъ сами воины, живо высказывали впечатлѣнія событій въ потрясающихъ òбразахъ, въ кликахъ скорби и веселья, въ отрывочныхъ разговорахъ; лирическій и эпическій складъ не подѣлились еще между собою; но пѣсни эти не могли долго сохраниться въ одиночку, онѣ скоро бы состарѣлись и сдѣлались непонятны въ эпоху возникновенія романскаго языка; а потому онѣ настолько лишь и уцѣлѣли, насколько вошли въ обширнѣйшія сравнительно повѣсти и слили многоразличные свои звуки въ общее эпическое единство. Карлъ, храбрый и богобоязливый какъ царь Давидъ, христіанскій богатырь, побѣдитель Сарацыновъ,—вотъ типъ, укоренившійся въ народной фантазіи, и хроники 9-го и 10-го вѣка представляютъ не мало чертъ въ доказательство тому, что про Карла постоянно пѣлось въ этомъ смыслѣ, что перехожіе пѣвцы разработывали дальше только старое преданіе. Время отъ Карла Лысаго до крестовыхъ походовъ является безплоднымъ въ литературѣ; но какъ именно тогда сооружались романскія церкви, такъ тогда же возникъ и эпосъ: устная народная поэзія не угасла въ этотъ вѣкъ, она подготовила напротивъ стиль повѣствованія и излагала въ немъ былины, пригоняя ихъ болѣе и болѣе къ одной общей идеѣ. Это дѣлалось и на югѣ и на сѣверѣ; тамъ основаніемъ служили битвы Карла Молота въ Провансѣ, здѣсь—подвиги самого великаго императора. Въ былинѣ о Роландѣ дошла до насъ пѣснь изъ эпоса, въ который она открываетъ намъ не одну проглядь. У храбраго, рыцарски-гордаго Роланда есть побратимъ, мудрый Оливье; бла-

горазумному, вѣрному совѣтнику Наймиса Баварскаго противупоставленъ вѣроломный Ганелонъ; безграничная надменность обуяла Жирара дё-Фратта, преступное честолюбіе распаляетъ Рэнфруа. Архіепископъ Тюрпенъ является благочестивымъ, но вмѣстѣ и воинственнымъ священникомъ, какихъ не мало знавали тѣ вѣка. Враги вообще индивидуализованы гораздо менѣе, это сплошь безбожные злодѣи; немногіе изъ нихъ, которые поблагороднѣе, обыкновенно переходятъ въ христіанство.

Кореннымъ эпическимъ ядромъ была народная война за вѣру, геройская смерть вѣрозащитниковъ при Ронсевалѣ и искупленіе этой бѣды взятіемъ Сарагосы. Въ послѣдней половинѣ 12-го и въ 13-мъ столѣтіи трубадуры обновили и расширили былину примыслами относительно различныхъ ея героевъ. Сюда принадлежатъ пѣсни о карловой юности, основанныя отчасти на воспоминаніяхъ о Карлѣ Молотѣ, отчасти на вольномъ разгулѣ романтической поэзіи; всего лучше сохранились онѣ въ одной испанской хроникѣ. Поссорясь съ братьями, Карлъ убѣгаетъ къ Маврамъ и живетъ никѣмъ не знаемый въ Толедо; снискиваетъ тамъ любовь царской дочери Галіэны, избавляетъ ее поединкомъ отъ навязчиваго жениха, увозитъ съ собою, уговариваетъ окреститься и наконецъ беретъ себѣ въ жены, когда довелось ему воротиться домой и принять власть. Испанцы, съ своей стороны, присоединили къ французскимъ пѣснямъ о Ронсевалѣ своего народнаго богатыря, Бернарда де-Карпіо, вывели его врагомъ и побѣдителемъ Роланда, но при этомъ соблюли важный религіозный оттѣнокъ, точно такъ же какъ оно дѣлалось и въ Германіи. Давно уже ходили по монастырямъ назидательные разсказы про Карла Великаго, къ его лицу возводились разныя легенды въ доказательство подлинности сомнительныхъ остатковъ и мощей; торжественныя хожденія его въ Римъ, его отношенія къ Гарунѣ аль-Рашиду подавали поводъ къ разсказамъ о странствіи императора въ Іерусалимъ,—образцѣ наступившихъ теперь крестовыхъ походовъ. Въ 12-мъ вѣкѣ появилась Тюрпенова Хроника; пестрая смѣсь исторіи, народныхъ сказаній и духовныхъ легендъ, она явно имѣетъ въ виду доказать, что дѣйствительныя мощи св. Іакова попали въ Компостелью, и этимъ направить туда богомольцевъ. Карлъ изображается здѣсь какъ вооруженный мечомъ апостолъ, котораго Богъ прославилъ чудомъ своихъ знаменій; почитатель его, Фридрихъ Рыжая Борода, ходатайствовалъ о причтеніи Карла къ лику святыхъ; появились разныя книжки для разъясненія заслугъ, дѣлавшихъ его достойнымъ этой почести, и самъ (первый тогда въ свѣтѣ) парижскій университетъ объявилъ новаго святого своимъ покровителемъ и заступникомъ, чѣмъ воспрославлена была заботливость его на пользу образованія. Такъ воплощались въ поэзіи отношенія геніальнаго ума къ идеямъ его современниковъ и потомковъ; а когда распространилось сказаніе объ Артурѣ и вмѣстѣ съ нимъ водворился вкусъ къ любовнымъ похожденіямъ, къ феямъ, колдунамъ, странствующимъ рыцарямъ, тогда и дружинникамъ (паладинамъ) Карла навязаны были такія же исторіи: напомнимъ только о Гюонѣ изъ Бордо́, источникѣ виландова Оберона. А нѣжнѣйшая повѣсть о Флорѣ и Бланшфлорѣ, о Цвѣтѣ и Бѣлоцвѣтѣ, то-есть о Розанѣ и Лиліи, которую такъ часто пѣли трубадуры, которая сохранилась въ милой обработкѣ Конрада Флека и на нѣмецкомъ языкѣ,—эту повѣсть также пріурочили къ былинѣ Карла, обративъ Флора и Бланшфлору въ Пи-

нивовыхъ родителей. Сказаніе передаетъ здѣсь молодую жизнь и раннюю любовь двухъ дѣтей, которыя народясь въ одинъ и тотъ же вешній день, очень скоро сблизились между собой и зачитывались въ школѣ любовными книжками, а потомъ были разлучены и только уже послѣ разныхъ превратностей соединились снова. Бланшфлора горюетъ гдѣ-то далеко въ башнѣ по своемъ миломъ; вдругъ ей приносятъ его въ корзинѣ цвѣтовъ, и онъ выскакиваетъ оттуда живымъ розаномъ.

При этомъ въ 13-мъ вѣкѣ господствовало, какъ у погомеровскихъ кикликовъ, стремленіе связывать разныхъ богатырей и разныя былины въ одно цѣлое: Доону Майнцскому * давали, такимъ образомъ, 12 сыновей, чтобы пріурочить къ нему всѣхъ вассаловъ; во французскихъ риомованныхъ хроникахъ, равно какъ и въ «Императорской хроникѣ» у Нѣмцевъ, даже въ латинскихъ исторіяхъ о Доонѣ, напримѣръ у Карла Мейнè, дошли до насъ подобнаго рода компиляціи. Особенно наивно и вѣрно передаетъ лучшіе древніе источники исландская Карламагнусова сага; кажется, она предназначалась побороть древне-языческую поэзію новою (хотя и въ томъ же вкусѣ) христіанской.

Пятнадцатый вѣкъ выдѣлялъ, напротивъ, изъ общей связи одиночные разсказы и разводилъ ихъ уже въ прозу; особенно любили это въ Нидерландахъ, гдѣ романы о Малагисѣ, объ Ожье, о Гаймоновыхъ сыновьяхъ стали очень популярны, тогда какъ въ Италіи они подали поводъ къ новой искусственной поэзіи. Здѣсь не сложилось настоящихъ, собственныхъ былинъ про Карла Великаго, хотя, какъ побѣдитель Ломбардовъ и императоръ римскій, онъ оставилъ по себѣ глубокое впечатлѣніе **; все ограничилось тѣмъ, что при легкопонятности старофранцузскаго языка переложили французскія былины на смѣсный (еще болѣе близкій къ итальянскому) діалектъ, и туземные поэты вскорѣ распространили ихъ собственными примыслами въ духѣ Артурова Круглаго Стола: здѣсь двѣ крупныя семьи враждебно противустали другъ другу и подѣлили между собой различныхъ богатырей. Въ такъ-называемыхъ «Французскихъ королевичахъ» (reali de Francia) былины эти появились около 1350-хъ годовъ полнымъ сборникомъ въ прозѣ, а эта книга послужила опять источникомъ для флорентійскихъ импровизаторовъ, создававшихъ изъ нея поэтическіе разсказы. Здѣсь самъ Карлъ отступаетъ уже на задній планъ, впереди стоятъ Роландъ (Орландо) и Рейнольдъ (Ринальдо), на сцену выводятся воинственныя женщины (романтическое подобіе русскихъ «поляницъ»), волшебники, любовныя похожденья. Поэтъ Пульчи (во второй половинѣ 15-го вѣка) уже съ ироніей относится къ крайнимъ преувеличеніямъ своихъ предшественниковъ, но Боярдо (немного позже) опять принялъ

---

* Доонъ или Дооливъ, сынъ Гвидона и Кунигунды Майнцской, одинъ изъ самыхъ удалыхъ богатырей Карловой былины, змѣеборецъ, освободитель красавицъ и т. д. За раннія боевыя наклонности Карлъ возвелъ его въ рыцари, когда ему было всего только восемь лѣтъ.

** Южный народъ не ощущалъ живого сочувствія къ чуждому сѣверному строю, да не могъ отнестись къ Карлу и вполнѣ враждебно, какъ къ избавителю и союзнику; а между тѣмъ народная поэзія держится вѣдь только на полномъ сочувствіи или на рѣшительной враждѣ. Прим. перев.

нихъ къ сердцу нешутя и старался сложить изъ нихъ многообъемистое цѣлое; а геніальный юморъ Аріоста, взявъ отсюда одинъ громадный обломокъ, излилъ на него блескъ своего воображенія въ потокѣ свѣтлой шутки, соединенной со всѣмъ мастерствомъ поэтической занимательности, и въ своемъ «Влюбленномъ Роландѣ» создалъ то завершающее произведеніе, которое мы разсмотримъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ противнемъ его, старою Роландовой былиной.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ СРЕДНЕВѢКОВОГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ.

Средневѣковымъ называется періодъ отъ разрушенія (западной) римской имперіи до возрожденія античной культуры въ новое время; для европейскаго человѣчества это возрастъ между порою дѣтской воспріимчивости или природной чувственной силы и красоты и порою умственной зрѣлости, — ступень юношества, молодечества, когда тѣлесная крѣпость и задушевная искренность обнаруживаются въ удалыхъ и мечтательныхъ порывахъ, когда сердце, идеализмъ внутренняго чувства, фантазія являются главными двигателями въ жизни и въ быту. Какъ въ развитіи любой отдѣльной личности во всѣ эпохи, такъ тутъ у цѣлыхъ народовъ къ воинственному духу, къ бодрой отвагѣ присоединяется какое-то мечтательное настроенье, при которомъ мужеская сила легко уступаетъ женской кротости. Если умъ съ сердцемъ и не могутъ обойтись другъ безъ друга, то все же мы въ правѣ назвать сердечный идеалъ женскимъ по преимуществу, идеалъ ума—по преимуществу мужскимъ; а тогда не слѣдуетъ ли что женщинамъ надо было занять первое, почетнѣйшее мѣсто въ томъ рыцарскомъ обществѣ, гдѣ вся поэзія замкнулась въ любовной службѣ, гдѣ любовь стала прямо душой поэзіи, гдѣ и въ религіи поклоненіе Дѣвѣ Маріи доставило общему влеченію сердецъ вполнѣ сообразное тому времени удовлетворенье? И это существенно важно не для одной западной Европы, это ступень въ цѣломъ ходѣ всемірной исторіи, одна изъ эпохъ развитія для всего людского рода; какъ черезъ Грецію и Римъ осуществилъ онъ идеалъ природы, естественности, такъ переживаетъ и разработываетъ онъ теперь идеалъ сердца (прочувствованной природы) въ совокупномъ взаимодѣйствіи христіанства съ кельтійскими, славянскими и особенно съ германскими племенами.

Но средневѣковье есть вмѣстѣ и пора опосредствованія, пора временной сдѣлки между развалинами и остатками чуждой культуры и новыми вполнѣ свѣжими еще народами, пока окрѣпнувъ и достаточно созрѣвъ въ своей субъ-

ективности они смогутъ вглядѣться въ древность объективно, то-есть не утрачивая своего собственнаго существа съумѣютъ оцѣнить и употребить ее въ пользу, какъ формальный образецъ и вмѣстѣ какъ питательное духовное подспорье. Это — время постепеннаго улада между христіанствомъ и тѣми твердыми, крѣпкими сердцами, которымъ въ лицѣ Церкви противопоставленъ священный авторитетъ, покамѣстъ они примутъ христіанское ученіе теплой вѣрою и возродятся имъ къ новой жизни. Это — время сдѣлки между царящею надъ единичными лицами идеей государства, какъ понималась она въ Греціи и въ Римѣ, и между личною самостоятельностью каждаго по себѣ Германца, — время сдѣлки между единствомъ и свободою. Отсюда возникъ на первыхъ порахъ феодальный порядокъ. Сообразно новому коренному началу жизни, въ немъ преобладаетъ именно лицо: вождь, къ которому дружина пристала по свободному выбору, становится владыкой, государемъ, жалующимъ въ лэнъ земли и должности за личныя послуги; обоюдная вѣрность,—вотъ связь, на которой все держится въ эпоху преобладанія сердечныхъ отношеній (усердія); мѣсто одной лишь силы или холодной законности заступаетъ полная чувства нравственная обязанность, и васаллъ обѣщаетъ лэнному владыкѣ быть къ нему во всемъ вѣрнымъ и усерднымъ и отправлять на него воинскую повинность, пока держитъ его лэнъ; вотъ почему ломбардское право уподобляетъ это государственное отношеніе брачному: взаимная всеобъемлющая вѣрность опредѣляетъ здѣсь весь кругъ житейскаго долга. Лэнный господинъ сталъ земскимъ господиномъ, и хотя обыкновенно земельный удѣлъ отца переходилъ по наслѣдству къ сыну, но все таки надо было снова жаловать имъ послѣдняго. Подъ рукою земскаго владыки первые стояли вельможи во главѣ своихъ волостей, и у каждаго изъ нихъ были свои опять люди, подручники. Весь европейскій Западъ соединенъ былъ однимъ общимъ ему христіанскимъ исповѣданіемъ, и исторію его необходимо разсматривать какъ одно цѣлое, что будемъ дѣлать и мы; понятно, что юному человѣчеству хотѣлось имѣть видимое свѣтское выраженіе этого единства въ лицѣ императора, считавшагося продолжателемъ римской міровой державы. Въ предѣлахъ такого восходящаго и нисходящаго расчлененія, лица, входившія въ каждый изъ его участковъ, естественно подавали другъ другу руку и смыкались въ цехи и ордена, связанные изъ волости въ волость и изъ края въ край однимъ общимъ рыцарскимъ обычаемъ, общими формулами «строительныхъ ложъ» и наконецъ болѣе или менѣе общими городскими союзами. Но каждый жилъ именно въ своемъ кругу этого общественнаго расчлененія, а цѣлое было итогомъ всѣхъ особенныхъ правъ и вольностей; ни какое всѣмъ сплошь общее право не обезпечивало своими установленіями общественнаго (то-есть общенароднаго) быта; поэтому всякое отдѣльное лицо стояло лишь на собственныхъ ногахъ или опиралось на частныхъ союзниковъ, и эта обособленность конечно много содѣйствовала воспитанію тѣхъ задорныхъ, строптивыхъ и крайне своеобычныхъ, но вмѣстѣ и блестящихъ характеровъ, какими такъ изобиленъ Средній Вѣкъ. Это былъ періодъ аристократическій: духовные и рыцари были носителями культуры и господствующими сословіями; когда поднялось среднее сословіе, гражданство, въ городахъ развился духъ республиканскаго общедушія, требовавшій одинаковаго для всѣхъ права, и навстрѣчу ему пошли государи, которые съ своей стороны домогались сосредоточить въ себѣ единство державной

власти, но стѣснялись въ этомъ правами и вольностями сословій, бытовыхъ союзовъ и родовъ. Новое время хочетъ быть справедливымъ и къ частямъ и къ цѣлому, но въ Средніе Вѣка преобладали части, точно такъ же какъ цѣлое преобладало передъ тѣмъ въ древности.

Государство отвѣчало тѣлу человѣческому и должно было заботиться о физическомъ благоденствіи, тогда какъ Церковь уподобляла себя въ этомъ организмѣ душѣ, и духовенству надлежало пещись о духѣ. Церковь, въ свою очередь, расчленена была въ чисто-феодальный же урядъ, и какъ христіанское единство видимо проявлялось въ намѣстникѣ Христа, папѣ, такъ подъ рукой у него стояли епископы, прелаты и священники многоразличныхъ степеней, тогда какъ въ то же время монашескіе ордена связывали между собой монастыри всѣхъ (католическихъ) странъ, а латинскій языкъ, одинаковость догмата и обряда вездѣ равно противустояли племеннымъ особенностямъ. Если Церкви предлежало разрѣшить міръ отъ его грѣха, то служители ея должны были оставаться чистыми отъ всякой земной страсти, не имѣть собственности, бѣжать чувственной любви и семейной жизни, прилѣпляясь къ одному только вѣчному; но тутъ именно и проявляется опять смѣсный, переходный характеръ всего этого періода. Церковь есть вмѣстѣ съ тѣмъ церковное государство, высшее духовенство жалуется свѣтскими лэнами, а государство ищетъ наполниться идеальнымъ содержаніемъ черезъ искусство и науку. Средневѣковье представляетъ намъ Церковь и государство связанными однимъ общимъ предпріятіемъ, крестовыми походами, которые поэтому и выходятъ вершинною точкой этой эпохи; но оно представляетъ въ то же время и борьбу обоихъ мечей, духовнаго—въ рукѣ папы, свѣтскаго—въ рукѣ императора,—борьбу, сперва давшую побѣду церковной іерархіи, а потомъ освободившую государство и его постепенный дальнѣйшій ростъ. Вотъ почему Дантъ хочетъ, чтобы оба солнца шли разными путями, и каждое освѣщало свою сферу на пользу человѣчеству, не мѣшая другому. Сообразно этому, мы сначала видимъ передъ собой періодъ преимущественно церковной и латинской культуры, а за тѣмъ культуру свѣтско-рыцарскую, и выраженіемъ первой предстаетъ намъ романскій стиль, а послѣдней—готическій. Заря новаго времени взошла тогда, когда стало подыматься среднее сословіе.

Субъективная задушевность, внутреннее чувство,—вотъ жизненное начало Среднихъ Вѣковъ, но входя безпрерывно въ неизбѣжную сдѣлку съ прежде бывшимъ міромъ, оно именно и проявляется во внѣшнихъ только формахъ. Религія выходитъ больше внѣшнимъ уставомъ и дѣйствуетъ на грубыя племена средствами чувственной дисциплины; строптивая заносчивость природной силы обуздывается только рядомъ тяжкихъ униженій и жестокихъ покаяній; бичуются не одни только изступленные отшельники, самъ даже императоръ и знатнѣйшія дамы подставляютъ обнаженную спину подъ розгу священника. Язычество выросло изъ земли и народа, религія завершала и просвѣтляла тогда самую жизнь въ естественномъ ея идеалѣ; теперь же христіанство очевидно порываетъ связь съ природою, древніе боги превращаются въ демоновъ, а между тѣмъ ведутъ еще въ сознаніи какое-то призрачно-жуткое бытіе, поскольку нѣкоторыя изъ ихъ главныхъ чертъ не слились, въ одну сторону, со Христомъ и его святыми, а въ другую — съ вѣчнымъ супостатомъ,

дьяволомъ; это —пора броженія, безпрерывныхъ противорѣчій, которыя надо еще слаживать и примирять: стародавній обычай и необузданная грубая сила упорно борются съ требованіями новой нравственности, безпутство и чувственный разгулъ чередуются съ умерщвленіемъ плоти, міробѣжною мечтательностью и сладкою грезой умиленья. Самому блюсти мѣру въ своей силѣ,—вотъ чего хотѣла древняя нравственность; христіанская же учитъ подчиняться высшей волѣ, учитъ тому смиренію, которое чувствомъ зависимости конечнаго отъ безконечнаго полагаетъ начало возрожденію самочувствія нашего въ самомъ Божествѣ и возвышенію его до полной свободы. Путей спасенія и примиренья ищутъ еще не въ собственномъ сердцѣ человѣка, а у гробницъ св. мучениковъ, въ Римѣ, или еще въ той далекой землѣ, гдѣ жилъ и страдалъ Спаситель; и вотъ государи, князья и нищіе, мужчины и женщины, старые и молодые, всѣ идутъ на богомолье, влекомые и жаждою блага душамъ своимъ и жаждою приключеній и чудесъ въ странахъ чужедальныхъ. Такой же неудержный напоръ внутренняго чувства гонитъ родъ людской въ вооруженныя богомольческія странствія крестовыхъ походовъ, и только окончательная потеря святого гроба навела на мысль о томъ, что духовно-воскресшаго Спасителя слѣдуетъ искать не среди мертвыхъ, а въ живомъ словѣ его, и носить его въ своемъ собственномъ сердцѣ. Но прежде долго покупали въ Римѣ смертные останки мнимыхъ святыхъ и несли ихъ къ себѣ на родину въ торжественно-страшной процессіи, ставили потомъ на алтарные престолы, молились на нихъ и вѣрили въ тѣ чудеса, которыхъ отъ нихъ ожидала или которыя приписывала имъ фантазія. Вѣра, держась исключительно за внѣшность, становится суевѣріемъ; Церковь преслѣдуетъ всякое самостоятельное пониманіе христіанства, а государство готово раззорить тотъ домъ, въ которомъ инквизиція подмѣтила еретика, отщепенца. Дочего могучъ сердечный идеализмъ и какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ падокъ ко всему чувственному, — это вполнѣ очевидно изъ положенія, какое занималъ въ средневѣковой жизни городъ Римъ. Онъ является сѣдалищемъ и свѣтской и духовной власти; и римскій сенаторъ въ Капитоліи, и вѣнчанный въ Ватиканѣ императоръ, и епископъ, молящійся у гроба св. Петра, всѣ равно мечтаютъ о міродержавствѣ и думаютъ стяжать его въ этой именно свыше освященной мѣстности. Пріидетъ туда владыка изъ-за Альпъ, тогда папа мнитъ себя Даніиломъ во рву львиномъ; но императоръ спѣшитъ уйдти оттуда, принявъ изъ рукъ папы корону въ предмѣстіи города и довольный уже тѣмъ, если Римляне не выпадутъ на него изъ воротъ черезъ тибрскій мостъ съ обнаженными мечами, — тѣмъ не менѣе съ именемъ Рима связана верховная власть надъ людьми. Тысячи и тысячи думаютъ отдѣлаться отъ своихъ грѣховъ, сподобившись видѣть плющеобвитыя развалины храмовъ, церквей, и грозныя, мрачныя башни Рима; а если изъ Ватикана сверкнетъ за Альпы перунъ отлученія, то передъ громомъ его смолкаетъ звонъ колоколовъ, умершихъ не хоронятъ болѣе въ освященную землю, браки вѣнчаются только развѣ на церковномъ дворѣ, народъ устами священниковъ освобождается отъ повиновенія и прямо возбуждается къ мятежу противъ мірской власти.

Для обосновки своего догмата, равно какъ для сооруженія и убранства божіихъ домовъ, Церковь заняла все пригодное для своихъ цѣлей отъ науки и искусства древности, и этимъ именно путемъ поддержала черезъ Герман-

цевъ культурную связь человѣчества при паденіи римской имперіи. Относительно религіозной истины было принято, что она сообщена Церкви божественнымъ откровеніемъ, и поэтому предстаетъ человѣческому уму въ качествѣ незыблемаго авторитета; умъ долженъ только усвоивать ее себѣ по мѣрѣ силъ, соглашать такъ или иначе съ прочими познаніями и обработывать такимъ образомъ, чтобы она становилась для него ясна и доступна; онъ прежде всего долженъ былъ вѣровать для того чтобы потомъ умудриться знаніемъ; содержаніе было ему дано, оставалось испытывать на немъ свою силу съ тѣмъ единственно, чтобы его доказать и оформить; богословіе поставлено было общей цѣлью и мѣрою всѣмъ частнымъ наукамъ, въ немъ христіанская догматика встрѣчалась съ античнымъ преданіемъ. Стало-быть мысль школила себя надъ готовымъ уже предметомъ умственныхъ упражненій, а Церковь въ свою очередь брала къ себѣ въ школу или на выучку весь міръ, такъ что посредствующій, сдѣлочный характеръ средневѣковой эпохи проявляется съ обѣихъ этихъ сторонъ и въ школьной ея наукѣ, схоластикѣ. Сюда привзошло еще то обстоятельство, что наука эта построилась и преподавалась не на языкѣ живыхъ народовъ, а на латинскомъ, что порождало новую опять сопоставовку разнородныхъ элементовъ, требовавшую сплава, опосредствованія: съ одной стороны были тутъ относительно естественнаго порядка народныя представленія о таинственной жизни вещей, — отголоски миоотворной фантазіи язычества, рядомъ съ ними — постепенно добываемыя въ непрерывной работѣ разныхъ промысловъ, въ горномъ дѣлѣ, металлургіи, въ наблюденіяхъ надъ растительнымъ и животнымъ царствомъ, во врачебной практикѣ, разныя новыя подмѣты насчетъ законовъ и силъ природы; съ другой же стороны выступали симитское ветхозавѣтое преданіе въ библіи и обокъ съ нимъ греко-римское, поддерживаемое отчасти Отцами Церкви, отчасти Арабами; но ученые послѣдняго этого направленія (классики), занимаясь и преподавая только въ школьныхъ стѣнахъ, ни мало не заботились о рабочихъ (реалистахъ), а потому эти и оставались при однѣхъ своихъ сноровкахъ и частныхъ, отрывочныхъ опытахъ, не обосновывая и не обобщая ихъ научнымъ образомъ. Либигъ справедливо указалъ на то, что этимъ собственно и объясняется внезапный разростъ естественныхъ наукъ въ новѣйшее время: когда среднее сословіе поразбогатѣло и пообразовалось, свѣдущіе люди изъ среды его наполнили непроходимую бездну между школой и жизнію, стараясь свести богатый запасъ житейскихъ опытовъ съ ученымъ преданіемъ и пріурочить первые къ научной формѣ, выработанной послѣднимъ. Вѣдь нѣсколько времени то же самое было и съ поэзіей. И здѣсь въ 10-мъ вѣкѣ видимъ мы передъ собой латинскую литературу, но въ глубинѣ все-таки жила про себя, работая надъ старыми былинами и пѣснями, фантазія народа; послѣ крестовыхъ походовъ работа эта какъ бы вдругъ всплыла на верхъ въ видѣ эпоса, вышло на божій свѣтъ то, что давно готовилось въ тиши. Но и тутъ еще поэтъ такъ же несвободно относится къ своему предмету, какъ и мыслитель; онъ вѣруетъ въ реальность того, что пересказываетъ, не развиваетъ, не уряжаетъ созданія изъ своего собственнаго духа, а только обработываетъ искусствомъ дошедшее по преданію. Дантъ является посредникомъ, сближая народную поэзію съ формальнымъ образованіемъ древности и схоластикой. Послѣдней нельзя не отдать должной справед-

ливости: все-таки вѣдь ею человѣчество пришло тогда къ великому сознанію, что есть объективная истина, которая дѣлается не нами, которую мы не произвольно порождаемъ въ своихъ мысляхъ, которая полносильна сама собой; мы не изобрѣтаемъ ея, а только обрѣтаемъ или открываемъ, понемногу доходимъ до нея, постепенно къ ней возвышаемся. Такимъ образомъ и право открывается и указывается въ природѣ человѣка, оно почерпается изъ нравственнаго чувства, познается въ правахъ и обычаѣ, а не создается произволомъ чей бы то ни было власти; и цѣль его не всесвѣтное господство какъ у Римлянъ, а напротивъ—всесвѣтный нерушимый миръ. Сближеніе же, полюбовная сдѣлка между содержаніемъ схоластическаго богословія и субъективностью лица происходитъ путемъ внутренняго чувства въ мистикѣ, которая постигнувъ недостатокъ истины и любви въ собственномъ сердцѣ человѣка, погружается въ созерцаніе Всемогущаго и принимаетъ всѣ мірскія вещи только за знаменія и образы единаго его существа.

Вообще всему тому, что постигается силою и теплотой индивидуальнаго чувства, воображеніе придаетъ форму, видимость, проявляя внутреннее наружу въ символѣ. Этимъ полнымъ фантазіи сближеніемъ противоположностей отличаются именно Средніе Вѣка, и оно въ тѣ времена распространено повсюду; каждая мысль перелагалась въ образы, въ любомъ явленіи доискивались смысла и идеальнаго содержанія; даже когда и вовсе не было заложеноего въ той или другой вещи, со стороны вносили въ нее этотъ смыслъ посредствомъ толкованій. Такъ, евангельскіе разсказы принимались сперва исторически, но потомъ усмотрѣли тутъ моральный смыслъ и признали ихъ за наглядное изложеніе нравственнаго ученія; далѣе нашли въ нихъ аллегорію извѣстнаго явленія природы и откровеніе невидимыхъ божественныхъ вещей и таинъ. Событія ветхаго завѣта, греческой и римской исторіи слыли за прообразованія событій жизни Іисуса Христа, за пророческія указанія грядущей истины и славы. Бога представляли себѣ лучезарнымъ средоточіемъ вселенной, и съ этой возвышеннѣйшей точки зрѣнія судили о большей или меньшей значительности вещей по постепенному ослабленію расходящихся отъ нея и преломляющихся волнъ свѣта. Мало того, что свѣтомъ онагляживали вездѣсущность божію, отраженіе его во внутреннемъ чувствѣ, принятіе его душой; созрѣваніемъ жесткой кисти винограда на солнечномъ теплѣ объясняли и обращеніе ожесточеннаго сердца силою высшей благодати; а то, что Марія дѣвственно зачала и родила Спасителя, доказывали подобіемъ солнечнаго луча, который проходитъ же вѣдь сквозь стекло, не повреждая послѣднее. Такимъ же образомъ и единица въ числовой символикѣ выходила дѣвственной матерью вещей, не измѣняющейся отъ размноженія, и если, съ одной стороны, троичность представляла божественное въ его единствѣ и разнообразіи, то съ другой — великія міровыя противоположности являлись въ четверицѣ странъ свѣта, годовыхъ временъ, стихій и райскихъ рѣкъ. Числа семь и двѣнадцать также находили высшее себѣ освященіе во многихъ библейскихъ обстоятельствахъ, и сообразно имъ казалось приличнымъ уряжать многое и въ земномъ быту; ихъ же видѣли опять въ дняхъ недѣли и въ мѣсяцахъ, въ числахъ искусствъ и самыхъ грѣховъ. Папа Иннокентій III говоритъ объ омофорѣ: Шерсть обозначаетъ важность, бѣлизна—смиренную кротость; обрамленіе имъ плечъ—страхъ Господень, строго опредѣляющій и направляющій вся-

кое дѣло; четыре пурпурные вѣнка, это—обагренныя кровію христовой мірскія добродѣтели; двѣ лопасти знаменуютъ созерцательную и дѣятельную жизнь; омофоръ двойственъ съ лѣвой и однояденъ съ правой стороны для того, чтобы въ первомъ случаѣ напоминать многоразличныя тяготы земныя, а въ послѣднемъ—небесное спокойствіе.

Такой взглядъ на вещи отвѣчалъ зарождавшемуся искусству, неспособному еще вполнѣ выразить въ подходящихъ формахъ духовное содержаніе, а оттого и указывавшему на него только въ символахъ; однако и тамъ, гдѣ искусство становится уже вольнѣе и лучше умѣетъ владѣть своими средствами, оно любитъ придержаться подобныхъ отношеній, охотно предоставляя духу, удовлетворенному созерцаніемъ, угадывать за тѣмъ еще бо̀льшую полноту содержанія чаяніемъ и думой.

Съ символикою смежно художественное олицетвореніе духовныхъ силъ. Оно прежде всего обращается къ существамъ небеснымъ, ангеламъ. Представленіе объ нихъ возникло при совмѣстномъ дѣйствіи персидскаго и еврейскаго народнаго повѣрья, а наглядная форма сложилась по примѣру облика эллинскихъ геніевъ; они были подѣлены на девять чиновъ, и дьяволъ противупоставленъ имъ съ своими адскими бѣсами, въ дикомъ полузвѣриномъ образѣ, или въ символическомъ видѣ змѣя, дракона, рыкающаго льва. Германское язычество придало къ этому своихъ кобольдовъ, никсъ, великановъ и карликовъ, восточныя повѣрья со временъ крестовыхъ походовъ—своихъ волшебниковъ и духовъ, а Кельты подслужились тутъ же своими феями. Кромѣ того, мы знаемъ, что древніе Римляне олицетворяли напримѣръ Счастіе, Мужество, и такимъ воплощеннымъ ими понятіямъ воздвигали даже алтари, а какъ скоро они приняли христіанство, мы встрѣчаемъ въ ихъ стихотвореніяхъ и учебникахъ Добродѣтели, Пороки, Искусства, Науки въ аллегорическомъ видѣ, говорящими и дѣйствующими. Но, по тонкому замѣчанію Шнаазе, олицетворенія эти пріобрѣли относительную истинность въ представленіяхъ благодаря тому, что съ ними сливались реально-мыслимые ангелы, такъ какъ въ послѣднихъ подлинно видѣли небесныхъ блюстителей и руководителей земныхъ силъ и добрыхъ благотворныхъ качествъ. Такъ въ 12-мъ столѣтіи Аланъ * вводитъ Природу, Разумъ, Богословіе, Добродѣтели и Искусства въ живое общеніе съ Создателемъ и со Христомъ. Всѣ эти облики вѣры окружались тогда однимъ и тѣмъ же сумеречнымъ полусвѣтомъ шаткой достовѣрности, одной и той же атмосферой чудеснаго Шнаазе присовокупляетъ къ этому дальнѣйшую характеристику той эпохи: «Посредствующая вездѣ фантазія надѣляла умъ «нѣкоторою долей свѣжести и силы чувства, а чувство нѣкоторою долей тон«кости ума. Мысли воплощались въ видимые облики, дѣйствительныя вещи «улетучивались въ идеальныя явленія. Противуположности духовнаго съ чув«ственнымъ, такъ далеко расходившіяся въ житейскомъ быту, сливались въ глу«бинѣ души воедино; онѣ представлялись созерцанію не въ двухъ параллель-

---

* Аланъ или Алэнъ (Alain) изъ Лилля, пресловутый философъ и алхимистъ, умершій около 1203 г. въ знаменитомъ бенедиктинскомъ монастырѣ Сито (Цистерціумъ), не подалеку отъ Дижона.

«ныхъ рядахъ, а именно въ расходящихся линіяхъ, которыя казались раздѣ-«ленными такимъ огромнымъ пространствомъ во внѣшней жизни только пото-«му, что въ глубочайшихъ ея корняхъ слишкомъ тѣсно уже соединялись. Отто-«го внутри и царилъ миръ, тогда какъ борьба свирѣпствовала снаружи; око «вѣры, позади тумановъ грѣховной сумятицы, видѣло передъ собою спокойно «распростертымъ весь свѣтъ, какъ дѣло рукъ божіихъ, видѣло въ землѣ и въ «небѣ отраженіе божественныхъ качествъ, видѣло ангеловъ господнихъ нис-«ходящихъ долу для выполненія повелѣній Всевышняго и для обращенія на «службу ему самаго зла. Изъ этой-то вѣры, и изъ духовной наклонности, на «которую она опиралась, проистекали та бодрая благонадежность, то отрад-«ное внутреннее чувство, какія мы замѣчаемъ во всѣхъ высшихъ произведе-«ніяхъ Среднихъ Вѣковъ».

Миѳическая поэзія, которая уже съ самыхъ раннихъ поръ обвила своей листвой исторію Христа и его религіи, легенды о святыхъ, которыя средневѣковая фантазія украшала и любимыми образами языческихъ повѣрій, и новоизмышленными прикрасами,—все это предлагало теперь пластикѣ и живописи милѣйшіе сердцамъ и самые притомъ счастливые сюжеты. Вѣдь когда строгій церковный догматъ выдвинулъ впередъ раздвой духа съ природою и пагубу, постигшую міръ съ грѣхопаденіемъ, то этимъ изгналъ онъ изъ жизни все прекрасное, всякое полное, гармоническое бытіе. Но въ лицѣ Іисуса Христа осуществился уже опять новый идеалъ, и уяснить его душѣ именно и старалась миѳотворная народная фантазія. Святые угодники выступили теперь обруку со Христомъ Іисусомъ, и сколько бы мы ни возставали противъ суевѣрнаго поклоненія часто иногда мнимымъ даже мощамъ, сколько бы ни готовы были видѣть въ этомъ возвратный наплывъ языческой стихіи въ религію духа, все же не льзя однако не признать, что для искусства была чрезвычайно важна полная возможность созерцать и изображать въ нихъ строй совершенно чистой и богоугодной жизни, такъ что они сдѣлались для него идеалами христіанскихъ добродѣтелей, требовавшими себѣ видимаго нагляднаго воплощенія. Тутъ искусство могло и съ своей стороны прямо взяться за дѣло примиренія между небомъ и землею, за настоящее свое священнодѣйствіе, и тутъ же научилось оно мало по малу постигать, уловлять потокъ живой божественной силы, проникающій струями своими все конечное и человѣческое, и изображать міръ, не только жаждущій, но потомъ и сподобившійся искупленья.

Въ Греціи и Римѣ налегалъ я особенно не только на равновѣсіе чувственнаго съ духовнымъ, но и на образцовую типичность тѣхъ великихъ дѣлъ и людей, которые въ пластической своей ясности были полносильнымъ выраженіемъ цѣлаго своего рода. Теперь мало того что настаетъ перевѣсъ внутренняго надъ внѣшнимъ, — субъективная свобода, начало личной самостоятельности приноситъ съ собой гораздо больше частнаго разнообразія, больше своебытныхъ характеровъ и отличныхъ другъ отъ друга дѣлъ; живописное обиліе индивидуальной жизни присоединяется къ музыкальному настроенію упивающагося собой, вѣчно гомозящагося сердца, и оба вмѣстѣ придаютъ совсѣмъ новый пошибъ художествамъ, хотя, надобно сказать, живопись, музыка, лирика сначала еще не развиты, и на первыхъ порахъ духъ, а также и общій строй цѣлаго, достигаютъ, какъ и всегда въ юный

возрастъ человѣчества, своего народнаго и эстетически-удовлетворительнаго выраженія собственно только въ архитектурѣ и въ эпосѣ. Но по самому существу дѣла, для нашего изложенія необходимо, сверхъ такого рода общихъ опредѣленій, войдти ближе въ частныя подробности; мы не были бы справедливы къ своему предмету, вздумай мы приложить къ нему античный масштабъ и трактовать объ немъ такъ, какъ трактовали объ антикѣ.

ОСНОВАНІЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ И РИМСКОЙ ІЕРАРХІИ.

Вольнолюбивый духъ Германцевъ не только разстроилъ опять предпринятое Карломъ Великимъ обновленіе всесвѣтной римской монархіи, онъ даже угрожалъ расколоть народъ на разныя племена, на мелкіе дружинообразные союзы и загубить его во внутреннихъ усобицахъ; знаменательно, что въ своихъ былинахъ и пѣсняхъ народъ принялъ сторону тѣхъ герцоговъ (первоначально дружинныхъ воеводъ), которые силились отстоять противъ Каролинговъ и самой Церкви свою власть, какъ излюбленные и природные вожди разныхъ волостей или частей края. Но къ единенію вынудили тогда хищническіе набѣги Датчанъ и Вендовъ, страшныя вторженія венгерскихъ ордъ, и герцоги сами выбрали себѣ набольшаго, верховнаго владыку. Генрихъ Саксонецъ сталъ основателемъ германской державы, германской націи; народъ почувствовалъ себя чѣмъ-то цѣлымъ, имперія держалась не на особности какого-нибудь господствующаго племени, а на общихъ интересахъ всѣхъ Германцевъ вообще. Соединяя ясный взглядъ съ твердымъ духомъ, стремясь, какъ истинный политикъ, только къ достижимому, столько же мужественный, сколько вмѣстѣ кроткій и мудрый, онъ умѣлъ соединять души и словомъ и мечомъ; для обороны отъ враговъ устроилъ онъ конное ополченіе, ставилъ города (крѣпостцы), и этимъ положилъ первое начало рыцарству и городскому сословію; возникнувъ для защиты отъ непріятеля, города вскорѣ сдѣлались средоточіемъ мирной жизни, такъ-какъ въ стѣнахъ ихъ собирались суды и народные сходы, да кстати находили себѣ безопасный пріютъ также торговля и промышленность. Сказаніе говоритъ, будто король принялъ имперскія регаліи на птицеловномъ току; дѣйствительно онъ былъ мастеръ раскинуть сѣть и для сдержки германскаго народа, и для улова своихъ недруговъ. Его одушевляла германская мысль о союзномъ (федеративномъ) государствѣ: каждое племя должно было само вѣдать свои внутреннія дѣла, подъ управленіемъ герцога, у котораго въ мирѣ и войнѣ подъ рукой стояли графы и бароны, каждый съ своей дружиною; а король, какъ вер-

ховный покровитель и вождь цѣлаго народа, долженъ былъ соединять въ рукѣ своей всю его силу для общихъ цѣлей внутри и внѣ, «какъ золотой обручъ связываетъ дорогіе камни въ одну корону». Побѣды надъ Вендами, Датчанами, Венграми освятили это зданіе и освободили отечество отъ грабителей-чужеземцевъ.

Генрихъ обезпечилъ наслѣдіе своему велемощному сыну, Оттону. Этотъ не только что отразилъ опять прежнихъ враговъ, но и раздвинулъ украины (марки) имперіи къ востоку (разумѣется въ ущербъ полабскимъ Славянамъ), и съ тѣхъ поръ началось онѣмеченіе края на востокъ отъ Эльбы, гдѣ германскому государству суждено было впослѣдствіи найдти себѣ и новый исходъ, и новое средоточіе. Оттонъ не ограничился удержаніемъ въ рукѣ верховнаго главы единства родного края, онъ съумѣлъ подчинить себѣ герцоговъ въ качествѣ сановниковъ имперіи и приблизилъ ихъ къ своей особѣ въ качествѣ совѣщательныхъ чиновъ. Это совершилось среди жаркой борьбы, которую старая трагическая пѣснь о Гильдебрандѣ—какъ впрочемъ часто еще бывало и послѣ при междоусобіи отца съ сыномъ въ Германіи — выдаетъ за поэтическое предвѣщанье. Оттонъ съумѣлъ однакожь не только побѣдить, но и примирить. До сихъ поръ только еще монастыри были одиночно разбросанными гнѣздами культуры, теперь и имперскій дворъ сталъ пріютомъ образованія; потому что Оттонъ признавалъ образованіе за мощь, необходимую для управы большимъ народомъ. Меньшой братъ Оттона, Брунъ, выдавался тутъ ясною звѣздою: онъ писалъ и говорилъ по-латини, поступилъ въ духовное званіе, завѣдывалъ имперскою канцеляріей, и не покидалъ при этомъ ученыхъ занятій; онъ даже собралъ вокругъ себя Грековъ, и два́ раза приходили къ нему изъ-за моря ирландскіе монахи. Подобно Бруну, во главѣ епископствъ стали научно-вышколенныя духовныя лица, и они-то именно отдались попечительной заботѣ о цѣломъ, явились заступниками общенародныхъ идей и въ самомъ дѣлѣ помогали королю Германцевъ, тогда какъ свѣтскіе герцоги, закоренѣвъ въ наслѣдственныхъ своихъ земляхъ, преимущественно имѣли въ виду частные ихъ интересы. Хотя, вмѣстѣ съ Гизебрехтомъ, мы готовы назвать фантастическимъ тотъ взглядъ, будто епископскій посохъ создалъ единство германскаго народа, такъ-какъ оно создано мечомъ и умомъ; не льзя однако отрицать, что въ эту пору церковно-латинскаго образованія характеръ его носила на себѣ и вся имперская справа, что вліятельнѣйшими сановниками имперіи были именно ученые епископы, которые съ тѣмъ вмѣстѣ держали въ лэнѣ отъ короля * какое-нибудь свѣтское княжество. Пора такъ и вѣяла религіозностью, самъ Оттонъ былъ полонъ серьёзнаго благочестья; онъ укрѣплялся молитвою идучи на бой, и побѣду на Лехскомъ полѣ (противъ Венгровъ) помогъ ему одержать съ мечомъ въ рукѣ самолично аугсбургскій епископъ.

Сблизясь такимъ образомъ съ Церковью, Оттонъ, великій подобно Карлу замыслами и энергіей, хотѣлъ возобновить по его примѣру союзъ Германіи

---

* Императоръ назывался по старогермански „королемъ“, пока не принималъ отъ папы короны римскаго императора. Прим. перев.

съ Италіей и возложить себѣ на голову римско-императорскую корону. Раздробъ, къ какому пришла западная Европа какъ въ цѣломъ составѣ своемъ, такъ и въ разныхъ краяхъ, далъ Арабамъ, Венграмъ и Славянамъ-язычникамъ возможность со всѣхъ сторонъ тѣснить германо-романскій міръ разбойными набѣгами и завоеваніями; народъ приписывалъ напасть безимперству, и хотя папы въ сущности играли только тѣнями, онъ тѣмъ не менѣе славилъ въ пѣсняхъ «императора» Карла Великаго, жилъ воспоминаніями о немъ и надеждами подобныхъ же дней въ будущемъ. Пуще всѣхъ другихъ земель разстроена была Италія. Важнымъ культурнымъ преимуществомъ было то, что даже и подъ рукой Лонгобардовъ городская жизнь тамъ уцѣлѣла, но при франкскомъ владычествѣ пустилъ въ краѣ корни феодальный порядокъ, и съ тѣхъ поръ чѣмъ менѣе оберегалъ простолюдиновъ король, тѣмъ жесточе угнетали ихъ сильные вассалы, такъ что они поневолѣ искали защиты у Церкви и ея представителей. Такимъ образомъ въ 9-мъ вѣкѣ множество ихъ перешло въ оброчники къ епископамъ и монастырямъ, а сами духовныя власти оборонялись отъ свѣтскихъ баръ вооруженными дружинами, или же покупали себѣ помощь одного барона противъ другого. Священство совершенно втягивалось въ чувственно-разгульный побытъ послѣднихъ; епископъ, отслуживъ обѣдню въ шпорахъ и съ кинжаломъ за́ поясомъ, скакалъ прямо изъ церкви на соколиную охоту, а затѣмъ послѣ сытной и пьяной трапезы отдыхалъ въ объятіяхъ безпутницъ. Въ ту пору не только что буйные мужщины, но и красивыя, дико-развратныя женщины распоряжались папскимъ престоломъ и хозяйничали въ Римѣ, — женщины вродѣ сладострастныхъ, честолюбивыхъ, смѣлыхъ и даже искусныхъ на власть, Теодоры и Мароціи. Повидимому, впечатлѣніе, оставленное ихъ господствомъ, и было главнымъ поводомъ къ тому, что Средній Вѣкъ придалъ въ преемники папѣ Льву IV-му женщину, баснословную паписсу Іоанну. Прекрасная англосаксонка, воспитанная въ Майнцѣ, полюбилась она одному изъ тамошнихъ школьниковъ, была подъ монашескимъ клобукомъ увезена имъ въ Фульду, изучила, говорятъ, тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ отросли человѣческаго знанія, посѣщала за тѣмъ высшую философскую школу въ Аѳинахъ и наконецъ получила профессуру въ Римѣ. Всѣхъ плѣняла она чарами своей личности и остроумной своей рѣчи, такъ что кардиналы не находили ни кого кто бы былъ такъ достоинъ тройственной короны, и вотъ широкая папская мантія прикрыла ея беременность, но на бѣду она вдругъ почувствовала родовыя боли во время самой процессіи, разрѣшилась мальчикомъ и вслѣдъ за тѣмъ умерла. Дёллингеръ находитъ четыре внѣшнихъ повода къ порожденію и размалевкѣ этой басни; но безъ движущей, оживляющей идеи, безъ захвата поэтическимъ замысломъ извѣстной доли исторической правды, которая и явилась тутъ первоначальнымъ зерномъ, едвали бы какой-нибудь древній надгробный камень съ начертаннымъ на немъ троякимъ P (П) объясненъ былъ такъ: Papa pater patrum peperit papissa papellum (Папа патріархъ патріархамъ, паписса породила папченка), едвали бы какая-нибудь фигура въ длинномъ одѣяніи была признана за статую паписсы, едвали бы античное продырявленное сѣдалище, на которое нѣсколько времени садились всѣ новоизбранные папы, да исполнится слово Писанія, что Господь подъемлетъ бѣднаго и́зъ грязи и возводитъ его на престолъ славы, едвали бы сѣдалище это принималось въ томъ смыслѣ, что

на немъ происходило освидѣтельствованіе, дѣйствительно ли мужескаго пола избранное лицо, и едвали наконецъ, въ объясненіе тому, что папскія процессіи всегда обходятъ одинъ тѣсный переулокъ, попали бы на странную мысль, что это дѣлается единственно по причинѣ разрѣшенія въ немъ отъ бремени одной паписсы. Но все это легко могло быть при предварительномъ существованіи готовой мысли, только искавшей себѣ воплощенія, и тотчасъ же пріобрѣтшей вѣру, какъ скоро представились свидѣтельства, за которыя она могла схватиться и удержаться.

До чего Римъ погрязъ и одичалъ въ грубомъ чревоугодіи, властолюбіи и мести, доказываетъ между прочимъ и бывшій тамъ вконцѣ 9 вѣка ужасающій соборъ, который вызвалъ на судъ свой умершаго за восемь передъ тѣмъ мѣсяцевъ папу Формоза, кощунски вырвалъ изъ земли полуистлѣвшее тѣло покойнаго, предъявилъ ему обвинительные пункты, отсѣкъ три благословенные перста и потомъ бросилъ его въ Тибръ.

Распавшуюся Церковь спасли въ 10-мъ вѣкѣ, дѣйствіемъ сверху, германскіе императоры, а дѣйствіемъ снизу спасло ее преобразовательное движеніе, вышедшее преимущественно изъ французскаго монастыря Клюни; благодаря послѣднему, строгая дисциплина бенедиктинскаго ордена была не только возстановлена, но и усилена еще больше, а черезъ это поисправилась жизнь и бѣлаго духовенства, которое, наравнѣ съ чернымъ, поставлено было въ болѣе тѣсную и непосредственную связь съ папою. Въ Италіи томилась въ темницѣ на Гардскомъ озерѣ молодая вдова короля Лотара, за то что не хотѣла отдать руку сыну грознаго насильника Беренгара; молва о ея прелести, о ея злой судьбѣ разнеслась по всему міру и зажгла въ душѣ Оттона рѣшеніе освободить ее силой оружія и добыть себѣ въ супруги. Она уже спаслась чудеснымъ бѣгствомъ изъ заключенія, когда оттоновы посланцы встрѣтили ее съ дарами любви; въ Павіи онъ самъ привѣтствовалъ прекрасную невѣсту и отдалъ ей тамъ руку и свой царскій вѣнецъ. Рѣдкая перемѣна счастія, войны, которыя велись за ея красоту, сдѣлали ее Еленою итальянскихъ сказаній, увившихъ своей плетеницей ея жизнь; когда же Оттонъ заключилъ героиню въ свои объятія, то бракъ ихъ прослылъ символомъ супружества Германіи съ Италіей, союза, который германство заключило съ античнымъ міромъ; и сколько крови, сколько страданій ни пролилось потомъ на этотъ союзъ, все-таки на немъ основанъ, на немъ выросъ новый цвѣтъ искусства и науки. Оттонъ принялъ императорскую корону отъ руки порочнаго юноши (папы Іоанна XII); но впослѣдствіи самъ же онъ предсѣдательствовалъ на соборѣ, осудившемъ этого папу, и постановилъ, что отнынѣ императоръ будетъ утверждать всѣ папскіе выборы. «Когда я прійду молиться ко гробу св. Петра, смотри, такъ и держи свой мечъ надо мною,» сказалъ онъ при въѣздѣ въ Римъ своему оруженосцу; въ гигантской борьбѣ двухъ властей, длившейся цѣлыя столѣтія, духъ наконецъ освободился и остался побѣдителемъ. Правда, что при походахъ своихъ за Альпы ради мнимаго міродержавства, императоры плохо берегли единство Германіи, а между тѣмъ другіе народы далеко опередили Нѣмцевъ въ политическомъ смыслѣ и въ могуществѣ, ограничиваясь своимъ собственнымъ только дѣломъ; но съ точки зрѣнія всеобщей культурной исторіи

тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что не даромъ же и приносили они такія жертвы. Со времени Оттона Великаго мѣсто прежняго разлада и одичанія заступили въ западномъ христіанствѣ порядокъ, укрѣпленье нравовъ, зарождающееся образованіе. Одни Германцы, продолжая римскую имперію, обладали духовной всесторонностью, способной привлечь къ себѣ всѣ возможные умы и основать подобно Эллинамъ какъ бы мастерскую всеобщей культуры. Высокое значеніе, придаваемое государю въ глазахъ народа саномъ императорскимъ, облегчало тогда способы держать въ единеніи разныя племена, подчинять герцоговъ видамъ цѣлаго, а непрерывная связь съ Римомъ постоянно напоминала Германцамъ призваніе исполниться преданій древности, переработать ихъ въ новомъ духѣ и сдѣлать общимъ для всѣхъ добромъ. Италія составляла впрочемъ особое общественное тѣло, и если французскіе короли признавали надъ собой верховное покровительство императора, то личность его въ этомъ случаѣ выигрывала болѣе нежели существовавшая между двумя краями слабая политическая связь.

Оттонъ II обладалъ научнымъ образованіемъ; онъ былъ женатъ на Гречанкѣ *, а сына его, скороспѣлаго, мечтательнаго отрока, Оттона III-го, многоученый епископъ Бернвардъ воспитывалъ просто на диво всему свѣту. Онъ также былъ зеркаломъ средневѣковаго духа и ума, но сравнительно съ своимъ дѣдомъ показалъ можно-сказать оборотную сторону этого великаго образа. Иноземщина слишкомъ пересилила въ немъ германство. Ученый французъ Гербертъ, ознакомившійся у Арабовъ въ Испаніи съ естествовѣдѣніемъ, дотого что его считали чародѣемъ, былъ призванъ раздуть въ пламя искру оттоновой любознательности и говорилъ, что императоръ, родомъ Грекъ, и Римлянинъ по врученной ему судьбой державѣ, видитъ прямое свое наслѣдіе во всѣхъ сокровищахъ древней мудрости. Ослѣпленный той легкостью, съ какою дался ему германскій престолъ, упоенный самыми заносчивыми мечтами о міровомъ своемъ положеніи, хотѣлъ онъ обновить царство древнихъ императоровъ въ самомъ Римѣ, хотѣлъ именно тамъ прочно утвердить свой престолъ. Но онъ колебался между міровладычествомъ и отреченіемъ отъ міра, онъ молился во власяницѣ съ тѣми мистическими отшельниками, которые не переставали обличать передъ нимъ тлѣнность всего земного и вѣчную славу небеснаго, и ходилъ по раззоренному Авентину съ византійскою пышностью въ широкомъ хитонѣ, украшенномъ апокалиптическими изображеніями и знаками зодіака. Когда онъ умеръ 22-хъ лѣтъ, между Римлянами прошла молва, что Стефанія, вдова побѣжденнаго и казненнаго имъ потомъ Кресценція, очаровала его своими прелестями, но въ своихъ же объятіяхъ и умертвила: такъ воплотился въ ней самъ вѣчный городъ, чьи чары дѣйствительно загубили императора. Этотъ метеоръ на высшей ступени человѣческаго величія Грегоровіусъ называетъ вполнѣ естественнымъ явленіемъ ослѣпленнаго солнцемъ и не взвидѣвшаго подъ собой земли, юнца; но образъ геніальнаго, любознательнаго, благочестиваго, восторженнаго ко всему великому мечтателя все-таки стоитъ трогательно-прекраснымъ въ пантеонѣ германскаго народа, какъ Фаэтонъ его исторіи, который палъ

---

* Ѳеофанѣ, дочери византійской императрицы, Ѳеофаны же, отъ Романа II-го.

мертвымъ на берегу Тибра, котораго дикія средневѣковыя былины осыпали цвѣтами поэзіи, котораго слезно оплакалъ родной край и похоронилъ обокъ съ Карломъ Великимъ.

Область за областью уходила изъ-подъ верховной державы императора, но ни въ одной не развилось вскорѣ потомъ благоуспѣшной государственной жизни; напротивъ, вездѣ мы видимъ усобицы мелкихъ владыкъ между собою, и среди необезпеченнаго строя германской имперіи расшатывались и общее благоденствіе, и первые зачатки образованья. Настали черные дни напасти, когда единственнымъ утѣшеніемъ была религія; тутъ не трудно было отрекаться отъ земного міра и исключительно стремиться къ небесамъ, возлагать на себя покаяннические подвиги и картинами невыносимыхъ мукъ доводить свою фантазію до умоизступленныхъ видѣній. Такимъ образомъ, на переходѣ отъ перваго тысячелѣтія ко второму, многіе думали, что насталъ конецъ земному бытію христіанства и близокъ день страшнаго суда; и вотъ на ряду съ чувственнымъ разгуломъ, хотѣвшимъ быстро испить до дна всю чашу сладострастія, видимъ мы отшельническое покаянство, рѣшившееся заранѣе уйдти отъ міра и совершенно изготовиться къ небесамъ. Такъ, напримѣръ, Нилъ жилъ въ Калабріи, такъ Ромуальдъ жилъ въ Равеннѣ, по образцу прigангскихъ брахмановъ, почерпая изъ углубленія въ божественное ту силу, съ какою воодушевляли они своихъ учениковъ и увѣщевали не только что народъ, но и сильныхъ міра, обратиться и войдти внутрь самихъ себя. Эта черта времени отразилась въ былинѣ объ Алексѣѣ Римлянинѣ, которую воспѣли и германскіе поэты. Вечеромъ въ день своего брака, знатный этотъ юноша указываетъ молодой на мерцаніе свѣчки; такъ говоритъ онъ ей, изводится и вся радость земная, оттого онъ рѣшился искать небесныхъ благъ; онъ разстается съ новобрачною и уходитъ въ пустыню. На родину возвращается онъ потомъ нищенкой и лежитъ неузнанный 17 лѣтъ подъ лѣстницей отчаго чертога, питаясь какъ собака вмѣстѣ съ собаками, попираясь ногами буйныхъ слугъ; но вотъ умираетъ онъ, и колокола вдругъ заблаговѣстили всѣ сами собою, — тутъ ужь Римъ неволей призналъ въ немъ святого угодника.

Такое настроеніе разумѣется обращалось на пользу Церкви, пріобрѣтавшей болѣе и болѣе дѣйствительнаго могущества; тогда какъ, напротивъ, императорская власть, по мѣрѣ усиленія отдѣльныхъ націй, становилась все болѣе идеальною мечтой въ своемъ мнимомъ наобольшенствѣ надъ государствами. Въ то время какъ вокругъ расцвѣтали и падали свѣтскія державы, смѣнялись разныя династіи владыкъ, на святой престолъ часто восходили политически-смѣлые и расчетливые люди, умѣвшие отстоять за нимъ значеніе незыблемаго средоточія для всего западнаго христіанства. Отъ грозившаго ему послѣ Оттоновъ новаго упадка спасъ дѣло церкви водвореніемъ нѣмецкихъ папъ богобоязливый и твердый духомъ императоръ Генрихъ III, и тогда могущество ихъ поднялось вдругъ такъ быстро и сильно, что обратилось въ пагубу сыну этого государя. Послѣ того какъ на престолъ св. Петра сѣлъ одинъ незаконнорожденный и продалъ его вслѣдъ за тѣмъ цѣною золота, изъ мрака исторіи вынырнулъ молодой и смѣлый монахъ, который, пробывъ при шести сряду папахъ первымъ министромъ,

самъ сдѣлался потомъ папою: это былъ сынъ столяра, Гильдебрандъ, родомъ изъ Ломбардіи, геній-организаторъ вродѣ Кромвеля, подобно ему укрѣплявшій и освящавшій себя молитвою на реалистически-ясную работу каждаго божія дня, Цезарь христіанскаго Рима, основавшій духовное міровладычество. Подъ именемъ Григорія VII-го, онъ на дѣлѣ осуществилъ то, что̀ въ каролингское еще время предначертали ложноисидоровскія декреталіи, поставившія власть папъ выше царской и соборной и приписавшія Риму церковное диктаторство. Путь ему былъ подготовленъ преобразовательными стремленіями, вышедшими изъ Клюни; онъ двинулъ съ собою въ поле нравственныя идеи, и этимъ не только что добылъ, но и заслужилъ могущество. Въ то время какъ онъ настаивалъ извнѣ на желѣзно-строгомъ благочиніи, руководимый его же внушеньями монахъ Петръ Даміани воспламенялъ мистическимъ пыломъ самую глубину сердецъ; это былъ сладкозвучный голосъ тѣхъ отшельниковъ, которые подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ призывали къ покаянію и, истязая свою плоть, подавали первый примѣръ непорочной жизни и строжайшей воздержности. Такимъ образомъ устранена была симонія, то-есть купля и продажа духовныхъ должностей, и въ то же время учреждена въ видѣ сената кардинальская коллегія, которой исключительно предоставленъ выборъ папъ. Священникамъ запрещено было жить съ наложницами, чьихъ дѣтей опредѣляли они потомъ по наслѣдству на приходы и обогащали все церковнымъ же опять добромъ. Но въ борьбѣ съ безнравственностью и распутствомъ Гильдебрандъ зашелъ такъ далеко, что пресѣкъ духовенству возможность всѣхъ семейныхъ связей и, предписавъ ему безбрачіе, хотѣлъ обратить его этимъ во всегда готовое къ бою войско на службу папъ. По мысли его вся власть должна была сосредоточиваться въ рукѣ папы и дѣйствовать на благо и спасеніе человѣчества. Основываясь на томъ, что Христосъ — Господь міра, онъ постановилъ правиломъ, что государи получаютъ земли свои въ лэнъ отъ христова намѣстника, и Церковь считалъ царствомъ божіимъ, все лелѣющимъ и воздѣлывающимъ подъ урядительной своей властью.

Феодализмъ и безъ того уже спуталъ предѣлы духовнаго и свѣтскаго вѣдомствъ: епископы держали въ лэнъ отъ свѣтскихъ владыкъ помѣстья, управленіе городами и провинціями, а потому и вошло въ обычай, что передъ духовнымъ посвященіемъ государи утверждали ихъ предварительно въ епископскомъ достоинствѣ, вручая имъ перстень и посохъ *. Гильдебрандъ запретилъ пріемъ духовныхъ должностей отъ государей. Но не хотѣлъ также и того, что̀ въ дальнѣйшемъ ходѣ безконечнаго спора за инвеституру предложилъ однажды папа Пасхалій: — чтобы епископы возвратили казнѣ коронныя помѣстья и жили одною церковной десятиною, чѣмъ государство и Церковь вполнѣ освободились бы отъ взаимно-связывающихъ отношеній; онъ не хотѣлъ, чтобы священство, какъ въ апостольскія времена, жило въ бѣдности одной чисто-духовной жизнью, а настаивалъ на обезпеченіи его мірскимъ имуществомъ, но съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ феодальной системы и съ подчиненіемъ одному папѣ исключительно. Послѣ долгихъ препира-

* Что̀ называлось инвеститурой.

тельствъ поладили наконецъ на томъ, что напередъ Церковь избирала епископа, а за тѣмъ уже жаловало его лэнами государство. Григорій VII самъ создалъ для папъ небывалую прежде Церковную Область, благодаря наслѣдію полученному имъ отъ Матильды, геніальной графини Тосканской, которая усердно помогала ему во всемъ, руководясь чувствомъ сердечной дружбы и искренно вѣря въ идеалъ своего союзника.

Человѣкъ катилининскаго разбора, Ценцій, бросился на папу въ сочельникъ 1075-года, оттащилъ его за́ волосы отъ алтаря и заперъ въ темницу; избитый, одинокій, поруганный, Григорій оставался непоколебимъ, пока народъ не освободилъ его: такъ-то одинъ буйный развратникъ могъ тогда опустошать Церковную Область и овладѣть носителемъ верховнаго идеальнаго могущества, передъ которымъ трепетала Европа, передъ которымъ падали во прахъ короли, и самъ императоръ явился во власяницѣ покаянника. Какъ молнія зажгла все западное христіанство пожаромъ его анаѳема Генриху IV-му, и съѣздъ государей въ Требурѣ призналъ за нимъ право разрѣшать народъ отъ повиновенія всѣмъ свѣтскимъ властямъ. Но и въ борьбѣ съ Генрихомъ за Григоріемъ было вначалѣ нравственное право. Не даромъ онъ разломилъ на двое частицу св. Даровъ, съ тѣмъ чтобы тутъ же принять половину ея, которая должна мгновенно лишить его жизни, если онъ виновенъ въ томъ, что́ взводитъ на него императоръ, а другую половину подалъ на судъ божій Генриху, который не рѣшился однакожь ея коснуться. Но впослѣдствіи императоръ ободрился наконецъ среди глубочайшаго униженія, и когда мы видимъ что благородная Берта съ трогательной вѣрностью сопровождаетъ зимой за Альпы своего кающагося, но нѣкогда отвергшаго ее супруга, мы разгадываемъ въ ней первообразъ того, что́ былина воспѣвала потомъ о преданной любви Гризельды. Мы удивляемся нравственной мощи, съ какою Григорій одолѣлъ и уничижилъ императора; когда же онъ взываетъ при этомъ къ апостоламъ, да докажутъ они на дѣлѣ, что они не только властны вязать и рѣшить на небѣ, но давать и отнимать царства на землѣ, то конечно порывъ страсти занесъ и увлекъ его слишкомъ уже далеко. Онъ сохранилъ непоколебимое спокойствіе даже и тогда, когда Генрихъ осаждалъ его послѣ въ гробницѣ Адріана, и Римляне обвели твердыню эту стѣной, чтобы уморить папу голодомъ; когда Норманнъ Гвискардъ освободилъ его за тѣмъ съ полчищами Сарацыновъ, онъ увидѣлъ передъ собой пылающій Римъ, откуда и его самого выгнали неистовства его избавителей. Грегоровіусъ уподобляетъ его въ этомъ случаѣ Наполеону въ Москвѣ и присовокупляетъ: Печальный переѣздъ его на Монте Кассино и въ Салерно, куда отправился онъ съ тѣмъ, чтобы питаться изгнанничьимъ хлѣбомъ изъ рукъ друга своего, Дезидерія, полагаетъ возвышенной драмѣ его жизни трагическій конецъ, гдѣ пришизительница крайняго насилія, вѣчная справедливость торжествуетъ такъ же достославно и вполнѣ какъ и въ смерти Наполеона на островѣ св. Елены; каждый философскій умъ охотно и долго призадумается на такомъ явленіи. Однакожь умирающій папа въ правѣ былъ сказать: «За то что любилъ правду и кривды ненавидѣлъ, умираю я въ изгнаніи». Но его страшный боевой кликъ: проклятъ, кто удержитъ мечъ отъ крови! доказываетъ, что борьбой противъ свѣтской тиранніи онъ только хотѣлъ учредить тираннію духовную, что онъ, хотя и необыкновенно могучій духомъ,

хотя и желѣзный характеромъ, стоитъ въ ряду деспотовъ, а не мудрецовъ, не тѣхъ благодѣтелей человѣчества, которыхъ память облагороживаетъ и возвышаетъ сердце. Оттого исторія и не подтвердила его идеала, іерархіи, тогда какъ Евангеліе стоитъ неколебимо до сихъ поръ. Заключимъ словами историка средневѣковаго Рима (Грегоровіуса): «Григорій былъ героемъ царства священниковъ, неимѣвшихъ въ рукѣ ни какого иного оружія кромѣ креста, благословенія и проклятья; можно порицать его или, пожалуй, ненавидѣть, но оно останется удивительнѣе всѣхъ царствъ, основанныхъ римскими или азіатскими завоевателями. Мысль его, правда, обнимала цѣлое человѣчество какъ единую Церковь, но все же однако только еще въ видѣ папской монархіи. Идея — поставить передъ грѣховнымъ міромъ лицо смертнаго въ образѣ богоподобнаго существа, съ ключомъ неба и ада въ рукѣ его, и покорить этому апостолу смиренія, но тутъ же и намѣстнику божію, всѣ царства земныя,—идея это такъ странна и вмѣстѣ такъ чудовищна, что она будетъ возбуждать удивленіе даже и позднѣйшихъ еще потомковъ. Она была глубокомысленно-мистической грезою эпохи страшныхъ насилій, когда человѣчество, не раздвоенное еще внутри познаніемъ, но полное дѣтской, вѣрующей преданности, хотѣло имѣть передъ глазами вѣчное начало добра воплощеннымъ въ одномъ лицѣ, всегда для всѣхъ отрадно видимомъ и доступномъ. Перенесеніе всякой власти нравственно вязать и рѣшить на одного человѣка есть можетъ-быть изумительнѣйшій изо всѣхъ фактовъ исторіи; но онъ становится объяснимъ, когда знаешь, что Церковь долго была высшею страстью, священнѣйшею мощью, всеобщею идеей человѣчества. Единственно лишь изъ ея рога изобилія лилось все глубочайшее въ вѣрѣ и знаніи, вытекали всякая гармонія и красота, небесное и земное счастіе сердца. Только послѣ той многосложной борьбы, которая началась Григоріемъ VII-мъ, зацвѣло наконецъ понемногу и мірское дѣло.»

Такимъ образомъ жизнь этого перваго періода Среднихъ Вѣковъ носитъ на себѣ крупныя, дебелыя черты, богатырскій пошибъ. Духъ цѣлаго царитъ властно надъ индивидуальными стремленьями, и неволей увлекаетъ ихъ въ свои пути; а между тѣмъ характеры полны несокрушимой, даже грубой и порывистой силы, какъ въ ненависти, такъ равно и въ любви. Римская церковь, характеръ и свобода Германцевъ испытываютъ другъ на другѣ свою мощь въ чудовищномъ можно-сказать противоборствѣ. Простой еще тогда домашній бытъ отличался суровымъ неудобствомъ; Даміани могъ рѣшительно порицать ту венеціанскую догессу, которая вмѣсто того чтобъ брать кушанье прямо руками, пользовалась при этомъ золотою вилкою. Въ одеждѣ видимъ мы сліяніе римской опоясанной туники съ кожаными панцыремъ, штанами и сапогами Кельтовъ и Германцевъ. Связь съ Византіей повела знать къ дворскому великолѣпію. Всадники заняли оттуда кольчужную и чешуйчатую броню, подъ которой носили мягкій подлатникъ, на голову надѣвали желѣзную шапку, а вооружались длиннымъ мечомъ и круглымъ щитомъ. Одежда духовныхъ отличалась неуклюжестью покроя и пестротой украшенія.

Что не императоръ, а папа осуществилъ и руководилъ великое предпріятіе крестоваго похода, по мысли Григорія, — показываетъ намъ, до какой

степени всякое верховодство принадлежало тогда Церкви. Она открывала дарованіямъ на службѣ своей всѣ пути, не различая сословій; она была прибѣжищемъ утѣсненныхъ, пріютомъ для утомленныхъ жизнію, пѣстунницей образованія; она берегла и техническія преданія, и науку древности; она единила общей связью всѣ народы. Вотъ почему она стояла во главѣ времени и справедливо преобладала вплоть до 12-го вѣка включительно, при чемъ мы не допускаемъ строгаго дѣленья по годамъ, особенно имѣя въ виду разсмотрѣть въ цѣлости весь художественный періодъ романскаго стиля.

РОМАНСКІЙ СТИЛЬ ВЪ ЗОДЧЕСТВѢ И ВАЯНІИ.

А. Архитектура.

Въ эпоху задушевнаго чувства, по самому ея понятію, среди изобразительныхъ искусствъ должна первенствовать живопись: въ лицѣ Микель Анджело, Рафаэля, Тиціана живопись и достигаетъ такой законченности, которая ставитъ ее на ряду съ эллинскою пластикой, да она господствуетъ, она услаждаетъ и внѣ Италіи, благодаря ванъ-Эйку, Дюреру, Гольбейну, Рубенсу и Мурильіо, вплоть до 17-го вѣка. Собственно въ Средніе Вѣка зарождается и ростетъ она медленно, такъ-какъ не дозрѣла еще свобода внутренняго чувства, знаніе природы развилось еще недостаточно; а потому естественно и тутъ впереди выступаетъ архитектура, съ тѣмъ чтобы дать общее символическое выраженіе и главнымъ направленьямъ времени, и духу народовъ, прежде нежели дойдетъ очередь до выраженія индивидуальной жизни и ея чувствъ; тѣмъ не менѣе мы ужь подмѣчаемъ живописный пошибъ въ богатствѣ подробностей, въ образованіи группъ, въ перспективныхъ внутреннихъ видахъ и въ очаровательномъ полусвѣтѣ, порождаемомъ расписными окнами, равно какъ и въ томъ глубокомъ смиреніи передъ верховной мощью, или въ томъ жаждущемъ стремленіи къ ней, какими одушевлены изваянья, и которыя такъ отличны отъ пластической ясности и самодовлѣющей возвышенности одиночныхъ фигуръ въ антикахъ. Храмъ Эллиновъ представляетъ немногія замкнутыя въ себѣ образцовыя формы, а средневѣковье развертываетъ начала романскаго и готическаго стиля въ едва обозримомъ изобиліи своеобразныхъ построекъ на новый всегда ладъ, и во многихъ изъ нихъ предстаетъ намъ наглядно постепенный ростъ самой исторіи архитектуры. Глубокое чувство мистики соединяется здѣсь съ порозняющей и логически сцѣпляющей потомъ остротой схоластическаго смысла, а могучая борьба

вѣковъ сама собой затягиваетъ въ этотъ кругъ лучшія художественныя силы и обращаетъ различныя племена въ сотрудниковъ надъ однимъ общимъ имъ дѣломъ, — дѣломъ всемірноисторическаго величія.

Средневѣковое зодчество развилось въ двухъ разныхъ видахъ, изъ которыхъ одинъ порожденъ другимъ среди общаго поворота жизни, наставшаго вслѣдъ за крестовыми походами; но пользовались ими не преемственно въ полномъ смыслѣ слова, а отчасти и бокъ-обокъ, одновременно; потомучто романскій стиль не только что носитъ явный пошибъ іератической строгости, а готическій не только отражаетъ въ себѣ блескъ свѣтско-рыцарскаго быта, но оба притомъ, опираясь на общую имъ основу чувства христіанскаго, служатъ одной и той же цѣли, и какъ первый (при всей простотѣ своей) не лишенъ извѣстнаго убранства, такъ точно и второй (при всей своей затѣйливости) не лишенъ строгозаконнаго и вальяжнаго даже склада. Переходный, сдѣлочный такъсказать характеръ Среднихъ Вѣковъ, порождающій конечно своеобразныя свои формы, ни гдѣ не проявляется такъ прекрасно какъ именно здѣсь, когда новый германскій духъ овладѣваетъ античнымъ преданіемъ и переработываетъ его посвоему, когда расчлененіе внутренняго пространства впродоль съ цѣлію устроить въ базиликѣ алтарь и при томъ явные однакожь виды на центральность византійской куполистой постройки сливаются въ одно органическое единство, а противоположность силы и гнета примиряется въ остродужномъ сводѣ, который въ самомъ соединяющемъ и поддерживаемомъ столпами покрытіи какъ бы продолжаетъ еще стремленіе послѣднихъ въ высоту. При всемъ обильномъ разнообразіи такихъ построекъ мы можемъ принять за основную схему плана ихъ—латинскій крестъ, который получимъ изъ равноконечнаго греческаго, когда вокругъ срединнаго квадрата размѣстимъ четыре другихъ, и передній изъ нихъ повторимъ нѣсколько разъ сряду. Къ происшедшей такимъ образомъ у самаго входа продольной сѣни примыкаютъ боковые корабли, и она представляетъ теперь древнюю базилику, но ведетъ уже къ срединному квадрату, развертывающемуся справа и слѣва въ поперечные корабли и продолжающему свое первоначальное движеніе также еще далѣе и впродоль, пока оно не достигнетъ своего замка въ полукружной нишѣ, апсидѣ. Если середнее пространство вдвое выше боковыхъ, и если куполъ или башня возносятся надъ самымъ средоточіемъ, то все же съ наружной стороны подъемъ отъ земли къ небу еще рѣшительнѣе обозначенъ тѣмъ, что колокольня помѣщается уже не возлѣ церкви, а ставится прямо передъ ея фасадомъ, такъ что или одна только башня высится передъ срединой храма надъ порталомъ, или же двѣ башни передъ боковыми кораблями, величаво обрамливаютъ и входъ и щипецъ середняго корабля, возносясь высоко даже надъ послѣднимъ.

Какъ въ романскихъ языкахъ римскій матерьялъ словъ получаетъ свои погибы и связензводы отъ духовнаго склада новыхъ народовъ, такъ очень мѣтко назвали романскимъ и тотъ архитектурный стиль, который беретъ на первыхъ порахъ древнее преданіе, чтобы на немъ развить свое собственное существо; и дѣлается это не съ яснымъ сознаніемъ какого-нибуль идеала, а по темному влеченію фантазіи, которая стремится съ простодушной силою утолить жажду чувства, удовлетворить потребностямъ богослуженія, выполнить условія даннаго матерьяла, и путемъ свѣжихъ всегда оборотовъ и видообразованій

создаетъ постепенно съ многоразличнѣйшихъ сторонъ великолѣпное цѣлое, какъ бы органическое въ своемъ ростѣ. Живое въ Германцахъ чувство личной самостоятельности ни гдѣ не хочетъ чистаго лишь повторенія, вездѣ требуетъ оно новыхъ опять сочетаній насущныхъ элементовъ, своеобразнаго творчества если не въ конструкціи, такъ по крайней мѣрѣ въ убранствѣ; и потому-то на общей всѣмъ христіанской основѣ мы видимъ отпечатокъ народныхъ, даже въ главныхъ чертахъ — племенныхъ характеровъ, тогда какъ съ другой стороны любое произведеніе выходитъ въ то же самое время и индивидуальнымъ. Если уже и базилика располагала передъ полукруглой нишей клиросное пространство *, пуская его во всю вышину середняго корабля, то крестовая форма плана получалась теперь благодаря тому, что передъ нишей выдвигали еще одинъ квадратъ, равный съ среднимъ кораблемъ шириною, такъ что послѣдній протягивался стало-быть вдоль за крайнюю черту боковыхъ сѣней. Клиросъ же подвышали на нѣсколько ступень отъ полу противъ всего остальнаго пространства, а подъ клиросомъ устроивали могильную церковь или крипту, гдѣ надъ мощами мучениковъ совершались молебны и гдѣ находили себѣ мрачный пріютъ гробы духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ; въ то же время сильно-подвышенное пространство клироса указывало на раздѣленіе духовенства отъ міранъ и на преобладающее значенье перваго. Но тутъ проявлялся не одинъ только іерархическій порядокъ той эпохи: народу съ отведенной ему равнины символически открывался двоякій путь, — ввысь, то-есть къ жизни и свѣту, и внизъ, то-есть въ темную глубину и смерть.

Гдѣ колоннъ нельзя было добыть изъ античныхъ зданій, гдѣ вообще трудно было ихъ имѣть, тамъ естественно пришли къ мысли разбивать ихъ гораздо просторнѣе, или же замѣнять крѣпкими столпами каменной кладки, которые, соединяясь арками, расширялись потомъ въ сплошное верхостѣнье. Нѣчто совсѣмъ новое возникало въ томъ случаѣ, когда между двухъ могучихъ столповъ ставили тонкую колонну, и подъ связывающею первые большою аркой примыкали къ нимъ эту колонну двумя арками поменѣе. Этимъ нарушалось уже античное равенство однорядныхъ членовъ и замѣнялось началомъ симметріи, группы, живописной смѣнной череды. Далѣе стали соединять колонны и столпы какъ бы въ общіе полнозвучные аккорды (опять-таки по новому началу живописной группировки): стесывали ребра или канты столповъ и углубляли ихъ узкими желобками, а въ этихъ углубленіяхъ или же по самой серединѣ столповаго фаса пускали тонкія полуколонки; такимъ образомъ получалась цѣлая группа, — изъ столповаго кряжа или ядра, убраннаго колонками, гдѣ угловатое пріятно чередовалось съ округлымъ. Въ то же время и у междустолпныхъ арокъ стали скрадывать острыя ребра, обращая ихъ въ выступной валикъ, который продолжалъ собой нарядную полуколонку столпа и возводилъ ее также на степень носительницы, опоры: отсюда выходилъ уже не пустой орнаментъ, а являлись служебные строевые члены въ приглядномъ видообразованіи. При этомъ подножіе (база) ко-

---

* См. Примѣчаніе на стран. 186.

лонн, соотвѣтственно верховому направленію цѣлой группы, дѣлалось круче, и богаче убиралось, переходъ отъ четыреугольной нижней плиты къ округлости смягчался по угламъ листвою или клубовидными, луковичными образованіями, а навершье (капитель) получало такую форму, которая для поддужнаго своего положенія (подъ арками) столько же классична, какъ и древне-дорійская для поддержки (горизонтальнаго) архитрава. Теперь дѣло ужь не въ томъ, чтобы осадить колонну гнетущей тяжестью въ самоё себя и этимъ завершить ее, замкнуть, а напротивъ въ томъ, чтобы энергическимъ поворотомъ наглядно выразить, какое новое направленіе приняла она въ своемъ собственномъ развитіи: для этого подъ квадратъ арочной площади закладывали всегда кубъ, но округляли его книзу такъ, чтобы онъ кругообразно налегалъ на шейку колонны; а четыре стороны подъ верхнею плитой (абакой) разгораживали исходящими отъ нея полукружными площадками, дававшими просторъ для скульптурныхъ украшеній. Орнаментъ часто обхватываетъ всю капитель вѣтками и листвою; но и тутъ всегда видно, какъ изъ самой шейки колонны упругая, эластическая линія переходитъ въ погибъ арочной дуги. Другія капители, цвѣточашечной и колокольчатой формы, напоминаютъ собой видоизмѣненную коринскую. Освободившись изъ-подъ общаго, всеуравнивающаго архитрава, колонны становятся гораздо самобытнѣе, и потому могутъ быть индивидуализованы различнымъ убранствомъ: кажется, будто любой изъ сотрудниковъ постройки хотѣлъ въ предѣлахъ одной общей коренной схемы показать въ свою очередь особенность своей фантазіи и своей ваяющей руки. Все прекрасное (говоря вообще) есть единство въ разнообразіи; но въ антикѣ преобладало единство, а теперь преобладаетъ разнообразіе; это примѣнимо и къ архитектурѣ, и къ драмамъ Шекспира, къ эпосу и Вольфрама и Аріоста: вездѣ живописное обиліе перевѣшиваетъ пластическую ясность.

Вначалѣ поверхъ арокъ средняго корабля тянется еще карнизъ съ чередовой смѣною прямыхъ и кривыхъ профильныхъ линій, спусковъ; надъ нимъ верхостѣнье этого корабля пробито окнами, а еще выше стелется, пригнетая цѣлое, горизонтальный потолокъ, какъ бы простертый надъ разновидной жизнію народовъ неуклонный законъ высшаго могущества. По впослѣдствіи романскій стиль завершается сводчатою покрышей. Повидимому въ 11-мъ столѣтіи стремленіе къ нему одновременно пробудилось и развилось на среднемъ Рейнѣ, въ Ломбардіи и въ Нормандіи. Клали полукружіемъ одинъ каменный вѣнецъ къ другому и такимъ образомъ соединяли между собой стѣны коробовымъ сводомъ, а не то—вели арки отъ столповъ, обозначавшихъ углы квадрата, впередъ, вправо и влѣво, и сооружали крестовый сводъ именно тѣмъ, что пускали обѣ діагонали пересѣчными же дугами, арками. Потолокъ дѣлился вслѣдствіе того на четыре сферическихъ треугольника, которые смыкались въ вершинѣ, или, что́ все равно, развертывались изъ одного общаго средоточія. Онъ стало-быть покоился на столпахъ и выросталъ изъ нихъ комля какъ верхушка дерева, а отъ столпа къ столпу шли арки или дуги, взаимно поддерживавшія другъ друга сильнымъ напряженіемъ; «это, говоритъ Шназе, «такое же безконечное движеніе, какъ движенье, отражающагося со всѣхъ «сторонъ и однакожь пребывающаго въ спокойномъ единствѣ, свѣта, какъ

«движенье крови, оживляющей тѣло безпрерывнымъ своимъ кругообращені-«емъ.» Все сооруженіе представляется внутри системой квадратныхъ, стройно восходящихъ вверхъ пространствъ, изъ которыхъ куполъ надъ средокрестнымъ квадратомъ высится башнеобразно и разливаетъ свѣтъ донизу. Какъ не гнетущій уже болѣе, а самоподдерживающійся, парящій потолокъ правильно расчлененъ крестовымъ сводомъ, то опорные столпы тѣмъ яснѣе обозначаютъ теперь квадраты въ планѣ средняго пространства. Они допускаютъ въ промежутки свои другія еще колонны или столпы, которыми вполовину менѣе широкій боковой корабль также разбивается въ квадраты которые соединены между собой круглыми арками; на нихъ оперто верхостѣнье средняго корабля, расчлененное, кромѣ главныхъ столповъ, еще и группами оконъ. Подъ оплечіями сводовъ къ столпамъ приставлены полуколонны, соединенныя съ ними капителями; планъ столпа представляется поэтому звѣздообразнымъ, вродѣ креста съ округленными вѣтвями и заполняющими промежутки ихъ уступчатыми стрѣлками, а крестовый сводъ, средній и боковой корабль развертываются изъ его полуколоннъ, такъ что въ немъ заготовь видны всѣ главныя пропорціи постройки, какъ въ членѣ всякаго живого организма заранѣе просвѣчиваетъ цѣлый его складъ. Въ противень столпу дается и стѣнѣ нарочито усиленный выступъ посредствомъ лопатокъ (плоскихъ пилястръ) или же полуколоннъ, которыми обрамливаются оконныя отверстія. И эта ясная связность цѣлаго, выдерживаемая и въ повторяющихся симметрическихъ группахъ, овозможиваетъ то преимущество, что къ первичной схемѣ основного плана удобно примыкаютъ многоразличныя сооруженія, вызываемыя индѣ потребностями богомольцевъ, индѣ богатствомъ художнической фантазіи. Такъ, и каждому изъ боковыхъ кораблей придается иногда по апсидѣ, каждому изъ поперечныхъ крыльевъ (клироса) — по входной двери, а не то — по полукружной оградѣ; мѣстами располагаются вокругъ чисовни, или къ подвышенному клиросу западной части храма присоединяется въ восточной части такой же другой, такъ что все вмѣстѣ представляетъ видъ какъ бы двухъ церквей, симметрически сдвинутыхъ своими порталами, при чемъ только вынуты самыя двери.

Снаружи зданіе покоится на подводкѣ (базаментѣ), которую, какъ подстолбіе іонійской колонны, охотно образуютъ изъ цѣлаго ряда чередующихся гуськовъ, валиковъ и острыхъ граней, и какъ само оно уходитъ извнѣ внутрь, такъ, въ симметрическій этому противень, получаетъ поверху выступающій изнутри наружу карнизъ, подобнаго же образованія. Крыша боковыхъ пряслъ обозначаетъ высоту ихъ, и примыкаетъ подъ окнами къ середнему кораблю зданія. Стѣнной площади дается парящее вверхъ расчлененіе посредствомъ отвѣчающихъ нутренымъ столпамъ плоскихъ пилястровъ, лопатокъ или лизенъ, которыя обрамливаютъ кстати окна и соединяются вверху дужчатымъ фризомъ, напоминающимъ и здѣсь алтарный полукругъ со сводчатымъ его покрытіемъ. На самыхъ знаменательныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ вокругъ клиросной ниши, а иногда и вкругъ цѣлаго зданія, кровельный карнизъ поддерживается легкими колончатыми аркадами. Благодаря этому стѣна, не служа здѣсь болѣе устоемъ ни какому своду, является и навидъ свободною отъ всякаго нагнетенія; арки же, которыми соединены колонны и поддерживается кар-

низъ, ясно выступаютъ жизненнымъ (органическимъ) элементомъ цѣлаго. Окна также замыкаются вверху полукружіемъ и часто обстанавливаются арками на калоннахъ; иногда лизены подкрѣпляются и украшаются тонкими колонками. Со входной стороны внутренность открывается порталомъ, который, нѣсколько выступая наружу, какъ бы самъ приглашаетъ васъ войдти; бока его (или боковыя стѣнки) чередою граней и колоннъ отвѣчаютъ расчлененію внутреннихъ столповъ храма, и какъ сводъ соединяетъ послѣдніе, такъ точно и эти бока связываются полукружнымъ вѣнцомъ или перемычкой, представляющими продолженіе той же обильной смѣны остроугольныхъ и круглыхъ формъ, какая началась снизу. Выступными карнизами, аркадами, группами оконъ расчленена вся лицевая сторона зданія по самый щипецъ; всего красивѣе тутъ круглая большая окончатая роза надъ порталомъ, очевидное средоточіе цѣлаго. Но высота послѣдняго завершается только уже въ башняхъ. Или одна башня возводится прямо надъ порталомъ, или двѣ симметрически выступаютъ по его бокамъ, поднимаются стрѣлою вровень со щипцомъ и потомъ сами увѣнчиваются еще острою шпилевою пирамидой. Такъ стоятъ онѣ въ обоюдной связи какъ императоръ на ряду съ папою, соотносясь между собой одинаковымъ расчлененіемъ карнизныхъ спусковъ, оконъ и аркадъ, даже вызывая глазъ къ начертанію себѣ общей вершины ихъ въ выси небесной, черезъ смычку мысленно продолженныхъ туда внѣшнихъ линій обѣихъ башенъ. Также и средній (средокрестный) квадратъ зданія часто снабжался воздымающимся надъ общею крышей окончатымъ осьмиугольнымъ куполообразнымъ фонаремъ, тогда какъ массивная башня пригнетаетъ здѣсь кровлю, словно тяжеловѣсный всадникъ давитъ своимъ грузомъ слишкомъ слабаго по немъ коня; съ другой стороны любили обстанавливать этотъ куполъ по всѣмъ четыремъ угламъ, гдѣ сходятся между собой крылья главнаго корпуса, или по обоимъ угламъ клиросной черты, круглыми или четырехгранными башнями, такъ что живописное впечатлѣніе внѣшности окончательно завершалось башенною системой. Массивно крѣпкіе, какъ надежныя твердыни божіи, стоятъ передъ нами романскіе соборные храмы, истымъ образомъ самой Церкви въ торжественномъ ея величіи и высотѣ.

Вокругъ этихъ крупныхъ и твердыхъ линій, съ ихъ очевидной для всякаго необходимостью, разъигрывается потомъ вольная фантазія пестрымъ изобиліемъ орнаментовъ, рѣдко оттѣняющихъ собой пластически служебную должность убираемыхъ ими строевыхъ частей, а скорѣе заполняющихъ площади, какъ бы за свой собственный счетъ, ритмомъ угловатыхъ и округлыхъ формъ въ видѣ шахматнаго, чешуйчатаго или зигзаговаго узора, окружающихъ капители колоннъ даже фигурами людей и животныхъ, а равно и арабесковымъ сліяніемъ всѣхъ этихъ обликовъ въ смѣси. Здѣсь встрѣчаются иногда цѣлыя неуклюже-выполненныя библейскія сцены между самыхъ чудовидныхъ затѣй и образинъ, тогда какъ мѣстами, и особенно въ растительныхъ украшеніяхъ, хотя стебли ихъ и переходятъ въ обвивающія другъ друга змѣиныя шеи, обнаруживается гораздо болѣе чистое чувство формы вообще. Шназе замѣчаетъ по этому случаю: «Не всегда же вѣдь слышимъ мы «торжественное церковное шествіе и тихую поступь смиреннаго богомольца,—часто раздается медлительный шагъ монаха въ длинной власяницѣ или «рыцаря подъ тяжкою броней. Такъ и въ великолѣпіи церковнаго убран-

«ства не всегда видимъ передъ собой чистое настроеніе хвалебной пѣсни, но «иногда — то дикое умопомраченье изувѣра, то неловкую проказу грубаго «школьника, расшалившагося въ свободный часъ.» Это — молодой народный духъ сѣвера въ естественной своей силѣ, не проникнутой еще ни христіанствомъ, ни культурой древности, нуждающійся еще въ указкѣ, въ руководительствѣ, но уже и стремящійся къ нимъ, самъ того не зная; и чѣмъ чище, чѣмъ органичнѣе вырабатываются архитектурныя произведенія, тѣмъ болѣе проясняется и фантастическое броженіе творческаго смысла, тѣмъ болѣе приходитъ оно къ благородной умѣренности, къ тѣснѣйшему сближенію съ сроднымъ зодчеству языкомъ формъ.

Подобно тому какъ монастыри являлись посреди пустынныхъ полей и лѣсовъ оазисами культуры, какъ, съ другой стороны, въ городахъ духовная іерархія выступала то руководительницей, то сопротивницей государства, такъ же точно присоединялись къ церквамъ жилища священнослужителей, капитульныя храмины, изукрашенные аркадами крытые ходы; все это огораживалось крѣпкою стѣной и образовало въ своей совокупности богатыя и живописныя группы. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ тому образчиковъ и донынѣ сохранился въ Маульброннѣ.

Въ Германіи, романскій стиль начинается въ 10-мъ столѣтіи при императорахъ саксонскаго дома въ Саксоніи и на Гарцѣ, и послѣ первыхъ грубоватыхъ и скудныхъ попытокъ быстро достигаетъ простого, но вполнѣ доброкачественнаго уже склада. Тутъ негдѣ было достать готоваго матерьяла изъ древнихъ построекъ, тутъ работали не имѣя близко подъ рукой ни римскихъ образцовъ, ни античныхъ преданій. Покрытіе оставалось еще прямолинейнымъ и сооружалось изъ дерева, тогда какъ въ другихъ случаяхъ саксонскія деревянныя постройки вообще стали уже замѣняться каменными, и мѣсто колоннъ занимали болѣе объемистые столпы, если не сплошь, то по крайней мѣрѣ въ перемежку. Но столпы никогда не ограничивались простою каменною кладкой, подобіемъ узкаго полотнища стѣны; они снабжались подстолпіемъ и карнизомъ, а по угламъ обыкновенно изложчались или обставлялись тонкими колонками; сначала они увѣнчиваются простой кубовидной капителью, которую вскорѣ потомъ стали уже и орнаментировать. Ясно начертанный крестообразный планъ, серьёзная выработка всей внутренности, безприкрасный еще двухбашенный фасадъ, — все обличаетъ здѣсь простую доброкачественность первоначальнаго ядра, самаго зародыша. Къ церквамъ гернродской, кведлинбургской, госларской, примкнули впослѣдствіи гальберштадтская, гильдесгеймская, геклингенская и многія другія, — каждая своеобразный плодъ, возросшій на древней основѣ, пока наконецъ въ 12-мъ вѣкѣ и въ этихъ мѣстностяхъ не появилось сводчатое покрытіе и не нашло себѣ отличнаго примѣненія въ постройкахъ Кёнигслуттера и Брауншвейга, замѣчательныхъ своимъ уже вполнѣ развитымъ стилемъ.

Прирейнскіе края достигли его въ 11-мъ еще столѣтіи. Тамъ, на единителѣ племенъ, Рейнѣ, германская народная сила шевелилась могущественно и бодро въ городахъ, основанныхъ уже въ римскую эпоху; тамъ, въ

качествѣ свѣтскихъ государей, властвовали епископы; тамъ германскій смыслъ имѣлъ непосредственно передъ глазами античныя формы, навыкалъ употреблять ихъ въ пользу для своихъ собственныхъ цѣлей или научался по нимъ уму-разуму; богатство жизни естественно отражалось тамъ въ томъ живописномъ обиліи, которое перешло теперь въ видѣ блистательной отдѣлки и на внѣшность зданій, тогда какъ, съ другой стороны, нутреные своды завершили вполнѣ выдержанную и ясную связность конструктивнаго организма. Когда средокрестный квадратъ увѣнчался куполомъ, тогда обнаружилось сліяніе центральности, преобладавшей въ византійской архитектурѣ, съ долевымъ по преимуществу расчлененіемъ базилики. Правда, въ 1030-мъ году въ Лимбургѣ на Гардтѣ положено основаніе большой колончатой базиликѣ въ тотъ же самый день, когда происходила закладка шпейерскаго собора, правда что и тамъ и здѣсь колонны одинаково чередовались со столпами: но вскорѣ исключительное господство остается за послѣдними, изъ нихъ развертывается весь сводчатый потолокъ, хотя они и являются еще въ разновидныхъ формахъ, оттого что тѣ, которые богаче расчленены и восходятъ до́ верху середняго пространства, всегда вмѣщаютъ въ своемъ промежуткѣ другой столпъ, котораго арками поддерживается или даже еще и увѣнчивается окончатое верхостѣнье. Тутъ прежде всего заслуживаютъ вниманіе Шпейеръ, Вормсъ и Лаахъ. Когда въ 1009-мъ году выгорѣла въ Майнцѣ только-что освященная церковь, какъ было не позаботиться о томъ, чтобы обезпечить себя отъ огня устраненіемъ плоской деревянной покрышки? Новый соборъ былъ возведенъ въ массивно тяжелыхъ, но величественныхъ пропорціяхъ, столпы, съ самаго низу уже разсчитаны были подъ крестовый сводъ. Шпейерскій соборъ, надъ которымъ трудились цѣлое столѣтіе, такъ же пожалуй могучъ какъ и майнцскій; между тѣмъ онъ свободнѣе и стройнѣе въ гармоническомъ своемъ складѣ. Ширина его вообще 11 футовъ, а въ середнемъ кораблѣ 42; длина же — 225 ф. Въ криптѣ подъ клироснымъ пространствомъ стоятъ гробы императоровъ. Двѣ четырехгранныя стройныя башни высятся въ клиросѣ по бокамъ купола, и сообразно этому предсѣніе храма также симметрически снабжено куполомъ и башнями. Всѣ детали отличаются простотой и ясностью, а выраженіе цѣлаго — благороднымъ достоинствомъ. Въ вормскомъ соборѣ — два клироса съ куполами и сопровождающими его круглыми башнями, и перспективный внутренній видъ живописной красотой поспоритъ съ внѣшностью; но высота столповъ кажется мнѣ такова, что круглый сводъ уже не удовлетворителенъ, и глазъ требуетъ стродужнаго. Гармонически-богатымъ развитіемъ внѣшняго вида и изящной своей соразмѣрностью пріятное впечатлѣніе производитъ также и монастырская церковь на тихомъ волканическомъ озерѣ Лаахъ. Кёльнскія постройки, каковы напримѣръ Марія въ Капитоліи, свв. Апостоловъ, Санктъ-Мартинъ Большой, представляютъ своды и въ такихъ сооруженіяхъ, гдѣ преобладаетъ вообще центральность: здѣсь не только серединный квадратъ увѣнчанъ куполомъ, а долевая сѣнь замыкается полукружіемъ, но такими же полукружіями замкнуты и поперечныя вѣтви креста, а надъ каждою изъ нихъ возвышаются полукуполы, соединенные коробовыми сводами съ главнымъ, серединнымъ; наружность богато убрана цѣлымъ рядомъ стѣнныхъ аркадъ, а массивный куполъ и стройныя его башни, съ этой стороны, пред-

ставляютъ величественную и приглядную вмѣстѣ группу. Центральнымъ же расположеніемъ отличается и церковь въ Шварцрейндорфѣ, двуярусная, на манеръ зáмковыхъ часовень, съ отверзтіемъ въ потолкѣ, открывающемъ видъ сверху внизъ, и снабженная подъ кровлею колончатымъ вокругъ обходомъ, откуда изъ-подъ арокъ представляется взору милѣйшій ландшафтъ.

Въ противоположность рейнскимъ городамъ, въ Вестфаліи донынѣ всего болѣе сохранился однодворческій или подворный бытъ древнегерманскаго крестьянства, а простодушіе здѣшняго народа и тогда уже выразилось въ такихъ церквахъ, гдѣ хотя и рано употребляли сводчатое покрытіе, но въ опору ему дали безприкрасные столпы, даже обходились иногда вовсе безъ абсидной ниши и прямоугольно замыкали клиросъ сплошной обыкновенною стѣной. Эльзасъ, напротивъ, представляетъ намъ соединеніе тяжелой, мрачной даже массивности въ основныхъ формахъ постройки съ причудливо фантастическимъ убранствомъ, которое однакожь своей безотрадной неуклюжестью совершенно подходитъ опять къ характеру цѣлаго: взаимнодѣйствіе романскихъ элементовъ съ германскими, въ ту пору какъ ни тѣ, ни другіе не достигли еще сами по себѣ ясной законченности, должно было скорѣе сбивать съ толку, нежели помогать.

Въ южной Германіи, рядомъ съ колончатыми базиликами констанцской и шафгаузенской, назовемъ мы старобытную столповую базилику въ Аугсбургѣ, которой грубоватыя первоначально формы были впослѣдствіи видоизмѣнены, тогда какъ ранняя пора романизма озадачиваетъ насъ въ Геренсбургѣ своимъ полуантичнымъ еще пошибомъ, а въ шотландскомъ (или точнѣе ирландскомъ) монастырѣ явно обличаетъ англійское вліяніе. Фрейзингъ замѣчателенъ величественною и богато отдѣланною криптой.

Франція не уступитъ Германіи ни обиліемъ въ постройкахъ романскаго стиля, ни значительностью ихъ для его развитія; она, пожалуй, даже еще и важнѣе тѣмъ, что именно здѣсь выросъ изъ него стиль готическій, что именно здѣсь заготовлялись элементы для блестящаго его расцвѣта. Разныя области страны были тогда гораздо еще самостоятельнѣй во Франціи нежели въ Германіи, а потому въ архитектурѣ обнаруживались не только племенныя особенности, но, проступало даже и выраженіе тѣхъ народностей, которыя еще не вполнѣ успѣли слиться между собою. На югѣ Франціи, который Римляне называли своею «провинціей» по преимуществу и который поэтому до сихъ поръ слыветъ Провансомъ, преобладали и латинскій языкъ, и античное образованіе; имѣя передъ собой въ великолѣпныхъ постройкахъ образцы коринфскихъ капителей, фризовъ съ чисто-стилизованною листвою, яйцеобразныхъ и меандровыхъ украшеній, туземные мастера переносили ихъ на новыя произведенія, которыя, благодаря этому, носятъ на себѣ пошибъ грекоримской древности еще яснѣе и полнѣе нежели въ самой Италіи. На сѣверѣ господствовало германство, вновь подкрѣпленное Норманнами, тогда какъ вездѣ однакожь подъ бургундскимъ и франкскимъ наслоемъ сохраня-

лась еще и продолжала дѣйствовать первоначальная кельтская основа *. На югѣ древняя культура передавалась изъ рода въ родъ путемъ новой ремесленной промышленности, и мирная, полная отрады жизнь вознаграждала народъ первыми цвѣтами поэзіи и праздничнымъ блескомъ общежитія за отсутствіе бо́льшаго политическаго значенія и военной славы, доставшихся на долю сѣверныхъ областей, такъ часто обуреваемыхъ исторической борьбою, тогда какъ напротивъ недоступная чуждымъ вліяніямъ средняя полоса сохраняла въ укромной тишинѣ свой туземный обычай. Въ южной Франціи удержалась античная форма базилики и въ томъ даже отношеньи, что тамъ охотно пускали боковые корабли въ два яруса и выгадывали этимъ хоры открытые прямо на средній корабль; столпы расчленяли коринѳскими колоннами, средній корабль накрывали коробовымъ сводомъ, а этому давали надежную опору тѣмъ, что верхніе боковые корабли замыкали половинчатыми коробовыми сводами, которые въ видѣ подкосныхъ дугъ упирались въ нижніе камни серединнаго свода и сами находили себѣ въ немъ прочный же опять устой. Такимъ образомъ средній корпусъ не выступалъ наружу самостоятельно, да и внутри получалъ свѣтъ прямо только въ окна фасада и клиросного полукружія, а впрочемъ освѣщался по мѣрѣ возможности изъ боковыхъ пространствъ; но его свѣжая темнота была пріятна южанину и напоминала ему античные храмы. Колонны слѣва на право связаны, правда, параллельными перемычками, но крестоваго свода не встрѣчается; только мѣстами и коробовой сводъ образуется изъ двухъ упирающихъ одна въ другую дугъ, что́ подготовляетъ уже островерхую арку, обозначая вродоль линію щипца. Церковь остается иногда однопридѣльною, съ однимъ среднимъ кораблемъ, но зато полукружіе всѣхъ нишъ, заклиросной и по концамъ крестовыхъ крыльевъ (то-есть поперечныхъ вѣтвей крестовиднаго плана церкви), часто обставляется еще нѣсколькими полукружными же часовнями; башни не высо́ки, стѣны обнажены, но, въ прямую этому противоположность, порталы и фасадъ блещутъ полною вкуса орнаментаціей. Такое устройство видимъ въ Арлѣ, въ Эсѣ (Aix), въ Сенъ-Жиллѣ. Удерживается еще даже собственно и архитравъ, когда, напримѣръ, надъ порталами встрѣчаемъ антично-убранные фризы на колоннахъ, которыя между тѣмъ съ своей стороны представляютъ фантастическія средневѣковыя украшенія по капителямъ, и у подножія которыхъ лежатъ львы съ человѣческими фигурами въ когтяхъ. Такая богатая череда разнообразныхъ и граціозно расположенныхъ формъ придаетъ цѣлому много живописности. — Направленіе это восходитъ по долинѣ Роны до романской Швейцаріи, но становится все грубѣе по мѣрѣ удаленія отъ древнихъ культурныхъ гнѣздъ, такъ что наконецъ мы видимъ уже безстильную смѣсь страшныхъ звѣрскихъ образинъ съ чисто-условнымъ лиственнымъ убранствомъ.

Если мы пойдемъ теперь къ сѣверозападу, то попадемъ въ замкнутую отовсюда овернькую область, гдѣ соборъ въ Клермонтѣ предстанетъ намъ

---

* Такія многосложныя сочетанія всего нагляднѣе обнаружились для исторіи именно въ памятникахъ искусства, на что́ мы имѣли уже случай указать въ предисловіи къ переводу извѣстнаго „Руководства“ Куглера. Прим. перев.

замѣчательнымъ средоточіемъ строевого дѣла. Здѣсь, справа и слѣва надъ боковыми кораблями идутъ отъ внѣшней стѣны четвертныя дуги и поддерживаютъ высящійся надъ ними коробовой сводъ средняго корабля; надъ средокрестіемъ высоко поднимается куполъ или башня, пропускаетъ оттуда свѣтъ въ полумрачные низы, и тѣмъ самымъ невольно привлекаетъ глазъ входящаго на центральное это мѣсто и на клиросныя окна. А вкругъ клироса лучеобразно размѣщены полукруглыя часовеньки, будто подготовляя къ тому часовенному вѣнцу, какимъ обыкновенно замыкаетъ долевую сѣнь наступившая послѣ готика. Здѣсь замѣтенъ уже шагъ впередъ въ архитектонически-конструктивномъ элементѣ, но зато нѣтъ веселящаго душу пластическаго убранства южныхъ церквей; вмѣсто его употребляютъ здѣсь предлагаемые волканическою почвой цвѣтные камни, для выкладки изъ нихъ косоугольниковъ, звѣздъ и зигзаговъ. — Въ Лангедокѣ шагнули немного далѣе, придавъ боковыя сѣни и поперечнымъ вѣтвямъ креста, такъ что крестообразный планъ выступаетъ въ полной, величавой разработкѣ, и надъ боковыми кораблями простирается по всей внутренности верхній ярусъ галерей. У четыреугольныхъ столновъ лѣпятся стройныя полукоринѳскія колонны, или же выбѣгаютъ изъ крутого подножія между окнами обступающихъ клиросъ часовень и подходятъ подъ самый кровельный карнизъ. Свойственное югу утонченное чувство формъ скрашиваетъ могучій оставъ зданія въ Конкѣ и Тулузѣ; оно продолжаетъ дѣйствовать и въ Русильіонѣ вплоть до Пиренеевъ, напоминая намъ о классической почвѣ еще и тамъ. На взглядъ такого знатока какъ Шнаазе истиннымъ произведеніемъ природы смотрятъ строевыя формы этихъ мѣстностей, повторяясь съ малыми лишь отмѣнами всегда опять въ томъ же видѣ снова и едва давая въ себѣ подмѣтить какое нибудь историческое движеніе *; вліяніе климатическихъ условій и антика дотого здѣсь сильно, что впослѣдствіи должна была приноровиться къ нимъ и сама готика.

Напротивъ уже въ Бургундіи сильнѣе проявляется германскій духъ, и съ самодѣятельною энергіей употребляетъ въ дѣло старое преданіе для новыхъ своеобразныхъ произведеній. Здѣсь, какъ и въ Оверни, встрѣчаемъ галереи надъ боковыми кораблями, клиросный обходъ и вѣнецъ изъ часовень; но съ коробовымъ сводомъ соединяются окна въ верхостѣньи, башни на корабляхъ ставятся многочисленнѣе и выше, а ко входу ведетъ колончатая двуярусная паперть, скрашивающая собой фасадъ. Орнаменты выдвигаютъ впередъ конструктивно-значительныя строевыя части пластично, ясно и живо, не вдаваясь еще въ мрачную символику и не допуская страшныхъ образинъ сѣвера. Около 1000-хъ годовъ сенъ-бениньскій аббатъ Гильіомъ въ Дижонѣ отличился столько же широкою преобразовательною, какъ и зодческою дѣятельностью, держась строгой формы равномѣрно и въ той и въ другой, и

---

* Есть впрочемъ и въ сферѣ искусства такіе мономаны-любители, для которыхъ отсутствіе историческаго движенія представляется чуть ли не высшею цѣлью всѣхъ желаній; есть даже и такіе, которымъ хотѣлось бы всѣми неправдами воротиться къ давно изжитой и невозвратимой болѣе старинѣ: это — лжеклассики искусства, не понимающіе того, что классицизмъ жилъ полной исторической жизнью своего народа. Прим. перев.

проявивъ ее въ Турнюсѣ чуть не съ киклопической могутою, а въ Везеле́ съ какою-то торжественною важностью. Такимъ же образомъ вышло впослѣдствіи изъ Клюні́ новое устройство монашескаго общежитія, а съ нимъ вмѣстѣ и обширная строительная дѣятельность этого ордена. Пятикорабельная тамошняя церковь простиралась вмѣстѣ съ папертью до 555, а безъ нея — до 410 футовъ въ длину, въ ширину же — до 110 футовъ; крестовыя поперечины въ ней двойныя; середній корабль былъ болѣе 100 футовъ въ вышину, ближайшіе къ нему боковые корабли — около 55, а крайніе — до 37-ми футовъ; такъ что наружность представляла три уступчатые яруса, всего съ 300-ми оконъ. Клиросъ замыкался вѣнцомъ часовень, да устроены были ниши и по оконечностямъ вѣтвей креста, а надъ срединою большого полукружія высилась четыреугольная башня, къ которой присоединялись шесть ме́ньшихъ башенъ по угламъ поперечныхъ кораблей и паперти. Въ тяжеловѣсныхъ церквахъ отёнской (Autun) и лангрской, принадлежащихъ уже 12-му столѣтію, по фасу столповъ выпущены изложченные (каннелированные) на античную стать пилястры съ коринскими капителями, да и вообще живой образецъ уцѣлѣвшихъ тамъ древне-римскихъ воротъ подавалъ поводъ къ помѣси средневѣковаго съ антикомъ; въ Лангрѣ, какъ и въ Везеле́, встрѣчаемъ мы уже сѣверный крестовый сводъ на мѣсто южнаго коробового.

Въ Аквитаніи * простота основныхъ строевыхъ формъ Прованса вовсе не ладитъ съ дикимъ нагроможденіемъ прикрасъ, а потому и свѣтлая грація теряется въ грубоватыхъ и мрачныхъ затѣяхъ: противоположности средневѣковья выступаютъ здѣсь непримиренными. Между ними около сенъ-фронтской главной церкви въ Перигё встрѣчается до сорока построекъ византійскаго стиля. По образцу св. Марка въ Венеціи, и здѣсь въ основѣ лежитъ греческій (равноконечный) крестъ, а пять куполовъ или главъ надъ пятью его квадратами соединены посредствомъ широкихъ полукружныхъ провислыхъ арокъ; главы опираются на могучіе столпы, обозначающіе углы квадратовъ, и придаютъ зданію восточный видъ извнѣ; но, вмѣсто богатаго убранства, и внутри и снаружи господствуетъ какое-то дебелое неряшество. Позднѣйшія церкви отдѣлываются богаче. Въ Фонтевро́ выступаетъ опять латинскій крестъ, гдѣ четыре крытые куполами квадрата образуютъ долевую сѣнь предъ средокрестіемъ, а клиросъ позади его замыкается обходомъ и часовеннымъ вѣнцомъ. Такъ чуждый элементъ подходитъ здѣсь къ туземному, явно обличая стремленіе сблизить базиличную форму съ центральною и купольной, въ чемъ я вижу одну изъ задачъ средневѣковой архитектуры.

Въ Пуату́, Анжу́, Туре́нѣ долгое время держался кельтизмъ, и мнѣ кажется, можно распознать его въ той пестрой игрѣ украшеній, которая охватила своимъ роскошнымъ обиліемъ конструкцію построекъ, отзывающуюся римской древностью. Корабли, почти одинаковой высоты, часто покрываются извѣстнымъ коробовымъ и полукоробовымъ сводомъ, надъ средокрестіемъ воздводится большая круглая башня. Орнаментація любитъ круглыя,

---

* Край между Пиренеями, Гаронной и Океаномъ, впослѣдствіи Гвіэнна.

одутловатыя формы, мѣшаетъ звѣриныя и человѣческія фигуры, особенно зобъ, шею и голову птицъ съ густою, полуантичною можно-сказать листвою, и совсѣмъ загромождаетъ капители, архивольты, карнизы. Нѣтъ ни на минуту покоя зрѣнію. Мягкій песчаникъ какъ нарочно пришелся подъ руку фантастическому позыву ваятельской души: площадь фасадныхъ стѣнъ расчленяется горизонтально аркадами, которыя, всѣ изукрашенныя сами, служатъ рамами для изображеній святыхъ; фигуры античной миѳологіи обращаются въ страшныя дьявольскія образины; мистика загадочныхъ символовъ, сказочная помѣсь самыхъ что-ни-есть причудливыхъ формъ напоминаютъ аллегоріи друидизма древнихъ бардовъ и обиліе того сладко-мечтательнаго содержанія, благодаря которому Кельты сдѣлались такъ важны для романтической поэзіи; и въ той же самой степени поражаетъ здѣсь отсутствіе ясности, мѣры и гармонической выработки. Да развѣ не принимали часто за древніе друидскіе храмы маленькихъ, крытыхъ куполомъ, круглыхъ или треугольныхъ часовень въ здѣшнемъ краѣ?

Въ мѣстностяхъ вокругъ Парижа и Орлеана мало осталось памятниковъ романскаго періода, и кажется что здѣсь, на рубежѣ сѣверныхъ и южныхъ вліяній, франкскій духъ не дошелъ еще тогда ни до какого самостоятельнаго видообразованія, пока не удалось ему совокупить разнородные элементы подъ господствомъ новаго формового начала въ готикѣ. Вспомнимъ о тѣхъ смѣлыхъ скандинавскихъ Германцахъ, Норманнахъ, которые, будучи еще язычниками въ 9-мъ столѣтіи, предпринимали дикіе набѣги на всѣ европейскія побережья. Обыкновенно младшіе сыновья (безпріютные изгои), искали они себѣ достоянія мечомъ, и въ такихъ сподручныхъ для нихъ мѣстностяхъ какъ поморье сѣверной Франціи брали за себя туземныхъ дѣвицъ, крестились въ христіанскую вѣру, усвоивали романскій языкъ, но завѣщали своимъ потомкамъ прирожденную отвагу и предпріимчивость, и такимъ-то образомъ возникло племя, соединившее въ себѣ германскую жажду по далекимъ странамъ и богатырскую удаль личной независимости съ практическимъ смысломъ и острымъ разумомъ, послѣдовательно разработавшее лэнное или феодальное право, поднявшее аристократическій элементъ кельтійскаго народа освѣжительной струей молодечества, наконецъ давшее тонъ всему рыцарству, съ одной стороны — поэзіей отваги и страстной охоты къ похожденіямъ, а съ другой —желѣзной стойкостью и вѣрностью въ данномъ однажды словѣ. Прежняя запальчивость и суровая жесткость еще проявляются въ томъ гнетѣ, какой налагаютъ они на подвластныхъ инородцевъ: не даромъ они сами себя величаютъ въ документахъ прозвищами кроволивцевъ, крѣпкозубовъ, кожедеровъ, перепойцевъ и т. д. Природная сила вмѣстѣ съ религіозной ревностью побуждаютъ ихъ прикладывать руку у строенія церквей и лично таскать для него камни, а чувство собственнаго достоинства требуетъ, чтобы церкви отличались обширностью, и за̀мки — великолѣпіемъ. По германскому обычаю, налегаютъ они прежде всего на благонадежность и ясность конструкціи, и скрашиваютъ важнѣйшія въ постройкѣ части убранствомъ, сдержанно-упругой силы и остроугольныхъ больше формъ. Основной планъ церкви крестообразный, боковые корабли долевой сѣни простираются и за поперечину креста до самаго клиросснаго полукружія; четырехгранные столпы съ полуколоннами поддержива-

ютъ крестосводчый потолокъ. Три четыреугольныя башни, — двѣ по фасаду и одна надъ средокрестіемъ — поднимаются въ высоту, неся на себѣ безпролетный каменный колпакъ островерхой пирамиды, увѣнчанный восходящимъ къ небу крестомъ. Дюжія столповидныя лопатки (лизены) расчленяютъ снизу вверхъ наружныя стѣны зданія; фасадъ представляетъ въ отчетливой симметріи обѣ башни, къ которымъ примыкаютъ боковые корабли, щипецъ средняго корабля посреди башенъ, а подъ нимъ два трехоконныхъ ряда надъ самымъ порталомъ, котораго колонны и богатоубранные архивольты (наличники арокъ) уходятъ постепенно въ его глубь. Изъ зигзага или ломанаго валика, изъ прямоугольно связанныхъ линій въ видѣ сухариковъ или зубцовъ, изъ звѣздъ и косоугольниковъ или ромбовъ образуется бездна угловатыхъ орнаментовъ, которые именно и характеризуютъ норманнство въ противоположность мягкимъ и одутлымъ кельтійскимъ или антично-стилизованнымъ растительнымъ прикрасамъ Прованса; они стоятъ въ тѣсной связи съ конструкціей, и когда ихъ зубцы и шипцы окаймляютъ круглую дугу, направляясь какъ радіусы къ центру, то они онагляживаютъ собой мысль излучаемаго свѣта, и въ то же время строптивой, непреклонной жесткостью составляютъ рѣшительный контрастъ съ круговою своей основой. На подкарнизныхъ консоляхъ или въ видѣ выступовъ самыхъ нижнихъ камней подъ оплечьемъ дугъ торчатъ страшныя фантастическія образины демонскихъ чудовищъ. Самыми извѣстными и лучшими образчиками норманнскаго стиля во Франціи представляются церкви въ Канѣ (Caen). Въ Бейё (Bayeux) декоративный блескъ преобладаетъ уже надъ конструктивно-органическимъ элементомъ, обличая этимъ воздѣйствіе со стороны долго господствовавшей тамъ Англіи.

Перенесемся теперь въ этотъ край вслѣдъ за Вильгельмомъ Завоевателемъ. Онъ пришелъ съ романизированными Германцами въ такую землю, гдѣ перемѣшались уже римская культура, кельтійскій и саксонскій элементъ; замкнутость острова, который, не смотря на сѣверное положеніе, пользуется вслѣдствіе морского климата кроткою температурой и плодоносіемъ, благопріятствовала переплаву пришлецовъ въ совсѣмъ новый народный характеръ и органическому развитію послѣдняго. Слѣды кельтійства можно конечно роспознать въ древнеирландскихъ сооруженіяхъ такъ-называемой киклопской кладки; клиросъ замыкается здѣсь прямолинейно, безъ полукружной впадины, но рядомъ съ церковью высится стончаясь кверху круглая башня, увѣнчанная остроконической крышею; входъ въ нее, устроенный не въ уровень съ землей, а гораздо выше, показываетъ, что она служила не только звонницею, но и сторожевой башнею, и пожалуй даже укровомъ на случай войны. Четыре угла столповыхъ капителей вырѣзаны иногда въ видѣ смѣхотворныхъ человѣческихъ личинъ, которыхъ бороды и волоса нарочно продолжены между ними и перепутаны вязями. На камень явно переводятся здѣсь арабески рукописей ирландскихъ монаховъ. Саксы принесли съ собой простое лишь древостроительство, отъ котораго ни чего, конечно, и не сохранилось; но если мы донынѣ еще встрѣчаемъ четырехгранныя башни, съ наугольниками изъ каменныхъ плитъ, тогда какъ тонкіе пояски изъ тесанаго камня обозначаютъ на нихъ карнизы разныхъ ярусовъ, а другіе пояса идутъ отвѣсно вверхъ или косоугольно сходятся вмѣстѣ,

то здѣсь очавиденъ переносъ на камень пріемовъ древостроительства и филенчатой обшивки; промежутки каменной клади вездѣ защебенены, самыя колонки у порталовъ и оконъ напоминаютъ столярную работу. — Норманскіе завоеватели стали феодальными господами края, и народъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ видѣлъ въ деспотическомъ ихъ управленіи тяжкій гнетъ чужевластья. Они принесли съ собою круглодужный романскій стиль, но сначала употребляли его только при постройкѣ крѣпкихъ своихъ зàмковъ, которыхъ настоящимъ ядромъ высилась всегда круглая или четыреугольная зубчатая башня въ нѣсколько ярусовъ. Не только свѣтскія, но и высшія церковныя должности передали они въ руки своимъ же людямъ, вслѣдствіе чего мѣстопребываніе епископа съ мужскимъ при немъ монастыремъ считалось за нѣчто неразрывное съ цѣлой Церковью и ограждалось на всякій случай надежною, крѣпостною почти стѣной. Клиросъ былъ расширенъ для многочисленнаго духовенства, такъ что средокрестіе часто приходится на самую середину, и надъ нимъ возводится одна только башня, увѣнчанная не шатровою крышей, а также зубцами. Сродный Норманнамъ смыслъ къ прямизнѣ охотно беретъ у Ирландцевъ прямолинейный замóкъ клироса, а толстыя тяжелыя круглыя колонны и плашмя лежащій потолокъ отзываются саксонскимъ древостроительствомъ. Капители не что иное какъ низкіе клубообразные каменные выступы (кронштейны) подъ плечами сводовыхъ поддужинъ или полуколонны, возвышающіяся надъ стержнемъ настоящихъ колоннъ. Округлая форма ихъ замѣняется иногда четыреугольною или осьмигранною. Надъ столпами и сводами средняго корабля устроиваются хоры, и только уже ярусомъ выше идутъ оконныя отверзтія, тогда какъ верхній ярусъ боковыхъ сѣней, также хоровóй, открывается легкими аркадами изъ-за ряда своихъ столповъ, опертыхъ на столпы нижняго этажа. Такимъ образомъ внутри церкви, вмѣсто свѣтлаго паренія въ высь, царитъ напротивъ чувство мрака и гнетущей тяжести. Капители и карнизы остаются при грубоватой простотѣ, но зато стѣнныя площади, не важныя въ конструктивномъ смыслѣ, заполняются самымъ пестрымъ украшеніемъ, которое то уходитъ въ глубь, то сильно выпукаетъ, но, въ противоположность круглымъ и прямоугольнымъ линіямъ архитектуры, постоянно идетъ въ діагональномъ, зигзаговомъ движеніи. Снаружи постройка производитъ величавое впечатлѣніе надежной, несокрушимой крѣпости и силы. Стѣны, особенно по фасадамъ и у дверей, расчленены и украшены фальшивыми аркадами; перемычки съ первой колонны на третью, со второй на четвертую, пускаются въ переплетъ, при чемъ то одна, то другая пересѣкаетъ сосѣднюю и сама ею пересѣкается, такъ что каждая въ свою очередь то какъ будто бы лежитъ позади выступающей впередъ, то сама передъ нею выступаетъ. Остенъ находитъ подобіе блестящаго сталью вооруженія во множествѣ косоугольныхъ, чешуйчатыхъ и треугольныхъ узоровъ, которыми убраны стѣнныя площади снаружи и внутри; Шнаазе называетъ производимое ими впечатлѣніе истинно задорнымъ, полнымъ воинской удали и отваги, особенно въ виду строгой и мрачной важности основныхъ архитектурныхъ формъ: орнаментъ развился вовсе не изъ послѣднихъ; напротивъ, богатство и пестрота облегли здѣсь коренное ядро въ сущности неуклюжее и тяжеловѣсное. «Не ограничиваясь, да и не удовлетворяясь послѣдовательною вы-
«держкой извѣстнаго конструктивнаго начала, фантазія создала себѣ здѣсь

«такую символику формъ, въ которой выразились чрезвычайно энергически «и племенныя чувства и историческое положеніе народа. Строители хотѣли «придать церковнымъ сооруженіямъ характеръ важности, достоинства, мо-«гуты; при этомъ они отчасти зависѣли отъ тѣхъ способовъ выраженія, ка-«кія доставлялись преданіемъ и своеобразностью страны, отчасти были подъ «владычествомъ тѣхъ созерцаній, какія могли возникать изъ окружавшихъ «обстоятельствъ. Поэтому они и передали пошибъ своихъ повелителей и «своей Церкви, насколько это было можно, въ архитектурныхъ формахъ. «Мы чувствуемъ булатную твердость воинскихъ характеровъ, смѣлую отва-«гу боя, благонадежность хорошо обдуманнаго вооруженія; мы, кажется, «такъ и входимъ въ борьбу сопротивныхъ элементовъ, въ эту романтиче-«скую прелюдію будущаго народнаго величія; но мы чувствуемъ также и «вѣрность этихъ крѣпкихъ, закаленныхъ сердецъ, чувствуемъ ту тихую вос-«пріимчивость, ту благочестивую важность, которыя такъ любятъ полу-«мракъ святыни; насъ объемлетъ какое-то благоговѣйное предчаяніе, и намъ «вполнѣ становится понятнымъ интересъ, съ какимъ въ особенности Ан-«гличане разсматриваютъ эту первую эпоху своего искусства.» Замѣча-тельнѣйшими произведеніями ея обладаютъ Винчестеръ, Глосстеръ, Дёргамъ, Норичъ, Чичестеръ, Рочестеръ, Кантербёри.

Если мы взглянемъ теперь на исходную точку Норманновъ, Норвегію, то замѣтимъ, что камнезодчество подвергается тамъ вліянію то со стороны сѣверной Германіи, то со стороны Англіи, но что напротивъ внутри края первобытное древостроительство достигаетъ своеобразнымъ путемъ очень живописнаго развитія. Квадратное середнее пространство, на крутой крышѣ котораго высится башня, снабжено папертью, а прямо насупротивъ ея — удлинненіемъ въ видѣ полукружно замкнутаго клироса; по бокамъ же — съ каждой стороны кораблемъ, съ низкимъ выступомъ передъ середней его частью, такъ что надъ кровлями (сравнительно нижнихъ частей зданія) дважды подымаются стѣны съ оконными пролетами. Древесные стволы замѣняютъ колонны внутри церкви; стѣны возведены изъ бревенъ и толстыхъ плахъ; все зданіе окружено снаружи галереею или крытымъ обходомъ, такъ какъ широкіе спуски церковной кровли поддерживаются надъ нимъ аркадами. Щипецъ и порталы убраны рѣзьбой, гдѣ долгохвостыя размашистыя линіи то свертываются въ загадочныя и страшныя образины, то опять расходятся, превращаясь какъ бы въ туманныя или облачныя полосы и грядки.

Послѣдуемъ за воинственными походами Норманновъ около западнаго берега Европы въ Средиземное Море, и увидимъ что въ Сициліи они въ 11-мъ вѣкѣ воздвигаютъ престолъ, что тамъ на югѣ есть еще и памятники ихъ владычества. Ихъ предшественники въ этомъ краѣ, Римляне, Византійцы, Арабы, оставили имъ элементы для великолѣпно отдѣланныхъ построекъ,— часовень и церквей въ Палермо и Чефалу, а также и для собора въ Монреале, сооруженнаго въ 12-мъ столѣтіи. Основнымъ планомъ служитъ базилика; Византія научаетъ возводить куполъ надъ средокрестьемъ; клинообразную или вытянутую дугу, сначала отвѣсно высящуюся надъ калоннами, а потомъ уже выгибаемую разносомъ, равно какъ и капельниковый сводъ, перенимаютъ они у Арабовъ; въ богатомъ мозаичномъ убранствѣ со-

бытія и лики священной исторіи мѣшаются съ игрою арабесковыхъ линій. Духъ Норманновъ овладѣваетъ наличными моментами культуры, и прибавляетъ къ нимъ по своему собственному внушенію фасадныя башни, которыя здѣсь, на почвѣ классицизма, соединяются уже колончатою галерею. Можно шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ Норманны сперва принимаютъ только то что̀ оказалось налицо, и какъ потомъ сильно пробиваетъ собственный ихъ норовъ, какъ своеобразно употребляетъ онъ византійскія и мавританскія формы для блестящей отдѣлки конструктивно-органическаго, величаваго ядра, особенно, напримѣръ, въ Монреале. Снаружи стѣны выложены цвѣтнымъ мраморомъ, внутри мраморныя рамки окаймляютъ площади мозаикъ, развертывающихъ свое пестрое великолѣпіе на блестящемъ позолотой фонѣ; фигуры стремятся сочетать церковное достоинство съ граціей, но натянутость и щепетильная нарядность все-таки еще не сливаются здѣсь въ полную красоту. Не даромъ на этомъ островѣ греческое и римское богослуженіе пользовались равною свободой на ряду съ исламомъ, не даромъ раздавались въ немъ бокъ-о-бокъ три разныхъ языка, и полное приволье жизни быстро расцвѣло на превосходной его почвѣ; въ соотвѣтствіе этому и въ искусствѣ обнаружилась смѣсь многоразличныхъ формъ, правда безъ той чистоты стиля, какая порождается единою, органически зиждущею основною мыслью, но, надо сказать, — съ большимъ блескомъ и обиліемъ.

Одиночнѣе разбросаны германскія, византійскія и мавританскія вліянія по южной Италіи, въ Салерно, Амальфи, Равелло; тогда какъ въ Бари, Трани и Тройѣ они напротивъ встрѣчаются еще въ связи съ ломбардскими и пизанскими. Всего пышнѣе византійскій стиль расцвѣлъ въ Венеціи, чѣмъ наглядно выразилась тѣсная связь этого торговаго города съ Востокомъ. Церковь св. Марка была начата еще въ 976-мъ году, но отдѣлывалась и убиралась въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, какъ святыня народная. Ядро плана образуетъ греческій крестъ; всѣ пять квадратовъ снабжены куполами и боковыми кораблями пониже; алтарный замо̀къ образуетъ абсида о трехъ нишахъ или полукружныхъ впадинахъ; фасадъ состоитъ изъ полной вкуса паперти, развернутой передъ входными дверьми (порталами): внутри, надъ двумя ярусами столповъ перегибаются могучіе своды и поддерживаютъ другой подобный этажъ, гдѣ поля сводовъ украшены мозаикой и увѣнчаны стрѣльчатыми съ разносомъ щипцами. Для колоннъ собраны отовсюду капители самаго дорогого мрамора; подолъ стѣнъ, а равно и полъ, блестятъ разноцвѣтнымъ мраморомъ въ превосходной отполировкѣ; верховыя площади и куполы сверкаютъ пестрою мозаикой по золотому фону; впечатлѣніе цѣлаго и могущественно, и вмѣстѣ фантастично,—ни дать ни взять какъ впечатлѣніе самой царицы моря, Венеціи. —Обыкновенно же центральная система примѣнялась въ особенности только къ крытымъ куполами крещальнямъ или баптистеріямъ, какъ напримѣръ въ Пизѣ и во Флоренціи.

Въ Римѣ держались еще базиличной формы, не забывая прежняго обычая пользоваться для новыхъ построекъ древними храмами и дворцами въ видѣ каменоломень или пріисковъ, и пестро набирать свои сооруженія изъ разнообразныхъ обломковъ. Но значительно шагнула впередъ Тоскана въ выра-

боткѣ какъ основного плана, такъ и убранствъ, которымъ съ тонкимъ пониманіемъ дѣла придали тамъ новый видъ по древнимъ образцамъ и примѣрамъ. Это именно были тѣ италійскіе города, которые уцѣлѣли отъ древней эпохи и рано достигли новаго опять процвѣтанія; по мѣрѣ того какъ крѣпла здѣсь народная жизнь въ чувствѣ самостоятельной общинности, произростало изъ нея и искусство, для котораго мало однихъ природныхъ талантовъ и цивилизаціи, а нужна еще вдобавокъ нравственная эта почва. Во Флоренціи Санъ-Миніато представляетъ намъ трехкорабельную базилику; треть всего внутренняго пространства подвышена передъ абсидой въ видѣ клироса надъ устроенною подъ нимъ криптой; на каждыя двѣ колонны приходится два раза по столпу съ полуколонною, и этотъ столпъ соединенъ съ противоположнымъ ему другимъ широкими перемычками; кровельная скамья остается открытой. Стѣны внутри и снаружи богато и архитектонично украшены полосами темнаго мрамора по свѣтлому грунту; фасадъ расчлененъ, въ вышину боковыхъ кораблей, шестью колоннами съ аркадной связью и архитравомъ; надъ нимъ высятся еще четыре столпа передъ среднимъ кораблемъ, къ которому боковые примыкаютъ крышами, и косвенныя ихъ линіи отзываются опять въ щипцѣ, окончательно увѣнчивающемъ верхній ярусъ. Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе изящной ясности. — Пиза въ 11-мъ столѣтіи обладала многочисленнѣйшимъ флотомъ на всемъ западномъ краѣ Средиземнаго Моря; въ память одной морской побѣды надъ Сарацынами, городъ постановилъ употребить часть военной добычи въ видѣ вклада на благолѣпный соборъ. Крестообразная форма выступаетъ здѣсь ясно; высокое среднее пространство сопровождается въ долевомъ своемъ направленіи, съ каждой стороны, двумя боковыми кораблями, и однимъ по каждой изъ поперечныхъ вѣтвей креста; надъ боковыми кораблями устроены хоры, а обѣ крестовыя вѣтви замыкаются нишами точно такъ же какъ и клиросъ. На колоннахъ, которыми расчленена внутренность, капители римскія или коринѳскія. Надъ средокрестіемъ возвышается куполъ. Колонны съ арками обступаютъ всѣ три портала, а поверхъ ихъ весь фасадъ вплоть до щипца убранъ въ четыре ряда аркадами, да аркады же, пилястры и пристѣнныя колонны отовсюда охватываютъ зданіе извнѣ, благодаря чему внутренній его типъ вполнѣ отзывается и снаружи. Круглая колокольня, убранная въ семь ярусовъ аркадами, стоитъ возлѣ собора; грунтъ подъ нею сталъ осѣдать, и она наклонилась; мастерамъ послужило это мотивомъ для того, чтобы нарочно такъ и достроить ее въ косвенномъ положеніи. Пизанскія сооруженія повліяли на Лукку и на Анкону, но въ послѣдней вліяніе это перемѣшалось съ византійскимъ преданіемъ, а въ первой обставилось грубовато-фантастическими формами, указывающими на сѣверный норовъ. — Этотъ германскій элементъ слился въ Ломбардіи въ очень гармоничный сплавъ съ южно-романскимъ. Здѣсь внутри зданія господствуетъ крестовый сводъ и столпъ, обыкновенно расчлененный, но иногда симметрично чередующійся съ колоннами; въ капителяхъ и карнизахъ къ полуантичнымъ споровкамъ присоединяется фантастическое изукрашеніе, и у портала подъ пятою колоннъ лежатъ львы и другія страшила; демоническое и ужасающее какъ будто вынуждено здѣсь быть стражемъ и оберегателемъ святыни. Внутреннія стѣны своей гладкой поверхностью словно сами напрашиваются на живопись, а наружныя иногда

убраны фальшивыми аркадами, но чаще встрѣчается болѣе сообразное виду кирпичному матерьялу расчлененіе лопатками (лизенами), которыя, подымаясь отъ земли, высказываютъ направленье въ высоту, а подъ карнизомъ соединяются между собой круглодужными фризами. Фасада не снабжаютъ башнею, и иногда просто возводятъ его сплошь щипцомъ, такъ что угловые его столпы высятся надъ боковыми кораблями; а это уже очень скользкій шагъ къ архитектурѣ для одного виду, къ фальшивому такъ-сказать зодчеству; но въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Санъ-Дзено въ Веронѣ, пилястры, обрамливающіе средній корабль, возвышаются надъ косвенно-примыкающею къ нимъ линіей кровель боковыхъ сѣней, и представляютъ вмѣстѣ съ ними ясную симметрію, правильную смѣну отвѣснаго и накоснаго стремленья въ высоту и обоюднаго съ обѣихъ сторонъ наклона, до тѣхъ поръ пока онѣ не достигнутъ цѣли въ самой смычкѣ срединнаго щипца; поверхъ портала и подъ щипцомъ великолѣпно блеститъ круглое окно, роза всего фасада. Въ Павіи и Моденѣ виденъ еще слѣдъ тяжелой, первоначальной силы; въ Пармѣ, Борго, Санъ-Доннино, Веронѣ, она выработалась уже до изящно-граціознаго величія. Ломбардскіе пріемы сливаются въ Далмаціи съ пизанскими, и соборы Задра (Дзары), Тра̀вы служатъ отличными образчиками того, какъ полномѣрно и богато развертывается романскій духъ подъ внушительными вліяніями антика *.

Въ Испаніи только во второй половинѣ 11-го столѣтія христіанство выдвинулось опять побѣдоносно противъ Мавровъ. Вслѣдъ за покореніемъ Толедо, Таррагоны, Сарагосы возникло стремленіе увѣковѣчить торжество вѣры величавыми церковными постройками. Зодчіе для этого пришли изъ сосѣдней Франціи; столповое сооруженіе, сначала коробовой, а потомъ крестовый сводъ, при совершенно простомъ основно̀мъ планѣ, часто вовсе и не выдвигающемъ наружу поперечную площадь креста, башня надъ средокрестіемъ, — все это ясно напоминаетъ Францію, которой и готика вскорѣ распространяетъ здѣсь свое дѣйствіе, ослабляетъ строй романскихъ коренныхъ формъ и ведетъ арабскій орнаментъ къ блестящему переходному стилю. Въ постройкахъ ощутителенъ недостатокъ оригинальной свѣжести и вытекающаго изъ нея разнообразія. По оставленіи той первобытной простоты, какою отличается Санъ-Яго де-Компостелья, фантазія играла пышными прикрасами на единожды данной твердой основѣ. Сеговія, Барселлона, Саламанка, Беневенте, Сигуэнса, Таррагона, Лерида, Сарагоса, всѣ свидѣтельствуютъ о религіозной своей ревности въ дошедшихъ до насъ памятникахъ.

Б. Пластика и Живопись.

Начало Среднихъ Вѣковъ носитъ на себѣ пошибъ такой первобытно-богатырской эпохи, когда всеобщая народная и церковная идея вполнѣ еще прео-

* Далмація обильна прекрасными памятниками римскаго зодчества. Прим. перев.

бладаетъ надъ отдѣльной личностью, а эта не выработалась еще гармонически сама въ себѣ; вотъ почему архитектура явно перевѣшиваетъ пластическое и живописное изображеніе лица, какъ со стороны художественнаго чувства, такъ и со стороны естественнаго явленія. Только Архитектура привлекаетъ сродственныя ей искусства къ украшенію ея созданій и придаетъ имъ свой собственный іератическій, завѣтно-священный характеръ. Дѣло въ томъ, чтобы облечь религіозное міросозерцаніе въ возбуждающую сердце форму и въ ея именно предѣлахъ очистить мало по малу всѣ слишкомъ дикія или грубыя природныя влеченья. Своеобразность Среднихъ Вѣковъ, какъ поры сдѣлокъ и перехода, обнаруживается намъ прежде всего въ противоположности свѣжаго, но грубаго еще народнаго духа съ поддерживаемымъ Церковью преданіемъ готовой стародавней техники и такъ живо развернувшихся, а теперь замершихъ и окоснѣвшихъ въ ней формъ. Византійцы блюдутъ преданіе, а монастыри распространяютъ его по рукамъ; монахъ Өеофилъ собираетъ воедино правила ваянія и живописи. Знатныя дамы занимаются вышивкой ковровъ и одеждъ. Символъ сіянія святости замѣняетъ благородство внутренней красоты, просвѣтляющій лики огонь душевнаго вдохновенія; природа слыветъ въ корню грѣхопаденіемъ, а потому ея и не слѣдуетъ возводить и просвѣтлять изъ нея самой въ ея собственный идеалъ, а необходимо признать съ полнымъ смиреніемъ ея слабость. Изъ неяснаго себѣ стремленія, изъ нескладной какой-то борьбы пробивается тамъ и сямъ зародышъ изящнаго; но лишь послѣдующая пора доведетъ его до расцвѣта. Особенностей, разныхъ починовъ тьма тьмущая; дарованія народовъ, племенъ, личностей дотого многообразны, что обруку и рядомъ идутъ здѣсь чудовищное и полное мѣры, мутное броженіе и начинающаяся проясень, но вездѣ дубовато проступаетъ наружу рѣшительная крѣпость, сила и дебелость.

Живопись беретъ ужь перевѣсъ, пластика выступаетъ понемногу впередъ именно въ орнаментѣ построекъ, да сверхъ-того проявляется сначала въ маленькихъ рѣзныхъ изображеніяхъ на диптихахъ, на книжныхъ окладахъ, на ларчикахъ, то наивно-грубо, потуземному, то отчетливо и нарядно, по византійскимъ образцамъ. Работы послѣдняго рода изъ Санктъ-Галлена (около 900-хъ годовъ), Бамберга (около 1000-хъ), Меца, присоединяютъ ко Христу и апостоламъ землю и небо, солнце и мѣсяцъ, олицетворенные по античному преданію; успѣхъ замѣтенъ въ выраженіи страстныхъ или задушевныхъ чувствъ, но формовые законы не соблюдены: неловко обдѣланныя головы, руки, ноги черезчуръ велики, и какъ бы предуказываютъ на то, что Церковь хочетъ обойдти непосредственный взглядъ на природу, что не изъ внѣшней природы, а прямо изъ души суждено развиться христіанскому художеству. Богослужебная утварь, престолы (алтари) отдѣлывались дорогими металлами скорѣе цѣнно и пышно, нежели изящно по формѣ. Чашамъ, ладанницамъ и кадиламъ охотно придавали совсѣмъ несовмѣстный видъ драконовъ, грифовъ, львовъ или кроликовъ. Имперскія печати Оттоновъ, при всей грубости въ исполненіи, держатся еще классической основы. Начиная съ 11-го вѣка бронзолитейное искусство пытаетъ свои силы надъ крупнѣйшими уже произведеньями. Епископъ Бернвардъ гильдесгеймскій составляетъ

соборную дверь изъ 16-ти четыреугольныхъ полей или щитовъ; исторіи міроздапія, отрочество и страсти Іисуса Христа ясно представляются рельефомъ въ немногихъ неуклюжихъ и приземистыхъ фигурахъ съ выразительными тѣлодвиженіями; сквозь дубоватыя, тупыя формы просвѣчиваетъ иногда свѣжесть чувства, какая-нибудь вѣрная природѣ черта. Бронзовая колонна, въ 15 футовъ вышины, обвита по образцу Траяновой рельефными полосами, представляющими событія изъ жизни Іисуса, и хотя грубыми въ своей формѣ, но живыми въ замыслѣ; — Любке мѣтко называетъ ее пластическимъ противнемъ къ латинскимъ драмамъ гандерсгеймской монахини (Гротсвиты). Двери аугсбургскаго собора ближе къ стилю греческихъ рельефовъ; ветхозавѣтныя сцены чередуются здѣсь съ фантастическими изображеньями; здѣсь робко шевелится уже какая-то внутренняя грація, подобная сквозящей въ движеніяхъ отроковицы при переходѣ отъ дѣтской неловкости къ дѣвичеству.

Франція начала компеваніе неуклюжими и чудовидными группами фигуръ по наколоннымъ капителямъ. Впослѣдствіи развернувшійся до стройной ясности архитектоническій стиль взялъ пластику подъ свое руководство, научилъ ее принаровляться къ пространству и, въ терпкой ея строгости, совчиняться твердымъ строевымъ линіямъ и совокупному ихъ впечатлѣнью. Такъ было это въ Клермонѣ, Шартрѣ, Сенъ-Дени, ле-Мансѣ и Буржѣ. Подобное же находимъ и въ Германіи: въ Регенсбургѣ, Базелѣ, Гальберштадтѣ, Грёнингенѣ сохранились еще работы строгой простоты. Въ Италіи Модена, Верона, Феррара, Павія обличаютъ сѣверное вліянье, тогда какъ Тоскана вовсе еще не переноситъ тонкаго вкуса своихъ построекъ на изваянія. Если разсматривать скульптуры этой эпохи сами по себѣ, то слишкомъ еще многое остается въ нихъ неудовлетворительнымъ; но натянутость и косность здѣсь, неуклюжая дубоватость или смѣсь изукрашеннаго съ грубымъ въ фигурѣ и выраженіи тамъ, поражаютъ гораздо менѣе на мѣстѣ, дѣйствуя въ связи со всей постройкой и въ видѣ ея орнаментовъ.

Самымъ интереснымъ и значительнымъ произведеніемъ этой поры является большое вольностоящее изваяніе, рельефъ Эгстернскихъ камней близъ Горна, въ Вестфаліи. Оно врѣзано въ каменный утесъ при одномъ пещерномъ храмѣ, посвященномъ христіанскому богослуженію въ 1115-мъ году; простираясь на 16 футовъ въ вышину и на 12 въ ширину, представляетъ оно снятіе со креста Спасителя. Крестъ середи группы уже опустѣлъ: по концамъ поперечныхъ его вѣтвей плачутъ въ медальіонахъ солнце и мѣсяцъ, олицетворенные поантичному; у подножія насильщикъ съ напряженіемъ подиялъ на себя тѣло Іисуса, лежащаго грудью на его плечѣ, тогда какъ идущая вслѣдъ за нимъ Марія поддерживаетъ руками изваянную въ профиль голову сына и прислоняетъ ее къ своей собственной. Съ другой стороны отвѣчаетъ ей Іоаннъ, и какъ ни неумѣло выражено его сердечное участіе, все-таки надобно признать, что положеніе его въ композиціи свидѣтельствуетъ объ удивительномъ у художника чувствѣ соразмѣрности и ритма. Надъ Іисусомъ, поверхъ поперечины креста, паритъ Богъ Отецъ, держа на лѣвой рукѣ душу Сына въ образѣ дитяти; несомая имъ побѣдная хоругвь и человѣкъ, наклонившійся надъ поперечиной, соотвѣтственно заполняютъ другую

сторону въ свободной симметріи. Все это расчленено какъ слѣдуетъ, замыселъ полонъ достоинства и силы, строгая обдѣлка условно-правильной драпировки одеждъ служитъ какъ бы зеркальною подводкой для болѣе вольной естественности, а задушевное чувство въ группѣ Іисуса и Маріи столько же вмѣстѣ нѣжно, какъ и благородно. Внизу этой композиціи, Адамъ и Ева, охваченные адскимъ змѣемъ, слезно простираютъ руки вверхъ, и этимъ цѣлое завершается просто, ясно и трогательно въ глубокомысленный образъ вины и искупленья. Изъ числа подобныхъ же работъ той мѣстности, какъ напримѣръ въ Эрвитте, Зёстѣ, Бекумѣ, которыя всѣ величаво-хороши, рельефъ этотъ выдается какъ истинно мастерское произведеніе.

Въ живописи насъ останавливаетъ на себѣ вопервыхъ чувство красокъ, живо ощущаемыхъ въ своемъ дѣйствіи на душу и символически употребляемыхъ примѣнительно къ разнымъ ея состояніямъ. Въ миніатюрахъ естественный цвѣтъ той или другой подробности весьма часто замѣняется тою краской, какой требуетъ гармонія цѣлой картинки, или же всѣ радужные цвѣта играютъ фантасмагорическими чарами на заднемъ фонѣ. Теперь начали уже вставлять въ церковныя окна стекло, и средневѣковой техникѣ легче давалось оно цвѣтнымъ, нежели совершенно бѣлымъ, а отсюда далеко ли было до мысли воспроизводить мозаикою изъ стекла пестрые ковровые узоры? Во 982-мъ году аббатъ Госбертъ тегернзейскій пишетъ къ графу Арнольду: «Окна нашей церкви искони завѣшивались старыми платками «(сукнями); а въ ваши счастливыя времена златоубранное солнце впервые «отражается на плитахъ церковнаго помоста сквозь пестрыя, расписныя «стекла, и всѣ сердца преисполнены многой радостью.» Тамъ возникла мастерская, гдѣ научились оттѣнять огнеплавной массою предназначаемые для картины черепки, выводить и обжигать контуры по цвѣтнымъ поверхностямъ, и такимъ образомъ украшать окна не только орнаментными узорами, но и лицевыми фигурами; и легко представить себѣ какъ нравились вызываемыя солнцемъ отраженія очаровательной игры красокъ, тогда какъ внутренность самой церкви наполнялъ сумеречно-туманный полусвѣтъ. По живописными изображеніями покрывались также поля потолка и стѣны; въ архитектонической обрамовкѣ выступали на голубомъ фонѣ лики фигуръ, которыхъ очерки сильно заполнялись простыми красками. Сидящій на престолѣ въ абсидѣ Христосъ, нѣсколько святыхъ, группы для изображенія параллельныхъ исторій ветхаго и новаго завѣта, представали навстрѣчу зрителю и вездѣ вызывали на молитву, на славословіе Господу. Изъ 10-го и 11-го вѣковъ не дошло до насъ ровно ни чего, а работы 12-го столѣтія, выходящія опять мало по малу изъ-подъ штукатурки и забѣлки романскихъ церквей, напримѣръ въ Сенъ-Савенѣ въ Пуату́, въ Шварцрейндорфѣ, Браунштейгѣ, Гальберштадтѣ, обнаруживаютъ, что и здѣсь косная строгость византійскаго преданія боролась съ свѣжимъ грубымъ естественнымъ чутьемъ Германцевъ, что любовь къ пышной пестротѣ придумывала для архитектуры разнообразныя украшенія. Глазъ постепенно изощряется схватывать главныя черты тѣлеснаго организма, и движенія входятъ уже свободно въ полный достоинства ритмъ общей компоновки; полномысленно и глубокодумно сооружается нѣчто цѣлое изъ внутренней совокупной связи избран-

ныхъ по предначертанному плану образовъ. Италія, съ Венеціей и Палермо во главѣ, показываетъ въ свою очередь, какъ можно было одушевить византійскій типъ мозаикъ притокомъ новой жизни въ блестящихъ произведеніяхъ. И миніатюры рукописей 10-го вѣка идутъ не изъ почвы естественной первобытности, а сначала переводятъ на варварскій языкъ только античное же преданіе; но онѣ отрадно дѣйствуютъ плѣнительной чередою разнообразныхъ красокъ. По мѣрѣ энергическаго пробужденія въ народахъ собственнаго внутренняго чувства, формы все болѣе дичаютъ и искажаются въ 11-мъ столѣтіи, до тѣхъ поръ пока архитектоническая строгость не взяла грубаго произвола опять съизнова подъ свой началъ и не подготовила этимъ почвы для будущаго развитія. Сюжеты, избираемые живописью, всѣ сплошь почти церковные; однако вначалѣ нашего періода встрѣчаемъ мы извѣстіе объ одной картинѣ побѣды надъ Венграми подъ Мерзебургомъ, которой живость похваляютъ современники, а къ концу его дошедшій до насъ ковёръ въ Бейё, шитый холстъ въ два фута ширины и въ 210 длины, передаетъ исторію завоеванія Англіи герцогомъ Вильгельмомъ норманскимъ съ натурализмомъ, смѣлымъ дотого, что въ немъ явственно изображены разнаго рода боевыя сцены. Вышивка его, равно какъ и шитье на разныхъ церковныхъ и свѣтскихъ парадныхъ одеждахъ, слыветъ дѣломъ царственно-женскихъ рукъ; въ нескончаемомъ рельефѣ своемъ match нанизываетъ она одну фигуру, одну сцену къ другой, и орнаментируетъ края затѣйливыми арабесками.

Во всемъ стало-быть замѣчается, съ одной стороны, элементъ порывающейся впередъ естественной силы, только еще безрядной въ своихъ стремленіяхъ, а съ другой — элементъ преданія и школы, но школы окоснѣвшей, мертвенной. Какъ нѣкогда свѣжая струя жизни Эллиновъ сошлась съ строгою формой древняго Египта, такъ теперь и западная Европа съ Византіею. Невѣрная еще рука, шаткое еще чувство прекраснаго охотно искали себѣ опоры въ отвердившихся типахъ, въ заматерѣлой техникѣ, и порѣ перехода, опосредствованія выпала на долю двойственная задача, — или пропитать и одушевить старадавнія формы новымъ личнымъ чувствомъ, или бродящіе и дикіе еще порывы самобытной силы привесть въ мѣру и ясность школьной выдержкой.

НАУКА И ПОЭЗІЯ ВЪ ПЕРІОДЪ РОМАНСКАГО СТИЛЯ.

Въ Италіи, Франціи, Испаніи возникшія изъ латинскаго народныя нарѣчія развивались мало по малу въ новые языки; въ Германіи латинскій шелъ обруку съ нѣмецкимъ, но сдѣлался на нѣсколько вѣковъ исключительно

органомъ образованія; въ Англіи оба эти элемента слились въ одинъ. Какъ въ первичную пору людского рода искусство и наука лежали неразвитыя и нераздѣльныя въ колыбели религіи и находили себѣ единственное выраженіе въ иноѣ, такъ и теперь еще не состоялось подѣла общей духовной работы. Церковь была носительницей культуры, образованія, и духовные не только что заботились о спасеніи души, служили обѣдню, но еще писали и въ имперской канцеляріи, сидѣли въ думѣ государевой, воздѣлывали и лелѣяли искусство какъ при дворѣ, такъ и въ монастырской обители. Епископъ Бернвардъ гильдесгеймскій самъ предначертывалъ и производилъ постройки, самъ отливалъ изъ бронзы, и вмѣстѣ проповѣдывалъ евангеліе, былъ имперскимъ канцлеромъ и наставникомъ императора. Беннонъ оснабрюкскій участвовалъ въ походѣ противъ Венгровъ, началъ разныя водяныя сооруженія по Рейну и, сопровождая императора въ путешествіяхъ, всегда имѣлъ при себѣ художниковъ. Само собою разумѣется, что хотя въ монастыряхъ всякаго учили всему равномѣрно, однакоже природная способность въ той или другой извѣстной отрасли всетаки вела избранныхъ къ особенному отличію, и что сообразно тому силы употреблялись потомъ въ дѣло, а этимъ постепенно установлялся подѣлъ духовной работы по особымъ частямъ.

Церковь, вмѣстѣ съ возвышеніемъ внѣшняго своего могущества, старалась твердо обосновать и свое догматическое ученіе. Здѣсь изъ 11-го столѣтія назовемъ мы Ломбардца Ансельма, ставшаго архіепископомъ кантербёрійскимъ и столько же ревностно ратовавшаго за іерархію, какъ и стремившагося установить полную систему церковной догматики. Вѣра, по его мысли, должна предшествовать познанію, credo ut intelligam (вѣрю, съ тѣмъ чтобы уразумѣть); для уразумѣнія чего бы то ни было, мы напередъ должны испытать это внѣшними чувствами или внутренно. Было бы непростительной духовной лѣнью, не старайся мы понять то, что̀ сердце пріемлетъ съ вѣрой; но ни кто изъ христіанъ да не входитъ въ препирательство о томъ, какъ можетъ не быть то, что̀ исповѣдывается Церковью, и даже если онъ чего не постигаетъ въ ея ученіи, то отнюдь не долженъ поднимать бодливыхъ рогъ, а лишь преклонить голову для смиренной молитвы. Такъ формулирована Ансельмомъ задача схоластики *. Богъ для него всеобщее бытіе, благо и истина; въ мірѣ истинно только то, что̀ причастно Богу, благо только то, что стремится къ нему сердцемъ и помышленіемъ. Богъ всего выше, онъ то, болѣе чего не льзя себя представить; безконечное должно же вѣдь необходимо существовать; потому что, будь оно только мыслимо (а не на дѣлѣ), ему недоставало бы дѣйствительности, и оно не было бы тогда всевысочайшимъ и совершеннымъ. Ансельмъ старается доказать бытіе божіе посредствомъ такого умозаключенія, изъ котораго по настоящему можно вывесть только одно, что Бога необходимо мыслить сущимъ; но за тѣмъ остается другой вопросъ, отвѣчаетъ ли нашей мысли дѣйствительность?

---

* Схоластика собственно значитъ школьное ученіе вообще, но при этомъ не надо забывать что тогда не мыслили и не мечтали ни о какомъ иномъ ученіи, кромѣ церковнаго. Прим. Перев.

Греческихъ философовъ, Платона и Аристотеля, въ подлинникѣ не читали, а знали изъ нихъ только то, что̀ находили у Отцовъ Церкви; но со временъ Боэтія тянулся въ школахъ споръ, возводимый къ ученіямъ двухъ этихъ авторитетовъ и подѣлившій мыслителей, начиная съ 11-го столѣтія, на два противоположныхъ стана. Вопросъ шелъ о томъ, имѣютъ ли реальность, дѣйствительность, всеобщія видовыя и родовыя понятія, или это одни лишь слова, названія нашихъ же только представленій. Первое утверждали реалисты, послѣднее — номиналисты; мы теперь, совсѣмъ наоборотъ, скорѣе окрестили бы реалистомъ того, кто принимаетъ за дѣйствительность единичныя только вещи, и назвали бы идеализмомъ средневѣковой реализмъ, отстаивающій дѣйствительность помысловъ. Подобно тому какъ средневѣковая фантазія аллегорически олицетворяла себѣ духовныя силы, свойства, добродѣтели и сопоставляла ихъ ангеламъ, такъ точно отвердились для нея, особенно на чуждомъ языкѣ, понятія, роды и виды въ мысленныя существа, мыслевещи; она видѣла идеи осуществленными не въ въ одномъ только личномъ духѣ и въ явленіяхъ, какъ ихъ законъ или родовое понятіе, но приписывала имъ сверхъ-того самобытное еще существованіе. Замѣчали, что вещи преходятъ, смѣняясь болѣе или менѣе быстрой чередой, тогда какъ ихъ всеобщія понятія, или, какъ называли тогда, универсаліи, остаются все тѣ же; оттого послѣднія и приняли за помыслы божіи, будто бы существовавшіе до появленія вещей, а потомъ составившіе разъ навсегда ихъ неизмѣнную сущность, такъ что, напримѣръ, Гильіомъ де-Шамио̀ (Champeaux) видѣлъ во всемъ индивидуальномъ и частномъ одно только видоизмѣненіе родового понятія, которое присно ему какъ духовная его сущность, субстанція, тогда какъ напротивъ Росселѐнъ (также Французъ) принималъ всеобщія понятія за одни слова, за означенія нашихъ о вещахъ собственныхъ представленій, говоря, что именно только вещи въ своей особности реальны, что только индивидуальное дѣйствительно. Онъ впалъ этимъ въ противорѣчіе съ Церковью, выводя изъ своего взгляда такое заключеніе, что не единое божеское существо открывается троякимъ образомъ во св. Троицѣ, но что есть дѣйствительно три самобытныхъ особи, три бога. Дѣло въ томъ, что схоластики брали только формулы дошедшихъ по преданію догматовъ, и не старались ни уразумѣть внутренній ихъ смыслъ, ни узнать ближе историческій ходъ ихъ образованія, а прилагали къ нимъ извнѣ чуждыя совершенно средства или подчиняли имъ новыя мысли, не давая себѣ отчета, какъ и почему.

Что касается способа изложенія тогдашнихъ писателей, то античное преданіе сообщало имъ извѣстную сдержанность и ясность при спокойномъ обзорѣ цѣлаго, какъ мы, напримѣръ, видимъ у историка, Ламберта Ашаффенбургскаго. Однакожь и въ прозу и въ стихи врывалось иногда новое чувство жизни съ его музыкальною наклонностью, явно потѣшавшеюся игрой словъ и созвучій (риомъ). Средина и конецъ гексаметра должны были риомовать между собою, что̀ видно между прочимъ изъ общеизвѣстной тогда поговорки: Roma caput mundi regit orbis frena rotundi (Римъ, глава свѣта, правитъ землей безъ отвѣта). По имени Леона, будтобы изобрѣтшаго такіе стихи вконцѣ 5-го столѣтія, ихъ прозвали леонинскими. Въ Италіи

есть латинскія риомованныя хроники, и подобно тому какъ исторія Карла Великаго разсказана была въ латинскихъ хвалебныхъ стихахъ, такъ точно монахиня Гротсвита въ Гандерсгеймѣ сочинила хвалебную пѣснь современному ей императору Оттону Великому, замѣчательную своими характеристиками и знакомствомъ со внутренней исторіей саксонскаго царственнаго дома. Она стоитъ въ ряду тѣхъ благородныхъ германскихъ женъ, которыя, отличаясь то благочестіемъ и мудростью — какъ супруги Генриха I-го и Оттона I-го, Матильда и Эдиоь, то ученостью — какъ Герберга Баварская или Гедвига Швабская, сіяли кроткими звѣздами той воинственной эпохи. Ego clamor validus, «я — зычный кликъ», говоритъ она о себѣ самой, и Гриммъ объясняетъ ея имя значеніемъ «громкоголосой», тогда какъ другіе толкуютъ его «бѣлой розою» *,—равно знаменательно и въ первомъ случаѣ, и во второмъ. Гротсвита начала съ легендъ въ леонинскихъ гексаметрахъ; она точно держалась разсказа, дошедшаго по преданію, но германскій духъ обнаруживался у ней то въ тонкой индивидуализировкѣ и живописи души, то въ тепломъ естественномъ чувствѣ, и послѣ того какъ гётевъ Фаустъ сталъ у насъ истинно народнымъ созданіемъ, пріятно вспомянуть, что она первая пѣла о томъ, какъ честолюбіе и любовная страсть довели человѣка до союза съ дьяволомъ, и какъ падшаго искупила потомъ божія благодать и милость.

Всего важнѣе для насъ Гротсвита въ качествѣ основательницы нѣмецкой драмы. Въ своей риомованной прозѣ, напоминающей размѣръ арабскихъ макамъ, сама она говоритъ, что изъ-за образованнаго языка многіе отдаютъ суетности языческихъ сочиненій предпочтеніе передъ пользою священнаго писанія; даже тѣ, кто ни чего большаго не требуетъ, читаютъ и перечитываютъ теренціевы сказки и оскверняютъ душу поскуднымъ содержаніемъ, утѣшаясь тонкостью и чистотой языка. Вотъ откуда родилось въ ней непреодолимое желаніе пѣть вслѣдъ за Теренціемъ, но пѣть звучнымъ голосомъ и устами родного Гандерсгейма, съ тѣмъ чтобы тою же самой рѣчью, которою сладострастныя женщины высказывали любовь свою, изображались и чистыя побужденія святыхъ дѣвъ на вѣчную имъ честь и славу. Конечно, она краснѣла отъ стыда, художественно излагая такія сладкія бесѣды, какихъ не слѣдовало бы ей и слушать; но чѣмъ соблазнительнѣе были льстивыя, ласкающія слова, тѣмъ въ большемъ величіи являлась побѣда человѣка или слава небеснаго его помощника. И вотъ, христіано-германскій элементъ проявляется въ драмахъ Гротсвиты еще и тѣмъ, что очистительное искупленіе совершается въ самомъ сердцѣ дѣйствующей личности, тогда какъ у Теренція все дѣло въ благопріятнѣйшемъ случаѣ ограничивается однимъ, что какая-нибудь гетера признается законной дочерью гражданина и выходитъ-таки наконецъ замужъ. Въ своей собственной жизни, въ своемъ иноческомъ быту Гротсвита является зеркаломъ тогдашняго времени, которое побѣду надъ грѣховной чувственностью видѣло въ добровольномъ отреченіи отъ міра и на-

* Оттого нѣкоторые пишутъ Росвита, другіе Гротсвита. Прим. пер.

мѣсто земнаго жениха избирало небеснаго. Только уже позднѣйшая пора научила мирить природу съ духомъ въ чувствѣ истинной любви. Нѣкоторыя изъ драмъ ученой монахини показываютъ твердость вѣры даже и передъ мученической смертію; двѣ изображаютъ обращеніе двухъ заблудшихся красавицъ. Марія Египетская уходитъ отъ схимнической жизни дяди своего Авраама съ любовникомъ, а затѣмъ, вѣроломно покинутая имъ, поступаетъ въ домъ разврата. Туда, переодѣтый рыцаремъ, приходитъ дядя, и вотъ у груди его чувствуетъ она, что на нее какъ будто повѣяло лѣсной свѣжестью, невольно припоминается ей былое чистое блаженство; она вдругъ зарыдала, испугавшись сама себя, и отшельникъ уводитъ кающуюся Магдалину въ свой уединенный скитъ. Въ другой драмѣ святой Пафнутій начинаетъ обращать грѣшницу, привязавшись къ собственнымъ словамъ ея, что она сведетъ его потихоньку въ такой потаенный укровъ, который кромѣ ея самой извѣстенъ одному только Богу. Какъ же, говоритъ онъ, рѣшаешься ты преступать заповѣди божіи передъ всевидящимъ его окомъ? — Такимъ образомъ планъ піэсъ очевидно простъ, но ходъ дѣйствія всегда обозначенъ вѣрными чертами, и ясность движущихъ побужденій (мотивовъ), искренность чувствъ, наивность выраженія вполнѣ отвѣчаютъ старонѣмецкимъ картинамъ. Мы охотно углубляемся въ свѣжую беззавѣтность всего истинно зарождающагося и всегда готовы почтить въ немъ будущее развитіе, но изъ-за однихъ внѣшнихъ сходствъ, изъ-за того, что одинъ юноша говоритъ вначалѣ о любви своей съ друзьями, или что конецъ піэсы происходитъ въ могильномъ склепѣ, не слѣдовало бы искать въ ея «Каллимахѣ и Друзіанѣ» образца Ромео и Юліи и помѣщать въ рядъ шекспировскихъ книгъ драмы Гротсвиты, съ которыми Конрадъ Цельтесъ впервые познакомилъ восхищенныхъ находкою ученыхъ вначалѣ 16-го столѣтія (въ 1501 г.). Упомянутая сейчасъ драма дѣйствительно самая богатая и самая художественная по плану и по обрисовкѣ характеровъ; о сюжетѣ говорилъ я по поводу апокрифовъ (III, отд. 1, стран. 59). Скорѣе готовы и мы, съ своей стороны, подмѣтить поэтическую прелюдію юмора, то-есть смѣшную и лукаво-шаловливую картину на темномъ и грустномъ вообще фонѣ въ томъ, когда три молодыя, обреченныя на мученичество, узницы подсматриваютъ сквозь деревянную перегородку тюрьмы за Дульциціемъ и забавляются видя, какъ этотъ человѣкъ, зарившій на нихъ свое сластолюбіе и увлеченный этимъ чувствомъ до безумія, нѣжно ласкаетъ и цѣлуетъ въ смежной съ ними кухнѣ закоптѣлыя сковороды и горшки, пачкаясь при этомъ чернѣе самого чорта. Французъ Маньенъ (Magnin) вновь издалъ эти драмы въ 1848-мъ г., Бендиксенъ перевелъ ихъ понѣмецки, а І. Л. Клейнъ подробно изслѣдовалъ въ своей исторіи драматической поэзіи. Вѣроятно (замѣчаетъ Маньенъ), что онѣ были играны, такъ какъ онѣ вполнѣ разсчитаны на представленье; но очевиднымъ шагомъ впередъ противъ античной драмы является въ нихъ перемѣнность мѣста и времени. Впрочемъ и онѣ также представляютъ драму въ тѣсной связи съ религіей и даютъ нравственно-серьёзное содержаніе, выраженіе задушевнаго чувства Германцевъ въ формѣ, опирающейся на древнюю.

Сквозь такую же полуантичную форму прошла теперь и богатырская былина; мы имѣемъ поводъ предполагать, да отчасти и находимъ это въ Англіи и во

Франціи, въ Германіи уцѣлѣли тому образцы, и даже народное преданіе объ испанскомъ Сидѣ явилось прежде всего въ латинскомъ стихотвореніи. Плачъ Нибелунговъ самъ ссылается на латинское новѣствованіе, записанное по приказу епископа Пильгрина пассаускаго: да и что могло быть ближе къ сердцу эпохѣ венгерскихъ войнъ какъ не эта исполинская борьба Бургундовъ съ Гуннами? Разсказъ изъ того же самаго круга былинъ обработалъ монахъ Экегардъ Санктъ-Галленскій еще въ первой половинѣ 10-го вѣка въ латинскихъ гексаметрахъ, а младшій его тезоименникъ повыгладилъ потомъ это произведеніе. Ядреная свѣжесть богатырской эпохи еще не разведена здѣсь рыцарскою романтикой. Молодой Вальтеръ Аквитанскій былъ заложникомъ Аттилы и бѣжалъ оттуда съ прекрасною Кунигундой; на возвратномъ пути его домой, въ Вогезахъ (Васгау), вормскіе короли Бургундовъ противустали ему съ богатыремъ своимъ, Гагеномъ, затѣявъ страшные поединки, которые онъ выдержалъ со славою, и которые всѣ изображаются въ характеристическихъ чертахъ; послѣ тяжкихъ взаимно нанесенныхъ ранъ дикій задоръ боя кончается обыкновенно грубыми потѣшными рѣчами. Тутъ языческій элементъ явно идетъ еще обруку съ христіанскимъ; богатырь, надменно посылая непріятелю строптивый вызовъ, какъ водилось въ старину, падаетъ потомъ смиренно на колѣни, моля Бога о прощеніи или благодаря за побѣду. Поэтъ читалъ Виргилія и взялъ его себѣ за образецъ, но, вѣрно держась при этомъ своенароднаго языческаго преданія, онъ ближе подходитъ къ складу Гомера. Обстоятельно выдержанныя сравненія напоминаютъ собой антикъ, и однакожь отъ нихъ вѣетъ чѣмъ-то вполнѣ первобытнымъ и своеземнымъ: бойцы идутъ другъ на друга скрежеща зубами какъ вепри; они стоятъ какъ ясень, что̀ верхушкой уперлася въ звѣзды, а корнемъ ищетъ глубины, неподвижно презирая порывы расходившейся бури; копье кидается на свою добычу съ шипомъ змѣинымъ, и удары меча сыплются на шеломъ и щитъ, что̀ топоръ сѣчетъ дубъ развѣсистый.

Изъ тегернзейскаго монастыря и отъ начала 11-го столѣтія идутъ отрывки латинскаго Руодлиба, которые Шмеллеръ привелъ въ порядокъ и приписалъ монаху Фроумунту. Здѣсь отражается другое уже время. Связь съ Италіей и съ Византіей пріохотила отчасти къ поучительному, да и къ чудесному, а мѣсто своенародныхъ подвиговъ занимаютъ новеллистическіе пустячки. Руодлиба ласково встрѣтили при царскомъ дворѣ въ Африкѣ и на прощаньи дали ему выбрать себѣ на память сокровища или мудрость. Онъ выбираетъ мудрость, и получаетъ двѣнадцать добрыхъ наставленій; поэма разсказывала потомъ какъ эти наставленія оправдались цѣлымъ рядомъ случаевъ на возвратномъ его пути, пока онъ не добылъ себѣ наконецъ королевны въ невѣсты. Каждую отместку наказывали ему откладывать до слѣдующаго дня, никогда не проходить мимо отворенной церковной двери, не выбирать въ друзья рыжаго и т. д. Любовь къ дворской пышности, равно какъ и къ лукаво-тонкому волокитству отвѣчаетъ здѣсь какъ нельзя лучше риомованнымъ звукамъ леонинскаго стиха, а похвала мудрости, для которой употреблены въ дѣло и германскія и восточныя былины, обличаетъ въ авторѣ, на ряду съ интересомъ къ естественнымъ достопримѣчательностямъ, и ученое духовное лицо, которое охотно готово заняться мірскими вещами.

Духовнымъ же обязаны мы первыми записями изъ германскаго звѣринаго эпоса на латинскомъ языкѣ. Я прежде говорилъ о томъ (I, 281—282), какъ въ младенчески-первобытномъ состояніи человѣчества звѣриный эпосъ выростаетъ самъ собою изъ общежитія людей съ животными, и какъ многіе, согласные между собой въ сущности, но своеобразные въ подробностяхъ, разсказы ведутъ насъ къ признанію и здѣсь родового наслѣдія Арійцевъ, идущаго изъ ихъ давней, нераздѣльной старины. Если уже и древнѣйшія пословицы въ примѣрахъ изъ животнаго міра преподаютъ правила, пригодныя въ людскомъ быту, то далеко ли тутъ было до того, чтобы въ этихъ разсказахъ, сначала только передававшихъ съ простодушной радостью черты, подмѣченныя у животныхъ, видѣть прямо и положительно притчи, уподобленія? А изъ этого возникла басня, получившая художественную свою форму преимущественно отъ Грековъ (II, 94); ихъ умъ, направленный ко всему человѣческому, запоминалъ именно только то, что̀ могло служить образомъ послѣдняго, и потомъ съ мѣткою, разительной краткостью сводилъ цѣлое какъ бы въ остріе опредѣленнаго поученья. Иначе было это у Германцевъ. Естественное чувство ихъ погружалось въ затаенную глубь міра животныхъ и радушно подмѣчало тамъ все то, что человѣкъ переживаетъ и испытываетъ заодно съ ними; пастухъ и охотникъ готовы были видѣть въ волкѣ или въ лисѣ, то смѣлаго врага, то хитраго товарища; то, что̀ есть у насъ общаго съ животными, озаряли они свѣтомъ вполнѣ человѣческимъ, инстинктамъ ихъ и дѣйствіямъ придавали разсудливую сообразительность и языкъ, но отнюдь не предполагали въ нихъ идеальныхъ цѣлей и стремленій, держась въ точности созерцанія природы; въ тепломъ сочувствіи къ ихъ свойствамъ, животнымъ прилагали даже собственныя имена, и въ живыхъ индивидуальныхъ чертахъ старались сохранить всю ихъ своеобразность, тогда какъ басня сплошь позабываетъ послѣднюю и вводитъ, напримѣръ, лису въ хлѣбный амбаръ, а козу посылаетъ вмѣстѣ со львомъ въ погоню за оленемъ; охотно пускались во весь эпическій просторъ разсказа, но не сообщали ему ни какой другой тенденціи. Это не столько описанія, сколько переживаемые и самимъ читателемъ случаи; дикія животныя германскаго лѣса являются въ видѣ лѣсныхъ богатырей, и намъ нешутя повѣствуютъ объ ихъ борьбахъ, хитростяхъ и приключеньяхъ. Оттого-то и казалось Якову Гримму, что отъ германскаго звѣринаго эпоса такъ и вѣетъ на него старымъ боромъ. Его тонкому чутью обязаны мы сознаніемъ, что эти былины, проходя черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, связывались тысячью незримыхъ нитей съ дѣйствительной жизнію, и передаваясь устно изъ рода въ родъ, постепенно разростались, дополнялись новыми тонкими чертами, округлялись и наконецъ соединялись рукой художника въ одно цѣлое.

Первоначально царемъ германскаго лѣса былъ медвѣдь; только уже позже явился левъ и оттѣснилъ его; роль главнаго героя игралъ сначала волкъ; но по мѣрѣ того какъ умственная сила брала верхъ надъ тѣлесною, стала выдвигаться впередъ лисица. Звѣросказаніе какъ бы само напрашивается быть зеркаломъ людского житья-бытья; дѣло не обошлось конечно безъ того, чтобы иной разскащикъ не вставилъ тутъ сатирическихъ намековъ на современниковъ, но значило бы совершенно не понимать сущности народной

поэзіи, вздумай кто-нибудь видѣть главный ея источникъ въ подобнаго рода примыслахъ какихъ бы то ни было отдѣльныхъ лицъ. Уже рано волкъ выведенъ былъ монахомъ, именно въ латинскихъ стихотвореніяхъ 10-го и 11-го вѣка; * то же видимъ и въ средневѣковыхъ каменныхъ изваяніяхъ, напримѣръ въ романской поперечной сѣни фрейбургскаго мюнстера, гдѣ волкъ въ клобукѣ учится читать у монаха, а самъ черезъ книгу косится на овна.

Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ стихотвореній, «Экбазисъ», сочинено однимъ Лотарингцемъ и описываетъ болѣзнь льва, котораго лисица лѣчитъ тѣмъ, что велитъ ему потѣть въ шкурѣ, содранной съ живого волка; отсюда и вражда между волкомъ и лисицею; послѣдняя заправляетъ дѣлами, въ то время какъ левъ препокойно спитъ. «Изенгримъ» (прозвище волка, означающее буквально «желѣзную свирѣпость»), піэса одного южнофландрскаго поэта, представляетъ тотъ же самый сюжетъ въ живописныхъ подробностяхъ, и присоединяетъ къ этому другую повѣсть, будто бы разсказываемую льву, о томъ, какъ дикая коза ходила на богомолье. «Рейнардъ» (горяздъ или хитродумъ, имя лисы), сочиненіе одного сѣвернаго Фламандца изъ первой половины 12-го столѣтія, обличаетъ въ авторѣ такого человѣка, который среди борьбы государства съ Церковью ни мало не щадитъ послѣдней, такъ что разсказъ часто служитъ для него единственно лишь поводомъ обдать духовенство ѣдкимъ щелокомъ насмѣшки и иронически восхвалить порокъ. Содержаніе Изенгрима вставлено здѣсь въ видѣ четвертаго и пятаго изъ двѣнадцати приключеній, о которыхъ повѣдываетъ Рейнардъ. Мы сопровождаемъ лису съ волкомъ въ ихъ поискахъ за добычею; волкъ остается въ дуракахъ, согласившись стать посерединѣ поля, которое надобно было вымѣрить, а бараны между тѣмъ ринулись на него стремглавъ съ обѣихъ сторонъ, или вздумавши упрекнуть лошадь, что подковы у ней краденыя отъ церковныхъ дверей кольца, а она за то отпечатала ему одно изъ этихъ колецъ въ ненаходчивомъ его лбу. Здѣсь волкъ и лисица заодно со львомъ поймали теленка; волкъ дѣлитъ его на три равныя доли, а левъ выдираетъ у него за это лоскутъ шкуры отъ плечъ и до хвоста. Дѣлежъ предоставляется тогда Рейнарду: самый большой и самый лучшій участокъ назначаетъ онъ царю, другой — царицѣ, третій — царевичу, себѣ же откладываетъ къ сторонкѣ одну только ногу. Левъ согласенъ, и спрашиваетъ: Кто научилъ тебя такъ хорошо дѣлить? — Да, вотъ, мой ободраный дядюшка, — отвѣчаетъ лисица.

Тогда какъ отечественные сюжеты обработывались такимъ образомъ по-латини духовными лицами, и явно обнаружилось стремленіе слить разнообразныя сказанья въ одно художественное цѣлое, съ другой стороны, въ эпоху франконскихъ императоровъ, начали воспѣвать нѣмецкимъ стихотворнымъ языкомъ предметы христіанской религіи. Въ Санктъ-Галленѣ отличался плодовитою переводческою дѣятельностью монахъ Ноктеръ, во Франконіи, въ Австріи духовныя же лица ухватились за внутреннюю связь между сотвореніемъ и искупленьемъ, между первымъ Адамомъ и вторымъ; то

* Это указываетъ на давній разладъ бѣлаго духовенства съ чернымъ. Прим. перев.

обработывали они ветхозавѣтные сюжеты, какъ предуказанія новозавѣтныхъ событій, то послѣднія приводили въ соотношеніе съ первыми, предоставляя себѣ при этомъ на столько свободы, что къ разсказу присовокупляли лирическое восхваленіе и назидательный увѣтъ настоящему: въ надеждѣ на добраго вождя, спасти завѣщанное наслѣдіе борьбою со злымъ началомъ, направлять корму корабля среди моря житейскаго къ небесной родинѣ, взять крестъ вмѣсто райны, вѣру—вмѣсто паруса, добрыя дѣла—вмѣсто причала, и духа святого—вмѣсто попутнаго вѣтра. Ожиданіе кончины міра повело къ стихотвореніямъ о страшномъ судѣ, объ ужасахъ смерти, о суетѣ свѣта, объ его чревоугодіи и роскоши. Искали, и не даромъ, помощницы, утѣшительницы, заступницы себѣ въ Дѣвѣ Маріи, и славословіями молили ее о милости. Имя ея толковали изъ латинскаго (mare, море) и величали ее морской звѣздою, освѣщающею кроткимъ свѣтомъ своимъ путь къ пристани.

Въ латинскихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ мягкая музыка риѳмы все болѣе и болѣе единилась съ силою древнеримскаго языка. Вступая во врата вѣчнаго города, толпы богомольцевъ пѣли хоромъ:

O Roma nobilis, orbis et domina,
Cunctarum urbium excellentissima,
Roseo martyrum sanguine rubea,
Albis et virginum liliis candida,
Salutem dicimus tibi per omnia,
Te benedicimus, salve, per saecula *.

Римъ, городъ славный, міродержавный,
Надъ всей землею превознесенный,
Кровью страдальцевъ святыхъ обагренный,
Дѣвства лилеями весь убѣленный,
Здравствуй, о Римъ, на вѣки вѣчные!
Вотъ тебѣ наши привѣты сердечные.

Король Робертъ французскій славословилъ Святого Духа въ мелодическихъ стихахъ:

Утѣшитель нашъ, покой, души гость дорогой,
Сладкая пріиди отрада!
Отдыхъ, милый по трудѣ,
Освѣженье послѣ страды,
Помощь въ горѣ и бѣдѣ!

Но ни кто не пѣлъ такъ благозвучно о славѣ небесной обители, съ тѣмъ чтобы воспламенить сердца любовью и обратить ихъ къ Господу, какъ Петръ Даміани: и у него естественное просвѣтляется въ духовное; духъ не безъестественъ, онъ открывается въ чувственномъ, которое подходитъ къ нему гармонически во всестороннемъ и блаженномъ завершеніи всякой жизни.

По истокамъ жизни вѣчной духъ мой жаждой распаленъ.
Ахъ, зачѣмъ отъ узъ тѣлесныхъ вырваться не властенъ онъ!
Но къ отчизнѣ все стремится, хоть изгнанью обреченъ.

Благодать и восхищенье быть за брачнымъ тѣмъ столомъ,
Гдѣ изъ жемчугу построенъ цѣлый рядъ большихъ хоромъ,
Самоцвѣтные жь каменья блещутъ въ золотѣ кругомъ!

Нѣтъ ни холода, ни зноя въ этомъ краѣ круглый годъ,
Тамъ весна, не прерываясь, свѣжей розою цвѣтетъ,
Зелень въ полѣ, нивы зрѣютъ, и течетъ ручьями медъ*.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ СЪ ИХЪ ПОСЛѢДСТВІЯМИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА И ДЛЯ ЦЕРКВИ.

Григорій VII не ограничился тѣмъ что урядилъ личный составъ духовенства въ видѣ феодальной дружины римскихъ папъ; въ качествѣ рати божіей, оно должно было окончательно рѣшать и въ дѣлахъ свѣтскихъ: онъ задумалъ собрать всѣ силы Запада и самъ вести ихъ на покореніе Востока, на завоеваніе Гроба Господня. Воззваніе къ крестовымъ походамъ дѣйствительно и послѣдовало отъ Церкви, черезъ преемника его, Урбана II-го; но выполненіе дѣла и руководительство имъ выпало на долю рыцарства. Въ совокупномъ дѣйствіи Государства и Церкви Средніе Вѣка достигли высшей точки своего развитія, и тутъ-то, яснѣе и блистательнѣе чѣмъ когда-нибудь, сердце и фантазія выступили движущими силами той эпохи. Странничество на богомолье превратилось въ вооруженный походъ, жажда богатырскихъ подвиговъ отдалась на службу религіозной идеѣ; оказалось возможнымъ добыть сокровища Востока, совершая дѣло истинно богоугодное; непосѣдность и страсть къ похожденіямъ, сродныя Германцамъ и Кельтамъ, нашли себѣ свыше освященную цѣль, и самъ Христосъ явился великимъ феодальнымъ владыкою, созвавшимъ своихъ дружинниковъ для того чтобы овладѣть краемъ, гдѣ жилъ и пострадалъ онъ; геройскими подвигами на землѣ должны они были заслужить себѣ отпущеніе грѣховъ и вѣнецъ небесный. Три вѣка тому назадъ Каролинги противустали могаммеданамъ на западѣ; теперь хотѣлось увидѣть, какъ Карлъ Великій, пробудившись отъ сна въ горной дебри, поведетъ свои войска по воздушнымъ пространствамъ на востокъ; теперь Европа поднялась не на однихъ только Мавровъ въ Испаніи, но и на восточныхъ нехристей, какъ будто бы хлынула обратно бурная волна великаго переселенія народовъ. Но вмѣстѣ съ крестовыми походами и черезъ нихъ совершился поворотъ во всей внутренней и внѣшней жизни къ новому періоду исторіи: борьбу начала, правда, Церковь, ревность по вѣрѣ, по за-

---

* Ограничиваемся переводомъ трехъ первыхъ строфъ этого довольно длиннаго и на новѣйшій вкусъ слишкомъ однообразнаго стихотворенія. Прим. перев.

кончили ее силы свѣтскія, и онѣ же остались отъ нея въ барышахъ; Іерусалимъ былъ завоеванъ и снова утраченъ рыцарями, но зато проложенъ путь международнымъ связямъ, открылись торговыя сношенія съ Востокомъ, поднялись купечество, ремесленное сословіе, горожане, то-есть вообще средній людъ. Романы изъ Франціи и Италіи, Нѣмцы, вельсскіе Кельты и Бретанцы, Норманны и Провансалы, Греки и Армяне стекались пестрыми толпами въ военный станъ, обмѣнивались созерцаніями и чувствами, свѣдѣньями, споровками и сказаньями; благодаря этому именно взаимодѣйствію, сознали они вполнѣ свою народность, національность; для передачи новаго запаса впечатлѣній и ощущеній оказался слишкомъ недостаточнымъ древній латинскій языкъ, мѣсто общей церковной культуры заступило своебытное выраженіе собственныхъ помышленій и переживовъ каждаго народа. Изъ рукъ духовенства поэзія и изобразительное искусство перешли къ мірянамъ, сперва къ рыцарямъ, потомъ къ среднему сословію; общій свѣтскій правообычай установился понемногу для верховодныхъ круговъ общества во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ и опять-таки нашелъ выраженіе себѣ въ поэзіи, которая отъ легенды шагнула теперь къ завершенію эпоса, отъ церковнаго пѣснопѣвства къ чувственно-любовной пѣснѣ и къ романтически-любовной повѣсти. Не даромъ Гервинусъ видитъ въ крестовыхъ походахъ высшія даже поворотныя точки отъ древняго міра къ новому, великій переходъ отъ античной жизни къ новоевропейской. Вплоть до нихъ въ царствѣ духа все еще преобладали Греки и Римляне, но съ тѣхъ поръ начинается безпредѣльное господство сердца и его чувствъ. Мы въ этомъ отношеніи можемъ, съ своей стороны, сослаться на архитектуру: въ романскомъ стилѣ все еще вѣдь явны античныя преданія; готическій развертывается, съ своей парящей въ небо силою, въ высокихъ уступчатыхъ столпахъ, остродужныхъ аркахъ и башняхъ блистательной противоположностью греческому храму и преобладающей въ немъ горизонтальной линіи, опертой на колонны.

Крестовые походы начинаютъ открывать міръ для постоянныхъ и неудержимыхъ впредь международныхъ сношеній, и доводятъ вмѣстѣ съ тѣмъ задушевную жизнь Сѣвера до полнаго расцвѣта. Свѣжіе историческіе народы переходятъ изъ ребячества въ юношескій возрастъ; отъ всего этого времени вѣетъ воинскимъ молодечествомъ и восторженной теплотою чувства, что́ придаетъ ему какую-ту особую прелесть, какой-то особый ароматъ, подъ которымъ мѣстами таится еще много нескладнаго, дикаго, незрѣлаго, мѣстами—много преувеличеннаго, чрезмѣрнаго.

Съ кликомъ: «Такъ Богу угодно!» прикрѣпляли себѣ къ плечу крестъ не только цѣлыя тысячи рыцарей, но и простой, бѣдный народъ толпами валилъ къ бородатому отшельнику, объѣзжавшему весь край верхо́мъ на ослѣ; даже дѣти собрались въ походъ къ Іерусалиму. Чѣмъ больше утѣсненій, смутъ и всякой напасти представлялъ тогда общественный бытъ, раздираемый мелкою усобицей и самоуправствомъ, тѣмъ теплѣе уповали всѣ сердца найдти опору и спасеніе въ религіи; но теперь, вмѣсто того чтобъ иночески бѣжать міра, предстояло завоевать его рыцарски: вождемъ ихъ будетъ самъ Христосъ, они видятъ его надъ облаками, огненные мечи указываютъ имъ дорогу, простираясь между звѣздъ; общее одушевленье массъ перемогло всѣ

частныя, личныя стремленія, всѣ эгоистическіе расчеты государей, и увлекало, тянуло къ побѣдѣ; сильная страсть, могучій порывъ овладѣли душами: рядомъ съ изувѣромъ-священникомъ становился злодѣй, искавшій въ борьбѣ искупленія винѣ своей, становился голодный нищій, чаявшій избавленія отъ горя и нужды, и мечъ былъ посвященъ расширенію царства божія. Какой-то совершенно новый міръ очаровывалъ чувства, окрылялъ фантазію; необычайное переживаемое дѣло разросталось въ воображеніи, и послѣднее видѣло тѣ чудеса, въ какія вѣрило, на какія уповало. Въ такомъ всеобщемъ подъемѣ душъ силою одной идеи видимъ мы руку міровластительнаго Промысла; не внутренній ли въ самомъ дѣлѣ пережив высказывался въ кликѣ: «Такъ угодно Богу!»

Тогда какъ вожди перваго крестоваго похода извѣщали папу въ грамотахъ о дѣйствительной исторіи, фантастическій ея обликъ отражался уже въ разсказахъ у вечеровыхъ станичныхъ огней, въ военныхъ пѣсняхъ, которыми каждый народъ славилъ свои подвиги и своихъ героевъ и очень естественно приписывалъ своей именно дружинѣ самыя удалыя богатырскія дѣла или самую высокую ревность къ религіи. Въ то время какъ грамоты говорятъ о Богемундѣ и другихъ, народу пришелъ по сердцу благочестивый удалецъ Готфридъ Буйльонскій, и когда въ Италіи утвердили за нимъ королевскій санъ, то могъ ли кто подумать, что не онъ былъ верховнымъ вождемъ похода? На Западѣ распрашивали предпочтительно объ немъ всѣхъ возвращавшихся съ поля брани крестоносцевъ; ихъ пестрые, полновѣсные разсказы поддерживали безъ всякаго умысла его первенство, и къ нему, какъ къ средоточію всѣхъ дѣйствій, возводили перехожіе пѣвцы все то, что повѣдывали они потомъ въ своихъ странствіяхъ любознательному народу. Тѣ многочисленныя толпы, которыя примкнули къ Петру Пустыннику, думали разумѣется, что все главное шло отъ него, и вскорѣ начали пѣть объ нихъ въ разныхъ краяхъ Европы то самое, что Сарацыны баснословили о страшной ватагѣ нищаго царевича Тафура, что будтобы дружины эти были туркоѣдами не только въ переносномъ смыслѣ, но и дѣйствительно жарили себѣ на пищу убитыхъ враговъ. Засѣданія Клермонтскаго собора были перенесены на май мѣсяцъ собственно изъ-за того, что погода не должна была смотрѣть угрюмо ноябремъ, не могло не быть зелени въ лугахъ, цвѣтовъ въ поляхъ, не раздаваться пѣсни чернаго дрозда и жаворонка, въ такую пору, когда все человѣчество возликовало цвѣтущею весной. До насъ дошли поэтическіе разсказы во французскихъ риомованныхъ виршахъ, отличающіеся и народнымъ складомъ, и широкой эпическою полнотой. Одно духовное лицо, Альбертъ въ Ахенѣ, спустя двадцать лѣтъ по смерти Готфрида, живо изложилъ латинской прозой собранныя имъ пѣсни и устныя сказанія объ этомъ героѣ. Онъ и сталъ источникомъ для послѣдующихъ временъ, долго радовавшихся Петромъ Пустынникомъ, какъ начателемъ, и Готфридомъ, какъ верховнымъ вождемъ перваго крестоваго похода; Тассъ нашелъ здѣсь матерьялъ для своего «Освобожденнаго Іерусалима», и думая что поэтически украшаетъ гирляндами вольныхъ вымысловъ подлинно-историческіе факты, онъ, какъ позднѣйшій художникъ, только округлялъ и завершалъ созданія стародавней народной поэзіи. Зибель, ясно подѣливъ здѣсь былину отъ фактическаго содержанія, присовокупляетъ: «Мы знаемъ вѣдь, что историческая жизнь состоитъ

«не изъ однѣхъ осадъ и сраженій; въ содержаніе ея достойнѣйшимъ еще образомъ входятъ подвиги духа, созданія фантазіи, и въ дѣлѣ крестоваго похода, напримѣръ, я не обинуясь приму сочиненіе тѣхъ пѣсенъ за событіе «большей важности нежели штурмъ Іерусалима. Внѣшнее обладаніе этимъ «городомъ утрачено черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, да было и съ самаго «начала безнадежною затѣей; тогда какъ, напротивъ, въ сказаніяхъ объ немъ «мы видимъ первый признакъ радостнаго внутренняго возрожденія, первыя «жилобіенія свѣжей духовной жизни послѣ цѣлаго вѣка глухихъ и мрачныхъ «блужданій въ изувѣрныхъ мечтахъ,—такой поворотъ, который, наступивши «единожды, уже не терялся болѣе для Европы, но постепенно съ каждымъ шагомъ болѣе развертывалъ ей крылья на полетъ.»—Хотя я прежде разъяснилъ то обстоятельство, что подъ покровомъ оффиціальной латинской литературы въ глубинѣ германскихъ сердецъ все-таки струилась еще волна богатырской былины про Зигфрида, Дитриха и Карла Великаго — да какъ бы иначе и влиться ей въ письменность съ такимъ величіемъ и такою полнотой въ 12-мъ вѣкѣ?—все же однако неоспоримо, что внезапный выступъ ея на божій свѣтъ и пріемъ во всемірную литературу совершились подъ наитіемъ того самаго духа, который далъ и первому крестовому походу его поэтическое просвѣтленіе.

Не духовные, а міряне завоевали Іерусалимъ, не кающіеся отшельники, а дружины ратныхъ людей добыли наконецъ святую землю и чувствовали, что самъ Христосъ надѣлилъ ихъ тамъ высшею благодатію, нежели всѣ грѣхоотпускныя и благословенія Церкви. Арабы давно уже перешли отъ изувѣрства къ ремесленной промышленности, искусству и наукѣ; христіане научились цѣнить ихъ въ мирныхъ сношеніяхъ, какъ и въ бою; дошли постепенно до сознанія, какъ много общихъ основныхъ ученій во всѣхъ вѣрахъ; начала даже свѣтать мысль о взаимной терпимости и увагѣ, а земная благодать Востока, любовь къ женщинамъ какъ лучшая отрада жизни, ощущалась вѣдь ужь конечно равно и другомъ, и недругомъ. На Востокѣ христіане уповали въ то, что самъ Богъ оборонитъ тамъ новое ихъ царство, а могучіе туземные богатыри водружали знамя своего пророка, въ надеждѣ воротить утраченное; на Западѣ умы стали интересоваться поэзіей Провансаловъ, римскимъ правомъ, воскресшимъ въ Италіи, пробуждающеюся самостоятельностью мысли въ лицѣ Абелярда, первою проповѣдью противъ свѣтской власти духовныхъ въ лицѣ Арнольда Брешійскаго, и самъ благочестивый Бернгардъ изъ Клерво (Clairvaux), весь отдавшійся служенію Церкви, началъ открыто говорить, что лучше бороться съ грѣховными наклонностями души, нежели съ Сарацынами. Однакожь въ половинѣ 12-го вѣка онъ проповѣдывалъ еще второй крестовый походъ на помощь утѣсненнымъ въ Іерусалимѣ христіанамъ. Походъ этотъ не удался. Пасмурный Нуреддинъ, блистательный преемникъ его, герой, умница и любитель веселой жизни, Саладинъ, рвались побѣдоносно впередъ, и не прошло столѣтія, а іерусалимскаго царства какъ не бывало. Страшная эта вѣсть призвала весь Западъ къ оружію; послѣдовала долгая борьба за Птолемаиду. Престарѣлый императоръ Фридрихъ Рыжая Борода, который, во главѣ благоустроеннаго войска, отстаивалъ на мѣстѣ фантастическихъ битвъ прозорливо и твердо свѣтскіе свои интересы, случайно утонулъ въ киликійской рѣкѣ Селефѣ, а съ нимъ отлетѣла и душа всего предпріятія. Англійскій

король Ричардъ Львиное Сердце былъ скорѣе удалымъ рыцаремъ, нежели политикомъ и героемъ вѣры. Съ могаммеданами покончили на уговорѣ, чтобы безоружнымъ христіанскимъ богомольцамъ открытъ былъ доступъ въ Іерусалимъ. Вмѣсто мистическихъ трофеевъ народы пріобрѣли себѣ расширенный кругозоръ и значительное усиленіе торговыхъ связей. Венеціанцы основали на время латинскую имперію въ Константинополѣ; преслѣдуемый папскою анаѳемой, Гогенштауфенъ, Фридрихъ II, при дружескихъ сношеніяхъ съ Сарацынами, успѣлъ ловко выговорить у нихъ на короткій срокъ даже обладаніе святыми мѣстами; но долженъ былъ воротиться въ Неаполь для обороны своихъ собственныхъ владѣній отъ папскихъ дружинъ, и успѣхи его вскорѣ пропали задаромъ. Казалось, еще разъ вспыхнула религіозная ревность, благодаря французскому королю, Людовику Святому, но предпріятіе его пришло въ Египтѣ къ безславному заключенію; съ исходомъ 13-го вѣка и крестовые походы достигли своего конца. Ими добыто совсѣмъ не то, къ чему первоначально стремились: весь выигрышъ пришелся на долю свѣтскаго образованія и состоялъ не въ земельныхъ, а въ духовныхъ пріобрѣтеніяхъ; вмѣсто гроба, порожняго по ученію самой вѣры, христіанство снискало себѣ болѣе свободы и приволья въ житейскомъ быту.

Когда Іоаннъ II, англійскій, вполнѣ разладивъ съ подданными, рѣшился принять свое королевство въ лэнъ отъ папы, тогда чувство государственной независимости проявилось тамъ уже со всей силою, и послѣ упорной борьбы король долженъ былъ клятвенно обѣщать на рѐннигмидскомъ лугу соблюденіе такъ называемой Великой Хартіи, этой давней и досточтимой основы англійской конституціи; она смягчила бытовыя отношенія, признала привилегіи городовъ, свободу торговли, установила нерушимость права для всѣхъ свободовъ. Во Франціи еще Людовикъ VI вначалѣ 12-го вѣка упразднилъ, по совѣту аббата Сюжѐ (Сугерія), крѣпостное состояніе въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ и оборонялъ зацвѣтавшіе тогда города отъ ихъ феодальныхъ господъ; королевская власть вошла въ болѣе тѣсный союзъ съ гражданствомъ и признала своей цѣлью національное объединеніе страны черезъ подчиненіе себѣ знати, которая прежде связывалась съ государствомъ одною только васальской (военно-служебной) присягою. То, что предшественники его начали оружіемъ, Людовикъ Святой продолжалъ правоурядомъ. Филиппъ Пригожій уничтожилъ папскую власть во Франціи и призвалъ въ соборъ земскихъ чиновъ, въ такъ-называемые генеральные штаты, среднее сословіе наравнѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ; съ своекорыстной смѣлостью ломалъ онъ феодальный строй и для своихъ собственныхъ пользъ, и для гражданства.

Въ Германіи и въ Италіи имперія и Церковь вели между собой громадную борьбу за первенство. Родъ Гогенштауфеновъ — родъ истинно трагическій. Рыцарство со всею богатырской его силой явилось въ лицѣ Фридриха I-го; рыцарство, отдавшееся поэзіи и поклоненію красотѣ во всѣхъ видахъ, рыцарство, какъ первый свободный и смѣлый представитель новаго свѣтскаго образованія, воплотилось какъ не льзя блистательнѣй во Фридрихѣ II-мъ. Они вступили въ борьбу съ чрезмѣрно усилившимся папствомъ, чтобы завоевать раздѣлъ духовной и свѣтской властей, чтобы осуществить наконецъ мысль политической монархіи. Но взоры ихъ были ослѣплены блескомъ римско-им-

ператорской короны, душу ихъ обуяло представленіе, что имперія, соединивъ Италію съ Германіей, должна ограждать земное благо европейскихъ народовъ и руководить ими въ этомъ смыслѣ, и оттого-то въ Германіи домъ Вельфовъ, перечившій возведенію Гогенштауфеновъ на императорскій престолъ, противусталъ имъ съ національно-германскою и вмѣстѣ партикуляристическою идеей, и долго, долго раздавался потомъ въ исторіи кликъ: «Сюда Гвельфъ, сюда Гибеллинъ!» * Вмѣсто того чтобы направить всѣ свои силы на преодолѣніе этой сопротивной стороны и учредить единое германское государство, они неудержно стремились покорить себѣ Италію, и такимъ образомъ сами сдѣлали своихъ туземныхъ недруговъ союзниками папства. Къ этому присоединилось еще въ Италіи первое пробужденіе новой городской и гражданской жизни, вслѣдствіе чего рыцарственный духъ Гогенштауфеновъ пришелъ въ кровопролитную борьбу съ городскими общинами, и вмѣсто того чтобъ заодно съ ними освобождать свѣтскій бытъ и людъ отъ іерархическаго ига, онъ вынудилъ новорожденныя республики броситься въ объятія папѣ, такъ что послѣдній могъ поставить свое дѣло подъ знамя народности. Подъ вліяніемъ самостоятельнаго философствованія Абеларда, у Арнольда Брешійскаго возникла великая мысль о свободной Церкви въ свободномъ государствѣ; подъ клобукомъ монаха, пламенный ораторъ горячо отстаивалъ народныя права и одушевлялъ гражданъ на побѣдоносную борьбу съ феодальною и епископской властью; Церковь, говорилъ онъ, должна отрѣшиться отъ свѣтскаго главенства, отъ мірского стяжанія, ограничиться одной религіозной областью и вести души къ спасенью. Но святой Бернгардъ, самъ желавшій еще до кончины своей увидѣть Церковь такою, какою была она въ тѣ времена, когда апостолы закидывали мрежи не ради серебра или золота, а для ловитвы душъ, — онъ, которому блестящій пурпуромъ папа представлялся наслѣдникомъ не Петра апостола, а императора Константина,—этотъ чистый человѣкъ, ревнуя по вѣрѣ, отстаивалъ однакожь стародавніе порядки противъ еретическихъ мыслей голіаѳа Абеларда и пращника его Арнольда, чья рѣчь, по его словамъ, точила медъ, а ученіе было губительнымъ ядомъ, у котораго подъ головою чистаго голубя таилось жало скорпіона. Тѣмъ не менѣе городская община даже и въ Римѣ рѣшила отнять у папы свѣтскій престолъ, съ тѣмъ чтобы верховныя его права перешли къ республикѣ, а самъ первосвященникъ главенствовалъ только надъ Церковью; и здѣсь-то Арнольдъ обрѣлъ настоящую для себя почву, здѣсь проповѣдывалъ онъ въ то же время общее равенство всѣхъ священниковъ и распалилъ низшее духовенство противъ аристократіи кардиналовъ. Самый имперскій санъ былъ объявленъ истеченіемъ верховной власти римскаго народа, которому исключительно принадлежитъ право вручать регаліи тому или другому лицу. Но папа обложилъ Римъ анаѳемой, а молодой Фридрихъ Барбаросса

* Названіе этихъ партій производятъ, какъ извѣстно, отъ того, что будто бы въ битвѣ подъ Вейнсбергомъ между императоромъ Конрадомъ III Гогенштауфеномъ и Вельфомъ VI, герцогомъ баварскимъ, кликъ: сюда Вельфъ, сюда Вайблингъ! служилъ сопротивникамъ лозунгомъ. Вайблингенъ—родовой зáмокъ Гогенштауфеновъ въ Швабіи; но Итальянцы передѣлали эти имена въ Гвельфъ и Гибеллинъ и стали разумѣть подъ первымъ приверженцевъ папы, а подъ вторымъ—сторонниковъ императора.

(Рыжая Борода) привелъ его туда снова, и за это получилъ отъ него корону во храмѣ Св. Петра; онъ принесъ ему въ жертву благороднаго пророка лучшей будущности,—Арнольдъ Брешійскій сгорѣлъ мученикомъ на кострѣ. Мстителями за него явились граждане ломбардскихъ городовъ, и самъ Гогенштауфенъ загубилъ лучшую силу, способную осуществить заодно съ нимъ великое слово Іисуса: Кесарево кесарю, а божіе Богу. Скоро неограниченные государи Церкви сдѣлались такъ же невыносимы для Кесаря, какъ и необузданные васаллы; основываясь на римскомъ правѣ, возвысился онъ до представленія замкнутаго въ себѣ и полновластнаго во имя общей пользы государства, и проводилъ мысль свою смѣло, упорно, отважно и обдуманно; но, вмѣсто того чтобъ, опираясь на народъ и на зарождающуюся свободу духа, въ Германіи побивать перечившихъ единству вельможъ, а въ Италіи — папу, онъ извелъ всю богатырскую жизнь свою въ войнѣ съ ломбардскими городами, которые хотѣлъ подклонить игу чужевластія, а самъ держалъ папѣ стремя, для того чтобы быть вождемъ христіанскаго міра не въ дѣйствительности, а только въ воображеніи. Но такъ какъ праздникъ, данный имъ однажды въ Майнцѣ, впервые развернулъ передъ глазами народа цвѣтъ германскаго рыцарства со стороны любовнаго служенія дамамъ, поэзіи и военнаго блеска, и какъ самъ онъ, подобно Карлу Великому, превосходилъ всѣхъ современниковъ многочисленностью и славой своихъ дѣлъ, то народъ не хотѣлъ дать вѣры извѣстію, чтобы онъ дѣйствительно утонулъ гдѣ-то на Востокѣ, но твердо уповалъ, что императоръ когда-нибудь воротится и принесетъ съ собой единство родному краю и внутри и внѣ.

Въ лицѣ Иннокентія III-го внѣшнее могущество папъ достигло высшей степени своего блеска; онъ сдѣлался главою и вождемъ итальянской независимости, но сталъ вразрѣзъ—съ поступательнымъ ходомъ человѣческаго духа. Самъ онъ называлъ папу солнцемъ, освѣщающимъ вселенную, а императора—мѣсяцемъ, который озаряетъ земную ночь заемнымъ только блескомъ; другіе говорили тогда въ томъ же смыслѣ, что мечи духовной и свѣтской власти оба принадлежатъ Церкви, но что одинъ изъ нихъ, себѣ же впрочемъ на служеніе, передала она государству; король англійскій сложилъ корону какъ васаллъ къ ногамъ первосвященника, и получилъ отъ него на это уничижительный отвѣтъ: «Какъ въ кивотѣ завѣта божія рядомъ съ скрижалями «закона лежитъ розга, такъ и въ сердцѣ папы обокъ съ страшнымъ сокру-«шительнымъ могуществомъ есть и сладкая кротость милосердія.» Но последней не много выпало на долю христіанству; этотъ хитроумный честолюбецъ, грозный судья своего вѣка, обставилъ Церковь всѣми ужасами, чтобы наводить ею раболѣпный страхъ. Его анаѳема разила духъ новой жизни, гражданскую свободу и самостоятельность мышленія, но не смогла ихъ истребить; тщетно уничтожалъ онъ на словахъ Великую Хартію; мысль работала втиши все дальше и дальше, твердо увѣренная въ своей будущности. Папское міродержавство выстроилось снаружи, но внутри уже точила его тля; личная сила чувства и изслѣдованія еретически поднялась противъ церковно-государственной догмы Рима. Въ то время какъ провансальская молодежь потѣшалась «веселымъ искусствомъ» (la gaie science), Катары, то-есть «чистые» (родъ духоборцевъ въ зачаткѣ), проповѣдывали противъ злоупотребленія мощами, противъ продажи грѣхоотпускныхъ граматъ и про-

тивъ чисто-внѣшняго пониманія святыхъ таинъ: не вода съ виномъ, говорили они, очищаютъ насъ или примиряютъ съ Богомъ,—все дѣло тутъ во внутреннемъ настроеніи; достоинство священнослужителя не въ его санѣ, а въ благочестивомъ житіи. Церковь должна отречься отъ богатствъ, отъ земной пышности, и вся посвятить себя духу. Иннокентій созвалъ крестовый походъ на этихъ отщепенцевъ, и вотъ грабежъ, убійство и огонь страшно опустошили южную Францію, гдѣ изувѣръ Доминикъ ввелъ инквизицію, то-есть пыточное дознаніе правовѣрія и уголовный судъ надъ всѣми, кто мыслитъ не такъ какъ повелѣно. Но пламя костровъ заклеймило передъ потомствомъ Иннокентія и прославило навѣки Альбигойцевъ *. И въ то время какъ мрачный испанскій монахъ, въ своемъ необузданномъ стремленіи отвратить людей отъ всего, что́ считалъ онъ за ложь, и удержать ихъ въ лонѣ церкви, не давалъ своимъ приверженцамъ вести отшельническую жизнь, а напротивъ разослалъ ихъ въ народъ, какъ «псовъ господнихъ» (domini canes, доминиканесъ), наускивать его къ правовѣрію,—въ то самое время ученіе о бѣдности, какъ истинномъ послѣдованіи Христу, въ противоположность церковному великолѣпію, нашло себѣ въ средѣ ихъ самихъ восторженнаго апостола въ лицѣ Франциска д'Ассизи, отбросившаго все сластолюбіе богатствъ и основавшаго бродячій нищенскій орденъ для проповѣди евангелія бѣднякамъ. Онъ бесѣдовалъ съ деревьями и птицами, пѣлъ гимны брату своему, солнцу, и сестрѣ своей, лунѣ; его услаждавшійся богосозерцаніемъ духъ, его исполненная блаженствомъ любви фантазія, пришлись очень по́ сердцу возбужденному настроенію учениковъ его, которые видѣли на немъ язвы Спасителя и легендарно изукрасили его житіе въ подобіе Іисусъ-Христову. Какъ вообще водилось въ Средніе Вѣка, бѣдность предстала ему олицетворенною, и онъ привѣтствовалъ въ ней существо небесное, свою невѣсту, владычицу своихъ помысловъ. Нѣтъ, скажемъ мы вмѣстѣ съ Грегоровіусомъ, противоположности больше той, какую представляютъ лики царящаго въ міродержавномъ величіи Иннокентія III-го и смиреннаго нищенки, святого Франциска, который стоялъ передъ папой, какъ средневѣковой Діогенъ передъ Александромъ,—бѣдный болѣзненный мечтатель, но въ ничтожествѣ своемъ ставшій несравненно выше всѣхъ папъ, пророкъ и увѣтчикъ, истинное зеркало, въ которомъ Божество какъ нарочно показывало горделивцу тщету всего мірского величія. Но Францискъ, какъ и Доминикъ, вдвинулъ монашество въ самый пылъ бореній той эпохи, въ самую сутолоку житейскихъ дѣлъ: этимъ оба они демократизировали его. Рабочій и угнетенный народъ увидѣлъ въ нихъ самоё бѣдность, вознесенную у алтаря господня, увидѣлъ въ нихъ отрѣшеніе Церкви отъ богатствъ земныхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ выполненіе одного по крайней мѣрѣ справедливаго требованія еретиковъ-отщепенцевъ. Босикомъ странствовали они, проповѣдуя на народномъ (а не на латинскомъ уже) языкѣ, выслушивая исповѣдь отъ владыкъ и нищихъ, двигаясь какъ всегда готовая къ бою рать Церкви. Какъ самъ Францискъ, такъ и одинъ изъ учениковъ его, Джакопоне, начали писать стихи на

---

* Отъ Альбигоя (Albigeoi), какъ называлась тогда значительная часть Прованса, бывшая главнымъ поприщемъ папскихъ расправъ.

итальянскомъ нарѣчіи. Мистическій восторгъ къ небесной славѣ и негодованіе на грѣхи и безумства свѣта разрѣшили ему языкъ для пѣнія; за одну сатиру на папу Бонифація VIII-го высидѣлъ онъ въ тюрьмѣ. Но что въ этихъ монашескихъ кругахъ, точно такъ же какъ и у тогдашнихъ дервишей на Востокѣ, отреченіе отъ земныхъ благъ было освобожденіемъ духа и отрадою для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, это могутъ показать намъ нѣкоторыя изъ его строфъ.

Изберешь подругой бѣдность,
Мирно вѣкъ протянешь свой.
Бѣдность и при ней познанье
Не подслужны ни кому;
Дай имъ, иль не дай стяжанья,—
Равнодушны ко всему.
Недоступно сердце Богу,
Полное земныхъ заботъ;
Въ бѣдности жь простора много:
Небо уголъ въ ней найдетъ.
Бѣдность, что́ она такое? —
Не имѣть и не искать,
Но въ свободѣ все благое,
Все что нужно обрѣтать.

Но изъ новаго ордена вскорѣ возникли и верховоды въ области богословской науки, тогда какъ восторженные приверженцы Франциска д' Ассизи видѣли въ немъ начало завершенія всего христіанства, то-есть царства внутренняго и духовнаго въ противоположность внѣшней, измірчившейся римской Церкви, и указывали помимо ея на Грецію, гдѣ, по ихъ мнѣнію, лучше сохранилась первобытная чистота. Аббатъ Іоахимъ основалъ въ Силанскомъ лѣсу, въ южной Калабріи, монастырь святой Флоры, по которому онъ обыкновенно называется де-Флорисъ (де-Фіоре); читая новый завѣтъ и пророковъ, онъ выставлялъ взаимныя ихъ соотношенія, и находилъ что царство святого духа еще не заложено; онъ указывалъ на апокалиптическаго ангела, приносящаго вѣчное евангеліе, и книги его о связи ветхаго завѣта съ новымъ, объ апокалипсисѣ и десятиструнной псалтири изданы были въ 1254-мъ году Герардомъ де-Борго Санъ-Доннино съ предисловіемъ, которое именуетъ себя введеніемъ въ «вѣчное евангеліе» и развиваетъ далѣе то, на что авторъ книгъ только намекалъ мѣстами. Сюда же относитъ Ренанъ и Іоанна Пармскаго, который видѣлъ законъ новой жизни въ буквальномъ выполненіи нагорной проповѣди, а въ отрекшемся міра общеніи имуществъ францисканскаго ордена находилъ ту форму христіанства, которая должна замѣнить собой и Церковь и государство. Іоахимъ слылъ пророкомъ, Францискъ — мессіею, Іоаннъ Пармскій и друзья его считали себя за апостоловъ третьяго завѣта, не связаннаго уже ни съ какой внѣшней управою, ни съ какими разграниченіями собственности. Духовные люди не подвластны уже Церкви, папа не надѣленъ особымъ разумѣніемъ духовнаго смысла священныхъ писаній. Міроправительство божіе, сказано въ томъ предисловіи, также вѣдь имѣетъ свои эпохи: въ древности открылся и царилъ Богъ Отецъ, со времени христіанства — Богъ Сынъ, а теперь наступила пора, когда свидѣтельствуетъ о себѣ Богъ Духъ Святой, когда замѣсто внѣшнихъ пра-

вилъ и уставовъ все уясняется внутренно и происходитъ по мудрости и разуму. Какъ за ветхимъ завѣтомъ послѣдовалъ новый, такъ теперь явилось «вѣчное евангеліе». Христосъ говорилъ въ образахъ и притчахъ, теперь истина повѣдывается безъ всякой завѣсы, и мы видимъ Бога лицомъ къ лицу. Ветхій завѣтъ былъ порою закона, страха, порабощенія; новый — порою вѣры, дѣтскихъ отношеній, благодати; вѣчное евангеліе — царство духа, свободы, любви. Эти три эпохи міра относятся одна къ другой, какъ звѣздная ночь, разсвѣтъ и бѣлый день. — Римская Церковь, доминиканцы и парижскій университетъ стали заодно для подавленія этого (духоборческаго) ученья. Они и задавили его, потому что само оно укутало безсмертную мысль въ смертную оболочку монашества, тогда какъ напротивъ время такъ и порывалось уже къ свѣтской наукѣ, къ мірскому образованію. Дантъ привѣтствуетъ Іоахима, провидца лучшей будущности, въ солнечномъ небѣ свѣтлыхъ учителей, на ряду съ Бонавентурой.

Въ наши дни Кавуръ въ Италіи усвоилъ себѣ лозунгъ Арнольда Брешійскаго, а сто лѣтъ тому назадъ Лессингъ въ своемъ «Воспитаніи человѣческаго рода» усыновилъ и развилъ далѣе идею Іоахима; люди трудятся еще мѣстами и теперь надъ осуществленіемъ этихъ помысловъ, надъ сочетаніемъ въ одинъ свободный союзъ государства, религіи и науки: такъ медленно назрѣваютъ идеи, такъ много времени нужно для проведенія ихъ въ широкій потокъ жизни, для полнаго ихъ торжества во всемірной исторіи.

И Фридрихъ II представляется съ разныхъ сторонъ новымъ человѣкомъ въ средневѣковой эпохѣ. По образованію и свободѣ ума онъ звѣзда своего времени; бодрый, веселый духъ, та ясность прекраснаго, которая придаетъ лучшей порѣ средневѣковья нѣчто схожее съ эллинствомъ, — все это являлось и въ немъ самомъ, и при дворѣ его, въ Палермо. Потому что вѣдь не въ Германіи, а въ Сициліи заложилъ онъ основу того могущества, которымъ хотѣлъ объединить Италію и освободить государство отъ церковной власти. Обнаруживая даже и въ сношеніяхъ съ могаммеданами величайшую терпимость, онъ былъ такъ далекъ отъ всякаго узкосердаго догматизма, что ему тогда уже приписывали сочиненіе «О трехъ обманщикахъ», изъ которыхъ только одинъ поплатился за это на крестѣ; не смотря на то, по политическимъ соображеніямъ онъ принималъ крутыя мѣры противъ еретиковъ, разодравшихъ нешвенную ризу Спасителя и хотѣвшихъ подѣлить Церковь на секты, тогда какъ ему слѣдовало бы, напротивъ, опереться на новое умственное движеніе въ борьбѣ съ іерархіей. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ и канцлеромъ Петромъ де-Винеисъ составилъ онъ общее уложеніе, долженствовавшее ввести въ жизнь одинаковое надъ всѣми владычество закона, равенство повинностей и правъ; но, какъ Нѣмецъ, онъ былъ чужакомъ для Итальянцевъ, а какъ рыцарственный государь, онъ противусталъ вольнымъ городамъ, которые, уповая на собственную силу стремились къ народному государству будущности, хранящему патріархальный элементъ въ семьѣ, и антично-республиканскій въ общинѣ. Послѣдняя стала теперь на одну доску съ феодализмомъ, человѣкъ сдѣлался опять гражданиномъ своего города, и путемъ труда и знанія добивался земныхъ благъ. Рыцарство и гражданство стояли еще бокъ-о-бокъ, а императоръ представлялъ собой еди-

ство цѣлаго. Но въ Средніе Вѣка дѣло не дошло до взаимнаго сопроникновенія двухъ этихъ элементовъ, и въ лицѣ Фридриха императорству не удалась смѣлая попытка заявить себя полномочнымъ властителемъ, все уряжающимъ по своей волѣ. Папа дерзнулъ поразить его анаѳемой, разрѣшить народъ отъ повиновенія ему; тогда онъ обратился къ европейскимъ государямъ, призывая ихъ противъ церковной власти, чтобы возвратить ее къ первобытной апостольской чистотѣ, лишить свѣтскаго могущества и великолѣпія и привести къ смиренію передъ Богомъ. Но слово его не нашло себѣ отклика; покинутый своимъ временемъ, герой вѣка умеръ въ трагическомъ одиночествѣ.

Монашество и рыцарство, фанатическая ревность по вѣрѣ и еретическое вольнодумство, права, льготы, направленія, государства въ государствѣ,—средневѣковье было тогда самой пестрою сопостановкой разнообразныхъ элементовъ, съ папствомъ и императорствомъ во главѣ. Великіе папы, сперва мужественно завоевавшіе независимость Церкви, а потомъ хотѣвшіе управлять міромъ, храбрые императоры, защищавшіе и отстоявшіе свободу свѣтскаго духа, — они дѣйствительно были верховодами исторіи, орудіями поступательнаго развитія въ порядкѣ вещей. Грегоровіусъ прекрасно замѣчаетъ: «Средневѣковой «міръ, по своему идеалу, былъ совершенно космической системою, которой «связь и единство, которой философская даже мысль, вынуждаютъ у насъ «и теперь дань удивленія, потому что человѣчество не съумѣло до сихъ «поръ замѣнить изжитую эту систему другимъ, равно гармоническимъ строемъ. Какъ закругленная въ себѣ сфера, означенный міръ имѣлъ два полюса, — императора и папу. Воплощеніе руководившихъ тогдашнимъ человѣчествомъ началъ въ двухъ этихъ міровыхъ фигурахъ навѣки останется «достойнымъ удивленія, никогда не повторимымъ порожденіемъ исторіи. «Это были какъ будто бы два деміурга, два духа свѣта и могущества, по«ставленные въ этотъ міръ, каждый — править и двигать своей сферою, «и тотъ и другой — созданія все продолжающейся, но мутящейся въ средѣ «земной необходимости культурной мысли христіанства, блестящее прело«мленіе ея лучей. И тогда какъ одинъ изъ нихъ представлялъ собой граждан«скій, другой — духовный порядокъ, одинъ — землю, другой — небо, отсюда «возникла та высокая, образующая человѣчество, наполняющая и связываю«щая цѣлые вѣка, исполинская борьба, одно изъ самыхъ величавыхъ зрѣлищъ, «когда-либо виданныхъ людскимъ родомъ.»

Императорскій эпосъ Гогенштауфеновъ отзвучалъ въ полныхъ грусти балладахъ о юношѣ Конрадинѣ, о королѣ-пѣвцѣ Манфредѣ, цвѣтѣ прекрасной мужественности, удивительномъ въ геройской своей смерти; противъ осудившаго его безумія поповъ воскликнулъ и Дантъ:

Кого оно клянетъ, не такъ тотъ уничтоженъ,
Чтобъ вѣчная любовь ту душу не спасла,
Которую она жъ надеждой окрылила.

Когда и Конрадинъ былъ увлеченъ за Альпы голосомъ сиренъ заманчиваго юга, прозвучавшимъ въ пѣсняхъ Донъ Арриго *, когда и этотъ послѣдній, нѣжный побѣгъ могучей отрасли принесенъ былъ въ жертву на гробницахъ предковъ, тогда сдѣлалось уже ясно для всѣхъ, что Германіи не властвовать надъ Италіей. Но зато и Церковь, въ свою очередь, покинувъ народное знамя и призвавъ въ Италію французскаго принца Карла Анжу́, дожила теперь до того, что Франція взялась за борьбу, начатую Гогенштауфенами; государственное право и отстаиваемая земскими чинами королевская власть превозмогли церковную, и 11-го февраля 1302 г. папская булла отлученія торжественно сожжена при звукѣ трубъ въ парижской церкви Божіей Матери (Нотръ Дамъ). О первый же настоящій земскій парламентъ во Франціи сокрушилось свѣтское средневѣковое папство. Культурная мысль Гогенштауфеновъ, идея народной монархіи, раздѣлъ духовной власти и свѣтской, все это было отстояно, спасено. Тѣмъ не менѣе ожесточенная вражда помѣшала привольному расцвѣту культуры въ 12-мъ и 13-мъ столѣтіяхъ; инквизиція и схоластика воздвигли свои преграды и на цѣлые вѣка втѣснили духъ въ самого себя, такъ что онъ уже только гораздо позже совершилъ тѣ рѣшительные шаги, которыхъ ожидали тогда не нынче, завтра.

РЫЦАРСТВО И ЖЕНОСЛУЖЕНІЕ, ТРУБАДУРЫ И МИННЕЗЕНГЕРЫ.

Самооборона была правомъ и долгомъ каждаго свободнаго Германца; тѣмъ не менѣе уже издревле образовались военныя дружины при герцогахъ, — то-есть такихъ вождяхъ, которые по окончаніи побѣдоносной борьбы жаловали своимъ дружинникамъ въ лэнъ (или въ обусловленное службою владѣніе) покоренныя земли. Снарядиться на конную службу было подсилу только имовитому; оттого люди недостаточные примыкали къ какому-нибудь вельможѣ, который въ случаѣ военнаго призыва вооружалъ на свой выступающихъ въ походъ, а остававшіеся на мѣстѣ платили ему за это оброчную подать. Такимъ образомъ возникло понемногу два класса въ обществѣ: одинъ, обязанный мирною работой, другой исключительно воинскимъ дѣломъ; члены послѣдняго возвышались въ блескѣ и правахъ почета, члены перваго болѣе и

---

* Арриго или Арригетто, иначе Генрихъ Септимелльскій, латинскій поэтъ 12-го вѣка. Потерпѣвъ отъ вражды флорентинскаго епископа совершенное раззореніе, онъ передалъ свои бѣдствія въ элегической поэмѣ, надѣлавшей тогда много шуму и даже принятой въ школахъ за образецъ стихотворнаго искусства. Прим. перев.

болѣе приходили въ зависимость и подслужность. Битвы съ Сарацынами въ Испаніи и съ Венграми въ Германіи придали особенную важность коннымъ дружинамъ и, за отсутствіемъ всякихъ мѣръ безопасности среди мелкихъ туземныхъ усобицъ, побудили зажиточныхъ конниковъ (рыцарей) строить себѣ укрѣпленные дома или зáмки, гдѣ и окольное населеніе находило убѣжище въ случаѣ военной бѣды. Такъ крупные землевладѣльцы (помѣщики) стали благородными господами, а простые свободы — ихъ захребетниками, васаллами, особенно вслѣдствіе того, что по обычному праву ленныя земли (служилыя помѣстья) давались только тѣмъ, чьи предки оказали уже и прежде военно-рыцарскія заслуги. Привилегированное это положеніе давало имъ средства и досугъ къ развитію, сначала конечно въ тѣлесной только силѣ и умѣньи владѣть оружіемъ; отчего древнія боевыя игры обратились понемногу въ турниръ. Воспитанный на оружіи юноша сперва поступалъ къ рыцарю въ оруженосцы, какъ работникъ къ мастеру, а потомъ и самъ возводился въ рыцарскій санъ, при чемъ посвященіе соотвѣтствовало древнему препоясанію оружіемъ и сообщало всѣ права совершеннолѣтія, полнаго гражданства. Обряду предшествовала божественная служба; посвящаемый давалъ обѣтъ жить по христіански, быть вѣрнымъ Церкви и государю, защищать невинныхъ и угнетенныхъ, чтить и уважать женщинъ; за тѣмъ слѣдовало опоясаніе мечомъ и такъ-называемый «рыцарскій ударъ», напоминавшій страсти Спасителя и долженствовавшій быть послѣднимъ, который рыцарь сносилъ безъ отместки. Рыцарская честь основывалась преимущественно на славѣ оружія, на храбрости. Уже и старая богатырская пора требовала боя для испытанія, кто сильнѣе изъ соперниковъ и за кѣмъ должна быть признана такая честь. Но для этого надлежало биться равнымъ оружіемъ, не употреблять ни какихъ ухищреній, и въ самыхъ даже усобицахъ нападать на противника, объявивши ему о томъ заранѣе, чтобы и онъ могъ также вооружиться. Побѣжденному оказывалась пощада. Къ мужеству непремѣнно должны были присоединяться рыцарская ловкость и чинный рыцарскій обычай; Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ говоритъ: «Вѣдь и свинья дерется храбро, обороняя поросятъ; а человѣку стыдно не «смягчать силы добрымъ обычаемъ.» Личная честь поддерживалась сословною, а потому дворянство охотно подчинялось установленнымъ послѣднею формамъ и всегда искало рыцарскаго званія. Обруку съ понятіемъ о рыцарственной чести шло знаніе приличій, заключавшее въ себѣ правила тонкаго вѣжества, дворское обращеніе. Какъ формальный, устремленный болѣе на внѣшность смыслъ Французовъ давалъ обыкновенно въ новѣйшее время тонъ модѣ и житейской обстановкѣ въ Европѣ, такъ было уже и тогда: рыцарство находило свой условный пошибъ, а благородное общество — свое образованіе именно во Франціи. Тамъ, на югѣ, никогда совсѣмъ не вымирала культура, водворенная еще Греками и потомъ взлелѣянная Римлянами; послѣ бури великаго переселенія народовъ тамъ прежде чѣмъ гдѣ-нибудь ожили вновь ремесла, промыслы, торговые обороты, ожили и пошли въ ходъ, благодаря соревнованію съ испанскими Арабами; такъ же какъ у нихъ, зацвѣли и въ южной Франціи искусства мира, пробудилась охота весело наслаждаться жизнію въ тепломъ и плодоносномъ краю; на благозвучномъ языкѣ его скоро раздались и пѣсни поэзіи. Изъ Прованса шли на болѣе суровый сѣверъ и

пѣвцы, и фокусники, и мягкіе сравнительно нравы. Но оттуда же вышла и проповѣдь Клюнійской братіи противъ упадка Церкви, противъ ея неблагочинія, и тамъ же еще, въ 1031-мъ году, послѣ голода и бѣдствія въ первый урожайный годъ данъ былъ обѣтъ всеобщаго перемирія и покаянія; всѣ усобицы и насильства должны были разомъ прекратиться; мирный кличъ наполнилъ всѣ сердца живой радостью, въ этомъ общемъ движеніи чуялся повѣвъ какой-то высшей силы, и съ восторгомъ возвѣщенъ былъ Божій миръ, treuga Dei, который былъ обязателенъ по крайней на половину каждой недѣли. Подъ церковнымъ вліяніемъ поугомонилась дикая воинственность дворянъ, и вотъ почему развивавшаяся съ тѣхъ поръ болѣе утонченная форма рыцарства получила, совершенно въ духѣ того времени, религіозное освященье. Такъ подготовленъ былъ порывъ, вскорѣ овладѣвшій душами, вознесшій ихъ надъ пошлой обыденностью, окрылившій воображеніе и поставившій воинскую отвагу на службу Небесамъ; изъ Франціи вышли крестовые походы; Провансалы и Норманны, основатели и пѣстуны рыцарства, распространили свое образованіе, свои бытовыя формы у другихъ народовъ, съ которыми полевали они на Востокѣ, которыхъ проходили края *; ратное товарищество, одинаковая для всѣхъ служебная честь, связали европейскую аристократію въ одну обширную корпорацію съ равными обязанностями и правами. Рыцари нашли у Арабовъ подобную же страсть къ похожденіямъ, и такой складъ души, для котораго женская любовь издавна была усладой и украшеніемъ всей жизни; и вотъ, на ряду съ служеніемъ Богу и государю, развилось теперь женослуженіе, ко владыкѣ души присоединилась владычица сердца, какъ между прочимъ выражаетъ извѣстный французскій девизъ: «Душа моя принадлежитъ Богу, жизнь — королю, сердце — дамамъ, а честь — мнѣ.» Всячески угождать возлюбленной, сладкими мечтами о ней наполнять всѣ свои досуги, хвалить ее въ пѣсняхъ,—вотъ что придало теперь совсѣмъ новую прелесть жизни для воротившихся изъ похода рыцарей. Минне, Minne, значитъ понѣмецки память сердца, лелѣяніе въ глубинѣ души одного милаго изо всѣхъ образа, всегда сладкая о немъ дума. Съ тѣхъ поръ мало того что любовь начинаетъ царить во всякомъ искусствѣ, что внутреннее чувство, задушевный помыслъ, субъективное начинаютъ преобладать надъ объективнымъ, надъ дѣйствительнымъ, — идеальная мечтательность ранней юности, предшествующая браку въ видѣ сердечныхъ томленій, порывовъ, поисковъ и находокъ, очищеніе души любовью, взаимное сознательное самодополненіе двухъ личностей другъ другомъ для полнаго очеловѣченія себя въ супружествѣ, — все это вошло новымъ элементомъ въ ходъ умственнаго и нравственнаго развитія, въ исторію человѣческаго духа.

Въ мірѣ романтизма женщина составляетъ поэтическую сторону общества, какъ въ древности составлялъ ее свободный человѣкъ; но не потому только, что тягости труда и заботы о пріобрѣтеніи не такъ непосредственно падаютъ на женщинъ, а преимущественно потому, что въ общей гармоніи сердечныхъ чувствъ онѣ лучше сохраняютъ полную совокупность

---

* Въ какомъ ходу былъ нѣсколько десятилѣтій спустя французскій языкъ доказываетъ между прочимъ писанная на немъ венеціанская хроника Мартина да-Канале. Прим. перев.

человѣческой природы и что мужчину тянетъ въ мирный ихъ пріютъ отъ той, всегда односторонней, озабоченности, къ которой приводится онъ и должностнымъ призваніемъ и характеромъ, и изъ которой, утомясь дѣловымъ ея мытарствомъ и сутолокой, естественно ищетъ себѣ отраднаго, освѣжающего успокоенья. Тяготы нашей жизни, очень вѣрно замѣчаетъ Гервинусъ, не допускаютъ насъ ни наслаждаться такъ легко, ни такъ быстро удовлетворяться, какъ это возможно было для древнихъ; тяготы эти запугиваютъ, запираютъ насъ въ самихъ себя, и порождаютъ неопредѣленную жажду имѣть подругу, которая помогла бы намъ нести то бремя, о которомъ Грекъ такъ же мало имѣлъ понятія, какъ и объ нашемъ супружескомъ и домашнемъ счастіи. Безъ женщины, для чувствительныхъ душъ наша нынѣшняя жизнь была бы просто невыносима, и было истинно чудеснымъ, истинно благимъ маніемъ Промысла, что когда онъ уничтожилъ порядки древняго міра и съ ними веледушіе древнихъ мужчинъ, онъ въ то же время вывелъ женщинъ изъ вѣковѣчной ихъ подчиненности и призвалъ ихъ властвовать надъ сердцами, безъ чего новый міръ могъ бы слишкомъ глубоко погрязнуть въ пошлыя стремленія и житейскіе дрязги. «Винсбеке» * очень мѣтко характеризуетъ истинно-рыцарское настроенье того времени, когда выведенный тамъ на сцену отецъ, увѣщевая сына, говоритъ: Женщины краса міра и достоинство; Богъ, создавая себѣ въ небѣ ангеловъ, послалъ въ своей милости женщинъ ангелами намъ на землю, и отъ нихъ зависитъ все наше счастіе; онѣ украшены вѣнцомъ, осыпаннымъ дорогими камнями добродѣтелей; любовь ихъ освящаетъ и очищаетъ наши сердца, наша скорбь и печаль исчезаютъ передъ ней какъ роса передъ солнцемъ. — Но исторія любитъ идти путемъ противоположностей. Новая идея овладѣваетъ душами съ исключительной силою, и тогда все существующее издавна ставится пожалуй ни во что, наступаетъ сплошь внезапный поворотъ, несостоятельный самъ въ себѣ уже потому, что у него нѣтъ именно той почвы, какую уготовляетъ духовному бытію одна болѣе или менѣе тѣсная связь его съ прошлымъ; только уже впослѣдствіи, когда отпадетъ много новыхъ, слишкомъ далеко занесшихся побѣговъ, когда совершится расплата за не малую толику заблужденій, новое примиряется съ преданіемъ старообычнаго, органически развиваетъ его дальше и само пріобрѣтаетъ этимъ прочный, благонадежный складъ и видъ. Такъ было оно и здѣсь. Изъ подслужнаго мужчинѣ состоянія женщину вдругъ возвели въ царицы, и мужчина долженъ былъ служить ей какъ вѣрноподданный.

Что жь отраднѣй человѣку, чѣмъ же взоръ его плѣненъ,
Если не дѣвицъ пригожствомъ, не красою пышной женъ?

Какъ скоро рыцарь почувствовалъ это вслѣдъ за пѣвцомъ слова о Нибелунгахъ, могъ ли онъ не стараться доставлять себѣ почаще подобное наслажденіе? могъ ли не вывесть женщинъ изъ ихъ прежняго затвора? могъ ли не рисоваться передъ ними на турнирахъ и не дорожить полученіемъ изъ

* Такъ называется изборникъ мудрыхъ житейскихъ наставленій отца сыну, въ стихотворной формѣ, относящійся къ 12-му столѣтію.

ихъ рукъ награды за побѣду. Если женщины представлялись ему великимъ благомъ, какъ же было не чтить, не уважать ихъ, не ухаживать за ними, чтобы овладѣвать этимъ благомъ только съ ихъ же доброй воли, вслѣдствіе особеннаго ихъ расположенія? Самостоятельная личность, разъ почувствовавъ себя своебытной особью, могла утолить жажду полнаго завершенія своей жизни только союзомъ съ сродственною ей натурой; такимъ образомъ то высокое упорство, которое готово было всѣмъ пожертвовать для избранной, выходило не однимъ лишь своенравіемъ, не прихотью, — оно опиралось на святую, существенную основу. Но конечно все это обратилось въ чистую игру, когда завѣтъ единичныхъ сердецъ сталъ неизмѣннымъ, общепринятымъ для всѣхъ обычаемъ, когда для исканія, ухаживанія и согласія въ ихъ общемъ ходѣ и въ различныхъ степеняхъ положены были условныя на все правила. А такъ именно и вышло съ рыцарскимъ женослуженьемъ. Прогрессъ состоялъ здѣсь въ томъ, что изъ всеобщей обязанности защищать женщинъ развилось служеніе одной, передъ которой человѣкъ таялъ, которой благоволеніе старался онъ пріобрѣсть отвагою и вѣрностью безпредѣльной; но крайностью этого направленія было то, что оно обратилось въ чистую лишь моду, которой всякій слѣдовалъ безъ тѣни сердечнаго участія, и что такъ называемый «дворскій обычай» заключилъ свободу въ стѣснительные предѣлы внѣшняго условнаго закона, тогда какъ женщины, съ своей стороны, плохо совладали съ переходомъ отъ рабства къ владычеству и невольно увлеклись въ заносчивую шаловливость.

Въ своей «Исторіи провансальской поэзіи» Форіэль ясно доказалъ, что трубадуры принимали четыре ступени любовнаго служенія. Первую занимаетъ томно изнывающій рыцарь, который не смѣетъ еще признаться въ своей тайной любви, но скрываетъ ее и притворяется: это feignaire, притворщикъ; когда онъ наконецъ рѣшился на признаніе онъ становится pregaire, попрошайкой; пріиметъ женщина его службу, тогда онъ—entendaire, «услышанникъ»; а удостоится онъ полной милости, тогда онъ отъявленный любовникъ, drutz, вѣрный другъ. Выслушанію любовной просьбы предшествовалъ искусъ, и вскорѣ дамы начали весьма подолгу томить рыцарей и подвергать самымъ страннымъ испытаніямъ ихъ преданность и храбрость. Выдержавъ искусъ, онъ принимался королевою своего сердца въ васаллы по тому же обряду, какъ король возводитъ въ рыцари. Стоя на колѣняхъ, приносилъ онъ обѣтъ вѣрности, а дама, подобно государю, влагала ему въ руки свою руку, давала поцалуй и надѣвала кольцо, взнакъ того что дѣлаетъ его своимъ рыцаремъ. Съ тѣхъ поръ онъ носилъ ея цвѣта и военный знакъ, который она ему вручала,—бантъ, поясъ, нарукавникъ или другую какую-нибудь принадлежность туалета съ собственнаго ея плеча; этотъ знакъ любви прикрѣплялся къ щиту или къ копью, и если онъ бывалъ исполосованъ въ бою или на турнирѣ, дама приходила въ восхищеніе. «Крайнимъ предѣломъ, говоритъ «Вейнгольдъ въ своей книгѣ о женщинахъ средневѣковой Германіи, до ка«кого доходилъ обычай такого рода даровъ, представляется взаимный об«мѣнъ сорочекъ. Когда кастеллану де-Куси пришлось разстаться съ своей «дамою, онъ послалъ ей свою рубашку въ утѣшеніе и въ любовную забаву. «Когда Гамуретъ пускался въ походъ или на турниръ, Герцелейда давала

«ему свою ношеную сорочку, а онъ надѣвалъ ее сверхъ панцыря. Прежде «чѣмъ ему выѣхать на послѣдній бой, накопилось полторы дюжины такихъ «пробитыхъ и просѣченныхъ сорочекъ, и жена съ восторгомъ надѣвала по«томъ эти изрубленные лепестки. Видите, какъ утонченна была та пора на «всякаго рода любезничанья и какъ каждый нервъ всласть упивался тѣмъ, «что̀ было мило сердцу.»

Часто любимая женщина требовала благороднаго или великаго подвига, прежде чѣмъ принять рыцаря къ себѣ на службу, и не мало воиновъ увлечено было этимъ въ крестовые походы; но часто она требовала и выполненія самыхъ своенравныхъ прихотей, что̀ всегда служитъ доказательствомъ, что дѣло сердца и души перешло въ одинъ модный обычай. Такъ, напримѣръ, Тангейзеръ говоритъ ужь просто на̀смѣхъ и шутя, что онъ дождется милости развѣ тогда, когда принесетъ пару голубей изъ Ноева ковчега или добудетъ Парисово яблоко, когда заставитъ Рону течь у Нюренберга или растопитъ гору Мёйзебергъ * какъ комокъ снѣгу. Трубадуру Гильѐму де-Балонъ очень хотѣлось знать, что̀ слаще, благосклонный ли пріемъ перваго признанія, или мировая послѣ первой ссоры? Для этого онъ явился, гнѣвный, къ дамѣ своего сердца. Она старалась его успокоить, но, видя что все напрасно, велѣла вытолкать его изъ за̀мка вонъ. Онъ пришелъ въ отчаянье, а она не хотѣла объ немъ и слышать, пока одинъ знакомый не объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и тогда она обѣщала простить своего пріятеля, если онъ велитъ вырвать себѣ изъ мизинца ноготь и поднесетъ его ей при стихахъ, въ которыхъ покается въ своемъ безумствѣ. Такъ точно трубадуръ и сдѣлалъ. Пьерръ Видаль, влюбившись въ Лобу де-Каркассъ, нарядился въ волчью шкуру, чтобы явиться передъ ней Лопомъ (то-есть волкомъ); но собаки поняли это совсѣмъ не такъ и вмѣстѣ съ чужою кожей изорвали въ клочки и его собственную. Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ, неразумнымъ еще мальчикомъ, пьетъ обмывки послѣ той дамы, которую выбралъ онъ втайнѣ своей владычицей, и велитъ обрѣзать себѣ верхнюю губу̀, потомучто она показалась ей толста невмѣру. На одномъ турнирѣ отнесли ему копьемъ палецъ, но послѣ приставили и залѣчили опять; тогда взяла его досада, что дама сердца не оказываетъ ему больше никакого сожалѣнія; онъ попросилъ отнять ему палецъ и послалъ его ей въ ларчикѣ съ бархатною внутри обивкой, при письмѣ въ стихахъ, гдѣ изъявляется его радость что по крайней мѣрѣ теперь она будетъ помнить своего рыцаря. Далѣе въ Венеціи является онъ въ женскомъ нарядѣ, одѣтый Венерою или Госпожею Минной, выходящей изъ воды, бьется на турнирахъ съ мужчинами, разъѣзжаетъ по австрійскимъ землямъ, раздаетъ кольца всѣмъ, кто ломалъ съ нимъ копья,—все въ честь владычицы своего сердца, которая, обѣщавъ ему однажды ночное свиданіе, съ насмѣшкою велѣла вышвырнуть его потомъ изъ окна. Она была замужняя женщина, да и Ульрихъ былъ женатъ и отецъ семейства. Все это изложилъ онъ самъ въ своемъ «Женослуженіи» очень милыми стихами,—истый Донъ Кихотъ, пѣвецъ своихъ собственныхъ похожденій.

---

* Высокая гора хребта Эйфель, въ трирскомъ округѣ.

Здѣсь-то и предстаетъ намъ темная сторона этого служенія любви. Оно не выражало собою дѣйствительной страсти, которая домогается милой на всю жизнь, оно не предшествовало супружеству, а шло съ нимъ рядомъ, обращаясь предпочтительно къ замужнимъ женщинамъ, при чемъ мужья охотно допускали то, на что въ свою очередь расчитывали и сами. Монахъ Нострадамъ даже положительно утверждалъ, что между супругами ни какой любви быть не можетъ: сущность любви въ томъ, чтобы раздавать дары свои необязательно, непринужденно, по свободному расположенію, а бракъ требуетъ, напротивъ, подчиненія одного волѣ другого, и тѣмъ самымъ исключаетъ любовь,—смѣшеніе понятій о свободѣ и беззаконности, которое нечего и опровергать: любовь именно и есть выполненіе закона по свободной волѣ, благорасположеніе, счастливое всегдашней взаимностью. Когда же супружество и любовная служба порозиялись между собою, то послѣдняя или выходила только игрой фантазіи, или же неразлучная съ ней опасность вела прямо къ разврату, къ утонченно-сластолюбивой игрѣ отказомъ и согласіемъ. Какъ васаллы должны были сопровождать лэннаго владыку, когда онъ отходилъ ко сну, такъ точно и рыцарь слѣдовалъ въ спальню за своей дамой и не удалялся оттуда, пока она совсѣмъ не ляжетъ въ постель, что̀ въ то время дѣлалось обыкновенно безъ всякой прикрыши. Кто не согласится съ замѣчаніемъ Вейнгольда? «Въ волокитномъ средневѣковомъ обществѣ, колебавшемся между наивностью и сладострастіемъ, такого рода обычай былъ «слишкомъ искусителенъ для человѣческой слабости.» Но дѣло шло порой и еще дальше. Женщина допускала любовника въ свои объятія на всю ночь, если онъ давалъ клятву удовлетвориться однимъ единымъ поцалуемъ. Обычай этотъ былъ очень распространенъ и сохранился до сихъ поръ въ «ночныхъ лазахъ» * южногерманскихъ горцевъ, но тутъ обыкновенно—между молодцами и дѣвицами, которые все равно что обручены, только позволяютъ себѣ тайно сходиться до формальной свадьбы. Какъ часто середи такихъ воздержныхъ ночей дамѣ случалось, пожалуй, разрѣшить отъ клятвы своего рыцаря, да и ему безъ спросу нарушить клятву въ порывѣ непреодолимой страсти. Король Вячеславъ Богемскій хвалится тѣмъ, что «не сорвалъ розы, хотя она совсѣмъ была у него въ рукахъ»; но Гартманнъ фонъ-деръ Ауэ на этотъ счетъ тѣхъ мыслей, что такихъ самовоздержниковъ найдется на свѣтѣ не много. Этому обычаю обязаны мы такъ-называемыми «альбами», то-есть зорьками или наразсвѣтными пѣснями. Въ Провансѣ водилось такъ, что пріятель рыцаря ходитъ во все время свиданія на сторо́жѣ, и когда покажется утренняя заря (alba, альба), онъ будитъ его пѣснею и понуждаетъ уйдти. Лучшая изъ такихъ пѣсенъ принадлежитъ Гиро́ де-Борнейлю.

„О царь державный, міра блескъ и свѣтъ,
О милосердый Богъ, кого сильнѣе нѣтъ,
Ты друга моего храни, не дай въ обиду!

---

* Это Kiltgang или Fensterln, существующій еще особенно въ нѣмецкой Швейцаріи, гдѣ онъ не обязываетъ впрочемъ къ браку, да и не ставится въ укоръ дѣвичьей чести.

Прим. перев.

Его съ закатомъ дня я потерялъ изъ виду;

А вонъ и утро настаетъ.

Любезный другъ, проснулся ты иль спишь?
Не спи теперь, прошла ужь ночи тишь;
Я вижу, брежжетъ край свѣтила на восходѣ,
Которое даритъ веселый день природѣ.

Смотри, вонъ утро настаетъ.

Я пѣснею хочу тебя предостеречь;
Давно ужь слышится мнѣ птички ранней рѣчь,
Привѣтствуетъ она лучъ солнышка желанный;
Боюсь, сюда прійдетъ ревнивецъ, гость незванный!

Смотри, вонъ утро настаетъ.

Мой другъ, да подойди же хоть къ окну,
Взгляни на свѣтлую ты неба пелену,
Тогда ты скажешь самъ, что стражъ я вѣрный, чуткій....
Послушай, ты рискуешь вѣдь не шуткой!

Смотри, вонъ утро настаетъ.

Ты, помнишь ли, мой другъ, меня просилъ,
Чтобы, пока моихъ на то достанетъ силъ,
Я, не смыкая глазъ, все поджидалъ разсвѣта?
Теперь наскучила тебѣ ужь пѣсня эта,

А вонъ и утро настаетъ.—

„Нѣтъ, другъ, здѣсь счастіе такъ льется на меня,
Что я готовъ хоть вѣкъ не видѣть бѣла дня;
Въ объятіяхъ красы я млѣю несравненной:
Пускай себѣ идетъ ревнивецъ изступленный,

Пускай и утро настаетъ!“

У Вольфрама фонъ-Эшенбаха сторожъ подымаетъ тревогу, что день уже какъ левъ когтями прошибъ облачную пелену, а дама отвѣчаетъ ему на это мольбою, чтобы не вырывали милаго изъ бѣлыхъ рукъ ея, изъ глубины ея сердца. Положеніе пріобрѣтало еще болѣе живости, когда его изображали въ видѣ разговора между любовниками: они знаютъ, что пришло время разойдтись, а разойдтись все-таки не хотятъ, и это было самою обычною темой подобныхъ пѣсенъ. Мы находимъ ее и у одного изъ старшихъ миннезенгеровъ, Дитмара фонъ-Эйста, и у Вольфрама фонъ-Эшенбаха. Но послѣдній, при своемъ глубокомысліи и благородствѣ чувства, сознавалъ конечно самъ, сколько есть безнравственнаго въ подобныхъ отношеніяхъ, или по крайней мѣрѣ сколько зла можетъ изъ нихъ произойдти, а потому и не хотѣлъ воспѣвать «кислое» послѣ «сладкаго»; вѣдь и «завѣдомо-любимый супругъ можетъ миловаться точно такъ же», безъ всякихъ переполоховъ со стороны сторожа или подсмотрщика-шпіона. Прекрасный отзывъ этихъ «наразсвѣтницъ» находимъ мы у Шекспира, который въ своей высокой пѣснѣ любви

пользуется также формами миннезенгерской поэзіи: когда Ромео и Юлія разстаются послѣ брачной ночи, она начинаетъ такъ:

Ужь ты идешь? Вѣдь день еще далеко!
Не жаворонокъ, нѣтъ, — то соловей лишь пѣлъ!

Другую поэтическую форму встрѣчаемъ мы въ тенцонѣ, стихотворномъ состязаніи, гдѣ нѣсколько поэтовъ старались разрѣшить какой-нибудь спорный вопросъ, а окончательный за тѣмъ судъ предоставляли одной избранной ими дамѣ или нѣсколькимъ. Такъ, напримѣръ, спорятъ о томъ, кто счастливѣе? тотъ ли, кто смотритъ на свою милую, тотъ, кому она пожметъ руку, или тотъ, кому она тайно ступитъ на ногу? Это были умственные турниры, и въ сѣверной Франціи развились отсюда формальные «любовные суды», состоявшіе изъ мужщинъ и женщинъ; они распространились потомъ и въ Германію; назначеніе ихъ было блюсти за правильностью формъ любовничества и рѣшать всѣ возникающіе по этому спорные вопросы.

Если мы спросимъ теперь вообще, какъ именно любовное служеніе и любовь проявлялись въ поэзіи, то не только найдемъ въ послѣдней чистѣйшій источникъ первыхъ, но должны будемъ напомнить здѣсь, что любовь сама по себѣ есть поэтическое состояніе души, которое своими порывами и желаньями, своимъ обладаніемъ и удовлетвореньемъ, въ высшей степени возбуждаетъ воображеніе, такъ что въ любимомъ образѣ оно прямо олицетворяетъ идеалъ души, придаетъ форму и обликъ самымъ темнымъ чаяніямъ, самымъ сокровеннымъ ощущеніямъ, а исполненіе надеждъ любви, окончательную, полную ея усладу просвѣтляетъ въ позднѣйшемъ воспоминаніи. У Англичанъ для фантазіи и для любви есть одно общее слово fancy, и единство это вполнѣ уяснится для насъ, когда мы сообразимъ, что любящее сердце безпрестанно морочитъ себя то мучительными, то восхитительными грезами, или напримѣръ что силою воображенія разжигается иногда въ душѣ любовная жажда къ никогда не виданнымъ еще личностямъ. Но какъ скоро служеніе любви стало чисто-условнымъ, то многіе тянули его заодно съ другими безъ малѣйшаго уже одушевленія; и какъ считалось признакомъ образованности умѣть при случаѣ что-нибудь пропѣть, то возникло множество такихъ стихотвореній, которыя, помимо всякаго сердечнаго чувства, помимо всякаго собственноличнаго опыта, повторяютъ сплошь и заурядъ установившееся преданіемъ, расплываются въ самыхъ общихъ и оттого безцвѣтныхъ похвалахъ возлюбленной и тѣмъ самымъ наводятъ скуку въ маломальски значительномъ пріемѣ за одинъ разъ. Это относится ко многимъ стихотвореніямъ, какъ трубадуровъ, такъ и нѣмецкихъ миннезенгеровъ, подавшимъ поводъ къ извѣстной остротѣ Шиллера: приходитъ весна, проходитъ лѣто, а скука остается за тѣмъ тутъ какъ тутъ.

Сюжеты и воззрѣнія здѣсь до такой степени одни и тѣ же, что не даромъ Дицъ выразился однажды о трубадурахъ: право, можно бы подумать, что вся эта литература—произведеніе одного и того же поэта, только сочинявшаго подъ наитіемъ разныхъ настроеній. Подобнымъ же образомъ, хотя и поуважительнѣй, отзывается Яковъ Гриммъ о миннезенгерахъ: «Изъ дали «намъ слышится какъ будто одинъ и тотъ же основной звукъ, но подсту-

«нивъ ближе, мы найдемъ, что ни одинъ напѣвъ не тождественъ съ другими. «Одному хочется взлетѣть на высоту, другому спуститься пониже и умѣрить «себя въ порывѣ любви. Что одинъ повторяетъ много разъ, то другой едва вы«скажетъ. Пѣвцы эти сами себя называли соловьями, и дѣйствительно, раз«вѣ только приравненьемъ къ птичьему напѣву можно вполнѣ выразить ихъ «преизобильный, никогда не уловимый пѣвъ, въ которомъ поминутно повто«ряются тѣ же опять перебои, только въ новыхъ всегда звукоизводахъ (мо«дуляціяхъ).»—Но вѣдь все это одно лишь внѣшнее убранство, та или другая разность въ выраженіи или стихоразмѣрѣ для однихъ и тѣхъ же, всущности очень немногихъ помысловъ, созерцаній и чувствъ; у большей части трубадуровъ и миннезенгеровъ изрѣдка встрѣчаются вдругъ неожиданно какія-нибудь индивидуальныя черты, высказывающія самоличный ихъ житейскій опытъ, ихъ собственное наблюденіе природы, пріискивающія новый образъ для передачи того или другого внутренняго состоянія; большинство же постоянно держится общихъ мѣстъ. Нѣмецъ, напримѣръ, поетъ:

Солнцемъ радуйся, кто хочетъ,
Восходящимъ надъ горой,
А другого пусть морочитъ
Розанъ, спрыснутый росой;
Женщина, одна, способна
Душу мнѣ обворожить:
Сердцемъ ангелу подобна,
Краше тѣломъ можно ль быть?

Почти то же слышимъ и отъ Провансала:

Когда по вѣткамъ зелень выбѣгаетъ,
То здѣсь, то тамъ распустится цвѣтокъ,
Щебечетъ птичка, спрятавшись въ кустокъ, —
Тогда душа въ блаженствѣ утопаетъ;
Но вотъ убралъ деревья пышный цвѣтъ
И соловьи запѣли хоромъ дружнымъ,
Тогда, глядишь, и съ сердцемъ сладу нѣтъ,
Любви властительной подслужнымъ.

Но Бернаръ де-Вантадуръ, которому хотѣлось бы ласточкой влетѣть въ спальню своей милой, до того увлеченъ восторгами любви, что и зимній ледоцвѣтъ (хрустальный дѣянникъ) кажется ему яркопестрымъ, и снѣгъ зеленѣетъ передъ очарованнымъ его взоромъ; внутренній пылъ превращаетъ для него въ зефиръ страшную бурю, и проливной дождь—въ медвяную росу. Мука его такъ сладостна, что съ нею не сравнится ни чьему счастью; а если и она такъ хороша, то каково же будетъ само счастіе!

Женщины добиваются чести быть предметомъ млѣнія, думъ и пѣсенъ какого-нибудь извѣстнаго пѣвца, но, съ другой стороны, внѣбрачность такихъ отношеній, дѣйствительно вспыхнувшая страсть или по крайней мѣрѣ самое тѣсное сближенье, требуютъ, чтобы связь оставалась тайною; а это опять-таки отнимаетъ у стихотвореній всякій индивидуальный намекъ, не допускаетъ назвать ни чьего имени, позволяя только сѣтовать и сердиться на подсмотрщиковъ и несносныхъ болтуновъ.

Не позабудемъ однакожь, что сколько бы ни было условнаго въ этой службѣ любви, все-таки оно было только осадкою, отсѣдомъ того почета женщинѣ и той искренной задушевности чувства, какія пробудились въ сердцахъ; тогда мы и не потеряемъ изъ виду, что настоящіе поэты того времени все-таки въ душѣ же находили источникъ и предметъ поэзіи, а въ любви ощущали и видѣли такое чувство къ другимъ, которое стремилось высказаться гармоническими звуками уже по самой своей природѣ. Эта новая раскрыша субъективности и внутренняго ея міра останется прочнымъ добыткомъ навсегда. Къ нему присоединяется другой еще выигрышъ. То, что насъ духовно затрогиваетъ, занимаетъ, — становится вѣдь частью насъ самихъ, видообразуетъ насъ посвоему; оттого, когда мужская душа приняла въ себя вѣчно-женственное начало, имъ морализировалась и смягчилась грубость жизни, тихое внутреннее счастье бросило свой кроткій свѣтъ на исключительно преобладавшую въ мірѣ воинскую суровость, стали опрашиваться у благородныхъ женщинъ, что̀ приличнѣе, и находили что любовь укрощаетъ и очищаетъ души. «Рыцарская любовь (Minne)—пріютъ всѣхъ добродѣтелей», говоритъ поэтому Вальтеръ фонъ-Фогельвейде, и если Бернаръ де-Вантадуръ поетъ:

Тотъ мертвъ, чья медленная кровь
Не волновалась бурной страстью;
Какъ не назвать ту жизнь напастью,
Которой вѣкъ чужда любовь?—

то Понсъ де-Кадюэй (Capdueil), съ своей стороны, видитъ въ любви источникъ всякой человѣчности:

Счастливъ, кому любви досталося блаженство!
Любовь—источникъ всякаго добра:
Не отъ нея ль душа становится бодра,
Кротка, правдива, утонченна,
Способнѣй во сто кратъ въ совѣтѣ и войнѣ?
Да будетъ же она благословенна!

Такъ же точно поетъ и мейсенскій маркграфъ, Генрихъ Сіятельный:

О, Боже мой, какъ на̀ сердце отрадно
Ложится женнинъ дружескій привѣтъ!
Намъ милъ тогда весь бѣлый свѣтъ;
Душа и тѣло дружно, ладно
Какъ бы летѣть готовы ввысь
И рѣять тамъ подъ облаками
За благородными орлами,
Которые туда взнеслись.

Дантъ говоритъ, что любовь и благородство души всегда неразлучны между собою, а Гвидо Гвиничелли пѣлъ еще и до него:

Любовь гнѣздится въ сердцѣ благородномъ,
Какъ птичекъ рой въ листвѣ лѣсной.
Зато любви природа не творила,
Пока не создала такихъ сердецъ,
Да и сердецъ такихъ не затѣвала,
Пока не родила любви.

Искусство примышлять, изобрѣтать (trobar, trouver) дало имя и провансальскому тробадору, трубадуру, и трувѣру сѣверной Франціи; такъ звали вообще всѣхъ, кто свободно занимался искусственною поэзіей, тогда какъ жонглеромъ, йокулаторомъ (отъ jocus, шутка, игра, забава) называли каждаго кто изъ поэзіи и музыки дѣлалъ ремесло. Часто одно переходило въ другое: и жонглеръ сочинялъ пѣсни, и недостаточные рыцари, поступая въ служилые поэты къ государямъ и знатнымъ господамъ, занимались поэзіей изъ платы, изъ-за жалованья. Впрочемъ музыканты-пѣвцы были вмѣстѣ съ этимъ танцорами, канатными плясунами, фиглярами. То же должно сказать о минстреляхъ Норманцевъ и Англичанъ; слово менестрель, минстрель, происходитъ отъ ministerium (министеріумъ), что значитъ всякое вообще рукомесло. Слѣдуетъ всегда помнить, что пѣсни слагались не для чтенія, а собственно для распѣва, что онѣ постоянно примыкали къ стародавнимъ мелодіямъ, если поэтъ вмѣстѣ съ стихоразмѣромъ не измышлялъ и голосового мотива, или какой-нибудь музыкантъ не сочинялъ его для новыхъ стиховъ. Однообразіе мыслей и оборотовъ рѣчи дѣйствительно скрадывается тѣмъ, когда слова звучатъ гармоническою чередой въ живой устной передачѣ и сопровождаются музыкой арфы, віолы (альта) или цитры. Особенностью искусственной поэзіи является расчлененіе на строфы; она риомуетъ одинъ съ другимъ не всегда равномѣрно-долгіе стихи, но перемежаетъ долгіе короткими по какому-нибудь опредѣленному правилу, перехватываетъ иногда связывающею риомой черезъ нѣсколько подрядъ стиховъ и составляетъ такимъ образомъ извѣстную группу, повторяющуюся потомъ все на одинъ и тотъ же ладъ вплоть до конца. У провансаловъ идутъ часто одинаковыя риомы черезъ цѣлый рядъ строфъ, или, при большемъ иногда разнообразіи остальныхъ, одна по крайней мѣрѣ риома идетъ черезъ все стихотвореніе. Нѣмцы этого не приняли, но зато ставили себѣ въ славу изобрѣтать новыя формы строфъ. По-нѣмецки Lied (лидъ), пѣсня, звалась первоначально Glied (глидъ), членъ; строфы, это—члены стихотворенія. Есть у Провансаловъ еще одна особенность,—отзвукъ піэсы, прощальный звонъ, родъ маленькаго послѣсловія, эпилога, заключающаго въ себѣ личное замѣчаніе поэта, который называетъ тутъ и себя самого, и пѣсню по имени, или обращается къ гонцу, съ которымъ ее посылаетъ, присоединяя къ этому похвалу милой или какому-нибудь покровителю. Въ этомъ отзвукѣ слышатся опять риомы послѣдней строфы. Складъ строфы по обыкновенію трехчленный: двѣ равныя части, каждая изъ двухъ или болѣе стиховъ, отвѣчаютъ одна другой, а за ними слѣдуетъ или помѣщается между нихъ стоящая сама по себѣ третья. По-нѣмецки первыя называются Stollen (столбы, запѣвы), а послѣдняя Abgesang (отпѣвъ, припѣвъ); мы видимъ здѣсь положеніе, противоположеніе и посредствующій между ними переходъ. Итальянцы, съ свойственнымъ имъ чувствомъ формальной красоты, выработали на этомъ основаніи свои канцоны такимъ образомъ, что сначала три стиха находятъ себѣ противень и риомовой отголосокъ въ трехъ другихъ, а заключеніе, развернутое короче или длиннѣе, примыкаетъ къ этому нѣсколько иначе: первый его стихъ, которымъ начинается дальнѣйшій ходъ мысли, относится своей риомою къ прежнему опять отпѣву или заключенію и съ нимъ именно связывается, что составляетъ очень милое противорѣчіе, которое тутъ же вмѣстѣ и разрѣшается по формѣ и по

содержанію,—нѣчто вродѣ аккорда септимы посреди строфы. Если канцона какъ нарочно создана для выраженія многоизмѣнчиваго чувства, то афористическая, поговорочная форма, развитая въ Германіи еще Вальтеромъ фонъ-деръ Фогельвейде и выработанная послѣ Реймаромъ фонъ-Цветеромъ, обратилась уже прямо въ сонетъ: два четверостишія составляютъ здѣсь положеніе и противоположенье, образъ и его противень; въ этомъ своемъ качествѣ обозначаются и вяжутся они одно съ другимъ тѣмъ, что середнія и крайнія риѳмы у нихъ одинаковы, то-есть строки 1, 4, 5, 8 и потомъ 2, 3, 6, 7 созвучны между собою; а за тѣмъ слѣдуетъ шестистрочный отпѣвъ. Всѣ строки равной длины съ пятью повышеньями, но мѣстами онѣ расширяются еще такъ-называемой кодою, приставкомъ и наконечнымъ звукомъ.— „Дескортомъ", то-есть разладицей, въ противоположность „аккорту", то-есть ладу, согласію, называется у Провансаловъ такая пѣсня, гдѣ пренебреженная любовь сѣтуетъ въ строфахъ, формально разногласящихъ между собою.

Изъ Прованса новая искусственная лирика перешла въ сѣверную Францію, оттуда за Рейнъ въ Германію, а потомъ черезъ палермскій дворъ Фридриха II-го въ Сицилію и въ Италію, тогда какъ сами трубадуры разнесли ее по Ломбардіи въ одну сторону и по Испаніи въ другую. Оттого и встрѣчается намъ вездѣ такъ много сходныхъ чертъ и въ формѣ и въ содержаніи. Такъ, образъ поющаго передъ смертью лебедя идетъ изъ Прованса въ сѣверную Францію, оттуда въ Германію, а затѣмъ въ Италію; такъ же точно любовный пылъ, въ которомъ сердце очищается, какъ золото въ огнѣ, или Тристаново питье изъ заколдованнаго кубка, связывающее души на вѣки вѣчные, или горлица, тоскующая по утраченномъ супругѣ.

Въ Провансѣ цвѣла лирика, въ сѣверной Франціи — эпическая поэзія, искусственная же лирика была здѣсь только слабымъ, блѣдноватымъ отблескомъ южной; такъ-называемый Лэ (Lai), состоящій изъ сходныхъ, но не одинаковыхъ строфъ, охотно принимаетъ въ себя эпическія составныя части; онъ повидимому народенъ на сѣверѣ, такъ же какъ и Рефренъ (Refrain), изъ котораго развился „припѣвъ". Уже множество иноземныхъ словъ въ такъ-называемой дворской поэзіи у Нѣмцевъ показываетъ, что она прямой сколокъ съ французскаго образца; но трувёровъ превзошли они въ такихъ пѣсняхъ, которыя больше выходили изъ сердца, нежели изъ рефлекціи, а сверхъ того ядреною, замысловатою поговорочною поэзіей и особеннымъ еще звукообиліемъ, которое неистощимая изобрѣтательность употребляла все на новые лады, такъ что у каждаго поэта есть свой собственный, и при томъ для каждаго рода пѣсенъ особый. Къ французскому Лэю близко подходитъ нѣмецкій Лейхъ, то-есть игра на инструментѣ, музыка съ пѣніемъ, тогда какъ обыкновенно въ пѣснѣ голосъ идетъ впереди, а музыка только сопровождаетъ; оттого Лейхи и были въ ходу для хоропѣнія и хороводныхъ плясокъ, представляя болѣе свободную череду членовъ или строфъ при единствѣ основнóго господствующаго тона. Фридрихъ II-й и Манфредъ сами были поэты, а также канцлеръ Петръ де-Винеисъ и Энціо *; черезъ нихъ нѣмецкая стихо-

* Побочный сынъ Фридриха II-го, даровитый поэтъ, блестящій воинъ, красавецъ, взятый наконецъ въ плѣнъ Болонцами и умершій въ 1271-мъ году послѣ двадцатидвухлѣтняго заточенія.

творная техника перешла къ Итальянцамъ, которые обдѣлали форму съ полною вкуса опредѣленностью; строфа ихъ называется стансомъ (собственно станца, stanza, клѣть, комната); какъ комната изъ стѣнъ, такъ осьмистишная строфа ихъ, октава (ottave), образуется сопостановкою четырехъ паръ риомъ; впослѣдствіи къ тремъ первымъ, врозбить стоящимъ парамъ, стали придавать заключеніе изъ двухъ сряду риомующихъ между собой строкъ, именно въ извѣстномъ эпическомъ стансѣ. Въ Ломбардіи подражали Провансаламъ на собственномъ ихъ нарѣчіи; сицилійскій діалектъ вошелъ въ моду при дворѣ Фридриха II-го въ Палермо и распространился оттуда по Италіи, гдѣ вскорѣ примкнулъ къ нему еще діалектъ тосканскій: изъ такихъ-то элементовъ выросъ постепенно итальянскій письменный языкъ. Въ ту пору случалось иногда, что какой-нибудь поэтъ попеременно употреблялъ въ одной и той же пѣснѣ то провансальскія, то сицилійскія, то латинскія строфы или стихи; а Рамбо́ де-Вакейрасъ даже присоединялъ къ этому сѣверно-французскія, гасконскія и испанскія строки, чтобы тѣмъ нагляднѣе показать, въ какую путаницу затянула его влюбчивость. Въ противоположность такой пестрой помѣси, Брунетто Латини дѣйствовалъ преимущественно въ пользу чистоты итальянской рѣчи, и такіе же какъ онъ ученые * принялись тогда за стихи,—Гвидо Гвиничелли, котораго Дантъ называетъ отцомъ не только себѣ, но и всѣмъ лучшимъ поэтамъ, Гвиттоне и Кавальканти, которые, обладая философскимъ образованіемъ, высказывали высокія мысли и остроумныя сравненія относительно любви, но славили въ то же время вѣчное міродержавное могущество божіе, и, по слѣдамъ Платона, видѣли въ чувственномъ только сколокъ идеальнаго; къ сожалѣнію однакожь, связанные еще схоластикой, они охотно пускаются въ самыя мелочныя тонкости и придумываютъ Богъ вѣсть какія затѣи для того, чтобы втростить въ свои канцоны какое-нибудь таинственно-аллегорическое толкованіе.

Съ Испаніей Провансъ былъ въ постоянномъ общеніи; въ 1113-мъ году корона этой французской украины досталась путемъ брака Раймунду Беренгару III-му, графу Барселонскому, и много трубадуровъ перешло туда вслѣдъ за молодой графиней (Дусой), тѣмъ болѣе что супругъ ея лелѣялъ при своемъ дворѣ всѣ рыцарскія потѣхи и искусства. Двадцать пять лѣтъ спустя, Барселонскіе графы пріобрѣли также Арагонію и распространили новое образованіе вплоть до Сарагосы. Сами государи отличались по части поэзіи, и въ пѣсняхъ говорилось не объ одной только рыцарской любви; онѣ и тутъ сдѣлались орудіемъ политическихъ раздоровъ и обращались иногда въ сатиру. Въ Испаніи этому направленію предшествовало, да потомъ и сопровождало его народное пѣснотворчество; но въ Португаліи послѣднее совершенно было вытѣснено трубадурами съ толпою ихъ подражателей, и за немногими лишь исключеніями, принадлежащими кратковременной цвѣтущей порѣ въ 16-мъ вѣкѣ, поэзія

---

* Его Tesoro, «Сокровище», любопытнѣйшая энциклопедія того времени, недавно издано французскимъ правительствомъ. Такъ, напримѣръ, въ богословскомъ отдѣлѣ своей книги Брунетто признаетъ радугу знаменіемъ завѣта божія съ человѣкомъ, а въ физическомъ объясняетъ ее точно такъ же какъ и мы. Прим. перев.

такъ и сохраняла здѣсь мягкія, податливыя черты искусственности, вполнѣ зависящей отъ чужеземныхъ образцовъ. Въ пѣсенникѣ португальскаго короля Діонисія (Diniz, 1279—1325) то, что̀ вложено въ уста женщинъ, отличается еще естественной мелодичностью и своеобразнымъ ароматомъ; но гдѣ мужчины сочиняютъ отъ своего собственнаго имени, тамъ ихъ умѣнье владѣть формою изощряется на переносъ провансальскихъ пріемовъ вмѣстѣ съ условнымъ ихъ содержаніемъ. Вмѣсто самобытной обформки влеченій собственнаго сердца, господствуетъ дворская, аристократическая мода. Вначалѣ 13-го вѣка Петръ Арагонскій бился и палъ за Альбигойцевъ; многіе трубадуры покинули окровавленныя развалины своего отечества, гдѣ свирѣпствовала тогда инквизиція, и нашли въ Испаніи пріютъ своему веселому искусству, нашли тамъ «любовные суды» и стихотворческія состязанія, благодаря которымъ эта искусственная поэзія пробавлялась тамъ еще нѣкоторое время, пока не угасла, какъ и вездѣ, вмѣстѣ со стариннымъ истымъ духомъ рыцарства. Дворянство обѣдняло черезъ крестовые походы, равно какъ и черезъ страсть къ блеску и пышности, тогда какъ между тѣмъ города подымались своей торговлею и ремесленной промышленностью; тамъ грубость и хищничество повели къ явному упадку, а здѣсь напротивъ заложено было основаніе совсѣмъ новому правообычаю.

У трубадуровъ любовь превратилась теперь или больше въ чувственный пылъ, или въ разсудочный расчетъ и игру словами; тогда какъ у миннезенгеровъ она больше выходила душевнымъ настроеніемъ, прямо дѣломъ сердца; тѣ стали мужественнѣй, бойчѣе, удалѣе, эти—женственнѣе, искреннѣе, млѣтельнѣй, и вмѣсто свѣжей воинственности, бодрой отваги господствуетъ у нихъ самозаѣдающая жалоба, безнадежность и боязнь, тихая, уходящая въ себя дума. Любовная поэзія для Провансала «веселая наука», gai saber, а для Нѣмца—услажденіе грустью, млѣнія и грезы ранней молодости, утонающей въ обманчивыхъ мечтахъ воображенія, чувство побѣжденности и тутъ же робкая надежда, едва смѣющая высказаться; вмѣсто тѣхъ либо другихъ страстныхъ переживовъ, поэзія отражаетъ въ себѣ здѣсь тихо и непрерывно только внутреннія состоянія души. Оттого-то трубадуры выдаются вездѣ впередъ своей личностью, и судьбы ихъ часто поэтичнѣе ихъ стиховъ; они участвуютъ въ борьбахъ своего времени, берутъ сторону извѣстныхъ партій и своими бранными, укорными стихами наводятъ страхъ и заставляютъ искать своего расположенія. Такъ-называемый Сирвентесъ (памфлетическій стихъ) заступаетъ мѣсто передовой статьи нынѣшней газеты; поэтъ излагаетъ въ немъ свой взглядъ на вопросъ дня, на то либо другое общественное дѣло, онъ высказываетъ свою ненависть или свое сочувствіе, и самъ отъ себя лично или руками своей партіи разсылаетъ стихи черезъ жонглёровъ съ базара на базаръ и изъ за̀мка въ за̀мокъ. Въ такихъ укорительныхъ пѣсняхъ гнѣвъ и вольный духъ автора мѣтятъ на волковъ въ овечьихъ шкурахъ, на невѣрныхъ пастырей, терзающихъ стадо вмѣсто того чтобы беречь его, и пѣвцы становятся глашатаями свободы духа, заступниками бѣдныхъ и утѣсненныхъ. Риму, говоритъ Гильемъ Фигейрасъ, надлежало бы быть свѣтомъ міра и жизнію, а онъ сталъ корнемъ всякаго зла; папа присвоиваетъ себѣ свѣтское владычество и сѣетъ плевелы раздора, вмѣсто того чтобъ проповѣ-

дывать миръ и тишину; адъ будетъ за то наградою ядовитому вѣнценосному змѣю. Пьерръ Видаль (одинъ изъ трубадуровъ, бѣжавшихъ ко двору Альфонса III-го Арагонскаго) жалуется въ такихъ словахъ: «Папы съ своей «ватагой докторовъ (богослововъ) довели Церковь до такого бѣдствія, что «упаси Боже! Такіе они безбожники и негодяи, что породили даже еретичество: цѣль и слава ихъ подлинно только одинъ грѣхъ». Но всѣхъ крѣпче бичевалъ духовенство Пьерръ Кардиналь вначалѣ 13-го столѣтія:

Хоть пастырьми они слывутъ, однакожъ всѣ какъ-есть убійцы,
И чѣмъ изъ нихъ кто выше саномъ, тѣмъ хуже, тѣмъ еще лишѣй;
На ложь у нихъ тѣмъ болѣе надежды, чѣмъ меньше правды въ нихъ самихъ,
Чѣмъ меньше знанія, тѣмъ больше въ нихъ коварства,
Смиренья жь ни въ одномъ—вотъ ни на волосокъ;
Никто споконъ вѣковъ такъ Богу не враждебенъ,
Какъ этотъ весь поповскій родъ!

Онъ готовъ дать гору золота правдивому, если каждый лжецъ принесетъ ему по яичку, готовъ дать цѣлую марку честному добряку, если всѣ шельмы и подлецы на свѣтѣ заплатятъ ему хоть одну денежку. У знатныхъ столько же состраданія къ бѣднымъ, какъ у Каина къ Авелю; ни единаго слова правды не выйдетъ у нихъ изъ устъ, зато потокъ лжи льется оттуда какъ рѣка съ горъ. Тотъ обманется, кто думаетъ, что хитрости и неправому насилію не сдобровать; они-то, напротивъ, и торжествуютъ. Поэтъ надѣется себѣ мягкаго приговора въ великій судный день, потому что онъ ратуетъ противъ злобы свѣта; вмѣсто проклятія, онъ только поетъ укорную пѣсню противъ алчности государей и поповъ, которые издаютъ законы для того, чтобъ грабить землю, и разставляютъ ловчія сѣти, чтобы прибрать какъ можно больше власти къ рукамъ. Они хотятъ заполонить весь міръ, и кажется, успѣваютъ въ этомъ, гдѣ лицемѣріемъ или лестью, гдѣ отпущеніемъ грѣховъ или анаѳемой, гдѣ опираясь на Бога, а гдѣ и на дьявола! — Понсъ де-Кадюэй (Capdueil), вызывая во многихъ пѣсняхъ на крестовый походъ, присовокупляетъ:

Кто за̀ моремъ всѣ земли покоритъ,
Не чтя Всевышняго душою,
Тому ни въ чемъ не поспоритъ:
Вѣдь Александръ весь свѣтъ прошелъ войною,
А взялъ съ собой холста лишь лоскутокъ!
Кто зло добру въ дѣлахъ предпочитаетъ,
Безумецъ тотъ: не дологъ счастья срокъ,
Его, глядишь, на сутки не хватаетъ.
Да нѣтъ, не вразумить намъ скаредныхъ глупцовъ,
Безъ пользы для себя вѣкъ алчущихъ скупцовъ!

Извѣстно, что кровавыя гоненія на Альбигойцевъ угомонили веселыя пѣсни въ Провансѣ. Новое «чистое» ученіе катаровъ приверженцы проповѣдника его, Петра Вальдо, изложили въ подходящихъ къ александрійскому стихахъ, которыхъ цѣлые ряды замыкаются одинаковою риѳмой и въ которыхъ съ достоинствомъ высказывалось простое евангелическое вѣроисповѣданіе.

Похвала личной доблести преимущественно слышится въ заплачкахъ по умершимъ; но и здѣсь, какъ въ превознесеніи милыхъ сердцу, почти вовсе нѣтъ индивидуальныхъ чертъ: храбрость, учтивость и красота прославляются только вообще, какъ повелось изстари. Такъ, напримѣръ, въ пѣснѣ Госельма Федита (Gaucelm Faidit) на смерть Ричарда Львиное Сердце говорится: «Однимъ ударомъ лишились мы всего лучшаго; онъ на столько же былъ «храбръ, какъ и щедръ: Александръ, побѣдивъ Дарія, не раздавалъ такъ «привѣтливо своихъ сокровищъ, Карлъ и Артуръ были не отважнѣе его. «Подлинно, онъ столько же былъ страшенъ одной половинѣ свѣта, сколько «снискалъ уваженіе другой». Изъ числа военныхъ пѣсенъ самая свѣжая и бойкая принадлежитъ Бертраму де-Бо̀рну, который могъ похвалиться тѣмъ, что ему всегда нужна только половина его силы,—или пѣсня или копье, или рыцарская или поэтическая сноровка; кажется, мы слышимъ звуки одного изъ степныхъ бойцовъ Аравіи, когда онъ начинаетъ:

Какъ сладокъ мнѣ разгулъ весны!
Вновь листъ и цвѣтъ оживлены,
Опять веселый птичекъ хоръ
Лѣсъ пѣснью свѣжей оглашаетъ,
Куда ни обратится взоръ,
Избушки, хутора встрѣчаетъ;
Но сладокъ мнѣ и поля видъ,
— Будь это осенью, весною,—
Гдѣ строй людей, коней стоитъ,
Вполнѣ готовый къ бою!

Мнѣ любо видѣть: лишь мелькнутъ
Въ дали бойцы передовые,—
И люди, и стада бѣгутъ
Укрыться въ чащи вѣковыя;
Ахъ, любо! тамъ на встрѣчу имъ
Вонъ съ шумомъ выдвинулось войско,
И бой теперь необходимъ;
Иль гдѣ съ отвагою геройской
Надежный за̀мокъ силой взять,
Когда стѣна, вдругъ треснувъ, рухнетъ, —
Не оторва̀лся бы мой взглядъ!
Мнѣ любо, какъ заря потухнетъ,
Въ дали увидѣть предъ собой
Рядъ цѣлый рвовъ на полѣ голомъ,
Забитый крѣпкимъ частоколомъ,—
Все это предвѣщаетъ бой!

Онъ не налюбуется на блестящіе шлемы, на изрубленные щиты, и ни что такъ не веселитъ его какъ боевой кличъ: «Дружно! въ аттаку!»

Вотъ всадниковъ убитыхъ кони
Блуждаютъ по̀ полю дрожа;
За недругомъ несясь въ погоню
И славой предковъ дорожа,
Герой о томъ лишь помышляетъ,
Чтобы побольше снять головъ
И рукъ отсѣчь, безъ лишнихъ словъ,
А самъ нигдѣ не отступаетъ.

Изъ числа нѣмецкихъ миннезенгеровъ такого богатства жизни достигаетъ только одинъ Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде (умершій около 1228 г.), но отнюдь не выраженіемъ дикихъ страстей, а ясностію помысловъ и глубиною чувства. Германскую исторію своего времени онъ переживаетъ сердцемъ и умомъ, событія сопровождаетъ онъ постоянно своими размышленьями и старается повліять на ходъ вещей и словомъ, и дѣломъ. Онъ величайшій лирикъ рыцарскаго міра, достойный стать рядомъ съ Петраркою. Съ полной горделивой увѣренностью превозноситъ Вальтеръ женщинъ, мелодически высказывая мысли своего времени; онъ ставитъ Германію выше всѣхъ странъ міра за то что тамъ живы еще добрые нравы и чистая любовь: скроменъ-де и чиненъ здѣсь мужчина, а женщины прелестны и чисты какъ ангелы. И у Вальтера господствуетъ подчасъ рефлекція, но ни одинъ рыцарь Среднихъ Вѣковъ не пѣлъ съ такою свѣжестью чувства и музыкальностью исповѣдь перваго счастія любви, влагаемую имъ въ уста дѣвушки *.

Гдѣ подъ липами лужайка,
Мы лежали съ нимъ вдвоемъ;
Тамъ попробуй, разузнай-ко,
Есть ли слухъ какой о томъ,
Чтобъ трава была помята,
Или сломленъ хоть цвѣтокъ....
А, изъ рощи, соловья-то
Какъ звучалъ намъ голосокъ!

Я пошла на ту поляну,—
Мой любезный былъ ужь тамъ,—
И разсказывать не стану,
Какъ онъ встрѣтилъ: только дамъ
Такъ встрѣчаютъ самыхъ знатныхъ!
Поцалуевъ, словъ пріятныхъ
Не сочтешь: до счету ль намъ!
Жарко и теперь губамъ.

Натрусилъ онъ родъ постели
Изъ цвѣтовъ и муравы,—
Знаю, улыбнетесь вы! —
Но когда бы вы съумѣли,
То моглибъ туда дойдти
И, подъ розой кустовою,
Гдѣ пришлась я головою,
Мѣсто самое найдти.

Ну ужь отдыхъ тамъ на ложѣ!
Еслибъ свѣдалъ кто когда,
Сохрани меня мой Боже,
Я сгорѣлабъ со стыда.
Какъ ласкалъ меня любезный,
Знаемъ только я да онъ;
Всѣ распросы безполезны,—
Ни кого со всѣхъ сторонъ
Кромѣ птички: та и знаетъ,
Да она не разболтаетъ.

* Въ переводѣ мы можемъ передать только смыслъ, но отнюдь не простодушно лукавую игривость и не оригинальный размѣръ подлинника. Прим. перев.

Какъ онъ сидитъ, раздумывая о ходѣ вещей на бѣломъ свѣтѣ, о возможности совмѣстить честь и временное благо съ божіимъ благословеніемъ, самъ онъ описалъ намъ мастерски:

Сидѣлъ я на камнѣ подтѣнномъ,
Нога на ногѣ въ перевѣсъ,
А локтемъ уперся въ колѣно,—
Подбородокъ самъ въ горсть мнѣ залѣзъ.

Онъ стоитъ за императора и имперію, онъ ратуетъ противъ лицемѣрства, измірченія, торговли грѣхоотпускными грамотами властолюбивой Церкви, онъ требуетъ истиннаго раскаянья и чистой жизни, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва; христіанинъ, жидъ, язычникъ для него все равно, только бы они служили Единому. Онъ проповѣдуетъ во всемъ мѣру и умѣнье владѣть собою:

Кто льва, кто исполина одолѣетъ?
Кто сломитъ всякаго, какъ тотъ могучъ ни будь?—
Тотъ, кто себя преодолѣть умѣетъ,
И къ пристани добра свой треволненный путь
Изъ жизни бурь направитъ, некрушимый.
Личина скромности, стыда передъ чужими,
Пожалуй, нà день и обманетъ насъ,
А тамъ, глядишь,—весь ложный блескъ погасъ.

Вальтеръ пишетъ стихи не ради моды, онъ слѣдуетъ сердечному влеченію; скорбь и радость собственной души и всегда близкаго ей народа,—вотъ что вызываетъ его пѣсню и постоянно въ ней откликается. Самъ же онъ объяснилъ намъ:

Во всемъ извѣрившійся людъ
Твердитъ: все умерло, и пѣсенъ не поютъ
Прекрасныхъ, какъ въ былое время.
Ему бы зарубить себѣ на темя,
Какая свѣтъ взяла теперь напасть:
А пѣсни день прійдетъ, тогда услышимъ пѣнье,
И сами напоемся всласть.
Недавно слышалъ я отъ птички то же мнѣнье:
Она замолкла вдругъ, и тихо говоритъ:
«Не стану пѣть, пока заря не освѣтитъ».

Утѣхи міра проходятъ какъ пестрыя краски полевыхъ цвѣтовъ, — вотъ почему душа поэта и стремится къ вѣчному; но какъ должно быть у лирика, струны ея такъ нѣжны, что подобно эоловой арфѣ она звучитъ при малѣйшемъ дуновеніи, и оттого вмѣстѣ съ радостью сердечною всегда почти является у него и скорбь, полусутокъ не проведетъ онъ въ безпримѣсномъ, невозмутимомъ блаженствѣ: только оставь его въ покоѣ думы и помыслы, онъ не зналъ бы ни какой заботы. Полный удивительнаго глубокомыслія, тужитъ онъ на закатѣ своихъ дней:

Увы, куда мои умчались быстро лѣта!
Да правда, или сонъ, вся жизнь земная эта?

Что̀ я считалъ за быль, уже ли все мечта?
Я долго спалъ, и все какъ бы забыто мною;
Проснулся, и меня объемлетъ слѣпота,—
Не узнаю того, съ чѣмъ какъ съ своей рукою
Я прежде былъ знако̀мъ. Тѣ люди, тѣ края,
Что видѣли меня еще ребенкомъ малымъ,
Мнѣ чѣмъ-то кажутся чужимъ и небывалымъ;
Кто игрывалъ со мной, теперь ужь старъ, лѣнивъ,
Повырубленъ тотъ лѣсъ, не вижу я тѣхъ нивъ,
Вода одна течетъ все прежнею струею!
Да, подсолила мнѣ проказница судьба:
Другъ старый, встрѣтившись нечаянно со мною,
Едва кивнулъ, и прочь; вся жизнь мнѣ не люба!
Какъ вспомню я теперь о прежнихъ дняхъ счастливыхъ,—
Исчезли какъ весла̀ ударъ въ волнахъ бурливыхъ!
Увы, о горе, о бѣда!
Увы, какъ сладостью насъ обойдти съумѣли!
Я вижу желчь въ меду, который всѣ мы ѣли.
Какъ милъ снаружи свѣтъ, какъ зеленъ, красенъ, бѣлъ;
Внутри жь какъ черенъ онъ,—глядѣть бы не хотѣлъ!
Кто соблазнился имъ, спѣши искать спасенья,
Пока раскаяньемъ легко достичь прощенья.
Тебѣ, о рыцарство, не слѣдъ о томъ забыть;
Привыкло ты давно блестящій шлемъ носить,
И мечъ, и крѣпкій щитъ. О, еслибъ былъ достоинъ
Я Богу послужить, какъ добрый, вѣрный воинъ,
Я выслужилъ бы то, что̀ выше всѣхъ наградъ.
Земель не надо мнѣ, ни денегъ государскихъ;
Средь ангеловъ самихъ, въ вѣнцѣ, блестящѣй царскихъ,
Ходилъ бы я тогда: вѣдь и простой солдатъ
Копьемъ и доблестью достичь той цѣли можетъ.
О, какъ я буду радъ, когда и мнѣ положитъ
Судьба тотъ предпринять счастливый, дальній путь!
Я славу воспою, не то чтобы вздохнуть,
И не скажу тогда: о, горе!

Поэтъ надѣется стало-быть конца всѣмъ бѣдамъ, когда міръ отдастъ свои силы на службу божію въ крестовомъ походѣ. Въ Греціи Эпименидъ проспалъ такъ долго, что проснувшись не узналъ ни чего окружающаго, и всю прежнюю жизнь считалъ за грезу. Припоминая это, спросимъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Гриммомъ: представляетъ ли намъ греческая древность хоть одну пѣсню, такую же искреннюю и величавую по чувству, какъ сейчасъ приведенная? могъ ли бы благороднѣе прозвучать самый плачъ Эпименида? и чѣмъ подобнымъ могла бы, напримѣръ, похвастать римская литература съ своей стороны?

Миннезенгеры—поэты искусственные. Но народъ не забылъ своихъ древнихъ пѣсенъ, перехожіе пѣвцы разносили ихъ съ мѣста на мѣсто и поддерживали память о богатырской былинѣ стараго времени; тогда какъ духовенство со временъ Оттоновъ облекало германскія преданія въ латинскую одежду. Духовныя лица, вродѣ вышедшаго изъ военнаго сословія «Архипоэта», примыкая къ пѣвцамъ-странникамъ, составляли какъ бы переходное звено, пока рыцарское образованіе не стало носителемъ всей вообще литературы. Пѣсни старшихъ миннезенгеровъ, Кюренбергера, Дитмара фонъ-Эйста, держатся еще народнаго склада и, отличаясь простою формой строфъ, выраженіе чего-нибудь задушевнаго любятъ еще привязать къ естественному обра-

зу, какъ къ символической опорѣ: какъ соколъ знаетъ свое гнѣздо и летитъ всегда къ избранному дереву, такъ и любящее сердце постоянно стремится все къ одной; или: и прирученный соколъ готовъ взмахнуть къ небу златообрѣзнымъ перомъ своимъ и улетѣть въ дальніе, безвѣстные края. При этомъ невольно вспоминается сонъ Хримгильды въ самомъ началѣ пѣсни о Нибелунгахъ: сóкола ея забили два орла, — знакъ, что и ея милому погибнуть отъ руки убійцы. Но въ послѣдней половинѣ 12-го вѣка перешли, подъ провансальскимъ вліяніемъ, къ болѣе художественной трехчленной строфѣ; языкъ былъ музыкально-полнозвученъ, риома чиста, пѣсни рѣшительно уже пѣлись (а не сказывались на распѣвъ, какъ въ старину) и сопровождались игрой на струнахъ; опираясь на общепринятое основаніе, каждый самъ придумывалъ теперь и стихоразмѣръ и мелодію; и въ то время какъ Французы проводили обыкновенно по двѣ риомы въ каждой строфѣ, Нѣмецъ любилъ больше разнообразія какъ въ риомѣ, такъ и въ чередованіи короткихъ строкъ съ длинными. Болѣе свободы движенія предоставлялось въ «лейхѣ» (lai), духовномъ первоначально напѣвѣ, который развился изъ звукоизводовъ Аллилуіи, отчего и называется также «секвенціей» (Sequentia, то-есть зааллилуйнымъ послѣдованіемъ) *. Вся благородная молодежь училась пѣнію и музыкѣ, принимая за образецъ старыхъ мастеровъ; искусство обратилось въ забаву высшаго общества, стало чопорнымъ, утонченнымъ, и при дворахъ владѣтельныхъ князей, каковы Леопольдъ австрійскій, Германъ тюрингенскій, въ Вартбургѣ, образовались средоточія для поэтическихъ состязаній, за которыя радушные и щедрые государи не щадили большихъ наградъ. Рыцари-поэты или сами произносили свои пѣсни, или передавали ихъ какому-нибудь пѣвцу; милыя меценатки просили списать то, что имъ особенно нравилось, а потомъ составляли цѣлые сборники, и такимъ образомъ уцѣлѣло до 160-ти миннезенгеровъ. Теперь стали выступать личности и изъ народа, которыя посвóему высказывали свои переживы, стремленія и ощущенья, а потому на ряду съ другими сохранились и ихъ также имена. Во главѣ ихъ стоитъ Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде, къ нему подготовляютъ Генрихъ фонъ-Вельдеке, Фридрихъ фонъ-Гаузенъ, Рейнмаръ Старый. За нимъ слѣдовалъ Рейнмаръ фонъ-Цветеръ, преимущественно какъ поговорочный стихотворецъ; ему принадлежитъ столь характеристическое для той поры изреченіе:

Грунтъ сомнѣнья крайне зыбокъ;
Если, вѣкъ боясь ошибокъ,
Ты его не кинешь прочь,
И увѣренности мочь
Не воспримешь всей душою,
Знай, гоняся за мечтою,
Не построишь никогда,
Ты и птичьяго гнѣзда.

* Заканчивавшіе Аллилуію продолжительные звукоизводы или модуляціи пѣлись первоначально совсѣмъ безъ текста, потомъ къ нимъ стали подбирать прозаическій текстъ (отсюда ихъ названіе Prosae), а наконецъ сочиняли уже на этотъ напѣвъ и стихотворные тропари. Прим. перев.

За тѣмъ, около второй половины 13-го вѣка идутъ баварскіе и австрійскіе поэты: вопервыхъ Нейдгартъ, воспроизводившій для двора сельскія пляски и пѣсни, — зимнія комнатныя и вешнія хороводныя, подъ открытымъ небомъ; къ нему примыкаютъ Штейнмаръ, Гадлаубъ и Тангейзеръ, и тотъ юморъ, съ какимъ они обдѣлывали свой предметъ, повелъ къ комическому саморазложенію любовнаго служенья и смѣшныхъ въ самомъ дѣлѣ крайностей, до какихъ оно дошло. Какъ свинья въ мѣшкѣ, барахтается и бьется мое сердце, говоритъ Тангейзеръ, самъ обратившійся въ миоическое лицо: пѣвецъ чувственной любви спускался будто бы въ глубь Венериной горы, но скоро опять воротился на свѣтъ божій; папа однакожь объявилъ, что ему такъ же не дождаться прощенья и милости, какъ давно отсѣченному суку не пустить вновь листвы: тогда Тангейзеръ вторично сошелъ въ Венерину гору, а сукъ между тѣмъ началъ зеленѣть.

Любопытно еще то, въ какомъ необыкновенномъ ходу былъ тогда культъ Дѣвы Маріи, придававшій религіозному чувству столько мягкости и чарующей сердце граціи; тогдашній высокій почетъ женщинъ конечно имѣлъ тутъ свою долю вліянья, но зато и самъ получалъ отсюда новую пищу и новое освященіе. До крестовыхъ походовъ Марія не выступаетъ у западныхъ стихотворцевъ въ особенномъ блескѣ; но, начиная съ 12-го вѣка, соприкосновеніе съ восточной Церковью повело служеніе ей къ быстрому расцвѣту; съ самымъ пылкимъ восторгомъ, съ самой наивной сердечностью стали теперь прославлять Госпожу Богородицу (unsere liebe Frau), а лучезарный свѣтъ ея опять-таки бросалъ свой отблескъ и на земную возлюбленную. Еще у Вольфрама фонъ-Эшенбаха нѣтъ ни слова о Дѣвѣ Маріи, но поэты конца рыцарскихъ временъ славословятъ ее до преизбытка. Чувственное переплетается тутъ съ духовнымъ; даже монахи находили въ этомъ поводъ къ восторженно-религіознымъ любезностямъ. Гимнъ, приписываемый Готфриду Страсбургскому, называетъ Марію розою, листкомъ лиліи, медвянымъ любовнымъ напиткомъ, которымъ услаждалось само Божество, зеркаломъ блаженства, звѣздою въ сердцѣ и помышленіи, чтó радуетъ любящую душу какъ роса освѣжаетъ цвѣты; слѣдующее за тѣмъ неподражаемо (и тѣмъ болѣе непереводимо) по особаго рода мелодичности полнозвучнаго языка. — Мы заключимъ отзывомъ Готфрида о его товарищахъ пѣснопѣвцахъ, что эти соловьи исполняютъ должность свою какъ слѣдуетъ, полѣтнему (или, скорѣй, повешнему). «Напѣвъ ихъ громокъ и хорошъ, они всякому придаютъ бодрости и веселятъ сердце. Свѣтъ, пожалуй, совсѣмъ бы отупѣлъ, опустѣлъ и отяжелѣлъ безъ милыхъ птичьихъ пѣсенокъ, которыя напоминаютъ собой все милое и доброе и радостно ободряютъ душу».

Живописный элементъ, которому предлежало теперь стать на цѣлые вѣка верховоднымъ въ искусствѣ, обнаружился прежде всего во внѣшнемъ убранствѣ рыцарей и благородныхъ дамъ, въ ихъ разборчивости на цвѣта, въ великолѣпіи одежды. Въ бою обороняли рыцаря шлемъ, щитъ и панцырь; въ мирномъ быту любили полотно и шерсть, особенно мѣха, бархатъ, парчи серебряныя и золотыя. Любили игру разныхъ цвѣтовъ (не грубую пестроту); наружность должна была выражать внутреннее настроенье человѣка: такъ, напримѣръ, тотъ кто впервые чувствовалъ разгаръ рыцарской любви, одѣ-

вался въ зеленое; красный цвѣтъ указывалъ на пылъ славы и чести, а также и на то, что сердце пышетъ какъ раскаленный уголь; голубой означалъ постоянную вѣрность, бѣлый—лучъ надежды быть услышаннымъ, желтый—награду любви, золотое счастіе взаимности, черный — вообще страданіе, гнѣвъ за прѐзрѣнную любовь, скорбь по утраченной. «Бѣлый съ краснымъ, «говоритъ Уландъ, значитъ на старонѣмецкомъ поэтическомъ языкѣ внут-«реннюю измѣнчивость, колебаніе между скорбью и радостью, страхомъ и «надеждой, да и порознь оба эти цвѣта являются вѣрнымъ природѣ выраже-«ніемъ душевныхъ состояній. Даже въ пѣсни Нибелунговъ видимъ мы игру «этихъ двухъ цвѣтовъ во всѣхъ возможныхъ оттѣнкахъ, начиная отъ перва-«го повѣва робкой любви до полнаго разгара гнѣвомъ и до страха, отъ кото-«раго блѣднѣетъ порой и богатырь». — Веселый май, убирая пестрыми цвѣтами землю, вызывалъ и людей погулять въ яркомъ и свѣтломъ убранствѣ на чистомъ воздухѣ, устроивать веселыя празднества, гдѣ рыцарь проявлялъ на турнирѣ свою силу и ловкость, а дама раздавала награды за побѣду. Блескъ солнца, зелень лѣса, пѣснь любви и плясовой хороводъ составляютъ общую лѣтнюю забаву; звуки голоса и музыки развязываютъ веселую подвижность, и очаровательные напѣвы тарантеллъ слывутъ красными или зелеными «сукнями», смотря по тому, выражаютъ ли онѣ дикую страсть, или кроткую идиллію: такъ самое искреннее и свѣжее чувство природы царитъ и въ жизни, и въ поэзіи.

СВѢТСКАЯ И РЕЛИГІОЗНАЯ ЛИРИКА ДУХОВНЫХЪ ЛИЦЪ.

Тотъ лирическій порывъ, который сдѣлалъ трубадуровъ и миннезенгеровъ провозвѣстниками новаго образованія, также увлекъ къ стихотворству и досельныхъ представителей культуры, духовныхъ: они продолжали еще употреблять латинь, но чѣмъ больше чувство собственнаго сердца воодушевляло къ пѣснѣ, тѣмъ, разумѣется, неотступнѣе требовало оно непосредственнаго выраженія на родномъ, туземномъ языкѣ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, и своенародные звуки часто прорывались среди чуждой обстановки сначала неумышленно, простодушно, потомъ съ преднамѣренною уже чередовкой латинскихъ и отечественныхъ стиховъ. Въ сборникѣ писемъ монаха Вернгера Тегернзейскаго (во второй половинѣ 12-го вѣка) любовница пишетъ еще полатини: «Ты одинъ избранъ мной изъ тысячей, ты одинъ допущенъ въ святыню моей души, ты одинъ удовлетворишь меня за все, если только, какъ я надѣюсь, никогда не отвернешься отъ любви моей. Я поступила точно такъ же, какъ и ты: изъ любви къ тебѣ отреклась отъ всѣхъ

другихъ утѣхъ и желаній: къ тебѣ одному привязалась я душой, на тебя возложила все свое довѣріе и упованіе». А потомъ она заканчиваетъ наивными нѣмецкими риѳмами:

Ты мой, и я твоя, повѣрь мнѣ въ этомъ;
Въ моемъ ты сердцѣ запертъ подъ секретомъ,
А ключикъ отъ него потерянъ: не бѣда!
Ты долженъ тамъ остаться навсегда.

Но кажется и тутъ Французы шли впереди всѣхъ. Уже въ первой половинѣ 12-го вѣка одинъ рыцарь препоясался тамъ оружіемъ діалектики, и послѣ того какъ онъ стяжалъ славу побѣдителя на турнирѣ науки, въ сердцѣ его вспыхнуло великолѣпнымъ пожаромъ пламя неугасимой любви, пока вслѣдъ за счастіемъ не наступила расплата горчайшимъ страданьемъ, и онъ не сталъ мученикомъ своихъ чувствъ и своей мысли. Но если современники и поднесли терновый вѣнецъ ему и его возлюбленной, зато потомство украшаетъ вѣчнозеленѣющимъ лавромъ памятникъ тѣхъ, въ комъ идея впервые просіяла съ такой полной силою, что передъ ней забыто было все, и вотъ почему имена Абеларда и Элоизы, благодаря ихъ сердечной исторіи, остаются въ устахъ рѣшительно у всѣхъ. Въ нихъ двоихъ осуществился и пришелъ къ самосознанію идеалъ романтической любви. Прочтите ихъ письма, исторію ихъ страданій (изданную мной понѣмецки) въ подлинникѣ: своей правдою, поэтичностью, пыломъ чувства далеко превосходитъ онъ всѣ позднѣйшія переработки въ прозѣ и въ стихахъ, и въ этомъ отношеніи конечно не сравнится съ нимъ ни одинъ изъ трубадуровъ и миннезенгеровъ. Здѣсь и жизнь и слова порукою въ томъ, что любовь дѣйствительно есть новое самообрѣтеніе одной свободной особи въ соотвѣтственной ей другой, въ которой она видитъ прямой себѣ противень: конечно, все дѣло тутъ въ сродственной личности, но сердце воспламеняется къ ней истинно неодолимымъ пыломъ, хочетъ только ея одной и навсегда, только въ обладаніи ею одною находитъ и спокойствіе, и блаженство. Любовь здѣсь — полная совокупность человѣческой природы въ формѣ ощущенья, тѣснѣйшая, глубочайшая связь душъ и внѣшнихъ чувствъ: что̀ на умѣ, отъ того кипитъ и бурлитъ кровь; отъ чего сильнѣе бьется сердце, то самое просвѣтляется въ идеалъ передъ внутреннимъ созерцаніемъ. Мощь сердца такъ сильна, что она удовлетворяется сама собой и увѣрена въ своей нерушимой прочности навѣки; желать при этомъ брачнаго еще союза, кажется ей какъ бы чѣмъ-то недостойнымъ, унизительнымъ, какъ бы жалкимъ сомнѣніемъ въ любви, тогда какъ въ немъ слѣдуетъ напротивъ видѣть именно подтвержденіе ея исключительности и вѣчности. Элоиза пишетъ къ Абеларду: «Ты одинъ властенъ огорчить меня, «обрадовать и утѣшить. Богу извѣстно, никогда я не искала въ тебѣ ничего, «кромѣ тебя самого, и ничего твоего не желала. Не ждала я ни брачнаго «союза, ни другихъ супружескихъ благъ; всегда, какъ самъ ты знаешь, ста- «ралась исполнить не свое желаніе, не свою волю, а одну твою. И если имя «жены кажется вообще святѣй и достойнѣе, то для меня все же было сла- «ще всегда называться твоей возлюбленной, или—только не разсердись за «это, пожалуйста,—твоей наложницей, гетерой,—чтобы чѣмъ глубже я для

«тебя унижаюсь, тѣмъ больше расположенія и милости найдти передъ тобой «и поменьше вредить блеску твоей славы. Богъ свидѣтель, что еслибъ міро-«владыка Августъ вздумалъ удостоить меня чести быть его женой и укрѣ-«пилъ мнѣ навсегда господство надъ всей землею, я предпочла бы во всѣхъ «отношеніяхъ имя твоей наложницы имени его императрицы; вѣдь тотъ, кто «всѣхъ могущественнѣй и богаче, не лучше же оттого другихъ: первое—дѣло «одного счастія, а для послѣдняго нужна доблесть. Но признаюсь, въ тебѣ было «два качества, которыми ты сразу покорялъ себѣ всѣ женскія сердца — «пріятность рѣчи и напѣва. Ты отдыхалъ на этомъ, какъ на освѣжительной «забавѣ, отъ напряженныхъ философскихъ трудовъ, но сочинилъ много пѣ-«сенъ въ любовномъ размѣрѣ или ритмѣ; благодаря необыкновенной сладости «какъ словъ, такъ и мелодій, пѣсни эти пѣлись потомъ зачастую, и такимъ «образомъ мое имя непрерывно звучало у всѣхъ въ устахъ, а пріятность «восхитительныхъ напѣвовъ не давала никогда забыть тебя даже и необра-«зованнымъ людямъ. И какъ бо̀льшая часть этихъ пѣсенъ славила нашу лю-«бовь, то скоро мое имя пронеслось въ разные края земли».

Отъ позднѣйшихъ годовъ жизни Абеларда дошли до насъ латинскіе гимны, написанные имъ для церковнаго пѣнія монахинь въ Параклe *,—въ простомъ стилѣ древнихъ пѣснопѣній, спокойно-созерцательнаго характера. Бо̀льшимъ чувствомъ отличаются латинскія заплачки, которыя влагаетъ онъ въ уста ветхозавѣтнымъ личностямъ; въ нихъ отразилась собственная его скорбь; самъ онъ является низложеннымъ Самсономъ, а добровольно идущая къ жертвенному алтарю дочь Іефоая — Элоиза, и она плачется какъ Дина, дочь Іаковля:

Ужель любви сердечной сила
Вины моей не искупила?
Ахъ, юность рѣзвая нѣжна такъ, и легка,
Что кара для нея должна бы быть мягка.

Найдется ли во всемірной исторіи женщина выше Элоизы? Любовь — самая сердцевина ея существа, съ глубокимъ уваженіемъ видитъ она идеалъ въ томъ человѣкѣ, отъ котораго всѣ жилки въ ней бьются сильнѣе обыкновеннаго, такъ что и сама радостная услада чувственнымъ счастіемъ просвѣтляется отъ того въ чистое блаженство; съ веледушной гордостью отрекается она отъ міра, когда у ней отняли единственнаго. Чистосердечіе ея не нуждается ни въ какой прикрышѣ, оно доходитъ до всей своей высоты въ геройскомъ чувствѣ искренной правдивости. И при этомъ она такъ ясно сознаетъ себя, съ такой могучестію ума обнимаетъ царство науки въ то самое время какъ сердце ея согрѣвается глубочайшими чувствами, что она то реформаторски указываетъ на прямодушіе въ дѣлахъ въ противоположность ханжеству и лицемѣрію, говоря что Всевышнему угодна богопреданная жизнь, а не строгость плотеистязаній, то опять рисуетъ образъ воз-

* Сельцо близъ Ножана на Сенѣ, въ Обскомъ департаментѣ; въ 1123-мъ году Абелардъ учредилъ здѣсь монастырь, гдѣ Элоиза была первою игуменьей.

любленнаго съ такой дивной поэтичностью, что никогда ни одинъ мужщина не былъ болѣе прославленъ и превознесенъ.

Отголосокъ абелардовыхъ пѣсенъ въ счастливые его дни находимъ мы въ латинскихъ риомованныхъ стихотвореніяхъ, которыя, какъ пѣсни трубадуровъ и миннезенгеровъ, то говорятъ мило и нѣжно о веснѣ и любви, то съ остроуміемъ и веселостью пускаются въ чувственно бойкій разгулъ и не боятся античной наготы подъ оболочкой античной рѣчи, а въ риомованныхъ строфахъ придаютъ выраженію новую, можно-сказать вѣковѣчную прелесть. Тутъ средневѣковые странствующіе школьники, ученая молодежь, бродятъ по бѣлу свѣту въ бѣдности, но весело, и рѣшительно объявляютъ, что нѣтъ лучше страннической любви, или выводятъ молодыхъ дѣвицъ въ спорѣ о томъ, что̀ лучше,—любовь поповича, дьячка, или же рыцаря, при чемъ предпочтеніе отдается всегда первому, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать. Веселыя пѣсни при звонѣ полныхъ чаръ услаждаютъ для нихъ всѣ житейскія невзгоды, здѣсь впервые грянулъ кликъ общей братской попойки, какъ раздается онъ у германскихъ студентовъ и до сихъ поръ:

Запѣнилось вино у насъ
Чрезъ край не попустому,
И кто стаканчикъ выпилъ разъ,
Тотъ выпьетъ по другому.

Но они не прочь и отъ серьёзнаго * дѣла жизни; съ Абелардомъ и съ Гогенштауфенами ратуютъ они за свободу духа и противъ притязаній римской іерархіи, противъ служенія Ма́ммону, противъ симоніи, властолюбія и омірченія Церкви вообще. Призываютъ на судъ всему этому Господа Бога, да не потерпитъ онъ чтобы соломоновъ храмъ сталъ вертепомъ вавилонской блудницы, которая присвоиваетъ себѣ право отпускать грѣхи и нѣтъ, вязать и разрѣшать царей и народы, а сама между тѣмъ утопаетъ по горло въ земныхъ сокровищахъ. Сильно возстаютъ противъ поповъ, у которыхъ добродѣтель на устахъ, а порокъ въ сердцѣ, которые изъ объятій распутницъ идутъ прямо къ божью алтарю, которые, слѣпцы сами, хотятъ однакожь водить другихъ слѣпцовъ,—ослы въ львиной шкурѣ, волки въ овчинѣ, не болѣе. Строгость мысли указываетъ на вѣчное; все земное хрупче стекла, одно божеское пребываетъ. Такъ эти рѣзко-укорительныя стихотворенія становятся обокъ съ лучшими сирвентесами трубадуровъ. Нѣкоторыя изъ нихъ возводятся къ имени Вальтера де-Шатильйона во Франціи, оксфордскаго архидекана, Вальтера Мапа, въ Англіи, и какого-то еще Вальтера въ Германіи, который самъ себя называетъ въ шутку «пирожскимъ» игуменомъ, живущимъ будтобы въ той привольной землѣ (Kuchanien, Пиро́жье), гдѣ всѣ домы крыты пирогами. Иныя приписываютъ даже одному первосвятителю, и Боккачіо между прочимъ говоритъ, что всѣмъ былъ извѣстенъ въ его время такой

* Замѣчательно, что у насъ нѣтъ русскаго слова, которымъ разность дѣла отъ бездѣлья выражалась бы во всѣхъ отношеніяхъ такъ опредѣленно, какъ выражаютъ ее французское serieux и общегерманское ernst, earnst, и т. д. Прим. перев.

высокостепенный потѣшный стихотворецъ; называютъ еще авторомъ подобныхъ вещей Голіаса, вождя Голіардовъ (отъ goliart, мошенникъ, побродяга), наконецъ—какого-то Архипоэта, который самъ себя выдаетъ за воспріемника и пѣвца Рейнольда, бывшаго архиканцлеромъ въ Кёльнѣ и другомъ Фридриху Рыжая Борода. Происходя отъ воинскаго рода, онъ однакожь лучше хочетъ быть поэтомъ Виргиліемъ, нежели героемъ Парисомъ; ему поручено воспѣть подвиги императора, и онъ приступаетъ къ этому въ латинскихъ риомахъ; но жизнь увлекаетъ его въ свой круговоротъ, онъ скитается по Италіи; землю копать ему не приходится, потому что онъ сталъ ученымъ; просить подаянія и воровать—стыдно; вотъ онъ возвращается назадъ и прибѣгаетъ къ милости архиканцлера. Такимъ образомъ знаменитая исповѣдь его находитъ себѣ вполнѣ личныя точки опоры, получаетъ вполнѣ индивидуальный цвѣтъ, и мы несомнѣнно можемъ считать нашего Нѣмца ея сочинителемъ и вмѣстѣ мастеромъ по части той разгульной поэзіи, которая возникла въ Ломбардіи, распространилась по Франціи, достигла всего своего полнозвучія на Рейнѣ, подъ вліяніемъ виноградныхъ его лозъ, и замерла наконецъ въ Англіи. Поэтъ изображаетъ самого себя, какъ, подстрекаемый непосѣднымъ духомъ, онъ мыкался какъ древесный листъ по вѣтру, упустилъ время основать свой домъ на твердомъ каменномъ грунту, какъ дѣлаютъ добрые люди, и носился по волнамъ какъ корабль безъ кормчаго; онъ сознается, что молодость ввела его въ разные грѣхи и безразсудства; три одноначальныя вещи (всѣ начинающіяся понѣмецки съ в: Weiber, Würfel, Wein), женщины, рафли * и вино, всегда вводили его въ искушеніе. Вѣдь сердце у него еще молодо, и какъ тутъ человѣку не горѣть среди огня? Дѣвушки такія милашки, и которую изъ нихъ не льзя обнять руками, обнимешь хоть по крайней мѣрѣ душой; не въ одинъ только Римъ ведутъ всѣ дороги, а также и на ложе любви. Искушала его не разъ и игра въ кости (рафли), но когда онъ въ нихъ продуется, поневолѣ надо опять приняться за перо, и тутъ стихи у него обыкновенно выходятъ самые лучшіе. Наконецъ, не можетъ онъ покинуть и распивочной: за чарочкой разгорается въ головѣ свѣтлая искра; натощакъ не способенъ онъ вовсе стихотворствовать, и смотря по тому какого подадутъ ему вина, такія пишетъ онъ и пѣсни:

У каждаго свой даръ, повѣрьте, отъ природы:
Вотъ я пишу стихи, и выпить я ходокъ;
Чѣмъ чаще подаютъ мнѣ виноградный сокъ,
Тѣмъ больше въ языкѣ я чувствую свободы.

И стихъ выходитъ мой не дуренъ, или плохъ,
Смотря по жидкости, какую мнѣ подносятъ;
Но сроду натощакъ я сочинять не могъ:
Изъ рта обсохшаго, ну какъ меня ни просятъ,
Идетъ какой-то вздоръ, пустой лишь только звонъ;
А выпью,—такъ ничто передо мной Назонъ **.

---

* Игральныя кости, которыя понормански назывались, а пошведски и поанглійски называются и теперь рафль, raffel, raffle, какъ встарину звались у насъ. Прим. перев.

** Вотъ подлинникъ:

Unicuique proprium dat natura donum,
Ego versus faciens bibo vinum bonum,

Бюргеръ, «въ комъ также была жилка этой дикой, разгульной поэзіи, исчерпывавшей жизнь до дна», такъ удачно воспроизвелъ бражническія строфы, что Яковъ Гриммъ приводитъ и это въ доказательство чисто-нѣмецкаго характера стараго латинскаго стихотворенья:

Въ кабачкѣ намѣренъ я кончить жизнь земную,
Передъ смертію спрошу чарку непустую;
Веселѣй тогда споютъ ангельскіе лики:
«Благодать свою пошли, Боже, геремыкѣ!» *

Поэтому не долженъ на него гнѣваться и епископъ-покровитель: да пощадитъ онъ мелкаго звѣрка какъ великодушный левъ; а кто самъ безъ грѣха, тотъ пусть броситъ камень въ поэта; онъ заключаетъ такъ:

Добродѣтели люблю, порокъ ненавижу,
Возродившися душой, истину провижу,
Какъ младенецъ молокомъ я питаюсь новымъ,
Не поддамся ужь теперь суетности ковамъ **.

Поэтъ совсѣмъ неожиданно озадачиваетъ насъ (въ подлинникѣ) такими смѣлыми риемами, какъ pascor, vas cor (а въ другомъ мѣстѣ: iniectus,

---

Et quod habent purius dolia cauponum
Vinum tale generat copiam sermonum.

Tales versus facio quale vinum bibo,
Nil passum incipere nisi sumpto cibo;
Nihil valent penitus quae ieiunus scribo,
Nasonem per calices carmine praeibo.

* Для любопытныхъ прилагаемъ и латинскій подлинникъ, и бюргерово воспроизведеніе, которое такъ вольно и смѣло, что не можетъ назваться переводомъ.

Meum est propositum in taberna mori,
Vinum sit appositum morientis ori;
Tunc cantabunt laetius angelorum chori:
Sit Deus propitius huic potatori!

Drum will ich bei Ja und Nein vor dem Zapfen sterben,
Nach der letzten Oehlung soll Hefe noch mich färben;
Engelchöre weihen dann mich zum Nectarerben:
«Diesem Trinker Gnade, Gott! lasz ihn nicht verderben!»

** Подлинникъ: Jam virtutes diligo, viciis irascor,
Renovatus animo, spiritu renascor,
Quasi modo genitus novo lacte pascor,
Ne sit meum amplius vanitatis vas cor.

nec thus, peste, penes te),—риомами въ родѣ тѣхъ, которыя такъ юмористически эффектны у Байрона и Гейне; къ нашему удивленію онъ связываетъ между собой одинаково полнымъ созвучіемъ не одни только окончанія, но и тѣ корневые слоги, на которые ложится весь упоръ мысли: въ мелодическомъ потокѣ рѣчи услаждаетъ насъ здѣсь самая веселая непринужденность, какъ въ религіозныхъ пѣсняхъ того времени то потрясаютъ намъ душу трубные звуки, то напротивъ мягкіе минорные аккорды разрѣшаютъ въ сладкую умилительность и самую даже скорбь. Развѣ не новый это совершенно изливъ какъ-бы изъ глубины сердца латинской рѣчи? Или ужь обманываетъ меня мое личное пристрастіе къ этимъ стихотвореніямъ, когда я осмѣливаюсь утверждать, что эта созвучная и слогоударная, риомующая и акцентуирующая ритмика по крайней мѣрѣ на столько же соотвѣтственна латини, какъ и занятая у Грековъ слоговѣсная количественная форма гексаметра и оды,—та, которою Виргилій, Проперцій и Горацій завершили искусственную поэзію древности? Шагъ отъ національно-римской основы къ этимъ музыкально-ощутительнымъ риомамъ дальше ли беретъ того, какой пришлось ей прежде ступить для подхода къ ритмической пластикѣ Грековъ? Въ лучшихъ изъ средневѣковыхъ латинскихъ стихотвореній я не вижу ничего особенно чуждаго, сдѣланнаго, я чувствую какъ бьющая ключомъ изнутри струя порождаетъ новую эту форму. Не музыкальная ли душа самого содержанія, не задушевность ли внутренняго чувства, звучатъ въ такихъ пѣсняхъ, какъ:

O sanctissima
O piissima,
Dulcis virgo Maria!
Mater amata,
Intemerata,
Ora, ora pro nobis!

Или:

Ut axe sunt serena nocturna sidera,
Ut verna sunt amoena in campis lilia:
Sic virgo claritatis es flore fulgida
Sic mater caritatis es rore limpida! *

---

* Приводимъ эти два гимна, равно какъ и слѣдующіе за ними, подлинникомъ, такъ какъ тутъ все дѣло именно въ латинской стихотворной формѣ, а для незнающихъ полатини присовокупляемъ построчный переводъ:

О святѣйшая,
Пречестнѣйшая
Чистая Дѣва Марія!
Матерь любимая,
Неустрашимая,
Моли Бога за насъ!

Какъ свѣтлы въ ясномъ небѣ звѣзды ночныя,
Какъ прекрасны въ поляхъ вешнія лиліи:
Такъ Дѣва блещетъ цвѣтомъ непорочности,
Такъ любвеобильная Мать прекрасна чистотою своихъ слезъ.

Религіозная лирика процвѣла особенно въ Италіи подъ одушевительнымъ вліяніемъ святого Франциска д'Ассизи. Бонавентурѣ, напримѣръ, все напоминало о Богѣ, его благости и премудрости, и Марію Дѣву прославлялъ онъ во всѣмъ ветхозавѣтныхъ образахъ, какіе и живопись охотно заимствовала для символической ея передачи. Джакопоне ди-Тоди вообразилъ себя стоящимъ съ нею у креста и воспѣлъ прекрасный гимнъ Stabat mater («Матерь скорбная стояла изнемогши у креста»), а Тòма ди-Челано живо представилъ себѣ день гнѣва, день суда, когда весь міръ обратится въ непелъ, вскроются могилы усопшихъ, и все станетъ явно передъ Господомъ. Оглашавшую цѣлые вѣка музыку этихъ чувствъ, этихъ словъ, Палестрина и Мòцартъ перевели на чисто-звуковую рѣчь свою, разбудили и развернули дремавшія тамъ мелодіи, которыя однакожь давнымъ давно успѣли за тронуть сердца поэтовъ.

Даже такой записной схоластикъ, какъ Ѳома Аквинскій, взываетъ къ любовному прославленію Спасителя въ великолѣпныхъ строфахъ: Lauda, Sion, Salvatorem («Славься нашъ Господь въ Сіонѣ»), тогда какъ усладительной прелестью дышетъ одна пѣснь, выражающая ту жажду любви, какою томится душа, неудержно порываясь къ небу. Вотъ что говоритъ она:

Huc odoriferos Huc soporiferos Ramos depromite, Rogos componite: Ut phoenix morior, In flammis orior!	Благоуханныя, Сонъ наводящія Вѣтви, костромъ сложивъ, Вы подожгите всѣ: Сгибну, и фениксомъ Встану изъ полымя!
An amor dolor sit, An dolor amor sit, Utrumque nescio! Hoc unum sentio: Blandus hic dolor est Qui meus amor est.	Скорбь ли любовію Звать мнѣ приличнѣе, Иль любовь скорбію? Право, не вѣдаю; То лишь я чувствую: Сладостна скорбь моя, Скорбь та любовная.
Jam vitae flumina Rumpe, o anima! Ignis accendere Gestit et tendere Ad coeli atria: Haec mea patria.	Смертью изъ жизни нѣдръ Вырвись душа моя! Пламя вѣдь вверхъ идетъ, Долу не клонится, Къ небу вздымается: Тамъ моя родина! *

Душа Бонавентуры въ одной пѣснѣ также воспаряетъ къ небу какъ соловей:

Eia dulcis anima, eia dulcis rosa,
Lilium convallium, gemma pretiosa,
Cui carnis foeditas exstitit exosa,
Felix tuus exitus morsque pretiosa!

* Предлагая почти буквальный переводъ, размѣромъ подлинника, мы не нашли ни какой возможности сохранить при этомъ еще и безхитростныя его риѳмы. Прим. перев.

О сладчайшая душа, розы ты милѣе,
Ты жемчужины свѣтлѣй, чище ты лилеи;
Ненавидѣла всегда мерзость плоти бренной,
Обрѣтешь себѣ за то днесь конецъ блаженный!

А у гроба Абеларда и Элоизы раздавался слѣдующій хоръ:

Requiescant a labore Doloroso et amore! Unionem coelitum Flagitabant, Jam intrabant Salvatoris adytum.	Успокойтесь съ миромъ вы Отъ печалей, отъ любви! Все къ небесному союзу Чистыхъ, пламенныхъ сердецъ Вы стремились, И внѣдрились Въ лоно Спаса наконецъ!

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Южная Франція дала искусственной лирикѣ тотъ тонъ, который распронился по всей западной Европѣ; рано нашло себѣ тамъ пріютъ греческое и римское образованіе, оттого свойственное древнимъ формальное чутье развилось у Провансаловъ какъ нельзя болѣе, а благодаря этому личное настроеніе, субъективность поэтовъ, могли прежде чѣмъ гдѣ-нибудь выработать себѣ у нихъ своеобразный стиль. На сѣверѣ, куда вторглись франкскіе и норманнскіе Германцы, преобладалъ эпосъ, сложившійся изъ древнихъ народныхъ пѣсенъ, а вскорѣ потомъ и изъ преданій кельтійскихъ племенъ. Развитіе слѣжу я и здѣсь въ совокупности цѣлаго. Вѣдь національная разобщенность древняго міра уступила теперь мѣсто дружной культурной работѣ всего Запада. Какъ общи всѣмъ западнымъ народамъ крестовые походы, такъ обща имъ и схоластика; какъ у нихъ одинъ общій стиль архитектуры, такъ и одинъ общій складъ рыцарскаго эпоса; образуются, правда, особые по краю языки, по строй внутренняго вдохновенія одинъ и тотъ же *. Первые побуды художественнаго творчества идутъ теперь съ разныхъ сторонъ, починъ принадлежитъ то тому, то другому племени: такъ и позже Возрожденіе, напримѣръ, началось въ Италіи, реформація—въ Германіи, Англія пролагаетъ дорогу въ государственномъ устройствѣ и даетъ черезъ своихъ свободныхъ мыслителей первый толчокъ къ вольнодумному просвѣщенію, которое изъ Франціи распространяется дальше, а философскую

* Опять-таки въ отличіе отъ древности, гдѣ складъ языка былъ еще въ гораздо болѣе тѣсной связи со всею дальнѣйшей поэтической дѣятельностью фантазіи. Прим. перев.

глубину пріобрѣтаетъ въ Германіи: окончательные же выводы становятся общимъ для всѣхъ достояньемъ.

Въ Средніе Вѣка приходится различать народную поэзію отъ рыцарской или вѣжественной, «дворской»: первая обработываетъ преданья родной старины въ племенной, національной формѣ, послѣдняя вращается въ кругахъ аристократическаго образованія, руководится ихъ вкусомъ и разсказываетъ въ потѣху имъ не давно-знакомое, а что-нибудь новое, занятое у Кельтовъ или сочиненное по ихъ же образцамъ. Но вскорѣ добытое на этомъ искусство прилагается уже и къ отечественнымъ сказаніямъ, и такъ-какъ одинъ и тотъ же перехожій пѣвецъ или жонглёръ нынче собираетъ вокругъ себя слушателей во дворцѣ, завтра въ рыцарскомъ за̀мкѣ, а послѣ завтра на городскомъ рынкѣ или гдѣ-нибудь подъ деревенской липою, то разница болѣе и болѣе сглаживается, теряется. Однакожь она простирается еще и на форму. Риомующія пары осьмисложныхъ стиховъ постоянно усвояются рыцарскому разсказу, а народный эпосъ остается ближе къ пѣнію; въ Германіи онъ пріобрѣтаетъ свои строфы, обыкновенно состоящія изъ шести слоговъ съ удареніемъ, или подъемовъ съ передышкою посереди; во Франціи встрѣчаемъ сперва пять подъемовъ, съ цезурой послѣ второго, потомъ—шесть, съ передышкою вслѣдъ за третьимъ, и если всерединѣ окончаніе слова мужское (завершающееся удареніемъ), то вотъ ужь и готовая основа для александрійскаго стиха, тогда какъ женское окончаніе, съ исходомъ на короткій слогъ, соотвѣтствуетъ стиху нѣмецкихъ Нибелунговъ. Въ Германіи связываютъ по четыре стиха въ каждую строфу. Франція держится середины между этой формой и тѣмъ непрерывнымъ теченіемъ, какое представляютъ гексаметръ или индійская слока: тамъ первоначально образуются бо̀льшія или мѐньшія группы стиховъ, которые всѣ связаны одною и той же гласной въ послѣднемъ слогѣ, а при женскихъ окончаніяхъ—въ предпослѣднемъ. Тирадами или лэсами (lais) называются такіе полусозвучные (ассонирующіе) ряды, въ десять стиховъ и до сотни. Но впослѣдствіи требовалось полное созвучіе также и оконечныхъ согласныхъ, чѣмъ господство риомы и водворилось уже окончательно. Тирада часто замыкается краткимъ припѣвочнымъ изреченіемъ или полустишіемъ въ три подъема. Самый языкъ указываетъ на речитативную передачу стиховъ, сопровождаемую струнной игрою.

Разсмотримъ важнѣйшія произведенія, дошедшія до насъ изъ разныхъ странъ и круговъ общества.

ФРАНЦУЗСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ. ПѢСНЬ О РОЛАНДѢ И АЛЬБИГОЙСКІЯ ВОЙНЫ.

Когда распространившіеся за Рейнъ Франки приняли романскій языкъ и христіанство, тогда замолкли у нихъ древнія пѣсни въ честь боговъ и бога-

тырей; но память объ ихъ собственныхъ подвигахъ въ новопокоренномъ краѣ передавалась на новомъ уже языкѣ: Карлъ Великій, какъ мы видѣли, сталъ средоточіемъ цѣлаго круга былинъ; и на ряду съ нимъ выступилъ Гильіомъ (Вильгельмъ) Тулузскій, котораго исторія послужила также ядромъ, притянувшимъ къ себѣ разсказы о борьбахъ съ Маврами Оттона Аквитанскаго и Гильіома Прованскаго, и такъ какъ въ качествѣ васалла онъ отличался непоколебимой вѣрностью, то народная молва перенесла на него и то, что два норманскіе герцога сдѣлали въ пользу правъ несовершенно-лѣтняго короля Людовика Заморскаго *.

Уже и лѣтописатель-клирикъ Ламбертъ Ардрскій различаетъ во Франціи отъ потѣшныхъ пѣсенъ и легендъ такіе стихи, въ которыхъ прославляются богатырскіе рòды, и разсказываются рыцарскія похожденія. Первыя носятъ на себѣ чисто-франкскій народный характеръ; собственные переживы Франковъ воспроизводятся въ нихъ фантазіей, передаются изъ рода въ родъ и вырабатываются перехожими пѣвцами; они слывутъ подъ именемъ Chansons de geste (побывальщинъ). Слово gesta значитъ вопервыхъ геройскій подвигъ, а затѣмъ и разсказъ объ немъ, исторію. Кромѣ того означаетъ оно также и понятіе дома, рода-племени. Господствующій въ родѣ семейный духъ связываетъ дѣла прошлаго съ настоящимъ, духовный складъ родителей продолжаетъ жить и въ дѣтяхъ, одинъ и тотъ же стволъ даетъ сходныя между собою вѣтви и отпрыски, родовая сокровищница подвиговъ служитъ на пользу каждому отдѣльному лицу. Домъ Каролинговъ, родъ Гаймона, племя Доона Майнцскаго, ихъ дѣла и похожденія воспѣваются въ Chansons de geste.

Духовные ли или міряне совершили переходъ отъ лирическихъ всущности пѣсенъ къ эпическому разсказу, не только сопоставляя между собой первыя, но и передавая событія, какъ выросли они въ преданіи, связной, легко-обозримой чередою съ оглядкою изъ настоящаго на дѣла прошлыхъ вѣковъ,—мы во всякомъ случаѣ можемъ допустить, что, подобно тому какъ въ Германіи, это и здѣсь совершено людьми, не чуждыми классическаго образованья, а сами произведенія въ свою очередь ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что авторы ихъ одушевлялись столько же воинственнымъ, сколько и простосердечно-благочестивымъ духомъ. Культура шла въ сѣверной Франціи изъ монастырей, отъ ученыхъ епископовъ и государей, а не изъ торговыхъ городовъ, не отъ блестящихъ владѣльческихъ дворовъ, не отъ очаровательно-любезныхъ дамъ, какъ на югѣ. Оттого тамъ менѣе тонкости въ правообычаѣ и въ формахъ, но зато больше самородной силы и, при болѣе равномѣрной образованности, больше общенароднаго сознанія, нежели сословнаго и индивидуальнаго чувства; оттого тамъ больше и народнаго эпоса, нежели искусственной лирики. Самыя поэмы состоятъ изъ отдѣльныхъ звеньевъ или вѣтвей, которыя пѣвецъ бралъ порознь изъ связи цѣлаго для устной передачи послѣ роскошнаго стола у вельможъ или передъ собравшимся народомъ. Если въ дошедшихъ до насъ звеньяхъ одно кратко лишь упоминаетъ о томъ, чтò въ другихъ разсказано со всей подробностью, то это вѣрный знакъ, что

* Такъ прозывался французскій король Людовикъ IV (936—954) оттого, что, по низложеніи отца его, Карла Простака, мать увозила сына на нѣкоторое время зà море въ Англію.

пѣвецъ или прикрѣплялъ разсказъ свой къ прежнему, переданному имъ же, или заранѣе указывалъ на то, что намѣренъ былъ изложить при другомъ случаѣ. Знакомство съ былиною въ общихъ чертахъ предполагаетъ онъ въ каждомъ изъ своихъ слушателей. А если въ нѣсколькихъ тирадахъ только разнообразится одна и та же полновѣсная рѣчь, одно и то же важное событіе, то это лишь видоизводы разныхъ поэтовъ или перемѣны, дѣланныя самимъ авторомъ, изъ которыхъ онъ при случаѣ выбиралъ по усмотрѣнью; да и для слушателей могло быть пріятно разнообразное повтореніе такихъ главныхъ мотивовъ цѣлаго, какъ пріятны музыкальныя варьяціи на одну и ту же тему.

Старобытный и первоначальный ладъ вплоть до половины 12-го столѣтія показываетъ равномѣрное однообразіе и въ ритмическомъ движеніи стиха, и въ поступательномъ ходѣ дѣйствія; поэтъ не думаетъ спѣшить къ своей цѣли, которая и безъ того извѣстна всѣмъ; силою своего искусства ему хочется только какъ можно нагляднѣе и внушительнѣй изобразить передъ слушателями могучіе удары бойцовъ, мудрыя рѣчи думцевъ, молитвы утѣсненныхъ, заносчивость вызововъ и мѣткій отвѣтъ противной стороны, особенно-смѣлыя черты удали, особенно-глубокія ощущенья. Но, говоря вообще, картины эпиковъ такъ же почти однообразны, какъ и чувства лириковъ, и здѣсь, какъ впрочемъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, и героямъ и вещамъ усвоены постоянные прилоги, а повтореніе какого-нибудь дѣйствія или исполненіе какого-нибудь приказа всегда выражается въ тѣхъ же опять самыхъ словахъ, какія употреблены при его дачѣ. Образы встрѣчаются не часто, и вмѣсто тѣхъ обстоятельныхъ уподобленій, до какихъ, глядя на Гомера, большіе охотники искусственные поэты, Виргилій или Аріостъ, здѣсь обыкновенно довольствуются однимъ наименованіемъ взятаго для сравненія предмета: гнѣвный, напримѣръ, пышетъ какъ раскаленный уголь, мужественный смотритъ настоящимъ львомъ, отважный напираетъ вепрю подобно, богатырь ударяетъ въ схваткѣ по непріятелю какъ кузнецъ или камнетесъ, конь издали распознаетъ хозяина какъ жена мужа, дѣвица румяна какъ роза на кусту и бѣла какъ снѣгъ въ полѣ. Скажемъ вмѣстѣ съ Тоблеромъ: цѣль достигнута этимъ вполнѣ, такъ какъ поэту хотѣлось вѣдь только усилить какую-нибудь дѣятельность или какое-нибудь качество тѣмъ, что онъ вынесъ ихъ за предѣлы той сферы, гдѣ они обыкновенно встрѣчаются, и сопоставилъ съ соотвѣтственнымъ явленіемъ изъ другой совсѣмъ области, гдѣ они удалены отъ всѣхъ противодѣйственныхъ, тормозящихъ вліяній. Смѣлый напоръ со стороны вепря конечно происходитъ гораздо безоглядиѣе, не смущаясь ни какимъ дальнѣйшимъ соображеньемъ, и представленіе объ этомъ переносится со всей своей силою на богатыря. Но остановись поэтъ на томъ же сравненіи долѣе, заговори онъ о ставшей копромъ щетинѣ, о несокрушимости дробящихъ клыковъ, — онъ того и гляди затруднитъ намъ сліяніе обоихъ представленій, и вмѣсто того чтобъ усилить живость перваго, пожалуй оттѣснитъ его вторымъ на задній планъ.

Стихотворенія эти совершенно расчитаны на вольную устную передачу, а отнюдь не на запись и на чтеніе; самъ ли пѣвецъ сложилъ ихъ, или, какъ гораздо чаще случалось, былъ онъ, въ качествѣ жонглёра, только разносчикомъ произведеній болѣе даровитаго трувѐра, онъ передаетъ все точно

такъ, какъ еслибы оно тутъ же прямо вылилось изъ его груди, и ставитъ свою личность въ разнообразныя отношенія къ слушателямъ, съ тѣмъ чтобы держать на сторожѣ и завлекать ихъ вниманье; притомъ каждое звено поэмы отнюдь не прочь свестись на вызовъ выслушать скоро и продолженіе, напримѣръ:

Честные господа, небось вы видите и сами,
Что вечеръ ужь, и я отъ пѣнія усталъ;
Прошу васъ всѣхъ, коль любите меня,
А Оберонъ съ Гюономъ * вамъ по нраву,
Сойдитесь завтра, кончивъ свой обѣдъ;
Теперь же выпьемъ,—право, жажда мучитъ.

Германская богатырская былина выросла изъ язычества, а французская взошла изначала на христіанской почвѣ: она полна благоговѣнія къ жизни, посвященной Богу, полна упованія на его защиту. Поединочный судъ божій, къ которому тогда такъ часто прибѣгали, основанъ вѣдь на вѣрѣ, что, въ случаѣ торжественно заявленнаго людьми желанія, Богъ не откажетъ въ почетной побѣдѣ праву и истинѣ. Согласно требованію здороваго нравственнаго чувства въ народѣ, всякій поэтъ всегда должень былъ выставить взаключеніе верховное господство нравственнаго міропорядка; безъ поэтическаго правосудія дѣло не обходится никогда. Другимъ кореннымъ мотивомъ выступаетъ затѣмъ любовь къ отечеству, третьимъ — необыкновенная живость семейнаго, родового чувства; такъ Ринальдъ говоритъ о своемъ двоюродномъ братѣ, Можисѣ:

Можисъ—помощникъ мнѣ, надежда, жизнь моя,
Мой щитъ, мое копье, мой свѣтлый мечъ булатный,
Мой хлѣбъ, мое вино, мой харчъ и мой пріютъ,
Слуга и господинъ, хозяинъ мнѣ и жизнь.

Четвертый еще мотивъ, это—слава, увага къ общественному мнѣнію. Какъ Роланду не хочется ни подъ какимъ видомъ, чтобы спѣли про него дурную пѣсню, такъ Ринальдъ де-Монтальбанъ вызываетъ на бой для того, чтобы объ немъ заговорили вплоть до моря и до Парижа, такъ Вильгельмъ Оранскій отваживается на штурмъ изъ-за того, чтобы ни одинъ гусляръ не могъ сказать о героѣ въ своей пѣснѣ, будто онъ когда-нибудь измѣнилъ обязанности.

Тотъ былинный матерьялъ, о которомъ мы упоминали, говоря о Карлѣ Великомъ, былъ, правда, подобранъ и сведенъ въ обширныя повѣсти, но въ настоящій народный эпосъ обратилась одна только пѣсня о Роландѣ. Для этого понадобилось общее сознаніе народа, что онъ сталъ утесомъ, о который разбились бурныя волны могаммеданскаго наводненія; великіе всемірноисторическіе переживы сдѣлали своимъ символомъ, носителемъ своей идеи, незначительный бой при Ронсевалѣ; и впослѣдствіи эпоха крестовыхъ похо-

* Разумѣется, герои, про кого онъ пѣлъ.

довъ могла ухватиться за эту поэму и отразить въ ней свое собственное одушевленіе. Роландъ—герой чисто поэтическій, почти можно было бы сказать, что онъ только уже изъ былины перешелъ въ исторію: его рогъ и его мечъ явно принадлежатъ Водану. Борющійся, многострадальный, нравственно-очищающійся человѣкъ, и народная война, ведомая изъ-за великихъ нравственныхъ цѣлей, геройская смерть за вѣру и отечество, наконецъ слѣдующая за ней побѣда,—все это вмѣстѣ сообщило пѣснѣ внутреннее освященіе и величавость, а сообразно имъ поднятъ былъ уровень и всей внѣшней обстановки: всѣ Мавры поголовно созываются, чтобы дать рѣшительный бой, и мстящій за своего племянника (Роланда) Карлъ Великій, этотъ истый носитель средневѣковыхъ всеміpноисторическихъ идей, одерживаетъ побѣду надъ нехристью.

Въ сраженіи подъ Гастингсомъ (1066 г.) Тальеферъ (Taillefer) бился впереди дружинъ Вильгельма Завоевателя и пѣлъ при этомъ пѣсню про Карла Великаго и васалловъ его, Роланда и Оливьѐ, падшихъ при Ронсевалѣ. Сто лѣтъ спустя, Генрихъ Левъ велѣлъ попу Конраду обработать французскую пѣсню о Роландѣ понѣмецки. Эпосъ Франковъ изображаетъ намъ древнюю богатырскую силу и, подобно своимъ личностямъ, движется въ простомъ общепонятномъ складѣ грубовато, серьёзно и строго, вовсе безъ игривой прелести позднѣйшей рыцарской поэзіи; но вмѣсто племенныхъ, національныхъ воспоминаній обыкновенно притягиваетъ онъ къ дѣлу библейскія: передъ битвою, напримѣръ, Карлъ молится такъ:

О, истинный отецъ, будь намъ въ сей день защитой!
Ты древле подлинно Іону сохранилъ,
Когда китомъ морскимъ во чрево онъ проглоченъ;
Когда пророкъ былъ ввергнуть въ львиный ровъ,
Отъ язвъ мучительныхъ сберегъ ты Даніила;
Ты спасъ трехъ отроковъ и въ огненной печи:
Такъ не покинь меня своей любовью нынѣ!

Для Карла повторяется опять чудо Іисуса Навина: солнце не садится до тѣхъ поръ, пока онъ не одержалъ побѣды въ отместку за Роланда; ангелъ укрѣпляетъ Карла въ бою и препровождаетъ роландову душу въ царство небесное. Герои—мученики вѣры, и если кровь ихъ рѣкой течетъ по землѣ, зато мѣткими ударами язычникамъ искупили они всѣ грѣхи свои, и души ихъ успокоиваются на цвѣтистыхъ райскихъ ложахъ. Борьба за религію—общій мотивъ, одушевляющій ихъ всѣхъ, и онъ даже исключительно господствуетъ въ вышеупомянутой нѣмецкой обработкѣ; въ подлинникѣ, который переведенъ понѣмецки В. Герцомъ, любовь къ милой Франціи вездѣ трогательно сквозитъ, какъ изъ-за веселаго ратнаго шума, такъ и изъ-за скорби умирающихъ, и это патріотическое чувство налагаетъ на поэму печать истинно-франкской національности. Она конечно не такъ богата разнообразіемъ жизни и своебытностью характеровъ, какъ Иліада и Нужа Нибелунговъ, но она величава формой и содержаніемъ, могуча и полна мѣры, а въ боевыхъ картинахъ отнюдь не уступаетъ тѣмъ обѣимъ поэмамъ. Богатырская шутливость и взаимная вѣрность друзей, всегда готовое на смерть мужество и искренное благочестіе оживляютъ и облагороживаютъ здѣсь неуклюжую вообще тѣлесную силу и черезчуръ дебелыя ея выходки. Любовной

службы нѣтъ тутъ еще и слѣда; не самъ Роландъ вспоминаетъ въ битвѣ про свою невѣсту Альду, объ ней только однажды напоминаетъ ему Оливьѐ; а между тѣмъ она до того близка ему, что императоръ, воротясь съ войны, тщетно предлагаетъ ей, въ замѣнъ убитаго, своего собственнаго сына; чужда, не понятна мнѣ эта рѣчь, возражаетъ она; Богу не угодно, чтобъ я жила послѣ Роланда; помертвѣвъ, падаетъ Альда наземь,—сердце у ней надломилось; Карлъ поднимаетъ ее за̀ руки, но голова ея такъ и осталась склоненной на плечо; она вдругъ умерла съ горя.

Въ первой пѣсни Карлъ побѣдоносно бьется въ Испаніи. Сарацыны шлютъ къ нему пословъ, просятъ мира и даютъ заложниковъ въ томъ, что на слѣдующій годъ повелитель ихъ самъ явится въ Ахенъ, присягнуть на вѣрность Карлу и принять св. крещеніе. Роландъ прозрѣваетъ въ этомъ одну хитрую уловку побудить Франковъ къ удаленію; Ганелонъ называетъ его за то кровожаднымъ войнолюбцемъ, но самъ боится ѣхать для переговоровъ къ непріятелю, и оскорбленный по этому случаю Роландомъ, условливается съ Маврами отомстить ему: когда Карлъ станетъ выступать, сторожевымъ полкомъ (арріергардомъ) будетъ начальствовать Роландъ, — тогда на него положено напасть. Такъ и сдѣлано. Поэтъ влагаетъ здѣсь въ душу Роланду черту заносчивой богатырской удали, которая сама напрашивается на злую судьбину. Когда непріятель былъ уже въ виду, роландовъ товарищъ Оливьѐ совѣтуетъ ему тотчасъ же грянуть въ боевой рогъ его, Олифантъ: императоръ непремѣнно услышитъ это и воротится съ дружинами. Но Роланду хочется добыть славы одному: врагамъ, говоритъ онъ, и такъ не избѣгнуть гибели.

Да, трудный предстоитъ намъ бой, упорный;
Ни кто подобнаго донынѣ не видалъ.
Пущу я въ дѣло мечъ свой Дурендаль,
А ты, товарищъ, дѣйствуй Альтеклеромъ.
Рубиться ими довелось ужь намъ не разъ,
И любы Карлу мы за тяжкіе удары;
А пѣсныо-то какой за то прославятъ насъ!

При самомъ ужасномъ натискѣ непріятеля Роландъ наконецъ затрубилъ-же однако въ свой рогъ. Императоръ, услыхавъ это, догадался что онъ въ крайней опасности; онъ и поворотилъ опять въ Испанію, но было уже поздно. Храбрые Франки сторожевого полка пали всѣ за Бога и отечество, даже и Тюрпенъ, даже и Оливье́, который помутившимся передъ смертью взоромъ узналъ еще побратима, Роланда, и трогательно съ нимъ распростился. Роланду хочется раздробить свой мечъ, чтобъ не носилъ его по немъ ни кто изъ непріятелей; но благородный булатъ не сокрушается даже и о камень, и Роландъ съ горестью вспоминаетъ добрую службу его хозяину, кладетъ его себѣ подголовы, и обернувшись къ Испаніи лицомъ, испускаетъ великую свою душу какъ завоеватель.

«Кто много горя испыталъ, тотъ многому зато и научился», говоритъ вторая пѣснь. Карлъ съ своей дружиною находитъ благородныхъ воиновъ убитыми,

всѣхъ до одного; но первымъ дѣломъ тутъ не жалоба, не туга, а мщенье. Онъ гонится за Маврами и одолѣваетъ ихъ. Тогда только оплакиваютъ и хоронятъ падшихъ при Ронсевалѣ; самъ Карлъ лишается чувствъ съ горя по Роландѣ и по дружинѣ храбрыхъ. Однакожь новое нападеніе возвращаетъ его отъ скорби къ дѣлу жизни. На помощь Маврамъ пришелъ «вавилонскій адмиралъ»;—«что за богатырь, будь онъ только христіанинъ!» Но Карлъ и его побѣждаетъ на поединкѣ. За тѣмъ открывается судъ надъ Ганелономъ; онъ увѣряетъ, что хотѣлъ только отомстить Роланду, а вовсе не измѣнялъ; но божій судъ рѣшаетъ противъ его поротниковъ, и онъ разорванъ на части четырьмя конями. Изъ побѣжденныхъ Мавровъ, всѣ мужчины, отказывающіеся принять крещеніе, предаются мечу; царицу ихъ отводятъ въ «милую» Францію: императоръ хочетъ обратить полонянку въ свою вѣру любовью.

Къ счастію, пѣснь о Роландѣ дошла до насъ въ первоначальномъ видѣ, тогда какъ со второй половины 12-го столѣтія былины уже подвергаются переработкамъ, то-есть именно съ тѣхъ поръ, какъ поэмы изъ артурова цикла ввели въ моду рыцарскій вкусъ и любовное служеніе. Полусозвучія ассонанса стало уже недовольно, и мѣсто его заступила риома, полное созвучіе двухъ или болѣе стиховъ; для этого понадобилась вставка другихъ словъ, цѣлыхъ даже строкъ, и усиливающееся стремленіе къ щеголеватости вело все къ большему и большему широковѣщанью. Такъ какъ всему придавался теперь условно-рыцарственный характеръ, то дѣло дошло и до переплавки самаго содержанія былинъ. За старыми богатырями оставили, правда, ихъ тѣлесную могуту и необычайныя доказательства ея въ чудовищныхъ проявленьяхъ силы, но бурныя выходки взволнованной души считались уже неприличными; страхъ передъ неминучею бѣдой, громкій вопль скорби или обморокъ отъ нечаянной напасти казались уже чѣмъ-то вовсе не мужскимъ, и такимъ образомъ всякое потрясающее выраженіе человѣческаго чувства было устранено изъ пѣсеннаго содержанія и замѣнено холоднымъ и строгимъ чиномъ. Сердцу какъ будто только и дозволялось шевелиться что для одной любви; тутъ пошли въ ходъ женщины и дѣвицы, которыя охотно подавались на волокитство мужчинъ,—пожалуй Сарацынки, которыя, свидѣвшись съ христіанскимъ рыцаремъ, тотчасъ же готовы были снести голову отцу или жениху-язычникамъ и слѣдовать за милымъ чужестранцемъ, принимать отъ него крещеніе и нѣжнѣйшія ласки. А это само собой вело къ совершенно новымъ эпизодамъ, къ подвигамъ мужчинъ на службѣ рыцарской любви, въ угоду дамамъ, и герои народной и религіозной войны должны были позабыть на время дѣловыя свои цѣли и превратиться въ странствующихъ рыцарей. Теперь, разгнѣванный Роландъ удаляется не на день или на два въ свою ставку, а уходитъ на цѣлые годы въ восточные края, биться тамъ съ великанами и колдунами, выдерживать разныя любовныя похожденья. Такимъ образомъ первоначальная пѣснь становилась часто однимъ только приступомъ, къ которому приклеивалось продолженіе, подходившее къ нему такъ же мало, какъ конская шея и рыбій хвостъ къ головѣ женщины. Здѣсь читаемъ о двухъ вѣрныхъ друзьяхъ, Амикѣ и Амиліи: прокаженный и гонимый отовсюда, одинъ изъ нихъ не только что находитъ у своего побратима радушный пріемъ,

но тотъ исцѣляетъ его кровью своихъ собственныхъ дѣтей, а эти оживляются опять силой божьей благодати, за то что принесены были въ жертву изъ любви. Далѣе разсказывается исторія этихъ дѣтей: по смерти отца, злая мать бросаетъ ихъ на волю судьбы въ воду, ихъ спасаютъ лебеди, а воспитываетъ потомъ обезьяна, которая ведетъ войну съ ихъ отчимомъ и удостоивается объятій Карла Великаго за свою побѣду! Такъ и Гюонъ начинается совершенно эпической былиною. Престарѣлый Карлъ даетъ своему негодяю-сыну полезныя наставленія, чтобы сдѣлать его достойнымъ императорскаго вѣнца. Тутъ злодѣй Амори затѣваетъ мстить покойному герцогу Бордосскому еще и тѣмъ, что клеветою выдаетъ сыновей его за мятежниковъ. Немъ (Naimes), напротивъ, защищаетъ юношей. По призыву императора они являются ко двору, но Амори уговорилъ сына Карлова вѣроломно подстеречь ихъ въ лѣсу, и этотъ внезапно нападаетъ на меньшого брата, однако же самъ гибнетъ отъ меча старшаго, Гюона, успѣвшаго отомстить за братнину смерть. Гюонъ не знаетъ, кого именно онъ сразилъ, и вотъ, когда онъ стоитъ передъ Карломъ, приносятъ вдругъ окровавленный трупъ, обвиняютъ его въ убійствѣ, и императоръ узнаетъ въ покойникѣ своего собственнаго сына. Гюонъ оправдывается и очищаетъ себя судомъ божіимъ на поединкѣ съ Амори; онъ преклоняетъ потомъ колѣна передъ Карломъ и проситъ примиренія, изъявляя готовность все сдѣлать для императора. Тутъ внезапно выступаетъ на сцену весь причудливый и своенравный элементъ волшебныхъ повѣстей и извращеннаго уже служенія рыцарской любви; Карлъ говоритъ: Ну, хорошо! ступай ты въ Вавилонъ къ султану Годису, отсѣки тамъ голову мусульманину, поцалуй дочь его Эсклармонду, вытребуй и принеси мнѣ бѣлую бороду и четыре коренные зуба султанскіе! Тогда царь эльфовъ, Оберонъ, берется помогать юношѣ, и мы охотно прощаемъ средневѣковому поэту безсмысленныя его росказни за то, что онъ уберегъ намъ этотъ обликъ въ литературѣ изъ народнаго повѣрья, чѣмъ далъ Шекспиру, Виланду и Веберу отправную точку для безсмертныхъ произведеній. О происхожденіи Оберона сообщаетъ онъ, напримѣръ, слѣдующее нелѣпое извѣстіе: Іуда Маккавей, побѣдивъ Сарацынъ, выдалъ дочь свою за ихъ государя. Родившаяся отъ нихъ дѣвочка становится любимицею фей, а впослѣдствіи матерью Юлія Цезаря; этотъ, во время своихъ походовъ, попадаетъ ко двору Артура, женится тамъ на сестрѣ его, феѣ Морганѣ, а она даритъ ему двухъ сыновей, святого Георгія и дивно-прекраснаго пигмея, Оберона! Въ такіе-то безтолковые фантазмы извращались тогда и исторія, и миѳъ. Послѣ этого становится вполнѣ понятнымъ, что Возрожденіе откинуло средневѣковую поэзію въ сторону на цѣлые вѣка, и на ряду съ безсмысленными баснями могло отвергнуть и позабыть даже и то, что было въ нихъ существеннаго и неподдѣльнаго. Въ новѣйшее время, по примѣру Германіи, и Франція обратила свое вниманіе на это ядро; принялись издавать древнѣйшія рукописи, и такіе ученые, какъ Парисъ, отецъ и сынъ, какъ Готье и другіе, облегчаютъ современности уразумѣніе національнаго духа Среднихъ Вѣковъ.

Дѣло ясное: публикѣ, слушавшей пѣвцовъ, все хотѣлось чего-нибудь новаго и новаго, и вотъ не только что жонглёры, но и трувёры, принялись портить народныя стихотворенія, приплетая къ нимъ собственные вымыслы

во вкусѣ кельтійскихъ похожденій, служенія рыцарской любви и придворнаго балагурства. Тогда какъ первоначально любое содержаніе приносило съ собою свой собственный складъ, свое особое расчлененіе, и піэса являлась отъ того своеобразнымъ организмомъ, — теперь, напротивъ, установился общій условный шаблонъ композиціи: всегда дѣло начинается съ Карлова двора и съ думы или рады, гдѣ борются между собой вѣрные думцы съ безсовѣстными; отсюда возникаетъ надобность послать какого-нибудь витязя на похожденія, а онъ исполняетъ все что ему поручено съ помощью какой-нибудь прекрасной Сарацынки, которая виснетъ ему на шею. И эти-то передѣланныя на такой ладъ повѣсти изъ Карловой былины распространились по всей Европѣ * и особенно проникли въ Италію, гдѣ впослѣдствіи изъ нихъ развилась искусственная эпическая поэзія въ болѣе тонкомъ уже вкусѣ. Въ самой Франціи занесли ихъ въ претолстыя тетради про забаву въ досужіе часы, пока съ воцареніемъ дома Валуа̀ (въ 1328 г.) не угасла рыцарская романтика, и трезвый реалистическій среднесословный духъ не развелъ наконецъ стиховъ въ прозаическіе романы.

Югъ Франціи переложилъ на свое звучное нарѣчіе какъ былины сѣвера, такъ и произвольные вымыслы его воображенья; но трубадуры, плодовитые въ лирикѣ, оказали гораздо менѣе творчества въ эпическомъ родѣ. Если они напримѣръ, и перенесли на югъ «Сыновей Гаймона» (Fils d'Aymon), то вѣдь и во второй половинѣ поэмы, въ Монтальбанѣ, повторяются тѣ же опять всущности событія, какія мы уже знаемъ изъ первой половины, происходящей въ Арденнахъ. Однакожь самая жизнь трубадуровъ представляла поэзіи много новаго матерьяла, и среди поэтически-настроеннаго поколѣнія такое великое событіе какъ Альбигойская война не могло пройдти безъ стихотворнаго себѣ отзыва. Но именно здѣсь-то и становится для насъ очевиднымъ, что пора устнаго преданія и сложенія былинъ теперь на послѣднемъ уже исходѣ, и что настаетъ время письменной записи событій: разсказъ принимаетъ гораздо больше характеръ фактически достовѣрной риомованной хроники, нежели эпоса въ настоящемъ смыслѣ слова,—эпоса, который изъ впечатлѣній, производимыхъ событіями на́ сердце, создаетъ духу исторіи идеальную какую-то плоть.

Одинъ трубадуръ переноситъ на свое полнозвучное нарѣчіе стиль и форму связанныхъ одной и той же риомою тирадъ, какія свойственны сѣверно-французскимъ chansons de geste (побывальщинамъ). Онъ вообще сторонникъ сѣверныхъ французовъ, которые крестовымъ походомъ въ своемъ же родномъ краю хотятъ истребить ересь и вполнѣ покорить французскому королю Провансъ; онъ сторонникъ церковнаго и свѣтскаго феодализма противъ свободы духа, противъ народа, который выбивается изъ ничтожества и сначала только еще черезъ значительнѣйшихъ горожанъ примыкаетъ къ рыцарямъ, наслаждающимся веселой и блестящей жизнью. Ни народная совѣсть, которая, въ лицѣ Пьерра Кардиналя и другихъ пѣвцовъ, такъ рьяно возмутилась противъ испорченности духовенства, ни евангельское настроеніе еретиковъ,—ни что не расшевелило трубадура: съ завзятымъ воинолюбіемъ и непоколебленной вѣрой въ Римъ

* Нѣкоторыя изъ нихъ, въ очень позднее сравнительно время, занесены черезъ Польшу и къ намъ. Прим. перев.

повѣствуетъ онъ о битвахъ, осадахъ, поголовныхъ бойняхъ, и славитъ могучаго графа де-Монфора, побѣдителя Раймунда Тулузскаго. Но съ возвратомъ сыновей послѣдняго и со смертью Монфора взошла надъ югомъ ясная звѣзда, и казалось нѣсколько времени, что дѣло его рѣшительно восторжествуетъ: тогда вдругъ измѣняется весь тонъ піэсы, и измѣняется притомъ такъ, что Гибаль (Guibal) не даромъ ставитъ тутъ другого стихотворца, воспѣвающаго счастливый этотъ поворотъ увлекательно и съ самымъ сердечнымъ участіемъ. Поэтъ откровенно излагаетъ передъ папою всѣ жалобы народа и призываетъ духовенство на судъ божій; въ неожиданномъ поворотѣ борьбы видитъ онъ перстъ Промысла, и высказываетъ мысль эпоса совершенно ясно:

Богъ, право властвуютъ и пребываютъ вѣчно;
Лжи, гордости успѣхъ—лишь призракъ скоротечный,
И правда верхъ всегда одержитъ подконецъ.

«О Господи, даруй ты мнѣ побѣду, не то—меня поверги въ прахъ», молится графъ де-Монфоръ, когда вѣрная дружина пала вокругъ него; тогда чья-то женская рука спускаетъ на стѣнѣ камнемётъ, камень летитъ куда слѣдуетъ, и бьетъ осаждающаго прямо въ голову. Борьба за Тулузу и освобожденіе ея, характеръ желѣзнаго противника и его церковно-благочестивой, но вмѣстѣ съ тѣмъ гордой и непреклонной души, — все это окрыляетъ стихотворца высшимъ пареніемъ; онъ передаетъ не только ходъ внѣшнихъ событій, онъ посвящаетъ насъ въ настроеніе дѣйствующихъ лицъ, онъ даетъ имъ высказать свой образъ мыслей, свои страсти и оправдать свои дѣйствія. Родной край поэта еще разъ озаряется достойнымъ его блескомъ въ этой пѣснѣ, передъ тѣмъ что инквизиція окончательно загубитъ въ немъ всякую жизнь.

ИСПАНСКАЯ НАЦІОНАЛЬНАЯ ПОЭЗІЯ.

Охваченная отовсюду моремъ, огражденная ото всей остальной Европы оплотомъ Пиреней, надѣленная новыми элементами образованія со стороны вторгнувшихся изъ Африки Мавровъ, и въ то же время втянутая съ юга и запада въ борьбу за національность и за религію, тогда какъ Франція, Италія и Германія предпринняли крестовые походы на Востокъ,—Испанія должна была развиться своеобразно; и однакожь ни что такъ не доказываетъ общности культурной работы и живого взаимодѣйствія между новыми народами, какъ тотъ именно фактъ, что и здѣсь заявили свою силу вліянія

провансальской лирики и сѣверо-французскаго эпоса точно такъ же какъ и коренныя черты романскаго и готическаго стилей въ архитектурѣ, и, мало того, подѣйствовали даже значительнѣе самихъ Арабовъ. Рыцарская гордость и благородная готовность къ самопожертвованію были уже сродны и древнимъ Кельтиберамъ; за тѣмъ глубоко привилась здѣсь римская образованность; послѣ пришли Готы, и подъ владычествомъ христіанской религіи германскіе элементы сплавились въ одно съ страстнымъ пыломъ юга. Такъ-какъ Испанцамъ пришлось отстаивать вмѣстѣ съ независимостью и вѣру, то отъ этого прочно укоренился въ нихъ церковно-благочестивый духъ, и въ противуположность чистотѣ могаммеданскаго теизма они особенно выдвигали впередъ Дѣву Марію и божественность Іисуса Христа; въ успѣхѣ дѣлъ своихъ видѣли они прямо руку божію, явную помощь со стороны тѣхъ или другихъ святыхъ, и гдѣ до видѣній такого рода не доходило воображеніе самихъ героевъ, тамъ легко помогала имъ въ этомъ фантазія пѣвцовъ. Благодаря этому и короли, освободившіе край и возстановившіе господство христіанской вѣры, увѣнчались какъ бы сіяніемъ высшей славы, неприкосновеннымъ освященіемъ, которое долго удерживалось за ними и въ жизни, и въ поэзіи. Испанецъ предоставляетъ правиламъ обычая и сословнымъ отношеніямъ много силы даже и надъ сердечными чувствами, не допуская ни спора, ни сомнѣнія насчетъ общепринятыхъ уставовъ вѣры и чести. Но обокъ съ этимъ вошла у него въ исторію и свободная демократическая струя вслѣдствіе того, что, при отвоеваніи страны мелкими христіанскими дружинами изъ горъ Астуріи, каждый несъ, въ свою очередь, оружіе и становился съ товарищами на одну доску. Затѣмъ, для обороны отъ Мавровъ недостаточны были одиночные за́мки, или крѣпостцы; потребовались сплошь укрѣпленные города, которые сами должны были промышлять о себѣ, сами защищаться, которые поэтому сами собой уряжали и обезпечивали права свои. Такимъ образомъ каждый Испанецъ былъ воинъ по призванію; гражданинъ, снаряжавшійся въ конную службу, тѣмъ самымъ считался уже принадлежащимъ къ рыцарскому сословію, и древніе аристократическіе роды домогались стать въ челѣ городовъ. Это именно ядро народа было въ Средніе Вѣка носителемъ національнаго чувства; оно-то и воспѣло своихъ героевъ въ формѣ былевой поэзіи; оно создало себѣ представителя въ Бернардо дель-Карпіо, и особенно въ Руи Діасѣ, по прозванію Сидѣ (господинѣ). Былина сказываетъ, что Карпіо — сынъ любви одной королевны съ Санчо Діасомъ, который и посаженъ за это въ темницу, а сынъ, отличаясь впослѣдствіи славными дѣлами, только и проситъ себѣ въ награду что освобожденія отца. Онъ говоритъ съ горделивой смѣлостью:

Предписывать моей уставы вольной волѣ, самимъ владыкамъ не дано:
Ни чѣмъ не льзя купить людской свободы благо, — неоцѣнимо-дорого оно.

Руи Діасъ также дитя собственныхъ своихъ дѣлъ, мальчикъ на мельницѣ, сынъ одного рыцаря, слюбившагося съ крестьянкой, и по этому самому — заступникъ вольнаго народа, не дорожащій ни властью, ни богатствами, которыя самъ умѣлъ добыть въ войнахъ, такъ что онъ отказывается даже цаловать у короля руку, и хочетъ служить ему только союзникомъ, не

иначе. Національное чувство заставляетъ Карпіо биться при Ронсевалѣ противъ чужевластья Франковъ; Сидъ — историческій герой того же чувства благодаря взятію Валенсіи (въ 1094 г.). Онъ передовой боецъ короля Санчо II-го, и когда послѣдній былъ умерщвленъ, онъ не допустилъ присягать на вѣрность брату его, Альфонсу, пока тотъ торжественно не поклялся, что неповиненъ въ упомянутомъ злодѣяніи. Все это громко славятъ пѣсни и сопровождаютъ Сида въ самое изгнаніе, куда сослалъ его новый король; онъ живетъ теперь у Мавровъ, и съ дружиной, которую пріобрѣтаетъ побѣдоносным мечомъ и щедростью въ раздѣлѣ добычи, основываетъ себѣ собственный удѣлъ въ Валенсіи. Такимъ образомъ здѣсь предстаютъ намъ вмѣстѣ оба главные мотива Карловой былины, — война за вѣру и васальскія усобицы; чувство личнаго достоинства и личной чести живетъ здѣсь точно такъ же, какъ и въ «Фернанѣ Гонсалесѣ» и въ «Семи инфантахъ Лары». Смѣлость Хидальгосовъ (отецкихъ дѣтей), крѣпко настаивающая на своемъ правѣ и своей силѣ, превозносится въ старыхъ пѣсняхъ наравнѣ съ побѣдою или геройской смертью въ войнѣ противъ Мавровъ.

Такими богатырскими пѣснями сопровождались событія начиная съ готскихъ еще временъ. Народъ воспѣвалъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, какъ король Родерихъ похитилъ силой прелестную Каву, а отецъ ея, мстя за обиду, призвалъ Арабовъ въ здѣшній край; какъ потомъ у нихъ отвоеваны опять Леонъ и Бургосъ, и страна прозвалась Кастиліей отъ множества вновь построенныхъ въ ней острожковъ (castellum, кастеллумъ); какъ мало по малу возникли мелкія королевства, какъ взятъ былъ городъ Толедо, какъ наконецъ осаждена и покорена Гранада. Чего бы, казалось, ближе ожидать, что у высокодаровитыхъ Испанцевъ, на ихъ металлически-звучномъ, величаво текучемъ языкѣ, возникнетъ большой народный эпосъ? Но для этого недоставало многихъ существенныхъ условій, хотя и не прерывалась живая, обильнѣйшая струя богатырскихъ, только болѣе лирически-оцвѣченныхъ, пѣсенъ. Когда Вестготы покорили романизованныхъ Испанцевъ и слились съ ними въ одинъ народъ, * они были уже христіанами, примкнули къ римской цивилизаціи, и среди продолжительныхъ странствій, среди новыхъ совсѣмъ переживовъ, у нихъ выцвѣли воспоминанія о древней языческой эпохѣ; настоящее же приносило съ собой чуть не ежедневно новыя битвы и, въ борьбѣ за вѣру, требовало со стороны христіанина противустоять могаммеданству и словомъ и мечомъ; оттого въ народномъ сознаніи не осталось и слѣда миѳа, ни одно преданіе о богахъ не могло, какъ обыкновенно, осѣсть на героевъ, не могло уцѣлѣть такихъ эпическихъ элементовъ, которые въ лѣсномъ сумракѣ народной поэзіи кроются «подобно развалившимся храмамъ невѣдомыхъ уже боговъ». Мѣсто природной вѣры заступила догматика, а ясный еще отголосокъ античной культуры съ одной стороны и соприкосновеніе съ арабскою, съ другой, слишкомъ выдвигало дневной свѣтъ исторіи передъ сумерками былины. Пѣвцу нельзя было служить спокойнымъ зер-

* Не странно ли послѣ многихъ примѣровъ такого рода въ исторіи, какъ досужіе умы все еще не могутъ помириться съ горстью водворившихся у насъ Норманновъ, — горстью, которая оставила по себѣ однакожь столь явные слѣды въ самомъ языкѣ, что отвергать ее просто невозможно? Прим. перев.

каломъ вполнѣ законченной богатырской эпохи: настоящая борьба то и дѣло требовала для себя его сердечнаго участія, и такимъ образомъ поэзія хотя и сопровождала ходъ исторіи все новыми и новыми пѣснями, однакоже послѣднія, при всей своей заправской дѣйствительности и наглядной вѣрности, получали лирическій оттѣнокъ отъ слишкомъ возбужденнаго настроенія каждой текущей минуты, и поэтому тѣмъ менѣе могли сплавиться въ одно цѣлое, что освобожденіе родного края не совершилось ни какимъ общенароднымъ подвигомъ, ни какое отдѣльное событіе не сдѣлалось символомъ этого освобожденья, такъ-какъ вѣдь цѣлые вѣка война велась помелочи, въ разныхъ мѣстахъ и при весьма различныхъ обстоятельствахъ. Почти то же самое мы видимъ и у древнихъ Арабовъ; по тѣмъ же причинамъ нѣтъ эпоса и тамъ, хотя реалистически-ясныхъ, свѣжихъ богатырскихъ пѣсенъ бездна. За то испанская поэзія романсовъ развилась вмѣстѣ съ народомъ этой жизнеобильной страны; онъ изобразилъ въ нихъ самъ себя, увѣковѣчилъ въ нихъ свои чувства и славу своихъ подвиговъ; поэзія эта достигла въ своемъ родѣ чуть не классической законченности, и если своей изобразительной силою она ставитъ насъ въ самую среду происходящаго, гдѣ любое событіе принимаетъ форму разговора и взаимодѣйствія между выведенныхъ на сцену лицъ, то понятно, что именно изъ нея выросла и національная драма и что она всегда была блестящею составною частью послѣдней.

Формою романсамъ служитъ общеупотребительный уже и въ латинскихъ стихотвореніяхъ трохаическій тетраметръ, съ опущеніемъ обыкновенно послѣдняго слога, такъ что окончаніе выходитъ мужское. Въ такомъ размѣрѣ были сложены стихи, пѣтые насмѣхъ Цезарю солдатами при его тріумфѣ; такъ же точно испанскій поэтъ Пруденцій славословилъ христіанскихъ мучениковъ. Созвучіе риомъ, явившееся сначала само собой, непрошеннымъ, вскорѣ стало положительной потребностью для Испанцевъ, но еще не въ полной своей чистотѣ:—они довольствовались при этомъ одною только гласною, и, по примѣру Арабовъ, проводили одинъ и тотъ же окончательный звукъ черезъ все стихотвореніе. Когда народную поэзію взяло въ свои руки и завершило художественное направленье, тогда обильный звонкими согласными языкъ повелъ его къ старанію избѣгать однообразія часто повторяющейся риомы именно тѣмъ, чтобы только гласная послѣдняго подударнаго (акцентированнаго) слога въ каждомъ стихѣ была одна и та же, а окружающія ее согласныя измѣнялись, почему собственно она одна и сообщала пѣснѣ звуковой ея характеръ; цезура всерединѣ послѣ четвертаго трохея подѣляла стихъ на двѣ половины, которыя впослѣдствіи розно и печатались. Основательный изслѣдователь по этой части, Ф. Вольфъ, превосходно замѣчаетъ: «Неоспоримо, что умышленнымъ избѣжаніемъ полнаго «созвучія и обращеніемъ его въ легкій, производимый лишь одною гласною, «намекъ, утомительная выдержка одного и того же созвучія въ цѣлыхъ «романсахъ разрѣшается въ едва просвѣчивающій аккордъ, тѣмъ болѣе «пріятный, что онъ слышится какъ бы только изъ-подъ покрывала; теперь, «когда цѣлое связывалось уже не молоточными ударами однообразнаго со«гласія, а гитарными звуками крайне разновиднаго ассонанса, изъ того, что «сперва служило только для удовлетворенія естественной потребности въ «ясно обозначенномъ ритмѣ, можно было сдѣлать тонкое художественное

«услажденіе такого рода гармоніей, которая преобладала, какъ связующій «элементъ, надъ умышленной разладицей и тѣмъ болѣе выигрывала отъ «явной противоположности съ послѣдней.»

Отъ романсовъ положительно отличается поэма о Сидѣ, сложенная въ половинѣ 12-го столѣтія по образцу французскихъ chansons de geste, и именно въ смыслѣ богатырской и родословной пѣсни, такъ какъ содержаніемъ и коренной мыслію лежитъ въ ней то, что Сидъ, благодаря богатырской своей силѣ, основалъ такой родъ-племя, который въ потомствѣ дочерей его занимаетъ королевскіе престолы Испаніи, и обѣ пѣсни ея доказываютъ каждая посвоему всегда одно, какъ то самое, что затѣвалось Сиду въ оскорбленіе или на пагубу, становилось средствомъ еще болѣе его прославить и возвеличить. Изгнаніе Альфонсомъ побуждаетъ его уйти съ вѣрной дружиною на свой собственный страхъ къ Маврамъ, и сперва завоевать себѣ укрѣпленный замокъ, а потомъ и городъ Валенсію. Слава Сида внушаетъ графамъ Карріонскимъ мысль свататься на дочеряхъ его; ему не хочется выдать ихъ за нихъ, но самъ король берется быть сватомъ, и онъ предоставляетъ рѣшить дѣло королю. Совершенно въ духѣ французскаго рыцарскаго феодализма, Сидъ выводится здѣсь вѣрнымъ васалломъ; послѣ каждаго военнаго подвига онъ заявляетъ блестящими подарками преданность свою государю, и этимъ понемногу примиряетъ его съ собой до такой степени, что тотъ наконецъ говоритъ: „Много я надѣлалъ ему зла, а онъ мнѣ добра чуть ли не больше“. Онъ слыветъ здѣсь родившимся въ добрый часъ, онъ становится образцомъ испанскаго прямодушія и благочестія, хотя еще и не вздыхаетъ, какъ млѣющій миннезенгеръ, по Хименѣ, не блещетъ натянутой щеголеватостью новыхъ царедворцевъ, какъ водится это въ иныхъ романсахъ, которые тѣмъ самымъ и выдаютъ въ себѣ парниковыя растенія позднѣйшаго искусства сравнительно съ свѣжими полевыми цвѣтами народной поэзіи; въ этой пѣснѣ, напротивъ, Сидъ чуть не въ каждомъ бою наноситъ страшные удары мечами Тисономъ или Коладой и скачетъ на своемъ конѣ Бабіэсѣ какъ истый удалецъ франкскихъ былинъ.

Вторая пѣсня начинается тѣмъ, что Сидъ однажды послѣ обѣда вздремнулъ, а между тѣмъ левъ его вырвался изъ клѣтки; перепугавшись, одинъ изъ зятьевъ Сида залѣзъ подъ стулъ, другой спрятался за давильнымъ чаномъ, тогда-какъ очнувшійся богатырь тотчасъ же унялъ звѣря своимъ взглядомъ и посадилъ его за желѣзную рѣшетку попрежнему. Графамъ показалось, что это сдѣлано имъ насмѣхъ, гордость обуяла ихъ до того, что они загнушались родствомъ съ выскочкой; затѣявъ насолить ему, они увезли женъ въ горы и, высѣкши ихъ тамъ плетьми до́ крови, бросили замертво въ пустынѣ. Сидъ, которому они и сначала пришлись не подушѣ, велѣлъ одному изъ молодыхъ своихъ родственниковъ слѣдовать за дочерьми на всякій случай; этотъ спасъ ихъ и привезъ обратно къ отцу. Тотъ идетъ къ королю съ жалобой, наряжается судъ, графы, разумѣется, побѣждены на поединкѣ, а дочери Сида выходятъ замужъ за инфантовъ Арагона и Наварры. Богатырь изъ народной среды, сынъ своихъ собственныхъ подвиговъ, самодѣльный человѣкъ, мысленно уже видитъ теперь родъ свой на королевскихъ престолахъ; его храбрость и васальская вѣрность вознаграждены вполнѣ. Герой—

средоточіе всей поэмы; прославленіе его рода-племени, — вотъ главная ея цѣль. Она напоминаетъ chansons de geste даже и внѣшнею своей формой, состоя изъ длинныхъ двудольныхъ стиховъ, съ тремя долгими и обыкновенно столькими же или больше короткими слогами въ каждой половинѣ, при чемъ каждая мѐньшая или бо̀льшая группа связывается въ окончаніяхъ звукомъ одной и той же гласной. Изложеніе просто и ядрено; трогательныя сцены, каковы прощаніе Сида съ своими домашними въ первой пѣснѣ, или разлука дѣтей съ родителями во второй — они оторвались другъ отъ друга какъ гвоздь отъ тѣла, — сцены эти чередуются съ описаніями битвъ или напримѣръ судебнаго производства; благодаря внутренней правдѣ и высокой естественности, характеръ Сида наглядно выступаетъ передъ нами, а нѣкоторыя случайныя, но отвѣчающія тому черты придаютъ полную опредѣленность и наружному его виду. Разговорная форма сообщаетъ драматическую подвижность всему повѣтствованію.

Какъ эта поэма, такъ и риомованная хроника о Сидѣ основаны на народномъ преданіи. Напротивъ, пѣснь о подвигахъ Фернана Гонсалеса, начинающаяся вторженіемъ Мавровъ въ Испанію, представляетъ обокъ съ исторической основой и чисто-произвольные вымыслы разгулявшагося поэтическаго чувства. Церковные сюжеты и былина про Александра Великаго также обработывались въ Испаніи. Къ романсамъ возвращусь я впослѣдствіи, чтобъ разсмотрѣть ихъ сравнительно съ англійскими, датскими, нѣмецкими народными балладами, такъ какъ они по бо̀льшей части въ одно съ ними время, то-есть именно въ 15-мъ столѣтіи, приняли ту форму, въ какой до насъ дошли. Здѣсь же упомянемъ еще только о томъ, что вполовинѣ 13-го вѣка Альфонсъ Мудрый лелѣялъ науки, и въ особенности астрономію но слѣдамъ Арабовъ; сверхъ-того, совершоннымъ по его волѣ переводомъ библіи, а также изданіемъ сборника законовъ, онъ положилъ начало энергической и звучной прозѣ въ испанской словесности и возвелъ кастильское нарѣчіе на степень письменнаго языка.

АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ ВЪ РОМАНТИЧЕСКОЙ ОБОЛОЧКѢ.

Если въ пѣсни о Роландѣ высказалось символически христіанское богатырство крестовыхъ походовъ, то дальній походъ вообще, завоеваніе Востока изъ Европы отразились въ повѣсти объ Александрѣ и о Троянцахъ, тогда какъ, съ другой стороны, самъ народъ выработалъ исторію перваго крестоваго похода въ такомъ видѣ, что она могла впослѣдствіи послужить готовымъ матерьяломъ для тассова искусственнаго эпоса. Съ поэтической

сѣтью, окинувшей исторію великаго Македонца, мы не разъ уже встрѣчались на Востокѣ, у Могаммеда, у Іудеевъ, у Фирдуси. Общимъ источникомъ какъ для нея, такъ и для западныхъ стихотворцевъ, служитъ греческій романъ Каллисѳена, сборникъ и распространенная обработка тѣхъ миѳовъ и сказокъ, какіе отчасти вновь сложились вслѣдствіе подвиговъ героя и громаднаго впечатлѣнія оставленнаго имъ по себѣ въ фантазіи народовъ, отчасти же пріурочились къ его личности (какъ соотвѣтственные элементы) со стороны. Нѣмецкій попъ Лампрехтъ, написавшій воспроизведеніе этой повѣсти въ стихахъ (около 1180-го года), называетъ своимъ источникомъ и образцомъ одного южнаго Француза, Альберика Безансонскаго, который около 1140-хъ годовъ былъ монахомъ въ Клюньи. Другая французская обработка начата Ламбертомъ ли-Торсомъ, и закончена Александромъ де-Бернэ; по ней-то, говорятъ, извѣстный стихъ съ шестью повышеньями и прозванъ александрійскимъ. Сюда же принадлежитъ Испанецъ Хуанъ Лоренсо Сегура де-Асторга, тогда какъ еще до исхода 12-го столѣтія Вальтеръ Лилльскій взялъ себѣ въ руководители Курція (вмѣсто Каллисѳена); примѣру его послѣдовали Ульрихъ форъ-Эшенбахъ и Рудольфъ фонъ-Гоэнемсъ, но, надо-сказать, составили очень плохой сборникъ, въ которомъ кое-какъ перемѣшано все, что было имъ извѣстно изъ исторіи и сказаній. Если присоединимъ къ этому еще одну англійскую поэму объ Александрѣ, начала 14-го столѣтія, то увидимъ даже и по однимъ дошедшимъ до насъ произведеніямъ, что всѣ почти культурные народы занимались македонскимъ героемъ; за мѣсто одного Гомера, на долю ему достались по крайней обильный кладъ сказаній и многое множество пѣвцовъ.

Нѣмецкій изводъ поэмы очень выгодно отличается отъ другихъ какъ быстрымъ ходомъ дѣйствія, такъ равно сердечной искренностью и простою силой изложенія. Народный складъ богатырской былины Германцевъ, отголоски ихъ богатырскихъ пѣсенъ очень хорошо приходятся здѣсь къ дѣлу и производятъ превосходный эффектъ при описаніи александровыхъ битвъ съ Даріемъ и По́ромъ, тогда какъ, напротивъ, Ламбертъ ли-Торсъ некстати приплелъ сюда рыцарскій обычай съ его праздниками и турнирами. Англійскій поэтъ подходитъ ближе къ нѣмецкому свѣжей и интересной первобытностью; описанія его не такъ многословны какъ у Француза, но зато гораздо забористѣй; тѣмъ не менѣе, когда при осадѣ одного города онъ пускаетъ въ дѣло огненный снарядъ, это отзывается уже какъ бы пародіей, перелицовкой, тогда какъ Лампрехтъ вообще вѣрнѣе соблюдаетъ весь побытъ древности. «Ни что такъ не прекрасно, какъ ловкій, бывалый рыцарь, развѣ только священникъ на службѣ божіей», говоритъ Англичанинъ, и тѣмъ конечно выдаетъ въ самомъ себѣ духовное лицо изъ такихъ, которые любили при случаѣ заняться и ратнымъ дѣломъ. Всѣмъ стихотворцамъ, державшимся Каллисѳена, обще раздѣленіе поэмы на двѣ части; въ первой преобладаетъ историческая правда относительно сраженій и походовъ, во второй—сказочное повѣствованіе о чудесахъ и дивахъ дальнихъ странъ; и какъ Гомеръ вложилъ подобный разсказъ въ уста Одиссею, такъ здѣсь онъ влагается самому Александру, — съ тѣмъ чтобы онъ за него и отвѣчалъ: онъ пишетъ объ этомъ къ матери или къ своему наставнику, Аристотелю. Въ нѣмецкомъ изводѣ особенно хорошо выставлена дѣтская любовь. Ради матери обхожусь

я хорошо со всѣми женщинами, пишетъ Александръ Дарію, полонивши всю его семью; его такъ и тянетъ къ матери, когда онъ достигъ конца свѣта, гдѣ стоитъ міровая бездна и гдѣ небо вертится какъ колесо на оси. Древности принадлежитъ сказаніе о томъ, что когда брахманамъ или Скиѳамъ предоставлено было испросить себѣ у царя какой-нибудь милости, они пожелали чтобы онъ сдѣлалъ ихъ безсмертными. Этого сдѣлать онъ не всилахъ. Ну, а ежели ты самъ смертенъ, зачѣмъ же ты ведешь столько войнъ и подымаешь столько тревоги на землѣ? — Провидѣнію угодно, чтобы и я былъ слугою его воли. Вѣтру дано приводить въ движеніе море и деревья, такъ и я не даю облѣниться людямъ. — У Лампрехта сынъ скиѳской степи говоритъ: Намъ терять нечего; жило и гробъ всегда у насъ подъ рукой, то-есть у насъ нѣтъ ни того, ни другого, но намъ утѣшительна мысль, что небо покрываетъ насъ и живыхъ и мертвыхъ. Это такъ же озадачило міровладыку, какъ и знаменитый отвѣтъ Діогена. Затѣмъ онъ вторично сравниваетъ себя и міръ съ бурею и моремъ, и прибавляетъ къ этому: Пока я живъ и владѣю своимъ смысломъ, надо же мнѣ дѣлать то, чего онъ отъ меня хочетъ. На что была бы намъ и жизнь, будь всѣ мы ограничены въ желаніяхъ повашему? Самимъ верховнымъ могуществомъ внѣдрено въ насъ стремленіе упражнять ту силу, какою мы надѣлены.

Во второй части очаровательно-милъ разсказъ о цвѣтъ-дѣвицахъ; его нѣтъ у Каллисѳена, и онъ, кажется, индійскаго происхожденія. Александръ повѣствуетъ самъ, что онъ и его воины услыхали однажды пріятнѣйшее пѣніе изъ прохладной зелени лѣса; они слѣзаютъ съ коней и находятъ подъ густой тѣнью цѣлую толпу прелестныхъ дѣвицъ; въ упоительномъ веселіи забываются тутъ всякое горе и забота; герою казалось, что къ такому блаженному пріюту не смѣютъ приближаться ни болѣзнь, ни смерть. А происхожденіе этихъ дѣвицъ вотъ какое. Съ наступленіемъ весны и зелени, появляются чудные цвѣты, великолѣпныхъ оттѣнковъ, круглые какъ шаръ и отовсюду замкнутые. Они становятся необыкновенно велики, потомъ раскрываются, и изъ ихъ чашечекъ выпрыгиваютъ очаровательныя дѣвушки съ скромно-веселымъ смѣхомъ, плясками и усладительнѣйшимъ пѣніемъ. Но жить онѣ могутъ только въ тѣни, а на солнцѣ тотчасъ исчезаютъ. Лѣсъ оглашался ихъ шумными играми въ перемежку съ пѣснями птицъ: что должно-быть за прелесть было это подвечеръ и рано утромъ! Одежда приросла къ этимъ дѣвушкамъ и имѣла видъ цвѣточныхъ, бѣлыхъ съ розовымъ, лепестковъ. «Когда мы увидѣли, что онѣ идутъ намъ навстрѣчу, насъ такъ и потянуло въ ту сторону; мы были въ восхищеніи отъ чудныхъ этихъ невѣстъ и отроду такъ не услаждались еще какъ съ ними. Но, ахъ! какъ скоро исчезло небывалое блаженство! Радость наша прошла вмѣстѣ съ лѣтнею порой; поблекли цвѣты, умерли и прелестныя наши жены. На нихъ пала желтая листва деревъ, остановились журчащіе ручьи, смолкли пѣвуньи птицы. Съ тяжкою думой на сердцѣ удалился оттуда и я.» — Гервинусъ, первый, отдалъ справедливость нѣмецкому поэту, и говоритъ: Если задушевностію теплаго чувства что-нибудь подходитъ въ литературѣ къ разсказу Одиссея, отуманенному грустью, сквозящему тоской, сопровождаемому шаткимъ воспоминаніемъ о минувшемъ блаженствѣ и его непрочности, — разсказу, который такъ удивительно передаетъ настроеніе души, въ какомъ

многолѣтній странникъ мысленно оглядываетъ труды и утѣхи своего путешествія; если какое-либо стихотвореніе дышетъ чистѣйшею невинностью и высказываетъ всю простодушную довѣрчивость богатой и при этомъ изящно стройной фантазіи, если среди открываемаго имъ міра неслыханныхъ чудесъ оно сохраняетъ полнѣйшее здравомысліе, — то конечно все это можно приложить къ невыразимо-милому разсказу, напоминающему Индію и нимфеи растительнаго царства и миѳологіи, хотя правда, что граціозностью своего изложенія онъ необыкновенно выдается изо всѣхъ прочихъ частей поэмы.

Однажды Александръ приходитъ къ стоящему вверху горы чертогу изъ драгоцѣнныхъ камней. Держась за золотую цѣпь, всходитъ онъ туда по яхонтовой лѣстницѣ и видитъ, что прекрасный собой старикъ дремлетъ на золотомъ ложѣ, осѣненный виноградною лозою. Александръ преклонилъ голову передъ этимъ образомъ глубокаго мира и безмолвно пошелъ назадъ. Это похоже на зàмокъ св. Граля. Но ненасытность завоевателя въ немъ все еще жива, и былина обозначаетъ это его желаніемъ брать дань съ ангельскихъ ликовъ и для этого взять приступомъ самый рай. Онъ идетъ вверхъ по Эвфрату, но первые изъ его воиновъ, подошедъ къ райскимъ вратамъ, находятъ ихъ на запорѣ, и какой-то старецъ повелѣваетъ имъ склонить царя къ смиренію, —рая не возьмешь-де силою, надо покаяться и обратиться. Старецъ даетъ имъ камень, какъ будто съ глазомъ человѣческимъ; вѣсомъ онъ съ груду золота, а посыпь его слегка землей, его перетянетъ и пушинка. Тутъ Александръ наконецъ образумливается, распускаетъ войско, возвращается въ Грецію и посылаетъ къ мудрецамъ, чтобы они истолковали ему этотъ камень. Истолковываетъ Іудей, такъ-какъ вѣдь и самый камень вложенъ въ Александрову былину Іудеями: Глазу человѣческому, говоритъ онъ, все мало, пока не прикроетъ его могильный прахъ. Вотъ почему надо отказаться отъ алчности и обрѣсти покой въ самомъ себѣ. Александръ слѣдуетъ увѣту, обращаетъ сердце къ умѣренности и добру, и царствуетъ еще двѣнадцать лѣтъ мирно и благополучно. За тѣмъ изо всѣхъ обширныхъ завоеваній на долю ему достается всего только сажень земли, какъ и послѣднему бѣдняку на бѣломъ свѣтѣ. —Такимъ образомъ, на ряду съ храбростью и блистательными дѣлами, поэма прославляетъ смиреніе и возвратъ человѣка въ самого себя и заканчиваетъ тѣмъ же, чѣмъ начала, — тщетой всего земного передъ царствомъ небеснымъ и вѣчнымъ спасеніемъ.

Въ глазахъ средневѣковой фантазіи даже Троя пріобрѣла значеніе какъ-бы древняго Іерусалима, а Гомеровы герои обратились для нея въ христіанскихъ рыцарей. Объективность, признающая и изображающая любой народъ и любой вѣкъ въ ихъ своебытномъ характерѣ, совершенно чужда эпохѣ сердца, которое по природѣ своей постигаетъ все другое только неразрывно съ чувствомъ, въ тѣсной связи съ субъективностью и потому готово придавать всему оттѣнокъ своихъ собственныхъ ощущеній. Гомеръ отступилъ теперь на задній планъ, вмѣсто него держались троянской былины Дареса и Диктида, которые собрали всѣ разсказы отъ основанія до разрушенья Трои и передали потомству всю сплошь массу того матерьяла, изъ котораго геній выбралъ только лучшее, чтобы свести это художнически въ полный

жизни организмъ. Ихъ сначала обработали латинскими стихами, потомъ труверъ Бенуа де-Сентъ-Моръ переложилъ ихъ, около половины 12-го столѣтія, во французскія риомы; по немъ Гербортъ Фрицларскій въ Германіи обдѣлалъ этотъ сюжетъ еще грубо и неуклюже, а Конрадъ Вюрцбургскій успастилъ его всѣми блестками дворской манеры. Наконецъ, для разсматриваемаго нами періода, обработки эти завершилъ Гвидонъ де-Колумна, судействовавшій въ Мессинѣ около 1280-хъ годовъ, латинскимъ «Разрушеніемъ Трои», удобнымъ и обычнымъ источникомъ для всѣхъ позднѣйшихъ поэтовъ. Посредствомъ Брута связали съ Троею Бриттовъ, посредствомъ Франка—Франковъ, а посредствомъ Сикана—Сицилійцевъ, и такимъ образомъ погибель Трои сдѣлали, въ предначертаніяхъ вышняго Промысла, исходною точкой для великаго переселенія народовъ. Борьба за Трою была подобно крестовымъ походамъ войною двухъ странъ свѣта, Европы съ Азіей. Женскій покой (теремъ) Гекубы обратился во дворъ рыцарской любви, первые ростки романтики въ страсти Медеи къ Ясону, въ похищеніи Елены, въ связи Ахилла съ Пенфесилеею, дали теперь отъ себя пышный цвѣтъ; древніе богатыри покорились во всемъ рыцарскому обычаю. Мѣсто истинно-поэтической формы неослабно движущагося впередъ дѣйствія заступила, во вкусѣ времени, страсть къ размалевкѣ описаній, и стихотворцы щеголяли одинъ передъ другимъ сотнями стиховъ, посвященныхъ изображенію Елены, тогда какъ Гомеръ передаетъ дѣйствіе ея на душу въ немногихъ словахъ и тѣмъ окрыляетъ фантазію слушателя или читателя, самой внутренно воспроизвесть этотъ образъ. Уже и разсказъ о подвигахъ крайне однообразенъ, а еще скучнѣе безконечныя совѣщанія; однакожь новое время пробивается здѣсь въ падкости къ лирическимъ изливамъ взволнованнаго сердца, къ душевнымъ борьбамъ и страданіямъ. Наименѣе замѣтно это у Итальянца, который всего лучше владѣетъ предметомъ, тогда-какъ Французы и Нѣмцы еще рабски держатся предшественниковъ въ способѣ вести дѣйствіе, не обнаруживаютъ вовсе сочинительскаго таланта, испытывая свои силы и заявляя свое остроуміе только въ размалевкѣ частностей. Холевіусъ выяснилъ вполнѣ, что Конрадъ Вюрцбургскій доказываетъ свое знакомство съ Овидіемъ и Стаціемъ разными искусными подражаньями; а Метаморфозы Овидія Альбрехтъ Гальбершадтскій даже всѣ переложилъ въ нѣмецкія риомы.

По отношенію къ переходу героическаго эпоса въ сантиментальный, особенно интересно сравнить Виргилія съ рыцарскимъ его обработчикомъ, Генрихомъ фонъ-Вельдеке. Послѣдній, на блестящемъ празднествѣ Барбароссы въ Майнцѣ, встрѣтился съ мастеромъ на поэтическія разсказы, Кретьеномъ Труайскимъ (Chrétien de Troies), и ему приписывается честь первой пересадки на нѣмецкую почву такъ-называемаго «дворскаго художества», при чемъ изяществомъ и чистотой какъ языка, такъ и риомъ, онъ сталъ образцомъ для всего подростающаго поколѣнія. Виргилій у него передъ глазами, самъ онъ ссылается однакожь на романскій источникъ, и дѣйствительно Пьеръ д'Овернь еще въ 1140-мъ году передѣлалъ во Франціи Энеиду, тогда-какъ Генрихъ фонъ-Вельдеке писалъ цѣлымъ поколѣніемъ позже его. Что̀ такъ привлекательно для насъ въ Виргиліи,—патріотическое чувство, радостное участіе къ подвигамъ и величію Римлянъ, искус-

ное строщеніе позднѣйшей исторіи съ ея первозачатками, умѣнье связать настоящее съ прошедшимъ, мужественно гордая пышность языка,—ни чего этого нѣтъ у его преемника; притомъ онъ допускаетъ въ ограниченномъ лишь размѣрѣ то постоянное взаимодѣйствіе между смертными и безсмертными, то многоразличное вмѣшательство боговъ въ ходъ людскихъ дѣлъ, которымъ античный эпосъ умѣетъ живо онаглядить идею, что все великое въ исторіи совершается черезъ совокупную дѣятельность божескаго съ человѣческимъ. Зато у Генриха фонъ-Вельдеке главнымъ дѣломъ выходятъ любовные эпизоды; ему хочется изобразить душевныя состоянія Дидоны, Лавиніи, при пробужденіи въ нихъ невѣдомыхъ прежде чувствъ, вызываемыхъ и счастіемъ любви и ея скорбями; но конечно поэтъ здѣсь только начинающій еще ученикъ, и простодушіе его, находившее себѣ поклонниковъ при первыхъ шагахъ рыцарски-любовной поэзіи, кажется намъ скорѣе ребячески-смѣшнымъ, нежели дѣтски-трогательнымъ. Вергилій заключаетъ побѣдою своего героя надъ Турномъ; Нѣмецъ оканчиваетъ свою поэму тѣмъ, что присовокупляетъ къ этому предлинную исторію о томъ, какъ Эней и Лавинія искали и убѣгали другъ друга, какъ они томились и терзались, пока наконецъ дѣло доходитъ до свадебнаго празднества, которое описывается со всѣмъ блескомъ чопорнаго царедворства. Тутъ исчезли древняя пластичность въ обрисовкѣ характеровъ ихъ же собственными дѣлами, четкая наглядность въ изображеніи внѣшняго міра и естественной обстановки, хотя стихотворецъ и описываетъ иногда то одежду своихъ героинь, то масть уха какой-нибудь лошади, и по всему видно, что онъ ищетъ себѣ публики предпочтительно въ кругу благородныхъ дамъ; чувство сердца должно́ вознаградить насъ за утрату великихъ государственныхъ помысловъ и дѣйствій, но это не вездѣ удается такъ хорошо, какъ въ разговорахъ о любви у Лавиніи съ матерью,—разговорахъ, которыхъ прелести такъ часто подражало потомъ средневѣковье.

Въ греческихъ и римскихъ богахъ средневѣковье видѣло демоновъ и прямо пріурочивало ихъ своимъ чертямъ. Игуменья Геррада (гоэнбургская) въ своемъ живописномъ сборникѣ Hortus deliciarum («Вертоградъ утѣхъ» конца 12-го вѣка) сажаетъ на плечи древнимъ поэтамъ черныхъ птицъ, взнакъ того что они баснословили о богахъ подъ наитіемъ нечистой силы. Гербортъ оправдываетъ идолослуженіе своихъ героевъ тѣмъ, что Христосъ тогда еще не народился; Конрадъ Вюрцбургскій такихъ мыслей, что въ лѣсныхъ дебряхъ жили нѣкогда люди, одаренные великой силою и глубокимъ знаніемъ тайнъ природы, подъ властью своего на́большаго, Юпитера; ихъ боялись и уважали какъ чародѣевъ, и отсюда-то, думаетъ онъ, произошло идолопоклонство. Въ Аполлонѣ оракуловъ видѣли дьявола по преимуществу, заманивающаго людей прорицаньями, входящаго въ лицевыя изображенія и статуи и говорящаго изъ ихъ нутра. Венера слилась воедино съ богинями туземнаго язычества и стала Госпожею Минной (олицетвореніемъ рыцарской любви); въ лунныя ночи скачетъ она верхомъ на бѣлой лани, подъ зеленымъ покрываломъ, въ сопровожденіи стаи голубей и съ горящими какъ жаръ свѣтляками въ своихъ кудряхъ; когда она безмолвно взглянетъ на кого-либо изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ и при этомъ зазвучитъ очаровательная пѣснь Эльфовъ (Albleich), тогда трудно не послѣдовать за ней въ опасную гору, передъ кото-

рою стоитъ впрочемъ исконный остерегатель неопытныхъ, вѣрный Экгартъ.

Мы видѣли, какъ еще и въ Александріи мѣсто эпоса національныхъ подвиговъ заступилъ романъ частной жизни и сердечныхъ исторій, какъ онъ послужилъ переходнымъ звеномъ къ слѣдующему періоду, когда первые взялись за него Византійцы и присоединили сюда восточныя повѣсти. Такъ особенно у Аполлонія Тирскаго встрѣчаемъ мы пеструю череду разнообразныхъ сценъ, множество самыхъ страшныхъ похожденій, сопровождающихъ разлуку и возсоединеніе. Его и подобныя тому произведенія крестоносцы принесли съ Востока на родину, и они очень пришлись по распространившемуся тогда вкусу къ кельтійскимъ сказаніямъ, такъ что нашли себѣ много сочувствія и подражанія. Общую ихъ тему составляетъ счастливая супружеская чета; но мужъ съ женой подвергаются насильственной разлукѣ, дѣти похищаются львами, волками, орлами, или воспитываются у монаховъ, у купцовъ, пока наконецъ всѣ нечаяннымъ образомъ благополучно не соединятся. Подобный разсказъ былъ пріуроченъ къ одному изъ первыхъ норманскихъ государей Англіи, и Кретьенъ Труайскій воспѣлъ его въ своемъ «Королѣ Гиліомѣ» (Вильгельмѣ). Въ нѣмецкой народной книжкѣ объ императорѣ Октавіанѣ, въ легендѣ объ Эвстахіи, въ «Добромъ Гергардѣ», въ англійскомъ стихѣ о графѣ Изамбрасѣ Савойскомъ, находимъ мы тотъ же коренной мотивъ въ разныхъ только видоизмѣненіяхъ. Христіанское чувство обращаетъ разлуку и страду въ искупленіе за вину чрезмѣрной заносчивости въ счастіи, а не то — такъ въ испытаніе, длящееся до тѣхъ поръ, пока люди заслужатъ себѣ спасенія и воспользуются имъ потомъ съ благодарнымъ смиреньемъ.

АРТУРОВА БЫЛИНА.

Въ былинѣ про Карла Великаго отразилось религіозное одушевленіе крестовыхъ походовъ, въ былинѣ про Александра—сродное имъ стремленіе къ дивамъ дальнихъ странъ и жажда ратныхъ подвиговъ; но, съ другой стороны, всѣ личныя чувства храбрости, чести, любви, свѣтское рыцарство съ его чопорнымъ обычаемъ и «любовною службой», также требовали себѣ поэтическаго выраженія и, по духу того времени, нашли соотвѣтственный имъ символическій противень въ Артуровой былинѣ. Это, въ свою очередь, открываетъ намъ особаго рода проглядь въ органическій разростъ эпоса. Миѳологическая и историческая стихіи сливаются здѣсь воедино; на родинѣ былины преобладаетъ національный элементъ, то-есть собственныя судьбы племени; при переходѣ ея на чужбину послѣднія отступаютъ на задній

планъ и становятся только уже рамою, въ предѣлахъ которой пѣвцы изображаютъ то, что̀ соотвѣтствуетъ ходу быторазвитія и настроеніямъ ихъ именно вѣка; подконецъ являются крупные поэты и берутъ подготовленный такимъ образомъ запасъ матерьяломъ для свободно-идеальныхъ произведеній, въ которыхъ художнически отливаютъ какую-нибудь великую мысль или даютъ полный разгулъ своей страсти къ изящному, только ради ея самой. Такъ въ Италіи Аріостъ поступилъ съ былиной Карла Великаго, такъ въ Германіи съ британскимъ сказаніемъ обошлись Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и Готфридъ Страсбургскій. Въ сочиненіи Вольфрама мы видимъ даже, какъ легко переплетаются между собой разнородныя сказанія, когда къ былинамъ «Круглаго Стола» онъ присоединяетъ сказаніе о св. Гралѣ; мы усматриваемъ, какъ средневѣковое искусство въ цѣлой своей совокупности выросло на взаимнодѣйствіи различныхъ народовъ, и ни гдѣ такъ ясно какъ здѣсь сотрудническія силы не выступаютъ каждая своими племенными стихіями: Кельты, съ ихъ новолюбіемъ, съ ихъ падкостью на похожденья, доставляютъ матерьялъ, Романы даютъ поэтическую форму, Нѣмцы—углубленіе путемъ мысли, психологической характеристики и душевнаго настроенья; послѣдніе часто ограничиваются легкими только измѣненіями или добавками, но этого уже достаточно, чтобы вдохнуть германскую душу въ цѣлое произведеніе.

Подхватываю здѣсь снова одну нить изъ представленной мною прежде картины кельтійства, — ту именно, гдѣ пѣсни бардовъ ознакомили насъ съ Артуромъ и Уріэномъ въ качествѣ древнебританскихъ владыкъ, оборонявшихъ независимость своего народа и своего отечества отъ напора вторгавшихся Германцевъ, — гдѣ изъ бретанскихъ народныхъ пѣсенъ мы узнали что «Артуровъ походъ» заступилъ собой мѣсто древняго буребога и означаетъ шествіе «дикаго (бѣсовскаго) ополченія» на защиту родныхъ предѣловъ. Напомню кстати, что Камбрійцы переселялись въ 6-мъ вѣкѣ цѣлыми толпами въ сѣверную Францію, оставаясь однакожь въ самыхъ живыхъ сношеніяхъ съ соплеменными имъ Кельтами британскихъ острововъ. Они-то именно, принеся съ собой на чужбину древнія преданія, по свойственной людямъ склонности идеализовать все то, что недосягаемо далеко, возвели исчезнувшее для нихъ время въ первообразъ всего великаго и изящнаго, какъ нарочно въ ту пору когда христіанство упразднило религіозное значеніе миѳовъ, онаглядившихъ божественное въ явленіяхъ природы, такъ что неохотно разстававшееся съ ними народное чувство было радо пріурочить ихъ къ богатырямъ, и исторію послѣднихъ тѣсно связало съ феями, великанами и карликами, чародѣями и чудесно бьющими ключами. Такимъ образомъ еще въ 9-мъ столѣтіи, въ британской хроникѣ Неннія, Артуръ является побѣдоноснымъ всегда предводителемъ въ войнѣ противъ Саксовъ; подобно Карлу Великому, онъ будто бы успѣлъ уже сходить и на поклоненіе въ Іерусалимъ: грядущія событія за̀готовь бросаютъ тѣнь свою въ фантазіи народа. Кельты въ Бретани стояли то во враждебныхъ, то въ мирныхъ отношеніяхъ къ Французамъ и Норманнамъ, чѣмъ значительно расширился ихъ матерьяльный и умственный кругозоръ. Когда потомъ изъ Нормандіи Вильгельмъ Завоеватель (въ 1066 г.) покорилъ Англію, низвер-

женіе саксонскаго владычества естественно оживило національныя надежды Вельсцевъ; подъ державой кинантова сына, Груффида, зацвѣла опять поэзія, и при дворахъ князьковъ, пользовавшихся извѣстной независимостью, стали опять собираться барды, «какъ бывало при Артурѣ». Возврата его чаялъ весь народъ, и разсказываютъ, что одного усомнившагося въ томъ вольнодумца Аланъ Островитинъ (ab insulis) побилъ въ Бретани каменьемъ. Веснобогъ слился здѣсь съ Артуромъ точно такъ же, какъ въ Германіи съ Карломъ Великимъ и Фридрихомъ Рыжая Борода. И вотъ, около 1140-хъ годовъ появилась книга, въ которой Артуру суждено было духовно отпраздновать это свое воскресеніе, благодаря которой владычество его надъ фантазіей людского рода распространилось по всей Европѣ, проникло даже въ Азію и въ Африку. Образы своихъ задушевныхъ желаній и надеждъ Кельты перенесли на далекое прошлое, гдѣ фантазія осуществила то, въ чемъ отказывало имъ настоящее. Оксфордскій архидеканъ Вальтеръ собралъ былевую исторію Бритовъ воедино, и чуть ли не она дошла до насъ на вельсскомъ языкѣ подъ именемъ «Брута Тизиліона»; Готфридъ (Галфридъ, Груффудъ) Монмаутскій обработалъ ее полатыни и сдѣлалъ общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Богатый матерьялъ, сплетенный изъ воспоминаній старины и изъ легендъ, сложившихся въ теченіе вѣковъ по обѣимъ сторонамъ Канала, — все что̀ пѣлось въ древнихъ пѣсняхъ, все что воображеніемъ ученыхъ людей измышлено было для пріуроченія Кельтовъ къ классической древности, и все что̀ сохранилось достовѣрнаго о взаимныхъ соприкосновеніяхъ Галловъ и Бритовъ со временъ Камилла и Цезаря, — и сказочныя похожденія и историческіе факты, все явилось въ этой романтической исторіи, скоро сдѣлавшейся любимымъ чтеніемъ какъ при дворахъ государей, такъ и въ рыцарскихъ за̀мкахъ. Робертъ Васъ (Wace) переложилъ ее въ нормандскія риомы; онъ блистательно изукрасилъ поэму описаніями оружія, одежды, праздниковъ, и приписалъ Артуру учрежденіе рыцарей «Круглаго Стола». Въ дополненіе къ этому онъ присовокупилъ въ Roman de Rou (повѣсти о Роллонѣ) поэтическую исторію Норманновъ, а англійскіе писатели, одинъ вслѣдъ за другимъ, расширяли потомъ эту книгу сконца и сначала; въ 1250-мъ году появилась даже обработка ея въ грубыхъ латинскихъ гексаметрахъ съ прямо высказаннымъ умысломъ воспламенить британскую молодежь ненавистью къ чуждымъ завоевателямъ, дать новую пищу надеждамъ на возстановленіе прежней самобытности. Важность этой книги для фантазійной жизни человѣчества побуждаетъ насъ заглянуть въ ея содержанье.

Готфридъ начинаетъ съ разрушенія Трои. Ко множеству родословныхъ сказаній классической древности, связывающихъ зачинъ разныхъ итальянскихъ и греческихъ городовъ съ именемъ Энея и троянскими выходцами, ученые явно выдумали еще одно новое и сдѣлали родоначальникомъ Бритовъ Брута вмѣсто Прида (Pryd), слывшаго имъ прежде. Онъ, по словамъ Готфрида, былъ внукъ Энея, убилъ отца своего, Асканія, на охотѣ, бѣжалъ въ Грецію, собралъ тамъ разсѣянныхъ Троянъ, побѣдилъ царя Пандраса, взялъ за себя его дочь, пустился потомъ съ своей дружиной искать новаго отечества и нашелъ его наконецъ въ Альбіонѣ, гдѣ удалились передъ нимъ великаны, первобытные жители страны. Онъ основалъ новую Трою, Три-

новантъ, которая позже, во времена Цезаря, по имени Луда (Лонда) прозвана была Лондономъ. Въ числѣ преемниковъ его встрѣчаются имена Лира, Локрина, Поррекса и Феррекса, извѣстныя намъ больше изъ Шекспира и его предшественниковъ; тутъ въ основаніи лежатъ туземныя преданья. Третья книга переплетаетъ миѳы съ историческими фактами. Вождь народа, богъ Бели, предпринимаетъ здѣсь съ братомъ своимъ Бренніемъ великій походъ на Римъ; мѣста, гдѣ было распространено служеніе этому богу, становятся поприщемъ его ратныхъ подвиговъ, и римская исторія вращивается такимъ образомъ въ кельтійское сказанье. Сначала Бренній возсталъ-было противъ своего брата, царя Бели, былъ изгнанъ изъ Альбіона, нашелъ убѣжище въ Галліи, и возстановилъ ее противъ родного края; но мать указала ему на носившую его утробу, на груди, вскормившія его молокомъ, и примирила братьевъ; тогда полчища Бритовъ и Галловъ соединились между собою для того чтобы завоевать Римъ. Далѣе, съ туземными воспоминаніями соединяются извѣстія Цезаря, Светонія, Орозія, разсказано обращеніе къ христіанству. Но когда вконцѣ 4-го столѣтія удалились съ острова римскіе легіоны, тогда Вортигернъ призвалъ Саксовъ Генгиста и Горсу на помощь противъ вторженія Скоттовъ и Пиктовъ, и пришлецы-пособники крѣпко утвердились въ Англіи. Начиная отсюда, изложеніе становится все цвѣтистѣе, отличаясь эпической наглядностью, обстоятельностью и полнотой. На сцену выступаетъ чародѣй Мерлинъ, и прорицаніями его наполненъ весь седьмой отдѣлъ книги. Готфридъ признается самъ, что обдѣлалъ его по одному стихотворенію (стиху). Древнѣйшія изъ прорицаній носятъ на себѣ явный слѣдъ того, что составлены уже по совершившемся дѣлѣ: такъ, напримѣръ, о Норманнахъ говорится какъ о народѣ, который прійдетъ на Саксовъ въ деревѣ и желѣзныхъ рубахахъ (то-есть на корабляхъ и въ броняхъ); далѣе многое предвѣщается въ формѣ видѣній, которыя уподобляютъ человѣческую исторію особенно битвамъ драконовъ, орловъ, вепре́й, и, по своей мистичности, легко могутъ быть пріурочены такъ или иначе къ дѣйствительному ходу событій; вотъ почему цѣлый рядъ вѣковъ заглядывалъ то съ ужасомъ, то съ радостнымъ удивленіемъ въ эти прорицанья, считая ихъ за волшебное зеркало, ясно отражающее современныя дѣла.

Мы подошли теперь къ артуровымъ подвигамъ, подробно разсказаннымъ въ нѣсколькихъ отдѣлахъ. Король Утеръ воспылалъ любовью къ Ингернѣ, супругѣ Горлойса Корнубійскаго, и во время возникшей изъ-за этого войны Утеръ, благодаря чародѣйному искусству Мерлина, посѣщаетъ въ видѣ Горлойса свою милую, которая и зачала отъ него Артура. Это напоминаетъ Зевса съ Алкменою и происхожденіе Иракла; помоему всего вѣроятнѣе тутъ осадокъ изъ кельтійской миѳологіи. Горлойсъ между тѣмъ палъ въ битвѣ, твердыня его разрушена, и Утеръ женился на Ингернѣ. Уже по пятнадцатому году Артуръ, образецъ храбрости, щедрости, красоты, вѣнчается на царство. Съ помощью племянника своего, Гоэля Арморикансксаго, одолѣваетъ онъ Германцевъ, зажигаетъ лѣсъ, куда они укрылись, и даруетъ имъ потомъ миръ. Но они сами его нарушаютъ, и тогда, вооружась копьемъ своимъ, Рономъ, мечемъ Калибурномъ и щитомъ Прайвеномъ, Артуръ одинъ одинешенекъ поражаетъ 470 враговъ въ другомъ рѣшительномъ бою. За-

тѣмъ властвуетъ онъ кроткимъ побѣдителемъ, строитъ церкви и города, и покоряетъ Шотландію, Исландію, Готландію. Слава его распространяется вездѣ, всѣ лучшіе люди начинаютъ одѣваться и вооружаться, какъ артуровы рыцари. Норвегія признаетъ надъ собой его власть, Галлія имъ завоевана, и управлявшій ею, римскій трибунъ Флоллонъ, сраженъ рукою Артура въ поединкѣ на одномъ островѣ, гдѣ они случайно повстрѣчались и рыцарски бились съ перемѣннымъ счастіемъ. Послѣ этого Артуръ сзываетъ къ Троицыну Дню на сеймъ и праздникъ всю знать покоренныхъ имъ земель въ Гламорганцію, что́ въ Вельсѣ, и принимаетъ здѣсь вѣнецъ верховнаго владыки всему царству. Пирушки, игры, турниры слѣдуютъ одни за другими въ присутствіи очаровательныхъ женщинъ. Тогда римскій императоръ объявляетъ ему войну, и Артуръ вооружаетъ Западъ, а противъ него выступаетъ на бой Азія и вся остальная Европа. Это борьба двухъ частей свѣта, какъ оно было въ крестоносныхъ войнахъ. Артуръ передаетъ управленіе краемъ племяннику Мордреду и женѣ своей, Гангумарѣ, и моремъ пускается въ походъ. Одинъ испанскій великанъ похитилъ племянницу Гоэля; она дѣвственно умерла, борясь противъ его насилія, и Артуръ поспѣшилъ за нее отмстить. Потомъ одерживаетъ онъ побѣду надъ Римомъ, но вдругъ приходитъ вѣсть, что Мордредъ соединился въ преступной любви съ Гангумарой (Гвенгвиварой, Гиноферой). Король возвращается назадъ, соблазнитель передъ нимъ бѣжитъ, невѣрная жена вступаетъ въ монастырь, Артуръ преслѣдуетъ Мордреда и получаетъ въ бою съ нимъ смертельную рану; его везутъ лѣчиться въ Авалонъ, и въ 542-мъ году онъ тамъ умираетъ. Готфридъ продолжаетъ потомъ исторію двухъ слѣдующихъ столѣтій въ короткихъ, бѣглыхъ чертахъ, тогда какъ сказанье объ Артурѣ изложено у него во всей подробности. Тутъ уже отражается въ ней чопорный дворскій чинъ и рыцарскій обычай норманискихъ государей, а въ цѣломъ господствуетъ еще оттѣнокъ богатырства; творческое вѣяніе народнаго духа даетъ еще знать себя тамъ и сямъ. Санъ-Марте, ко многому, что онъ сдѣлалъ для сказаній объ Артурѣ и о св. Гралѣ, присоединившій еще заслугу новаго изданія Готфридовой хроники, выяснилъ, что она вовсе не пустое субъективное баснословіе, а дѣйствительно сборникъ и обработка древнекельтскихъ воспоминаній, указавъ въ вельсской литературѣ имена мѣстностей и лицъ, а также и разныя подходящія черты повѣствованія. Было конечно недоразумѣніемъ принимать эту хронику за подлинную исторію, и оспоривать это критика была въ полномъ правѣ; но именно тотъ путь опроверженія, на какой скоро вступилъ Вильямъ Момберійскій, свидѣтельствуетъ въ пользу живости сообщеннаго Готфридомъ преданія: онъ гонитъ изъ исторіи все то, что̀, какъ бы запечатлѣвшись въ самой душѣ народа, баснословилось объ Артурѣ чисто уже лишь на память. Очень можетъ быть, что, напримѣръ, похищеніе у него жены во время его отсутствія мы будемъ въ правѣ отнести на долю миоа, часто уже встрѣчавшагося намъ и прежде, между прочимъ въ отношеніи къ Карлу Великому; достовѣрно, что увозъ Артура въ Авалонъ, гдѣ принимаетъ его на вылѣчку сирена изъ края вѣчной юности и вѣчнаго веселья, фея Моргана, есть лишь отголосокъ древняго веснобога и солнобога, на возвратъ котораго уповаетъ народъ: только теперь, въ качествѣ богатыря, онъ самъ долженъ принести народу его весну.

Для развитія поэзіи было важно, что вслѣдъ за тѣмъ такой рыцарственный герой и покровитель искусства и науки, какъ король англійскій Генрихъ II, обладалъ въ тоже время большою частію сѣверной и южной Франціи (1154—89). При дворѣ его сходились поэты Прованса, Фландріи и Нормандіи, сообщали другъ другу и древнія преданія, и новыя произведенья, и въ тѣ дни, когда Ричардъ Львиное Сердце переживалъ свои похожденія, эпосъ объ Артурѣ сдѣлался уже только рамой для картины личныхъ подвиговъ и чувствъ свѣтскаго рыцарства вообще. Когда рыцари стали выѣзжать на турниры для того, чтобы вмѣстѣ съ наградой за побѣду пріобрѣсть въ счастливомъ случаѣ и руку какой-нибудь красавицы, когда пускались въ походы съ тѣмъ, чтобы участвовать въ войнѣ на чужбинѣ и наполнять славою своихъ подвиговъ и близь и даль, тогда воображеніе не замедлило возвести это стремленье на степень того странствующаго рыцарства, которое, пользуясь вполнѣ свободнымъ въ жизни положеніемъ, покидало родной край, выѣзжало на удалыя похожденія, вступало съ каждымъ встрѣчнымъ въ честный бой, предлагало свою помощь и защиту женщинамъ, любой угнетенной невинности, и подконецъ, въ награду за все это, добывало, кромѣ славы, еще руку и земли какой-нибудь царственной владычицы. Люди, о комъ съ похвалою отзывался Готфридъ, каковы напримѣръ Вальгенъ, Ивентъ, Мель, стали, подъ именемъ Гавана, Ивейна, Ланцелота, представителями этого направленія, а самъ Артуръ постояннымъ центромъ своего Круглаго Стола. Заодно съ своей супругой держитъ онъ въ Керлинѣ (Kaerleon) дворъ изо ста храбрыхъ рыцарей и прекрасныхъ дамъ, которые всѣ щеголяютъ утонченнымъ вѣжествомъ; его сенешалъ, или главный дворецкій, Кексъ, не то Ке, строго блюдетъ за всѣмъ церемоніаломъ, какъ олицетвореніе дворской чинности и порядковъ. Двѣнадцать рыцарей, благороднѣйшіе изъ благородныхъ, сидятъ съ государемъ за круглымъ столомъ (гдѣ нѣтъ ни верхняго конца, ни нижняго), опоры и оберегатели рыцарскаго долга, рыцарскаго права, чести рыцарской; поэтому ежедневно и ежечасно призываются они на защиту невинности, на борьбу за женщинъ, на службу рыцарской любви, для усмиренія буйныхъ удальцовъ, для одолѣнія великановъ, пигмеевъ, для освобожденія узниковъ, и наконецъ для развлеченія общества пересказами о своихъ похожденьяхъ. Личная слава, чувственная любовь, сантиментальная мечтательность заступили здѣсь мѣсто великихъ національныхъ подвиговъ и патріотическаго чувства. Но и тутъ не все принадлежитъ вольному вымыслу, и тутъ дѣйствительные переживы служатъ поводомъ изукрашающему творчеству, и тутъ лежатъ въ основѣ древнія преданья. На старокельтійскій свой источникъ указываютъ тѣ повѣсти, которыя подъ именемъ Мабиногіона или Сказокъ изъ Красной книги Херагеста изданы были по англійски леди Шарлоттой Гестъ (Guest). Тутъ встрѣчаются намъ битвы съ чудищами, великанами, бѣсовскимъ отродьемъ; тутъ властвуетъ одна грубая, разнузданная сила, необлагороженная еще вѣрою и рыцарственностью крестовыхъ походовъ, нравы стараго Вельса и старой Бретани не утончены еще дворскимъ вѣжествомъ; тутъ мы видимъ тѣхъ черныхъ лѣсныхъ людоѣдовъ, тѣхъ благодѣтельныхъ фей, тѣ чудесные источники и тѣ чародѣйственные камни, которыми такъ любила поиграть многородная фантазія истыхъ Кельтовъ; вкругъ исторически извѣстныхъ временъ обвиваются здѣсь цѣлой вязью своенародные образы

естественныхъ миѳовъ и пестрыя грезы фантазіи. Въ томъ видѣ, въ какомъ разсказы эти дошли до насъ, они записаны не ранѣе конца 14-го вѣка, но ошибочно было бы заключать отсюда, что это не болѣе какъ обратные переводы французскихъ же опять рыцарскихъ стиховъ; тутъ нѣтъ ни какой связи съ былиной о св. Гралѣ, нѣтъ задняго плана, коренной основы дворско-рыцарскаго побыта. Многое вошло въ нихъ, пожалуй, и изъ позднѣйшихъ изображеній, но дѣло въ томъ, что тѣ и другіе хранились бокъ-о-бокъ въ устахъ народа, такъ же, напримѣръ, какъ преобразовавшаяся въ народной молвѣ былина про Зигфрида перешла въ побывальщину о роговомъ (т. е. рогобронномъ) Зигфридѣ и въ сказку о колючей розѣ (Dornröschen, шиповникѣ), которыя однакожь обработаны вовсе не по пѣсни о Нибелунгахъ и не по рыцарскому изводу этого сказанія. Кельтійская народная вѣра пополамъ съ суевѣріемъ, обратившійся въ богатырскую былину и въ сказку миѳъ Кельтовъ вошли теперь пестрымъ и обильнымъ матерьяломъ въ романскую и германскую поэзію. Заповѣдныя деревья, заколдованные родники, перстни съ чародѣйственною силой, драконы и великаны отчасти возбуждали воображеніе своей новизной, отчасти напоминали собой какъ бы что-то очень близкое, родное *; чувственная любовь, готовность на всякія жертвы, страсть къ похожденіямъ всего высшаго сословія того времени встрѣчались ему опять и въ бретанскихъ сказаніяхъ, которыя поэтому представляли для него самое пріятное времяпровожденье, а между тѣмъ въ таинственномъ заднемъ фонѣ этой яркопестрой картины вдумчивая душа всегда могла вычуять какой-то болѣе глубокій смыслъ, и чѣмъ менѣе своенародны были эти разсказы во Франціи, Германіи, Италіи, тѣмъ легче можно было передѣлывать ихъ по новому рыцарскому обычаю, вдохнуть въ нихъ духъ 12-го вѣка, выставить Круглый Столъ образцомъ вѣжественнаго общества. Въ провансальской лирикѣ впервые сказалась прямо-поэтически боевая и душевная жизнь рыцарей; теперь нуждалась она еще въ эпическомъ изложеніи; любовная служба стала главнымъ дѣломъ и для послѣдняго, такъ что съ тѣхъ поръ не могъ обойдтись безъ любви ни одинъ романъ. Наконецъ появилось нѣсколько крупныхъ поэтовъ, которые съ яснымъ уже сознаніемъ подвели въ основу этимъ многократно обработаннымъ матерьяламъ одну какую-нибудь общую мысль, но ней обрисовали характеры, овиннословили событія, и возвысили такимъ образомъ свои произведенія на степень свободно-идеальныхъ созданій: таковы Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и Готфридъ Страсбургскій.

Одни и тѣ же сюжеты часто повторяются въ сѣверной и въ южной Франціи, въ Англіи и въ Германіи, въ Италіи и въ Скандинавіи, въ самой даже Греціи, а ближайшимъ разыскаліемъ выяснилось какъ нельзя лучше, что именно тамъ, гдѣ Кельты сошлись съ Норманнами, въ сѣверной Франціи, выработавшей рыцарскій бытъ со всѣмъ его чиномъ и обиходомъ, совершены и первые шаги къ поэтической обформкѣ артуровой былины. Короткіе стихи въ четыре повышенія, риѳмующіе одинъ съ другимъ, всего лучше шли для легкаго, короткаго разсказа, и они-то примѣнялись къ этимъ рыцарскимъ повѣстямъ, тогда какъ напротивъ большой, широкій потокъ народно-эпиче-

---

* Не такую же ли приблизительно роль играли проникавшія къ намъ впрочемъ устною только передачей среднеазійскія былины и сказки? Прим. перев.

ской поэзіи создалъ потребный для него болѣе полный и широкій стихъ, какимъ въ Средніе Вѣка былъ стихъ chansons de geste, александрійскій, и близко подходящая къ нему строфа Нибелунговъ.

Главнымъ верховодомъ въ этого рода стихотворствѣ является необыкновенно дѣятельный и плодовитый сѣверно-французскій поэтъ, Кретьенъ де-Труай, во второй половинѣ 12-го столѣтія. Какъ онъ обработалъ кельтійскіе сюжеты и сообщилъ имъ рыцарственный пошибъ, такъ и перешли они въ другіе языки благодаря переводчикамъ-стихотворцамъ; примѣру его ревностно послѣдовала Франція, а за ней и вся западная Европа въ разныхъ другихъ разсказахъ. По средневѣковому искусственному эпосу недостаетъ главнымъ образомъ той духовной перспективы, которая выдвигаетъ впередъ и подробно разработываетъ только истинно-значительное, удерживая на заднемъ планѣ и обдѣлывая короче и легче все побочное, эпизодическое. Въ немъ, напротивъ, все выполняется въ одномъ и томъ же тонѣ, излагается на одинъ и тотъ же ладъ, часто кажущійся намъ то слишкомъ скуднымъ, недостаточнымъ, то уже черезчуръ подробнымъ, до утомительности. Вмѣсто того чтобъ ставить главный предметъ въ средоточіи, развивать его съ осязательной полнотой, группировать вокругъ него все остальное, намекать на него оглядками на прошлое и забѣгами въ будущее, онъ заставляетъ насъ сопровождать героя черезъ всю его жизнь, и тамъ гдѣ слѣдовало бы ожидать искусной обрисовки характера, намъ представляютъ его уже заранѣе подготовленнымъ свойствами родителей, такъ что судьба послѣднихъ выходитъ неизбѣжнымъ вступленіемъ въ его исторію и предшествуетъ ей въ самомъ дѣлѣ. Дать разсказать это въ приличномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ дѣйствующія лица сами могутъ выяснить сущность дѣла или гдѣ она, съ своей стороны, могла бы на нихъ положительно повліять,—это вовсе не входитъ въ соображеніе такого рода поэтовъ. Разсмотримъ нѣкоторыя черты въ частности, способныя ближе познакомить насъ съ цѣлымъ родомъ и обычнымъ въ немъ пріемомъ вообще.

„Ивейнъ рыцарь со львомъ“ Гартмана фонъ-деръ Ауэ былъ вконцѣ 12-го вѣка изъ числа нѣмецкихъ „вѣжественныхъ“ разсказовъ такимъ, который своимъ ловкимъ изложеніемъ, легкостью и естественностью рѣчи и въ серьёзныхъ и въ шуточныхъ вещахъ, мѣрою и мягкостью въ подробностяхъ и въ цѣломъ, долженъ былъ особенно нравиться образованному обществу; его охотно читали и хвалили даже и со времени возобновленія средневѣковой нѣмецкой литературы. Кто обратитъ сердце къ настоящей добротѣ, тому достанется въ удѣлъ счастіе и почесть,—вотъ мысль, которую поэтъ высказываетъ вначалѣ и вконцѣ и проводитъ черезъ все произведеніе. Долго ставили въ заслугу Гартману умѣніе бережно прикрыть всѣ жесткости и наготы былины, его тонкія сужденья и милыя разъясненія о могуществѣ рыцарской любви; но изданіе французской поэмы доказало ясно, что все это было уже прежде у Кретьена де-Труай. Правда, и у него мало еще знанія человѣческаго сердца, живопись души еще слаба; болѣе видно желаніе блеснуть щегольствомъ, оружіемъ, выборомъ диковинныхъ событій. Старый матерьялъ, какимъ онъ предстаетъ намъ въ Красной книгѣ, собственно вовсе еще не организованъ; Кретьенъ вточности держится древняго пересказа, вставляя

только тамъ и сямъ какое-нибудь приключеніе и, въ угоду нравамъ своего времени, придавая болѣе подробности всѣмъ вообще любовнымъ сценамъ.

Артуръ любилъ смертельно май,
И все, что ни предпринималъ,
Къ дню Троицы онъ пригонялъ,—

говоритъ Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, относясь не безъ ироніи къ однообразію былинъ объ Артурѣ; я же, напротивъ, вижу въ этомъ доказательство что первоначально стоялъ тутъ солнобогъ, что его побѣдное шествіе, его лѣтній поворотъ, удаленіе на зиму и весеннее опять возвращенье, пріурочены къ богатырю, жившему въ памяти народа. Что и въ лицѣ Ивейна отзывается кельтійскій веснобогъ, это вполнѣ выяснено Остервальдомъ. Овейнъ —имя многовоспѣтаго бардами, уріэнова сына, который изъ борца за родину становится рыцаремъ-похожденцемъ. Какъ англійскій источникъ, такъ равно французскій и нѣмецкій поэты начинаютъ разсказомъ про артуровъ дворъ такой исторіи, которая вызвала Ивейна благополучно совершить то, что не удалось ни кому другому. Въ брезиліандскомъ лѣсу есть ключъ подъ одной зеленой липою (міровымъ древомъ); если зачерпнуть изъ него ковшомъ воды и вылить ее въ каменную чашу, тотчасъ же меркнетъ небо, подымается гроза съ дождемъ и градомъ, а потомъ все опять проясниваетя, птицы затягиваютъ по вѣткамъ свои пѣсни, но тутъ-то именно является владѣтель сосѣдняго зáмка, и необходимо вступить съ нимъ въ бой. Ивейнъ выдержалъ страшный поединокъ, онъ преслѣдуетъ противника въ крѣпкій его домъ, и тамъ попадаетъ сперва въ заточеніе, но, избавленный кольцомъ-невидимкой, пріобрѣтаетъ потомъ сердце и руку жены убитаго имъ супостата. Подъемъ водяныхъ паровъ изъ глубины, сгущеніе ихъ въ небесной чашѣ и низверженіе въ потокахъ дождя,—все это представляется здѣсь въ видѣ символическаго дѣйствія, которое по народному повѣрью волшебно влечетъ за собой явленія природы. Ивейнъ производитъ первую вешнюю грозу, вызывающую зимняго великана помѣриться съ нимъ силами; онъ освобождаетъ прекрасную богиню земли изъ крѣпкой ея (ледяной) твердыни и вступаетъ съ ней въ супружество. — Ивейнъ сталъ теперь хранителемъ дивнаго ключа; приходитъ Артуръ съ своей дружиною и наливаетъ воды въ чашу; Ивейнъ сшибаетъ богатыря Кея, но потомъ открывъ, кто онъ, самъ радушно угощаетъ друзей. Гаванъ, по прозванію Гвальхмай, боевой соколъ, какъ въ историческомъ сказаніи, такъ и въ пѣсняхъ бардовъ, увѣщеваетъ Ивейна не облѣниться, не забыть въ домашнемъ супружескомъ счастіи удалого рыцарскаго дѣла, и тотъ отпрашивается на годъ въ отлучку у жены; въ залогъ возврата она даетъ ему чудодѣйный перстень. Скоро проходитъ срочный годъ въ ратныхъ подвигахъ Ивейна съ Гаваномъ; богатырь сидитъ за Круглымъ Столомъ; вдругъ является посланная отъ жены его, упрекаетъ его въ забывчивости, снимаетъ кольцо у него съ руки; вслѣдствіе этого онъ лишается разсудка, разрываетъ на себѣ платье и живетъ полунагой въ лѣсу, пока не повстрѣчали его тамъ три женщины и не вылѣчили мазью феи Морганы. Левъ, освобожденный имъ изъ пасти дракона, становится оттолѣ вѣрнымъ его спутникомъ и соратаемъ. Ивейнъ прежде всего доказываетъ благодарность своимъ спа-

сительницамъ тѣмъ, что побѣждаетъ врага ихъ. Потомъ онъ опять идетъ къ источнику и впадаетъ тамъ въ глубокую грусть; жалобы рыцаря слышитъ горничная жены его, постоянно ему помогавшей и обреченной теперь на сожженіе, если не вступится за нее храбрый боецъ. Прежде чѣмъ сдѣлать это, онъ одолѣваетъ великана Гарпина; потомъ освобождаетъ королевенъ, сидѣвшихъ въ уединенномъ за́мкѣ за пряжей и тканьемъ, и бьется цѣлый божій день за одну изъ дочерей владѣльца чернаго тернія съ Гаваномъ, который отстаиваетъ права другой дочери: сестры поссорились между собой за наслѣдство. Квечеру бойцы объявляются другъ другу, и Артуръ ихъ примиряетъ. Тогда Ивейнъ снова зачерпнулъ воды изъ завѣтнаго ключа; у жены его все еще нѣтъ заступника; рыцарь со львомъ, котораго она ищетъ, онъ самъ именно и есть; и вотъ прежніе любовники соединяются новою опять любовью. —Во львѣ, рѣшающемъ всѣ битвы Ивейна, готовомъ пасть на мечь своего хозяина, когда этотъ мнится ему мертвымъ, предстаетъ намъ противень богатыря, стародавній символъ солнца; ткачихи-королевны, которыхъ освобождаетъ послѣднее,—это зиждущія втайи силы природы, заточенныя холодною зимой. Ивейнъ разстается съ женой, какъ солнечное тепло съ землею, потомъ самъ впадаетъ въ зимній сонъ, теряется для самаго себя, но съ новымъ годомъ, съ новымъ вызовомъ на богатырскіе подвиги, обрѣтаетъ опять свою милую жену.

Еще до Ивейна Гартманъ воспроизвелъ по французскому образцу Кретьена стихъ «Эрекъ и Энида». И тутъ въ основаніи лежитъ бретонскій же разсказъ: ботатырь въ объягіяхъ любви забываетъ славу, залеживается; жена сама побуждаетъ его выѣхать опять на подвиги, а ему думается, она дѣлаетъ это изъ склонности къ другому; такимъ образомъ похожденія его становятся вмѣстѣ и испытаніями любви къ ней. Кретьенъ очень художественно подбираетъ здѣсь заключительное дѣйствіе, составляющее полную противоположность предъидущему: тутъ бой затѣвается съ такимъ рыцаремъ, котораго жена ни какъ отъ себя не отпускала, развѣ ужь кто-нибудь одолѣетъ его у ней на глазахъ.

Жизнь Ланцелота представляется намъ и до сихъ поръ въ грубой еще нѣмецкой обработкѣ Ульриха фонъ-Цацикофена, который источникъ для нея нашелъ у Гюгона де-Морвилля, когда тотъ данъ былъ герцогу Леопольду австрійскому въ заложники за Ричарда Львиное Сердце; на французскомъ сохранился позднѣйшій, очень распространенный и многократно переведенный сборникъ, въ который вставленъ также и разсказъ Кретьена про рыцаря съ колымагой. У Ульриха недостаетъ еще того, что̀ впослѣдствіи стало главнымъ тутъ дѣломъ,— именно любви Ланцелота къ Жиневрѣ, женѣ Артура. Санъ-Марте дѣлаетъ очень вѣроятнымъ, что l'Anzelot (слуга) просто переводъ слова Mael, и указываетъ въ хроникахъ на короля этого имени, который изображается стольже храбрымъ и прекраснымъ, сколько и безнравственнымъ. По британскому сказанію, героя еще мальчикомъ похищаетъ морская фея Вивіана и воспитываетъ въ своемъ хрустальномъ дворцѣ. Тамъ, силой чудодѣйственныхъ камней придается ему веселый нравъ, не покидающій его даже и въ напасти, придается такая любезность, которая влечетъ къ нему всѣ женскія сердца. Жиневра является въ былинѣ далеко не вѣр-

ною женой; чудный плащъ, который впору только добродѣтельной, турій рогъ, изъ котораго не облившись можетъ пить одна цѣломудренная, выдаютъ шалунью; волей и неволей увозятъ ее въ разныхъ романахъ разные рыцари, —между прочимъ Мордредъ, какъ говорилъ еще Готфридъ. Ульрихъ фонъ-Цацикофенъ называетъ въ томъ числѣ Валерина, Кіотовъ Парсеваль—Клингзора, но всѣхъ больше выдается Ланцелотъ, который, какъ членъ Круглаго Стола, завелъ преступную связь съ королевой: обоихъ осуждаютъ на смертную казнь, но они спасаются вмѣстѣ бѣгствомъ; Артуръ гонится за ними, разыскиваетъ ихъ цѣлый годъ; дѣло доходитъ до битвы, порѣшаемой однимъ святымъ; Ланцелотъ передъ нимъ отступаетъ и идетъ въ пустыню на покаяніе. Въ нѣмецкомъ стихѣ множество и другихъ еще приключеній, но сквозь нихъ не проходитъ ни одна мысль, которая уряжала бы все это по какому-нибудь плану. Гервинусъ справедливо негодуетъ на тупость нравственнаго чувства, когда тамъ разсказывается какъ о чемъ-то самопонятномъ, что дочери или жены милуются съ Ланцелотомъ послѣ того, какъ онъ кинулъ на смерть ножомъ въ отца, наповалъ убилъ мужа. Будь это первоначально и естественные миѳы, все же при переносѣ ихъ на людей слѣдовало бы однако посмягчить такую жесткость человѣчно-нравственными чувствами. Для оцѣнки по заслугамъ такихъ даже поэтовъ, какъ Вольфрамъ и Готфридъ, надобно имѣть въ виду то, что̀ Гервинусъ говоритъ далѣе, и что̀ одинаково приложимо и къ грубымъ первозачаткамъ, и къ позднѣйшимъ сборникамъ, въ которыхъ жадное до фактовъ поколѣніе, при упадкѣ рыцарства, искало себѣ развлеченья, не будучи уже способно къ благородному художественному наслажденію: лишь бы говорилось что-нибудь новое о старомъ Артурѣ, или что-нибудь старое о новомъ героѣ,—въ этомъ все и дѣло. Нѣтъ здѣсь интереснаго событія, нѣтъ чувства ни въ поэтѣ, ни въ его созданіяхъ, нѣтъ завершающаго конца цѣлому; одна только механическая нанизь диковинныхъ пустяковъ, безъ наглядности въ изложеніи, безъ устраненія однѣхъ лишь простыхъ случайностей, безо всякой необходимой связи. Тутъ нѣтъ ни чего, что̀ могло бы увлечь или одушевить крѣпкое, мужественное сердце, ни одного крупнаго характера, ни какой высшей умственной или душевной борьбы въ судьбахъ людскихъ, ни какого подымающаго величія. Весь ходъ приключеній отъ начала до конца, не смотря на всѣ женскія прихоти, уряжается какъ по какому-нибудь церемоніалу; вы знаете всегда напередъ, какой оборотъ приметъ дѣло, а потому и добрая и злая судьба дѣйствующихъ лицъ оставляетъ васъ почти вовсе безучастнымъ. Вмѣсто какого-нибудь Гагена съ его демонически-страшной возвышенностью, вмѣсто Ганелона съ его всегда раздраженнымъ и губительнымъ коварствомъ, здѣсь является какой-нибудь Кей, жалкій брехунъ и сплетникъ, способный вредить только языкомъ и нарушить спокойствіе порядочнаго общества пересудами и болтовнею. При этомъ однакожь особенная любовь къ описанію празднествъ и нарядовъ, что̀ вызываетъ насмѣшку со стороны Готфрида Страсбургскаго: пусть, говоритъ онъ, о турнирѣ поразскажутъ оруженосцы, подбиравшіе осколки изломанныхъ копей; даже Виритъ фонъ-Гравенбергъ шутливо проситъ въ своемъ «Вигалуа́» не пенять на него за то, что онъ такъ славно наряжаетъ своихъ дамъ: ему вѣдь ровно ни чего не стоитъ вьючить на нихъ цѣлые груды прикрасъ и оборокъ. Это — свѣтлая го́лова, говоря вообще; онъ от-

четливо противопоставляетъ себя своему предмету; сопровождаетъ описываемыя происшествія своими соображеніями, и этимъ, съ одной стороны, ведетъ насъ къ размышляющей поэзіи, а съ другой—къ такимъ уже стихотворцамъ, которые оформливаютъ данный сюжетъ по своему собственному міросозерцанію и воплощаютъ въ немъ ту или другую идею.

СКАЗАНІЕ О ГРАЛѢ (СВ. ЧАШѢ) И ВОЛЬФРАМЪ ФОНЪ-ЭШЕНБАХЪ.

Граль былъ источникъ всякой благодати,
Рогъ изобилія всѣхъ жизненныхъ отрадъ;
Что повѣствуютъ намъ о царствіи небесномъ,
Почти то самое рождалъ онъ на землѣ.

Граль земное благо въ сіяніи вѣчнаго, райское блаженство, вѣнецъ всѣхъ земныхъ желаній, какъ поетъ объ немъ Вольфрамъ. Этотъ блестящій дорогой камень—прямо лучезарный символъ романтики. Скристаллизовавшіеся въ немъ элементы обличаютъ свое восточное и западное, христіанское, могаммеданское и языческое происхожденіе. Завершитель этого стиха, Вольфрамъ, ссылается, какъ на источникъ его, на Провансала, Кіота, и на звѣздочета Флегетаниса, сына какого-то Араба отъ одной Еврейки; мѣсто былины въ Испаніи и въ южной Франціи, анжуйская хроника ведетъ прямо къ Титурелю и Фримутелю, блюстителямъ Граля; въ Испаніи стоитъ Монсальважъ, то-есть гора спасенія, съ крѣпкимъ зáмкомъ или твердыней, гдѣ хранится Граль. Древніе Арабы чтили священные, упавшіе съ неба камни, какъ посредниковъ между Богомъ и людьми; Индійцы говорятъ о рощѣ Криданѣ на хребтѣ Синтантѣ, гдѣ живутъ всякая премудрость, миръ и тишина; Персы и Іудеи толкуютъ о раѣ, гдѣ исполнены всѣ надежды, удовлетворены всѣ желанія; восточныя, греческія и нѣмецкія сказки повѣдываютъ о самонаполняющихся кубкахъ, о самонакрывныхъ столахъ, Кельты же — о котлѣ или чанѣ Сэридвены, въ которомъ она варитъ напитокъ вдохновенія, прорицая по кипящей его пѣнѣ, когда она забьетъ ключомъ. Во время крестовыхъ походовъ могли дѣйствительно слиться вмѣстѣ всѣ различные эти голоса, и на первыхъ же порахъ встрѣчаемъ мы былину въ двухъ изводахъ или редакціяхъ, въ южной и въ сѣверной. По южной, драгоцѣнный камень выпалъ изъ вѣнца Луцифера, перваго изъ сотворенныхъ свѣтодуховъ, когда онъ возмутился противъ Создателя; Вольфрамъ называетъ его просто Камнемъ Господнимъ, небеснымъ клейнодомъ, который ангелы держали сперва навѣсу, а потомъ опустили на землю, гдѣ чистѣйшіе и благороднѣйшіе рыцари сдѣлались его слугами и блюстителями, а чистѣйшія и благороднѣйшія дѣвы—носительницами. Каждую Великую Пятницу бѣлый голубь приноситъ

съ неба частицу св. Даровъ и полагаетъ ее на Граль, отчего онъ пріобрѣтаетъ силу производить все, что̀ есть на землѣ лучшаго по части питія и пищи; блюда тѣхъ, кто сядетъ за его столъ, наполняются сами собою, а кто на него взглянетъ, тотъ на вѣкъ сохранитъ тогдашній цвѣтъ лица и волосъ, тотъ въ этотъ день не умретъ, сколько бы послѣ ни жилъ. Этимъ камнемъ, прибавляетъ Вольфрамъ, сожигается птица фениксъ, чтобы возродиться потомъ еще прекраснѣе; такъ изъ смерти изводитъ онъ высшую жизнь, по слову Христа Спасителя: Кто увѣруетъ въ меня, тотъ будетъ живъ, хотя бы и умеръ. Граль ниспосланъ Богомъ Отцомъ, въ голубѣ присущъ Духъ Святой, а въ частицѣ—Іисусъ Христосъ; оттого безцѣнный камень этотъ—святыня, наглядно представляющая царство божіе, онъ—символъ верховнаго блага.

По сѣверному изводу, котораго держался Кретьенъ Труайскій, Граль (что собственно значитъ сосудъ) называется чашей, изъ которой Христосъ принималъ св. вечерю, и въ которую потомъ Іосифъ Аримаѳійскій собралъ кровь Спасителя у креста; по многихъ странствіяхъ Граль доходитъ въ Британнію, въ Камелотъ, гдѣ сынъ Эброна, Аленъ (Alain), богатый рыболовъ, строитъ для него за̀мокъ. Тутъ онъ вводится въ былину Мерлина и Артура, и зовется уже золотою чашей св. вечери; Іосифъ Аримаѳійскій поставилъ ее будтобы на столъ, за которымъ всегда есть мѣсто для однихъ добрыхъ, а Іудино навѣки остается пустымъ. Сосудъ, говоритъ Мерлинъ Утеру, правда ушелъ съ своими блюстителями на Востокъ, но ты, король, всегда держи Круглый Столъ по его образу и подобію. — Въ разгаръ гоньбы за святыми останками, съ Востока вмѣстѣ съ запасомъ нешвенныхъ ризъ была вывезена не одна святая чаша, и донынѣ еще Генуэзцы хвалятся тѣмъ, что въ Іоанновской часовнѣ ихъ собора хранится настоящій Граль, добытый при взятіи въ 1101 году Цезареи (Кесаріи), — шестигранный сосудъ изумрудно-зеленаго стекла, подаренный будто бы царицей савской Соломону и принесенный въ Цезарею Іосифомъ Аримаѳійскимъ послѣ Тайной Вечери.

Странствія блюстителей Граля напоминаютъ намъ переходы Іудеевъ съ ковчегомъ завѣта, и подобно тому какъ послѣдній нашелъ себѣ вѣрный пріютъ въ храмѣ Соломоновомъ, такъ точно пріютился наконецъ и Граль въ бретонскомъ за̀мкѣ, въ нагорномъ храмѣ Monсальважа. Описаніе послѣдняго, какое даетъ во второй половинѣ 13-го вѣка нѣмецкій Титурель, заслуживаетъ нашего вниманія какъ любопытная фантастическая постройка той эпохи. Когда Титурель выровнялъ горную скалу, онъ нашелъ на ней однажды утромъ начертанный планъ, совершенно уже готовый. Это—готическое центральное сооруженіе, ротунда, окруженная 72-мя осьмиугольными часовнями; надъ каждыми двумя изъ нихъ высится по осьмиугольной башнѣ увѣнчанной кристальнымъ крестомъ, надъ которымъ золотой орелъ распростеръ крылья; средняя башня вдвое выше 36-ти окружающихъ. Внутрь храма ведутъ трое воротъ, съ запада, полудня и сѣвера; сводъ представляетъ голубое звѣздчатое небо, по которому золотое солнце и серебряный мѣсяцъ идутъ съ звучнымъ гуломъ; полъ подобенъ морю, сквозь кристаллъ его сверкаютъ рыбы и другія морскія животныя; по стѣнамъ высятся золотыя деревья съ птицами, въ промежуткѣ цвѣтутъ розы и лиліи. Столпы украшены

ликами пророковъ, апостоловъ и святыхъ. Окна всѣ изъ пестрыхъ самоцвѣтныхъ камней; золотыя паникадила съ горящими свѣчами висятъ съ потолка часовень. Среди храма стоитъ сколокъ его въ маломъ видѣ, ковчегъ Граля.

Блюстителями этого сокровища — рыцари, посвятившіе силу свою службѣ божіей: такъ было оно и въ крестовыхъ походахъ, когда образовались ордены, соединявшіе въ себѣ воина съ монахомъ, священнослужителя съ бойцомъ, — напримѣръ храмовники (тампліеры). Жизнь ихъ Бернардъ Клервальскій называетъ двойственною борьбой, съ одной стороны — противъ внѣшняго супостата, съ другой — противъ вражьей силы въ собственной душѣ. Templois, «храможелѣзники», было имя ихъ поэтическихъ сколковъ, гралеблюстителей. Людьми Граля были избранные, блаженные и на землѣ и за гробомъ, представляющіе собой то царственное священство, къ какому евангеліе призвало людей изъ тьмы на ясный свѣтъ. Какъ храмовой орденъ самъ избиралъ своихъ братьевъ, такъ же точно и Граль. Его не льзя добиться происками или силою, онъ самъ долженъ призвать къ себѣ; это — символъ благодати божіей и предлагаемаго ею спасенья, но человѣкъ долженъ принять ее въ свою мысль и волю и такимъ образомъ заслужить. Граль избираетъ своихъ вѣрныхъ безъ различія пола и сословія и посылаетъ ихъ въ вожди народу, проповѣдниками истинъ спасенія; если Вольфрамъ говоритъ, что царство Граля простирается на всю землю и далѣе въ предѣлы звѣздныхъ пространствъ, то онъ явно обозначаетъ этимъ невидимую Церковь, царство божіе.

Какой-то Кіотъ изъ Прованса, котораго Вольфрамъ называетъ своимъ предмѣстникомъ, остался намъ неизвѣстнымъ; но какъ близко было тутъ смѣшеніе съ Гіотомъ изъ Провенса, что въ области Бри (Guiot de Provins en Brie), который, бывъ смолоду пѣвцомъ любви, а подъ старость монахомъ, въ дошедшей до насъ «Библіи» своей представляетъ міру зеркало, чтобы исправить родъ людской путемъ самопознанья; его энергически-увѣтный стихъ изображаетъ съ гнѣвомъ и юморомъ безумную блажь разныхъ народовъ и сословій, духовенства и мірянъ. Ратуя противъ корысти и властолюбія Рима, бичуя монаховъ и утверждая, что въ самой Церкви три дѣвственницы, Любовь, Истина и Справедливость, совсѣмъ вытѣснены грязными потаскухами, Измѣной, Лицемѣрствомъ и Симоніей, превозноситъ онъ, напротивъ, храмовниковъ за ихъ героизмъ на службѣ Богу; Разумъ и Правосудіе управляютъ всѣми ихъ дѣйствіями; да остерегаетъ бѣлый плащъ съ крестомъ отъ гордыни и корыстолюбія и да призываетъ всѣхъ къ чистотѣ и смиренью. Если въ меженную пору жизни Гіотъ написалъ стихъ о Гралѣ, то мы можемъ допустить, что онъ и тогда уже противопоставлялъ суетѣ мірской и пустому ханжеству дѣла любви, высшее освященіе воли; оттого Санъ-Марте полагаетъ, что и для него уже путемъ къ святынѣ Граля были не борьба съ Сарацынами и за видимую только Церковь, но преодолѣніе грѣха въ собственной душѣ, которую одно чистое раскаянье и покаянье приводятъ къ спасенію. Достовѣрно, что у Вольфрама рыцари Круглаго Стола участвуютъ съ другими во внѣшнемъ богослуженіи и бываютъ у обѣдни Граля, но что между тѣмъ самый Граль такъ же независимъ отъ папской іерархіи,

какъ и отъ баруха багдадскаго, что Парсиваль, безо всякаго церковнаго посредства, достигаетъ спасенія силою одной божьей благодати и собственной ревности, и что евангельскій духъ внутренняго христіанства, проявившійся въ 12-мъ столѣтіи и такъ гонимый Римомъ въ 13-мъ, нашелъ себѣ поэтическое выраженіе въ нѣмецкомъ Парсивалѣ.

Фактическое, матерьяльное содержаніе дала и здѣсь артурова былина, дали его также кельтскіе разсказы о Гаванѣ и Передурѣ. Основой послѣднему служилъ бретонскій богатырь Морванъ, который, по словамъ народной пѣсни, увидѣвъ еще ребенкомъ мимоѣзжихъ рыцарей въ своей лѣсной глуши, воспылалъ жаждой къ подвигамъ и сталъ биться за благо своего народа, — истый символъ самихъ Кельтовъ, которыхъ Франки и Норманны втянули теперь въ веселую и блистательную боевую жизнь. Книга Манибоги разсказываетъ цѣлый рядъ похожденій, бывшихъ съ Передуромъ, и которыя встрѣчаются также у Кретьена де-Труай и у Вольфрама; есть однакожь и такія, которыя исключительно принадлежатъ ей. Является въ разныхъ видахъ одинъ юноша побуждать на подвиги Передура, пока наконецъ онъ одолѣваетъ глосстерскихъ вѣдьмъ, которыми погублены сродники обоихъ. Уже Передура учатъ рыцарскому вѣжеству и остерегаютъ не пускаться въ лишніе распросы; оттого, на́ вечерѣ въ одномъ за́мкѣ, гдѣ встрѣтилъ его радушный пріемъ, онъ видитъ что передъ неключимымъ королемъ проносятъ на блюдѣ окровавленную мужскую голову и такое же кровавое копье среди общаго плача предстоящихъ,—видитъ, и ни мало объ этомъ не заботится. Неключимый король, это — отечество, голова и копье въ крови значатъ бѣдствіе народа; первый выздоровѣлъ бы, а послѣднее бы прошло, только распроси о томъ богатыри молодые. Одинъ англійскій Парсиваль обработалъ этотъ сюжетъ внѣ всякой связи съ Гралемъ, а потому сюда вставилъ его вѣроятно Кретьенъ де-Труай. Онъ разсказалъ впрочемъ исторіи посво́ему, и въ нихъ Вольфрамъ идетъ по большой части его слѣдомъ; но насколько можно судить по открытымъ доселѣ даннымъ, дозволительно сказать, что ему принадлежитъ идея, которою одушевилъ онъ свой сюжетъ, ему принадлежитъ искусство, съ какимъ онъ добылъ себѣ въ Парсивалѣ средоточіе, чтобы простереть отсюда взоръ и въ прошлое, и въ будущность, оглянуть цѣлый составъ этого сказанья, и изъ такой груды матерьяла выбрать для поэтической обформки самое подходящее, то чѣмъ всего лучше можно было выразить завѣтную его мысль.

Вольфрамъ начинаетъ и заканчиваетъ соображеньями, которыя выясняютъ намъ мысль и цѣль его поэмы. Вся жизнь наша движется между небомъ и землей, изъ тьмы восходитъ къ свѣту; кто сомнѣвается, колеблясь между этими противоположностями, у того есть еще надежда на спасенье, тогда какъ невѣрность, отпаденіе отъ добра рѣшительно его теряетъ, а напротивъ вѣрность, всегда крѣпкая праву и правдѣ, непремѣнно достигаетъ вѣчнаго блаженства. Награды достоинъ тотъ, кто, сберегая душу Богу, умѣетъ однакожь снискать честь и радость на землѣ. Такимъ образомъ поэтъ охватываетъ всю совокупность людской жизни и даетъ картину міра совсѣмъ новую и полную: рыцарь Граля не довольствуется одною борьбой со зломъ и его соблазнами въ лицѣ Клингшора и Оргелузы, — нѣтъ, земной

блескъ и веселье рыцарской любви у круглостольниковъ, отреченіе отъ міра и благочестивое одиночество у Тревреgента и Сигуны, образуютъ тѣ двѣ стороны, изъ которыхъ обыкновенно лишь одна наполняетъ цѣлое существованье человѣка, тогда какъ только въ соединеніи доставляютъ онѣ высшее блаженство. Парсиваль блестящій богатырь и вмѣстѣ священнослужитель Граля, и служба рыцарской любви ведетъ его къ неизмѣнному сердечному союзу съ женою. Такимъ образомъ намъ предстаетъ здѣсь эпосъ внутренняго человѣка, какъ, выходя изъ дѣтской простоты, изъ безсознательной природы, онъ борется, заблуждается, сомнѣвается, позабываетъ Бога, потомъ обращается назадъ, приноситъ покаяніе, стремится къ высшему, заявляетъ это на дѣлѣ благородствомъ помысловъ и поступковъ, и наконецъ достигаетъ примиренія съ самимъ собой и съ Богомъ, спокойствія совѣсти и спасенья. Правда, душевная жизнь Парсиваля занимаетъ сравнительно мало мѣста среди живописно-пестрой череды фигуръ и приключеній; притомъ нѣтъ здѣсь и той духовной перспективы, которая главное выдвигаетъ всегда на первый планъ, тутъ же его выполняя; но дѣятельность и стремленіе Парсиваля проводятся съ большимъ искусствомъ черезъ все повидимому имъ чуждое, и такъ и сквозятъ красной нитью въ цѣломъ произведеніи; даже гдѣ описываются подвиги Гавана, мы и тамъ не теряемъ ея вполнѣ и́зъ виду, и она постоянно входитъ опять въ дѣйствіе, касаясь его такъ или иначе. Далѣе, духовныя борьбы Парсиваля не развиты еще съ той отчетливостью мысли, какой требуемъ мы теперь, какъ сдѣлано это напримѣръ, новѣйшими поэтами въ лицахъ Га́млета, Натана, Фауста, Каина; но все же передъ нами раскрывается его сердце: Вольфрамъ мастеръ передавать душевное настроеніе, и этому вполнѣ отвѣчаетъ та вѣщая рань утренняго освѣщенія, которая разлита по его поэмѣ.

Онъ овиновловливаетъ (мотивируетъ) характеръ Парсиваля природными свойствами и исторіей его родителей, — отца, который, жаждя подвиговъ, пронесся по землѣ неукротимой бурей, и матери, полной искренняго чувства и глубокихъ, тихихъ думъ. По смерти отца, она воспитываетъ его въ глуши лѣса, и характеръ покойника да и ея самой отзывается въ ребенкѣ, который готовъ стрѣлять по тѣмъ самымъ птичкамъ, которыхъ пѣсни сейчасъ только внималъ, а вслѣдъ за тѣмъ, слушая пѣснь матери, проливаетъ слезы сладкой грусти, млѣетъ отъ невѣдомой тоски. Онъ плачетъ, и самъ неумѣетъ сказать о чемъ; велитъ она прирѣзать птицъ, онъ упрашиваетъ оставить ихъ въ покоѣ, а мать, цалуя его, говоритъ: Да, было бы вѣдь и противъ заповѣди божіей причинять зло животнымъ. Тогда онъ спрашиваетъ ее о Богѣ; она говоритъ, что онъ свѣтлѣе дня, что надо крѣпко соблюдать къ нему вѣрность, и всѣми мѣрами избѣгать темнаго владыки нечистыхъ силъ, его невѣрности и вѣчныхъ сомнѣній. Вотъ мальчикъ видитъ разъ трехъ блестящихъ рыцарей и принимаетъ ихъ за Бога; когда же ему объяснили, кто они такіе, тогда не сидится ему въ одиночествѣ, такъ и подмываетъ его въ многоподвижный міръ. Мать отпускаетъ сына на бѣлый свѣтъ въ шутовской одежѣ, сшитой на половину изъ телячей шкуры, на половину изъ дерюжины; такъ и въ этомъ нарядѣ онъ является живымъ образомъ ранней юности, неразумной до смѣшного, при всей идеальной чистотѣ своей души; такъ онъ въ самомъ дѣлѣ возбуждаетъ смѣхъ и вмѣстѣ удивленіе, такъ удаются и не удаются ему

разныя вещи, которыя онъ выполняетъ буквально, держась наставленій матери; самъ онъ лучезаренъ, а въ головѣ какой-то чуть брежжущій полусвѣтъ, онъ чистъ какъ голубь, мягокъ и кротокъ какъ свѣжая кисть винограду, а между тѣмъ влечется неудержимой жаждой дѣлъ, даже и не подозрѣвая, что сокрушилъ сердце матери тягчайшею разлукой. Онъ приходитъ ко двору Артура, пытаетъ силъ въ оружіи, учится рыцарскому дѣлу, освобождаетъ красавицу Кондвирамуръ отъ безотвязныхъ притѣснителей, снискиваетъ любовь ея и вступаетъ съ ней въ бракъ. Но охота къ странствіямъ, да и тоска по роднѣ, желаніе увидѣть мать, не надолго оставили его въ покоѣ. На пути туда приближается онъ подвечеръ къ одному озеру и спрашиваетъ у рыбаковъ, нѣтъ ли гдѣ тутъ постоялаго двора. Одинъ изъ нихъ указалъ ему на сосѣдній за́мокъ, и Парсиваля впускаютъ туда именно потому, что его прислалъ «скорбный» рыбакъ. Тамъ охватилъ его дивный блескъ въ высокой большой палатѣ; въ среду рыцарей входятъ пригожія залитыя золотомъ дѣвицы со свѣщниками и съ разной утварью въ рукахъ; прекраснѣйшая несетъ какой-то ярко-блестящій камень и ставитъ передъ короля, который сидитъ больной отъ тяжкихъ ранъ на мягкомъ диванѣ. Парсиваль садится подлѣ него, онъ видитъ, какъ тарелки и кубки наполняются передъ каждымъ рыцаремъ напитками и ѣствами, онъ видитъ сквозь отворенную дверь покоящагося на походной койкѣ сѣдого какъ лунь старика, видитъ, какъ несутъ окровавленное копье черезъ палату и слышитъ общее сѣтованіе, — но не спрашиваетъ, что́ все это значитъ. Вѣдь натолковали же ему заранѣе, что неблагоразумно и невѣжливо пускаться въ излишніе роспросы. Его укладываютъ спать, а на другой день проснувшись, онъ видитъ, что весь за́мокъ опустѣлъ, и когда онъ выѣзжалъ изъ воротъ, оруженосецъ насмѣялся вслѣдъ ему за то, что онъ ни о чемъ не спрашивалъ. Далѣе, онъ встрѣчаетъ одну дѣвушку, Сигуну, которая съ воплемъ держитъ въ объятіяхъ мертвое тѣло своего милаго, Схіонатуландера; онъ предложилъ ей свои услуги и когда при этомъ сказалъ, что ѣдетъ прямо изъ сосѣдняго за́мка, она замѣтила, что туда попадаютъ только рѣшительно къ тому призванные; она узнаетъ въ немъ родственника своего, Парсиваля, и изъявляетъ надежду, что онъ вѣрно ужь избавилъ отъ страданій бѣднаго короля; услыхавъ, что онъ ни о чемъ даже и не спросилъ, она не хочетъ водиться съ нимъ болѣе. Спасеніе, конечно,—божья благодать, его не добыть ни силою, ни ловкостью; но человѣкъ долженъ же спросить объ немъ, когда оно ему представится, не пропускать его мимо безъ вниманья. Парсиваль смотрѣлъ на чудеса божіи, какъ обыкновенно смотрятъ чада міра, — не признавая въ нихъ ни власти Господа, ни верховнаго его существа; у него на́ сердцѣ только правила свѣтскаго благоразумія, оттого онъ и вышелъ дуракомъ передъ Богомъ: и прекрасное и многоскорбное пропустилъ онъ мимо, не подумавъ даже распросить объ нихъ съ живымъ участіемъ и съ жаждой къ истинѣ.

Въ безмолвномъ раздумьи ѣдетъ оттуда Парсиваль, какъ вдругъ три капли крови въ снѣгу погружаютъ его въ новыя мечты и помыслы; онѣ напомнили ему двѣ слезы въ глазахъ и третью на подбородкѣ милой жены, когда она горько съ нимъ разставалась; впослѣдствіи находитъ онъ ее на томъ же опять мѣстѣ съ двумя близнецами у́ груди: такъ греза, въ видѣ неожидан-

наго сна, выходитъ и воспоминаніемъ и вмѣстѣ предвѣщаньемъ. Кровавыя капли встрѣчаемъ мы и въ кельтійской былинѣ, и въ нѣмецкой сказкѣ. Искавшіе Парсиваля артуровы рыцари не могли найдти его до тѣхъ поръ, пока не ступили на́ три капли. Тогда онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ рыцарями, съ тѣмъ чтобы стать гостемъ Круглаго Стола; вдругъ откуда ни возьмись страшная вѣстница Граля, и изрекаетъ ему проклятіе за то, что онъ не позаботился распросить объ истинномъ и вышнемъ спасеніи. Парсиваль считаетъ себя правымъ и не заслужившимъ проклятія; онъ говоритъ: «Ахъ, что такое вашъ Богъ? Не служилъ ли я ему всю жизнь свою? Если онъ всемогущъ и благъ, за что же наградой мнѣ одно посмѣяніе? Нѣтъ, отнынѣ я не слуга ему, а возненавидитъ онъ меня, — пускай!» Когда Гаванъ желаетъ ему съ Богомъ счастливаго пути далѣе, онъ отвѣчаетъ на это: «А тебя храни женщина въ бою!» Однакожь онъ кается въ винѣ своей, что упустивъ случай къ распросу, оставилъ короля Амфортаса при тяжкомъ его страданьи, и чтобы помочь горю, сердце такъ и нудитъ его сызнова отыскать Граль. Четыре года мыкается онъ по́ свѣту, сомнѣваясь, приходя въ отчаянье, но все-таки крѣпясь вѣрностью къ любимой женѣ и жаждою по Гралю. Тутъ выступаютъ на первый планъ похожденія Гавана, но всегда опять, не здѣсь, такъ тамъ, появляется въ нихъ на сцену Парсиваль, такъ что, глядя на него, и самъ Гаванъ склонился наконецъ искать Граля. Парсиваль долго не помышлялъ о Богѣ, но вотъ видитъ онъ разъ, что сѣдой рыцарь идетъ съ женой и дочерьми босикомъ по свѣжему, только что выпавшему снѣгу; тѣ спрашиваютъ, ка́къ это онъ носитъ оружіе въ Великую Пятницу? и ему открывается вдругъ вѣчная любовь въ страдной, жертвенной смерти Іисуса, онъ снова начинаетъ уповать на милость божію; совсѣмъ распустивъ удила, предоставилъ онъ коню полную волю, не завезетъ ли тотъ его въ какой-нибудь скитъ, гдѣ бы запастись добрымъ совѣтомъ. Тамъ находитъ онъ своего дядю, Треврецента, который толкуетъ ему, что́ такое Граль; Парсиваль исповѣдывается отшельнику въ грѣхахъ, но слишкомъ высокомѣрно расчитываетъ на то, что нашелъ помощь себѣ по своей заслугѣ: онъ думаетъ, Богъ долженъ же теперь увѣнчать успѣхомъ его рыцарское стремленіе. Но пустынникъ указываетъ ему на всевѣдѣніе и благость Господа, разъясняетъ, какъ молодость и самонадѣянность увлекла его къ гордынѣ, какъ онъ не захотѣлъ даже и спросить о спасеніи. Другой дядя, гралевскій король Амфортасъ, погрязъ въ грѣховной, чувственной любви и при этомъ былъ раненъ сарацынскимъ копьемъ, съ ядовитою протравой; видъ Граля одинъ еще поддерживалъ его жизнь, но совершенное исцѣленіе дастся ему только тогда, когда Парсиваль, назначенный ему въ преемники, распроситъ безо всякаго сторонняго вызова про чудеса, которыя увидитъ въ за́мкѣ Граля. Тутъ Парсиваль снова признается въ неизмѣнной любви къ женѣ и къ Гралю, смиренно очищаетъ душу передъ отшельникомъ, и укрѣпляется имъ противъ чувственныхъ соблазновъ прелестной Оргелузы, которыя очаровали дядю его, Амфортаса, а также и противъ черной магіи Клингшора, соединившейся съ Оргелузою на пагубу всему христіанскому рыцарству и увлекшей даже и артурову супругу въ волшебный за́мокъ, на Востокъ. Гавану удается не только сокрушить адское это чародѣйство, но и освободить Оргелузу и

гордаго Грамофланца изъ бѣсовскихъ узъ дикой страсти; тѣмъ не менѣе Парсиваль одолѣваетъ и его, когда они однажды сразились, не узнавъ другъ друга. Круглый Столъ принялъ его въ свое общество, но онъ жаждетъ высшаго спасенья. Кровный братъ его, Фейрефисъ, котораго отецъ прижилъ на Востокѣ съ одной Мавританкой, является оттуда, и очарованный до безумія соблазнительной Секундильею, хочетъ нанести смертельный ударъ царству свѣта; Парсиваль вступаетъ съ нимъ въ бой и побѣждаетъ, но милость божія сокрушаетъ страшный мечъ о шлемъ язычника, да не погибнетъ братъ отъ руки брата, но да будетъ имъ обращенъ. Тутъ Парсиваль становится достойнымъ счастія, которое необдуманно миновалъ въ юности, въ которомъ такъ долго отчаивался, пока преодолѣвъ всѣ сомнѣнія, не заслужилъ его чистотой души, неизмѣнно вѣрною любовью и благородствомъ доблестныхъ подвиговъ; теперь прежняя вѣстница зоветъ его опять къ Гралю, теперь распрашиваетъ онъ о томъ, что́ передъ собой видитъ, исцѣляетъ страждущаго дядю и становится гральскимъ королемъ. Фейрефисъ принимаетъ св. крещеніе, вступаетъ въ бракъ съ граленосицей и возвращается съ ней на Востокъ, гдѣ сынъ ея, Попъ Іоаннъ, распространяетъ въ Индіи царство божіе. Парсиваль также отыскалъ опять жену съ дѣтьми и наслаждается дарованнымъ ему вѣнцомъ жизни.

Вольфрамъ открываетъ намъ проглядь и въ будущность. Сынъ Парсиваля, Лоэнгринъ, долженъ наслѣдовать ему въ блюстительствѣ Граля. Однажды высылаютъ его бойцомъ за невинно-утѣсненную княжну Брабантскую, которая пріобрѣтаетъ потомъ любовь его; но главную роль играетъ тутъ зарокъ, чтобы ни кто не спрашивалъ объ имени тѣхъ, кто явится на кораблѣ, подчаливаемомъ лебедемъ: иначе лебедь снова ихъ утащитъ, что́ тутъ именно и сдѣлалось. Превращеніе дѣтей въ лебедей или вороновъ знаменуетъ смерть, а обратное превращенье — оживленіе; сказаніе про лебедя есть образъ замиранія и потомъ пробужденія природы. Запретный спросъ находится въ знаменательной противоположности съ прежнимъ недоспросомъ со стороны Парсиваля; подобный запретъ часто встрѣчаемъ мы тамъ, гдѣ какое-нибудь высшее существо соединяется любовью съ низшимъ, — напримѣръ Эротъ съ Психеею: онъ предостерегаетъ ее отъ любопытства нѐвпору; покрывала статуи въ Саидѣ отнюдь не дозволялось приподымать; мы должны довольствоваться одной близостью божественнаго, однимъ чувствомъ его присутствія, высшей его власти, пока оно откроется намъ само, лицо къ лицу.

Парсиваль Вольфрама послѣ дантовой Божественной Комедіи — глубокомысленнѣйшее и обширнѣйшее созданіе кого бы то ни было изъ всѣхъ средневѣковыхъ поэтовъ. По мнѣнію Вирнта фонъ-Гравенберга, уста міряиина никогда не говорили лучше, и мы невольно удивляемся тому, какъ умудрился онъ поставить духовное христіанство и душевную жизнь своихъ героевъ въ самую сутолоку свѣтскаго рыцарства, и сдѣлать такимъ образомъ свою фантазію вѣрнымъ зеркаломъ того времени, которое отразилось въ ней просвѣтленное. Вольфрамъ любитъ затѣйливыя сравненія, сближающія иногда самое отдаленное, загадочные образы, чудовидные обороты, въ которыхъ однако слѣдуетъ не столько осуждать его безвкусіе, сколько видѣть разсвѣтъ зарождающагося уже юмора. Парсиваль сочиненъ вначалѣ 13-го вѣка, и притомъ въ

Вартбургѣ, при дворѣ Генриха Тюрингенскаго, вкругъ котораго тѣснились тогда странствующіе рыцари и пѣвцы, гдѣ нашелъ себѣ радушный пріемъ и Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде; то была средневѣковая прелюдія веймарскаго поэтическаго кружка, собравшагося 600 лѣтъ спустя около Карла Августа. Тамъ же написалъ Вольфрамъ и своего Вильгельма Оранскаго по французскимъ источникамъ, взявъ и на этотъ разъ изъ громадной массы былинъ, примыкавшей къ государю каролингскаго времени, борьбу съ Сарацынами за средоточіе своей поэмы; герой идетъ потомъ въ монастырь; съ легендою о немъ слились воедино подвиги тезоименныхъ ему Норманновъ. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ Вольфрамъ нашелъ себѣ продолжателей въ Ульрихахъ Турлинскомъ и Тюргеймскомъ, для которыхъ важнѣе былъ обильный матерьялъ, нежели облеченіе въ художественную форму значительнѣйшихъ только сюжетовъ. Далѣе, кромѣ сборника любовныхъ пѣсенъ, остался намъ цѣлый рядъ строфъ, изображающихъ первое пробужденіе юношеской любви между Схіонатуландеромъ и Сигуной; въ Парсивалѣ послѣдняя встрѣчалась намъ нѣсколько разъ преждевременно овдовѣвшею невѣстой, которая, оплакивая милаго, отреклась отъ свѣта. Если въ Парсивалѣ Вольфрамъ слѣдуетъ за ходомъ своего разсказа, но постоянно сопровождаетъ или перерываетъ его размышленьями, втѣсняя въ эпосъ свою собственную субъективность; зато здѣсь, какъ настоящій лирикъ, носится онъ вольнѣе надъ своимъ предметомъ, срывая съ него чистые цвѣты поэзіи, обдавая ея блескомъ наиболѣе сочувственныя ему черты дѣйствительности, но вмѣстѣ и исчезая за своимъ произведеніемъ, давая лицамъ развиваться съ пластичною наглядностью, самимъ высказывать свои помыслы и чувства. Вмѣсто короткихъ риомующихъ двустишій, само содержаніе выработало себѣ здѣсь полнозвучную строфу, и по блестящей ея прелести піэску эту можно назвать бриліантомъ средневѣковой литературы и драгоцѣнностью литературы вообще. Старикъ Титурель, котораго мы видѣли спящимъ на койкѣ въ Гральбургѣ, какъ ясенъ и великолѣпенъ предстаетъ онъ намъ здѣсь, когда, съ оглядкою на ратныя дѣла и любовныя утѣхи своей юности, онъ передаетъ теперь вѣнецъ Граля сыну своему, Фримутелю, и поминаетъ при этомъ пятерыхъ его дѣтей и судьбы ихъ! Одна изъ дочерей была мать Сигуны, и какъ только у этой закруглилась грудь, какъ только стали темнѣть бѣлокурые волосы, она и сошлась съ Схіонатуландеромъ. За тѣмъ слѣдуетъ размышленіе о могуществѣ любви, которой всѣхъ видовъ и побытовъ не описать всѣмъ вмѣстѣ писакамъ; она одолѣваетъ и рыцаря подъ шлемомъ, и монаха подъ клобукомъ; она живетъ на землѣ, а ведетъ къ небу, она вездѣ, только не въ аду. Кто, томимый тоской страсти, хоть когда-нибудь углублялся въ сущность сердечной любви, тотъ подслушаетъ съ удовольствіемъ, какъ полудѣти-любовники открываютъ другъ другу свое сердце.

Что такое любовь?—онъ, или она? Можешь ты разсказать, что она такое?
И прійдетъ она ко мнѣ, куда дѣвать ее, куда спрятать?
Беречь что-ли вмѣстѣ съ куклами?
Садится она намъ смѣло на руку, или улетаетъ прочь, какъ дикая птичка?
Вѣдь можно, я чаю, какъ-нибудь приручить ее, привадить.

И отъ мужщинъ и отъ женщинъ, отвѣчаетъ онъ, наслышался я, что любовь пускаетъ стрѣлы свои безъ разбору въ молодыхъ и въ старыхъ; до сихъ поръ я зналъ ее только по чужимъ сказкамъ, а теперь испыталъ и на себѣ, что она живетъ въ мысляхъ человѣка, обращаетъ радость въ скорбь и наоборотъ скорбь въ радость. Сигунѣ между тѣмъ хочется, чтобъ онъ заслужилъ ее «изъ-подъ щита», и вотъ Схіонатуландеръ пустился съ отцомъ Парсиваля, Гамуретомъ, въ восточныя палестины; но «ни дать, ни взять какъ «изъ цвѣтовъ высасываютъ пчелы сладость, изъ сердца у него любовь всю «высосала жизни радость». Гамуретъ однакожь доволенъ тѣмъ, что оруженосецъ его влюбленъ въ такую благородную красавицу и надѣется, что подъ вліяніемъ свѣтлаго ея блеска, онъ снова расцвѣтетъ, какъ ни извелся теперь. Но и тамъ, далеко, на родинѣ, подругу покойной матери Сигуны кручинитъ забота о томъ, что милое дитя ея обливается слезами, какъ роза утренней росой. Какъ нѣжна добрая пѣстуница въ своихъ распросахъ, да какъ нѣжна и дѣвушка въ своихъ признаніяхъ! сколько у ней чувства неудержной любви и сколько вмѣстѣ тонкаго приличія, сколько грусти по исчезнувшемъ дѣтствѣ и вмѣстѣ какой-то ликующей боязни передъ новою высшей жизнью сердца! Не напоминаетъ ли гётеву Гретхенъ, когда Сигуна говоритъ:

Только его, милаго дружка, я и высматриваю,
Глядя на дорогу черезъ ясныя поляны и луга;
Но напрасно! слишкомъ рѣдко видится онъ мнѣ изъ дали.
Оттого-то и плачусь я за любовь его такъ дорого слезами.

Отойду отъ окна, поднимусь на самый верхъ терема,
Смотрю и въ ту, и въ другую сторону, не прійдетъ ли откуда вѣсти о томъ,
Кто давно, давно завладѣлъ моимъ сердцемъ:
Я ужь вѣдь состарѣлась вь любви, какая я молодая!

А пущусь скользить по бурнымъ волнамъ въ легкой лодочкѣ,
Глаза мои обрыщутъ всю даль миль на тридцать, а пожалуй и больше,—
Все думаю, не узнаю ли, не высмотрю ли чего такого,
Что облегчило бы мнѣ грусть по моемъ миломъ.

Другой отрывокъ передаетъ, какъ Схіонатуландеръ поймалъ однажды въ лѣсу ищейку, у которой ошейникъ и привязь были чѣмъ-то исписаны; въ то самое время какъ Сигуна хотѣла прочесть эту напись, собака у ней вырвалась, и красавица обѣщала свою руку тому, кто доставитъ ей любопытную привязь-писанку.

Оба эти отрывка во второй половинѣ 13-го же столѣтія Альбрехтъ фонъ-Шарффенбергъ занесъ въ своего «Титуреля», гдѣ онъ разсказываетъ всю исторію про Граль, начиная сейчасъ названнымъ героемъ. Это — скучное, жеманное и изукрашенное произведеніе явнаго подражателя, клирика-ультрамонтана, а не рыцаря съ евангелическимъ направленіемъ, начетчика, а ужь вовсе не бывалаго мыслителя, опытомъ узнавшаго свѣтъ бѣлый. Тогда какъ Вольфрамъ прославляетъ всеобщее священство и силу внутренняго помазанія, здѣсь превозносятся, напротивъ, ханжество, духовное званіе, могуще-

ство и главенство папъ, а для спасенія души требуются посредничество священнослужителей, культъ Маріи Дѣвы, и непремѣнно чётки. Разставаясь съ Сигуною, Схіонатуландеръ хочетъ укрѣпиться на дорогу зрѣлищемъ красы ея, налюбоваться бѣлымъ ея тѣломъ, чистыми яблоками на цвѣтущей, стройной лозѣ: она развязываетъ кушакъ и спускаетъ епанечку; онъ цалуетъ, обнимаетъ ее;—еще одинъ шагъ, и сердце его совсѣмъ утонуло бы въ блаженствѣ. За этимъ вставляется содержаніе Парсиваля, а потомъ Граль переносится въ Индію, къ царю-священнику Іоанну, и тутъ символически прославляется папство въ мірскомъ его блескѣ и великолѣпіи; восхваленіе пышности и могущества торжествующей Церкви заступаетъ здѣсь мѣсто вольфрамова замысла изобразить ходъ внутренняго развитія христіанско-рыцарской души.

Указаніе Вольфрама на Лоэнгрина также явилось подъ исходъ столѣтія въ болѣе подробной обдѣлкѣ: оно невѣрно занесено въ кругъ стиховъ, сложенныхъ на пѣвческомъ состязаніи въ Вартбургѣ, и въ немъ съ извѣстнымъ фландрскимъ сказаніемъ про лебедей переплетенъ отрывокъ изъ исторіи германскихъ императоровъ и одна битва противъ Сарацыновъ. Упоминаю объ этихъ произведеніяхъ потому, что они въ свою очередь опять-таки наглядно выясняютъ намъ ходъ эпоса: и здѣсь, сперва разнообразныя былины, потомъ великій (или по крайней мѣрѣ очень крупный) поэтъ, который беретъ изъ нихъ и художнически обдѣлываетъ то, что̀ ему больше по душѣ, что̀ имѣетъ идеальное значенье; а за тѣмъ эпигоны, послѣдыши, которые, подобно греческимъ кикликамъ, разработываютъ случайные намеки и говорятъ обо всемъ подробно и по порядку съ самаго начала и до конца; въ періодъ упадка поэзіи беретъ всегда перевѣсъ ученая полнота, интересная для жаждущихъ фактическаго матерьяла читателей.

ТРИСТАНЪ И ИЗОЛЬДА.

Былина о Тристанѣ въ первоначальномъ своемъ видѣ отвѣчаетъ у Кельтовъ былинѣ про Зигфрида у Германцевъ. И здѣсь, и тамъ, побѣда надъ дракономъ для освобожденія дѣвушки указываетъ на грозовую борьбу первобытнаго арійства: и здѣсь, и тамъ, за первою любовью слѣдуетъ другая, несущая съ собой роковую смерть, и не уподобь мы даже самоё Изольду денницѣ, все-таки намъ вспомнилось бы тутъ солнце, покидающее утреннюю зарю для того чтобы пасть въ объятія вечерней, а съ тѣмъ вмѣстѣ и низойдти въ царство мертвыхъ, на западѣ; и здѣсь, и тамъ, волшебный напитокъ,

приворотное зелье, является символомъ той могучей власти сердца, которой невольно уступаетъ богатырь. Но не знаменательна ли разность въ томъ, какъ былина развивается за тѣмъ далѣе? Въ Германіи миѳъ переплелся со всемірною исторіей, личная судьба Зигфрида втростилась въ великое переселеніе народовъ и его борьбы, такъ что пѣсня о Нибелунгахъ отразила въ себѣ все это, какъ подобаетъ великому народному эпосу; у Кельтовъ же былина о Тристанѣ развилась въ первый по времени соціальный романъ: сердце въ столкновеніи со внѣшнимъ порядкомъ, любовь въ борьбѣ съ долгомъ, нашли себѣ здѣсь такое изображеніе, которое въ той завершающей формѣ, какую придалъ ему Готфридъ Страсбургскій, такъ же точно онагляживаетъ передъ нами сердечный міръ средневѣкового общества, какъ въ Парсивалѣ Вольфрама фонъ-Эшенбаха передана лучшая сторона идейной жизни того времени *: сообразно съ самымъ существомъ дѣла, ясность и пріятность формы, цвѣтистая прелесть языка, должны были замѣнить собою ту зыбкую свѣтотѣнь, ту глубокомысленную тяжеловѣсность и часто даже диковинность выраженія, какими отличается Парсиваль.

Южноромански «тирады» вносятъ Тристана въ число трехъ самыхъ пламенныхъ любовниковъ; начиная съ 12-го столѣтія, онъ и Изольда живутъ въ устахъ трубадуровъ: онъ герой и пѣвецъ, точно такъ же какъ и она, онъ образецъ рыцарственности, и судьба его стала знаменіемъ любовныхъ скорбей и радостей, прилива у отлива какъ въ душѣ, такъ и въ жизни человѣка, величайшаго блаженства и злѣйшаго горя въ измѣнчивомъ счастіи любви,—ревности, разлуки и наконецъ смерти. И тутъ первый опытъ подбора цѣлой исторіи состоялся на латинскомъ языкѣ; за тѣмъ послѣдовали французскіе стихи, которые старались возвысить пріятность унаслѣдованнаго метерьяла переплавкою его на новые нравы и прибавленіемъ къ нему вольныхъ вымысловъ. Далѣе перешелъ онъ въ руки Нѣмцевъ и Англичанъ, Итальянцевъ и Испанцевъ, Славянъ и Скандинавовъ, и сталъ общимъ поэтическимъ достояніемъ всей Европы. Во французскомъ изложеніи, котораго держался Эйльгартъ фонъ-Обергъ, а по его слѣдамъ и народный нѣмецкій стихъ, многое является еще неуклюжимъ, грубымъ, не утонченнымъ вѣжественною образованностью. Лучшій источникъ этой былины Готфридъ видитъ въ Томасѣ Бретанскомъ, на котораго ссылается также и изданная Вальтеръ-Скоттомъ англосаксонская обработка; отъ него дошли до насъ только отрывки: Англосаксъ слѣдовалъ этому образцу, быстро проводя передъ читателемъ все дѣйствіе въ строфахъ простонароднаго склада, тогда какъ Готфридъ подробно пересказываетъ его въ короткихъ риѳмующихся двустишіяхъ, развертывая съ полнотою и блескомъ всѣ ощущенія души. Благодаря психологической овиноесловкѣ и чрезвычайно яркой живописи чувствъ, создалъ онъ одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній средневѣкового искусства, хотя и не дошелъ еще до того, чтобы оформить унаслѣдованный матерьялъ въ вольной компо-

---

* Необычное у насъ выраженіе „идейная жизнь" должно оправдать себя тѣмъ, что жизнь, проявляющаяся въ идеяхъ извѣстнаго времени, совсѣмъ не то, что жизнь исключительно идеальная, какъ фантазійная жизнь совсѣмъ не то, что жизнь исключительно одной фантазіей, жизнь фантастичная. Прим. перев.

зиціи по идеѣ. Стихотвореніе его осталось отрывкомъ, а его продолжатели были далеко не такъ даровиты какъ онъ,—ни трезвый до сухости Ульрихъ фонъ-Тюргеймъ, ни болѣе гибкій Генрихъ фонъ-Фрибергъ (Фрейбергъ или Фридбергъ?). Во Франціи подконецъ Среднихъ Вѣковъ появился одинъ романъ, который не только что собралъ воедино всѣ событія изъ разныхъ источниковъ, но еще и вплелъ Тристана въ артурово сказаніе: онъ сводитъ его не одинъ разъ съ его противнемъ, Ланцелотомъ, и дѣлаетъ участникомъ Круглаго Стола, онъ сближаетъ его даже съ Парсивалемъ, для того чтобы стремленье къ Гралю очистило слишкомъ чувственную любовь и въ немъ. Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ передъ собой путь восходящій и нисходящій: вымыселъ сюжета принадлежитъ Кельтамъ, первая поэтическая обформка его — Романамъ, углубленіе и истинно-художественное одушевленіе — Германцамъ; за тѣмъ слѣдуетъ прозаическій сборникъ, имѣющій только уже матерьяльный, чисто фактическій интересъ. Остановимся на полномъ расцвѣтѣ этого живого ростка, на стихѣ Готфрида, относящемся къ началу 13-го вѣка.

Какъ въ любви предстаетъ и вмѣстѣ разрѣшается передъ нами противоположность мужщины и женщины, какъ въ одно и то же время съ чувственной и съ идеальной стороны является она у Платона дитей бѣдности и богатства, бо́язнымъ искательствомъ и вмѣстѣ полнымъ счастія обладаньемъ, такъ точно и Готфридъ говоритъ: «Кто никогда любви скорбей не зналъ, не знаетъ тотъ и радостей любовныхъ», и онъ хочетъ пѣть на горе и въ утѣху самому себѣ и тѣмъ, «у кого въ одной и той же груди уживаются между собой сладостная скорбь и скорбное наслажденіе, счастіе сердца и бо́язная тоска, блаженная жизнь и горькая смерть, горькая смерть и жизнь блаженная». Его Тристанъ, блестящій, ясный образъ ненарадующагося свѣтомъ ловкаго рыцаря, мастерски владѣющаго и арфой и мечомъ, уже по самому своему рожденію и прозвищу обреченъ на горе, на жизнь въ царствѣ печалей. Мать умерла, родивъ мальчика на свѣтъ, а зачала его въ объятіяхъ раненнаго на̀ смерть любовника. Онъ постоянно носитъ въ сердцѣ грусть при неизмѣнномъ однакожь счастіи: достающееся ему на долю блаженство любви—противозаконно, а потому запутываетъ его въ неисходную борьбу съ совѣстью; онъ любилъ жену дяди, и когда рѣшается подать руку другой Изольдѣ, передъ нимъ неотразимо стоитъ образъ его милой. Такъ точно и въ груди Изольды чувство родственнаго долга, требующее кровной мести за убитаго дядю, борется съ благодарностью къ Тристану, ея избавителю. И когда оба они опорожнили кубокъ волшебнаго зелья, тогда сердце Изольды трепещетъ и бьется между дѣвственной стыдливостью и неодолимымъ влеченьемъ, какъ птичка порхаетъ по намазанному клеемъ прутику и ни какъ не можетъ отъ него отстать; а въ Тристанѣ чувство любви борется съ чувствомъ чести, съ долгомъ вѣрности королю и дядѣ, которому онъ обязанъ доставить невѣсту, безцѣнную для него самого.

Любовь—блаженства такъ полна,
У ней и счастія и горечи такъ много,
Что только лишь она одна
Научитъ доблести, научитъ чести строгой *.

* Въ подлинникѣ риѳмуется каждое двустишіе. Прим. перев.

Этимъ изреченіемъ Готфридъ ставитъ энтузіазмъ страсти на мѣсто всѣхъ нравственныхъ началъ; но непреодолимое чувство, возносящее человѣка надъ всѣмъ пошлымъ въ безпредѣльную какую-то высь, ведетъ его и къ тому, что, упоенный до самозабвенія, онъ ставитъ ни во что всѣ предѣлы, готовъ нарушить чужое право, всякій законъ, и мы видимъ въ этомъ стихѣ, какъ жизнь Тристана, нѣкогда столь богатая славою въ геройской борьбѣ за отчизну, изводится теперь въ мелочныхъ дрязгахъ и ухищреніяхъ, черезъ которыя онъ добываетъ случай насладиться запретнымъ плодомъ, обходя дядю низкимъ вѣроломствомъ, впослѣдствіи же запутывается въ софистикѣ чувственности и, какъ ни вертится, а все-таки безлюбно обманываетъ жену, которую взялъ себѣ только для вида, для прикрышки. Можно сказать, что бракъ, противъ котораго враждебно возстаетъ любовь, бракъ только кажущійся, мнимый, что онъ заключенъ только по наружности; но, съ другой стороны, надо будетъ согласиться, что здѣсь ясно выступаетъ передъ нами коренное зло средневѣкового любвеслуженія, которое признавало любовь не за исходную точку, не за душу брака, а ставило ее на ряду съ нимъ, какъ равноправную сосѣдку и соперницу. Трагика переходящей всякую мѣру страсти въ томъ именно и состоитъ, что такая страсть связываетъ счастье и горе неразрывными узами, что пылъ ея изводитъ человѣка, хотя бы въ то же время и просвѣтлялъ его; въ подобномъ духѣ Гёте написалъ свои «Душевныя сродства», которыя невольно вспоминаются намъ при этомъ случаѣ. Но Оттилія у Гёте очищается и искупаетъ вину свою самоотреченіемъ, а Готфридъ, сынъ своего времени, такъ и остается въ сумерькахъ между естественнымъ правомъ и нравственнымъ безправіемъ. Блюстители брачной чистоты слывутъ у него за злыхъ соглядатаевъ и доносчиковъ; вѣрная любовь при супружеской невѣрности кажется ему чѣмъ-то прекраснымъ, ни дать ни взять, какъ считалось оно потомъ въ парижскихъ гостиныхъ 18-го столѣтія. По мысли Готфрида, королю Марке слѣдовало бы дозволить женѣ и племяннику жить и любить, какъ они себѣ хотятъ; онъ справедливо укоряетъ Марке за то, что тотъ хотѣлъ усладъ чувственной любви отъ Изольды, когда сердце ея принадлежало не ему, — укоряетъ его за то, что онъ не смотрѣлъ на дѣло прямыми глазами, но оправдываетъ Изольду, говоря, что мужъ самъ довелъ ее до преступленія излишней уже строгостью надзора; гдѣ всилу свободной любви жена даритъ супругу и сердце, только тамъ, прибавляетъ онъ, изъ ели сочится медъ, цикута или омегъ дѣйствуетъ цѣлительнымъ бальзамомъ и кранива цвѣтетъ розами. Одну чувственную усладу Готфридъ презираетъ; для настоящей любви нужны преданность и вѣрность, живое участіе сердца; власть ея роковая, неодолимая: она облагороживаетъ человѣка, завладѣвъ имъ вполнѣ, переноситъ его снова въ райскую обитель;—но, что при всемъ томъ посвятившіе себя ей грѣшатъ, когда, вмѣсто того чтобъ жить для нея одной и, если нужно, пожертвовать для нея самой жизнію, они входятъ въ другія брачныя связи, — на это онъ вовсе не упираетъ, а потому намъ приходится какъ-нибудь позабыть безнравственность подобныхъ отношеній, чтобы вполнѣ наслаждаться тѣми отдѣльными сценами, которыя онъ такъ увлекательно умѣетъ изобразить.

По старѣйшему пересказу этой былины, отецъ Тристана еще живъ и воспитываетъ своего сына. Когда послѣдній прибылъ ко двору Марке и въ по-

бѣдоносномъ бою противъ Морольта былъ пораненъ отравленнымъ его мечомъ, онъ пустился потомъ въ ладьѣ на волю волнъ и вѣтровъ. Его занесло въ Ирландію; король этого края находитъ его случайно на берегу и изъ сожалѣнія къ бѣдному выпрашиваетъ для него у жены лѣкарства; Тристанъ выздоровѣлъ, еще ни разу не видавшись съ Изольдою. По возвращеніи его домой, двѣ ласточки уронили къ ногамъ Марке длинный бѣлокурый женскій волосъ, и тотъ затѣваетъ непремѣнно жениться на той, кому волосъ этотъ принадлежалъ; Тристана посылаютъ ее отыскивать. Послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, бурей прибиваетъ его опять къ Ирландіи; онъ умерщвляетъ тамъ страшнаго дракона, попадаетъ по этому случаю ко двору и находитъ въ Изольдѣ обладательницу прекраснаго волоса, которую онъ и сватаетъ за своего дядю. Тутъ почти ничто не совершается по человѣческой волѣ и замышленію; тайная естественная сила уряжаетъ весь ходъ событій среди сказочной игры случайностей. Передъ нами здѣсь старокельтійская основа, въ которую франко-норманскій духъ тотчасъ же внесъ человѣческую индивидуальность съ ея самосознательной волею, и изъ нея уже вывелъ все дальнѣйшее. Отсюда роковое зачатіе и рожденіе Тристана. Его воспитываютъ ко всѣмъ рыцарскимъ доблестямъ: бой его съ Морольтомъ описывается самыми живыми красками, и противникъ умирая говоритъ, что побѣда Тристану не на радость, что никто не сможетъ исцѣлить полученной имъ раны, такъ-какъ одна Изольда, намазавшая мечъ ядомъ, знаетъ противоядіе. Тогда Тристанъ, переодѣтый гусляромъ, велитъ высадить себя на берегъ Ирландіи, и его искусная игра склоняетъ Изольду пособить пѣвцу-страдальцу. Онъ, служилый человѣкъ, не смѣетъ поднять глазъ на королевну, но совѣтуетъ своему дядѣ-государю на ней свататься. Въ Ирландіи между тѣмъ рука ея обѣщана тому, кто убьетъ опустошающаго страну дракона. Тристанъ совершаетъ этотъ подвигъ, и въ то самое время какъ онъ приходитъ въ себя отъ одурѣнія, въ какое повергло его ядовитое дыханье чудовища, онъ видитъ передъ собой Изольду съ обнаженнымъ мечомъ: къ одной изъ зазубринъ послѣдняго прибрала она какъ разъ осколокъ морольтова черепа, а Морольтъ былъ ей родной дядя; но она тутъ же признала въ богатырѣ и спасеннаго ею пѣвца, опустила булатъ и рѣшилась слѣдовать за своимъ рыцаремъ невѣстою другого. Такъ выслужилъ ее Тристанъ, а молодость и красота обоихъ изготовили то волшебное зелье любви, которымъ упились они во время морской путины. Готфридъ уберегъ этотъ напитокъ въ видѣ символа, но психологически изложилъ первое пробужденье страсти и то, какъ она покорила не поддававшіеся ей сначала сердца. Намъ не желалось бы слышать и отъ Готфрида, что подруга Изольды, Брангена, заняла у короля Марке ея мѣсто въ первую брачную ночь, а потомъ была сдана на руки убійцамъ, чтобы черезъ нее не обнаружился какъ-нибудь обманъ; она, правда, спасена, и все это обдѣлано у Готфрида очень гладко и мило, но Изольда является здѣсь низкою и вмѣстѣ ужасною, въ противоположность всѣмъ обычнымъ чертамъ ея характера, вполнѣ отвѣчающимъ духу рыцарской эпохи. Осужденіе любовниковъ на смерть и ихъ неожиданное за тѣмъ спасенье Готфридъ замѣняетъ судомъ божіимъ. Изольда съумѣла все устроить такъ, что Тристанъ, переодѣтый пилигримомъ, хватаетъ ее съ корабля и вынесши на берегъ, падаетъ; а она можетъ теперь смѣло присягнуть, что не лежала ни у кого въ объятіяхъ,

кромѣ своего супруга, да еще у этого пилигрима, съ которымъ только-что вотъ упала при высадкѣ: оттого и переноситъ она безъ вреда испытанiе калепымъ желѣзомъ. Тутъ, замѣчаетъ Готфридъ, стало для всѣхъ ясно, что даже и добрѣйшаго христiанина можно вывернуть наизнанку какъ рукавъ; онъ готовъ ко всему примѣниться, ко всему подладиться, равно доступенъ сердцемъ кривдѣ и правдѣ, и всякъ властенъ водить его на помочахъ и въ серьёзномъ дѣлѣ и въ пустячномъ.

Картина тѣхъ безпрерывныхъ опасностей, какимъ то и дѣло подвергались Тристанъ и Изольда ради своей любви, тѣхъ хитрыхъ уловокъ, какiя они должны были противопоставлять устроенному надъ ними соглядатайству, доказываетъ, что тутъ многое было заготовь обдѣлано трубадурами, которые отчасти воспроизводили жизнь, отчасти просто вымышляли, а изложенiе является иногда достойнымъ Боккаччiо, тогда какъ едва ли даже и волшебный садъ Арiоста сравнится съ той пещерою любви, гдѣ влюбленные у Готфрида находятъ себѣ наконецъ отрадно-ухищенный прiютъ среди лѣтняго уединенiя въ глуши лѣса. «Они слились здѣсь въ одно, и не нуженъ былъ имъ ни кто иной; замѣняя другъ для друга цѣлый свѣтъ, они были тамъ гдѣ надо и наслаждались всею желанною утѣхой». Дивная пещера, говоритъ Готфридъ изгибается круглымъ гладкимъ сводомъ, какъ простосердечная любовь, у которой нѣтъ ни норки, ни уголка для обмана и скрытности; она просторна какъ сила любви, которой нѣтъ ни конца, ни предѣла; она высока, какъ мужественная доблесть; зеленый мраморный полъ означаетъ постоянство, ложе вырѣзано изъ кристалла, потому что любовь должна быть чиста, прозрачна и ясна. Для нея одной отворяются бронзовыя двери; запорами служатъ разумъ и цѣломудрiе; пуговка у задвижки съ наружной стороны оловянная, а изнутри золотая: олово—знакъ порыва и вожделѣнiя, золото — счастiя и полнаго успѣха. Окнами тамъ доброта, смиренiе и чинность. Пещера эта лежитъ какъ блаженный островъ средь дикой пустыни мiра; «она хорошо знакома мнѣ съ одиннадцатилѣтняго возраста, хоть я и отроду не бывалъ въ Корнвельсѣ», замѣчаетъ поэтъ; за тѣмъ онъ разсказываетъ, какъ влюбленные купаются въ утренней росѣ, вслушиваются на берегу ручья въ пѣсни пташекъ, отдыхаютъ въ тѣни липъ, играютъ на арфѣ, поютъ и разсказываютъ про счастiе и скорби любви, а въ пещерѣ услаждаются чистосердечной любовью. Туда проникаетъ наконецъ Марке, а они тогда заснули, положивъ промежду себя мечъ. Онъ видитъ что Изольда пышетъ румянцемъ, невѣдомо отъ какихъ трудовъ; и щеки и губы рдѣютъ у ней розами, и какъ нарочно скользитъ по нимъ солнечный лучъ, свѣтъ свѣтомъ разжигаючи. Марке все еще колеблется въ мысляхъ, виноваты они, или нѣтъ; онъ опять зоветъ ихъ ко двору, но тутъ скоро удостовѣряется въ горькой своей долѣ, и изгоняетъ племянника.

Тристанъ прiѣзжаетъ ко двору Арундельскаго герцога и становится товарищемъ сыну его, Кеддину. Прелести сестры этого юноши, Изольды Бѣлоручки, вскорѣ привлекаютъ молодого рыцаря; а она, съ своей стороны, думаетъ, что не къ кому иному какъ-къ ней относится всегдашнiй припѣвъ его: Изольда милая, безцѣнная моя, и смерть и жизнь и все, ахъ все ты, для меня! Склонность ея къ нему часъ отъ часу ростетъ и крѣпчаетъ; утѣха, доста-

вляемая ею Тристану на этотъ мигъ, и сожалѣніе къ бѣдной дѣвушкѣ борются въ груди витязя съ вѣрностью къ далекой милой, которая быть-можетъ отдалась теперь Марке уже вполнѣ.

На этомъ остановился Готфридъ, вѣроятно похищенный ранней кончиною. Мы знаемъ по другимъ пересказамъ, что Тристанъ женился на Изольдѣ Бѣлоручкѣ, но оставилъ ея нетронутой, когда въ брачную ночь вдругъ явился передъ нимъ свѣтлокудрый образъ первой его милой. Вслѣдствіе новой раны, нанесенной ему пращею или копьемъ, открылась у него опять старая, и тяжко заболѣвъ, онъ посылаетъ по Изольду, чтобы она его вылѣчила. Корабль долженъ выкинуть черный парусъ, если воротится безъ нея, бѣлый — если прійдетъ съ нею. Тристанъ умеръ, когда Изольда Бѣлоручка донесла ему, что парусъ черный, а онъ между тѣмъ былъ бѣлый — что̀ напоминаетъ намъ Тезея въ Греціи, — и свѣтлокудрая Изольда, цалуя трупъ возлюбленнаго, тутъ же испускаетъ духъ. Одна могила приняла обоихъ, на ней выросли виноградная лоза и роза и неразрывно переплелись вѣтми; любовники живутъ въ растеніяхъ попрежнему, какъ въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Если Готфридъ назывался «мастеромъ», тогда какъ Вольфрамъ, Вальтеръ, Гартманъ слыли «господами», то это значитъ, что онъ происходилъ изъ простыхъ гражданъ, а послѣдніе отъ благородныхъ, дворянъ; не признакъ ли новаго времени и то, что этотъ живописецъ душевныхъ состояній, котораго вкусъ не руководится уже одобреніемъ однихъ только дворскихъ кружковъ, позволяетъ себѣ устранить подробныя описанія турнировъ замѣчаніемъ, что о поломанныхъ копьяхъ пусть разскажутъ подбиравшіе ихъ оруженосцы, — если вмѣсто того чтобъ самому описывать рукоятку тристанова меча, онъ вызываетъ на то современныхъ поэтовъ, съ любовью характеризируя каждаго изъ нихъ передъ читателемъ. Въ числѣ ихъ помѣстилъ онъ Бликера фонъ-Штейнаха, чьи слова парятъ какъ орлы и вторятъ помысламъ какъ звуки арфы; его «Обвѣса» (Umhang) описываетъ тѣ именно лики, какіе по тогдашнему обычаю вышивались женщинами на коврахъ. Рядомъ съ нимъ стоятъ у него Гартманъ фонъ-деръ-Ауэ, Генрихъ фонъ-Вельдекъ, но съ явнымъ уже намекомъ на Вольфрама фонъ-Эшенбаха говорится и о другихъ, которые несутъ сказочную дичь — ума помраченіе, вмѣсто жемчугу сыплютъ въ глаза пескомъ, вмѣсто густыхъ зеленыхъ вѣтвей угощаютъ сухимъ хворостомъ, и вмѣсто того чтобы доставлять поэтическое наслажденіе, сами нуждаются въ глоссахъ и примѣчаніяхъ цѣлой стаи толковниковъ. Мы находимъ здѣсь такую же противоположность глубокомыслія съ граціей, какъ у Данта сравнительно съ Аріостомъ: Вольфрамъ, подобно Клопштоку, призываетъ къ оружію нашъ духъ, тогда какъ Готфридъ, подобно Виланду, съ пріятной вылощенностью такъ и ластится къ чувствамъ; гдѣ первый смѣло соединяетъ самыя отдаленныя между собою вещи, тамъ второй покачивается нѣжась на благозвучной зыби своихъ стиховъ и превосходитъ всѣхъ современниковъ какъ внутренней, такъ и внѣшней плѣнительностью изложенья; онъ настоящее дитя свѣта, беззаботно плывущее по его теченію, тогда какъ Вольфрамъ ставитъ передъ свѣтомъ высшій идеалъ и

заставляетъ насъ благоговѣть передъ величіемъ своего воззрѣнья. Только Шиллеръ и Гёте примирили эту противоположность съ свойственнымъ имъ нравственнымъ благородствомъ души: оттого и достигли они высшаго, что̀ только можетъ дать искусство.

НѢМЕЦКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

Во Франціи трубадуры и по сословію рѣзко отличаются отъ жонглёровъ, которые то находились у первыхъ въ услуженіи и пересказывали ихъ-только пѣсни, то расхаживая по городамъ и селамъ, по за̀мкамъ и ярмонкамъ, тѣшили народъ своими пѣснями и пляской; горечь, съ какою часто нападаютъ на нихъ рыцарски-знатные товарищи, какъ на исказителей пѣсенъ и вкуса, обличаетъ въ тѣхъ скрытную зависть къ ихъ успѣхамъ. Въ Германіи грань между вѣжественно-дворскими и простонародными поэтами была шатка: миннезенгеры говорятъ о перехожихъ пѣвцахъ безъ злобы;лучшіе рыцари-поэты принадлежали здѣсь къ нижнимъ дворянскимъ родамъ, къ безпомѣстнымъ, такъ что и они должны были странствовать по дворамъ и за̀мкамъ, расчитывая на гостепріимство и щедрость знатныхъ людей. Поэзія никогда не была въ Германіи дѣломъ цеха, никогда не слыла исключительнымъ правомъ какого-нибудь одного сословія, а всегда считалась даромъ божіимъ, и пѣвцы-клирики или рыцари состязались съ людьми изъ простонародія въ искусствѣ сказывать всѣми любимыя былины какъ подъ тѣнью густыхъ липъ, такъ и въ большой за̀мковой залѣ. Такъ, во второй половинѣ 12-го вѣка странники разносили вездѣ пѣсни про Зигфрида и Дитриха Бернскаго, звучавшія и тогда какъ члены одного цѣлаго, которое служило имъ общимъ родникомъ. Еще и въ Эддѣ былина про Сигурда не впервые уже составилась изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, а очевидно живетъ въ сознаніи какъ нѣчто цѣлое, такъ что особыя ея части выходятъ вѣтвями одного и того же ствола и намекаютъ другъ на друга, хотя сложена она и разными поэтами; кто сказывалъ въ Германіи сонъ Хримгильды, тотъ ужь непремѣнно имѣлъ въ виду его выполненіе и страшную хримгильдину месть, а кто пѣлъ о смертномъ побоищѣ Гагена, тотъ соображалъ при этомъ и убійство, котораго жертвою сталъ Зигфридъ. Потомучто, какъ мы видѣли, примкновеніе божескаго миѳа къ исторіи Франковъ, Бургундовъ, Гунновъ, Готовъ, послѣдовало уже давно; циклы былинъ стеклись какъ ручьи изъ разныхъ родниковъ въ одно общее русло, и кто напримѣръ слышалъ стихъ о низверженіи Гуннами короля Гундикара, тотъ ужь мимовольно видѣлъ въ этомъ кару Гунтеру за зигфридову смерть; что Гагенъ былъ увлеченъ въ погибель, что Хримгильда была вынуждена на неизбѣжную тогда кровную месть, это также разу-

мѣлось само-собою; однажды дана была общая рама, состоящая изъ цѣпи благъ и страданій, винъ и искупительныхъ за вины расплатъ, и въ ея-то уемистыхъ предѣлахъ лучшія поэтическія силы народа обдѣлывали все точнѣе и цѣлесообразнѣе различные характеры и событія въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, пока наконецъ въ подробныхъ изображеніяхъ борьбы не только каждый богатырь получилъ подобающее ему мѣсто, но даже пріуроченъ былъ и каждый ударъ, отчеканены на́чисто всѣ главныя выраженія богатырской удали или скорбныхъ жалобъ. Вкругъ такого опредѣленнаго ядра было уже легко и привольно развернуться сказательству пѣвцовъ, носившему всегда нѣкоторый оттѣнокъ импровизаціи, свободнаго воспроизведенья.

Я упоминалъ о стихахъ про походы за невѣстами, гдѣ отразилась своей извѣстной стороной исторія Оттоновъ; такого рода стихи пріобрѣли себѣ во время крестовыхъ походовъ новое подспорье обращеніемъ на Востокъ, въ Грецію и въ Палестину. Древнее божеское и богатырское сказаніе отзывается теперь въ лицѣ короля Оренделя тѣмъ, что онъ, переплывъ море, приходитъ въ Обѣтованную Землю, добываетъ себѣ тамъ царство и жену, а родному городу своему, Триру, пріобрѣтаетъ нешвенную ризу Спасителя. «Отнитъ» разсказываетъ, какъ ломбардскій князь этого имени, съ помощію царя карликовъ, Эльбериха, увозитъ одну сирійскую царевну, а за тѣмъ погибаетъ отъ драконовъ, посланныхъ на его землю несговорчивымъ тестемъ. За него отмстилъ Вольфдитрихъ и добылъ себѣ въ жены его вдову, но напередъ испыталъ много приключеній на Востокѣ; если послѣднія напоминаютъ подвиги Исфендіара у Фирдуси, то это конечно болѣе основано на разсказахъ, слышанныхъ Нѣмцами въ краяхъ Востока, нежели на первоарійскомъ общеніи; чисто-германскою чертой является неослабная забота короля о попавшихся въ полонъ служилыхъ людяхъ. Самъ Вольфдитрихъ—сынъ константинопольскаго Гугдитриха, который, переодѣвшись дѣвушкой, снискалъ любовь ѳессалоникской царевны. Въ близкомъ родствѣ съ нимъ король Ротгеръ. Сватовство, плѣнъ, увозъ невѣсты, и здѣсь все происходитъ на Востокѣ, но родина этой былины — Тироль, и древнія преданія переплелись въ ней съ новыми уже взглядами и ощущеньями; въ былинѣ про Вильтину существенное изъ всего этого разсказывается объ Озантриксѣ. Пословъ, сватающихъ невѣсту, заключаютъ въ тюрьму; но вслѣдъ за ними является переодѣтый король и успѣваетъ привлечь къ себѣ царевну; онъ посылаетъ ей въ подарокъ пару башмаковъ, одинъ изъ нихъ ни какъ не налѣзаетъ ей на ногу, пока онъ самъ не обулъ ея и при этомъ не открылся. Царевна выпрашиваетъ у отца освободить на нѣсколько дней заключенныхъ; съ трогательной радостью привѣтствуютъ они божій свѣтъ и помогаютъ умыкнуть невѣсту. Великаны, которыхъ привезъ съ собой переодѣтый Ротгеръ, Видольтъ, котораго приходится вести въ цѣпяхъ, Асприанъ, который бросаетъ въ стѣну льва константинопольскаго императора и добываетъ огонь треніемъ жернововъ другъ о друга, — все это должно изображать страхъ, дѣйствительно внушенный западнымъ нашествіемъ императору Алексѣю I-му, и вмѣстѣ съ другими чертами указываетъ на то, что поэтъ самъ былъ на Востокѣ. По образцу греческихъ романовъ затягиваетъ онъ исторію далѣе: на пути въ Ломбардію, невѣсту опять увозитъ какой-то гусляръ, и ей при-

ходится выйдти замужъ за царя Вавилонскаго; но въ день брачнаго торжества, Ротгеръ спрятался подъ княжой столъ съ своими вѣрными слугами, онъ надѣлъ ей кольцо на́ руку и освободилъ ее для себя. Приключенія по случаю увозовъ и нечаянныхъ другъ другомъ распознаваній близкихъ между собою лицъ прикрѣпляются иногда пестрой плетеницей къ царю Соломону и къ другу его Морольфу, и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ послѣдніе ведутъ между собой игривую бесѣду, гдѣ библейская поговорочная мудрость затѣйливо противополагается народной.

Усильныя борьбы, которыя герцогъ Эрнстъ Швабскій выдержалъ противъ отчима своего, Конрада II-го, народъ тѣмъ скорѣе принялъ и воспѣлъ какъ мужественный отпоръ чрезмѣру возростающей государской власти, что вѣрная дружба Эрнста къ Вернеру Кибургскому и доблестный конецъ ихъ обоихъ такъ близко и трогательно говорилъ сердцу. Съ этимъ слились старѣйшія пѣсни о войнѣ Оттона I-го съ сыномъ его, Ліудольфомъ, и тѣ странствія, которыя послѣдній будто бы совершилъ въ дни своего изгойства, выступили въ эпоху крестовыхъ походовъ рѣшительно уже на первый планъ; ихъ изукрасили всѣми чудесами многодиковинной дали, къ нимъ приплели сказанія древности, былины Востока: журавли, которые, похитивъ индійскихъ царевенъ, лучше хотятъ пронзить ихъ насквозь клювами, нежели выдать обратно,—грифы, которые спасаютъ изъ мохового болота зашитыхъ въ тюленьи шкуры людей, гдѣ магнитная гора изъ тысячи и одной ночи утянула съ корабля все желѣзо,—плосконогіе человѣчки, прикрывающіеся отъ дождя ногами, поднятыми надъ головой, и люди, завертывающіеся въ свои собственныя уши, стоятъ здѣсь рядомъ съ гомеровскими киклопами и пигмеями, съ Аримаспами Геродота. — Во Франціи, точно такъ же какъ и въ Германіи, сочинялись повѣсти о крестоносцахъ, гдѣ ужь конечно не было недостатка въ любви прекрасныхъ Сарацынокъ и гдѣ старались особенно возвеличить извѣстные владѣтельные дома, прикрашивая дѣйствительныя событія фантастическими вымыслами.

Въ былинѣ про Зигфрида и Дитриха, этомъ общемъ достояніи народа, стихотворцы держались великаго сюжета въ точности, но вѣжественный вкусъ все-таки оказалъ свое вліяніе на obдѣлку; побѣдителямъ драконовъ и великановъ приданъ былъ оттѣнокъ миннезенгеровской мягкости; богатыри облечены были въ рыцарскую одежду, страсть къ блестящему оружію и къ празднествамъ вела съ собою подробныя описанія; многословіе идетъ здѣсь обруку съ первобытной полновѣсной краткостью, строгая сила народной пѣсни смягчается, въ болѣе нѣжныхъ и цвѣтистыхъ риомованныхъ строфахъ, художественное единство формы съ содержаніемъ встрѣчается лишь изрѣдка, пріятность впечатлѣнія обусловлена больше сюжетомъ въ совокупномъ его составѣ и нѣкоторыми превосходными частностями, а не равномѣрною гармоніей цѣлаго. Въ позднѣйшемъ, скорѣе площадномъ уже тонѣ, дошелъ до насъ одинъ стихъ о «роговомъ» Зигфридѣ: кузнецъ, у котораго богатырь въ ученіи, посылаетъ его въ лѣсъ, гдѣ свирѣпствуетъ страшный змѣй; Зигфридъ умертвилъ его, и изъ крови чудовища добылъ себѣ роговую оболочку; за тѣмъ онъ освобождаетъ бургундскую королевну Хримгильду, похищенную другимъ змѣемъ. Карликъ долженъ указать ему путь, а самъ онъ—изрубить

на части стерегущаго каменную гору великана, прежде нежели попадется ему въ руки крылатый драконъ; карлики выносятъ во время битвы сокровище Нибелунговъ изъ горной дебри, опасаясь что отъ страшной возни и шума рухнетъ, пожалуй, вся гора; Зигфридъ увозитъ его оттуда вмѣстѣ съ невѣстою, а карлики предсказываютъ ему ранній конецъ. — Изъ цикла былинъ про Дитриха Бернскаго уцѣлѣлъ стихъ о равенскомъ побоищѣ (Rabenschlacht); историческая борьба Теодериха съ Одоакромъ подъ Равенной въ 493-мъ году превратилась здѣсь въ усобицу съ дядею, который будто бы выгналъ его изъ царства. Прекрасенъ эпизодъ объ аттилиныхъ отрокахъ, Шарфѣ и Ортѣ. Дитрихъ поручился матери за ихъ жизнь, но, увлеченные воинскимъ пыломъ, они ускользаютъ изъ-подъ надзора дядьки Ильзана, и умерщвлены Виттингомъ; Дитрихъ, преслѣдуя убійцу, загоняетъ его въ море, гдѣ мать Вагильда приняла сына въ свои объятія. Скорбь самого Дитриха о погибшихъ отрокахъ примиряетъ съ нимъ даже и неутѣшную ихъ мать. Къ былинамъ про его дружинниковъ принадлежитъ стихъ о смерти Альфарта; изъ числа боевъ Дитриха съ великанами и драконами упомянемъ еще о выѣздѣ на него Эке. Этотъ не хочетъ и слышать, чтобы Дитрихъ слылъ сильнѣйшимъ изъ богатырей: пусть по всѣмъ землямъ идетъ молва, что господинъ Эке угомонилъ Бернца. Золотая броня великана ярко свѣтитъ среди лѣсу темнаго, шлемъ его звонитъ какъ колоколъ подъ ударами древесныхъ вѣтвей, звѣрь лѣсной разбѣжался въ ужасѣ, птицы передъ нимъ замолкли, и вотъ настаетъ двухдневный страшный бой; Дитрихъ наконецъ осилилъ, и уложивъ великана чуть не въ трехсаженную могилу, кличетъ ему на прощанье: «Помилуй тебя Богъ, другъ Эке!» — Король Лавринъ въ былинѣ про карликовъ заводитъ насъ въ Тироль, гдѣ онъ оцѣпилъ свой розовый садъ шелковинкою, и кто порветъ или скинетъ эту нить, тому онъ отсѣкаетъ руки и ноги. Дитриха опоили однажды волшебнымъ зельемъ, и онъ очнулся закованный въ тюрьмѣ, но своимъ огненнымъ дыханіемъ тутъ же и расплавилъ цѣпи.

Въ стихѣ про «Розовый садъ въ Вормсѣ» предстаетъ намъ, правда, не народное сказаніе, а произвольный вымыселъ поэта, которому вздумалось противопоставить другъ другу прирейнскихъ и ломбардскихъ богатырей зигфридова и дитрихова цикловъ, да и самихъ этихъ вожаковъ, въ потѣшной, но не шуточной боевой игрѣ, на которую созвала ихъ Хримгильда; однакожь въ изложеніи много простонародной свѣжести, и характеры богатырей обрисованы въ близкой связи съ преданіемъ очень удачно; особенно выступаетъ прекрасный обликъ брата стараго Гильдебранда и представитель здороваго, крѣпкаго юмора, вышепомянутый Ильзанъ, который, какъ часто водилось, по множествѣ свѣтскихъ похожденій вступилъ въ монастырь, но подъ клобукомъ все еще носитъ панцырь, и лишь раздастся зовъ къ оружію, такъ и просіяетъ прежнимъ воинскимъ духомъ; мечъ служитъ ему здѣсь иноческимъ посохомъ, и когда, наравнѣ съ другими побѣдителями на турнирѣ, Ильзанъ получилъ отъ Хримгильды поцалуй и розовый вѣнокъ, онъ потеръ ее при этомъ своей жесткой бородою, а воротясь въ свою обитель, и примѣривая вѣнокъ на монаховъ, угодилъ имъ шипами въ самое гуменцо. Не даромъ сдѣлался онъ на цѣлые вѣка любимцемъ простонародія. Сначала Дит-

рихъ Бернскій не охотно идетъ на Зигфрида; оружейный дядька Гильдебрандъ укоряетъ его за это и даже даетъ ему тумака, на что король отвѣчаетъ мечомъ, разумѣется—плашмя, фухтельнымъ ударомъ, и потомъ, разсерженный, рьяно идетъ въ бой. Но Гильдебрандъ узнаетъ, что баринъ все-таки еще бьется плохо, и велитъ закричать ему, что онъ, старикъ, умеръ отъ его удара. Дитрихъ приходитъ отъ этого въ ярость и отчаяніе, изо рту у него такъ и пышетъ жаромъ, роговая оболочка Зигфрида начинаетъ таять какъ воскъ, и Хримгильда спѣшитъ набросить на своего любимца покрывало. Трудно-возбудимое, но потомъ могучее и неодолимое мужество Германца изображено здѣсь въ юномъ Дитрихѣ, въ противоположность Зигфриду.

Но надъ уровнемъ всѣхъ этихъ частныхъ былинъ величаво высится настоящій народный эпосъ, пѣснь про Нибелунговъ, и если мы упомянули о первыхъ, то болѣе изъ-за нея нежели изъ-за нихъ самихъ. При обзорѣ Эдды и великаго переселенія народовъ я разсмотрѣлъ уже миѳическую и историческую основу поэмы и прослѣдилъ ростъ ея, сопутствовавшій росту самого народа; уже и изъ этого вполнѣ ясно, что о поэтѣ можемъ мы говорить здѣсь только какъ объ уряжающемъ обформщикѣ, который только одѣлъ въ прочную литературную оболочку созданія общенароднаго духа, дотолѣ постоянно рождавшіяся и снова опять исчезавшія въ одномъ лишь устномъ преданіи, въ текучемъ, измѣнчивомъ еще видѣ, — который самосознательно совокупилъ воедино цѣлое, прежде таившееся только въ душѣ народа, и осуществлявшееся единственно лишь въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, какъ живыхъ своихъ членахъ и проявленіяхъ. Это совершено въ началѣ 13-го вѣка въ Австріи человѣкомъ такъ-называемаго «дворскаго», вѣжественнаго образованія, за котораго (при недостаткѣ вѣрныхъ о томъ свѣдѣній) намъ дозволительно вмѣстѣ съ Францемъ Пфейфферомъ принимать Кюренбергера, такъ-какъ строфическій складъ Нибелунговъ слыветъ кюренберговскимъ и тонъ пѣсенъ его ясно отзывается въ любви Хримгильды съ Зигфридомъ. И дѣйствія, и характеры нашелъ онъ готовыми, налицо; но какъ народная былина успѣла облечь тогда свой смыслъ и содержаніе въ многоразличныя уже формы, то не все сплошь одинаково извѣстно поэту: происходящее на берегахъ Дуная — къ нему ближе, и тутъ его созданіе предстаетъ намъ величаво и свѣтло въ замкнутомъ единствѣ; не такъ ясна для него болѣе отдаленная прирейнская исторія, и здѣсь встрѣчаемъ мы у поэта разные пробѣлы, видимъ, что мотивы, попадавшіеся ему въ народныхъ пѣсняхъ, были для него темны, что напримѣръ онъ совершенно опустилъ первоначальную любовь Зигфрида къ Брунгильдѣ, и что онъ поэтому даже не понимаетъ слезъ, проливаемыхъ ею въ день брака возлѣ Гунтера, когда она видитъ Хримгильду супругой Зигфрида,—не понимаетъ, отчего пылъ гнѣва долженъ былъ такъ страшно разгорѣться въ ея груди, когда она узнала, что Зигфридъ былъ тотъ самый, чьей силѣ, чьей любви она должна была уступить, и кто выдалъ ее потомъ замужъ за другого; она видитъ себя преданною, опозоренною, и любовь ея превращается въ смертельную ненависть, но пробуждается опять надъ зигфридовымъ трупомъ и соединяетъ ее съ нимъ добровольной смертью навсегда. Такимъ образомъ самая гибель Зигфрида становится искупительною жертвой, а поэту выпадаетъ стало-быть задача устранить напитокъ забвенія, который подается герою въ Эддѣ, и пустить на мѣсто его въ

ходъ юную любовь Хримгильды, служащую подспорьемъ его зрѣлому мужеству, такъ что прежній союзъ съ Брунгильдой кажется ему теперь скорѣе чѣмъ-то вродѣ старой богатырской дружбы, и онъ добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что бракъ ея съ Гунтеромъ воспламенитъ слишкомъ сдержаннаго мужа, укротитъ и умѣритъ слишкомъ пылкую жену, и тѣмъ самымъ обратится во благо имъ обоимъ. Тогда становится понятной солнечно-ясная веселость Зигфрида, и если мы хотимъ вполнѣ насладиться великолѣпіемъ германскаго народнаго эпоса, то непремѣнно должны отнестись къ нему самодѣятельно, производительно, и дополнить себѣ первую половину пѣсни о Нибелунгахъ на сейчасъ указанный нами ладъ. Но при всемъ томъ остережемся продешевить заслугу урядителя-поэта. Изъ груды многоголоснаго преданія выбралъ онъ все, что наиболѣе отвѣчало его цѣли, распространилъ и уравновѣсилъ подробности, облекъ цѣлое въ одежду общественнаго и домашняго быта своей эпохи и вездѣ пролилъ на него тотъ колоритъ, который знаменуетъ собой конецъ 12-го столѣтія. Субъективное настроеніе, пробуждаемое въ немъ народною былиной, внутренно царитъ во всей сплошь поэмѣ; оно заявляетъ себя уже и въ самомъ началѣ тою многовѣщею тѣнью, какую бросаетъ сонъ Хримгильды о растерзанномъ соколѣ; мы ощущаемъ его и тогда, когда Зигфридъ, въ порывѣ крайняго своеволія, похищаетъ кольцо и поясъ Брунгильды, и когда, умирая, падаетъ блѣдный какъ полотно на яркіе цвѣты; въ заключеніе оно все цѣликомъ высказалось въ одномъ словѣ: что радость подконецъ всегда родитъ страданье. Кромѣ этого общаго настроенья, неразрывная связь цѣлаго поддерживается еще судьбой, но судьбой не въ видѣ слѣпой силы, а въ видѣ божескаго правосудія, въ видѣ нравственнаго міропорядка, въ видѣ неизбѣжнаго сцѣпленія утѣхи со скорбію, вины съ искупительною за нее жертвой. Лахманнъ отыскалъ въ германскомъ эпосѣ 20 пѣсенъ, настоящихъ перловъ истинно-народной поэзіи, и вынулъ ихъ изъ той широко-разукрашенной оправы, какую придалъ имъ «дворскій», вѣжественный вкусъ; даже и не раздѣляя убѣжденія, чтобы онѣ когда-либо существовали въ такомъ (критически-очищенномъ) видѣ, мы все-таки можемъ находить въ нихъ полное эстетическое наслажденіе и всегда будемъ за это обязаны благодарностью остроумному и въ высшей степени чуткому критику.

Демоническая сторона естественнаго миѳа и всего языческаго многобожія остается для нашего поэта въ темнотѣ, или проглядываетъ у него только мѣстами, помимо его воли и сознанія; господствующею религіей стала уже рѣшительно христіанская, и какъ вмѣстѣ съ нею внутреннее чувство сдѣлалось средоточіемъ всей людской жизни, то и демоническій элементъ перешелъ теперь изъ внѣшней природы въ душу человѣка, онъ господствуетъ въ очарованіяхъ сердечной любви и въ неодолимыхъ, сокрушительныхъ порывахъ страсти: любовная преданность Хримгильды, мужеская вѣрность истаго дружинника, Гагена, проявляются здѣсь въ своей единовластной, забывающей все остальное силѣ со всѣми ужасами трагическаго величія и сплетаютъ какъ бы изъ желѣзно-крѣпкихъ нитей цѣлую сѣть роковой, неизбѣжной судьбы. Мало того: женщина, какъ представительница міра внутренняго чувства, становится видимымъ средоточіемъ цѣлаго; пѣсня начи-

нается сонною дѣвическою грезой Хримгильды и оканчивается ея смертью. Ея тихая, неясная для нея самой многовѣщая дума раскрывается вдругъ невѣдомымъ для нея счастіемъ, какъ скоро появился Зигфридъ. Тутъ выступаетъ она утренней зарёй изъ темныхъ облаковъ. Склонность ея обнаруживается въ безмолвныхъ взорахъ, въ рукожатіяхъ, въ поцалуяхъ; дѣвушка догадывается, что изъ-за нея одной Зифридъ, въ союзѣ съ ея братьями, ведетъ войну противъ Саксовъ, сватаетъ Брунгильду за Гунтера, пока наконецъ самъ онъ не признался ей въ любви, и тогда они проводятъ дни неизреченнаго блаженства. Въ сердечномъ восторгѣ, не можетъ она скрыть какъ усладительна для нея мысль, что супругъ ея блещетъ передъ всѣми другими богатырями, какъ ясный мѣсяцъ передъ звѣздами, — и она говоритъ объ этомъ, не подозрѣвая какъ глубоко уязвляетъ тѣмъ Брунгильду; любовь къ Зигфриду и справедливая имъ гордость внушаютъ Хримгильдѣ строптивое упорство и влагаютъ ей въ уста горькія, преувеличенныя даже рѣчи, которыя такъ страшно оскорбительны для Брунгильды, что мужъ ея, такой же служилый воинъ, какъ и Гагенъ, не можетъ видѣть ея слезъ и не ощутить непреодолимаго желанья мести. По прежнему ничего еще не подозрѣвая, Хримгильда означаетъ краснымъ крестомъ на плащѣ Зигфрида то мѣсто, гдѣ онъ уязвимъ. Но когда рано утромъ она находитъ его мертвымъ у своего порога, тогда все вдругъ разомъ для нея проясняется, тогда вдругъ родится въ душѣ ея мысль, что отнынѣ вся жизнь ея должна быть посвящена скорби и возмездію. Много лѣтъ проводитъ она втиши; когда Рюдигеръ пришелъ сватать ее за короля Этцеля (царя Аттилу), тогда только высказала она, что еслибъ кто зналъ сердечную ея кручину, никогда не посовѣтывалъ бы ей вступить въ новый бракъ: она утратила въ мужѣ то, что̀ никогда не доставалось въ удѣлъ ни одной женщинѣ. Потомъ приходитъ ей на мысль, что могуществомъ Гунновъ можно вѣдь воспользоваться для страшнаго мщенія, и она заставляетъ Рюдигера поклясться, что онъ первый въ случаѣ нужды станетъ помогать ей. Опять проходитъ нѣсколько лѣтъ, пока она выпросила у Этцеля позволеніе пригласить къ себѣ своихъ рейнскихъ сродниковъ; «Хримгильда все еще плачетъ», говоритъ Дитрихъ Бернскій въ предостереженіе ѣдущимъ гостямъ. И когда Гагенъ высокомѣрно признается, что онъ своей рукой убилъ Зигфрида, а между тѣмъ ни одинъ Гуннъ не рѣшается выйдти на богатыря, тогда она велитъ сперва избить врасплохъ всю сопровождавшую гостей дружину, а потомъ зажигаетъ гридню надъ братьями и требуетъ выдачи Гагена. Ей въ этомъ отказываютъ. Пусть же въ такомъ случаѣ погибнутъ братья вмѣстѣ съ Гагеномъ, и съ виновными даже невинный Гизельгеръ. Мало того: когда изъ всѣхъ гостей остались въ живыхъ только Гагенъ и Гунтеръ, теперь ужь узники, она отсѣкаетъ родному брату голову, за то что Гагенъ не соглашается указать, гдѣ погружено въ Рейнѣ сокровище Нибелунговъ, покамѣстъ живъ его господинъ. Она вырываетъ висящій у Гагенова бедра мечъ Зигфрида и собственноручно отмщаетъ имъ за его убійство. Тогда старикъ Гильдебрандъ изрубилъ и ее за то, что она порушила миръ, обѣщанный Дитрихомъ Бернскимъ на̀ слово обоимъ плѣннымъ. Изъ глубины взмятенныхъ ея чувствъ возникаетъ и ростетъ снѣжною ла̀виной роковая судьба, чему, въ свою очередь, содѣйствуютъ и Бургундцы, забывшись въ своей строптивости до того, что не даютъ самому Этцелю молвить

слова; гибель такимъ образомъ охватываетъ множество людей, но зато и въ гибнущихъ развертываются еще такія великія, благородныя черты, что, какъ въ эсхиловской и шекспировской трагедіи, мы склоняемся здѣсь передъ исполинскимъ рокомъ, «возвышающимъ человѣка въ то самое время, когда онъ вконецъ его сокрушаетъ».

Преданность къ оскорбленной королевѣ (Брунгильдѣ) побудила свирѣпаго Гагена доконать Зигфрида не въ честномъ бою, а вѣроломнымъ убійствомъ. Онъ знаетъ, что на него теперь направлена месть Хримгильды; онъ могъ бы остаться дома, но не хочетъ чтобъ товарищи ѣхали въ гости безъ него, одни. Когда русалки предсказали ему, что изъ гостей воротится одинъ капланъ, онъ проклинаетъ судьбу, и тутъ же кидаетъ послѣдняго въ Дунай-рѣку, а когда тотъ выплылъ къ берегу, Гагенъ, сходя съ барки разрушилъ ее съ досады. Когда онъ потомъ не хочетъ встать передъ Хримгильдою и съ жесткою строптивостью нарочно кладетъ мечъ Зигфрида себѣ на колѣни, тогда союзникомъ ему является гудочникъ Фолькеръ, и трогательно-прекрасна сцена, какъ они вдвоемъ стоятъ на ночной стражѣ, чтобы дать еще разъ спокойно уснуть своимъ государямъ и друзьямъ; а въ слѣдующія за тѣмъ кровавыя и мрачныя картины боя неожиданно вошла даже черта мѣткаго юмора, когда самъ Этцель вынужденъ отозваться о гуслярѣ: «напѣвы его зловѣщи, въ нихъ такъ и сверкаютъ красныя полосы, и смотрите, если своими звуками онъ не уложитъ мнѣ замертво не одного пожалуй богатыря». Гунтеръ, напротивъ, радъ красному оттѣнку фолькерова бойкаго смычка, который какъ будто бы рѣжетъ сквозь твердый булатъ, гудя звуками и въ шлемѣ и въ щитовыхъ пластинахъ. Намъ невольно вспоминается вѣроломное убійство Зигфрида, когда послѣ дневного боя ночью запылала надъ Бургундцами гридня; истомленные жаждой пьютъ они кровь падшихъ товарищей; среди полныхъ дыма развалинъ стоятъ въ туманѣ едва брезжущаго дня; имъ хотѣлось бы выбраться на свѣтъ божій, чтобы пасть по крайней мѣрѣ на вольномъ воздухѣ; но государи не согласны на предлагаемый имъ свободный пропускъ, такъ-какъ непремѣннымъ условіемъ его ставится выдача Гагена, а отъ взаимной вѣрности ни кто не долженъ отступать ни на шагъ. Угощеніе путникамъ въ рюдигеровомъ замкѣ, гдѣ молодой Гизельгеръ обручился съ его дочерью, гдѣ Гернотъ обмѣнялся съ нимъ мечомъ, гдѣ Гагенъ получилъ отъ него щитъ въ подарокъ,—все это явилось намъ прежде какъ бы кроткою идилліей передъ страшнымъ побоищемъ, напоминающимъ собой «затменіе» самихъ древнегерманскихъ боговъ; но теперь мы видимъ какъ развиваются отсюда въ то же время и мотивы для новыхъ, истинно-потрясающихъ явленій. Хримгильда напоминаетъ Рюдигеру его клятву; онъ долженъ теперь сдержать ее и биться противъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ такъ радушно у себя принималъ и потомъ проводилъ къ ней, съ которыми вступилъ въ такія тѣсныя связи. Душевная борьба его изображена превосходно: лучше бы ему скитаться по чужбинѣ бездомному, лучше бы умереть, чѣмъ въ исполненіе клятвы идти на друзей, а не то спасеніемъ ихъ нарушить данную присягу. Съ сокрушеннымъ сердцемъ ищетъ онъ смерти въ побоищѣ; онъ и Гернотъ падаютъ отъ взаимно-нанесенныхъ ими ударовъ, съ нимъ перебитъ и весь вѣрный его людъ. Тишь, наставшая вслѣдъ за боемъ,

и громкій потомъ стонъ поразили чуткій слухъ Дитриха Бернскаго. Онъ посылаетъ старика Гильдебранда освѣдомиться, что случилось; молодые витязи снарядились провожать его; они требуютъ рюдигерова тѣла, врываются въ палату какъ молодые львы, мѣрятся свѣжей силой съ утомленными уже Бургундами; отдѣльныя схватки описаны такъ же живо какъ въ Иліадѣ, и одна примкнута къ другой цѣпью внутреннихъ мотивовъ. Вся бернская молодежь пала; Гильдебрандъ, разсѣкши черепъ Фолькеру, одинъ бѣжитъ отъ Гагенова меча, котораго владѣлецъ оставался еще въ живыхъ, самдругъ съ Гунтеромъ. Обоихъ одолѣваетъ наконецъ Дитрихъ Бернскій, и стоитъ въ одинокомъ величіи надъ грудой мертвыхъ тѣлъ, подобно тому какъ и во всемірной исторіи ликъ его высится надъ развалинами великаго переселенія народовъ, надъ погибелью Готовъ и Гунновъ.

Напряженная сила въ этой второй половинѣ пѣсни о Нибелунгахъ не представляетъ такого ясно гармоничнаго развитія какъ въ Иліадѣ, но она въ своемъ родѣ не менѣе удивительна. Вмѣсто той привольной широты, съ какой гомеровскіе герои излагаютъ внутреннія свои чувства, германская поэма стягиваетъ цѣлыя семьи помысловъ въ одиночныя полновѣсныя слова, которыхъ усиленная краткость напоминаетъ собой величайшихъ драматиковъ, ни въ чемъ имъ не уступая. Уничиженіе юноши передъ возлюбленной, въ которой онъ видитъ недостижимый идеалъ и съ которою однако ни какъ не можетъ разстаться, оно все замкнуто въ тѣхъ немногихъ стихахъ, которые Зигфридъ мысленно произноситъ, увидавъ Хримгильду:

Ну могъ ли я когда помыслить, что суждено тебя мнѣ полюбить?
Мечта пустая, этому не быть.
Но и бѣжать тебя,— нѣтъ, лучше лечь въ могилу.

А когда Хримгильда неожиданно увидѣла потомъ его трупъ, она разомъ все узнала, молніей сверкнула передъ ней вся ея будущность:

О, горе мнѣ! Я вижу, вотъ твой щитъ,
Мечами не разсѣченный лежитъ!
Убитъ ты воровски! и знай я чьей рукою,—
Предатель долженъ ждать злой смерти надъ собою.

Когда они сидятъ за царскимъ столомъ въ за́мкѣ Этцеля, и вдругъ придитъ вѣсть, что на ихъ конвой послѣдовало вѣроломное нападенье, тогда Гагенъ дѣлаетъ разрывъ невозвратнымъ: онъ тутъ же отсѣкаетъ голову Этцелеву сыну, произнося страшно-прекрасныя слова:

Такъ царскимъ-истинно виномъ любви заздравицу мы выпьемъ!

Любовная заздравица въ память Зигфрида должна быть свѣжепролитая кровь избитыхъ Гунновъ, полносными кубками пусть будутъ мечи, кровью великаго жертвоприношенія должна искупиться кровь героя.

Съ живописной наглядностью стоятъ передъ нами характеры въ контрастирующихъ между собой группахъ и въ дѣятельномъ соотношеніи; твердость очер-

таніи всего видимаго напоминаетъ намъ опять рѣзецъ Гомера, случается даже что тѣлодвиженіемъ выяснено то, что не договорено словомъ. Гагенъ, напримѣръ, подмѣтилъ, что встрѣчая братьевъ Хримгильда приняла ихъ неодинаково, поцаловала одного Гизельгера,—и Гагенъ тутъ же крѣпче затянулъ свой шлемъ. Далѣе, нельзя не удивляться тому, какъ любое внѣшнее дѣйствіе является здѣсь внутренно обоснованнымъ, какъ мы нечувствительно входимъ въ настроеніе души, изъ котораго произошелъ каждый поступокъ, какъ ни одинъ почти тяжкій ударъ не падетъ безъ того чтобъ мы не узнали, что́ ощущаютъ при этомъ тотъ, кто нанесъ его, и тотъ, кому онъ нанесенъ. Такимъ образомъ самоуглубленность германской души даетъ себя знать и во внѣшней по преимуществу наглядности эпическаго стиля. Греческій эпосъ беретъ верхъ чистымъ изяществомъ формы, нѣмецкій—величіемъ содержанія. Фигуры его вылиты изъ бронзы, иногда сѣроваты какъ желѣзо и рѣзки какъ булатный мечъ, но зато надѣлены таинственно влекущею магнитною силой; фигуры греческаго эпоса—свѣтлые мраморные лики, съ улыбкою вѣчной, божественной юности на благородномъ челѣ. Возьмемъ здѣсь, только примѣнивъ его посвоему, сравненіе, которое впервые употребилъ Гервинусъ. Подобно греческому храму, эпосъ Эллиновъ легко обозримъ за одинъ разъ снаружи и внутри; съ изящной вездѣ соразмѣрностью выполненъ онъ по ясному плану, художественно законченъ и въ цѣломъ, и въ каждой своей подробности. Германскій эпосъ похожъ, напротивъ, на одинъ изъ тѣхъ средневѣковыхъ соборовъ, надъ которыми трудились цѣлые вѣка; задуманный и начатый въ круглодужномъ романскомъ стилѣ, продолжался онъ въ готическомъ, расширялся пристройками, неудержно порывался въ высь; онъ не такъ удовлетворителенъ общимъ эстетическимъ впечатлѣніемъ, но зато тѣмъ поучительнѣй и привлекательнѣй въ историческомъ смыслѣ; не отличаясь такимъ гармоническимъ единствомъ, онъ неистощимо обиленъ въ частностяхъ; надо войдти внутрь его, и тогда раскроется передъ нами все его величіе, тогда онъ преисполнитъ насъ благоговѣйнаго трепета къ своей чудной высотѣ.

Мы обойдемъ здѣсь „Плачъ по Нибелунгахъ“,—искусственный уже стихъ, повѣдывающій сродникамъ падшихъ героевъ о смертномъ ихъ побоищѣ, и разсмотримъ другое произведеніе, которое точно такъ же относится къ Нибелунгамъ, какъ Наль и Дамаянти къ ядру Магабгараты, или какъ Одиссейя къ Иліадѣ; подобно имъ, это пѣснь о женской вѣрности, дающая намъ заглянуть въ домашній бытъ, изъ среды боевыхъ напастей ведущая въ укромный пріютъ мира и удовольствія; подобно Одиссеѣ, вся она гудетъ шумомъ морскихъ волнъ. „Гудрунь“ вовсе не побочное солнце къ Нибелунгамъ,—это было бы только призрачнымъ воздушнымъ отраженіемъ; она скорѣе похожа на кроткій мѣсяцъ рядомъ съ кровебагрянымъ солнцемъ, — похожа еще и потому, что пѣснь Нибелунговъ блещетъ своимъ собственнымъ, первичнымъ свѣтомъ, и что только благодаря ей или по ея слѣдамъ Гудрунь сложилась потомъ въ эпосъ. Столь дорогой, столь близкій германскому характеру, что онъ вошелъ даже и въ народную сказку, обликъ жены, которая проявляетъ и еще возвышаетъ свое достоинство среди загона, подслужности, утѣсненія, пока достигнетъ наконецъ счастія и торжества, — этотъ обликъ нашелъ себѣ здѣсь величаво-изящную обработку: именно подъ гнетомъ внѣшняго уничиженія Гудрунь и раскрываетъ все благородство своей прекрасной души, и потомъ

возвысившись, разсыпаетъ вокругъ себя благодѣянія. Поэма эта имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменательную историческую основу: изъ сумятицы международныхъ войнъ ведетъ она къ миру и союзу народовъ.

И тутъ опять Эдда представляетъ намъ доказательства вошедшихъ въ Гудрунь древнебылинныхъ элементовъ. Мы видимъ, что въ божескомъ миѳѣ на престолѣ Одина сидитъ первоначально солнобогъ Фрейръ и усматриваетъ вдругъ прекрасную Герду, вѣроятно землю, въ ея зимнемъ снѣжно-ледяномъ уборѣ. Онъ засылаетъ къ ней слугу съ золотыми яблоками, кольцомъ и своимъ собственнымъ мечомъ для любовныхъ переговоровъ; она обѣщаетъ ему черезъ девять ночей свиданіе, и Фрейръ поетъ:

Длинна и ночь одна, а двѣ еще длиннѣе,
Ну какъ, скажите, пережить мнѣ три?
Вѣдь часто мѣсяцъ цѣлый длится меньше,
Чѣмъ ночи часть, когда придется ждать.

Миѳъ томящейся любви нашелъ себѣ отголосокъ и у Нѣмцевъ въ сказкѣ про вѣрнаго Ивана. Младшая Эдда повѣдываетъ намъ далѣе, какъ Гильда, дочь короля Гёгни, была похищена Гединомъ, какъ отецъ настигаетъ ее у Оркнейскихъ острововъ, и какъ цѣлый день длится тамъ кровавая сѣча. Ночью Гильда будитъ падшихъ на побоищѣ, и на другой день бьются они опять, что продолжается такимъ порядкомъ до самаго „затменія боговъ“. Здѣсь находимъ мы имена Гагена, Гильды, Геттеля, которыя встрѣчаются намъ опять и въ позднѣйшемъ стихѣ, а двойственный разсказъ о похищеніи Гильды и Гудруни и о битвахъ, возникшихъ по этому поводу, чуть ли не произошелъ изъ разныхъ изводовъ одной и той же былины, а за тѣмъ, по средневѣковому обычаю, замысловато употребленъ поэтомъ въ дѣло такимъ образомъ, что исторія родителей представляетъ какъ бы зачатокъ дальнѣйшей судьбы дочери ихъ, Гудруни, и что вмѣстѣ съ тѣмъ судьба возмѣщаетъ страданіями родителямъ ту скорбь, какую они причинили напередъ другимъ. Былина, какъ выяснилъ это К. Гофманъ, возникла на островахъ къ сѣверу отъ Шотландіи и переходила тамъ изъ устъ въ уста въ балладахъ, а затѣмъ пріурочилась мѣстно во Фризландіи, Даніи и Нормандіи, гдѣ стала символическимъ изображеніемъ морскихъ набѣговъ и усобицъ прибрежныхъ этихъ племенъ. Похищеніе женщинъ такъ часто порождало войны, что надо же было наконецъ красавицамъ повести своей вѣрною любовью и къ мирнымъ брачнымъ союзамъ. Поэтъ и здѣсь является не сочинителемъ, а только окончательно уряжающимъ обформщикомъ того, что̀ было постепенно создано духомъ народнымъ.

Предварительную исторію Гагена мы отложимъ прочь: что онъ еще дитятей изъ Ирландіи занесенъ былъ грифомъ въ Индію и потомъ освободился оттуда въ сообществѣ нѣсколькихъ царевенъ, это звучитъ не погермански, и приставлено тутъ совсѣмъ некстати во вкусѣ ирландскаго кельтизма. Гагенъ такъ горячо любитъ дочь свою Гильду, что не отдаетъ ее ни за кого. Король Даніи Геттель посылаетъ по ней вѣрныхъ слугъ своихъ, стараго силача Вате, умнаго Фруте и пѣвца Горанда; подъ видомъ купцовъ пускаются они съ богатыми дарами въ дальній путь; Вате выдерживаетъ для опыта честный бой противъ Гагена, Фруте подноситъ подарки, Горандъ поетъ свои пѣсни, —

дивныя, обворожающія всѣхъ, такъ что даже дикіе звѣри покидаютъ свои логова и рыбы подплываютъ его послушать. Стало-быть и здѣсь любовь стараются добыть золотомъ, мечомъ и пѣснью. По лучшимъ передатчикомъ ея томленій послѣдняя, и Гильда слѣдуетъ ея зову. Гагенъ спѣшитъ за ней въ погоню; близъ Валейса, у морского берега, дѣло доходитъ до сраженія; Гильда разлучила бойцевъ, видя что отцу ея плохо приходится отъ Геттеля, да отецъ объявляетъ и самъ, что вполнѣ доволенъ людьми, у которыхъ суждено отнынѣ жить его дочери. Гильда становится матерью двоихъ дѣтей, сына — Ортвина, и дочери — Гудруни. На послѣдней сватается Гартмутъ Нормандійскій, но получаетъ отказъ, тогда какъ Гервигъ Зеландскій смѣлымъ военнымъ подвигомъ добываетъ ее себѣ въ невѣсты. Но вотъ онъ отлучился съ Геттелемъ въ походъ, а Норманны вторгаются въ Данію и похищаютъ дѣвицу. Отецъ и суженый готовы на все чтобы ее выручить. Доходитъ до многопрославленной въ пѣсняхъ битвы на Вюльпенскихъ пескахъ. Геттель палъ, сраженный норманнскимъ королемъ Людвигомъ. Наступившая ночь прервала сѣчу, но темнота даетъ Норманнамъ возможность убѣжать. Вате приноситъ эту вѣсть Гильдѣ.

Надо же тому случиться! въ горѣ молвила она:
Отдала бъ я все охотно, что̀ найдется у меня,
Лишь отмстить бы мнѣ проклятымъ, такъ ли инакъ все равно,
И опять увидѣть дочку, — не видалась съ ней давно!

Жажда мести за супруга и вмѣстѣ надежда свидѣться еще съ Гудрунью наполняютъ душу вдовы и матери, а не только скорбь и мщеніе, какъ мы видѣли у Хримгильды; на кручину ея упалъ свѣтлый, кроткій лучъ, который уже заранѣе сулитъ намъ въ будущемъ, что горе обратится въ радость.

Гартмутъ предлагаетъ самого себя и все свое богатство любимой имъ Гудруни, но она ото всего отказывается; отецъ его убилъ ея отца въ бою, какъ же ей лежать въ объятіяхъ Гартмута? Да притомъ ей милъ уже Гервигъ. Тогда старая королева Герлинда беретъ ее подъ свой строгій началъ. Дочь моей матери, похваляется она, рѣдко раздувала пожары, когда ей приходилось только зажечь огня, не болѣе. Гудрунь находитъ себѣ участіе и дружбу въ Ортруни, сестрѣ Гартмута, а съ другой стороны оказываетъ ей вѣрную преданность Гильдбурга. Вдвоемъ съ послѣднею Гудрунь должна идти на взморье простоволосая и босикомъ, мыть на холодномъ мартовскомъ вѣтру заношенную одежду королевы, какъ вдругъ являются Гервигъ и Ортвинъ. Женскій стыдъ сначала заставляетъ дѣвушекъ бѣжать, но мужчины дружески уговариваютъ ихъ воротиться, предлагаютъ имъ свои плащи и освѣдомляются о владыкахъ этого края; Ортвинъ распрашиваетъ про Гудрунь, а Гервигъ успѣлъ уже сравнить черты одной изъ дѣвушекъ съ образомъ, который онъ носитъ въ своемъ сердцѣ, и прямо говоритъ, что это и должна быть она сама. Гудрунь на это отвѣчаетъ: Ты тоже похожъ на одного мнѣ знакомаго; если Гервигъ живъ, онъ навѣрно освободитъ меня. Если ты признаешь золото на моей рукѣ, говоритъ Гервигъ, я съ радостью увезу тебя отсюда, а она показала ему весело смѣясь кольцо, которымъ онъ обручился съ нею. Ему хотѣлось бы тотчасъ взять ее, но Ортвинъ настаиваетъ на томъ, чтобы похищенная насильствомъ, силою же была и отнята. Витязи ѣдутъ къ своей дружинѣ, которую они сначала опередили.

Дочь Гильды говоритъ, досадою горя:
Нѣтъ, я не та чтобъ мнѣ стирать Герлинды платья;
Не по душѣ такія мнѣ занятья:
Меня вѣдь миловали два царя.
И что Гильдбурга ей любя ни возражала,
Гудрунь всѣ платья хвать, и въ море покидала;
Они поплавали недолго, а за тѣмъ
Едвали найдены когда ужь были кѣмъ. *

Когда она пришла домой, Герлинда хочетъ связать ее и высѣчь розгами. Гудрунь говоритъ смѣючись, что это было бы совсѣмъ ужь не подъ стать дѣвушкѣ, которая собирается на другой день выйдти замужъ и носить корону. Королева радехонька это слышать, она посылаетъ за сыномъ, думая что упорная Гудрунь наконецъ сдалась, и однакожь внезапное веселье дѣвушки както невольно ее пугаетъ. Да, правда, и не даромъ. На разсвѣтѣ зеландское и датское войско обложило крѣпостцу Норманновъ, и Вате затрубилъ въ свой звонкій рогъ. Король Людвигъ, нѣкогда убившій Геттеля, палъ отъ гервиговыхъ ударовъ, а Вате довелъ до послѣдней крайности Гартмута. Тогда, уступая слезнымъ мольбамъ сестры его, Ортруни, Гудрунь проситъ своего милаго Гервига спасти юношу. Она вступается потомъ за норманскихъ женщинъ, и только когда Вате схватилъ злобную Герлинду, она предоставляетъ ее заслуженному наказанію. Гартмутъ и Ортрунь, оба царское отродье, уводятся плѣнными; но когда Гудрунь увидѣла опять свою мать и соединилась съ милымъ сердцу, она пожелала водворить общій миръ и веселіе, и обручила подругу свою, Гильдбуру, съ Гартмутомъ, а брата Ортвина съ Ортрунью. Гартмутъ долженъ воротиться домой и вступить во владѣніе своимъ королевствомъ; Гильдбурга должна жить съ нимъ такъ, чтобъ не было и помину о прежнихъ ссорахъ; месть взяла свое, вина искуплена, отнынѣ должны царствовать совѣтъ и любовь.

Поэма эта обдѣлана круглѣе и тщательнѣе Нибелунговъ: она выставляетъ новые характеры и умѣетъ сохранить за каждымъ своебытное его выраженіе. Строфа ея, нѣсколько расширенная противъ кюренберговской, состоитъ какъ извѣстно изъ четырехъ стиховъ; второй риѳмуетъ съ первымъ, четвертый съ третьимъ, при общемъ для всѣхъ мужскомъ окончаніи; но каждый стихъ дѣлится на двѣ половины: въ первой изъ нихъ три подъема или ударныхъ слога, и оканчивается она женской цезурою; во второй половинѣ четвертаго стиха, ради полновѣснѣйшаго закончанія строфы, не три, а четыре уже подъема. Безударные слоги ставятся и позади и впереди ударныхъ по произволенію, такъ что складъ выходитъ ямбическій или трохаическій, — это все равно; ихъ даже можетъ не быть вовсе, отчего ударенія терпко сталкивают-

---

* Приведемъ послѣднюю строфу въ подлинникѣ, ради ея наивности и непередаваемаго по-русски размѣра:

Was auch Hildburg sagte, zum Meere trug Gudrun
Gerlindàs Kleider alle; ins Zürnen kam sie nun;
Sie schwang sie mit den Händen; sie fielen weit nieder
Und schwammen eine Weile; ich glaube niemand fand sie jemals wieder.

ся одно съ другимъ, приходясь бокъ-о-бокъ, напр. die stáhlhárten Helme *. Строфа пріобрѣтаетъ этимъ много ритмическаго разнообразія, какъ напримѣръ, когда о гудочникѣ Фолькерѣ говорится такъ:

Da strich er seine Saiten, dasz all das Haus erdosz.
Seine Kraft und seine Geschicke die waren beide grosz.
Süszer immer süszer geigen er begann;
So spielet'er in Schlummer gar manchen sorgenfollen Mann **.

Строфа Гудруни во второй своей половинѣ представляетъ женскія риѳмы, а въ заключительномъ полустишіи даже пять подъемовъ (что для русскаго уха вовсе не отзывается уже и стихомъ), она мягче и сложнѣе стиховъ пѣсни про Нибелунговъ, она болѣе лирическаго свойства, тогда какъ послѣдніе эпичнѣй.

Скажемъ вмѣстѣ съ Гервинусомъ: «Обѣ поэмы останутся вѣчной славою «германскаго народа. Всмотрѣвшись въ эти созданія, полныя здоровой силы, «прямодушнаго, хоть и суроваго образа чувствъ и мыслей, еще грубыхъ, «но зато чистыхъ и благородныхъ нравовъ, и сравнивъ ихъ съ безстыжимъ, «противнымъ и вѣтренымъ содержаніемъ британскихъ романовъ, или съ пу-«стыми, вздорными, безпутными сюжетами французскихъ, мы услышимъ здѣсь «гораздо болѣе живыя свидѣтельства въ пользу свойственнаго нашему наро-«ду превосходства, нежели сухіе, голословные отзывы хронистовъ, и най-«демъ у отцовъ нашихъ въ зародышѣ ту чпвость, степенность и искрен-«ность, всѣ тѣ добрыя качества, какими отличаемся мы въ кругу европей-«скихъ націй и теперь. Эти великолѣпные сюжеты стародавней поэзіи, хотя «и не блистая выказною умственной ловкостью, проявляющейся въ другихъ «поэзіяхъ той эпохи, даютъ поводъ заключать о томъ обиліи души, о томъ «умѣньи здраво обсудить все человѣческое и божеское, которыя и донынѣ «остались наслѣдіемъ народа, все ростущимъ и пріумножающимся съ каж-«дымъ новымъ оборотомъ прежнихъ его богатствъ».

Наконецъ, германскій духъ высказался еще и вполнѣ своеобразно, и въ высшей степени художественно въ звѣрпномъ эпосѣ, котораго простонародный матерьялъ былъ взятъ и обработанъ не съ точки зрѣнія рыцарской образованности, но съ общечеловѣческой, а потому всегда и вездѣ полносильной. Мы встрѣтились съ звѣросказаніемъ въ древнеарійскія еще времена и недавно видѣли потомъ первую его запись полатини со стороны клириковъ. Оно было достояніемъ всѣхъ Германцевъ вообще, но стало предметомъ поэтической воздѣлки у Франковъ въ сѣверной Франціи, во Фландріи и на ни-

---

* Вотъ почему и нѣтъ ни какой возможности передать размѣръ этой строфы правильно русскими стихами. Языкъ нашъ гораздо тоничнѣе, пѣвучей нѣмецкаго, и въ немъ такая жесткость нетерпима. Прим. перев.

** То есть:

Смычкомъ хватилъ такъ громко, что весь потрясся домъ;
Но сила и искусство могли поспорить въ немъ:
Потомъ все мягче, мягче, нѣжнѣе онъ игралъ,
И не одну заботу тѣмъ сладко усыплялъ.

зовьяхъ Рейна. Во Франціи изстари-любимые разсказы передавались теперь на языкѣ новеллъ и балясъ, въ короткихъ риѳмованныхъ двустишіяхъ, живо, съ той шаловливой веселостью, съ тѣмъ талантомъ къ пустымъ и легкимъ повѣстушкамъ, какими отличается этотъ народъ, но которые дѣлаютъ его изобрѣтательнымъ и на всякаго рода соблазны, что при средневѣковой безоколичности часто переходитъ въ совершенную уже грязь; недостаточнымъ противовѣсомъ этому служитъ со стороны поэтовъ нравоучительное указаніе, что они хотѣли только обличить ненасытное сладострастіе или преступную невѣрность. Меонъ по двѣнадцати рукописямъ издалъ 32 такъ-называемыя «бранши» (branches), то-есть вѣтви или отрасли одного и того же былиннаго ствола, въ которыхъ изображаются то отдѣльныя приключенія въ одиночку, то нѣсколько связанныхъ и переплетенныхъ между собой въ одно цѣлое, и притомъ порою въ простосердечно-лукавомъ тонѣ, порой—съ сознательною насмѣшкой надъ людскимъ обществомъ. Эти вѣтви не сомкнулись однакожь въ одинъ эпосъ и скоро заглохли во Франціи совсѣмъ, тогда какъ въ Германіи возникло изъ нихъ сплошное и такъ хорошо сложившееся цѣлое, что съ тѣхъ поръ оно постоянно нравилось народу и что даже художественнѣйшій изъ поэтовъ новаго времени (Гёте) не нашелъ нужды ничего въ немъ измѣнить, когда облекалъ его въ свой классическій гекзаметръ, отнявшій у него однакожь простодушную комичность незатѣйливыхъ нижненѣмецкихъ риѳмъ.

Вслѣдъ за вышеупомянутыми латинскими обработками звѣросказанія, около половины 12-го вѣка появился верхненѣмецкій стихъ, котораго авторъ называетъ себя Генрихомъ Глихезерцемъ и ссылается на французскихъ предшественниковъ; онъ сопоставилъ одинъ за другимъ десять разсказовъ про волка и лисицу. Но только уже подконецъ 13-го вѣка, фламандецъ Вилламъ де-Мадокъ отыскалъ такую именно вѣтвь, которая развернулась въ эпосъ на родной почвѣ; въ своемъ «Рейнартѣ» попалъ онъ и на настоящій тонъ для изложенія такихъ сказаній, которыя свойства животныхъ онагляживаютъ въ человѣкѣ, а людскія наоборотъ въ животномъ. Тамъ, гдѣ впослѣдствіи въ изобразительномъ искусствѣ такъ превосходно выработались жанръ и звѣроживопись, тамъ же наклонность къ услажденію затишьемъ и природою оформила съ истинно-поэтическою чистотой таинственныя стороны животнаго міра, и выполнила ихъ со столь же вѣрною характеристикой въ подробностяхъ, сколько и съ отрадною, непринужденною свободой. Это не переряженные люди, а подлинно животныя, но надѣленныя способностью объяснить ходъ своихъ инстинктивныхъ дѣйствій, одаренныя стало-быть соображеніемъ и языкомъ, безсознательныя скороспѣлки, крайне самоувѣренныя, крайне смѣтливыя отъ природы, но безъ всякихъ зато идеальныхъ стремленій, безъ радостей да зато и безъ горя высшей умственной жизни, полныя невозмутимаго довольства самими собою; притомъ люди трактуются здѣсь такъ, какъ подобаетъ съ точки зрѣнія неприрученныхъ животныхъ,—какъ чуждыя, загадочныя существа; и безо всякой однакожь натяжки характеры и общество звѣрей становятся такимъ снимкомъ съ людского міра, который въ своемъ свѣжемъ лѣсномъ реализмѣ является прямой противоположностью дошедшему чуть не до сумасбродства церковно-рыцарскому идеализму среднихъ вѣковъ. Въ этомъ смыслѣ Гервинусъ сравнивалъ звѣропоэзію Германцевъ съ аттиче-

скою комедіей; обѣ вполнѣ своеобразны, и каждая изъ нихъ можетъ назваться безсмертной въ своемъ родѣ.

Когда, въ прекрасную пору Троицына дня, царь Нобель собираетъ здѣсь вокругъ себя дворъ свой для суда и расправы, а животныя подаютъ жалобы на Рейнгарда-лиса, мы тутъ же узнаемъ цѣлый рядъ исторій про этого хитреца; когда же онъ сыгралъ плохія шутки съ котомъ и съ медвѣдемъ, которымъ поручено было привести его на судъ, а затѣмъ откровенно покаялся другу своему, барсуку, то вся суть дѣла развертывается передъ нами изъ одного общаго средоточія въ совокупной и послѣдовательной связи. Осужденный по дѣлу, лисъ выдумываетъ исторію про заговоръ медвѣдя съ волкомъ противъ льва, и лжетъ притомъ насчетъ будто бы открытаго имъ эрменрихова сокровища; этимъ именемъ отозвалась здѣсь богатырская былина, и въ упомянутомъ сейчасъ заговорѣ есть слѣдъ памяти о томъ, что первоначально медвѣдь былъ царемъ германскаго лѣса. Лисъ входитъ теперь въ милость и снаряжается на богомолье, при чемъ у медвѣдя отбираютъ для него шарфъ, и снимаютъ башмаки у волка и волчихи; барана съ зайцемъ даютъ ему въ спутники. А онъ возвращается къ себѣ въ зáмокъ, съѣдаетъ зайца и отсылаетъ барана назадъ съ его головой, будто съ мнимымъ сокровищемъ, а самъ, сидя въ крѣпкомъ своемъ гнѣздѣ, помираетъ со смѣху надъ врагами.—Тутъ чья-то другая рука присоединила вторую часть въ видѣ продолженія. На лиса поступаютъ новыя опять жалобы; онъ вторично является защищать свое дѣло, и между прочимъ выставляетъ заслугой своего отца передъ отцомъ царствующаго государя извѣстный раздѣлъ добычи и потомъ исцѣленіе больного льва отъ тяжкаго страданія. Изъ препирательствъ его съ волкомъ мы узнаемъ лучшія продѣлки ихъ другъ противъ друга, и наконецъ положено рѣшить споръ ихъ поединкомъ вродѣ суда божія. Лисъ одолѣваетъ противника хитростью, и съ торжествомъ возвращается домой.

Гриммъ несправедливъ къ этому продолженью; оно подходитъ къ тону первоначальнаго произведенія, оно дополняетъ его многими изъ важнѣйшихъ и удачнѣйшихъ разсказовъ; если въ одномъ мѣстѣ, при описаніи драгоцѣнностей, оно и пускается въ чуждыя совсѣмъ басни, то онѣ выдаются здѣсь тѣмъ знаменательнѣй посреди отечественныхъ событій, а поединокъ истинно-эпически заканчиваетъ собой всю поэму. Оттого и живетъ она до сихъ поръ, какъ одно цѣлое, обновившись въ видѣ нижненѣмецкаго Рейнеке Фоса, изданнаго Николаемъ Бауманомъ въ Любекѣ въ 1498 г., а потомъ въ обработкѣ Гете и въ геніальныхъ рисункахъ Каульбаха, которые, какъ и сама поэма, соединяютъ вѣрность звѣриной природѣ съ человѣческимъ выраженіемъ и съ портретною можно-сказать индивидуализировкой.

ПОЭТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ; ЛЕГЕНДЫ И БАЛЯСЫ.

Въ то время какъ обширные сюжеты слагались крупными поэтами въ настоящій эпосъ, поэтическая наклонность разсказывать и слушать вообще

тѣшилась и всякаго рода мелкими картинами. Клирики и другіе благочестивые богомольцы, ходившіе къ святымъ мѣстамъ, разносили съ собой изъ края въ край легенды, которыя знали прежде или теперь только узнавали, да въ свою очередь и свѣтскіе воины также обмѣнивались любимыми разсказами съ Востокомъ, гдѣ у Арабовъ собралось ихъ много даже изъ Индіи и Персіи. Я представилъ уже очеркъ переходовъ и судебъ такихъ стихотвореній (I, 375 и слѣд.) и при этомъ показалъ, какъ одни и тѣ же мотивы, преобразуясь по мѣсту и обычаю, сплавляются съ туземнымъ матерьяломъ каждой отдѣльной страны. Напомнивъ объ этомъ кстати, я брошу теперь бѣглый взглядъ на то, что̀ изъ числа такого рода пріобрѣтеній имѣло особенное значенье для образованія и для чувства Среднихъ Вѣковъ.

Тутъ предстаютъ намъ вопервыхъ церковные сюжеты, разсказы о мученикахъ и святыхъ, которые слушались съ назиданіемъ какъ странствующими богомольцами, такъ монахами и инокинями въ монастырской кельѣ, какъ простымъ сельскимъ людомъ, такъ и набожными барынями; они задуманы по большей части просто и искренно, и со стороны поэтическаго изложенія похожи на картинки въ молитвенникахъ и служебникахъ. Въ самой длинной нѣмецкой піэсѣ такого рода, въ Пассіоналѣ, или Страдникѣ, состоящемъ изъ 10,000 стиховъ, подобраны они искусною рукой изъ многоразличныхъ источниковъ. Тутъ опирались первоначально на апокрифическія евангелія, а потомъ церковныя легенды перелагали изъ латинской прозы въ стихи новѣйшихъ языковъ. Средневѣковая служба женщинамъ неоспоримо повліяла на культъ Маріи Дѣвы; житіе ея всего лучше разсказано въ 12-мъ столѣтіи Вернеромъ фонъ-Тегернзе, а прославленіе выполнено самымъ блистательнымъ и изысканнымъ образомъ въ «Золотой кузнѣ» Конрада Вюрцбургскаго, который подобралъ всѣ подходящія и обычныя притомъ черты какъ изъ природы, такъ и изъ священной исторіи, чтобы въ совокупности ихъ просіяла все въ новыхъ и новыхъ лучепреломленіяхъ чистота, смиреніе и возвышенность Пресвятой Богородицы. За тѣмъ, всего больше по нраву рыцарскому духу пришелся св. Георгій побѣдоносецъ, къ которому пріурочили теперь и греческую былину про Персея и германскую про Зигфрида; даже самого Пилата ухитрились породнить съ Германцами: онъ былъ будто бы побочный сынъ какого-то Майнцскаго короля, но сжилъ со свѣту настоящаго наслѣдника престола и за это отосланъ въ Римъ заложникомъ; служа Римлянамъ, смирилъ онъ дикія понтійскія племена, а потомъ былъ отправленъ покорить Іудеевъ. Позванный въ Римъ къ отчету за смерть Іисуса Христа, онъ будто бы самъ наложилъ на себя руки; тѣло его сперва бросили въ Тибръ, потомъ въ Рону: но оно постоянно вызывало рѣкоразливы, пока не упрятали его въ одно озеро у прозванной по его имени швейцарской горы, гдѣ оно будетъ производить бури и грозы вплоть до свѣтопреставленія.—Легенда о томъ, какъ христіанскій юноша Іосафатъ обращаетъ къ истинной вѣрѣ отца своего, язычника Варлаама, пришла на Западъ изъ Константинополя и была особенно сруки схоластикамъ-поэтамъ для разъясненія церковныхъ догматовъ путемъ остроумныхъ препирательствъ. Папство нашло себѣ прославленіе въ легендѣ о Григоріи на камнѣ. Дитя брата и сестры, женился онъ по невѣдѣнію на родной матери, а узнавши это велѣлъ приковать себя къ скалѣ у моря. Разъ, при выборѣ папы, Римлянамъ открылось свыше, что одинъ только человѣкъ до-

стоинъ занять престолъ св. Петра, тотъ именно, который 17 лѣтъ кается у моря за невольное прегрѣшенье. Тогда призываютъ Григорія, и въ санѣ папы онъ становится утѣшителемъ и совѣтодавцемъ всѣмъ грѣшникамъ, такъ что черезъ него и родная его мать получаетъ себѣ прощеніе. Своимъ собственнымъ покаяніемъ заслужилъ онъ власть вязать и рѣшить. Эдипова былина въ христіанской оболочкѣ научаетъ здѣсь тому, что истиннымъ раскаяніемъ можно искупить всякій грѣхъ, вольный и невольный, и что Богъ всегда помилуетъ кающагося. Съ другой стороны, исторія Өеофила Киликійскаго представляетъ намъ союзъ съ дьяволомъ для достиженія почести и власти; тѣмъ не менѣе Марія Дѣва можетъ спасти его, такъ-какъ отрекшись отъ Бога и святыхъ угодниковъ, онъ не отступился по крайней мѣрѣ отъ Царицы Небесной. Наконецъ, объ одномъ ирландскомъ рыцарѣ, Тундаласѣ, очнувшемся отъ продолжительнаго обморока, разсказывается какъ онъ странствовалъ по аду, чистилищу и раю,—первая, грубая основа дантовской Божественной Комедіи. А гдѣ легендарный матерьялъ представляла сама жизнь, въ ней же находилъ онъ себѣ и поэтическую обработку: такъ въ житіи св. Елисаветы подвиги милосердія и религіозныя чувства выдвигаются въ противоположность рыцарству, славимому пѣвцами Вартбургскаго двора. Такъ же точно и сѣверная Франція обработала въ видѣ легендъ свои былины про герцоговъ Роберта Дьявола и Ришара Безстрашнаго. Ришаръ выдерживаетъ разныя похожденія при встрѣчѣ съ духами; Робертъ, рожденный среди бури и грозы, свирѣпствуетъ въ лѣсу дремучемъ и совершаетъ такія злодѣянія, что наконецъ самъ себя ужасается; тутъ онъ смиряетъ себя уздой тяжкаго покаянія и примиряется съ милосердымъ всегда Богомъ.

Это приводитъ насъ далѣе къ такимъ разсказамъ, гдѣ серьёзныя событія изложены въ религіозномъ духѣ, какъ напримѣръ сдѣлалъ Гартманъ фонъ-деръ Ауэ въ превосходномъ стихѣ «О бѣдномъ Генрихѣ». Онъ основанъ на народномъ повѣрьи, что распространенная въ Средніе Вѣка проказа можетъ быть исцѣлена только добровольною жертвой крови человѣческой. Подвергшись страшной этой болѣзни, господинъ Генрихъ, прежде богачъ, а теперь «бѣдный», по ея только милости удалился на одну уединенную усадьбу, и дочь мызника рѣшается спасти его цѣною собственной своей жизни: зарождающаяся любовь къ страдальцу ищетъ укрыться въ выраженіи жажды небеснаго бытія, которое она и думаетъ заслужить себѣ смертью. Вотъ отправляется она съ больнымъ бариномъ въ Салерно (гнѣздо лучшихъ тогда медицинскихъ школъ), но когда она со свѣтлымъ спокойствіемъ лежала уже на анатомическомъ столѣ нарочно приговореннаго ими врача, богопреданность дѣвушки тронула до глубины души бѣднаго рыцаря, такъ что онъ рѣшился лучше нести свой недугъ, какъ предопредѣленіе свыше, и не захотѣлъ спасти собственную жизнь цѣною чужой. Этотъ внутренній поворотъ чувства приноситъ ему на возвратномъ пути полное выздоровленіе, и спасительница становится его милою женою.—Въ «Добромъ Гергардѣ», сочиненіи Рудольфа Эмсскаго, мы видимъ что дѣлаемое человѣкомъ добро теряетъ цѣну отъ самодовольства; надо дѣлать его не ради мірской славы, а во имя божіе.—«Кресценція» представляетъ намъ жену, которая, въ отсутствіе крестоносца-мужа, все время противилась соблазнителю, но тѣмъ не менѣе, гнусно оклеветанная, была отвергнута

супругомъ, пока наконецъ впослѣдствіи призналъ онъ испытанную ея вѣрность, точно такъ же какъ въ сказаніи про Генофеву (Женевьевъ). Въ «Иракліи» дѣло принимаетъ другой оборотъ: невѣрность тутъ со стороны императрицы, по винной тому выходитъ самъ супругъ, раздражившій ее чрезмѣрно-строгимъ надзоромъ.

Въ одномъ значительномъ стихотвореніи легенда переплелась со всемірною исторіей, — именно въ хвалебной пѣсни святому Анпону, умершему въ 1075-мъ году кёльнскимъ архіепископомъ. Поэтъ, начавъ съ сотворенія міра, грѣхопаденія и спасенія, доходитъ постепенно до Кёльна, гдѣ покоится столько мучениковъ, гдѣ дѣйствовалъ и самъ Анонъ. Похвала этому мужу, такъ же какъ и городу, направляетъ полетъ воображенія на основателей первыхъ городовъ и царствъ, въ Вавилонъ и въ Римъ, къ Цезарю и къ Августу, подъ чьей державою родился Христосъ и построенъ Кёльнъ. Но посланцы Христа овладѣли этою страной путемъ побѣдъ, блистательнѣе цезаревой, и настоящимъ преемникомъ ихъ явился епископъ, чья жизнь изображается въ пѣсни, ему на славу, и слушателямъ на соревнованіе. Уже Гердеръ находилъ пиндаровское паренье въ этомъ замѣчательномъ стихѣ. Онъ опирается на такъназываемую «Императорскую Хронику», которая передаетъ легенду всѣхъ святыхъ въ рамѣ исторіи римскихъ императоровъ, вставляя сюда же самыя привлекательныя былины и событія изъ эпохи царей и республики.

Но рядомъ съ идеальными и религіозными стремленьями заявлялъ свое право и обычный ходъ вещей: во множествѣ анекдотическихъ или новеллистическихъ сюжетовъ изображались также будничное житье-бытье людского рода, соблазны чувственности, сила страсти, торжество благоразумія и мѣткой догадки, а равно и такія добродѣтели какъ стойкость, мужество, вѣрность дружбы въ самыхъ многоразличныхъ видахъ и положеніяхъ, въ самыхъ неожиданныхъ поворотахъ счастія, то съ серьёзными, то съ забавными завязками и развязками судьбы героевъ. Тутъ-то особенно проторгались на Западъ восточные сюжеты, пускали здѣсь корни и продолжали жить разнообразно видоизмѣняясь. Испанскій Еврей, Моисей изъ Гуэски, принявъ христіанство, вывелъ на сцену отца, обставляющаго примѣрами изъ опыта правила жизни и наставленія взрослому уже сыну, для чего онъ преимущественно воспользовался разсказами, слышанными отъ Арабовъ; книга его сдѣлалась по частямъ источникомъ для многихъ поэтическихъ воспроизведеній, и прежде всего во Франціи. Министрели, жонглёры разносили свои contes или fabliaux (сказки или побасенки) по селамъ и городамъ и вплетали въ нихъ разныя новости, какія самимъ имъ удавалось видѣть или слышать во время странствій. Они имѣли въ виду только занять и повеселить, а рпомующія пары короткихъ осьмисложныхъ стиховъ подходили какъ нельзя лучше къ этимъ легкимъ, потѣшнымъ разсказамъ, которые, опираясь на наблюденіе дѣйствительнаго міра, рисуютъ жизнь въ городахъ и селахъ, домашній и монастырскій обиходъ, и онаглядживаютъ пестрыя картинки нравовъ мѣткими чертами простоты или находчивости, честности или хитраго лукавства. Они изобрѣтательны на соблазны, всегда готовы наслаждаться втихомолку отрадами запрещенной любви, особенно когда приходится отстоять права природы передъ неестественными узами брака по расчету, и любятъ подтрунить

надъ монахами и монахинями, разсказывая о столкновеніяхъ, какія порождаетъ въ нихъ чувственный побудъ, идущій наперекоръ обѣту чистоты; и если имъ разсудится иногда свернуть на нравоученіе, то и тутъ они всего охотнѣе высказываютъ правду въ видѣ шутки, выставляя смѣшныя стороны жизни на потѣху слушателямъ. Что̀ такіе люди, какъ Жанъ де-Бовъ (de Boves), Гове́нъ (Gauvain) и Рютбёфъ (Rutebeuf), пустили въ ходъ своимъ, незатѣйливымъ навидъ, но въ сущности очень затрогивающимъ изложеніемъ, то не только продолжало съ тѣхъ поръ дѣйствовать въ позднѣйшей французской литературѣ, но и тотчасъ же распространило свою силу на всю остальную Европу; хотя этотъ родъ поэзіи достигъ полнаго своего цвѣта только въ слѣдующемъ періодѣ, однако даже и въ Германіи этому первому времени принадлежитъ многое изъ того, что̀ издано Гагеномъ въ извѣстномъ его романтическомъ сборникѣ Gesammtabenteur. Таковъ напримѣръ прелестный сельскій разсказъ въ стихахъ про мызника Мейера Хельмбрехта, гдѣ на сцену выведенъ деревенскій парень, затѣявшій ломаться по дворянскому и жить не трудами своихъ рукъ, а такъ, чѣмъ Богъ пошлетъ, на манеръ вырождавшихся уже тогда рыцарей. Подъ начальствомъ атамана изъ дворянъ становится онъ просто разбойникомъ, да завлекаетъ въ безпутный бытъ свой и сестру, пока его не изловили, и палачъ не отсѣкъ ему руки и ноги, и не выкололъ глазъ. Подконецъ вѣшаютъ ого позорно на деревѣ тѣ самые крестьяне, которыхъ онъ прежде такъ часто пугалъ и грабилъ. Въ поэтѣ, Вильгельмѣ Гертнерѣ, сильно сказалось тутъ здоровое нравственное чувство народа противъ растлѣнія высшаго общества, заражавшаго уже и средній классъ; при этомъ изложеніе его полно свѣжей наглядности.

Французскій противень этому представляетъ повѣсть Окассѐнъ и Николетта (Aucassin et Nicolette). Отчизна ея — Провансъ. Тамъ, скажемъ мы вмѣстѣ съ переводчикомъ ея, В. Герцемъ (Hertz), родился герой повѣсти, тамъ средоточіе всего дѣйствія, оттуда идетъ тотъ пылъ неудержной страсти, которымъ пышетъ на насъ и въ рѣчахъ и въ описаніяхъ, какъ крѣпкимъ ароматомъ южныхъ садовъ,—оттуда то чрезмѣру нѣжное и слишкомъ упорное стремленье, которое знаетъ одну только въ жизни цѣль и одну обязанность—достигнуть этой цѣли, пренебрегая за тѣмъ всѣ блага земныя и небесныя. Сынъ одного графа любитъ прелестную Мавританку неизвѣстнаго происхожденія, и ни тюрьма, ни ссылка не могутъ устранить этой любви; въ цвѣтущемъ лѣсу сходятся опять молодые люди; ихъ снова разлучаютъ, и Николетту продаютъ въ неволю собственнымъ ея родителямъ, кароагенскимъ владѣльцамъ. Послѣ того какъ ее тамъ признали, возвращается она въ Провансъ, переодѣтая гудочникомъ поетъ передъ милымъ о судьбѣ своей, о восточной царевнѣ, покинувшей родину, чтобы не выйдти за мужъ за царя язычника, тогда какъ сердцу ея дорогъ Окассѐнъ. Одинъ сѣверно-французскій поэтъ половины 13-го столѣтія обработалъ этотъ сюжетъ прозою пополамъ съ стихами, пуская въ ходъ то либо другое смотря по тому, насколько одушевлены его чувство и фантазія. И тогда какъ на Николетту излита у него вся прелесть романтики, Окассенъ стоитъ въ какомъ-то чудномъ полусвѣтѣ всего великолѣпія и всего безразсудства юныхъ лѣтъ: самъ поэтъ чувствуетъ преувеличенность его страстныхъ выходокъ, а потому хотя какъ будто бы и чистосердечно передаетъ ихъ наравнѣ съ диковинными событіями, но всущ-

ности относится къ нимъ съ оттѣнкомъ аріостовскаго юмора. Такъ, напримѣръ, усиленной воображеніемъ любовной мукѣ рыцарственнаго юноши противопоставляетъ онъ дѣйствительную матерьяльную нужу неловкаго деревенскаго парня, а потомъ заводитъ однажды свою любящуюся чету въ село, гдѣ (по старому обычаю) мужъ ложится въ постель и принимаетъ поздравленія, когда жена родила ребенка: мужъ тутъ все, а жена ничто; даже и отъ ребенка на ея долю приходится одно лишь страданіе; она — слуга мужа, ему воздается и вся честь, тогда какъ рыцарское любовное служенье поставило наоборотъ женщинъ во главѣ общества.

Одна стихотворица изъ Нормандіи, Марія Французская (Marie de France), жила въ половинѣ 13-го вѣка при англійскомъ дворѣ, гдѣ господствовали тогда французская рѣчь и образованность въ ущербъ англосаксонской; мѣсто величавой народной поэзіи Англосаксовъ заступили теперь въ высшихъ кругахъ щегольскія риомованныя пѣсни трувёровъ, процвѣтавшія здѣсь при Ричардѣ Львиное Сердце и при Генрихѣ III-мъ. Но въ то время какъ кельтійская артурова былина развернулась въ эпосъ, наша Марія выбирала себѣ сюжеты изъ бретонскихъ народныхъ пѣсенъ и разсказывала ихъ съ непринужденной ясностью очень нѣжно, наивно и умно. Миоическій элементъ проторгается у ней тамъ и сямъ съ своими чудесами въ настоящее, но всѣ примѣчательныя и граціозныя событія мотивируются зато психологически, и въ нихъ раскрывается попреимуществу жизнь женской души. На порушеніе брачныхъ узъ Марія смотритъ какъ на вину, требующую искупленья, и отступаетъ отъ этого взгляда въ тѣхъ только случаяхъ, когда старые мужья тираны подозрительно стерегутъ молодыхъ женъ и хотятъ силою принудить ихъ къ воздержанію: тутъ природа вступаетъ въ свои неотъемлемыя права наперекоръ гнету условныхъ приличій. Вообще же настоящая любовь ведетъ вполнѣ отдавшихся ей или къ сладчайшему счастію, или къ не менѣе сладкой одновременной смерти,—ведетъ прямо въ Авалонъ *. Посвященіе стиха начинается такъ:

Кого Господь наукой умудрилъ
Искусно рѣчи ткать узоры,
Блаженъ, кто этотъ даръ не схоронилъ.
И тѣшить имъ готовъ людскіе взоры.
Добро услышавши порой,
Душа зерно его невидимо лелѣетъ;
Оно ростетъ, оно въ ней зрѣетъ,
И полной расцвѣтетъ красой.

Плутовскимъ выходкамъ міряпъ въ стихахъ шуточнаго содержанія и язвительнымъ иногда насмѣшкамъ, которыя такъ часто сыпались на поповъ и на простодушныхъ суевѣровъ, духовные разсказчики противодѣйствовали, съ своей стороны, разными благочестивыми исторіями; пріоръ Готье де-Куэнси въ Суасонѣ, напримѣръ, поставилъ себѣ задачей прославить чудотворную силу Дѣвы Маріи въ различныхъ измышленіяхъ и сказаньяхъ. Но когда встрѣ-

* Древнѣйшее гнѣздо британскихъ друидовъ, гдѣ будтобы и погребенъ миоическій король Артуръ.

тишь у него вещи вродѣ того, что Марія повиваетъ, напримѣръ, у одной игуменьи, призвавшей ее въ крайности на помощь, или что она отправляетъ монастырскія обязанности за одну недостойную монахиню, которая между тѣмъ веселится гдѣ-то съ солдатами, то поистинѣ не знаешь, гдѣ тутъ оканчивается дѣло, и гдѣ начинается вольнодумная болтовня. Ко всему этому,—какъ бы слѣдуя шиллерову совѣту,—въ угожденіе и духовно и мірски настроеннымъ умамъ, присовываются еще сладострастіе и самъ даже дьяволъ, съ тѣмъ конечно чтобы и онъ палъ въ прахъ передъ Царицей Небесною. Подобно этому, гейстербахскій монахъ Цезарій поучаетъ въ своемъ «Разговорѣ» какого-то послушника, что будто бы, когда одинъ рыцарь пропустилъ за обѣдней начало турнира, то Пресвятая Дѣва, по крайнему своему милосердію, сама сѣла за него на коня и разумѣется вышибла изъ сѣдла противника, а другого рыцаря исцѣлила отъ преступной любви къ ней чистымъ и благодатнымъ поцалуемъ.

Въ большомъ ходу былъ восточный пріемъ совмѣщать въ одну общую раму цѣлый рядъ исторій, какъ напримѣръ сдѣлано это въ «Семи мудрецахъ». Такъ-называемыя Gesta Romanorum (Римскія побывальщины) не что иное какъ сборникъ разсказовъ съ приклеенной вконцѣ моралью, взятыхъ изъ древности, съ Востока и изъ средневѣковой жизни, — сборникъ, равно сподручный какъ для исповѣдниковъ и правоучителей, такъ и для занятія досужихъ часовъ въ веселомъ обществѣ,—цѣлая сокровищница разнообразныхъ сюжетовъ, изъ которой вплоть до новѣйшаго времени черпали темы для обработокъ и новеллисты и драматики. Совершенно въ народномъ духѣ средневѣковья было то, что исторіи, порхавшія такъ-сказать по волѣ, происходившія вездѣ и нигдѣ, пріискивали себѣ какого-нибудь миоическаго носителя и обращали его тѣмъ въ типическую личность. Такъ впослѣдствіи сталось это съ Фаустомъ и Эйленшпигелемъ; а тогда игралъ такую роль попъ Амисъ, родомъ изъ Англіи, но бывшій точно также во Франціи, пока наконецъ поэтъ Штрикеръ не ввелъ его и въ нѣмецкую литературу: это герой плутовскихъ продѣлокъ и шутовскихъ выходокъ, который странствуетъ по̀ свѣту, вездѣ набиваетъ себѣ карманъ и смѣется до́сыта насчетъ простачковъ, самоувѣренныхъ глупцовъ и заносчивыхъ умниковъ. Ни дать, ни взять какъ арабскій нашъ пріятель, Абу-Саидъ изъ Серуга, этотъ попъ превращается то въ живописца или мощепродавца, то въ купца или ханжу, проявляя свою плутоватость въ различныхъ всегда сферахъ. Онъ слился отчасти съ Эйленшпигелемъ, и обломокъ того же типа воскресъ для новѣйшаго времени еще разъ въ бюргеровомъ Санктъ-галленскомъ аббатѣ.

Мы вынуждены, съ другой стороны, сказать, что разсказчикамъ второй половины 13-го столѣтія не по силамъ уже крупные эпическіе сюжеты, за которые они частёхонько брались, и что именно благодаря извѣстнаго рода прикрасамъ наборныя ихъ произведенія прямо уже носятъ характеръ послѣдышей; на диковинную игру воображенія начинаютъ они смотрѣть какъ на одну лишь пустую шалость, обращаясь къ болѣе поучительному или же къ историческому—въ риомованныхъ хроникахъ, и Рудольфъ Эмсскій, напримѣръ, чувствуетъ уже самъ, что художественный духъ совсѣмъ испаряется въ общераспространенномъ стихоплетствѣ, замѣчая на этотъ счетъ, что

искусство выходитъ тѣмъ болѣе одиночнымъ, чѣмъ повидимому доступнѣе становится оно всѣмъ.

Признакомъ послѣдышной, эпигонской уже дѣятельности было и то, что къ концу разсматриваемаго нами періода самоё поэзію сдѣлали предметомъ стихотворства, какъ мы видимъ, напримѣръ, въ «Борьбѣ пѣвцовъ при Вартбургскомъ дворѣ»,—безотрадномъ произведеніи, которое вовсе не характеризуетъ поэтовъ по ихъ особенностямъ, а расплывается въ давно-избитыхъ фразахъ и какихъ-то темныхъ загадочныхъ выраженіяхъ, хотя противопоставковкой другъ другу борющихся силъ, оно въ качествѣ обширной тенцоны на нѣмецкой почвѣ, уже кроетъ въ себѣ зародышъ драмы и тѣмъ самымъ указываетъ на будущее развитіе.

ЭПИЧЕСКАЯ МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ПОЭЗІЯ.

Тогда какъ греческій духъ, предпочтительно направленный къ созерцанію, на этомъ собственно основаніи и человѣка называетъ существомъ, чей ликъ обращенъ кверху,—индійскій, равно какъ и нѣмецкій, языкъ именуютъ его мыслящимъ; да и поговорочная мудрость Эдды служитъ доказательствомъ тому, что Германцы, подобно своимъ пригангскимъ братьямъ, рано почувствовали влеченіе къ міру мысли. Но вѣдь и за Гомеромъ слѣдовали Гезіодъ и Эмпедоклъ, а средневѣковые эпики, имѣвшіе въ виду внутренняго человѣка, тѣмъ самымъ также были наведены на размышленія, которыми они обыкновенно начинали и заканчивали свои созданія; то и другое дѣлали, напримѣръ, Вольфрамъ и Готфридъ, тогда какъ лирики — между прочимъ Вальтеръ и Рейнмаръ—равномѣрно вырабатывали свои патріотическія или нравственныя чувства въ форму опредѣленныхъ помысловъ. Съ другой стороны, и французскому уму дотого свойственна разсудочность, раціональность, что она водворилась здѣсь вовсе не со времени Возрожденія, а напротивъ и теперь уже охотно придавала серьёзнымъ и шуточнымъ повѣстямъ поучительный или сатирическій отзывъ. Выдвигалась на первый планъ эта мыслительная сторона, — тогда и самый разсказъ рѣшительно подстроивался къ ея духу; онъ даже прямо назывался «примѣромъ»; къ звѣросказанію примкнула теперь басня и у Маріи Французской, и у нѣмецкихъ поэтовъ, Штрикера и Бонера. Охотно стали воплощать душевныя качества, добродѣтели и пороки, вплетая ихъ въ содержаніе разсказа, и преимущественно въ драмѣ встрѣтимъ мы такого рода аллегоріи. Французская романтика заключается подъ исходъ 13-го вѣка «Романомъ о розѣ», который въ текучихъ плавныхъ стихахъ началъ Гильіомъ де-Лоррисъ, а закончилъ Жанъ де-Мёнъ (Jean de

Meung). Во снѣ поэтъ видитъ себя перенесеннымъ въ сосѣдство сада любви, и диковиннымъ сномъ, околдованною какою-то дичью вѣетъ на насъ отъ этой книги, мѣшающей причудливо и пестро мораль съ сатирой, сантиментальность съ крохоборнымъ до мелочи изслѣдованіемъ, раздражающей умъ и вмѣстѣ щекочащей чувственность своими символическими двусмысленностями, а потомъ придающей всему этому какое-то опять богословское значенье. Госпожа Праздность отворяетъ поэту двери сада любви, при самомъ входѣ въ него Амуръ уязвилъ его стрѣлою, и онъ жаждетъ сорвать прекрасный розовъ цвѣтъ. Господинъ Добро-пожаловать кажетъ ему чудный цвѣтокъ, но измѣнница Опаска (Danger) представляетъ разныя затрудненія, пока Г-жа Разсудительность не оказала ему своего содѣйствія. Тутъ пришлось перепрыгивать рвы, разбивать затворы, и вотъ наконецъ, съ помощью Добродѣтелей, Пороки совершенно побѣждены, крѣпкій зàмокъ взятъ приступомъ, и сорвана роза. Съ какимъ восторгомъ читалась эта книга, какой поднялся противъ нея споръ, и какъ канцлеръ парижскаго университета приговорилъ ее къ выставкѣ у позорнаго столба наравнѣ съ любой безпутною потаскухой,—это дѣлаетъ ее гораздо болѣе интересною для бытовой исторіи нежели ея эстетическая цѣнность. Она ни мало не вѣритъ въ женскую чистоту и открыто проповѣдываетъ, что всѣ женщины созданы для доставленія сплошь всѣмъ любовныхъ наслажденій.

Отъ флорентинскаго историка, Дино Компаньи, одного изъ первыхъ основателей итальянской словесности, дошелъ до насъ аллегорическій стихъ Intelligenzia (Разумѣніе), по языку и воззрѣнію напоминающій Данта. Поэтъ вешнею порой приходитъ къ волшебному зàмку царицы весны и описываетъ его залу, украшенную картинами. На потолкѣ, съ Амуромъ посерединѣ, изображены лики знаменитыхъ любовниковъ, Париса и Елены, Давида и Вирсавіи, Тристана и Изольды; по стѣнамъ — славныя богатырскія дѣла, троянская война, исторія Александра и Цезаря, какъ представляла ихъ средневѣковая поэзія, такъ что тутъ есть и прелестныя цвѣточницы, и влюбленный Аристотель, который идетъ рысью на четверенькахъ, неся на себѣ, какъ взнузданный конь, ту самую красавицу, за которую только еще наканунѣ онъ далъ строгую головомойку своему воспитаннику. Послѣ этого Дино называетъ свою героиню и объясняетъ свою аллегорію. Не естественная, а духовно-живительная мощь весны, то-есть разумѣніе или познаніе, стоитъ передъ лицомъ божіимъ, направляя съ неба теченіе звѣздъ и возбуждая всѣ движущія силы жизни. Шестьдесятъ дорогихъ камней въ вѣнцѣ ея, это — добродѣтели, семь ея служительницъ—свободныя искусства, жилище ея—человѣкъ, а сердце съ его любовью и воспоминаньями—ея картинная галерея. Весь міръ чувственности—только явленіе настоящаго, идеальнаго бытія. — Еще ближе на Данта указываетъ произведеніе, писанное Фра Джакомино на веронскомъ нарѣчіи: Небесный Іерусалимъ и городъ Вавилонъ. Форма взята съ chansons de geste; поэтъ хочетъ соперничать съ тѣмъ, что онѣ повѣдываютъ объ Оливьè и Роландѣ: онъ ведетъ насъ прежде въ рай, гдѣ все одушевлено чистою любовью и созерцаніе лика божія доставляетъ верховное блаженство, а потомъ въ адъ, гдѣ въ дали отъ Бога все такъ мрачно и холодно, и гдѣ дьявольская ненависть съ ликованіемъ привѣтствуетъ обреченныхъ на муку. Такія церковныя картины, какъ у Августина и Бонавен-

туры послужили мотивомъ для первой пѣсни этого стиха, а фантастическія представленія древности и христіанскаго времени—для второй, гдѣ пожирающіе огни чередуются съ ледяными потоками. Поэтъ предупреждаетъ самъ, что адскія кары должно принимать въ символическомъ только смыслѣ, и мы встрѣчаемъ у него одну черту, достойную великаго его преемника: два тиранна, отецъ и сынъ, сначала терзаютъ другъ друга упреками, а потомъ ногтями и зубами; будь къ тому какая-нибудь возможность, говоритъ онъ, они изгрызли бы сердце одинъ другому!

Что въ такое время, которое собственно не знало еще прозы, даже астрономическія свѣдѣнія, правила охоты или свойства дорогихъ камней перелагались въ стихи, — это не дѣлаетъ подобныхъ виршъ поэзіей. Мы обойдемъ ихъ безъ вниманія, съ тѣмъ чтобы остановиться на нѣсколькихъ произведеніяхъ, отражающихъ въ себѣ духъ времени и показывающихъ, что̀ тогда считалось добрымъ обычаемъ и истинной нравственностью. Можно вообще назвать удачнымъ любимый въ ту пору пріемъ выводить мать въ поучительной бесѣдѣ съ дочерью, отца съ сыномъ; но нигдѣ опыты старости не излагаются юношамъ съ такой кроткою торжественностью, какъ въ нѣмецкомъ Винсбеке, который знаніе людей соединяетъ съ искренной богобоязнью и хочетъ чтобъ земная жизнь ни прогуливалась даромъ, ни презиралась, а всегда разсматривалась бы въ отношеніи къ вѣчности. Онъ учитъ внимать слову священниковъ и не соблазняться ихъ дѣлами. Онъ учитъ уважать красу міра, женщинъ, отъ которыхъ зависитъ все наше счастіе, которыхъ любовь цѣлитъ и освящаетъ сердце наше, передъ чьимъ взглядомъ слезы нашей скорби исчезаютъ какъ роса на солнцѣ. Онъ учитъ шевелить и упражнять силы въ юности, потому что рано жжется то, что̀ хочетъ быть крапивой; онъ остерегаетъ отъ изнѣженнаго лѣньтяйства, которымъ ни какой славы не нажить. Онъ учитъ быть кроткимъ и вѣжливымъ со всякимъ, великодушнымъ и ко врагу. И хотя во всемъ здѣсь выставляется лучшая сторона рыцарскаго обычая, однакожъ поэтъ не зараженъ ни какимъ сословнымъ предразсудкомъ: облагороживаетъ одна доблесть, а безъ нея и высокородный ставится ниже худороднаго, который дорожитъ честью.

Какъ въ эпоху Среднихъ Вѣковъ рядомъ водружены были два меча, духовный и свѣтскій, и главною задачей представлялось то, чтобы религія постепенно проникала всю жизнь до послѣдней нитки, а государство наполнялось идеальными цѣлями, такъ и «Фрейданково правило» * (Freidank's Bescheidenheit) показываетъ намъ совмѣстное существованіе и начинающееся сопроникновеніе христіанства и національности въ соединеніи народныхъ поговорокъ и житейскихъ опытовъ съ заповѣдями Евангелія и съ тѣмъ краеугольнымъ ученіемъ, что настоящее отечество наше въ небесахъ.

Служить Всевышнему во что бы то ни стало,
Вотъ всякой мудрости начало.
Тотъ подлинно обманетъ самъ себя,
Кто жизни суетной отдавшись черезмѣру,
Во благо вѣчности совсѣмъ утратитъ вѣру:

---

* Родъ нравственнаго Домостроя. Прим. перев.

Онъ строитъ на пескѣ, судьбу свою губя.
Сберечь ты хочешь душу отъ напасти?
Бѣги же себялюбья страсти.
Кто заповѣдь господню соблюдетъ,
Въ томъ живъ Господь, и въ Богѣ тотъ живетъ.

Такъ начинаетъ поэтъ, и съ такой же ядреной свѣжестью облекаетъ онъ въ слово то, что̀ коренится въ сердцѣ самого народа: поэзія явно пользуется здѣсь образностью пословицы. Такъ про языкъ говорится, напримѣръ, что онъ безъ костей, а между тѣмъ ломаетъ и кости и каменья, — о доброй денежной мази, что она способна умягчить и самаго не гибкаго, — о тщеславіи, что оно и коротышку подымаетъ на цыпочки. Поэтъ хочетъ, чтобы раскаяніе обнаруживалось въ добрыхъ дѣлахъ; онъ возстаетъ противъ грѣхоотпускныхъ граматъ, потому что одинъ Богъ властенъ отпускать грѣхи; онъ даже прямо говоритъ, что значеніе и дѣйствіе обѣдни для душеспасенія состоитъ не въ продѣлкѣ внѣшняго обряда, а во внутреннемъ чувствѣ слушающихъ ее людей. Такъ Фрейданкъ вездѣ налегаетъ на внутреннее чувство, и по мѣрѣ того какъ распространялось реформаторское движеніе и поднималось нѣмецкое гражданство, все болѣе и болѣе росло уваженіе къ его книжечкѣ, имѣвшей цѣлію научить должной мѣрѣ во всѣхъ людскихъ дѣлахъ.

Если Фрейданка можно уподобить семи греческимъ мудрецамъ, то, съ другой стороны, сократическимъ уже духомъ вѣетъ отъ «Заѣзжаго гостя» (Der welsche Gast) Томазина Чиклaрійскаго. Этотъ Итальянецъ изъ Фріуля научился въ порубежномъ краѣ понѣмецки, и написавъ сперва романическое произведеніе въ дворскомъ, вѣжественномъ духѣ, явился потомъ философствующимъ поэтомъ, и отплатилъ Германіи за гостепріимство подаркомъ, въ которомъ онъ, наслышавшись въ пѣсняхъ похвалъ великимъ и прекраснымъ дѣламъ, захотѣлъ высказать и самъ, что̀ такое добродѣтель и благочестіе: пускай, говоритъ онъ, молодежь учится себѣ потѣшаясь на богатырскихъ былинахъ, пусть любуется ими какъ картинками и образцами, а человѣку зрѣлыхъ лѣтъ надо вникать въ суть и понимать истину основныхъ мыслей. Мы слышимъ лучшіе выводы античной этики, когда Томазинъ учитъ насъ той разумной добродѣтели, которая даетъ человѣку самообладаніе, сдержку и устойчивость, такъ чтобы онъ не перекидывался уже какъ мячъ между радостью и горемъ; когда онъ полагаетъ счастіе во внутреннемъ довольствѣ и въ спокойствіи души, доступномъ равно для бѣдняка, какъ и для богатаго, и когда онъ при этомъ описываетъ скоротечность земного блеска и пустоту однѣхъ внѣшнихъ утѣхъ сравнительно съ тихимъ счастіемъ ни въ чемъ не нуждающагося, не мучимаго ни какой заботой человѣка. Намъ вспоминается изреченіе стоиковъ о мудрецѣ, когда у Томазина мы читаемъ, что истинно добраго ни что не поколеблетъ, ни что не собьетъ съ толку: болѣзнь научитъ его терпѣнію, даже гдѣ бы то ни было въ ссылкѣ онъ все таки останется самъ съ собой, среди благородныхъ своихъ помысловъ, какъ у себя дома; ни какой мракъ темничный не угаситъ свѣта, озаряющаго его духъ; смерть освободитъ его отъ всѣхъ (внѣшнихъ) напастей, а сводъ небесный накроетъ его такъ же хорошо, какъ и почетнѣйшій изъ надгробныхъ камней. Съ такими-то античными элементами сливается то христіанско-германское

начало, что кличку дѣлу даетъ воля, что Господь Богъ смотритъ на умыселъ, что доброму живется хорошо, каково бы съ нимъ ни поступали, такъ-какъ творящій неправду всегда злополучнѣе того, кто ее терпитъ; но и добраго избаловало бы невозмутимое счастіе, а съ другой стороны случается и злому человѣку поступить иногда хорошо; за это онъ въ свою очередь награждается земными благами. Несчастіе закаляетъ и очищаетъ благородную душу; стало-быть оно для нея полезно. Но благороденъ не тотъ кто знатенъ, а кто сердцемъ и помысломъ прилѣпляется къ добру. Подобно богатырской былинѣ Германцевъ, и Томазинъ видитъ корень добродѣтели въ вѣрности, въ постоянствѣ; онъ ратуетъ противъ измѣнчивости сомнительства, малодушія, противъ лживаго лицемѣрія, которое поглаживаетъ васъ и тутъ же щиплетъ, которое ни въ чемъ не держитъ слова; онъ хвалитъ устойчивость, которая временное подкрѣпляетъ вѣчнымъ; стойкаго и вѣрнаго человѣка вооружаетъ онъ, какъ чистаго рыцаря, всѣми доблестьми на побѣдоносную борьбу противъ пороковъ; и этотъ рыцарь непремѣнно восторжествуетъ, потому что внутреннее никогда не уступитъ внѣшнему.

Произведенія эти принадлежатъ началу 13-го вѣка; «Бѣгунъ» (Der Renner) Гугона фонъ-Тримберга, вконцѣ его, является уже скорѣе порожденіемъ школярства, чѣмъ житейской мудрости. Онъ хочетъ извлечь медъ изъ писаній мірской науки, отметая ядъ, а ядъ въ нихъ все то, что не буквально согласно съ библіей. Онъ думаетъ оказать этимъ услугу въ качествѣ изборщика, — оселъ, говоритъ онъ, полезнѣе же вѣдь соловья. Онъ болѣе проповѣдникъ и правоописатель нежели поэтъ; поэтично только множество заимствованныхъ отъ природы сравненій, множество историческихъ примѣровъ, которые у него всегда подъ рукой, когда онъ бичуетъ въ нихъ разнообразныхъ видахъ высокомѣріе, алчность, невоздержаніе, которыя заступали дорогу и Данту, какъ дикое звѣрьё. Книга его должна обѣжать всѣ края свѣта; но ее можно бы назвать Бѣгуномъ и потому, что она какъ дикій конь постоянно заноситъ всадника, метаясь прыжками то туда, то сюда, перескакивая изъ пятаго въ десятое. Тѣмъ не менѣе она заслуживала чести долго оставаться многочитаемою книгой, потому что умѣла равномѣрно отдать справедливость и дѣятельной жизни, и созерцательной.

ЗАЧАТКИ ДРАМЫ.

Если сообразить, что у всѣхъ рѣшительно народовъ всегда есть какія-нибудь драматическія представленія, между тѣмъ какъ цвѣтъ драматической поэзіи дѣйствительно украшаетъ только вершины всемірно-историческаго развитія, то окажется совершенно празднымъ стараніе положительно опре-

дѣлить, какія именно средневѣковыя произведенія были первыми въ этой области искусства. Скорѣе можно вообще замѣтить, что любовь къ театральнымъ зрѣлищамъ, занесенная Римлянами въ покоренныя провинціи, поддерживалась тамъ постоянно, и что непрерывный рядъ ихъ мимовъ и скомороховъ тянется вплоть до появленія французскихъ жонглёровъ и итальянской импровизованной комедіи. Стало-быть и тутъ мы видимъ элементъ античнаго преданія. Другой еще элементъ указалъ я выше въ процессіяхъ, потѣшныхъ бояхъ и чередующихся пѣсняхъ германскаго язычества. Наконецъ третій и притомъ важнѣйшій составляетъ христіанская литургія; вѣдь и наша драма, подобно греческой, была спервоначала богослужебнымъ дѣйствіемъ, религіознымъ торжествомъ, и освящалась этимъ въ высокомъ своемъ назначеніи поднимать духъ надъ страданіемъ и смертью, очищать сердце скорбію и радостью. Грѣхопаденіе и искупленье, происхожденіе зла отъ того, что человѣческая воля отвратилась отъ божеской, преодолѣніе его, побѣда надъ самораздвоеніемъ духа черезъ примиренье съ Божествомъ въ самостоятельной волѣ всего добраго, Христосъ, какъ истинный герой этого примиренія, его рождество и смертію-смерть-поправшая кончина, его вшествіе въ вѣчную славу небесную, — это великое таинство свободы и любви было исходною точкой и основною идеей «мистерій» или министерій, тѣхъ богослужебныхъ представленій, которыми наглядно изображалась народу великая драма человѣчества. Вина и искупительная жертва служили основою для трагедіи со всѣми ея внушительными ужасами въ откровеніи божественной справедливости и благодати; въ то же самое время Богъ сознается какъ единое истинное бытіе, а отдѣлившееся отъ него, зло, какъ нѣчто не долженствующее быть и въ сущности ничтожное, а отсюда слѣдуетъ, что оно притомъ и глупость, которая надмевается только своимъ же собственнымъ разложеніемъ, и съ этой стороны оно представляетъ комическій сюжетъ; самъ дьяволъ выводится на сцену въ глупомъ или въ забавномъ видѣ, съ тѣмъ чтобы потѣшать народъ саркостической насмѣшливостью рѣчей своихъ или пагубнымъ для лукавца оборотомъ всѣхъ его замысловъ; изъ растворенія высокаго въ смѣшномъ освобождался летучій юморъ.

Обѣдня съ ея символическими дѣйствіями и чередовымъ пѣніемъ то священнослужителей, то общины *, съ трапезою мира въ заключеніе, отвѣчаетъ элевзинскимъ таинствамъ Грековъ, такъ же точно являясь художественно обставленнымъ драматически-религіознымъ торжествомъ. Порядокъ церковныхъ праздниковъ, начиная съ Рождества и до Вербнаго Воскресенія, за тѣмъ Великая Пятница, Пасха и Вознесеніе, обозначали собой различные акты одной великой драмы; и стоитъ лишь припомнить совпаденіе ихъ съ нарожденьемъ солнца въ зимній солноворотъ, съ пробужденіемъ природы весною, чтобы уяснить себѣ, какъ Церковь вовлекла въ кругъ своихъ священнодѣйствій народныя торжества первоначальнаго служенія природѣ и какъ умѣла духовно ихъ пріурочить. Когда показывали здѣсь вѣрующимъ ликъ новорожденнаго Спасителя на лонѣ Матери, то они сами преклонялись передъ нимъ какъ пастыри и волхвы, а между тѣмъ раздавался привѣтствен-

* Въ нашей Церкви общину представляетъ клиръ. Прим. перев.

ный хоръ ангеловъ; когда въ Великую Пятницу крестъ, накрытый темною пеленой, опускался въ гробницу, а на утро Свѣтлаго Воскресенія снова поднимался оттуда, то какъ же тутъ было священнослужителямъ не изложить народу исторіи Страстей Христовыхъ въ живой словесной бесѣдѣ и наглядной игрѣ тѣлодвиженій? Точно такъ же, въ дни празднованія святымъ, изъ разсказа объ ихъ житіи и смерти важнѣйшіе моменты тѣмъ внушительнѣе выступали наружу, чѣмъ болѣе священнослужитель умѣлъ поставить себя на мѣсто угодника; а благодаря этому, исторія послѣдняго непосредственно представала взору, и въ словесной бесѣдѣ, и въ дѣйствіи. Лицевыя изображенія въ церквахъ не даромъ назывались «Библіею нищихъ», и священники, при чтеніи текста, всегда старались войдти въ излагаемую имъ роль, чтобы повозможности въ лицахъ же представить все содержаніе.

Пока первые зачатки такихъ драматическихъ представленій находились исключительно въ рукахъ духовныхъ лицъ, они совершались только полатини: древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ рождественскихъ и страстныхъ піэсъ всѣ сплошь писаны на этомъ языкѣ. Но какъ скоро въ 11-мъ вѣкѣ во Франціи возникла такъ-называемая epistola farsita, то-есть тотъ пріемъ, чтобы священникъ читалъ службу полатини, а прихожане говорили и пѣли въ отвѣтъ ему по романски, то мы видимъ, что уже и въ драматическомъ представленіи притчи о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ языкъ точно такъ же является мѣшанный, а въ лицѣ маслопродавца, къ которому онѣ обращаются, введена фигура изъ современной жизни съ комическимъ немножко оттѣнкомъ. Пѣніе преобладало еще надъ говоромъ въ исполненіи. Но когда въ 12-мъ вѣкѣ развилась, а въ 13-мъ и расцвѣла поэзія на языкѣ народномъ, съ тѣхъ поръ церковныя представленія не только богаче развернулись, но и перешли также изъ духовныхъ рукъ въ свѣтскія. Сначала сценою была сама церковь, и изъ повелѣнія папы Иннокентія III-го отъ 1210 г., равно какъ и изъ позднѣйшаго испанскаго закона, мы узнаемъ, что духовенство охотно привлекало къ сценическимъ представленіямъ жонглёровъ, поиспански contrafacedores (контрафаседоресъ, лицедѣевъ), какъ людей дѣлавшихъ изъ этого свое ремесло, и поручало имъ тѣ именно болѣе комическія роли, которыя на столько уже въ то время распространились, что шуточныя піэсы и насмѣшливые стихи пришлось наконецъ изгнать изъ церквей положительнымъ запрещеніемъ. Тогда начали строить сцены передъ церквами, обыкновенно въ три яруса, изъ которыхъ верхній представляетъ рай, середній землю, а нижній преисподнюю. Если Франція и предупредила другіе края въ разработкѣ этихъ религіозныхъ представленій, то все-таки они скоро распространились и принялись на тотъ же ладъ въ Англіи и въ Германіи, въ Испаніи и въ Италіи. Ходомъ дѣйствія и разговора событіе вдвигалось уже въ современность, но не развивалось еще изъ характеровъ, ихъ настроеній и страстей; оно выступало только внѣшней своей стороною, скорѣе эпически, а изліяніе внутренняго чувства высказывалось въ лирическихъ пѣсняхъ. Но по крайней мѣрѣ все-же пріобрѣтенъ былъ для драмы великій сюжетъ, въ которомъ непосредственно воплощалась двигающая человѣчество идея, пріобрѣтено живое чувство дѣйствія, идущаго неослабно къ своей цѣли.

По свойственному Среднимъ Вѣкамъ пріему символическаго олицетворенія, въ мистеріяхъ охотно выводили фигуры истины, правосудія, мира и дру-

гія тому подобныя; отсюда-то развились въ самостоятельномъ видѣ такъ-называемыя «моралитеты», то-есть нравоучительныя піэсы, въ которыхъ преимущественно изображались нравственныя борьбы, дѣла и отношенія людскія. Добродѣтели ратуютъ съ пороками за душу человѣка, при чемъ самъ Искупитель могъ опять являться непосредственно спасающимъ отъ злыхъ бѣдъ. Такъ у трувера Гильома Германа, послѣ грѣхопаденія адамова къ престолу господню подступаютъ въ видѣ обвинителей истина и правосудіе, тогда какъ напротивъ милосердіе и миръ говорятъ въ пользу человѣка; Богъ возстановилъ согласіе четырехъ сестеръ, указавъ имъ на грядущаго Спасителя. Подобное примиреніе благодати съ справедливостью Ансельмъ пытался провести научнымъ образомъ, а преемникъ Ансельма на кантерберійскомъ архіепископскомъ престолѣ, Лангтонъ, представилъ его (въ 1207 г.) и драматически; это—аллегорическое выполненіе той же въ сущности основной мысли, какую вполнѣ человѣчно развернулъ Шекспиръ въ своемъ «Венеціанскомъ купцѣ», и нельзя при этомъ не замѣтить, что нравственная идея борьбы добра со зломъ, была уже постигнута здѣсь какъ корень всякой истинной драмы; тотъ нравственный образъ дѣйствій, который настоящая драма должна раскрыть во всемъ многоразличіи жизни и характеровъ, онаглядживался здѣсь на первыхъ порахъ только аллегорически, пока искусство не научилось индивидуализовать съ каждымъ днемъ болѣе, и выводить историческія личности съ ихъ ими же самими подготовленной судьбою.

Этому способствовалъ и третій элементъ, выводимыя въ мистеріяхъ фигуры изъ обиходной жизни, — шарлатаны, мощепродавцы, рядовые ратники, —этому содѣйствовали какъ забавныя, такъ и серьёзныя картины дѣйствительности, рисуемыя жонглёрами, напримѣръ—монологъ, въ которомъ простой гражданинъ раздумываетъ, жениться ему или нѣтъ, разговоръ одного рыцаря, принявшаго на себя крестъ, съ другимъ, остающимся спокойно дома. Даже такъ-называемыя «пасторали» трубадуровъ, пѣсенныя бесѣды пастуховъ съ пастушками, излагавшія ходъ какой-нибудь любовной исторіи, — и тѣ сами собой напрашивались на драматическое выполненіе, и благодаря этому до насъ дошла между прочимъ прекрасная сценическая пастораль Адама де-ла Галя. Рютбёфъ, о которомъ мы говорили уже какъ о разскащикѣ, сочинилъ также одну драму про Ѳеофила, который, будучи обойденъ по службѣ своимъ епископомъ, въ отчаяніи не хочетъ уже знать и покинувшаго его Бога; черезъ одного чернокнижника обращается онъ къ сатанѣ, присягаетъ ему на вѣрность, записываетъ ему кровью свою душу, и дѣйствительно достигаетъ свѣтскихъ почестей и раздольной жизни, но вскорѣ сознаетъ свою вину, кается, и своимъ тяжкимъ сокрушеніемъ успѣваетъ разжалобить Марію Дѣву дотого, что она беретъ назадъ у сатаны кровную его запись. Драма, содержащая въ себѣ зародышъ Фауста, оканчивается благодарственнымъ молебномъ.

По милости театральныхъ артелей, образовавшихся уже въ 13-мъ столѣтіи въ Парижѣ, а также въ Честерѣ и Ковентри, возникли постоянныя сцены, и драма окончательно перешла въ руки средняго сословія; мы увидимъ впослѣдствіи какъ росла она и подымалась вмѣстѣ съ нимъ.

СРЕДНЕВѢКОВАЯ МУЗЫКА.

Карлъ Великій былъ охотникъ до пѣнія, и какъ для усовершенствованія въ церковной музыкѣ, такъ и для поддержанія единства въ обрядѣ, посылалъ онъ своихъ Франковъ въ Римъ и приглашалъ оттуда пѣвцовъ учителей; въ Мецѣ, въ Суассонѣ, въ Санктъ-Галленѣ возникли школы, гдѣ изучались старые и досточтимые григоріанскіе напѣвы и по образцу ихъ сочинялись новые. Чѣмъ искуснѣе и правильнѣе исполнялъ подъ звуки инструментовъ церковные гимны клиръ, тѣмъ болѣе пѣніе самихъ прихожанъ ограничивалось однимъ только повтореніемъ Господи помилуй и Аллилуія, но старалось хоть сколько-нибудь вознаградить себя за это протяженіемъ слоговъ или добавкою къ тому изліяній чувства въ безсловныхъ звукахъ, которые, слѣдуя всегда за словами, назывались поэтому «секвенціями» (послѣдинами). Къ этимъ оконечнымъ звукоизводамъ стали потомъ подбирать какой-нибудь текстъ, и такъ какъ онъ примыкалъ къ ихъ движенію безъ всякой стихотворной мѣры и риомы, то и именовался «прозой» *. Такого рода прозы состояли изъ нѣсколькихъ мелодическихъ фразъ, повторявшихся или непосредственно одна вслѣдъ за другою, или въ перемежку съ какою-нибудь вставкой, но имѣвшихъ всѣ сплошь одинаковыя или по крайней мѣрѣ схожія заключительныя каденціи. Мастеромъ на эти оконечные завитки слылъ Ноткеръ Бальбулусъ. Этой тѣсной зависимостью отъ музыки, «прозы» близко сходились съ народною плясовой пѣснью или лейхомъ; и тѣ и другія пѣлись теперь при процессіяхъ, передъ началомъ боя и на богомольныхъ странствіяхъ; какъ свободная, естественная поэзія выступали они на ряду съ произведеніями школы и искусства. Въ нихъ шевелились и проявляли свое самочувствіе геніи новыхъ народовъ, тогда какъ григоріанскій напѣвъ отвѣчалъ Церкви съ ея всюду-одинаковымъ латинскимъ образованіемъ и тѣмъ самымъ подготовлялъ однородную почву для общаго всему Западу музыкальнаго развитія. Средневѣковая эпоха приняла его точно такъ же съ вѣрой, какъ и боэтіевскую теорію, и включивъ музыку въ число семи свободныхъ искусствъ, присоединила ее къ ариометикѣ и астрономіи, потому что въ глазахъ схоластики она была ученіемъ о господствующихъ въ звукахъ и звуковой гармоніи числахъ.

Вначалѣ 10-го вѣка предстаетъ намъ урядителемъ и основателемъ настоящей средневѣковой музыки фландрскій монахъ Гукбальдъ, который согласно общему характеру той поры, старался сблизить и соединить новонародныя стихіи съ античными и христіанскими преданьями. И онъ искалъ наглядной звуковой грамоты для яснаго обозначенія подъемовъ и пониженій голоса; главному пѣвцу придалъ онъ въ свободный аккомпаниментъ другого, который вторилъ бы мелодіи перваго въ иныхъ, но все же подходящихъ зву-

* Въ этихъ приставныхъ звукоизводахъ давало себѣ волю личное чувство пѣвца, разумѣется въ новонародномъ уже духѣ, не находившемъ мѣста своему выраженію въ строгомъ григоріанскомъ напѣвѣ. Прим. перев.

кахъ, тогда какъ подконецъ оба они встрѣчались въ одномъ и томъ же звукѣ, или по крайней мѣрѣ въ октавѣ, такъ что современники говорили уже о согласномъ раздвоѣ, и тутъ слѣдовательно заложена была первая основа развитію гармоніи, которая и противопоставила теперь простой (одноголосной) мелодической пластикѣ Грековъ начало живописной группировки и разнообразнаго соотношенія многихъ самостоятельныхъ голосовъ (полифоніи, стройнаго разноголосія). Музыка не возвысилась еще до свободной красоты, какъ архитектура: съ одной стороны, музыкальныя упражненія сохраняли еще церковно-схоластическій характеръ, тогда какъ, съ другой, поэтическое чувство изливалось безъ всякихъ уже школьныхъ правилъ въ пѣсняхъ трубадуровъ и миннезенгеровъ, или какой-нибудь францискъ д'Ассизи уносился своей пылколюбящей душою въ небеса, не стѣсняясь вовсе правильнымъ ритмомъ, словно жаворонокъ. Школа пріобрѣла своего мастера въ бенедиктинскомъ монахѣ, Гвидонѣ изъ Ареццо, который въ первой половинѣ 11-го столѣтія не только скоро образовалъ слухъ и голосъ ввѣренной ему молодежи простымъ мѐтодомъ преподаванія, но и далъ потамъ ясное и прочное положенье, разстановивъ ихъ поверхъ, внутри и подннзо̀мъ извѣстной системы горизонтальныхъ линій. Онъ требовалъ чтобы пѣніе отвѣчало смыслу словъ, видоизмѣненіямъ излагаемаго дѣла, чтобы въ немъ выражалось именно то, что̀ говорятъ слова, чтобы оно было свѣжо и игриво у юноши, строго и серьёзно у старца, чтобы въ печали шло спокойными, а въ счастіи веселыми звукоизводами.

При многоголосномъ пѣніи необходимо было точно установить продолжительность звуковъ, въ особенности когда на одинъ изъ нижнихъ тоновъ приходилось по нѣскольку, принадлежащихъ верхнему голосу. Такъ же и гармонію слѣдовало дознать и опредѣлить не столько теоретически, сколько по слуху. Этой работою занялись 12-й и 13-й вѣка. Тутъ стали различать совершенные, не совершенные и средніе благозвучные аккорды, въ качествѣ октавы, квинты и кварты, и наконецъ терцій; почувствовали что ухо можетъ переносить также и разгласія, и признали такой случай въ септимномъ аккордѣ, признали даже хорошее дѣйствіе разгласій передъ созвучіемъ, что̀ повело къ употребленію въ дѣло диссонансовъ съ послѣдовательнымъ ихъ разрѣшеніемъ, а этимъ открылось для музыки совсѣмъ новое и чрезвычайно важное художественное средство. Во Франціи было за обычай, что мелодія велась среднимъ голосомъ и на немъ собственно держалась: оттого онъ и прозванъ тамъ теноромъ (держателемъ); надъ нимъ развертывался верхній голосъ, дискантъ, то созвучно вторя первому, то быстро извиваясь за нимъ въ пестрыхъ фигурахъ, то наконецъ и возвышаясь, когда теноръ упадалъ внизъ, или падая, когда онъ поднимался кверху, такъ что движеніе его принимало такимъ образомъ противоположное направленье, и въ музыку былъ внесенъ принципъ контраста, играющій такую роль въ колоритѣ и въ живописной композиціи, что̀ проложило путь къ одновременному веденію двойной мелодіи. Къ этому присоединили еще третій и четвертый голосъ, при чемъ каждый изъ нихъ не былъ уже точнымъ отраженіемъ другого, а только отвѣчающимъ ему противнемъ, который долженъ былъ подконецъ сблизиться съ нимъ опять и совершенно примириться; теперь могли уже звучать и диссонансы, если въ нихъ выражалось стремленіе къ той цѣли, какой достигалъ полный

чистый аккордъ, мѣсто дружной встрѣчи различныхъ силъ и путей мелодіи. Пошли еще и дальше этою дорогой. Если, по изысканіямъ Оскара Пауля, уже и гукбальдовъ «Органонъ» заключался не столько въ томъ, чтобы мелодія сопровождалась только въ чистыхъ квинтахъ или квартахъ, — это было бы плохою схоластикой, — но хотѣлъ чтобы одинъ голосъ слѣдовалъ въ квинтѣ или квартѣ за другимъ, и спѣтое имъ повторялъ въ свою очередь, или же, смѣняя его навремя, отвѣчалъ на первую мелодію въ другомъ подходящемъ тонѣ, то теперь очевидно уже пришли къ началу подражанія: любой звукорядъ разлагался на нѣсколько моментовъ и исполнялся нѣсколькими голосами такъ, что одинъ слѣдовалъ за другимъ, и когда этотъ шелъ далѣе, то спѣтое имъ первый повторялъ отъ себя; одна и та же фраза исполнялась разными голосами въ различныхъ моментахъ; при этомъ конечно должна была соблюдаться надлежащая связь; согласіе причины съ слѣдствіемъ, первой части со второй ощущалось непосредственно.

Такимъ образомъ къ ритму и къ мелодіи присоединился мало по малу третій элементъ музыки, развитіе гармоніи, чѣмъ искусство это впервые достигло полной свободы и научилось наконецъ создавать то, что̀ даже и приблизительно неподсилу ни какому другому искусству, научилось изображать многоразличіе самостоятельныхъ жизненныхъ движеній въ ихъ взаимподѣйствіи и органическомъ единствѣ или, говоря другими словами, — постепенный ростъ духа и природы, и вести стремленія и порывы различныхъ силъ къ полному примиренію; какъ въ архитектурѣ башня становится противъ башни, церковь высится надъ криптою, колонны и столпы то чередуются между собою, то сходятся въ группы, а арки, подымаясь съ одной опоры опускаются на другую, чтобы въ замочномъ камнѣ взаимно подпирать и поддерживать свои вѣнцы, такъ точно и одинъ голосъ становится подлѣ или противъ другого, одна мелодія строится на другой, намѣсто отдѣльныхъ тоновъ звучатъ совокупные аккорды, голоса идутъ въ противоположномъ направленіи, то вверхъ, то внизъ, чтобы наконецъ гармонически слиться въ одно цѣлое.

Между тѣмъ какъ музыка художественно развивалась въ Церкви, рыцарское общество взялось за воздѣлку свѣтскаго пѣнія и пляски; быть умѣлымъ по этой части входило въ кругъ сословнаго образованія. Мужчины и женщины играли на лирѣ, на арфѣ, на скрыпкѣ; къ этому присоединялись звуки флейтъ и свирѣлей, а у Арабовъ заимствовали гобои, трубы и барабаны. Напомнимъ здѣсь кстати, что̀ у каждаго благороднаго трубадура былъ обыкновенно подъ рукой свой игрецъ, жонглёръ, пѣвшій изъ-за денегъ, тогда-какъ отъ имени благородныхъ поэтовъ Сордель говоритъ, что онъ даетъ другимъ, самъ ни чего не принимая, и въ награду за свое искусство хочетъ одной только любви. Такъ точно при сѣверно-французскихъ и нормандскихъ труверахъ находились служилые музыканты, минстрели. Слѣдуя по пятамъ за строфою, мелодія выработалась здѣсь въ округленный организмъ: двѣ части ея симметрически отвѣчаютъ другъ другу, третьею она замыкается; ряды звуковъ располагаются сообразно ритму стиховъ. По отзыву Амброса, та мелодія, посредствомъ которой Блондель искалъ и нашелъ своего короля-полонянника, Ричарда Львиное Сердце, довольно еще негибка и малоподвижна, какъ и всѣ напѣвы старшихъ мастеровъ; тогда какъ, напро-

тивъ, вначалѣ 13-го столѣтія граціозность новѣйшихъ пѣсенъ почти можно признать безупречною. Даже и по нотамъ легко прослѣдить волнистое движеніе тоновъ и замѣтить, какъ идетъ оно то спокойно размѣреннымъ ходомъ, то вдругъ смѣлымъ и возбужденнымъ. Хороводныя и подпрыжныя пляски исполнялись обыкновенно подъ звукъ пѣсни, называемой балладою и поёмой одною изъ дамъ, при чемъ пляшущіе подхватывали хоромъ припѣвы. Не мудрено, что пѣсня къ Маріи, Адама де-ла Галя, отличалась особенной нѣжностью: мы знаемъ, что прекрасные глаза одной современницы этого имени заставили его покинуть духовное званіе, но впослѣдствіи онъ воротился къ нему опять и, какъ математически-ученый музыкантъ, принялся за опыты многоголосной композиціи, но она вышла у него еще жестка и непріятна; школьное знаніе не умѣло еще вполнѣ слиться съ внушаемою сердцемъ мелодіей. Нѣмецкій миннезенгеръ предпочиталъ самъ быть своимъ гусляромъ или гудочникомъ, что̀ видно и на былинныхъ герояхъ, Фолькерѣ, Горандѣ и Тристанѣ. Я нахожу сходство не столько съ григоріанскимъ, какъ съ германско-эпическимъ народнымъ напѣвомъ въ томъ, что миннезенгеръ былъ рапсодъ гораздо болѣе трубадура, и что поэтому многія нѣмецкія мелодіи не такъ замкнуты въ себѣ на пѣсенный ладъ и не такъ независимо противостоятъ словамъ, какъ французскія, но въ подробностяхъ тѣснѣе примыкаютъ къ смыслу, ко стиху, болѣе берутъ въ разсчетъ его ударенія въ ущербъ даже правильности такта, и этимъ лучше его закрѣпляютъ и оттѣняютъ. Въ хоровой пѣснѣ Грековъ тѣсно соединялись языкъ, музыка и пляска, но надо всѣмъ преобладала поэзія,—основою были краткость и долгота слоговъ, художественный ритмъ; модуляція въ чередѣ тоновъ и тѣлодвиженій оживляла, усиливала и onaглядивала складъ строфы, характеръ словъ. Напротивъ того, въ языкахъ имѣющихъ только опредѣленное число повышеній, или требующихъ въ стихѣ словъ, сомкнутыхъ одною аллитераціей, музыка могла выполнить ритмическій періодъ, сначала лишь не связывая себя строго долготами и краткостями въ употребленіи цѣлыхъ тоновъ и полутоновъ. Троечленность строфы и свободное потомъ движеніе въ предѣлахъ каждаго стиха порознь шли сами навстрѣчу самостоятельной выработкѣ музыки, которая поэтому и развилась во всей ясности и силѣ: изъ многихъ мелодій того времени слышится намъ даже церковный нѣмецкій гимнъ. Пѣніе духовныхъ сценическихъ представленій было, по очень понятной причинѣ, отчасти обрядно-церковное, отчасти же близко къ нему примыкало, стараясь употребить въ дѣло мелодіи секвенцій, или наконецъ пускалось въ речитативную декламацію. Если съ тѣхъ поръ какъ въ поэзію сталъ проникать юморъ, и жизнь начали брать уже и съ комической ея стороны —Іуда, напримѣръ, торговался на сценѣ изъ-за сребренниковъ или продавецъ мирры предлагалъ свой товаръ женамъ, спѣшащимъ ко гробу господню,—то Амбросъ ясно доказываетъ изъ пражскихъ рукописей что тутъ давалъ себѣ волю грубый разгулъ площадныхъ пѣвцовъ и ихъ пѣсенокъ, точно такъ же какъ съ другой стороны во французской пасторали Адамъ де-ла Галь пускалъ въ ходъ столь характеристичную для Французовъ и донынѣ еще употребительную въ водевилѣ мелодику, которая немногіе всущности тоны соединяетъ очень просто, развязно и легко въ пріятныя для уха комбинаціи, и когда

случится ей попасть на какую-нибудь счастливую фигуру, она охотно возвращается къ ней по нѣскольку разъ.

Вслушавшись въ рѣчи средневѣковыхъ писателей о музыкѣ, мы тотчасъ же увидимъ опять и здѣсь символизацію мистики и схоластики. Автентическіе и плагальные тоны выступаютъ, по ихъ словамъ, какъ четыре брачныя четы изъ опочивальни; четыре основные тона — для нихъ четыре стихіи, образующія макрокозмъ, или же четыре человѣческіе темперамента, четыре поры дня и года, наконецъ — четыре евангелія. Какъ у Пиѳагора, весь міръ составляетъ здѣсь одно музыкально-уряженное и движущееся цѣлое. Какъ удивительно, говоритъ Маркетто Падуанскій (въ 13-мъ вѣкѣ), это древо музыки: всѣ вѣтки его изящно распредѣлены по числовымъ отношеніямъ, цвѣты его — благозвучные аккорды, а плоды — назрѣвающія изъ этихъ цвѣтовъ гармоніи. По словамъ Іоанна де Мурисъ (въ 14-мъ вѣкѣ), музыкальная система — образъ Церкви. Какъ Церковь, имѣя въ виду двухъ сестеръ Марѳу и Марію, подѣляетъ жизнь на дѣятельную и созерцательную, такъ и музыка дѣятельна въ пѣвцѣ, и созерцательна опять въ томъ, кто принимаетъ ее къ сердцу и хранитъ въ памяти. Автентическій и плагальный тонъ представляютъ собой любовь къ Богу и любовь къ ближнему. Три октавы, это — три ступени покаянія, начиная отъ самаго низкаго аккорда душевной скорби въ громкой исповѣди, до высоты искупленія вины своей въ добрыхъ дѣлахъ. Три рода музыкальныхъ орудій употребляетъ Церковь, — ударныя, духовыя и струнныя; они подобны соединенію вѣры, надежды и любви. Ни одна музыкальная фраза не можетъ существовать безъ начала, средины и конца; ни одно изъ этихъ звеньевъ не можетъ обойтись безъ другого, и всѣ три составляютъ одно, образъ божественной Троицы. Четыре церковныхъ тона походятъ на четыре главныя добродѣтели, служащія основой осьми блаженствамъ. Какъ все церковное познаніе опирается на четвероевангеліе, такъ и познаніе нотъ на четырехлинейную графу. Подобно тому какъ финальный тонъ отдѣляетъ автентическій отъ плагальнаго, такъ и Христосъ отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ; какъ конецъ пѣсни опредѣляется ея началомъ и серединой, такъ и конецъ жизни, ея блаженство или осужденіе, зависитъ отъ того, чѣмъ она началась и какъ велась дальше *.

ГОТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

Самочувствіе христіанско-германскаго міра, достигшее совершеннолѣтія въ крестовыхъ походахъ, его стремленье къ безконечному, его одушевленный порывъ, его домогательство личной независимости и его смѣлая фанта-

* Какъ диковинно-чудна́ и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятна непреодолимая страсть къ самымъ отдаленнымъ, натянутымъ и ненужнымъ повидимому объединительнымъ аналогіямъ въ мистикѣ этого Средневѣковья, раздробившагося на столько отдѣльныхъ звеньевъ въ территоріальномъ и въ сословномъ, въ государственномъ и церковномъ, въ административномъ и дисциплинарномъ отношеніи! Прим. перев.

зія, — все это нашло себѣ полнѣйшее и совершеннѣйшее выраженіе въ готическомъ архитектурномъ стилѣ. Такъ какъ государство остается въ строго-христіанскихъ предѣлахъ, хотя и силится отвоевать свою независимость у преобладающей іерархіи, то удерживается конечно и основной типъ Церкви, пріобрѣтенный ею искони, почему новыя формы могутъ развиваться исключительно лишь изъ романскихъ. Въ послѣднихъ масса зданія была такъ же расчленена и получила тотъ же складъ, что и народъ подъ вліяніемъ духовной власти; но христіанскій народъ отнюдь не долженъ оставаться сплошною массой, каждое единичное лицо должно быть самостоятельнымъ и полновольнымъ членомъ царства божія, и по мѣрѣ того какъ въ сердцахъ начинаетъ шевелиться болѣе глубокая поэзія знанія, а въ умахъ сила собственной ихъ мысли, это отражается и въ архитектурѣ тѣмъ, что массу постепенно преодолѣваетъ своеобразно-живая форма всѣхъ особенныхъ строевыхъ частей зданія, и все оно въ своемъ цѣломъ является свободной совокупностью парящихъ ввысь столповъ, однакоже наклонныхъ другъ къ другу во взаимнодѣйственномъ соотношеніи. Въ романскомъ стилѣ, подъ руководствомъ духовныхъ лицъ, античное преданіе слилось съ требованіями (западнаго) богослужебнаго обряда и съ душевнымъ настроеніемъ новыхъ народовъ; такъ точно и въ литературѣ господствующимъ былъ латинскій языкъ. Теперь же носителями образованія становятся рыцари и города, людямъ хочется поэтически высказать свое сердце и свое міросозерцаніе родною рѣчью; равно хочется имъ раскрыть образъ чувствъ и направленіе времени въ своихъ собственныхъ архитектоническихъ формахъ. Основа этихъ формъ — стрѣльчатая дуга. При соединеніи двухъ опоръ круглою дугой, центръ ея приходится насерединѣ ихъ разстояній; если же увеличить радіусъ и пустить притомъ круговыя линіи отъ опоръ, то линіи эти пересѣкутся между собою, и получится вершинная точка, гдѣ онѣ сойдутся, взаимно подпирая одна другую, тогда какъ, напротивъ, полукругъ спускается опять къ уровню своего исхода, такъ что положительно лишь въ стрѣльчатой дугѣ высокопарное стремленіе христіанской архитектуры достигаетъ своей вершины. Надо сверхъ-того сказать, что между двумя данными точками возможна только одна полуокружность, тогда какъ отъ насъ зависитъ возвести острую дугу изъ бóльшихъ или мéньшихъ круговъ, отъ чего представляется возможнымъ накрывать сводами разныя разстоянія въ одинаковой сплошь высотѣ, а это даетъ просторъ развернуться самобытной индивидуальности.

Христіанство хочетъ общины вѣрныхъ, а отнюдь не безусловной власти священства; демократическое начало заявляетъ себя въ самóмъ францисканскомъ орденѣ, требуя для проповѣдниковъ большихъ, просторныхъ храминъ; духовенство становится на одну доску съ мірянами, и въ стремленіи къ свѣту и высотѣ исчезаетъ уже мрачная, пригнетенная къ землѣ крипта. Въ «Титурелѣ» о храмѣ Граля говорится такъ:

Ты тщетно подземелій ищешь здѣсь!
О нѣтъ, Господь того избави,
Чтобъ подъ землею, по грѣхамъ,
Народъ столь чистый собирался.
Служеніе Христу и вѣру во Христа
Провозвѣщать не слѣдуетъ иначе,
Какъ на просторѣ свѣтла божья дня!

Среди свѣтлой высоты обширнаго зданія, а не во мракѣ тѣсной клѣти, долженъ былъ охватывать душу благоговѣйный трепетъ передъ Безконечнымъ, должно было открываться ей великое таинство божіе.

Въ планѣ удержанъ былъ на первыхъ порахъ латинскій крестъ; только въ обширныхъ соборахъ къ высокому среднему пространству продольной сѣни присоединялись съ обѣихъ сторонъ по два боковыхъ корабля, и по одному къ поперечнымъ крыльямъ, а полукруглый замо́къ клироса былъ замѣненъ многоугольнымъ, поднимавшимся во всю высоту зданія, но окруженнымъ цѣлой вереницею низменныхъ часовень. Удержанъ былъ также и крестовый (стрѣльчатый) сводъ для покрытія, но ребра его, выступавшіе въ романскомъ стилѣ только орнаментально, вырабатывались теперь въ видѣ провислыхъ арокъ (поддужинъ) и потолокъ представлялся оттого перекрестной сѣтью граней и стрѣлокъ, встрѣчавшихся и подпиравшихъ другъ друга въ вершинной линіи стрѣльчатаго свода, такъ что сферическіе треугольники въ ихъ промежуткахъ какъ бы слегка только заполняли послѣдніе, и весь сводъ развертывался изъ столповъ въ парящемъ или рѣющемъ такъ-сказать движеніи. Столпамъ же давались одинаковое другъ отъ друга разстояніе и одинаковая форма; благодаря стрѣльчатой аркѣ, можно было охватить такой сѣтью и всю двойную ширину средняго корабля, и при этомъ дать здѣсь крестовому своду продолговатую форму, тогда какъ въ боковыхъ корабляхъ онъ сохранялъ квадратную. Такъ какъ стрѣльчатая дуга гораздо рѣшительнѣе относитъ тяжесть на ось поддерживающей ее стойки, и требуетъ гораздо меньше бокового упора, нежели округлая арка, то столпъ дѣлался теперь несравненно тоньше и принялъ опять круглую форму колонны въ основаніе; но тогда какъ въ Греціи колонна втягивалась посредствомъ выжелобки внутрь, сохраняя однакожь свое преобладающее единство, здѣсь выступаютъ изъ нея болѣе или менѣе значительныя округлости въ симметрично-чередующемся порядкѣ и образуютъ на одномъ общемъ съ ней подножіи цѣлую изящно-стройную группу: по стержню идутъ въ видѣ лучей легкія полуколонки вплоть до́верху,—пристрѣлины бо́льшаго или ме́ньшаго размѣра, называемыя понѣмецки «служками», Dienste, потому что на нихъ-то именно и держится оставъ свода. Капитель, въ формѣ цвѣточной чашечки, посредствуетъ переходъ отъ столпа къ своду; пареніе въ высь не должно встрѣчать ни какой себѣ преграды; какъ вѣтви изъ ствола идутъ простираясь во всѣ стороны, такъ долженъ раскидываться изъ столповъ и потолокъ: оттого не дано здѣсь ни какого выраженія нагнету тяжести, нѣтъ кубовидной капители, а есть только легко выгнутая вверхъ линія, изящно увитая украшающей листвой, «сквозь которую, по прекрасному выраженью Шназе, благородная форма ствола проглядываетъ какъ сквозь вешнюю зелень дерева». Подпирающія сводъ арки продолжаютъ собой рельчатую форму столпа въ чередовой смѣнѣ упругихъ падинъ и выступовъ, валиковъ и спусковъ; но валики, въ соотвѣтствіе стрѣльчатой аркѣ, сами сердцевидно или грушевидно заострены; смычный камень, гдѣ пересѣкаются діагонали ея граней, часто украшенъ лиственною розеткой, а промежуточныя между ними поля убраны звѣздами. Такимъ образомъ столпы и потолокъ находились въ органической связи между собою, и не было уже надобности подпирать послѣдній такою сплошною массой толстыхъ стѣнъ, а нужно было только укрѣпить опорныя точки сводныхъ дугъ извнѣ,

и потому поддерживавшіе ихъ столпы боковыхъ кораблей выдвигались наружу въ видѣ прочныхъ устоевъ, обдѣлываясь впрочемъ точно такъ же какъ и ихъ другіе, вольностоящіе, товарищи. Живое движеніе порывающихся вверхъ силъ, развитіе ихъ въ парящую, отнюдь не нагнетающую покрышу, являлось здѣсь симметрически расчлененнымъ въ богатѣйшемъ видѣ; цѣль, назначеніе и функція этого организма высказывались въ самой его формѣ, обставленные игриво и замысловато пріятнымъ для глазъ орнаментомъ.

Но если прежняя сплошь-толстая стѣна разрѣшилась въ рядъ прочныхъ выступныхъ устоевъ, то зданіе нуждалось за тѣмъ только въ завершеніи, въ замкѣ понизу и поверху; все среднее полотно могло остаться сквознымъ, и давало въ видѣ огромнаго окна вольный проходъ желанному для храма свѣту. Высокимъ окнамъ придана была такая обрамовка, которой профиль чередою валиковъ и гуськовъ гармонируетъ со столпами и которая замыкается вверху стрѣльчатой аркою; отъ подоконья вплоть до арки шло по нѣскольку тонкихъ стоекъ, соединенныхъ между собой также острыми дужками; пространство же подъ верхнею аркой цѣлаго окна заполнялось каменною рѣзьбой, сначала въ видѣ кружковъ и розетокъ, потомъ въ видѣ трилистнаго и четырехлистнаго репейка, наконецъ въ видѣ самыхъ игривыхъ закрутей; все вмѣстѣ представляло родъ каменнаго цвѣтка, распустившагося на стеблеобразныхъ стойкахъ, но безо всякаго подражанія природѣ, все въ геометрически-измѣримыхъ отрѣзкахъ круга, сообразно закону даннаго матерьяла и архитектурнымъ правиламъ. Когда хотѣли еще оживить и остальныя горизонтальныя площади стѣнъ, то пускали подъ окнами верхняго яруса аркадную галерею, или же столповыя пристрѣлины съ вѣнчающими ихъ острыми дугами выдвигались орнаментальнымъ теремкомъ, въ видѣ трифорія надъ подѣляющими стѣну арками или надъ плинтусомъ наружной стѣны. Такимъ образомъ украшенія романскаго стиля, часто впадавшія въ удивительную фантастичность, уступили мѣсто тѣмъ сравнительно простымъ линейнымъ закрутямъ, въ которыхъ отзывался тотъ же опять стрѣльчатый стиль, тогда какъ около капительныхъ чашъ появились туземные цвѣты и листья розы, винограда, дуба. Но конструктивные члены зданія обдѣланы уже такъ, что существенная форма ихъ выступаетъ вполнѣ цѣлесообразно и вмѣстѣ приглядно, стало-быть истинно художественно, что вслѣдствіе того орнаменту не приходится одѣвать праздныхъ массъ, а напротивъ даже крупное предстаетъ вездѣ въ нарядно-утонченномъ видѣ, и связный въ себѣ организмъ цѣлаго порождаетъ свое убранство изъ самого себя, изъ строевыхъ, конструктивныхъ своихъ силъ.

Впечатлѣніе внутренности храма выходитъ торжественно-свѣтлымъ, возвышающимъ и вмѣстѣ радующимъ. Глазъ невольно влечется въ вышину по столпамъ, которые сами собою развѣтвляются въ легковоздушную покрышу, и разнообразныя прогляди и отраженія въ игрѣ свѣта и тѣни одни уже доставляютъ много живописной прелести. Живопись не связана вѣдь тяжестію вещества,—такъ точно преодолѣно оно навидъ и этой живописною архитектурой; ни что здѣсь не гнететъ, не давитъ, одно поддерживается другимъ во взаимномъ излученіи и напряженьи, всесторонній напоръ жизни несетъ самъ себя въ гармоническомъ взаимнодѣйствіи, жажда безконечнаго возбуждается и утоляется въ одно и то же время. Надо къ этому при-

бавить еще то, что свѣтъ входитъ не сквозь бѣлыя, а сквозь цвѣтныя окна, и что этимъ порождается волшебная игра цѣлой бездны переливчатыхъ тоновъ, тогда какъ изъ высшаго источника, — башнеобразнаго фонаря надъ средокрестнымъ квадратомъ,—свѣтъ льется полною и чистою струёй и тѣмъ снова манитъ глазъ къ этому, идеальному средоточію. Краски оконъ сливаются въ узоры, въ образы, и отражаются по столпамъ и по полу, когда полнымъ своимъ блескомъ упадутъ онѣ на камень. Самъ матерьялъ охотно принимаетъ болѣе темный оттѣнокъ въ твердой сердцевинѣ столповъ, и болѣе свѣтлый въ тонкихъ пристрѣлинахъ, а золото между тѣмъ сверкаетъ и горитъ въ звѣздахъ потолочныхъ кессоновъ или въ орнаментѣ капителей. Эта волшебная игра свѣтотѣни присоединяется къ чудесамъ конструкціи, преодолѣвшей всякую земную тяжесть, и прекрасно завершаетъ живописное впечатлѣнье цѣлаго.

Если мы разсмотримъ теперь внѣшность, то увидимъ, что выдвинувшіеся изъ стѣны опорные столпы или устои какъ бы разрѣшаютъ ее въ отдѣльные члены, соединенные между собой однимъ общимъ цоколемъ и кровельнымъ карнизомъ, но поднимающіе вольныя вершины свои къ небу даже и надъ крышею; они высятся въ нѣсколько уступовъ, постепенно утоняясь вверхъ какъ бы по законамъ живого органическаго роста; уступы обозначены тонкими горизонтальными поясками, спускающимися накось посверхъ валика и гуська. Жезловая и узорчатая рѣзьба манитъ глазъ отъ одного уступа къ другому; обремененіе нижнихъ частей необходимо со стороны техники, а эстетически ведетъ оно къ тому, что столпы увѣнчиваются шлемомъ и балдахиномъ на колонкахъ, или же вытягиваются кверху въ тонкія пирамиды, фіалы, съ крестоцвѣтомъ на самой маковкѣ и съ мелкими каменными цвѣтами, луковками или крабами по угламъ и по бокамъ. Но столпы, возносящіе кровлю середняго корабля высоко надъ боковыми, требуютъ особой опоры съ наружной стороны и находятъ ее въ провислыхъ аркахъ, которыя перекидываются къ нимъ отъ внѣшнихъ устоевъ, и если зданіе о двухъ боковыхъ корабляхъ, тогда и подѣляющіе ихъ столпы выводятся надъ крышею, а отъ наружныхъ устоевъ къ нимъ, и потомъ отъ нихъ къ кровлѣ середняго корабля идутъ круто вверхъ арки, значительно облегчаемыя узорчатою прорѣзью во всю глубину. На хребтѣ своемъ держатъ онѣ водосточныя трубы, съ жёрлами въ видѣ образинъ, иногда звѣрскихъ, иногда бѣсовскихъ. Готика является до такой степени архитектурой внутренности, что организмъ зданія выступаетъ и наружу всѣмъ своимъ каменнымъ костякомъ, который обыкновенно укрывается природою подъ сплошною оболочкой мяса и кожи; здѣсь же, напротивъ, все имѣющее конструктивное значенье обнаруживаетъ себя во всей силѣ и опредѣленности, но конечно болѣе только съ живописной полнотой, нежели съ пластической ясностью, и не льзя отрицать того, что, особенно у замка́ клироса и на перспективный взглядъ вообще, эта бездна арокъ и устоевъ представляетъ намъ нѣчто спутанное и смутное. Единство горизонтальной кровельной линіи прерывалось не только и́ми одними, но еще и въ промежуткѣ ихъ возведеніемъ надъ окнами острощипцовыхъ теремковъ, которыхъ внутренность украшена сквозной узорчатой прорѣзью, а боковые столбики увѣнчаны крестоцвѣтомъ: это такъ называемые «вимберги», въ буквальномъ переводѣ — заслоны отъ вѣтра. Боко-

вые виды зданія глядятъ нѣсколько спокойнѣе, благодаря выступающимъ впередъ поперечнымъ крыльямъ; въ каждое изъ нихъ ведетъ порталъ, надъ которымъ большое окно опять-таки увѣнчано теремкомъ, или вимбергомъ. Единство зданія и господствующее направленье его въ высоту находили себѣ самое рѣшительное выраженіе въ фасадѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда передъ среднимъ кораблемъ возносилась одна башня, такъ и въ болѣе еще обычномъ, другомъ, когда двѣ одинаковыя башни высились передъ боковыми кораблями, могущественно обступая и оберегая главный. Тогда въ серединѣ послѣдняго устроивался уже и главный порталъ, а надъ нимъ — обширное, великолѣпное окно и богато отдѣланный щипецъ; башни же подымались сначала отвѣсно четырьмя сильно выступающими угловыми столпами, а промежуточныя стѣны ихъ, съ своими порталами и окнами, сквозили жезловою и узорчатою рѣзьбой. Этотъ нижній ярусъ башенъ замыкался галереею; по четыремъ угламъ его возникали здѣсь островерхіе фіалы, а между нихъ высился потомъ еще легче и воздушнѣе осьмиугольный второй этажъ съ высокими (сравнительно узкими) окнами, и наконецъ изъ среды нарядныхъ его вимберговъ круто подымалась осьмигранная пирамида шлема, увѣнчивая собой цѣлое такимъ образомъ, что восемь каменныхъ балокъ съ всползающими по нимъ крабами сходились въ одинъ шпицъ и завершались крестоцвѣтомъ, а горизонтальныя смычки между ними сквозили цѣлой сѣтью прорѣзныхъ узоровъ. Эта просвѣчивающая каменная кровля не была ни цѣлесообразна, ни легко выполнима при своей гигантской высотѣ, но она показываетъ, до чего доходило идеальное стремленье выразить какъ можно сильнѣе чувство порыва къ небесному.

Великолѣпныя сооруженія, въ которыхъ готика достигаетъ своего совершенства, убирались какъ паутиной или кружевомъ узорчатой прорѣзью по камню отъ руки, и въ этомъ именно орнаментѣ очевидно продолжала дѣйствовать все та же опять живая сила архитектонической конструкціи. Зодчество не оставляетъ для живописи ни одной вполнѣ свободной площади внутри, и пользуется росписными окнами для порожденія свойственныхъ только ему одному живописныхъ эффектовъ; такъ точно въ навѣсныхъ сѣняхъ и у порталовъ хотя и удѣляетъ оно мѣсто группамъ статуй и рельефамъ, но опять-таки вовлекаетъ пластическія фигуры въ свое собственное направленіе: оно дѣлаетъ ихъ длинными и узкими, драпируетъ одежды какъ можно мягче, придаетъ самой постановкѣ какой-то восторженно-чувствительный, то крайне смиренный, то крайне вожделѣющій характеръ явнаго отношенія къ неземному, къ безконечному; по концамъ провислыхъ арокъ образуетъ оно въ видѣ водостоковъ странно удлиненныя звѣрскія, демоническія, человѣческія фигуры, иногда полныя юмора, но часто и грубаго цинизма; въ рѣзьбу по косякамъ постепенно съуживающихся портальныхъ пролетовъ вноситъ оно не только прямо стоящія фигуры, но и подчиняетъ ихъ наклону кривыхъ линій вѣнчающаго порталъ щипца, гдѣ онѣ чуть не готовы упасть или должны по крайней мѣрѣ совсѣмъ изворачиваться и перегибаться; среднее поле оно заполняетъ рельефами, имѣющими однако по своей мелкости очень мало значенья: однимъ словомъ, оно допускаетъ пластику вовсе не ради ея самой, какъ будто бы чувствуя, что сродное ей самодовлѣющее спокойствіе и равновѣсіе духовной жизни съ чувственной не помирились бы здѣсь съ той движущей силой цѣлаго, кото-

рая одна все изъ себя производитъ. Господствующимъ началомъ является острая дуга, давно существовавшая налицо въ техническомъ смыслѣ, но здѣсь пущенная въ дѣло эстетически, какъ исходная точка и опредѣляющая норма всего сооруженія; ею завершается паренье въ высоту, благодаря ей дѣлается возможнымъ придать цѣлому видъ совокупнаго единства самостоятельныхъ вертикальныхъ частей, которыя всѣ сходятся въ немъ, какъ въ высшемъ средоточіи, вездѣ взаимно поддерживая и неся другъ друга.

Если сравнить готическій соборъ съ дорійскимъ храмомъ, то первый выйдетъ полнѣйшей художественной противоположностью послѣднему. Тамъ всего великолѣпнѣе внутренность, здѣсь же она была послѣднимъ дѣломъ; зато внѣшность отличалась благороднѣйшимъ изяществомъ, основаннымъ на повсюдномъ равновѣсіи силы съ тяжестью, на стройномъ примиреніи ихъ борьбы, тогда какъ напротивъ въ готикѣ сила преодолѣваетъ всякій гнетъ, всякую рѣшительно тяжесть. Греческій храмъ развернулся по землѣ въ привольномъ спокойствіи, горизонтальная линія архитрава и карниза явно преобладаетъ, даже линіи щипцовъ сходятся всегда лишь подъ тупымъ угломъ; а въ готическомъ соборѣ крутые шпицы башенъ вонзаются прямо въ небо, вездѣ торчащіе вверхъ устои, вимберги, прерываютъ линію крыши, упорно проторгаясь въ высоту; вездѣ поднимающая къ надземному незримая сила невольно влечетъ, уноситъ насъ съ собой въ горняя. Въ греческой постройкѣ царитъ единство, она полна мѣры, ясна и замкнута сама въ себѣ; готическая коренится въ разнообразіи, удовлетворяясь только тѣмъ, чтобы всѣ индивидуально сложенные члены были проникнуты духомъ цѣлаго. Тамъ рѣзкая противоположность (отвѣснаго направленія съ горизонтальнымъ) и полное ея примиренье, здѣсь мягкіе переходы, но неустанный можно-сказать разростъ, неудержное развѣтвленіе. Тамъ само зданіе производитъ пластическое впечатлѣнье, да на пластику же, на скульптуру оно и расчитано; здѣсь, напротивъ, живописное обиліе, торжественно-мягкое настроеніе всей внутренности, благодаря колоритному освѣщенію сквозь росписныя стекла.

Шназе видитъ въ греческой формѣ наивное выраженіе мужественнаго, благороднаго, вполнѣ удовлетвореннаго самочувствія, тогда какъ готическая пробуждаетъ, на его взглядъ, болѣе теплое, но за то и не столь опредѣленное женственное ощущеніе; органическую жизнь находитъ онъ въ обоихъ, и въ образованіи членовъ греческой постройки можно замѣтить постепенное сложеніе и ростъ; но въ готическомъ зданіи этотъ ростъ какъ бы прямо налицо, и формы развертываются у васъ передъ глазами наглядно и свѣжо, ни дать ни взять какъ въ самой растительной природѣ. Зато эллинскія сооруженія такъ именно и закончены, какъ предначерталъ ихъ мастеръ, а готическія часто останавливались на полупути, или же видоизмѣнялись въ теченіе вѣковъ многими дополненіями и пристройками, продолжаясь совсѣмъ не по начальному уже плану; они разнообразнѣе возбуждаютъ историческій смыслъ зрителя, тогда какъ тѣ доставляютъ болѣе полное удовлетвореніе эстетическому чувству.—Куглеръ указываетъ съ своей стороны, какъ при возведеніи готическаго собора обруку съ изступленнымъ можно сказать порывомъ чувства и съ художническимъ погруженіемъ духа въ избранную разъ задачу идетъ самый мелочной и строгій расчетъ, вся трезвая осмотрительность ремесленнаго производства; какъ изумительно-дивный эффектъ внутренности покупается

цѣпой расщепленнаго, раскрошеннаго чуть не въ дребезги остава снаружи, какъ его выступы, его безчисленныя арки прикрываютъ другъ друга и самый корпусъ зданія въ постоянно смѣняющихся сочетаніяхъ, ни гдѣ не представляя полнаго и твердаго образа совокупной связи, а слѣдовательно и не производя ни какого въ себѣ замкнутаго, успокоивающаго впечатлѣнія; притомъ, говоритъ онъ, обиліе готическаго орнамента рѣшительно плодъ одного сухого схематизма, порожденіе линейки и циркуля, а ужь вовсе не художественнаго ощущенія. Къ этому мы можемъ присовокупить, что этотъ прорѣзной каменный оставъ башенныхъ шлемовъ, фіалъ и провислыхъ арокъ столько же, повидимому, не проченъ какъ онъ и не цѣлесообразенъ, такъ что до окончанія еще монументальной и долговѣчной по своему назначенію постройки необходимо уже заботиться о поддержкѣ и безпрерывномъ возстановленіи. Съ самой смѣлой послѣдовательностью провела готика свой принципъ до крайней его вершины, но этимъ именно впала въ односторонность. Тогда какъ одинъ современный архитекторъ, Лудвигъ Ланге, положительно говоритъ, что задача зодчества идеализовать реальное, а отнюдь не реализовать идеалъ, готика какъ нарочно стремилась къ послѣднему, она архитектонически воспроизвела идеалъ своей эпохи; кажется, будто средневѣковой христіанскій духъ заручился лучшими художническими силами цѣлыхъ двухъ столѣтій, чтобы воплотиться въ готическомъ соборѣ, и это подлинно достойно величайшаго удивленія. Здѣсь предстаетъ намъ, правда, не что либо образцовое навсегда и вездѣ, но все же одно изъ блистательнѣйшихъ созданій человѣчества, которое ознаменовало готикой одну изъ существенныхъ ступеней своего развитія и соорудило самый величавый и поразительный памятникъ порывающемуся въ небо чувству, а также стремленію къ самобытности, къ придачѣ высокаго значенія личнымъ особенностямъ человѣка среди всей окружающей обстановки.

Это было возможно при томъ только условіи, чтобъ рыцарски-фантастическое увлеченіе и разгулъ поддерживались и сопровождались солидною работой средняго сословія. Необходимыя для выполненія такого дѣла многочисленныя силы сосредоточивались вокругъ уряжающаго мастера и организовались въ цеховыя артели, извѣстныя подъ именемъ «строительныхъ управъ или ложъ», которыя соединявлись между собой одной общей связью по всѣмъ краямъ западной Европы. Стеченіе множества людей на работы столь обширнаго размѣра естественно требовало для нихъ установленія какихъ нибудь прочныхъ житейскихъ порядковъ; въ той же строительной ложѣ, гдѣ распредѣляли трудъ, гдѣ выдавалась условленная плата, рѣшались и всѣ споры между рабочими: ни кто не долженъ былъ призывать судей со стороны. Тамъ производились испытанія ученикамъ и подмастерьямъ, и тотъ, кто выдерживалъ экзаменъ, получалъ право выставлять свое имя на строевыхъ частяхъ, сдѣланныхъ его рукой. Онъ обѣщалъ вести себя честно и чинно, присягалъ на соблюденіе цехового устава, а самъ получалъ завѣтное слово, привѣтъ и рукожатіе, по которымъ тотчасъ можно было признать въ немъ члена ложи и которыми онъ могъ заявить себя членомъ въ другихъ городахъ. Тѣ математитескія формулы и техническіе пріемы, какіе были необходимы для пригонки камней къ погибамъ сводовыхъ линій, слыли у рабочихъ цеховою тайною, которая одна оспособливала ихъ къ подѣлкамъ, превышавшимъ простое разумѣніе; но эти

правила, эти фигуры и числа были отвлечены отъ того, что̀ создала изобрѣтательность фантазіи, и не сообщали, разумѣется, ни какого творчества, а только доставляли средства къ повторительному исполненію. Формальная разсудочность, схоластика и глубокомысліе мистическаго чувства, которыя не дошли въ наукѣ до настоящаго сопроникновенія и оставались еще связаны преданіемъ, — въ архитектурѣ дѣйствовали заодно, ни дать ни взять какъ Церковь и свѣтское рыцарство въ крестовыхъ походахъ. Оттого только лучшія эпическія поэмы средневѣковаго періода можно приравнять его соборамъ.

Средневѣковье, при общей наклонности своей къ символикѣ, охотно видѣло въ соборѣ образъ міра. Стѣны, говорило оно, представляютъ собой людскія племена, сходящіяся со всѣхъ странъ свѣта въ христіанствѣ. Кубическіе камни указываютъ на четыре главныя добродѣтели, цементъ на любовь. Христосъ, это дверь, путь къ жизни, столпы — апостолы, окна — наставники-просвѣтители. Ужь конечно кровля придана храму вовсе не для выраженія той мысли, будто любовь покрываетъ собой бездну грѣха; но ее толковали въ эту именно сторону, и затѣйливая схоластика сперва умудрилась пріискать множество мелкихъ, подходящихъ сюда намековъ, а потомъ сама же и пріурочила ихъ на свой мистическій ладъ къ разнымъ строевымъ частямъ.

Подобно крестовымъ походамъ, рыцарству и рыцарской поэзіи, изъ Франціи вышелъ также и готическій стиль, — именно изъ той чисто-франкской первородины, которая лежала между норманскимъ сѣверомъ и романскимъ югомъ. Въ Парижѣ сошлись между собой окраины того и другого; поэтому сродные Провансу формовые элементы арокъ, подпирающихъ средній корабль со стороны боковыхъ, а также элементы клироснаго обхода и растительнаго орнамента, повстрѣчались здѣсь съ нормандскимъ крестовымъ сводомъ, съ тамошнею симметрическою конструкціей и башеннымъ фасадомъ. Но отсюда произошла не одна лишь смѣсь: новое формовое начало—стрѣльчатая (готическая) арка—сплотило все пригодное для общей цѣли въ одинъ новый организмъ. Первый этому примѣръ подалъ въ 1140-мъ году аббатъ Сюжѐ (Suger) въ Сенъ-Денисской церкви. Тяжеловѣсность еще не осилена, окна еще слишкомъ малы, нѣтъ прорѣзного украшенія, но каждая новая постройка въ этой мѣстности преуспѣваетъ шагъ за шагомъ на избранномъ пути: такъ шло дѣло въ Нуойонѣ, Шалонѣ, Реймсѣ; начинаютъ уже перестроивать романскія церкви, или начатыя—продолжать на новый ладъ, такъ что по самымъ постройкамъ можно видѣть развитіе ихъ изъ прежняго стиля. Еще до исхода вѣка является въ Парижѣ соборъ Пресвятой Богородицы (Нотръ Дамъ); слишкомъ еще массивный, онъ представляетъ уже однако смѣло развитую систему провислыхъ арокъ и устоевъ въ своемъ пятикорабельномъ сооруженіи съ круглымъ клироснымъ замкомъ и съ явно преуспѣвшею выработкой верхового направленія; но особеннымъ изяществомъ отличается фасадъ: двѣ башни, три портала, галереи со статуями въ углубленіяхъ промежъ устоевъ; башни соединены горизонтальною смычкой, посреди царитъ великолѣпное окно, огромною лучистою розой; во всѣхъ этихъ элементахъ видно стремленіе умѣрить гармонически-ясно порывъ вертикальной силы горизонтальнымъ расчлененіемъ и вполнѣ удовлетворяющею чувство серединой. Такимъ образомъ цѣлое предстоитъ глазу въ серьёзно-величавомъ достоинствѣ. Начиная съ 13-го вѣка, постройки становятся уже легче и свѣтлѣе; богато-расчлененные круг-

лые столпы вмѣсто приземистыхъ колоннъ, высокія съ прорѣзнымъ подзоромъ окна, стрѣльчатые верхніе щпицы, уносящіеся ввысь фіалы, и вѣнцы часовень вокругъ клиросовъ, обличаютъ цвѣтущую пору стиля въ Шартрѣ, въ Реймсѣ, въ Мо (Meaux), въ Аміэнѣ, въ Бове́. Мастера тамъ изобрѣтательны; все хорошее, приглядное распространяется очень быстро; господствующій конструктивный элементъ самъ порождаетъ изъ себя такой орна́ментъ, который ни гдѣ не долженъ служить внѣшнимъ только украшеніемъ, а согласно требованіямъ органической жизни всегда высказываетъ служебное значенье строевыхъ частей. «Святая часовня» въ Парижѣ, основанная въ 1243-мъ году Людовикомъ Святымъ, по справедливости считается однимъ изъ перловъ средневѣковаго искусства между прочимъ и за то, что формы развернуты здѣсь съ граціей, внутренность расписана въ полной гармоніи съ живописью оконъ; при очаровательной прелести цѣлаго, энергія отдѣльныхъ частей сливается передъ взоромъ зрителя въ стройную, кротко-ублажающую мелодію.

Нормандія присоединяетъ готическія формы, вѣнецъ часовень вокругъ клироса, богатое убранство фасада, стремящееся въ высь расчлененье массъ, фіалы и провислыя арки, къ конструктивной вальяжности романскихъ своихъ произведеній; такъ-какъ она удерживаетъ притомъ и башню надъ средоточіемъ, то кажется вообще, что будто первоначальное направленіе туземнаго зодчества только достигло теперь полной законченности, благодаря бо́лѣе ясному расположенію частей и богатому изукрашенью. Поэтому, не́ только что новый соборъ въ Кутансѣ предстаетъ намъ полный крѣпости, ясности и благолѣпія; даже и переходъ отъ романскихъ формъ къ готическимъ въ перестроивавшихся или достроивавшихся тогда церквахъ Кана (Caen), Фекампа и Бейё производитъ самое удовлетворительное впечатлѣніе естественнаго роста, а Руанъ развертываетъ передъ нами въ 13-мъ вѣкѣ картину торжественно-блестящаго величія.

На югѣ, напротивъ, растяженная форма попрежнему преобладаетъ надъ высокопарною; тамъ больше любятъ округлять устои нежели увѣнчивать островерхими фіалами. Такимъ образомъ соборъ въ Альби производитъ тяжелое впечатлѣніе какъ бы крѣпкаго какого за́мка, а въ богатомъ фасадѣ Дижонскаго собора двойной ярусъ аркадныхъ галерей надъ порталомъ обнаруживаетъ явный перевѣсъ горизонтальной линіи. Въ Бордо и въ Клермонѣ очевидно сѣверно-французскіе мастера провели чище стиль родного своего края.—Французская Швейцарія представляетъ намъ въ Лозаннѣ и Женевѣ интересныя попытки совокупить готическія формы съ романскими, подвести первыя къ послѣднимъ. То же почти видимъ въ Нидерландахъ, гдѣ церковь св. Гудулы въ Брюсселѣ украшаетъ первоначальныя формы внутренности богато-развитымъ фасадомъ; св. Бавонъ въ Гентѣ отличается грозною крѣпостною силой, а клиросъ Турнейскаго собора богато-развернутымъ величіемъ.

Французскій строитель Гильомъ изъ Санса вызванъ былъ въ 1174-мъ году въ Кантербёри руководить обновленіемъ тамошняго собора; онъ собственно и перенесъ туда готическій стиль, но только уже знаменитая вестминстерская церковь въ Лондонѣ, принадлежащая срединѣ 13-го вѣка, носитъ на себѣ рѣшительно французскій характеръ; притомъ новый этотъ стиль подвергся въ Англіи своеобразному видоизмѣненію и совершенно совпадаетъ со сліяніемъ сак-

сонскаго и норманскаго племенъ въ новую англійскую національность. Здѣсь практическій смыслъ удаляется отъ всего чрезмѣрнаго и дорожитъ изяществомъ только обруку съ полезнымъ, такъ что собственно ни направленье въ высоту, ни органическое расчлененіе не развиваются въ полной мѣрѣ; вмѣсто этого, по простымъ въ сущности основнымъ формамъ игриво раскидывается блестящее украшеніе, при чемъ, какъ уже и въ романско-норманскомъ стилѣ, конструктивно-значительныя части выдвинуты впередъ съ дебелой безприкрасной простотою, а самою многоразличною декораціей убираются напротивъ, тѣ межеумочныя пространства, которыя сравнительно маловажнѣе. Англійскія церкви пущены болѣе въ доль и въ ширь, чѣмъ въ высоту; клиросъ, по древнебританскому преданію, замыкается прямолинейной стѣною, гдѣ вскорѣ помѣщается обширное окно; поперечный корабль идетъ по самой серединѣ, надъ средокрестіемъ высится главная четыреугольная башня; въ другой половинѣ церкви часто устроивается второй поперечный корабль, менѣе перваго, которому, какъ равно и большому, не дается вовсе боковыхъ кораблей, или же дается одинъ восточный; у средняго корабля также по одному лишь боковому справа и слѣва, и при незначительной высотѣ нѣтъ никакой надобности въ сводовыхъ упорахъ, а кровля вмѣсто разнообразно прорѣзывающихъ ее фіаловъ и вимберговъ снабжается правильною зубчатою короной, которая вскорѣ украшаетъ и башни на крѣпостной ладъ, замѣняя собой употребительные въ другихъ странахъ осьмигранные шлемы. Внутри, соединенные стрѣльчатой аркою столпы возводятся только до высоты боковыхъ сѣней; въ среднемъ кораблѣ прежде всего устроивался на нихъ трифорій, то-есть аркады, связанныя ланцетообразными стрѣльчатыми сводами, въ чемъ опять-таки проглядывало горизонтальное направленіе; поверхъ ихъ открывались окна, а между ними высились на консоляхъ нристрѣлины, развѣтвлявшіяся потомъ въ грани потолочныхъ сводовъ, такъ что тутъ не было ни непрерывнаго восхожденія, ни органическаго разроста (какъ въ готикѣ другихъ странъ). Вмѣсто расчлененія стѣнныхъ пространствъ и вмѣсто узорчатой прорѣзи здѣсь долго еще держались группы трехъ узкихъ стрѣльчатыхъ оконъ, изъ которыхъ среднее значительно выше боковыхъ. За то любили пестро расчлененные столпы,—цѣлый пукъ тонкихъ колоннъ, обступающихъ сердечникъ и едва имѣющихъ съ нимъ какую-нибудь связь; чашкообразныя капители росходятся вверхъ тарелками и часто убраны кудрявою, ниспадающею листвой. Перемычки продолжаютъ расчлененіе или отдѣлку столповъ, нерѣдко украшаясь рѣзко-обрисованными четырехлистными репейками. Вмѣсто обычныхъ на материкѣ простыхъ крестовъ, въ капитулахъ изъ многоугольныхъ колоннъ развертывается по сводамъ потолка блестящій звѣздообразный наметъ граней, которыя лучами идутъ отъ средоточія къ угламъ, сливаясь въ одно цѣлое; подобныя храмины въ Личфильдѣ, въ Салисбёри полны свѣтлаго достоинства, и это изящное расчлененье потолка перешло потомъ изъ капитуловъ въ церкви и принялось даже и въ другихъ краяхъ. Узорчатая прорѣзь 13-го вѣка заостряетъ переплетенныя ею арки норманскаго времени, или же помѣщаетъ подъ ланцетною дугой ланцетообразный же трилопастникъ. Снаружи площади стѣнъ одѣты фальшивыми арками въ соотвѣтствіе трифоріямъ внутри. Порталы остаются попрежнему малы, безъ притязаній на пластическое украшеніе, и вмѣсто изящной системы французскихъ фасадовъ,

которая вполнѣ отвѣчаетъ внутренности, здѣсь видимъ однѣ лишь неудовлетворительныя попытки: башни начинаютъ замѣнять декоративною пристройкой спереди, которая возводится выше боковыхъ кораблей вплоть до щипца середней сѣни, снабжается по сторонамъ башенками и представляетъ свободное поле для произвольныхъ прикрасъ: это похоже на фальшивые фасады въ Италіи, не имѣющіе со внутреннею конструкціей ни какой настоящей связи.

Соборныя церкви въ Салисбѐри, Беверли, Веллзѣ, Линкольнѣ, Личфильдѣ выработали этотъ ранній англійскій стиль въ 13-мъ вѣкѣ. Сюда же примыкаютъ Эльгинъ и Гласго въ Шотландіи. Салисбѐрійскій соборъ простирается во всю длину на 430 футовъ; средній корабль имѣетъ 33 фута въ ширину и 78 въ вышину; въ церкви Нотръ-Дамъ, въ Парижѣ, ширина этого корабля въ 36 футовъ, а высота во 106, а въ Аміэнѣ и Реймсѣ послѣдняя даже втрое противъ первой, тогда какъ длина зданій не такъ значительна какъ въ Англіи, и даже гораздо менѣе, если взять въ расчетъ общую ширину всѣхъ пяти кораблей. Шназе указываетъ на крутой поворотъ вкуса, обнаружившійся теперь въ пристрастіи къ тонкимъ изящнымъ формамъ въ противоположность могучей, но неуклюжей тяжеловѣсности романскаго норманства, которая служила выраженіемъ силы завоевателей, всегда готовой на отпоръ побѣжденному народу. Дѣло въ томъ, что враждебныя племена слились теперь въ одно, и англійская нація принялась уряжать внутреннія дѣла свои съ успѣшной и благотворной ясностью. Мужество, непреклонная воля должны были проявляться не въ строптивомъ своевольствѣ, а въ законности, соединенной съ рыцарской воспріимчивостью даже и къ нѣжнымъ сердечнымъ чувствамъ. Оттого такъ легко и привился здѣсь новый стиль, который шелъ какъ бы на встрѣчу этому направленію. Всѣ крайніе порывы умѣрялись практическою трезвостью; уклонившись отъ требованія высказать въ формѣ каждаго члена служебное его назначенье и однакожь сохранить при этомъ гармонію въ цѣломъ, ограничились придачею празднично-блистающаго убранства простымъ въ сущности основаніямъ. Мы разсмотримъ впослѣдствіи дальнѣйшее развитіе этой архитектуры, которая осталась въ Англіи популярною, народной, а здѣсь замѣтимъ только вмѣстѣ съ сейчасъ названнымъ тонкимъ знатокомъ: „Темныя храмины, тяжелыя формы норманскихъ построекъ напоминали и напоминаютъ „поэтамъ желѣзное господство гордыхъ бароновъ Нормандіи надъ побѣжденными Саксами, а болѣе кроткія черты готическаго стиля служатъ памятникомъ благополучнаго сліянія враждебныхъ племенъ въ одинъ народъ, простыхъ и благородныхъ нравовъ ранняго рыцарства, религіознаго восторга и „романтики крестовыхъ походовъ. Смѣло высящіяся ланцетообразныя дуги, „нарядныя, но смирно подслужныя колонки, богатые орнаменты, въ которыхъ „обиліе силы выражается однакожь съ такимъ граціознымъ и мягкимъ чувствомъ, простая и сдержанная осанка большинства строевыхъ частей, а также и спокойное ихъ повтореніе, стали символами тѣхъ качествъ, къ которымъ благороднѣйшіе представители народа стремятся еще и до сихъ поръ, „на которыхъ основаны нравы и благонадежный бытъ его,—символами твердаго и кроткаго вмѣстѣ характера, смѣлой стойкости за правое дѣло, рыцарскаго великодушія, умѣренности и законности во всемъ. Британцы всегда видѣли въ нихъ измладныя черты своего народа и смотрѣли на нихъ съ

„любовью даже и тогда, когда искусство, уступая инымъ вліяніямъ, пошло „совсѣмъ новыми путями.“

Въ Норвегіи Дронтгеймскій соборъ, явно слѣдуя англійскимъ образцамъ, обнаруживаетъ однакожь самосознательность свободнаго поэтическаго таланта, который, какъ полный хозяинъ надъ своими художественными средствами, воспользовался многоразличіемъ формъ на свой собственный оригинальный ладъ. Къ романской поперечной сѣни примыкаютъ клиросъ и трапеза (передовой корабль) въ готическомъ стилѣ; клиросъ увѣнчанъ великолѣпнымъ осьмиугольнымъ куполомъ. Напротивъ того, Упсальская церковь въ Швеціи представляетъ подражаніе французской готикѣ, упрощенной при воспроизводствѣ ея кирпичною кладкой въ прибалтійскихъ областяхъ Германіи.

Та величественная разработка, какой достигъ романскій стиль въ сводчатыхъ прирейнскихъ соборахъ, сродная жителямъ того края вѣрность всему однажды излюбленному, наконецъ и самая связь съ Италіей, — все это сначала удерживало Германію при старообычномъ стилѣ. Да не было въ ней и такого верховоднаго средоточія, какимъ уже явился тогда для Франціи Парижъ, а потому индивидуализмъ разныхъ племенъ, разныхъ городовъ постоянно давалъ себя знать тѣми или другими видоизмѣненіями даже и при одной общепринятой основѣ. Такъ развился преимущественно во второй половинѣ 12-вѣка и держался отчасти и въ 13-мъ своеобразный родъ зодчества, обыкновенно называемый переходнымъ отъ романскаго стиля къ готическому; не то чтобы послѣдній именно и развился здѣсь изъ перваго: напротивъ, онъ уже существовалъ на ряду съ нимъ въ полномъ великолѣпіи; но названіе это произошло отъ того, что сооруженія, предначертанныя въ романскомъ стилѣ, принимали въ себя элементы новаго и давали такимъ образомъ особеннаго рода поздноцвѣтъ. Вопервыхъ богаче расчленялись столпы, а въ непосредственной связи съ ними и самые своды; клиросъ замыкали не полукружіемъ, а четыреугольникомъ, подводили два окна подъ одну общую дугу и въ полѣ надъ ними пробивали отверзтіе для свѣта въ видѣ трилистника, или же группировали вмѣстѣ три окна, изъ которыхъ середнее было значительно выше прочихъ; снаружи, массы стѣнъ расчленялись и оживлялись колоннами, арками поверхъ оконъ и оконныхъ группъ, выступными лопатками, настоящими аркадами подъ самою крышей и фальшивыми по другимъ стѣннымъ плоскостямъ. Потомъ составляли арки изъ отрѣзковъ круга, сложенныхъ трилистникомъ, или же зазубривали ихъ внутрь, и тутъ во многихъ орнаментахъ узнаемъ мы мавританскіе образцы, на которые нагляделись тогда въ крестовыхъ походахъ; такія смѣло-фантастическія формы особенно пускали въ ходъ при отдѣлкѣ укрѣпленныхъ за́мковъ, какъ напримѣръ въ за́мкѣ Фридриха Рыжая Борода, въ Гельнгаузенѣ. И подобно тому какъ молодые ученые ѣздили въ Парижъ за наукой, а поэты вплетали французскія фразы въ нѣмецкіе стихи, такъ точно Нѣмцы взяли оттуда и стрѣльчатую арку, употребляя ее то на ряду съ круглою въ довольно плоскомъ еще видѣ, то примѣняя въ одиночку къ сводамъ и къ завершенію оконныхъ пролетовъ. Такимъ образомъ романская вальяжность постройки оставалась нетронутой, но она всюду оживлялась и облегчалась въ подробностяхъ, смотря гораздо веселѣй подъ одеждой нараднаго орнамента, тонко выполненнаго съ величайшимъ вкусомъ. Особенно вошла въ моду скульптура у порталовъ.

Зданія, начатыя по старобытнѣйшему еще образцу, каковы соборъ въ Трирѣ или мюнстеръ въ Боннѣ, приняли новыя формы при дальнѣйшемъ своемъ сооруженіи. Церковь св. Гереона въ Кёльнѣ снабжена пристройкой въ видѣ сводчатаго десятиугольника. Монастырскій храмъ въ Гейстербахѣ, соборы базельскій, мюнстерскій, наумбургскій, лимбургскій, гельнгаузенскій, бамбергскій отличаются передъ всѣми другими изящнымъ ритмомъ живого расчлененія, удивительной соразмѣрностью пропорцій, и особенно послѣдній изъ нихъ принадлежалъ къ достопамятнѣйшимъ сооруженіямъ средневѣкового искусства по своей величественной смѣлости, по ясному расчлененью массы, по обилію и красотѣ орнаментаціи. — Монастырскія церкви ордена цистерціанцевъ, который изъ первоначальнаго гнѣзда своего въ Клюни распространялъ строго преобразованный имъ церковный чинъ по всѣмъ краямъ западной Европы и съ благочестіемъ соединялъ духъ военнаго порядка и практической дѣятельности, — эти церкви усвоили себѣ раннеготическій стиль въ простѣйшемъ его видѣ; клиросъ замыкали онѣ прямолинейною стѣной, столпамъ давали просто форму четырехгранника, окна оставляли часто при круглой аркѣ, но сводчатое покрытіе ввели рѣшительно вездѣ. Отчасти въ одно время съ этими постройками, или по крайней мѣрѣ вслѣдъ за ними сталъ водворяться въ Германіи готическій стиль уже и вполнѣ; онъ даже скоро достигъ тамъ окончательной своей разработки, подобно тому какъ и заносныя былины о Гралѣ и Тристанѣ шире разработаны были въ поэзіи нѣмецкими стихотворцами. Разнообразіе во множествѣ сооруженій съ одной стороны, а потомъ въ нѣкоторыхъ мастерскихъ произведеніяхъ—та строго-законная гармоническая ясность и та неразрывная связь силы съ граціей, которая сама собой выгоняетъ обильный всходъ орнамента изъ внутренняго смысла и движенія строевыхъ частей, обдѣлывая однакожь и ихъ, не въ ущербъ величію, такъ тонко и даже пожалуй щеголевато, — вотъ что побудило признать готическій стиль за германскій; и здѣсь кстати будетъ повторить, что и во Франціи породилъ его не кельтійскій элементъ и римскій, а именно франкскій, и что недаромъ произведенія его назывались въ Средніе Вѣка opus francigenum, «фряжскимъ дѣломъ». Рядомъ съ церквами, держащимися блистательно уже развившейся готики, находимъ мы въ Германіи и попытки приведенія этой системы къ извѣстной мѣрѣ, къ формамъ болѣе простымъ, и здѣсь, какъ чисто своенародный и очень распространенный видъ зодчества, предстаютъ намъ такъ-называемыя «хоромныя постройки», Hallenbau. Вмѣсто рыцарски смѣлой гигантской подвыси середняго пространства надъ (сравнительно низкими) боковыми кораблями, вся внутренность возводилась здѣсь въ одинаковую или почти одинаковую высоту, и въ этомъ именно обнаруживается для насъ ясный здравый смыслъ нѣмецкаго середняго сословія. Такой (болѣе скромный) мотивъ впервые явился въ романскихъ церквахъ Вестфаліи. Если вначалѣ 13-го вѣка Магдебургскому собору приданъ былъ по французскому образцу клиросъ съ многоугольнымъ обходомъ и съ вѣнцомъ часовень, то вскорѣ потомъ церковь Богоматери (Liebfrauenkirche) въ Трирѣ представила совсѣмъ новое примѣненіе этого стиля къ многоугольно-расчлененному центральному сооруженью, гдѣ подвышенный надъ всѣмъ остальнымъ пространствомъ греческій (равноконечный) крестъ съ башнею надъ серединой такъ обставленъ часовнями, что на-

ружная стѣна образуетъ вписанный въ кругъ многоугольникъ. За тѣмъ, начатая въ 1235-мъ году Елисаветинская церковь въ Марбургѣ даетъ уже богатый слѣдствіями примѣръ хоромной постройки, свѣжей какъ только-что развернувшаяся почка, и въ то же время ясной и скла́дной какъ нельзя болѣе. Боковые корабли выведены здѣсь въ одну высоту и подъ одну крышу съ середнимъ пространствомъ, но полотна стѣны между каждой парою устоевъ заполнены еще не однимъ, а двумя окнами, одно надъ другимъ, и тонкіе башенные шлемы пущены глухіе, безъ прорѣзи. Въ основу плана положенъ латинскій крестъ. Въ этомъ духѣ начали прежде всего строить въ прилапскихъ мѣстностяхъ, и когда одно уже окно отъ самаго выступа надъ цоколемъ стали доводить вплоть до карниза, тогда естественно представились и поводъ, и просторъ для богатаго развитія красивыхъ подзоровъ. Сѣверная Германія, усвоивъ себѣ хоромную форму, развила ее великолѣпнѣе, напримѣръ, въ Мейсенѣ, въ Хейлигенштадтѣ, тогда какъ вестфальскія церкви попрежнему отличаются ясностью и простотой. Впрочемъ многія изъ хоромныхъ церквей какъ здѣсь, такъ равно въ Саксоніи и въ южной Германіи, выстроены только въ слѣдующій періодъ.

По эльзасскимъ церквамъ въ Нёйвейлерѣ, Руффахѣ, Шлетштадтѣ, можно прослѣдить развитіе раннеготическаго стиля на французскій ладъ *, тогда какъ упрощеніе основно̀го плана, введенное доминиканцами и францисканами, именно въ замкѣ клироса, и безприкрасная одѣлка наружной стороны, предстаютъ намъ въ Крёйцнахѣ, Кольмарѣ, Базелѣ, Цюрихѣ, Бернѣ и Констанцѣ. Напротивъ, выработавшаяся такъ величаво и роскошно въ сѣверной Франціи постройка большихъ соборныхъ храмовъ дала прекраснѣйшій цвѣтъ свой въ великолѣпныхъ соборахъ Кёльна, Фрейбурга и Страсбурга.

Незначительный пожаръ въ одной старой кёльнской церкви послужилъ могущественному архіепископу, Конраду фонъ-Гохштадену, поводомъ великолѣпно перестроить клиросъ по образцу аміэнскаго; въ 1248-мъ году заложено ему основаніе, и скоро уже можно было назвать сооруженіе—fabrica gloriosa, то-есть достославнымъ, однакожь оно медленно подвигалось впередъ и освящено только въ 1322-мъ. Работами руководилъ мастеръ Гергардъ и, надо сказать правду, превзошелъ свой образецъ: онъ усилилъ гармоническую ясность всей постройки, пустивъ боковые корабли въ одинаковую ширину и расположивъ столпы тѣснѣе и правильнѣй, а убранство въ расчлененіи столповъ, въ легкихъ, полувоздушныхъ фіалахъ, въ узорчатой прорѣзи по окнамъ и въ листвѣ, обвивающей каждую капитель, развернулъ еще богаче, но всегда ясно и съ большимъ изяществомъ. Нижнія части зданія выдержаны строже; чѣмъ выше идетъ оно, тѣмъ явственнѣй и блистательнѣй выступаютъ очертанія столповъ, упоровъ, вимберговъ. Клиросъ замкнутъ семиугольникомъ, а за нимъ слѣдуютъ обходъ и вѣнецъ изъ семи часовенъ; при середнемъ кораблѣ долевой сѣни по два боковыхъ корабля съ каждой стороны, при поперечныхъ крыльяхъ креста — по одному: въ поперечную сѣнь ведутъ съ обѣихъ сторонъ по три портала. Такъ новая часть

* Эльзасъ находился искони подъ культурнымъ вліяніемъ сопредѣльной ему Франціи.
Прим перев.

зданія пристроена была къ старой, пока въ 14-мъ столѣтіи не рѣшились сломать послѣднюю, чтобы выполнить все въ новомъ стилѣ. Изъ того, что было на-лицо, новый мастеръ развилъ совершенно послѣдовательно не трехкорабельную долевую сѣнь, какъ въ Аміэнѣ, а пятикорабельную, и предначерталъ фасадъ о двухъ колосальныхъ башняхъ. Соборъ, какъ извѣстно, не достроился, но чертежъ его уцѣлѣлъ, и нашъ вѣкъ приступилъ къ отстройкѣ. Въ фасадѣ высокопарное направленіе проведено съ самой смѣлой выдержкой отъ цоколя и до крестоцвѣта, вѣнчающаго филиграновые шлемы башенъ, и въ этой крайней своей исключительности оно скорѣе ошеломляетъ изумленнаго зрителя, нежели успокоиваетъ и удовлетворяетъ. Форма креста энергически выражена внутри храма. Въ основу богатому многоразличію частностей, какъ аккордамъ въ симфоніи, положены пропорціи самыя простыя. На пятьдесятъ десятидюймовыхъ футовъ въ ширину простирается середній корабль отъ оси одного столпа до оси другого; каждый изъ четырехъ боковыхъ кораблей вполовину уже, а ширина всей продольной сѣни—полтораста футовъ; на столько же идетъ середній корабль и въ высоту, боковые—только на $^2/_5$ этой мѣры: высота середняго корабля превосходитъ стало-быть втрое ширину. Ширина трехкорабельнаго поперечья креста относится къ ширинѣ долевой сѣни какъ 2 къ 3-мъ, и такъ-какъ длина его—250 футовъ, то она содержится къ ширинѣ какъ 5 къ 2-мъ. Длина всего собора впятеро превосходитъ ширину середняго корабля и равняется 450-ти футамъ. Высота башенъ должна была казаться равною этой длинѣ, оттого и опредѣлена она въ 500 футовъ.—Когда Буассере издалъ знаменитую свою книгу о соборѣ, всѣ думали что планъ этого зданія — дѣло одного мастера, свободно придуманное и выполненное за одинъ разъ; теперь мы видимъ въ немъ, какъ и въ художественномъ завершеніи эпоса, дѣятельность цѣлаго ряда отличныхъ художническихъ поколѣній: опираясь на одинъ общій стиль и разработывая его день ото дня изящнѣе, они порождаютъ гармоническое произведеніе, и эту преемственную связь художническихъ родовъ назовемъ мы вмѣстѣ съ Шназе гораздо большимъ и прекраснѣйшимъ подспорьемъ для архитектуры, нежели геніальность какого бы то ни было единичнаго мастера, далеко превышающаго всѣхъ своихъ современниковъ.

Подъ вліяніемъ кёльнской строительной ложи возникли церкви въ Альтенбергѣ, въ Арвейлерѣ, вѣроятно также въ Оппенгеймѣ, въ Утрехтѣ и въ Вимпфенѣ. Переходный стиль въ совершенно новыхъ постройкахъ уступалъ мѣсто чистой готикѣ, и большіе соборы, начатые, какъ фрейбургскій, въ романскихъ формахъ, или какъ страсбургскій—въ переходныхъ, закончены уже вполнѣ на новый ладъ. Во Фрейбургѣ фасадъ выведенъ башнею, которая восходя отъ массивно-тяжелаго еще нижняго яруса, подымается потомъ все легче и веселѣе, и заканчивается прекраснѣйшимъ изъ когда-либо выполненныхъ прорѣзныхъ шлемовъ. Въ Страсбургѣ свѣтлый просторъ при умѣренной высотѣ долевой сѣни обличаетъ во всемъ строѣ формъ особенную видообразовательность или пластическую способность германскаго внутренняго чувства; а фасадъ, работы Эрвина фонъ-Штейнбахъ (1277-го года), умѣлъ счастливо сочетать германское паренье въ высоту съ горизонтальными поясами и съ центральной розою французской архитектуры; ясное величіе пропорцій, а также и изящный размахъ въ деталяхъ, въ лучистомъ очертаніи

розетныхъ оконъ и въ стройно-восходящей жезловой рѣзьбѣ, дѣлаютъ этотъ фасадъ прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ, когда-либо возведенныхъ готикой: здѣсь мы чувствуемъ, что она и подымаетъ намъ душу, и вмѣстѣ ее успокоиваетъ, возбуждаетъ и въ то же время удовлетворяетъ. Прорѣзная каменная пирамида, предназначенная первоначально для обѣихъ башенъ, къ сожалѣнію выполнена только на одной, да и то уже въ менѣе чистой формѣ позднѣйшей эпохи, именно въ 1439-мъ году, Іоанномъ Гюльцемъ, изъ Кёльна. Во время Эрвина Андрей Эгель началъ сооружать регенсбургскій соборъ и также еще выдержалъ въ немъ съ большой обдуманностью пошибъ своеземной хоромной постройки, не смотря на то что середній корабль превышаетъ боковые въ содержаніи 5-ти къ 3-мъ; равномѣрно и двубашенный фасадъ, благодаря величавой своей ясности, остался полнымъ господиномъ надъ деталями позднѣйшей прибавки. Подлинно изящнымъ зданіемъ французской системы представляется еще соборъ въ Гальберштадтѣ.

Подобно Германіи, Испанія также держится еще сначала за декоративно-подживленный романскій стиль, а потомъ въ 13-мъ уже вѣкѣ принимаетъ французскую готику; но наклонность къ вольному простору пускаетъ корабли шире, а надъ средокрестіемъ зачастую возводится куполъ. Въ орнаментъ вторгаются мавританскіе фантастическіе элементы, и своими зубчатыми дугами, арабесковымъ узоромъ по пристрѣлинамъ и стѣнамъ придаютъ величаво задуманнымъ постройкамъ блестящее убранство, напоминающее подчасъ ленты и кружево. Разсматриваемому нами времени принадлежатъ соборы въ Бургосѣ, Толедо, Вальядолидѣ, Леонѣ и Валенсіи, которые можно отнести къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній Среднихъ Вѣковъ.

Готическія формы примѣняются къ романскимъ постройкамъ и въ Италіи; по образцу св. Марка, въ 13-мъ столѣтіи сооружается тамъ въ Падуѣ, въ честь св. Антонію, соборъ, гдѣ однакожь преобладаютъ латинскій крестъ и долевое направленіе, такъ что здѣсь есть не только середній куполъ съ четырьмя главами вокругъ, но ближе ко входу надъ среднимъ кораблемъ возвышается еще и другой, а на противоположномъ концѣ широко выступаетъ клиросъ съ вѣнцомъ изъ часовенъ. Цѣлое производитъ впечатлѣніе какой-то пустопорожней громадности. Но и при вторженіи готическихъ формъ въ 13-мъ вѣкѣ, здѣсь все еще преобладала память дальней старины. Стрѣльчатый сводъ употребляли скорѣе для покрытія большихъ пространствъ, чѣмъ для стремленія въ высь какъ можно круче; окна дѣлали попрежнему малыя, чтобы по стѣнамъ оставался просторъ для картинъ; середній корабль только немного подвышался надъ боковыми, устои расчленяли наружную стѣну только слегка, въ видѣ лопатокъ, кровлѣ придавали горизонтальную линію. Куполъ надъ средокрестіемъ замѣняетъ башни, и фасадъ всего охотнѣе выводится такъ, чтобы онъ стоялъ наподобіе мраморнаго щита передъ зданіемъ, превосходя его вышиною. Тѣмъ не менѣе, расчлененіе его указываетъ на внутренность: между четырехъ столповъ, увѣнчанныхъ фіалами, устроено три портала, ведущіе къ тремъ кораблямъ; середина вдвое шире боковыхъ пространствъ, она украшена розетнымъ окномъ и подымается выше ихъ, замыкаясь, впрочемъ, какъ и они, островерхимъ фронтономъ. Галереи со статуями, рельефы, пестрыя полосы мрамора, даже мозаики, служатъ къ пол-

ной вкуса и блеска декораціи. Въ Ассизи поверхъ выстроенной надъ криптою романской церкви сооружена была еще готическая съ расчлененными столпами и стрѣльчатыми сводами; за тѣмъ слѣдовала Флоренція съ церквами Санта Тринитá и Санта Марія Новелла; въ сіэнскомъ соборѣ Джованни Пизано, въ орвіэтскомъ—Лоренцо Маитано придали нарядны мъ фасадамъ формы самыя изящныя. Медожелтый мраморъ и разноцвѣтные мозаики очаровательно сверкаютъ здѣсь на вечернемъ солнцѣ въ видѣ какихъ-то гигантскихъ картинныхъ рамъ; право, не знаешь, архитектура ли украшена здѣсь пластическими узорами, или сама она служитъ имъ только обрамовкой.

Рыцари всего охотнѣе ставили свои зáмки на горахъ; въ равнинахъ же старались оградить ихъ валами и мокрыми рвами. Ядро зáмка составляла крѣпкая круглая башня, называвшаяся въ Германіи бергфридъ (Bergfried, покой-гора), въ Англіи бельфри (belfry), во Франціи донжонъ (donjon, отъ латинскаго domus juncta, придомье, или отъ dominium, господство, власть). Снаружи доступенъ былъ одинъ верхній этажъ, въ нижній, гдѣ находился колодезь, опускали сверху полонянниковъ; въ серединѣ башни расположенъ былъ залъ съ нѣсколькими комнатами, на самомъ верху сидѣлъ караульный, поглядывая изъ-за зубцовъ въ даль. Стѣна окружала дворъ съ конюшнями, а крѣпкій зáмокъ могла составлять даже и одна только башня. Обыкновенно же при немъ были сверхъ-того часовня, потомъ господскій домъ (паласъ), въ залу котораго вела наружная лѣстница, далѣе—женскій покой, или кемената, и наконецъ службы, кладовыя, мастерскія. При вполнѣ благоустроенномъ замкѣ всегда имѣлся передній дворъ или затинъ; подъемный мостъ велъ черезъ ровъ къ воротамъ внутрь ограды. Расположеніе зданій отличалось больше живописностью, нежели правильностью; порталы, окна дѣлались сначала круглодужные, а потомъ замыкались стрѣлкой; стѣну увѣнчивали зубцы, за которыми оставленъ былъ проходъ для защитниковъ, которые могли здѣсь прятаться, а также стрѣлять и бросать камни подъ прикрытіемъ. Въ Италіи начинается уже постройка палаццовъ или господскихъ домовъ въ городахъ. Полузáмковые домá во Флоренціи, полные въ нижней своей части крѣпости и силы, а вверху украшенные аркадными окнами, указываютъ на пріятности вполнѣ обезпеченнаго раздолья. Палаццо Веккіо (старый дворецъ) стоитъ какъ военная крѣпость середи города. Напротивъ Палаццо Публико (присутственныя мѣста) въ Піаченцѣ и въ Кремонѣ представляютъ пòнизу родъ галлереи на столпахъ, соединенныхъ стрѣльчатыми арками; группы оконъ верхняго этажа убраны вокругъ портальною декораціей, а стѣна увѣнчана красивыми зубцами. Такимъ образомъ здѣсь начинается уже гражданское зодчество, которое въ слѣдующій періодъ и разовьется вмѣстѣ съ гражданствомъ.

ПЛАСТИКА И ЖИВОПИСЬ ВЪ 12-МЪ И 13-МЪ СТОЛѢТІЯХЪ.

Рыцари не владѣли ни рѣзцомъ, ни кистью; оттого изобразительное искусство пошло успѣшно въ ходъ только тогда, когда послѣ долгихъ усилій

города́ стали наконецъ носителями культуры. Искусство это оставалось еще церковнымъ и подчиненнымъ зодчеству, однакожь и въ немъ пробуждались уже смыслъ и чувство новой эпохи. Говоря вообще, здѣсь все еще только-что начинается: рядомъ съ свѣжимъ искреннимъ чувствомъ жизни, рядомъ съ грубою, пытающей силы перводѣльщиной, мы видимъ вовсе не прилаженныя къ этому античныя воспоминанья; но видимъ, съ другой стороны, что гармоническіе въ себѣ зародыши самобытной художественности пробиваются такъ энергически и такъ ясно, что кажется достаточно малѣйшаго шага для того, чтобы вскорѣ достигнуть совершенства.

Въ 12-мъ вѣкѣ многоразличныя попытки и поиски наощупь въ пластикѣ несомнѣнно выиграли отъ того, что сооруженіе соборныхъ порталовъ и фасадовъ давало изваніямъ строго опредѣленное помѣщенье, гдѣ они должны были приноровляться къ ритму архитектоническихъ линій и къ закону симметріи; и какъ въ переходныхъ формахъ зодчества, такъ же точно и здѣсь, мы видимъ что свѣжіе побѣги искусства развиваются на серьёзной строгости и вальяжности романскаго стиля, какъ на первой основѣ. Своеобразна была смѣсь баснословныхъ звѣрскихъ и людскихъ личинъ съ извѣстными христіанскими фигурами; но дикая безрядица выясняется здѣсь мало по малу, и мы изъ нея видимъ, какъ глубоко затрогивали душу сѣверные миѳы, сказанія народныхъ богатырскихъ былинъ, и какъ, пріуроченные фантастическою символикой къ святынѣ, они употреблялись для переноснаго или уподобительнаго выраженія библейскихъ мыслей и событій. Это началось уже и въ 11-мъ столѣтіи, какъ доказываетъ порталъ церкви въ Гросенлинденѣ, близъ Гисена; подобные примѣры встрѣчаются намъ потомъ въ Регенсбургѣ, во Фрейбургѣ, въ Цюрихѣ, а также и въ Веронѣ, гдѣ имя мастера, Вилигельмъ, указываетъ на проникшее за Альпы германское вліяніе. На западномъ порталѣ Пармской крестильни (бастистерія) видимъ мы дѣла милосердія и судящаго міръ Спасителя; на южномъ стоитъ плодоносное дерево, котораго корень гложутъ волки, въ вѣтвяхъ его укрылся человѣкъ, а драконъ пышетъ на него огненной струею; солнце и мѣсяцъ на запряженныхъ конями и быками колесницахъ поспѣшаютъ выручить его изъ бѣды: тутъ изображена кончина міра, очевидно примкнутая къ миѳической ясени, Игдразиль, и къ затменію боговъ въ Эддѣ. Въ Базелѣ къ религіозной цѣли притянули звѣросказаніе, а здѣсь и въ Женевѣ античный еще миѳъ. Въ Аквилейѣ евангелистамъ придали крылья и потомъ голову орла, быка, льва (сообразно символичнымъ знакамъ каждаго). Броженіе кельтійскаго духа обнаруживается въ кудреватомъ преизбыткѣ образовъ на французскихъ фасадахъ, въ тѣхъ чудовидныхъ демонахъ отёнской и везелейской церквей, которые производятъ и страшно-забавное, и вмѣстѣ торжественно-потрясающее впечатлѣніе. По послѣ Франція пошла впереди всѣхъ и тутъ: она съумѣла ясно распредѣлить круги или циклы символико-историческихъ представленій, какъ показываютъ церкви въ Суйльякѣ, въ Конкѣ, и достигла въ Шартрѣ такого одушевленія фигуръ, натянуто и косно пригнанныхъ къ колоннамъ портала, которое вполнѣ характеризуетъ особенность христіанскаго художества: въ то время какъ при превосходно и живоподвижно обдѣланномъ тѣлѣ у Эгинетовъ головы отличались улыбкой безъ всякаго выраженія и потому оставались не изящны, здѣсь наоборотъ тѣло схематически связано по рукамъ и по ногамъ, но зато въ образованіи головы,

по удачному слову Любке, — какъ первая улыбка весны, встрѣчаетъ васъ народно-германская физіономія съ ея чистосердечно-простыми чертами и невольно трогаетъ выраженіемъ мягкой, смиренно-застѣнчивой кротости. Такимъ же милымъ, граціознымъ одушевленіемъ вѣетъ отъ апостоловъ, царей и царицъ изваянныхъ въ лемансскомъ соборѣ (le Mans). Напротивъ того, пластическія работы въ Италіи остаются еще безформны, неуклюжи и грубы, но личность художника и тогда уже хочетъ заявить себя отдѣльно отъ другихъ, и на произведенія рѣзца смотрятъ здѣсь не только со стороны церковнаго ихъ значенья, но и съ эстетической, какъ на художественныя созданія; шевелятся уже тотъ смыслъ и духъ, которымъ суждено произвесть столько прекраснаго впослѣдствіи. Бронзолитейное искусство порываетъ узы зависимости отъ Византійцевъ, и на церковныхъ дверяхъ въ Равелло, близъ Амальфи, и въ Монреале, близъ Палермо, стремится къ утонченности какъ въ граціозномъ орнаментѣ, такъ и въ обформкѣ фигуръ.

Полный расцвѣтъ эпической и лирической поэзіи вконцѣ 12-го и вначалѣ 13-го вѣка, и съ другой стороны—завершеніе готической архитектуры, сопровождались также и успѣшнымъ развитіемъ пластики. Сама жизнь стала придавать цѣну приглядной внѣшности, изящному обычаю, умѣнью держать себя, ловко драпировать одежду, которая, опоясываясь на бедрахъ, должна обливать тѣло мягкими, податливыми складками. Художники принялись наблюдать природу, но всегда стояли въ предѣлахъ христіанскаго міросозерцанія, видѣвшаго въ догматѣ спасенія одно всеобъемлющее цѣлое, которое имъ и приходилось теперь онаглядить въ сотвореніи міра и грѣхопаденіи, потомъ въ искупленіи чрезъ рождество, жизнь и смерть Христа Іисуса, наконецъ въ страшномъ судищѣ и въ блаженствѣ небесномъ, при чемъ событія ветхаго завѣта принимались за прообразованія новаго, и лики патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, становились рядомъ съ рельефными изображеньями разныхъ отдѣльныхъ сценъ, но къ этому присоединялся еще и весь кругъ годового обихода съ его трудами, искусствами, науками, удовольствіями,— все въ самомъ тѣсномъ соотношеніи съ религіей, такъ что дѣйствіе божіе на землѣ проявляется здѣсь и величественно и всесторонне. Три соборные фасада, въ особенности порталы, паперть между башнями, наконецъ фіалы съ ихъ теремками и нишами для пластическихъ фигуръ, составляютъ такимъ образомъ хорошо задуманное цѣлое, глубокомысленный эпосъ религіозной жизни, высказывающійся въ камнѣ; а для того чтобъ въ эту божественную комедію внести и нѣкоторую долю юмора, здѣсь иногда лисица съ жаромъ проповѣдуетъ курамъ, тамъ волкъ смиренно выступаетъ въ иноческомъ клобукѣ, а демоны, драконы и разныя диковинныя образины въ забавныхъ положеніяхъ служатъ жерлами для водостоковъ. Вмѣсто монастырской робости проглядываетъ вездѣ бодрое веселье народной жизни, чувство природы, полное энергіи. Восторженные поклонники приравниваютъ пластику 13-го вѣка къ изваяніямъ Фидія и его времени: и тамъ и здѣсь—стремленіе примкнуть къ архитектурѣ, которымъ обусловлены любая отдѣльная статуя, каждая группа, каждый рельефъ; и тамъ и здѣсь—возвышенное идеальное настроенье и постановка себѣ задачей не столько того, чтобы выдумать что-нибудь совсѣмъ новое, небывалое, сколько того, чтобы дошедшее по преданію, освященное глубокою вѣрой, одушевить и завершить небывалой чистотою формъ,

необыкновенно тонкимъ чувствомъ. Для сроднаго христіанству перевѣса духовной и сердечной стороны, вполнѣ подходящимъ искусствомъ была однакожь не пластика, а живопись, и въ ней-то именно, на поворотѣ отъ 15-го къ 16-му вѣку, найдемъ мы нѣчто дѣйствительно равноцѣнное произведеніямъ великихъ греческихъ мастеровъ. Такъ-какъ божественное, насколько они его понимали, совершенно открывалось Эллинамъ въ природномъ обликѣ, въ тѣлесности, то они и выработали тѣло человѣка по органическимъ его законамъ до полножизненной красоты, такъ что его нагота отнюдь не должна была прикрываться одеждою, а напротивъ весь строй его, всякое движеніе должны были сквозить съ большей еще рельефностью изъ-подъ каждой рѣшительно складки. Христіанское искусство 13-го вѣка, какъ уже замѣтилъ Любке, имѣло напротивъ въ виду онаглядить то, какъ именно душа просвѣчиваетъ въ тѣлѣ, и потому послѣднее ощущалось только въ общихъ своихъ пропорціяхъ и прикрывалось гораздо болѣе одеждой, которая отражала его постановку въ текучихъ струяхъ своихъ только чуть-замѣтно и слегка, какъ мелодія едва слышится изъ-за грома сопровождающихъ ее инструментовъ. Такимъ образомъ мы можемъ согласиться, что христіанское чувство создало себѣ здѣсь стиль, вполнѣ ему отвѣчающій, что высокая миловидность ангеловъ, тихое блаженство просвѣтленныхъ, задушевная важность апостоловъ, смиреніе или небесная жажда мучениковъ, кроткая ясность поучающаго и торжественное достоинство судящаго Спасителя, никогда не были изображены пластикой выше и чище,— но прибавимъ къ тому оговорку, что все это проступаетъ болѣе въ совокупномъ эффектѣ цѣлаго и въ основныхъ мотивахъ фигуръ, нежели въ выработкѣ частностей, тогда-какъ высшая задача пластики—проявить въ единичномъ обликѣ вселенскую красоту, представить его въ самодовлѣющемъ величіи полной и совершенной законченности, а въ соборахъ мы вѣдь больше удивляемся живописному богатству и взаимному соотношенію фигуръ, то между собою, то съ чѣмъ-то высшимъ и надземнымъ. Средневѣковыя произведенія рознятся отъ античныхъ столько же по формѣ, какъ и по матерьялу: дикій или бурый сѣверный песчаникъ все-таки далеко не то, что кристально-бѣлый мраморъ Эллады. Какъ въ архитектурномъ, такъ равно и въ пластическомъ отношеніи, часто видимъ на одной и той же постройкѣ постепенный переходъ стиля отъ коренастой силы и строгости къ мягкой граціи и гибкому тѣлодвиженью: фигуры наклоняются и перегибаются черезъ бедро, втягиваясь однимъ бокомъ внутрь и выступая наружу другимъ, съ восторженною или же напротивъ съ смиренною улыбкою смотрятъ онѣ вверхъ или долу, или обращаются одна къ другой, какъ бы увлеченныя дружеской бесѣдою, хотя и стоятъ иногда каждая въ отдѣльной нишѣ. Притомъ многое, и особенно бо́льшую часть одиночныхъ статуй, приходилось оставлять на долю ремесленничьихъ рукъ, стало-быть заранѣе обреченными на незаконченность; тогда какъ въ мелкихъ сравнительно произведеніяхъ, въ рельефахъ, какъ нарочно бываетъ замѣтна рука мастера.

Во Франціи развитіе пластики начинается въ парижской церкви Нотръ Дамъ и доходитъ до стройной нѣжности въ Святой Часовнѣ; съ особенной ясностью выступаетъ оно въ Шартрѣ, пока пластическій стиль не развернулъ наконецъ всего своего великолѣпія и изящества въ Реймсскомъ соборѣ. Здѣсь величавость замысла споритъ уже съ богатствомъ исполненія, здѣсь одиночныя фигуры такъ же свѣтлы юностью и застѣнчиво милы, какъ Хри-

стосъ на боковомъ порталѣ удивителенъ силою, благородствомъ и кроткой ясностью выраженія, а съ другой стороны — полнымъ пониманіемъ тѣлесныхъ формъ и условій пластической драпировки; здѣсь въ одномъ рельефѣ Воскресенія разнообразіе душевныхъ ощущеній, начиная отъ изумленья до мольбы, отъ радости до преданнаго благочестія, споритъ съ тѣлесными движеніями пробужденья и возстанія изъ гробовъ, — дотого все это наивно и вмѣстѣ полно строгомѣрной опредѣленности. Вообще рельефный стиль подходитъ къ той чисто-греческой манерѣ, которая каждый обликъ развертываетъ въ профиль и избѣгаетъ всякаго столпленія фигуръ, стоящихъ другъ за другомъ или другъ друга заслоняющихъ. — Руанъ, Буржъ, Лозанна, стараются усвоить себѣ добытый уже стиль. Замѣчательно, какъ на надгробныхъ камняхъ неразвязное еще искусство любитъ представлять сонъ, тогда какъ впослѣдствіи портретныя статуи дѣлаются уже обыкновенно съ открытыми на свѣтъ глазами. Въ королевской усыпальницѣ Сенъ-Дени по изваяніямъ французскихъ властителей можно прослѣдить развитіе пластики отъ тяжеловѣсной неуклюжести до спокойнаго достоинства и потомъ до живоподвижной граціи.

Подобно тому какъ и въ архитектурѣ, вліяніе новаго направленія на германской почвѣ обнаруживается стремленіемъ тепло одушевить и приглядно развить далѣе романскій стиль, что́ особенно замѣтно въ вексельбургской церкви и проявляется уже истинно-классически во фрейбергской. Здѣсь царитъ изящная тѣлесная полнота обруку съ прямымъ душевнымъ выраженіемъ; свѣжее чувство природы оживляетъ фигуры и сквозитъ изъ-подъ полуантичной драпировки одеждъ. Это видно напримѣръ въ рельефахъ каѳедры и алтаря въ Вексельбургѣ,—въ жертвоприношеніи Авраамовомъ, въ Каинѣ и Авелѣ и въ воздвиженіи мѣднаго змѣя, и еще гораздо прекраснѣе на такъ-называемой Золотой Двери во Фрейбергѣ. Здѣсь у колоннъ портала стоятъ и достопочтенно-важные, и юношески милые лики мужей и женъ ветхаго и новаго завѣта, въ которыхъ собственная теплота германской души дѣйствуетъ заодно съ воспитаннымъ школой древности чувствомъ изящнаго, для того чтобы создать своеобразныя мастерскія произведенія, не уступающія сейчасъ упомянутымъ французскимъ. Къ нимъ близко подходитъ и вексельбургскій алтарь, изображающій въ обожженной глинѣ распятаго Христа между Іоанномъ и Маріей. Изъ средины же 13-го вѣка идутъ скульптуры монастырской церкви въ Тишновицѣ, въ Моравіи, а съ ними соперничаютъ далѣе франконскія работы въ Бамбергѣ, гдѣ по стѣннымъ нишамъ Георгіевскаго клироса въ соборѣ антикизирующая школа борется со свѣжимъ натурализмомъ, и фигуры выступаютъ какъ бы въ драматическомъ движеніи какой-нибудь мистеріи. Вслѣдъ за тѣмъ настаетъ господство новоготическаго стиля, и онъ является съ особеннымъ блескомъ въ полноростныхъ статуяхъ у южнаго портала восточной стороны, у сѣверной боковой сѣни и во внутренности. Адамъ съ Евою, императоръ Генрихъ VI съ супругой, символическія фигуры Церкви и Синагоги,— все въ своемъ родѣ умно осмыслено и выполнено съ большимъ чувствомъ. Вольный размахъ и щегольская утонченность идутъ здѣсь обруку.—Достойно примыкаютъ къ французскимъ образцамъ и въ пластикѣ два большіе мюнстера, фрейбургскій и страсбургскій. Оба передаютъ въ статуяхъ и рельефахъ исторію искупленья. Во Фрейбургѣ можно прослѣдить развитіе

стиля отъ простой, беззатѣйной строгости до плавно-свободнаго движенія; въ Страсбургѣ называетъ намъ себя Сабина, дочь Эрвина фонъ-Штейнбахъ, ваятельницей евангелиста Іоанна, и ей же обыкновенно приписываютъ глубоко-трогательный рельефъ успенія Божіей Матери, скомпонованный такъ ясно при всей многочисленности фигуръ. — Изъ числа надгробныхъ камней укажу я на памятникъ Генриха Льва и супруги его, Матильды, въ брауншвейгскомъ соборѣ, отличающійся чистой, выразительною красотой; въ виду его Любке вспоминаетъ лучшіе дни греческой пластики, которая также вѣдь гналась не столько за вѣрностью портретовъ, сколько за идеальнымъ просвѣтленіемъ славимыхъ ею лицъ.—На купели, изготовленной мастеромъ Экардомъ въ Вормсѣ, обнаруживается равномѣрно и въ литейномъ искусствѣ успѣхъ этого столѣтія, которое пытало свои силы даже и на конныхъ статуяхъ, на бронзовомъ изваяніи Оттона I-го въ Магдебургѣ, напримѣръ.

Англія еще и теперь, когда національность ея сложилась наконецъ изъ кельтійскаго, романскаго, норманскаго и саксонскаго элементовъ, обнаруживаетъ мало смысла къ идеальной пластичности, а напротивъ явное предпочтеніе къ индивидуальной жизни и къ рѣзкой характеристикѣ. Скульптурное убранство старыхъ готическихъ церквей находится подъ французскимъ вліяніемъ и не принимаетъ обширныхъ размѣровъ; тамъ же, гдѣ Англичане работаютъ самостоятельно, они стараются тонко индивидуализовать и самихъ ангеловъ, или окружить даже и святыню игрой своего юмора. Генрихъ III (1216—72) призывалъ уже мастеровъ изъ Италіи и Германіи. Но надгробные памятники обнаруживаютъ своенародное направленье. Личности представляются здѣсь не въ спокойномъ снѣ, а въ живоподвижной дѣятельности, въ полукафтаньи и кольчугѣ, и ваятели стремятся не только изобразить голову съ возможно-вѣрнымъ сходствомъ и съ рѣшительнымъ выраженіемъ, но придать и тѣлу всегда свѣжіе мотивы постановки. Строже одѣлываются фигуры епископовъ; превосходны надгробные памятники Генриха III-го и королевы Элеоноры, отлитые золотыхъ-дѣлъ-мастеромъ Вильямомъ Торрелемъ.

Успѣшное развитіе пластики въ Италіи не поддерживалось духомъ цѣлаго, не стояло въ связи съ многофигурными и величавыми киклическими созданіями *, а исходило отъ одной художнической личности и развертывалось обыкновенно на одиночныхъ работахъ, каковы каѳедры, алтари, надгробные памятники. Здѣсь озадачиваетъ насъ не религіозное чувство, а главное — мастерская выработка формы, чисто-художественная сторона. Потому что вѣдь если нѣмецкіе мастера отчасти и повліяли на Николая Пизано, то все же очевидно, что гораздо болѣе антикъ воспроизвелся у него въ сродственномъ по генію духѣ; онъ изучалъ римскіе нагробницы, и лучшія его созданія скорѣе можно назвать раннимъ, преждевременнымъ Возрожденіемъ, нежели цвѣтомъ собственно романскаго стиля. Уже работа юныхъ его лѣтъ (1233 г.), Снятіе со креста въ луккскомъ соборѣ, удивительно отходитъ отъ одичавшей фантастики прошлаго яснымъ разумнымъ размѣщеніемъ фигуръ и умѣренностью выраженія; а каѳедры въ Пизѣ и въ Сіенѣ, созданныя имъ въ зрѣломъ мужествѣ, своимъ

---

* Требовавшими участія цѣлой школы или ложи.

общимъ замысломъ, гдѣ такъ удачно употреблены въ дѣло колонны и одиночныя символическія фигуры, особенно же своими рельефами, представляющими рождество и отрочество Христа, потомъ смерть его и страшное судище,— эти каѳедры показываютъ самое успѣшное стремленіе къ величію и красотѣ въ роскошной полнотѣ формъ какъ самаго тѣла, такъ и одѣянія; вмѣсто типическихъ чертъ, постепенно установившихся въ христіанскомъ искусствѣ для выраженія внутреннихъ ощущеній и еще ожидавшихъ себѣ индивидуальнаго одушевленія и завершенья, Николай Пизано вдругъ схватился опять за образцы языческихъ боговъ и героевъ; не смиренною рабою Господа, а чувствующею свое великолѣпіе Юноной, изобразилъ онъ Дѣву Марію на рельефѣ Рождества Христова, и съ истино-императорскимъ величіемъ принимаетъ она дары отъ царей-пастырей Востока. Нельзя не признать здѣсь разлада формы съ содержаніемъ: глубину чувства христіанскихъ сюжетовъ нѣтъ возможности передать въ чертахъ, просвѣтлившихъ въ тѣлесной красотѣ природу, какъ нѣчто высшее само въ себѣ; но сила и величіе, вольный размахъ и соразмѣрность этихъ чертъ явились оплотомъ какъ противъ вялой сантиментальности, съ одной стороны, такъ и противъ идущихъ только ощупью попытокъ дикой фантастики и грубаго реализма — съ другой; они навели Италію на тотъ путь формальной красоты, которымъ она дошла до великой славы, хотя подражаніе антику въ собственномъ значеніи и перенось его на задачи новой эпохи вскорѣ были покинуты даже помощниками и преемниками мастера. Уже гробница св. Доминика въ Болоньѣ, надъ которою онъ трудился еще и самъ, обнаруживаетъ больше искренняго чувства, а рельефы мѣсяцевъ и свойственныхъ имъ занятій, наукъ и искусствъ, на рыночномъ колодцѣ въ Перуджіи, полны свободной самобытной жизни. Сынъ Николая, Джованни, создавая каѳедру въ Пистойѣ, перешелъ уже къ страстному выраженію скорби, къ порывистымъ движеніямъ фигуръ, тогда какъ, съ другой стороны, его статуи мадоннъ эффектны своимъ благороднымъ величіемъ, а христіанское чувство сквозитъ развѣ лишь въ миловидномъ поворотѣ головы къ божественному младенцу. Подъ его руководительствомъ, съ помощью нѣмецкихъ мастеровъ, выполнено пластическое убранство по фасаду Орвіэтскаго собора. Не порталы, какъ водилось въ готикѣ, а большія площади столповъ между ними, выбралъ онъ подъ барельефы, обрамленные листвой въ видѣ арабескъ, такъ что картины міроздания и первыхъ опытовъ развитія человѣческихъ силъ окаймлены у него плющевыми вѣтвями, картины Страшнаго суда—виноградными лозами, тогда какъ промежуточныя сцены ветхаго и новаго завѣта держатся на стволистыхъ деревьяхъ, въ тѣни которыхъ спятъ патріархи. Здѣсь пришлыя съ сѣвера поэтическая фантазія и стремленіе къ выразительности въ постановкѣ и движеніи дѣйствуютъ заодно съ родными дѣтьми юга,— ясностью и разумно-уряжающимъ смысломъ. На изображеніе мысли и души падаетъ главный напоръ силы художника; но свѣжій, здоровый взглядъ на жизнь ищетъ и находитъ для этого формы въ окружающей природѣ, а созерцаніе антика, очищая ихъ, приводитъ вездѣ къ соразмѣрности и ясности.

Въ Римѣ, въ теченіе всего 13-го столѣтія, работалъ цѣлый родъ каменосѣчцевъ и камнерѣзцевъ, извѣстный подъ именемъ Козматовъ. Въ алтарныхъ сѣняхъ, каѳедрахъ и надгробныхъ памятникахъ, своего дѣла, соединяли они

архитектуру, скульптуру, мозаики, пуская въ ходъ античныя преданія, а также обдѣлывая нѣкоторыя части, иногда и цѣлые саркофаги, въ готическихъ прямо формахъ. Мастерскимъ произведеніемъ этой школы считаются мраморные ангелы, стерегущіе на надгробницѣ Гульельмо Дуранте сонъ покойника и отличающіеся тихимъ помазаніемъ. — Существовали статуи императора Фридриха II-го и его канцлера; глядя на нихъ, не захотѣлъ остаться безъ такой же почести и Карлъ д'Анжу. Ваятель, въ образецъ фигуры и одѣянія, избралъ какого-то античнаго сенатора или цесаря, но голову вылѣпилъ съ натуры, и мертвыя мрачныя черты помимо всякаго умысла выражаютъ характеръ тирана. Въ Италіи возродился теперь обычай ставить изъ камня и бронзы почетныя статуи.

Равно и въ живописи 12-го вѣка видимъ мы борьбу свѣжихъ силъ съ древнимъ установившимся преданіемъ *, видимъ что онѣ то натуралистически пробиваются сквозь послѣднее, то одушевляютъ его живымъ чувствомъ, пока изъ этого переходнаго состоянія не сложился наконецъ настоящій готическій стиль. Искусство не задается уже однимъ поученіемъ и назиданьемъ: даже въ «Вертоградѣ утѣхъ» игуменьи Геррады Ландсбергской хочетъ оно повеселить глазъ и сердце картинами природы и житейскихъ побытовъ, или въ веригеровомъ «Житіи Маріи Дѣвы», вызвать наше душевное сочувствіе сильной скорбію виолеэмскихъ матерей; оно соревнуетъ какому-нибудь Генриху фонъ-Вельдекъ въ наивномъ замыслѣ и въ незатѣйливо-простой обрисовкѣ былины про Энея, передѣланной на рыцарскій уже ладъ; оно пытаетъ свои силы даже на портретѣ и пріобрѣтаетъ чудные мотивы для орнамента въ полныхъ фантазіи и размаха буквенныхъ украшеніяхъ. Какъ въ рукописяхъ, такъ точно и въ стѣнной живописи искусство развернулось теперь свободнѣе, подвижнѣе, граціознѣй; мы замѣчаемъ это въ нижне-рейнскихъ и вестфальскихъ церквахъ, преимущественно въ Гальберштадтѣ, гдѣ Соломонъ съ царицею Савской, пророки и взятіе Богоматери на небо украсили собой церковь Пресвятой Богородицы (Liebfrauenkirche) не только такъ живо и въ полный притомъ ростъ, но вмѣстѣ и такъ изящно, что невольно приходитъ въ голову сравнить ихъ со статуями «Золотой Двери» во Фрейбергѣ. И въ Италіи сохранились отъ начала 13-го вѣка стѣнныя картины въ пармской крещальнѣ, особенно же превосходные мозаики въ церкви св. Марка, въ Венеціи, которые, подобно мозаикамъ паренцскаго собора, смягчаютъ крайнюю строгость византійскихъ, и къ величавости формъ и композиціи присоединяютъ индивидуальную выразительность движеній.

Во Франціи и въ Германіи готическій стиль прервалъ на время развитіе стѣнной живописи, отнявъ у нея всѣ просторныя поля; ея одиночные остатки, напримѣръ въ рамерсдорфской часовнѣ близъ Бонна, прочувствованы просто и благородно, да такъ же они и выполнены; тутъ въ зародышѣ не безъ сожалѣнія видимъ мы не созрѣвшимъ то, что германское искусство могло бы создать въ киклической композиціи, пойди оно дальше тѣмъ путемъ, на который такъ удачно вступило и на Рейнѣ, и въ сѣверной Германіи, судя по остаткамъ, уцѣлѣвшимъ въ Шварцрейндорфѣ, Гильдесгеймѣ и въ Брауншвей-

* Не тронутая этою борьбой, византійская живопись постепенно коснѣла и замирала.

гѣ. Зато высокія готическія окна сами напрашивались теперь на живопись по стеклу; пронизанныя солнцемъ, похожи они на ковры изъ свѣта и пыла, и довершаютъ волшебный эффектъ, производимый внутренностью сооруженій; но они остаются подслужны архитектурѣ, обдѣлываясь съ чисто-орнаментальными цѣлями: по жезловому фону складываются изъ мелкихъ пластинокъ маленькія фигуры, наподобіе мозаикъ; формы ихъ среди свѣтлой игры красокъ обозначаются въ тяжелыхъ очертаніяхъ скрѣпами изъ литого свинца или нарочно оттѣняются темнѣе, а подобный способъ изображенія, равно какъ и самая эта техника, перечили и мѣшали независимому развитію живописи, которая должна была не только приноровляться къ формамъ и цѣлямъ зодчества, но и совершенно ему подчиниться. Особенно богаты такими произведеніями французскіе соборы, и всего блистательнѣе они въ Реймсѣ и въ Буржѣ; впрочемъ удивительно эффектно тоже и розетное окно по фасаду парижской церкви Пресвятой Богородицы Этому примѣру подражали Англія и Германія, но преимущественно только въ слѣдующемъ уже вѣкѣ.

Сильно проведенные контуры и свѣтлыя краски въ миніатюрахъ рукописей ясно отзываются вліяніемъ живописи по стеклу. Уже Дантъ хвалитъ искусство, «что въ Парижѣ зовутъ иллюминовкою». Германія не отставала въ этомъ отъ другихъ. Очень характеристичны для насъ картинки къ рыцарскимъ эпопеямъ и къ произведеніямъ любовной лирики. Фигуры выдаются свѣтлымъ, слегка лишь оттѣненнымъ колоритомъ на сравнительно-темномъ фонѣ, похожемъ на коверъ; мягко вѣющія волнистыя одежды какъ будто обливаютъ тѣло, котораго организмъ правда часто плоховатъ, но выраженіе лица, постановка фигуръ, движеніе рукъ, все обнаруживаетъ много живо-трепещущихъ мотивовъ, и нерѣдко радуетъ своей наивной граціей, но нерѣдко, какъ и въ самой поэзіи, проглядываетъ условная манерность въ передачѣ сантиментальныхъ настроеній. Даже и въ религіозныхъ книгахъ свѣтски-веселая шаль дозволяетъ себѣ оживлять своевольными арабесками обрамливающія картину узорчатыя закрутки

Въ Италіи и по части живописи мы видимъ почти то же, что въ скульптурѣ: тогда какъ на сѣверѣ неодолимый духъ времени одушевляетъ и несетъ художниковъ теченьемъ своихъ волнъ, поглощая и единичныя личности, и имена ихъ въ большихъ, общими силами производимыхъ созданіяхъ, — здѣсь напротивъ любая художническая личность выступаетъ съ своеобразными работами впередъ, и всѣ не столько гонятся за искренностью романтическаго чувства, сколько за благородствомъ формъ и за ритмомъ композиціи; здѣсь живо еще преданіе древности, смыслъ обращенъ къ красотѣ изъ-за нея самой (помимо того, что̀ она выражаетъ). Впереди всѣхъ стоятъ Флоренція и Сіэна; Чимабуэ и Дуччіо ди-Бонинсенья пролагаютъ дальнѣйшій путь, послѣ того какъ Джунта Пизанскій прорвался съ энергіею страсти сквозь условный византійскій пошибъ, какъ Гвидо сіэнскій смягчилъ кроткимъ чувствомъ чрезмѣрную его строгость, какъ Торрити въ полныхъ выраженія мозаикахъ приноровилъ къ настроенію своего времени древнехристіанскую манеру. Чимабуэ расписалъ церковь въ Ассизи по книгамъ Моисея и по евангельскимъ; онъ одушевилъ строгія формы, схватывая дѣйствіе въ самой вершинѣ драматическаго конфликта, и достигъ этимъ торжественнаго паѳоса. Его образа мадоннъ во Флоренціи обличаютъ свѣжее наблюденіе природы, и особенно въ ангельскихъ его

головахъ замѣтно стремленіе къ миловидности, опирающееся на самопростѣйшую основу преданья. Стилю Чимабуэ подражаетъ увѣнчаніе Маріи Дѣвы, написанное Гаддо Гадди во флорентійскомъ соборѣ. Отъ Дуччіо уцѣлѣлъ въ сіэнскомъ соборѣ алтарный ковчегъ, расписанный съ двухъ сторонъ: съ одной—Марія посреди святыхъ,—все здѣсь величаво-спокойно, но полно граціи и въ лицахъ и въ мягкихъ складкахъ одеждъ; съ другой находимъ лучшее произведеніе того вѣка, прекрасно расположенный рядъ сценъ изъ исторіи страстей Христовыхъ, полный изобрѣтательной фантазіи, богатый наблюденіемъ природы, благородный и ясный въ композиціи, въ рисункѣ, въ выраженіи: тутъ мы уже лицомъ къ лицу съ современникомъ Данта.

СХОЛАСТИКА.

Вмѣсто свободнаго изслѣдованія, стремящагося понять дѣйствительность и этимъ развить разумность, Средніе Вѣка все еще ставили уму задачей, усвоить себѣ прежде всего преданіе церковныхъ ученій, римскаго права и греческаго врачевства; на ряду съ догматомъ, высшимъ авторитетомъ были Аристотель, Гиппократъ и Пандекты; изъ содержащихся въ нихъ главныхъ посылокъ выводили законы духа и природы, работали одними только унаслѣдованными понятіями, и спорили о словахъ, не заботясь взглянуть на дѣло собственными глазами. Школьныя правила сужденія и умозаключенья плодили съ чрезмѣрною и совсѣмъ ненужною перетонченностью, безо всякаго вниманія къ тому, что нѣтъ ни какой возможности уловить силу и своеобразность жизни въ паутину пустого формализма. Сколько ни учили строить силлогизмы по византійскимъ формуламъ barbara, celarent, ferison, непровѣренныя главныя посылки отнюдь не могли дать надежныхъ выводовъ на пользу и благо людского рода. Раймундъ Луллъ установилъ шесть концентрическихъ (одноцентренныхъ) круговъ, обращавшихся одинъ за предѣломъ другого; онъ исписалъ ихъ категоріями логическаго и естественнаго бытія, пороками и добродѣтелями, физическими и метафизическими предикатами (сказуемыми): возьмите, говорилъ онъ, любой предметъ и посмотрите, какъ относится онъ къ этимъ опредѣленіямъ и различнымъ ихъ сочетаньямъ при движеніи круговъ. Посредствомъ такого чисто-механическаго пріема человѣкъ долженъ былъ умудряться мыслить и говорить обо всѣхъ возможныхъ вещахъ; но ясно, что такимъ образомъ нельзя пріобрѣсть ни какого дѣйст-

вительнаго познанія, и что по подобной схемѣ такъ же не сдѣлаеться философомъ, какъ по шаблону или трафарету живописцемъ *.

Все-таки тутъ важно было по крайней мѣрѣ то, что истиной хотѣли обладать не въ одной буквѣ преданія, но и въ собственномъ разумѣніи, и что наука перешла изъ монастырей въ тѣ высшія (спеціальныя) школы, которыя со времени крестовыхъ походовъ основаны были въ разныхъ значительныхъ городахъ: въ Парижѣ, напримѣръ, для богословія, въ Болоньѣ — для права, въ Салерно — для медицины, и во многихъ другихъ мѣстахъ по тому же образцу. Тогдашняя рѣдкость книгъ дѣлала чтенія любого знаменитаго учителя приманкою для многихъ тысячъ, стекавшихся и́зблизи и издалёка, и благодаря этому Абелардъ во Франціи и Ирнерій въ Италіи придали мѣстностямъ, гдѣ они дѣйствовали, характеръ своихъ занятій и великое значеніе для хода всей культуры. Сознаніе что современная культура связана съ древностью легло въ основу того простодушнаго выраженія, что средневѣковая имперія — непосредственное продолженіе римской, и вотъ почему Гогенштауфены опирались въ своихъ свѣтскихъ притязаніяхъ противъ захватовъ Церкви на авторитетъ древнихъ императоровъ; такъ-какъ античные элементы вообще всего болѣе уцѣлѣли въ Италіи, то тамъ скорѣе и могло первоначально возникнуть изученіе римскаго права, тогда какъ сосѣдство Арабовъ и тѣсныя связи съ ними сдѣлали Салерно первымъ гнѣздомъ врачебной науки. Послѣдняя впрочемъ также держалась еще преданія, безъ критической провѣрки накопившихся опытовъ и безъ методическаго расширенія познаній. Парижъ, въ свою очередь, сталъ рѣшительно главой схоластики: формализмъ науки, какъ и формализмъ рыцарства съ его обрядами, выработался во Франціи, и только тотъ слылъ значительнымъ лицомъ, кто учился или самъ преподавалъ въ Парижѣ. Тогда говорили, что Италія владѣетъ Церковью, Германія—имперіей, а Франція — наукой. Парижъ первый завелъ у себя всѣ факультеты (отъ спеціальной школы перешелъ къ общеобразовательной).

Средніе Вѣка видѣли истину въ одномъ только церковномъ ученіи; они забыли какъ произошли различныя его положенія, думая что оно было совсѣмъ готово изначала, и развѣ только утвердилось потомъ въ прочной своей формѣ по извѣстнымъ опредѣленнымъ поводамъ. Накопившуюся груду догматовъ приходилось систематически разобрать и урядить; тутъ оказалась необходимость пополнить множество пробѣловъ, дать множество переходныхъ, посредствующихъ опредѣленій, и гдѣ это повидимому удавалось въ духѣ цѣлаго, тамъ и Церковь принимала новизну въ составъ своихъ ученій, какъ будто бы такъ оно было и завсегда. Такимъ образомъ умозаключающей дѣятельности предоставленъ былъ просторъ для разныхъ частныхъ обдѣлокъ; что-жь касается началъ, она только должна была стараться понять ихъ, отнюдь не трогая сущности (то-есть ихъ смысла). Хотя-де многое въ Откровеніи превышаетъ разумъ, такъ что ему этого и не постичь, все же оно однако не

* Люди, отрицающіе самобытный элементъ въ дѣятельности души, а слѣдовательно въ обширнѣйшемъ смыслѣ и всякую безусловную самобытность, должны, если только они будутъ логичны въ своемъ сужденіи, прійдти къ выводу, равнозначительному съ лулловымъ. Отъ явной нелѣпицы подобныхъ заключеній софисты отдѣлываются обыкновенно увертками, а простодушные ихъ сторонники непослѣдовательностью, передъ которой они какъ нарочно сами жмурятъ глаза. Прим. перев.

противно разуму, такъ-какъ божественная и человѣческая истина не могутъ же вѣдь противорѣчить другъ другу; божественная только выше, и потому всякое познаніе должно сообразоваться съ догматикой, и философія должна быть вѣчною служанкой богословія. Содержаніе церковнаго ученія, равно какъ и выработавшійся разъ навсегда логическій формализмъ, были чѣмъ-то всеобщимъ и одинаковымъ для всѣхъ народовъ міра, и дѣйствительно схоластика представляетъ собой общность западнаго духа, хотя въ предѣлахъ этой общности главы науки являются однакожъ и представителями народныхъ характеровъ,—Французъ Абелардъ—представителемъ смѣлаго почина, живого побужденія, формальной ловкости и споровки, Нѣмецъ Альбертъ Великій—стремленія къ универсальности, ко всеобъемлющей систематикѣ, Итальянецъ Ѳома Аквинскій—тѣснаго примкновенія къ римской Церкви и направленія чувствительности и фантазіи яснымъ сознаніемъ мѣры, тѣмъ именно качествомъ, которымъ какой нибудь Дантъ или Рафаэль отличаются отъ художниковъ всѣхъ другихъ племенъ; наконецъ Дунсъ (или, точнѣе, Дёнсъ) Скоттъ представляетъ собой раздумчивое остроуміе Кельта, а съ нимъ обруку идетъ представитель англійскаго здравомыслія, Вильямъ Оккамъ, который впервые сдѣлалъ схоластику слугою мірскихъ пользъ.

Абелардъ мастерски описалъ намъ жизнь свою; онъ называетъ ее исторіей страданій, и она дѣйствительно вышла такою не только вслѣдствіе искаженія, какое потерпѣлъ онъ за любовь свою къ Элоизѣ, когда та въ свою очередь не захотѣла носить имя его жены, для того чтобы онъ и впредь могъ преподавать богословіе,—но и благодаря его мученичеству за свободу мысли. Сынъ Бретани, родомъ рыцарь, вмѣсто меча взялся онъ за оружіе діалектики, чтобы не на турнирѣ, а въ словесномъ поборищѣ увѣнчаться славою побѣды. Онъ вмѣшался въ борьбу реалистовъ съ номиналистами и утверждалъ, что помыслы божіи, платоновскія „идеи", суть, въ качествѣ всеобщаго, основа и сущность всѣхъ вещей, которыя въ нихъ однѣхъ коренятся, на нихъ только зиждутся; въ природѣ, въ видимомъ мірѣ, всеобщія понятія разособлены по единичнымъ существамъ, а нашъ мыслящій духъ обрѣтаетъ опять единство, лежащее въ основѣ многоразличнаго, и высказываетъ его, образуя понятія. Его удивительная риторская способность, которая уже и современникамъ его напоминала Цицерона, его умѣнье связать съ платоновскими идеями логику Аристотеля, его глубокое уваженіе къ мудрости древнихъ и его стремленіе слить ее воедино съ христіанской вѣрою, сдѣлало его передовымъ представителемъ той эпохи, задавшейся именно примиреніемъ такого рода противоположностей; но онъ ступилъ еще одинъ великій шагъ далѣе, и ансельмову началу „вѣрую, дабы уразумѣть"(credo ut intelligam), противупоставилъ ту мысль свою, что онъ не можетъ вѣрить, не уразумѣвши, и что совершенно излишне плодить слова, которыхъ не понимаешь. Ключъ къ познанію—непрерывные и дѣльные вопросы. Ищите, и обрящете; путемъ сомнѣнія приходимъ мы къ истинѣ; вѣра, основанная на уразумѣніи, внушаетъ любовь къ Богу и тѣмъ подлинно насъ ублажаетъ. Абеларду не приходило и на умъ ратовать противъ христіанства или церковнаго ученія, онъ имѣлъ въ виду только понять его, евангеліе было для него высшимъ преобразованіемъ естественнаго закона; но уже одно стремленіе основать догматы на разумѣ было подозрительно въ глазахъ Церкви: разумъ могъ вѣдь дойдти и до иной

истины, и сталъ бы тогда выше внѣшняго авторитета. А что Абелардъ хотѣлъ именно пробудить пытливость и размышленіе, это показала его книга Sic et non (Да и нѣтъ), гдѣ онъ излагаетъ то, что можно сказать въ пользу и противъ положеній вѣры, подборомъ такихъ изреченій Отцовъ Церкви, которыми или подтверждаются или оспориваются разныя догматическія опредѣленія. Самъ онъ написалъ книгу о святой Троицѣ. Богъ въ глазахъ его та единая сущность, которая существуетъ сама собой и благодаря которой существуетъ все другое; благая и совершенная, она трояко опредѣляется и означается тремя именами. Отцомъ зовется Богъ по всемогуществу его величія, которымъ все сотворено, которое можетъ произвесть все что захочетъ, Сыномъ — по премудрости, которая все вѣдаетъ и уряжаетъ, Духомъ — по любви, которая все ведетъ къ наилучшей цѣли, которая по безпредѣльной своей благости даже и зло обращаетъ къ добру. Ни одинъ изъ этихъ трехъ моментовъ немыслимъ безъ другихъ: могущество дѣйствуетъ мудро и любовно, любовь—разумна и сильнодѣйственна, мудрость полна благости и могуты; иначе ни одинъ не былъ бы совершенъ, то-есть божественъ. Такъ одна и та же сущность опредѣляется троякимъ образомъ, смотря по тому, которое изъ ея свойствъ принять за преобладающее. Богъ дѣетъ или совершаетъ все во всемъ, онъ употребляетъ насъ орудіями для выполненія его воли; ни что не происходитъ случайно, вездѣ властвуетъ Провидѣніе, все уряжающее къ лучшему, все ведущее къ цѣли. Богъ допустилъ возможность зла для того, чтобы мы могли быть свободными, дѣлать добро по собственной волѣ. Но и умышляемое человѣкомъ зло ведетъ онъ къ добру, діаволъ служитъ ему для оказательства благочестивыхъ чрезъ искушенія и потомъ для кары злымъ. Христосъ умеръ на крестѣ по опредѣленію божію; предавъ его, Іуда согрѣшилъ по мѣрѣ своего злоумышленія; но Богъ обратилъ это во спасенье, такъ-какъ благодаря крестнымъ страстямъ и смерти Іисуса возгорѣлась любовь къ нему, поучавшему насъ вмѣстѣ и словомъ и дѣломъ; искупленіе наше—любовь, пробужденная въ насъ страданіемъ и смертью Спасителя: она разрѣшаетъ рабскія узы грѣха и даруетъ намъ свободу дѣтей божіихъ.

Очевидно по главнымъ этимъ чертамъ, что Абелардъ сообразно духу своего времени исходилъ отъ догмата, но старался истолковать его раціонально; что стремясь философски понять и объяснить, онъ его преобразовалъ, подобно тому какъ въ новѣйшее время сдѣлалъ Гегель. И послѣдній, и Шеллингъ рѣшительно впали опять въ схоластику благодаря тому, что пошли не отъ дѣйствительныхъ религіозныхъ опытовъ и не отъ критически-провѣренныхъ фактовъ религіозной исторіи, чтобы связать ихъ потомъ со всѣми прочими познаніями современности и отсюда опредѣлить начало и цѣль жизни; а старались логически оправдать все вымудренное изъ тѣхъ опытовъ и фактовъ смысломъ и несмысліемъ предшествовавшихъ вѣковъ, какъ сложилось и оформилось оно въ догматъ, да еще и толковать это какъ бы въ духѣ своего собственнаго ученія *. Но въ схоластикѣ Абелардъ былъ дѣйствительно передовымъ бойцомъ разума и человѣчнаго образованья.

---

* И сколько потрачено на это энергіи и умственныхъ силъ со стороны такого истинно геніальнаго человѣка, какъ Шеллингъ! Прим. перев.

Онъ написалъ также книгу о нравоученіи подъ заглавіемъ: Познай самого себя. Добродѣтель состоитъ для него не во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, а во внутреннемъ строѣ чувствъ и мыслей; все дѣло въ умыслѣ, а не въ томъ, что изъ него выйдетъ Не противное сознанію и совѣсти не можетъ быть названо грѣхомъ. Кто не знаетъ Іисуса Христа и презираетъ его вѣру, почитая ее богопротивною (могаммеданинъ), того нельзя еще счесть безбожникомъ, такъ-какъ онъ убѣжденъ, что посвоему вѣрно служитъ Богу. Распявшіе Христа въ полной увѣренности, что дѣлаютъ этимъ доброе дѣло, не несутъ за то и вины. Не грѣховны также утѣхи чувствъ, а грѣховно лицемѣріе, и одно лишь внѣшнее соблюденіе обрядовъ не имѣетъ ровно ни какой цѣны. Любовь, вотъ настоящее исполненіе закона.

Даже и не противопоставляй Абелардъ безпутнымъ монахамъ строгой нравственности греческихъ мудрецовъ, даже не ратуй онъ противъ тѣхъ духовныхъ, которые изъ корысти торговали грѣхоотпускными граматами, само умственное его направленіе должно было навлечь ему борьбу съ іерархіей. Покинувъ профессуру въ Парижѣ, онъ пошелъ въ монастырь, но и то уединеніе, куда удалился онъ вблизи Провена (Provins), вскорѣ стало сборищемъ любознательной молодежи, такъ что парижскіе и римскіе преподаватели питали къ нему сильную зависть. Противъ его богословскихъ воззрѣній созванъ былъ въ Суасонѣ цѣлый соборъ (въ 1121 г.). Онъ хотѣлъ защищаться, но его принудили собственноручно бросить въ огонь книгу его о Троицѣ. Изъ монастыря, гдѣ предстояли ему новыя бѣды, укрылся онъ въ одну пустынь близъ Ножана на Сенѣ; но въ непродолжительномъ времени 600 учениковъ построили себѣ хижины вокругъ его жилища и основали заодно съ нимъ обитель св. Духа, утѣшителя, ведущаго ко всякой истинѣ (Параклита). Снова обвиненный въ ереси, онъ передалъ свою обитель Элоизѣ, которая постриглась уже въ Аржантѣлѣ, а съ тѣхъ поръ стала управлять параклитскимъ братствомъ. Абелардъ былъ призванъ игуменствовать въ Рюисскій монастырь, въ Бретани, и боролся тамъ съ упадкомъ иноческаго благочинія, но затѣмъ опять вступилъ на профессорскую каѳедру въ Парижѣ. Тогда возсталъ противъ него св. Бернардъ.

Это былъ человѣкъ чувства по преимуществу: доказательство истины видѣлъ онъ (не въ разумности, а) въ томъ впечатлѣніи, какое факты и ученія производятъ на сердце, насколько они его ублажаютъ, и отнюдь не хотѣлъ поступиться тою буквой, которая передавала ему такую истину. Лѣса говорили для него паче книгъ, камни и деревья должны были научить тому, чего людямъ никогда не высказать. Онъ особенно упиралъ на незримую благодать, сподобляющую въ видимомъ знакѣ св. Причастія; онъ справедливо требовалъ признавать здѣсь не образъ, не кажущееся, но дѣйствительное присутствіе Божества, и потому крѣпко держался за внѣшность, какъ будто безъ нея утрачивается и все внутреннее, идеальное. Духовное видѣніе побудило его вступить въ монастырь, воздержностью и самоизможденіемъ преобразовалъ онъ иночество и стяжалъ себѣ такой всеобщій почетъ, что изъ своей келліи могъ управлять судьбами Европы. Онъ вызвалъ проповѣдью своей третій крестовый походъ; однимъ своимъ посланіемъ улаживалъ онъ дѣла между государствомъ и Церковью во Франціи, Англіи и Римѣ. Страстная сила его рѣчи была истинно неодолима, и для возбужденнаго воображе-

нія вѣрующихъ самый путь его знаменовался рядомъ чудесъ. Что Абелардъ не хотѣлъ вѣрить тому, чего не понималъ,—это положеніе, какъ небезосновательно утверждалъ Бернардъ, колебало авторитетъ Церкви; во взглядахъ Абеларда видѣлъ онъ возрожденіе тѣхъ старыхъ помысловъ, которые православіе объявило уже за ересь,—помысловъ Арія и Пелагія. Возвеличеніе греческихъ философовъ казалось ему презорствомъ къ учителямъ Церкви; новое евангеліе, восклицалъ онъ, проповѣдуется по городамъ и весямъ; подобно Голіаоу ратуютъ противъ благочестивыхъ Абелардъ и оруженосецъ его, Арнольдъ Брешіанскій, а Давида между тѣмъ нѣтъ. Вызовъ со стороны Абеларда къ открытому препирательству за истину былъ рѣшительно отринутъ Бернардомъ: для осужденія его, говорилъ онъ, вполнѣ уже достаточно его сочиненій. Когда на соборѣ въ Сансѣ (1141 г.) Абелардъ призналъ положенія, извлеченныя изъ его книгъ, ему не дали говорить въ свою защиту, книги осудили на сожженіе, а его — на заточеніе въ монастырь. Но Петръ Достопочтенный обезпечилъ ему у себя пріютъ въ Клюньи на два остальные года его жизни, и уладилъ даже нѣкоторый родъ сближенія между Бернардомъ и имъ.

Бернардово богословіе сердечнаго чувства и созерцательная его мистика нашли себѣ продолжателей въ Гюго и Ришарѣ де-Сенъ-Викторъ. „Гдѣ любовь, тамъ и свѣтъ" было ихъ девизомъ. На міръ смотрѣли они какъ на зеркало божіе; но прежде всего человѣкъ долженъ былъ испытать на самомъ себѣ оказательства вышней благодати въ ясности разумѣнія и въ укрѣпленіи на всякое добро, такъ-какъ добро всегдашній спутникъ истины. Достоинство души въ томъ именно и состоитъ, что она можетъ сама собой заслужить и обрѣсти спасеніе, то-есть единенье съ Богомъ; Творецъ предлагаетъ ей такой союзъ, человѣку остается только принять его. Въ то же время Петръ Ломбардецъ свелъ воедино церковныя ученія, стараясь опереть ихъ на авторитетъ библіи и Отцовъ Церкви и выяснить для смысла логическими доводами. По стопамъ Абеларда шелъ Іоаннъ Салисбѣрійскій, когда на ряду съ непосредственнымъ откровеніемъ божіимъ онъ отстаивалъ косвенное, идущее путемъ разума и науки; когда утверждалъ, что божественный разумъ—прямая истина всѣхъ вещей, и самую разумность нашу выводилъ изъ того, что мы сознаемъ Бога какъ истину въ насъ самихъ.

По прилежномъ изученіи источниковъ, Прантль въ своей «Исторіи логики» положительно говоритъ, что прогрессъ въ средневѣковой наукѣ основанъ на возростающемъ приливѣ матерьяла; и подлинно, съ 13-го вѣка начинается новый періодъ тѣмъ, что въ добавокъ къ логикѣ Аристотеля, благодаря посредничеству Арабовъ, въ кругозоръ схоластики входятъ его физика, метафизика и этика, да становится ей доступнымъ и матерьялъ собственно арабскаго изслѣдованія природы. Какъ въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ преобладаетъ духовное, а во второй свѣтское образованье, такъ теперь на ряду съ богословіемъ заявляетъ свою силу и познаніе земныхъ вещей. Пріумноженныя такимъ образомъ свѣдѣнія Венсанъ де-Бове (Викентій изъ Бове) собралъ въ цѣлую энциклопедію, которую озаглавилъ «Зеркаломъ»; подобнымъ же трудомъ было „Сокровище" дантова учителя Брунетто Латини; съ благодарнымъ уваженіемъ говоритъ объ немъ великій поэтъ, что онъ ежечасно поучалъ его отечески, чѣмъ и какъ человѣкъ можетъ себя увѣковѣчить.—Швабъ, Альбертъ Великій, учившійся въ Павіи и Болоньѣ, и

преподававшій то въ Парижѣ, то въ Кёльнѣ и въ другихъ мѣстахъ Германіи, старался связать весь громадный матерьялъ свѣтской мудрости съ догматикой христіанства. Онъ передѣлалъ Аристотеля въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не соглашалась съ нимъ Церковь: на мѣсто его мыслей о вѣчномъ мірѣ, онъ ввелъ библейское ученіе о созданіи, отстаивалъ личное безсмертіе души, а относительно міра и души человѣческой внесъ въ систему схоластики все то, что было извѣстно или воображалось Греку про небо и его движеніе, про землю съ ея стихіями, про растенія, животныхъ и человѣка, присоединивъ къ тому всѣ опыты и открытія, совершонныя на поприщѣ естествознанія Арабами, такъ что Альбертъ дѣйствительно могъ казаться своимъ современникамъ чѣмъ-то вродѣ мага и волхва. Царство природы выходитъ у него подстилкой царству благодати, царству нравственности; здѣсь главныя греческія добродѣтели, мудрость, мужество, умѣренность, справедливость, присовокупляетъ онъ къ христіанскимъ, вѣрѣ, надеждѣ и любви; вѣчно-блаженная жизнь—вотъ конецъ и цѣль всей временности, земнаго кругооборота всѣхъ вещей.

Альбертово направленіе къ изслѣдованію природы нашло себѣ подражателей въ Англичанинѣ, Роджерѣ Бѣконѣ, который уже рѣшительно требовалъ изученья языковъ, физики и математики, настаивалъ на важности чувственнаго созерцанья и старался онаглядить чертежами, какимъ образомъ любая точка земной поверхности становится вершиною пирамиды небесныхъ вліяній; такъ-какъ силы неба, думалъ онъ, лучами идутъ къ намъ отовсюда и возбуждаютъ или опредѣляютъ все земное. И въ глазахъ современниковъ и въ сказаніи прослылъ онъ за истаго чародѣя, потому что усвоивалъ себѣ опыты, инструменты, познанія Арабовъ и не обинуясь сообщалъ ихъ Западу; съ отважно-смѣлымъ, полнымъ фантазіи предчаяніемъ смотритъ онъ въ будущность, въ своихъ затребахъ и мечтахъ онъ часто предвосхищаетъ открытія и взгляды позднѣйшаго времени, не избѣгая при этомъ давать себѣ такой видъ, какъ будто бы онъ уже и обладаетъ ими.—Религіозно-научныя стремленія Альберта завершилъ ученикъ его, Ѳома Аквинскій. У него мірская жизнь подчиняется духовной, свѣтская мудрость Аристотеля—догмату. Ученіе Церкви округлилось подъ его рукой и пріобрѣло ту форму, которую запоздалые приверженцы средневѣковья и теперь еще считаютъ за высшую. Воля божія выбираетъ лучшій изъ міровъ и осуществляетъ его сотвореніемъ; вещи міра богоподобны, то-есть самодѣйственны въ разныхъ степеняхъ; душа приняла образъ божій, будучи умомъ и волею, какъ и самъ Богъ, и изшедшее отъ него возвращается путемъ богопознанія опять къ нему же.— Самостоятельнымъ мыслителемъ былъ Іоаннъ изъ Дёнса, на шотландской украинѣ; онъ называется doctor subtilis, тонкій учитель, и ни одинъ схоластикъ не проводилъ такъ рѣзко и такъ утомительно какъ онъ доказательствъ въ пользу и противъ любого положенія: по каждому вопросу выдвигаетъ онъ напередъ всѣ представляемыя имъ затрудненія и сомнѣнья, пускаетъ въ ходъ всѣ доводы, всѣ опроверженія, опроверженія опроверженій и такъ далѣе, потомъ излагаетъ то, что можно за всѣмъ этимъ сказать въ пользу дѣла и наконецъ уже старается найдти вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе. Онъ сталъ отцомъ такъ-называемаго «кводлибетанскаго» пріема, который готовъ пуститься въ цѣлый потокъ вопросовъ и отвѣтовъ о чемъ вамъ угодно

(quod libet). Для самого Дёнса Скотта рѣшительна и мѣроположна нравственная точка зрѣнія: онъ задается вопросомъ о цѣли жизни, и держится убѣжденія, что Святой Духъ продолжаетъ еще дѣйствовать въ лонѣ Церкви, такъ что и ученія послѣдней Дёнсъ не считаетъ еще законченнымъ; для того чтобы достичь блаженства, потребно совокупное дѣйствіе Бога съ человѣкомъ. Дёнсъ различаетъ между необходимымъ, то-есть тѣмъ, что неизбѣжно вытекаетъ изъ сущности вещей или изъ разума, и между дѣломъ свободы или воли, которое могло бы, пожалуй, быть и иначе; о первомъ можемъ мы умозаключать, второе непремѣнно должны узнать изъ опыта. Но вѣрный въ сущности этотъ взглядъ онъ преувеличиваетъ до такой степени, что выводитъ изъ произволенія божія даже естественный и нравственный законы, полагая, что они могли бы, пожалуй, установлять и предписывать что-нибудь совсѣмъ иное; онъ однакожь смягчаетъ послѣ это положеніе тѣмъ, что, по его мысли, воля и сущность въ Богѣ одна другой не противоборствуютъ, и что если Богъ восхотѣлъ разъ міра, то законы послѣдняго тѣмъ самымъ уже и истекли изъ творческаго существа. Все мірское цѣнно только какъ средство для достиженія цѣли вѣчной жизни, и образованіе ума должно служить только къ тому, чтобы сдѣлать насъ добрыми.

Споръ Ѳомистовъ съ Скоттистами шелъ частію объ отношеніи формы къ матеріи, частію о разныхъ догматическихъ опредѣленіяхъ, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоялъ вопросъ, безгрѣшно ли зачата была Марія Дѣва,—вопросъ, какъ извѣстно, рѣшенный въ наше время утвердительно и введенный въ римско-католическій догматъ! Пускай вѣруютъ въ него католики; мы же замѣтимъ съ своей стороны, что брачная любовь при чистотѣ супружеской вѣрности сводитъ чувства и душу въ нравственное согласіе; она отнюдь не скверпитъ взаимной самоотдачи себя двумя личностями, а потому и происшедшій отъ того плодъ вовсе не грѣховное порожденье.—Впрочемъ въ 13-мъ же вѣкѣ одинъ мѣстный соборъ въ Парижѣ осудилъ на вѣчную гибель Физику и Метафизику Аристотеля, и съ тѣхъ поръ стали по необходимости различать такіе случаи, когда иное ученіе могло быть богословски истинно, а между тѣмъ философски ложно, и наоборотъ,—чѣмъ естественно и началось саморазложеніе схоластики.

Мистическое направленіе времени завершилось въ Бонавентурѣ, прослывшемъ doctor angelicus, „ангельскимъ учителемъ“. Ближайшій научно-христіанскій предтеча Данта, онъ выросъ на восточномъ богомудріи, и подобно послѣднему одухотворялъ народную вѣру; это была глубоко-поэтическая душа, возвышавшаяся надо всѣмъ земнымъ и буквальнымъ, коль скоро погружалась сама въ себя и созерцала вѣчное въ собственныхъ своихъ нѣдрахъ, или когда принималась отыскивать во всѣхъ вещахъ міра „седмеричный матерьялъ“ для восхваленія Господа. Богъ, говорилъ онъ, царитъ во всемъ; поэтому любое ощущеніе можетъ пробудить живое его чувство или само дремлющее въ душѣ Божество, поэтому всякое познаніе вещей идетъ въ прокъ познанію нашему о Богѣ, и всякая истинная наука есть богопознаніе.

ДАНТЪ.

Ни кто изъ поэтовъ не вылилъ до такой степени всего себя въ одномъ великомъ созданіи и никто не сосредоточилъ въ немъ при этомъ такъ всесторонне и такъ величаво, какъ Дантъ, политическую и религіозную жизнь своего народа, чувство, вѣру и знаніе своего времени. Въ ту самую пору какъ началось разложеніе средневѣковья, онъ углубляется еще разъ въ его (почти изжитый) идеалъ, съ тѣмъ чтобы въ прекрасной поэтической формѣ выставить его, вдохновеннымъ назиданіемъ, какъ единственное благо и средство спасенія, — онъ, первый могучій словоборецъ за гражданскія права, за благородство души, за свободу мысли, которыя заступаютъ теперь мѣсто феодальной рыцарственности и церковности,—первый, кто въ школѣ древности успѣлъ добыть для романтическаго содержанія художественное совершенство пластической формы, благодаря своему умѣнью соединить съ мечтательнымъ идеализмомъ мыслей и чувствъ здравый и вѣрный природѣ реализмъ цѣлаго міросозерцанія. * Онъ совершенно субъективенъ, онъ излагаетъ намъ исторію своей души: онъ самъ, его гнѣвъ и любовь, — вотъ средоточіе великой его поэмы о внутреннемъ человѣкѣ, заканчивающей начатое Вольфрамомъ-фонъ-Эшенбахомъ; но способъ изложенія отличается у него при этомъ такой пластической точностью, которая предполагаетъ наметавшійся глазъ охотника, живописца или естествоиспытателя. Образованіе его схоластичное, но пылкая душа его постигаетъ вѣчное и полносильное-вездѣ начало христіанства и крѣпко держится за свободу и за любовь, какъ за цѣль и основу жизни. Обращенный къ прошлому, онъ однакожь пророкъ будущаго, первый глашатай государственнаго единства и отрѣшенной отъ мірской власти религіи для своего родного края, онъ духовный родоначальникъ Италіи, для которой въ истинно-подавляющемъ художественномъ произведеніи создаетъ и общенародный письменный языкъ: Италія, доселѣ отстававшая въ поэзіи отъ Франціи и Германіи, благодаря его генію однимъ разомъ опередила всѣхъ; самъ онъ прослылъ основателемъ новоевропейской литературы, и по прошествіи 600 лѣтъ отечество его въ наши дни отпраздновало свое собственное воскресеніе юбилейнымъ торжествомъ его рожденья.

Одинъ изъ предковъ поэта, рыцарь Каччагвида (Cacciaguida) палъ крестоносцемъ въ Святой Землѣ; жена его была родомъ Альдигьера, по ней отрасль Данта и прозвалась Алигьери; имя это германское, отъ Альдигеръ или Альдегаръ, что̀ значитъ могучій копьеносецъ: такъ и въ крови Данта находимъ мы ту смѣсь романской стихіи съ германскою, которая дѣлаетъ его истымъ представителемъ Средневѣковья. Родившись въ 1265 г. во Флоренціи, онъ

* Прозаическіе зачатки этого соединенія очевидны и у Брунетто Латини, но Дантъ проводитъ его во всѣхъ подробностяхъ пластически-величаво, какъ поэтъ, геніально слившій въ себѣ философа, ученаго, политика и богослова. Прим. перев.

получилъ отличное образованіе и въ искусствахъ и въ наукахъ; диспутовалъ въ разныхъ университетахъ, бился храбро и счастливо во многихъ сраженіяхъ, и въ то же время велъ „новую", глубоковнутреннюю жизнь, съ девятаго еще года отроду, съ тѣхъ поръ какъ впервые увидалъ прекрасную Беатриче Портинари: „Духъ жизни, обитающій въ самомъ тайникѣ сердца такъ „сильно затрепеталъ въ немъ, что это страшно обнаружилось въ каждомъ „мельчайшемъ жилобіеніи, и дрожа всѣмъ тѣломъ произнесъ онъ слова: вотъ „могучій неодолимый богъ идетъ властвовать надо мною; а духъ сердца не„вольно ощущалъ: вотъ явилось мое высшее блаженство". Съ трогательной простотою выражаютъ любовныя его стихи, какъ раскрывается для него небо въ лицѣ возлюбленной, этого прекраснѣйшаго цвѣтка въ вертоградѣ господнемъ, какъ при всякой встрѣчѣ съ добромъ и счастіемъ въ житейскомъ быту онъ привыкъ тотчасъ же вспоминать объ ней, несравненной.

Она той прелестью облечена высокой,
Что если ласковый кому даритъ поклонъ,
Трепещетъ млѣя тотъ, не молвитъ слова онъ,
И слишкомъ смѣлое роняетъ долу око.

При первомъ шопотѣ хвалы — ея ужь нѣтъ:
Ей скромность служитъ дивною одеждой.
Какъ будто бъ лучшаго прекрасною надеждой
Она нисходитъ съ неба въ этотъ свѣтъ.

Такую чувствую въ душѣ своей усладу,
Когда смотрю на чудный, свѣтлый взглядъ,
Что выше всѣхъ она испытанныхъ отрадъ!
Улыбкой кротости и милости любовной
Прекрасныя уста красавицы дарятъ;
Душѣ моей они, прощаясь, говорятъ:
Томись и млѣй тоской по мнѣ безмолвной! *

Ранняя смерть похищаетъ Беатриче; тогда земная любовь въ его жалобахъ совершенно уже просвѣтляется въ небесную: въ возлюбленной олицетворилась для него гармонія міра, она стала цвѣтомъ природы, чистымъ подобіемъ божіимъ, которое такъ и тянетъ, увлекаетъ поэта къ себѣ въ высь. Искренность пережитаго чувства, — вотъ движущая сила этихъ его стихотвореній, которыя впослѣдствіи онъ изложилъ въ „Новой жизни" прозаически, и обстоятельно разъяснилъ. Но и безъ этого трезваго дополненія поняли бы мы христіанскій платонизмъ его Сонетовъ и узнали бы изъ нихъ какъ человѣкъ, очищаясь горемъ и любовію, возносится въ сверхчувственную область. Небольшая эта книжка представляетъ автобіографію его юности, гдѣ истина тѣсно переплелась съ поэзіей; рядомъ съ кроткою меланхоліей его мечтательныхъ думъ, его восторженныхъ видѣній, мы встрѣчаемъ здѣсь и явную рефлекцію, схоластическую аллегоризовку: всѣ событія въ жизни Беатриче онъ сводитъ, напримѣръ, на число 9; а такъ какъ корень его 3, символъ Троицы, то отсюда прямо и произошла его милая. Но даже и такого рода

* Послѣдняя строфа въ подлинникѣ состоитъ изъ шести строкъ, и риѳмующіе стихи расположены иначе. Прим. перев.

сторонніе придатки не подавляютъ сердечной наивности; она, напротивъ, трогательно сквозитъ въ нихъ самихъ, и „Новая жизнь“ открываетъ собой цѣлый рядъ тѣхъ чуждыхъ древности произведеній, которыя, доходя до Руссо и Гёте, разоблачаютъ передъ нами всю глубокую индивидуальность души; въ ней видно при томъ первое, неловкое еще стараніе Данте показать на дѣлѣ справедливость своего изреченія, что писателю мало одного поэтическаго настроенія и природнаго таланта, что пальму заслужитъ только тотъ, кто соединитъ въ себѣ искусство съ наукою.

По собственной исповѣди Данта для насъ не остается ни какого сомнѣнія въ томъ, что онъ искалъ утѣшенія и отрады въ занятіяхъ философіей, и не нашелъ однакожъ желаннаго мира; что онъ увлекался чувственной страстью къ другимъ женщинамъ, изъ которыхъ одна стала даже его женой; что жизнь во Флоренціи наконецъ втянула его въ водоворотъ своихъ треволненій. Полный свѣжихъ силъ молодой городъ получилъ тогда для Италіи то же значеніе, какое прежде имѣлъ Миланъ; онъ былъ въ постоянномъ броженіи, велъ непрерывныя борьбы за свое общественное устройство, но ихъ страстныя увлеченія, ихъ ожесточенныя свалки вызвали всѣ силы, укрѣпили самобытные характеры. Торговая дѣятельность итальянскихъ городовъ развернула могущество денегъ, капитала, а съ нимъ развились алчность и гоньба за прибылью, но зато и потребность утонченной жизни, изящныхъ общественныхъ созданій и памятниковъ. Во Флоренціи господствовали Гвельфы, Дантъ принадлежалъ къ нимъ по родовымъ, семейнымъ отношеніямъ; но они сами распались на двѣ партіи, Черныхъ и Бѣлыхъ. Когда гражданство одолѣло знать, народъ забралъ всю власть въ свои руки; чтобы принять участіе въ государственномъ управленіи, Дантъ, опираясь на свое знакомство съ естествовѣдѣньемъ, записался въ цехъ аптекарей и врачей. Его выбрали въ верховный совѣтъ республики и поручили ему склонить папу Бонифація VIII-го взяться за примиреніе флорентійскихъ усобицъ (въ 1302 г.). А тотъ побудилъ брата французскаго короля, Карла Валуа, вступить съ войскомъ во Флоренцію и именемъ папы положить конецъ безпорядкамъ; Чернымъ оказано было рѣшительное предпочтеніе, Бѣлые подверглись изгнанью, домъ Данта былъ раззоренъ, а самъ онъ, послѣ неудачной попытки воротиться силою, приговоренъ къ сожженью. Разлученный съ семьею и со всѣмъ добромъ, скитался онъ теперь изъ города въ городъ, „одинъ одинешенекъ, самъ составляя всю свою партію“, и тутъ-то испыталъ онъ, „дочего солонъ чужой хлѣбъ, и какъ тяжело всходить и спускаться по чужимъ крыльцамъ“. Еще въ Римѣ сталъ для него ясенъ весь вредъ мірского владычества Церкви, и съ каждымъ днемъ болѣе признавалъ онъ для Италіи необходимость, чтобы императорская власть водворила въ ней единство и спокойствіе. Такъ примкнулъ онъ теперь пламенной душою къ Гибеллинамъ и развилъ завѣтную свою политику въ латинскомъ сочиненіи о монархіи. Каждый народъ, каждый городъ, думалъ онъ, должны сохранить свою особенность, должны сами заправлять своими внутренними дѣлами; но надо всѣми долженъ стоять верховнымъ покровителемъ императоръ, блюститель порядка и спокойствія. Не народъ существуетъ для царя, а царь для народа; верховный владыка долженъ быть слугой общаго благоденствія. Дантъ хочетъ возсоединенія своей расторженной родины; члены ея не должны болѣе междоусобствовать, въ общинахъ должны прекратить-

ся всѣ которы и крамолы. Утвержденіе міровой монархіи гдѣ императоръ стоялъ бы во главѣ всѣхъ дѣлъ, первымъ верховодцемъ и блюстителемъ, а папа велъ бы человѣчество къ духовному спасенію путемъ вѣры, — эта идея Карла Великаго нашла себѣ въ Дантѣ послѣдняго всемірноисторическаго подвижника и славослова. Но подъ временною этой оболочкой кроется вмѣстѣ и сознаніе сущности государства въ его нравственномъ значеніи, затреба полной его самобытности. Человѣкъ стоитъ на рубежѣ между преходящимъ и вѣчнымъ; оттого передъ нимъ и двоякая цѣль, двоякаго рода благо: — благо этой жизни, состоящее въ полномъ развитіи имъ собственныхъ силъ, и благо жизни вѣчной, котораго силы эти достигаютъ только съ помощью божіей. Къ временному счастію должно вести государство, къ вѣчному блаженству — религія. Для этого необходима міровая монархія; носители ея римскій народъ и императоръ; все тѣло человѣчества смыкается подъ такимъ главою въ одинъ многочленный организмъ. Задача государства— поддержаніе мира, справедливости, свободы, этой основы человѣческаго благоденствія на землѣ; такъ-какъ порядокъ и миръ необходимы намъ для достиженія идеальнаго нашего назначенья, а для руковожденія людьми потребна мудрость въ связи съ силою. Все это сознавалъ Дантъ, и съ его времени стремится къ тому человѣчество, хотя и не во всесвѣтной монархіи, подъ главенствомъ одного, а въ союзѣ и взаимномъ соревнованіи самостоятельныхъ народовъ. По обычаю Среднихъ Вѣковъ, Дантъ не только видѣлъ въ тогдашней имперіи дѣйствительное продолженіе римской, но еще и приписывалъ Римлянамъ точно такъ же высшее политическое призваніе, какъ Іудеямъ религіозное. Они —народъ права, Виргилій предсказалъ имъ верховное владычество, Христосъ родился подъ державой Августа, и крестная смерть его тѣмъ и получила характеръ кары за грѣхи человѣчества, что была постановлена во имя законнаго владыки міра его намѣстникомъ; — такъ вполнѣ схоластично выражается Дантъ, и сводитъ Брута и Кассія съ Іудою въ самой исподней безднѣ ада именно за то, что тѣ посягнули противъ основателя имперіи, Цезаря.

Римскій походъ Генриха VII-го совершенно отвѣчалъ этимъ мыслямъ Данта. Отчего поэтъ и взывалъ къ нему:

Взгляни на Римъ: онъ слезы льетъ рѣкой,
Онъ, вдовствуя, и день и ночь все тужитъ:
«Зачѣмъ тебя, мой Цезарь, нѣтъ со мной?»

Въ какой восторгъ должно было приводить его близкое повидимому осуществленіе его идеала! Такъ писалъ, такъ дѣйствовалъ онъ въ пользу императора, но по несчастію увидѣлъ потомъ собственными глазами, какъ цезарь явился съ тѣмъ, чтобы принесть миръ и право, какъ онъ поэтому не хотѣлъ опереться ни на одну партію, и остался вслѣдствіе того безъ всякой крѣпкой поддержки, безъ всякой силы, а когда наконецъ успѣлъ собрать ее, то внезапно умеръ. Захоти Дантъ покаяться въ винѣ, онъ могъ бы купить этимъ возвратъ во Флоренцію; но сколько ни рвался онъ къ отчизнѣ, ему претило достичь этого путемъ, противнымъ его чести. „Развѣ не вездѣ увижу я свѣтъ того же солнца и тѣхъ же звѣздъ? Развѣ не смогу я доискиваться сладчайшей истины подъ любымъ небомъ, пока не уроню безславно своего достоин-

ства передъ флорентинскимъ народомъ и его республикой?“ Такъ писалъ онъ къ одному близкому другу. А между тѣмъ жажда родины не давала ему покоя даже и во снѣ; онъ все надѣялся что родной городъ призоветъ его и украситъ лавромъ сѣдины, бывшія еще бѣлокурыми на берегахъ Арно. Въ своемъ „Раю“ онъ говоритъ:

О, если нѣкогда священной пѣсни звуки,
Чтó много, много лѣтъ томила такъ меня
(И небо и земля къ ней приложили руки),
Враговъ моихъ жестокость измѣня,
Мнѣ мѣсто съизнова дадутъ между стадами,
Гдѣ агнецъ я волкамъ всегда враждебенъ былъ,—
Не съ тѣмъ ужь голосомъ, не съ тѣми волосами
Я ворочусь туда, гдѣ вышній рокъ судилъ
Крещенье мнѣ принять и—лавръ надъ сѣдинами!

Онъ умеръ 1321-го въ Равеннѣ изгнанникомъ. Но если мы взглянемъ на плодъ этого изгнанія, на дивное порожденіе его скорби и побарающей ее душевной высоты, то увидимъ, что вполнѣ подтвердилась та самоувѣренность, съ какою онъ еще въ „Аду“ влагаетъ въ уста учителю своему, Брунетто Латини, такое ему ободреніе: Если ты послѣдуешь звѣздѣ своей, непремѣнно достигнешь славной пристани! Вотъ почему мы готовы сказать вмѣстѣ съ Микель-Анджело:

Да, будь я онъ, имѣй такое же призванье,
Охотно бъ промѣнялъ счастливѣйшую жизнь
На доблести его и на его изгнанье!

Еще до «Божественной Комедіи» появилось на свѣтъ итальянское прозаическое сочиненіе Данта, «Пирушка», и латинское—о народномъ языкѣ. Въ первомъ приглашаетъ онъ читателей къ себѣ въ гости, и 14 канцонъ должны составлять угощеніе, которое онъ намѣренъ приправить своими толкованьями. Стихи въ похвалу очаровательной женщинѣ, ставшей на пути между его робкимъ поклоненіемъ живой еще Беатриче и тѣмъ міробъемлющимъ гимномъ, который воспѣлъ онъ потомъ просвѣтленной, поэтъ объясняетъ здѣсь такъ, какъ будто бы они относились къ философіи, доставлявшей ему вначалѣ полное удовлетвореніе, а впослѣдствіи вызвавшей въ немъ новыя тревоги; настоящая же цѣль толкованій та, чтобы совершенно случайнымъ образомъ привести читателей къ высшему познанію: онъ здѣсь бичуетъ цеховой духъ ученыхъ и раскрываетъ источники науки передъ неучеными, въ видахъ воспитать образованный среднесословный людъ; такъ-какъ благородство лежитъ, по его мнѣнію, въ чувствахъ и помыслахъ, настоящее умѣнье держать себя — въ нравственности. Лирическимъ стихамъ его недостаетъ непосредственнаго мелодическаго излива, легкой плавности поющаго само собой чувства; вездѣ на первомъ мѣстѣ мысль, созерцаніе, и тамъ, гдѣ преобладаніе ихъ законно, Дантъ истинно великъ. Одинъ канцонъ начинается у него совершенно на манеръ миннезенгеровъ привѣтами свѣжей розѣ, весеннимъ вѣтеркамъ, ароматному лугу; онъ идетъ по берегу ручья и славитъ въ восхищеніи красоты ихъ. Но основной тонъ и здѣсь—все та же мужественная борьба за свѣтъ и свободу, все та же скорбь, за чѣмъ онъ не можетъ

добиться желаннаго добра собственною силой, все та же надежда, что оно не уйдетъ отъ него наконецъ.

Еще въ «Пирушкѣ» признается онъ въ любви къ родному языку, способному не менѣе латинскаго передавать самыя возвышенныя и новыя вмѣстѣ мысли. Въ книгѣ о народномъ языкѣ проводитъ онъ это далѣе. Латинская рѣчь распалась и разошлась на нѣсколько нарѣчій; надобно выбрать изъ нихъ, что получше, такъ-какъ вѣдь у любого города есть что-нибудь хорошее, и ни одинъ не обладаетъ всѣмъ. Но онъ зналъ, что для установки національно-письменнаго языка поэзія должна употребить лучшія свои силы, и онъ сдѣлалъ это для Италіи своимъ эпосомъ, какъ для Германіи Лютеръ своимъ переводомъ библейскихъ книгъ; исходною для того точкой взялъ онъ флорентинскій діалектъ, дополняя его, гдѣ представлялась надобность, другими. И тутъ странническая его жизнь обратилась на пользу литературѣ; подобно тому какъ въ Греціи семь городовъ, всѣ принесшіе свою дань народному эпосу, спорили между собой за порожденіе Гомера, такъ и многіе края Италіи могутъ величаться тѣмъ, что именно въ нихъ написана та или другая часть національнаго пѣснопѣнья, что изъ ихъ мѣстной молви вошли въ него иныя формы и слова. Этому геніальному созданію Италія обязана тѣмъ, что достигла единства національной литературы и что языкъ ея раньше всѣхъ другихъ европейскихъ языковъ установился въ опредѣленную и ясную форму. Мы снова должны подивиться тому, какъ естественная сила поэзіи дѣйствуетъ у Данта заодно съ научною рефлекціей, хотя и замѣчаемъ въ то же время, что унаслѣдованный отъ прошлаго схоластическій скарбъ идетъ у него обруку съ великими свободными мыслями. Онъ вѣдь очень вѣрно говоритъ, что самъ Богъ надѣлилъ человѣка словоспособностью, но не далъ ему ни какого готоваго идіома, такъ что рѣчь выработывается уже нами самими, и притомъ различно въ разныхъ положеніяхъ; но на ряду съ этимъ онъ пускается въ самое многохитрое разысканіе о томъ, что первое слово, произнесенное въ раю Адамомъ, было Эль (Онъ, въ смыслѣ Богъ).

Не одна возростающая слава была ему отрадой въ изгнаніи; во всѣхъ борьбахъ, тревогахъ и страданіяхъ поддерживала его всегдашняя мысль о небѣ; упованіе на нравственный міропорядокъ, чувство справедливости пребывали въ немъ непоколебимы; погружаясь въ самого себя, онъ обрѣталъ Бога въ глубинахъ своей души, такъ что сталъ смотрѣть на все съ точки зрѣнія вѣчности, откуда суета земли казалась ему достойною лишь развѣ улыбки, и мудрымъ считалъ онъ только того, кто не придаетъ ей ни какой важности, направляясь духомъ въ вѣчность и безконечность.

Дантъ вконцѣ «Новой жизни» разсказываетъ, что ему было видѣніе, вслѣдствіе котораго онъ намѣренъ говорить о Беатриче, какъ не говорилось еще ни объ одной изъ смертныхъ; поэма, которая должна была обнять все земное и небесное, природу и исторію, адъ, чистилище и рай, въ которой онъ хотѣлъ совокупить всю науку своего времени и картину всѣхъ его стремленій, — предназначалась памятникомъ для его возлюбленной. Со всей важностью безпощадной правды, съ высокимъ безпристрастіемъ пригонялъ онъ къ мѣрилу нравственности всю суету мірскую; пылъ гнѣва его обратился на порчу Церкви, на своекорыстныя страсти, терзавшія его родину, на грѣхъ и

на безобразіе всякаго рода, съ тѣмъ чтобы въ аду показать пороку всю свойственную ему гнусность, его кару и самоуничтоженіе; за тѣмъ, по мѣрѣ того какъ онъ очищался самъ, повелъ онъ своихъ современниковъ на гору Чистилища, и наконецъ старался сообщить людямъ тотъ миръ, то истинно-райское блаженство, какое нашелъ въ созерцаніи божіемъ. Выше всего въ немъ чувство справедливости; ему дозволительно было призвать всемірноисторическій судъ на своихъ современниковъ, и значительнѣйшимъ людямъ прошлаго и настоящаго отвести каждому подобающее мѣсто въ одной изъ тѣхъ трехъ сферъ. Не даромъ говорится ему въ Чистилищѣ: «Иди своей дорогой, пусть себѣ люди судятъ и рядятъ какъ хотятъ; стой твердо какъ башня, никогда не склоняющая вершины, сколько бы вѣтры ни бушевали вокругъ нея»! По собственному его выраженію, онъ выступаетъ безстрашнымъ другомъ правды, который подобно вихрю всего сильнѣе колышетъ самыя верхушки деревъ; не ослѣпляясь наружнымъ блескомъ, онъ говоритъ въ Аду напрямикъ:

Свѣтъ многихъ чтитъ великими земли,
Которые въ грязи какъ свиньи здѣсь потонутъ,
И не хвалы вкругъ нихъ, — проклятія застонутъ.

Дантъ тѣмъ именно и великъ, что онъ никогда не теряетъ изъ виду двоякаго міра, внѣшняго и внутренняго, что вмѣстѣ съ практической дѣятельностью на пользу родного края онъ носитъ въ душѣ и вѣру въ идеалъ истины и любви, что всѣ скорби, всѣ страданія обращаютъ его къ самому себѣ и къ Богу, научаютъ его жить въ Создателѣ. Природа человѣка, думаетъ онъ, надѣлена двумя блаженствами, блаженствомъ жизни дѣятельной и потомъ— созерцательной; счастіе первой состоитъ въ доблестныхъ дѣлахъ, счастіе второй въ услажденіи созерцаніемъ божіимъ. До обоихъ возвысился онъ самъ, оба желалъ бы сообщить свѣту, и этимъ религіозно-вдохновеннымъ стремленіемъ, равно какъ и пылкой ревностью противъ гнусныхъ безобразій міра, изъ поэтовъ новаго времени стоитъ онъ всѣхъ ближе къ еврейскимъ пророкамъ. Такъ сѣтуетъ онъ въ гнѣвѣ на крамолы, раздирающія родной край:

Италія, раба, юдоль печалей, — Боже! —
Средь бури утлый челнъ, носимый безъ руля,
Не госпожа земли, нѣтъ — непотребства ложе!

Какъ полнилась душа ея огня
При имени одномъ отчизны несравненной!
Народа слава ей казалася безцѣнной!

И дикой вдругъ враждой охвачена теперь;
Тѣ самые избить готовятся другъ друга,
Кого хранитъ одна, имъ общая, округа!

Глянь въ сердце ты себѣ! Глазами край измѣрь,
Несчастная, ищи, найдешь ли ты хоть уголъ,
Гдѣ бъ миру былъ пріютъ отъ ненависти вугалъ!

Все небо вспыхиваетъ отъ стыда, —какъ нѣкогда при смерти Іисуса потемнѣлъ воздухъ,—когда св. Петръ въ раю возвышаетъ голосъ противъ своихъ

преемниковъ, которые ликъ его сдѣлали печатью продажныхъ привилегій, а знаменіе ключей выставили на хоругвь въ войнѣ противъ братьевъ христіанъ. Апостолъ говоритъ:

Кто возмечталъ: всѣхъ выше вознесуся!
Себѣ присвоилъ кто права на мой престолъ,
Досель незанятый предъ взоромъ Іисуса,

Тотъ гробъ мой въ хлябь геенскую низвелъ,
Его наполнивъ кровію и смрадомъ
На радость духу тьмы, владѣющему адомъ!

Едва ли противъ какого грѣха Дантъ возстаетъ сильнѣе чѣмъ противъ корыстной продажи духовныхъ должностей. Алчность святокупцевъ, говоритъ онъ, попираетъ ногами добрыхъ и превозноситъ негодяевъ; кумирами ихъ—золото и серебро; на деньги, выручаемыя за грѣхоотпускныя граматы, откармливаютъ они свиней, да еще и кое-что похуже. Церковь необходимо воротить къ первобытной чистотѣ ея, не слѣдъ вмѣшивать ее въ мірскіе дрязги, если она должна возвѣщать евангельскую истину и распространять божественное царство любви.

Человѣку потребно руководство для выхода изъ тьмы богоотчужденія; но когда онъ очистился раскаяніемъ и самопознаніемъ, когда достигъ истинной свободы, тогда онъ властенъ слѣдовать своей волѣ, потому что не пожелаетъ ни чего неугоднаго Богу; тогда ему не нужно посредничества со стороны, какъ и Виргилій говоритъ Данту на прощанье:

Ни словъ, ни знаменій не жди себѣ ты болѣ:
Свободенъ ты и чистъ сталъ въ собственной ужь волѣ;
Послѣдуй ей вполнѣ, и надъ твоимъ челомъ
Я митру вознесу съ владычества вѣнцомъ!

то-есть: Своимъ разумомъ ты теперь самъ себѣ сталъ папой и императоромъ; ты принялъ Бога въ волю твою, и Онъ въ тебѣ народился. Такъ вконцѣ „Рая" ликъ человѣческій является въ чистомъ свѣтѣ Божества, потому что человѣкъ — прямое откровеніе Божіе, первоначально чистое, затѣмъ возмущенное грѣхомъ, виною оторвавшееся отъ своего жизнеисточника, но любовью призванное къ возсоединенію; цѣль души снова обрѣсти себя (совершенно чистою) въ Богѣ.

Жизнь наша — высшей благости дыханье,
И такъ любовію пропитана она,
Что вѣчно жаждемъ мы съ той новаго сліянья.

По поводу этого стиха Поттеръ напоминаетъ что̀ сказалъ о душѣ Джакопоне да-Тоди: „Обращенная во Христа, она Христосъ; соединившись съ Богомъ, она сама стала божественной". Обожествленіе человѣка, о чемъ говорилъ уже и Эригена (стран. 358), сдѣлалось теперь завѣтной мыслію союза такъ-называемыхъ „Друзей Божіихъ"; какъ воспѣвали ее прежде великіе персидскіе лирики, такъ скоро заговорятъ объ ней въ одинъ голосъ мистики германскіе. У Данта это влеченіе къ надземному, это блаженное ус-

покоеніе въ Божествѣ, какъ не льзя тѣснѣе связано съ вдохновеннымъ реформаторскимъ порывомъ на пользу родины, искусства и науки. Онъ апостолъ истины, усмотрѣнной имъ въ глубинѣ собственной души, онъ хочетъ показать свѣту, что есть еще человѣкъ, дорожащій добродѣтелью и свободой, и онъ предлагаетъ людямъ свою поэму, внушающую на каждой страницѣ изреченіе Виргилія:

Научитеся правду творить и чтить Божество неизмѣнно!

Со внѣшней стороны, Божественная Комедія есть изображеніе странствій поэта по аду, чистилищу и раю, и картина состоянія пребывающихъ тамъ душъ, которая опирается на форму загробной жизни, прочно установившуюся въ христіанскомъ народномъ вѣрованіи. Но поэтъ самъ прибавляетъ къ этому, что предметъ поэмы человѣкъ, поскольку онъ подпадаетъ вознаграждающей или карающей справедливости, дѣйствуя всилу свободной своей воли хорошо или худо. Такимъ образомъ земное и загробное сливаются одно съ другимъ, но смертная кара и награда представляютъ и настоящее положеніе грѣшника и благочестивца; скорбь раскаянія обращается покаянникамъ во спасенье; „я говорю му́ка, а надо бы сказать радость" — поправляетъ себя самъ одинъ изъ нихъ. Поэтъ хочетъ живо изобразить кару, покаяніе, блаженство, чтобы оторвать людей отъ ихъ нѐчисти и привести ко спасенью; картинами адскихъ путей самопознанія, а съ другой стороны—жажды спокойствія и мира хочетъ онъ отклонить свѣтъ отъ тревогъ богоотчужденія и призвать его къ возврату въ самого себя и въ Бога; или, какъ говоритъ опять самъ же Дантъ въ посвященіи „Рая" Капу-гра́нде: цѣль всей поэмы тэ, чтобы, насколько люди принадлежатъ здѣшней жизни, освободить ихъ отъ напастей и привести къ благополучію. Еще ближе опредѣляетъ это Веделе такъ: въ зеркалѣ сверхчувственнаго міра и своихъ по̀ немъ странствованій Дантъ показываетъ человѣчеству, какъ далеко оно заблудилось отъ предначертаній божіихъ, показываетъ ему всѣ пагубныя слѣдствія этого заблужденія, а вмѣстѣ и то, что отъ людей зависитъ снова обрѣсти утраченное счастіе, для чего онъ возвѣщаетъ имъ тотъ міропорядокъ, безъ котораго, по его мысли, они не могутъ достичь ни временнаго, ни вѣчнаго своего назначенія, и который страшно возмущенъ разрушеніемъ власти императорской и омірченіемъ папской. Тотъ паоосъ и та смѣлость, съ какими поэтъ противопоставляетъ здѣсь цѣлому міру державную власть своего субъективнаго чувства и своей личной системы и рѣшительно покоряетъ ей весь міръ,—это, съ исторической точки зрѣнія, самая замѣчательная черта дантовой поэмы, возносящейся съ рѣдкою поэтическою и нравственною силой на высоту всемірнаго суда и стоящей чѣмъ-то въ своемъ родѣ единственнымъ, не имѣющимъ себѣ подобія ни у какого иного народа и ни въ какія другія времена. — Въ такомъ настроеніи, Дантъ простираетъ руку къ лавру, вѣнчающему чело цезарей среди тріумфа; онъ хочетъ дѣйствовать какъ истый герой пѣснопѣнія: отъ малой искры часто загорается вѣдь большое пламя.

Поэму свою называетъ онъ комедіей въ томъ смыслѣ, что, сначала суровая и страшная, она подконецъ становится ублажающею и милою, а равно и потому еще, что изложеніе, сообразно сюжету, требуетъ то возвышеннаго

слога, то языка простой обиходной жизни; стало-быть, давая ей такое имя, онъ руководился не драматическою формой, а содержаніемъ.

Между тѣмъ онъ развертывалъ передъ нами и великое зрѣлище, которое расчлененіемъ своимъ дѣйствительно примыкаетъ къ сценѣ Мистеріи; оно напоминаетъ даже аттическую комедію дерзкой безпощадностью, съ какою нападаетъ на современныя лица, пластичностью, съ какой выворачиваетъ наружу и онагляживаетъ внутреннія состоянія душъ, мастерствомъ, съ какимъ умѣетъ пустить въ ходъ всѣ возможные оттѣнки рѣчи, каждый на своемъ мѣстѣ и въ свою очередь. Внѣшняя форма поэмы обличаетъ, какъ какой-нибудь готическій соборъ, рядомъ съ величавою фантазіей замысла точно-размѣряющее соображенье, симметрическую обдѣлку частностей и числовой мистицизмъ схоластиковъ. Мы видимъ передъ собой 3 царства, въ каждомъ по 3×3 отдѣленія; всѣ 3 части одинаковой почти длины; каждая строфа состоитъ изъ 3-хъ стиховъ; строфы связываются между собой 3-мя риѳмами; каждая часть поэмы заключаетъ въ себѣ по $(3\times3+1)\times3+3$, или $3\times10+3=33$ пѣсни, но къ первой части присоединена еще вступительная пѣснь, такъ что все вмѣстѣ составляетъ 100, квадратъ 10-ти; а 10, сумма $1+2+3+4$ есть извѣстная тетрактида, четверица пиѳагорейцевъ.

И вышли мы опять на видъ небесныхъ звѣздъ

сказано вконцѣ „Ада“, чѣмъ прямо обозначенъ выходъ жизни и пѣснопѣнія изъ мрака къ свѣту; на вершинѣ Горы Очищенія поэтъ

Готовъ, очищенный, ко звѣздамъ вознестися;

а „Рай“ заканчивается стихомъ, намекающимъ на основную мысль поэмы:

Любовь, что̀ движетъ всѣмъ, и солнцемъ и звѣздами.

Земля лежитъ для Данта въ средоточіи вселенной; въ глубь ея, вплоть до центра, идетъ воронкою адская бездна, а въ соотвѣтствіе ей, по ту сторону Іерусалима, высится Гора Очищенія, на верху которой земной рай; небо охватываетъ землю девятью прозрачными сферами, расположенными одна надъ другою, — сферой Луны, Меркурія, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна, неподвижныхъ звѣздъ и кристальнаго свода неба; это — первый двигатель, пріемлющій отъ Бога и разносящій по другимъ сферамъ всякое движеніе; а надъ нимъ покоится уже эмпирей, кругъ свѣта и любви, обитель Вѣчнаго Разума. Здѣсь поэтически просвѣтлена античная космологія перевившаяся съ христіанскими идеями. Проходя изъ конца въ конецъ вселенную и повѣдывая міру загробную судьбу душъ, Дантъ завершаетъ такимъ образомъ древнѣйшія стихотворенія объ ихъ скитаніи и превращеньяхъ; сквозь ужасы ада и постепенно смягчающіеся искусы очищенія онъ проводитъ ихъ ко входу въ обитель божію: это тѣ же переходы, какіе мы встрѣчали въ Книгѣ Мертвыхъ и на надгробницахъ у Египтянъ, какіе попадались намъ у Гомера и Виргилія, когда Одиссей и Эней въ области смертныхъ тѣней видятъ и осужден-

ныхъ и блаженныхъ; представленія эти развивались потомъ далѣе въ фантазіи христіанъ и могаммеданъ и многоразлично разработывались въ дантово время въ видѣніяхъ или на сценѣ мистерій: такъ завершаетъ онъ орфическій эпосъ объ очищеніяхъ души въ своей многодумной поэмѣ, которая совокупила все, чему училъ, что пѣлъ онъ о вѣрѣ и любви, о политикѣ и наукѣ,—и все сплавила въ огненномъ горнилѣ его чувства. Этотъ эпосъ внутренняго человѣка совершенно субъективенъ, въ духѣ своего времени, такъ что средоточіемъ его выходитъ самъ поэтъ съ индивидуальной своей личностью; а между тѣмъ онъ и вполнѣ объективенъ, благодаря твердой установкѣ понятій и формъ, благодаря точной опредѣленности образовъ. Дантъ выставилъ загробный міръ въ столь ясныхъ очертаніяхъ, что каждому изъ его читателей такъ и хочется нарисовать его адскіе круги и небесныя сферы; и какъ тотъ и этотъ свѣтъ составляютъ въ сущности одно, — только тамъ является въ полномъ бытіи то, что̀ здѣсь къ нему еще готовится, тамъ гармонически закончено то, что̀ здѣсь еще борется и мутно бродитъ: то и тамъ встрѣчаемъ мы живые историческіе характеры, какими узнали ихъ со стороны воли и дѣятельности и какими они увѣковѣчены теперь, выхваченные изъ потока времени и отлитые поэтомъ какъ изъ бронзы. Все земное находитъ вѣдь въ небѣ и въ аду свою цѣль и выраженіе истинной своей формы, а потому память о землѣ жива такъ въ усопшихъ, какъ и въ самомъ воспѣвающемъ ихъ поэтѣ, и уподобленіями чувственному міру онаглядивается у него сверхчувственный. Ампе́ръ написалъ „Дантовское путешествіе,“ Voyage Dantesque, лично посѣтивъ всѣ тѣ мѣста, о которыхъ Дантъ упоминаетъ въ Божественной Комедіи, и показалъ при этомъ что поэтъ бралъ тонъ и форму для своихъ картинъ изъ непосредственнаго созерцанія итальянскихъ мѣстностей. Имъ начинается опять реализмъ въ искусствѣ, всматривающійся въ дѣйствительность изъ-за нея самой, а между тѣмъ нѣтъ почти ни одного явленья, которое не было бы для него символомъ божественнаго и духовнаго. Его правдолюбіе заглядываетъ въ самое сердце людямъ и вещамъ, и всегда умѣетъ онъ выгнать изнутри и отчеканить наружу тѣ формы, которыя всего лучше обличаютъ сокровенный смыслъ. Помимо вполнѣ вырисованныхъ подобій по образцу древнихъ, онъ обыкновенно вноситъ въ изложеніе дѣйствія или въ объясненіе его одну какую-нибудь черту, но зато ужь въ высшей степени живую,—сравнитъ ли зорко-слѣдящую душу со старикомъ портнымъ, напрягающимъ глазъ до крайности, чтобы вдѣть въ игольное ушко нитку, или скажетъ намъ, что какой-нибудь великодушный изъ осужденныхъ-навѣки развѣ только безмолвно глянетъ на прохожаго, какъ покоящійся левъ. Въ Аду всего чаще встрѣчаемъ образы изъ міра дикихъ или противныхъ на видъ животныхъ, для обозначенія его ужасовъ и мукъ; на Горѣ Очищенія подымаются вверхъ растенія, лилея, раскрывающая на солнцѣ свою чашечку, терновникъ, казавшійся совсѣмъ высохшимъ, а весною дающій опять розы; въ Раю вездѣ искрится лучезарный свѣтъ во всѣхъ возможныхъ переливахъ, и ярко горятъ звѣзды небесныя. Просмотрите въ Божественной Комедіи всѣ сравненія, почерпнутыя изъ природы и изъ жизни человѣческой, — вы невольно удивитесь и обилію ихъ, и точности: зоркій глазъ поэта вездѣ подсмотрѣлъ самое характерное, и для всего нашелъ мѣткое слово. Новый совсѣмъ натурализмъ, не удовлетворяющійся накопленнымъ изстари запасомъ, а услаждающійся

тѣмъ, что̀ непосредственно видитъ и ощущаетъ самъ, впервые вносится здѣсь поэзіей въ искусство; другъ Данта, Джотто, идетъ этою же дорогой въ живописи, но всего ближе подходятъ къ высокому образцу ванъ-Эйкъ и его школа. Сравненія эти вовсе не одна праздная прикраса; они-то и сообщаютъ загробному міру ту точную опредѣленность, какая была необходима поэту для передачи видѣннаго собственными глазами и слышаннаго собственными ушами, и которая производила такое разительное дѣйствіе, что народъ съ благоговѣйной робостью сторонился передъ человѣкомъ, который самъ побывалъ въ аду и чье челоназнаменовано ангельскою печатью.

Въ божественную ту поэму
Онъ цѣлый міръ, всю жизнь его занесъ, —
Занесъ навѣкъ чертами огневыми:
Такъ молнія чертитъ иной утесъ.

Къ этой уландовой строфѣ подходитъ еще также изреченіе Карлейля: „Напряженность — преобладающій характеръ дантова духа. Величіе его со„средоточилось во всѣхъ отношеніяхъ и достигло этимъ огненной силы и не„изслѣдной глубины. Вспомните только, какъ онъ впервые завидѣлъ адскій „городъ Дита: * красная ограда, раскаленная до красна желѣзная башня, „однѣ свѣтятся въ темной бездпѣ мглы; — это обозначено такъ живо, такъ „опредѣленно-наглядно, разъ и на вѣки вѣчные! Это можно-сказать символъ „всего дантовскаго генія!“

Вѣчно-женственное тянетъ насъ въ горнюю обитель, въ небеса! Это слово которымъ завершается гётевъ Фаустъ, даетъ намъ также ключъ и къ Божественной Комедіи Данта. Любовь къ Беатриче возвела его отъ чувственнаго къ идеальному, и когда смерть похитила дорогую, она стала для него идеаломъ души, воротившейся снова въ Бога и просвѣтленной; какъ лучъ вѣчнаго свѣта открываетъ она ему нравственное существо божіе, неизреченную благодать и истину. Воспоминаніе о ней отрезвило его отъ хмѣля мірскихъ суетъ и крамолъ, и увлекло къ созерцанію вѣчнаго; благодаря этому обрѣлъ онъ миръ души, и вѣчнымъ памятникомъ Беатриче создалъ онъ произведеніе, которое должно повѣдать народу, какъ, самъ исцѣлясь внутренно, поэтъ смотритъ на свою собственную жизнь и на весь міръ въ отношеніи къ нравственному міропорядку. Конечно, никогда еще не воздавалась милой сердцу такая честь; поэма эта достойно вѣнчаетъ собою средневѣковое женослуженіе, являющееся здѣсь впрочемъ совершенно уже благороднымъ и духовнымъ, такъ-какъ любовь очищаетъ сердце отъ всякаго своекорыстія и прямо ведетъ къ безконечному. Отъ Беатриче идетъ все то, что̀ мыслитъ и поетъ намъ Дантъ; душа его занялась истиной отъ прекрасной ея сущности, духовно съ ней совокупилась, и благодаря этому выяснилось для него сознаніе своей собственной богопричастности, своего собственнаго возрожденія въ Вѣчномъ Существѣ, — что̀ онъ впрочемъ самъ же прямо и высказываетъ. Такъ Беатриче слилась для него въ одно съ религіей, такъ раскры-

* Дитъ или Дисъ — тотъ же Плутонъ.

лась ему въ ней любовь божія, но она тѣмъ не менѣе остается при личной своей особности, и дѣлать ее аллегоріей богословской науки значитъ гнать всякую поэзію чуть не въ батогѝ. Неоспоримо, что такъ-какъ Дэнтъ, это индивидуальное лицо,этотъ поэтъ,со всѣмъ своимъ реформаторскимъ пыломъ, со всей жаждою свободы и славы, представляетъ вмѣстѣ и человѣка въ земномъ его странствіи, идущаго путемъ очищенія въ лоно Божества, то руководители его, Виргилій и Беатриче, значатъ для человѣчества и для пути его къ спасенію то же самое, что правомѣрное государство, императорство и философія съ одной стороны, а христіанская религія съ другой; но надо быть лишеннымъ всякаго чувства, чтобы не ощутить, какъ отзывается въ Дантѣ трепетъ, объявшій его при первой встрѣчѣ съ милой на землѣ, когда онъ потомъ снова завидѣлъ ее въ небѣ просвѣтленною,—чтобы не ощутить, съ какимъ неудержнымъ порывомъ онъ прильнулъ опять къ ея глазамъ, къ ея чарующей улыбкѣ, такъ что даже и въ небѣ она должна была сказать ему, что рай не въ однихъ ея глазахъ, — такъ что и самъ Богъ какъ будто радуется свѣтлымъ ея ликомъ. Дантъ говоритъ о себѣ сущую правду:

Вѣдь я одинъ изъ тѣхъ, кто мигомъ чуетъ
Внушенье вдохновенное любви,
И чтò оно подскажетъ, то и напишу я.

Свойство всякаго истиннаго искусства — изображать въ частномъ, въ особенномъ идею, въ судьбѣ единичнаго лица — всеобщую судьбу, и даже въ томъ случаѣ, когда поэтъ прямо начнетъ съ послѣдней, исходя отъ закона и общаго какого-нибудь помысла, созданіе его все-таки не будетъ аллегоріей, какъ скоро ему удалось облечь свою мысль въ живую плоть дѣйствительности. Это вполнѣ приложимо къ дантовой Божественной Комедіи. Но въ ней есть и аллегоріи: рядомъ съ пережитою и духовно постигнутою дѣйствительностью стоятъ здѣсь конечно и такія созданія его фантазіи, которыя слагаютъ только подобія фигуръ изъ разсудочныхъ, отвлеченныхъ понятій схоластики, и, напримѣръ, іероглифами главныхъ добродѣтелей дѣлаютъ вдругъ тѣхъ же самыхъ четырехъ женщинъ, которыя не задолго до этого блистали въ звѣздахъ Южнаго Креста. Такой чисто-знаменный языкъ конечно ужь не художественъ, и какъ Гёте во второй части Фауста, такъ точно и Дантъ порой выводитъ передъ нами тѣ машкары или маски, которыми любили потѣшаться въ Средніе Вѣка. Но иное дѣло спозаранная привычка христіанскаго искусства подъ видимымъ образомъ извѣстныхъ вещей и личностей подразумѣвать болѣе глубокій смыслъ,—подъ Іовомъ, напримѣръ, терпѣніе, подъ Иліей на огненной колесницѣ—искупленіе человѣка вообще или торжество вѣры: индивидуальность остается тутъ сама по себѣ, а подразумѣваемая мысль присуща ей, даже и не какъ внесенная въ нее вторичнымъ утонченнѣйшимъ штрихомъ художника, а просто какъ вполнѣ съ ней тожественная. Самъ Дантъ въ этомъ отношеніи говоритъ, что поэма его имѣетъ двоякій смыслъ, — буквальный и мистическій или аллегорическій, чтò тутъ же и объяснено примѣромъ. Съ тѣхъ поръ какъ Израиль вышелъ изъ Египта, Іуда сталъ для него святынею. Этотъ текстъ псалма, говоритъ онъ, если взять его буквально, только сообщаетъ намъ извѣстный фактъ, но послѣдній прообразуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искупленіе наше Хри-

стомъ Іисусомъ,—это нравственный увѣтъ намъ избавиться отъ узъ грѣха и войдти въ свободу и славу дѣтей божіихъ. Такъ слѣдуетъ понимать и его трудъ, въ цѣломъ и въ частностяхъ.

На половинѣ жизненной дороги,
Въ дремучемъ очутился я лѣсу:
Съ прямой тропы мои такъ сбились ноги.

Вотъ чѣмъ начинается его поэма. Лѣсъ, это — міръ грѣха, чувственности; но не льзя не поблагодарить здѣсь Италіянца Россетти за то, что, по слѣдамъ Діонизи и Маркетти, онъ постоянно обращаетъ при этомъ вниманіе и на политическія отношенія той эпохи, хотя мы конечно не раздѣляемъ слишкомъ одностороннихъ толкованій въ этомъ смыслѣ. Флоренція съ крамолами ея партій, съ ея эгоистическими и своекорыстными козними,—тотъ же дремучій лѣсъ, и видѣніе, перенесенное Дантомъ на 1300-й годъ, 35-й его жизни, совпадало съ тѣмъ временемъ, когда онъ снова обратился къ идеалу юношеской любви своей и достигъ яснаго политическаго убѣжденья. Такимъ же точно образомъ, прямой путь, говоря вообще, есть единеніе съ Богомъ и вѣчными его законами, но въ частности это—тотъ свыше предуставленный порядокъ, всилу котораго имперія и христіанство должны вести родъ людской къ спасенію, къ солнечной вершинѣ; между тѣмъ Церковь совсѣмъ исказилась, имперія не ставится ни во что, и оттого народы блуждаютъ какъ стадо безъ пастыря. Одинъ взглядъ вовсе не исключаетъ здѣсь другого; напротивъ, схоластическій умъ Данта такъ нарочно и задумалъ свое созданіе, чтобы оно допускало нѣсколько разныхъ толкованій. Онъ устремляетъ взоръ къ вершинѣ солнечнаго холма, но три звѣря заграждаютъ ему дорогу,—барсъ, левъ и волчица. Ихъ сопоставлялъ точно такъ же Іеремія V, 6, да и Боэтій уподоблялъ имъ пороки, такъ что въ барсѣ намъ очевидно является чувственность и сладострастіе, во львѣ—самолюбивая надменность, въ волчицѣ—ненасытная корысть, три главные порока по системамъ средневѣковой морали. Но это нравственно-религіозное толкованіе совмѣстно и съ тѣмъ историко-политическимъ, по которому въ волчицѣ, звѣрѣ римскаго герба, предстаютъ испорченная вкорень Церковь съ ея алчностью, во львѣ, звѣрѣ герба Франціи, — вторгшійся тогда во Флоренцію Карлъ де-Валуа и чужевластіе Французовъ въ южной Италіи, а въ барсѣ, названномъ пестрокожимъ съ особымъ удареніемъ на это прозвище, — флорентинскія партіи Черныхъ и Бѣлыхъ. Одно не исключаетъ другого, и борзой песъ, которому суждено загнать волчицу въ адъ, служитъ намекомъ на спасителя отечества, который сломитъ свѣтскую власть папы, на Кана-гранде делла-Скáла, у котораго Дантъ нашелъ себѣ пріютъ и на котораго, по смерти Генриха VII-го, онъ возложилъ свою надежду.—Беатриче сжалилась надъ несчастнымъ положеніемъ своего возлюбленнаго и постаралась, чтобы Виргилій пришелъ къ нему на помощь. Онъ становится его руководителемъ, какъ прежде служилъ ему поэтическимъ образцомъ, но вмѣстѣ и какъ пѣвецъ, предвѣстившій Христа Спасителя, жившій при Цезарѣ и Августѣ, учредителяхъ міровой имперіи, прославившій основаніе Рима и великую предназначенную ему судьбу, — стало-быть, какъ пѣвецъ идеальнаго императорства, какъ представитель свѣтской мудрости, уряжающей земную жизнь умственной

силы, человѣческаго разума. Онъ долженъ вести странника до тѣхъ поръ, пока онъ возвысится надъ всѣмъ земнымъ и прійдетъ къ созерцанію божественнаго; но для этого потребна просвѣщающая благодать, такъ-какъ, безъ того чтобъ идея Бога не была намъ внутренно присущею, мы однимъ разсмотрѣніемъ конечнаго никогда не перешли бы его предѣловъ и не поднялись бы къ безконечному. Ищи Дантъ представителя философіи, то-есть разума въ исключительномъ или преимущественномъ смыслѣ, онъ конечно избралъ бы Аристотеля, котораго самъ же назвалъ учителемъ знающихъ; но подобно тому какъ Беатриче олицетворяетъ собой ту любовность, которая ведетъ человѣка къ Божеству, такъ Виргилій представляетъ государственную мудрость, ученіе о свѣтской имперіи, и ведетъ ко благу здѣшней жизни, къ счастію земной дѣятельности, тогда какъ первая раскрываетъ усладу высшаго созерцанія, само небо.

Какъ Эней сходилъ въ преисподнюю, а Павелъ восхищенъ былъ въ видѣніи на небеса, такъ и Виргилій хочетъ служить проводникомъ Данту, пока онъ выйдетъ изъ лѣсу, будетъ странствовать по аду и достигнетъ Горы Очищенія. Поэтъ, по мѣткому выраженію Шлоссера, долженъ ознакомиться съ изнанкою всего человѣческаго величія и всѣхъ своекорыстныхъ мытарствъ не на однихъ словахъ, но и на самомъ дѣлѣ; узрѣвъ собственными глазами кары божіи и очистившись этимъ самъ, онъ долженъ призвать міръ къ обращенію на стезю правды.

Веду я въ область скорби и мученья,
Веду туда, гдѣ вѣчный плачъ и стонъ,
Гдѣ запропавшія томятся поколѣнья.
Я правосудіемъ Создателю внушенъ:
Господня сила, разумъ всемогущій,
Любви первозиждительной совѣтъ
Мнѣ дали жизнь до всякой твари сущей,
Не вѣчной, правда; мнѣжъ и вѣку нѣтъ:
Надежду всякую покинь въ меня идущій!

Таковъ лапидарный стиль надписи на воротахъ ада. Въ карахъ этой обители мукъ наглядно предстаетъ внутреннее состояніе грѣховности, по библейскому слову: чѣмъ согрѣшилъ, тѣмъ и ка̀знишься. Отринутые и добрыми и злыми, воютъ въ скорбномъ чувствѣ собственнаго ничтожества тѣ равнодушные, которые прожили кое-какъ безъ славы и позора;—„что̀ толковать объ нихъ, взгляни—и тотчасъ мимо!“ Но благородные язычники, герои, мудрецы, поэты дохристіанскаго времени соединены въ мирный и свѣтлый союзъ, правда безпечальный, но и безнадежный; тогда какъ жгучій вихрь вожделѣнія не даетъ ни минуты покоя тѣмъ, кто беззаконно поблажалъ чувственному сладострастію, тогда какъ обжоры валяются въ гадкой и холодной грязи, льстецы, хвалившіе даже и мерзости, сидятъ вмѣстѣ съ безпутницами по горло въ вонючемъ болотѣ, скряги и расточители, безпрерывно сталкиваясь между собою, ругаются, расходятся и встрѣчаются опять снова, гнѣвливые вѣчно дерутся и терзаютъ другъ друга, насильники погружены въ потокъ горячей крови, вѣщуны ходятъ съ перевернутою задомъ напередъ головой, а лицемѣры—въ клобукахъ, снаружи золотыхъ, изнутри свинцовыхъ и страшно тяжкихъ, воры и змѣи крадутъ другъ у друга видъ свой, мѣняясь такимъ обра-

зомъ наружностью, бездушные предатели, въ комъ замерло всякое чувство добра, зарыты въ ледъ, который никогда не таетъ. Дантъ въ своемъ „Адѣ" пользуется Харономъ и Церберомъ, Гарпіями и другими миѳологическими фигурами, видя въ нихъ не одну пустую басню, а только заблудившееся представленіе реальныхъ истинъ. Въ разныхъ отдѣльныхъ кругахъ казнятся и различныя всегда злодѣянія. Потоки преисподней разграничиваютъ особыя пространства ада, намекая на ту великую разницу въ мукахъ, какими совѣсть терзаетъ душу человѣка, по мѣрѣ того какъ послѣдняя сознаетъ, насколько она не достигла цѣли существованія. Шлоссеръ превосходно это разъяснилъ. На островѣ Критѣ стоитъ образъ старца, бога времени, у котораго, какъ у Небукаднезара (Навуходоносора) въ даніиловомъ видѣніи, голова изъ золота, грудь и руки изъ серебра, бедра изъ бронзы, одна нога изъ желѣза, а другая глиняная. Совокупляя еврейскія представленія съ эллинскими, Дантъ толкуетъ металлы въ смыслѣ разныхъ эпохъ; уцѣлѣла одна голова, всѣ другія части потрескались, и изъ трещинъ выступили слезы, свидѣтели злобы и вины людской: ручьями текутъ онѣ внизъ и образуютъ рѣки преисподней, которыми подѣлены адовы пространства. Непознавшихъ чрезъ христіанство высшаго человѣческаго назначенія, но жившихъ впрочемъ добродѣтельно, отдѣляетъ отъ истыхъ грѣшниковъ серебряная рѣка, которую древніе прозвали Безрадной (Ахеронъ), такъ-какъ судьба невѣдавшихъ Христа собственно не казнь, а только лишеніе небеснаго блаженства. Обитель тѣхъ, кто въ-надеждѣ на собственный смыслъ пренебрегъ нравственнымъ закономъ, призывомъ божіимъ, окружаетъ бронзовая рѣка ненависти и ложнаго стыда, — именно Стиксъ, чьего имени трепещутъ сами боги. Нечестивцевъ, творившихъ насиліе, вмѣсто того чтобы великодушно стоять за право, поитъ накаленными струями желѣзная рѣка Флегетонъ, воздавая равнымъ за равное, распаляя жгучую жажду желаній никогда неутолимымъ пыломъ. Внизу потоки мукъ окоснѣли въ льдистый Коцитъ, гдѣ вѣчно замерзаютъ ожесточившіеся злорадцы, а на самомъ днѣ преисподней—Сатана, грызущій въ своемъ зевѣ измѣнниковъ Спасителю и родному краю.

Странствіе Данта совершается не безъ трудовъ и страховъ для него самого, и вездѣ находитъ онъ случай сойтись съ друзьями или недругами и начертать такимъ образомъ энергическую картину своего времени въ ея нравахъ и характерахъ. Знаменито между прочимъ то мѣсто, гдѣ среди казнящихся за чувственную нохоть къ нему слетаютъ въ видѣ голубковъ Франческа и Паоло и повѣдываютъ, какъ любовь, которая всегда сводитъ любящія сердца, отрадно соединяетъ ихъ еще и въ смертной обители. Франческа говоритъ:

. . . . Нѣтъ бо́льшаго мученья,
Какъ о порѣ счастливой вспоминать
Въ несчастіи: твой вождь тогоже мнѣнья.

Ты хочешь страсти первый корень знать?
Скажу какъ тотъ, который о печали
Передаетъ, хоть долженъ самъ рыдать.

Однажды мы въ досужій часъ читали,
Какъ Ланцелотъ безмѣрно полюбилъ;
А съ глазу на́ глазъ быть опасности не знали.

Не разъ въ лицѣ румянца гаснулъ пылъ
И взглядами мѣнялись мы тревожно;
Но вдругъ романъ вконецъ насъ побѣдилъ:

Прочли, какъ поцалуй неосторожный
Былъ привманенъ улыбкою къ устамъ!
И тотъ, съ кѣмъ мнѣ разстаться невозможно,

Затрепетавъ, прильнулъ къ моимъ губамъ...
Былъ Галеотто авторъ этой книги...
Въ тотъ день мы дальше не читали тамъ! *

Едвали нужно замѣчать, что Галеотто игралъ роль пружины дѣйствія въ этой рыцарской поэмѣ: онъ поблажалъ связи Ланцелота съ королевой Джиневрою. Какъ радуга по темной грозовой тучѣ рѣютъ нѣжные любовники сквозь адскую мглу, какъ кроткіе звуки флейты льются голоса ихъ сквозь жалобные вопли осужденныхъ. Но Дантъ развертываетъ передъ нами картину полную ужаса, когда Уголино, переставъ на время грызться съ врагомъ своимъ Руджеро, утираетъ себѣ окровавленный ротъ и разсказываетъ какъ умиралъ онъ съ сыновьями въ башнѣ голода; страшная судьба постигла его за измѣну отечеству, но высокая отъ природы душа сказалась опять въ заботливости о дѣтяхъ, передъ которыми онъ скрывалъ свои собственныя мученія. Съ удивительнымъ мастерствомъ, оставляя за собой въ этомъ Овидія, изображаетъ Дантъ взаимныя превращенія воровъ въ змѣй, и обратно; а какъ середи адскихъ болотъ юморъ поэта потѣшается дьяволами, словно мерзостными шутами! Сцена эта вѣетъ на насъ чѣмъ-то истинно шекспировскимъ. Еретики лежатъ въ огненныхъ полуотверзтыхъ гробахъ, внутренно изводясь пыломъ всегда вновь разъѣдающихъ сомнѣній. Вдругъ поднялся всѣмъ туловищемъ изъ могилы землякъ поэта, Фарината, и такъ гордо высится чело его, какъ будто бы онъ готовъ презрѣть всѣ муки ада; вѣсть, что на родинѣ его все идетъ не хорошо, для него жесточе его огненнаго ложа. Стольже мало заботится объ адѣ богослововъ—гдѣ между прочимъ заключенъ и императоръ Фридрихъ II—другой Флорентинецъ, Кавальканти, и тутъ самъ собою представляется вопросъ, не обнаруживаетъ ли это мѣсто, что собственный духъ Данта возмущался догматическимъ правовѣріемъ, какъ то же сомнѣніе напрашивается намъ и при другихъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемъ знаменитыхъ мужей древности, Цезаря, Гомера, Аристотеля, когда за предѣлами ада Гору Очищенія оберегаетъ Катонъ, то-есть: праведный, свободный въ жизни и смерти, охраняетъ ту обитель, гдѣ начинается освобожденіе отжившаго человѣчества, и когда Виргилій предсказываетъ ему блаженное воскресеніе, не смотря на то что онъ язычникъ и самоубійца, когда наконецъ Траянъ и Рифей, праведнѣйшій изъ Троянцевъ по словамъ Энеиды (II, 425), оба нашли себѣ мѣсто въ небесахъ. Въ Раю поэту возвѣщается положительно: въ день страшнаго суда не одинъ язычникъ станетъ ближе къ Спасителю чѣмъ многіе изъ взывающихъ къ нему теперь Господи! Господи! И если его сомнѣніе насчетъ того, какъ исключеніе доблестныхъ язычниковъ отъ блаженства примирить съ благимъ

* Пользуемся переводомъ Д. Е. Мина, съ небольшими только отмѣнами. Прим. перев.

божескимъ правосудіемъ, въ сущности не разрѣшается, а только унимается объясненьемъ, что умъ человѣческій слишкомъ слабъ для прозрѣнія неисповѣдимыхъ судебъ господнихъ, то слова эти можно вѣдь понять и такъ, что не людскимъ уставамъ рѣшать вопросъ объ отнятіи у нехристіанъ всякаго пути къ спасенію. Развѣ благодать божія не сподобила открыть Рифею глаза на грядущее искушенье?

Такъ не судите жь вы, рожденные изъ праха!
Избранниковъ не знаемъ даже мы,
Хоть и глядимъ на Господа безъ страха.

Одинъ изъ блаженныхъ говоритъ:

И царству божію подчасъ бываетъ нуда:
Надеждой пламенной и теплотой любви
Здѣсь волю вышнюю преодолѣть не чудо;

Здѣсь власть совсѣмъ не то, что̀ межь людьми:
Побѣда Господу надъ нимъ самимъ угодна, —
Его же благодать въ ней дѣйствуетъ свободно.

Подобныя слова оставляютъ вопросъ о вѣчномъ осужденіи, вообще говоря, открытымъ; и на мой взглядъ, хотя Адъ много выигрываетъ съ поэтически-ужасающей стороны тѣмъ, что муки его представляются вѣчно-неизбѣжными, однако для болѣе утонченнаго чувства вѣдь и къ самому блаженству должна была примѣшиваться капля страшной горечи, когда избранникамъ благодати приходилось смотрѣть съ напраснымъ сожалѣніемъ на несчастныхъ, обреченныхъ безконечной казни за мимолетную сравнительно вину. Вотъ одна изъ преградъ схоластической догматики, которыми обуживался геній Данта; онъ нетерпѣливо трясетъ цѣпь, но порвать ее не можетъ: поэма его и въ этомъ отношеніи является зеркаломъ Среднихъ Вѣковъ. Напомнимъ здѣсь, до какой степени свободнѣе выражался другъ Данта, Еврей Иммануилъ (III, 1, 195). Но если мы примемъ „адъ" за картину богоотчужденія вообще, злой нераскаянной воли человѣка, терзающей сама себя, пока она упорствуетъ въ своемъ извращенномъ видѣ, то можемъ беззавѣтно предаться поэтическому наслажденію.

Странники-поэты облетаютъ въ средоточіи земли страшнаго Люцифера и взбираются по длинной темной пещерѣ вверхъ, пока не завидѣли опять звѣздъ по ту сторону, у антиподовъ. Трепетная зыбь морскихъ волнъ подъ первымъ лучомъ утра—образъ души, которая послѣ ужасовъ почти уповаетъ теперь свѣта и окончательнаго его торжества. Здѣсь высится Гора Очищенія. Стражемъ ея Катонъ. И тутъ мы встрѣчаемъ тройное и трижды-тройное, девятеричное дѣленіе: внизу расположенъ кругъ медлителей, только продолжительнѣйшимъ ожиданіемъ блаженства страдающихъ за то, что медлили исправленьемъ; потомъ въ семи уступахъ вокругъ горы покаяніе во грѣхахъ, какъ распредѣлила ихъ сама Церковь: сперва идетъ гордость, потомъ зависть, гнѣвъ, лѣность, скупость, чревоугодіе и сладострастье; на верху — земной рай. Вмѣсто адскихъ воплей и проклятій раздаются здѣсь славосло-

вія, вмѣсто страшилъ миѳологіи ангелы стерегутъ входы и выходы различныхъ круговъ и провожаютъ путниковъ все выше и выше. Въ Аду Данте проходилъ мимо грѣшниковъ и ихъ казней то пылко осуждая, то грустно соболѣзнуя; въ Чистилищѣ онъ является самодѣятельнѣй, какъ представитель человѣчества, возводимаго божіей благодатью отъ ночи къ свѣту; собственная душа его очищается по мѣрѣ того какъ онъ всходитъ на Гору Очищенія, сначала съ большимъ трудомъ, потомъ все легче и легче, чѣмъ болѣе онъ преуспѣваетъ въ самоисправленіи: вѣдь въ насъ самихъ лежатъ сѣмена всѣхъ грѣховъ, и самимъ намъ слѣдуетъ осилить ихъ. Глубокомысленный поэтъ видитъ въ любви ядро всякаго бытія, зерно всякаго добра, а въ заблужденіяхъ ея—источникъ всякой грѣховности. Одолѣетъ ли насъ себялюбіе до такой степени, что изъ-за него мы ищемъ пагубы другимъ, чаемъ возвыситься ихъ паденіемъ, боимся ущерба себѣ отъ ихъ возвышенья, или ощущаемъ такъ сильно позоръ обиды, что жаждемъ за нее отмстить, тогда возникаютъ гордость, зависть, гнѣвъ неудержимый; лѣнивый увлекается ложною любовью къ спокойствію, корыстный — къ обладанію, сластолюбецъ—къ пищѣ и питію, плотоугодникъ — къ поблажкѣ половымъ влеченіямъ. Наказанія весьма многообразны и обличаютъ состояніе души, кающейся въ винѣ своей и тѣмъ самымъ очищающейся; то, прямо соотвѣтствуя грѣху, представляютъ они тяжкое его сознаніе, то совершенную его противоположность. Гордецы пригнуты къ землѣ подъ тяжестью нависшихъ утесовъ; они чрезмѣрно возвышались, а теперь принижены; собственное сознаніе заставляетъ ихъ сгибаться; — у завистниковъ глаза обрѣшечены проволочною сѣткой, чтобы они не наслаждались свѣтомъ, котораго сами не допускали къ другимъ; гнѣвливые сидятъ въ густомъ дыму самопомраченія своей слѣпой яростью; лѣнивые—въ безпрерывной бѣготнѣ; грѣшившіе алчностью, скупостью или мотовствомъ лежатъ прикрѣпленные лицомъ къ полу, подобно тому какъ сердце ихъ было приковано къ землѣ и не поднималось выше земного блага; обжоры отощали съ голода и жажды по небеснымъ плодамъ дерева, которое высоко подымаетъ свои вѣтви, какъ скоро тѣ хотятъ сорвать плоды; сладострастники горятъ въ снѣдающемъ огнѣ. Къ этому присоединяются изображенія забытыхъ добродѣтелей или неосиленныхъ грѣховъ со стороны знаменитыхъ даже мужей и женъ ветхаго и новаго завѣта, греческой и римской исторіи, — изображенія, вырѣзанныя или написанныя по стѣнамъ, а иногда являвшіяся покаянникамъ въ формѣ видѣній или повѣдываемыя имъ чрезъ посредство незримыхъ голосовъ: чѣмъ выше восходимъ мы съ поэтомъ, тѣмъ все становится духовнѣе. Въ каждомъ кругу раздается примѣненное очень кстати одно изъ ублаженій нагорной проповѣди: блаженны алчущіе и жаждущіе правды! слышатъ сластолюбцы; кликъ: блаженны чистые сердцемъ! звучитъ въ воздухѣ тогда, когда Дантъ поднялся изъ круга чувственной похоти.

Онъ ощущаетъ себя во снѣ парящимъ вверхъ, какъ Ганимедъ, схваченный и несомый орломъ Зевса; онъ пробудился, вознесенный тягою божественной любви на вершину крутого утеса, туда, гдѣ усопшіе уже исправляются и пріобрѣтаютъ вѣчное спасенье. Тремя ступенями отмѣчены ворота къ Горѣ Искупленія: одна свѣтла и гладка какъ мраморъ, вѣрное зеркало искренняго самосознанія; другая темна, шероховата, растреснута, она

знаменуетъ сокрушеніе грѣшника; третья, изъ краснаго какъ кровь порфира, означаетъ отрѣшеніе отъ всяческаго зла и конечное его преодолѣніе, которое не обходится безъ кроваво-тяжкихъ жертвъ. Порогъ входа—чистый алмазъ, адамантъ слова и дѣла Христова. Сторожевой ангелъ чертитъ мечомъ на челѣ Данта семь разъ букву P, въ знакъ семи смертныхъ грѣховъ, Peccata, и какъ скоро онъ пройдетъ одинъ изъ круговъ очищенія, крыло ангела каждый разъ сметаетъ по буквѣ. И здѣсь поэтъ встрѣчаетъ много знакомыхъ, многихъ именитыхъ людей прошлаго, и бесѣды съ ними поддерживаютъ память о землѣ. Гора колеблется, какъ колебалась земля при воскресеніи христовомъ, каждый разъ, когда вполнѣ очистившаяся душа воспаряетъ къ горнему небу; такъ было это и съ душой поэта Стація, присоединившагося къ нашимъ странникамъ. Охваченный пламенемъ чувственной любви, Дантъ выдерживаетъ еще разъ борьбу плотской природы съ духовною; но воспоминаніе о Беатриче поднимаетъ его ввысь. Воля его теперь чиста и вполнѣ здорова, онъ можетъ слѣдовать влеченію своего сердца, можетъ въ земномъ раѣ, дѣйствительно представляющемъ только вершину Парнаса и золотой вѣкъ, предаться съ Рахилью или съ Ліею усладамъ созерцательной или дѣятельной жизни.

На вершинѣ Горы Очищенія движутся передъ нимъ апокалиптическіе образы. Семь деревъ превращаются въ лучезарные свѣщники, дары духовной благодати; изъ-дали подходятъ 24 мужа въ бѣлыхъ ризахъ, увѣнчанные лиліями, старцы, олицетвореніе ветхозавѣтныхъ книгъ, рядомъ съ ними животныя, символы евангелистовъ и евангелій. Всрединѣ побѣдную колесницу Церкви везетъ грифъ, развернувшій крылья въ безконечность, — это самъ Христосъ; насколько этотъ грифъ—птица, онъ одѣтъ чистымъ золотомъ, а все остальное тѣло его — бѣлое и красное, взнакъ чистой его человѣчественности и пролитой имъ крови. По правую его руку идутъ хороводомъ три женскія фигуры, въ бѣломъ, красномъ и зеленомъ одѣяніяхъ, — вѣра, любовь и надежда; по лѣвую такъ же кружатся четыре главныя добродѣтели,—мудрость, мужество, умѣренность, справедливость. За колесницей слѣдуютъ апостолы. Поѣздъ останавливается, сверху ангелы осыпаютъ его цвѣтами и раздается кликъ Осанна въ вышнихъ.

Видалъ и прежде я, какъ на разсвѣтѣ дня
Востокъ алѣлъ багряной полосою,
А противъ—стлалась сини пелена,
Какъ солнце выплывало подъ фатою
Паровъ, смягчавшихъ яркій слишкомъ лучъ,
И взоръ упиться могъ его красою
Не утомясь. Такъ точно изъ-за тучъ
Цвѣтовъ, что̀ сыпались потокомъ небывалымъ,
То опускаяся, то устремляясь вкручь,
Явилась мнѣ жена, подъ бѣлымъ покрываломъ
И съ масличнымъ вѣнкомъ, въ одеждѣ двухъ цвѣтовъ,—
Съ зеленою накидкою на аломъ.
И хоть минулъ ужь длинный рядъ годовъ,
Съ тѣхъ поръ какъ встрѣча съ дивною красою
Мнѣ трепетомъ не волновала кровь,
Но увидавъ ее нежданно предъ собою,
Я силы ощутилъ вліянье неземной:
Пахнуло на меня вдругъ давнею порою.
И подъ наитіемъ волшебной силы той,
Которая меня, дитю еще, сразила,

Метнулся я налѣво съ быстротой,
Какъ къ матери дитя, когда что̀ огорчило
Иль напугало вдругъ малютку; самъ не свой,
Виргилію я открываю: Въ жилахъ
Вся кровь до капельки взмутилась у меня:
То признаки, повѣрь, давнишняго огня!

Но Виргилій исчезъ, и въ то время какъ Дантъ слезно по немъ тоскуетъ, онъ слышитъ со стороны Беатриче вопросъ: Зачѣмъ онъ такъ поздно восходитъ къ ней туда, гдѣ только вѣдь и можно обрѣсти блаженство. Нѣкоторое время юные взоры ея удерживали его на настоящей дорогѣ, но съ тѣхъ поръ какъ она совлеклась земной плоти, онъ сталъ гнаться за обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя никогда не даютъ обѣщаннаго. Поэтъ въ слезахъ падаетъ ницъ, исповѣдуя тихимъ *да*! вину свою; а она продолжаетъ:

Природа и искусство не плѣняли
Тебя вѣдь такъ, какъ тѣ былыя красоты,
Которыя давно ужь въ землю закопали.
И если высшее, чѣмъ услаждался ты,
Смерть отняла, почто искалъ блаженства
Въ другомъ изчадіи земной же суеты?

Дантъ снова поднимаетъ на нее глаза и снова готовъ сокрушиться, подъ гнетомъ тяжкаго самосознанія, пока не подаютъ ему напиться изъ струй Леты, рѣки грѣхозабвенія. Тогда взоръ его останавливается на взорѣ просвѣтленной. Описанный прежде поѣздъ торжествующей Церкви вдругъ исчезъ, и Дантъ видитъ передъ собой въ символахъ исторію Церкви ратующей, поврежденной. Драконъ въ колесницѣ представляетъ омірчившееся папство; а на чудовищѣ сидитъ блудница, подобно вавилонской въ Апокалипсисѣ; дерзкій великанъ расточаетъ ей любострастные поцалуи: это французскій король, который уводитъ вкорень-испорченную церковную власть изъ Рима въ Авиньіонъ, и тамъ заставляетъ ее служить его цѣлямъ. Беатриче утѣшаетъ поэта, предвѣщая христіанству лучшую будущность, которая наступитъ для него съ появленіемъ преобразователя. Дантъ, испивъ отъ ключа Эвноэ (добровѣдѣнія) сознаніе всего благого и прекраснаго, настолько очистился и окрѣпъ, что воспарилъ въ небеса.

Устремивъ взоръ на Беатриче, несется онъ ввысь и чувствуетъ себя возрождающимся въ эѳирѣ, пріобщающимся Божеству по мѣрѣ того какъ онъ все глубже проникаетъ въ свѣтъ и въ жизнь. Въ небѣ повсемѣстно рай, но вѣчное открывается въ различныхъ душахъ разнообразно. Сущность бытія блаженныхъ въ томъ, что воля ихъ всегда пребываетъ въ божеской, говоритъ поэтъ: оттого всѣ они и согласны между собою. Въ аду, гдѣ себялюбіе и самонадѣянность изощряютъ всѣ противоположности, характеры представлялись намъ въ самомъ рѣзкомъ, исключительномъ разладѣ своевольствъ, тогда какъ въ небесахъ все является въ тонкихъ, эѳирно-прозрачныхъ формахъ, подобно зеркальнымъ отраженіямъ, цвѣта̀ переливаются одинъ въ другой, все между собой въ согласіи, какъ бы въ музыкальномъ аккордѣ; вѣдь только ради этого полнаго созвучія и существуетъ многоразличность. Восхожденіемъ отъ свѣтила къ свѣтилу, отъ звѣзды къ звѣздѣ, онагляживается постепенный подъемъ внутренней жизни, подъемъ къ высшему познанію,

любви и блаженству, такъ-какъ всѣ три неразлучны между собою. Въ свѣтѣ истины духъ вполнѣ постигаетъ свое собственное существо, разумъ вразумляется самъ въ себя, и человѣкъ успокоивается въ Богѣ, источникѣ всякой правды, первоистинѣ по преимуществу. Вѣдь когда мы познаёмъ что-либо единичное, оно становится для насъ поводомъ дальнѣйшихъ разысканій: у подножія любой частной истины выбѣгаетъ ростокъ сомнѣнья, возникаетъ новый опять вопросъ, и такимъ образомъ коренной законъ духа тотъ, чтобы съ выси на высь мы стремились всегда къ крайней вершинѣ. Вселенная есть организмъ, видимое изображеніе незримаго, которое царитъ и орудуетъ въ немъ какъ душа въ тѣлѣ; благость божія излучается изъ небесныхъ тѣлъ въ качествѣ нутродѣйственной силы, какъ радость свѣтитъ изъ нашего зрачка; вотъ почему, разсматривая стройный урядъ природы, мы какъ бы предвкушаемъ отраду созерцанія самого божества. Но сущность божія требуетъ, чтобы любовь его всегда сіяла изъ безчисленнаго множества существъ, и въ этомъ отношеніи Дантъ далеко опередилъ узкія схоластическія понятія своей эпохи и постигъ въ творчествѣ идею вѣчнаго откровенія Творца. Современныя ему школьныя понятія, не только богословскія, но также и астрономическія, физическія и физіологическія, встрѣчаются намъ, правда, въ разговорахъ Данта съ Беатриче и другими блаженными все чаще и чаще въ небесахъ, гдѣ по самому существу дѣла приходится изображать не мірское и внѣшнее, а духовно-внутреннее, сокровеннѣйшій помыслъ, и гдѣ должно раскрыться передъ нами блаженство жизни чисто созерцательной. Поучительное не всегда выходило у него здѣсь поэтично, не всегда попадалъ онъ и въ настоящую свою цѣль: тонкія разысканія о грѣхопаденіи ангеловъ, о образѣ ихъ мыслей, о пятнахъ на лунѣ или о времени, проведенномъ въ раю Адамомъ, намъ вовсе уже не по вкусу и любопытны скорѣй для ученаго, нежели для друга музъ; но и тутъ дивный его геній, его идеализующая фантазія, часто вспыхиваютъ такъ великолѣпно и одѣваютъ полносильную всегда религіозную истину въ такую чистую и блестящую оболочку поэзіи, что немудрено понять, почему люди, избравшіе себѣ Данта путеводителемъ въ житейскомъ странствіи, отдаютъ предпочтеніе его „Раю" передъ „Адомъ". Самому Данту хорошо извѣстно, что онъ пишетъ здѣсь не для толпы. Изъ числа тѣхъ, кто въ утломъ челночкѣ слѣдовалъ за кораблемъ его, разсѣкающимъ соленыя хляби моря своей пѣснью, способны идти безвѣстнымъ еще океаномъ, куда несетъ на всѣхъ парусахъ могучій духъ, конечно только немногіе, кто еще и прежде простиралъ руку къ тому хлѣбу небесному, который питаетъ намъ душу и которымъ не насытишься вдоволь никогда.

Для небеснаго рая какъ нельзя сподручнѣе приходится поэту птолемеева система міра: въ девяти вращающихся одна надъ другой сферахъ блаженство можетъ проявиться разномѣстно въ томъ особенномъ всюду видѣ, какой обусловленъ дѣйствіемъ извѣстныхъ добродѣтелей, обладаніемъ извѣстнаго рода духовныхъ даровъ; этимъ пріобрѣтается уже пространство или поприще для эпически-нагляднаго развитія сюжета. Блаженные распредѣлены по міру звѣздъ, а надъ нимъ высится эмпирей, весь уже — свѣтъ и любовь, возсоединяющій въ себѣ, то-есть въ Богѣ, все чтó порознено для чувственнаго, временно-пространственнаго созерцанія, такъ-какъ поистинѣ небо только въ душѣ божіей, и оттого одни и тѣ же облики могутъ встрѣчаться

намъ здѣсь и тамъ, смотря по тому, совершенно ли погружаются они въ Бога, предавшись ему беззавѣтно и вполнѣ, или исходятъ отъ него снова отраженіями его славы, лучами его свѣта безконечнаго.

Въ сферѣ измѣнчивой Луны, представляющей то темныя пятна, то ясный свѣтъ, находятся тѣ, кто, отдавшись сначала Богу, допустилъ опутать себя послѣ мірскимъ влеченіемъ; въ сферѣ Меркурія тѣ, кто совершалъ добрыя дѣла только въ угоду чести и славѣ; Венеру населяютъ падкіе до чувственной любви и любовныхъ наслажденій; Солнце — учители мудрости; Марса — ратники христова дѣла, Юпитера — справедливцы, судьи и государи, Сатурна — святые созерцатели. Въ мірѣ неподвижныхъ звѣздъ Дантъ встрѣчаетъ Марію Дѣву и апостоловъ, а въ перводвижномъ кругу, откуда сила божія правитъ и животворитъ вселенную, витаютъ ангелы, носители вышней его воли. Блаженные разнятся между собой болѣе или менѣе яснымъ созерцаніемъ божіимъ, болѣе или менѣе тѣснымъ съ нимъ общеніемъ, но всѣ внутренно удовлетворены: довольство и услада ихъ — воля божія, любовь къ нему и къ ближнимъ — верховное для всѣхъ побужденіе. Въ сферѣ Марса души боровшихся за вѣру крестоносцевъ образуютъ большой лучезарный крестъ, и одинъ изъ нихъ, дантовъ предокъ Каччагвида, предсказываетъ ему судьбу его и вызываетъ поэта пророчески возвѣстить міру ту истину, которую узрѣлъ онъ въ странствіи по тому свѣту. Души праведныхъ на Юпитерѣ составляютъ изъ себя образъ орла, символъ римской державы. Изъ сферы Сатурна, то-есть съ высоты божескаго созерцанія, Дантъ вдругъ обращаетъ взоры къ землѣ: она такая маленькая, что онъ даже невольно улыбнулся; оттого лучшимъ убѣжденіемъ кажется ему то, которое считаетъ ее за сущую мелочь, и всѣ помыслы направляетъ къ вѣчному и безконечному: что же вѣдь и вся земная жизнь, какъ не чистая лишь гоньба за смертью? Беатриче, которая, возносясь отъ свѣтила къ свѣтилу, становилась все лучезарнѣе и прекраснѣй, указываетъ ему на торжественное шествіе Христа по̀ небу неподвижныхъ звѣздъ. Усладительнѣйшая музыка раздается въ то время, какъ ангелъ Гавріилъ, летя подобно свѣточу, описываетъ кругъ около головы Дѣвы Маріи и такимъ образомъ представляется зрителю лучезарнымъ вѣнцомъ. Апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ подступаютъ къ Данту для испытующихъ распросовъ. Первому исповѣдуетъ онъ вѣру свою въ единаго Бога, который, будучи недвижимъ самъ, все движетъ силою любви своей; вѣра для него — присность душѣ сверхчувственнаго начала, исходная точка, на которой зиждется все незримое. Ни кто изъ сыновъ ратующей Церкви, говоритъ Беатриче, не надѣленъ такъ богато упованіемъ, какъ Дантъ, и самъ поэтъ заявляетъ передъ Іаковомъ твердую увѣренность въ ожиданіи грядущей славы. Іоанну открывается онъ потомъ относительно любви. Благо воспламеняетъ любовь, а Богъ есть верховное благо; его благостью все существуетъ и живетъ, а потому все и стремится къ нему неудержимо. Листву, говоритъ онъ, которою одѣтъ садъ вѣчнаго садовника, люблю я постольку, поскольку въ каждомъ листкѣ лежитъ доля его благости. Всѣ язвы, обращающія сердце къ Богу, бытіе міра и мое собственное, живоносная смерть Іисуса Христа, все привело меня къ любви и открыло мнѣ въ ней вѣчную сущность. — Дантъ вполнѣ удовлетворенъ и восхищенъ тѣмъ, что апостолы его обняли, что славословіе блаженныхъ вторитъ его словамъ, что въ виду

множества басней и нелѣпостей, проповѣдуемыхъ съ церковныхъ каѳедръ и питающихъ стадо неопытныхъ овецъ однимъ вѣтромъ, эти простыя евангельскія ученія подтвердились ему въ качествѣ истиннаго христіанства. Держитесь же говоритъ онъ, священнаго писанія и не забывайте никогда, сколько крови стоилъ посѣвъ его въ нашемъ мірѣ!

Въ глазахъ Беатриче отразилась вдругъ такая свѣтлая точка, которою поэтъ совершенно ослѣпленъ,—точка, отъ которой зависятъ и небо, и природа, изъ которой божественная сила исходитъ во всѣ вещи, во всѣ существа; около нея парятъ въ девяти разныхъ кругахъ ангелы, она какъ будто бы отовсюду замкнута вселенною, а между тѣмъ сама обняла ее,— Богъ, общее средоточіе, въ то же время и всеобъемлющъ. Тутъ краса Беатриче и сладость ея улыбки становятся выше всякаго изображенія, потому что она вошла съ поэтомъ въ тотъ небесный кругъ, который весь состоитъ изъ чистаго уже свѣта, познанія, любви и блаженства.

И свѣтъ увидѣлъ я: лучей потокомъ
Лился межъ двухъ онъ ярко береговъ, —
Весною чудною на нихъ плѣнялось око;
Изъ струй же, въ видѣ пламенныхъ сноповъ,
Неслися искры на коверъ цвѣтистый, —
Рубинъ такъ блещетъ въ золотѣ вѣнцовъ;
Насытившися пищею душистой,
Опять тѣ искры падали въ потокъ;
А изъ него летѣлъ ужь новый снопъ огнистый.

Это—погруженіе блаженныхъ въ духъ божій и исхожденіе потомъ изъ глубины его, смѣняющіяся непрерывной чередою.

Отцу, и Сыну, и Святому Духу
Весь рай пѣлъ славу съ дивнымъ торжествомъ,
И сладко эта пѣснь звучала уху.
Всѣмъ слышаннымъ и видѣннымъ плѣненъ,
Я млѣлъ какъ предъ улыбкою вселенной.
О счастіе, ему же нѣтъ именъ!
Жизнь, полная любви и радости блаженной,
Богатство вѣрное, и кто имъ надѣленъ,
Тотъ чуждъ желаній всѣхъ и зависти презрѣнной.

Блаженные смыкаются въ видѣ огромной бѣлой розы, и, какъ пчелы по цвѣточнымъ чашечкамъ, рѣютъ между ними ангелы. Туда же садится и Беатриче, въ ней отражаются и вѣнчаютъ ее вѣчные лучи божіи. Дантъ взываетъ къ ней: Ты изъ раба сдѣлала меня свободнымъ, тебѣ обязанъ я зрѣлищемъ и ощущеніемъ всего, что сподобился здѣсь видѣть; утверди во мнѣ славу свою!—Тогда присоединяется къ Данту св. Бернардъ и молитъ Марію Дѣву даровать поэту благодать и силу, да достигнетъ онъ чистаго созерцанія Божества и да узритъ въ лонѣ свѣта вѣчнаго совокупленнымъ любовью въ единый союзъ все то, что такъ дробно порознилось во вселенной; блаженство, цѣль всякаго существа, находитъ общее средоточіе себѣ въ Богѣ, и несовершенное внѣ его въ немъ достигаетъ совершенства; свобода и законъ слились здѣсь въ одно. Три круга отражаются одинъ въ другомъ взаимно признавая, любя и съ улыбкою привѣтствуя другъ друга, и когда Дантъ погрузился въ

ихъ созерцаніе, изъ глубины возсіялъ ему образъ человѣческаго лица. Духъ его какъ будто бы пронизанъ молніей, жажда его вполнѣ утолена. Его фантазія теряетъ всякую силу, но какъ ровно вертящееся колесо движетъ его волю и желаніе та же самая любовь, которая круговодитъ солнцемъ и звѣздами.

Ясная мѣра, симметрическая композиція, различеніе существеннаго отъ второстепеннаго и сообразная тому обдѣлка матерьяла, — вотъ въ Божественной Комедіи первый зрѣлый плодъ изученія античной поэзіи со стороны христіанскаго искусства. Оттого Дантъ и остался единственнымъ средневѣковымъ поэтомъ, къ которому всегда снова возвращаются всѣ образованные народы. Вегеле говоритъ: «Плѣнительнымъ языкомъ, который впервые пришлось ему для себя составить, пластичностью фантазіи, которой нѐчего бояться сравненій ни съ какой другою, слогомъ, который Маколей справедливо называетъ безподобнымъ, увлекательной силою и правдивостью своихъ чувствъ онъ подлинно одолѣлъ препятствія, какія противупоставляло ему его время. Потому что въ любомъ великомъ поэтѣ живутъ вѣдь собственно два, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ всѣмъ странамъ и эпохамъ, является органомъ всеобщихъ состояній и чувствъ, выводитъ на сцену многоподвижныя картины, всегда и вездѣ представляемыя мысли человѣчествомъ, страстями, природою; другой же, напротивъ, несетъ на себѣ особый отпечатокъ своего времени, отражаетъ тѣ радости и скорби, которыя свойственны людямъ въ ту именно пору. Одинъ изъ этихъ двухъ поэтовъ, совмѣщающихся въ каждомъ великомъ геніи, вѣченъ, всегда доступенъ и всегда славится, другой временен и служитъ какъ бы только смертною оболочкой первому. У Данта видно присутствіе обоихъ въ высшей степени, и разительнѣйшимъ свидѣтельствомъ его характера и его генія служитъ то, что свинцовыя гири, привѣшенныя ему къ крыльямъ его временемъ, не помѣшали ему вознестись въ вѣчныя сферы человѣчества и природы». Окружавшая его культура была вовсе не гармонично-едина, не проста: въ ней боролись мистицизмъ съ схоластикой, своенародность съ чуждымъ преданіемъ, фантазія съ разсудкомъ; они борются и въ Дантѣ, кажется даже будто цѣлая эпоха какъ нарочно сосредоточилась здѣсь передъ своимъ исходомъ, съ тѣмъ чтобы онъ пропѣлъ ей лебединую пѣснь и собралъ всѣ лучи и направленія ея въ одинъ фокусъ. Дантъ это выполнилъ, и обнаружилъ при томъ не одну лишь даровитую воспріимчивость, но на все наложилъ печать своей особенности: онъ величайшій художникъ среднихъ вѣковъ, и я оттого такъ подробно говорилъ объ немъ, что душа этой эпохи живетъ вмѣстѣ съ его собственной душой въ его дивномъ произведеніи. Его, правда, приходится изучать, но онъ зато и стóитъ изученія. Предокъ Каччагвида недаромъ сказалъ поэту:

Хоть смыслъ рѣчей твоихъ на первый разъ
Покажется иному слишкомъ строгимъ,—
Его поймутъ, прилежно вразумясь;
Въ нихъ пищу жизни ты, повѣрь, оставишь многимъ.

Чтó сдѣлано въ Германіи для критики текста и филологическаго уразумѣнія Данта Бланкомъ и Витте, для историческаго и догматическаго объясненія—Филалетесомъ (королемъ саксонскимъ Іоанномъ), то съ благодарностью

признано и въ Италіи; кромѣ того сочиненія Шлоссера и Вегеле служатъ хорошимъ введеніемъ къ духу и времени поэта, да и теперь еще Поттеръ и Дёрръ состязаются съ предшественниками въ формально вѣрномъ и удобочитаемомъ переводѣ Божественной Комедіи, послѣ того какъ король Іоаннъ саксонскій и Карлъ Витте прекрасно передали ее ямбами безъ риомъ. Ту же услугу оказалъ Англіи Лонгфелло̀, и усвоивъ себѣ снова часто встрѣчавшееся и прежде сравненіе поэмы съ готическимъ соборомъ, въ святынѣ котораго затихаетъ вся безрядная сумятица той недоброй поры и отовсюду охватываетъ насъ вѣчность, онъ продолжаетъ такъ:

Какъ чудны дивной той постройки изваянья!
Полкъ статуй, и на нихъ межъ складками одеждъ
Гнѣздятся птицы; въ храмъ ведетъ порталъ
Высокій, стройный, въ мраморномъ убранствѣ.
  Кресту цвѣточному подобенъ божій домъ!
Но тамъ, подъ крышею, драконъ клубами вьется,
А здѣсь разбойники, Іуда, самъ Христосъ,
И страшно такъ глядитъ на насъ предатель!

Какая сердца боль, какая духа мощь,
Тоска отчаянья и вмѣстѣ ликованье,
И гнѣвъ, и рядомъ съ нимъ какой порывъ любви,
Какая буря страсти изступленной
Родили эту пѣснь блаженства, горькихъ слезъ,
Которую намъ Средній Вѣкъ принесъ,
Воспѣвъ въ ней землю, адъ и небо, кругъ вселенной!

На необходимость различія трехъ частей Божественной Комедіи указалъ Шеллингъ. „Адъ“, какъ самый ужасный по сюжету, говоритъ онъ, всѣхъ сильнѣе и по выраженію, всѣхъ строже по дикціи; онъ мраченъ и страшенъ въ самомъ даже выборѣ словъ: это пластическая часть поэмы. „Чистилище“, напротивъ, совершенно живописно, полно великолѣпныхъ видовъ и проглядей, разнообразно смѣняющихся сценъ. Въ какой-то всеобщей тиши замираютъ подконецъ вопли преисподней, а въ предсѣніяхъ неба все вдругъ оживляется красками. Кстати упомянемъ здѣсь и о томъ, что глазамъ кающихся предстаютъ здѣсь картины добрыхъ и злыхъ дѣяній. Въ „Раю“ остается уже одна только чистая музыка свѣта, гармонія небесныхъ сферъ; исчезла всякая возможность твердыхъ очерковъ, и рѣшительно преобладаютъ лирика чувства, задушевность помысла.

Уже, разсматривая книгу Іова, мы указали въ параллель на Божественную Комедію, тогда какъ Густавъ Ба́уръ провелъ эту параллель вполнѣ; новое время пріобрѣло въ гётевомъ Фаустѣ третье еще произведеніе, подъ пару двумъ первымъ, съ тою однако разницей, что оно не стоитъ подобно имъ на основѣ беззавѣтнаго религіозно-народнаго взгляда и объективнаго для всѣхъ міросозерцанія, а опирается на свободу индивидуальнаго духа, который думаетъ всякое познаніе вывесть изъ субъективности. Оттого на немъ болѣе нежели на тѣхъ лежитъ печать усиленныхъ поисковъ, неустанной гоньбы за истиной, и драматическая форма, къ которой первыя только оказываютъ еще наклонность, проявляется въ немъ ужь напрямикъ; но въ противоположность тѣмъ эпически-мыслительнымъ поэмамъ, основно́й тонъ его лириченъ, и оно не доходитъ до такой крѣпкой замкнутости, до такой со-

размѣрности и до такого стиля, какъ они. Прологъ Фауста примыкаетъ къ Іову, а эпилогъ—къ Божественной Комедіи. Впрочемъ Гёте и не выразилъ всего существа своего въ одномъ созданіи, какъ Дантъ; необходимо принять въ расчетъ другія его произведенія, чтобы сказать, что во всемірно-историческомъ смыслѣ онъ все-таки совокупилъ Данта съ Аріостомъ, — эти полюсы важнаго глубокомыслія и веселой граціи, возвышенной строгости и легкой игры воображенья, которые Тассъ соединяетъ только въ слабой, приниженной степени, тогда-какъ связь эта въ Италіи достигнута вполнѣ энергично не на поприщѣ поэзіи, а въ живописи, именно—рафаэлевой.

УПАДОКЪ ЦЕРКОВНОЙ И РЫЦАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ВОЗВЫШЕНІЕ СРЕДНЕ-СОСЛОВНОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ.

Съ Гогенштауфенами сошла въ могилу слава имперіи, а побѣдоносная Церковь омірчилась; тѣсно примкнувъ къ Франціи, она стала въ зависимость отъ ея королей, и папы съ 1309-го по 1377-й годъ вынуждены были проживать въ Авиньіонѣ, гдѣ дворъ ихъ вознаграждалъ себя роскошью и сластолюбіемъ за утраченную силу. Церковь держалась и возвысилась прежде тѣмъ, что заставляла дѣйствовать на пользу себѣ работавшія снизу вверхъ преобразовательныя силы; теперь же она гнала и преслѣдовала ихъ черезъ суды на еретиковъ отлученіями отъ святыни и кострами. Она высасывала христіанскіе края, расточая за деньги грѣхоотпускныя граматы, устраняя за нихъ брачныя препятствія и другія стѣснительныя правила, которыя сама же передъ тѣмъ установила, продавая высшія мѣста и достоинства завѣдомо недостойнымъ, которые, добывъ ихъ, разумѣется старались нажиться и разбогатѣть. Какъ прежде въ руки міряпъ перешло искусство, такъ теперь овладѣли они и наукою; городскія школы и университеты размножались болѣе и болѣе, а духовенство становилось все грубѣе; народу запретило оно читать библію. Сотни забавныхъ стиховъ и новеллъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ народъ потѣшался надъ распутствомъ, глупостью или низкой хитростью поповъ, которые безсовѣстно пользовались суевѣріемъ для своихъ выгодъ, даже обращая женскіе монастыри въ дома разврата для себя и для одичавшихъ рыцарей. Само духовенство распространяло изъ Франціи такъ-называемые дурацкіе и ослячьи праздники, безчинныя перелицовки христіанскихъ обрядовъ, гдѣ передъ алтаремъ пѣли непристойности, играли въ зернь, — очевидно выходки грубаго невѣжества противъ наружнаго обожанія святыни. Если негодные исполнители и отрѣшались иногда отъ духовнаго сана и отъ совершенія таинствъ, то все же

мѣры такого рода плохо ладили съ религіей, построенной изначала на высшемъ нравственномъ идеалѣ.

Страшныя болѣзни, Черная Смерть, моровое повѣтріе опустошали Европу; ихъ приписали тому, что колодцы отравлены Евреями, и это послужило поводомъ убивать и грабить послѣднихъ, выжимать у нихъ тѣ деньги, которыя были нажиты лихоимствомъ; во многихъ мѣстностяхъ все еврейское населеніе предпочитало погибнуть въ пламени зажженной синагоги, только бы не отступиться отъ вѣры своихъ отцовъ. Въ другихъ мѣстахъ расхаживали толпы христіанъ бичуя себя по обнаженной спинѣ въ неистовомъ изступленіи, или предаваясь въ городахъ и селахъ бѣшеной хороводной пляскѣ съ какимъ-то судорожно-болѣзненнымъ наслажденіемъ. Послѣ того какъ прекратились моръ, хлыстовскія странствія и избой Евреевъ, говоритъ Лимбургская Хроника середины 14-го вѣка, свѣтъ зажилъ опять весело попрежнему. Дѣло въ томъ что свѣтъ переходилъ попеременно отъ дикой распущенности къ душевному сокрушенію. Болѣе серьёзные умы составили тогда въ разныхъ краяхъ негласную общину, подъ именемъ „друзей божіихъ“; поборая свое себялюбіе, спокойно предаваясь Богу и любви къ ближнему, искали и находили они спасеніе, ощущали единство свое съ вѣчнымъ. Отчуждиться самой себя и успокоиться, возродясь въ Богѣ, было главной цѣлію души. Вѣщія, вдохновенныя жены, — Шведка Бригитта* въ Римѣ и Екатерина изъ Сіэнны, подали геройскій примѣръ самоотверженія, настоятельно требуя возвращенія папъ изъ Авиньона въ Римъ и преобразованія церковнаго въ смыслѣ святой и чистой жизни. Хлысты или бичевальщики также пѣли о томъ, что они порѣшили со всѣми видимыми образами, чтобы войдти въ сущность и освободиться отъ всякаго инобытства (то-есть внѣшности), а братья и сестры свободнаго духа (крайніе духоборцы) дошли до той преступной самоувѣренности, что, благодаря будто бы единенію ихъ съ Богомъ, для нихъ не писанъ уже ровно никакой законъ, и они властны дѣлать все, что̀ вздумаютъ. Это конечно могло вызвать въ „друзьяхъ божіихъ“ убѣжденье, что нравственное образованіе народа еще не настолько окрѣпло, чтобы ему опираться на одну лишь собственную совѣсть; поэтому они держались Церкви, не смотря на ея испорченность и на гоненіе, которому также отъ нея подверглись. Смѣлые мечтатели въ Италіи, вродѣ Сегарелли и Дольчино, тогда уже говорили объ обманѣ папъ и называли еретиками всѣхъ тѣхъ, кто уклонялся отъ нищеты Христа Іисуса. Люди науки, опираясь на Данта, отрицали у Церкви всякую мірскую власть, противопоставляли іерархіи общину вѣрныхъ и не признавали за папою ключей царства небеснаго, говоря, что вяжетъ и разрѣшаетъ одинъ Богъ. Къ нападенію перешли также Виклефъ въ Англіи и Гусъ въ Богеміи; они выступили противъ верховенства папы и утверждали, что глава Церкви одинъ Христосъ; они ратовали противъ разврата духовенства, противъ безбрачія и монашескихъ обѣтовъ; одно душевное раскаяніе, говорили они, а вовсе не власть клирика освобождаетъ отъ грѣха и наказанья; не

---

* Еще вконцѣ 15-го и вначалѣ 16-го вѣка печатныя изданія Откровеній св. Бригитты (Revelationes) непрерывно слѣдовали одно за другимъ. Прим. перев.

слѣдуетъ лишать міряпъ чаши общенія во св. Причастіи; ученія Церкви необходимо провѣрять книгами священныхъ писаній. Гоненія на учителей возбудили фанатизмъ приверженцевъ, и у Славянъ особенно прорвалось вдругъ затаенное чувство давно копившагося негодованія и противъ папъ и противъ Нѣмцевъ. Общественное мнѣніе въ Европѣ требовало преобразованія Церкви отъ головы до ногъ; великіе соборы первой половины 15-го вѣка сходились чѣмъ-то вродѣ европейскихъ парламентовъ, гдѣ рядомъ съ духовными лицами выборные отъ университетовъ обезпечивали рѣшительное слово и наукѣ; общественное мнѣніе явилось уже силой: орлы Франціи, Іоаннъ Герсонъ и Петръ д'Альи́ (d'Ailly), отстояли независимость государской власти отъ папства и подчинили его соборамъ, которыми положенъ конецъ тому безобразію, что трое разныхъ папъ подѣляли между собой одновременно все западное христіанство, однакожь настоящему горю не помогли и они; такая помощь могла прійдти не путемъ внѣшняго исправленія іерархіи, а только изнутри,—путемъ свободы нравственной совѣсти.

Рыцарство нашло себѣ религіозное освященіе и вѣнецъ поэтическаго блеска въ крестовыхъ походахъ, но этотъ блескъ померкъ въ буряхъ 14-го столѣтія; самъ папа отдалъ храмовниковъ съ ихъ помѣстьями на жертву французскому государю. Съ тѣхъ поръ какъ поднялись города, рыцари перестали уже быть настоящею опорой государства и современнаго образованія. Благодаря пѣхотѣ, на помощь которой подоспѣлъ порохъ, третье сословіе стало теперь рѣшителемъ въ бояхъ. Мѣсто религіозныхъ орденовъ заступили общества турнировъ, стоявшія за честь рыцарскаго сословія, и особенно во Франціи древніе его роды примкнули къ королю въ качествѣ дворянъ (слугъ двора) и блюстителей утонченныхъ аристократическихъ нравовъ; они любили театрально щеголять благородствомъ старыхъ временъ рыцарства, сохранившимся только въ поэзіи, и прикрашивали свои политическія затѣи обыкновенно какою-нибудь безпомощною дамой, которой невинность находила въ нихъ храбрую защиту. Своихъ нѣмецкихъ односословниковъ изящные и ловкіе Французы называютъ грубыми и неуклюжими, алчными и лишенными благородства; они и въ самомъ дѣлѣ одичали среди усобицъ безгосударнаго времени, среди разгула кулачнаго права, такъ что разбой по ѣзжалымъ дорогамъ сталъ имъ просто за обычай. Парижъ давалъ тонъ высшимъ классамъ общества также въ Англіи и въ Италіи; и тамъ усердно читали тѣ сборники эпической поэзіи, о которыхъ говорили мы выше, а равно и прозаическіе ихъ пересказы, но вся эта мишура не породила ни какихъ свѣжихъ и оживляющихъ стремленій въ искусствѣ. Удальство наемныхъ дружинъ и вождей ихъ явилось даже и по ту сторону Альповъ какимъ-то страшно одичавшимъ исчадіемъ феодальныхъ временъ, орудіемъ ихъ самозагубленья.

Въ настоящемъ выигрышѣ отъ крестовыхъ походовъ остались города, и прежде всего города итальянскіе, благодаря успѣхамъ всемірной торговли съ сопровождавшимъ ее развитіемъ промышленности, благодаря тому что ремесло возвысилось на степень искусства, и что образовалось самостоятельное среднее сословіе, свободное городское общество. Въ Германіи, какъ и въ бо́льшей части другихъ странъ, государскіе, княжескіе за́мки или духовныя обители были тѣмъ кряжемъ или ядромъ, къ которому примыкали землевладѣльцы и ремесленники, для того чтобы подъ защитой замковыхъ или мона-

стырскихъ стѣнъ составлять извѣстный видъ общественнаго организма. Къ старымъ этимъ родамъ присоединялись потомъ оброчные или тяглые новосельцы, смыкавшіеся въ особые цеха по разнымъ отраслямъ трудовыхъ занятій и постепенно добивавшіеся правъ политическихъ. Сначала представителемъ верховной власти императора или владѣтельнаго князя былъ здѣсь поставленный ими сановникъ, фогтъ (войтъ) или бургграфъ, смотря по тому, принадлежали ли города непосредственно имперіи, или же зависѣли отъ какого-нибудь члена высшаго дворянства или духовенства. Съ паденіемъ императорскаго могущества подымалось благосостояніе и значенье городовъ, и они стали сами заправлять своими дѣлами подъ рукою свободно-избираемыхъ ратмановъ и бургомистровъ. Тогда пришлось имъ промышлять и о своей собственной защитѣ, оборонять свое добро отъ нежданнаго наѣзда рыцарей, да переносить оружіе и въ чужіе иногда предѣлы; тутъ завоевали себѣ права полнаго гражданства и участія въ самоуправленіи всѣ способные къ ратной службѣ цеховые.

Въ этомъ видимъ мы великій всемірноисторическій прогрессъ передъ древностью. Производительный трудъ наконецъ освободился, даже пріобрѣлъ себѣ почетъ; въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ не стало уже личной неволи, крѣпостной зависимости, тогда какъ въ Греціи и Римѣ ремеслами занимались одни только рабы да чужемцы, вовсе не причастные государству, и на работу изъ-за прибыли тамъ смотрѣли какъ на нѣчто низкое и недостойное свободнаго человѣка, который посвящалъ всѣ силы и время образованію своей личности и общественнымъ дѣламъ. Напротивъ въ Средніе Вѣка именно на трудѣ, на какой-нибудь особой его отрасли и основывалось поступленіе гражданина въ одинъ изъ городскихъ цеховъ, на какіе расчленена была община и которыхъ участники, сами вѣдая свои дѣла, пріучались понемногу заправлять и общественными. Доброкачественность работы снискивала искусному гражданину и достатокъ и почетъ, а это вело въ свою очередь къ тому, что ремесло подымалось до степени искусства и пріобрѣтало идеальное освященіе, такъ-какъ всѣми уважаемая, дознанная на дѣлѣ способность вольнаго работника носила на себѣ нравственный уже характеръ и служила основой гражданскому нравообычаю, правотѣ и дѣльности *.

Какъ внутри города цехи должны были навыкнуть къ примиренію или надлежащему ограниченію своихъ частныхъ интересовъ, ко взаимнымъ ладамъ между собою и къ выбору ротмановъ и бургомистра для веденія общихъ дѣлъ, какъ они служили другъ другу порукою за безопасность личности и собственности, то естественно что этотъ успѣхъ общинно-цеховаго быта вскорѣ повелъ ко вступленію многихъ городовъ въ союзы между собою, тѣмъ болѣе что ихъ промышленность и торговля требовали охраны надежнѣе той, какую могло доставить имъ феодальное государство, готовое распастыя среди усобицъ и дракъ алчущихъ добычи рыцарей и ихъ ланцкнехтовъ. Такъ образовались большіе городскіе союзы, по образцу ломбардскаго,—союзъ въ верхней Германіи и особенно нижнегерманскій, извѣстный подъ именемъ Ганзы. Во главѣ четырехъ его округовъ, всего изъ 85-ти

* Для выраженія этой на дѣлѣ дознанной способности у Нѣмцевъ есть слово Tüchtigkeit, не переводимое вполнѣ ни какой другой языкъ. Прим. перев.

городовъ, стояли Любекъ, Кёльнъ, Брауншвейгъ и Данцигъ; онъ творилъ судъ и расправу, оберегалъ трудъ дома и въ чужихъ краяхъ, отстаивалъ гражданскую свободу, создалъ свой собственный военный флотъ, торговлею и оружіемъ захватилъ онъ въ свои руки сѣверъ Европы, своими колоніями и конторами распространилъ до Финскаго залива, до Польши и Руси нѣмецкій обычай и языкъ вмѣстѣ съ первыми зачатками гражданской культуры. Въ южной Франціи и въ Испаніи города развились больше подъ вліяніемъ итальянскихъ, въ сѣверной Франціи и во Фландріи провансальское вліяніе встрѣтилось съ нижнегерманскимъ. Въ Ганзѣ преобладала торговля, въ верхней Германіи промышленность, а во Фландріи оба элемента уравновѣшивались между собой вполнѣ. Пока поприщемъ торговыхъ оборотовъ было Средиземное Море, и они не переступали еще въ Атлантическій океанъ, до тѣхъ поръ англійскіе города были только колоніями и складочными мѣстами Фландріи и нижней Германіи, и главная выгода положенія приходилась на долю Италіи. Флоренція и Венеція, Кёльнъ, Аугсбургъ и Нюренбергъ, Гентъ и Брюгге не только что политически несли знамя средняго сословія и представляли его культуру, но были съ 14-го по 16-й вѣкъ и главными пріютами изобразительнаго искусства, которое, какъ древле въ Греціи, явилось опять прекраснѣйшимъ цвѣтомъ свободнаго городского быта.

Въ Италіи города стали государствами, какъ было въ древности, и демократія одержала тамъ полнѣйшій верхъ; но зато нигдѣ такъ часто не случались перемѣны конституцій, и подконецъ все завершилось тѣмъ, что люди, обладавшіе военнымъ и политическимъ образованіемъ, захватили въ большей части мѣстностей верховную власть, наподобіе такъ-называемыхъ въ Греціи тиранновъ. Притомъ раздробленіе итальянской націи на отдѣльныя городскія волости не смогло разумѣется оберечь ее отъ чужевластья, которое утвердилось сперва на югѣ, а потомъ и на сѣверѣ. Исторія отмѣтила на своихъ страницахъ призывъ, съ какимъ въ 1376-мъ году Флоренція обратилась къ городамъ и владѣльцамъ Италіи: она приглашала ихъ свергнуть поповское иго, спасти народъ отъ порабощенія иноземцами и заключить союзъ для обороны свободы. Не потерпите, писала она къ Римлянамъ, чтобы Италія, которую предки ваши цѣною своей крови сдѣлали властительницей міра, подклонилась теперь варварамъ и чужеземцамъ; подтвердите общимъ приговоромъ изреченіе знаменитаго Катона: мы хотимъ быть свободны, живя съ свободными! Исторія отмѣтила также и то, что папа отвѣчалъ на призывъ ужаснѣйшимъ проклятіемъ, которое его самого заклеймило позоромъ. Онъ объявилъ внѣ закона собственность и личность каждаго гражданина Флоренціи; онъ разрѣшилъ грабить и обращать въ рабство Флорентинцевъ, гдѣ бы они ни были. Флоренція произвела уже тогда своихъ Данта, Петрарку и Боккаччіо, своихъ Джотто и Орканью, и готовилась пробужденіемъ древности породить для Европы новый день человѣчнаго образованія, основать, какъ сдѣлали нѣкогда Аѳины, міровую державу красоты. Посолъ ея подлинно былъ въ полномъ правѣ аппеллировать противъ папской анаѳемы къ рѣшенію великаго судіи міра, Іисуса Христа. Папство призвано было въ свое время утвердить господство нравственнаго закона надъ грубо-насилующею властью и надъ земными интересами; но теперь, погрязнувъ въ мірской роскоши, само

оно сдѣлалось сурово и враждебно свободѣ и образованію, а потому и осуждено всемірною исторіей и царящимъ въ ней духомъ божіимъ.

Въ Германіи городскіе союзы поддерживали культуру среди смутъ безгосударнаго времени и при распаденіи средневѣковаго быта. Начиная съ Рудольфа Габсбургскаго императоры заботились болѣе о томъ, чтобы въ ряду другихъ владѣтельныхъ домовъ по возможности усилить свой собственный, нежели о томъ, чтобъ совокупить въ одинъ цѣльный организмъ всѣ члены имперіи и быть энергическими представителями ея единства. Высшая аристократія курфюрстовъ и другихъ владѣтельныхъ князей, низшее имперское рыцарство и наконецъ города стояли нѣсколько вѣковъ бокъ-обокъ въ какомъ-то не то феодальномъ, не то новомъ государствѣ; политическое дробленіе шло все далѣе и далѣе, и ни у рыцарей, ни у городовъ не достало смысла притянуть къ свободѣ и крестьянское сословіе, для того чтобы образовать вмѣстѣ съ нимъ новый общественный союзъ въ обширнѣйшихъ уже размѣрахъ. Крестьянъ напротивъ давили все новымъ и новымъ гнетомъ, чѣмъ болѣе высшія сословія хлопотали о своихъ особенныхъ правахъ. Если крѣпостные и составились первоначально изъ военноплѣнныхъ съ ихъ семействами, то все же невпримѣръ бо́льшее число свободныхъ крестьянъ, удрученное тягостью долговъ и разныхъ притѣсненій, искало выхода въ закрѣпощеніи себя рыцарямъ; многіе просто были принуждены къ тому силою, и всѣ обременены барщиной, гнетомъ оброковъ и поборовъ. Въ одной только Швейцаріи сельскія общины сохранили свою независимость; онѣ побѣдоносно отстаивали ее противъ Габсбурговъ вначалѣ 14-го вѣка такими битвами, которыя вскорѣ прославлены были зъ миоахъ и пѣсняхъ; тутъ или воспоминанія далекой старины были пріурочены къ новымъ народнымъ героямъ, какъ напримѣръ въ сказаніи про Вильгельма Телля, или богатырская смерть какого-нибудь Винкельрида сдѣлалась символомъ всего крестьянства вообще, которое приняло рыцарскія копья на грудь свою, чтобы проложить себѣ путь къ свободѣ. Здѣсь города сомкнулись съ сельскими общинами въ нерушимый союзъ, который въ 15-мъ столѣтіи упрочилъ свое существованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первую новую республику, достославною борьбою съ властолюбивымъ посягательствомъ Карла Смѣлаго.

Всѣ прочія націи шли инымъ путемъ. Единеніе государства съ народомъ въ противодѣйствіе раздробу владѣній и рѣзкому сословному подѣлу было очевидно требованіемъ исторіи, и тамъ гдѣ на удовлетвореніе его недоставало смысла или доброй воли, Провидѣніе употребляло къ тому орудіемъ энергію своекорыстныхъ силъ, которыя, добиваясь своихъ цѣлей, мимовольно споспѣшествовали общему благу. Средоточіемъ народовъ выступили государи, забирая въ свои руки всякую рѣшительно власть; если не инымъ путемъ, такъ по крайней мѣрѣ общимъ порабощеніемъ, должно было пробудиться чувство общихъ правъ человѣка и гражданскаго равенства. Со всей формальной бойкостью французскаго ума, первые взялись за это короли Франціи. Филиппъ IV освободился отъ церковной опеки, призвавъ въ думу земскихъ чиновъ, кромѣ духовенства и дворянъ, также и городскихъ выборныхъ, и постоянно держа одну изъ этихъ силъ въ уздѣ другою; но какъ будущность принадлежала среднему сословію, то королевская власть, взявшись теперь за правительственную задачу гораздо круче и цѣлостнѣй, преимущественно опи-

ралась на него. Войны съ Англіей укрѣпили народное самосознаніе, и когда оно нашло себѣ боговдохновенную героиню въ лицѣ дѣвы орлеанской, Жанны д' Аркъ, тогда въ дружномъ религіозномъ порывѣ выручило изъ бѣды само себя, именемъ короля, въ которомъ видѣло своего природнаго вождя, заступника и представителя. Вслѣдъ за тѣмъ Людовикъ XI съ жестокосердой и холодной расчетливостью окончательно покорилъ васалловъ и, какъ красивой обстановкою, убралъ ими же свой непригляднын престолъ.

Въ Англіи аристократія поняла задачу времени. Она вынудила у короля Великую Хартію, притянула къ себѣ гражданъ и дала имъ сословное представительство въ палатѣ общинъ, на ряду съ палатою лордовъ или родовыхъ господъ: такъ и въ новомъ государствѣ, какъ прежде въ феодальномъ, играла она роль живой связи въ его расчлененіи подъ единительнымъ верховодствомъ королевской власти, которая послѣ васалльскихъ усобицъ Красной и Бѣлой Розы нашла въ среднемъ сословіи надежную опору и для себя самой и для общественной свободы; если государствомъ и правятъ знатные роды, то единственно лишь потому, что патріотизмомъ и образованіемъ они вполнѣ заслуживаютъ предпочтительнаго выбора ихъ короною и народомъ для завѣдыванія общественными дѣлами. Норманнское рыцарство слилось теперь и нравами и языкомъ съ англо-саксонскимъ ядромъ народа, а послѣдній уберегъ свою общинную свободу, свое земское самоуправленіе, бывъ въ то же время предохраненъ отъ раздроба на мелкія государства вошедшею въ него романскою стихіей и достигнувъ благодаря ей того стройнаго единства, которое не помѣшало свободѣ въ теченіе вѣковъ развиваться все выше и глубже и вырабатывать органическій ростъ конституціи.

И въ Испаніи народъ объединился королевской властью; а такъ-какъ это произошло одновременно съ окончательнымъ изгнаніемъ Мавровъ подъ исходъ Среднихъ Вѣковъ и какъ этому единодушно содѣйствовали государство и Церковь, то корона пріобрѣла отъ того религіозное освященіе, и средневѣковой духъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь перешелъ здѣсь въ формы новой жизни и держался въ нихъ всего устойчивѣй.

Если мы взглянемъ теперь на внѣшній бытъ этого періода, онъ представится намъ живописно-богатымъ и отразится въ многоразличныхъ противоположностяхъ переходнаго времени. Рыцарь облекается въ броню изъ кованаго желѣза чтобы защитить тѣло отъ шальныхъ пуль, онъ блещетъ разукрашеннымъ гербами шлемомъ и въ бою и на турнирахъ. Рядомъ съ нимъ, стрѣлки изъ лука, ланцкнехты, обмундировываются уже въ красныя или зеленыя полукафтанья, всѣ сплошь на одинъ ладъ. Въ мирной одеждѣ мѣсто широкаго, опоясаннаго по чресламъ охобня (туники) заступаетъ совершенная его противоположность,—узкіе штаны и камзолъ съ короткою на отлетѣ епанечкой у мужщинъ, узкій корсажъ съ выходящею изъ-подъ него широкою складчатою юнкой у женщинъ. Башмаки съ пряжками и загнутыми вверхъ острыми носками, а также длинные шлейфы служили отличіемъ для дамъ высшаго и средняго круга, слѣдовавшихъ модѣ, часто причудливой и странной до безумія; смѣшная сторона этихъ башмаковъ выказалась еще больше сама собой, когда ихъ вздумали обвѣсить бубенчиками, а о павлиньихъ хвостахъ одинъ тогдашній нравоучитель выразился такъ: это—мѣсто пляски для чертенятъ, и нуждайся женщины въ подобныхъ принадлежностяхъ, Богъ конечно надѣлилъ бы ихъ

чѣмъ-нибудь въ такомъ родѣ. Страсть къ праздникамъ проявлялась самымъ пестрымъ блескомъ; въ танцахъ и на пирахъ чувственная сила обнаруживалась безъ удержи во всемъ своемъ разгулѣ. До соразмѣрности изящества въ обычаѣ дошло впервые только время Возрожденія у Итальянцевъ.

Въ схоластикѣ наконецъ расторглась связь между вѣрою и знаніемъ. Начавъ съ предположенія одинаковой истины въ откровеніи и въ разумѣ, она пришла къ неожиданному выводу, что далеко не всѣ ученія Церкви оправдываются здравомыслящимъ умомъ, или не всѣ могутъ быть имъ доказаны; но это не должно служить въ ущербъ ихъ достовѣрности: думали, что сверхчувственное можно мѣрить не тѣмъ мѣриломъ, какое прилагается къ чувственному; иное, говорили, можетъ быть богословски истинно, а философски ложно, и наоборотъ. Разумъ и теперь подчинялся еще внѣшнему авторитету, но пора великихъ догматиковъ уже прошла, и ученые, выходя съ каждымъ днемъ больше изъ мірянъ, обращали свою діалектическую изощренность и сноровку въ спорахъ предпочтительно на свѣтскіе вопросы и старались точно такъ же вывесть изъ преданій древняго міра право и медицину, какъ они излагали богословіе, опираясь на положенія святыхъ Отцовъ. Ни кому еще не приходило и въ голову, что наука должна прежде всего держаться своего собственнаго внутренняго и внѣшняго опыта и прямо исходить отъ фактовъ; держались положеній римскаго права, изреченій Аристотеля или Галена, возводили на нихъ изъ однихъ словъ дальнѣйшую силлогистическую постройку и вполнѣ удовлетворялись ея послѣдовательностью, вмѣняя себѣ въ обязанность излагать въ подробныхъ силлогизмахъ даже вещи самыя обыкновенныя. Съ полной вѣрою въ авторитетъ доказывали свои мысли прямыми на него ссылками, и чѣмъ болѣе можно было привести мнѣній или примѣровъ изъ ветхаго и новаго завѣта, или изъ греко-римской исторіи, тѣмъ лучше обоснованнымъ считали свой предметъ, будь онъ хотя бы и такъ гнусенъ какъ наемное смертоубійство, или такъ безсмысленъ какъ вѣра въ колдовство. Богословы, съ своей стороны, диспутовали о томъ, сколько именно ангеловъ могутъ проплясать на остреѣ иглы, или о томъ, могъ ли Іисусъ Христосъ вмѣсто человѣческаго образа принять видъ осла, или тыквы, и какъ бы онъ совершалъ тогда свои чудеса. Шнаазе приводитъ два уморительныхъ примѣра того безконечнаго пустословія и той жалкой, сухой безвкусицы, какими заразилась тогда обиходная даже жизнь отъ господствовавшей среди ученыхъ гоньбы за авторитетами и за наборомъ всѣхъ возможныхъ цитатъ. Берлинскій магистратъ начинаетъ одно полицейское распоряженіе о мясной торговлѣ Евреевъ ссылкою на первую книгу Аристотеля о градоправленіи въ доказательство той великой истины, что человѣкъ первѣйшее изъ всѣхъ животныхъ; а король французскій Карлъ V въ одномъ фамильномъ уставѣ 1374-го года, опредѣляя срокъ совершеннолѣтія своимъ потомкамъ, опирается не только на цѣлый рядъ іудейскихъ, македонскихъ и франкскихъ властителей, но въ заключеніе еще и на одинъ стихъ изъ Овидіева Любовнаго искусства.

Но подъ мишурной этой оболочкой все-таки крѣпчалъ и росъ здравый человѣческій смыслъ, наблюдая природу изъ-за промышленныхъ цѣлей, а также упражняя свои силы надъ веденіемъ домашнихъ и городскихъ дѣлъ; народъ воспѣвалъ въ простыхъ, незатѣйливыхъ пѣсняхъ радости и скорби сердца, а душа вѣрующихъ углублялась въ общеніе съ Богомъ безъ всяка-

го посредничества поповъ; живописцы выражали сердечную жизнь ясно и искренно, и въ нѣкоторыхъ единичныхъ умахъ загорался уже новый день формальнаго изящества, благодаря ознакомленію съ антикомъ. Преграды феодально-сословныхъ различій были уже порушены, идеалы среднихъ вѣковъ—папство и императорство, исказившись и обезсилѣвъ, разлагались критикой, а напротивъ классическая древность пробудилась снова и стала прочнымъ элементомъ человѣческаго образованія. Уже Дантъ обошелъ міръ духовъ подъ водительствомъ Виргилія; такъ же точно Цицеронъ сопровождалъ въ жизненномъ пути Петрарку, и варварская безвкусица схоластики, равно какъ и подчиненность ея церковному авторитету, уступили мѣсто изученію Платона и проснувшемуся опять самостоятельному мышленію.

Въ переходную пору старое и новое неизбѣжно протискиваются другъ въ друга. Поэтому, не стѣсняясь ни какимъ опредѣленнымъ годомъ, я добавлю здѣсь еще все то, что́ рѣшительно носитъ на себѣ печать средневѣкового происхожденія; тогда какъ свѣжій взглядъ на собственную жизнь человѣка и на природу, высказывающійся въ народной пѣснѣ и въ живописи Флорентинцевъ начиная съ Мазаччіо, Нидерландцевъ начиная съ ванъ-Эйка, составитъ у меня вмѣстѣ съ пробужденьемъ эллинства въ литературѣ, начало слѣдующаго уже періода.

ПОЗДНЕЦВѢТЪ ГОТИЧЕСКАГО СТИЛЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ЗОДЧЕСТВѢ.

„Исторія показываетъ на каждомъ шагу, что пора чаянія и стремленія го„раздо благопріятнѣе для искусства нежели пора знанія и обладанья. Неиз„вѣстный, только искомый еще идеалъ стоитъ передъ душой могучею, зага„дочною тайною, безпредѣльною и великою, близко сродственною религіоз„нымъ тайнамъ, и созерцаемою, подобно имъ, съ полнымъ преданности, „благоговѣйнымъ восторгомъ; какъ скоро люди увѣрятся, что разгадали за„гадку, исчезаетъ весь этотъ нимбъ, и искусство становится такимъ же „обиходнымъ дѣломъ какъ и всѣ другія будничныя занятія; практика съ тео„ріей расходятся тогда врозь, и тутъ не миновать того, что всилу склон„ности, всилу моды или всилу абстрактно-логической послѣдовательности „тотъ либо другой элементъ художественнаго произведенія односторонне „выдвинется впередъ и напряжется не совсѣмъ въ мѣру.“ Это классическое изреченіе Шнаазе находитъ себѣ относительно готики полное подтвержденье. Признавъ въ ней разъ вертикальную, отвѣсную систему, начали вы-

двигать впередъ ея направленье въ высоту и дѣлали это то съ трезвою еще рѣшительностью, то ужь безо всякой удержи, съ какимъ-то явнымъ безпокойствомъ, а между тѣмъ пространственное чувство того времени наклонялось болѣе къ раздачѣ построекъ въ ширь, а не въ высь. Тогда уже вполнѣ овладѣли техникой и начали блистать ею то въ эффектной массивности, то въ кудреватомъ обиліи наряднаго прорѣзнаго расчлененья. Тутъ сталъ заявлять свою силу прямой расчетъ, а воображеніе только игриво окружало его плавными, размашистыми формами. Постепенно слабѣло и разлагалось первоначальное единство фантазіи и смысла, создавшее тѣ чудныя произведенія, въ которыхъ все конструктивно-значительное выступало впередъ ясно и граціозно, а прикрасы были только какъ бы замысловатымъ отзвукомъ того же внутренняго значенья; теперь же то позабываются изъ-за цѣлаго частности, то напротивъ взятыя сами по себѣ, онѣ загромождаются чрезмѣрной роскошью закрутей и перевивовъ. Формы становятся условными, и личность зодчаго пускаетъ въ ходъ свои прихоти совершенно произвольно; творческая ея дѣятельность проявляется въ перенос҃ѣ формъ, добытыхъ храмоздательствомъ, съ церкви на зáмокъ, на ратушу или гостиный дворъ, на чертогъ вельможи и на жилье простого частнаго человѣка; тутъ архитекторъ выходитъ переводчикомъ, преобразующимъ данное соотвѣтственно новымъ цѣлямъ; въ этомъ особенно сказывается свѣтскій духъ гражданства выбивающагося изъ-подъ гнета феодальности.

Чѣмъ богаче расчленяли ребра сводовъ, тѣмъ тоньше пускали подъ ними окружавшія опорный столпъ пристрѣлины; кряжъ его скрывался за цѣлымъ тыномъ дудчатыхъ стволовъ, и высокій снопъ ихъ развѣтвлялся потомъ въ потолочную сѣть часто непосредственно безъ капители, а не то — обозначалъ ее развѣ только набросанною листвою. Такъ же точно отметали капитель на жезлахъ узорчатой прорѣзи и круглую розу подъ большимъ надоконнымъ щипцомъ; жезлы пускали въ видѣ волнообразно сплетающихся линій, пересѣченныхъ какъ въ струйчатой ткани рыбьяго клея, но разумѣется пригоняя ихъ такъ, чтобы они всѣ сходились потомъ въ вершинной точкѣ. По фасадамъ горизонтальныя линіи галерей съ ихъ статуйнымъ убранствомъ, а также и прекрасная роза центральнаго окна съ величавымъ ея спокойствіемъ, принесены были въ жертву парящему вверхъ жезловому украшенію и узкимъ стрѣльчатымъ окнамъ. Въ самой же стрѣльчатой аркѣ, по порталамъ, щипцамъ и оконнымъ пролетамъ, линіи, склонявшіяся внутрь, охотно выводили потомъ мягкимъ эластическимъ изгибомъ наружу, такъ что сомкнувшись напередъ въ стрѣлку, онѣ раскидывались опять надъ нею въ крестоцвѣтъ. Такое изгибистое образованіе прозвали ослинымъ хребтомъ или додáнью. Преимущественно Германія создала теперь тѣ восходящіе къ небу сквозные башенные шлемы, которыми поэзія готики можно сказать завершается, и въ которыхъ обиліе рѣзной работы по щипцамъ, окнамъ и галерейкамъ заканчиваетъ цѣлое какъ бы великолѣпнымъ хоромъ во славу божію. На ряду съ этимъ начали охотно прибѣгать къ фальшивымъ фронтонамъ между церковными башнями, какъ передъ домами, при чемъ наружный фасадъ не отвѣчалъ уже внутренности, точно такъ же какъ и въ житейскомъ быту существовала еще для вида церковная и рыцарская обстановка, но прежняго духа и содержанія не было въ ней и слѣда.

Во Франціи, во время англійскихъ войнъ, настало ослабленіе зодческой дѣятельности, такъ сильно напряженной въ 13-мъ столѣтіи; мастера были такъ-сказать эпигоны, послѣдыши, которые по большой части только уже медленно доканчивали постройку заложенныхъ прежде соборовъ. Въ 15-мъ вѣкѣ, по водвореніи мира, на сѣверѣ горячо взялись опять за постройки и возводили ихъ въ томъ особенномъ стилѣ, который по своимъ струистымъ украшеніямъ, взвивавшимся въ видѣ огненныхъ языковъ, получилъ названіе „пламенистаго" или струистаго (flamboyant). На югѣ предпочитали болѣе обширные размѣры въ широкосводчатыхъ однокорабельныхъ соборахъ съ крытыми оловомъ башнями и съ простыми кирпичными стѣнами, имѣвшими снаружи видъ крѣпостныхъ.

Германія заканчивала свои большіе соборы, и какъ въ достройкѣ начатаго, такъ и въ новыхъ предпріятіяхъ, обнаруживала тѣ видоизмѣненія, какимъ подвергался въ то время готическій стиль вообще. Самочувствіе могущественныхъ свободныхъ гражданскихъ общинъ требовало свѣтлыхъ и обширныхъ пространствъ, а потому охотно стали давать кораблямъ почти одинаковую высоту и подводить ихъ подъ одну общую кровлю, не окружая ихъ попрежнему каменнымъ костякомъ устоевъ и наружныхъ опоръ. Прорѣзные подзоры большихъ оконъ представляли видъ сіяющаго солнца или вертящагося колеса; волнообразныя, струистыя, прыщущія эти формы, которыя встрѣчаются намъ впрочемъ и въ другихъ мѣстахъ, пожалуй намекаютъ еще на приливъ свѣта, прежде проторгавшагося въ эти отверстія. Расположеніе клироса было вообще упрощено. Изъ числа новыхъ построекъ назову здѣсь церковь св. Стефана въ Вѣнѣ, соборы въ Прагѣ, во Франкфуртѣ, въ Магдебургѣ, церкви св. Лаврентія и св. Зебальда въ Нюренбергѣ, мюнстеръ въ Ульмѣ, и церковь Пресвятой Дѣвы въ Эслингенѣ. Вецларская фундушевая церковь показываетъ чуть ли не яснѣе всѣхъ другихъ постепенный ходъ развитія отъ раннероманскаго до позднеготическаго стиля. Рядомъ съ этими замѣчательными сооруженіями изъ тесанаго камня, пріобрѣтаютъ свою характеристическую законченность и кирпичныя постройки сѣверной Германіи. Однокровельная хоромная форма и та, которая сильно подвышаетъ средній корабль надъ боковыми, встрѣчаются можно-сказать почти равномѣрно; но въ обоихъ случаяхъ массивный характеръ все-таки преобладаетъ надъ разложеніемъ стѣнъ въ одиночныя вертикальныя полотна: стѣна заявляетъ свою сплошность вокругъ оконъ, большія площади оставляются обыкновенно безъ нарядной отдѣлки, и устои втянуты часто внутрь, такъ что въ промежуткѣ ихъ подъ окнами устроиваются часовни. Вмѣсто пластически выступающихъ обломовъ и орнаментовъ, главныя линіи любятъ обозначать обожженнымъ на разные лады кирпичомъ и оживлять математически-сочиненными узорами, расцвѣчая ихъ темнѣе или свѣтлѣе. Любили также разрывать кровлю долевыхъ сторонъ нарядными щипцами посверхъ оконъ и замѣнять этою прикрасой прежніе устои съ арками. Величавая Маріинская церковь въ Любекѣ достойна этого вождя могучей Ганзы, и гордо предшествуетъ она церквамъ Мекленбурга, Помераніи и бранденбургской украйны; какъ особенно значительныя приведу я штендальскую, тангермюнденскую и вильснакскую. Въ Силезіи постройки изъ тесанаго камня идутъ бокъ óбокъ съ кирпичными. Соборамъ нижнегерманской равнины посылаетъ съ предго-

рія Альповъ свой привѣтъ Богородичная церковь въ Мюнхенѣ и другая въ Ингольштадтѣ, обѣ — высокія хоромныя постройки, замѣчательныя могучей простотой. Въ Пруссію нѣмецкая колонизація и христіанская культура введены рыцарскимъ орденомъ, который при своихъ крѣпкихъ за́мкахъ, или независимо отъ нихъ, строилъ и церкви, незатѣйливо простыя снаружи, но зато особенно отличавшіяся внутри сѣтчатыми и веерообразными сводами покрыши. Это хоромныя сооруженія, которыхъ боковые корабли обыкновенно унизаны внутри цѣлыми рядами часовень. Такъ-какъ опорные столпы стѣнъ вдвинуты здѣсь внутрь, то стѣны высятся снаружи простыми крѣпкими массами, а пущенный надъ кровельнымъ карнизомъ зубчатый вѣнецъ присоединяетъ къ церковному впечатлѣнію воинственное,—впечатлѣніе готовности къ оборонѣ. Соборъ въ Данцигѣ еще превосходитъ соборы торнскій и кёнигсбергскій, снаружи — величавымъ объемомъ и могучею башнею, а внутри обиліемъ тонкихъ столповъ, хорошо расчлененныхъ сѣней и гармоническихъ пропорцій. Вообще на дѣвственной почвѣ сѣверовостока Германіи архитектура отличалась первобытной свѣжестью.

Въ западныхъ Нидерландахъ Бельгія ближе держится французскихъ пріемовъ, тогда какъ Голландія усвоиваетъ себѣ образецъ просторной и массивно-могучей хоромной постройки; въ Гентѣ же обѣ системы взаимно соприкасаются. Антверпенскій соборъ придалъ справа и слѣва къ обоимъ узкимъ боковымъ кораблямъ еще по одному внѣшнему, вдвое превосходящему ихъ шириною, отчего богатый столпами просторъ хоромнаго сооруженія выигралъ крайне живописный эффектъ въ переливахъ свѣта и тѣни, а равно и въ перспективныхъ проглядяхъ.

Война съ Франціей повела къ примиренію и сліянію норманской аристократіи въ Англіи съ саксонскимъ народомъ; выработался особенный пошибъ англійскаго языка, обогатившаго германскій элементъ романскими словами и ставшаго теперь господствующимъ въ парламентѣ, въ школѣ и въ литературѣ. Туземное чувство и въ архитектурѣ точно также воспользовалось заносными изъ Франціи формами, уравновѣсило горизонтальное направленіе съ идущимъ въ высоту, породило пріятную гармонію вводомъ разныхъ мягкихъ переходовъ и развернуло много вкуса въ своей наклонности къ украшенію. Оттого Англичане и видятъ цвѣтъ своей готики въ стилѣ 14-го вѣка; они называютъ его decorated, нарядныыъ, но не то чтобъ изукрашеннымъ, такъ-какъ при граціозномъ своемъ богатствѣ онъ держится изящной середины между прежнею непригладностью и позднѣйшимъ вытянутымъ въ струнку лоскомъ. Декорація не развертывается, правда, изъ ядра зданія, но одѣваетъ его сѣтью пластически-сильнаго и прелестнаго узора. Изобрѣтательность особенно любила показать себя въ той каменной рѣзьбѣ, которая по своимъ восходящимъ и нисходящимъ струямъ прозвана была текучей, flowing, но которая столько же, пожалуй, напоминаетъ и растительные отпрыски. Сводамъ придавали видъ разныхъ сѣтчатыхъ и звѣздчатыхъ фигуръ, которыя, правда, заслоняютъ конструктивный элементъ игрою линій декоративнаго узора, но зато на каждомъ шагу удовлетворяютъ глазъ все новой и новой прелестью. Знаменитыми произведеніями этого времени предстаютъ личфильдскій, іоркскій, веллзскій и элійскій соборы; всѣ они покрыты паутинной рѣзьбы, которая въ Эли, напримѣръ, „выграненная какъ брилліанты,

обточенная какъ кружевные зубчики", конечно болѣе отвѣчаетъ мірскому разгулу какого-нибудь веселаго пира, нежели достоинству церковнаго торжества. Подъ самый конецъ вѣка Вильямъ изъ Вайкгема (Wykeham) внесъ въ архитектуру мѣрность и спокойствіе, но вмѣстѣ и трезвую, холодную разсудочность своимъ „перпендикулярнымъ" стилемъ, прозваннымъ такъ по отвѣсно-восходящей жезловой отдѣлкѣ, господствующей теперь въ украшеніяхъ и замѣняющей или по крайней мѣрѣ сдерживающей прежнія волнисто-мягкія формы прямымъ угломъ и соотвѣтственными ему линіями. Вообще же выдвигается впередъ горизонтальное направленіе, напримѣръ—въ увѣнчанной зубцами кровлѣ, и вмѣсто крутой ланцетообразной дуги входитъ въ моду сильно пригнетенная, съ разносомъ вверху, тюдоровская арка. Какъ естественная, самородная конституція Англіи нечувствительно переводитъ средневѣковой духъ въ новый, такъ точно и этотъ стиль кажется намъ какъ бы очищеніемъ готики посредствомъ Возрожденья, смягченіемъ средневѣкового спиритуализма свѣтскимъ смысломъ новаго гражданскаго быта и сословія. Оттого именно онъ такъ долго и держался въ Англіи. Онъ пошелъ отъ коллегіальныхъ зданій Винчестера и Оксфорда, гдѣ не слишкомъ строгій монастырскій порядокъ долженъ былъ царить обруку со всеобщею наукой, и гдѣ онъ знаменуетъ собой именно это соединеніе церковныхъ цѣлей съ мірскими. Его перенесли потомъ на соборы и на зáмки. Въ то же время у островитянъ-кораблестроителей проявляется опять древнегерманская любовь къ деревяннымъ покрышкамъ, и мѣсто свода заступаютъ могучія и изукрашенныя стропила съ обрѣшеткою. Или же сводъ развертывается изъ столповъ веерообразно, въ видѣ смыкающихся всерединѣ половинъ подсолнечника, какъ мы видимъ это, напримѣръ, въ глосстерскомъ крытомъ ходѣ; тогда какъ напротивъ въ вестминстерской часовнѣ Генриха VII-го стрѣлки свода идутъ то поднимаясь, то опускаясь, и среди волнистой, роскошно изукрашенной сѣти ихъ переплетовъ замочные камни висятъ какъ будто бы на воздухѣ.

Художники въ Италіи, на ряду съ другими элементами, начинаютъ уже свободно употреблять въ дѣло и греческія формы. Во флорентинскомъ соборѣ національный вкусъ обнаруживается тѣмъ, что свѣтлый просторъ явно предпочтенъ здѣсь крутой подвыси, а въ цвѣтистой орнаментикѣ, какою украсилъ колокольню его Джотто, горизонтальная линія является неоспоримо преобладающей. Въ павійской Чертозѣ круглая дуга чередуется съ стрѣльчатою, и фасадъ прямо уже можно назвать блестящимъ памятникомъ ранней поры Возрожденья; соборъ Санъ-Петроніо въ Болоньѣ только на половину выполняетъ задуманный для него колосальный планъ. Величайшимъ и блистательнѣйшимъ созданіемъ итальянской готики предстаетъ миланскій соборъ, начатый въ 1386-мъ году нѣмецкимъ мастеромъ, Гейнрихомъ Гмюндскимъ. О пяти долевыхъ и трехъ поперечныхъ корабляхъ, съ куполомъ надъ средокрестьемъ и многоугольнымъ замкóмъ клироса, поднимается онъ съ середины въ высоту легкими уступами и представляетъ этимъ свѣтлый просторъ такъ-называемаго „хоромнаго" сооруженья; снаружи горизонтальная линія плоской кровли прерывается богато изукрашенными фіалами, которые несутъ на себѣ въ воздухъ словно цѣлый лѣсъ статуй. Внутри тонкіе столпы снабжены тяжелыми капителями, похожими на сѣменныя коробки и также служащими опять поддержкою для статуй. Буркгардтъ находитъ постройку эту,

неорганически перемѣшивающую сѣверное съ итальянскимъ, поучительнымъ образчикомъ для всякаго, кто захочетъ уяснить себѣ разность между впечатлѣніями художественнымъ и фантастичнымъ. Однакожь онъ совѣтуетъ воздержаться отъ послѣдняго и самъ называетъ соборъ прозрачною мраморною горой, великолѣпною середи бѣла дня и баснословною при свѣтѣ мѣсяца, полною снаружи и внутри скульптуръ и расписныхъ стеколъ и связанною со всякаго рода историческими воспоминаніями, — чѣмъ-то вообще такимъ, чему подобнаго не представляетъ цѣлый міръ. Первое впечатлѣніе при входѣ во храмъ и потомъ ясный утренній часъ, проведенный на верху крыши, гдѣ бѣлые фіалы съ ихъ статуями и орнаментами, облитые золотомъ солнечныхъ лучей, возносятся въ голубое небо, тогда какъ внизу раскинуто море городскихъ домовъ и вся Ломбардія стелется передъ вами необъятнымъ садомъ, а на сѣверъ Альпы преграждаютъ видъ своими снѣжноблестящими вершинами,—и то и другое остается, для меня по крайней мѣрѣ, незабвеннымъ и конечно принадлежитъ къ совокупному эстетическому эффекту цѣлаго.

Испанія неослабно продолжаетъ зодческую свою дѣятельность. На франкской всущности основѣ блистательно развертывается здѣсь орнаментъ, напоминающій мавританское преданіе,—особенно уборка арокъ зубчатою, чуть не кружевною, бахрамой. Сюда относятся соборы въ Леонѣ, Барселонѣ, Валенсіи, Бургосѣ, Севильѣ и Сарагосѣ.

Преимущественно должны мы упомянуть о томъ переносѣ готическаго стиля на свѣтскія постройки, которымъ понастоящему и заявляетъ себя теперь въ архитектоникѣ художественное выраженіе духа времени. Города обводились окопами и зубчатыми стѣнами, крѣпкія ворота часто надстроивались башней, да башни же возвышались на извѣстныхъ разстояніяхъ и по стѣнѣ, служа сборнымъ мѣстомъ для защитниковъ. Городъ не могъ уже распространяться наружу, а внутренній его ростъ по необходимости стѣснялъ улицы и прибѣгалъ къ вертикализму въ архитектурномъ стилѣ для угона домовъ въ высоту. Щипцомъ обращены они на улицу и часто пускаютъ его выше кровли; къ нему идутъ по стѣнамъ лопатки, охватывая въ промежуткѣ окна и увѣнчиваясь фіалами, а узкія горизонтальныя линіи между ними восходятъ и нисходятъ уступчатой террасою. Передняя часть нижняго яруса часто покоится на столпахъ, которые отъ одного дома до другого образуютъ иногда крытые переходы; внутри перваго этажа устроено рабочее или дѣловое помѣщеніе, а лѣстница ведетъ на верхъ въ свѣтлицу, вкругъ которой расположены жилыя и спальныя комнаты. Наружу въ верхнемъ ярусѣ зачастую живописно выступаетъ на углу, а не то — и посерединѣ, башнеобразный теремокъ. Тѣсно сплотившись, но замкнутые каждый въ своей особности и однакожь всущности всѣ похожіе другъ на друга, дома въ сплошныхъ рядахъ своихъ отвѣчаютъ крѣпкому союзу гражданъ городской общины, и вплоть до 15-го вѣка частныя жилища хранятъ, какъ и въ Аѳинахъ при Периклѣ, строгую простоту, тогда какъ могущество города и его гордость своимъ самозданнымъ величіемъ проявляются въ роскошномъ стилѣ и пышности общественныхъ построекъ. Въ жилыхъ домахъ окна замыкались по обыкновенію прямолинейно; въ городскомъ же замкѣ, въ ратушѣ или въ гостинномъ дворѣ къ окнамъ, какъ равно и ко входнымъ дверямъ, примѣняли стрѣльча-

тую арку, и красивыя сводчатыя залы выходили на улицу высокими и широкими окнами съ рѣзнымъ подзоромъ. Всесвѣтная торговля требовала гостиннаго двора для товарныхъ оборотовъ, ко́локола, который созывалъ бы людей на сходъ, а для стражи отъ огня и непріятельскаго нашествія нужна была башня, которую строили обыкновенно какъ можно благолѣпнѣй, взнакъ могущества и независимости города, соединяя ее съ ратушей, гдѣ въ нижнемъ ярусѣ помѣщались поддерживаемая столпами галерея или храмина гостиннаго двора, а въ верхнемъ—залы городской думы. Иногда же строились отдѣльныя палаты для торговыхъ оборотовъ и для городского управленія. Особенно нидерландскіе города Брюссель, Гентъ, Брюгге, Лу́венъ, Иперпъ, представляютъ такія великолѣпныя гражданскія постройки, въ которыхъ ясно виденъ сообразный духу времени переходъ отъ тяжелыхъ, замкообразныхъ церквей къ веселой силѣ и жизненной полнотѣ мірского побыта.

Въ Германіи къ разнобразію стройки изъ тесанаго камня и изъ кирпича присоединялись еще въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ живописные клѣтчатые (фахверковые) фасады, гдѣ на одѣланныхъ въ видѣ консолей балкахъ разные ярусы зданія выдвигаются одинъ надъ другимъ впередъ, а все́ вмѣстѣ изукрашено богатою рѣзьбою. У брауншвейгской ратуши столпы нижняго этажа выносятъ наружу крытый ходъ, котораго прорѣзные насквозь щипцы высятся прекрасными подзорами. Вальяжной силою отличаются вообще городскія думы Ганзы, и ворота Любека, Стендаля, Тангермюнде такъ же представляютъ соединеніе прочности съ приглядностью. Нутреные своды такъ-называемаго Артусова Двора въ Данцигѣ, развертываясь вееромъ изъ могучихъ гранитныхъ колоннъ, напоминаютъ намъ одно изъ превосходнѣйшихъ средневѣковыхъ произведеній, Маріэнбургскій за̀мокъ. И теперь еще твердыни Тевтонскаго ордена, покорившаго и обратившаго къ христіанству Пруссію, величаво смотрятъ на этотъ край съ высоты холмовъ или искусственныхъ подстроекъ, особливо же сейчасъ названный гросмейстерскій за̀мокъ, тщательно возстановленный, истый перлъ всѣхъ сооруженій средневѣкового рыцарства, величественный образъ того духовнаго и мірского значенія, того могущества и блеска, какіе пріобрѣлъ себѣ этотъ орденъ въ исторіи. Къ простѣйшему сравнительно старому за̀мку примыкаютъ выстроенныя позже богато-изукрашенныя крылья, или флигеля, и изящно выполненная церковь. Середній за̀мокъ опишу я со словъ Шнаазе: произведеніе это полно великолѣпія и изящнаго достоинства, можно сказать — отъ пяты до маковки, отъ подваловъ и кладовыхъ вплоть до зубцовъ. Благороднѣйшимъ алмазомъ въ этомъ вѣнкѣ архитектоническихъ красотъ является знаменитый Конвентсремтеръ (палата орденскихъ собраній), продолговатый, значительныхъ размѣровъ, залъ, освѣщенный высокими стрѣльчатыми окнами, въ которыхъ три тонкія гранитныя колонны съ капителями самой благородной формы поддерживаютъ пальмообразный сводъ, по легкости и красотѣ превосходящій все, что готика другихъ странъ успѣла произвесть въ подобномъ родѣ. Восходя смѣлымъ взмахомъ отъ стройныхъ опоръ и представляя съ разныхъ точекъ зрѣнія многоразличнѣйшія пересѣчки, своды эти носятъ на себѣ характеръ рыцарской изящной ловкости и въ то же время строгости и простоты, въ которой нѣтъ и слѣда изнѣженной блажи. Все зданіе и снару-

жи производитъ царственно-величавое впечатлѣніе, оно смотритъ крѣпко и вмѣстѣ удобно.

Во Франціи, кромѣ Отéль Клюни въ Парижѣ или еще прекрасной судебной палаты въ Руанѣ, снискалъ себѣ громкую извѣстность домъ Жака Кёра въ Буржѣ между прочимъ и своей замысловатою рельефною отдѣлкой, которая съ такой простодушной ясностью обозначаетъ цѣль различныхъ частей жилья. На фасадѣ стоитъ девизъ владѣльца: A vaillants (coeurs) rien impossible, т. е. Доблестнымъ сердцамъ * нѣтъ невозможнаго. Мрачно-величаво высится въ Авиньонѣ папскій дворецъ съ своими башнями и зубцами, полузáмкомъ, полутюрьмой.—Въ Англіи перпендикулярный стиль, въ томъ видѣ какъ онъ развился въ коллегіальныхъ сооруженіяхъ, былъ перенесенъ и на зáмки знати; служа настоящимъ украшеніемъ странѣ, они соединяютъ въ себѣ характеръ прочности и замкнутости не по одному названію.

Италія превзошла еще и Нидерланды бóльшею законченностью или изящнѣйшимъ примѣненіемъ готическаго стиля къ свѣтскимъ постройкамъ сравнительно съ церковными. Тамъ духъ городской вольности проявляется въ сооруженіи благонадежныхъ, полныхъ аристократической спеси зáмковъ, но также и общественныхъ зданій съ сквозными галереями и самымъ веселымъ орнаментомъ. Впечатлѣніе итальянскихъ городовъ и донынѣ рѣшительно этимъ обусловлено. Я уже и въ прошломъ періодѣ упоминалъ о подобныхъ постройкахъ во Флоренціи и сосѣднихъ съ ней мѣстахъ; сюда же примыкаютъ теперь Сіэна, Болонья, Падуа, Верона, Миланъ; вездѣ воинственно-мрачное уступаетъ мѣсто привѣтливо-ясному, сохраняющему однакожь свою прочность въ предѣлахъ изящныхъ пропорцій. Въ галереѣ Оркапьи во Флоренціи, предназначенной для совершенія общественныхъ актовъ передъ народною сходкой, а впослѣдствіи прозванной „Лоджа де-ланци“ (loggia de lanzi) потому что она служила гауптвахтой для ланцкнехтовъ, спокойное равновѣсіе пропорцій невольно напоминаетъ уже антикъ: четыре красивые столпа связаны полукруглыми арками и увѣнчаны балюстрадой съ простымъ рѣзнымъ подзоромъ. — Но въ этомъ періодѣ всего удивительнѣе съ архитектонической стороны обнаруживаетъ особенность свою Венеція. Большое государственное зданіе, дворецъ дожей, представляетъ въ нижнемъ ярусѣ сквозную стрѣльчатую галерею, которой тяжелыя колонны достаточно прочны для поддержки цѣлаго, а между тѣмъ даютъ полнѣйшій просторъ для всѣхъ возможныхъ торговыхъ сдѣлокъ. Надъ нею идетъ вторымъ ярусомъ галерея изъ болѣе легкихъ колоннъ съ красивыми прорѣзными розеттами надъ каждою аркой, и даетъ возможность вполнѣ наслаждаться видомъ и наружу и внутрь зданія: отсюда открыто море съ вереницею судовъ. Надъ этой галереей простирается вверхъ толща стѣны, и однакожь ни мало ея не давитъ; потому что вся она сквозитъ въ стрѣльчатыхъ окнахъ, и увѣнчана острыми зубцами, по угламъ же высятся, какъ мачты или шатерныя стойки, тонкія колонны, на которыхъ какъ будто бы натянута, подобно ковру, узор-

---

* «Сердцамъ» изображено не письменами, а двумя разными фигурами сердца.

чатая поверхность цѣлаго этажа, испещренная цвѣтными каменьями и живо напоминающая собой Востокъ, откуда рѣкою текло все богатство Венеціи. Благодаря этому истинно царскому богатству граждaнъ, изъ водяныхъ улицъ города выростали то и дѣло частные чертоги, которыхъ простой нижній этажъ служитъ обыкновенно для товарныхъ складовъ, тогда какъ верхніе выходятъ наружу балконами и колончатыми аркадами, граціозно украшенные рѣзьбой. Стрѣльчатая арка принимаетъ иногда восточныя размашистыя формы. Платенъ не даромъ пѣлъ про Венецію:

Богатая плетеница готическихъ арокъ,
Граціозно увѣнчанная цвѣтами розеттъ,
Держится на мраморныхъ стержняхъ
И отовсюда охвачена балконами.
Какая неистощимая роскошь образовъ,
Которые всѣ прыщутъ изъ потока обыденной жизни
И въ которыхъ вездѣ царитъ глубокая дума неразлучно съ красотой!

ПЛАСТИКА И ЖИВОПИСЬ.

Изобразительное искусство остается еще въ тѣснѣйшей связи съ религіозными настроеніями и цѣлями, но Церковь для выполненія своихъ задачъ пользуется уже свѣтскими руками, и художественная передача индивидуальной жизни выигрываетъ отъ того, что при упадкѣ іерархіи благочестивыя чувства и созерцанія отдѣльныхъ лицъ стремятся къ выраженію, вполнѣ отвѣчающему ихъ искренности и проявляющему идеалъ души въ ея чистотѣ и мирѣ съ Богомъ. Ваяніе и живопись теперь—городскія ремесла, собственно какъ ремесламъ имъ и учатъ и учатся; но если эта здоровая народная почва оберегаетъ ихъ отъ суетной произвольности и даетъ имъ добрую техническую основу, зато свободное проявленіе личнаго генія просто уже на-рѣдкость; силы художниковъ правда поддерживаются, но вмѣстѣ съ этимъ и ограничиваются общимъ стилемъ школы, и лучшіе изъ нихъ производятъ, ни дать ни взять какъ въ народной пѣснѣ, развѣ лишь чисто самородный, безискуственный цвѣтъ красоты. Только въ Италіи заря новой эпохи даетъ знать себя между прочимъ и тѣмъ, что тамъ сильнѣе выдвигается впередъ субъективность художниковъ. И теперь уже замѣтно у Итальянцевъ стремленіе къ благородству формы, къ ритму линій, тогда какъ по сю сторону Альповъ главное составляютъ миловидность и сила выраженія.

Скульптура первая доходитъ до обширнѣйшаго производства, благодаря большому запросу статуй для украшенія готическихъ соборовъ, и естественно приноравливается къ архитектурѣ стройной высотой и легкой гибкостью своихъ фигуръ, равно какъ и мягкими струями ихъ складчатой одежды. Вмѣсто эпическаго стиля въ цѣломъ циклѣ величавыхъ обликовъ господствуетъ лирическое выраженіе чувства у отдѣльныхъ фигуръ, и ходячими, общепринятыми становятся лишь такія формы, которыя изображаютъ смиренную или порывистую преданность души, такъ-какъ вѣдь все дѣло теперь въ послѣдней, и на тѣлесный складъ обращается вниманіе не ради собственно его, а только съ цѣлію выразить чувство въ естественномъ явленіи. Передъ нами всего больше камнерѣзной работы, изъ которой много есть прекраснаго въ церквахъ Кёльна, Эслингена, Гмюнда, но особенно отличается ею Нюренбергъ, гдѣ преданіе приписываетъ мастеру Зебальду Шонговеру характерныя мужскія и граціозныя женскія фигуры въ мѣстной Богородичной церкви. Его вліяніе распознаемъ мы и въ прекрасномъ колодцѣ, украшенномъ изображеніями не только патріарховъ и пророковъ, Карла Великаго и Готфрида Буйльіонскаго, но и языческихъ героевъ,—Гектора, Александра, Цезаря, а также и въ рѣзьбѣ прелестной „Невѣстинской Двери"въ церкви св. Зебальда. Изъ множества мадоннъ одна, на южномъ порталѣ аугсбургскаго собора, и другая, въ Вецларѣ, соединяютъ въ себѣ достоинство постановки съ миловиднымъ выраженіемъ. Колосальному горельефу Маріи съ Младенцемъ придана прочная и расцвѣченная притомъ отдѣлка тѣмъ, что онъ весь одѣтъ мозаичною оболочкой изъ вызолоченныхъ или цвѣтныхъ стеклышекъ.— Рельефы клиросной ограды въ парижской церкви Нотръ Дамъ передаютъ жизнь Іисуса Христа съ монументальнымъ спокойствіемъ и ясностью, тогда какъ говоря вообще во французской скульптурѣ видимо уже блекнетъ цвѣтъ предыдущаго періода.—Упомянемъ еще о томъ, какъ юморъ все смѣлѣе и смѣлѣе тѣшится демонскими образинами на жерлахъ водостоковъ, какъ медвѣдь сольвомъ потираютъ другъ о друга носами, какъ кошка съ собакою ловятъ одна другую за хвостъ, — главное, какъ вообще пущено здѣсь въ ходъ звѣросказаніе. На аміэнскомъ соборѣ мы видимъ уже лису, выманивающую у вороны кусокъ сыру, и журавля достающаго волку кость изъ горла; въ Бранденбургѣ волкъ въ бараньей шкурѣ проповѣдываетъ овцамъ, а въ Страсбургѣ лиса въ монашескомъ клобукѣ — курамъ; не забытъ и играющій на лютнѣ музыкантъ оселъ.

Часто встрѣчаются теперь надгробныя статуи; онѣ представляютъ усопшихъ на молитвѣ или покоящимися вѣчнымъ сномъ, при чемъ вѣрно передаютъ ихъ одѣяніе; стоятъ онѣ обыкновенно у самой стѣны, а ложемъ для усопшихъ служитъ крышка саркофага. Когда памятникъ опущенъ въ церковный помостъ, онъ обыкновенно выполненъ барельефомъ, а не то — рисунокъ только процарапанъ и пожалуй выложенъ еще цвѣтными полосками (инкрустированъ). Къ этому присоединяются потомъ мѣдныя или бронзовыя доски съ рѣзными портретами, окруженными архитектоническимъ орнаментомъ и фигурками ангеловъ и святыхъ. Стѣнки архіепископскихъ надгробницъ въ Кёльнѣ конца 14-го и начала 15-го вѣка украшены святыми, выполненными въ маломъ видѣ изъ песчаника и не обнаруживающими слабаго еще тогда пониманія природы; нѣжность, деликатность линій отвѣчаетъ искренности

чувствъ, и мы столько же распознаёмъ здѣсь близость славной живописной школы, сколько убѣждаемся и въ томъ, что такое чудо слѣдующей эпохи, какъ ванъ-Эйкъ и его реализмъ, нашло себѣ подготовку въ тѣхъ пластикахъ, которые съ половины 14-го вѣка во Фландріи стремились въ своихъ гробничныхъ рельефахъ къ индивидуальной правдѣ и, воспроизводя образъ естественныхъ формъ, передавали даже складки кожи и всѣ сочлененія. Цѣлый рядъ такихъ произведеній сохранился въ Турнѐ.

Фигуры напрестольныхъ (алтарныхъ) ковчеговъ внѣ Италіи обыкновенно рѣзались изъ дерева. Ихъ слегка покрывали гипсомъ, чтобы смягчить случайныя жесткости рѣзца, и потомъ еще мѣстами раскрашивали. Фигуры стоятъ передъ золоченымъ фономъ съ ковровыми узорами, и вообще находятся въ такомъ помѣщеніи, куда свѣтъ доходитъ только въ расписныя окна и потому самъ по себѣ обливаетъ предметы разнообразіемъ колоритныхъ тоновъ; онѣ, сверхъ того, въ близкой связи съ живописью ковчежныхъ створовъ, которые, когда они распахнуты, по необходимости примыкаютъ къ фигурамъ съ обѣихъ сторонъ. Все это вызывало придать колоритъ и имъ самимъ, но не такой, который имѣлъ бы въ виду натуралистическую иллюзію, а лишь художественно-гармоническое настроенье. И какъ у человѣка перемѣны душевныхъ состояній отражаются въ пылающемъ или блѣднѣющемъ лицѣ, въ блескѣ глазъ или подергивающемъ ихъ туманѣ, то естественно что и стремившееся къ передачѣ внутреннихъ ощущеній искусство ухватилось за краску, чтобы оживить колоритомъ символику воспроизводимыхъ формъ и обезпечить этимъ выраженію непосредственную, сильную эффектность. Что живопись преимущественно отвѣчала сердечному чувству народа и оттого сдѣлалась верховоднымъ искусствомъ въ тѣ именно времена, это обнаруживается и той колоритной отдѣлкою, какую придавали пластическимъ произведеніямъ; пробудившійся тогда живописный смыслъ предоставлялъ пластикѣ одну тѣлесную вылѣпку тѣхъ обликовъ, которые хотѣлъ потомъ надѣлить чувствомъ и душою. Конечно, крупныя церковныя работы принадлежатъ еще общему духу времени, и въ нихъ не замѣтно прогресса передъ прошлымъ вѣкомъ; напротивъ, не льзя отрицать здѣсь эпигонства и саморазложенія стиля, усвоеннаго давностью: зато въ мелкихъ работахъ могла заявлять себя индивидуальность какъ заказчика, такъ и художника, и послѣдняя—подняться иногда надъ ремесленною техникой. Куглеръ называетъ одну алтарную одежду въ трибзейской церкви лучшимъ и изящнѣйшимъ произведеніемъ нѣмецко-готической скульптуры. Какъ Слово воплощается, это, правда, передано здѣсь матерьяльно до безвкусія,—тѣмъ именно путемъ, что ангелы всыпаютъ его въ мельничную воронку, изъ которой оно идетъ въ квашню, а оттуда выходитъ потомъ младенцемъ Іисусомъ и становится надъ чашею; но зато грѣхопаденіе, искупленіе, тайная вечеря изображены съ такою чистою граціей въ строгозаконныхъ формахъ идеальнаго стиля, кротость выраженія сливается съ торжественнымъ достоинствомъ обликовъ до такой степени наивно и свѣтло, что даже и Эрнстъ Фёрстеръ приравниваетъ эту работу къ восхитительнѣйшимъ созданіямъ Фіэзоле. Кромѣ того, богатый достатокъ гражданской жизни требовалъ отъ искусства — украшенія золотыхъ вещей, серебряной посуды, ларцовъ и креселъ; а переносъ на церковную и домашнюю утварь готическихъ построекъ и архитектоническихъ

орнаментовъ придавалъ имъ чуждыя, несвойственныя формы, вмѣсто того чтобы возводить въ перлъ красоты ту именно форму, которая была естественна и цѣлесообразна, хотя при этомъ неоспоримо что мастерство нѣжной прорѣзной работы значительно подняло утонченную бойкость техники. Особенно изящна орнаментная костерѣзная пластика на книжныхъ футлярахъ и нарядныхъ ларчикахъ, которая какъ не льзя болѣе кстати обратилась теперь къ изображеніямъ любовной службы и рыцарской поэзіи, и выполняла ихъ съ граціозной веселостью.

Въ Италіи скульптура не только что оставалась свободнѣе отъ напора вліяній готической архитектуры; но наклонная къ антику пизанская школа, о которой я недавно поминалъ, наводила ее на округлость, силу и чувственную полноту формы, а бѣлый мраморъ требовалъ передачи въ ней самой того, что̀ на сѣверѣ дополнялось раскраской. Мы видѣли однакожь, что классическое направленіе Николая Пизано уже у сына его, Джованни, приблизилось опять къ христіанскому типу подъ вліяніемъ нѣмецкихъ мастеровъ, а Джотто, никогда не теряя и̂зъ виду естественной правды, сталъ наконецъ пролагать настоящій путь пластикѣ. Стиль своихъ рисунковъ перенесъ онъ на рельефы, которыми украсилъ колокольню флорентинскаго собора,—изображенія человѣческаго бытоѣазвитія (культуры въ постепенномъ ея ходѣ) въ видѣ группъ, занятыхъ каждая извѣстной дѣятельностью, то-есть по замыслу христіанской уже живописи, а не въ видѣ спокойнаго индивидуальнаго облика, какъ изображалъ антикъ: сѣющіе или жнущіе люди являются здѣсь вмѣсто Цереры, наблюдающій небо астрономъ — вмѣсто музы Ураніи. Подъ вліяніемъ Джотто, Андрей Пизано сработалъ около 1330-хъ годовъ бронзовую южную дверь флорентинской крещальни, — сцены изъ исторіи Іоанна Крестителя, которыя вѣрно блюдутъ благородную простоту пластическаго рельефнаго стиля, композиціей высказываютъ въ маломъ многое, наполняютъ новой жизнію и художественно разробатываютъ готическіе типы. То же должно сказать и о символическихъ фигурахъ добродѣтелей. Серьёзность компоновки, свѣжесть жизненнаго проявленія и мѣра красоты сливаются у него воедино, и послѣдняя особенно замѣтна въ идеальной драпировкѣ одеждъ, которыя такъ ловко и нѣжно выдаютъ складъ облитого ими тѣла. Это съ особливой утонченностью выполнялъ и сынъ его, Нино. Андрей ди-Чоне, извѣстный болѣе подъ именемъ Орканьи, проектировалъ для прекрасной своей галереи также рельефы добродѣтелей, полные достоинства въ чистомъ размахѣ контурныхъ линій, и создалъ подлинно мастерское произведеніе въ алтарномъ ковчегѣ церкви Оръ-Санъ-Микеле, гдѣ между статуэтками пророковъ и ангеловъ изображено въ мраморныхъ рельефахъ житіе Пресвятой Богородицы, отличающееся мѣрнымъ спокойствіемъ, красотою формъ и естественною правдой. Ученикъ Орканьи, Ліонардо ди-Серджованни превзошелъ въ одной крупной алтарной работѣ въ Пистойѣ всѣхъ своихъ сотрудниковъ и наглядно доказалъ этимъ перевѣсъ флорентинскихъ мастеровъ; однако онъ переступилъ уже пластическую грань рельефа намѣткою ландшафтныхъ фоновъ въ глубинѣ.—Памятники Скалигеровъ въ Веронѣ знаменуютъ переходъ къ свѣтскимъ монументамъ, вполнѣ отрѣшающимся отъ условій религіозности; они стоятъ уже не въ церкви и хотятъ прославить передъ народомъ на открытомъ воздухѣ геройскую и правительственную силу владыкъ. Важнѣйшіе

начинаются съ Кана-гранде, на котораго Дантъ возлагалъ свои надежды впользу Италіи и вподрывъ свѣтской власти Церкви. Надъ поддерживаемымъ колоннами саркофагомъ высится также на колоннахъ балдахинъ, а на немъ конная статуя покойнаго, въ маломъ еще видѣ и примыкая къ архитектоническому организму, но—исходною уже точкой для самостоятельныхъ конныхъ статуй послѣдующаго времени. Въ монументѣ Карла Синьіоріо, Бонино да-Кампильіоне разработалъ данную форму самымъ эффектнымъ образомъ; ему же приписываютъ великолѣпную арку святого Августина въ павійскомъ соборѣ. Подобно тому какъ въ Веронѣ, лицевыя изображенія погребенныхъ владыкъ повторены рядомъ съ символическими даже фигурами нѣсколько разъ на надгробномъ памятникѣ, воздвигнутомъ Іоаннѣ II-ой и брату ея Андреемъ Чиччоне.—Въ Венеціи строитель дожескаго дворца, Филиппо Календаріо, озаботился и пластическимъ его убранствомъ. Статуи мадонны и апостоловъ, работы Джакобелло и Піэтро Паоло далле-Масенье, въ церкви св. Марка, отличаются идеальной обдѣлкою головъ и живоподвижными линіями одеждъ въ граціозно мягкихъ формахъ. Вообще же самая недостаточность большого простора въ венеціанскихъ зданіяхъ внушала или по крайней мѣрѣ усиливала любовь къ пластическимъ украшеніямъ, и подъ вліяніемъ пизайской школы скульптура предшествовала здѣсь позднѣйшему расцвѣту живописи. Да впрочемъ и во всей Италіи, благодаря пристрастію къ рельефу, пластика заняла у сродственнаго ей искусства живописный пошибъ, но, въ свою очередь, вознаградила живопись чувствомъ мѣры, ясности и правильной красоты формъ за то, что пріобрѣла отъ нея въ нравственномъ пониманіи мотивовъ и въ убѣдительной силѣ композиціи. Разобщенная ихъ дѣятельность принесла обѣимъ болѣе добра, нежели та нераздѣльная совокупность, какую мы видѣли въ росписной рѣзьбѣ нѣмецкихъ художниковъ.

Вѣтеръ въ то время дулъ благопріятный для живописи, и къ концу 14-го вѣка она расцвѣла миловидно-чистая и отрадная въ Германіи, послѣ долгой подготовки стремленіями многихъ силъ въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ-какъ здѣсь не явилось съ самаго начала такого путепроложника и образца, какимъ былъ геній Джотто для Италіи. Сѣверная готика отняла у живописи чуть не весь просторъ церковныхъ стѣнъ, предоставивъ ей за это одни окна, но и тутъ благодаря великолѣпной гармоніи красокъ, во Франціи, Англіи, Германіи сдѣлано было много превосходнаго; только фигуры оставались по большей части мелкими и совершенно пропадали въ общемъ впечатлѣньи. Теперь стали украшать зáмки фресковой живописью, и что́ повѣдываютъ намъ объ Англіи стихотворенія Чосера, то самое находимъ мы еще и до сихъ поръ въ тирольскомъ зáмкѣ Рункельштейнѣ,—картины рыцарскихъ потѣхъ на охотѣ, въ танцахъ и за игрой рядомъ съ героями исторіи и сказаній, расположенными въ группахъ по̀трое, далѣе—сцены изъ эпоса Тристана и Изольды и изъ романа о Гарелѣ въ долинѣ цвѣтовъ, слегка раскрашенные контуры, выполненные въ плавныхъ линіяхъ. Кромѣ ихъ мѣстами выступили недавно въ Германіи изъ-подъ штукатурки и кое-какія другія вещи; но прослѣдить исторію искусства можемъ мы къ сожалѣнію только по миніатюрамъ рукописей, не довольствующимся теперь одной простой раскраскою очерковъ, сдѣланныхъ перомъ, но стремящимся уже къ мягкости и граціи, а потому сплошь выполняемымъ кистью, при чемъ для фоновъ постепенно начинаютъ

брать ландшафтъ.—Иллюстрація естественно имѣетъ въ виду нравиться, и какъ сама онъ служитъ прикрасою книгѣ, такъ и обращаетъ особенное вниманіе на то, чѣмъ любитъ украшаться человѣкъ,—на цвѣты и жемчугъ, на парчи и дорогіе камни; но кромѣ того она тѣшитъ глазъ зрителя игривыми нечаянностями всякаго рода арабесковыхъ узоровъ. По этой части Парижъ удерживаетъ за собой во все 14-е столѣтіе полную свою славу, но за тѣмъ опережаетъ его Фландрія, гдѣ великолѣпныя произведенія изготовляются особенно для герцога Бургундскаго, Филиппа Смѣлаго. Свѣжая естественная правда присоединялась здѣсь къ нѣжности формъ и эффектному колориту, и такимъ образомъ искусство подготовило себѣ въ маломъ видѣ тотъ успѣхъ, до какого дошло оно скоро въ большихъ размѣрахъ.

Особенно же полюбили и пустили въ ходъ дощатую или станковую живопись. Какъ сама набожность приняла болѣе личный характеръ, и отъ оффиціальной церковности удалялась въ глубину души, въ тѣсные кружки единомысленныхъ „боголюбцевъ", такъ возникло въ ней и желаніе замѣнить эпическій ладъ стѣнной живописи лирическимъ изображеніемъ небеснаго милосердія, а равно и завѣтныхъ стремленій и радостей благочестивой человѣческой души. Живописцы шли прямо навстрѣчу такой потребности, изготовляя для домашнихъ алтарей образà, отличавшіеся уже и на самомъ близкомъ разстояніи глубиной и ясностью выраженья, тщательнѣйшей миловидной обработкою и нѣжностію тоновъ колорита. Главный серединный образъ сопровождался обыкновенно двумя другими по створамъ складного алтаря, при чемъ послѣдніе служили первому продолженіемъ или какимъ-нибудь символическимъ дополненьемъ. Самыми подходящими сюжетами представлялись Рождество Христа Іисуса, Пречистая Матерь съ Младенцемъ, поклоненіе Новорожденному, житіе его и искупительная смерть; благочестивая цѣль такихъ иконъ исключала всѣ драматически-взволнованныя сцены, требуя мира и чистоты души, благости и утѣшительнаго просвѣтленія страдой въ выраженіи. Какъ видно по дошедшимъ до насъ образàмъ первой половины 14-го вѣка, прежде всего удалось передать ясное дѣтское простосердечіе. Во второй половинѣ мы встрѣчаемъ уже нѣсколько разныхъ школъ, сомкнувшихся каждая на извѣстныхъ принятыхъ въ ней правилахъ, и идущихъ своими особыми путями.

Существовала вопервыхъ школа пражская, временъ постоянно жившаго въ Прагѣ императора Карла IV-го. Древній Пассіоналъ * принцессы Кунигунды обличаетъ нравственную серьёзность и глубокое чувство живописца даже и въ преувеличенномъ движеніи, а въ стѣнописи крытаго хода Эммаусскаго монастыря Шнаазе мнится распознать черты джоттовской школы. Теодерихъ Пражскій и Вурмзеръ Страсбургскій трудились сообща надъ изукрашеніемъ Карлова тына (Карльштейна), хранилища чешскихъ народныхъ святынь, мощей и государственныхъ клейнодовъ, сооруженнаго съ явными намеками на храмъ св. Граля. Погрудные образа святыхъ, работы одного изъ нихъ, и новозавѣтныя сцены—кисти другого, при всей своей мягкости, все еще неуклюжи, тяжелы и лишены благородства формы. Напротивъ, въ

* Книга страстей Христовыхъ, а также и истязаній мучениковъ.

нѣкоторыхъ старошвабскихъ произведеніяхъ, сколько они впрочемъ ни неразвязны, видно уже стремленіе къ приглядности.

Гораздо высшаго развитія достигла живопись въ Нюренбергѣ, гдѣ скульптурная школа Шонговера открыла ей глаза на складъ и соразмѣрность человѣческаго тѣла и возбудила ее къ соревнованію въ правильности формоочертаній. Этимъ превосходитъ она кёльнскую школу, уступая ей зато въ поэтической красѣ, и никогда не достигая своимъ темнымъ колоритомъ ясной ея миловидности. Рейнскіе живописцы отличаются бóльшимъ религіознымъ вдохновеніемъ, большимъ чувствомъ изящнаго; Франконцы съ гражданской добросовѣстностью и съ разсудительной осторожностью обращаютъ все вниманіе на дѣйствительность, вовсе не гонясь за той „сладкой улыбкою мечтательныхъ чувствъ", которую Шназе выхваляетъ на кёльнскихъ иконахъ. Около 1400-хъ годовъ встрѣчаются намъ разные вклады семейства Имгофъ, между прочимъ одна мадонна, отличающаяся ритмически-благородной драпировкою одеждъ; на рукахъ у ней нагой Младенецъ, и въ статуарной ея постановкѣ очевидно вліяніе ваятелей. Другой изъ этихъ вкладовъ—знаменитый алтарь (престолъ) въ церкви св. Лоренца съ увѣнчаніемъ Пречистой Дѣвы, которая, пріосѣнивъ руками грудь, всѣмъ туловищемъ и головой наклонилась съ прекрасной стыдливостью къ своему божественному Сыну; выраженіе полно задушевной кротости, рисунокъ твердо опредѣленный и вмѣстѣ тонкій. Грубоватѣе апостолы боковыхъ иконъ, и колѣнопреклоненные члены семьи Имгофовъ представлены безъ всякаго портретнаго сходства въ самыхъ только общихъ очертаньяхъ. Напротивъ, уже совершенно индивидуальны живописныя изображенія на памятной доскѣ госпожи Прюстеръ (или какъ тогда говорилось Прюстерши), 1430-го года; а на тухеровскомъ и галлеровскомъ престолахъ, которымъ средоточіемъ служитъ крестная смерть Христа, складки одеждъ сдрапированы уже въ широкія массы, вмѣсто прежнихъ долевыхъ струй, которыя такъ и льнули къ тонкимъ членамъ; самыя фигуры короче и полнѣе, движенія ихъ свободны, и размѣщеніе обдумано очень хорошо.

Въ Кёльнѣ, первомъ и прекраснѣйшемъ тогда городѣ Германіи, старинная стѣнная живопись передаетъ намъ готическій стиль въ тонкостройныхъ фигурахъ, отличающихся податливой гибкостью, волнисто-мягкими линіями и свѣтлымъ колоритомъ; лѣпка или моделликовка начинается именно тѣмъ, что мѣстами усиливаетъ тонъ послѣдняго. Но только во второй половинѣ вѣка искусство расцвѣтаетъ вполнѣ, благодаря успѣхамъ станковой живописи. Основнымъ характеромъ иконъ является дѣтская невинность, спокойствіе, миръ души, и радость ея въ Богѣ; этому отвѣчаютъ нѣжность линій, пріятный блескъ красокъ въ розовыхъ тонахъ тѣла и свѣтлыхъ одѣяніяхъ по золотому грунту; усиленная лѣпка, болѣе рѣзкая индивидуализація были бы здѣсь неумѣстны, тогда какъ, при отсутствіи ихъ, незнакомство съ костянымъ оставомъ не производитъ вреднаго эффекта; не удаются, конечно, ни драматическія противоположности, ни сильные характеры, ни разнообразіе выраженья; оттого ихъ обыкновенно и избѣгаютъ, предпочитая сюжеты, полные юной прелести, и изливая на нихъ миловидный свѣтъ искусства. Для живописцевъ главное дѣло теперь душа; ее, съ ея дѣвственно-непорочной сущностью, хотятъ они проявить въ формѣ и движеньи тѣла, въ каждомъ

взглядѣ; Гóто говоритъ поэтому очень кстати о душевной пластикѣ кёльнской школы, и всего больше хвалитъ въ ней невинность, съ какою наполняетъ она сердце религіознымъ содержаніемъ, просвѣтляя фигуру и лицо въ чистый сосудъ сердечнаго счастія, умѣющаго скорбѣть и плакать только надъ страданіями Спасителя. Блаженство этого счастія конечно всего проще и прямѣе передастся тѣмъ, что душа выступаетъ въ жизнь вся, какъ есть, а тѣло — едва замѣтно. Формы ясны, но взяты не столько у дѣйствительности, сколько у фантазіи, которой хотѣлось бы создать непорочныхъ людей изъ золотыхъ облаковъ и аромата. Что благочестивой вѣрѣ грезится объ ангелахъ, то впервые переходитъ здѣсь въ плоть и кровь. Типическое преданіе старины сообщаетъ всей постановкѣ нѣчто спокойно-торжественное, но она согрѣта чувствомъ художниковъ, которые создаютъ прямо отъ души, не наблюдая еще природы изъ-за нея самой и прикрывая недостатки рисунка гармоніей красокъ. Ту идиллическую миловидность, какая всего лучше имъ дается, встрѣчаемъ мы въ одномъ образкѣ мюнхенской Пинакотеки: Мадонна, не великая Царица Небесная, а раба Господня, какъ сама она назвала себя въ глубокомъ смиреніи, благодатная, какъ нарекъ ее ангелъ-благовѣстникъ, сидитъ подъ открытымъ небомъ на престолѣ; Варвара и Екатерина великомученицы стоятъ возлѣ, свв. Агнеса и Агаѳья сидятъ тутъ же на травѣ; у Пречистой въ рукѣ роза, ангелы держатъ надъ головой ея вѣнецъ, а младенецъ Христосъ играетъ на колѣняхъ у ней, на цитрѣ, подаваемой ему ангеломъ, тогда-какъ другіе ангелы, паря въ воздухѣ, аккомпанируютъ на арфахъ и лютняхъ: все вмѣстѣ похоже на славословіе миннезенгеровъ, приписываемое Готфриду Страсбургскому. Вероника съ убрусомъ, на которомъ отпечатлѣнъ ликъ Спасителя, представляетъ намъ тутъ же рядомъ высокое освященіе чистой скорби, открывающее даже и дѣвственному чувству доступъ въ неисповѣдимыя глубины бытія и придающее этимъ таинственное выраженіе самóй грусти, которая однако въ вѣрѣ находитъ себѣ утѣшеніе. Такою же идеальностію чувства дышатъ и другіе образа, находящіеся по большой части донынѣ еще въ Кёльнѣ. Лимбургская Хроника подъ 1380-мъ годомъ отмѣчаетъ: „Въ это время былъ въ Кёльнѣ „живописецъ, именемъ Вильгельмъ, что ни лучшій по всѣмъ нѣмецкимъ зем-„лямъ,—такой признанъ за нимъ почетъ между мастерами.“ Въ актахъ городского архива также упоминается о „магистрѣ Гвилельмусѣ“, которому произведена денежная плата за мужскія фигуры въ полный ростъ, дѣланныя въ ганзейской палатѣ. Потому-то и приписываютъ Вильгельму всѣ лучшіе образá этой школы. Вліяніе его распространилось на Вестфалію, гдѣ святыя дѣвственницы, Оттилія съ пальмою въ рукѣ и жемчужнымъ вѣнцомъ на головѣ, Доротея съ корзинкою розъ, въ мюнстерскомъ городскомъ музеѣ, указываютъ на сродственнаго ему художника, который въ дѣвственно-прекрасныхъ чертахъ хочетъ выразить не столько свѣтлую улыбку радости, сколько глубокую, завѣтную думу. Вліяніе Кёльна испытала на себѣ также Фландрія, и отплатила за него направивъ взоръ живописцевъ къ бóльшей вѣрности природѣ, къ полнѣйшему округленію тѣлесныхъ формъ и къ болѣе зрѣлому выраженію мужскихъ характеровъ въ простой и дюжей ихъ энергичности. Слишкомъ тощія пропорціи становятся теперь приземистѣй, коренастѣй, движенія вольнѣе, степени возроста выступаютъ яснѣе и разнообразнѣе; въ ору-

жіи и утвари передается вещественная сторона послѣднихъ, въ одеждѣ воспроизводится нарядъ того времени. Реалистическая эта струя не вездѣ гармонируетъ съ достоинствами предъидущаго поколѣнія; она иногда мѣшаетъ стройному дѣйствію внутренняго чувства, мутитъ свѣтлую струю его проявленія, такъ чисто и нѣжно высказывавшаго задушевный помыслъ. Однакожь въ лучшихъ произведеніяхъ новое тѣсно примыкало къ старому, какъ это встрѣчается напримѣръ въ двухъ мадоннахъ. Пресвятая Дѣва въ Розовомъ Саду сидитъ на цвѣтистой луговинѣ, окруженная ангелами; Мадонна въ Духовной Семинаріи изображена стоящею, на правой рукѣ держитъ она Младенца, а лѣвою подаетъ ему цвѣтокъ; надъ нею рѣетъ голубь, а по верхнимъ угламъ образа видны въ маломъ размѣрѣ Богъ Отецъ и лики поющихъ ангеловъ. Здѣсь осталась прежняя миловидность, но формы сдѣлались полнѣе и зрѣлѣе; уже и въ фигурахъ въ натуральный ростъ художникъ отваживается соединять живую правду внѣшности съ выраженіемъ искренняго чувства. Мы охотно готовы допустить, что тотъ же самый живописецъ создалъ въ знаменитомъ „Соборномъ образѣ“ одинъ изъ перловъ искусства и воплотилъ въ законченный обликъ тотъ именно идеалъ душевнаго настроенія, къ которому стремилась вся эта школа. Все, что̀ заключалъ въ себѣ досточтимаго священный Кёльнъ,—царственныхъ волхвовъ Востока, Урсулу съ ликомъ ея дѣвъ, Гереона съ его конниками,—онъ совмѣстилъ все это въ своей иконѣ и съумѣлъ, какъ подобаетъ въ живописи, пріискать такой моментъ, который внутренно соединяетъ все наличное разнообразіе явленій. Средоточіемъ предстаетъ и здѣсь Богоматерь со младенцемъ Христомъ, и на середнемъ образѣ цари пастыри приносятъ дары свои, на одномъ изъ створовъ подступаетъ Гереонъ, на другомъ—Урсула, каждый съ своей дружиною, также готовые пасть ницъ передъ вочеловѣчившимся Богомъ; дѣвы идутъ стыдливо-весело какъ будто къ брачному алтарю, юноши полны бодрой силы какъ передъ побѣднымъ праздникомъ, и все это однако такъ торжественно-величаво: вы видите, что путь ихъ прямо къ жертвенной смерти, но черезъ нее—потомъ въ небеса. Мадонна является дѣвственнымъ противнемъ младенца, который у нея на лонѣ; ясно и умилительно сквозитъ во всѣхъ чертахъ ея та дѣтская чистота души, которой по Спасителеву слову дается царство небесное, и при этомъ есть однакожь въ постановкѣ ея что-то царственное даже и среди царей, изъ которыхъ два склонили передъ ней колѣно,—одинъ, старецъ, видитъ исполненіе упованій всей жизни своей въ этой торжественной минутѣ, — другой, въ цвѣтѣ мужеской красоты, спокоенъ твердою вѣрой въ будущность; за этимъ третій ждетъ какъ бы съ нетерпѣливою жаждой молодости, когда прійдетъ и ему чередъ поднести свой даръ вмѣстѣ съ сердцемъ. Дружина стоитъ полукругомъ назади: здѣсь воинъ-юноша, тамъ знаменоносецъ, а рядомъ съ нимъ толпа слугъ,—всѣ полны благочестиваго удивленія и радости. Такимъ образомъ композиція выходитъ хорошо обдуманной, строго симметричной и въ то же время крайне разнообразной;—рядъ свободныхъ индивидуальныхъ мотивовъ въ ясномъ распредѣленіи. Боковыя иконы по створамъ, противополагая мужской юности женскую, при одинаковомъ настроеніи достойно примыкаютъ къ главной. Тихое величіе, полная думы грація внутренняго чувства, одѣты солнечнымъ блескомъ колорита; богатые, полные и теплые тоны красокъ сливаются въ одну общую гармонію, и живописецъ такъ и рвется уб-

рать святыню всевозможнымъ земнымъ великолѣпіемъ, живо воспроизвесть мѣха и бархатъ, золотыя украшенія и какъ зеркало блестящіе панцыри. Это заставляетъ насъ позабыть развалистую иногда постановку, неловкую отчасти вытяжку ногъ, немного скученныя мѣстами головы; частные недостатки формы покрываются вопервыхъ чувствомъ, а потомъ красками. Если напрестольникъ затворить, то наружная сторона одной дверки представляетъ ангела-благовѣстителя, а другой—Марію Дѣву, пріемлющую и обдумывающую его слово. Альбрехтъ Дюреръ говоритъ въ своемъ Дневникѣ, что онъ далъ два бѣлыхъ (серебряныхъ) пфеннига за то, чтобы ему отворили образъ, писанный мастеромъ Стеффеномъ; архивныя розысканія указали намъ въ Стефанѣ Лохнерѣ того художника, который, будучи родомъ изъ Констанца, купилъ себѣ въ Кёльнѣ домъ, былъ выбранъ въ члены городского совѣта и умеръ въ 1451-мъ году; мастерское его произведеніе назначалось для главнаго алтаря думской часовни, заложенной въ 1426.

Въ Германіи основою и центромъ художественной дѣятельности были народное чувство и народный смыслъ, а изученіе античнаго преданья повело къ облагороженію своебытныхъ обликовъ; Италіи далась народнымъ элементомъ античная основа, которую приходилось только очищать отъ варварскихъ накипей и оживлять христіанскимъ чувствомъ, заодно со всѣмъ жизненнымъ содержаніемъ. Съ этой стороны беретъ и Гóто всѣ характеристическія различія искусства обѣихъ странъ въ своей можно-сказать геніальной Исторіи живописи. Мы можемъ прибавить къ этому отъ себя, что Германія и Италія, выдержавъ всемірноисторическую борьбу за папство и императорство и отставъ изъ-за нея отъ Франціи и Англіи въ національно-государственномъ развитіи, снискали зато отъ культурной исторіи вѣнокъ сперва въ эпосѣ, а теперь опять и въ живописи. Впослѣдствіи опережаютъ онѣ всѣ другіе народы въ царствѣ духа Возрожденіемъ и Реформаціей, такъ что ихъ первый многострадный подвигъ не остался безъ награды.

Если мы обратимся теперь къ Италіи, и притомъ къ началу 14-го вѣка, то прежде всего бросится намъ въ глаза то обстоятельство, что здѣсь продолжаютъ воздѣлывать фресковую живопись, требующую большаго простора; стало-быть, не будь народный духъ столько же направленъ къ наглядному созерцанію, какъ и ко внутреннему чувству, то даже и въ такомъ случаѣ живописная техника повела бы здѣсь къ стремленію болѣе говорить формой нежели колоритомъ, красками, искать опоры для композиціи въ ритмѣ линій и уловлять то именно ядро сюжета, изъ котораго значеніе его раскрывалось бы въ рѣшительный моментъ очевидно и общепонятно. Свободная Флоренція шла тутъ впереди всѣхъ, Сіэна, соревнуя ей, идетъ рядомъ, тѣмъ не менѣе однакожь такъ, что тамъ преобладаетъ эпическій, здѣсь — болѣе лирическій замыслъ, что субъективность создающаго художника, проявляющаяся теперь въ способѣ изображенія, а не подчиняющаяся уже вполнѣ обычному и типическому, во Флоренціи говоритъ больше уму, а въ Сіэнѣ предпочтительно затрогиваетъ чувство. Можно бы напомнить здѣсь о томъ отношеніи, въ какомъ Корнеліусъ и Овербекъ въ Римѣ стоятъ у начала новой нѣмецкой живописи, чтобы не потерять изъ виду, до какой степени допускаемое здѣсь различіе само по себѣ переходчиво, текуче: потомучто вѣдь и Овербекъ своей замысловатою символикой возбуждаетъ, по-

40*

жалуй, наглядное наше созерцаніе, а съ другой стороны и Корнеліусъ потрясаетъ глубокимъ чувствомъ наше сердце.

На порогѣ этого періода встрѣчаемъ мы путепроложникомъ верховодный геній великаго мастера Джотто. Если современный ему людъ особенно удивлялся естественности его óбразовъ, то это не должно принимать въ смыслѣ производимой ими иллюзіи, въ смыслѣ точной передачи вещества и тому подобнаго; въ этомъ любой нынѣшній жанристъ выше его: онъ обдѣлываетъ внѣшность именно лишь на столько, на сколько это нужно для обозначенія внутренности, но онъ умѣетъ такъ разительно передать чувство и мысль въ постановкѣ и тѣлодвиженіи своихъ фигуръ, сообщить такое краснорѣчивое выраженіе скорби и радости, печали и надеждѣ, вопросу, изумленію, презорству, обоготворенію, что зрители, переходя отъ типически-мертвыхъ византійскихъ картинъ къ созданіямъ его кисти, словно переносились изъ чуждаго какого-то міра въ настоящую, живую дѣйствительность. Имъ казалось, что они сами сидятъ съ учениками за Тайною Вечерей, что они сами слезно плачутъ о смерти Учителя, потому что никто не писалъ этихъ сценъ такъ поразительно, какъ Джотто. Подобно Данту создалъ онъ для искусства образованный народный языкъ и распространилъ его по всему своему отечеству. Любимецъ грацій, художникъ Гиберти, превозноситъ въ Джотто не одну естественность, но рядомъ съ нею благородство души (gentilezza) и знаніе точной во всемъ мѣры: энергія правственной правды выступаетъ у него, какъ и у Данта, коренною чертой характера, а вмѣстѣ и свойствомъ его изобразительной манеры. Но поэтъ идеализуетъ пуще живописца, который не стремится еще къ красотѣ изъ-за нея самой, и не рисуетъ ни одного положенія, ни одного движенья только изъ-за того, что оно граціозно, или вызывается ритмомъ композиціи, а единственно лишь потому, что его требуетъ предметъ. Передъ идеаломъ Беатриче, какъ видѣлся онъ дантовой душѣ, насъ не только не восхитятъ, но даже и не удовлетворятъ млѣющія мадонны Джотто, съ полуоткрытыми длинноразрѣзными глазами, продолговатымъ носомъ и тонкимъ ртомъ середи монашески-завѣшеннаго лица. Обоимъ друзьямъ равно свойственъ идеальный починъ, исходъ отъ какой-нибудь идеи и стремленіе онаглядить всегда смыслъ событія, и если Джотто умѣетъ въ самомъ дѣйствіи найдти ту высшую точку напряженья, гдѣ нутрò какъ бы само собою выступаетъ на божій свѣтъ и гдѣ моментальная напряженность даетъ чувствовать значеніе и предыдущей и послѣдующей минуты, то онъ мастеръ въ то же время воспользоваться и придаточными фигурами для вящшаго уясненія дѣла зрителю тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвело оно на очевидцевъ. Средневѣковое схоластическое образованіе ведетъ обоихъ къ аллегоріямъ, но оба часто умѣютъ преодолѣть внѣшній символизмъ и путемъ удачнаго олицетворенія изобразить существо и мощь духовныхъ силъ въ живыхъ, непосредственно говорящихъ формахъ. Въ нижней ассизской церкви Джотто написалъ надъ гробомъ св. Франциска, какъ тотъ исполняетъ свои орденскіе обѣты. Бракосочетаніе съ Нищетой держится слово въ слово стиховъ въ 11-й пѣснѣ Рая: Христосъ подводитъ къ святому Нищету; она увѣнчана терніемъ, псы на нее лаютъ, мальчишки-негодяи надъ ней издѣваются; ангелъ сопровождаетъ юношу, отдающаго бѣдняку свое платье, тогда какъ знатные богачи отвертываются отъ него съ презорнымъ

надменіемъ. Цѣломудріе дѣвственно сидитъ въ крѣпкой твердынѣ, подъ охраной ангеловъ; на переднемъ планѣ кого-то купаютъ и крестятъ, а Чистота и Крѣпость привѣтствуютъ новокрѐщенца; съ одной стороны Францискъ ведетъ за собой духовныхъ и мірянъ, съ другой—прогоняются Сластолюбіе и Нѐчисть. Чтобы опаглядить послушаніе, ангелъ кладетъ на плеча святому иго, заграждая ему въ то же время уста другой рукой. Въ церкви Арены въ Падуѣ Джотто написалъ исторію Іосифа, Маріи и Христа съ явными намеками на исторію души человѣческой, подобно тому какъ Дантъ въ своемъ странствіи изображаетъ родъ людской, порывающійся отъ ночи къ свѣту; что вся сила тутъ въ великихъ нравственныхъ вопросахъ жизни, что дѣло идетъ о временномъ и вѣчномъ благѣ,—это доказываютъ символы добродѣтелей и пороковъ, а также и картина страшнаго суда, которая внушительно предстаетъ надъ церковными дверьми взору выходящаго оттуда молельщика. Даже, гдѣ Джотто аллегоризуетъ особые виды добра и зла, по общепринятому тогда обычаю, въ женскихъ обликахъ съ аттрибутами ихъ дѣятельности, то и тамъ старается онъ ближе обозначить ихъ складомъ тѣла, постановкой, выраженіемъ лица; такъ Надежда летитъ у него нѣжной дѣвою на крыльяхъ встрѣчу генію и простираетъ руку къ несомому имъ вѣнцу; Отчаяніе изображено въ видѣ женщины, готовой повѣситься *, Ярость раздираетъ на себѣ одежду, изъ устъ Зависти вьются змѣи и грызутъ ее же самоё, Несправедливость притаилась за однимъ городкомъ въ видѣ коннаго разбойника съ крючьями и когтями, а Безвѣріе, самодовольно завернувшись въ докторскую мантію, идетъ прямо въ пропасть, куда влечетъ его несомый имъ идолъ, который уже и шею ему захлестнулъ веревкою.—Въ одномъ циклѣ образо̀въ, представляющихъ сцены изъ жизни Спасителя, параллелизмъ мысли соединяетъ съ ними сцены изъ житія св. Франциска. — Замѣтимъ наконецъ, что до насъ дошелъ портретъ Данта, писанный рукою Джотто, и что онъ служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ много умѣлъ сдѣлать этотъ мастеръ малыми средствами даже и со стороны глубокаго пониманія личности.

Художественно-дороги прежде всего джоттовы изображенія изъ библейской исторіи. Тайну сокровенной силы ихъ первый высказалъ Шпаазе: она лежитъ въ ихъ нравственной правдѣ, въ той глубинѣ чувства, съ какою онъ, весь направленный ко внутренней жизни души, вездѣ старался указать во внѣшнихъ событіяхъ ея видимое проявленье, въ той чистотѣ и энергіи, съ какими онъ стремился предпочтительно къ этой цѣли, не сбиваясь съ пути ни чѣмъ другимъ. Оттого и покинулъ онъ типически установившійся рисунокъ своихъ предмѣстниковъ и пожертвовалъ всеобщею, но зато чуждой міру красотой; болѣе угловатыя формы лица облегчили для него выраженіе страсти, а широкая обдѣлка одеждъ доставила возможность обозначать изъ-подъ нихъ естественныя движенія и такимъ образомъ давать порывамъ души высказаться даже и въ самой драпировкѣ. Его безпритязательная манера, одинъ лишь простой намекъ на окружающій сюжеты его міръ, поневолѣ удерживаютъ зрителя на духовномъ выраженьи, на самомъ средоточіи дѣйствія, которое съ этической его стороны чувствуетъ онъ во всей силѣ воочію предстоящаго

* Тогда это было не такимъ обычнымъ явленіемъ, какъ нынѣ. Прим. перев.

явленья. Прибавимъ еще одно тонкое замѣчаніе Буркгардта. Кисть Джотто правда не говоритъ ничего разсѣянному и пресыщенному зрителю; мысль сама должна идти ей навстрѣчу; но тогда уже, и не будучи знатокомъ, вы оцѣните ея достоинства. Возьмемъ, напримѣръ, его Геѳсиманію: непривѣтная, какъ будто неэффектно освѣщенная и лишенная индивидуализовки, картина не выигрываетъ и подъ лупою. Но быть можетъ кому-нибудь вспомнятся при этомъ другія изображенія того же предмета, гдѣ три спящіе ученика, хотя и размѣщенные, колорированные, освѣщенные по всѣмъ правиламъ утонченнаго искусства, только всего и есть что три спящія, идеально драпированныя фигуры. А Джотто намѣчаетъ вамъ явственно, что онѣ заснули на молитвѣ. И такихъ безсмертно-великихъ чертъ въ произведеніяхъ школы его — множество; но найдетъ ихъ только тотъ, кто поищетъ. Не даромъ вѣдь ужь и Боккаччіо говорилъ, что Джотто билъ не на потѣху невѣждамъ, а писалъ въ угоду умнымъ и знающимъ.

Джотто жилъ съ 1276-го по 1336-й годъ; Флоренція была центромъ его дѣятельности, но послѣдняя распространилась по всей Италіи, и духъ его царилъ въ теченіе цѣлаго вѣка надъ школой, образовавшейся вокругъ мастера. Она сдѣлала общимъ достояніемъ всю лѣствицу выработанныхъ имъ тѣлодвиженій и формъ, и воспроизводила удачные его мотивы съ вольными прибавками, какъ бывало это и въ древнемъ искусствѣ; подобно Джотто, платила она дань аллегоріи или изнемогала иногда подъ бременемъ задачъ книжной учености, но возвышалась и до такихъ созданій, въ которыхъ символизмъ и индивидуальность такъ же тѣсно или смѣло слиты воедино, какъ въ самой Божественной Комедіи, которая всегда была для нихъ путеводною звѣздой. Даже и мастера-ремесленники пріобрѣли въ сокровищницѣ школы средства для изящныхъ можно-сказать картинъ, и если живописцы образовали родъ цеховаго союза и вмѣстѣ съ другими ремеслами входили въ одну общую гильдію, то все же сами они смотрѣли на свое званіе, какъ на священное; такъ, напримѣръ, сіэнскіе художники именуютъ себя въ своихъ цеховыхъ уставахъ „божіею милостію призванными явщиками“, которые наглядно открываютъ чудеса вѣры безграмотнымъ невѣждамъ. А до какой степени воспріимчивость народа шла навстрѣчу живописнымъ изображеніямъ и какъ любила она разрѣшать себѣ загадки символизма, это доказываетъ намъ народный трибунъ, Кòла ди-Ріэнци, своей увѣренностью, что картинами онъ успѣетъ возбудить въ Римѣ пламенный патріотизмъ. И вотъ однажды появляется на ратушѣ корабль, носимый бурными волнами моря, и на немъ высокая женщина, вся въ траурѣ, съ распущенными волосами, стоитъ на колѣняхъ и молится: это — овдовѣвшая Рома; вокругъ нея на корабельныхъ обломкахъ четыре мертвыя женщины, погибшія за свою неправду, — Вавилонъ и Карѳагенъ, Троя и Іерусалимъ. Въ крылатыхъ животныхъ, которыя возбуждали бурю, дуя въ раковины, легко было распознать намеки на имена римскихъ аристократовъ и даже ихъ гербы. Надо всѣмъ этимъ паритъ страшный судья міра, съ мечами, торчащими изъ его устъ. Кара его должна поразить виновныхъ, а Римъ долженъ быть спасенъ. Въ другой разъ была выставлена женщина, горящая въ огнѣ посреди царей и плебеевъ; ангелъ, обнаживъ мечъ, идетъ спасти ее, и въ то время какъ перепуганныя хищныя птицы стремглавъ мечутся въ огонь, надъ головою женщины взви-

вается голубь, неся ей миртовый вѣнокъ; „вижу, настаетъ пора великаго правосудія, и ты жди этой поры", гласила надпись.

По смерти мастера, главою школы сталъ Таддео Гадди, работавшій съ нимъ около 24-хъ лѣтъ. Красы повседневной жизни объявились теперь взорамъ художниковъ, и пріятнѣйшія черты ея употреблены были въ дѣло при изображеніи Спасителя: такъ именно поступалъ Анджело Гадди во второй половинѣ 14-го столѣтія. Но около середины этого вѣка первенствовалъ надъ всѣми современниками Андрей ди-Чоне, котораго прозвище Арканьіоло было сокращено въ обычное его имя Орканья. Мы уже знаемъ его какъ зодчаго и ваятеля; развившееся въ Андреѣ Пизано высокое чувство красоты Чоне перенесъ на живопись; величавый и полный смѣлой фантазіи въ замыслѣ, онъ по энергіи выраженія и по благородству формъ еще ближе самого Джотто подходитъ къ Данту. Серьёзность его и паоосъ дотого усвоилъ себѣ Николо ди-Пьеро, что многія, полувѣкомъ младшія, произведенія этого мастера приписывались потомъ Чоне. Напротивъ, легкомысліе въ дѣлѣ искусства увлекло Спинелло изъ Ареццо (прозваннаго оттого Аретино) къ поверхностно-ловкому повторенію общеизвѣстныхъ мотивовъ и фигуръ безъ того духовнаго напряженія, которое хотя все и уходитъ въ произведеніе, такъ что, пожалуй совершенно незамѣтно какого оно стоило труда, но которое одно придаетъ ему вѣковѣчный интересъ и всегда привлекательную силу.

Взглянемъ на нѣкоторыя изъ лучшихъ тогдашнихъ работъ и войдемъ прежде всего въ капитульную залу при церкви Санта Марія Новелла во Флоренціи. На алтарной (запрестольной) стѣнѣ мы видимъ Страсти Іисусъ-Христовы, на крестосводѣ потолка — Воскресеніе и Вознесенье. Правая стѣна представляетъ символическій образъ средневѣкового міросозерцанія: передъ соборнымъ храмомъ сидятъ на престолахъ императоръ и папа, окруженные толпой государственныхъ и церковныхъ властей; у ногъ папы пасется стадо овецъ, оберегаемое собаками, на другое стадо въ дали напали волки, но его защищаютъ пѣгіе чернобѣлые псы, знаменующіе доминиканцевъ (Domini canes, то есть „псы господни"), которыхъ учредитель проповѣдуетъ потомъ тутъ же противъ еретиковъ и самъ, а далѣе призываетъ къ покаянію всѣхъ тѣхъ, кто вполнѣ отдался радостямъ и заблужденіямъ свѣтскаго мытарства. Посреди верхней половины образа раскрыты врата небесныя. Здѣсь стало-быть представляется намъ дѣятельность Церкви, тогда какъ противоположная стѣна прославляетъ ея мудрость. Всерединѣ сидитъ на престолѣ Ѳома Аквинскій; надъ нимъ рѣютъ ангелы, пророки и евангелисты сидятъ у него съ правой и съ лѣвой руки, а у ногъ прижались скорчившись побѣжденные ересіархи. Ниже этой группы сидятъ подъ готическими балдахинами 14 женъ,—добродѣтели, искусства и науки, а у ногъ каждой по человѣку, ею прославившемуся. Все это очевидно придумалъ какой-нибудь что-ни-есть сухой схоластикъ: тутъ нѣтъ и слѣда той свободы композиціи, которую такъ славно проявилъ потомъ Рафаэль въ своей Диспутѣ, при всей торжественной строгомѣрности этого созданья; но какъ ни неразвязна, какъ ни скована картина, о которой мы здѣсь говоримъ, художникъ все таки развернулъ въ формахъ и движеніи женскихъ фигуръ свойственное ему чувство граціи, а въ мужскихъ фигурахъ превосходно выразилъ

стремленье къ истинѣ или радостный восторгъ отъ обладанія ею, въ многоразличныхъ постепенностяхъ. Замысловатѣе этой смѣси символа, аллегоріи и дѣйствительности изображены въ неапольской часовнѣ Инкороната * святыя таинства посредствомъ различныхъ обстоятельствъ людской жизни, такъ удачно выражающихъ земной бытъ въ отношеніяхъ его къ божественному отъ колыбели до могилы, что это тотчасъ напомнило мнѣ поэтическій обзоръ жизни въ шиллеровомъ „Колоколѣ". Такъ напримѣръ бракъ обозначенъ здѣсь свадьбою царственной четы: женихъ подаетъ невѣстѣ кольцо, а священникъ въ это самое время сближаетъ ихъ руки; рыцари держатъ надъ ними балдахинъ, ангелы благословляютъ свыше союзъ ихъ, а внизу скрыпачи и литаврщики начинаютъ уже играть плясовую, и граціозно приступаютъ къ танцамъ благородные отроки и дѣвицы. Картины эти долго принимались за джоттовы, но Миніэри Рицци и Шульцъ доказали ясно, что часовня основана королевой Іоанной, которой было всего 10 лѣтъ, когда умеръ этотъ художникъ; и упомянутая картина относится именно къ бракосочетанію Іоанны съ Людовикомъ Тарентскимъ. Да и въ выполненіи видна та грація, то стремленіе къ приглядному, которыя развились въ этой школѣ только уже среди подроставшаго тогда поколѣнья.

Истымъ святилищемъ искусства предстаетъ намъ Кампо-Санто въ Пизѣ; сквозная эта опочивальница всрединѣ обведена высокимъ корридоромъ, который открывается внутрь аркадами, и нутреня́я сторона стѣнъ украшена живописью. Бонамико Буффальмако написалъ здѣсь распятіе, воскресеніе и вознесеніе Христа Іисуса, и показалъ себя въ этомъ однимъ изъ даровитѣйшихъ джоттовыхъ учениковъ. Благодаря веселому своему нраву онъ до такой степени полюбился новеллистамъ, что Руморъ хотѣлъ было обратить его въ чистый миѳъ; но существованіе Буффальмако вполнѣ завѣрено старою ревизскою сказкой живописнаго цеха за 1351-й годъ. Послѣ того прибылъ изъ Флоренціи Орканья, написавшій тамъ въ часовнѣ Строцци въ Санта Марія Новелла, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Рай и Адъ: въ послѣднемъ онъ рабски примкнулъ къ Данту, изобразивъ разрѣзъ адской пропасти со всѣми ея отдѣлами и казнями; но Рай задуманъ имъ съ величавой свободою, какъ общежительство блаженныхъ, которые раздѣлены на группы, исполненныя прелести и высоты. Въ Кампо-Санто онъ еще разъ написалъ Адъ, теперь уже нѣсколько самостоятельнѣй, съ фигурами бо́льшаго размѣра и лучше размѣщенными, но и это была еще не вполнѣ удовлетворительная иллюстрація поэта Самобытнымъ явился живописецъ въ Страшномъ Судѣ: Христосъ, внушительно и грозно указывающій на свои язвины, съ нимъ рядомъ Марія и Іоаннъ, архангелъ, возвѣститель великаго судища, противоположность душевной скорби и небеснаго блаженства, мирнаго спокойствія и отчаянной тревоги, все это выступаетъ здѣсь съ полной силою, тѣмъ настоящимъ зерномъ, которое породило потомъ созданія вродѣ микель-анджелова и корнеліусова. За тѣмъ геніальный художникъ становится рѣшительно подлѣ Данта своей живописною поэмой Торжества Смерти, которую сочиняетъ уже самъ. Среди картины паритъ Смерть, могучая женщина въ темной хламидѣ съ волосами,

* Санта Марія делл'Инкороната.

дико развѣвающимися между крыльевъ нетопыря, и съ косою въ рукѣ,—не аллегорія, не символъ, а поразительно-воплощенная демоническая сила, прямое порожденіе чувства и фантазіи, непосредственно дѣйствующее на нихъ и въ самомъ зрителѣ. Подъ взмахами ея лежатъ трупы всѣхъ сословій, ангелы спорятъ съ чертями объ ихъ душахъ, и праведныхъ возносятъ къ небу, а грѣшныхъ низвергаютъ въ огненныя жерла горы, дымящейся справа на заднемъ планѣ. Слѣпцы, калѣки, нищіе простираютъ къ Смерти руки, всѣ выражая въ тѣлодвиженіяхъ мольбу объ избавленіи отъ бѣдъ; а она летитъ къ обществу, собравшемуся въ правомъ углу картины, которое, какъ въ Декамеронѣ у Боккаччіо, весело услаждается пѣснями и любовью въ тѣни цвѣтущихъ деревъ. Насупротивъ, съ лѣвой стороны, скачетъ по полю рыцарская охота и наѣзжаетъ вдругъ на три царственные трупа, истлѣвающіе въ своихъ гробахъ; монахъ, первый, указываетъ на нихъ рыцарямъ, изъ которыхъ двое отвернулись, одинъ съ ужасомъ, другой равнодушно, а третій наклонился чтобы поближе разсмотрѣть покойниковъ; необычность впечатлѣнія сквозитъ даже въ осанкѣ ихъ благородныхъ коней; превосходно расположенная група завершается, на нашъ взглядъ, дамою, которую грустная дума невольно заставляетъ вникнуть въ самоё себя. Душевный миръ, дающійся только тѣмъ, кто отъ земного обратится къ вѣчному, обрѣли отшельники, которые на заднемъ планѣ, подъ горой, посвятили себя созерцательной жизни. Надо всѣмъ этимъ вѣетъ дыханье романтической поэзіи; блескъ и радость земного бытія стоятъ въ величавой противоположности къ ужасамъ смерти, и взаимно дѣйствуя другъ на друга, возносятъ зрителя надъ чувственнымъ и преходящимъ къ царству духа, къ успокоенію и миру въ Божествѣ.

Другіе флорентинскіе художники, какой-то Францискъ, какой-то Андрей, какой-то Антоній, писали во второй половинѣ 14-го вѣка на той же стѣнѣ далѣе. Тутъ мы вовервыхъ видимъ исторію Іова, изображенную въ различныхъ ея актахъ по фону, развитому и ландшафтно и архитектонически; даже и животныя написаны здѣсь хорошо, но превосходна на первомъ планѣ начальная сцена на небѣ, гдѣ Іегова, въ видѣ кроткаго достопочтеннаго старца, разговариваетъ съ сатаной, который въ косматой шерсти, съ рогами и съ крыльями нетопыря, выступаетъ съ какою-то „строптивой рыцарственностью", фантастичный, но величавый, отнюдь не похожій на тѣ карикатурныя образины, въ какія обыкновенно превращаютъ чертей. Другая картина, братьевъ Піэтро и Амброджо ди-Лоренцо, представляетъ жизнь отшельниковъ въ оивандской пустынѣ, гдѣ искуситель является имъ то соблазнительною женщиной, то спорящимъ философомъ, а между тѣмъ изъ-подъ личины у него глядятъ когти. Далѣе слѣдуетъ житіе св. Райнера, и наконецъ кисть Спинелло Аретино повѣдываетъ намъ судьбы Эфеса и Потита. На противоположной стѣнѣ Піэтро Орвіэтскій написалъ міросозданіе, грѣхопаденіе и потопъ, а впослѣдствіи Беноццо Гоццоли присоединилъ къ этому милѣйшія изображенія человѣческаго быта въ обстановкѣ патріархальныхъ вѣковъ.

Флоренція, при свойственной ей многоподвижности какъ въ обильныхъ плодами промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, такъ равно въ политическихъ борьбахъ и смутахъ, обнаружила и въ искусствѣ склонность къ дѣйствію, къ драматическому напряженью, къ эпической раскрышѣ подробностей; горный

городъ Сіэна внушалъ, напротивъ, болѣе тихую созерцательность, больше развивалъ мечтательное чувство, а потому велъ и въ живописи къ лирическому больше настроенью. Въ виду этого становится интереснымъ то обстоятельство, что тогда какъ Дантъ назвалъ друга своего, Джотто, такимъ мастеромъ, который всѣхъ затмилъ своей славой, Петрарка заказалъ портретъ милой ему Лауры Сіэнцу Симону Мартини и воспѣлъ потомъ художника въ цѣлыхъ трехъ сонетахъ. Вмѣсто того, чтобы простые типы древнехристіанскаго преданія замѣнять характеристикой разныхъ особыхъ дѣятельностей и направленій духа, старались ихъ же опять оживить сердечной теплотой, и такимъ образомъ, растворяя мертвенность и терпкость византійскихъ формъ мягкимъ чувствомъ, приводили ихъ къ выраженію кроткаго спокойствія. Цѣлію стала теперь красота святыни, и всего лучше удавались картины набожнаго содержанія. О такихъ картинахъ названнаго сейчасъ мастера Э. Фёрстеръ говоритъ: „Въ нихъ всѣ лица дышатъ тонкимъ ароматомъ, который хотя и ставитъ ихъ отъ насъ въ какую-то свѣтлую даль, но въ то же время возбуждаетъ въ зрителѣ непреодолимую почти жажду неба и даетъ намъ заглянуть въ полную чаяній и прикрытую только прозрачною пеленой душу художника, который, обладая всѣми задатками высшаго совершенства, нейдетъ однакожь еще далѣе малоопытныхъ и дѣтски-неразвязныхъ пріемовъ." — Потомъ выступаютъ впередъ Піэтро и Амброджо Лоринцетти. Послѣдній, примыкая и въ Кампо-Санто къ сочиненіямъ Флорентинцевъ, становится въ первый рядъ художниковъ, если справедливо, какъ утверждаютъ Кроу (Crowe) и Кавальказелле. что онъ написалъ тамъ также Страшный Судъ и Торжество Смерти, которые Вазари считаетъ трудомъ Орканьи; съ поэтическимъ чувствомъ изображалъ Амброджо въ обширныхъ произведеніяхъ какъ наглядныя событія, такъ равно и идеи. Въ крытомъ ходѣ Минорситскаго монастыря написалъ онъ судьбы францисканцевъ, проповѣдывавшихъ Сарацынамъ евангеліе и ставшихъ мучениками своей вѣры; удивительно какъ наглядно передаетъ онъ здѣсь въ картинѣ одной бури свойственный ей характеръ и силу природныхъ стихій, какъ гнутся и ломаются у него деревья, какъ женщины окутываютъ себѣ голову, какъ воины заслоняются отъ града щитами! Въ одной изъ залъ ратуши родного своего города онъ написалъ картину хорошаго и дурного управленія со всѣми ихъ послѣдствіями. На одной стѣнѣ видимъ мы Справедливость, Мудрость и Согласіе съ идущими попарно благомыслящими и мирными гражданами; на другой старикъ со скиптромъ и въ вѣнцѣ изображаетъ собой городскую справу, окруженный религіозными и гражданскими добродѣтелями; между ними вооруженная конная дружина, люди, просящіе помощи, и наказанные злодѣи. Многія изъ аллегорическихъ фигуръ отличаются внутреннимъ одушевленіемъ; такъ напримѣръ, богиня мира, беззаботно отдыхающая на подушкѣ, опершись головой на руку, живо говоритъ душѣ своими благородно-кроткими чертами и даже своей слегка обвившей ея члены бѣлой пеленой. На правой боковой стѣнѣ мы видимъ послѣдствія добраго правленія: торгъ и дѣловую суетню на рынкѣ и по улицамъ, пляски и праздничныя увеселенія; загородомъ—зеленѣющія нивы и толпы работающихъ крестьянъ, а вотъ быстро несется охота, вотъ тянутся по дорогамъ грузныя телѣги до самой пристани; царящая надо всѣмъ этимъ благодать порядка изображена ясно и заманчиво. На противоположной стѣнѣ

сидитъ Тиранія, вся въ желѣзѣ и въ кровавокрасномъ плащѣ, съ рогами и кабаньими клыками, съ кинжаломъ въ рукѣ, окруженная Гордостью, Скупостью, Измѣною, Яростью, Войною; у ногъ ея лежитъ связанная Справедливость; путешественники подвергаются здѣсь грабежу, дикія ватаги опустошаютъ пылающій городъ, въ полѣ ни одной былиночки. При такомъ болѣе намекающемъ, нежели наглядно выполняющемъ способѣ изображенья, какъ тонко замѣчаетъ и Шназе, совмѣщеніе символическихъ фигуръ съ жанровыми сценами дѣйствительности вовсе не вредитъ общему эффекту; все вмѣстѣ представляетъ какъ бы нѣчто среднее между назначенною къ прочтенію лекціей и между расчитанною на зрѣніе картиной, и художникъ самъ простодушно приписалъ къ ней стихи, высказывающіе его умыселъ какъ въ частности, такъ и относительно нравственнаго эффекта въ цѣломъ.

Во второй половинѣ 14-го вѣка значительнѣйшимъ художникомъ былъ Берна или Барна, а къ концу его—Таддео ди-Бартоло; оба полны чувства и граціи, а послѣдній притомъ оказалъ большое вліяніе на умбрійскую школу своими работами въ Перуджіи. У другихъ умильная кротость выходила уже слишкомъ слабою и сантиментальной.

Въ верхней Италіи художники освѣжительно дѣйствовали другъ на друга разработывая джоттовскую манеру далѣе, каждый на свой ладъ; самымъ зрѣлымъ плодомъ этого направленія являются часовни св. Феликса и св. Георгія въ Падуѣ, расписанныя мастерами Альтикьеро да-Цевіо и Джакомо д' Аванцо. Эрнсту Фёрстеру принадлежитъ заслуга отысканія ихъ въ пыли и надлежащей имъ оцѣнки. Между легендами означенныхъ святыхъ, а также угодницъ Лучіи и Катарины помѣщены здѣсь сцены изъ отрочества и Страстей Христовыхъ. Рѣшительный прогрессъ техники обнаруживается тщательно округляющею лѣпкою тѣлесныхъ формъ и вносомъ холодныхъ среднихъ и темныхъ мѣстами тоновъ въ утонченную скàлу колоритныхъ постепенностей; чувство красоты и знакомство съ природою возросли теперь въ равной уже мѣрѣ, а моментальность выраженія, индивидуальность характеровъ, отчетливость дѣйствія человѣческаго міра вообще развертываются то въ архитектонической, то въ ландшафтной обстановкѣ, которая, отличаясь правильностью перспективы, усиливаетъ въ одномъ мѣстѣ торжественность, въ другомъ—веселую ясность настроенья.

Сіэнская манера достигла еще высшаго совершенства въ первой половинѣ 15-го столѣтія благодаря талантамъ Джентиле да-Фабріано и Беато Джованни Анджелико изъ Фіэ̆золе, доминиканскаго монаха обители св. Марка во Флоренціи. Микель-Анджело сказалъ о первомъ, что работы его таковы же, какъ и имя: итальянское слово джентиле (gentile) соединяетъ въ себѣ значеніе нравственнаго благородства, граціи въ обычаѣ и во внѣшнихъ пріемахъ. Отъ картинъ Фабріано, какъ отъ пѣсенъ миннезенгеровъ, вѣетъ любовью и весной, и подобно младшимъ мастерамъ Кёльнской школы, онъ при всей своей набожности не нарадуется какъ дитя на убранство и на блескъ, которые и пускаетъ въ ходъ даже въ поклоненіи волхвовъ передъ Младенцемъ Іисусомъ. То немногое, что дошло до насъ отъ Джентиле, дало Куглеру полное право высказать слѣдующее мнѣніе: Фіэ̆золе и Джентѝле предстаютъ намъ двумя родными братьями, оба одаренные какъ нельзя больше, оба полные ми-

лѣйшаго, искреннѣйшаго чувства, но разница между ними въ томъ, что последній—рыцарь, а первый—монахъ.

Фіэзольскій мастеръ (1387—1455) благочестіемъ своего сердца и своихъ картинъ пріобрѣлъ прозваніе Блаженнаго и Ангелоподобнаго, Беато Анджелико. Онъ поступилъ въ монастырь съ тѣмъ чтобы имѣть возможность жить для спасенія души своей и для искусства въ дали отъ мірскихъ суетъ и земныхъ заботъ, и предпочелъ скромную эту долю даже епископству, которое предлагалъ ему папа Николай V. Никогда не принимался онъ за трудъ не помолясь, и часто слезы текли у него изъ глазъ, когда онъ писалъ страданія Христовы; что̀ слагалось у него во внутреннемъ созерцаніи изъ глубины его души безъ всякой надумки и что̀ вытекало потомъ изъ-подъ руки его въ тепло прочувствованныхъ линіяхъ, то самъ онъ считалъ за особенный даръ небесной благодати. Блаженство чистаго сердца, обрѣтшаго миръ въ Богѣ и въ себѣ, не льзя изобразить совершеннѣе того, какъ выходило это у Фіэзоле; напротивъ, страстное или злое уже рѣшительно ему чуждо, и онъ робокъ, онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, когда приходится ему выразить что-нибудь подобное въ порывистомъ и сильномъ движеніи у супостатовъ или осужденныхъ на вѣчную муку. Зато какъ удается ему красота святыни, тихое блаженство поклоненія, преданность вѣрующей и уповающей души! Онъ даетъ своимъ фигурамъ именно столько тѣлесности, сколько необходимо для выраженія всего этого въ ритмически-ясныхъ линіяхъ, въ свѣтлыхъ гармоническихъ тонахъ колорита. Буркгардтъ не преувеличиваетъ, говоря: Вся великая идеальная сторона Среднихъ Вѣковъ полно и чудесно расцвѣтаетъ передъ нами въ его произведеніяхъ; какъ царство небесное, какъ ангелы, святые и блаженные отражались въ набожной душѣ тогдашняго человѣчества, это мы узнаемъ всего вѣрнѣе и полнѣе изъ него: такъ что картинамъ его не льзя по крайней мѣрѣ отказать въ достоинствѣ религіозно-историческихъ документовъ первостепенной важности.

Не потому только, что онъ сначала рисовалъ миніатюры въ рукописяхъ, удавались ему особенно маленькіе образочки, а потому что здѣсь всего тоньше и полнѣе проявлялся его способъ изображенія, весь устремленный къ надземной чистотѣ; Богъ Отецъ въ сіяніи славы, встрѣча Искупителемъ блаженныхъ душъ всегда у него безподобны. Всю жизнь Іисуса Христа можно сопоставить изъ его произведеній, и особенно нравственно-задушевный смыслъ событій, сердечное выраженіе фигуръ выступаютъ здѣсь съ милѣйшею и умилительнѣйшею ясностью. Его умѣренность на изобразительныя средства подходила опять какъ не льзя лучше къ фресковой живописи, и тутъ евангельскія и легендарныя картины, которыми онъ украсилъ кельи своей монастырской братіи, на поученіе, на утѣшеніе и на радость ей, можно назвать самыми прямыми изліяніями его благочестиваго вдохновенья, самой чистой исповѣдью его художнической души. Но живописецъ пытался и въ бо̀льшемъ размѣрѣ усвоить себѣ ту полнотѣльную разработку формъ, которая была тутъ необходима и которой достигали уже въ ту пору его современники, когда онъ писалъ евангелистовъ и учителей Церкви по своду Ватикана, а въ одной изъ часовень его—житія св. Стефана и св. Лаврентія. Полна благороднаго величія паритъ его група пророковъ надъ потрясающею

картиной Страшнаго Суда, созданной Лукою Синьорелли въ богородичной часовнѣ орвіэтскаго собора. Но самымъ трогательнымъ и совершеннымъ изъ большихъ произведеній остается для меня Благоговѣніе передъ распятымъ Христомъ въ капитульной залѣ его обители. Вблизи Спасителя стоятъ здѣсь не только вѣрныя жены и ученикъ любви, сюда же примыкаютъ какъ бы въ фризовидномъ распорядкѣ разные святые, отцы Церкви, основатели духовныхъ орденовъ и схоластики; напряженность чувства во всемъ этомъ такъ же безподобна, какъ удивительны нѣжная личная индивидуализовка характеровъ и постепенность въ выраженіи благоговѣйнаго почтенія, глубокой созерцательной думы, живой скорби, восторженной преданности.

ПѢНІЕ НѢМЕЦКИХЪ МЕЙСТЕРЗЕНГЕРОВЪ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ.

Конрадъ Вюрцбургскій указывалъ уже на то, что изо всѣхъ на свѣтѣ искусствъ одному пѣнію не льзя было ни научить ни научиться, что оно было особымъ даромъ вышней благодати; но въ 14-мъ столѣтіи поэзія и музыка въ нѣмецкихъ городахъ стали дѣломъ школьной выучки и цехового производства. Мѣсто „вѣжественныхъ" стихотворцевъ, рыцарей-миннезенгеровъ, заступили простые ремесленники; перенявъ у первыхъ правила стихосложенія и мелодіи, они развивали и то и другое дальше, такъ что по праву могли назвать себя сами ихъ преемниками и продолжателями. Генрихъ изъ Мейсена, по прозванію Фрауэнлобъ (то-есть Женославъ), слыветъ первымъ, учредившимъ въ Майнцѣ мѣщанское общество для воздѣлки пѣснотворства; здѣсь состязались въ пѣсняхъ изъ-за почетныхъ наградъ и пріобрѣтали, какъ и во всѣхъ другихъ цехахъ, званіе мастера, только представивъ отъ себя отличную работу, то-есть сочинивши и публично пропѣвъ безъ ошибки какую-нибудь стихотворную піэсу, положенную самимъ же сочинителемъ и на музыку. Иногда члены одного какого-нибудь ремесленнаго союза, обыкновенно же охотники до пѣнія изо всѣхъ наличныхъ цеховъ, составляли такого рода общество; у него была своя собственная управа (Gewerk), состоявшая изъ главнаго „подмѣтчика" и его помощниковъ (Merkmeister und Merkern), то-есть критиковъ, изъ управляющаго или ключника, изъ счетчика или казначея и изъ раздатчика наградъ. Послѣднія были вѣнки изъ золотой или серебряной проволоки или же выбитое на золотой пластинкѣ изображеніе царя Давида, играющаго на гусляхъ;

удостоенныя награды стихотворенія заносились въ цеховую книгу. Правила пѣснотворства назывались „табулатурою"; кто изучалъ ихъ, числился ученикомъ, кто твердо уже зналъ — школьнымъ пріятелемъ, кто складывалъ и пѣлъ стихи на чужіе мотивы, слылъ пѣвцомъ. Законъ троечленности строфъ удерживался попрежнему; для изобрѣтенія новыхъ и новыхъ видовъ строфы пускались длиннѣе, переплеты риомъ придумывались все запутаннѣе и ухищреннѣе. Обыкновенно „любители нѣмецкаго мейстергезанга" сходились во славу божію по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни въ свою школу; ни чего срамнаго или пошлаго тутъ не допускалось; сюжеты пѣсенъ заимствовались изъ библіи, и одинъ изъ подмѣтчиковъ долженъ былъ зорко наблюдать, чтобы не проскользнуло чего-нибудь противнаго смыслу Священныхъ Писаній, тогда какъ трое другихъ блюли въ свою очередь за правильностью риомъ, стихосложенія и мелодіи. Вмѣсто чувства и вдохновенія въ піэсахъ господствовала разсудливая назидательность; нравственныя изреченія пояснялись и онагляживались примѣрами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ родныхъ былинъ и изъ современной исторіи, а притчи или уподобленія — нравоучительными размышленіями. Форма порождалась тутъ не содержаніемъ, а была готовымъ и крайне искусственнымъ внѣшнимъ шаблономъ, который заполнялся потомъ болѣе или менѣе подходящими словами; но тутъ важно было уже то, что и въ Германіи стали наконецъ придавать высокую цѣну формѣ. Мелодіи обширныхъ строфъ также были тяжелы и безталанно сухи; здѣсь-то именно и обнаружилось вполнѣ, чему въ искусствѣ можно научить и выучиться. Но какъ бы то ни было, а ремесло все же приближалось э́тимъ посво́ему къ искусству, и значитъ — наводило мостъ между идеаломъ и дѣйствительностью съ ея будничною работой; и та чинная степенность, то крѣпкое согласіе, какія средній классъ обнаружилъ на этихъ праздничныхъ своихъ сходкахъ, всегда останутся похвальною чертой въ исторіи народныхъ нравовъ, хотя цеховая и школьная разработка поэзіи и музыки конечно не принесла литературѣ обоихъ художествъ ни какихъ особенныхъ плодовъ. На память потомству завѣщала она преимущественно только тѣ чудовидныя имена, какими сами мастера и кумовья ихъ по искусству любили крестить новые напѣвы стихотворныхъ произведеній: тутъ рядомъ съ зеленымъ и краснымъ напѣвомъ идутъ желтосѣрый и шафранный вполосу, хвостато-обезьяній встрѣчается съ жирно-барсуковымъ и стеклянно-полукружечный съ бѣло-писчебумажнымъ!

Мейстерзенгерское пѣснопѣніе было искусство, забитое въ колодки школьныхъ правилъ; музыканты, желая обработать какую-нибудь мелодію для инструментовъ, прибѣгали не къ его напѣвамъ, а скорѣе къ неизсякающему ключу народной пѣсни. Лимбургская Хроника многократно упоминаетъ о мелодіяхъ, которыя обыкновенно игрались при всякихъ увеселеніяхъ, и подъ 1374-мъ годомъ говоритъ объ одномъ босоногомъ монахѣ, страдавшемъ проказою: „Что̀ онъ пѣлъ, то самое охотно пѣли всѣ другіе; всѣ ма-„стера высвистывали и всѣ гусляры выполняли и музыку его, и слова". Тѣмъ не менѣе больному божьему человѣку приходилось жаловаться:

Гонятъ меня бѣднаго ото всѣхъ дверей,
Не найдти привѣта мнѣ, ласки у людей!

Странствующіе музыканты, эти побродяги-художники, ходя изъ края въ край, были желанными гостями и для охочихъ къ пляскѣ поселянъ, и для граждапъ, пирующихъ въ своей ратушѣ. Башенный сторожъ, обязанный извѣщать сигналами на рогѣ или трубѣ объ опасности отъ близкаго пожара или отъ непріятеля, долженъ былъ съ высокаго своего глядня не только что пугать народъ, но утромъ и вечеромъ потѣшать весь городъ звуками какого-нибудь хорала; вокругъ него стали потомъ сходиться трубачи и вмѣстѣ съ барабанщиками, гудочниками и разными гуслярами составляли особые цехи, которые старшину своего звали трубачьимъ или гуслярскимъ королемъ, имѣли свои судебные сходы и соединялись одной общей связью съ иногородными цехами въ этомъ родѣ. Подобныя же музыкальныя братства образовались во Франціи, а минстрельскіе цехи—въ Англіи. Даже нищіе въ Парижѣ, и тѣ сомкнулись въ особую артель, подъ управленіемъ своего короля, прозваннаго Петò (Peteau).

Въ Италіи попреимуществу находимъ мы художнически-обученныхъ пѣвцовъ, которые кладутъ на музыку слова стихотворцевъ и выполняютъ ее благозвучнымъ голосомъ. Мы встрѣчаемъ ихъ и въ новеллахъ, и въ Божественной Комедіи, гдѣ Казелла у Горы Очищенія такъ сладко запѣлъ дантову канцону: „Любовь, поведшая въ душѣ со мной бесѣду“, что всѣ души пришли въ совершенный восторгъ, позабывъ все остальное.

Природная даровитость и живое чувство изящества побудили Итальянцевъ къ прилежной обработкѣ импровизаціи—искусства, занявшаго середину между непосредственностью народнаго пѣнія и композиціями, измышленными по всѣмъ правиламъ контрапункта; тутъ имѣлось въ виду облечь въ поэзію тотъ либо другой встрѣчный случай и мелодически выразить мгновенное настроеніе души; пѣвецъ подъигрываетъ себѣ на лютнѣ, и какъ впослѣдствіи Леонардо да-Винчи, такъ теперь превозносится за поэтическую игру па лютнѣ многосторонній мастеръ по части изобразительнаго искусства, Андрей Орканья.

Напомнимъ здѣсь кстати, что еще и ранняя пора Среднихъ Вѣковъ выработала себѣ правила гармоніи, что Франко Кёльнскій далъ уже опытъ теоретическаго къ ней руководства. Многоголосное пѣніе требовало точнаго времеразмѣра отдѣльныхъ нотъ; ихъ подѣлили на цѣлые, половинные, четвертные, осьмушечные тоны и расположили общій ходъ разныхъ голосовъ такимъ образомъ, чтобы только равномѣрные по времени группы тоновъ всегда взаимно отвѣчали другъ другу, будь они въ одномъ случаѣ наполнены одною или нѣсколькими долгими нотами, а въ другомъ напротивъ короткими или даже паузами; мало по малу пришли къ тому, чтобы не только обозначать каждый тактъ въ нотномъ письмѣ штрихами, а для пѣнія—ускореннымъ или замедленнымъ движеніемъ пальца, но и отмѣчать первыя ноты извѣстнымъ удареніемъ, отъ чего вся музыкальная піэса получаетъ свое точно-опредѣленное расчлененье, какъ любая постройка отъ составляющихъ ей тесаныхъ камней или плитъ, и среди самаго разнообразнаго движенія вездѣ слышится законная мѣра времени такъ же ясно, какъ отъ ударовъ маятника на большихъ часахъ. Если сначала довольствовались тѣмъ, что надъ твердо выдержаннымъ ходомъ мелодіи, которую пѣлъ теноръ, давали высшему голосу, дисканту, разъигрываться въ разныхъ звуковыхъ фигурахъ и какъ бы украшать каждую ноту той мелодіи чѣмъ-то вродѣ арабесковъ, если дѣтски радовались

пріемомъ связать подконецъ въ общую гармонію даже и самые отдаленные другъ отъ друга мотивы, то теперь стремились уже и къ тому, чтобы все это сливалось въ одно цѣлое, состоящее изъ много различныхъ отвѣчающихъ одинъ другому членовъ. Одна нота, или все равно—одна точка противопоставлялась при этотъ другой, ставилась надъ нею или подъ нею, и отсюда произошло названіе контрапунктнаго письма, контрапунктирнаго способа, который развернувъ всѣ голоса совершеннаго созвучія изъ самихъ себя, возвращалъ ихъ потомъ къ тому же опять созвучію, при чемъ одинъ передовой голосъ могъ вызывать другой и увлекать его вслѣдъ за собою, или верхніе голоса могли разнообразно увиваться около теноровой темы, или же наконецъ всѣ они могли выполнять одну и ту же музыкальную мысль, исходя отъ разныхъ настроеній или индивидуальностей. Все болѣе и болѣе изощрялись на то, чтобы вводомъ разногласныхъ звуковъ и сліяніемъ ихъ потомъ въ чистый аккордъ музыкально воспроизвесть то самое примиреніе, какое развивается изъ взаимнаго противоборства и разности отдѣльныхъ силъ и жизненныхъ побужденій въ природѣ. Темою для инструментальной музыки или для художественнаго церковнаго пѣнія всего охотнѣе брали какой-нибудь народный напѣвъ и увивали его потомъ цѣлой плетеницей голосовъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ; тутъ мастеръ могъ выказать свое знаніе гармоническихъ правилъ, все богатство своей изобрѣтательности, тогда какъ основной мотивъ былъ всущности такъ же общеизвѣстенъ, какъ и текстъ любой проповѣди, а благодаря ему и вся піэса оставалась въ народномъ духѣ.

Выработкою этого рода композиціи, сливающей такимъ образомъ церковное съ мірскимъ, обязаны мы Нидерландцамъ; тамъ, гдѣ столѣтіе спустя ванъ-Эйкъ и его школа, соединивъ вѣрный природѣ реализмъ съ идеальною и полною мысли компоновкой, положили своей масляной живописью основаніе новой эпохѣ живописнаго искусства и опередили тѣмъ Италію,—тамъ же совершился и этотъ не менѣе великій художественный поворотъ. Процвѣтаніе фландрскихъ городовъ основано на тѣсной связи торговли съ промышленностью; дружныя усилія цѣлой страны оградили ее отъ напоровъ со стороны моря; законность и свобода доставили народу могущество и привольную жизнь: здѣсь же нашло себѣ свою музыкально-художественную выработку и то многоголосное, хоровое пѣніе, на которое, какъ на особенный признакъ германскаго обычая, я заранѣе указалъ по отношенію къ первымъ зачаткамъ народнаго эпоса. Нидерландцевъ не столько манила законченная виртуозность какого ни есть одиночнаго пѣвца; всѣмъ хотѣлось дѣятельно примкнуть къ общему веселью и высказать общее всѣмъ чувство, достигнуть общей всѣмъ цѣли, какъ самобытнымъ раскрытіемъ и живою борьбой каждой изъ различныхъ силъ, такъ и дружнымъ, совокупнымъ ихъ дѣйствіемъ. Итальянецъ Гвиччардини самъ долженъ былъ признать, что Бельгійцы настоящіе верховоды музыкальнаго искусства, что они собственно и основатели, и усовершители его. Отъ природы свойственна имъ та наклонность, говоритъ онъ, что мужчины и женщины не только спѣваются у нихъ милѣйшимъ образомъ, но и поютъ притомъ совершенно привильно и вѣрно; а когда къ этой наклонности присоединилось еще искусство, то они возвысились до такихъ блестящихъ успѣховъ въ вокальной и инструментальной музыкѣ, что

ихъ стали вызывать за это въ другія земли и вездѣ цѣнили высоко. То замѣчательное мастерство, съ какимъ на первыхъ же порахъ выступили нидерландскіе композисты, вродѣ Вильгельма Дюфея, Элуа и Эгида изъ Бинча (Binchois), предполагаетъ и въ прежнія еще времена не только ревностное со стороны народа упражненіе въ музыкальномъ искусствѣ, но и систематическую, научную работу надъ музыкой. Насчетъ перваго мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Амбросомъ: „Тамъ, гдѣ съ давнихъ уже поръ ткали такія отличныя матеріи, суждено было выткать богатѣйшіе узоры и изъ звуковъ, и какъ „при выдѣлкѣ аррасскихъ ковровъ мастеръ окаймлялъ самыми изящными арабесками историческія группы фигуръ главной или середней картины, такъ „точно и композистъ обрамливалъ свой главный теноръ богатѣйшею плетеницей голосовъ".

Со второй половиной 14-го вѣка начинается эта старшая Нидерландская школа, которая не только строитъ съ помощью искусныхъ пѣвцовъ воздушныя тутъ же и разлетающіяся зданія на основѣ тематическаго напѣва (cantus firmus) обѣдни, но притомъ еще вполнѣ разработываетъ и записываетъ или, точнѣе сказать, нотируетъ свои композиціи. Онѣ съ одной стороны опираются на григоріанскій напѣвъ, съ другой—на многоголосные свѣтскіе распѣвы, и какъ веденіе разныхъ голосовъ, такъ и техника фразировки пассажей, являются въ нихъ до такой степени вѣрными и твердыми, что отсюда рѣшительно приходится начать новую эру музыкальнаго искусства. Совершенно въ духѣ времени, въ духѣ преуспѣвающаго гражданства та черта, что основою для миссъ берутся теперь мелодіи любимыхъ свѣтскихъ пѣсенъ; такъ точно явившіеся вслѣдъ за тѣмъ живописцы облекаютъ фигуры библейской исторіи въ одежду тогдашнихъ Нидерландцевъ и переносятъ ихъ въ хоромы и ландшафтъ своеей родины: святыня становится отъ того какъ-то ближе сердцу, роднѣе, а достойная мірская жизнь получаетъ религіозное освященіе.

ЛИРИКА. ПЕТРАРКА.

Когда вступилъ на тронъ Рудольфъ Габсбургскій, рыцари-поэты бросились къ нему толпой; но онъ, съ своей стороны, трезвомысленно заботился о томъ, какъ бы унять и угомонить благородныхъ разбойниковъ, а себѣ создать крѣпкую династическую силу. Далекій отъ всякой мечтательной любовности, отъ всѣхъ фантастическихъ похожденій, онъ оставилъ безъ вниманія тѣхъ литературныхъ послѣдышей, которые думали еще питаться подобными вещами, и ни

мало не тревожился воплемъ ихъ жалобъ и укоризнъ. Рыцарство, хотя уже и безъ идеальнаго вѣнца, въ который оно облеклось со времени крестовыхъ походовъ, все еще составляло высшій, вѣжественный кругъ общества, и вмѣстѣ съ силою руки и ловкостью владѣть оружіемъ выказывало на турнирахъ аристократическій обычай и блескъ изящной обстановки; тутъ какъ разъ являлись и стихоплеты, чтобы служить герольдами, описывать въ риомахъ великолѣпныя вооруженія, въ риомахъ же провозглашать порядокъ турнира и привѣтствовать побѣдителя поздравительною пѣснью. Таковъ былъ между прочимъ Зухенвиртъ, воспѣвающій подвиги австрійскихъ благородныхъ рыцарей подконецъ 14-го вѣка; начинаетъ онъ цвѣтистыми фразами, потомъ разсказываетъ дѣло очень сухо, и хвалу своему герою заключаетъ обыкновенно удивленіемъ его оружію. Тогда вообще любили аллегорію, и совершенно во вкусѣ того времени было воспѣвать гербовыхъ животныхъ, какъ символы героя, да кстати и героевъ—въ ихъ образѣ. Но даже и самъ Зухенвиртъ жалуется на упадокъ рыцарства, на то, что, вмѣсто службы Богу и женщинамъ, вмѣсто обороны вдовъ и сиротъ, оно проводитъ время въ танцахъ и въ игрѣ, или же разбойничаетъ по большимъ дорогамъ. Пріятель его, Тейхнеръ, потерялъ уже всякую надежду, чтобы дѣло когда-нибудь улучшилось; онъ вполнѣ отрекся отъ суеты мірской и сталъ серьёзнымъ правоучителемъ. Гансъ Бегеймъ, покинувшій доброе ткацкое ремесло для того чтобы стать дворскимъ поэтомъ, славитъ своего господина, слѣдуя недостойному девизу: Чей хлѣбъ жую, тому и славу пою!

Насколько подлинно благороднѣе были тѣ мейстерзенгеры-ремесленники, о которыхъ мы недавно говорили! На поприщѣ поэзіи они такъ и оставались ремесленниками въ искусствѣ, тогда какъ лучшіе изъ живописцевъ и скульпторовъ доходили до свободной его высоты; но все же они стихотворствовали на службу Господу Богу и на радость себѣ самимъ. Какъ въ Германіи пѣвали они взапуски, кто кого осилитъ, и торжественно увѣнчивали побѣдителя, такъ и во Франціи встрѣчаемъ мы такъ-называемыя «цвѣточныя игры», празднуемыя 1-го мая въ Тулузѣ, куда въ 1324-мъ году городской совѣтъ пригласилъ собраться всѣхъ поэтовъ и весело состязаться за награду, состоящую изъ золотой фіалки. Тулузская Сафо, богатая гражданка Клемансъ Изоръ, возобновила эти состязанія, установивъ въ награду отъ себя серебряную розу. Въ сѣверной Франціи и въ Бельгіи образовались между тѣмъ «палаты риторовъ», совсѣмъ отступившихся отъ музыки и ограничившихся, по образцу ученыхъ литературныхъ обществъ, однимъ изустнымъ чтеніемъ или декламаціей.

Поэзію трубадуровъ и миннезенгеровъ художественно завершилъ Петрарка въ Италіи, гдѣ любовь поняли уже какъ наслажденье красотой и гдѣ пробудившееся теперь изученіе классической древности повело къ выработкѣ изящной формы. Въ Петраркѣ поэтъ и человѣкъ не одно и тоже, какъ было оно въ Дантѣ; это скорѣе обоюдуострая, многогранно-блестящая натура; въ немъ много казистости: въ пору смутнаго броженія раскрылась передъ нимъ прелесть ясной и чистой формы антика, и вотъ красота ея и всегдашняя на нее оглядка господствуютъ у него надъ чувствомъ, перевѣшиваютъ содержаніе. Онъ великъ уже и тѣмъ, что въ душѣ его нашелъ себѣ такой теплый

пріютъ духъ древности, и если его собственная сердечная любовь къ Италіи тщетно надѣялась для нея политическаго и религіознаго преобразованія, то онъ все-таки трудился съ неослабнымъ одушевленіемъ, чтобы снова пробудить античную литературу, и стать черезъ это предвѣстникомъ новой эпохи человѣчнаго образованія для своей родины, подготовивъ ее къ занятію въ третій еще разъ роли руководительницы всей Европы. Высоко уважаемый въ свой вѣкъ, превозносимый похвалами многочисленныхъ друзей въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, онъ именно въ наше время—я напоминаю при этомъ о Шлоссерѣ и Рутѣ—вынесъ жестокій себѣ приговоръ, будто онъ былъ только бездушнымъ царедворцемъ, лицемѣрнымъ льстецомъ, краснобаемъ носившимъ одну маску созерцательности. Конечно, Петрарка искалъ благоволенія вельможъ и рукоплесканій со стороны народа, но свою славу и свое вліяніе старался онъ употребить на пользу человѣчества; онъ обращалъ грозные увѣты къ папѣ и къ императору и доказалъ на дѣлѣ, что какъ ни дороги были ему Колонны, а Римъ и Италія дороже еще ихъ. Государи и города прибѣгали къ нему за совѣтомъ и за посредничествомъ, расчитывая на свѣтскую его ловкость и на блестящее его имя; они слушались его голоса, желая пріобрѣсть его на свою сторону и обезпечить для себя въ потомствѣ. Онъ былъ до того любимцемъ своего вѣка, что могъ себѣ дозволять многое; онъ состоялъ въ личныхъ или письменныхъ связяхъ со всѣми значительнѣйшими современниками, онъ былъ оракуломъ жаждущихъ образованія, и ему правилось это положенье; но онъ пользовался имъ только для того, чтобы въ ту полную насилій пору, когда унаслѣдованный правообычай распадался въ прахъ, вездѣ давать перевѣсъ силѣ духа. Этого нельзя было достичь путемъ однихъ мелкихъ, суетныхъ ухищреній, это было возможно только подъ условіемъ, чтобъ на карту вездѣ ставилъ самъ себя великій талантъ. Онъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собой Александра Гумбольдта. Не надо лишь терять изъ виду того, что полезное для человѣчества дѣйствіе можетъ исходить отъ дѣйствительной только силы, а за тѣмъ можно, пожалуй, допустить, что онъ нарочно исповѣдывалъ передъ публикой тайны души своей въ бесѣдахъ съ блаженнымъ Августиномъ, что въ своихъ письмахъ къ потомству онъ выказывалъ себя такимъ, какимъ именно желалъ ему казаться, что онъ былъ односторонно эстетическая, а не чисто нравственная натура, человѣкъ изящной наружности, который впрочемъ не непремѣнно же лишенъ изъ-за этого всякаго содержанья,—человѣкъ, въ какомъ искусство собственно и нуждается, но которымъ нельзя однакожь пренебречь и въ жизни. Чтобы принарядить себя достоинствомъ, зрѣлый мужъ въ своихъ латинскихъ сочиненіяхъ посматриваетъ свысока на свои же итальянскіе любовные стихи, какъ на заблужденья юноши, но онъ между тѣмъ чувствуетъ, что они-то именно его и обезсмертятъ, и вотъ даже на старости лѣтъ онъ не перестаетъ исправлять ихъ и выглаживать. Въ латинской прозѣ взялъ онъ въ образецъ себѣ Цицерона, и какъ въ послѣднемъ писатель выше человѣка, мыслителя, политика, такъ было оно и съ Петраркой; для него главнымъ дѣломъ было не то, что онъ говоритъ, а какъ именно онъ это скажетъ; за то, послѣ варварскихъ словъ и фразосочетаній, къ какимъ такъ пріучили схоластики и канцеляріи, въ слогѣ у него впервые воскресаетъ чистое благородство латинскаго языка съ свойственными ему силою и изяществомъ,

тогда какъ все мягкое благозвучіе, къ какому только способенъ итальянскій языкъ, очаровываетъ ухо въ его ласкающихъ стихахъ.

Петрарка родился 1304-го года въ Ареццо. Отецъ его былъ изгнанъ изъ Флоренціи въ одинъ годъ съ Дантомъ, и вскорѣ переселился со всей семьею въ Авиньіонъ, гдѣ папскій дворъ былъ въ то время на жительствѣ. Сынъ долженъ былъ изучать права въ Монпелье и въ Болоньѣ, но живая фантазія увлекла его тамъ къ стихотворству и къ привольному быту трубадуровъ, а здѣсь научное рвеніе навело на Виргилія и Цицерона. Отецъ рано умеръ, и двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ поступилъ въ духовное званіе, съ тѣмъ чтобы, обезпечивъ себя церковнымъ доходомъ, посвятить музамъ свой досугъ. Тутъ, въ Великую Пятницу 1327-го года увидѣлъ онъ въ церкви Лауру, жену Гуга де-Садъ, и влюбился въ нее до безумія; по обычаю средневѣковой любовной службы, клирикъ сталъ заявлять страсть свою къ замужней дамѣ въ пѣсняхъ; онъ удалился въ одиночество и оглашалъ воздухъ Воклюзскаго ключа своими поэтическими вздохами, скоро возбудившими общее удивленье. Лаура, съ свойственнымъ ей нравственнымъ тактомъ, не безъ примѣси конечно самодовольства, умѣла сдержать пламеннаго любовника въ извѣстныхъ предѣлахъ, но также опять и привлечь его улыбкой, когда онъ приходилъ въ отчаянье, и въ то самое время какъ Петрарка пѣлъ что красота ея ведетъ его къ небу и къ добродѣтели, онъ утѣшалъ себя за недоступное ему счастіе какимъ-нибудь незаконнымъ сожительствомъ на селѣ или благосклонностью безпутной королевы Іоанны Неаполитанской. Настоящую поэтическую свою славу онъ думалъ еще основать латинскимъ эпосомъ „Африка“, который воспѣваетъ величіе древняго Рима и Сципіона въ исторіи третьей пунійской войны, но давно уже забытъ всѣми. Онъ домогается потомъ всенароднаго, торжественнаго увѣнчанія лавромъ въ Римѣ, и получаетъ туда вызовъ; но прежде онъ проѣхалъ въ Неаполь, чтобы подвергнуться тамъ испытанію въ искусствѣ и наукѣ со стороны короля Роберта. Облеченный мантіей этого короля, явился онъ въ 1341-мъ году въ Римѣ; двѣнадцать отроковъ въ яркокрасной одеждѣ открывали шествіе его къ Капитолію, за нимъ слѣдовали знатнѣйшія лица, и среди восторженныхъ кликовъ толпы сенаторъ Орсо возложилъ ему вѣнокъ на голову. Въ данномъ ему дипломѣ было сказано, что Богъ отвѣка водворилъ въ славнѣйшемъ изъ всѣхъ городовъ начало геройской доблести и генія, что люди меча всегда увѣнчивались тамъ безсмертіемъ отъ поэтовъ. Хотя многіе и думаютъ, будто поэзія состоитъ изъ однихъ ложныхъ вымысловъ; но призваніе поэта высоко и важно: онъ возвѣщаетъ людямъ истину въ пріятныхъ формахъ и краскахъ.—Геній особенно счастливъ тѣмъ, что удовлетворяя свои личныя наклоности и страсти, онъ въ то же время исполняетъ какое-нибудь призваніе для человѣчества. Какъ Петрарка добивался этого торжества и какъ онъ театрально его обставилъ, оно кажется дѣломъ тщеславія и чистой суеты, а между тѣмъ приговоръ исторіи въ устахъ Грегоровіуса звучитъ иначе: „Среди неистовыхъ крамолъ, въ мрачномъ, опрошенномъ тогда Римѣ, праздникъ „въ честь поэту блеснулъ кроткимъ свѣтомъ человѣчности; съ высотъ клас„сическаго Капитолія напомнилъ онъ погрязшему въ ненависть и суевѣріе „міру, что искупительная работа духа остается вѣчной его потребностью, „высшимъ его призваніемъ и прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ торжествомъ.“

Еще и раньше жажда видѣть Римъ привлекла Петрарку въ вѣчный городъ, еще и раньше звалъ онъ воротиться туда папу въ поэтическомъ посланіи, и голосъ Италіи можно сказать непрерывно протестовалъ изъ его устъ противъ отсутствія главы христіанства. Тогда древніе камни Рима съ ихъ надписями такъ живо заговорили душѣ одного молодого нотаріуса, такъ воспламенили его къ независимости и величію родного города, что этого юношу, Кòлу Ріэнци, отправили наконецъ въ Авиньіонъ ходатаемъ за народъ противъ гнета аристократовъ. Тамъ свидѣлся онъ съ Петраркою, тамъ поэтически мечтали они вдвоёмъ о возстановленьи Рима, и воротясь домой Кòла рѣшился осуществить грезу о древнемъ могуществѣ, „предпринять на дѣлѣ то, чему научился изъ чтенія". Какъ Донъ-Кихотъ сквозь призму рыцарскихъ своихъ книгъ смотрѣлъ на свѣтъ съ чисто романтической точки зрѣнія и оперся на нее въ образѣ своей жизни и въ дѣйствіяхъ, такъ точно поступалъ и молодой Римлянинъ подъ заклятіемъ тѣхъ чаръ, которыми обворожили его голоса поэтовъ, ораторовъ, историковъ древности, даже голоса ея развалинъ; облекшись въ бѣлую тогу, проповѣдывалъ онъ о самодержавствѣ римскаго народа, которое хотѣлъ вырвать изъ рукъ хищной знати, и тогда какъ послѣдняя издѣвалась надъ шутòмъ, думавшимъ преобразовать государство картинами, Кòла, утромъ въ Троицынъ День, двинулся изъ церкви торжественнымъ ходомъ къ Капитолію, куда заранѣе созвалъ черезъ глашатаевъ народъ; огненная рѣчь его изобразила всѣ злоупотребленія, всѣ гнусности настоящаго въ противоположность строю и величію античной республики; народъ одобрилъ тѣ новые порядки, какіе предложилъ онъ ввести по древнему образцу, и съ восторгомъ облекъ его неограниченною властью, въ званіи своего трибуна и государственнаго преобразователя. Застигнутые врасплохъ аристократы ударились бѣжать, весь народъ вооружился, но не было пролито ни капли крови, и по вызову Кòлы знать присягнула на вѣрность конституціи. Трибунъ писалъ въ римскіе провинціи, въ разные итальянскіе города, чтобы они свергли съ себя иго и вступили въ свободный союзъ святой и нераздѣльной Италіи; на 1-е августа созывался въ Римъ общій національный парламентъ, съ тѣмъ чтобы основать народный союзъ подъ главенствомъ Рима. И то, что онъ высказалъ эту великую идею, что онъ хотѣлъ выполнить ее собственными силами Италіи, — останется всеміроисторической заслугой Кòлы, не смотря на то, что упоенный первой удачею и обожаніемъ къ нему народа, онъ мечталъ блестящими рѣчами, праздничными зрѣлищами и театральною шумихой такъ же легко совершить политическій и религіозный переворотъ и установить совсѣмъ новые порядки, какъ даются на сценѣ представленія, тогда какъ для этого нужны вся нравственная энергія, весь организаторскій геній какого-нибудь Кромвеля, да притомъ серьёзное и основательное содѣйствіе со стороны народа. Доброе отъ природы свойство послѣдняго обнаружилось при первомъ проблескѣ свѣтлаго луча мира и свободы: одинъ изъ воротившихся въ Римъ гонцовъ сказывалъ, какъ разносилъ онъ вездѣ жезлъ Ріэнци и какъ падалъ передъ нимъ на колѣни народъ, цалуя его съ радостными слезами, въ благодарность за то, что дороги и лѣса сохранны теперь отъ разбойниковъ. Съ гордостью и услажденіемъ видѣлъ Петрарка, какъ Италія возстаетъ изъ праха, будто подъ ударомъ волшебнаго жезла, какъ слава ея разносится во всѣ концы мі-

ра; онъ заочно поздравлялъ Трибуна и увѣщевалъ народъ чтить въ немъ посланника божія; теперь надлежало отстоять независимость и достигнуть опять державства надъ страною. Знатные роды Италіи, съ которыми онъ прежде такъ охотно водился, стали для него теперь вторженцами изчужи, такими же какъ звѣри ихъ гербовъ, глухими къ мольбамъ бѣднаго люда, слѣпыми къ слезамъ женщинъ и дѣтей; но истинный сынъ Рима, говоритъ онъ, стоитъ теперь на скалѣ тарпейской для избавленія отъ всякой напасти, и никогда ни одному смертному путь къ величію не пролагался такъ легко. „Чего ты ждешь, чего тебѣ еще надо, Италія?“ продолжаетъ поэтъ въ своей прекрасной канцонѣ: „Не смотря на всѣ бѣдствія, ты ни на что еще не „рѣшаешься, ты стара, безчувственна, лѣнива? Ужели заснула ты навѣкъ, и „никто тебя не разбудитъ? Ахъ такъ бы и разбудилъ тебя, схвативъ за̀ во„лосы! Но нѣтъ, никогда человѣческому голосу не расшевелить утомленныхъ „твоихъ членовъ изъ тупого омертвѣнія; тяжкій, неодолимый гнетъ такъ и „приковалъ ихъ къ землѣ. Но ты, кто такъ могучъ потрясать и возстанов„лять! тебѣ предлежитъ блюсти главу нашу, Римъ, не безъ воли вышняго „рока; собери же въ сильную свою руку разметанные старые кудри, захва„ти ихъ крѣпко всѣ за разъ, чтобы лѣнивецъ поднялся наконецъ изъ грязи! „Я, дрожа за него и день и ночь, возлагаю на тебя всю свою надежду: если „суждено марсову народу снова поднять взоръ къ чертогамъ славы, такое „счастіе выпадетъ на долю твоимъ днямъ. Эти древнія стѣны, которыя и те„перь еще наполняютъ страхомъ, трепетомъ и любовью міръ, всякій разъ „какъ онъ обратится къ прошлому, эти гробницы, гдѣ схоронены тѣ, кого „не сокрушитъ суетный свѣтъ, на которыхъ никогда не прочтешь имени за„бытаго славой, — все, все, что̀ обратилось теперь въ развалину, все это „ждетъ отъ одного тебя разсѣянія всякой напасти. О вѣрный Брутъ, о ве„ликіе Сципіоны, какъ поблагодарите вы за вѣсть о достойномъ возобновле„ніи вашихъ сановъ! Какъ радостно подниметея Фабрицій и громко воскликнетъ: Римъ, дорогой мой Римъ, ты опять становишься великолѣпенъ по „прежнему!“

Но, вмѣсто того чтобы обратить всю силу на рѣшеніе политической задачи, Ріэнци сталъ уподоблять себя Христу и относить къ своему лицу упованія мистиковъ на новаго мессію; онъ думалъ изгнать тирановъ, сидѣвшихъ по итальянскимъ городамъ, одними своими декретами и сломить партикуляризмъ раздачею правъ римскаго гражданства; онъ вызывалъ папу, императора и королей въ Римъ, для полученія своихъ сановъ отъ державной руки римскаго народа. Лежавшую надъ Римомъ исполинскую тѣнь античной державы поздніе потомки Римлянъ приняли за чистую дѣйствительность, говоритъ талантливый историкъ города Рима (Грегоровіусъ) и находитъ въ ученіяхъ Данта и Петрарки смягчающія обстоятельства въ пользу фантастическихъ затѣй трибуна. Онъ воображалъ себѣ что много сдѣлалъ, велѣвъ вырѣзать на мѣдныхъ доскахъ статьи новаго союза Италіи, а изъ общаго народнаго сейма вышелъ пустой праздникъ побратимства, къ которому присоединился фарсъ рыцарскаго посвященія и купанія въ розовой водѣ, налитой для Колы въ купель Константина, послѣ чего онъ былъ увѣнчанъ шестью вѣнками и провозглашенъ не только въ Августы, но и въ кандидаты Святого Духа! Народъ подавилъ возстаніе бароновъ, но тутъ трибунъ пре-

вратился въ жестокаго и сластолюбиваго тирана; а когда принялъ противъ него строгія мѣры папа, онъ изъ восторженнаго опьяненія впалъ разомъ въ малодушнѣйшую слабость; сложилъ свой серебряный вѣнокъ и свой булатный скипетръ на престолъ арацѐльской Богородицы и бѣжалъ изъ Рима; вся затѣя его исчезла со сцены міра какъ потѣшный маскарадъ величія древности, какъ туманная прелюдія духовнаго ея возрожденья. Тщетно Петрарка увѣщевалъ его блюсти мѣру и здравый смыслъ: „Гдѣ твой „добросовѣстный геній? Если справедливы дошедшіе до меня слухи, тогда „надолго прости и ты, мой любезный Римъ!" Когда въ Авиньіонѣ спросили его совѣта насчетъ римской конституціи, онъ потребовалъ учрежденія тамъ демократическихъ порядковъ; Римляне, говорилъ онъ, должны наполнить сенатъ людьми изъ среды народа; необходимо вырвать у крамольной знати все губящую, все отравляющую тираннію. Ріэнци провелъ нѣсколько лѣтъ между мечтательными пустынниками въ Абруццахъ, и вдругъ явился потомъ въ Прагу, къ Карлу IV-му; но этотъ хотѣлъ практическихъ способовъ для предпринятія похода въ Римъ, а не мерлиновскихъ предсказаній и не пророческихъ грезъ о земной троицѣ, которая должна состоять изъ императора, папы и народнаго трибу́на; онъ велѣлъ взять его подъ стражу и выдалъ послѣ въ Авиньіонъ. Тамъ вступился за него Петрарка; поэтъ ни какъ не хотѣлъ допустить, чтобы патріоту ставилась въ тяжкую вину восторженная ревность къ славѣ и независимости отечества; онъ жалѣлъ о недостойномъ исходѣ, но хвалилъ славное начало ріэнціева предпріятія, и вызывалъ Римлянъ истребовать у папы своего согражданина, такъ-какъ держава принадлежитъ городу Риму, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ отъ него не осталось ни чего, кромѣ одной голой скалы Капитолія. Новый папа, Иннокентій VI, задумалъ возстановить Церковную Область и вмѣстѣ съ великимъ государственнымъ дѣльцомъ, кардиналомъ Альборносомъ, отправилъ въ Римъ и фантаста Ріэнци, который сдѣлался тамъ сенаторомъ и вторично сталъ во главѣ правленія, но теперь уже на службу Церкви; онъ хотя и постарѣлъ, но не сдѣлался ни благоразумнѣе, ни тверже характеромъ, только идеи его утратили свой прежній полетъ, а слова — свое очарованіе. Онъ и плакалъ, и смѣялся въ одно и то же время; нужда въ деньгахъ заставила его притѣснять народъ, насильственными мѣрами раздражилъ онъ знатныхъ; началось возстаніе, и онъ тщетно развернулъ противъ него знамя Рима, указывая на золотую надпись Senatus populus que romanus, которая, по его мнѣнію, должна была за него говорить; онъ палъ, проколотый шпагой: Евреи сожгли тѣло его у мавзолея Авгу́ста, а пепелъ былъ разсѣянъ подобно праху Арнольда Брешіанскаго. Ріэнци былъ послѣднимъ, кого вдохновляла еще средневѣковая вѣра въ свѣтскую мощь Рима; но онъ же пророчески указалъ своему отечеству на цѣль будущности и возвѣстилъ идеи новой эпохи; геніальность, съ какою онъ высказывалъ ихъ, давала ему истинно магическую силу надъ сердцами, хотя, съ другой стороны, мечтательный или просто смѣшной способъ, которымъ онъ думалъ ихъ осуществить, подготовилъ трагическое его паденье. Грегоровіусъ называетъ всю жизнь его поэмой, а его самого поэтомъ, заблудившимся въ политику; фантазія Рима породила эту чудную фигуру, которую только и можно объяснить что изъ поэтической силы духа народнаго: „настоящій лицедѣй геройства въ лохмотной багряницѣ древности",

онъ самъ былъ сколкомъ Рима въ его полномъ упадкѣ: оттого онъ и характеристиченъ для нашего обзора фантазійной жизни человѣчества.

Возобновленіе римской республики въ сферѣ политической была чистая мечта, пробужденіе древности въ царствѣ духа, — пробужденіе человѣчнаго образованія, искусства, науки,—вотъ реальная, настоящая задача, которой Петрарка и посвятилъ теперь остатокъ своихъ силъ. Во всѣхъ разъѣздахъ своихъ по Италіи, Франціи, Германіи, въ своихъ письменныхъ сношеніяхъ съ Англіей, вездѣ, даже и въ Константинополѣ, пробуждалъ онъ интересъ къ классическимъ писателямъ, къ розыску, собиранію и изученію ихъ произведеній. Тутъ самымъ ревностнымъ ему товарищемъ былъ поэтъ Боккаччіо, а собственные его труды, зеркало утѣшенія въ счастіи и несчастіи, гдѣ бесѣдуютъ между собой скорбь и радость, страхъ и надежда, его письма къ тѣмъ изъ мужей древности, которыхъ онъ особенно цѣнилъ и уважалъ, его жизнеописанія римскихъ героевъ, его историческіе разсказы, соединявшіе съ пріятностью анекдота всегда полезную для жизни приложимость,—все это и по формѣ, и по содержанію было плодомъ классическихъ его изученій, питательнымъ какъ для него самого, такъ и для его народа.

На ряду съ этимъ онъ продолжалъ громить Авиньіонъ, эту, какъ онъ говорилъ, „клоаку міра“. Бремя грѣховъ ея вопіетъ къ небу, да ниспошлетъ оно на нее огненный дождь, сказано въ одномъ изъ его сонетовъ; другой изображаетъ растлѣніе Церкви и папскаго двора въ слѣдующихъ словахъ: „Источ-„никъ скорби, гнѣздо ярости, школа заблужденій, храмъ ереси, ты, нѣкогда „Римъ, а теперь лживый и развратный Вавилонъ, стоющій такому множе-„ству людей безконечныхъ слезъ и вздоховъ; вертепъ обмановъ, лютая „тюрьма, гдѣ приходится умирать добрымъ и раздолье однимъ только злымъ, „адъ для всего живущаго! вѣдь будетъ истиннымъ чудомъ, если не ожесто-„чится противъ тебя наконецъ и самъ Христосъ. Основанная въ чистой и „смиренной нищетѣ, ты поднимаешь теперь рогъ на своихъ основателей, „безстыдница! Скажи, на что же ты надѣешься? Развѣ на блудныя свои „дѣла? на неправдой нажитыя богатства? Но Константинъ теперь ужь не во-„ротится, а раздраженный тобой міръ, отниметъ у тебя и его подарки“.

Другой сонетъ заканчивается такъ: „Разсѣются въ прахъ твои идолы, „распадутся твои, гордыя, богопротивныя башни, и стражу ихъ пожретъ „пламя, свирѣпствующее внутри; на землю воротятся опять добролюбивыя „души, и все тогда заблещетъ золотомъ, она наполнится попрежнему бла-„гими дѣлами“.

Потомъ еще разъ поднимаетъ онъ голосъ за дорогую свою родину въ знаменитой канцонѣ къ владыкамъ Италіи *, которыхъ онъ призываетъ соединиться на освобожденіе отъ чужеземнаго ига, на изгнаніе наемныхъ ватагъ. Тутъ онъ начинаетъ слѣдующимъ образомъ: „О родная моя Италія, ни ка-„кими словами не пособить смертельнымъ язвамъ, усѣявшимъ прекрасное „твое тѣло; но пусть по крайней мѣрѣ мои тяжкіе по тебѣ вздохи отвѣчаютъ „тѣмъ надеждамъ, которыя питаютъ и Тибръ, и Арно, и По, гдѣ я витаю „теперь съ глубокой и горькой думой!“

* По случаю прихода туда императора Людовика Баварскаго.

Скажите, говоритъ онъ, полный негодованія, что̀ дѣлаетъ здѣсь эта бездна чужеземныхъ мечей? Вѣдь сама природа оградила насъ Альпами отъ напора свирѣпой германской силы (rabbia tedesca); развѣ Марій и Цезарь не выбрасывали вонъ дикихъ вторженцевъ? Но вы, погрязши въ гнусныя усобицы, отдаете на растерзаніе прекраснѣйшій край въ мірѣ.—А потомъ та удивительная станца, которую Альфіэри назвалъ божественной, и которою Маккіавелли заключилъ свою книгу о Государѣ: „Не это ли та земля, „на которую впервые ступилъ я младенческой ногою? Не это ли гнѣздо мое, „гдѣ такъ сладко меня вскормили? Не это ли моя родина, на которую вся „моя надежда? Не это ли та милая, добрая мать, которая покрыла обоихъ „моихъ родителей? Троньтесь же ради Бога моимъ увѣтомъ! Сжальтесь надъ „слезами бѣднаго народа, у котораго послѣ Бога одна надежда на васъ! Покажите ему только малѣйшій знакъ пріязни, и доблесть возстанетъ противъ „свирѣпой ярости, и повѣрьте, не дологъ будетъ бой: вѣдь древнее муже-„ство не умерло еще въ сердцахъ итальянскихъ!“

Какъ эти современныя стихотворенія Петрарки были завершеніемъ всѣхъ трубадурскихъ сирвентесовъ, такъ и рыцарская любовная поэзія завершилась его сонетами и канцонами въ честь Лауры, такъ впослѣдствіи эпосъ странствующаго рыцарства закончился Аріостомъ. Кекуле и Бигелебенъ подарили Германію превосходными переводами Петрарки. Онъ, что̀ называется, художественный лирикъ; вмѣсто простыхъ пѣсенъ, которыя, какъ непосредственное изліяніе душевныхъ настроеній, сами приносятъ съ собой сродную имъ мелодію и поэтому звучатъ легкодоступнымъ напѣвомъ, любитъ онъ, напротивъ, сонетъ, который уже са̀мой своей формою указываетъ на положеніе, противуположеніе и посредствующую связь между ними, который вызываетъ своими долгозвучными стихами на размышленіе,и однакожь строгой ограниченностью своего объема побуждаетъ тщательно отшлифовывать каждую мысль какъ брилліантъ. Оттого мы встрѣчаемъ у Петрарки постоянную игру чувства въ самыхъ изящныхъ словооборотахъ, вышколенную такъ-сказать діалектику сердечныхъ чувствъ, изощряющуюся на антитезы; діалектика эта своей тонкостью и ясностью далеко оставляетъ за собой всѣхъ предшественниковъ поэта, хотя много у нихъ заимствуетъ, а съ другой стороны вызываетъ на такое преизобильное подраженіе, которое больше блещетъ замысловатостью выходокъ, ловкостью техники и благозвучіемъ риомъ, нежели оригинальностью и правдивостью чувства и выраженія. Уже и у него самого̀ видоизмѣненіе одной и той же мысли звучитъ чистой почти музыкой въ симметрически расчлененныхъ строфахъ и въ гармоническомъ складѣ рѣчи. Онъ, напримѣръ, услаждается дивнымъ блескомъ очей своей Лауры и жалѣетъ, что они лишены счастія сами собой любоваться; для него они путеводныя звѣзды, указывающія надежную пристань среди бури житейскихъ треволненій; свѣтящаяся въ нихъ полная любви мысль побуждаетъ его къ пѣснопѣвству и къ дѣятельности: ей будетъ онъ обязанъ тѣмъ, если достигнетъ безсмертія; она вѣнецъ созданія; въ ней возвеличена вся природа.

Откуда Любовь взяла золота, изъ какой чудной жилы,
Чтобы сплести эти двѣ русыя косы? Съ какого куста
Сорвала она эти розы, съ какого берега сняла
Этотъ нѣжный и свѣжій иней, которому придала такую жизнь?

Откуда эти перлы, изъ за которыхъ льются
Такія сладкія, милыя, безцѣнныя слова?
Откуда дивныя красы этого яснаго чела,
Что свѣтлѣе безоблачнаго неба?

Отъ какихъ ангеловъ, изъ какой сферы
Несется та небесная пѣснь, отъ которой я весь млѣю, таю,
Такъ что скоро и таять будетъ нечему?
Изъ какого солнца истекъ свѣтъ прелестныхъ очей,
Отъ которыхъ во мнѣ и война и миръ,
Отъ которыхъ сердце мое то огнемъ горитъ, то леденѣетъ?

Только изъ царства идей можетъ исходить ея красота, и увидѣвъ ее, всякъ невольно ищетъ красоты божественной; если созерцать Бога значитъ наслаждаться вѣчной жизнью, то каждый взглядъ на нее даритъ блаженствомъ среди измѣнчивости земного бытія. Такъ Петрарка переплетаетъ платонизмъ съ средневѣковою любовною поэзіей. Условныя похвалы ея превращаются у него въ идеальный образъ женской природы. Онъ видитъ въ возлюбленной „тихую, смиренную жизнь при благородствѣ крови, дѣтски-чистую „душу при высокомъ умѣ, плоды старости при цвѣтѣ юности, веселость въ „соединеніи съ милою серьезностью". Она преклонилась съ неба, чтобы вознести туда поэта; онъ называетъ ее „цвѣтомъ добродѣтели, источникомъ „красоты, омывшимъ ему сердце отъ всякой низости". Особенно сознаетъ онъ это облагороживающее вліяніе любви по смерти Лауры; образъ душевной ея прелести въ трогательныхъ жалобахъ его поднимается тѣмъ чище на темномъ небосклонѣ грусти. Пылая и ища въ то же время спасенія души своей, могъ онъ смотрѣть теперь въ это строго-прекрасное лицо; она вѣдь надѣлила его добродѣтелью, онъ ее славой. „Я не умерла, о еслибъ ожилъ и ты!" слышится ему загробный привѣтъ ея; на землѣ только вѣдь и есть долговѣчнаго, что слеза! говоритъ поэтъ, и питаетъ надежду, что если пѣснь его выйдетъ такъ могуча, какъ его скорбь, то благороднѣйшія души въ мірѣ сохранятъ память о его возлюбленной.

Дивное, небывалое чудо явилось свѣту въ наше время,
Но не захотѣло остаться здѣсь,
А только указало на небо и вознеслось опять
Украшать собой звѣздныя пространства.

Однакожь любовь, впервые развязавшая мнѣ языкъ,
Хочетъ, чтобъ я описалъ это чудо тѣмъ, кто не видалъ его,
И съ тѣхъ поръ тысячу разъ принимался я за трудъ,
Изводя на него умъ, время, перо и бумагу.

Пѣснь моя все еще не достигла высшей цѣли:
Я самъ это чувствую, и беру въ свидѣтели всякаго,
Кто говоритъ или пишетъ про любовь.
Да, кому дорога истина, тотъ внутренно сознается,
Что тутъ безсильно лучшее перо, и скажетъ съ невольнымъ вздохомъ:
О, какъ блаженны тѣ глаза, которые видѣли ее живую!

Еще въ старости Петрарка отважился на попытку состязаться съ Дантомъ, и написалъ аллегорическую поэму терцинами; но на это не достало у него ни глубины мысли, ни пластически-сильной характеристики, хотя об-

щій замыселъ—величавъ и геніаленъ. Передъ нимъ развертывается цѣлый рядъ вѣщихъ видѣній. Сперва является торжественное шествіе чувственной любви, Амуръ съ вереницею имъ побѣжденныхъ, въ томъ числѣ—эротическіе поэты Рима и Среднихъ Вѣковъ; потомъ Цѣломудріе побѣждаетъ у Лауры всякую чувственность, и съ торжествомъ слагаетъ она съ себя вѣнокъ прелести въ храмѣ нравственной чистоты. Тутъ приходитъ Смерть, и такъ-какъ Богу угодно чтобы все земное ей покорялось, то и Лаура слѣдуетъ ея манію; воспаряя отъ земли, является она поэту и исповѣдываетъ ему любовь свою, а вмѣстѣ и то, что отказывая во многомъ себѣ и ему, она снискала вѣчное блаженство имъ обоимъ. Тогда супротивъ Смерти выступаетъ Слава, въ сопровожденіи тѣхъ мудрецовъ и героевъ, которые именно ея силою преодолѣли Смерть. И здѣсь многіе у Петрарки названы по имени, но не выставлены живо и наглядно. Время между тѣмъ съ неудовольствіемъ смотритъ на то, что конечное думаетъ противустать его ходу, и передъ негодующимъ его взоромъ блѣднѣютъ и исчезаютъ самыя гордыя имена: слава—вѣдь вторичная же опять смертность. Тутъ отъ тлѣна преходящаго поэтъ обращается уже прямо къ Богу, съ вопросомъ о послѣднемъ концѣ всего измѣнчиваго бытія, и изъ глубины его сосредоточеннаго духа возстаетъ передъ нимъ торжество Вѣчности, гдѣ все благородное изящное пребываетъ просвѣтленнымъ на вѣки вѣковъ и гдѣ во всемъ открывается нескончаемая слава божія.

Съ теченіемъ вѣковъ, все цвѣтистѣе и зеленѣе
Будетъ становиться безсмертная краса небесной славы,
И въ ряду преображенныхъ
Всѣхъ лучезарнѣе будетъ сіять та, которую земной міръ
Не перестаетъ звать къ себѣ моимъ утомленнымъ голосомъ;
Но чистое небо ни кому не уступитъ въ жаждѣ любоваться ею.
На берегу рѣки, текущей изъ Севеннъ,
Любовь долго томила меня такою внутренней борьбой,
Что отъ одного воспоминанія еще жутко моему сердцу;
Счастливъ камень, покрывающій ея прелести!
Когда же свѣтлый ея образъ возстанетъ снова,
То если истиннымъ блаженствомъ было видѣть ее на землѣ,
Каково будетъ свидѣться съ ней опять на небѣ!

Въ то самое время какъ искусственная поэзія Среднихъ Вѣковъ не только что замирала во Франціи и Германіи, но притомъ еще и завершалась со стороны формы у Итальянцевъ, въ глубинѣ швейцарскихъ горъ раздались первые и свѣжіе звуки исторической народной пѣсни. Борьба вольныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ противъ Габсбурговъ, развернувшись шире, превратилась въ торжество крестьянства надъ рыцарствомъ, горожанъ надъ феодальной знатью; простообычіе и чувство любви къ отечеству могли вдоволь нарадоваться своей силою, ихъ твердое упованіе на божью помощь нашло себѣ награду въ счастливомъ исходѣ упорной борьбы. Тогда повѣяло опять и простою народной стариной отъ пѣсенъ, прославлявшихъ битвы при Фрауэнбрунненѣ, Земпахѣ, Нефельсѣ, въ честь героямъ и Вышнему Покровителю; пѣсни эти переходили изъ устъ въ уста, стали общенародными достояніемъ, развивались въ этомъ же духѣ дальше, и отозвались наконецъ въ пѣснопѣніи Фейта Вебера, изобразившаго Бургундскія войны уже пѣ-

сколько на лѣтописный складъ. Около швейцарскихъ горъ сталъ тогда замѣтно яснѣть разсвѣтъ исторіи, и историческія записи событій (не простыя уже хроники) помѣшали разросту этихъ пѣсенъ въ народный эпосъ; но какъ онѣ сами и какъ по слѣдамъ ихъ сказаніе, обновивъ отчасти древнія миѳическія воспоминанья и выработавъ нѣкоторые богатырскіе облики и подвиги въ Теллѣ и Винкельридѣ, придали фактамъ богатырскую оболочку, такъ послѣдняя перешла въ народное сознаніе и донынѣ продолжаетъ дѣйствовать въ исторіи.

АЛЛЕГОРІИ. ПОЭТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Въ настоящемъ искусствѣ понятіе и наглядное созерцанье нераздѣльны одно съ другимъ, идея одушевляетъ явленіе и, воплощаясь въ немъ, отъ него получаетъ форму: единичное освящается такимъ образомъ мощью всеобщаго, котораго законъ оно самосильно выполняетъ. Но къ концу Среднихъ Вѣковъ свѣжесть народнаго естественнаго чувства шла наперекоръ готовымъ схоластическимъ понятіямъ, и такъ-какъ послѣднія выработались уже какъ бы въ разныя духовныя существа, то чуждые схоластики міряне старались сдѣлать ихъ чувственно представимыми и такимъ образомъ общедоступными для всѣхъ. Любили басни, притчи, поясненія примѣрами въ словѣ, любили олицетворенія съ тщательнымъ подборомъ аттрибутовъ въ живописи, и здѣсь и тамъ любили вообще аллегорическое, которое своей живостью больше говоритъ разсудку, нежели чувству, и остается какимъ-то межеумкомъ или двуспасткомъ до тѣхъ поръ пока не воплотится непосредственнѣе и приглядпѣе въ какомъ-нибудь олицетворяющемъ его идеальномъ образованіи, вродѣ статуй греческихъ боговъ или нѣкоторыхъ удачныхъ созданій новѣйшихъ художниковъ. (Дальнѣйшія разъясненія по этому предмету можно найдти въ моей „Эстетикѣ", томъ I, стран. 416—432).

Мы уже говорили про романъ о Розѣ, разсматривали дантову Божественную Комедію, а здѣсь замѣтимъ еще въ дополненіе, что именно теперь, когда духовенство и рыцарство перестали быть носителями культуры,—школяры и полуученые міряне принялись излагать свои взгляды на людскую жизнь въ поэтической оболочкѣ на поученіе и забаву народу, при чемъ охотно обращались къ аллегоріи. Дѣйствіе отступало тутъ на задній планъ, выдвигалась впередъ назидательность. Дщерь Сіона теперь душа, порывающаяся къ Господу; умъ и вѣра, любовь и молитва, все это олицетворяется и подходитъ къ ней съ добрыми совѣтами, чтобы привести ее къ небесному союзу,

къ бракосочетанію съ Богомъ. Гадамаръ изъ Лабера описываетъ скорби и радости любви подъ аллегорическимъ образомъ охоты; здѣсь попадаются намъ очень милыя черты, душа признаетъ отраженія своихъ собственныхъ настроеній въ картинахъ природы; многое однакожь выходитъ смѣшно или по крайней мѣрѣ чудовидно: сердце, напримѣръ,—собака, которая то наводитъ охотника на слѣдъ, то далеко отъ него отбивается и грызется съ волкообразными пересудчиками и соглядатаями. А тамъ Любовь споритъ о первенствѣ съ Деньгой, и послѣдняя ухитряется ясно доказать, что она одна правитъ міромъ, да объясняетъ сверхъ-того и почему именно. Далѣе въ „Книгѣ Дѣвъ“ передъ императора Карла IV-го предстаютъ разныя искусства и науки, и каждая описываетъ сама себя, а также и свои произведенія, но конечно не такъ геніально какъ въ шиллеровомъ Торжествѣ Искуствъ (Huldigung der Künste); императоръ затрудняется, которой отдать предпочтеніе и посылаетъ ихъ подъ конвоемъ рыцарскаго обычая въ страну природы, гдѣ какъ имъ, такъ и добродѣтелямъ богословіе указываетъ на Бога, все совершающаго наукой, искусствомъ и добродѣтелью.

Одна латинская книга конца 13-го столѣтія, написанная Сессолемъ (Cessoles) въ Пикардіи, была переведена чуть не на всѣ языки; цѣль ея поднять нравоучительнымъ толкованіемъ шахматную игру, которая была запрещена монахамъ; фигуры шахматовъ служатъ здѣсь исходной точкою для характеристики различныхъ сословій, а въ самой игрѣ изображается ходъ людскихъ дѣлъ, при чемъ кстати приводятся разныя историческія сцены, анекдоты, поученія и нравственныя изреченья.—Франсуа де-Рю (Rues) въ своемъ романѣ про Лошака (de Fauvel, то-есть собственно: Рыжака) вводитъ его въ соприкосновеніе со всѣми пороками и грѣхами; на сцену выступаютъ пороки: госпожа Алчность, Лесть, Суетность и т. д. Герой достигаетъ высокихъ честей, обманываетъ и самъ подвергается обманамъ, а подконецъ женится на одной дѣвушкѣ, Мнимочестѣ, побочной дочери Фортуны.—При поэтическомъ дворѣ въ Барселонѣ роль писателя и литературнаго мецената игралъ одно время Иньиго Лопесъ де-Мендоса, маркизъ де-Сантильяна; онъ сочинилъ „Зеркало фаворитовъ“ накрахмаленное ученостью; пріятель его, Хуанъ де-Мена, оставилъ по себѣ нравоучительную аллегорію, которая слыветъ самымъ интереснымъ памятникомъ кастиліанской поэзіи 15-го вѣка.—У Итальянца Фаціо дельи-Уберти въ его Деттамондо (Ditta Mundi, Dettamondo, самъ за себя говорящій міръ) дѣйствующими лицами выступаютъ разныя страны свѣта, а Федериго Прецци въ своемъ Квадриреджо (Четверномъ царствѣ) описалъ четыре царства—Любви, Сатаны, Добродѣтелей и Пороковъ; логика распредѣленія здѣсь такъ же не ясна, какъ холодны и частныя подробности. — Я упомянулъ объ этихъ произведеніяхъ единственно лишь съ тѣмъ чтобъ показать, до чего вкусъ или безвкусица схоластики старались занять мѣсто романтической поэзіи; необходимо было, чтобы свѣжій повѣвъ естественнаго народнаго чувства и пробужденія древности наукою вызвали теперь новый періодъ искусства.

Между тѣмъ высшее общество все еще пробавлялось и тѣшилось рыцарскими книгами, и тѣ сборники, о которыхъ я недавно упоминалъ при изложеніи эпической поэзіи, какъ объ ея послѣдышныхъ отпрыскахъ, возникли по большой части въ это именно время. И тутъ, вполнѣ сообразно ихъ раз-

судочной трезвости, проза заступила мѣсто стиховъ; въ самомъ дѣлѣ, прозою легче было излагать содержаніе, а тонкій вкусъ къ истинно-поэтической художественной формѣ въ этихъ поколѣніяхъ угасъ. Насильственно-суровый духъ поры кулачнаго права обратился опять къ дикимъ и потрясающимъ чувство васальскимъ усобицамъ Карловой былины, и вотъ занесенные изъ Нидерландовъ „Сыновья Гаймона" сдѣлались любимою книгой всѣхъ сословій. Побѣда ученой знати надъ военною, умственной прыти надъ тѣлесною силой, нашла себѣ своихъ героевъ въ Малагисѣ и Шпитѣ (Spiel). Герцогиня Лотарингская, Маргарита, перевела романъ о Лотерѣ и Моллерѣ съ латинскаго на французскій, а дочь ея, графиня Елисавета Нассауская,—съ французскаго на нѣмецкій языкъ. Появились разсказы про Октавіана и Фортуната, про Гризельду и Мелузину. По мѣрѣ того какъ въ дѣйствительной жизни распадались феодальныя отношенія, какъ въ итальянскихъ городахъ стали появляться тиранны, какъ даровитые люди выдвигались впередъ при дворахъ или отличались на литературномъ поприщѣ и достигали высокаго почета,—такъ точно и романъ мало по малу забывалъ границы, подѣлявшія положеніе людей въ обществѣ и допускалъ смѣсь разныхъ сословій безъ разбора. Баснословная исторія про воцареніе Гуго Капета во Франціи дѣлаетъ его сыномъ мясника, и описываетъ какъ онъ силою и умомъ заслужилъ себѣ корону и вывелъ въ люди десятерыхъ своихъ побочныхъ сыновей; въ такъ-называемыхъ дѣтяхъ любви, рожденныхъ отъ князей и рыцарей съ простолюдинками, именно и видѣли представителей свѣжей естественной силы, полныхъ чувственнаго пыла, да вмѣстѣ и стремленія къ высокому. Одинъ Баварскій герцогъ полюбилъ прекрасную Агнесу Бернауэръ въ Аугсбургѣ и отплатилъ за трагическую ея смерть продолжительной войною; въ романъ вошли также похожденія Венгерскаго короля Сигизмунда съ боярыней Елисаветой Морсинап, отъ которыхъ произошелъ славный побѣдитель Турковъ, Іоаннъ Гуньядъ; прозвище Корвина (Воронова), которое получилъ сынъ его, король Матвѣй, производятъ отъ того, что будтобы кольцо, которое Сигизмундъ далъ своей вовлюбленной, чтобы по немъ узнать и ее и сына, было унесено ворономъ (корвусъ), но потомъ къ счастію добыто опять.

Дива дальнихъ странъ, влетавшіяся прежде въ стихи про Александра Великаго или про герцога Эрнста, стали теперь замѣнять путеописаньями. Венеціанецъ Марко Поло отправился съ отцомъ и дядею къ Татарскому хану и въ Китай, а потомъ описалъ все видѣнное и слышанное, критически отдѣливъ одно отъ другого; такимъ образомъ онъ первый уяснилъ Европѣ состояніе внутренней Азіи, и съ вывезенными имъ извѣстіями поставляютъ теперь въ связь употребленіе пороха и компаса. Болѣе для занятія читателей написалъ Англичанинъ Мондевилль разсказъ о своихъ путевыхъ приключеніяхъ въ Азіи и въ Африкѣ; онъ не брезгаетъ и баснями, если только онѣ очень забавны.

Рыцарство продолжало еще поддерживать свой блескъ среди дворской знати, а между тѣмъ уже не рыцари, а пѣхота и порохъ окончательно рѣшали судьбу битвъ, и государство, посредствомъ полицейскихъ мѣръ и судебныхъ установленій, начинало брать подъ свою защиту невинность, на оборону которой обязывало прежде рыцарское званіе. Въ этихъ аристократическихъ кругахъ воображеніе разыгралось теперь позднецвѣтомъ бретон-

ской поэзіи и породило вереницу романовъ объ Амадисѣ,—смѣсь неслыханной фантастичности съ трезвою и сухой разсудочностью. Вступленіе напоминаетъ былины Круглаго Стола. Амадисъ — сынъ любви короля Періона галльскаго и принцессы Элизы британской. Его, младенцемъ, пускаютъ на волю морскихъ волнъ, но брошеннаго перехватываетъ одинъ шотландскій рыцарь и воспитываетъ подъ именемъ „сына моря“. За тѣмъ попадаетъ онъ ко двору Шотландскаго короля и влюбляется въ англійскую королевну, Оріану. Родители узнаютъ его по кольцу, и какъ самъ онъ, такъ и братъ его, Галаоръ, испытываютъ цѣлый рядъ приключеній съ волшебниками, феями и великанами. Амадисъ — герой вѣрной любви, Галаоръ—герой любовнаго легкомыслія; противоположность эта проведена черезъ весь романъ, но, безъ всякихъ прочныхъ основъ въ преданіи, фантазія разыгралась здѣсь вымыслами самыми произвольными, а мода на такого рода чтеніе требовала все новой пищи для занятія праздныхъ часовъ; подобныхъ книгъ возникло множество, съ новыми всегда приключеніями, съ новыми именами, тогда какъ тема въ сущности была все одна и та же — освобожденіе интересныхъ дамъ: захватываемыя великанами, увозимыя чужеземными королями, похищаемыя волшебниками и окруженныя всякимъ чародѣйствомъ, должны онѣ быть выручены мужествомъ, хитростью, колдовствомъ, чудеснымъ оружіемъ, чтобы непремѣнно вступить потомъ въ союзъ любви. При этомъ поступки героевъ и героинь должны быть образцомъ тонкаго вѣжества, а иногда поэтъ даже явно намекаетъ, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть олицетворенныя понятія и толковать всю ихъ исторію аллегорически. Такъ было до начала 17-го столѣтія, и только сервантесовъ Донъ-Кихотъ положилъ конецъ этому вкусу, тогда какъ въ то же еще время Французъ Жильберъ Сонье (Saunier) далъ въ своемъ романѣ родъ сборника, гдѣ совмѣстилъ въ извлеченіи всѣ любимые разсказы той эпохи. Съ другой стороны, мало того что германскій императоръ Максимиліанъ слыветъ послѣднимъ рыцаремъ; онъ самъ же завершаетъ и аллегорически-рыцарскую поэзію своими „Вейскёнигомъ“ и „Тёйерданкомъ“: первую изъ этихъ поэмъ выполнилъ по его мысли Максъ Трейцзауэрвейнъ, а во второй помогалъ императору секретарь его, Мельхіоръ Пфинцингъ. Вейскёнигъ передаетъ исторію Фридриха III-го и Максимильяна еще не такъ романически, какъ Тёйерданкъ („только и мыслящій о похожденіяхъ“), въ которомъ „маловеликій“ императоръ является Гомеромъ собственныхъ подвиговъ. Примыкая къ средневѣковымъ поэмамъ о добываніи невѣстъ, описываетъ онъ намъ судьбы своей юности, какъ онъ сватался на Эренрейхѣ (Многочестѣ), дочери короля Румрейха (Многослава), то-есть на Маріи Бургундской, и какъ наконецъ пріобрѣлъ ее себѣ въ супружество; тутъ кстати вплетены дорожныя его приключенія, охоты на медвѣдей и дикихъ козъ; но гораздо менѣе узнаемъ мы о тогдашнемъ положеніи вещей и о совершившейся въ немъ перемѣнѣ. Три аллегорическія фигуры: Фюрвиттигъ, Унфалло и Нейдельгартъ, представляютъ собой юношескую опрометчивость, опасную случайность и коварство завистниковъ, какъ силы, перечащія успѣху предпріятія, но наконецъ побѣждаемыя. Ему приходится бороться съ ними въ трехъ ущельяхъ; Фюрвиттигъ, напримѣръ, склоняетъ его подержать ногу у гранитнаго бѣгуна шлифовальной мельницы для отполировки его башмачныхъ пряжекъ, при чемъ мало

того что раздавленъ башмакъ Тейерданка, но едва не подверглись той же участи нога его, да и онъ самъ. Подконецъ настаетъ часъ строгаго правосудія: противники приговорены, какъ злодѣи, кто къ отсѣченью головы, кто къ висѣлицѣ, кто къ сброшенію съ высокой ограды. Сухое риомоплетство скорѣе отзывается ремесленнымъ топомъ мейстерзенгеровъ, нежели романическихъ поэтовъ. Но оно явилось въ числѣ первыхъ великолѣпныхъ изданій нѣмецкаго книгопечатнаго искусства и потому осталось пресловутымъ памятникомъ изобрѣтательности и умѣнья поднявшагося въ ту пору средняго сословія; оно вышло въ Аугсбургѣ въ тотъ же самый 1517-й годъ, когда Лютеръ вывѣсилъ въ Виттенбергѣ свои 93 положенія, ставшія межевымъ знакомъ новой эпохи.

Въ противоположность фантастическимъ грезамъ и чудесамъ рыцарскихъ романовъ, чувство естественной и живой истины давно уже заявляло себя въ небольшихъ разсказахъ, изображавшихъ просто и ясно въ прозѣ какое-нибудь интересное событіе и особенно налегавшихъ на обрисовку характера, на здравомысленную мотивировку и на психологическое развитіе. Ихъ называли Новеллами (буквально „новины"), и хотя матерьяломъ для нихъ зачастую служили риомованные шуточные разсказы и былины Среднихъ Вѣковъ или же восточныя преданія, однако все же этотъ матерьялъ перелагался на современныя воззрѣнія и нравы, такъ что старое являлось вполнѣ обновленнымъ. Передовиками въ повѣствовательномъ искусствѣ явились и здѣсь Итальянцы, съ отличающимъ ихъ чувствомъ формальной красоты, которое опиралось притомъ на классическую древность, взявъ въ образецъ себя ея полныя мѣры, ясный и пластическій способъ изложенія.

Джованни Боккаччіо (1313 — 75) былъ плодъ любви одного флорентинскаго купца съ ловкой Парижанкой. Отъ занятій торговымъ дѣломъ и отъ изученія права увлекся онъ къ изящной литературѣ древности, и начавъ при этомъ съ римскихъ поэтовъ и историковъ, первый въ западной Европѣ повернулъ къ Грекамъ, къ Гомеру и Платону. Онъ писалъ исторіи знаменитыхъ мужей и женъ отдаленной старины, писалъ даже о географіи и миѳологіи, и подобно Петраркѣ неутомимо старался воскресить и разъяснить лучшія произведенія древней эпохи. Но онъ былъ тѣмъ не менѣе восторженнымъ поклонникомъ дантова величія; онъ занялъ каѳедру, учрежденную Флоренціей по его же мысли для истолкованія Божественной Комедіи. Его умъ и многостороннее образованіе часто побуждали согражданъ довѣрять ему и разныя государственныя дѣла. Счастливые дни юности провелъ онъ въ Неаполѣ, гдѣ на долю его выпала любовь одной изъ побочныхъ дочерей короля Роберта. Романъ Фьяметта славитъ подъ этимъ именемъ его возлюбленную. Это—чисто субъективная вещь, картина души, предтеча гётева Вертера, рядъ изліяній женскаго сердца, которое передаетъ огненными красками счастіе и скорбь любви, порывы страсти и ея воспоминанія. Другія юношескія произведенія Боккаччіо носятъ на себѣ отпечатокъ двуликаго (не двуличнаго) его вѣка, гдѣ стихіи двухъ міровыхъ эпохъ лежатъ рядомъ, но еще порознь и неслитно. Въ „Тезеидѣ", въ „Филостратѣ" обращается онъ къ древности, но еще сохраняетъ рыцарскій костюмъ, и настоящимъ средоточіемъ первой является любовь Палемона и Аркиты (Arcitas) къ тезеевой сестрѣ, Эмиліи, а любовь Троила и Крессиды—средоточіемъ вто-

рой; романтическія чувства перевѣшиваютъ самое дѣйствіе. Противоположность этимъ поэмамъ, которыми Боккаччіо возвелъ осьмистрочную станцу въ классическую форму итальянскаго эпоса, составляетъ рыцарскій его романъ въ прозѣ, „Филикопо", гдѣ забавныя похожденія разсказываются полновѣснымъ слогомъ древнихъ историковъ, вродѣ Ливія, и не только что Марсъ съ Венерою являются въ видѣ дѣйствующихъ лицъ, но даже и самъ папа называется намѣстникомъ Юноны. Въ пастушескомъ стихотвореніи „Амето" выступаютъ семь разныхъ женщинъ, разсказываютъ о первой своей любви и поютъ каждая по гимну которой-нибудь изъ богинь древности; въ этихъ фигурахъ явно выведены пріятельницы поэта, въ ихъ разсказахъ переданы дѣйствительныя событія, а подконецъ эти женщины все-таки выдаются за аллегоріи добродѣтелей; поэзія, говоритъ самъ авторъ, — земная оболочка, тѣлесная одежда невидимыхъ для насъ божественныхъ силъ, она подлинно родъ богословія.

Классичнымъ наконецъ по совершенному сопроникновенію формы съ содержаніемъ, по возсозданію граціозныхъ образовъ дѣйствительной жизни въ художественной прозѣ, сталъ Боккаччіо въ своемъ „Декамеронѣ"; то насыщеніе реальностью, которое такъ удивительно въ его новеллахъ, вытекаетъ у него прямо изъ радушнаго сочувствія всему человѣческому и естественному. Семь дѣвушекъ и трое мужчинъ, всѣ молодые, пригожіе, остроумные, убѣжали отъ моровой язвы изъ Флоренціи въ одинъ сельскій пріютъ, и какъ яркая картина ихъ счастливаго досуга мило вырѣзывается на темномъ фонѣ страшнаго повѣтрія и неразлучныхъ съ нимъ бѣдствій, такъ, въ противень этому, утѣшаютъ они другъ друга относительно житейскихъ напастей созерцаніемъ всего прекраснаго, что́ помимо того представляетъ жизнь, разсказывая въ теченіе десяти вечеровъ сряду по десятку исторій каждый разъ. На смѣну благородному, нѣжному, трогательному являются тутъ бойкая проказливость и чувственное своевольство; истинно величавыя черты и утонченные нравы выступаютъ въ противоположность слабостямъ и недостаткамъ смертныхъ, о которыхъ говорится то весело шутя, то съ сатирической насмѣшкою; особенно бичуетъ поэтъ безпутность духовенства. Безъ всякаго утомленія слѣдите вы за разнообразными тонами, которые онъ попеременно беретъ; каждая повѣсть имѣетъ свою особенную цѣну, и если одна пріурочиваетъ къ настоящему какое-нибудь самодревнѣйшее преданье, то другая взята изъ чисто уже современной исторіи, прямо изъ быта родного края, а третья изъ какой-нибудь книги французскихъ побывальщинъ; но всѣ пересозданы въ духѣ геніальнаго поэта и представляютъ въ своей совокупности богатую картину времени и человѣческаго образа мыслей, чувствъ и дѣйствій вообще; всѣ сословія, всѣ роды людскихъ занятій, всѣ поколѣнія и возросты выведены тутъ съ ихъ добродѣтелями и пороками, съ ихъ радостями и горемъ, и изображены перомъ такого сердцевѣдца, который, подобно Горацію, смѣючись высказываетъ всю правду и хочетъ научить людей добру и уму-разуму, заставляя ихъ самихъ смѣяться своимъ глупостямъ и недостаткамъ. — Преемники Боккаччіо даже и не поровнялись съ нимъ, — не то чтобъ его обогнать. Саккетти, Сэръ Джованни, и впослѣдствіи архіепископъ Банделло, вращались преимущественно въ кругу соблазна; въ

нихъ видны тотъ упадокъ нравовъ, то растлѣніе и та пошлость, которые обличаютъ, какъ необходима была реформація съ ея нравственною строгостью.

Еще нѣсколько ранѣе чѣмъ Боккаччіо въ Италіи ясный стиль прозаической новеллы водворилъ въ Испаніи Донъ Хуанъ Мануэль своимъ „Графомъ Луканоромъ". Это владѣтельный графъ, который въ разнообразныхъ житейскихъ положеніяхъ совѣтуется съ своимъ другомъ и министромъ, Патроніо; тотъ даетъ свои совѣты въ видѣ небольшихъ, остроумныхъ и мило разсказанныхъ исторій, которыхъ мораль высказывается въ стихотворномъ изреченіи, а содержаніе взято изъ того обильнаго запаса былинъ, который связь между Востокомъ и Западомъ со временъ крестовыхъ походовъ сдѣлала общимъ достояньемъ. Гораздо веселѣй и разгульнѣе плутоватый протоіерей гитской церкви, Хуанъ Руисъ,—настоящій предтеча Рабеле̂ по части комическаго гротеска. Въ своей книгѣ „О любви" собралъ онъ вмѣстѣ и серьёзныя и забавныя повѣсти, народныя пѣсни и размышленія, въ самой пестрой смѣси многоразличныхъ поэтическихъ формъ; поэтъ разсказываетъ про свои любовныя связи съ разными дамами, поучаетъ искусству любить описаніемъ своихъ неудачъ и успѣховъ, и подконецъ все-таки заключаетъ это тѣмъ, что только любовь къ Пречистой Дѣвѣ доставляетъ прочное блаженство. Іерей сообщаетъ намъ свои приключенія съ одной монахиней, потомъ съ одной Мавританкой, обнаруживая вездѣ удивительную веселость и необыкновенно свѣтлый взглядъ на жизнь; истинно-великолѣпною шуточною аллегоріей предстаетъ здѣсь эпизодъ о побѣдоносной борьбѣ принца Масляницы съ госпожей Постомъ, воспроизведенный изъ одной сѣверно французской побасенки (Fabliau). Вообще у него, какъ и у Англичанина Чосера, замѣтенъ уже юморъ, давшій впослѣдствіи такой роскошно-прекрасный цвѣтъ.

Въ Англіи, въ теченіе 12-го и 13-го столѣтій, народнымъ языкомъ былъ англосаксонскій, а языкомъ двора и аристократіи—французскій; необходимость взаимно понимать другъ друга повела къ смѣшному нарѣчію, а присліяніи обоихъ элементовъ въ одинъ англійскій народъ сложился и одинъ общій языкъ, который по основному запасу словъ былъ нижнегерманскій, а формы, обороты и иныя обозначенія занялъ у нормандскаго. Когда ученый Виклефъ обратился къ народу съ реформаторскими идеями, онъ далъ этому нарождавшемуся тогда новому способу выраженія первый пошибъ письменнаго языка своимъ переводомъ библіи. Однакожь въ то самое время какъ менестрели разработывали въ своихъ балладахъ англійское народное пѣснотворство, Гоуэръ писалъ еще стихи полатыни либо пофранцузски, пока наконецъ въ своей „Любовной исповѣди", морально-аллегорическомъ стихотвореніи съ примѣсью разсказовъ, не попыталъ своихъ силъ и въ новосложившемся теперь языкѣ; но неуклюжесть его рѣчи вполнѣ отвѣчала утомительной скукѣ содержанія. Основателемъ народно-англійской литературы сталъ современникъ его Чо́серъ (1328—1400). Многоизмѣнчивая жизнь, перепосившая его отъ королевскаго двора въ темницу Тоуэра, изъ Лондона—въ Италію, привела поэта къ личному сближенью съ Боккаччіо и Петраркомъ, и кромѣ облагороженнаго вкуса, какой нашелъ онъ у этихъ итальянскихъ пѣвцовъ, доставила ему бездну совсѣмъ новыхъ созерцаній и многостороннее познаніе людей. Онъ перевелъ французскій романъ о Розѣ, онъ усвоилъ англійскому языку боккачіевы опыты антично-романтическаго эпоса, но потомъ создалъ въ „Кантербёрійскихъ

повѣстяхъ" уже самостоятельное произведенье. И здѣсь видно, что образцомъ ему служилъ Декамеронъ: чтобы идти на богомолье ко гробу св. Ѳомы Бекета въ Кантербёри, 29 лицъ обоего пола собрались въ гостинницѣ лондонскаго предмѣстья Саутваркъ; тридцатымъ присоединяется къ нимъ веселый хозяинъ гостинницы и предлагаетъ, чтобы каждый изъ богомольцевъ разсказалъ по одной повѣсти на пути туда и обратно; кто лучше разскажетъ, тотъ пусть ни чего не платитъ за постой. Но въ то время какъ боккаччіевское общество одинаково обычаемъ и образованьемъ, а потому и разсказы его всѣ на одинъ тонъ, Чо́серъ выводитъ на сцену монаха и рыцаря рядомъ съ мельникомъ и живодеромъ, ученаго обруку съ поэтомъ, монахиню рядомъ съ свѣтской дамою и съ мѣщанкой, повара и крестьянина рядомъ съ продавцомъ индульгенцій, умѣетъ превосходно описать ихъ и постоянно характеризуетъ въ разговорахъ, которыми обрамлены ихъ повѣсти; да и послѣднія самаго разнокалибернаго свойства, сообразно каждому сословію и каждой личности, патетическія и полныя грубаго комизма, по большой части въ пятистопныхъ риѳмованныхъ ямбахъ, но иногда въ очень художественныхъ строфахъ, иногда же въ долговязой прозѣ или въ тонѣ площадныхъ пѣвцовъ, при чемъ первую поэтъ употребляетъ для передачи схоластической манеры изложенья, а въ послѣднемъ пародируетъ распадающуюся уже рыцарскую поэзію; рядомъ съ легендою попа слышимъ мы забавную народную побасенку, и такимъ образомъ намъ предстаетъ пестрый изборникъ всей средневѣковой жизни Англичанъ, въ которомъ есть мѣсто для всякаго рода стилей. Какъ по образцу Петрарки и Боккаччіо Итальянцы стали обращать вниманіе на мягкость и благозвучіе языка и на тонкіе словообороты для выраженія мыслей и обычаевъ, такъ и англійская литетатура, благодаря Чо́серу, тотчасъ же направилась къ практическому знанію свѣта, къ индивидуальной обрисовкѣ характеровъ и къ величайшему разнообразію въ изложеньи; изъ числа его разсказовъ всего лучше тѣ, которые, при наивности народнаго склада, не боятся иногда и срамнаго словца, обнаруживая свойство англійскаго юмора прежде всего со стороны комической его силы.

Въ Шотландіи національное (то-есть народно-государственное) чувство впервые выразилось эпическою поэмой, въ которой Барбуръ изъ Абердина (1316—96) разсказалъ освобожденіе своей родины изъ-подъ англійскаго господства королемъ Робертомъ Брюсомъ, и хвалебнымъ стихомъ, въ которомъ слѣпой минстрель Гарри почтилъ подвиги рыцаря Воллеса. Впослѣдствіи монахъ Вильямъ Дёнбаръ воспѣлъ въ аллегоріи про Волчецъ и Розу соединеніе гербовъ Шотландіи и Англіи по случаю свадьбы короля Іакова IV-го съ англійскою принцессою; это было символомъ того, что съ тѣхъ поръ стало изглаживаться различіе шотландской поэзіи отъ англійской, и что поэты обѣихъ странъ находили себѣ общее средоточіе въ Лондонѣ.

РЕЛИГІОЗНАЯ ДРАМА, МАСКАРАДНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ И МАСЛЯНИЧНЫЕ ФАРСЫ.

Мы видѣли, какъ средневѣковая драма, начавъ съ изображенія Страстей, и усвоивъ себѣ библейскіе сюжеты, пріобрѣла за одинъ разъ великое, для всѣхъ полносильное содержаніе, и вмѣстѣ высшее религіозное освященье, какъ въ аллегорическихъ Моралитетахъ вся суть дѣла сведена была на нравственность, и какъ въ нѣкоторыхъ фигурахъ серьёзныхъ этихъ піэсъ, да и въ иныхъ самостоятельныхъ картинахъ, дѣйствительная жизнь захватывалась уже и съ смѣшной своей стороны, такъ что наконецъ и этому виду искусства далась, какъ необходимый третій элементъ, вѣрность природѣ, правда и естественность. Преуспѣвающее среднее сословіе строило на этой основѣ далѣе. Во Франціи тонъ всему давалъ Парижъ; здѣсь составились три драматическихъ общества, здѣсь возникла первая со временъ древности постоянная сцена. Богомольцы, воротившіеся изъ Іерусалима, Рима и отъ св. Іакова Компостелльскаго, такъ и остались потомъ въ видѣ странствующей артели * и представляли исторію Страстей Христовыхъ сперва въ Сенъ-Морѣ (Saint-Maure) близъ Венсенна; Карлъ VI въ 1402-мъ году выдалъ имъ на это привилегію; съ тѣхъ поръ они назывались „Страстнóю братіей“ и передѣлали для своихъ представленій Троицкое Подворье (Hotel de la Trinité), основанное нѣмецкими барами для пріюта странствующимъ богомольцамъ. Братство осталось при своихъ мистеріяхъ, но строго наблюдало за тѣмъ, чтобы онѣ не выводились на сцену никѣмъ другимъ опричь ихъ. Діалогъ былъ теперь распространенъ, обрисовка характеровъ стала индивидуальнѣе, вся обстановка болѣе и болѣе сближалась съ настоящимъ: вѣрность природѣ требовалась здѣсь точно также какъ и въ живописи. ** Потомъ другая артель, цехъ подьячихъ, судейскихъ и стряпческихъ писцовъ (clercs), получила право уряжать общественныя церемоніи; она называлась la Bazoche— говорятъ, будто отъ базилики, судебной палаты древнихъ. Не дерзая посягать на библейско-историческіе сюжеты, подьячіе обратились къ моралитетамъ и, подъ видомъ аллегорическихъ фигуръ добродѣтелей и пороковъ, выводили на сцену живыхъ людей, при чемъ старались охарактеризовать разныя сословія, роды занятій, возросты и прикрасить сухость общаго замысла забавными эпизодами и остроумнымъ разговоромъ. Очень любили представлять христіанскаго рыцаря, подвергающагося нападкамъ свѣта, искушеніямъ плоти и дьявола, которыя, по милости божіей и по совѣту добраго своего ангела, онъ выдерживаетъ благополучно; любили также изображать пагубность разгульныхъ попоекъ и похвалу умѣренности на пользу тѣлесному

* Какъ у насъ калики перехожіе. Прим. перев.

** Историческая вѣрность была еще немыслима и недоступна; хотѣли по крайней мѣрѣ вѣрности тому, чтó окружало современниковъ, что у всякаго было передъ глазами. Прим. перев.

здоровью. Если парламентъ запретилъ имъ представленія въ 1476-мъ году, значитъ — они позволяли себѣ сатирическія и вообще черезчуръ смѣлыя выходки; ихъ впрочемъ скоро опять разрѣшили, но подвергли предварительной цензурѣ, и тогда они исчезли безъ слѣда. На ряду съ двумя этими обществами составился еще театръ любителей изъ молодежи знатныхъ фамилій; они прозвались „беззаботными ребятами", enfans sans souci, и играли на рынкѣ Неповинныхъ (des Innocents) разныя смѣшныя и забавныя піэсы. Страстная братія соединилась съ любителями и потѣшала публику шутками ихъ по окончаніи серьёзной библейской мистеріи, точно такъ же какъ въ Аѳинахъ за трагедіей слѣдовала сатировская драма на закуску. Къ сожалѣнію возрожденіе антика въ слѣдующемъ періодѣ не принесло для французской драмы той пользы, какъ въ Испаніи: народный театръ не достигъ тамъ художественной разработки, а былъ напротивъ вытѣсненъ чопорною классичностью, и продолжался развѣ только уже въ кукольной комедіи, отчасти пародировавшей сцену высшаго класса.

Точно такимъ же образомъ за театральное дѣло взялись въ Римѣ цехъ знаменщиковъ, а въ Тревизо—хлыстовское братство (Geiselbrüderschaft); сценическая піэса называлась тамъ попеременно—представленіемъ, праздникомъ, исторіей, мистеріей. Къ представленіямъ Страстей Христовыхъ и пасхальнымъ присоединялись сцены изъ житій святыхъ, изображавшія вину и искупленіе, покаяніе и обращенье, присоединялись аллегоріи, выводившія душу въ нерѣшительной борьбѣ между добромъ и зломъ, увлекаемую чувственнымъ соблазномъ, защищаемую строемъ христіанскихъ добродѣтелей, или представлявшія постепенный переходъ ея отъ чистаго лишь наслажденія къ нравственной дѣятельности и къ блаженно созерцательной жизни. На сцену выводился также Страшный Судъ, при чемъ представители разныхъ духовныхъ направленій, нарушители тѣхъ или другихъ заповѣдей, равно какъ и извѣстные сторонники тѣхъ или другихъ добродѣтелей, появлялись въ видѣ исторически жившихъ лицъ, отстаивали каждый свое дѣло и выслушивали окончательное себѣ оправданіе или осужденье. Тутъ съ весьма раннихъ уже поръ встрѣчаемъ мы опять формальное чувство красоты, свойственное Итальянцамъ; ихъ очевидно восхищаетъ рѣчь, стройно расчлененная на станцы и терцины, они всегда рады излить широкимъ, благозвучнымъ потокомъ свои чувства и помыслы, но зато нѣтъ у нихъ ни жаркаго спора, ни быстроты дѣйствія, обусловленной энергіею воли, тогда какъ оба эти элемента именно и составляютъ существенный признакъ драматичности. Зато богатъ музыкальный аккомпаниментъ, и высоко цѣнится роскошь обстановки: механическіе полеты, танцы, блестящія декораціи предвозвѣщаютъ уже зародышъ великолѣпной оперы, и при этомъ классически-школьный вкусъ такъ крѣпко пригнетаетъ еще народность, что ей нѣтъ никакой возможности свободно развернуться въ серьёзной драмѣ. Ученые рано стали подражать античной драмѣ, именно Сенекиной, и еще въ 13-мъ вѣкѣ Альбертусъ Муссатусъ не только сочинилъ въ стихахъ „Ахиллеиду", но далъ въ своей „Экцериппдѣ" уже и трагедію (для чтенія) о смерти тиранна Эццелино. Для насъ гораздо важнѣе то обстоятельство, что среди народа сохранился древнеиталійскій фарсъ, который и выступилъ теперь, только богаче выработанный, въ комедіи съ характерными масками; она называется comedia

dell'arte, то-есть художественною комедіей, и я думаю — вовсе не въ насмѣшку, а именно отъ того, что въ ней дается вѣдь только общій планъ, а придумать діалогъ и провести роль въ подробностяхъ предоставляется собственному искусству лицедѣя. Въ такихъ экспромптомъ сочиняемыхъ комедіяхъ импровизаторская способность Итальянцевъ проявилась въ полномъ блескѣ. Разные города внесли въ этотъ маскарадный фарсъ характеристическіе типы своей мѣстной, бытовой жизни, такъ что его слѣдуетъ признать истинно общенароднымъ достояніемъ. Древній римскій дуракъ себѣ на умѣ, Санніо, черномазый, въ одеждѣ изъ тысячи разноцвѣтныхъ лоскутковъ, превратился теперь въ Арлекина, надѣвающаго черную маску, размахивающаго деревянной саблею и столько же безстыжаго на слова, какъ и античный его предокъ; подобно рабамъ древнихъ комедій, онъ хитрыми своими уловками поддерживаетъ веселую или безпутную молодежь противъ строгихъ родителей; особенно снабдилъ его этими качествами городъ Бергамо. Длинноволосый, горбатый, одѣтый весь въ бѣломъ Пульчинелло (Полишинелль)—новое продолженіе римскаго Макка; это апулійскій шутъ, и Неаполь выработалъ роль его въ какую-то забавную смѣсь дерзкой глупости и пронырства, которая охотно поддается той комикѣ, какою хотятъ потѣшать себя на ней другіе. Коломбина — арлекинова возлюбленная. Знаменитая своей школой правовѣдовъ, Болонья, создаетъ пародію истинной науки, типъ ученаго педанта, крючка и кривотолка, доктора Граціано; Венеція, съ своей стороны, выставляетъ фигуру богатаго купца, добродушнаго папеньку, Панталоне, въ красныхъ штанахъ и черномъ плащикѣ. Римъ даетъ пару франтовъ, Донъ-Пасквале и Джельсомино, Неаполь впослѣдствіи—хвастливаго солдата по испанскому образцу, Феррара — хитраго Бригеллу, блюдолиза и сводника; къ этому присоединились простяки-слуги, площадной горластый шарлатанъ, неотесы-мужики изъ Калабріи; въ противоположность говорливымъ товарищамъ понадобился еще и заика, Тарталья. Фигуры эти, подобно шахматнымъ, выводились все въ новыхъ и новыхъ сочетаньяхъ, представляя то какую-нибудь современную исторію, то стародавній уже фарсъ; подростающему поколѣнію хотѣлось слышать даже ходячія давно избитыя остроты, а между тѣмъ тутъ же озадачивали публику и совсѣмъ новыя, неожиданныя шутки. Извѣстно, что французскій придворный театръ видоизмѣнилъ итальянскія маски въ смыслѣ благопристойности и принарядилъ ихъ, но зато и отнялъ у нихъ почти весь народный юморъ. „Въ этомъ „утонченномъ видѣ, говоритъ Розенкранцъ, сдѣлались онѣ всесвѣтнымъ те- „атральнымъ карнаваломъ, хотя зачастую только въ формѣ пантомимы безъ „словъ, гдѣ нѣтъ уже конечно никакого риска обмолвиться похабствомъ; а до „чего такъ-называемый образованный людъ былъ споспѣшливъ ко всѣмъ мими- „ческимъ непристойностямъ, это онъ ясно доказалъ своимъ пристрастіемъ „къ тогдашнему балету, который доходилъ чисто до проституціи.“

И въ Германіи старообычныя представленія Страстей и такъ-называемыя пасхальныя зрѣлища выдвинулись теперь изъ церкви на площадь, перешли изъ рукъ духовенства въ руки горожанъ, которые естественно не захотѣли уже говорить въ нихъ полатини, и съ каждымъ днемъ болѣе замѣняли пѣніе гимновъ живымъ разговоромъ; нѣкоторымъ хоровымъ пѣснямъ подтягивали тутъ впрочемъ и сами зрители. Такъ-какъ въ основѣ подобныхъ пред-

ставленій лежалъ все-таки первоначально латинскій текстъ, то понятно, что главное руководство и тутъ приняли на себя клирики; но настроеніе народа, возставшаго противъ слишкомъ явнаго поврежденія Церкви, прорывалось въ разныхъ сатирическихъ выходкахъ, и требовало не только трагической трогательности, но и комической потѣхи: продавецъ мирры иароматъ превратился въ рыночнаго мошенника Еврея, и когда Христосъ, при сошествіи во адъ, бралъ патріарховъ къ себѣ на небо, то черти утѣшали себя зато надеждой, что скоро царство ихъ получитъ неслыханное приращеніе отъ великаго множества безбожниковъ-поповъ. Представленія происходили по праздникамъ, исполнители всходили на сцену, глашатай ставилъ ихъ тамъ въ порядокъ и называлъ по имени, замѣняя собой театральную аффишу, и потомъ каждый изъ нихъ выступалъ впередъ, когда требовалъ его ходъ дѣйствія. Въ промежутки новозавѣтныхъ сценъ вставлялись соотвѣтственныя имъ ветхозавѣтныя, иногда только въ видѣ живыхъ картинъ, а иногда и въ полномъ дѣйствіи, со словами. Взаключеніе глашатай произносилъ рѣчь, мѣшая въ ней чинное благочестіе съ веселыми и забавными вещами. Изъ края въ край, отъ одного поколѣнія къ другому, переходили эти піэсы непрерывной чередой: оттого онѣ всущности вездѣ и одинаковы. Захотѣли почтить сценическими представленіями также и Рождество, праздникъ Тѣла Христова, дни Пресвятой Богородицы; тогда, кромѣ житій Іисуса и Пречистой его Матери стали брать сюжеты изъ легендъ или изъ священной исторіи, которую, напримѣръ—въ Цербстѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, выводили на сцену всю сподрядъ отъ сотворенія міра до страшнаго судища, при чемъ каждый изъ цеховъ представлялъ извѣстный отдѣлъ ея въ назначенный день. Ужасы великаго морового повѣтрія вызвали такъ называемую „смертную пляску", въ которой кума-смерть подступала къ людямъ всякаго званія, заводила бѣсѣду съ ними и среди разговора втягивала ихъ въ общій плясъ, несшійся по сценѣ въ отчаянныхъ прыжкахъ подъ рѣзкіе звуки флейтъ и дудокъ. Особенно по вкусу времени было представленіе о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ, такъ близко сродственное съ аллегоріей; мы знаемъ, что постановка его въ Эйзенахѣ въ 1322-мъ году такъ страшно потрясла ландграфа Фридриха, по прозванію Укушенная Щека, что онъ отъ душевнаго разстройства заболѣлъ и умеръ: ему показалось особенно ужаснымъ то, что всѣ святые и даже сама Матерь Божія тщетно умоляли за юродивыхъ. Одинъ клирикъ, Теодерихъ Шернбергъ, воспользовавшись басней о паписсѣ Іоаннѣ, сочинилъ піэсу „Фрау Ютте", направленную противъ римскаго двора.

Длинный строгій постъ не дозволялъ народу праздновать весну по старому обычаю въ самомъ ея началѣ *; оттого всѣ переряды, пѣсни и шумныя игры, которыми знаменовалось ея наступленіе, были предпосланы великому посту, съ тѣмъ чтобы дать въ нихъ еще разъ полный разгулъ мірскому веселью въ пляскѣ и пированіи: нѣмецкое названіе масляницы, Fasnacht происходитъ не отъ Fasten (постъ) а отъ fasen, faseln, куролесить. Въ народѣ стало за обычай, что молодые парни ходили по дворамъ переря-

* Такъ какъ въ сѣверовосточной полосѣ Россіи весна наступаетъ уже послѣ великаго поста, то это конечно и благопріятствовало тамъ болѣе полному сохраненію древненародныхъ празднествъ Радуницы и Ярилы. Прим перев.

женные и представляли въ самомъ шуточномъ видѣ все то, что въ теченіе года случилось зазорнаго или смѣшного. Обыкновенно происходило это въ горницѣ; сдвигали вмѣстѣ двѣ-три скамьи, и сцена была готова. Эту бойкую импровизацію на данные случаи Гансъ Розенблутъ Самострѣльщикъ (der Schepperer) и Гансъ Фольцъ въ Нюренбергѣ ввели даже въ литературу. Но она еще груба, срамословна и слишкомъ отзывается ломовою комедіей; въ ней нѣтъ ни развитія характеровъ, ни плана композиціи, ни завязки, — все дѣло въ бойкой передачѣ нравовъ, въ живомъ обмѣнѣ рѣчей, при чемъ съ одной стороны слышатся улики и обвиненія, съ другой жаркая самозащита. Форма процесса вообще часто встрѣчается въ драмѣ того времени: судопроизводство заступило мѣсто дикаго насилія, тяжущіеся отстаивали каждый свое дѣло передъ судьей, и къ серёзному вопросу о винѣ и возмездіи, волновавшемъ человѣчество и въ религіозномъ смыслѣ, присоединялась здѣсь та легко доступная комизму сторона, какимъ образомъ человѣкъ иногда самъ попадалъ въ сѣти, раскинутыя имъ для ближняго, путался въ своихъ собственныхъ ухищреніяхъ и, какъ нарочно, выдавалъ себя руками и ногами. Исторія Сусанны и Парисовъ судъ, споръ Деньги съ Любовью и борьба между Лѣтомъ и Зимой, стычки мужей съ женами и ярмоночныя сцены у продавцовъ съ покупщиками,—все это явилось въ видѣ тяжебъ; піэсы такого рода нашли себѣ потомъ художественное завершеніе въ „Венеціанскомъ купцѣ“ Шекспира и въ Клейстовомъ „Разбитомъ кувшинѣ“.

Чудодѣйныя и правоучительныя представленія въ Англіи (Миракулы и Моралитеты) также пріобрѣли теперь въ рукахъ средняго сословія народный и свѣтскій пошибъ. До насъ дошли отъ 14-го вѣка піэсы этого рода, игранныя въ Честерѣ, Векфильдѣ, Ковентри разными цехами; сначала ихъ писали монахи, но теперь онѣ болѣе и болѣе передѣлывались и, на потѣху зрителямъ, уснащались разительною вѣрностью природѣ. Духъ драматизма рано обнаруживается въ нихъ тѣмъ смысломъ къ дѣйствію, который вообще сроденъ англійской поэзіи, и рано стремились онѣ изобразить совокупную картину міра, начиная отъ сотворенія до Страшнаго суда, представленіемъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событій; высокое мѣшалось тутъ съ забавнымъ, священное съ мірскимъ, библейское съ намеками на современность. Все это дѣлалось на поученіе и потѣху народу; но въ этой пестрой смѣси готовъ я вмѣстѣ съ Ульрици найдти и болѣе глубокую идеальную сторону. Великія дѣла божіи не проходятъ никогда, священная исторія является чѣмъ-то всегда присущимъ, собственная жизнь каждаго зрителя внѣдрялась въ нее какъ частица въ цѣлый организмъ; борьба между царствомъ свѣта и тьмы ведется по всякъ день божій, и дьяволъ ни кого не обходитъ своими кознями. Но зло вѣдь превратно и нелѣпо, оно подрываетъ само себя, а потому Сатана и его сообщники, Иродъ и всѣ клевреты нечистой силы являются ужаснѣйшими паяцами, колосальными шутами, глупыми, ничтожными передъ Богомъ и смѣшными въ своихъ затѣяхъ образинами. Въ Моралитетахъ также выпадала пороку роль забавлять народъ какъ безуміемъ своихъ замашекъ, такъ и тѣмъ безстыднымъ плутовствомъ, которое онъ дозволялъ себѣ въ отношеніи къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ; онъ ходилъ обыкновенно въ пестромъ платьѣ и съ бичемъ въ рукѣ. Съ каждымъ днемъ болѣе старались индивидуализовать аллегорическія фигуры добродѣтелей и пороковъ, выво-

дить гордость, скупость, ханжество въ такихъ характерныхъ образинахъ, которыя уже близко подходятъ къ типически-личнымъ характерамъ позднѣйшей комедіи. Часто воспроизводилась очень распространенная тогда піэса о „Всякомъ". Богъ жалуется здѣсь на растлѣнье міра, возростающее не смотря на благодать, и посылаетъ Смерть призвать Всякаго передъ вышній престолъ къ отчету. Тщетно молитъ Всякъ объ отсрочкѣ, тщетно ищетъ себѣ помощи; Богатство, Родство, Товарищество, всѣ его покидаютъ. Только одно Доброе Дѣло готово идти съ нимъ, да оно ужь слишкомъ слабо: его совсѣмъ заморили голодомъ. Оно поручаетъ Всякаго сестрѣ своей, Познанію, которая учитъ его, утѣшаетъ и тянетъ на исповѣдь. Тутъ Доброе Дѣло снова укрѣпилось, и въ то время какъ Красота, Сила, Разсудокъ оставляютъ Всякаго, оно провожаетъ его къ Смерти, а та ведетъ его уже не въ адъ, а прямо къ Богу, который любовно его принимаетъ.

ПРОЗА: БЫТОПИСАНІЕ И МИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Реализмъ среднесословнаго быта повелъ къ прочному водворенію прозы, тогда какъ полная фантазіи юность новыхъ народовъ, которой представителемъ было рыцарство, любому содержанію прививала поэтическую форму, отчего въ большомъ ходу были поучительныя стихотворенія и риомованныя хроники; ученые же излагали какъ научныя познанія, такъ равно и событія текущаго дня исключительно латинскою прозой. Но города, добившись наконецъ свободнаго устройства посреди упорной борьбы именитыхъ родовъ съ цехами, достигнувъ богатства и могущества и отстоявъ свою независимость извнѣ, хотѣли передать свѣдѣнія о томъ своимъ внукамъ, да и сами интересовались прочесть ихъ изложеніе. И вотъ, во всѣхъ германскихъ краяхъ возникли хроники на туземномъ нарѣчіи; только наше время навыкаетъ достойно цѣнить ихъ и ими пользоваться, по мѣрѣ того какъ оно утверждается въ убѣжденіи что развитіе искусства и ремеслъ, образованія и нравовъ гораздо важнѣе для человѣчества тѣхъ войнъ, которыя ведутся не изъ-за идей, и только разрушаютъ созданное развитіемъ. Мы не одинъ разъ ссылались на превосходный трудъ лимбургскаго городового писаря (секретаря) Іоанна; подобными же лѣтописями обогатились Страсбургъ, Цюрихъ, Кёльнъ, Нюрнбергъ, а равно баварскіе и тюрингенскіе города. Ихъ можно приравнять незатѣйливому складу народныхъ пѣсенъ и мейстерзенгеровъ: въ нихъ не столько видны индивидуальность или особенное искусство авторовъ, сколько дюжій здравый смыслъ общины. За лѣтописью слѣдуетъ обыкновенно изложеніе городскихъ правъ, примыкающее къ такъ-называемому Саксонскому

и Швабскому Зерцалу, которыми были прочно установлены народные правоуряды для сѣверной и южной Германіи.

Чопорное французское рыцарство всего блистательнѣе развернулось въ войнахъ съ Англіей и нашло себѣ превосходнаго изобразителя въ лицѣ Фруассара, который съ полнымъ преданности восторгомъ и съ привлекательно-наивной наглядностью рисуетъ намъ и театральные нравы этого рыцарства и его истинное великодушіе, его отчаянную игру въ опасности и необыкновенную пріятность обращенья. Упорныя борьбы Флоренціи, снискавшія и выработавшія этому городу его независимость, поставившія его во главѣ Италіи и кровью окрестившія его на верховодство въ области искусства и ума,— эти борьбы вызвали также и двухъ такихъ историковъ, которые могутъ достойно стать на ряду съ двумя великими поэтами Итальянцевъ,—именно: Дино Компаньи и Джованни Виллани. Карлъ Гиллебрандтъ недавно посвятилъ первому основательное разысканіе; но уже и Шлоссеръ отзывался объ немъ такъ: „Дино Компаньи не старается подкупить читателя ни любезной обстоятельностью, ни интересомъ анекдотовъ; онъ правдивъ, серьёзенъ и глубокъ, какъ Ѳукидидъ, и исторія его такъ же строга какъ страшное судилище". Не мудрено, что они съ Дантомъ подаютъ другъ другу руку. Не подражая великимъ древнимъ образцамъ, онъ разсказываетъ точно такъ же какъ и они что̀ видѣлъ собственными глазами, чему былъ самъ участникомъ. Природная сила его языка, своебытное изящество наивнаго выраженія приводятъ новѣйшихъ итальянцевъ въ совершенный восторгъ, тогда какъ въ прежнія времена они предпочитали тонкій лоскъ, болѣе обдѣланное и плавное краснорѣчіе Виллани и Петрарки. Наглядное знакомство съ Римомъ и примѣръ классическихъ его писателей побудили Виллани изобразить народу постепенный ростъ родной Флоренціи въ такихъ же пріятныхъ чертахъ, какія Титъ Ливій употребилъ для Рима; подобно ему вплетаетъ онъ въ свой разсказъ былины, легенды и анекдоты сосѣднихъ мѣстностей или дѣлаетъ ихъ предсѣніемъ той болѣе свѣтлой эпохи, которую описываетъ уже прагматически и какъ политикъ-демократъ.

Германія къ концу Среднихъ Вѣковъ должна уступить пальму первенства въ бытописаніи романскимъ народамъ; зато крѣпкій отъ природы и воспитанный на христіанствѣ германскій духъ углублялся въ самое нутро вещей, въ самую ихъ сущность, и такіе проповѣдники, какъ напримѣръ францисканецъ Бертольдъ изъ Регенсбурга, странствуя изъ края въ край, потрясали, возвышали и услаждали сердца народа евангельскою истиной; проповѣдники изъ круга „друзей божіихъ" потому именно и стали праотцами германской философіи, что въ виду растлѣнія Церкви, въ виду догматовъ и правилъ, державшихся только на старомъ обычаѣ, они говорили о переживѣ вѣчнаго въ своей собственной душѣ, о погруженіи мысли и воли своей въ Бога. Эта мистика не дробитъ, не разъединяетъ какъ разсудочное воззрѣніе: идеи для нея дѣло сердца, и въ земномъ она видитъ не одно лишь подобіе небеснаго, но и прямое откровеніе Божества. Бернардъ Клервальскій и Викторіны* признали авто-

* Члены аббатства св. Виктора, основаннаго въ Парижѣ вначалѣ 13-го вѣка и прославившагося такими личностями, какъ Гильіомъ де-Шампо́, Гюгъ де̂-Сенъ-Викторъ, Петръ Ломбардецъ и друг.

ритетъ церковнаго ученія и усвоивали себѣ его содержаніе силою благочестивыхъ чувствъ души; они особенно старались подмѣтить и описать тѣ различныя состоянія, которыми она постепенно восходитъ къ Богу. Германская же мистика самостоятельно углубляется въ вѣчное существо, витаетъ внутри собственнаго сознанія, и любовь ея къ Богу—завершеніе собственной жизни божіей.

Мейстеръ Экгартъ, дѣйствовавшій вначалѣ 14-го столѣтія на Рейнѣ,—замѣчательнѣйшій изъ нѣмецкихъ мистиковъ по силѣ мысли; и съ тѣхъ поръ какъ его проповѣди, изреченія и разсужденья въ превосходномъ изданіи Франца Пфейфера явились передъ нами полнѣе нежели когда-нибудь, становится возможнымъ многое исправить въ прежнихъ объ немъ отзывахъ, между прочимъ и въ той подробной характеристикѣ всего этого направленія, которую предложилъ я самъ въ своемъ „Философскомъ міросозерцаніи реформаціонной эпохи“. У Экгарта Богъ не только познаетъ себя въ человѣкѣ, какъ у Гегеля, но онъ прямо именуется живою разумностью, которая сама себя разумѣетъ; порождая, онъ остается въ себѣ самомъ, онъ единый, всегда въ себѣ текущій — источникъ бытія. Экгартъ беретъ у пантеизма его истину, сознаніе что Богъ присущъ всему, что нѣтъ ни какого бытія внѣ Бога, что все существуетъ въ немъ и чрезъ него; но онъ поправляетъ и дополняетъ это тѣмъ, что Богъ живетъ еще и въ себѣ самомъ, посверхъ всего сущаго; онъ даже называетъ его вѣчнымъ Я: „Никто собственно не „въ правѣ произнести слово Я, только одинъ Отецъ“, потомучто только онъ одинъ самосущъ и воистину пребываетъ, даруя бытіе всему прочему; „радость Господа—самъ Господь, онъ самъ живетъ въ себѣ самомъ“. Онъ единое въ себѣ, чистое существо; если душа хочетъ достичь его, этого верховнаго блага, и ублажиться тѣмъ сама, она должна собраться, сосредоточиться изъ разсѣянія, она должна смолкнуть и дать говорить въ себѣ Господу, она должна искать не самой себя, а напротивъ преодолѣть всякое себялюбіе и отдаться вполнѣ Богу; тогда онъ водворится въ ней на житье, а она въ немъ. Это не уничтоженіе личности въ пучинѣ безсамнаго бытія, а наполненіе ума и воли вѣчнымъ содержаніемъ, союзъ любви Творца съ тварью, которымъ оба завершаются въ блаженной гармоніи.

Богъ видитъ и исповѣдываетъ себя во всемъ, — гдѣ онъ есть, тамъ долженъ онъ дѣйствовать и самъ себя исповѣдывать; взглядъ Отца на собственную природу и обратный взглядъ ея на него, — это Сынъ. Богъ есть Слово, всегда себя изрекающее, существо, объемлющее всѣ существа міра; онъ истекаетъ во всякую тварь, и остается однакожь въ себѣ самомъ, какъ душа дѣйствуетъ во всѣхъ членахъ, и тѣмъ не менѣе остается при себѣ; Богъ пребывая въ себѣ самомъ, есть въ тоже время дно и обручъ всего сущаго, онъ даетъ жизнь душѣ, какъ она даетъ существо тѣлу. У него во всей его дѣйственности одна блаженнѣйшая цѣль, именно — онъ самъ и то, чтобы душа всѣми силами стремилась къ нему возвратиться; она сама въ себѣ носитъ свидѣтельство божественной природы, и не обрѣсти ей покоя, доколѣ она не достигнетъ опять своего первоисточника. Но Богъ стоитъ у двери нашего сердца и ждетъ, чтобъ мы ему отперли; тогда онъ тотчасъ же войдетъ, потому что мы ему столько же нужны, какъ и онъ намъ. Исходъ его есть

вмѣстѣ и его входъ, онъ завершаетъ самъ себя, когда истекшее отъ него снова къ нему возвращается; тогда находитъ онъ отраженіе своего собственнаго существа въ созданной имъ твари, и успокоивается въ ней, а она въ немъ; взаимная любовь ихъ — Духъ Святой.

Богъ для того и создалъ міръ, чтобы нарождаться въ душѣ твари. Кто предастъ ему свою волю, тому и онъ отдастъ свою, а когда воля наша станетъ едина съ Богомъ, тогда нарождается въ насъ вѣчный Сынъ, и гдѣ совершится это въ душѣ, преисполненной боголюбія, тамъ человѣкъ — и Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, потому что какъ вѣчный Сынъ исходитъ изъ сердца Отца, такъ источается онъ и душой, присной Богу; Богъ нарождается въ насъ всякій разъ, когда мы сами въ немъ нарождаемся. Одна женщина сказала Христу: Блаженно носившее тебя чрево! А Христосъ отвѣчалъ: Блаженны слышащіе слово ея и его памятующіе! Духовно родиться отъ любой дѣвственницы или доброй души, для Бога дороже тѣлеснаго возлежанія въ лонѣ Маріи. Въ каждой благой мысли, въ каждомъ добромъ дѣлѣ мы снова возрождаемся въ Богѣ, и благость не что иное какъ таяніе божіе, да пріобщитъ онъ себя всѣмъ въ мірѣ существамъ; имѣй кто возможность отнять у него любовь къ душѣ, тотъ отнялъ бы у него самую его сущность; въ любви расцвѣтаетъ Духъ Святой, тою же любовью, какою Богъ любитъ самъ себя, любитъ онъ всѣ созданія. Кто заполоненъ любовью, тотъ связанъ крѣпчайшими изъ всѣхъ узъ, но бремя его сладко, и кто возьметъ на себя бремя любви, тотъ ближе подойдетъ съ нимъ къ спасенію, чѣмъ при помощи всѣхъ внѣшнихъ дѣлъ покаянія и плотеумерщвленья; потому что онъ сталъ Богу свой и освободился ото всякой внѣшности: вѣдь кто все дѣлаетъ изъ любви, тотъ и Сынъ. Тѣ же, кто мнитъ достичь духовной нищеты и кротости постами и церковными покаяньями, умилосердись надъ ними Господи! они — внутренно ослы. Кто хочетъ войдти въ основу божію, которая всего обширнѣй, тотъ долженъ напередъ вникнуть въ свою собственную, которой меньше нѣтъ; ибо ни кто не познаетъ Бога, не познавъ прежде самого себя. Ядро вѣчной жизни — въ разумѣніи, и разумность — глава души, отпечатокъ и искра божественной природы, свѣтъ божественный. У человѣка есть свѣтъ утренній и свѣтъ вечерній: въ послѣднемъ различаетъ онъ вещи по ихъ особности, въ утреннемъ же все видится ему въ Богѣ. Узна́ешь ты цвѣтокъ въ существѣ его, — онъ выше для тебя всей вселенной. Потому что Богъ единое во всемъ (самобытное) существо, все въ немъ и чрезъ него, и если ты во всемъ его видишь, — знакъ, что онъ народилъ тебя, какъ своего сына. Разумъ прозираетъ сквозь всѣ оболочки, проникаетъ въ самую суть и вполнѣ единится съ нею. Разумѣніе и любовь дѣйствуютъ заодно: какъ тебѣ любить то, чего не понимаешь, и къ чему тебѣ послужитъ знаніе, если любовію ты не объединишься съ вѣчнымъ существомъ? Что̀ дается человѣку съ великимъ трудомъ, тѣмъ и только возвеселится его сердце и то подлинно пойдетъ ему впрокъ. Кто во всемъ познаетъ и любитъ Бога, въ томъ постоянно воспроизводится таинство св. Троицы; значитъ, —человѣкъ возвратился какъ Сынъ къ Отцу, въ немъ живетъ и пребываетъ; что́ бы онъ тогда ни дѣлалъ, онъ дѣлаетъ въ Богѣ, и Богъ — въ немъ. Какимъ глазомъ я смотрю на Бога, такимъ же и онъ смотритъ на меня; мой глазъ и его — одно и тоже.

Что исходящій отъ Бога человѣкъ, снова въ него входитъ и съ нимъ объединяется, однакожь остается притомъ самостоятельнымъ, Рёйсбрукъ * выражаетъ это такъ: человѣкъ правда уничтожается въ объятіяхъ Божества, но всегда опять тутъ же оживаетъ, такъ-какъ общеніе любви между Богомъ и нами происходитъ мгновенно, какъ обмѣнъ встрѣчныхъ молній. Поступясь себялюбіемъ, мы обрѣтаемъ вѣчную сущность свою въ Богѣ, „потомучто въ „немъ находимъ вѣчный свой пріютъ; духъ становится самòю, понимаемою „имъ истиной, мы сами тогда свѣтъ, которымъ мы видимъ и который видимъ.“ — Человѣкъ, учитъ Ѳома Кемпенскій (или Кемпійскій, ум. въ 1470 г.), долженъ отрѣшиться отъ міра и умереть для себялюбія, тогда начинаетъ онъ жить въ Богѣ. Нѣтъ иного пути къ свѣту, кромѣ Крестнаго. Спокойствіе — не въ множественномъ, которое все рознитъ и дробитъ, а въ единомъ, которое все соединяетъ. Отдай все, и все пріобрѣтешь, потомучто обрѣтешь тогда Бога, будешь жить въ любви его и все принимать съ одинаковой благодарностью, радость и скорбь, сладкое и горечь. Предай волю свою въ волю божію, миръ будетъ тебѣ наградой, и каждая тварь зеркаломъ жизни, представляющимъ твоему взору благость господню. Воплощенная любовь, слившая Божество съ человѣчествомъ, есть Христосъ; подражаніе ему, воспроизведеніе его въ насъ самихъ,—вотъ поэтому высшая для человѣка заповѣдь и вѣрный путь къ блаженству, состоящему въ томъ, чтобы Богъ внутри насъ одинъ былъ для насъ всѣмъ.

Если Ѳома былъ монахъ подобно Фіэзоле, если подобно ему онъ въ глубокомъ затишьѣ души стремился къ единому, что̀ необходимо для человѣка, а для міра былъ совсѣмъ чужой, то мистикъ Сузо или Сузонъ (ум. въ 1366 г.) происходилъ отъ рыцарскаго рода, и полный веселой граціи, какъ Джентиле да-Фабріано, былъ воспріимчивъ ко всему изящному въ изобразительномъ искусствѣ и въ музыкѣ, притомъ истый другъ природы, которой вешнее воскресеніе онъ готовъ всегда украсить духовными цвѣтами. ** У меня во всю жизнь мою было ужь такое любовное сердце, говоритъ онъ про себя самъ, и какъ настоящій миннезенгеръ радуется на цвѣты, на звѣзды, потомучто все ведетъ его опять къ Богу, откуда оно произошло, все отражаетъ безконечную славу Создателя. Намъ слышится какъ будто одинъ изъ персидскихъ мистическихъ поэтовъ, когда Богъ у него говоритъ: „Такъ искренно расцалую я, такъ любовно обниму всѣ созданія, что я буду они, а „они будутъ я, и что всѣ мы сколько ни есть навѣки останемся одинмъ и „тѣмъ же совокупно-единымъ.“ Вѣчное существо—источникъ и цѣль всѣхъ вещей, оно во всѣхъ и надъ всѣми, оно кругъ, котораго центръ вездѣ, а окружность нигдѣ,—блаженство, отрадно порождающее само себя и всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ имъ соуслаждаться. Какъ все исходитъ отъ Бога, такъ все должно и войдти въ него опять; какъ изливается отъ него Сынъ, такъ Духъ Святой есть возвратный потокъ любви божіей. Христосъ, избывъ самого себя, весь перелился въ Бога; такъ и мы должны отвратиться суеты мірской и предать себя вполнѣ его власти. Тогда настанетъ въ душѣ тишь и благодать, и какъ скоро духъ отложитъ свою естественность, проникнетъ

* Извѣстный нидерландскій мистикъ 14-го вѣка.

** Maien—собственно майскими березками.

онъ, освобожденный Сыномъ, въ лоно вѣчнаго Божества; истинное рожденіе его и есть именно то возрожденіе, благодаря которому онъ сознаетъ себя въ единствѣ съ своимъ первоисточникомъ, хочетъ и дѣйствуетъ съ нимъ заодно.

Одинъ міряпинъ, Николай Базельскій, средоточіе „друзей божіихъ", обратилъ вниманіе проповѣдника Таулера въ Страсбургѣ на то, что онъ говоритъ слишкомъ внѣшнимъ образомъ, самъ еще не достигнувъ единства съ Богомъ. Съ тѣхъ поръ Таулеръ началъ проповѣдывать высокодумно и изъ глубины души, какъ истый пророкъ новаго завѣта: во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни указывалъ онъ на присутствіе божіе, училъ спокойно принимать скорбь и радость, но остерегалъ отъ „мирры самодѣльной", отъ власяницъ, отъ колючихъ поясовъ, не приносящихъ спокойствія душѣ, которое дается только преданностью Богу и любовью къ ближнему. Единообразное въ себѣ самомъ, вѣчное существо рождаетъ всякое разнообразіе; въ Словѣ, имъ же сказываетъ себя Господь, высказалъ онъ и всю тварь свою; всѣ вещи въ мірѣ — его самоизліяніе, но все, что́ отъ него ни исходитъ, исходитъ ради возвращенія въ него опять. Глубочайшая основа души — самъ Богъ; оттого и тянетъ ее въ сокровенное нутро вещей, гдѣ она находитъ въ немъ спокойствіе и блаженство. Человѣкъ обрѣтаетъ въ Богѣ самого себя, принося ему въ жертву свою конечность и свое себялюбіе; что это должно совершаться, и какимъ именно путемъ, — вотъ тема всѣхъ проповѣдей Таулера, представляющаго эпическую, нравственную сторону мистики. Пока душа имѣетъ въ виду только сама себя, она, говоритъ онъ, не видитъ Бога; когда же она себя избудетъ и отрѣшится отъ земныхъ вещей, тогда она снова обрѣтетъ себя въ Богѣ; познавъ его, она увидитъ и самоё себя и все. Душа должна опрокинуть въ себѣ, какъ храмѣ господнемъ, столы мытарей, мѣнялъ, и ютить одного только Бога; она должна быть чиста и ясна,—тогда она усмотритъ въ себѣ Господа; любви, не требующей возмездія, Богъ самъ дается въ награду. Всѣ твари — слѣдъ его стопы, но онѣ того не вѣдаютъ; одна душа знаетъ это: оттого Богъ нарождается въ ней, познается ею, ей открывается. Кто беретъ вещи въ томъ порядкѣ, въ какомъ урядилъ ихъ Богъ, тотъ и обрѣтаетъ его во всѣхъ вещахъ безъ изъятія, а обрѣтши Бога, забываетъ вещи и къ нему одному прилѣпляется. Такъ находитъ онъ миръ душѣ, такъ предаетъ онъ свою волю въ волю божію; Богъ дѣйствуетъ тогда въ немъ и чрезъ него, и какъ скоро духъ человѣческій растворится въ духѣ божіемъ, онъ обновится и станетъ жилищемъ Господа. Воля, отдавшись въ плѣнъ Творцу, вступаетъ въ область свободы, гдѣ всѣ язвы исцѣляются, гдѣ юдоль истиннаго блаженства. Единеніе съ Богомъ въ познаніи и любви, это—возвратъ міра къ его первоначалу; это вѣчное нарожденье Слова въ душѣ человѣческой. Произойди нарожденіе это внѣ меня, какая мнѣ отъ того польза? Все дѣло именно въ томъ, чтобы оно совершилось во мнѣ самомъ. Прообразовательно и навѣки образцово совершилось оно въ Іисусѣ Христѣ; потому, коль скоро мы облечемся въ него, въ насъ входитъ премудрость и любовь Отца небеснаго, и мы черезъ Искупителя единимся съ Богомъ. Царство его — онъ самъ со всѣмъ безконечнымъ своимъ богатствомъ; во всѣхъ дѣлахъ своихъ хочетъ онъ самого себя, хочетъ чтобы душа обрѣла себя въ немъ со всѣми своими силами и стала блаженна.

Другой міряниңъ, Рульманъ Мерсвинъ *, написалъ книгу „О девяти скалàхъ", то-есть ступеняхъ очищенія, по которымъ друзья божіи должны были взлѣзать, чтобы спастись отъ потопа грѣховъ и отъ сѣтей лукавства. Что̀ Священное Писаніе говоритъ о Христѣ, то примѣняетъ онъ ко всякому, кто единится въ душѣ съ Богомъ, кто поэтому хочетъ съ нимъ заодно и стоитъ выше грѣха и внѣшняго закона. Однажды, среди тяжкихъ приступовъ болѣзни, Рульманъ взмолился такъ: Природѣ моей крайне противно это страданіе; потому и прошу тебя, о Господи, не обращай на нее вниманія и не дѣлай, чего она желаетъ; но соверши безцѣнную твою волю, любо или больно это будетъ моей плоти, все равно.

Все, что̀ люди эти многократно высказывали въ своихъ проповѣдяхъ, священникъ и смотритель дома Тевтонскаго ордена во Франкфуртѣ на Майнѣ собралъ въ одну небольшую книжку, изданную Лютеромъ подъ именемъ „Нѣмецкаго богословія"; реформаторъ находитъ, что, послѣ Библіи и блаженнаго Августина, отсюда всего лучше можно научиться, что̀ такое Богъ, Іисусъ Христосъ, человѣкъ и всѣ вещи въ мірѣ; онъ желалъ, чтобы побольше выходило такихъ книжекъ, изъ которыхъ для всякаго сталобъ ясно, что нѣмецкіе богословы лучше всѣхъ. На основѣ нравственной жизни развиваются здѣсь вѣчныя истины въ такомъ ясномъ изложеніи, которое удовлетворяетъ вмѣстѣ и чувство благочестія и разумъ; почему книжку эту и можно назвать настоящимъ выраженіемъ религіозной философіи въ эпоху задушевнаго чувства.

Совершенное, говорится тамъ, есть бозконечное существо, все собой объемлющее; конечное происходитъ отъ него какъ любой свѣтоотливъ отъ солнечнаго свѣта; совершенное вступаетъ въ душу и охватываетъ ее всю, когда оно ощущается и познается ею. Пока конечное льнетъ къ конечному, безконечное остается для него чуждо. А спознается тварь съ неизмѣннымъ благомъ, станетъ она жить и дѣйствовать согласно этому познанію, она сама дѣлается благою и сливается съ нимъ въ одно; если же она отъ него отвернется, начнетъ искать себѣ отрады внѣ его, она идетъ по пути зла. Себялюбіе — вотъ грѣхопаденье; грѣхъ снимется тогда, когда Богъ раскроется человѣку въ любви своей, а человѣкъ въ любви же и познаніи отдастся Богу. Богъ — вѣчная сущность всѣхъ вещей, единое въ немъ все, и все въ немъ едино; онъ открываетъ себя въ твореніи, и какъ онъ самъ въ себѣ свѣтъ и любовь, такъ и намъ дано самосознаніе, око души, и способность созерцать вѣчное — въ разумѣ, способность овладѣвать имъ—въ волѣ. Кто не только всилу своего бытія, но также еще всилу познанія и любви живетъ въ Богѣ, тотъ хочетъ добра всему въ мірѣ, тотъ благъ и вмѣстѣ блаженъ, потому что носитъ небо въ самомъ себѣ. Въ сущности ни кто не можетъ отрѣшиться отъ Бога, но кто отвратится отъ него сознаніемъ и волею, кто себялюбиво уйдетъ въ свое *Я*, тотъ дѣлается золъ, тотъ вступаетъ въ адъ или самъ себѣ становится адомъ. Но Богъ постоянно его призываетъ; особенно онъ представляетъ ему образъ свой во Христѣ, явившемъ въ себѣ совершенную покорность, вполнѣ объединившемся съ Отцомъ, такъ что Богъ сталъ въ немъ человѣкомъ. и человѣкъ сталъ Божествомъ. Для

* Жившій въ Страсбургѣ вполовинѣ 14-го вѣка.

этого человѣкъ долженъ вполнѣ и на̀чисто предаться Богу, такъ чтобы созданная его воля втекала въ вѣчную и растворялась въ ней, да дѣйствуетъ одна вѣчная воля и хотѣніемъ, и дѣломъ, и попущеніемъ. Такъ новый человѣкъ родится въ Богѣ; онъ носитъ законъ въ самомъ себѣ и поступаетъ праведно, будучи свободенъ въ послушаніи благодаря духу Іисуса Христа. Это единеніе съ Богомъ есть рай, а себялюбивое упорство — адъ. Самое благородное и самое отрадное въ тваряхъ — разумъ и воля, и гдѣ есть одна изъ этихъ силъ, тамъ и другая, или, какъ мы теперь выражаемся: самосознаніе и свобода обусловливаютъ другъ друга; а для того чтобы свободѣ подлинно осуществиться, необходима возможность зла. Не будь въ тваряхъ разума и воли, Богъ остался бы не познаннымъ и не любимымъ. Кто отрѣшится отъ себялюбія, чтобы снова обрѣсти себя въ Богѣ, тому отпустятся всѣ грѣхи, и изъ ада онъ вознесется на̀ небо. Тогда и воля ощутитъ всю благородную высоту свою и свободу, и преуспѣетъ во всякомъ собственномъ дѣлѣ, потому что станетъ творить только судьбы Промысла, — добро и правду. Эта свободная духовная жизнь любви есть истинное бытіе; тогда Богъ для насъ присущъ, явенъ и желателенъ во всѣхъ вещахъ и дѣлахъ міра, тогда всѣ воли, сколько ихъ ни есть,—одна совершённая воля; тогда каждый познаётъ и любитъ все въ одномъ и одно во всемъ; тогда самъ онъ обожествляется, просвѣтленный, воспламененный и одушевленный вѣчнымъ свѣтомъ въ вѣчной, безпредѣльной любви.

ДѢЛО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА Е. Ѳ. КОРША, ОБВИНЯЕМАГО ВЪ НАРУШЕНІИ ЗАКОНОВЪ О ПЕЧАТАНІИ.

Засѣданіе московскаго окружнаго суда 15-го ноября 1873 г.

Обвинительный актъ: „По требованію московскаго цензурнаго комитета возбуждено было преслѣдованіе противъ статскаго совѣтника Евгенія Ѳедоровича Корша за напечатаніе, безъ разрѣшенія духовной цензуры, переведенной имъ книги Морица Карьера подъ заглавіемъ „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Томъ III, Средніе вѣка", какъ заключающій въ себѣ мѣста, подлежащія по содержанію своему духовной цензурѣ. Таковыми комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ, на заключеніе котораго препровождалась вышеозначенная книга Карьера, нашелъ: 1) двѣ главы ея: „Іисусъ и Библія" и „Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ"; 2) остальныя главы до страницы 102 въ нѣкоторыхъ своихъ мѣстахъ; 3) изложеніе ученія блаженнаго Августина на страницахъ 52—55 и 4) примѣчаніе самого переводчика, касающееся этого святаго, на страницѣ 60. Изъ перечисленныхъ мѣстъ книги, означенныя подъ № 1, на основаніи ст. 237 цензурнаго устава, всѣ сполна не могли быть одобрены къ выпуску въ свѣтъ, какъ совершенно пропитанныя мыслями анти-христіанской ново-тюбингенской школы, а остальныя мѣста, обнаруживающія то же направленіе, не иначе могли быть выпущены въ свѣтъ, какъ по тщательномъ ихъ пересмотрѣ и исключеніи изъ нихъ отмѣченныхъ духовною цензурой мѣстъ.

„Обвиняемый, статскій совѣтникъ Е. Ѳ. Коршъ, не признавая себя виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи, показалъ при слѣдствіи, что указанныя духовною цензурой мѣста переведенной имъ книги Карьера вовсе не заключаютъ въ себѣ того противохристіанскаго смысла, который видитъ въ нихъ цензура, разсматривавшая эту книгу—по содержанію своему историческую—исключительно съ догматической точки зрѣнія. *

* Вотъ подлинныя слова отзыва подсудимаго, на допросъ судебнаго слѣдователя, произведенный 18-го іюня 1873-го года:

„На основаніи вышеизложеннаго статскій совѣтникъ Е. Ѳ. Коршъ обвиняется въ напечатаніи безъ цензурнаго разрѣшенія переведенной имъ книги Морица Карріера подъ заглавіемъ „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Томъ III, Средніе вѣка", подлежащей на основаніи ст. 4 высочайшаго указа 6-го апрѣля 1865 года и ст. 38 цензурнаго устава, предварительной духовной цензурѣ. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 1024 и 1046 Улож., вслѣдствіе чего за силою ст. 200 и 1000 Уст. гражд. судопр., г. Коршъ предается суду московскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей".

Г. Коршъ виновнымъ себя не призналъ.

«Переведенная мною книга принадлежитъ къ числу тѣхъ спеціально-научныхъ сочиненій, которыя, какъ по величинѣ своего объема и значительной цѣнѣ, такъ и по глубокой серьёзности изложенія и содержанія, предназначены вовсе не для удовлетворенія легкомысленнаго любопытства толпы, а для любознательности немногихъ тружениковъ, желающихъ вникнуть въ общую связь литературы и искусства съ историческимъ развитіемъ быта древнихъ и новыхъ народовъ. При изложеніи этой связи, авторъ необходимо касается религіозныхъ идей, но, разсуждая съ глубокимъ уваженіемъ обо всѣхъ вообще религіяхъ, онъ относится къ христіанской съ благоговѣйнымъ восторгомъ, видя въ божественномъ ея Основателѣ осуществившимся вполнѣ высшій нравственный идеалъ. Я, съ своей стороны, былъ убѣжденъ, что книга такого рода будетъ въ особенности полезна у насъ, гдѣ, надо сказать правду, слишкомъ недостаточно выдвигается впередъ живое нравственное значеніе христіанскихъ истинъ. Безпрепятственный пропускъ двухъ первыхъ томовъ книги, въ которыхъ, начиная съ самаго уже предисловія взглядъ автора выяснялся совершенно и вполнѣ, еще болѣе утвердилъ меня въ этомъ убѣжденіи, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно третій томъ былъ опечатанъ въ типографіи и препровожденъ на разсмотрѣніе Цензурнаго Комитета Московской Духовной Академіи. По своему исключительному составу и назначенію, этотъ комитетъ обязанъ смотрѣть на всѣ историческія сочиненія не съ научной, а съ чисто-догматической лишь точки зрѣнія, тогда какъ между двумя этими точками, взятыми въ ихъ исключительной крайности, не можетъ быть ни чего общаго по самому ихъ существу. Догматика излагаетъ истины вѣры въ разъ навсегда замкнутыхъ словесныхъ формахъ и строго блюдетъ буквальный смыслъ послѣднихъ, какъ бы ни былъ онъ непостижимъ для человѣческаго разума, а наука старается, напротивъ, усвоить себѣ эти истины своимъ собственнымъ путемъ, опираясь на дарованныя человѣческому уму законы логики и на открываемые съ ихъ помощью естественные и нравственные законы.

«Такая разность во взглядахъ, съ одной стороны—разъ установившейся церковной догматики, съ другой — постоянно ищущей истины науки, вполнѣ объясняетъ неблагопріятный отзывъ о переведенной мною книгѣ со стороны Цензурнаго Комитета Московской Духовной Академіи. Оттого онъ и усмотрѣлъ «пантеистическое» направленіе въ книгѣ, построенной отъ начала до конца на чисто-христіанской идеѣ Богочеловѣчности, книгѣ, видящей въ цѣлой исторіи человѣчества какъ бы только необходимую подготовку къ христіанству, съ постояннымъ при томъ указаніемъ на непрерывно дѣйствующую духовную силу Промысла въ событіяхъ, хотя и совершающихся въ строгомъ порядкѣ естественныхъ условій, установленныхъ все тѣмъ же Всемогущимъ Богомъ и Творцомъ....

«Комитетъ почелъ своею обязанностью осудить меня не только за переводъ, но и за включеніе дѣйствительно принадлежащей мнѣ краткой выноски о Блаженномъ Августинѣ, которую онъ находитъ вопервыхъ неосновательною, а вовторыхъ какъ бы съ умысломъ направленною въ ущербъ великому святому и писателю. Въ оправданіе себѣ укажу на подлинныя слова Блаженнаго въ сочиненіи «О Градѣ Божіемъ», книга VII, глава 33: «Единой истинной (т. е. христіанской) религіи суждено было открыть, что языческіе боги «суть самые нечистые изъ демоновъ, которые подъ видомъ усопшихъ душъ или другихъ какихъ либо земныхъ тварей, силятся выдать себя за боговъ, снискать себѣ какъ бы божескія почести, неразлучныя впрочемъ съ сопровождающими ихъ «злодѣйствами и мерзостями, и такимъ образомъ отвлекать человѣческія души отъ обращенія къ истинному Богу». Дозволилъ же себѣ я эту выноску вовсе не въ укоръ глубоко чтимому мною борцу за истину, а единственно лишь по той причинѣ, что убѣжденіе столь высоко просвѣщеннаго писателя чрезвычайно характеристично для времени, въ которое онъ жилъ».

Товарищъ прокурора Плечко. Статскій совѣтникъ Коршъ издалъ въ нынѣшнемъ году переведенное имъ сочиненіе Морица Карьера: „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества, въ которомъ двѣ первыя главы „Іисусъ и Библія“ и „Борьба и побѣда христіанства“ и нѣкоторыя мѣста въ послѣдующихъ главахъ безусловно подлежали разсмотрѣнію духовной цензуры, какъ заключающія въ себѣ мысли совершенно противныя христіанству. Поэтому, согласно 1024 ст. Улож., г. Коршъ долженъ подлежать аресту на двѣ недѣли и денежному штрафу въ размѣрѣ 25 рублей. Кромѣ того, на основаніи 1045 ст., мѣста книги, указанныя въ отзывѣ духовной цензуры, должны быть исключены.

Присяжный повѣренный Арсеньевъ. Гг. судьи! Вашему разсмотрѣнію подлежитъ прежде всего вопросъ о томъ, какая должна быть роль суда въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, въ которыхъ подсудимый обвиняется въ томъ, что напечаталъ книгу безъ разрѣшенія духовной цензуры. Прежде всего надо разсмотрѣть, слѣдуетъ-ли въ этого рода дѣлахъ руководствоваться безусловно отзывомъ духовной цензуры, слѣдуетъ-ли признать, что тѣ мѣста книги, которыя признаны духовною цензурой подлежащими ея разсмотрѣнію, уже потому самому должны быть исключены и самая книга въ этихъ частяхъ уничтожена, или же, пользуясь этимъ отзывомъ только какъ матеріаломъ, слѣдуетъ, независимо отъ него, обсудить, какія мѣста книги подлежатъ разсмотрѣнію духовной цензуры и дѣйствительно-ли онѣ подлежатъ ей? Сколько я могу судить по обвинительному акту и по рѣчи товарища прокурора, обвинительная власть стоитъ на первой точкѣ зрѣнія, полагая, что отзывъ духовной цензуры о томъ, что извѣстныя мѣста книги Карьера „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества“ подлежитъ ея разсмотрѣнію, есть уже достаточное доказательство того, что книга не могла быть выпущена въ свѣтъ безъ разрѣшенія духовной цензуры. Но вопросъ этотъ возникаетъ въ судебной практикѣ не въ первый разъ, и мы имѣемъ для разрѣшенія его указанія далеко не согласныя съ тѣмъ взглядомъ, который поддерживается обвинительною властью Вопросъ этотъ доходилъ, хотя и не въ кассаціонномъ, а въ аппеляціонномъ порядкѣ, до разсмотрѣнія высшей судебной инстанціи, именно по дѣлу Щапова, издавшаго книгу Люи Блана „Письма объ Англіи“, и Сенатъ нашелъ, что только тѣ мѣста книги, которыя признаны имъ мѣстами совершенно духовнаго содержанія, должны быть отосланы въ духовную цензуру для ея разсмотрѣнія; между тѣмъ въ дѣлѣ о книгѣ Люи Блана, точно такъ же какъ и въ данномъ случаѣ, возбужденію судебнаго преслѣдованія предшествовалъ отзывъ духовной цензуры. Слѣдовательно, еслибъ Сенатъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, которой держится въ настоящемъ дѣлѣ обвинительная власть, онъ уничтожилъ бы указанныя въ отзывѣ мѣста книги безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія ихъ духовною цензурою; однакоже Сенатъ счелъ нужнымъ отослать на ея разсмотрѣніе только то, что онъ самъ призналъ ему подлежащимъ. Еще замѣчательнѣе случай, представившійся въ с.-петербургской судебной палатѣ при разсмотрѣніи книги Лекки: „Исторія раціонализма въ Европѣ“. При разсмотрѣніи этого дѣла въ палатѣ сама обвинительная власть нашла, что необходимо самому суду указать, какія именно мѣста книги Лекки суть мѣста совершенно духовнаго содержанія, и затѣмъ отослать ихъ, и только

ихъ, на разсмотрѣніе духовной цензуры, что́ и было сдѣлано палатою. Когда судъ признаетъ, что вся книга есть сочиненіе совершенно духовнаго содержанія, тогда, конечно, ему не остается ничего другаго, какъ признать ее подлежащей разсмотрѣнію духовной цензуры; но даже и тогда судъ не имѣетъ права дѣлать постановленія объ уничтоженіи книги, а только отсылаетъ ее на разсмотрѣніе духовной цензуры. Но когда рѣчь идетъ объ извѣстныхъ мѣстахъ книги, когда доказывается, что мѣста эти суть мѣста совершенно духовнаго содержанія, тогда суду несомнѣнно слѣдуетъ разсмотрѣть отдѣльно каждое изъ этихъ мѣстъ и отослать въ духовную цензуру только тѣ изъ нихъ, которыя судомъ будутъ признаны мѣстами совершенно духовнаго содержанія. Еслибъ судъ долженъ былъ держаться другаго образа дѣйствій, то вмѣшательство его въ дѣла этого рода было бы чисто формальное; настоящимъ судьею въ вопросѣ о томъ, что подлежитъ вѣдѣнію духовной цензуры, была бы сама эта цензура. На самомъ дѣлѣ это, конечно, должно быть вовсе не такъ. Прежде, когда дѣла о печати не доходили до судебнаго разсмотрѣнія, указаніе мѣстъ совершенно духовнаго содержанія и отсылка ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры лежали на обязанности цензуры свѣтской, какъ видно изъ ст. 38 цензурнаго устава; теперь же отъ суда зависитъ то, что прежде зависѣло отъ цензуры свѣтской; права цензуры духовной подъ вліяніемъ новаго закона о печати ни въ какомъ случаѣ расшириться не могли.

Установивъ такимъ образомъ первую точку зрѣнія, которой слѣдуетъ держаться при разсмотрѣніи настоящаго дѣла, я перехожу ко второму существенному вопросу, именно вопросу о томъ, есть-ли въ книгѣ Каррьера „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры“ мѣста совершенно духовнаго содержанія. Для того, чтобъ опредѣлить что̀ такое мѣсто совершенно духовнаго содержанія слѣдуетъ обратиться къ цензурному уставу, къ ст. 37, 38 и 39. На основаніи 37 ст. сочиненія духовнаго содержанія суть тѣ, которыя касаются догматовъ вѣры, священнаго писанія, обрядовъ церковныхъ и т. п. Въ 38 ст. говорится объ отсылкѣ въ духовную цензуру мѣстъ совершенно духовнаго содержанія, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ нравственныхъ. Съ большею точностью указаны предметы, подлежащіе духовной цензурѣ, въ ст. 199 ценз. уст., о которой я буду говорить позже. Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Щапова, нашелъ между прочимъ, что выраженіе „нравственное сочиненіе“, употребленное въ ст. 38 ценз. уст., есть выраженіе противоположное тому, которое употреблено въ ст. 37-й „сочиненіе совершенно духовнаго содержанія“. Другими словами, Сенатъ нашелъ, что книгой нравственнаго содержанія должна считаться всякая, которая не можетъ быть признана книгою совершенно духовнаго содержанія и что если въ такой книгѣ встрѣчаются мѣста совершенно духовнаго содержанія, то они должны быть отосланы на разсмотрѣніе духовной цензуры. Такъ какъ это рѣшеніе Сената состоялось не въ кассаціонномъ порядкѣ, то я позволяю себѣ нѣсколько остановиться на немъ и посмотрѣть, вполнѣ-ли соотвѣтствуетъ такое толкованіе 38 ст. общему смыслу закона. Если законодатель счелъ нужнымъ упомянуть въ ст. 38 именно нравственныя сочиненія, то трудно предполагать, чтобъ этотъ эпитетъ былъ употребленъ безъ всякой цѣли и чтобы рѣчь шла о сочиненіяхъ всякаго рода, за

исключеніемъ духовныхъ. Еслибъ онъ не имѣлъ въ виду именно особой категоріи сочиненій, тогда не зачѣмъ было бы и говорить о сочиненіяхъ, „нравственныхъ“: достаточно было сказать, что если въ какомъ-либо сочиненіи встрѣчается мѣсто совершенно духовнаго содержанія, то слѣдуетъ отослать его на разсмотрѣніе духовной цензуры. Очевидно, не безъ цѣли законодатель употребилъ выраженіе „книги нравственнаго содержанія“, и, мнѣ кажется, цѣль эта дѣлается совершенно ясна, если мы сопоставимъ ст. 37 съ ст. 38 ценз. уст. и посмотримъ, въ чемъ заключалась вообще цѣль установленія духовной цензуры. При прежнемъ порядкѣ вещей, при которомъ былъ составленъ и изданъ цензурный уставъ, правительство было совершенно гарантировано отъ выпуска книгъ, направленныхъ противъ христіанскаго ученія вообще и православія въ особенности. Въ то время свѣтская цензура, конечно, и сама не пропустила бы ничего такого, что было бы противно основнымъ началамъ этого ученія; если тѣмъ не менѣе законодатель призналъ эту гарантію недостаточною, если онъ призналъ необходимымъ нѣкоторыя сочиненія вполнѣ или отчасти передавать на разсмотрѣніе цензуры духовной, то это, конечно, было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, что одна духовная цензура обладаетъ спеціальными познаніями, необходимыми для оцѣнки спеціальныхъ сочиненій, что сочиненія, спеціально посвященныя такимъ предметамъ, которые относятся къ вѣдомству церкви, должны подлежать разсмотрѣнію ея представителей. Церковь имѣетъ главнымъ своимъ назначеніемъ учить вѣрующихъ по вопросамъ нравственности и вѣры; поэтому, если сочиненіе, хотя бы и не совершенно духовнаго содержанія, принимаетъ на себя обязанность учительскую, догматическую и касается при этомъ предметовъ спеціальныхъ, относящихся къ вѣдомству церкви, то такое сочиненіе въ тѣхъ частяхъ своихъ, которыя имѣютъ духовное содержаніе, наравнѣ съ книгами совершенно духовнаго содержанія, подлежитъ по нашему закону разсмотрѣнію духовной цензуры. Такимъ учительскимъ тономъ, такимъ догматическимъ содержаніемъ всего скорѣе могутъ отличаться сочиненія, касающіяся предметовъ нравственности, и вотъ почему они предусмотрѣны ст. 38 ценз. уст. Если толковать эту статью, вопреки ея буквѣ, въ распространительномъ смыслѣ, то слѣдовало бы признать, что всѣ историческія, философскія и политическія сочиненія должны безусловно подлежать разсмотрѣнію духовной цензуры всякій разъ, когда въ нихъ встрѣчается имя Божіе, Іисуса Христа или какая бы то ни была идея, составляющая основу христіанской религіи вообще или православія въ особенности. Между тѣмъ такого порядка вещей никогда не было и прежде, при существованіи болѣе строгихъ цензурныхъ правилъ: и тогда свѣтская цензура разсматривала совершенно самостоятельно всѣ тѣ книги, которыя не касались спеціально духовныхъ предметовъ. Была, правда, статья, которая давала право свѣтской цензурѣ отсылать въ цензуру духовную сочиненія и не спеціально-духовнаго содержанія, если они возбуждали въ свѣтской цензурѣ какія-либо сомнѣнія; но эта статья — 39-я — въ настоящее время примѣненія имѣть не можетъ, какъ это разъяснено рѣшеніемъ Правительствующаго Сената по дѣлу Гайдебурова. Въ настоящее время, слѣдовательно, судъ, замѣнившій собою свѣтскую цензуру, можетъ отсылать въ духовную цензуру только сочиненія или совершенно духовнаго содержанія, или нравственныя сочиненія, въ

которыхъ встрѣчаются мѣста совершенно духовнаго содержанія. Если мы примѣнимъ эти общія соображенія къ книгѣ Каррьера, составляющей предметъ обвиненія, если мы посмотримъ на характеръ этой книги, то мы очень скоро придемъ къ заключенію, что это не есть такъ-называемое нравственное сочиненіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблено въ 38 ст. ценз. уст. Книга эта вовсе не установляетъ какихъ-нибудь правилъ морали, не стремится къ тому, чтобъ провести, преподать извѣстное руководство для практической жизни; это сочиненіе строго научное, отчасти историческое, отчасти философское, это произведеніе не моралиста, а ученаго. Поэтому нельзя признать, чтобъ книга Каррьера подходила подъ дѣйствіе 38 ст. Если понимать эту статью въ ограниченномъ смыслѣ, если признавать подлежащими духовной цензурѣ только мѣста духовнаго содержанія въ сочиненіяхъ нравственныхъ, то вопросъ объ отсылкѣ книги Каррьера на разсмотрѣніе духовной цензуры разрѣшается самъ собою отрицательно. Не останавливаясь на этомъ, я попробую разсмотрѣть вопросъ съ другой точки зрѣнія, а именно: есть-ли въ сочиненіи Каррьера, если и признавать его подходящимъ подъ дѣйствіе 38 ст. ценз. уст., такія мѣста, которыя соотвѣтствовали бы тому, что нашъ законъ считаетъ мѣстами совершенно духовнаго содержанія. Для этого необходимо прежде всего обратиться къ ст. 199 ценз. уст., гдѣ перечислены всѣ сочиненія, подлежащія разсмотрѣнію духовной цензуры. Изъ всѣхъ пунктовъ этой статьи, какъ судъ, конечно, признаётъ, только нѣкоторые могутъ казаться примѣнимыми къ настоящему дѣлу, именно пункты 3-й, 4-й и 6-й, гдѣ говорится объ изложеніи догматовъ христіанской вѣры вообще и православія въ особенности, о защитѣ христіанской религіи и о церковной исторіи. По поводу статьи 199 однимъ изъ лучшихъ знатоковъ дѣла, присяжнымъ повѣреннымъ Спасовичемъ, было справедливо замѣчено, что если сравнить ее съ Положеніемъ о духовныхъ академіяхъ, то не трудно убѣдиться, что каждый пунктъ ст. 199 соотвѣтствуетъ извѣстной богословской каѳедрѣ: такъ, если взять 3-й пунктъ, нельзя не признать, что въ немъ говорится о догматическомъ богословіи; 4-й пунктъ относится къ такъ-называемой апологетикѣ и т. д. Я не стану утруждать вниманіе суда дальнѣйшимъ перечисленіемъ этихъ сопоставленій; изъ бѣглаго обзора ихъ, весьма не трудно убѣдиться въ ихъ справедливости. Отсюда ясно, что подъ именемъ сочиненія или мѣста совершенно духовнаго содержанія должно быть понимаемо не то, которое говоритъ объ извѣстномъ религіозномъ предметѣ, напримѣръ, о Богѣ, а то, которое говоритъ объ этомъ предметѣ съ извѣстной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія богословской, поучительной, дидактической. Одного только упоминанія о священномъ предметѣ, очевидно, еще недостаточно для того, чтобъ придать извѣстному сочиненію или нѣкоторымъ частямъ его характеръ совершенно духовнаго содержанія. Доказательствъ этому наша литература представляетъ весьма много. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ былъ напечатанъ, годъ тому назадъ, переводъ поэмы Мюссе „Ролла“, первая часть которой заключаетъ въ себѣ взглядъ скептика на христіанство,—взглядъ человѣка, правда, глубоко страдающаго отъ своего скептицизма, но тѣмъ не менѣе прямо заявляющаго свое невѣріе. Какъ близко, повидимому, эта поэма ни соприкасается съ вопросами вѣры, она не была отсылаема на разсмотрѣніе духов-

ной цензуры и напечатана безъ всякихъ препятствій именно потому, что въ ней нѣтъ ничего поучительнаго, догматическаго. Въ области исторіи и философіи такіе примѣры представляются на каждомъ шагу; слѣдовательно, для признанія сочиненія или мѣста подходящимъ подъ статью 38 ценз. уст., необходимо признать, что оно имѣетъ характеръ духовный не только по предмету, но и по способу изложенія или обсужденія его. Въ сочиненіи Каррьера такихъ мѣстъ отыскать совершенно невозможно; Каррьеръ смотритъ на христіанство глазами не догматика, не учителя, не моралиста, а глазами историка; самыхъ важныхъ вопросовъ христіанства Каррьеръ постоянно касается только съ той стороны, какою само христіанство соприкасается съ общими условіями историческими. Христіанство есть фактъ прежде всего, конечно, религіозный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и фактъ историческій; оно занимаетъ громадное мѣсто въ ряду событій, о немъ нельзя забыть, его невозможно игнорировать въ сочиненіи, предметъ котораго общее развитіе человѣчества.

Прежде чѣмъ обратиться къ подробному разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей сочиненія Каррьера и этимъ разборомъ подтвердить то общее заключеніе, которое я имѣлъ честь высказать, я обращу вниманіе суда на нѣсколько общихъ точекъ зрѣнія, которыя необходимо имѣть въ виду для правильнаго разрѣшенія дѣла. Не слѣдуетъ прежде всего забывать, что Каррьеръ—протестантъ, что онъ смотритъ на многіе религіозные вопросы съ исключительно протестантской точки зрѣнія. Нашъ законъ нигдѣ не запрещаетъ изложенія ученія другихъ вѣроисповѣданій, онъ требуетъ только (въ 101 ст. ценз. уст.), чтобъ изложеніе взглядовъ чуждыхъ намъ церквей не заключало въ себѣ оскорбительнаго отношенія къ нашимъ догматамъ и обрядамъ. Слѣдовательно, если Каррьеръ протестантъ, немозможно требовать отъ него, чтобъ онъ смотрѣлъ на религіозные вопросы съ точки зрѣнія православной церкви. Не слѣдуетъ, дальше, забывать того разграниченія, которое должно существовать между сочиненіями, предназначенными для немногихъ лицъ, интересующихся наукой, и тѣми, которыя пишутся для массы публики. Наша административная практика и законъ всегда строже относились къ сочиненіямъ послѣдняго рода; между тѣмъ по объему, по предмету, по способу изложенія, представляющему трудности, которыя, конечно, не всѣ рѣшатся преодолѣть, сочиненіе Каррьера безспорно не принадлежитъ къ категоріи сочиненій, имѣющихъ въ виду массу публики. Это сочиненіе въ высшей степени ученое, написанное нѣсколько тяжелымъ языкомъ, громадное по своему объему; тотъ томъ, который переданъ теперь на разсмотрѣніе суда, одинъ составляетъ около 700 большихъ страницъ, а такихъ томовъ въ сочиненіи 4 или 5; слѣдовательно, нельзя предположить, чтобъ оно могло дѣйствовать на умы, неумѣющіе различать истины отъ заблужденій; поэтому въ сочиненіи Каррьера можетъ быть допущено многое, что подверглось бы строгому разбору въ сочиненіи другаго рода.

Затѣмъ есть еще третье обстоятельство, которое необходимо имѣть въ виду: если въ извѣстномъ сочиненіи, хотя бы и ученомъ, авторъ относится къ христіанскому ученію съ враждебнымъ чувствомъ, если онъ старается поселить къ нему ненависть, презрѣніе, поколебать уваженіе къ основнымъ началамъ религіи, тогда судъ можетъ отнестись къ этому сочиненію — при

разрѣшеніи вопроса о томъ, подлежитъ ли оно духовной цензурѣ—съ гораздо большею строгостью. Но сочиненіе Каррьера исполнено самаго глубокаго уваженія къ христіанству, оно, конечно, не можетъ поколебать того чувства, того уваженія, съ которымъ должны относиться къ христіанству вѣрующіе христіане. Какъ примѣръ я приведу только самыя коротенькія фразы изъ книги Каррьера, которыя покажутъ, какъ онъ относится къ христіанству. Въ началѣ главы „Іисусъ и Библія“ Каррьеръ говоритъ, „что въ Христѣ осуществился нравственный идеалъ, человѣчества, въ немъ явилось подобіе самого Бога.“ Что же въ этихъ словахъ противно духу христіанства? Затѣмъ, заканчивая главу „Іисусъ и Библія“, Каррьеръ приводитъ слова Гёте: „сколько ни преуспѣвай умственная культура, сколько ни рости въ ширь и глубь естественныя науки, и сколько ни раздвигайся духъ человѣческій, ему никогда не подняться надъ уровнемъ высоты и нравственной культуры христіанства, въ томъ блескѣ, какимъ сіяетъ оно въ Евангеліи“. Вотъ первыя и послѣднія слова той главы, которая посвящена Іисусу и Библіи, слова, дышащія самымъ сердечнымъ уваженіемъ къ христіанству, къ его основателю, истинамъ и ученію. Если принять въ соображеніе три указанныя мною точки зрѣнія, то, конечно, нельзя согласиться съ тѣмъ выводомъ, который приведенъ въ отзывѣ духовной цензуры и повторяется въ обвинительномъ актѣ, чтобы сочиненіе Каррьера было пропитано мыслями какой-либо анти-христіанской школы. Я не стану входить въ разсмотрѣніе того, въ какой степени справедливо подобное выраженіе относительно ново-тюбингенской школы; для меня достаточно доказать, что къ какой бы школѣ ни принадлежалъ Каррьеръ во всякомъ случаѣ эта школа не можетъ быть названа анти-христіанскою. Наконецъ, нельзя не принять въ соображеніе, что Сенатъ, разсматривая дѣло Щапова, призналъ, что необходимо различать простое изложеніе отъ дидактической формы, что мѣсто совершенно духовнаго содержанія, если оно заключаетъ въ себѣ простое повѣствованіе, не подлежитъ духовной цензурѣ. Такихъ чисто-повѣствовательныхъ мѣстъ въ книгѣ Каррьера много и они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отосланы въ духовную цензуру.

Вотъ, гг. судьи, тѣ общія соображенія, которыя я счелъ нужнымъ предпослать подробному разсмотрѣнію всѣхъ мѣстъ книги Каррьера, указанныхъ въ обвинительномъ актѣ.

Приступая къ подробному разсмотрѣнію всѣхъ мѣстъ книги Каррьера, указанныхъ въ обвинительномъ актѣ, я постоянно буду имѣть въ виду отзывъ духовной цензуры, такъ какъ онъ служитъ единственнымъ основаніемъ, на которомъ построено все обвиненіе.—Для того чтобъ облегчить разрѣшеніе настоящаго дѣла, необходимо опредѣлить, подъ какія рубрики, подъ какія категоріи, могутъ быть подведены тѣ мѣста книги Каррьера, которыя составляютъ предметъ обвиненія. Разсмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія первыя двѣ главы сочиненія, мы замѣтимъ, что нѣкоторыя части этихъ главъ составляютъ нѣчто чистоисторическое, совершенно свободное отъ всякихъ догматическихъ примѣсей; самый тщательный разборъ ихъ не можетъ обнаружить ничего такого, что̀ совпадало бы съ понятіемъ о сочиненіяхъ духовнаго содержанія; такъ напримѣръ, окружный судъ, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе на то, что первыя 4 страницы книги посвящены исключительно изложе-

нію того, какимъ образомъ появленіе христіанства было подготовлено, что̀ предшествовало ему, какія умственныя движенія, какія умственныя теченія, если можно такъ выразиться, облегчили распространеніе христіанства. Безъ всякаго сомнѣнія, это вопросъ, часто-историческій; никто, даже самый строгій догматикъ, не станетъ отрицать, что христіанство сложилось не вдругъ, что оно появилось именно тогда, когда люди были болѣе всего приготовлены къ его воспріятію—и та часть сочиненія Каррьера, которая посвящена изображенію этой подготовительной работы, очевидно ничего не можетъ имѣть общаго съ предметами, составляющими вѣдомство духовной цензуры. Сюда относится все сказанное Каррьеромъ о партіяхъ, на которыя былъ раздѣленъ еврейскій народъ въ моментъ появленія христіанства, объ ученіи тѣхъ раввиновъ, которое имѣетъ нѣкоторыя черты сходства съ христіанствомъ, хотя и стоитъ безконечно ниже его, о стремленіи самихъ язычниковъ, вѣрить въ воплощеніе Бога, и т. д. И на этихъ, безусловно-историческихъ страницахъ духовная цензура нашла однако одно мѣсто, которое, по мнѣнію ея, подлежитъ вѣдѣнію духовной цензуры и свидѣтельствуетъ объ антихристіанскомъ направленіи всей книги. Въ отзывѣ духовной цензуры указывается, что на первой страницѣ Христосъ названъ однимъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества. Но что́ же здѣсь антихристіанскаго? По ученію церкви, Христосъ былъ Богъ и въ то же время человѣкъ; слѣдовательно, въ религіозномъ отношеніи о немъ можно говорить, какъ о Богѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ исторической точки зрѣнія, можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества. Здѣсь нѣтъ ничего противнаго тому поклоненію передъ Христомъ, тому богопочитанію, котораго требуетъ всякая христіанская церковь. Точно такое же историческое значеніе имѣютъ стр. 27 и 28, гдѣ излагаются еврейское ученіе о Мессіи и греческое ученіе о Логосѣ, какъ ученія, проложившія дорогу къ христіанству. Рядомъ съ такими мѣстами чисто-историческаго содержанія мы находимъ въ книгѣ Каррьера мѣста чисто-философскаго характера. Какъ тѣ, такъ и другія, я полагаю, должны быть изъяты отъ разсмотрѣнія ихъ духовною цензурой, такъ какъ законъ нашъ нисколько не мѣшаетъ изложенію ученій философскихъ, хотя бы несходныхъ съ ученіемъ христіанской церкви. Такія философскія мѣста встрѣчаются на стр. 4—6, гдѣ говорится, что во всякомъ развитіи есть нѣчто общее, а именно начало воодушевляющее, проникающее собою жизнь, дающее ей особенный отпечатокъ, особенный колоритъ. Это опять ученіе чисто философское, которое никогда не составляло предмета, подлежащаго вѣдѣнію духовной цензуры. Въ отзывѣ духовной цензуры указывается и здѣсь на мысли, будто бы противорѣчащія духу христіанства; такъ, напримѣръ, на то мѣсто, гдѣ говорится, что чудо, которое совершилось вслѣдствіе появленія Христа на землѣ, есть чудо не разъ бывшее и неоднократно повторявшееся. Но это значитъ только, что дѣйствіе Промысла не исчерпывается однимъ событіемъ, а продолжается постоянно. Указывается и на то, что страницы 4—6 могутъ быть правильно поняты только въ связи съ стр. 30-й, гдѣ высказываются убѣжденія прямо-пантеистическаго характера. Но не говоря уже о томъ, что мы имѣемъ дѣло и здѣсь съ чисто-философскимъ воззрѣніемъ, выводъ духовной цензуры можно опровергнуть самою книгой Каррьера, такъ какъ онъ, говоря объ ученіи блаженна-

го Августина, между прочимъ, говоритъ (на стр. 53), что философія въ настоящее время вознеслась какъ надъ деизмомъ, такъ и надъ пантеизмомъ въ познаніи такого Бога, который подлинно единъ и вмѣстѣ всеединъ, какъ начало и самосознательная личность, все—въ раскрытіи своей творческой сущности. Мѣсто это, очевидно, устраняетъ возможность предположенія, что Каррьеръ хотѣлъ проводить пантеистическое ученіе.

Послѣ этихъ чисто-философскихъ и историческихъ мѣстъ книги мы останавливаемся на тѣхъ мѣстахъ ея, гдѣ Каррьеръ, вѣрный своей главной задачѣ, излагаетъ эстетическое значеніе рѣчей и проповѣдей Христа и говоритъ, что̀ собственно новаго въ эстетическую сторону человѣческой жизни, человѣческой мысли, внесла дѣятельность Христа, т. е. разсматриваетъ предметъ съ точки зрѣнія совершенно дозволительной и не исключающей воззрѣнія на Христа, какъ на Сына Божія. Затѣмъ слѣдуетъ другая категорія мѣстъ, гдѣ Каррьеръ излагаетъ, ничего не прибавляя и не измѣняя, ученіе Христа, ученіе апостоловъ и отцовъ церкви. Такимъ образомъ то, что̀ вы найдете на стр. 7—9, 11—14, есть не что иное, какъ изложеніе ученія и жизни Христа, изложеніе, въ которомъ сама духовная цензура не замѣтила ничего, что̀ было бы несогласно съ евангельскимъ словомъ. На стр. 17—23 идетъ изложеніе ученія апостола Павла, затѣмъ—изложеніе апокалипсиса, не сопровождаемое никакими толкованіями со стороны автора, наконецъ, отъ 48—55 стр. идетъ изложеніе ученія отцовъ церкви. Всякій историкъ, касающійся тѣхъ временъ, о которыхъ говоритъ Каррьеръ, не можетъ не коснуться ученій, въ эти времена возникшихъ; всякій историкъ философіи неизбѣжно долженъ упомянуть объ ученіи отцовъ церкви, такъ какъ они играли весьма большую роль въ промежутокъ времени между древней и новой философіей. Здѣсь, слѣдовательно мы видимъ одно историческое изложеніе, которое, на основаніи рѣшенія кассаціоннаго департамента Сената, ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать отсылкѣ въ духовную цензуру. Въ этомъ историческомъ изложеніи есть только одно мѣсто, на которое можно указать какъ на несогласное съ ученіемъ православной церкви—то мѣсто, которое касается Тайной Вечери. Но мнѣ кажется достаточнымъ указать на то, что, говоря о Тайной Вечерѣ, Каррьеръ становится на точку зрѣнія протестантизма, и утверждаетъ, согласно съ протестантскою церковью, что Тайная Вечеря была совершена Спасителемъ лишь для того, чтобъ она повторялась его послѣдователями въ воспоминіе о немъ. Далѣе, значительный отдѣлъ книги Каррьера посвященъ изложенію судебъ церкви въ ихъ общественномъ, культурномъ значеніи. Когда къ предмету подходитъ писатель свѣтскій, подходитъ безъ желанія излагать догматическую сторону церковной исторіи, мы имѣемъ дѣло съ сочиненіемъ, изъятымъ изъ вѣдѣнія духовной цензуры. Историческое описаніе первыхъ временъ христіанства немыслимо безъ упоминанія той роли, которую играла въ нихъ церковь. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіи Гизо, никогда не подвергшемся духовной цензурѣ, говорится очень подробно о томъ значеніи, которое имѣла церковь въ развитіи цивилизаціи въ Европѣ. Не трудно убѣдиться, что вездѣ, гдѣ Каррьеръ говоритъ о церковной исторіи, онъ говоритъ тономъ чисто-повѣствовательнымъ, а не догматическимъ, и если при этомъ онъ выражаетъ такія мысли, которыя не сходятся вполнѣ съ ученіемъ православной церкви,

то опять-таки въ нихъ высказываются такія сужденія, которыя составляютъ насущный хлѣбъ протестантизма. Такъ Карьеръ говоритъ, что епископство не есть учрежденіе божеское, что оно возникло въ III вѣкѣ; но мы знаемъ, что протестантизмъ не признаетъ епископства; изъ того, что̀ онъ говоритъ о соборахъ, можно вывести отрицаніе того значенія, которое приписывается соборамъ православною церковью; но мы знаемъ что съ этого отрицанія, провозглашеннаго Лютеромъ на диспутѣ съ Эккомъ, начался открытый разрывъ Лютера съ католицизмомъ, начался второй, болѣе рѣшительный фазисъ реформаціи. Карьеръ объясняетъ видѣнія св. Антонія игрою воображенія, но протестантизмъ отрицаетъ монашество, и слѣдовательно Карьеръ, какъ протестантъ, имѣетъ право отнестись критически къ дѣятельности первыхъ монашествующихъ подвижниковъ. Если, говоря о святыхъ и объ иконоборствѣ, Карьеръ не становится на сторону почитанія святыхъ и иконъ, то вѣдь ни тѣхъ, ни другихъ протестантская церковь не почитаетъ. Наконецъ, между тѣми частями сочиненія Карьера, которыя могутъ быть отнесены къ церковной исторіи, есть огромныя вставки, не имѣющія рѣшительно ничего духовнаго, но которыя, тѣмъ не менѣе, по отзыву духовной цензуры, должны идти на ея разсмотрѣніе; такъ во 2-й главѣ есть цѣлыя страницы, которыя касаются не исторіи церкви, а еврейской каббалы, гнозиса, манихеизма (стр. 42—48). Всѣ эти страницы, въ которыхъ ересямъ нигдѣ не дается предпочтенія передъ христіанскимъ ученіемъ, очевидно, не могутъ быть признаны подлежащими разсмотрѣнію духовной цензуры. Далѣе идетъ изложеніе ученія отцовъ церкви; Карьеръ вездѣ противопоставляетъ ихъ ученіе ученію еретиковъ и язычниковъ и указываетъ, какими различными дорогами шла мысль тѣхъ и другихъ. Его картина тогдашней умственной жизни была бы неполною, еслибъ онъ говорилъ только о язычникахъ и не упомянулъ о такихъ крупныхъ фактахъ, какъ, напримѣръ, ученіе блаженнаго Августина. На изложеніи этого ученія останавливается духовная цензура, находя, что оно неправильно; но я полагаю, что вопросъ о правильности или неправильности изложенія не можетъ служить поводомъ къ отсылкѣ сочиненія въ духовную цензуру. Всякій писатель можетъ ошибаться, да и тотъ или другой взглядъ на сочиненіе человѣка, особенно человѣка, оставившаго послѣ себя такую массу произведеній, какъ Августинъ, вполнѣ зависитъ отъ личной точки зрѣнія, и никакъ нельзя ставить писателю въ вину, что онъ смотрѣлъ на извѣстныя произведенія не такъ, какъ, быть можетъ, на его мѣстѣ посмотрѣло бы на нихъ другое лицо. Но по поводу изложенія ученія Августина слѣдуетъ принять въ соображеніе еще и то, что наша церковь не признаётъ Августина святымъ; она даетъ ему названіе блаженнаго, проводя, такимъ образомъ, рѣзкую черту между имъ и тѣми, которыхъ она причисляетъ къ лику святыхъ; слѣдовательно критическое отношеніе къ нему можетъ быть гораздо свободнѣе, нежели къ тому или другому святому. Кромѣ того блаженный Августинъ не только церковный писатель, но и одинъ изъ крупныхъ философовъ своего времени; онъ писалъ не только трактаты чисто-поучительные, но философскіе и историческіе; такъ его книга De civitate dei имѣетъ несомнѣнно философско-историческій характеръ; сталобыть ученіе Августина не можетъ быть обойдено тѣмъ, кто говоритъ объ исторіи искусства и культуры въ первые вѣка христіанства. Правда, у Карье-

ра есть нѣкоторыя указанія на узкость воззрѣній Августина, но эти указанія относятся къ такимъ частямъ его ученія, которыя не усвоены нашею церковью; такъ Карьеръ ставитъ ему въ вину, что онъ вдался въ крайность въ ученіи о безусловномъ предопредѣленіи, но ученіе это составляетъ основу реформатской, а не православной церкви, слѣдовательно, и здѣсь въ высшей степени объективная критика Карьера не касается ученія православной вѣры и не переходитъ за черту, за которою начинается совершенно духовное содержаніе. Все, что̀ я говорилъ до-сихъ-поръ, мнѣ кажется довольно ясно и очевидно убѣждаетъ, что приведенные мною отдѣлы сочиненія Карьера не подлежатъ разсмотрѣнію духовной цензуры; эти отдѣлы составляютъ значительное большинство страницъ первыхъ двухъ главъ, которыя признаны духовною цензурой безусловно подлежащими ея вѣдѣнію; но есть еще двѣ категоріи мѣстъ книги, которыя при первомъ взглядѣ скорѣе могутъ быть отнесены къ мѣстамъ совершенно духовнаго содержанія.

„Одна изъ такихъ категорій—стр. 28—32, гдѣ говорится о процессѣ образованія евангельскихъ книгъ, и вообще книгъ новаго завѣта; но и здѣсь Карьеръ, нисколько не отрицая божественнаго происхожденія этихъ книгъ, разсматриваетъ только вопросъ о томъ, какія книги появились раньше, какія позже, и повторяетъ тѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ, которыя гораздо съ большею подробностью приведены, напримѣръ, въ энциклопедическомъ словарѣ, изданномъ въ Россіи въ 1862 г. подъ словомъ „Евангеліе“; здѣсь мы находимъ весьма подробное, объективное изложеніе всѣхъ тѣхъ различныхъ мнѣній о происхожденіи Евангелій, которыя были выражены французскими и нѣмецкими учеными; между тѣмъ въ то время цензурныя правила были гораздо строже и тѣмъ не менѣе изложеніе этихъ воззрѣній было допущено. Карьеръ также говоритъ только о томъ, которое изъ Евангелій появилось раньше, и указываетъ на нѣкоторыя характеристическія черты, свойственныя каждому изъ нихъ—напр., что синоптическія Евангелія (первыя три) даютъ намъ образъ Христа, Евангеліе отъ Іоанна—его понятіе. Все это мѣсто книги Карьера, написанное сдержанно, съ тою осторожностью, которою вообще отличается Карьеръ, также едва-ли можетъ быть признано подлежащимъ разсмотрѣнію духовной цензуры, такъ какъ тутъ не излагаются догматы вѣры, не критикуется христіанское ученіе, а высказываются тѣ научные взгляды, которые приняты въ послѣднее время относительно порядка появленія книгъ Новаго Завѣта. Наконецъ, послѣднюю категорію составляютъ мѣста, относящіяся къ процессу образованія евангельскихъ книгъ по самому содержанію ихъ и ко взгляду Карьера на чудеса. Эти мѣста составляютъ не болѣе 6 или 7 страницъ изъ всего сочиненія Карьера, но и здѣсь, посмотрѣвъ внимательно, мы найдемъ такія черты, которыя не даютъ права относиться къ этимъ мѣстамъ такъ строго, какъ казалось бы возможнымъ съ перваго взгляда. Такъ мы видимъ, что Карьеръ полемизируетъ съ писателями, скептически относящимися къ христіанству—напримѣръ съ Штраусомъ, Ренаномъ. Во многихъ мѣстахъ этой категоріи онъ стоитъ опять-таки на точкѣ зрѣнія крайняго протестантизма. Извѣстно, что есть два главныхъ направленія въ средѣ протестантизма—одно болѣе церковное, другое — болѣе радикальное; Карьеръ выражаетъ только тѣ взгляды, которые очень часто проповѣдывались съ каѳедры богословскаго

протестантскаго факультета, напр. Мауромъ, который слишкомъ тридцать лѣтъ былъ профессоромъ богословія, Шлейермахеромъ, который считался свѣтиломъ протестантизма, и пр. Высказывая такимъ образомъ взгляды протестантовъ, наиболѣе далеко ушедшихъ отъ прежней строго-лютеранской церкви, Карьеръ остается въ тѣхъ границахъ, которыя съ полнымъ спокойствіемъ могутъ быть отведены для представителей ученій чуждыхъ намъ церквей. (Послѣдовалъ небольшой перерывъ засѣданія).

Я остановился на той категоріи мѣстъ въ книгѣ Карьера, которыя могутъ возбудить самое большое вниманіе съ вашей стороны, именно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится о чудесахъ и о миѳахъ. Я указалъ, что въ этихъ мѣстахъ очень часто Карьеръ стоитъ на точкѣ зрѣнія не иной какъ крайняго протестантизма, на такой точкѣ зрѣнія, которая въ Германіи допускается внутри самой церкви. Само собою разумѣется, что еслибы точно такія же начала были изложены у насъ лицомъ, принадлежащимъ къ православной церкви, или же были бы выражены въ дидактической формѣ, съ цѣлью замѣнить этими воззрѣніями тѣ начала, которыя составляютъ ученіе православной церкви—тогда сочиненіе подлежало бы духовной цензурѣ; но когда эти мысли высказываются человѣкомъ, принадлежащимъ къ протестантской церкви, принадлежащимъ къ той крайней ея партіи, о которой я говорилъ, когда онѣ высказываются въ формѣ чисто-исторической, въ сочиненіи громадномъ, трудно доступномъ для большинства, — тогда едва-ли есть основаніе относиться къ сочиненію съ тою строгостью, какую могла бы вызвать другая обстановка. Сверхъ того почти вездѣ, гдѣ Карьеръ высказываетъ свой взглядъ на чудеса, несогласный со взглядомъ православной церкви, онъ смягчаетъ этотъ взглядъ своими примѣчаніями, оговорками; сдѣлавъ два шага впередъ, онъ часто дѣлаетъ шагъ назадъ; такъ въ одномъ мѣстѣ онъ высказываетъ ту мысль, что Христосъ не былъ отъ начала непогрѣшимъ, что непогрѣшимость его была плодомъ постоянной борьбы съ самимъ собою; но вслѣдъ затѣмъ Карьеръ признаетъ въ Христѣ первообразъ добра, сошедшій съ неба. Признавая такимъ образомъ, что первообразъ добра сошелъ съ неба, а не былъ выработанъ самимъ человѣкомъ, Карьеръ очень близко подходитъ къ ученію христіанской церкви и значительно уменьшаетъ то разстояніе, которое, повидимому, отдѣляетъ его взглядъ отъ церковнаго ученія. Такія смягченія, такія оговорки встрѣчаются у него постоянно и, конечно, выражаютъ его искреннюю, настоящую мысль; это не оговорки, клонящіяся къ тому, чтобъ удобнѣе было провести какую-нибудь смѣлую мысль—въ подобныхъ оговоркахъ въ Германіи не нуждаются; это, очевидно, выраженіе его собственнаго, теплаго отношенія къ религіи.

Указавъ на нѣкоторыя отдѣльныя неточности въ отзывѣ духовной цензуры, г. Арсеньевъ продолжаетъ: „Этимъ я могу закончить разборъ тѣхъ главъ книги Карьера, которыя духовная цензура признаетъ безусловно подлежащими своему разсмотрѣнію и уничтоженію, и обратиться къ тѣмъ главамъ, въ которыхъ указываются только нѣкоторыя мѣста духовнаго содержанія. Я долженъ указать прежде всего на то, что духовная цензура стоитъ и тутъ на исходной точкѣ не совсѣмъ вѣрной: она говоритъ, что первыя двѣ главы должны быть подвергнуты уничтоженію, а послѣднія—тщательному просмо-

тру, т. е. въ одномъ случаѣ она высказываетъ свой окончательный судъ надъ двумя первыми главами, а въ другомъ присвоиваетъ себѣ право просмотрѣть всѣ послѣдующія главы и опредѣлить, что̀ можно въ нихъ оставить и чего нельзя; но это послѣднее право не принадлежитъ духовной цензурѣ, когда она сама признаётъ не всю главу мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія, ей принадлежитъ только одно право, разсмотрѣть тѣ выдержки изъ главы, которыя будутъ отосланы ей по распоряженію свѣтскаго суда. Мнѣ кажется, что указаніе духовною цензурою нѣкоторыхъ мѣстъ въ этой части сочиненія Карръера основано на явномъ недоразумѣніи: такъ, напримѣръ, указывается на необходимость исключенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ Карръеръ, говоря о мученикахъ, называетъ ихъ „кровавыми послухами вѣры". Я не знаю, въ чемъ тутъ можно видѣть несоотвѣтствіе съ христіанскимъ ученіемъ о мученикахъ, по которому они своею кровью запечатлѣли истину христіанства. Карръеру ставятъ также въ вину, что онъ говоритъ о к о с т я х ъ мучениковъ. Но развѣ это непочтительное выраженіе? Приэтомъ не слѣдуетъ забывать того главнаго соображенія, которое я приводилъ раньше—что поклоненіе мощамъ оспоривается протестантами, и потому все, что говоритъ Карръеръ объ этомъ предметѣ, не можетъ имѣть никакого значенія, когда рѣчь идетъ объ отсылкѣ книги его въ духовную цензуру. Далѣе Карръеру вмѣняется въ вину то, что онъ отвергаетъ подлинность одного преданія, входящаго въ составъ преданій православной церкви—именно повѣсти объ апостолѣ Павлѣ и св. Ѳеклѣ. Карръеръ говоритъ только, что, по словамъ самого автора, это нечто иное какъ повѣсть; онъ вовсе не касается тѣхъ другихъ доказательствъ въ пользу преданія, на которыя указываетъ духовная цензура. Относительно иконъ, почитанія Божіей Матери, св. Ѳеодоры, слѣдуетъ только повторить еще разъ, что Карръеръ смотритъ на всѣ эти вопросы съ точки зрѣнія протестантизма. Наконецъ на стр. 101, въ концѣ послѣдней главы, по отзыву духовной цензуры, есть мѣста, заключающія въ себѣ кощунство, а именно сужденія нѣкоего Христофора о мощахъ. Но если судъ обратитъ вниманіе на эту страницу, то онъ убѣдится, что тутъ нѣтъ кощунства, а есть указаніе на тѣ злоупотребленія, которыя совершались подъ предлогомъ почитанія мощей. Нѣтъ такого священнаго предмета, который бы не могъ послужить поводомъ къ злоупотребленіямъ, къ обманамъ, и именно на эти-то обманы указываетъ Христофоръ, вовсе не касаясь вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли почитать мощи или нѣтъ. Разсматривая послѣднія главы книги Карръера, окружный судъ обратитъ вниманіе на то, что въ этихъ главахъ есть весьма много мѣстъ вовсе не касающихся духовныхъ предметовъ, и что, слѣдовательно, отсылать ихъ цѣликомъ на разсмотрѣніе духовной цензуры не представляется ни малѣйшаго основанія; такъ, напр., самый тщательный разборъ главъ о музыкѣ, о базиликѣ не даетъ намъ ничего такого, на чемъ бы можно было остановиться съ точки зрѣнія, указанной въ отзывѣ духовной цензуры.

„Заканчивая свою защиту, я прошу чтобъ судъ сталъ на ту точку зрѣнія, которая уже усвоена нашими судебными учрежденіями—чтобъ онъ взялъ на себя трудъ, быть можетъ, крайне тяжелый, но необходимый въ данномъ случаѣ, разсмотрѣть въ отдѣльности каждое мѣсто, на которое сдѣлано указаніе въ отзывѣ духовной цензуры, чтобъ судъ не отсылалъ въ духовную цен-

зуру какой-нибудь цѣлой части сочиненія, чтобъ онъ призналъ подлежащими разсмотрѣнію духовной цензуры—если вообще найдетъ это необходимымъ—только отдѣльныя мѣста книги, притомъ съ самымъ тщательнымъ указаніемъ начала и конца такихъ мѣстъ. Когда Сенатъ въ первый разъ разрѣшалъ вопросъ подобный настоящему, онъ именно сказалъ въ своемъ опредѣленіи: „отослать въ духовную цензуру тѣ мѣста книги, которыя выше указаны"; затѣмъ, когда петербургская судебная палата разсматривала дѣло о книгѣ Лекки, она также указала мѣста духовнаго содержанія, какъ со ссылкою на страницы, такъ и съ приведеніемъ первыхъ и послѣднихъ словъ тѣхъ мѣстъ, которыя подлежали отсылкѣ въ духовную цензуру. Если окружный судъ найдетъ нужнымъ что-либо въ сочиненіи Каррьера подвергнуть разсмотрѣнію духовной цензуры, то я просилъ бы принять при этомъ ту же самую систему, т. е. указать въ точности какъ страницы книги, такъ и начало и конецъ мѣстъ, признаваемыхъ мѣстами духовнаго содержанія. Только такимъ образомъ духовной цензурѣ будетъ отведена та роль, которая ей принадлежитъ по закону; только тогда дѣятельность ея будетъ ограничена тѣми мѣстами, которыя свѣтскій судъ—единственный рѣшитель вопроса о томъ, что̀ подлежитъ вѣдѣнію духовной цензуры—признаѐтъ подлежащими ея разсмотрѣнію. Я просилъ бы при этомъ устранить безусловно отъ отсылки въ духовную цензуру все то, что̀ касается исторіи, философіи и эстетики, и въ крайнемъ случаѣ отослать на ея разсмотрѣніе только тѣ немногія мѣста, которыя окружный судъ признаѐтъ несомнѣнно мѣстами чисто-духовнаго содержанія.

„Я долженъ сказать нѣсколько словъ по поводу другаго вопроса, возбужденнаго обвинительною властью. Обвинительная власть полагаетъ назначить обвиняемому наказаніе по ст. 1024. Я полагаю, что вопросъ этотъ разрѣшенъ окончательно нашею судебною практикою. Извѣстно, что рѣшеніемъ Сената, состоявшимся въ маѣ 1869 г., по дѣлу Павленкова, признано, что подъ именемъ напечатанія слѣдуетъ понимать не приготовленіе къ выпуску въ свѣтъ, а самый выпускъ, и что тотъ, кто только напечаталъ сочиненіе, но не выпустилъ его въ свѣтъ, хотя бы по обстоятельствамъ отъ него не зависящимъ, совершилъ лишь приготовленіе къ преступленію, не наказуемое по ст. 112 Улож. Я просилъ бы поэтому, согласно съ рѣшеніемъ Сената по дѣлу Щапова и рѣшеніемъ спб. суд. палаты по дѣлу о книгѣ Лекки, ни въ какомъ случаѣ не признавать подсудимаго Корша подлежащимъ какому бы то ни было наказанію, такъ какъ книга его до выпуска въ свѣтъ была арестована цензурою, слѣдовательно, фактъ распространенія, публикаціи, который одинъ только въ дѣлахъ печати можетъ считаться совершеніемъ преступленія, не осуществился. Я просилъ бы взаключеніе обратить еще разъ вниманіе на общій характеръ сочиненія Каррьера и имѣть въ виду, что если судъ станетъ на точку зрѣнія обвиненія, если разсмотрѣнію духовной цензуры будутъ признаны подлежащими цѣлыя обширныя главы въ разсматриваемомъ сочиненіи Каррьера, мы будемъ имѣть первую у насъ въ Россіи исторію искусства безъ одного весьма существеннаго отдѣла, съ такимъ пробѣломъ, который будетъ совершенно непонятенъ для всякаго читающаго книгу. Можно-ли себѣ представить исторію искусства, которая хотя сколько-нибудь соотвѣтствовала бы своему назначенію, безъ всякаго упоминанія о Христѣ, о христіанствѣ, о томъ событіи, которое внесло такъ много новыхъ элемен-

товъ въ искусство, которое внесло въ него элементъ сердечности, задушевной внутренней жизни? Еслибъ окружный судъ устранилъ изъ выпуска въ обращеніе немногія отдѣльныя мѣста книги Карьера, то значеніе ея отъ этого пострадало бы не слишкомъ сильно; но если будутъ устранены цѣлыя главы, цѣлый рядъ страницъ, въ которыхъ авторъ касается вопроса о вліяніи христіанства на культуру, на идеалы человѣчества, на искусство—то исторія искусства выйдетъ въ свѣтъ въ такомъ видѣ, который крайне нежелателенъ для перваго подобнаго сочиненія, появляющагося у насъ въ Россіи, сочиненія, которое своимъ глубокимъ изученіемъ дѣла, своею любовью къ предмету, могло бы послужить исходной точкой для новыхъ, самостоятельныхъ трудовъ этого рода".

Окружный судъ, признавъ ст. сов. Е. Ѳ. Корша виновнымъ въ приготовленіи къ преступленію, предусмотрѣнному 1024 ст. Улож. опредѣлилъ, на основаніи 112 ст. никакому наказанію его не подвергать и признать главы книги „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры", озаглавленныя „Іисусъ и Библія", „Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ", „Религіозная поэзія" и „Византійство"—подлежащими отсылкѣ въ духовную цензуру.

Засѣданіе московской судебной палаты 15 февраля 1874 г.

15-го февраля московская судебная палата, по уголовному департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента П. Г. Извольскаго, въ составѣ членовъ: Г. П. Цвѣткова, Е. А. Томашевскаго и Н. А. Анцыферова, при товарищѣ прокурора палаты А. Н. Поповѣ и при секретарѣ В. В. Добровѣ, разсматривала дѣло о статскомъ совѣтникѣ Евгеніи Ѳедоровичѣ Коршѣ, вслѣдствіе апеляціоннаго протеста прокурора окружнаго суда и апеляціоннаго отзыва Корша на приговоръ суда, по обвиненію его, Корша, въ нарушеніи 1024 ст. улож. о наказ. при напечатаніи переведенной имъ книги Морица Карьера: „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества".

Изъ дѣла видно, что оно началось по сообщенію московскаго цензурнаго комитета прокурору московскаго окружнаго суда, въ которомъ комитетъ объяснилъ, что 17-го марта 1873 года въ комитетъ представлена отпечатанная въ типографіи Грачева и К°, безъ предварительной цензуры, книга подъ заглавіемъ „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества соч. Морица Карьера, переводъ Е. Корша. Томъ III Средніе вѣка". По разсмотрѣніи означеннаго сочиненія, цензурный комитетъ нашелъ, что въ виду ст. IV п. а высочайшаго указа 6-го апрѣля 1865 года и ст. 38 цензурнаго устава, первыя три главы книги (стр. 1—68) всецѣло не могли быть отпечатаны безъ предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ духовною цензурою, и что той же цензурѣ подлежали нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и въ слѣдующихъ за симъ четырехъ главахъ (стр. 68—102), а потому книгу Карьера комитетъ препроводилъ въ духовную цензуру, прося сообщить о ней свое мнѣніе. Комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ, съ своей стороны, пришелъ къ такому заключенію, что авторъ смотритъ на христіанство глазами антихристіанской пантеистической ново-тюбингенской школы. Для него І. Христосъ есть геній въ ряду другихъ геніевъ, черезъ которыхъ открываетъ-

ся пантеистическое божество. Время подготовлено къ нему (т. е. І Христу) какъ ко всякому генію (стр. 1). Какъ проявленія прозябающей растительности, животнаго чувства, человѣческаго мышленія и воленія указываютъ на господство въ нихъ нутро-дѣйственной творческой силы, такъ точно и въ исторіи—тотъ освобождающій спасительный геній, который, снявъ повязку съ глазъ человѣчества и заклятіе съ его членовъ, ведетъ его постепенно къ предназначенной ему цѣли, одинъ—мечемъ, другой—словомъ и образомъ. Вотъ истинное чудо духа, совершающееся, впрочемъ, не одинъ только разъ, а непрерывно и постоянно; вотъ свыше озаряющее откровеніе живаго Бога и его промысла (стр. 4). Но это Богъ пантеистическій, ибо по автору, „философія дознала сопринадлежность имманентнаго съ трансцедентнымъ, т. е. усмотрѣла въ Богѣ природу и исторію, и Бога, на оборотъ, въ нихъ (стр. 30). Авторъ не признаетъ чудесъ въ смыслѣ христіанскомъ. „Только воображеніе младенчествующаго человѣчества въ извѣстныхъ чрезвычайныхъ событіяхъ можетъ видѣть божественное водительство, которое будто бы разрываетъ винословную связь и дѣлаетъ невозможное возможнымъ“ (стр. 5 въ началѣ). Потому всѣ евангелическія чудеса, по представленію автора, суть только миѳы или слова и притчи І. Христа, послѣ обращенныя въ чудеса; въ исторіи искушенія І. Христа діаволомъ авторъ видитъ притчу, въ которой Іисусъ передавалъ разсказъ о преодолѣніи имъ соблазна въ собственной груди своей (стр. 6). По мнѣнію автора, І. Христосъ могъ и погрѣшить. Онъ сталъ для насъ образцомъ „конечно не въ силу какой нибудь изначальной непогрѣшимости“ (стр. 7). Авторъ не признаетъ бѣснованія и бѣсноватыхъ, и исцѣленіе ихъ І. Христомъ объясняетъ тѣмъ, что растерзанная угрызеніями совѣсть, мнившая себя во власти злыхъ духовъ, приходила опять сама въ себя и чувствовала свое освобожденіе изъ-подъ чуждаго ей ига (стр. 9-я, въ концѣ). Подобно сему, по представленію автора, Іисусъ Христосъ не исцѣлялъ слѣпыхъ и не воскрешалъ мертвыхъ, а отверзалъ зрѣніе только духовнослѣпымъ и пробуждалъ къ жизни омертвѣлыя сердца (стр. 10-я); тысячи людей онъ насыщалъ только душевною пищею, а не вещественною (стр. 25-я). О Тайной Вечери авторъ говоритъ такъ: „При одной трапезѣ, которую вкушаетъ онъ среди учениковъ, невольно сдается ему, что она послѣдняя; преломляемый имъ хлѣбъ становится здѣсь образомъ его тѣла и проч. (стр. 13-я). По автору, разсказы о явленіяхъ воскресшаго Спасителя существенно разнятся въ подробностяхъ; даже основные взгляды на мѣстность этихъ явленій, которыя одними переносятся въ Галилею, другими въ Іерусалимъ, вполнѣ противорѣчать другъ другу (стр. 14-я). По его мнѣнію Христосъ не явился ученикамъ въ воскресшемъ тѣлѣ. Кантъ, какъ, въ свою очередь, и мы, говоритъ авторъ, принимаетъ внѣшнюю видимость явленія за порожденіе фантазіи, дѣйствующей на чувственные нервы; но такъ, что причиной этому всетаки можетъ быть дѣйствительно духовное явленіе (стр. 16-я). „Въ праздникъ Четыредесятницы, какъ авторъ или переводчикъ называетъ Пятидесятницу, они (т. е. Апостолы) приходятъ къ сознанію въ себѣ его духа (т. е. Христова)“ „Даръ глаголанія разными языками есть только умоизступленныя экстатическія рѣчи въ такомъ духовномъ упоеніи, которое потребовало затѣмъ само-собой обстоятельно уясняющей проповѣди“ (стр. 16). И вообще, въ евангеліяхъ авторъ видитъ дѣятельность народной фантазіи, сливающей

историческую быль съ распространенными тогда упованіями на Мессію (стр. 28). Въ евангеліяхъ: „многое есть такое, что первоначально было сказано въ смыслѣ о̀бразномъ“; но послѣ принялось въ устахъ народа и въ преданіи дословно. Мессія былъ для Іудеевъ сыномъ Давидовымъ, и вотъ кто-то составилъ родословную Іосифа и принялъ Виѳлеемъ за мѣсто рожденія Іисуса; другой, приближаясь больше съ сказаніямъ о Божіихъ сынахъ язычества, преимущественно къ греческимъ, отнесъ наитіе Святаго Духа къ лицу Дѣвы Маріи. О Платонѣ и Александрѣ, о Сципіонѣ и Августѣ также шло повѣрье, что они прямо божескаго происхожденія (стр. 24 и 25). Исторія христіанской церкви, по мнѣнію комитета, у автора также извращена. На основаніи одного исключительнаго факта, авторъ утверждаетъ, что число мучениковъ слишкомъ преувеличено (стр. 35). По его понятію, епископство неесть установленіе апостольское, и только, „съ начала 3 вѣка епископы считали себя преемниками и намѣстниками апостоловъ“ (стр. 37). Соборами епископовъ и ихъ правилами „свободный духъ христіанства былъ тѣсно замкнутъ въ твердыя и неизмѣнныя формы“; а переводчикъ еще добавилъ: „явное доказательство того, что родъ людской былъ далеко еще незрѣлъ для самостоятельнаго развитія въ себѣ христіанскаго духа“ (стр. 37). На соборахъ, и въ томъ числѣ на первомъ вселенскомъ, вопросы, каковы: „единосущенъ-ли или подобносущенъ сынъ отцу, рѣшались не Духомъ Святымъ, а механическимъ голосованіемъ, высочайшей волей императоровъ, подъ вліяніемъ придворныхъ козней; и то, что наконецъ установлено подъ именемъ аѳанасіевскаго исповѣданія вѣры, явилось клубкомъ неразрѣшимыхъ противоположеній“ и т. д. (стр. 38). Антоній Великій въ пустынѣ выдержалъ страшную борьбу не съ дьяволомъ, а „съ своимъ пылкимъ воображеніемъ, которое представляло ему соблазны то въ видѣ очаровательныхъ женщинъ, то въ видѣ дьявольскихъ и чудовищно-скотскихъ образовъ (стр. 38 и 39). Далѣе авторъ говоритъ: „вѣроподвижники заступили подъ именемъ Святыхъ мѣсто языческихъ героевъ или второстепенныхъ божествъ (стр. 39). Въ статьѣ: „Религіозная поэзія“ авторъ, сказавъ: „Уже и въ библіи—религіозная поэзія встрѣчалась намъ, какъ въ притчахъ Іисуса, такъ и въ апокалипсисѣ Іоанновомъ, такъ и въ художественномъ складѣ четвертаго евангелія“ непосредственно вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: „разъ пробудившаяся наклонность къ миѳосложенію разросталась во 2 и 3 вѣкѣ все дальше (стр. 5). „Авторъ повѣсти про Павла и Ѳеклу откровенно признается самъ, что сочинилъ ее въ честь апостолу; церковь тѣмъ не менѣе сопричислила героиню повѣсти къ лику Святыхъ“ (стр. 59 и 60), какъ будто церковь въ этомъ случаѣ руководилась одною сею повѣстію. „Чудеса, совершенныя многочтимыми костями, которыя слыли за мощи святыхъ, доказываютъ только суевѣрную наклонность того времени“. „Послѣ обращенія язычниковъ вошелъ въ христіанство съ почитаніемъ Святыхъ элементъ политеизма (стр. 60). Авторъ часто, а индѣ и переводчикъ можетъ быть, неуважительно относится къ святымъ: напримѣръ авторъ представилъ ученіе блаженнаго Августина въ неправильномъ видѣ (стр. 52—55), а на 60 страницѣ переводчикъ желаетъ омрачить память его еще тѣмъ, что онъ вѣрилъ въ оборотней, и не указываетъ основанія сему извѣстію. На страницѣ 92 дается неуважительный отзывъ объ императрицѣ Ѳеодорѣ, память которой церковь ублажаетъ. На страницѣ 97,

останки святыхъ называются костяками; на стр. 60 христіанскіе мученики называются кровавыми послухами вѣры. Самое почитаніе Богоматери унижается и называется невиданнымъ прежде (т. е. въ первоначальномъ христіанствѣ) культомъ Маріи (стр. 96). Наконецъ послѣдняя статья: „о Византійствѣ“ заключается кощунственною сатирою нѣкоего Христофора на злоупотребленіе мощами святыхъ (стр. 101). Въ заключеніе комитетъ для цензуры церковныхъ книгъ изложилъ, что, указавъ вышеприведенныя изъ разсмотрѣнныхъ 102 страницъ книги весьма немногія только выдержки, изъ коихъ ясно видно направленіе автора, комитетъ, на основ. § 237 цензурнаго устава, полагаетъ, что первыя двѣ статьи книги: а) Іисусъ и библія и б) Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ (стр. 1—57), какъ совершенно пропитанныя мыслями анти-христіанской ново-тюбингенской школы, не могутъ быть одобрены всѣ сполна къ выпуску въ свѣтъ, а прочія изъ разсмотрѣнныхъ статей, во многихъ мѣстахъ показывающія то же направленіе, не иначе могли бы быть выпущены въ свѣтъ, какъ по тщательномъ пересмотрѣ ихъ и исключеніи изъ нихъ всѣхъ вышеуказанныхъ мѣстъ и многихъ другихъ, имъ подобныхъ, отмѣченныхъ въ самой книгѣ. Получивъ такое мнѣніе комитета для цензуры духовныхъ книгъ и усматривая въ отпечатаніи книги преступленіе, предусмотрѣнное 1024 ст. улож. о наказ., московскій цензурный комитетъ, на основаніи высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 12-го декабря 1866 года п. 5, задержалъ книгу, переведенную Коршемъ, и сообщилъ прокурору московскаго окружнаго суда о возбужденіи противъ переводчика Корша судебнаго преслѣдованія, съ примѣненіемъ къ мѣстамъ книги, указаннымъ духовною цензурою, 1045 ст. уложенія.

На предварительномъ слѣдствіи, произведенномъ по распоряженію прокурора, статскій совѣтникъ Коршъ, не признавая себя виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи, показалъ, что указанныя духовною цензурою мѣста переведенной имъ книги Каррьера вовсе не заключаютъ въ себѣ того противохристіанскаго смысла, который видитъ въ нихъ цензура, разсматривавшая съ строго-догматической точки зрѣнія эту книгу, по содержанію своему исключительно историческую. На основаніи изложеннаго, статскій совѣтникъ Коршъ, по обвинительному акту товарища прокурора Муравьева, былъ преданъ суду московскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, какъ обвиняемый въ напечатаніи безъ цензурнаго разрѣшенія переведенной имъ книги Морица Каррьера, подлежащей на основаніи ст. 4 п. а) высочайшаго указа 6-го апрѣля 1865 г. и ст. 38-й цензурнаго устава, предварительной духовной цензурѣ. Преступленіе это подведено въ обвинительномъ актѣ подъ 1024 и 1045 ст. Улож. о наказ. На судѣ Коршъ не призналъ себя виновнымъ. Товарищъ прокурора просилъ судъ признать Корша виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1024 ст. Улож. и приговорить къ аресту на семь дней и къ уплатѣ штрафа въ размѣрѣ 25 руб. Защитникъ же обвиняемаго, присяжный повѣренный Арсеньевъ, объяснилъ, что: вопервыхъ, книга, составляющая предметъ дѣла, какъ не учительная, а историческая, не можетъ быть разсматриваема съ той точки зрѣнія, какъ посмотрѣла на нее духовная цензура; во-вторыхъ, что въ книгѣ этой не содержится ничего такого, что клонилось бы къ опроверженію ученія о дог-

матахъ православной вѣры; и въ-третьихъ, что если и есть въ ней, въ 1-й и 2-й главахъ нѣкоторыя разсужденія, не вполнѣ согласныя съ догматами православія, то это потому, что подлинная книга написана лицомъ протестанскаго исповѣданія. Поэтому защитникъ просилъ признать книгу неподлежащею разсмотрѣнію духовной цензуры, въ случаѣ же признанія книги подлежащею этой цензурѣ, указать съ точностью только мѣста книги, которыя будутъ признаны подлежащими цензурѣ. Къ этому защитникъ присовокупилъ, что въ случаѣ признанія книги, подлежащею духовной цензурѣ, Коршъ можетъ быть признанъ виновнымъ только въ приготовленіи къ преступленію, предусмотрѣнному 1,024 ст. Улож., такъ какъ книга не была выпущена въ продажу и задержана вслѣдъ за напечатаніемъ. Разрѣшая дѣло, окружный судъ принялъ во вниманіе, что въ силу указа 6-го апрѣля 1865 г. всѣ изданія переводовъ, не менѣе 20 листовъ, могутъ быть напечатаны безъ представленія ихъ на предварительный просмотръ цензуры; но въ 4-мъ пунктѣ этого указа сдѣлано ограниченіе, заключающееся въ томъ, что дѣйствіе указа не распространяется на сочиненія и переводы, а также и мѣста въ нихъ, подлежащія, по дѣйствовавшимъ до изданія указа законамъ, вѣдѣнію духовной цензуры. На основаніи же 37-й и 38-й ст. Уст. цензур. подлежатъ предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры; во-первыхъ, всѣ сочиненія, собственно духовнаго содержанія, т. е. сочиненія въ коихъ излагаются догматы вѣры, содержится толкованіе священнаго писанія, проповѣди и т. п., и во-вторыхъ, сочиненія свѣтскія, въ коихъ содержатся только мѣста собственно духовнаго содержанія, относящіяся къ догматамъ вѣры и священному писанію. По этимъ основаніямъ, окружный судъ призналъ, что первыя двѣ статьи книги Каррьера, переведенной Коршемъ, озаглавленныя: „Іисусъ и библія“ съ страницы 1 до 34-й включительно, и „Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ“ съ стр. 34-й до 56-й включительно, и на 57-й стр. шесть строкъ, отъ слова „взошелъ“ до слова „блаженству“; а равно главы 3-й озаглавленной: „Религіозная поэзія“ съ стр. 57-й до 63-й включительно, и 7-я озаглавленная: „Византійство“, съ стр. 86-й до 102 включительно, подлежатъ предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры, такъ какъ въ главахъ этихъ содержатся разсужденія, относящіяся частью къ догматамъ вѣры, частью къ священной исторіи, что ясно видно даже изъ краткаго указанія на содержаніе тѣхъ главъ, изложеннаго въ самомъ оглавленіи книги. А потому, не касаясь вопроса, согласны или несогласны разсужденія и взгляды автора, изложенныя въ тѣхъ главахъ съ догматами и ученіемъ православной вѣры и съ священной исторіей, какъ вопроса неподлежащаго обсужденію суда и относящагося до спеціальнаго учрежденія—духовной цензуры, окружный судъ призналъ, что 1, 2, 3 и 7 главы книги могутъ быть выпущены въ продажу не иначе, какъ послѣ предварительнаго пересмотра оныхъ духовною цензурою. Что же касается личной отвѣтственности статскаго совѣтника Евгенія Корша, то онъ оказывается виновнымъ не въ совершеніи, а лишь въ приготовленіи къ преступленію, предусмотрѣнному 1,024 ст. Улож. о нак., такъ какъ книга, немедленно по отпечатаніи оной въ типографіи Грачева и Комп., была задержана, до выхода оной въ свѣтъ, по распоряженію цензурнаго комитета, и какъ такое дѣяніе Корша, за силою 112-й ст. Улож. ненаказуемо, то на основаніи 1 п. 771-й ст. Уст. угол. суд., онъ долженъ быть признанъ оправ-

даннымъ по суду. По этимъ соображеніямъ окружный судъ опредѣлилъ: 1) Подсудимаго статскаго совѣтника Евгенія Ѳедорова Корша, 63 лѣтъ, признавъ виновнымъ лишь въ приготовленіи къ преступленію, предусмотрѣнному 1,024 ст. Улож., никакому наказанію не подвергать, и на основ. 1 п. 771-й ст. Уст. угол. суд. считать оправданнымъ по суду; 2) признать главы книги: „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества", озаглавленныя: „Іисусъ и Библія", „Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ", „Религіозная поэзія и Византійство"—подлежащими отсылкѣ въ духовную цензуру.

На этотъ приговоръ поданы въ судебную палату прокуроромъ окружнаго суда апеляціонный протестъ и статскимъ совѣтникомъ Коршемъ апеляціонная жалоба. Въ протестѣ своемъ прокуроръ признаетъ неправильнымъ признаніе Корша виновнымъ только въ приготовленіи къ преступленію, такъ какъ дѣяніе, совершенное имъ, соотвѣтствуетъ вполнѣ преступленію, предусмотрѣнному 1,024 ст. Улож., подвергающей наказанію за напечатаніе безъ цензурнаго разрѣшенія произведенія, подлежащаго предварительной цензурѣ; слѣдовательно, напечатаніе указываетъ на моментъ, которымъ оканчивается совершеніе преступленія. Далѣе прокуроръ объясняетъ, что сравнивая всѣ статьи Уложенія, относящіяся до нарушенія устава цензурнаго, нельзя не замѣтить, что законъ рѣзко отличаетъ преступленія, касающіяся сочиненій неподлежащихъ предварительной цензурѣ и остальныхъ сочиненій; что смыслъ 1,024 ст. Улож. указываетъ на то, что преступное дѣяніе, ею предусматриваемое, не касается содержанія сочиненія, а заключается въ нарушеніи той формальности, соблюсти которую законъ требуетъ ранѣе самаго факта напечатанія; и что 1,024 ст. употребляя выраженіе: „за напечатаніе" понимаетъ подъ нимъ оттиснутіе сочиненія въ типографіи, но никакъ не выпускъ въ свѣтъ. Подкрѣпляя затѣмъ свое объясненіе рѣшеніями угол. кас. деп. Прав. Сената по дѣламъ Павленкова и Гайдебурова, прокуроръ проситъ палату отмѣнить приговоръ суда по отношенію къ личной отвѣтственности статскаго совѣтника Корша и о примѣненіи къ нему наказанія, согласно 1,024 ст. Улож.

Въ апеляціонномъ отзывѣ своемъ статскій совѣтникъ Коршъ находитъ приговоръ суда объ отсылкѣ въ духовную цензуру четырехъ главъ III тома сочиненія Каррьера неправильнымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Основывая рѣшеніе на 38 ст. Уст. цен. окружный судъ призналъ, между прочимъ, что предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры подлежатъ сочиненія свѣтскія, въ которыхъ имѣются мѣста совершенно духовнаго содержанія. Этотъ выводъ противорѣчитъ буквальному смыслу 38 ст., которая относится не ко всѣмъ вообще свѣтскимъ сочиненіямъ, а къ сочиненіямъ нравственнымъ, и притомъ она установляетъ отсылку въ духовную цензуру не сочиненій, заключающихъ въ себѣ мѣста совершенно духовнаго содержанія, а только этихъ мѣстъ, отдѣльно отъ прочаго. Подъ именемъ сочиненій нравственныхъ, о которыхъ говорится въ 38 ст. Уст. ценз., нельзя понимать всѣ безразлично сочиненія духовнаго содержанія. Къ числу нравственныхъ сочиненій въ смыслѣ 38 ст., т. е. нравственныхъ не по направленію, а по роду, могутъ быть отнесены только тѣ, которыя имѣютъ поучительный, ди-

дактическій характеръ; задача такихъ сочиненій имѣетъ много общаго съ задачей сочиненій духовныхъ, и отсюда постановленіе закона объ отсылкѣ въ духовную цензуру тѣхъ мѣстъ изъ нравственныхъ сочиненій, содержаніе которыхъ признано совершенно духовнымъ. Всѣ остальныя сочиненія изъяты изъ дѣйствія 38 ст. и слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать, ни вполнѣ, ни отчасти, разсмотрѣнію духовной цензуры, и если содержаніе ихъ представляется несогласнымъ съ законами, ограждающими ученіе православной церкви, то противъ нихъ, конечно, можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе, но не по ст. 1024 Улож., а по другимъ статьямъ отд. II 5-й главы VIII раздѣла Уложенія. Сочиненіе Каррьера, по мнѣнію его, Корша, какъ вообще, такъ и въ особенности въ тѣхъ главахъ, которыя составляютъ предметъ настоящаго дѣла, не можетъ считаться сочиненіемъ нравственнымъ въ вышеприведенномъ смыслѣ этого слова; оно имѣетъ характеръ отчасти философскій, отчасти историческій, и притомъ строго-научный. Написанное протестантомъ, оно исполнено глубочайшаго уваженія къ христіанству; оно предназначено, какъ видно и по объему и по способу изложенія его, не для массы публики, а лишь для меньшинства образованныхъ людей, и потому съ цензурной точки зрѣнія не можетъ подлежать особенно строгой оцѣнкѣ. На основ. 8 ст. Уст. ценз., объясняетъ далѣе Коршъ, цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйныхъ мудрствованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію; она должна притомъ различать творенія дидактическія и ученыя, назначенныя для употребленія однихъ ученыхъ, съ книгами, издаваемыми для общенароднаго употребленія, и это примѣненіе ст. ценз. Устава къ настоящему случаю показываетъ съ полною ясностью, что въ сочиненіи, подобномъ книгѣ Каррьера, можно свободно касаться даже такихъ предметовъ, которые въ сочиненіи другаго рода могли бы быть признаны подлежащими вѣдѣнію духовной цензуры. Какъ бы широкъ ни былъ кругъ дѣйствій 38-й статьи цензурнаго устава, продолжаетъ Коршъ, во всякомъ случаѣ она требуетъ отсылки въ духовную цензуру только мѣстъ совершенно духовнаго содержанія, отдѣльно отъ прочаго. На обязанности суда, замѣнившаго въ этомъ отношеніи свѣтскую цензуру, лежитъ, слѣдовательно, точное опредѣленіе мѣстъ совершенно духовнаго содержанія — опредѣленіе, сдѣланное не въ общихъ выраженіяхъ, а съ прямымъ указаніемъ на отдѣльныя мѣста книги и съ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ за ними признаётся совершенно духовный характеръ, причемъ судъ долженъ имѣть въ виду, что характеръ того или другаго мѣста обусловливается не однимъ только предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, но и направленіемъ сочиненія, тономъ, точкой зрѣнія автора. Ссылаясь на рѣшеніе Правительствующаго Сената по дѣлу Щапова, Коршъ объясняетъ, что рѣшеніемъ этимъ признано, что дѣйствіе статьи 38-й Устава цензурнаго не должно распространяться на такія книги свѣтскаго содержанія, въ которыхъ встрѣчается фактическое изложеніе прошедшихъ или современныхъ въ области религіи или церкви событій, когда оно не сопровождается какими-либо со стороны писателя разсужденіями или личною съ его точки оцѣнкою; что мѣстами совершенно духовнаго содержанія могутъ считаться лишь тѣ, которыя имѣютъ такъ-называемую дидактическую фор-

му, которыя написаны авторомъ съ прямою цѣлью доказать правильность своего воззрѣнія и убѣдить въ томъ читателей. Повседневная практика, говорится затѣмъ въ отзывѣ, представляетъ множество примѣровъ—въ области поэзіи, исторіи, философіи—безпрепятственнаго выхода въ свѣтъ сочиненій, упоминающихъ о Богѣ, религіи, церкви, именно потому, что обо всемъ этомъ можно говорить не съ исключительно духовной точки зрѣнія, не съ цѣлью поученія, не въ дидактической формѣ. Отсюда явствуетъ, что окружный судъ не имѣлъ правильнаго основанія признавать мѣстами совершенно духовнаго содержанія четыре главы книги Каррьера въ цѣломъ ихъ составѣ, руководствуясь исключительно оглавленіемъ книги. По оглавленію можно видѣть, о чемъ говорится въ книгѣ, но отнюдь нельзя узнать, что и какъ въ ней говорится, а отъ этого, и только отъ этого зависитъ опредѣленіе характера книги или отдѣльныхъ мѣстъ ея. Окружный судъ признаетъ, что въ указанныхъ имъ четырехъ главахъ книги Каррьера содержатся разсужденія, относящіяся частью къ догматамъ вѣры, частью къ священной исторіи, но не объясняетъ, составляютъ-ли эти разсужденія все содержаніе четырехъ главъ, отсылаемыхъ въ духовную цензуру. Между тѣмъ, если рядомъ съ подобными разсужденіями есть хотя одно мѣсто другаго свойства, то оно несомнѣнно должно быть выдѣлено изъ среды прочихъ и признано неподлежащимъ разсмотрѣнію духовной цензуры. Все это приводитъ къ убѣжденію, что безусловный и ничѣмъ не мотивированный приговоръ надъ четырьмя главами книги Каррьера, касающихся весьма различныхъ предметовъ съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія, не можетъ быть признанъ правильнымъ способомъ разрѣшенія вопроса, и что необходимо разсмотрѣть во всей подробности содержаніе означенныхъ главъ, для того, чтобъ выдѣлить изъ него мѣста совершенно духовнаго содержанія, если таковыя окажутся, съ точнымъ указаніемъ не только страницъ, на которыхъ онѣ находятся, но и начала и конца каждаго изъ нихъ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія указанныя окружнымъ судомъ четыре главы сочиненія Каррьера, Коршъ раздѣляетъ ихъ на слѣдующія категоріи съ указаніемъ страницъ книги: 1) мѣста чисто повѣствовательнаго характера, которыя безспорно не подлежатъ отсылкѣ въ духовную цензуру, по смыслу рѣшенія Сената по дѣлу Щапова, и по поводу которыхъ духовною цензурою сдѣлано одно только спеціальное указаніе — именно, на слова Каррьера о Тайной Вечерѣ; но слова эти нечто иное, какъ выраженіе взгляда протестантизма на Тайную Вечерю, и потому не подлежатъ вѣдѣнію духовной цензуры; 2) мѣста совершенно свѣтскаго содержанія, т. е. не относящіяся ни къ ученію, ни къ исторіи церкви, какъ, напримѣръ, части 2-й главы о еврейской кабалѣ, гнозѣ, манихеизмѣ и монтанизмѣ, а также и большая часть главы о религіозной поэзіи, и почти вся глава о византійствѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ на 96-й и 97-й страницахъ, и хотя въ концѣ послѣдней главы духовная цензура усматриваетъ кощунственную сатиру на злоупотребленія мощами святыхъ, но сатира эта исходитъ не отъ самого Каррьера, а приводится, какъ историческій фактъ, принадлежитъ Христофору и направлена не противъ поклоненія мощамъ, а противъ безстыднаго торга, производимаго подъ предлогомъ поклоненія имъ; 3) мѣста чисто-историческаго характера, которыя хотя и касаются христіанства, но при этомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что христіанство

можетъ быть разсматриваемо не только съ точки религіозной, но и съ исторической точки зрѣнія, какъ фактъ, состоящій въ связи со всѣмъ предъидущимъ и послѣдующимъ, играющій громадную роль въ жизни и развитіи человѣчества. Такъ именно и смотритъ на него Карьеръ, говоря объ отношеніи его къ религіозному движенію среди еврейскаго народа, къ греческой философской мысли, къ восточному и эллинскому міросозерцаніямъ. Съ этой точки зрѣнія Карьеръ могъ назвать Христа геніемъ, нисколько не предрѣшая вопроса о божественности его. Посылать подобныя историчеекія изслѣдованія на разсмотрѣніе духовной цензуры, не признающей и не могущей признавать другаго взгляда на христіанство, кромѣ догматическаго, значило бы сдѣлать невозможной полную всемірную исторію, немыслимую безъ включенія въ нее христіанства, какъ составной части. 4) Мѣста чисто-философскаго характера. Въ одномъ изъ этихъ мѣстъ на страницѣ 4-й, духовная цензура видитъ выраженіе пантеистическаго образа мыслей; но это предположеніе вполнѣ опровергается слѣдующими словами Карьера на стр. 53: „Здѣсь передъ нами убѣжденіе нашего времени, преодолѣвающее атеизмъ и пантеизмъ въ познаніи такого Бога, который подлинно единъ и вмѣстѣ вседединъ, какъ начало и самосознательная личность; все—въ раскрытіи своей творческой сущности“. Но еслибъ и можно было видѣть въ словахъ Карьера пантеизмъ, то изложеніе пантеистическихъ ученій, облеченныхъ въ философскую форму, всегда допускалось у насъ безпрепятственно, иначе пришлось бы обходить въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ цѣлыя философскія системы громадной исторической важности, напримѣръ, философію Спинозы; изложеніе ученія Августина относится къ этой же категоріи, потому что Августинъ, котораго православная церковь признаетъ не святымъ, а блаженнымъ, былъ самый замѣчательный философъ своего времени, и въ этомъ качествѣ подлежитъ историко-философской критикѣ наравнѣ съ другими представителями науки и искусства. Критика Карьера имѣетъ именно этотъ историко-философскій характеръ и потому не подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры. 5) Мѣста, имѣющія характеръ чисто эстетической критики, и потому чуждыя всякаго духовнаго оттѣнка, 6) Мѣста, касающіяся исторіи церкви. Мѣста эти не могутъ быть отнесены къ церковной исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. къ изложенію судебъ церкви, какъ общества вѣрующихъ и хранительницы вѣроученія; они касаются церкви лишь въ связи съ общей исторіей, въ составъ которой исторія церкви, въ этомъ смыслѣ понимаемая, входитъ, какъ нераздѣльная часть, существенно необходимая для полноты цѣлаго. Всѣ указанныя духовной цензурой отзывы Карьера о мученикахъ, о епископахъ, о святыхъ, о мощахъ, о вселенскихъ соборахъ и монашествующихъ, объ иконахъ, вполнѣ объясняются тѣмъ, что Карьеръ протестантъ. 7) Мѣста, касающіяся историческаго происхожденія Евангелій. По этому поводу достаточно замѣтить, что вопросъ о порядкѣ составленія Евангелій и о взаимномъ ихъ отношеніи, разсматриваемый съ чисто-исторической точки зрѣнія, есть вопросъ доступный для обсужденія. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ статья: „Евангелія“ въ энциклопедическомъ словарѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1863 году: она содержитъ въ себѣ изъясненіе взглядовъ всѣхъ извѣстныхъ французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ на тотъ же вопросъ, который ко-

ротко затронутъ Карьеромъ. 8) Мѣста, относящіяся къ понятію о чудѣ и миѳѣ. Эти мѣста представляются съ перваго взгляда наиболѣе подходящими подъ дѣйствіе ст. 38; но если принять въ соображеніе, что онѣ заключаютъ въ себѣ лишь выраженіе мнѣній одной части нѣмецкихъ протестантовъ—мнѣній, допускаемыхъ въ средѣ протестантской церкви и выражаемыхъ съ протестантской богословской каѳедры, то и онѣ, какъ всякое ученіе чуждаго намъ вѣроисповѣданія, не подлежатъ вѣдѣнію духовной цензуры. По всѣмъ этимъ основаніямъ статскій совѣтникъ Коршъ просилъ судебную палату отмѣнить приговоръ окружнаго суда, относительно признанія его виновнымъ въ приготовленіи къ преступленію, предъусмотрѣнному 1024 ст. Улож. и относительно отсылки въ духовную цензуру четырехъ главъ книги Карьера; а если палата усмотритъ въ этихъ главахъ какія-либо мѣста совершенно духовнаго содержанія, то отослать въ духовную цензуру, отдѣльно отъ прочаго, только эти мѣста, съ точнымъ указаніемъ начала и конца каждаго изъ нихъ и измѣнить сообразно съ этимъ приговоръ окружнаго суда.

Выслушавъ заключеніе товарища прокурора палаты и объясненіе защитника подсудимаго, присяжнаго повѣреннаго Арсеньева, и сообразивъ апеляціонный отзывъ Корша и апеляціонный протестъ прокурора окружнаго суда съ обстоятельствами дѣла и законами, палата нашла, что московскій цензурный комитетъ, по разсмотрѣніи переведенной статскимъ совѣтникомъ Коршемъ 3-го тома книги Морица Карьера „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества“, на основаніи 38 ст. цензурнаго Устава, призналъ, что первыя три главы всецѣло не могли быть отпечатаны безъ предварительнаго разсмотрѣнія духовною цензурою, и что той же цензурѣ подлежали нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и въ слѣдующихъ затѣмъ четырехъ главахъ. Духовная цензура, къ которой препровождена была переведенная Коршемъ книга, полагаетъ, что двѣ первыя главы книги: а) „Іисусъ и Библія“, и б) „Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ“, какъ совершенно пропитанныя мыслями анти-христіанскими ново-тюбингенской школы, не могутъ быть одобрены всѣ сполна къ выпуску въ свѣтъ, а остальныя изъ разсмотрѣнныхъ статей: глава 3-я „Религіозная поэзія“ и 7-я —„Византійство“—не иначе могли быть выпущены въ свѣтъ, какъ по тщательномъ пересмотрѣ ихъ и исключеніи изъ нихъ указанныхъ цензурою мѣстъ. Когда же дѣло поступило въ окружный судъ по обвиненію Корша въ преступленіи, предъусмотрѣнномъ 1,024 ст. Улож., то судъ призналъ подлежащимъ отсылкѣ въ духовную цензуру четыре главы книги въ полномъ составѣ, а именно: 1-ю — „Іисусъ и Библія“, 2-ю— „Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ“, 3-ю — Религіозная поэзія“ и 7-ю — „Византійство“, такъ какъ въ главахъ этихъ содержатся разсужденія, относящіяся частью къ догматамъ вѣры, частью къ священной исторіи, что ясно видно даже изъ краткаго указанія на содержаніе тѣхъ главъ, изложеннаго въ самомъ оглавленіи книги. Въ апеляціонномъ отзывѣ своемъ ст. сов. Коршъ проситъ палату отмѣнить приговоръ суда объ отсылкѣ четырехъ главъ книги Карьера въ духовную цензуру, и если палата усмотритъ въ этихъ главахъ какія-либо мѣста совершенно духовнаго содержанія, то отослать въ духовную цензуру отдѣльно отъ прочихъ только эти мѣста, съ точнымъ указаніемъ на-

чала и конца каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ палатѣ предстоитъ разрѣшить вопросъ: принадлежатъ-ли четыре означенныя главы книги Каррьера, если разсматривать ихъ отдѣльно отъ всей книги, къ роду сочиненій собственно духовнаго содержанія, или онѣ, не принадлежа къ подобнаго рода сочиненіямъ, заключаютъ въ себѣ только мѣста духовнаго содержанія, и сообразно тому опредѣлить, въ полномъ-ли своемъ составѣ онѣ должны быть отосланы на предварительное до выхода въ свѣтъ разсмотрѣніе духовной цензуры, или должны быть отосланы въ цензуру только тѣ мѣста, которыя окажутся мѣстами совершенно духовнаго содержанія? Четыре главы III т. книги Каррьера, признанныя окружнымъ судомъ подлежащими предварительному разсмотрѣнію духовной цензуны, касаются различныхъ предметовъ. Первыя двѣ главы: „Іисусъ и Библія" и „Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ", какъ показываетъ самое заглавіе, относятся къ области библейскихъ и церковно-историческихъ событій. Чтобъ опредѣлить, подлежатъ-ли эти двѣ главы, если разсматривать ихъ отдѣльно отъ цѣлой книги, разсмотрѣнію духовной цензуры въ полномъ ихъ составѣ, необходимо разъяснить, всѣ-ли сочиненія, въ которыхъ говорится о такихъ предметахъ, могутъ быть печатаемы и выпускаемы въ свѣтъ только съ разрѣшенія духовной цензуры? По 37-й ст. цензурнаго устава, духовной цензурѣ подчиняются безусловно всѣ сочиненія собственно духовнаго содержанія, т. е. заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры, толкованіе священнаго писанія, проповѣди и т. п. На томъ же основаніи духовной цензурѣ подлежатъ мѣста совершенно духовнаго содержанія во всѣхъ нравственныхъ и вообще свѣтскихъ книгахъ (38-я ст. уст. ценз.). Такими мѣстами, какъ разъяснилъ Правительствующій Сенатъ по дѣлу Щапова, на которое ссылается Коршъ въ своемъ отзывѣ и защитникъ его въ своей рѣчи, могутъ считаться лишь тѣ, въ которыхъ самъ авторъ книги, съ своей точки зрѣнія, излагаетъ догматы вѣры или толкуетъ священное писаніе, т. е. изложеніе свое представляетъ въ такъ-называемой дидактической формѣ, съ прямою цѣлью доказать правильность своего взгляда и убѣдить въ томъ своихъ читателей. Изъ этого слѣдуетъ, что сочиненія, которыя хотя и имѣютъ своимъ предметомъ св. писаніе, но не имѣютъ своею задачею толкованіе онаго, могутъ быть печатаемы и выпускаемы въ свѣтъ и безъ разрѣшенія духовной цензуры. И если въ такого рода сочиненіяхъ находятся мѣста совершенно духовнаго содержанія, то цензурѣ подлежитъ не все сочиненіе, имѣющее своимъ предметомъ св. писаніе, а только мѣста совершенно духовнаго содержанія, отдѣльно взятыя. Что судъ обязанъ указать такія мѣста, не передавая всей книги въ духовную цензуру, это разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ по дѣлу Гайдебурова (рѣш. 1867 г., № 491). Разсматривая съ этой точки зрѣнія, какъ названныя двѣ главы, такъ и двѣ остальныя: „Религіозная поэзія" и „Византійство", необходимо принять во вниманіе, что онѣ составляютъ весьма малую часть сочиненія Каррьера, что сочиненіе это, хотя и назначено для публики, но по своей обширности, по своему содержанію и изложенію оно не принадлежитъ къ ряду сочиненій, издаваемыхъ для общенароднаго употребленія и общедоступныхъ по цѣнѣ (8-я ст. ценз. уст.); что сочиненіе это въ цѣломъ не имѣетъ ничего общаго съ сочиненіемъ собственно духовнаго содержанія, а потому и четыре главы, взятыя отдѣльно, не могутъ, безъ нарушенія единства мысли цѣлаго сочиненія,

быть отнесены къ статьямъ совершенно духовнаго содержанія, что задача ихъ не заключается въ распространеніи въ публикѣ ученія, несогласнаго съ ученіемъ христіанскимъ вообще и съ ученіемъ христіанской православной церкви въ особенности, такъ какъ авторъ — протестантъ и иностранецъ — не имѣлъ въ виду читателей православнаго исповѣданія, и притомъ сочиненіе это не полемическое. Первыя двѣ главы: „Іисусъ и Библія" и „Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ" близко касаются библейскихъ событій христіанства и событій церкви. Но это не есть еще основаніе признавать ихъ въ цѣломъ составѣ статьями совершенно духовнаго содержанія, потому что, какъ справедливо объяснено въ аппеляціонномъ отзывѣ, христіанство можетъ быть разсматриваемо не только съ религіозной, но и съ исторической точки зрѣнія. Въ первой главѣ говорится о вліяніи ученія и жизни Іисуса Христа на человѣчество древняго міра, и хотя въ началѣ главы проводится мысль, что во Христѣ осуществился нравственный идеалъ человѣчества, но Каррьеръ не касается приэтомъ ученія церкви о явленіи въ мірѣ Спасителя. Излагая сущность ученія Іисуса Христа (стр. 10, 12, и 13), Каррьеръ не выражаетъ никакого критическаго взгляда и только выясняетъ, на сколько чисто и высоко было это ученіе передъ началами нравственности въ мірѣ іудейства и язычества. Говоря затѣмъ о значеніи проповѣди апостола Павла (стр. 17, 18, и 19), авторъ также не вдается ни въ какую полемику съ воззрѣніями церкви на ученіе апостола. Во второй главѣ съ общеисторической точки зрѣнія разсматривается распространеніе христіанства въ древнемъ Римѣ, потомъ въ Византіи, образованіе христіанской церкви и отношеніе христіанства къ восточному и эллинскому миросозерцаніямъ (стр. 35, 36, 40, 41, 42, и 43). Далѣе упоминается, совершенно безъ всякаго сравненія съ ученіемъ церкви, объ ученіи гностиковъ, манихеевъ и монтанистовъ (стр. 49 и 50), и, наконецъ, передается ученіе нѣкоторыхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанской церкви, въ формѣ болѣе объективной, безъ разсужденій о достоинствѣ этихъ ученій. Христіанство имѣло такое всестороннее вліяніе, что исторія человѣчества, какихъ бы она не касалось сферъ жизни, не можетъ обойти это вліяніе и не упомянуть объ немъ. Однако историческія сочиненія, кромѣ спеціальныхъ сочиненій объ исторіи церкви, издаются безъ разрѣшенія духовной цензуры, не исключая даже историческихъ учебниковъ, въ которыхъ также упоминается о христіанствѣ. Излагая исторію человѣческой культуры, Каррьеръ неизбѣжно коснулся христіанства, которое имѣло такое великое вліяніе на культуру, и на указанныхъ страницахъ христіанство разсматривается именно съ общеисторической точки зрѣнія; только мѣстами Каррьеръ сопровождаетъ изложеніе библейскихъ событій собственными разсужденіями и личною ихъ оцѣнкою. Такія мѣста, въ которыхъ авторъ касается изложенія догмата о Іисусѣ Христѣ, какъ сынѣ Божіемъ, о сотворенныхъ имъ чудесахъ, о его смерти и воскресеніи, находятся въ первой главѣ на слѣдующихъ страницахъ: на 1-й стр. отъ словъ: „Время подготовлено къ нему" включительно до словъ „дѣлахъ, попущеніяхъ и страданіяхъ"; на 3-й стр. отъ словъ: „Начиная съ индѣйскихъ боговоплощеній" до словъ „Богъ явно въ немъ вочеловѣчился", отъ словъ на 4-й стр. „Іисусъ возросъ въ Галилеѣ" до словъ на 7-й стр. „Богъ возлюбилъ въ немъ цѣлый міръ"; отъ словъ на 9-й стр. „само собою понятно, что божественная кротость" до

словъ на 10-й стр. „распятый потомъ среди разбойниковъ въ Іерусалимѣ есть истинный Спаситель"; отъ словъ на 11-й стр. „сознаніе непосредственной связи съ Богомъ" до словъ на 12-й стр. „отдаетъ кровь свою въ примирительную за нихъ жертву"; на 13-й стр. отъ словъ: „спокойно, мужественно, богопредапно" до словъ „и тутъ онъ предалъ духъ свой въ руки отца"; отъ словъ на 14-й стр. „разсказы о явленіяхъ воскресшаго Спасителя" до словъ на 16-й стр. „которое потребовало потомъ обстоятельно уясняющей проповѣди". Кромѣ того, начиная со словъ: „среди такого положенія вещей", на 20-й стр., до конца первой главы на 34-й стр. объясняются Апокалипсисъ и Евангелія; мѣста эти должны быть признаны мѣстами совершенно духовнаго содержанія. Во второй главѣ мѣстами совершенно духовнаго содержанія должны быть признаны тѣ мѣста, въ которыхъ Карьеръ выражаетъ ими свои личныя воззрѣнія и воззрѣнія приводимыхъ имъ авторовъ на догматъ св. Троицы, на происхожденіе и значеніе догматовъ вообще, на постановленія церкви и ученіе отцовъ церкви, а именно: на стр. 37-й отъ словъ „современникъ той эпохи Амміанъ Марцелинъ" до словъ „другъ друга смертельною ненавистью"; отъ словъ на той же 37-й стр. „епископы въ столичныхъ городахъ имперіи" до словъ на 39-й стр. „молись и трудись"; на стр. 39-й отъ словъ „чѣмъ болѣе язычниковъ вступало въ христіанство" до словъ на 40-й стр. „едва-ли кому удастся ее исправить"; отъ словъ на 48-й стр. „системы эманаціи или истеченія" до словъ на 49-й стр. „одна и таже самость наша"; отъ словъ на той же 49-й стр. „мысль его подобна молніи" до словъ на 50-й стр. „credo quia absurdum est, вѣрю, потому что нелѣпо"; на стр. 51-й отъ словъ „подобныя ученія отцовъ церкви показываютъ ясно" до словъ „ими же онъ и поддержится"; отъ словъ на 53-й стр. „мы можемъ легко сойтись съ Августиномъ" до словъ на стр. 54-й „всѣ они вмѣстѣ одно существо"; отъ словъ на 55-й стр. „при такомъ обиліи истинно-философскихъ мыслей" до словъ на 56-й стр. „и Богъ ублажитъ всякаго, кто за нее хватится". Въ третьей главѣ: „Религіозная поэзія" разсматриваются религіозно-поэтическія произведенія первыхъ вѣковъ христіанской эры, принадлежащія частію отцамъ церкви, частію другимъ писателямъ, которыхъ церковь наша не признаетъ святыми. Хотя въ произведеніяхъ этихъ и воспѣвается Іисусъ Христосъ, но какъ въ самыхъ этихъ произведеніяхъ, такъ и въ замѣчаніяхъ автора, сдѣланныхъ по поводу этихъ произведеній, не находится ничего, что бы могло подлежать разсмотрѣнію духовной цензуры, потому что въ нихъ не говорится о догматахъ, не дѣлается никакихъ разъясненій и нѣтъ ничего, что бы имѣло дидактическій или поучительный оттѣнокъ. Въ одномъ только мѣстѣ этой главы заключаются разсужденія автора о библейскихъ повѣствованіяхъ въ связи съ апокрифическими сказаніями, а именно: отъ словъ на 57 стр. „уже и въ Библіи религіозная поэзія встрѣчалась" до словъ на 61 стр. „и полемическія рѣчи противъ ложной гнозы въ защиту христіанской истины", и только это мѣсто должно быть признано подлежащимъ разсмотрѣнію духовной цензуры, какъ подходящее подъ опредѣленіе мѣстъ совершенно духовнаго содержанія. Въ седьмой главѣ „Византійство"; во-первыхъ—говорится о томъ, какъ христіанство признано было государственной религіей въ Византіи, во-вторыхъ—о возвышеніи императорской власти и византійской имперіи, и въ-третьихъ, о грековосточной архи-

тектурѣ, церковной живописи и произведеніяхъ поэзіи, относящихся или къ Софійскому храму или къ императорамъ и къ нравственному состоянію Византіи. По такому содержанію седьмой главы, разсматривающей состояніе Византіи съ общеисторической точки зрѣнія, она не можетъ быть передана на просмотръ духовной цензуры въ полномъ своемъ составѣ, за исключеніемъ не многихъ мѣстъ, въ которыхъ находятся разсужденія о признанномъ церковью событіи открытія креста, на которомъ былъ распятъ Іисусъ Христосъ, о достоинствѣ постановленій церкви, о вліяніи догматовъ на искусство, а также объ иконахъ и мощахъ. Разсужденія эти находятся на слѣдующихъ страницахъ: отъ словъ на 87-й стр. „Изъ Рима привезли цѣлую порфировую колонну" до словъ на 88 стр. „идолопоклонствовать передъ ними заживо"; на стр. 90 отъ словъ: церковный догматъ и придворный этикетъ" до словъ: „возвышенности, достоинства"; на страницѣ 92 отъ словъ: „а обратившаяся къ набожности" до словъ: „догматическія разногласія", отъ словъ на 96 страницѣ „сердце не выносило" до словъ на 98-й страницѣ „изъ глубины темнаго грунта смотрѣли на зрителя, какъ мертвецы", отъ словъ на 101 стр. „мы пропускаемъ дидактическія стихотворенія" до конца главы на страницѣ 102. Указанныя мѣста этой послѣдней главы, какъ и означенныя выше сего мѣста первыхъ трехъ главъ, должны быть признаны по содержанію своему совершенно духовными, и по силѣ 37 и 38 ст. уст. ценз. подлежащими до выпуска книги въ свѣтъ разсмотрѣнію духовной цензуры, отдѣльно отъ другихъ мѣстъ, духовной цензурѣ не подлежащихъ. Что же касается просьбы статскаго совѣтника Корша о признаніи четырехъ главъ книги вовсе не подлежащими отсылкѣ въ духовную цензуру, то просьба эта, на основаніи изложенныхъ соображеній, не можетъ подлежать удовлетворенію.

Обращаясь затѣмъ къ аппеляціонному протесту прокурора окружнаго суда, палата находитъ, что прокуроръ, опровергая правильность приговора суда о признаніи Корша виновнымъ лишь въ приготовленіи къ преступленію, и признавая его виновнымъ въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго 1024 ст. Улож., основываетъ свой протестъ на буквальномъ примѣненіи къ дѣлу этой статьи, опредѣляющей наказаніе за напечатаніе безъ цензурнаго разрѣшенія произведенія, подлежащаго предварительной цензурѣ, хотя бы содержаніе напечатаннаго и не заключало въ себѣ ничего законопротивнаго. Объясняя значеніе статьи, прокуроръ полагаетъ, что употребленное въ ней слово „напечатаніе" равнозначительно слову „оттиснутіе", и потому напечатаніе указываетъ на моментъ, которымъ оканчивается совершеніе преступленія. Такимъ образомъ для сужденія о правильности приговора суда, признавшаго Корша виновнымъ лишь въ приготовленіи къ преступленію и протеста прокурора, слѣдуетъ разрѣшить: какъ понимать употребленное въ 1024 ст. слово „напечатаніе" —въ буквальномъ смыслѣ или въ болѣе обширномъ, т. е. въ смыслѣ напечатанія сочиненія и выпуска въ свѣтъ? Вопросъ этотъ подробно разрѣшенъ рѣшеніемъ Правительствующаго Сената по дѣлу Павленкова (кассац. рѣш. Прав. Сен.). Въ этомъ рѣшеніи между прочимъ сказано: 1) что при толкованіи слова напечатать, необходимо принять во вниманіе, что въ 1021 ст. улож., объемлющей почти всѣ преступленія печати, или покрайней-мѣрѣ всѣ болѣе важныя изъ нихъ, наказанія полагаются за выпускъ въ обращеніе непропущенныхъ цензурою книгъ преступнаго содержанія. Это

преступленіе, какъ вполнѣ совершенное и притомъ вопреки запрещенію цензуры, несравненно важнѣе, чѣмъ одно напечатаніе такихъ сочиненій, когда они не подлежали цензурѣ и не были еще выпущены въ обращеніе, а по сему, объясняетъ Правительствующій Сенатъ, нѣтъ никакого основанія полагать, чтобъ законодатель сравнялъ въ мѣрѣ отвѣтственности приготовленіе къ преступленію менѣе важному съ совершеніемъ преступленія болѣе важнаго; 2) наше уголовное уложеніе подвергаетъ наказанію за одно приготовленіе къ преступленію только въ случаяхъ самыхъ опасныхъ и важныхъ злоумышленій, и придерживается того же взгляда и въ преступленіяхъ печати, какъ это видно, между прочимъ, изъ того, что даже наказаніе за богохуленіе въ печатныхъ сочиненіяхъ обусловливается распространеніемъ этихъ сочиненій (ст. 181 улож.); 3) по ст. 1042 Улож., опредѣляющей постепенность отвѣтственности сочинителя, издателя, типографщика и книгопродавца, сочинитель призывается къ суду во всѣхъ случаяхъ, когда онъ не докажетъ, что публикація его сочиненія произведена безъ его вѣдома и согласія, а изъ этого ясно видно, что употребленныя въ предъидущихъ статьяхъ слова „напечатать", „въ печати" должны быть принимаемы не въ тѣсномъ, а въ пространномъ смыслѣ — публикація напечатаннаго сочиненія. Хотя это рѣшеніе Сената состоялось по дѣлу о сочиненіи, не подлежавшемъ предварительной цензурѣ, но заключающееся въ немъ разъясненіе статей уложенія о преступленіямъ печати можетъ быть примѣнимо и къ настоящему случаю, что вполнѣ подтверждается приговоромъ Сената по дѣлу Щапова; по приговору этому нѣкоторыя мѣста изданныхъ Щаповымъ писемъ объ Англіи, Луи-Блана, признаны мѣстами совершенно духовнаго содержанія и подлежащими разсмотрѣнію духовной цензуры, но Щаповъ никакому наказанію не подвергнутъ, на основаніи указа по дѣлу Павленкова, какъ сказано въ приговорѣ. Поэтому окружный судъ совершенно правильно призналъ статскаго совѣтника Корша виновнымъ въ приготовленіи къ преступленію, предусмотрѣнному 1024 ст. улож., и неподлежащимъ никакому наказанію, такъ какъ переведенная и напечатанная имъ книга Карьера задержана цензурнымъ комитетомъ до выпуска ея въ свѣтъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ судебная палата находя, что въ четырехъ главахъ переведеннаго и напечатаннаго статскимъ совѣтникомъ Коршемъ, III тома книги Морица Карьера: „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества", въ первой: „Іисусъ и Библія", второй: „Борьба и побѣда христіанства въ древнемъ мірѣ", третьей: „Религіозная поэзія" и седьмой: „Византійство", заключаются мѣста совершенно духовнаго содержанія, а именно: на 1 стр. включительно отъ словъ: „время подготовлено къ нему", до словъ: „дѣлахъ, попущеніяхъ и страданіяхъ"; на 3-й стр. отъ словъ: „начиная съ индѣйскихъ Боговоплощеній" до словъ „Богъ явно въ немъ вочеловѣчился"; отъ словъ на 4 стр. „Іисусъ возросъ въ Галилеѣ" до словъ на 7 стр. „Богъ возлюбилъ въ немъ цѣлый міръ": со словъ на 9 стр. „само собою понятно, что божественная кротость" до словъ на 10 стр. „распятый потомъ среди разбойниковъ въ Іерусалимѣ есть истинный Спаситель"; отъ словъ на 11 стр. „сознаніе непосредственной связи съ Богомъ" до словъ на 12 стр. „отдаетъ кровь свою въ примирительную за нихъ жертву"; отъ словъ на 13 стр. „спокойно, мужественно, богопреданно" до словъ: „и тутъ онъ

предалъ духъ свой въ руки Отца"; отъ словъ на 14 стр. „разсказы о явленіяхъ воскресшаго Спасителя" до словъ на 16 стр. „которое потомъ потребовало обстоятельно-уясняющей проповѣди"; отъ словъ на 20 стр. „среди такого положенія вещей" до конца первой главы на 34 стр.; отъ словъ на 35 стр. „число мучениковъ было слишкомъ преувеличено" до словъ „кровь была сѣменемъ новой религіи"; отъ словъ на 37 стр. „современникъ той эпохи Амміанъ Марцелинъ" до словъ „другъ друга смертельною ненавистью"; отъ словъ на той же 37 стр. „епископы въ столичныхъ городахъ Имперіи" до словъ на 39 стр. „молись и трудись"; отъ словъ на 39 стр. „чѣмъ болѣе язычниковъ вступало въ христіанство" до словъ на 40 стр. „едва-ли кому удастся ее исправить"; отъ словъ на 48 стр. „системы эманаціи или истеченія" до словъ на 49 стр. „одна и таже самость наша"; отъ словъ на 49 стр. „мысль его подобна молніи" до словъ на 50 стр. „credo quia absurdum est, вѣрю, потому что нелѣпо"; отъ словъ на 51 стр. „подобныя ученія отцовъ церкви показываютъ ясно", до словъ „ими же онъ и поддержится"; отъ словъ на 53 стр. „мы можемъ легко сойтись съ Августиномъ" до словъ на 54 стр. „всѣ они вмѣстѣ одно существо"; отъ словъ на 55 стр. „при такомъ обиліи истинно философскихъ мыслей" до словъ на 56 стр. „Богъ ублажитъ всякаго, кто за нее хватится"; отъ словъ на 57 стр. „уже и въ библіи религіозная поэзія встрѣчалась" до словъ на 61 стр. „и полемическія рѣчи противъ ложной гнозы въ защиту христіанской истины"; отъ словъ на 87 стр. „изъ Рима привезли цѣлую порфировую колонну" до словъ на 88 стр. „идолопоклонствовать предъ ними за-живо"; отъ словъ на 90 стр. „церковный догматъ и придворный этикетъ" до словъ „возвышенности, достоинства"; отъ словъ на 92 стр. „а обратившаяся къ набожности" до словъ „догматическія разногласія"; отъ словъ на 96 стр. „сердце не выносило" до словъ на 98 стр. „изъ глубины томнаго грунта смотрѣли на зрителя какъ мертвецы"; отъ словъ на 101 стр. „мы пропускаемъ дидактическія стихотворенія" до конца седьмой главы на страницѣ 102. Вслѣдствіе того судебная палата опредѣляетъ: 1) Передать указанныя мѣста книги, совершенно духовнаго содержанія, на просмотръ духовной цензуры. 2) Признавъ статскаго совѣтника Евгенія Корша, напечатавшаго третій томъ книги Карьера безъ разрѣшенія цензуры, виновнымъ въ приготовленіи къ преступленію, предъусмотрѣнному 1024 ст. Улож. о наказ., не подвергать его никакому наказанію, по силѣ 112 ст. Улож. и 2 п. 771 ст. Уст. угол. судоп. 3) Приговоръ московскаго окружнаго суда отмѣнить.